

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

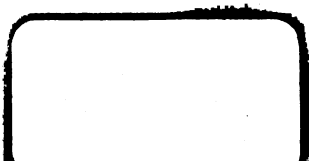
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3433 05929173 6

Allen

1850

*QCA

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ
ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, КРИТИКИ, НОВОСТЕЙ И ПОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. В. ДРУЖНИНА.

Ohne Hast, ohne Rast.
Goethe.

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

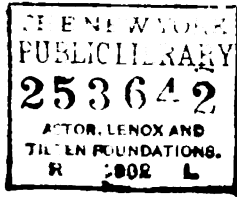
СЕНТЯБРЬ.

ТОМЪ СТО-СОРОКЪ-ПЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1857.

... ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
...
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ. С.—Петербургъ 2 сентября 1857 года.

Ценсоръ *А. Фрейманъ.*

...
...
...
...
...

Я. П. ПОЛОНСКОМУ.

Подонскій! суждено опять судьбою злою
 Намъ розно дни влачить;
Межъ тьмъ моя душа сроднилась ужъ съ тобою —
 Ей нужно такъ любить!
Да! въ міръ для нея нужна душа другая,
 Которой бы порой
Хоть знакъ подать, что мы, другъ друга понимая,
 Свершаемъ путь земной!
И часто я, когда иду лѣсной опушкой
 И, прячась за ель,
Стараюсь обмануть искусственною мушкой
 Пугливую форель,
И предо мной шумитъ ручей студеноводный,
 А ровъ, гдѣ льется онъ,
Ужъ твои поля, и паръ надъ нимъ бѣжитъ холодный,
 Межъ тьмъ какъ озаренъ
Вверху растущій лѣсъ послѣднимъ солнца свѣтомъ, —
 Отъ сердца полноты
Я бь перемолвиться желалъ тогда съ поэтомъ,
 И думаю — гдѣ ты?

Гдѣ ты?.. О, Боже мой! ты тамъ, гдѣ въ оны годы
 Безпечно я бродилъ...
Прости невольный вздохъ!.. полуденной природы
 И Римъ я не забылъ!..
Обломки красныя средь рощи кипарисной,
 Подъ небомъ голубымъ, —
Веднѣиємъ своимъ и грязью живописный,
 Онъ по душъ мнѣ, Римъ!

Какъ часто на коняхъ мы римскою долиной
 Неслись во весь опоръ;
 Коней остановивъ, снимали видъ руины
 И очеркъ дальныхъ горъ,
 И града вѣчнаго въ туманъ куполь гордый,
 А тамъ водопроводъ
 И черныхъ буйволовъ къ намъ поднятыя морды
 Въ осокъ, изъ болотъ,
 И эти городки, куда въ весельѣ дикомъ,
 Какъ будто ошалѣвъ,
 Врывались мы потомъ, преслѣдуемы крикомъ
 Старухъ, дѣтей и дѣвъ...
 Тамъ съ громомъ подскакавъ къ радушной австеріи,
 Суровыхъ поселянъ
 Напаввали мы, крича ура! Россіи,
 Ругая ватиканъ,
 И въковой союзъ монаховъ и германцевъ...
 А пламенный народъ
 На втрреннюю рѣчь безвѣстныхъ чужестранцевъ,
 Бывало слезы леть...
 Средь этихъ шалостей высокій трудъ и дума,
 Вазари и Тацитъ,

 И сладостный пѣвецъ Тибура и Пестума,
 И Дантъ, и Теокрытъ...
 А ночи лунныя въ руинахъ Колизея!...
 Мнѣ кажется теперь,
 Что игры звѣрскія я видѣлъ, и, нѣмвя,
 Внималъ, какъ злится звѣрь,
 Какъ шумно валитъ чернь, толкаясь, на ступени,
 При кликахъ торжества,
 А на аренѣ двѣ бѣлвющія тѣни
 Ждутъ, обнимаясь, льва...
 О, дни волшебные! о, годы золотые!
 О, какъ свѣтла тогда
 Казалась нашихъ дней надъ милою Россіей
 Всходившая звезда!
 Гдѣ жъ сверстники мои? Гдѣ Штернбергъ? гдѣ Ивановъ?
 Ставассеръ милый мой?
 Гдѣ наши замыслы? Гдѣ рядъ блестящихъ плановъ?

Гдѣ гонѣи ихъ живой?
 Гдѣ пышныя мечты о русскомъ пантеонѣ,
 Гдѣ бѣ *нашихъ* имена
 Сіяты должны въ вѣкахъ, какъ звезды въ небоскланѣ,
 Какъ вѣчная весна?...
 О, милые мои!... Слезой не провожая,
 Какъ чуждыхъ всѣмъ сиротъ,
 Ихъ Римъ похоронилъ, кого, увы! не зная
 Земля онъ предастъ!...
 А братъ мой, милый братъ... ахъ, многіе почли!
 И имя ихъ звучитъ
 Воспоминаніемъ какой-то чудной были
 И сердце мнѣ щемитъ...
 Всѣ сгибли, полные надеждами святыми,
 И въ блескъ силъ своихъ,
 И я, осиротѣвъ, я плачу и надъ ними,
 И надъ мечтами ихъ...
 Ахъ! жизнь моя уже печальми богата;
 Уже за мной въ пути
 Есть нѣсколько могилъ, есть горе и утрата...
 Прости мнѣ, другъ, прости...
 Я больше наводитъ тоски тебѣ не буду
 Непрошенной слезой,
 И въ воды быстрыя закидываю уду,
 На все махнувъ рукой.

А. МАЙКОВЪ.

БЛИЗКО И ДАЛЕКО.

(Съ санскритскаго, изъ Бхуртригари.) *

Если ты ко мнѣ близка
И очамъ моимъ открыта, —
Ты отрадна, ты сладка,
Влага жизни ты, армита!
А когда ты далека, —
Ты, какъ язва, ядовита,
Какъ отравы ты горька!

Н. ВЕРГЪ.

* Древне-индiйскiй поэтъ и братъ царя Викромадiтъи, который жилъ за 50 лѣтъ до Р. Х.

ЗАПИСКИ МЕЛКОТРАВЧАТАГО.

I.

Отъездъ.—Проказы лѣшаго.— Удачное *salto mortale*. — Картина ночлега охотниковъ.—Бацовъ и Петрунчикъ.—Мелкотравчатые *. — Котловина. — Гоньба.—Волкъ и Чаусъ.—Клинское.—Обѣдъ.—Савелій и Красотка.

«Съ волками жить—по волчьи выть», говоритъ пословица. Всѣ пословицы я уважаю за тотъ широкій смыслъ, который лежитъ въ ихъ основаніи, а значеніе послѣдней какъ нельзя лучше оправдалось на мнѣ самомъ.

Жилъ я долго въ такомъ благодатномъ мѣстѣ, куда, съ каждой весной, прилетало множество дичи, въ просторныхъ поляхъ водилось пропасть зайцевъ, а въ болотахъ и заводяхъ выплаживался выводками красный звѣрь. Всѣ сосѣди мои, за рѣдкимъ исключеніемъ, были страстные охотники: глядя на нихъ и я завелъ своры двѣ борзыхъ и, мало-по-малу, научился выть по волчьи, слѣдить заячью тропу по порошъ и съ первой сметки отличать въ жирахъ слѣдъ на логово, добыть лису по нарыску и проч., и проч. Однимъ словомъ, въ короткое время, я, какъ говорится въ комедіи, «дошелъ до степени извѣстныхъ», или же, какъ выражались старые сутяги, сталъ «въ родѣ своемъ не послѣдній».

Какъ все это сдѣлалось и какими судьбами я превратился изъ простаго смертнаго въ образъ мелкотравчататаго, разяснить того не умѣю. Разсуждая о томъ иногда самъ съ собой, я припоминаю тѣ впечатлѣнія, которыя сопровождали меня въ началѣ моего поприща, и, чтобъ не забыть ихъ совсѣмъ, записываю въ

* *Мелкотравчатыми*, на охотничьемъ языкѣ, называются тѣ охотники, которые держатъ не болѣе десятка собакъ и охотятся съ ними безъ гончихъ—на хлопки.

томъ видѣ, какъ представляетъ ихъ еще не измѣнившая мнѣ память.

Однажды, сидя въ просторной залѣ за обѣденнымъ столомъ у графа Атукаева, въ кругу двадцати человекъ общихъ сосѣдей—псовыхъ охотниковъ, я, какъ страстный ружейникъ, заспорилъ горячо о преимуществахъ ружейника передъ борзятникомъ. Двадцать голосовъ самой жаркой оппозиціи не въ силахъ были поколебать моихъ въ томъ убѣжденій. Споръ, доходившій подъ часъ до неистовыхъ возгласовъ и стукотни кулакомъ по столу, кончился далеко за полночь, уже во время ужина; кончили тѣмъ, что я далъ слово хозяину отправиться съ нимъ на всю осень въ отъѣзжее и присутствовать тамъ въ качествѣ наблюдателя.

Срокъ для съезда въ условленномъ мѣствѣ былъ не за горами, а потому, дождавшись назначеннаго дня и уложивъ свой дорожный скарбъ въ тележку, я тронулся въ путь.

До мѣста перваго ночлега нашего, подъ открытымъ небомъ, следовало проехать верстъ тридцать. Времени въ запасъ у меня было много, а потому, не рискуя опоздать, я завернулъ по пути къ одному изъ помѣщиковъ, на чашку чая, и вмѣсто того, чтобъ пробыть у него, какъ намѣревался, не больше часа, волею-неволею, я долженъ былъ *развиграть пулюку* и досидѣлъ до десяти часовъ вечера. Взглянувши на часы, я заторопился и, не внимая никакимъ убѣжденіямъ, рѣшился вѣхать. Мы распрощались.

Два человека, держа каждый по свѣчку въ рукѣ, открывали мнѣ путь по крутой и высокой лѣстницѣ; добравшись кое-какъ до послѣдней ступеньки, я невольно ахнулъ: отворенная настежь дверь нарисовала моему, вдругъ притупѣвшему, зрѣнію картину самаго темнаго, мокраго и холоднаго погребца; на вершокъ отъ носа, кромѣ мрака, нахнувшаго мнѣ въ лицо чѣмъ-то непривѣтливимъ, ничего не было видно; одну свѣчу задѣло тотчасъ; наконецъ, посредствомъ другой, выставленной на показъ вѣтру, въ вытаращенныхъ глазахъ моихъ мелькнуло на мгновение полъ-обода передняго колеса и половина хвоста лѣвой пристяжной; все остальное пожиралъ мракъ.

— Игнатка, ты тутъ? спросилъ я, двинувшись шагъ впередъ и махая руками по воздуху.

— Здѣсь! отвѣчалъ Игнатка, и по звуку этого длиннаго и сухаго «здѣсь», я тотчасъ смекнулъ, что лицо Игнатки было—живая копія съ темноты и погоды.

— Какъ же? Десять верстъ не близко. Какъ мы дождемъ?

— Авось... выгдимъ... аглядимси...

Я отыскалъ ощупью кузовъ тележки; большая капля дождя упала мнѣ на носъ; пристяжная встрепенулася и загремѣла бляхами; свѣчка погасла. Я сълъ.

Выѣхавъ со двора, нужно было повернуть тотчасъ направо и спускаться по излучистому пригорку, окаймленному съ одной стороны садовымъ тыномъ, а съ другой отвѣсною водомоинной, которая, расширяясь постепенно, спускалась вмѣстѣ съ этимъ узкимъ провздомъ къ плотинѣ, пересѣкавшей большой прудъ. Эта дорога и днемъ, какъ то извѣстно и намятно было всемъ и каждому, считалась не изъ лучшихъ. Дѣло въ началѣ пошло у насъ очень степенно, хотя по частому трясенію головы кореннаго битюка я нехотя уразумѣлъ, что онъ видимо терялъ охоту къ солидному отправленію своей должности. Наконецъ онъ заблагоразсудилъ пуститься рысцой: схватясь обѣими руками за грядки тележки, я не успѣлъ еще порядочно одуматься, какъ одна изъ пристяжныхъ вдругъ скрылась изъ глазъ; раздалось громогласное тпррру! пара остановилась; Игнатка, крехтя, охая и причитывая что-то, ползъ съ козель. По повѣркѣ оказалось, что она попала въ яму, изъ которой мужики роютъ глину. Употребя около получаса на устройство оборваннаго валька и упряжи, мы, наконецъ, благополучно очутились на другомъ концѣ плотины.

— Не вернуться ли, Игнатка? Судя по началу, намъ не скоро добратся до мѣста!

— Авось, теперь какъ нибудь.... штопъ имъ тутъ, окаянныя... дуй васъ горой!... середь взду глину роютъ.... и баринъ-то у нихъ, согрѣшилъ грѣшный.... Право-ну. Эхъ-ма.... дохватъ бы....

Все это причитываніе сопровождалось приличнымъ количествомъ эховъ, вздоховъ и побрякиваній, пока Игнатка усаживался и подбиралъ возжи; наконецъ послышалось одно изъ невыразимыхъ междуметій, и послѣдующее за тѣмъ: «Э-з-Бо-гомъ», и лошади побѣжали рысью.

Прить эта, однакоже, продолжалась не долго; но судорожному встряхиванью и нисколько не усладительной качкѣ экипажа, неминуемо слѣдовало прильпиться къ довольно основательной мысли, что мы прогуливаемся вовсе не по дорогѣ; послѣ

*

изряднаго толчка слѣдовало неизбежное тпруру! и немедленное отправленіе Игнатки для отысканія болѣе эластическаго пути.

Оставшись одинъ, я отъ бездѣля началъ приспособлять свое тупое зрѣніе къ сказанному Игнаткой «аглядимси». Успѣхъ былъ такъ великъ, что я увидѣлъ дугу; лошади стушывались съ грунтомъ. Минуть двадцать прошло въ частыхъ переключкахъ; изъ причитываній, какими онъ сопровождался, я вывелъ заключеніе, что мы «безъ сумленія» обойдены лѣвѣмъ.

На горизонтъ мгновенно блеснула и погасла искорка огня, и заронила въ мою голову частицу свѣтлаго соображенія: если этотъ блескъ изъ кабинета, думалъ я, то нашъ путь лежитъ на-лѣво; еслиже изъ передней, то слѣдуетъ круто повернуть на-задъ.

— Баринъ, а баринъ! Мы не туда ѡдемъ, сказалъ Игнатка, подойдя ко мнѣ на голосъ.

— Вѣрю, мой милый. И даже вѣрю, что мы теперь вовсе никуда не ѡдемъ, а преспокойно стоимъ на мѣстѣ.

— Какъ же быть-то?

На этотъ разъ глаголь *быть* терялъ свою вспомогательную силу.

— Надо найти дорогу и ѡхать по ней, отвѣчалъ я, послѣ короткаго раздумья.

— Вонъ тамъ, влѣвъ, дорога есть, да видно не наша.

— А коли есть, такъ она и наша.

Вздыхая и причитывая, Игнатка вѣль коренную подъ уздцы; сажень двѣсти продолжалась качка, наконецъ колеса покатились плавно; стало замѣтно, что мы перемѣнили направленіе: мелкій, сыпучій дождикъ увлаживалъ мой правый бокъ. Съ помощью «аглядимси», я предался наслажденію созерцать Игнатку въ непрерывномъ поклоненіи дорогъ, то на право, то на лѣво; часа два времени протекло незамѣтно; лошади нѣсколько разъ порывались бѣжать рысью, но междуметія Игнатки и возжи мѣшали ихъ усердію; наконецъ раздалось новое тпруру! и коренная уперлась въ межевой столбъ. По тщательномъ осмотрѣ оказалось, что мы стоимъ на распутьи трехъ дорогъ. Не желая получить вмѣсто одного, три вопроса вдругъ, я обратился первый къ Игнаткѣ.

— Какъ думаешь, гдѣ мы?

— И дѣ это мы? Атцы мои... Ахъ, дуй-тъ горой... Куда жѣ тецерь? было отвѣтомъ.

Вскорь Игнатка снова затянулъ «э-з-Бо-гомъ» и лошади пустились трусцою по неизвѣстному всѣмъ намъ пути.

Дождикъ началъ переставать: я накрылъ голову мокрымъ воротникомъ шинели, рвѣшась ни о чемъ не думать, но часъ времени прошелъ по пустому. Стало скучно.

— Игнатка, спой что нибудь; ты-таки мастеръ.

— Эхъ, сударь, грѣхъ-отъ какой! И гдѣ водится, чтобъ въ ефтакіе разы, кто сталъ пѣсни пѣть. Ну, не равенъ случай, какъ съ дядей Никифоромъ... Ну, какъ не приведи... да вотъ... съ нами крестная сила... Игнатка поспѣшно началъ креститься.

Впереди насъ, казалось не вдалекъ, вдругъ заблестало нѣсколько отдѣльныхъ огоньковъ; всѣ они какъ будто были въ движеніи; нѣкоторые изъ нихъ свѣтились очень ярко и отбрасывали искры, другіе были слабѣе, но передъ ними двигались какія-то неясвенныя фигуры и тѣни. Полагая, что эта перестановка происходила отъ движенія нашего экипажа, я велѣлъ остановиться, но сумятица все-таки продолжалась: всего же страшнѣе было видѣть то, какъ одинъ изъ этихъ огоньковъ вдругъ исчезалъ, и на мѣстѣ его появлялся другой, гораздо ярче и пламеннѣе, и вслѣдъ за тѣмъ снова начиналось передвиженіе.

— Э-ва! расплясались! Чтожъ, сударь, куда теперь вхать прикажете?

— Ступай прямо на освѣщеніе.

Вмѣсто должнаго исполненія, Игнатка обернулся и смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Говорятъ тебѣ, ступай.

— Баринъ, а баринъ! Неужто вы занапрасно хотите душу губить!

— Дуракъ, гдѣ есть огонь, тамъ навѣрное если не тепло, то сухо. Пошелъ прямо!

Вздохнувъ глубоко, Игнатка повиновался. Не смотря на близость освѣщенія, мы вхали очень долго, то спускаясь въ лощины, то поднимаясь на бугры; по мѣрѣ приближенія нашего къ этому освѣщенію, оно слабѣло и погасало; не желая потерять изъ вида и послѣдняго изъ этихъ свѣточей, я велѣлъ свернуть съ дороги и вхать прямо; послѣ мучительнаго переезда по пашнѣ, мы выбрались на луговину и очутились у опушки лѣса. Пропутавъ довольно долго между порубей и кочекъ, мы снова попали на дорогу, которая повела насъ вдоль опушки. Разсчитывая по мѣсту и времени, я былъ вполне увѣренъ, что мы находились вблизи

видѣннаго нами огня: въ воздухѣ былъ слышенъ запахъ дыма и копоти, и сквозь густую кущу деревьевъ блеснула синеватая искорка угасавшаго огня; но въ ту минуту, какъ я намѣревался остановиться для освидѣтельствванія этой надежды на просушку, сонная чаща, казалось, пробудилась. Въ одно мгновеніе послышался звонъ желѣза, шумъ, трескъ, лай и ревъ огромной стаи псовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вся эта одрава *, казалось, со всею кущею березъ, дубовъ и осинъ, рушилась прямо на насъ: болѣе я ничего не взвидѣлъ, потому что въ это время раздался неистовый крикъ Игнатки и лошади во всю прыть помчали насъ снова на кочковатый лугъ. Уцѣпившись крѣпко за тележку, я несся какъ стрѣла; кувыркаясь со стороны на сторону, бросаю возжи и закрывъ лицо руками, Игнатка, при каждомъ толчкѣ, прыгала передо мною, какъ эластическій мячъ; раздался одинъ изъ самыхъ сокрушительныхъ ударовъ о пень, тележка крикнула, Игнатка прыгнула выше обыкновеннаго, и, въ то же мгновеніе, вмѣсто его заплясала передо мной дуга; склонившись на бокъ, я промчался еще нѣсколько сажень впередъ; наконецъ последовалъ отчаянный скачокъ внизъ, дуга скрылась, подо мной что-то грохнуло, плеснуло, я щелкнулъ зубами и очутился верхомъ на пристяжной. «Аглядимшись», я увидѣлъ вверху надъ собой цѣлую стаю собакъ: всѣ онѣ, казалось, не рѣшались приблизиться ко мнѣ по причинѣ крутаго спуска; вскорѣ послышалось хлопанье арапниковъ и какіе-то сиповатые голоса кричали: «атрышъ! къ нему! въ стаю!» Вслѣдъ за тѣмъ, между собаками появились двѣ длинноватыя тѣни, въ родѣ человѣческихъ.

По пересылкѣ изряднаго количества вопросовъ пунктовъ, сверху внизъ и снизу вверхъ, двѣ тѣни тотчасъ превратились въ Сергѣя и Ваську, двухъ смиренныхъ выжлятниковъ ** графа Атукаева.

Вскорѣ я вышелъ на сушу и съ помощью выжлятниковъ и прибывшихъ на голосъ ихъ двухъ псарей, прежде всего пустился въ розыски. Всѣ оклики и призывы наши оставались безъ отвѣта. Вскорѣ, однакоже, мы увидѣли среди луга четырехъ гончихъ, которые что-то обнюхивали. Мы пошли туда: помѣстясь между двухъ мягкихъ кочекъ, Игнатка лежалъ вверхъ носомъ и смотрѣлъ изступленными глазами. Только мой голосъ способенъ

* Толпа, скопище.

** Помощники ловчаго.

былъ вызвать его изъ этой нѣмой созерцательности. Сложивъ все доказательства во едино, мы наконецъ привели его въ чувство, но, убѣжденіе въ томъ, что мы были обойдены лѣшимъ, онъ далъ себѣ клятвенное обѣщаніе сохранить — *по конецъ проба жизни*, и отправился вытаскивать лошадей изъ тины.

Между тѣмъ, огонь запылалъ снова; я подошелъ къ одному изъ костровъ и вынулъ изъ кармана часы: стрѣлка показывала три. После часовъ, глазамъ моимъ предстали три огромныя фуры, такой емкости и величины, что каждая изъ нихъ способна была поглотить самую многочисленную семью правовѣрнаго Кутуфты.

Одна изъ этихъ громадъ была на рессорахъ, длиннѣе прочихъ, и по множеству круглыхъ окошекъ, прорѣзанныхъ въ обоихъ бокахъ кузова, являла изъ себя собачью колесницу. Кромѣ этихъ великановъ экипажной породы, подъ сѣнью ихъ стояли дрожки и другіе крытые экипажи, и, сверхъ того, смиренныя русскія телеги, вокругъ которыхъ, пятками и десятками, стояло около шестидесяти лошадей.

Обрамленная съ обѣихъ сторонъ двумя отрогами лѣса, площадка вдавалась мысомъ въ непроходимую кущу ельника, подъ сѣнью котораго бѣлѣли двѣ палатки, а подлѣ нихъ нѣсколько шалашей, наскоро устроенныхъ изъ вѣтвей, соломы, попоны и войлоковъ.

Одно изъ пепелищъ было обставлено треножниками, кострюлями, котликами, ящиками, самоварами и прочими кухмистерскими принадлежностями; кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ было постлано множество соломы, на которой покоились борзые, или туго свернувшіеся кренделькомъ, или на всемъ боку, нѣжно потягиваясь и выпрямляя усталыя ноги.

Я раскурилъ сигару и занялся разсматриваніемъ подробностей этой картины. Псаря и конюхи пробуждались по очередно, и выползая, то изъ среды борзыхъ, то изъ чащи, немедленно приступали къ исполненію должностей; лошади начали потихоньку ржать и постукивать копытами, храбро поглядывая на приступившихъ съ торбами къ одной изъ фуръ, для насыпки овса; то вдругъ которая нибудь изъ собакъ вскакивала, садилась на четвереньки, горбилась, зѣвала, вытягивала шею, и потомъ, сдѣлавъ нѣсколько вольтовъ на мѣстѣ, ложилась снова и свертывалась въ клубокъ: эта перекладка на другой бокъ сопровождалась неизбѣжнымъ рычаньемъ одной или обѣихъ сосѣдокъ; иныя изъ нихъ были такъ неуживчивы, что вскакивали сами, съ яв-

нымъ намѣреніемъ къ дракъ: затѣвалось общее ворчанье; въ такомъ случаѣ немедленно присоединялся къ нимъ голосъ котораго-нибудь изъ псарей: «но-о! а-си-на! въ свал-ку», и спокойствіе водворялось. Но вотъ, въ палаткѣ раздалось одно изъ многозначительныхъ покрякиваній, за нимъ протянулось мягкое, эластическое «эй!» и два псаря побѣжали къ крайнему шалашу: «Артамонъ Никитичъ! Артамонъ Никитичъ! графъ проснулся.» Въ отвѣтъ на это раздалось громкое и быстрое «сейчасъ» и высокий, стройный малый выскочилъ изъ шалаша въ одномъ жилетѣ. Онъ тотчасъ напялилъ на себя темный казакинъ и, не мѣшая, отправился къ ящикамъ: вынулъ серебряный судокъ съ пустымъ стаканомъ, подъ лѣвую мышку захватилъ графинъ съ водой, а въ правую руку взялъ бутылку съ фонаремъ.

На встрѣчу къ нему изъ палатки вышла красивая борзая собака, потянулась сначала назадъ, потомъ напередъ, потомъ уперлась на всѣ четыре лапы, мощно встряхнулась, загремѣла ошейникомъ и замахала хвостомъ, привѣтствуя Артамона Никитича.

Отправясь вслѣдъ за графиномъ и бутылкой, я услышалъ въ началѣ явственные признаки полосканія графскаго рта, потомъ полосканіе стакана и всплескъ воды на траву, потомъ, когда въ слѣдъ за этимъ всплескомъ стаканъ снова началъ наполняться жидкостью, уже не изъ графина, а изъ бутылки, я успѣлъ раза два погладить мягкіе и красивые завитки сѣраго Чауса.

— Кажется, ночью былъ дождикъ? спросилъ Атукаевъ своего камердинера послѣ трехъ звучныхъ глотковъ.

Я тотчасъ смекнулъ, что человекъ, имѣвшій удовольствіе размачивать себя въ продолженіе пяти часовъ, имѣетъ полное право доносить о дождяхъ, слякотяхъ и прочихъ выскочкахъ природы, а потому, не желая вводить въ грѣхъ полусоннаго камердинера, входя въ палатку, сказалъ:

— Былъ и очень порядочный.

Въ отвѣтъ на это донесеніе меня встрѣтили неизбежныя: — ба, ба, ба! и слѣдующія за тѣмъ привѣтствія, что я свалился съ неба.

— Просто-на-просто, твои выжлятники вытащили меня изъ какой-то трясины, сказалъ я, усаживаясь на графскую постель, состоящую изъ полукопны сѣна, застланной ковромъ.

Послѣ этого пошло въ ходъ подробное описаніе моего путешествія, въ замѣнъ котораго, по примѣру всѣхъ романистовъ, слѣдовало бы заняться описаніемъ графской особы, но мы, на-

двюсь , усвѣмь ознакомиться съ нимъ и безъ этихъ предисловій.

— И прекрасно , сказала Атукаевъ , выслушавъ до конца мое повѣствованіе : это тебѣ въ наказаніе за прежніе отказы потѣшиться вмѣстѣ съ нами. Ну , теперь какъ же ты хочешь поступить на счетъ дальнѣйшаго странствованія ?

— Это будетъ зависѣть отъ тѣхъ удобствъ , какія представить мнѣ мой экипажъ , при появленіи своемъ изъ болота.

— А по моему , такъ эту статью придется повести иначе.

— Какъ же?

— А вотъ какъ это мы устроимъ. Во-первыхъ , ты , какъ приبلудная овца , волею-неволею прильпнешься къ нашему стаду , и я , какъ пастырь , беру тебя подъ свою опеку. Второе и главное есть то , что у меня вчера здѣсь былъ передохъ (дневка) , и вечеромъ подвыли пять голосовъ въ котловинъ , да два отозвались въ Асоргинскихъ ; поэтому мы нынче объедемъ въ Клинскомъ , а вечернее поле беремъ въ Глѣбковѣ : оттуда , какъ тебѣ извѣстно , останется до дома всего-то восемь верстъ : следовательно , Игнатка твой откормить здѣсь лошадей и увезетъ на паръ изломанную тележку домой ; третья уйдетъ вмѣстѣ съ кухней и моими заводными въ Клинское , а завтра , возница твой , съ новой таратайкой явится къ намъ въ Глѣбково. Гуть?

— Да еще какой гуть ! просто , на славу.

— Ну , и чудесно. Значитъ ты теперь въ моемъ распоряженіи?

— Въ полномъ. Однимъ словомъ , я одна изъ самыхъ послушныхъ овецъ твоихъ , и попечительство начнется тѣмъ , что ты велишь тотчасъ подать мнѣ стаканъ самаго горячаго чая , потому что я продрогъ до костей.

— Ну , и прекрасно. Эй ! Чая !

Въ это время я отвернулся къ стоявшему въ углу фонарику , чтобъ раскурить сигару и вдругъ почувствовалъ , какъ двѣ ладони закрыли мнѣ глаза , и звонкій теноръ произнесъ надъ ухомъ :

— Узналь?

— Узналь , отвѣчала я на угадъ , желая скорѣй освободиться ; но этимъ не кончилось : я долженъ былъ выдержать полный курсъ обниманій , пржиманій и лобзаній , и только по окончаніи этой давки , могъ явственно отличить высокую фигуру Луки Лукича Бацова отъ дубленаго полушубка , облекавшаго оную.

— Каковъ ! прискакалъ ! слышалъ , братецъ ; слышалъ все , какъ

ты тамъ въ болотъ... ну, да это пустыки. Вообрази, мы почти годъ какъ не видались; ну, да это пустыки. А вотъ что: вчера подвыли семерыхъ; а главное, вообрази, Карай-то мой, Карай! третьяго дня — лису матерую, то есть, можешь ты себя представить, съ первой угонки, какъ вложился—джи!...

Лука Лукичъ не окончилъ еще начатаго рукою жеста, выражавшаго, по его мнѣнiю, ловкость и удалство Карая, какъ изъ сосѣдней палатки послышался знакомый мнѣ голосъ г. Стерлядкина.

— Вреть, все вреть! Не вѣрьте ему...

— Такъ и поволокъ, продолжалъ Бацовъ. Ну, что онъ тамъ оретъ съ просонковъ, эта щучья пасть: не вѣрь, братецъ, онъ что ни скажетъ — все пустыки. Здравствуй, графъ. А гдѣ жъ Хлюстиковъ?

— Эй! Подать сюда Петрунчика, сказалъ графъ людямъ. Да онъ вчера такъ нахлестался, что, я думаю, и теперь еще не пришелъ въ память.

— Ничего, кричалъ Стерлядкинъ изъ своей палатки. Это ему не въ первый разъ, да и не въ послѣднiй. Здравствуй, графъ, каково спалось подъ дождикомъ?

— Хорошо. А у васъ вчера что-то долго шла потьха. Ну, что: на чемъ рѣшили?

— Извѣстное дѣло на чемъ. Карая нынче придется по хвосту.

— Слышишь, Лука, сказалъ графъ, обратясь къ Бацову, и ты въ силахъ будешь перенести этотъ ударъ? А съ кѣмъ идетъ?

— Съ Азарнымъ, кричалъ Стерлядкинъ. На перваго подозрѣннаго, прибылые не въ счетъ; да еще добро бы до первой угонки, а то прямо на-завладай.

— Ого! Ну, что ты, братъ, Лука? ужъ видно на прямикъ съ ума спятилъ! воля твоя, у меня вчужь сердце замираетъ. Добро бы еще на дюжину шампанскаго, а то, посуди самъ: вѣдь это срамъ на всю жизнь.

Бацовъ молча покручивалъ усы; замѣтно было, что онъ начиналъ трусить.—Пустыки! сказалъ онъ, но уже не такъ громко и отчетливо.

— У тебя все пустыки! А разсуди-ка самъ: Карай твой, слова нѣтъ, собака добрая, во всѣхъ ладахъ, да молода; притомъ же ты самъ знаешь — псовая, пылкая, слѣдовательно на короткъ; сверхъ того, коли не осердишься, я скажу правду: онъ,

братъ, у тебя больно подуздовать! * а коли ты охотникъ съ толкомъ, такъ знай, что подуздоватая собака всегда не понимаета. Кудажь ты завхалъ? Добро бы на садочнаго, да еще до угонки; а то, давай намъ подозрвнаго, да материка: экъ куда хватилъ! Съ Азарнымъ—шутка! Нѣтъ, братъ, я Азарнаго знаю... Графъ не кончилъ и началъ вслушиваться. За палаткою шла страшная возня: «слышь, прочь, прибью; подлець буду—прочь; зарьжу!...»

Я выглянулъ изъ палатки.

Въ шалашъ, изъ котораго недавно появился камердинеръ, лежалъ маленькій челоувчекъ въ заячьемъ полукафтанъ, и размахивалъ ногами, отбиваясь отъ двухъ псарей, которые старались завладѣть имъ. По голосу и складу бранчивой и отрывистой рѣчи, я тотчасъ узналъ въ немъ Петра Сергѣевича Хлюстикова.

— Тащи, тащи его! кричалъ голосъ изъ палатки.

— Слышите, Петръ Сергѣичъ, графъ кличетъ; пойдѣте, говорилъ псарь.

— Пошелъ дуракъ! ты видишь—я сплю.

— Нельзя: приказано будить.

— У-у! Нельзя, нельзя, скотина! прочь убирайся!

— Бери, тащи его! раздался голосъ Бацова.

— Петръ Сергѣичъ, Лука Лукичъ зоветъ...

— Лу-ка! Лу-кичъ! Скажи ему, что онъ такой же скоть, какъ и ты... А Карай, просто, шалава...

Въ палаткѣ раздался общій смѣхъ.

— Тащи, тащи его, кричалъ Стерлядкинъ, выходя изъ своей палатки въ колпакъ и бѣлицемъ халатъ.

— Еще одинъ! А-а-ай! не буду. Голубчики, пустите... Иду, право, иду, кричалъ Хлюстиковъ, барахтаясь на рукахъ у псарей.

Въ палатку подали чай.

Хлюстиковъ явился вслѣдъ за самоваромъ.

Украшенное тройнымъ комплектомъ веснушскъ, лицо его было до крайности мало, и въ минуту выражало на себѣ тысячу различныхъ оттѣнковъ; темнокаштановые курчавые волосы, наперекоръ всѣмъ прическамъ, постоянно убѣгали вверхъ; вообще же, сочетаніе всѣхъ мелкихъ частицъ этого лица носило выраженіе, порождавшее въ каждомъ невольный смѣхъ. На взглядъ, Хлюстикову было лѣтъ около пятидесяти.

* Нижняя челюсть короче верхней

Онъ подобострастно подошелъ къ постели Атукаева, который погладилъ его по головѣ и потрепалъ по щекѣ.

— Вотъ, Петрунчикъ, умница; всталъ раненько; а теперь пойдеть умоется, причешетъ головку, и явится къ намъ молодець-молодцомъ.

— И подадутъ ему стаканъ чая, прибавилъ Бацовъ, ударяя на слово: чай.

— Чай... дуракъ! Я не гусь... Эй, ча-ла-экъ! Отставному губернскому секретарю, чуть-чуть не кавалеру Петру Сергѣеву сыну Хлюстикову — трубку, водки и селедки; но-о! Эти слова были произнесены подобающимъ тономъ.

Въ минуту было подано то и другое.

Взявши въ одну руку коротенькую трубочку, а въ другую налитую рюмку, Хлюстиковъ значительно подмигнувъ глазкомъ, крикнулъ, плюнулъ, показалъ языкъ Бацову и мигомъ опорожнилъ рюмку; но въ то же мгновеніе глаза его выпучились, лицо сморщилось, онъ вздрогнулъ и сердито швырнулъ рюмку чело-вѣку подъ ноги.

Разразился общій смѣхъ.

— Пад-ле-цу-кесу-су-су... шицль Хлюстиковъ, харкая и отплеываясь.

Наконецъ, онъ жадно приступилъ къ куренью. Послѣ трехъ сладостныхъ затяжекъ, передъ носомъ Хлюстикова взлетѣлъ огненный фонтанъ отъ вспыхнувшаго пороха, положеннаго на дно трубки, и Хлюстиковъ опрокинулся на графскую постель. Наконецъ онъ вскочилъ и съ бранью убѣжалъ въ шалапъ.

Допивши второй стаканъ чая, я вышелъ изъ палатки.

Игнатка мой крѣпко спалъ, растянувшись передъ пылавшимъ костромъ; испачканныя въ грязи и тинѣ лошади исправно ѣли овесъ, опуствя головы въ изломанную тележку, которая казалась вовсе негодною къ употребленію. Вокругъ меня все было въ движеніи: псаря осѣдывали лошадей; кучера впрягали другихъ въ брики и колесницу; повара укладывали кострюли въ ящики; выжлятники смыкали гончихъ; стрелянной, съ двумя борзятниками, подавлявалъ графскихъ сворныхъ и пихалъ въ колесницу. Между охотниками шли непрерывныя перебранки и пересмѣшки; собаки выли, прыгали, вытягивались и махали хвостами, ласкаясь къ своимъ хозяевамъ.

— Глядь-ка, глядь, Кирюха! Савелій Трофимычъ знаетъ-таки учливость, сказалъ борзятникъ Егорка своему сосѣду.

Всѣ обратились къ колесницѣ.

Тамъ, передъ графскимъ стремяннымъ, стоялъ старичекъ-охотникъ, лѣтъ шестидесяти, безъ шапки, и низко кланялся; на рукахъ у него лежала тощая борзая собаченка.

— Эхъ, Трофимычъ, твою бы Красотку, замѣсь каляски, хоть и повыше куда вздыбить, такъ въ тужь пору...

Охотники засмѣялись.

— И, что вы, батюшка Ларивойъ Петровичъ: собака—мысли; передъ Богомъ не лгу; не перебрамшись, слабосилокъ, въ разлинокъ. А да-ка намъ... Намедни, какъ по матеромъ-то, она, съ графской Заигрой, пострѣленокъ, ухо въ ухо! передъ Богомъ не лгу... ажно сѣдло подо мной затрепыхало... Поди, матушка, подь туды, подь... продолжалъ старикъ, сдавая свою любимицу стремянному на руки.

Собака мигомъ очутилась въ рыдванѣ, и, глядя въ окошко на удалявшася Трофимыча, жалобно взвыла.

— Ишь, она къ почету-то не привыкла, сказалъ Егорка.

— Не замай, графъ увидить; она въ тѣ поры за сукъ уцѣпится, отвѣчалъ Кирюха, затягивая подпругу.

Я еще разъ взглянулъ на спавшаго Игнатку, и мнѣ стало жаль будить его. Съ правой стороны, сквозь чащу просвѣчивала заря. Я пошелъ снова къ палаткѣ: тамъ былъ слышенъ голосъ Бацова; графъ былъ уже одѣтъ; Хлюстиковъ по прежнему сидѣлъ на постели подбоченясь, и, прищуря глазъ, насмѣшливо поглядывалъ на Бацова.

— Это пустяки, продолжалъ Бацовъ. Послѣ этого ты станешь увзрять меня, что я не человекъ.

— Конечно, развѣ ты человекъ! Ты—Бацовъ. Графъ, голубчикъ, прикажи дать рюмочку.

— Петруничъ, ты, душка, кажется намъренъ съ утра сдѣлаться никуда не годнымъ, сказалъ Атукаевъ, щипля его за щеку. Этимъ ты меня очень огорчишь.

— Голубчикъ, ваше сіятельство. Одну только, право одну. Я вѣдь по одной пью.

— Ну, нечего дѣлать. Дай ему мадеры.

— Только, побѣлѣй, этой—знаешь, великороссійской изъ-подъ орла... Кхе! Тутъ Хлюстиковъ щелкнулъ языкомъ, заболталъ ногой и выразилъ многозначительную мину.

— А знаешь ли за что его изъ суда выгнали? спросилъ Бацовъ, обратясь ко мнѣ.

— Умны были, догадались... эхъ, Бабочка моя, ты и того не смыслишь! расталке муа... Кхе!

Хлюстиковъ мигомъ опорожнилъ рюмку.

Люди начали снимать палатку.

Отдавъ наскоро кое-какія порученія своему кучеру, я поспѣшилъ къ обществу.

Шестьдесятъ гончихъ стояли въ тѣсномъ кружкѣ, подъ надзоромъ четырехъ выжлятниковъ и ловчаго, одѣтыхъ въ красныя куртки и синіе шаравары съ лампасами; у ловчаго, для отличія, куртка и шапка были обшиты позументомъ. Борзятники были одѣты тоже однообразно, въ верблюжьи полукафтанья, съ черною нашивкою на воротникахъ, обшлагахъ и карманахъ; рога висѣли у каждаго на пунцовой гарусной тесьмѣ, съ кистями. Всѣ они были окружены своими собаками и держали за поводья бодрыхъ и красивыхъ лошадей сѣрой масти.

Намъ подвели осѣдланныхъ лошадей; людямъ начали подносить вино.

— Ну, смотри у меня, началъ графъ, обратясь къ охотникамъ, на лазу * стой, глазъ не раскидывай; проудилъ **—не твоя бѣда, прозввалъ—ремешкомъ поплатишься. Чуть запрямитилъ, что красный звѣрь пошелъ на тебя: не зарься, дай поле; поперечь, а то, въ щипецъ *** нажидай... особенно, лису—заопушничала подлѣ тебя безъ помычки, на глади—стой, не дохни; а мѣсто есть на пролазъ, тотчасъ рогъ ловчему посылай. Ты, Кондрашка, смотри, берегись: я видѣлъ самъ прошлый разъ, какъ ты Бацовскую лису, безъ голоса, втравилъ въ отѣмную вершину... А главное, на драку **** безъ толку не подавать; у всѣхъ васъ есть эта замашка; глядишь, чуть щелкнула которая, или тамъ увидалъ польно ***** али трубу *****, и пошелъ кличь кликать—и всѣ, дурачье, сыплютъ къ нему, а ловчій хотъ умирай на рогу: «у насъ, дескать, своя забота!» Вотъ я за вами самъ начну присматривать. Садись. Люди начали садиться на лошадей; собаки радостно взвыли и заметались вокругъ охотниковъ.

* Мѣсто, откуда нажидаютъ звѣря.

** Протравилъ—не поймалъ.

*** Пасть.

**** На подмогу.

***** Волчій хвостъ.

***** Лисій хвостъ.

Ловчій * со стаєю тронулся впередъ; за нимъ поплелась длинная фура съ борзыми; дозжачіе ** разравнялись по три въ рядъ: раздался свистокъ; Егорка поправилъ на себя шапку, тряхнулъ головой, откашлянулъ и залился звонкимъ переливистымъ тспоромъ:

«Эхъ—не одна во полъ дороженька».

Еще свистокъ и двадцать стройныхъ, спѣтыхъ голосовъ грянули разомъ:

«Пролегалала...»

Вскорѣ и эхо изъ лѣсу крикнуло намъ вслѣдъ:

«Эхъ заростала...»

Русское солнышко засвѣтило намъ съ лѣвой руки.

Отойдя съ версту, мы увидѣли въ сторонѣ маленькую деревушку. Графъ приказалъ охотникамъ идти до мѣста, а мы повернули на право, и, въ сопровожденіи стремянныхъ, поѣхали рысью по узкой проселочной дорожкѣ. У крайней избы стояли пять осѣдланныхъ разномастныхъ лошадей; возлѣ нихъ бродило около дюжины борзыхъ и два челоуька въ нагольныхъ полушубкахъ, туго подпоясанныхъ ремнями.

— Вотъ и наши мелкотравчатые; сказалъ Атукаевъ, слезая съ лошади.

Навстрѣчу къ намъ выбѣжалъ изъ избы низенькій, плотный, съ крошечными усиками и распухлыми щеками, не старыи челоуьчекъ, въ сѣренькомъ казинетовомъ сюртучкѣ, и началъ раскланываться на всѣ стороны.

— Что, ваше сіятельство, заждались? а мы было тотчасъ только что... лепеталъ онъ, пожимая съ низкими поклонами руку Атукаева.

— Вотъ, прошу познакомиться: нашъ помѣщикъ Трутневъ, сказалъ Атукаевъ, обратясь ко мнѣ.

— Очень приятно—съ. Честь имѣю рекомендоваться, лебезилъ Трутневъ, шаркая ногами.

— Я, кажется, уже имѣлъ удовольствіе васъ встрѣчать?

— Ахъ, да, виноватъ: у Трещоткиныхъ... они, признаться сказать, немножко мнѣ съ родни... Здравствуйте, почтеннѣйшій

* Правящій стаєю гончихъ собакъ.

** Охотникъ съ борзыми.

Петръ Сергѣвичъ; мое вамъ почтеніе, Лука Лукичъ! Степану Петровичу...

Трутневъ остался на крылечкѣ съ Стерлядкинымъ; мы вошли въ просторную крестьянскую избу: два окна на улицу и одно на дворъ, печка, полати и кругомъ лавки; въ красномъ углу стоялъ длинный столъ: одна половина его была густо исчерчена мѣломъ и завалена картами; на другомъ концѣ красовался графинъ съ водкой, а подлѣ него, солонка, кусочекъ чернаго хлѣба и полуизгрызенный кренделекъ. Тутъ же, опершись локтемъ о конецъ стола и задумчиво опуствя лысую голову, сидѣлъ осанистый мужчина, въ телячьемъ яргакѣ; онъ держалъ между пальцевъ на вѣсу погасшую трубку, и не обращая ни на что вниманія, разсуждалъ самъ съ собою.

— Мо-шен-никъ ты... валеть семь съ пол-тиной... па-роль про-игр-аль! Са-а-вра-саго взять—нѣтъ, врешь, Во-лодь-ка! бормоталъ сидящій.

Явился человекъ, потеръ полою столъ и убралъ карты; потомъ протянулъ руку къ графину.

— Ст-ой, дур-ракъ. Ку-да! завопилъ разсуждавшій. Онъ медленно поднялъ голову и уставилъ въ насъ глаза: Граб-ите-ли! произнесъ онъ, опускаясь снова, и уронилъ трубку на полъ.

— Этотъ теперь ни на что не годенъ, сказалъ Бацовъ.

Вбѣжалъ Трутневъ, и началъ торопливо будить протянутаго вдоль лавки мужчину въ синемъ пальто, съ густыми бакенбардами.

— Стѣпа, а Стѣпа, вставай! Графъ пріѣхалъ.

Стѣпа отбивался локтемъ и бормоталъ: От-стань... не хочу... ну, пошелъ....

— Экъ ты ихъ усахарилъ, сказалъ Бацовъ Трутневу.

— Стѣпа... графъ! крикнулъ Трутневъ надъ самымъ ухомъ.

Стѣпа обернулся, отъвнилъ глаза рукою, всмотрѣлся и вскопчилъ какъ встрепаный.

Въ это время Хлюстиковъ овладѣлъ графиномъ, налилъ рюмку и запѣлъ: «Чарочка моя и проч.»

— Ахъ, М-г le comte! Mille pardons! Извините, право, извините, болтали бакенбарды и кинулись будить лысину.

— Петръ Ивановичъ! чтожь ты? мы все...

— Граб-ит-ель-п... у-къ!.. Петръ Ивановичъ еще икнулъ и замоталъ головой.

— Ну, не замамай его—травить тутъ, сказалъ Бацовъ. Мы вышли.

Полями, буграми, лощинами, перельсками, то тротомъ, то шагомъ, проехали мы версть десять, и наконецъ, спускаясь на луговину, услышали стройный хоръ пѣсенниковъ. Завидя насъ, они перестали пѣть и начали поить у ручья лошадей и выпускать борзыхъ изъ фуры. Освобождаясь отъ заточенія, собаки радостно зывали, прыгали, потягивались и ласкались къ лошадямъ и охотникамъ. Нѣкоторые изъ нихъ стрѣлой помчались къ намъ и съ радостнымъ визгомъ начали прыгать на сѣдла къ своимъ господамъ.

— Ты, Ларка, сказалъ графъ стремянному, возьми теперь къ себѣ Обругая, Крылата и Язву; а мнѣ къ Чаусу, Злоима и Наградку, а Сокола и Пташку отдай тому охотнику, котораго вотъ имъ — графъ указалъ на меня — угодно будетъ взять къ себѣ на лазъ.

Пока я благодарилъ графа за вниманіе, стремянной ловко подвернулся ко мнѣ и шепталъ:—возьмите, сударь, кума Никанора, у него собаки пріемисты. Это предложеніе мнѣ не понравилось: я мѣтилъ на удалаго малаго, Егора.

Мы подѣхали къ ставъ.

— Ну, выбирай любаго, сказалъ Атукаевъ, обратясь ко мнѣ. Они у меня все знаютъ свое дѣло.

У каждаго изъ охотниковъ, на которыхъ я мслькомъ взглядывалъ, просвѣчивало въ глазахъ сильное желаніе попасть ко мнѣ на барскій лазъ. Не желая быть невнимательнымъ къ предложенію стремяннаго, я рѣшился, какъ говорятъ, однимъ камнемъ сдѣлать два удара.

— Кумъ Егоръ, со мной! сказалъ я отрывисто.

— Эхъ, сударь, забыли; я вамъ докладывалъ: Никанора, шепталъ стремянной.

— Ну, братъ, извини. Промахнулся.

Егорка, съ радостнымъ лицомъ, подѣждалъ ко мнѣ и принялъ на свору Сокола и Пташку.

Поднявшись на крутой бугоръ, мы проехали съ версту по-лемъ, и остановились у котловины. Графъ пригласилъ гостей и приказалъ доѣзжачимъ занимать мѣста.

Стая гончихъ и красныя куртки тотчасъ отдѣлились отъ насъ, и медленно потянулись вверхъ.

— Сударь, не изволите отставать отъ графа, шепталъ Егор-

ка. Онъ пойдетъ на льво за эти дубки: тамъ, я знаю, лучшей лазъ. Вишь, Бацовкій стремянный такъ и пялить туда свои бѣльмы.

Мы спустились и поднялись изъ оврага, проѣхали саженой двѣсти полемъ и кустарникомъ и обстановились въ головѣ обрывистой водомойны, которая, расширяясь постепенно, сливалась съ котловиною. Графъ и стремянный потянулись отъ насъ за дубки.

Стратегическое достоинство пункта, избраннаго Егоркой, если и неудовлетворяло всѣмъ потребностямъ, нужнымъ для опытнаго охотника, за то зрѣнію моему было чистое раздолье. Подъ ногами у насъ неизмѣримо длилась глубокая впадина земли, образовавшая изъ себя болото, съ высокими кочками, заросшими густымъ олешиникомъ и камышами. Въ широкую ложбину эту, такъ кстати названную котловиною, врѣзывались со всѣхъ сторонъ покатыя бугры, пересѣкаемые лощинами, оврагами и водомойнами. Пунктъ, на которомъ остановились мы, владѣлъ всею мѣстностью, и я могъ отчетливо слѣдить за движеніемъ охотниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ любоваться сметливостью каждаго изъ нихъ, при занятіи мѣсть. То исчезая, то выростая словно изъ земли, красныя куртки ловчаго и выжлятниковъ, медленно плыли по горизонту. Наконецъ, они утонули въ лабиринтъ спусковъ и только черезъ четверть часа показались снова на скатъ высокаго холма, поѣхали прямо на насъ, и вдругъ остановились. Стоявшіе на мѣстахъ охотники были все на виду; въ соеѣдствѣ со мной, на льво, саженяхъ въ полтораста былъ Ларка-стреманный, а за нимъ, дальше, графъ; на право въ кустарникъ, черезъ который мы прошли, помѣстился старикъ Савелій Трофимычъ, съ своею Красоткой.

Прошло минутъ пять въ бездѣйствіи; наконецъ Атукаевъ приложилъ серебряный рожокъ къ губамъ: раздался короткій и трескучій звукъ; старшій доѣзжачій тотчасъ повторилъ его на другой сторонѣ ложбины, поближе къ ловчему; сигналъ этотъ, въ переводѣ на языкъ человѣческой, означалъ: *мечи гончатъ въ островъ!* Я явственно увидѣлъ, какъ четыре красныя куртки упали въ стаю; ловчій одинъ поѣхалъ медленно съ бугра, и къ его ногамъ, словно мухи, покатались разомкнутыя гончія, отрываясь по парно отъ темнаго пятна, посреди котораго копошились красныя куртки; наконецъ, онъ остался одинъ, и, мгновенно вскочивъ на лошадей, помчались въ низъ, вслѣдъ за остальными гончими. На краю болота заревѣлъ басистый рогъ ловчаго, захопалаи четыре арапника—и пошло порскаше.

— Теперь, сударь, извольте становиться на мѣсто.

— Развѣ я не на мѣствѣ?

— Нѣтъ. Теперь намъ нужно въ притинѣ, сказалъ Егорка. Извольте видѣть? продолжалъ онъ, указывая на окрестность.

Я взглянулъ. Дѣйствительно мѣста, на которыхъ за минуту до этого, стояли охотники, были пусты. Всѣ они расплозились, словно мухи по щелямъ.

— Куда жъ намъ?

— А вотъ,—сказалъ Егорка и поворотилъ лошадь.

Мы въехали въ густой кустъ ливняка, изъ-за котораго можно было видѣть только однѣ наши головы; мѣстность отсюда открывалась еще явственнѣе.

Вскорѣ къ порсканью присоединился голосъ одной собаки.

— Это Будило, сказалъ Егорка.

Къ первому голосу примкнули еще два, такіе же басистые.

— Это Рожокъ и Квокша, продолжалъ мой стремянный.

Красныя куртки зашевелились въ болотѣ, и начали накликачь на горячій. *

— Что-жъ это значить?

— Это еще ничего! Вотъ кабы Кукла да Соловей.... А, вотъ и онъ... Эхъ, варять... подваливаютъ... Ну, повисъ на щипцѣ! Теперь, баринъ, держитесь крѣпче; лошадь подъ вами азарная.

Я укоротилъ поводья, укрѣпился въ сѣдлѣ и взглянулъ на Егорку: онъ дрожащими руками перебиралъ узду и выпрямлялъ свору; лицо его блѣднѣло, ротъ былъ полуоткрытъ, глаза свѣтились, какъ у молодаго ястреба.

Ловчій подалъ въ рогъ.

— По красному, сказалъ Егорка, чуть дыша. Съ этимъ словомъ въ котловинѣ закипѣлъ адъ: съ фаготистыми на-подборъ голосами собакъ слился тонкій, плакучій, переливистый и немолкаемый голосъ Куклы; къ ней подвалили всю стаю, и слилось зоркое порсканье. Камышъ затрещалъ, болото пошло ходуномъ, и словно вздрагивало и колебалось, подъ громомъ этого бѣсовскаго речитатива.

— Ну, одна катить, прошепталъ Егорка, глядя въ болото.

Я тоже началъ всматриваться.

Лисица тихо прокрадывалась мимо насъ по болоту, и, какъ тонкій осенній листокъ, стлалась между кочекъ; то поднимая

* Свѣжій сѣдлъ.

свою вострую головку, то принадая къ землѣ, она, наконецъ, миновала нашъ лазъ, и, подбуженная новымъ приливомъ порсканья, вынеслась на бугоръ и покатила прямо въ кусты: старикъ Трофимычъ стоялъ не шевелясь; наконецъ онъ заулюлюкалъ, указалъ ее собакамъ и скрылся изъ вида.

Въ тоже время на противоположной намъ сторонѣ, въ разныхъ мѣстахъ, охотники принялись травить въ нѣсколько своръ.

Мнѣ почудилось, наконецъ, что стая погнала въ нашу сторону: и дѣйствительно, черезъ минуту, что-то начало ломиться въ камышъ; вскорѣ за тѣмъ выкатилъ матерой волкъ, и понесся по кочкамъ, прямо въ вершину, въ головъ которой былъ нашъ секретный постъ.

— Егорка, видишь? спросилъ я шопотомъ.

Егорка мой стиснулъ зубы и только дрожащею рукой подаль мнѣ знакъ пригнуться: онъ блестящими глазами своими, казалось, прожигалъ кустъ, сквозь который смотрѣлъ на волка.

Наконецъ, звѣрь очутился противу насъ саженьяхъ въ десяти: Егорка молча показалъ его собакамъ и бросилъ свору изъ рукъ. Пять собакъ рванулись разомъ, и Соколъ первый, грудь въ грудь сцѣпился съ волкомъ: оба они слились въ одно неразрывное цѣлое, прокатились по землѣ, и исчезли въ водомоинѣ; прочія собаки скучились и прыгнули тудаже; мы очутились тамъ же, но, увы! раздался пронзительный визгъ и храбрый нашъ Соколъ, облитый кровью, катался по землѣ: волкъ сидѣлъ, ошелкиваясь отъ прочихъ собакъ, которыя не смѣли уже къ нему подступить. Егорка подаль на драку, но звѣрь прыгнулъ на чистоту, принявъ на право и поскакалъ полемъ. Не долго однакожь длилась эта прыть: въ рытвинѣ противу насъ мелькнула шапка стремянаго, и въ тоже время три свѣжія собаки понеслись навстрѣчу дерзкому бѣглецу.

Волкъ не устоялъ противу перваго напора пріемистыхъ и свычныхъ съ дѣломъ бойцовъ: онъ оробѣлъ, ошелкнулся и пошелъ на утекъ, но Крылатъ и Обругай повисли на немъ; наши собаки подоспѣли, скучились, и свалка сдѣлалась общемою; прежде однакожь, чѣмъ мы успѣли подскákatъ, волкъ стряхнулъ съ себя кучу собакъ и, оцетинясь, свѣлъ въ кружку, страшно сверкая глазами: подлѣ него катался по землѣ Обругай, съ прокушеннымъ бокомъ. Егорка прыгнулъ съ лошади и пошелъ къ волку съ кинжаломъ въ рукъ. Видя новаго врага, разсвирѣпѣвшій звѣрь рванулся отчаянно впередъ, и побѣжалъ, ошелкиваясь отъ собакъ,

мимо дубковъ къ кустарнику. Но вотъ изъ-за куста, между польщию, шмыгнуло что-то, съ свистомъ, какъ пущенная стрѣла, и сѣрый Чаусъ въ мгновеніе ока сцѣпился съ звѣремъ, и покати́лся съ нимъ по пашнѣ; собаки налетѣли на нихъ гурьбой, и изъ нихъ образовался одинъ неразрывный клубокъ.

Къ намъ подскакали старикъ Савелій и графъ.

И вотъ, въ срединѣ этого кружка, что-то сильно поколебалось: собаки разлетѣлись въ розъ, и посреди ихъ, какъ два достойные бойца, волкъ и Чаусъ поднялись на дыбы, схватились яростно и снова грянулись на землю; собаки снова накрыли ихъ плотною броней.

Графъ приказалъ принять звѣря.

Охотники прыгнули съ лошадей, и Егорка первый, схватя волка за заднюю ногу, всадилъ ему въ пахъ кинжалъ по рукоятку; собаки отскочили; на землѣ остался одинъ только Чаусъ: пасть его впилась въ волчье горло и замерла на немъ; звѣрь, хрипя лежалъ въ растяжку; стремянный бросился къ Чаусу и рознялъ ему пасть кинжаломъ. Храбрый боецъ, при общихъ похвалахъ, отошелъ тихо въ сторону и снова палъ на землѣ, сильно дыша; изъ горла у него валила клубомъ кровавая пѣна; налитые кровью глаза блестѣли, какъ раскаленные угли.

Егорка съ радостнымъ лицомъ принялся вторачивать волка, какъ трофей, принадлежавшій ему по правамъ охоты.

— Ваше сіятельство! Честь имѣю поздравить вашу милость съ полемъ, батюшка,—сказалъ старикъ Савелій, снимая шанку.

— И васъ также, Савелій Трофимычъ, отвѣчалъ графъ весело и подражая старику въ ухваткахъ.

У Трофимыча была въ торокахъ лиса.

Мы спѣшились и пошли лѣвымъ берегомъ котловины, весело разговаривая о событіяхъ удачной травли. Я гладилъ Чауса, который шелъ подлѣ графа, и сдѣлался смиренъ, какъ овца. Атукаевъ былъ очень доволенъ быстротою дѣйствій и сметливостью своихъ охотниковъ.

Ловчій, стоя на бугрѣ, вызывалъ на рогъ гончихъ изъ острова; мы подошли къ нему; вскорѣ и прочіе охотники начали туда съезжаться.

На той сторонѣ котловины затравили двухъ волковъ приблѣлыхъ, лисицу и нѣсколько зайцевъ. Каждый изъ охотниковъ, рассказывая подробности травли, приписывалъ своей сворѣ необыкновенныя достоинства; но, всѣ они однакоже завистливо поглядывали

вали на торока Егоркины, потому что подобнаго волка никому еще изъ нихъ не случилось возить за своимъ съдломъ.

— Сорокъ лѣтъ сижу на конѣ, ваше сіятельство, повторыя Трофимычъ, а такихъ не принимываль!

Въ это время къ намъ подъѣхали Бацовъ и Стерлядкинъ съ прочими господами.

— Посмотри-ка, Лука Лукичъ, сказалъ я, указывая на волка.

— Это, братецъ, пустяки; а ты, вообрази себѣ, Карай-то мой, Карай, опять лису, такъ вотъ: джи!...

— Гдѣжь она? спросилъ Стерлядкинъ.

— Ну, вотъ у Кирюхи, отвѣчалъ Бацовъ, указывая на графскаго охотника.

— Значитъ, ты травилъ въ чужіе торока!

Всѣ засмѣялись.

Въ Асоргинскихъ, до объѣда, мы еще затравили одного волка и двухъ лисицъ, и ровно въ часъ за полдень жители Клинскаго, всѣ, отъ мала до велика, выбѣжали за околицу встрѣчать нашъ повозъ. Съ гордымъ и веселымъ видомъ, съ бубнами, свистками и пѣснями вступили удалые охотники въ деревню, обвѣшанные богатою добычей.

У новой и просторной на видъ избы стояли походные брики, а на крылечкѣ люди и новара, ожидавшіе нашего возвращенія.

Съ шумомъ, весельемъ и смѣхомъ вскорѣ усьлись мы за столъ. Во время объѣда, графъ поочередно призывалъ къ себѣ отличившихся охотниковъ, выдавалъ имъ определенную награду за *краснаго* и подчивалъ виномъ. Уже подали намъ жаркое, и въ стаканахъ запѣнилось искристое вино, когда вошелъ старикъ Савелій, съ своею неразлучною Красоткой.

— Ну, старикъ, поздравляю съ полемъ, сказалъ графъ, говорятъ, что Красотка хорошо скачетъ? Отчего она такъ худа?

— Въ разликъ, батюшка, ваше сіятельство: не перебрамшишь.

— Это за краснаго; а Красотку дарю тебѣ за усердную службу.

— Много доволенъ вашей милостью, сказалъ старикъ. Навсегда вамъ слуга, ваше сіятельство... сорокъ лѣтъ на конѣ сижу.... Еще покойному дѣдушкѣ вашему, графу Павлу Павловичу служилъ вѣрою и правдою; передъ Богомъ не лгу..., продолжалъ онъ, утирая рукавомъ радостныя слезы.

— Старикъ, продай мнѣ Красотку, сказалъ Бацовъ, подавая ей кусокъ пирога.

— Какъ продать-то, баринъ?... свой выкормокъ, сударь ба-

тюшка: самому-то не причежь быть... на старости лѣтъ, ни роду ни племени; одна племянница была, и тое Господь прибрала.

— Ну, чтожь? вѣдь Красотка тебѣ не внучатная? возразилъ Бацовъ.

Старикъ посмотрѣлъ въ началѣ на Бацова, потомъ на Красотку, и потрясъ головой.

— Нѣтъ, сударь, не продажная!

Мы встали.

II.

Спорь.—Тамбовская идиллія.—Подозрѣнный.—Карай и Азарвой.—Травля — Явленіе изъ болота.—Застава изъ благороднаго матеріала.—Цѣпнѣ.—Новооткрытый способъ продовольствовать армію.—Ганька и Мотрюха.—Новый инструментъ.—Предметъ сатисфакціи съ бабушкой.—Ужинъ подъ столомъ.—Дверь невидимка.—Побѣгъ.

Послѣ обѣда между охотниками начался жаркій споръ съ различными шутками, прибаутками и прочими вариациями, Стерлядкинъ отпускалъ остроты на счетъ Бацова и ловко надъ нимъ подтрунивалъ; послѣдній возражалъ, горячился, отбранивался, но все это было у него какъ-то не въ попадѣ, какъ говорятъ «не въ строку.» Меня одолевала дремота, но уснуть не было возможности, потому что волею-неволею я обязанъ былъ состоять въ роли свидѣтеля и посредника.

— Ну, ты, скажи пожадуйста, такъ ли это все было, какъ я говорю? обращался ко мнѣ Атукаевъ, рассказывая о подвигѣ Чауса.

Вслѣдъ за тѣмъ, Бацовъ, въ споръ съ Стерлядкинымъ и прочими, приступалъ ко мнѣ съ умоляющимъ видомъ: — Ну, вотъ, ты, какъ сторонній человекъ, увѣрь ихъ, пожадуйста и т. под.

Правду сказать, не выдавши по дальности разстоянія ничего, что дѣлалось на той сторонѣ котловины, я бралъ многое на совѣсть, но не желая оставить въ одиночествѣ бѣднаго Луку Лукича, поддерживалъ его, сколько могъ.

Вскорѣ, однакоже, этимъ разговорамъ положенъ былъ конецъ. Вошелъ стремлянный и доложилъ Атукаеву, что къ нему припожаловалъ пастухъ Ерема.

— Ну, вотъ, кстати; давай его сюда, проговорилъ графъ стремительно. Вотъ вамъ, господа, и конецъ возьмъ побасенкамъ, прибавилъ онъ, обратясь къ Бацову и Стерлядкину. Вѣрно есть подозрѣнный.

Стъ этимъ словомъ, въ отворенную настежь дверь, протиснулся необычайнаго вида человекъ. Ростомъ онъ былъ—косая сажень, лицомъ страшень, борода включена, въ нечесаной головѣ торчала солома и ржаные колосья. Нарядъ его состоялъ изъ лаптей, носконныхъ затасканныхъ портовъ и побурѣвшаго сермяжнаго полукафтаныя съ множествомъ заплатъ и отрѣпанными рукавами; подъ мышкой держалъ онъ баранью шапку, а въ правой рукѣ такую палицу, что ой-ой-ой! При взглядѣ на это страшное лице, мнѣ тотчасъ вспалъ на мысль Геснеръ, съ его Меналками, Дафниами, Палемонами и со всюю вереницею пригоженькихъ лицъ, удержанныхъ памятью изъ дѣтскаго чтенія. Поверхъ кафтана, отъ дождя, Ерема драпировался толстою неудобосгибающеюся и не идущей въ складки дерюгой, накинутой на плеча въ видъ гусарскаго ментика. Помолясь Святымъ, Ерема поклонился всей честной компаніи, отшатнулся къ притолкѣ и загородилъ собою дверь.

— Что скажешь, Ерема? началъ графъ.

— Русачка обошелъ, ваше графское сіятельство, произнесъ Ерема такимъ голосомъ и тономъ, по которому можно было понять съ разу, что этотъ страшный и неуклюжій дѣтина былъ простѣйшее и добрѣйшее существо.

— Хорошо. А гдѣ лежитъ? На чистотѣ? Травить можно?

— Какъ же, батюшка. Въ Мышкинскихъ зеленяхъ, на мышници. Трави, куды хошь. Матерой русачина; сультошній. Онъ самый, батюшка, безобманно....

— А, ну, если только онъ, такъ спасибо. Вотъ тебѣ за усердіе (графъ подалъ ему цѣлковый рубль); а эти господа еще отъ себя прибавятъ. Только, смотри, тотъ ли? Пожалуй, вмѣсто его, ты насадишь собакъ на какого нибудь настовика! * какъ бы намъ не сплеховать?

— Будьте въ надеждѣ, батюшка, ваше графское сіятельство, онъ самый; ужъ я къ нему приглядѣлся: что ни день, почитай, выдаю. И къ скотинѣ пріобыкъ.... энтю, нарочно нагоню стадомъ—только что ужимается, нѣсъ, да уши щулитъ.... лобанина, такой....

— Ну, вотъ вамъ, госнода, и дѣлу конецъ, сказалъ Атукасъ Стерлядкину и Бацову. Вотъ и увидимъ чья возьмется. А, ужъ, русачокъ, рекомендую, распотѣшить дружокъ, если

* Молодой заяцъ, февральскій и мартовикъ.

это лишь тотъ, которымъ я прошлый годъ потышался разъ до трехъ, такъ ужъ скажу напередъ—одолжить! Будеть за кѣмъ возить воду! Ну, Лука Лукичъ?

— Чтожь, пустяки, отвѣчалъ Бацовъ, выпуская обильную за-тяжку дымомъ, но въ этихъ, какъ-то небрежно сказанныхъ словахъ уже было замѣтно раздумье.

— Этакъ, пожалуй, мы, недолго думая, и на попятную... прибавилъ Стерлядкинъ.

— У, щучья пасть! на попятную; кто на попятную? ты, что-ли пойдешь?

И у Бацова съ Стерлядкинымъ пошли перекоры. Пользуясь ихъ увлечениемъ, графъ подмигнулъ мнѣ глазомъ и я пошелъ за нимъ въ сосѣдную свѣтелку.

— Поддерживай, пожалуйста, Луку, сказалъ онъ почти шопотомъ. Мнѣ хочется, чтобъ онъ отравилъ этого барышника (Стерлядкина); ужъ онъ слишкомъ допекаетъ бѣднаго Бацова, а Карай, можетъ быть, и оскачетъ: собака по породѣ выше Азарнаго.

— Чтожь, господа, полноте вамъ спорить, не видя дѣла. Хотите сажать, уступлю вамъ зайца, а не хотите—стану мзрять своихъ молодыхъ, сказалъ Атукаевъ, входя обратно.

— Вотъ, тебѣ, и весь сказъ, возразилъ Стерлядкинъ Бацову. Идетъ — такъ? Я не отступаю отъ вчерашняго уговора.... Только не иначе, какъ на-завладай, и заднюю по хвосту. Мнѣ не жаль собаки...

— Ну, вотъ, что ты меня, дурака что ли нашель! Пущу я на-завладай съ осенистой и втравленной собакой! Тебѣ говорятъ русскимъ языкомъ, что Карай погодокъ—и скачетъ щенячью... * До-угонки, изволь. Я те вставлю очки! Развѣ я не видалъ твоего рѣдкомаха? За псарскими воду возить; а тутъ... Пустяки, брать... ты меня храбростью не удивишь!

— Ха, ха, ха! Вотъ онъ каковъ! А вчера, какъ рисовался?

— Полно-те, господа, кончайте; къ чему тутъ въ далекое забггать? Еще собакъ вздумали портить!... Помѣряли и — конецъ... Вы за славу, а мы за васъ попридержимъ. Ты за кого держишь? спросилъ меня графъ.

— Я? Теперь, пока не знаю. А вотъ, взгляну, которая покажется, отвѣчалъ я.

— Ну, и прекрасно. Такъ, идетъ что ли, господа? Велите вести собакъ.

* Т. е. первую осень.

— Да, къ чему и вводить? У насъ семь пятницъ на недѣль. А, тамъ, пожалуй, чего добраго, еще и разревется, какъ тюлень на льду, произнесъ какъ-то съ высока и самонадвѣнно Стерлядкинъ, поднимаясь со стула.

— Ахъ, ты щучья п... началъ было Бацовъ съ свойственной ему быстротой и энергійей, но графъ не далъ ему кончить. Въ мы приступили къ состязателямъ и уговорили ихъ — «мврать собакъ» просто, а сами вызвались присутствовать въ качествѣ судей и общимъ приговоромъ утвердить славу за быстрѣйшей.

Послали привести собакъ на поглядѣнье. Перваго Азарнаго ввель Стерлядкина стремянный на своръ. Это была муругопъгая, чисто поовая собака, собранная вполнѣ, рослая, круторебрая, на твердыхъ ногахъ, но, собака скамьистая * и съ короткимъ щипцемъ. Увидѣвши своего господина, она степенно подошла къ нему и положила голову на колено.

Вслѣдъ за нимъ, на свистъ Бацова, вихремъ влетѣлъ Карай въ комнату и прыгнувъ къ нему на грудь, заскиглилъ и замаяхалъ хвостомъ. «Охъ, ты мой... шалунокъ...» приговаривалъ Бацовъ, лаская своего любимца. Карай спустился на полъ и началъ бѣгать и обнюхивать. Это была очень породистая густоисовая собака, почти во всѣхъ ладахъ **: онъ былъ немного лещевать, но съ крутымъ верхомъ *** и на вѣрныхъ ногахъ: сухая голова, глаза на выкатъ, тонкій щипецъ, хотя немного подуздовать. Глядя на этого, съ черною лоснящеюся шерстью и проточиной на лбу, бѣлогрудаго красавца, видно было, что онъ еще не опсовѣлъ и по молодости не сложился вполнѣ, но, по ладамъ и «розвязи» нельзя было не предпочесть его Азарному.

— Ну-съ, ваше сіятельство, сказалъ я, полушутя, еслибъ пришлось попридержать, я бы не отсталъ отъ Карая.

— И прекрасно, отвѣчалъ Атукаевъ, а я, пожалуй, потянусь за Азарнымъ.

Трутневъ подобострастно примкнулъ къ графу и хвалилъ Азарнаго; г. Бакенбарды молча управлялся съ недопитымъ стаканомъ.

Карай, какъ будто понимая мои слова, прыгнулъ ко мнѣ на

* Или *плмостепия*, т. е. съ ровной спиной.

** Статьи собаки.

*** Спина съ оваломъ.

грудь; но эта минутная ласка ничего не значила въ сравненіи съ тѣмъ взглядомъ, какимъ подарилъ меня Бацовъ.

Черезъ полчаса охота, въ полномъ составѣ, тронулась съ мѣста. Сопутствуемые ватагой мальчишекъ, мы выехали за околицу. Графъ приказалъ ловчему идти въ Глѣбово, но если не будетъ дождя, остановиться въ завалахъ, гдѣ надѣялись найдти лисицъ; ловчій со стаей и охотниками принялъ на льво и пошелъ торной проселочной дорогой; мы же, по слѣдамъ Еремы, разравнялись и поехали прямо полемъ. Кромѣ Карага и Азаряго съ нами не было собакъ. Впередѣ всѣхъ, держа по прежнему шашку подъ мышкой, широко шагаль нашъ необыкновенный вожакъ: онъ, казалось, подвигался впередъ очень медленно, но лошади наши постоянно шли за нимъ тротомъ; вскорѣ начались зелени и посрединѣ ихъ возвышался небольшой, засѣянный рожью же, курганъ; на льво это озимое поле отдѣлялось отъ овсянница широкимъ рубежемъ и тотъ же самый рубежъ загибалъ подъ прямымъ угломъ и тянулся на право по легкому скату въ болотную ложбину, поросшую кустарникомъ и молодыми березками, гдѣ и заканчивались озими.

Поднявшись на темя теперь почти незамѣтнаго для насъ возвышенія, казавшагося издали плоскимъ курганомъ, пастухъ остановился и показалъ прямо на низину поля, гдѣ, сажоняхъ въ сорока отъ насъ, былъ круглый мшарникъ, или, лучше сказать, не засѣянный рожью мочевиинникъ, какихъ бываетъ множество въ озимыхъ поляхъ: желтая, сухая трава ярко отдѣлялась отъ окаймлявшихъ ее густыхъ зеленей.

— Ну, какъ, сударики, прикажете? куды гнать будемъ? спросилъ Ерема Бацова и Стерляджина.

— Да онъ здѣсь? спросили оба разомъ.

— Тутотка, вонъ, влѣвъ, къ самой головкѣ.

— А куда передомъ? Ты видѣлъ?

— Да, такъ-вотъ, на выносъ, въ уголь, къ рубежамъ.

— Не хлопочите, господа, сказалъ графъ. Если это русакъ и материкъ, такъ я васъ увѣряю, что онъ потянетъ рубежемъ; другаго ходу у него быть не можетъ и какъ вы не отъзжайте, а на жниво вамъ его не сбить, скорѣй же заловятъ на зеленяхъ, если осмѣять.

— Какъ же поднимать? спросилъ Бацовъ.

— Просто, спуститесь на вашу грань, и — катяй изъ модъ арапника. Сосворьте собакъ.

— Комужъ показывать?

— Да, вотъ, хоть мой стремянный. — Ларка, продолжалъ Атукаевъ своему стремянному, посади собакъ и доскачивай. А ты, Лука Лукичъ, отдай свой арапникъ Еремъ, онъ подниметь русака. Да не путай же своры — экая горячка! Смотри, точно на эшафотъ его ведутъ. Ну, братъ, вижу, ты огневый!...

И точно, отдавши арапникъ пастуху, Бацовъ принялся сосворивать собакъ: я замѣтилъ, какъ пропуская свору узломъ внутрь, дражащія руки его едва попадали въ кольца.

— Что онъ дѣлаетъ? крикнулъ графъ. Смотри, Лука, какъ ты сосворилъ? ты захлеснешь кобелей на мертвую петлю, или самъ полетишь съ сѣдла!

— Ахъ, да не торопите.... вижу.... приговаривалъ Бацовъ, суетливо вымахивая свору назадъ.

Наконецъ, уладивши дѣло, онъ очутился въ сѣдлѣ.

— Щожъ, аль пугнуть? спросилъ Ерема, брося палку и шанку.

— Погоди, вотъ баринъ станетъ на мѣсто, сказалъ графъ.

Бацовъ спустился саженой на десять по скату.

— Довольно, крикнулъ ему Стерлядкинъ. Тутъ и двадцати саженой не будетъ.

— Ступай теперъ, хлопай у края, сказалъ графъ. Да не кричи, какъ вскочить.

Пастухъ, съ кнутомъ въ рукъ, отправился во мшарникъ. Стремянный подобралъ поводья и сталъ саженьяхъ въ десяти ниже Бацова.

Минута тревожнаго ожиданія настала для всѣхъ. Мнѣ очень хотѣлось взглянуть въ лицо Бацову, но онъ стоялъ къ намъ спиною и глядѣлъ впередъ. Всѣ молчали; одинъ только Трутневъ шепталъ что-то Бакенбардамъ. Мнѣ, почему-то казалось, что Ерема и въкъ не доползетъ до мшарника... но, вотъ, онъ очутился на краю, между кочками, посмотрѣлъ на насъ и — хлопнулъ; со вторымъ хлопкомъ заяцъ поднялся съ логова: онъ былъ почти голубой, потому что выцвѣлъ и не смотря на раннюю осень, началъ затирать пазонки*. Пошелъ онъ не во весь бѣгъ, а перетраивалъ, поднималъ уши, вслушивался и, принявши круто на лѣво, держалъ прямо къ рубежу. — Вотъ, такъ дѣтина! примолвилъ графъ, любуясь выступкой русака. Съ такимъ чортотъ едва ли они сладятъ. Этотъ дастъ себя знать!

* Заднія ноги.

Съ первымъ прыжкомъ русака, стремянный пустился рысью и указывая на него арапникомъ, приговаривалъ: о-то-то-то!... до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ передъ собой собакъ, послѣ чего онъ пустилъ лошадь во весь опоръ и зарко заухалъ.

Какъ передать простымъ, текучимъ словомъ невыразимую быстроту и измѣнчивость той картины, которая развилась теперь передъ нами — ясная, живая, но едва сослѣдимая глазомъ?... Мы говоримъ: полетъ сокола, блескъ молніи, но, что нарисуютъ эти слова въ понятіи чловѣка слѣпаго отъ рожденія и не видѣшаго ни лета соколинаго, ни синяго неба, ни черныхъ тучъ съ ихъ огненной утробой?!... *

Бацовъ выдержалъ себя молодцомъ; онъ подалъ собакъ во время, по охотничьи, по первому звуку голоса довѣжачаго и самъ остался на мѣстѣ. Собаки помчались ухо-въ-ухо по лошади; Азарной первый возрѣлся въ русака, но прыть его длилась только на мгновеніе: завидя звѣря, Карай пахнулъ мимо его и оставя далеко за собою, круто, щегольски, угналъ русака, т. е. «поставилъ уши назадъ», и самъ пронесся далеко въ сторону; громкое, единодушное браво сопутствовало ему; мы тихо спустились и окружили Бацова.

Азарной, по слѣдамъ Карая, примѣрялся, вложился, но, развѣхался съ русакомъ легко и быстроногій звѣрекъ въ мгновеніе ока, отросъ отъ него и очутился на рубежъ и пока сладились и возрѣлись собаки — онъ былъ уже далеко. Азарной первый пошелъ по немъ рубежемъ, но, тутъ ему суждено было осрамиться окончательно. Растерявшись отъ своей первой заркой угонки, Карай не скоро сладился и не видя зайца, пошелъ по Азарномъ, но, въ тотъ мигъ, когда взглянулъ на русака, онъ собрался съ разу, обвѣхалъ Азарнаго «съ ушей» и отдѣлился отъ него на столько, что тотъ, скача сзади съ натугой, ка-

* Однажды на всегда прошу извиненія у моихъ читателей за тѣ выраженія, которымъ я обязанъ придерживаться при описаніи подобныхъ сценъ и въ разговорахъ между охотниками. Языкъ охотничій испещренъ множествомъ такихъ словъ и оборотовъ, которые могутъ казаться правильными и понятными только для однихъ охотниковъ. Какъ передать, напримѣръ, не измѣняя смысла и не умаляя силы выраженія: *повисъ на щипцѣ, заложился* по русаку, заяцъ началъ *отростать* и тысячи подобныхъ терминовъ? Въ другомъ случаѣ, избѣгая ихъ и выражаясь языкомъ книжнымъ, я рискую подвергнуться нареканію у специалистовъ дѣла и заслужить справедливый отъ нихъ упрекъ въ непониманіи предмета.

Асторъ.

зался словно стоячимъ, или, говоря языкомъ охотника, началъ «удить.»

Взрывъ общаго одобренія раздался вокругъ меня, но онъ былъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ необъяснимымъ звукомъ человѣческаго голоса, какой послышался мнѣ съ правой руки. Я взглянулъ на Бацова: онъ былъ блѣденъ и смутно глядѣлъ впередъ; ротъ у него былъ открытъ, губы дрожали, онъ, мнѣ казалось, былъ близокъ къ помѣшательству... Да, глядя на Бацова, я только теперь понялъ значеніе слова — «охотникъ». Нѣтъ, это не простой, обыденный, понятный каждому терминъ: въ немъ есть кое-что такое, чему, можетъ быть, посмѣются, но не разгадаютъ, не поймутъ многіе...

Но, вотъ, съ страшной силой и неумовимой для глаза быстротой, Карай швырнулъ зайца съ рубежа на озими и самъ полетѣлъ кубаремъ; отъ этого внезапнаго толчка, оторопѣвшій русакъ понесся прямо въ пасть къ Азарному. Новое браво изъ нашего кружка привѣтствовало удалца; молчалъ одинъ только Бацовъ.

Заложась на встрѣчу къ зайцу, Азарной сколоса, свихнулъ его къ рубежу, повисъ на немъ и держалъ долго на щипцъ, но осилить не могъ; Карай, справившись, снова швырнулъ русака отъ рубежа. Сбившись на зелени, заяцъ началъ *усьдаться*, нарочитъ все-таки достигъ другаго рубежа, но Карай не давалъ ему хода; раза два собаки скучивались, залавливали и мы слышали даже, какъ стрелянный отгокалъ ихъ... но, видно, что и тутъ пришлось по Сенькѣ шапка: въ тотъ мигъ, когда обѣ собаки скучились и я считалъ уже зайца пойманнымъ, онъ прыгнулъ на сажень вверхъ и, пока собаки слаживались, очутился отъ нихъ саженьяхъ въ двадцати и катилъ по рубежу прямо въ кусты. Насталъ послѣдній дебютъ для Карая, заискавшаго уже общее сочувствіе: всѣ постепенныя впечатлѣнія для глаза исчезли при видѣ той заркости и быстроты, съ какою онъ снова подоспѣлъ къ русаку и швырнулъ его съ рубежа на сосѣднее жниво, но самъ уже не пошелъ съ мѣста; зайцемъ завладѣлъ Азарной и, скача за нимъ «въ намахъ», проводилъ въ кусты. Бѣдный нашъ Карай, сидя на мѣотъ, съ поднятою ногой, жалобно взвизгивалъ. Бацовъ проговорилъ что-то неопредѣленное и помчался во всю прыть къ своему любимцу; мы тоже поскакали вслѣдъ за нимъ.

Когда мы остановились, Бацовъ сидѣлъ уже на рубежѣ и держалъ на рукахъ Карая: изъ передней лапы у него текла обиль-

но кровь. По осмотру раны оказалось, что онъ сорвалъ передній ноготь. У пыльных собакъ это бываетъ за-частую, особенно если неопытные и горячіе охотники травятъ ими въ позднюю осень по мерзлой пашнѣ. Впрочемъ сорванный ноготь, кромѣ сильной боли на первыхъ порахъ и двухнедельной хромоты, пока образуется молодой ноготокъ, худшихъ послѣдствій за собой не влечетъ.

Возъ мы обрадовались этому незначительному случаю, тѣмъ больше, что, скача за Бацовымъ, графъ и прочіе охотники полагали увидѣть собаку съ переломанной ногой.

Подъѣхалъ Стерлядкинъ и волею-неволею началъ поздравлять и привѣтствовать своего соперника; но онъ не успѣлъ промолвить и пяти словъ, какъ за ложбиной послышалось отчаянное: ату-эво! и протравленный нами русакъ вынесся обратно изъ кустовъ по рубежу прямо къ намъ; его гналъ Азарной и пять новыхъ собакъ, а за собаками, на рьяномъ конѣ, не разбирая ни кустовъ, ни кочекъ, безъ шапки, поблескивая лысиной, съ висками на отлетъ, выскочилъ, въ полномъ смыслѣ слова, изъ болота Петръ Ивановичъ! Заяцъ увидѣлъ насъ и вильнулъ въ сторону; Карай возрѣлся, рванулся, взвизгнулъ, помчался и, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ русака, послѣдній, лежа на боку, только нетрепыхивалъ лапками: Карай убилъ его грудью.

— О-го-го-го! загудѣлъ Петръ Ивановичъ, ооскакивая съ лошади въ то время, какъ Азарной и его собаки накрыли убитаго русака. «Атрышъ! атрышъ!» закричало все наше общество. Графскій стремянный очутился тутъ же.

— Отпазончи * русака и вторачивай ** въ свои торока, сказалъ ему Трутневъ.

— Какъ это? Что такое! Я травилъ... да это разбой, господа... это... я... отнять насильно—пожалуй... а, въ противномъ случаѣ, я не позволю... я...

— Ну, что ты мелешь, не выдавъ дѣла, перебилъ его Трутневъ. Ты выслушай напередъ.

Всѣ наперерывъ принялись объяснять Петру Ивановичу обстоятельства дѣла; онъ слушалъ внимательно и съ увлеченіемъ повторялъ: онъ... съ рубежа... опять... съ Азарнымъ! фу, чортъ, знатно!... Лихо! лихо! А что, я говорилъ вамъ, господа, при-

* Отпазончить т. е. отрѣзать заднія лапки. Ихъ отдаютъ тутъ же пойманной русака собакѣ.

** Привязать къ сѣдлу.

бавилъ онъ, обратясь къ Бакенбардамъ и Трутневу, что Карай будетъ дивная собака! я это вижу по ладамъ. Ну, Лука Лукничъ, поздравляю!

Подъехали два человека Петра Ивановича и привезли отъисканную въ болотъ шапку; стремянный отпазончилъ и второчилъ русака. Всѣ мы обратились къ Бацову и дружно поздравляли его съ полнымъ успѣхомъ; Стерлядкинъ тоже усердно вторилъ намъ; Бацовъ, глядя на насъ молча, былъ какъ-то сановитъ, тихъ и серьезенъ; онъ еще не успокоился и былъ словно въ угаръ послѣ такихъ сильныхъ и дорогихъ охотнику впечатлѣній, испытанныхъ въ столь короткій срокъ. Карай сидѣлъ подлѣ него и зализывалъ болѣзную ногу. Ерему всѣ одѣлили щедро.

— Господа, пора намъ тронуться; времени останея немного, сказалъ Атукаевъ, глядя на часы.

— Нѣтъ, о, нѣтъ! ваше сіятельство, какъ можно? Надо замочить лапки; а то, чтожъ это будетъ... Что мы за охотники послѣ этого? А ночевать ко мнѣ, господа, прибавилъ Петръ Ивановичъ; я ужъ такъ распорядился; графъ, ваше сіятельство, ночевать ко мнѣ... и Петръ Ивановичъ, принимая отъ своего стремяннаго флягу, пропѣлъ со всеми онерами извѣстную охотничью пѣсню: *«Выпьемъ, дружи, на крови...»* и пр.

Но выпилъ только одинъ Петръ Ивановичъ; прочіе отказались.

Верстахъ въ пяти отъ мѣста нашли мы охоту; когда мы очутились близко отъ экипажей, стоявшихъ на лугу, въ сторонѣ отъ дороги, изъ одной брыки выскочилъ Хлюстиковъ и пустился въ присядку; онъ былъ уже «въ своемъ видѣ», т. е. былъ пьянъ.

— А, Петруничъ! такъ-то ты держишь слово? произнесъ грозно Атукаевъ. Ты хотѣлъ спать, а теперъ—«въ положеніи». Кто это его употчивалъ?

—Н-не изв-вѣсно-сь, отвѣчалъ поваръ, стараясь держаться какъ можно прямо.

— А, понимаю, продолжалъ графъ, глядя во всѣ глаза на своего приспѣшника.

— Не изв-вольте сумлеваться... васьсьво... мы нетокма-что ни-чесовъ... обидно, васьсьево!... во-какъ горько, обидно... Поваръ застучалъ кулакомъ по груди и прегорько заплакалъ.

— Прибрать ихъ въ фургонъ, сказалъ графъ людямъ.

Петруничка и обиженнаго подхватили на руки и, какъ мышки съ мякиной, попихали въ собачью фуру.

Стерлядкинъ простился съ нами и, взявши обѣщаніе со всѣхъ—завтра у него обѣдать, пересѣлъ въ дрожки и отправился домой.

Мы кинули гончихъ въ сосѣдній островъ и до сумерекъ затравили русаковъ двадцать на котель, т. е. для собакъ. Въ то время, когда я подъѣзжалъ къ острову вмѣстѣ съ Бацовымъ, графъ обусловилъ насъ—не соглашаться на предложеніе Петра Ивановича вѣхать къ нему на ночлегъ. «Мы ночуемъ въ Глѣбковѣ, какъ дома; а тутъ, эти господа налижутъ непременно и не дадутъ спать до утра, или, что всего хуже, затравятъ насъ клопами; я ужь это испыталъ», прибавилъ графъ. И точно, во время гоньбы, Петръ Ивановичъ подъѣзжалъ къ Атукаеву и къ намъ: тотъ ссылался на насъ, а мы отказались на—отрѣзъ. Петръ Ивановичъ, успѣвшій уже порядочно подбодрить себя, въ самый разгаръ гоньбы ускакалъ съ людьми и собаками домой. Быстрые осенніе сумерки застали насъ въ ту пору, когда мы вызвали гончихъ изъ острова. Сдавши собакъ, мы съ однимъ стрелянымъ пустились на рысяхъ до мѣста нашего ночлега. Дѣло въ томъ, что намъ никакъ нельзя было миновать усадьбу Петра Ивановича, которая была всего-то въ двухъ верстахъ отъ Глѣбова. Мы условились пронестись мимо дома на маршъ-маршъ и тѣмъ избавиться отъ объясненій, въ случаѣ, если бы даже самъ Петръ Ивановичъ, стоя у воротъ, вздумалъ приглашать насъ вторично. Но, увы, плану нашему суждено было остаться тамъ, откуда онъ и возникъ, т. е. въ воображеніи: не довзжая усадьбы за полверсты, намъ предстояло проѣхать плотину и пересѣкавшій ее мостъ; все это состояло въ единственномъ, безспорномъ владѣніи помянутаго уже не разъ Петра Ивановича. Тутъ-то представилось зрѣлище, которое я увидѣлъ первый разъ въ жизни: на плотинѣ стояла толпа мужиковъ, съ кирками, коляями и топорами, а подвинувшись ближе, мы увидѣли самого Петра Ивановича: растянувшись персонально, поперекъ дороги, онъ заградилъ намъ путь; на мосту торчали однѣ перекладины; накатникъ былъ снятъ и лежалъ въ кучѣ.

— Нѣтъ дальше ходу! крикнулъ намъ Петръ Ивановичъ и застучалъ каблуками по землѣ. Или застрѣлюсь тутъ на мѣстѣ, или вы ночуете у меня....

Мы, молча, переглянулись.

— Полноте, Петръ Ивановичъ! Къ чему вы это затѣваете? Я вѣдь вамъ сказалъ уже, что я не одинъ. Сомной, вотъ, гос-

пода, прислуга, охота, цѣлый обозъ; мы вамъ надѣлаемъ столько клопотъ...

— Ломай дальше! крикнулъ Петръ Ивановичъ мужикамъ. Ночуйте у меня или въ полѣ... Бррр! У меня все готово... Армію давай сюда! угостимъ армію.... бррр....

— Чего же вы хотите?... Чтобъ мы ночевали на мельницѣ?...

— И я съ вами!

— Мы вернемся назадъ...

— И я съ вами.

— Мы, наконецъ, уведемъ домой.

— И я съ вами... бррр.

И на все это Петръ Ивановичъ, по его понятіямъ, рзыался единственно потому, что онъ благородный человекъ и товарищъ истинный, а не жомини, не шелкоперъ! Что онъ готовъ для насъ перехватить себѣ горло ножемъ. «А вы вотъ этого не сдѣлайте!» прибавилъ онъ наивно.

Пока мы торговались съ этимъ навязчивымъ кунакомъ, подвалилъ обозъ и стая къ плотинѣ. Увидѣвши Трутнева, Петръ Ивановичъ вскочилъ какъ встрепанный.—Володя! другъ! помоги... Ръжутъ, жгутъ... обида! понимаешь—обида!...

— Горько, обидно! васъсьево! вторилъ ему плачевный голосъ изъ фургона.

— Чтожъ, ваше сіятельство, удостойте; мы, этакъ, тово, все черокъ вмѣстѣ... прибавилъ Трутневъ.

Съ послѣднимъ словомъ Трутнева, Петръ Ивановичъ очутился на колыняхъ передъ лошадыю Атукаева.

Между тѣмъ стемнѣло совсѣмъ, нахмурилось, брызнулъ мелкій дождикъ.

Что оставалось послѣ этого? Подумали и согласились!

Обрадованный кунакъ нашъ кинулся какъ шальной къ мосту, прикрикнулъ на мужиковъ и принялся самъ настилать накатникъ. Перенравя стаю и обозъ впередъ, мы, наконецъ, всѣмъ обществомъ тронулись въ путь и начали подниматься на пологую гору; налво отъ насъ потянулася каменная стѣна, направо начали попадать въ глаза неопредѣленнаго вида строенія. Минувавши ихъ, мы повернули въ высокіе каменные ворота; направо стоялъ громадный, съ заколоченными наглухо ставнями, старинный домъ; за нимъ, въ углу, свѣтились два окна флягся, гдѣ помѣщался Петръ Ивановичъ съ семьей. Услыша топотъ, къ намъ вышелъ подолыный давай со свѣчкой и, мпчая въками, ста-

рался осветить двѣ ступеньки крылечка подъ соломенной крышкой.

При входѣ въ первую комнату изъ скверной, волочечей и сорной передней, мы тотчасъ были пожалованы въ званіе друзей Петра Ивановича и расцѣловавшись съ мамъ какъ подобало, вступили въ слѣдующую комнату, игравшую роль гостиной потому, что въ ней обрѣтался ситцевый диванъ, нѣсколько кресель и стояло въ углу старинное, необыкновенной формы фортепьяно, съ оваломъ на спинѣ и круглыми боками, очень походившее на суперосную свинью.

— Вотъ, тутъ, господа, пожалуйста... Графъ, прошу садиться, а я вотъ вамъ, тотчасъ жену, тово... чаю... Эй! Каролина, выходи! чаю господамъ... Ком-гиръ! крикнулъ онъ, громко стуча кулакомъ въ дверь. Да вы не хотите ли, тово... передъ чаемъ пройдтись по водкѣ, лучше... А, вотъ она; рекомендую, графъ... да! вы уже знакомы... вотъ, господа, рекомендую, моя жена: только, вы съ нею не очень-то... просто, этакъ, тово, она глуха—чортъ, не знаю чѣмъ лечить... русскія лекарства не дѣйствуютъ... Вы, пожалуйста, не церемоньтесь съ ней... Каролина, чаю господамъ... Тей! тей! крикнулъ Петръ Ивановичъ, выдѣлалъ рукой какъ наливаютъ чай и убѣжалъ.

Пока это говорилось и показывалось, между нами, медленно отворя дверь, еще медленнѣе появилась молодая дама съ завязанной щечкой, въ оцятномъ свренкомъ капотѣ изъ полутерно; въ то время, какъ мужъ выкрикивалъ у нея надъ ухомъ: тей! она успѣла выдѣлать два книксена и, во исчезновеніи Петра Ивановича, молча съѣла въ ближайшія кресла: въ черныхъ, прекрасныхъ глазахъ ея свѣтилась какая-то робость, сиротливость; на блѣдномъ, кроткомъ, чисто нѣмецкаго типа лицѣ была замѣтна грусть, а глядя на тощую грудь и руки этой женщины, нельзя было сомнѣваться, что у нея до крайности потрясены и ослаблены нервы.

Кое-какъ откланявшись, мы тоже начали усаживаться гдѣ попало; графъ помѣстился ближе и, какъ знакомый, первый вступилъ въ разговоръ.

— Какъ ваше здоровье? спросилъ онъ довольно громко.

— Ваше зѣтельство на акотъ? отвѣчала Каролина Федоровна.

Въ такомъ родѣ длился у нея разговоръ съ Атукаевымъ около четверти часа; наконецъ, я подошелъ какъ можно ближе и сказалъ довольно громко по-нѣмецки:

— Вы вѣрно скучаете, живя постоянно въ деревнѣ?

★

— Мои родные въ Карлсруэ, отвѣчала она и грустно улыбнулась.

— Вы любите чтеніе? спросилъ я еще громче.

— У моего мужа умерли всѣ собаки, было отвѣтомъ.

Я снова сѣлъ на мѣсто.

Вошелъ Трутневъ и не обращая вниманія на Каролину Федоровну, пустился въ розказни.

— Что, вамъ, я полагаю, скучно, ваше сіятельство? Тутъ, тово....

— Нѣтъ. Только жаль, что вотъ наша дама затрудняется въ отвѣтахъ. Прежде она слышала хорошо.

— Представьте, это Петръ Ивановичъ ее оглушилъ... Когда онъ бываетъ подъ гулькомъ, такъ знаете, этакъ, ему вздумается тово, по праву супружества.... Одинъ разъ, какъ-то въ сердцахъ, по головъ, тово... ну и оглохла. Изъ синяковъ не выходить, прибавилъ онъ, улыбаясь.

Каролина Федоровна слѣдила за выраженіемъ лица Трутнева и, полагая, что онъ рассказываетъ намъ очень смѣшную исторію, весело улыбалась.

Я вскочилъ, самъ не зная по какой причинѣ, съ мѣста и вышелъ въ другую комнату.

Петръ Ивановичъ, преобразившись изъ яргака въ архалухъ, бѣгалъ по комнатамъ, выскакивалъ на крыльцо, кричалъ, бранился и торопилъ прислугу, отдавая каждому по пяти самыхъ разнорѣчивыхъ приказаній. Между прочимъ, я слышалъ часто произносимыя имъ имена: Ганьки и Мотрюшки.

— Ну, что, сказалъ? спросилъ онъ, поймавши за воротъ бѣжавшаго черезъ залъ рыгаго, съ веснушками, въ свромъ казакинъ мальчика.

— Сказалъ.

— И Ганькъ сказалъ?

— Сказалъ.

— И Мотрюшкъ?

— Сказалъ.

— Да, ты, дуракъ, ты бы Ганькъ сказалъ, чтобъ она тово... а Мотрюшкъ, чтобъ она это... понимаешь? Сарафанъ, дуракъ, бѣги, скажи опять—моль, въ сарафанахъ и ткача сюда... А ты куда? накинудся онъ на подслѣпаго лакея.

— Я-съ? Вы приказали...

— Дуракъ! Я сказалъ, чтобъ столъ, тово, карты и все такое, въ кабинетъ...

— Да я бѣгу по вашему приказу; чтобъ ключника послать, овса добыть, овса нѣтуту...

— Дуракъ, тебѣ говорятъ— карты! понимаешь? въ кабинетъ, ты — столъ тамъ, чтобъ и все этакое...

И Петръ Ивановичъ влетѣлъ въ гостиную.

— Чтожъ, чаю о сию пору? Чаю! Что ты тутъ разсвлась! грибъ нѣмецкій! Тей! тей! крикнулъ онъ, дергая жену за плечо. Блѣдная, растерянная, она робко взглянула ему въ лицо, и по направленію руки Петра Ивановича вышла въ дверь.

— Друзья мои! Графъ! Ваше сіятельство! Не поскучайте, пожалуйста; извините, я сейчасъ... Только, вотъ, на счетъ извѣстхъ...

И Петръ Ивановичъ снова исчезъ.

Не сморя на это громкое — тей! чая намъ вовсе не дали, и Петръ Ивановичъ больше не вспоминалъ объ этомъ; Каролина Федоровна, тоже, словно въ воду канула и больше къ намъ не появлялась.

Оставшись въ троемъ, мы принялись разсуждать о скачкѣ Карая; такъ прошло около получаса; въ это время я увидѣлъ, какъ Петръ Ивановичъ, подкравшись на цыпочкахъ къ нашей двери, тихо притворилъ обѣ половинки; вслѣдъ за тѣмъ, мы услышали топотъ и установку въ залъ, кое-кто покашливалъ и пересмѣивался; наконецъ, дверь распахнулась снова и Петръ Ивановичъ появился къ намъ съ довольнымъ лицомъ.

— Неудобно ли, господа, сказалъ онъ какъ-то торжественно и, обратясь къ двери, хлопнулъ въ ладоши.

Съ этимъ сигналомъ, въ сосѣдней комнатѣ разразился неистовый крикъ. Я не помню, какъ я очутился тамъ: толпа деревенскихъ бабъ, подъ управленіемъ ткача, горланила какую-то вступательную пѣсню, звуки которой какъ-то лопались въ ухахъ. Наконецъ, при появленіи графа и Бацова изъ гостиной, а Трутнева съ Бакенбардами изъ кабинета, двѣ бабы, разряженныя въ китайчатые съ мишурной оторочкой сарафаны и самъ ткачъ съ его необыкновеннымъ инструментомъ, отдѣлились отъ сонмища и начали какую-то мордовскую пляску подъ припѣвъ хора:

«Ахвицеръ, ахвицеръ, ахвицерикъ молодой!

Ахвицерикъ молодой,

Подъ нимъ коникъ вороной:

Конь копытомъ землю бьетъ; а дѣвица слезы льетъ!»

Ганька и Мотрюха отжигали непостижимыя колѣнца, а ткачъ

трещалъ подъ нѣсно хора на своемъ неслышанномъ инструментѣ. Инструментъ этотъ былъ ни что иное, какъ тунейный гребешокъ, съ придѣланной къ нему какъ-то бумажной.

«Ну, Каролина Федоровна знала для чего оглахла,» думала я, слушая этотъ *валльс*.

Но такъ онъ дѣйствовалъ на Петра Ивановича: умоеііе его было, какъ видно, безгранично; онъ и шевелилъ плечами, и выступалъ козыремъ, и засучивалъ рукава, и притонывалъ, и прещелкивалъ и, наконецъ, что всего хуже, кажется, окончательно забылъ о насъ грѣшныхъ. Трутневъ тоже началъ понашему увлекаться этимъ зыкомъ; г. Бакенбарды держалъ себя гордо и степенно, хотя и можно было поручиться, что не будь тутъ этотъ *Monsieur le comte!* онъ непременно закружился бы въ общемъ водоворотѣ.

Мы вернулись въ гостиную и начали со смѣхомъ и досадою пополамъ высказывать каждый свое мнѣііе о беззаконномъ нашемъ арестѣ. Базовъ въ особенности выражался на счетъ этаго очень ясно и убедительно, но все его красноречіе заканчивалось общимъ и дружнымъ между нами смѣхомъ и едва мы съумѣли бы придумать что нибудь для своего избавленія, еслибъ не слѣдующій случай:

Неизвѣстно откуда явился передъ нами камердинеръ Атукава съ весьма недовольнымъ видомъ и произнесъ на первый разъ очень простую, но до крайности вразумительную фразу:

— Ваше оіятельство! Какъ вамъ будетъ угодно, а почевать тутъ не приходится.

— А что?

— Помилосердуйте... Лошади у насъ не отпряжены и стоятъ безъ корма. Собаки о сѣ пору на дворѣ, подъ дождемъ; приюту никакого... Въ конюшнѣ, въ сараяхъ, вездѣ течь; все стоитъ не покрытое: поварь, вишь, крыши изводитъ на плиту. Людямъ зеть нечего и развѣститься негдѣ; у экипажей я поставилъ на рауль, того и гляди очнотять!...

— Вотъ-тъ разъ! Хотѣлъ угощать армію! проговорилъ графъ въ раздумьи. Неужели нѣтъ корму ни людямъ, ни лошадямъ?

— Точно такъ-съ. У нихъ и свои лошади третьи сутки овса не нюхали, а тутъ гдѣ же взять на такое количество; сами изволите знать: у насъ не десять лошадей! Да, вотъ, для васъ тоже кушать о сѣ пору не готовятъ. Дворовые бѣгали на село куръ да яйца собирать: мужики къ принади въ колья; тамъ

драка, безобразіе, мянство, крикъ... А дворня-то — всѣ воръ на воръ, у своихъ тащаты въ-подъ замка... помилуй Богъ, беды не оберешься!...

Прослушавъ это донесеніе, мы переглянулись въ разъ и громко, отъ души захохотали.

Отнеся этотъ смѣхъ на счетъ сочувствія нашего общему веселью, Петръ Ивановичъ влетѣлъ въ гостиную козыремъ, выдвигая колымаги и заключалъ меня перваго въ объятія, но Мотрюха выручила остальныхъ отъ этой мялки. Появившись съ приляской передъ Петромъ Ивановичемъ и маия его къ объѣ руками, она пригвала въ тактъ: «О-охъ, кости болятъ! Всѣ суставы говорятъ» и т. д.—Геній, а не женщина! крикнулъ тотъ и умчался за своей дамой, пригвая: ходи разъ, ходи два! и т. дагье.

— И прекрасно, началъ Атукаевъ, обдумавши тѣмъ временемъ свой планъ. Вели людямъ собраться макъ можно тише и тронуться въ разъ со двора; лошадей нашихъ держать на готовъ, а Петруччина дать сюда: пусть его веселятся сколько душъ угодно; мы его, господа, употребимъ вмѣсто громоотвода и отдадимъ на жертву, а сами улизнемъ отсюда... Ступай же и обдѣлай все, какъ можно аккуратное.

— Слушаю.

И обрадованный Артамонъ Никитичъ, заговаривая и замгрывая съ бабами, ловко добрался до передней.

Его мѣсто въ гостинной замѣнилъ г. Бакенбарды.

— А мусье ле контъ! началъ онъ. Же ву ле фелиситъ авекъ до бьонъ э-тре гранъ плезиръ!

Зловѣй! такъ и видно было по лицу, какъ долго онъ мучился надъ постройкою этой необыкновенной фразы.

— Чтожъ, намъ тутъ очень весело, сказала графъ по-русски, глядя на меня такъ убійственно, что я чуть не лопнулъ подобно ракетъ, отъ усилія не разразиться смѣхомъ.

— Но, мнѣ, признаться, это всегдашнее тужуръ пердри надовло, проговорилъ Бакенбарды и, à la Чайдъ-Гарольдъ, помѣстился возлѣ меня въ креслахъ.

— Къ тому же вамъ для занятія досталась такая дама, которая ничего не слышитъ: хоть стрѣлай! началъ онъ, относясь ко мнѣ.

— Да, жаль.... промолвилъ я, кусая свою губу.—Давно она потеряла слухъ?

— Вотъ , съ великаго поста.... Это муженекъ ее оглушилъ. Вздумалъ стучать объ эту печку и еслибъ я не случился тутъ... да что и говорить ; когда-нибудь онъ-таки ее доканаеть.... мѣсяца три голова у нея была настоящая подушка.... Да, вотъ , и старшая дочь, вы не видали ее ? сдѣлалась уродомъ, должно быть по его милости: теперь у нея растутъ горбокъ....

И замѣтя наше расположеніе слушать, г. Бакенбарды пошелъ дальше. Изъ его длиннаго повѣствованія , за исключеніемъ французскихъ фразъ, мы уразумѣли слѣдующее :

Оставшись послѣ родителей по десятому году, Петръ Ивановичъ, вмѣстѣ съ меньшей сестрой своей, попалъ на воспитаніе къ бабушкѣ , женщинѣ извѣстной въ околоткѣ по богатству и гордому характеру. Въ семнадцать лѣтъ Пётръ Ивановичъ возъмѣлъ рѣшительное намѣреніе прицѣпиться къ боку саблю. Черезъ десять лѣтъ службы въ гусарскомъ полку , онъ явился на родину , съ отставкой въ карманъ и съ полнымъ запасомъ анти-гусарскаго удалства. Поселясь въ отцовскомъ большомъ и прекрасно устроенномъ имѣніи, котораго, прибавимъ въ скобкахъ , теперь не осталось и половины , Петръ Ивановичъ часто навѣщалъ бабушку и не замедлялъ тамъ влюбиться въ компаньонку своей сестры , то есть въ Каролину Ѳедоровну. Освѣдомясь объ этомъ, бабушка вскипятилась и чуть не отодрала розгами поручика Петрушу ; но Петруша былъ гусаръ и страстный поклонникъ сатисфакцій : зная навѣрное, что бабушка его никакъ не согласится стать на барьеръ , или такъ-пазываемую *благородную дистанцію*, онъ придумалъ задать ей сатисфакцію другаго рода: забрался къ ней въ садъ и, лежа подъ кустомъ, выждалъ время, когда хорошенькая нѣмочка, по обычаю, вышла помечтать. Увидѣвши предметъ своей любви и сатисфакціи, Петръ Ивановичъ накинулся на нее какъ Бедуинъ, заткнулъ ей глотку носовымъ платкомъ , схватилъ ее подъ мышку и умчалъ à la Малекъ-Адель въ свои владѣнія. Очуввшись въ той самой гостиной , въ которой теперь шла у насъ рѣчь , Каролина Ѳедоровна увидѣла передъ собой Петра Ивановича, во-первыхъ , на кольняхъ и съ гусарской клятвой на устахъ; во-вторыхъ, Петръ Ивановичъ взялъ предметъ своей сатисфакціи съ бабушкой подъ ручку и ввелъ его въ сосѣдную комнату: тамъ сказалъ онъ ей: «*ву зетъ мейне либе фрау*», и кончилъ сатисфакцію съ бабушкой.

Черезъ два дня послѣ этого соблазнительнаго происшествія , пріѣхалъ предводитель съ дворянами и отобравши отъ бѣдной

нѣмки и дворовыхъ людей показаніе, посовѣтовалъ Петру Ивановичу прекратить это дѣло и побережь себя, а то, дескать, тутъ явятся и бабушка и уголовная палата и проч. и проч. Вообразивъ, что все это дѣлается по пронкамъ бабушки и желая «насолить» ей окончательно, Петръ Ивановичъ послалъ за приходскимъ священникомъ и, въ присутствіи трехъ благородныхъ свидѣтелей, прекратилъ уголовное дѣло въ самомъ его зародышѣ, а что всего лучше «утерь носъ и палатъ и бабушкѣ!»

Черезъ годъ послѣ этого, когда у Петра Ивановича родилась старшая его дочь, заботливый папаша, вообразивъ почему-то, что трусливѣе жидовъ и нѣмцевъ нѣтъ людей на свѣтѣ, вздумалъ вывѣтривать заранѣе изъ дѣвочки нѣмецкій духъ: схвати ребенка съ рукъ матери, онъ отнесъ его и положилъ въ ясли къ самому злomu жеребцу и началъ его подхлестывать. Лошадь трясла головой, щулила уши и вздымалась на дыбы, а Каролина Федоровна, растянувшись на полу, обнимала колѣни Петра Ивановича и кричала неистово. Вотъ уже пошелъ девятый годъ, какъ Петръ Ивановичъ варьируетъ этотъ способъ на разные лады, для того, чтобы вывѣтрить изъ жены и двухъ дочерей своихъ—нѣмецкій духъ.

— А впрочемъ, заключилъ г. Бакенбарды, надо сказать, что за исключеніемъ этихъ маленькихъ шалостей, онъ, по истинѣ, благороднѣйшій человекъ и удивительный товарищ! Сетюньомъ де комильфо! Мы съ нимъ вмѣстѣ служили.... Въ полку у насъ было общество необыкновенное—не то, что въ пѣхотѣ; всѣ мы говорили не иначе, какъ по-французски; Боже сохрани по-русски! или высморкать носъ передъ орунтомъ, тотчасъ вызовутъ на дуэль!

Съ появленіемъ Хлюстикова, Петръ Ивановичъ пришелъ въ совершенную ражу, кинулся цѣловать Атукаева и доказывать, что онъ способенъ быть благороднѣйшимъ человекомъ и удивительнымъ товарищемъ и, вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы въ награду намъ, выслалъ бабъ и вельвъ накрыть столъ. Трудно передать, какая суета и давка пошла въ залъ, гдѣ, чтобъ сбережь время для танцевъ, Петръ Ивановичъ шнырилъ безвыходно, торопилъ прислугу и надѣлялъ всѣхъ затрепцями. Между тѣмъ, графъ позволялъ Петруничка и приказалъ ему пить какъ можно больше за ужиномъ и развлекать вниманіе Петра Ивановича.

Въ одиннадцать часовъ мы съѣли за столъ. Что это была за сервировка! У меня въ приборъ не доставало ножа; г. Бакен-

барды помъстятся за пустой тарелкой; Бацовъ стащилъ у Трутнава съ прибора салфетку. Наконецъ, появилось огромное, но единственное блюдо нарвзанной кусками курятинъ, облитой какичь-то желтоватымъ растворомъ. Курятина оказалась совершенно сырою. По счастью, подъ столомъ очутилась борзая собака и пожирала чусокъ за кускомъ. Петрунчикъ велъ себя удивительно: перепивая и забавляя хозяина, онъ завладѣлъ имъ до того, что Петръ Ивановичъ обратилъ на насъ вниманіе только въ то время, когда, убъдившись, что брошенные нами подъ столъ куски уничтожены, мы разомъ подвинулись съ мѣсть.

Въ гостиной между тѣмъ появились три постели, приготовленныя для насъ во время ужина, а въ залъ, по снятіи стола, собралось бабъ въ двое больше прежняго и мы убъдились, что протъсниться къ выходу намъ не было возможности. Въ довершеніе удара, Бацовъ, осматривая постель, вздумалъ поднести свѣчку по ближе къ дивану: онъ ахнулъ и подозвалъ насъ. Было отъ чего ахнуть: во всей обивкѣ дивана и на проточенныхъ обояхъ сидѣли въ три шеренги клоны.

— Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ! крикнулъ эмергически Лука Лукичъ и выбъжалъ вонъ.

Мы боялись, что онъ по горячности испортитъ дѣло наше въ конецъ. И точно, было близко къ тому, когда Бацовъ вернулся къ намъ, таща Бакенбарды за руку.

— Посмотрите, что это? заговорилъ онъ, проводя свѣчкой вдоль дивана. Это свинство, это подлость, наконецъ; затащить гостей насильно, не дать чаинки чая, кормить чортъ знаетъ чѣмъ, и послъ, травить!... Это на смѣхъ что-ли онъ дѣлаетъ? прибавилъ Лука Лукичъ, ставя свѣчку и сверкая глазами.

— Подво, Лука Лукичъ! притсунили мы къ Бацову.

— Нѣтъ, этотъ мерзавецъ стоитъ пятисотъ нагаекъ, крикнулъ Бацовъ, свирѣзе.

— Чтожъ тутъ, господа, лепеталъ Бакенбарды, домъ не мой, я былъ бы радъ.... еслибъ.... да не знаю, какъ помочь....

— Оставь, Лука Лукичъ, перебилъ Атукаевъ и обратился къ Бакенбардамъ. Послушайте, сказалъ онъ, вы видите ясно, что въ этой берлогѣ остаться мы не можемъ. Помогите намъ, пожалуйста, выбратъся отсюда такъ, чтобъ онъ не замѣтилъ этого...

— Очень радъ, очень радъ; лошади у васъ готовы? Гдѣ онъ? Я прикажу подавать.

— Какъ же вы это сдѣлаете?

— Очень просто, ихъ подведутъ къ балкону; я притворю дверь въ залъ, вы выйдете въ эту дверь и....

— Представьте! крикнули мы все трое, глядя вопросительно другъ на друга. Передъ нами была дверь на балконъ и мы только теперь ее замѣтили.

Пока г. Бакенбарды хлопоталъ о лошадяхъ, мы успѣли подать знакъ Хлюстикову; тотъ, вмѣсто танцевъ, придумалъ водить хороводъ, окружилъ Петра Ивановича бабами и запѣлъ: «Дунай мой Дунай; веселый Дунай!»

Явился Бакенбарды и получивъ отъ насъ, при рукожатъи, тройной титулъ: избавителя, благодѣтеля и еще чего-то, раскланялся съ достоинствомъ, повторилъ разъ пять: бонъ нюи, и захлопнулъ дверь въ залъ.

Съхавши потихоньку со двора, мы живо домчались до мѣста и очутились въ чистой и просторной крестьянской избѣ. Нужно ли повторять, какими глазами смотрѣлъ я, взнуреный двухдневной бессонницей, на три приготовленныя для насъ по угламъ постели? но это увлеченіе было мелко въ сравненіи съ тѣмъ громкимъ возгласомъ, какимъ привѣтствовали мы Артамона Никитича, представшаго намъ съ клокочущимъ самоваромъ въ рукахъ: «Тей! Тей!» крикнули мы словно по командѣ и смѣялись какъ дѣти, припоминая въ разбивку впечатлѣнія проведеннаго нами вечера.

За вторымъ стаканомъ чая, я какъ-то прилегъ носомъ къ подушкѣ и.... Тей! Тей! крикнули два громкіе голоса у меня надъ ухомъ; я открылъ глаза, но это было уже въ десять часовъ утра. Графъ и Бацовъ хохотали стоя у моей постели; на столѣ, по прежнему, кипѣлъ самоваръ, а у порога стоялъ мой Игнатка.

Е. ДРІАНСКІЙ.

КЪ ***.

Когда ты, склонясь надъ роялю,
До клавишей звонкихъ небрежно
Дотронешься ручкою въжной
И взоръ твой нальется печалью,

И тихіе — тихіе звуки
Мнѣ на душу кануть, что слезы,
Волшебны, какъ дѣвичьи грезы,
Печальны, какъ слово разлуки,

Не жаль мнѣ бываетъ печали
И грусти твоей мимолетной:
Теперь ты грустишь безотчетно...
Всегда ли такъ будетъ, всегда ли?..

Когда-жь пламя юности жарко
По щечкамъ твоимъ разольется
И грудь, какъ волна, всколыхнется,
И глазки засвѣтятся ярко,

И быстро забѣгаютъ руки,
И звуковъ веселыя волны
Заплещутъ, мелодіи полны, —
Мнѣ жаль, что такъ веселы звуки,

И жаль мнѣ, что ты отдаешься
Веселью, забывъ о печали,
И кажется мнѣ, что едва ли
Ты такъ еще разъ улыбнешся.

Л. МЕЙ.

НОЧЬ ВЪ ДУХАНЪ.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАКАВКАЗСКИХЪ ПРАВОВЪ.

Соч. графа Соллогуба. Музыка Г. Г. Леви и Шенинга.

Дѣйствующія лица:

Князь Леванъ Моквани, самурзаханскій князь.

Кетивана, его дочь.

Князь Гурантамовъ, мингрельскій князь.

Князь Цулукидзе, грузинскій князь.

Букинштейнъ, археологъ и натуралистъ.

Ивановъ, живописецъ.

Карапетъ, духанецъ.

Абдулла.

Милекадзе {
Ревазъ {

дворяне князя Гурантамова.

Дворяне, невольники и проч.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Картина.)

(Декорация представляетъ лѣсъ. На право духанъ съ плоской крышей. Князь Нико Гурантамовъ, лежа на коврѣ, бразничаетъ съ своими азнаурами. Крутомъ пляшутъ абхазку. На крышѣ пляшутъ дѣвушки. Карапетъ и слуги суетятся съ кувшинами и подчуютъ присутствующиѣхъ.)

Гурантамовъ, Карапетъ, азнауры, мальчики духана. (Абдулла спитъ въ углу.)

Гурантамовъ. Бичо !

Карапетъ. Бѣтоно !

Гурантамовъ. Подай еще вина, да самого лучшаго, смотри, Оджалешскаго. Живо, Азнауры... Что ты, Ревазъ, не пьешь совсемъ, а еще тулумбашъ, алаверды!

Ревазъ. Иакшіоль. Нико! что старикъ скажешь? Пропляши по скатерти? *(Нико смѣется)* Что? старъ! ну, такъ, Иване, ты. Ступай. Гей, гей, ну, молодецъ!

(Бьютъ въ ладоши, въ дайру; смѣхъ. Нико пляшетъ Лезинку.)

Славно плянешь, спасибо. Ну, старикъ.... возьми азарпешъ. Выпьемъ съ горя!... Алаверды!

Гурантамовъ. Гуляй моя душа! Бичо, наливай еще полнѣе. Подайте мнѣ турій рогъ.

(Всѣ встаютъ.)

Господа мои дворяне, будьте здоровы!

Азнауры *(цѣлуя полы его ноги)*. Ахъ! Батоно.... шеншчеремѣ, чума твоя на насъ, благодѣтель ты нашъ.

Гурантамовъ. А теперь, дворяне, выпьемъ за смерть заклатаго врага нашего, презрѣннаго князя Левана Моквани.

Ревазъ. Да, да. Чтобъ весь деревни его сгорѣли до тла. Чтобъ не родилось у него ни кукурузы, ни гомми, ни винограда. Чтобъ не зналъ ни въ чемъ онъ счастья, чтобъ весь родъ его истребился со стыдомъ.

Гурантамовъ. А главное, пусть только попадется онъ моѣ моѣ шашку, пусть издохнетъ, какъ собака, и пойметъ наконецъ, что значить мщеніе князя Гурантамова.

(Всѣ пьютъ.)

Милекадзе. Кровь за кровь.

Ревазъ. Крестьянъ его Глеховъ живыхъ въ сакляхъ сожжемъ.

Милекадзе. Гдѣ домъ его теперь, тамъ солью посыпемъ.

Ревазъ. Черезъ тысячу лѣтъ будутъ рассказывать, что значило обидѣть князей Гурантамовыхъ.

Гурантамовъ. Знаете ли вы, дворяне, что вотъ уже 15 лѣтъ кровь лежитъ на насъ? 15 лѣтъ тому назадъ, безъ бышенства вспомнить не могу, Леванъ Моквани поссорился съ покойнымъ отцомъ моимъ. Что же? Когда отца не было дома, разбойникъ Леванъ напалъ на нашъ замокъ, сжегъ его, раззорилъ, увезъ сестру мою маленькую, продалъ, какъ слышно; ее Туркамъ. Мы защищались отчаянно.... Я былъ еще ребенкомъ, но застрѣлъ

двухъ человекъ и самъ былъ раненъ. Когда отецъ вернулся домой, онъ нашель однь развалины. Кровь требовала крови....

Милекадзе. Кровь за кровь!

Ревазъ. Да какъ же иначе! Впрочемъ въ 15 леть убито нашими изъ дома Моквани 72 человекъ князей, азнауровъ и простыхъ.... Мы потеряли только 57 человекъ. Победа на нашей сторонъ.

Гурантамовъ. Да самый врагъ-то нашъ, Леванъ Моквани, еще живъ!

Ревазъ. Такъ смерть ему, бѣтоно!

Милекадзе. Дай только встрѣтиться!

Гурантамовъ. Старикъ остороженъ. Старая лисица — его въ расплокъ не застанешь. Въ крѣпкомъ замкѣ сидитъ. Но если бы кто доставилъ мнѣ возможность нанести ему такой ударъ, который хуже смерти, я бы отдалъ 200 червонцевъ—свои послѣднѣя деньги!

Карапетъ (*прислушивался*). Вай, вай, кенезъ.... 200 червонцы много денга.... Но что будимъ сдѣлать, кенезъ Моквани большой кенезъ!

Гурантамовъ. Онъ тебя знаетъ!

Карапетъ. Мой туда ходитъ. Мой продасть фисо для домъ.... Мой бѣднѣй духанщикъ. Что будимъ сдѣлать.... кенезъ большой шаловккъ.... а дошь ему мольдой, съ Типлиза.... вай, вай, юфъ! юфъ! глаза чѣрни, брови чѣрни.... пахъ, пахъ, пахъ.... такой красавица, такой кеняжна.... въ Гурин не будетъ.

Гурантамовъ. Да! въ самомъ дѣлѣ, я слышалъ, что къ нему прѣехала дочь изъ Тифлиса. Вотъ бы случай отомстить тѣмъ же! Эй, ты.... Карапетъ?

Карапетъ. Бѣтоно!

Гурантамовъ. Не хочешь ли заслужить 200 червонцевъ?

Карапетъ. Кенязь шутить фисо... что будимъ сдѣлать съ бѣднѣй духанщикъ?

Гурантамовъ. Я не шучу.... помоги мнѣ увезти дочь Левана... И денги твои, и я твой слуга на вѣки.

Карапетъ. 200 червонецъ!

Гурантамовъ. Ну, да! Помоги только!

Карапетъ. Да какъ мой будетъ помогать такому баллиному кенезъ? Мой бѣднѣй духанщикъ. Что будемъ сдѣлать? Моквани говоритъ не любить, простить не любить. Бѣднѣй Карапетъ на

болешой орэхъ, на капитанъ повѣситъ.... а тамъ прощай швидобить, Карапетъ !...

Гурантамовъ. Экой трусь ! Да я тебя возьму съ собою въ горы.... Поможешь что-ли ?

Карапетъ. Че , че , че.... кенязъ.... какъ можно. Мой такой дѣло сдѣлать не можить.... Мой слуга тебѣ. Шенигереме, твой чуме на менѣ. Мой домъ , твой домъ. Мой духанъ , твой духанъ, моя человкѣ фисо твоя.... Вотъ, если твой хочеть—контрабанду мой можетъ доставить. Твой воля—мой законъ.

Гурантамовъ. Убирайся ты съ своей контрабандой.... Дворяне! пойдѣте къ лошадямъ. Сегодня дождь шель цѣлое утро. Рѣки очѣнь высоки. А намъ рано надо послѣть домой—чтобъ Леванъ не узналъ , что мы здѣсь и не сдѣлалъ бы ночью въ лѣсу за-саду. Пойдѣте ! Все забрали ?

Ревазъ. Все.... Мы готовы !

Гурантамовъ. Ну , прощай , Карапетъ ! Да смотри , если ты слово скажешь о томъ, что я говорилъ съ тобой, такъ не Леванъ тебя повѣситъ, а я ! Не забудь только !

Карапетъ. А фе, фе, фе, не скажи такой кисла словъ. Кенезъ фисо смѣяться любить, а мой свой шею любить. Другой такой на мою голову не будѣтъ. Зачѣмъ повѣситъ. Что будимъ сдѣлать?... Мой просить не забывать бѣднѣй духанщикъ... Мой домъ—твой домъ. Твой воля—мой законъ. (*Цѣлуетъ руку Гурантамова.*)

Гурантамовъ. Лошади у переправы ?

Ревазъ. Тамъ дожидаются. Только вода очѣнь высока. Чего добраго, лошадь спотыкнется въ потокъ, утонуть можно.

Гурантамовъ. Ничего, повѣдемъ. (*Уходятъ.*)

(*Карапетъ низко кланяется и провозжасетъ.*)

Я В Л Е Н І Е П.

Карапетъ (*одинъ.*)

200 червонецъ! одинъ разъ 100 червонецъ, другой разъ 100 червонецъ , — много червонецъ. Все золото ! Пахъ , пахъ, пахъ.... юфъ, юфъ, юфъ... Карапетъ купи у Турка цѣла фелука контрабанда, будить лавка открытъ въ Кутансъ — маленьку.... а тамъ балишой въ Теплиза, у Арцруни въ караван-сараъ.... Карапетъ купца ! Карапетъ подрѣщикъ ! У Карапетъ муллионъ.... мало одинъ муллионъ.... два муллионъ.... Карапетъ :

балшой человекъ ! Карапету всякой кланяеть.... пахъ , пахъ , пахъ , 200 червонецъ.... только надо !...

Я В Л Е Н І Е Ш.

КАРАПЕТЪ и КЕТЕВАНА. (*Няня въ уллубленіи. Обѣ въ чадрахъ.*)

КЕТЕВАНА. Тсъ.... Карапетъ !

КАРАПЕТЪ. Че, че, че, красавиле, глаза чѳрни, брови чѳрни...

КЕТЕВАНА. Ты не узналъ меня, Карапетъ? (*Сбрасываетъ чадру, няня ее подбираеть.*)

КАРАПЕТЪ. Вай , вай , сама кеняжна Кетевана , калбатона.... 200 червонецъ....

КЕТЕВАНА. Какіе червонцы !

КАРАПЕТЪ. Нѣтъ! мой говорить, твой мнѣ лучше червонцы... Мой домъ—твой домъ, мой духанъ, твой духанъ. Да какой же мой счастливый.... А кенезъ Леванъ гдѣ?

КЕТЕВАНА. Дома ! я сказала отцу, что повѣду сегодня въ Илорскую церковь.

КАРАПЕТЪ. Въ тахтаравани?

КЕТЕВАНА. Нѣтъ, верхомъ! На колесахъ по этимъ дорогамъ не проѣдешь...

КАРАПЕТЪ. Да какъ же твой одна?

КЕТЕВАНА. Люди мои тутъ лошадей поять въ рѣкъ.

КАРАПЕТЪ (*въ сторону*). Вай, вай, не хорошо! (*Въ слухъ*) А твои люди много есть?

КЕТЕВАНА. Человекъ тридцать азнауровъ и нукеровъ.

КАРАПЕТЪ (*въ сторону*). Вай, софисъмъ нехорошо. (*въ слухъ*) Съ оружемъ? заряженнй такой?...

КЕТЕВАНА. Конечно! развѣ можно иначе? Да тебѣ какое дѣло?

КАРАПЕТЪ. Мой для тебя боится.... Мой такъ любить кенезъ Леванъ. Добрый кенезъ... Балшой кенезъ! Твой отдыхай нимножко. Мой принесетъ ковры и мутака.

КЕТЕВАНА. Не надо... Здѣсь насъ никто не услышитъ?

КАРАПЕТЪ. Мой здѣсь одинъ совисъмъ.

КЕТЕВАНА (*указывая на спящаю Абдуллу*). А это что за человекъ?

КАРАПЕТЪ (*смѣется*). Это съ Гуріи мой пріятель Кайкосо—простой шаловкъ. Немного выпилъ вино Оджалешскій.... вино крѣико! Спать ложилъ.... хе, хе, хе.... пьяна нимножко.... что будимъ сдѣлать?

КЕТЕВАНА. Хочешь оказать мнѣ услугу?

КАРАПЕТЪ. Твой долженъ приказывать.... Мой домъ — твой домъ. Дочь кенезъ Леванъ—мой госпожа.

КЕТЕВАНА. Не говори, что я дочь князя Левана... я отца своего не люблю.

КАРАПЕТЪ. Вай, вай, какъ можно?

КЕТЕВАНА. Исполнишь ты мою просьбу?

КАРАПЕТЪ. Мой бѣднѣй духанщикъ!

КЕТЕВАНА. Былъ у тебя сегодня кто-нибудь изъ грузинскихъ князей, одѣтый по-русски?

КАРАПЕТЪ. Нѣтъ! такой по-русски не была,

КЕТЕВАНА. Ну, такъ еще будетъ! Когда онъ придетъ, спроси его, кто онъ таковъ... Онъ тебя ответитъ: князь Элизбаръ Цулукидзе.

КАРАПЕТЪ. Изъ Имеретин?

КЕТЕВАНА. Да, изъ Имеретин. Скажи ему, что я на все согласна.

КАРАПЕТЪ. На фисо?

КЕТЕВАНА. Я дала ему слово еще въ Тифлисѣ.

КАРАПЕТЪ. На Теплизъ?

КЕТЕВАНА. Отецъ мой не хочетъ, чтобъ Элизбаръ былъ моимъ мужемъ, потому что Элизбаръ воспитывался въ Петербургѣ и отвыкъ отъ грузинскихъ обычаевъ. Но я отца не люблю... я люблю Элизбара... Понимаешь ли теперь?

КАРАПЕТЪ. Вай, вай, твой бѣжать хочетъ?

КЕТЕВАНА. Сегодня же. Ты скажешь Элизбару, чтобъ въ полночь онъ дожидался меня здѣсь въ духанъ съ лошадьми.

КАРАПЕТЪ. Твой будетъ одинъ?

КЕТЕВАНА. Даже няни не возьму.

КАРАПЕТЪ. Вай, вай... Да кенезъ Цулукидзе не поверитъ.

КЕТЕВАНА (*отдавая кольцо*). Ты отдай ему это кольцо... тогда поверитъ.

КАРАПЕТЪ. Да онъ придетъ вѣрно?

КЕТЕВАНА. Онъ подсылалъ ко мнѣ нищаго пѣвца, слѣзгаго Сазаидара, объявить мнѣ, что онъ будетъ сегодня дожидаться отвѣта въ твоёмъ духанѣ.

КАРАПЕТЪ (*качая головой*). А кенезъ Леванъ, строгій—сердѣть будетъ.

КЕТЕВАНА. Пускай сердится. Какъ будемъ мы въ горахъ, въ Лечгумъ, гдѣ обвѣчаемся,—гдѣ ему насъ догнать!

КАРАПЕТЪ. Да конезъ Левантъ... на бѣднѣй Карапетъ... верѣвка, мой бѣднѣй духанъщикъ...

КЕТЕВАНА. Развѣ ты самъ скажешь, что помогаль намъ?

КАРАПЕТЪ. Вай, какъ можно?

КЕТЕВАНА. Такъ согласенъ ты?

КАРАПЕТЪ. Что будемъ сдѣлать. Мой духанъ — твой духанъ; твой воля—мой законъ... Фисо, какъ твой прикажетъ, мой сдѣлать будить.

КЕТЕВАНА. Только послушай... если ты намъ измѣнишь... Элизбаръ убьетъ тебя, какъ муху, да и я сама могу выстрѣлить изъ пистолета.

КАРАПЕТЪ. Мой—слуга твой; мой домъ—твой!...

КЕТЕВАНА. Ну, смотри же... Въ полночь я здѣсь буду.

(*Изъ пняей уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

КАРАПЕТЪ (*одинъ, въ раздумьи, шопотомъ.*)

200 червонци... Золотая кольцо... Въ полночь здѣсь будить... одинъ, софисъмъ одинъ... Одинъ минутъ готовъ, хватилъ, чтобъ не кричалъ—платокъ на ротъ... На коня... нагайка... Гм! Фисо кончилъ Мурахасъ... А гдѣ былъ? кто знаетъ? Карапетъ ничего, Карапетъ въ сторонѣ... Карапетъ бѣднѣй человекъ, духанъщикъ... Карапетъ будетъ плакать, грудь изорвать... Вай, вай, несчастье... Калбатону увезли—пропаль голова... (*смѣется*) А деньги въ карманъ... червонецъ... золото... Ахъ! ге, ге, ге... Князь Гурантамовъ... увхаль... догнать не можно, что будемъ сдѣлать? Балшой досада... Ахъ! что мой видить? князь мой опять пришла.

ЯВЛЕНІЕ V.

КАРАПЕТЪ и князь Гурантамовъ.

Гурантамовъ. Послушай, братъ, рѣки разлились такъ, что и думать нельзя сегодня вернуться домой. Я буду ночевать у Гогіо-Швили. Ты смотри, отсюда на переправу никого не пускай. Какъ-разъ утонешь.

КАРАПЕТЪ (*таинственно*). Ваше оіятельство, а 200 червонцы будеть?

ГУРАНТАМОВЪ. А что? есть?

КАРАПЕТЪ. Чисто дѣньга?

ГУРАНТАМОВЪ. Да.

КАРАПЕТЪ. Золото?

ГУРАНТАМОВЪ. Ну, да.

КАРАПЕТЪ. Мой домъ—твой домъ. Мой твой приказанья помнить. Твой воля—мой законъ. Мой такъ сдѣлалъ, что дочь Левана въ твои руки сегодня будить. Мой фисо устроилъ.

ГУРАНТАМОВЪ. Что? дочь Левана въ моихъ рукахъ? Не можетъ быть.

КАРАПЕТЪ. Какъ честный духанщикъ. Приноси дѣньги, мой отдавать тебѣ Кетевана.

ГУРАНТАМОВЪ. Такъ ты не джешь? Да какъ же? Когда?

КАРАПЕТЪ. Въ ночь твой приходить (*кланяется*). Твой не забудеть бѣдный Карапетъ.

ГУРАНТАМОВЪ. Я все еще не понимаю.

КАРАПЕТЪ. Твой меня только слушай...

(Уходятъ въ улыбленіе, идъ Карапетъ шепчетъ князю. Въ это время Абдулла, который притворился спящимъ, но подслушивалъ, когда его не замѣчали, тихо приподнимается, оглядывается съ осторожностью и потомъ тихо подкрадывается къ Карапету.)

Я В Л Е Н І Е VI.

КАРАПЕТЪ и АБДУЛЛА.

КАРАПЕТЪ (*проводя князя*). Твой будеть доволенъ.... Твой только прикажетъ: мой домъ—твой домъ.

АБДУЛЛА. Случая упускать не надо.

КАРАПЕТЪ. А кольцо.... продать можно.... талисманъ дренъ. А русскій шаловккъ что-нибудь дать. Теперь хорошая торговля начинать будемъ... Красный товаръ, бакалейный товаръ.

(Поетъ на персидскій ладъ.)

Будимъ лавку открыва-а-а-ть,
Будимъ товаръ продава-а-а-ть,
Будимъ карманъ набива-а-а-ть,
Будимъ людей надува-а-а-ть.

Эхъ! шевитеремъ.

(Абдулла бьетъ его по плечу.)

Вай, вай, что такое?

Авдулла (*озираясь*). Молчи!...

Карапетъ. Что это?

Авдулла. Ни слова.

Карапетъ. А! твой проснулся!

Авдулла. Я не спалъ. Я никогда не сплю.

Карапетъ. Твой пьянъ былъ?

Авдулла. Я никогда не пью.

Карапетъ. Какъ же мой думалъ, твой пьянъ и спить?

Авдулла. Не вѣрь спящему чловѣку, не вѣрь пьяному чловѣку. Никому не вѣрь.

Карапетъ. Да зѣчвмъ твой такъ смотришь?

Авдулла. Я все слышалъ.

Карапетъ Вай!

Авдулла. Я иду къ князю Левану.

Карапетъ. Мой не пустить.

Авдулла (*хватаясь за ятаганъ*). Посмотримъ.

Карапетъ. Зѣчвмъ? Что мой тебѣ сдѣлалъ? Мой бѣдный духанщикъ Эрманъ. Домъ мой — твой домъ. Твой добрый Кайкосро!

Авдулла. Я не Кайкосро.

Карапетъ. Какъ?!

Авдулла. Я Абдулла.

Карапетъ. Такъ не изъ Гуріи?

Авдулла. Изъ Трапезунта.

Карапетъ. Такъ твой не торговать контрабанда?

Авдулла. Да! я торгую контрабанднымъ товаромъ, только..
какимъ?

Карапетъ. Какимъ же?

Авдулла. Невольницами.

Карапетъ. А, фе, фе. Да что твой прежде не говорилъ? Мой могъ пригодить.

Авдулла. Теперь можешь.

Карапетъ. Да какъ же?

Авдулла. Продай мнѣ дочь Левана.

Карапетъ. Какъ можно!

Авдулла. Продай, говорю тебѣ. Товаръ отличный! (*въ сторону*) Я въ Стамбулѣ знаю знатока, который 500,000 піастровъ за нее дастъ.

Карапетъ. Да какъ же моя чужой шаловкѣ продать будетъ?

Авдулла. Такъ, какъ ты продалъ другому.

КАРАПЕТЬ. Что твой неправда сказать! Мой шутить фисо, фи-со шутить.

Абдулла. Тебѣ обѣщано 200 червонцевъ. Бери 400.

КАРАПЕТЬ. Какъ? что? 400 червонцы, 1 разъ 100 червонецъ; 2 разъ 100 червонецъ; 3 разъ 100 червонецъ, 400 червонцы. Вай, вай, зачѣмъ мой торопиль?...

Абдулла. Ты слушай. Я буду здѣсь съ моими людьми прежде Гурантамова. Ты удержи его только, остальное мое дѣло. Выбирай: или я сейчасъ иду къ Левану, или ты получишь 400 червонцевъ.

КАРАПЕТЬ. Что будемъ сдѣлать? Твой только деньги готовы. Твой воля—мой законъ. Мой домъ—твой домъ. Вай! что такое?

(За кулисами крикъ: «тонетъ, спасите», въ оркестръ музыка.)

Вай, вай, *(бѣгаетъ по сценѣ)* на переправѣ шаловкѣ тонетъ. Эй, бичо, бичо!... веревки *(бичо бьютъ)*. Помогите! Что? а? Утонулъ, ныряетъ.... Вотъ.... вай, вай, бѣда. Фисо кончилъ, Совисѣмъ подѣ вода.... нѣтъ.... вышлывать можетъ. Лошадь спасилъ. Добрый лошадь, 100 червонецъ стоитъ. Спасилъ. Вышелъ на берегъ... Одѣтъ по-русски... Должно быть кецезь Цу-лукидзе. Сюда, въ духанъ мой просить ощенъ. Мой домъ — твой домъ...

Я В Л Е Н І Е VII.

(Букинштейнъ, весь мокрый и въ ужасѣ бѣгаетъ, сдѣлавъ два круга и обрызгавъ всѣхъ присутствовавшихъ, вдругъ останавливается.)

Букинштейнъ. Aber wo ist mein barometre? Хорошо еще, что я еще спасилъ. Отъ добрый люди спасоваль. Въ мое тѣло должно быть три градуса холода, средняя температура — двѣнадцати тысячь футъ надъ уровня моря. Да гдѣ же мой барометръ? Вы мой барометръ видаль?

КАРАПЕТЬ. Что такой, есть другая господинъ?

(Хочетъ бѣжать.)

Букинштейнъ. Nein! nein, нѣтъ. Это такой инструманъ. Тутъ метсиге, понимаетъ? то наверху, то на внизу, чтобъ мѣрять высоту.

КАРАПЕТЬ. Высота?

Букинштейнъ. Aber wo ist den mein barometre? Ахъ, онъ на

меня. Я хорошо сдѣлалъ, что никому не давалъ. А вотъ и склянка, для букашки. Я всегда долженъ самъ носить, потому что проводники, каналы, спиртъ выпиваютъ. Ну, бѣда не такъ великъ. Еслибъ можно только было другое платье доставать.

КАРАПЕТЪ (*таинственно.*) Твой князь Чулукидзи?

БУКИНШТЕЙНЪ (*клянясь.*) Извините меня, я не имѣю чести васъ понимать (*намубается и хватается насѣшкомое*). Ба! что такое? А! *cloporta vulgaris*. Это парода на Европа очень известна. Вы не будете имѣть платья надѣвать для меня? Черкеска оука, вода, видить, брр... холодъ... брр...

КАРАПЕТЪ. Мой домъ, твой домъ! Фисо дамъ. Чаха дамъ, башметъ дамъ, папахъ дамъ, кинджаль дамъ... Фисо дамъ... Въ домъ пойдемъ!

БУКИНШТЕЙНЪ. Ja, ja! Пойдемъ! Скорѣй пойдемъ! Я баюсь, что эта скверна болѣзнь *febris caucasica* сдѣлаетъ меня совсѣмъ не годнымъ. Пойдемъ!

АБДУЛЛА (*переходя червезъ сцену, въ сторону*). Пойду сказать моимъ людямъ, чтобъ они пустили фелуку съ берега въ море. Не надо терять времени. Вѣтеръ попутный. Въ Транезундѣ Гуссейнъ-Омаръ-Оглу за эту двушку дастъ мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, 6 верблюдовъ и 30 арабовъ. (*Идетъ и встрѣчается съ живописцемъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ИВАНОВЪ (*въ буркѣ, папахѣ, съ кинжаломъ, остальное платье европейское. Въ рукахъ держитъ дорожный мѣшокъ.*)

Не извольте беспокоиться. — Какая пріятная наружность. Хорошо, что онъ уходитъ, — а то, пожалуй, онъ какъ разъ уходитъ. Каковъ каламбуръ?... Такъ себя. Впрочемъ, на Кавказъ... Уфъ!—Ну, ужь прогулка... Сегодня же убѣдился, что въ Абхазіи рѣшительно нѣтъ желѣзныхъ дорогъ. Мои петербургскіе товарищи и не воображаютъ, въ какомъ я положеніи. Пашкомъ у моря уморился, потомъ влѣзъ въ лѣсъ. Ну и этотъ плоховать... Впрочемъ, на Кавказъ... Лошадь моя издохла... Чапары разбѣжались... Въ Кадорѣ я чуть-чуть не утонулъ... хорошо, что не въ Теранъ. Тамъ бы не поздоровилось. Можно ли ожидать здоровья, когда истерика. Ну, ужь этотъ очень дурень. Впрочемъ на Кавказъ... А край—то какой прекрасный. Что за видъ! Одной вохры рубля на три пошло. Право. Начну рюо-

вать... Чортъ знаетъ, какъ востъ хочется. Ба!.. что я вижу?...
духанъ...

(Поетъ изъ Сомнамбулы.)

Ахъ, когдабъ имѣлъ я столько счастья,
Чтобъ въ духанѣ, чтобъ въ духанѣ пообѣдать.

Эй, Garçon!.. фу, какъ я глупъ. Ты все, mon cher, думаешь,
что ты у Излера.... въ кафе-ресторанъ... А ты на Кавказъ, въ
духанъ... Вотъ онъ...

Вотъ развалины тѣ... (видитъ Букинштейна и останавли-
вается.)

Вотъ-те на!...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Букинштейнъ и Ивановъ.

Букинштейнъ. Этого дикой чаловѣкъ сказывалъ: вотъ-те на!..
Оно очень интересно, какъ одно и тоже слово встрѣчать можно
въ разныхъ діалектахъ.

Ивановъ. У этого рожа еще хуже, чѣмъ у перваго. Ужъ не
попалъ ли я къ разбойникамъ?

Букинштейнъ. Зачѣмъ онъ на меня такъ всматривалъ. Онъ
сердито такъ взглядываетъ. Онъ, чего добраго, начальникъ
Мюридовъ.

Ивановъ. Вотъ тебѣ и завтракъ. Онъ такъ глядитъ, какъ
будто самъ меня съѣсть хочетъ.

Букинштейнъ. И такъ... вотъ онъ, настоящій черкесскій типъ...
Caucasicus, Circasiensis... какъ писалъ Strabon.

Ивановъ. Всего лучше притвориться, что я ничего не подозреваю.

Букинштейнъ. Я буду стараться ему понравиться выраженіемъ
моей физиономіи.

Ивановъ. Пе... ги... Тра ла, ла, ла.

Букинштейнъ. Хи, хи, хи...

Ивановъ. Эй, духанъ! Шашликъ карчи есть.

Букинштейнъ. Онъ мнѣ грозилъ... (отступаетъ.)

Ивановъ (наступая). Шашлыкъ, карчи.

Букинштейнъ (отступая). Онъ сердился... онъ очень сер-
дился... (отступая.)

Ивановъ. Шашлыкъ, фрыштыкъ... надо.

Букинштейнъ. Какъ? Очень странно... Frühstück... Нѣмецкій

слово... Жаль, что я немного боялся... Очень интересна задача. Отъ чего въ черкесскомъ языкѣ, встрѣчать можно слова нѣмецкія? Оно будетъ отъ колоній греческихъ или генуэзскихъ...

Ивановъ. Что это онъ, мерзавецъ, про себя бормочетъ... Онъ обдумываетъ адскій планъ. Тутъ площадь не надо... Пугну-ка его. *(Кричитъ)* Швидобитъ колъ нѣтъ шашлыкъ.

Букинштейнъ. Онъ хочетъ сдѣлать злодѣ..я..яніе. У меня, правда, есть оружіе; да я не знаю, что съ нимъ дѣлать... я буду говорить по Русски. Ви казакъ видалъ?.. *(въ сторону)*. Наука долженъ хоронитъ достоинство.

Ивановъ. Что за казакъ?

Букинштейнъ. Тамъ на рѣка, мой казакъ, много казакъ... Я его испугалъ... много казакъ... Мошенникъ, я не боюсь тебя...

Ивановъ. Что вы сказали?

Букинштейнъ. Я сказалъ... Мошенникъ, я не боюсь те... Ахъ, *(кланяясь весьма учтиво)* прошу покорно извиненія... съ кѣмъ я имѣю честь разговаривать?

Ивановъ. Честь на моей сторонѣ; я-съ.. живописецъ Ивановъ... получилъ въ Академіи серебряную медаль и путешествую на Кавказъ, для усовершенствованія таланта.

Букинштейнъ. А я думалъ что вы разбойникъ.

Ивановъ. Право!

Букинштейнъ. Честный слово.

Ивановъ. Благодарю васъ. Очень пріятно. Въ здѣшнемъ краѣ надо казаться страшнымъ. А вы-съ, если смѣю спросить...

Букинштейнъ. Я, Эбергартъ Букинштейнъ. Вы, можете быть, слышали.

Ивановъ. Нѣтъ, никогда не слыхалъ.

Букинштейнъ. Я филологъ и натуръ-форшеръ. Я авторъ диссертациі о черномъ тараканѣ, — и большой книги о древностяхъ города Діоскуриасъ, куда я теперь вду.

Ивановъ. А я думалъ, что вы убійца.

Букинштейнъ. Слишкомъ много чести. Я убиваю только на-свкомыхъ.

Ивановъ. Много же вамъ здѣсь работы.

Букинштейнъ. Да, я ихъ сохраняю.

Ивановъ. Нѣтъ-съ, я ими вовсе не дорожу.

Букинштейнъ. Завтра я надѣюсь видѣть городъ Бедіа, древній Эгризи, оно видно по названію; если перемѣнить э на б, а гризи на діа, вы замѣтите, что гласныя э и и остаются тѣже.

Вы не изучали исторіи Самурзакани? Здѣсь только интересный вопросъ, здѣсь можно пытаться исторіей.

Ивановъ. Ну, нѣтъ, я предпочелъ бы пытаться чѣмъ-нибудь другимъ. Да что же въ ней такого, въ этой самурзаханской исторіи?

Букинштейнъ. Изволите видѣть — у Нон было три сына.

Ивановъ. Начинается съ потопа.

Букинштейнъ. У сыновей были, тоже сыновей: одинъ изъ нихъ Эгроеъ, основывалъ городъ Эгриси, тотъ же, что Бедіа.

Ивановъ. Скажите, пожалуйста... Ну, а потомъ...

Букинштейнъ. А потомъ, а потомъ представьте себѣ — объ исторіи Самурзахани ужъ больше ничего неизвѣстно. Какое интересное поле для науки.

Ивановъ. Это очень занимательно. Но, отчего бы намъ не поехать? Не пойти ли въ духанъ посмотрѣть, какъ обывали во времена Эгроеса.

Букинштейнъ. Я нахожу ваше замѣчаніе справедливо.

Ивановъ. Неудобно ли вамъ войти?

Букинштейнъ. Подходите сперва.

Ивановъ. Да я прошу васъ.

Букинштейнъ. Я знаю, чему обязываетъ меня вѣжливость.

Ивановъ. Да идите же!

Букинштейнъ. Исполняю ваше приказаніе.

(Церемонятся и входятъ).

Я В Л Е Н І Е X.

Музыка. Входитъ Цулукидзе щегольски одѣтый по европейски. Онъ озирается осторожно.

Князь Цулукидзе. Созандаръ сказалъ мнѣ, что отвѣтъ будетъ сегодня. Помнить ли она еще Тифлисъ, или ужъ забыла меня? Можетъ быть, она боится отца, можетъ быть, она любитъ другаго... Нѣтъ, я и думать этого не хочу.

Мой другъ желанный,
Когда же вновь
Намъ улыбнутся
• Міръ и любовь.

Еще недавно,
О, помню я,
Ты говорила,
Что ты моя.

Разлуки долгой
Я не стерплю,
Я такъ страдаю!
Я такъ люблю!...

Мой другъ желанный,
Когда же вновь
Намъ улыбнутся
Миръ и любовь.

Я В Л Е Н И Е X I.

Ивановъ, Букинштейнъ (*выходя изъ духана*) и Цулукидзе.

Ивановъ. Ръшительно барамина переродилась со времямъ Аргонатовъ. Въ этомъ духанъ духота нестерпимая; но знаете ли, колечко, которое вы купили у духанъщика, не душно.

Букинштейнъ. Да, это талисманъ, который можетъ быть здѣсь со временъ пришествія Арабовъ на Кавказъ. Къ сожалѣнью, арабской языкъ мнѣ совсѣмъ незнакомъ. Я могу читать только старый грузинскій языкъ Хуцури, и то не понимаю ни одного слова.

Ивановъ. Это должно вамъ доставлять очень пріятное чтеніе.

Цулукидзе (*въ сторону*). Что за подозрительные люди? я еще здѣсь ихъ не видалъ.

Ивановъ. Смотрите-ка, вотъ опять кто-то изъ нашихъ.

Букинштейнъ. Музыкантъ, можетъ быть, для тифлисской оперы.

Ивановъ. Позвольте-съ!

Цулукидзе. Что-съ?

Ивановъ. Вы здѣсь тоже, кажется, чужой?

Цулукидзе. Нѣтъ, я здѣшній. Я Имеретинъ!

Букинштейнъ. Какъ же, и въ такомъ платьѣ! Оно васъ не беспокоитъ?

Цулукидзе. Напротивъ, онъ очень удобно для здѣшнихъ жаровъ. Я всегда такъ ходилъ въ Италіи.

Ивановъ. А, такъ вы путешествовали?

Цулукидзе. Да-съ, благодаря заботливости нашего правительства, я воспитывался въ Петербургъ, потомъ объѣхалъ всю Европу, и теперь занимаюсь просвѣщеніемъ своей родины.

Букинштейнъ. Прекрасное дѣло. Какъ же вы не боитесь ходить здѣсь безъ оружія?

Цулукидзе. Матушка моя была царской крови. Никто въ здѣшнемъ краѣ не посмѣлъ бы меня тронуть. Да и пора же, наконецъ, смягчить наши нравы, пора распространить между нашими

соотечественниками въжливость, благоправіе, овойственное образованному народу; надъ этимъ я и тружусь. (*Вскрикиваетъ*) Боже мой! что это тутъ у васъ въ рукахъ?

Ивановъ. Гдѣ?

Цулукидзе. Въ рукахъ.

Ивановъ. Въ рукахъ? Это перстенецекъ, колечко.

Цулукидзе. Женское кольцо?

Ивановъ. Должно быть такъ.

Цулукидзе. Ея кольцо! Она отдала ему наше обручальное кольцо? Оно, оно, точно! Голова моя горитъ... Ты мнѣ за это будешь отвѣчать жизнію твоею, негодяй.

Ивановъ. Такъ такъ-то вы распространяете въжливость?

Цулукидзе. Молчать! ни слова! Крови, крови мнѣ надо! понимаешь ли, крови! Я Имеретинъ, у меня огонь въ жилахъ.

Букинштейнъ. Да этоть просвъщенный человекъ хуже, чѣмъ людовдъ.

Цулукидзе. Ахъ, еслибъ у меня былъ въ рукахъ кинжалъ, я вотъ такъ-таки тебя, такъ-таки тебя и изрвзалъ въ мелкіе кусочки. Когда она отдала тебѣ это кольцо?

Ивановъ. Да оно не мое совсѣмъ. Вотъ оно чье... Привязался, въ самомъ дѣлѣ.

Букинштейнъ. Очень было вамъ нужно говорить!

Цулукидзе (*наступая на Букинштейна*). А! такъ оно ваше!.. вамъ его дали?... Не стыдно ли вамъ въ ваши лѣта... старая харя... Да нѣтъ, дѣвушка не влюбится въ такую дрянъ... Вы меня не обманете. Этоть старикъ твой помощникъ! О! я васъ знаю... я васъ уже видѣлъ. Вы входите въ наши дома подъ предлогомъ, что вы портреты снимаете... И вы думаете, ничтожныя твари, что я снесу такую обиду!

Букинштейнъ. Aber hören sie, возьмите трудъ меня послушать... я это кольцо сейчасъ купилъ — 7 цѣлковыхъ и 2 абаза.

Цулукидзе. Ничего слушать не хочу. Вы будете лгать! Стыдно, сударь, въ ваши года заниматься такимъ ремесломъ. Но я отомщу. Кольцо, кольцо Кетеваны!

Букинштейнъ. Да возьмите его, если оно вамъ такъ драгоценно.

Цулукидзе. Никогда, старая обезьяна, никогда! оно обожжетъ мнѣ руки; а я хотѣлъ жениться!... По-крайней-мѣрѣ, она никому не будетъ принадлежать!... Прежде всѣхъ, она должна быть наказана... Не говорите ничего... Все будетъ бесполезно! Я сперва

убью ее, потомъ за вами будетъ очередь. Люди мои стоятъ въ лѣсу... они васъ растрѣляютъ, если вы не дождетесь, чтобъ я васъ убилъ. Мнѣ надо въ крови покупаться, чтобы успокоиться! И затѣмъ, господа, имѣю честь вамъ кланяться. Мщеніе! (*Музыка*).

Т Р І О.

Цулукидзе.

Смѣяться надъ собою
Я васъ не допущу;
Живыхъ въ землѣ зарю,
Обонмъ отомщу.
Вамъ дамъ урокъ кровавый,
Въ васъ выцѣжу всю кровь.
Узнаете тогда вы
Кавказскую любовь.

Ивановъ и Букинштейнъ.

Къ чему такая злоба,
Отстаньте вы отъ насъ;
По случаю мы оба
Попали на Кавказъ.
Мы завтра уѣздаемъ,
Не возвратимся вновь,
И знать мы нежелаемъ
Про здѣшнюю любовь.

Я В Л Е Н І Е XII.

Ивановъ и Букинштейнъ (*стоятъ поражен-
ные*).

Букинштейнъ. Гмъ! гмъ! Оно очень непріятно! Но раздѣляете ли вы мое мнѣніе, что это очень, очень непріятно? Этотъ молодой человѣкъ имѣетъ, кажется, характеръ вспыльчивъ. Даже можно сказать горячъ! Его родъ знаменитъ, какъ онъ рассказывалъ, я не имѣлъ возможности его разспрашивать.... Какъ вы думаете, что онъ: арзасидъ, аббасидъ или багратидъ?

Ивановъ. По моему, онъ просто сумасшедшій.

Букинштейнъ. А если онъ будетъ возвращаться....

Ивановъ. Да здѣсь казачій постъ недалеко — можно будетъ его связать. Онъ, можетъ быть, былъ пьянъ, такъ постъ ему полезень. И это плоховато, впрочемъ — на Кавказъ....

Букинштейнъ. Вы меня успокоиваете. Позволяете ли вы мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ?

Ивановъ. Дѣлайте, что хотите.

Букинштейнъ. Думаете ли вы, что знаменитый Скарабей, *Scolopandra morsitans*, находится въ здѣшнихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ?

Ивановъ. Сомнѣваюсь. Но знаете ли въ чемъ я убѣжденъ? что ужъ теперь становится поздно, а что завтра вставать надо рано. Я усталъ, какъ собака! Вѣдь, кажется, самъ знаменитый

Геродотъ сказалъ гдѣ-то: если тебя клонитъ ко сну, такъ ложись спать.

Букинштейнъ. Это изреченіе мнѣ было неизвѣстно; но я охотно соглашаюсь, что благотѣльный сонъ, можетъ быть, для насъ полезенъ. Пойдемте туда, въ это сельское обштовалище.

Ивановъ. Помилуйте, здѣсь снѣтъ на чистомъ воздухѣ.

Букинштейнъ. Правда, оно очень тересно. Передвиженіе атмосферическихъ теченій, ударяя на горы, дѣлаютъ, что температура по среднему изотерму...

Ивановъ. Да, да, я все это знаю. Бичо! подай мутаки, бурки и ковры. Вы видите, что я уже привыкъ къ здѣшнимъ обычаямъ. (*Бичо приноситъ ковры и мутаки*). Сюда... вотъ такъ... хорошо! (*ложится*) Уфъ! уфъ! не худо растянуться послѣ такой дороги.

Букинштейнъ (*Бичо*). Спасибо, благодарствуй! а! а! (*звѣствуетъ*). Вы мнѣ позволите дѣлать мой ночной туалетъ?

Ивановъ. Я хотѣлъ просить у васъ тоже позволенія (*надѣваютъ на юловы платки*).

Букинштейнъ. Я имѣю, сударь, честь.... О.... меня укусило маленькій комаръ, *Musca canifex*. Я имѣю, сударь, честь пожелать вамъ доброй ночи.

Ивановъ. Благодарю покорно. Спите хорошенько.

Букинштейнъ (*звѣвая*). Мой барометръ въ безопасномъ мѣстѣ. Уфъ.... тсъ.... тсъ.... Сударь мой!

Ивановъ. Ну?

Букинштейнъ. А если онъ опять вернулся?

Ивановъ. Кто такое?

Букинштейнъ. Да... вотъ... этотъ арзасидъ... или багратидъ.

Ивановъ. Нѣтъ, будьте покойны. Какіе несносные комары! Къ тому же тутъ люди спать недалеко.

Букинштейнъ. А! хорошо. Какая прекрасная ночь, сударь! А! онъ уже спитъ, совсѣмъ заснулъ.... Не будемъ ему мѣшать.— Какой покой!... Какой молчаніе!... (*вдали слышны стоны.*) Ахъ, mein Gott, возможно ли!... тамъ кого-то рѣжутъ... псъ... псъ... Сударь, сударь! Господинъ живописецъ!

Ивановъ. Ну, что тамъ опять?

Букинштейнъ. Вы не слышали....

Ивановъ. Что?

Букинштейнъ. Эта ужасный крикъ...

Ивановъ. Не обращайтесь вниманія. Это чекалки кричатъ ночью въ лѣсу; ужь не взыщите, такая черноморская серенада.

Букинштейнъ. Ахъ, вотъ оно что будетъ. Скажите, пожалуйста, если сонъ еще не отяжелилъ ваша вѣка, вы мнѣ позволите сдѣлать одинъ вопросъ ?

Ивановъ. Нѣтъ, это ужь изъ ружь вонъ.

Букинштейнъ. Вы сказали чекалки... Ну, вотъ теперь комаръ мнѣ носъ укусилъ. Чекалки *Canis*, бываютъ разные: *Canis aureus*, другой родъ *Canis mesomelas*. Здѣсь я, можетъ-быть, найду родъ третій.

Ивановъ. Ну, да... уродъ, надоздались!... Отвяжитесь, пожалуйста! Вотъ привязался съ своими вопросами, да и проклятые эти комары, такъ кусаютъ, хотъ караулъ кричатъ.

Букинштейнъ (*подскакивая*). Меня укусило что-то странное.... быть можетъ, *blaps scorpentaria*.

Ивановъ. Ну, вотъ опять одинъ.... пифъ, пафъ !

Букинштейнъ. Или просто *Coleoptera simplex*.

Ивановъ. Пифъ , пафъ.... Я думаю , я похожъ на бубновую десятку.... Просто нестерпимо.... Эй! какъ бишь васъ?...

Букинштейнъ. Что угодно ?

Ивановъ. Вы бывали у Излера въ Петербургъ ?

Букинштейнъ. Какъ же, былъ-съ.

Ивановъ. Такъ знаете ли , по моему тамъ можно провести время гораздо пріятнѣе.... Пафъ! такъ на же тебѣ! А васъ кусаетъ ?

Букинштейнъ. Очень.... даже слишкомъ болѣзненно !

Ивановъ. Однако же спать надо какъ-нибудь. Пафъ !

Букинштейнъ. Я буду стараться , сколько могу. (*Хлопаетъ, бьетъ комаровъ.*)

Д У Э Т Ъ. (*Музыка Шенина.*)

Ивановъ и Букинштейнъ (*отмахиваясь отъ комаровъ*).

Ай!—ай!—ай!—ай!—

Ивановъ.

Ну вотъ ужь край!
Пышкомъ бы въ ночь
Бѣжалъ я прочь,
Да вотъ бѣда,
Куда !

Букинштейнъ.

Какъ межъ людей
Черкесь злодѣй,
Такъ здѣсь звѣрей
И комарей,
Особый видъ
Сердить.

Ивановъ и Букинштейнъ.

Ай!—ай!—ай!—ай!
Нѣтъ средства мнѣ
Остаться здѣсь.
Я весь въ огнѣ,
Икусанъ весь.
Пѣшкомъ бы въ ночь
Бѣжалъ я прочь.
Да вотъ бѣда
Куда, куда!...

Ивановъ. Мочи нѣтъ, съума сойдешь.

Букинштейнъ. Я не могу терпѣть болѣе.

Ивановъ. Отъ меня скоро ничего не останется—всего съдѣять.

Букинштейнъ. Очень, очень досадно! Что мы будемъ съдѣять?

Ивановъ. Позвольте, прекрасная мысль! Я нашелъ средство поймать комаровъ.

Букинштейнъ. Право?

Ивановъ. Видите ли, у меня тамъ въ чемоданѣ есть простыни. Мы въ нихъ завернемся, какъ египетскія муміи. А какъ комары пожалуютъ—не тутъ-то было—ищи насъ.

Букинштейнъ. Прекрасная мысль. (*Вз сторону*) У этого живописца много ума натурального.

Ивановъ (*дастъ ему простыню*). Берите себѣ. (*Драпируются*) Вотъ бѣда, складки-то выходятъ классическія, точно для программы въ академію. Ну, да впрочемъ на Кавказъ...

Букинштейнъ (*ложится*). Теперь мы можемъ наконецъ вкушать пріятный покой. Я имѣю честь, сударь, желать вамъ доброй ночи.

Ивановъ. Прощайте, прощайте! Спите скорѣй, не теряйте времени. (*Мелодрама*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢЖЕ И КЕТЕВАНА (*закутанная въ чадру*). Потомъ Абдулла и князь Гурантамовъ.

Кетевана. Что же? его нѣтъ здѣсь? Элизбаръ, Элизбаръ... странно... страшно... неужели я боюсь? Нѣтъ, я клялась. Я сдержу клятву... Темно!.. Леванъ уже ищетъ меня теперь... А! что за шумъ... неужто Леванъ успѣлъ прискакать?.. Да я живая не дамся... Гдѣ бы спрятаться? А... вотъ тутъ... въ кустахъ.

(*Прячется въ кусты, музыка.*)

(*Въ углу блекни показываются Карапетъ и Абдулла съ своими людьми.*)

Абдулла. Она сюда прошла.

Карапетъ. Вай, что Карапету будетъ... А гдѣ же деньги?

Абдулла. А гдѣ же дѣвушка?

Карапетъ. Твой видаль чадра, бѣла.

Абдулла. А! въ темнотѣ что-то бѣлется. Она! Эй! баши-бузук! тише! видите чадру, что тутъ притаилась, хватайте, ротъ завяжите и на фелуку... Хорошо... (*Люди уносятъ окутанную Букинштейна.*) Хорошо... Туда скорѣе...

Карапетъ (*удерживая Абдулла*). А деньги?

Абдулла. На, бери.

Карапетъ. 400 червонци?

Абдулла. И четырехъ довольно. Ха, ха, ха.

Карапетъ. Вай, вай, постой, какъ? (*кидается на Абдулла, который сильно его отталкиваетъ и убѣгаетъ. Карапетъ падаетъ на землю и начинаетъ плакать*). Вай, вай, злодѣи, вори, мошенникъ, обманщики, вай, вай, лавка пропалъ, капиталъ пропалъ, богатство пропалъ, что будимъ сдѣлать! (*Уходитъ въ духанъ.*)

Ревазъ и Гурантамовъ (*входя съ людьми*).

Ревазъ. Люди наши видѣли, какъ бѣжала сюда женщина въ бѣлой чадрѣ.

Гурантамовъ. Тс... тише... Вотъ мелькнуло что-то бѣлое... Теперь мы разсчитаемся съ Леваномъ. Сюда, сюда, хватайте разомъ, смотрите, чтобъ не кричала, скорѣе, скорѣй, за мной несите, къ конямъ... взяли?.. Хорошо... за мной... А... а... князь Моквани, что ты теперь скажешь!... (*уходятъ, музыка умолкаетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XIV.

КЕТЕВАНА и ЦУЛУКИДЗЕ.

КЕТЕВАНА. Утихло... Что это за шумъ былъ такой?

ЦУЛУКИДЗЕ. Въ замкъ ес не было... гдѣ же она?...

КЕТЕВАНА. Его голосъ... Элзбаръ... ты это?

ЦУЛУКИДЗЕ. А! наконецъ (*хватая ея за руку*), вотъ гдѣ ты, измѣнница!

КЕТЕВАНА. Что это значить?

ЦУЛУКИДЗЕ. Значить, ты должна каяться... все между нами кончено.

КЕТЕВАНА. Кончено!..

ЦУЛУКИДЗЕ. Смерть твоя пришла.

КЕТЕВАНА. Смерть, такъ что же?... Если не любишь, такъ убей. Мнѣ на что жить безъ тебя? Съ тобой свобода, съ тобой жизнь, съ тобой счастье... Безъ тебя одиночество, заточеніе, горе... Мнѣ безъ тебя жить не надо. Не съумю. Или ты боишься раскаянія? Скажи только! Я сама брошусь въ кручу.

ЦУЛУКИДЗЕ. Зачѣмъ ты меня обманула!..

КЕТЕВАНА. Не говори такъ, будешь жалеть! я Грузинка!.. Я не училась обманамъ. Но обиды я не снесу.

ЦУЛУКИДЗЕ. А кольцо!? (*выстрѣлы*) что это? измѣна! на людей моихъ напали!..

КЕТЕВАНА. Леванъ, Леванъ... уже здѣсь!..

ЦУЛУКИДЗЕ. Бѣги.

КЕТЕВАНА. Нѣтъ, отъ тебя не отстану. Бѣжать, такъ вмѣстѣ... умирать тоже. Пойдемъ со мной... со мной... сюда...

(Уходятъ въ глубленіе.)

ЯВЛЕНИЕ XV и послѣднее.

*(Музыка, за кулисами выстрѣлы). Вскъ.*МОКВАНИ. А... Вотъ она!.. (*картина*).

КЕТЕВАНА. Не трогай... Я его жена... Ты мнѣ же отецъ. Я ласкъ твоихъ не знаю. Не трогай; обоихъ убьешь.

ЛЕВАНЪ. Ка-акъ?..

БЕКИНШТЕЙНЪ (*вбѣгаетъ въ молуль*). А что такой, что такой! C'est une indignité... я жаловать буду Gouvernatorc, Naméstaik... я naturaliste. Я membre Académie Copenhagen... (*бѣгаетъ по сценѣ*).

АБДУЛЛА (*съ людьми*). Гдѣ этотъ мошенникъ Карапетъ? (*Съ бѣшенствомъ ходитъ по театру.*)

Ивановъ (*вбѣгаетъ*). Вы зачѣмъ меня будили?.. За чѣмъ унесли?.. я аріиость. Это вамъ не пройдетъ даромъ! Я просьбу подамъ...

Гурантамовъ. Я этому обманщику Карапету уши обрѣжу... Что я вижу! Моквани!

Моквани. Гурантамовъ!...

Гурантамовъ. А, наконецъ!..

Моквани. А... а...

(Кидаются другъ на друга съ обнаженными кинжалами. Кетевана кидается между ними. Бѣольшая общая картина на авансценѣ.)

Кетевана. Стойте... погодите... ради Бога. Вы не можете быть врагами... я скажу всю правду... Кольцо все объяснить. Я отдала его Карапету... Позовите духаньщика.

Карапетъ (*на крышѣ.*) Вай, вай, пропалъ мой голова.

Цулукидзе. Подайте фонарей, гдѣ онъ спрятался... а, вотъ онъ!...

Кетевана. Гдѣ кольцо, которое я приказала тебѣ отдать Элизбару?

Карапетъ (*стоная*). Ой, ой... мой больна софисвмъ, мой съума сходила... мой нишево не помнить. Каки кольцо!

Букинштейнъ. Кольцо, онять кольцо, которое я предполагалъ со временъ калифъ... Да вотъ оно... я его покупалъ за семь цѣлковыхъ у духаньщикъ.

Кетевана. Взгляни!

Гурантамовъ. Кольцо моего отца.

Кетевана. А я сестра твоя.

Гурантамовъ. Неужели?..

Кетевана. Я сама сейчасъ узнала. Няня догадалась, что я хочу бѣжать и объяснила мнѣ истину. Когда Леванъ напалъ на нашъ замокъ, онъ увезъ меня ребенкомъ, но онъ воспиталъ меня въ Тифлисѣ и назвалъ дочерью. Онъ загладилъ свой проступокъ. Тсперь я отъ тебя завишу. (*Указывая на Цулукидзе*) Я люблю его. По роду онъ намъ равенъ. Братъ мой, помирись съ монимъ бывшимъ отцомъ и обними своего брата...

Моквани. Ну!...

Цулукидзе. Что же?..

Гурантамовъ. Для такой радости на все готовъ!.. Всѣмъ про-

★

щеніе и всѣмъ угощеніе. Братъ, обними меня.—Князь, дай мнѣ руку.

Моквани. Шеничеремѣ... Вина!..

Хоръ.

Показался лучъ въ туманѣ,
Утра близкаго гонецъ.
Ночь окончилась въ духанѣ
И комедіи конецъ.
Но когда мы скуку смѣхомъ
Въ васъ съумѣли превозмочь,
Дайте нынче жъ намъ съ успѣхомъ
Провести вторую ночь.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПРИКАСПІЙСКОМЪ КРАѢ.

Пріѣздъ въ Тюкъ-Караганскій заливъ. — Новопетровское укрѣпленіе. —
Сшибка Уральцевъ съ Хивинцами.—Казачья станица Оренбургскаго вой-
ска на восточномъ берегу Каспійскаго моря.—Бесѣда съ Оренбургскимъ
Казакѣмъ.—Выходъ въ море,—Пріѣздъ.

На что Казаченьки принадлежали
На синее моричко на Каспійское;
Ни чѣмъ-то насъ синее море не обрадовало,
Подернуло моричко тонкимъ осеннимъ льдомъ
И тутъ-то мы Казаченьки испужалися,
Во легкія во шляпочки пометалися.

(Русская пѣсн.)

По обязанностямъ службы мнѣ привелось нѣсколько разъ про-
ѣзжать по землѣ Уральскаго войска изъ конца въ конецъ. Въ
первой разъ я сдѣлалъ такое путешествіе на пути изъ Астра-
хани въ Оренбургъ. До Гурьева, находящагося на южной око-
нечности Уральской земли, я довхалъ моремъ. Ходящій къ нему
изъ Астрахани казенный пароходъ дѣлаетъ этотъ путь не пря-
мо, а чрезъ Новопетровское укрѣпленіе, стоящее на восточномъ бе-
регу моря. Доставивъ сюда пассажировъ, и взявъ отсюда новыхъ,
онъ направляется уже прямо на Сѣверъ къ Гурьеву. На этомъ-то
пароходѣ и я совершилъ свою повздку. При вѣздѣ въ открытое
море, съ устьевъ Волги, насъ встрѣтилъ сильный противный
вѣтеръ. Мы должны были остановиться у брантвахтеннаго суд-
на, которое постоянно качается на одномъ мѣстѣ, въ 60 верстахъ
отъ берега. Какъ должна быть весела жизнь командира этого
судна, который цѣлые полгода не видитъ семьи, и котораго все
развлеченіе состоитъ въ созерцаніи проходящихъ мимо судовъ. Да
и море здѣсь имѣетъ самый скучный видъ; оно здѣсь сѣрое, а не

зеленос, потому что морская вода здѣсь еще смѣшана съ прѣсной. На меня одинъ день стоянки на этомъ мѣстѣ навелъ страшную тоску и я былъ ужасно радъ, когда мы тронулись снова въ путь. Тихая ночь покоилась надъ Каспиемъ, когда мы приближались къ восточному берегу. Море въ полумракѣ блестяло темнымъ металлическимъ блескомъ. Вѣтерокъ былъ едва замѣтенъ. Все молчало кругомъ, и только шумѣли парходныя колеса. Вахтенный офицеръ, похаживая у руля, по временамъ посматривалъ на компасъ. На другомъ концѣ парохода виднѣлось нѣсколько безмолвныхъ человѣческихъ фигуръ. Въ небѣ было болѣе жизни и движенія. Чуть ли не всѣ звезды собрались тамъ, будто на праздникъ. Однѣ ярко блистали въ своихъ трепещущихъ лучистыхъ вѣщахъ; другія чуть-чуть виднѣлись на днѣ неба, какъ капли росы; свѣтъ нѣкоторыхъ сливался въ отдаленныя туманныя полосы. Иныя, какъ-будто играя, падали съ неба, ныряя въ воздушной глубинѣ. Вотъ разомъ двѣ звезды покатались съ небесной вышины, и двѣ свѣтлыя полосы обозначили ихъ пути. Какъ свободно и смѣло взоръ человѣческой пролетаетъ эти необъятныя пространства. Какъ легко открываетъ ему небо свои тайны. Сколько нужно человѣческихъ жизней, чтобы достигнуть до этой звезды. А между-тѣмъ человекъ, котораго вся жизнь тянется лишь нѣсколько мгновений, смѣло опредѣляетъ ея путь въ теченіи вѣковъ. Песчинка обнимаетъ міры, мгновение уловляетъ тысячелѣтія! И между тѣмъ, этотъ же самый мудрый смертный, такъ легко читающій на днѣ небесной бездны, не можетъ отыскать пути на своей маленькой планетѣ. И на этомъ крошечномъ морѣ тѣ же самыя отдаленныя свѣтлыя указываютъ ему дорогу.

— Вонъ Мангишмакъ, сказалъ мнѣ вахтенный офицеръ, переставшій смотреть на компасъ, показывая, въ полумракѣ ночи, на чернѣющую стѣну берега, встававшую надъ равниной моря.

— Зажечь фальшфейеръ, сказалъ онъ и серебряный огонекъ зазвѣтилъ на другомъ концѣ парохода.

Черезъ секунду, въ темной дали, заблестѣлъ тамою же милый, свѣтлый лучъ, какъ будто отраженный завѣсой ночи.

— Это намъ отвѣчаютъ изъ Тюкь-караганскаго залива съ казеннаго бота. Мы хотѣли и безъ этого сдѣлать бы проѣздъ въ заливъ, но ферму надобно еоблюсти.

Черезъ четверть часа мы уже бѣжали вдоль Мангишмакскихъ горъ, которыя не превышаютъ впрочемъ 20 сажень. Вдругъ

нашъ пароходъ сильно закачалъ, какъ въ начало ни разу во время пути, даже въ сильный вѣтеръ. Командиръ парохода, выйдя на палубу, объяснилъ, что въ этомъ мѣстѣ всегда бываетъ такая качка, что происходитъ въ слѣдствіе борьбы волнъ, отражающихся отъ прибрежныхъ скалъ съ набѣгающими съ моря. Между астраханскими рыбопромышленниками, для такихъ мѣстъ, гдѣ происходитъ столкновение волнъ, существуетъ особое техническое названіе, *стичная вода*. Черезъ нѣсколько времени мы въехали въ узкій проливъ, по которому пароходъ побѣждалъ спокойно, какъ по тихой рѣкѣ, и потому, чрезъ нѣсколько времени, мы въехали какъ бы на озеро.

— Вотъ и Тюкъ-караганскій заливъ, сказалъ командиръ парохода. Стопъ машина, закричалъ онъ, и послушный пароходъ сталъ.

Я смотрѣлъ кругомъ, стараясь увидать крѣпость, которую представлялъ себѣ увѣчанною грозными башнями, на скалѣ у моря, но ничего подобнаго не видалъ. «Гдѣ же самая крѣпость?» спросилъ я командира парохода. — «Да она за три версты отсюда, вы увидите ее уже завтра, а теперь ничего не увидите. Путь нашъ конченъ и время отдохнуть.» Онъ отправился въ свою каюту. Я все-таки не хотѣлъ такъ скоро сойти съ палубы, не разъяснивъ себѣ хотя сколько-нибудь окружающей меня мѣстности, но, къ сожалѣнію, не могъ; видѣлъ я въ темнотѣ оснащенные мачты какихъ-то судовъ, которыя казались шестами, поддерживавшими сѣти, а дальше какъ-будто деревня виднѣлась, а тамъ просвѣчивало море. Больше я ничего не могъ разглядѣть. Я отправился въ свою каюту, но утромъ рано проснулся, и вышелъ тотчасъ же на палубу.

Солнце вставало изъ-за горнаго кряжа. Зеленый заливъ, круглый какъ озеро, блестѣлъ, какъ полированное стекло. На немъ стояло неподвижно нѣсколько судовъ. Казенный бѣлъ своей затѣливой оснасткой резко отличался отъ ловецкихъ кусовыхъ лодокъ. Узкая бѣлая песчаная полоса, по которой было выстроено, какъ видно, еще недавно, нѣсколько домиковъ, совершенно походили другъ на другой, отдѣляла этотъ заливъ отъ моря, которое передо мной стлалось на сѣверъ, на югъ и на западъ до самой небесной стѣны. Въ морѣ виднѣлись тоже кусовыя. Иныя, поближе, стояли неподвижно, какъ на стражѣ; можно было различить на нихъ человѣческія фигуры, оуетившіяся надъ рыболовной снастью. Другія, раскинувъ бѣлые косяки

паруса, кокетливо склонившись въ одну сторону, убѣгали по синевѣ морской, вдаль подѣ небесный сводѣ.

Въ маленькомѣ селеніи, раскинутомѣ на косѣ, замѣтна была дѣятельность. Дворы не были еще устроены и всѣ домашнія работы производились на виду. Самоловная снасть развѣшана была по жердямѣ у каждаго дома. Иныя точили крючки у этой снасти, другіе разводили подѣ котломѣ огонь, намѣреваясь *дубить* ее (варить въ настоѣ изѣ дубной травы, отчего она менѣе перевѣдается морскою водою), тутъ же починалась опрокинутая лодка. Это была станица Оренбургскаго войска, построенная вмѣстѣ съ укрѣпленіемѣ. Сюда перешли казаки того войска для занятія рыболовствомѣ.

Картина моря и оживленнаго дѣятельностью берега, такѣ недавно еще лежавшаго впусѣтѣ, произвела на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадѣ здѣсь, можетъ быть, располагались кочевьемѣ нѣсколько бѣдныхѣ киргизскихѣ кибитокѣ. Изрѣдка приходили караваны изѣ Хивы съ товарами, но торговля оживляла край не надолго, и онѣ снова обращался въ печальную пустыню.

Я отправился посмотреть крѣпость. Дорога туда пролегала мимо двухѣ розовыхѣ озеръ * и шла все въ гору; по мѣрѣ возвышенія, видѣ на окрестности становился прекраснѣе. Это было вовсе впрочемѣ не европейскій видѣ. Мы привыкли воображать пльнительныя мѣстности не иначе, какѣ украшая ихѣ зеленью травѣ и деревьевѣвъ, блескомѣ струй рѣки или озера; здѣсь не было ничего подобнаго. Передо мною тянулась сѣрая, обожженная солнцемѣ, холмистая пустыня. Низкая, рѣдкая трава едва пробивалась на каменистомѣ грунтѣ. Не видно было ни одного дерева, не свѣтилось ни одного ручейка, но два розовыхѣ озера, которыя, какѣ два аметиста, были врзаны въ эту каменистую степь, этотѣ зеленый заливѣвъ, со своими суденышками и домиками, и синее съ серебряными отливами море, охватывавшее все видимое пространство, представляли чудную, ни съ чѣмѣ не сравненную картину. Крѣпость имѣетѣ довольно грозный видѣ. Она расположена на горѣ. Всѣ строенія въ ней изѣ камня и отдѣланы довольно чисто. Впрочемѣ, въ ней не оказалось ничего замѣча-

* Эти озера суть ни что иное, какѣ солончаки, залитые водою. Они, по мнѣнію нѣкоторыхѣ, могутѣ замѣнять соляныя грязи, служація къ излеченію ревматизмовѣ и другихѣ застарѣлыхѣ болѣзней. Такія соляныя грязи есть въ Астрахани.

тельнаго, кромѣ того, что видъ окрестностей отсюда, кажется, еще лучше. Я смотрѣлъ на нее изъ мезонина комендантскаго дома. Картина была та же, но она захватила больше дали и суровый характеръ мѣстности какъ-то рѣзче выразился. Сѣрая степь, разстилавшаяся холмами, отсюда казалась угрюмѣе, а море, отбѣжавшее въ даль, сверкавшее синью, смотрѣло грознѣе. Въ крѣпости есть гарнизонъ, и кромѣ того отрядъ Уральскихъ казаковъ. Вся живущіе здѣсь офицеры получаютъ двойной окладъ. Со стороны окрестныхъ народовъ, это укрѣпленіе совершенно безопасно. Комплектъ войскъ, здѣсь находящихся, достаточенъ, чтобъ отразить враждебную хивинскую силу.

Одинъ изъ бывшихъ здѣсь офицеровъ оказывалъ мнѣ, что въ 1848 (кажется) году, 800 человекъ Хивинцевъ изволили пріѣхать въ окрестности Новопетровскаго укрѣпленія собирать зякетъ для хивинскаго хана. Зякетъ Хивинцами и Коканцами собирается не совсемъ правильно, не въ одинаковыхъ размѣрахъ, и не въ одно время, а какъ деньги понадобятся, и потому, чѣмъ чаще хану нужны деньги, тѣмъ чаще собирается и зякетъ, и въ большемъ количествѣ. Хивинскій чиновникъ заботится также объ себѣ и о своей командѣ, надобно же и имъ награду за труды мало-мало. Онъ и его приближенные, во время отдохновенія отъ правительственныхъ заботъ, требуютъ для услугъ дѣвушекъ и мальчиковъ; они въ особенности любятъ дѣтей отъ 10 до 16 лѣтъ. Киргизы, не понимая высокихъ цѣлей хивинскаго правительства, не способны оцѣнить и его государственныхъ людей, и вообще бываютъ недовольны этими посѣщеніями, даже и тогда, когда дѣйствительно признаютъ себя подданными этого правительства. Но такъ-какъ здѣшніе Киргизы не были уже хивинскими подданными, то они обратились съ просьбою о защитѣ къ начальнику Новопетровскаго укрѣпленія. Онъ послалъ команду Уральскихъ казаковъ въ 140 человекъ. Казалось, что могли бы сдѣлать 140 противъ 800; но вѣдь горсть казаковъ также покорила некогда Хиву. Лишь только Уральцы налетѣли, хивинская кавалерія обратилась вспять. Никогда киргизскія женщины и дѣти не бѣжали такъ поспѣшно отъ Хивинцевъ, какъ въ это время сами Хивинцы отъ казаковъ. Только одинъ, должно быть храбрецъ изъ храбрецовъ, вздумалъ похорохориться, оглянулся, поглядѣлъ такъ свирѣпо на казаковъ и замахнулся саблею на начальника отряда (моего рассказчика), но тотъ отразилъ ударъ и снесъ ему смаху черепъ. Казаки рубили пашками, кололи пиками,

тентами конями, однимъ словомъ, старались насолить Хивинцамъ такъ, чтобы навсегда отучить ихъ отъ хожденія сюда по государственнымъ дѣламъ, и точно, съ-тѣхъ-поръ пелию. Мудрое хивинское правительство перестало заботиться о благѣ киргизскаго народа при Каспійскомъ морѣ. Офицеръ былъ награжденъ за отраженіе Хивинцевъ орденомъ св. Анны 3 степени. Это событіе послужило, по всей вѣроятности, не малымъ развлеченіемъ для обитателей Новопетровскаго укрѣпленія, потому что жизнь здѣсь вообще скучна и однообразна, особенно зимою. Видъ окрестной природы, конечно, хорошъ только для *проходившихъ*. Удобства жизни также не совсѣмъ богаты. Нѣтъ даже хорошей воды. Впрочемъ она безвредна, хотя вкусъ ея въ чаю слышенъ. Вся средства продовольствія получаютъ изъ Астрахани. Почва земли здѣсь каменная, и неспособна не только для земледѣлія, но и для скотоводства. Можно разводить только барановъ и то небольшое количество. Весь запасъ годичнаго продовольствія для здѣшняго гарнизона, и даже сѣно для казенныхъ лошадей, получается изъ Астрахани. Впрочемъ, Новопетровское укрѣпленіе находится на лучшемъ мѣстѣ, чѣмъ бывшее до него Новоалександровское (построенное въ 1834 году, съ цѣлію обезопасенія промышленниковъ отъ нападений Киргизовъ, и уничтоженное въ 1846 году). Здѣшнее укрѣпленіе, важное по обезпеченію спокойствія края, можетъ покровительствовать торговлѣ, потому что стоитъ на торговомъ пути при заливѣ, весьма удобномъ для стоянки кораблей. Съ давняго времени Хивинцы и Киргизы прѣзжаютъ сюда для производства торговаго.

Не нужно, впрочемъ, обольщаться слишкомъ большими надеждами на развитіе здѣсь торговаго движенія; до-тѣхъ-поръ, пока племена, здѣсь живущія, будутъ также бѣдны, какъ теперь, до-тѣхъ-поръ торговля здѣсь не будетъ важна. Точное изслѣдованіе этой страны въ промышленномъ отношеніи покажетъ, какую пользу можно извлечь изъ нея со временемъ.

Теперь пока извѣстно, что эта степь богата во многихъ мѣстахъ каменнымъ углемъ; онъ найденъ близъ этого самаго укрѣпленія; въ послѣднее время стали его отыскивать и на другихъ пунктахъ степи. Въ 1855 году, штабсъ-капитанъ корпуса инженеровъ Антоновъ нашелъ въ Оренбургской степи, по теченію рѣки Джиланчика, мѣстороженіе буряго каменнаго угля, содержащее въ себѣ до 30,000,000 пудовъ; въ 1856 году онъ обследовалъ мѣстность около колодезя Яръ-куе, отстоящую веротъ

на 100 отъ оренбургскаго укрѣпленія. Въ этомъ мѣсторезиженіи количество бураго угля простирается до 275 миллионновъ вудовъ; этотъ уголь оказался годнымъ для отопленія, для тонки маровыхъ машинъ и для обработки металловъ въ отражательныхъ печахъ. Не будь здѣсь русскихъ, онъ пролежалъ бы тысячу лѣтъ и Киргизы умирали бы отъ голода вблизи сокровища, которому они не знаютъ цѣны. Если положить цѣну каменнаго угля на мѣсто по 5 к., то цѣнность всего бураго угля будетъ простираться до 13,750,000 р. серебромъ. Какая масса богатствъ пролетаетъ въ руки этого бѣднаго населенія, приковавшаго къ безплодной странѣ. Почему знать, можетъ быть, здѣсь современемъ могутъ развиваться какія-нибудь отрасли промышленности. Въ рабочихъ недостатка не можетъ быть. Здѣсь байгушей (пролетаріевъ) очень много. Киргизы и Туркмены здѣсь бѣдны, они едва снискиваютъ себѣ пропитаніе отъ скотоводства; многіе изъ нихъ очень охотно идутъ на морскіе промыслы, занимаясь на кусовыя у Элобенскихъ ловцовъ. Киргизъ очень силенъ и понятливъ и можетъ быть превосходнымъ работникомъ и притомъ весьма дешевымъ. Очень многіе будутъ готовы работать просто изъ-за хлѣба. Очень естественно, что при такой дешевизнѣ труда, промышленность можетъ приобрести значительные успѣхи и между тѣмъ быть полезною для здѣшняго населенія. При увеличеніи богатства народа, разовьются его потребности и тогда торговля пойдетъ быстрыми шагами.

Послѣ обѣда я отправился обратно на пароходъ. Жена моя дождалась меня, чтобы вѣхать на берегъ и наняться тамъ чаю. Каюта и палуба ей наскучили, ей хотѣлось ступить на твердую землю. Я взялъ лодку и мы перѣехали въ станицу. Изъ одного домика вышла женщина пожилая, но довольно пріятной наружности, и пригласила насъ войти къ себѣ въ хату. Здѣсь встрѣтилъ насъ ея мужъ. Они были Малороссіяне, переселившіеся сперва въ оренбургскій край изъ черниговской губерніи. Сначала они жили подъ Оренбургомъ въ Дедуровской станицѣ, а потомъ, по вызову, перешли сюда въ Новопетровское.

— Ну, что, какъ тебѣ, лучше ли здѣсь, чѣмъ подъ Оренбургомъ было? спросилъ я.

— А лучше, тамъ лапти носилъ, теперь сапоги носимъ, тамъ кожухъ простой носилъ, а здѣсь тулупъ сукномъ покрылъ; вонъ какой. При этомъ онъ вынулъ мнѣ изъ сундука тулупъ изъ рыжей мерлушки, покрытый синимъ сукномъ.

— Что тулупъ, что сапоги, житье ледаше, говорила съ грустію жена. Тамъ хлѣбъ съяли, барановъ водили, коровушки были, молочко, масло было свое, свиньи тоже были, каждый день борщъ, лапша со свиной, колбабы дѣлали, а здѣсь всего одна рыба! Ничего-то нѣтъ, степь одна голая, да море кругомъ своєю лысину кажетъ.

— Но, что брешешь: мѣсто веселое, съ неудовольствіемъ возразить старикъ, а рыбы наловилъ, въ Астрахани продалъ и хлѣба и всего добылъ.

— Либо наловилъ, либо самъ въ воду угодилъ... Въдъ вонъ Миколай похвалъ за рыбой, такъ и не воротился. Ужь къ заливу подвѣзжалъ, вдругъ вѣтеръ какъ шарахнетъ, и лодка вверхъ дномъ, и самъ въ воду съ осетромъ. Повѣрите ли, съ живостію продолжала хозяйка, обратясь къ намъ: какъ повдѣтъ онъ въ море, такъ на мня тоска и нападѣтъ, а какъ подуетъ погода и море расходится, такъ ужъ я сама не своя. Выйду на море, да и посмотрю, не видать ли гдѣ его кусовой, не бѣтса ли гдѣ съ валомъ, не тонетъ ли; такъ по косъ и хожу... сама не своя до-тѣхъ-поръ, пока не стемнѣтъ; и ночью, какъ его нѣтъ, выйду на берегъ, слышу, не кричатъ ли онъ гдѣ, не зоветъ ли на помощь? Ну, прѣдетъ, и отъ сердца отляжетъ.

Мужъ равнодушно слушалъ жалобы жены.

— Что говорить, чего не надо, жена, отвѣчалъ равнодушно мужъ. Миколай потонулъ, што нѣмецъ* не взялъ, его и перевернуло. А на сушъ рази вѣтеръ бѣдъ не творить?

— Да гдѣ же? спросила жена: — на сушъ вѣтеръ колосъ наклонить, да и тому выпрямиться дастъ.

— А забыла на старинъ, какъ Олексія на мельницъ измяло? Олексій мельникъ былъ. Вѣтру совсѣмъ не было, онъ пошелъ внизъ, да и началъ тамъ смазывать столбъ, вѣтеръ подулъ, его шестерней за руку схватило да такъ и изломало совсѣмъ. Только исповѣдовали, да причастили, да тутъ же Богу душу и отдалъ, а Григорій-то померъ? тамъ и вѣтру никакого не было, бочку съ виномъ провожалъ зимою; самъ идетъ съ боку пш-комъ, возжи держитъ въ рукахъ; вдругъ въ ухабъ споткнулся и упалъ, а сани съ бочкой раскатились, да на него, такъ и недохнулъ, а возжи въ рукахъ остались и лошадь остановилась.

* Нѣмецъ—куль, наполненный землей, ихъ кладутъ на дно лодки, вмѣсто балласта.

Э! да что съ бабами толковать, примолвил онъ, махнувъ рукою, чего онъ знаютъ. Вонъ Уральцы такъ ничего не боятся.

— Еще бы, такъ ты рази Уралець? вдругъ прервала его жена.

— Не Уралець, да я такой же казакъ, вдругъ возразилъ онъ, какъ-будто обидѣвшись. Казакъ оренбургскаго войска.

— Ну, что, что казакъ, да они на этомъ стоятъ. Народъ знающій, а ты на моръ всего безъ году недѣлю ходишь. Да и ихъ развѣ не настигаетъ бѣда?.. а помнишь, какъ всѣ кусовыя ихъ въ моръ льдомъ срвзало?

— А, это точно, отвѣчалъ казакъ. Гурьевскіе казаки, осенью возвращались изъ Астрахани домой; время было холодное, у устья Урала льдомъ море и затянуло, а потомъ оторвало. Онъ и пошелъ, да на ихъ кусовыя. Куда имъ дѣваться: они всѣ и высадились на острова, а лёдъ тонкій, точно ножикъ, такъ и срвзаль ихъ лодки и остались безо всего, что закупили въ городъ: все пропало.

— То-то же, а льдомъ-то относить зимою, подхватила жена:—плаваетъ, плаваетъ бѣдный на льдинъ, хорошо, какъ кусовичи надутъ да снимутъ, а какъ не снимутъ, такъ и поминай какъ звали.

— А и льдомъ относить, это точно, подтвердилъ казакъ равнодушно; да это рѣдко случается.

— А нѣтъ ли у васъ самовара? спросилъ я:—прочій весь принасъ съ нами есть.

— Какъ не быть, отвѣчалъ торопливо хозяинъ, которому представлялся случай похвастаться улучшеніемъ своего быта; отправился за печку, досталъ самоваръ и вынесъ его;—вотъ онъ, сказалъ онъ съ самодовольствіемъ, поднявъ его за обѣ ручки; а подъ Оренбургомъ какъ жилъ, не знали какой самоваръ, какъ чай надо пить, пожалуй, какъ ставить, такъ въ трубу бы воды налили. Въ Астрахани я купилъ его и славный самоваръ, двадцать два рубля далъ.

— Что самоваръ? говорила жена, махнувъ рукою на него:—мы къ чаю-то непривычны: я сначала думала и Богъ знаетъ что такое, говорятъ, чай да чай. Дали мнѣ, вода водой. То ли дѣло молочка похлевать. Да и что же? за самоваръ деньги заплатили, а чаю и сахару къ нему все-таки купи. Самъ онъ ничего не дастъ. А пожалуй пей его каждый день, а вѣсть все-таки захочешь. Благодареніе Богу, что у насъ еще есть что вѣсть, потому хоть рыба ловится, а вонъ у сосѣда ничего нѣтъ,

ни рыбы, ни скота, такъ пересбивается кой-какъ. Зачѣмъ перешелъ сюда, Богъ знаетъ; а ну, какъ и у насъ рыба перестанетъ ловиться, и явдемъ...

Я стараюсь усладить женщину, тревожимую постояннымъ опасеніемъ за жизнь мужа и сомнѣвающуюся въ успешности промысла, и возбуждать новую бодрость въ предприимчивомъ казацкѣ, которому, вѣроятно, надеждали ея постоянныя увѣрки за то, что онъ перешелъ сюда. «Чтобъ рыба ловилась хорошо, сказалъ я, надобно, чтобъ снасть была хорошая. Венъ у соседа, я изъ окна вижу, что снасть плоха, онъ ее давно же дубилъ и крючковъ не обтачивалъ. Это ужъ не ловець. Чай и кусовой хорошенько править не умѣетъ. Коли дѣла мастеръ боится, такъ ужъ тутъ хорошему не бывать. Если люди иногда погибаютъ, такъ это отъ неумнѣнья или неосторожности, или отъ скряжества.

«Вотъ, напр., одинъ персидскій корабль потому-ли со всеми грузами и экипажемъ, одинъ прикащикъ только спасся на лодочкѣ, которую онъ успѣлъ отвязать во-время. Четыре дня его носило по морю и выкинуло около Дербенда; тамъ его нашли безъ чувствъ, а отчего? корабль былъ старый, а его нагрозили тяжело. Дно-то и проломилось. Въмѣсто того, чтобъ пускать корабль въ море, надобно бы его продать на дрова.

«Есть, случаи, когда вѣтромъ опрокидываетъ судно; это оттого, что оно безъ груза, надобно класть всегда балластъ. Лѣтъ 20 назадъ тому, были несчастные случаи чаще потому, что лодки ставили прямыя паруса, а не косые, какъ теперь. Что же касается до откосовъ, которые бываютъ иногда, то лучшее правило въ этомъ случаѣ, не вывзжать въ море передъ весною. Астраханскіе промышленники выростаютъ на морѣ; какъ мальчику минетъ лѣтъ 10 или 12, такъ ужъ отецъ его и въ море беретъ, и, разумѣется, ужъ не боятся откосовъ, емьло вывзжаютъ два на два на три пути по льду, а Богъ спасаетъ.» При этомъ я рассказалъ имъ случай, слышанный мною отъ одного промышленника.

Собещая здѣсь этотъ рассказъ, переданный мною кратко, я долженъ войти въ некоторыя подробности для поясненія дѣла. Когда бѣдъ тюленей зимой не было еще запрещено, несколько промышленниковъ выехали бить тюленей далеко въ море. Морской ледъ становится неровно. Море долго борется съ колодезь, сбрасывая съ себя думный пекровъ. Сплошной комъ лда льдною же разъ прежде разрывается имъ на мелкіе куски, кото-

рые потому, при налетѣ сѣверныхъ, несущихъ стужу ветровъ, сгромождаются другъ на дружку буграми и такъ сплачиваются; такія неровныя льдинныя пространства называются храпомъ. Нерадко льдины становятся ребромъ, образуя городки. Такія льдины называются вакурникомъ. Въ этомъ вакурникѣ, большою частью, укрываются тюлени съ дятенышами и здѣсь отъискиваютъ ихъ промышленники. Найдя богатую добычу, лодки разсыпались по застывшему морю. Дулъ довольно сильный вѣтеръ. Въ жару охоты они нисколько не думали объ опасности, какъ вдругъ страшный трескъ заставилъ ихъ вздрогнуть. Имъ возмъ послышался легкій толчекъ. Лошади ихъ дико заржали и застучали копытами объ ледъ. Помость льда, на которомъ они стояли, вдругъ разбился на нѣсколько кусковъ, которые скоро разнесло по морю съ разрозненными группами лодцовъ съ ихъ санями и лошадыми. «Относъ, относъ!» закричали они. Вѣтеръ носилъ тихо льдины, то сплачивая, то разделяя ихъ. «Давайте, братцы, какъ-нибудь сходитесь на одну льдину; умирать, такъ умирать вмѣстѣ; помилуетъ Господь, такъ помилуетъ, не помилуетъ, Его святая воля.» Съ востокомъ возобогали они убитаго тюленя и принялись съезжаться на одну льдину, которая имъ казалась больше и надежнее прочихъ, выбирая время, когда льдины сходились или по-крайней-мѣрѣ были близко между собою. Лошади какъ-будто сами понимали опасность и смѣло перешагивали черезъ развалы льда. Въ иныхъ случаяхъ лошадь могла только уцѣпиться передними ногами за окраину льда, а заднія ноги и сани съ сѣдокомъ оставались въ водѣ. Сѣдокъ всползалъ черезъ лошадь на ледъ и потому вытаскивалъ другаго своего товарища въ опасности. Но льдина, на которой лодцы, наконецъ, съехались, снова разбилась на куски, которые разнесло опять по морю. Промышленники, не теряя надежды, снова принялись съезжаться. Благоприятный вѣтеръ снова сплочилъ вмѣстѣ разорванныя части льдины и лодцы могли соединиться все вмѣстѣ. Только одинъ молодой промышленникъ остался на отдаленной льдинѣ съ своей лошадыю и санями. Провидъ сажень во сто отдалялъ его отъ нихъ. Никто не могъ подать ему помощи. Прикоть вѣтра могла его навсегда разлучить съ ними. Онъ обгаль льдину кругомъ и не зналъ на что рѣшиться. Лошадь его ржала и бѣгала за нимъ съ санями, не отставая, какъ-будто опасаясь, какъ бы онъ не оставилъ ея. Хотъ и возмъ было не догнать его, потому что ихъ участь была также ненадежна, по-

крайней-мзръ они были все вмѣстѣ; каждаго одушевляла надежда на общую помощь. Всѣмъ имъ было жаль бѣднягу. Между товарищами бѣдствія были у него нѣсколько близкихъ родственниковъ. Но никто не могъ подать ему помощи, не рѣшился даже дать какой-нибудь совѣтъ; все считали его погибшимъ и съ ужасомъ смотрѣли, что онъ намѣренъ былъ дѣлать. Промышленникъ остановился, отпрягъ лошадь и привязалъ къ задку саней, а самъ сбросилъ тулупъ и въ одной рубашкѣ бросился въ холодную воду, бурунъ такъ и хлещетъ, говорилъ мнѣ промышленникъ, а онъ такъ и машетъ черезъ него, пловецъ былъ могучій, а лошадь-то, лошадь какъ увидала, что хозяинъ-то бросилъ её на льдинѣ, какъ взвизгнетъ, да такъ жалобно, и начала рваться за нимъ, а сама такъ и ржетъ, такъ и ржетъ. Все металась къ водѣ, а сани-то за ней, такъ ихъ къ водѣ и подтащила, да какъ вдругъ бултыхъ въ море, вмѣстѣ съ санями, нырнула разъ, другой и потонула. Ну, онъ-таки перервзалъ бурунъ и вылезъ къ намъ на льдину. Тутъ уральскій казакъ подбѣжалъ къ нему съ тулупомъ, а онъ и не смотритъ, да бѣжитъ къ намъ. — Ну, братцы, кричитъ, не чайяль я быть съ вами опять вмѣстѣ, а самъ такъ слезами и заливаётся... И все-то ему рады, даютъ ему одежды, принимаютъ на льдинѣ такъ, какъ-будто онъ къ нимъ въ домъ пришелъ; а, чего? льдину, того и гляди, разнесетъ опять; то въ одну сторону её понесетъ, то въ другую, сидятъ какъ мухи на мокромъ сахарѣ. Но только потянулъ остовый вѣтеръ, ихъ и поднесло къ твердому льду и прибило; все и перѣехали съ пустыми саями, да скорѣе къ берегу; какъ почували подъ собой землю, давай креститься. Нужды нѣтъ, что ничего мы не до-стали, рады, что сами живы остались.

— Ну, слава Богу, что Господь помиловалъ, сказала хозяйка. — Я какъ слушала, мнѣ такъ жаль было сердечнаго, такъ и думала, что онъ потонетъ, у меня и душа была не на мзвъ, а ну, вотъ нѣтъ же.

— Богъ! воскликнулъ въ размышленіи хозяинъ, разведя руки и устремивъ глаза въ полъ.

Въ это время въ хату вошелъ Уралецъ, высокаго роста, съ длинной темнорусой бородой, закрывавшей широкую грудь. Раскланявшись съ нами, онъ присѣлъ и, узнавъ, что разговоръ идетъ о промыслѣ, столь ему близкомъ, сказалъ: коли рассказывать, какіе были случаи съ кѣмъ, такъ пожалуй цѣлую недѣлю можно. Мало ли надъ кѣмъ бывали бѣды, да если ихъ бояться, такъ

значить и казакомъ не быть. Нашему брату казаку надобно все испытать, чтобъ на войнѣ веселымъ быть.

У насъ казакъ съ измалѣтства удали нахватается. Примѣрно, вотъ багренье; теперь ужь правда оно не такъ дѣлается. Казаки бывало на лошадяхъ во весь духъ неслись въ саняхъ на рѣку. Вотъ тутъ надо было ловкость, чуть сплосалъ, сомнуть. Жаль, отмѣнили на лошадяхъ, а отъ чего? Багранный атаманъ разъ впереди всѣхъ несея на Уралъ, лошадь подъ нимъ и споткнулась; войско налетѣло, его лошадьми и затоптали. Съ-тѣхъ-поръ стали пѣшіе сходить на рѣку. Но и теперь, какъ багрить, надобно проворъ. Въдъ какъ работаешь! Морозъ какой, а самого потъ прошибаетъ. Отъ того казаки наши вездѣ молодцы. Примѣрно на Кавказѣ, чуть дѣло погорячѣе, такъ казачковъ берутъ, потому—народъ привычный. Казачки, какъ кинутся на ура, такъ тутъ Черкесу и кашка сварена; ужь не сробѣють. Разъ одинъ казакъ изъ нашихъ въ сраженіи былъ, напало на него три Черкеса, одного онъ шашкой хватилъ, убилъ, другаго тоже убилъ, тутъ у него шашка изъ руки и выпадн. Что дѣлать? подскочилъ онъ къ третьему, не даль ему опомниться, хватъ кулакомъ въ голову, убилъ на поваль. Вотъ привычка, значить, нашелся. Ну, точно, что и казакъ былъ здоровый. И въ моръ тоже, какъ смѣлый человекъ, такъ скорый не пропадетъ, чѣмъ такой ледащій.

Я самъ тоже былъ въ относь, продолжалъ казакъ, мы тоже на оханный ловъ ходили. И ужь женатъ былъ, батюшка меня тоже не пускалъ въ море. Ну, куда поведешь, говорилъ, что, здѣсь нѣтъ тебѣ промыслу? Ну, я не послушалъ, похвалъ. Насъ было много народу, человекъ семьдесятъ. Хоть и боязно было, все не такъ съ народомъ, отнесло насъ и носило долго; коней мы давно порышили, съ ними только тягота была. Лыдина была еще крѣпкая, покачались мы по морю порядкомъ, да и поднесло вотъ къ этому же берегу, только повыше къ Уралу. Поднесло хоть и близко, а перепрыгнуть нельзя. Постояли мы эдакъ дня два, затягивать промежку начало, пробуемъ, все ледъ тонокъ, шельмовство, никакъ не перейдешь. А ждать не хотѣлось, какъ бы опять не оторвало да не понесло. Вотъ мы и ухитрились перевязать жердей, да и наслали на ледъ, такъ на корточкахъ на берегъ и выбрались. Пошли мы по берегу, ни души нѣтъ. Идемъ день, идемъ другой, видимъ аулъ большой. Киргизы завидѣли насъ да и кинулись къ намъ. Такія собаки, хотѣли, вишь, въ полонъ насъ захватить да въ Хиву продать. Мы

отъ нихъ прочь, съ берега да на ледъ перешли и стали за пашань *. Съ нами были женщины, топоры. Ну, они видятъ народу много и не съ пустыми руками, и не носили поближе лезть, а еслибъ мы иснужались, такъ пожалуй въ полонъ бы забрали; мы отъ нихъ такъ и ушли. Шли еще дня два. Припасовъ осталось мало. Видимъ опять ауль. Думаемъ, опять придется отбиваться, не знай наша одолзеть, не знай ихна, а знаемъ, что голодной смерти намъ не миновать, если Киргизовъ минуемъ. Ну, тутъ итъ; выехалъ къ намъ на встрѣчу Киргизъ съ толпой. Глядимъ, знакомый. Бывалъ онъ у насъ въ Гурьевъ въ гостяхъ и торгъ съ отцомъ велъ. Думаемъ, вспомнитъ ли онъ нашу клябсодь: и точно, вспомнилъ. Взялъ насъ къ себѣ въ ауль, нажормилъ; ужъ дѣлать нѣчего, противно было, а голодъ свое взялъ, вли: барановъ намъ далъ, муки далъ, все въ долгъ, денегъ съ нами не было, дорогу растолковалъ и отпустилъ. Долго послѣ этого мы брели; что ближе, то стали попадаться Киргизы знакомые, давали намъ вѣсть, наконецъ и Гурьевъ увидали. Прихожу домой, вхожу, батюшка сидитъ вотъ какъ ты эдакъ, хозяйнѣ, въ переднемъ углу, а матушка у стола. Сидятъ да горюютъ обо мнѣ; какъ увидѣли, батюшка вскочилъ, да такъ и сталъ, самъ своимъ глазамъ не вѣрить, а матушка взвизгнула, кинулась ко мнѣ на шею, да и залилась слезами. Тутъ жема услыхала, ворвалась въ дверь, да подскочила ко мнѣ, кинулась ко мнѣ на грудь, объ такъ на взрыдъ и плачутъ. Я ужъ и самъ не помню, что тогда со мной было, самъ плакалъ не меньше ихъ; какъ воз поутихли, отецъ сталъ меня спрашивать, я разсказалъ все, какъ было. Не ходи, братъ, Андрей, говоритъ, на эвто море, что Божью волю пытать? Безъ эвтаго моря мы жили, да сыты были.

Да теперь все стали въ море вздѣть, прежде изъ нашихъ мало ходило туда. А теперь такіе стали въ моръ мастера, и по льду, и по водѣ на парусахъ, какъ угодно, ну, только противъ Астраханцевъ наши казаки все еще не будутъ, тѣ попоконъ вину ловцы. Подъ Астраханцемъ лодка ходитъ, что подо мной конь. Вотъ у насъ есть въ Гурьевъ казакъ Сладковъ. Казакъ дѣшлый, былъ онъ въ моръ и встрѣтился съ нимъ Эмбенскій промышленникъ; съ ними съ обоими водка была; вотъ имъ втроемъ-то и весело стало. Уподчивались, вотъ эмбенецъ и говоритъ Сладкову, такъ и эдакъ хвалиться началъ: можешь ли ты обрыскнуть

* Ледяной бугоръ.

кругомъ моеѣ кусовой три раза, такъ, чтобъ дальше 50 сажень не отходить? Чтожъ не обрыскнуть, эка диковина. Ну, и попробуй. Поставилъ Сладковъ парусъ, отбѣжалъ на 50 сажень и началъ реить кругомъ; разъ точно обошелъ, а тутъ не успѣлъ обработать паруса, его въ сторону и отнесло. Ну, нѣтъ, говоритъ эмбенець, по нашему не такъ, мы вотъ какъ: распустилъ парусъ, отошелъ на 50 сажень, да и давай бѣгать кругомъ Сладкова, всѣ Уральцы такъ диву и дались. Да здѣсь еще что за море, говоритъ эмбенець, это лужа, великъ ли здѣсь валь? А вонъ мы на Чечень ходимъ; якорной кладки нѣтъ, сажень на 60, на 100 выведемъ, да какъ тутъ шторма-то хватить, да начнетъ полюбка, такъ не по здѣшнему; а здѣсь намъ ни почемъ.

— Видишь, жена, сказала оренбургскій казакъ, а ты все жалусься.

— Богъ знаетъ, отвѣчала она: видно ужъ такъ тому быть, что намъ у этой пропасти жить.

Уралецъ, переговоривъ съ козянномъ о своемъ дѣлѣ ушелъ, я тоже, напившись чаю, хотѣлъ идти, но хозяинъ меня остановилъ. Нѣтъ, погодите, мнѣ надобно письмо домой, подѣ Оренбургъ, съ вами послать, вы и напишите. Онъ сходилъ куда-то за бумагой и за чернилами, и я началъ писать подѣ его диктовку. Письмо все заключалось въ поклонахъ: брату моему Тимофею Ивановичу поклонъ, и женѣ его Акулины Трифоновны тоже поклонъ, тѣстю моему Петру Титычу поклонъ и тещѣ Анисѣ Андреевнѣ тоже поклонъ и т. д. Тутъ едва ли былъ забыть кто-нибудь изъ всей ставицы. Потомъ на словахъ заказалъ сказать, что ему здѣсь лучше, т. е. повторилъ тѣ же слова, что говорилъ мнѣ, что онъ носить сапоги вмѣсто лаптей, самоваръ завелъ. Жена молчала и у ней наворачивались слезы. «Не видать ужъ мнѣ видно своихъ средняковъ, сказала она грустнымъ голосомъ, здѣсь придется мнѣ олежить свои косточки на басурманской сторонушкѣ. Отъ меня поклонъ возмѣ нашимъ, скажите, что съ тоски по нихъ измаялась.» Я доставилъ точно письмо по назначенію, стали спрашивать объ Перепеликѣ, какъ онъ живетъ. Я повторилъ его слова. Да ему и здѣсь хорошо было, отвѣчали они, зачѣмъ туда похалъ? такъ, съ жиромъ взбѣсилъ.

Простоявъ сутки въ заливѣ, мы пустились снова въ путь къ Гурьеву. Поездка наша не представила ничего замѣчательнаго. На этотъ разъ въ числѣ пассажировъ было нѣсколько офицеровъ Оренбургскаго корпуса, и большую часть времени я проводилъ

*

на палубѣ въ разговорахъ съ ними, одинъ изъ нихъ разсказалъ мнѣ довольно романической случай, бывшій съ однимъ уральцемъ на здѣшнемъ морѣ.

Одинъ молодой хорунжій, сынъ богатаго отца, отправился съ нѣсколькими казаками на оханный ловъ въ море. Ловъ ихъ былъ не совсѣмъ удаченъ; нѣсколько дней простояли они у своихъ прорубей, но рыбы подалось мало. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что вода какъ-то необыкновенно колыхается въ проруби. Онъ опустилъ туда шесть и замѣтилъ движеніе, шесть относило все въ одну сторону; явное доказательство, что льдина, на которой они находились, оторвалась отъ берега и плыла. Вся тотчасъ запрягли лошадей, побросали пойманную рыбу, кинулись въ сани и поскакали къ берегу назадъ; лошадей и гнать было нѣчего; мчатъ во весь духъ, только ледъ хруститъ. Вся сидятъ, молчатъ, а сами глядятъ впередъ. Вотъ завидѣли они пушистыя вершины камыша и обрадовались, думали, напрасно испугались, только рыба за-даромъ пропала. Но подѣхавъ ближе, они разсмотрѣли, что между берегомъ и ими проливъ, который, по мѣрѣ приближенія, становился все шире и шире; подѣхали къ самой водѣ; волны такъ и стелются и не то, что перескочить, и переплыть нѣтъ возможности, стали. Шабашъ, братцы, сказалъ тутъ одинъ старый казакъ, видно, намъ на берегу ужъ не бывать. Хорунжій въ первый разъ повстрѣчалъ смерть такъ близко, онъ вспомнилъ отца и мать, вспомнилъ, что онъ противъ ихъ воли отправился на ловъ, и страхъ смерти и угрызения совѣсти, что Богъ наказалъ его за то, что онъ преступилъ отцовскую волю, начали его мучить. Онъ не выдержалъ и заплакалъ. Не кручиньтесь, ваше благородіе, сказалъ ему этотъ же старый казакъ, я теперь въ третій разъ въ относь, Богъ два раза помиловалъ, авось помилуетъ и въ третій разъ, можетъ поносить, поносить, да и прибѣтъ. Хорунжій ободрился; принялись искать мѣста, гдѣ ледъ былъ потверже; показалось, что тамъ гдѣ они стояли, онъ былъ надежнѣе; каждый усѣлся въ своихъ саняхъ и покорился своей участи. Берегъ у нихъ былъ въ виду; они смотрѣли на него, не спуская глазъ, стараясь замѣтить: приближаются ли они къ нему, или нѣтъ; но казалось, они стояли на одномъ мѣстѣ. Но вотъ подулъ сильный вѣтеръ; кровь застыла у нихъ въ жилахъ, когда они замѣтили, что ихъ понесло на югъ и наступила ночь, тоска налегла на несчастныхъ странниковъ; какъ они ни старались ободрять себя разговорами, но не могли успокоить тягостнаго предчувствія. Они смотрѣли

на созвѣдіе медвѣдицы, нордъ, которая у морскихъ промышленниковъ замѣняетъ компасъ, и по ней замѣчали направленіе вѣтра, который дулъ съ сѣвера. Стало свѣтать, со страхомъ и надеждой всматривались они вдаль, все еще не вѣря своему несчастью; но каково было ихъ отчаяніе, когда увидали, что берегъ исчезъ изъ виду... Волны взбѣгали на льдину и подливались къ тому мѣсту, гдѣ они сидѣли; вѣтеръ перемѣнился, ихъ понесло назадъ. Вновь проснулась въ нихъ надежда. Настала оттепель, пошелъ дождь, послѣ дождя туманъ; можетъ быть ихъ льдину прибило къ берегу, но куда направиться? не далеко отъ нихъ видна вода; явилось новое бѣдствіе: у нихъ оказался голодъ; значительную часть състныхъ припасовъ они обронили, когда неслись во весь духъ, къ берегу. Они утоляли голодъ глотая куски льда. Измученные душевными страданіями, они постепенно лишаются силъ. Снова подулъ сѣверный вѣтеръ, обмокшіе отъ дождя и прохваченные до костей холодомъ, они цѣпеняютъ и лежатъ въ саняхъ безъ движенія, ихъ силы встаетъ постепенно. Но хорунжій моложе и сильнѣе своихъ товарищей, онъ легче переноситъ бѣдствіе и остается бодрѣ ихъ. Но наконецъ и онъ былъ побѣжденъ страданіемъ; онъ уже не въ силахъ приподняться; онъ начинаетъ по временамъ забываться, его посѣщаютъ видѣнія то грустныя, то радостныя; но въ минуты сознанія имъ овладѣвало страшное безвыходное отчаяніе. Разъ видитъ онъ, льдина подошла близко къ берегу, на берегу стоитъ отецъ съ лошадыю и съ савями, машетъ ему шапкой и громко зоветъ его къ себѣ. Въ немъ пробуждаются силы, онъ встаетъ изъ саней и кидается въ воду, но вода-рвзунъ оцѣпняетъ его члены, онъ не можетъ пошевелить ни рукой, ни ногой, и медленно погружается въ воду... напрасны отчаянные крики отца, который ободряетъ его и урываетъ понатужиться; онъ тонетъ. Въ ужасъ хорунжій просыпается: онъ по прежнему на льдинѣ, трепещетъ отъ холода и слышитъ стenanія умирающаго подлѣ него товарища; пробужденіе было еще страшнѣе сна; еще нѣсколько минутъ, можетъ быть нѣсколько часовъ голода, лихорадочной дрожи, тѣлеснаго истощенія, и душевной муки, и хорунжій вдругъ почувствовалъ, что по тѣлу его разливается огонь, въ ушахъ раздается звонъ и темнѣетъ въ глазахъ... Смерть приходитъ, думаетъ онъ... что было потомъ, онъ не видалъ, не слыхалъ и не чувствовалъ. Открываетъ глаза и видитъ, онъ лежитъ на постелѣ за ситцево

занавѣской и не вѣрять своимъ глазамъ, онъ вздохнулъ и слышать за занавѣской шопотъ, кто-то осторожно подходитъ къ нему, и два карихъ глаза взглянули на него изъ-за занавѣси и открылись. Очнулся, очнулся! вскрикнулъ молодой женскій голосъ, посмотрѣ-ка, матушка. Черезъ секунду занавѣска отдернулась и передъ молодымъ страдальцемъ показались двѣ казачки, мать и дочь. Ну, слава Богу, говоритъ мать, а то ужъ мы не чаяли тебя живымъ видѣть. Какъ я попалъ сюда? спрашиваетъ онъ томнымъ голосомъ. «Какъ попалъ? да вѣдь мы слышали, что былъ отъносъ, казаковъ много на оханахъ было, вотъ какъ стыдъ-то снова пошла и море заросло льдомъ-то, наши и поѣхали искать, и мужъ мой поѣхалъ; васъ троихъ и нашелъ, и привезъ сюда; тѣхъ-то привезъ, сердешныхъ, да похоронилъ, а ты еще дышалъ, такъ тебя въ избу внесли; да и положили здѣсь, авось либо отудобить, а признаться и не надѣялись. Охъ, эвто море, сколько оно молодцовъ сгубило.» Богатырское сложеніе моладаго хорунжаго выдержало кризисъ и онъ, подѣ влияніемъ заботливаго ухода двухъ добрыхъ хозяекъ, быстро выздоравливалъ. Каріе глазки хорошенькой казачки въ особенности содѣйствовали восстановленію его силъ. Нужно ли договаривать; онъ влюбился въ нее. Состраданіе и въ ней также скоро смѣнилось любовью къ красавцу хоружему. Но суровый отецъ его, гордившійся чиномъ и большимъ стадомъ овецъ, не хотѣлъ сначала, чтобъ дочь бѣднаго казака была его невѣсткой. Но усовѣщенный сыномъ, который насилу ему могъ втолковать, что онъ обязанъ этому семейству жизни, наконецъ согласился на ихъ бракъ...

По мѣрѣ приближенія къ Гурьеву, море становилось мельче. Дно Каспія къ Сѣверу поднимается совершенно равномерно. По глубинѣ опредѣлялось разстояніе отъ берега. Море постепенно теряло свой зеленый цвѣтъ и переходило въ сѣрый, признакъ смѣшенія водъ его съ пресными. Качка, бывшая сначала довольно чувствительною, также по немногу прекращалась. Всѣ тѣ, которые прежде лежали съ закрытыми глазами, боясь морской болѣзни, теперь бодро стояли на палубѣ и озирали кругомъ пустынную даль. Въ толпѣ было нѣсколько отставныхъ солдатъ, вѣхавшихъ изъ Новопетровскаго укрѣпленія, и нѣсколько женщинъ. На морѣ овладѣваетъ челоуѣкомъ удивительная любознательность; всякій предметъ обращаетъ на себя его вниманіе. Одна старуха, должно быть прачка, опершись на бортъ долго со вниманіемъ разсматривала пѣну, выбивавшуюся изъ-подъ колесъ паро-

хода. Антонычъ, это мыльная вода штоли? спросила она стоявшаго съ ней рядомъ мужа. Въ толпѣ засмѣялись. Что ты городишь, дура! сердито отвѣчалъ смущенный Антонычъ, толкнувъ её локтемъ въ бокъ, и пытливая баба замолчала. Смотрите, смотрите, вонъ человекъ тонетъ, закричалъ кто-то, показывая на какой-то чернѣвшійся вдали предметъ. Тонетъ, точно тонетъ, подтвердили другіе, глядя изъ-подъ руки вдали. Неужъ-то ему не могутъ? Командиръ взглянулъ въ трубу и улыбнулся. Надо было публику успокоить, сказалъ онъ и приказалъ направить пароходъ къ чернѣвшейся точкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ мы приблизились; толпа съ жаднымъ любопытствомъ стѣснилась къ борту. Передъ нею качался на волнахъ носъ разбитой лодки. Толпа зрителей медленно пронеслась предъ предметомъ, такъ что каждый могъ удовлетворить своему любопытству и пароходъ снова принялъ прежнее направленіе. Но вотъ показались вдали гурьевскіе камыши, медленно поднимались они изъ волнъ, охватывая даль моря. Верстакъ въ 10-ти отъ берега, пароходъ остановился. Морское путешествіе мое было кончено. Въ пассажиры стали торопиться къ съезду на берегъ. Простившись съ командиромъ парохода, я усвоя въ шлюбку, съ прочими пассажирами, и безъ малѣйшихъ приключеній мы достигли берега. Высадка произешла также благополучно. Но увы, мы увидали, что попали въ засаду. Толпы враговъ окружили насъ: это были комары; городокъ Гурьевъ находится въ 17 верстахъ отъ моря и потому надобно было послать туда за лошадьми. Въ ожиданіи ихъ, мы должны были выдерживать нападѣнія неотвязчивыхъ комаровъ, которые здѣсь летаютъ въ камышахъ тучами. Чтобъ усладить сколько нибудь наше тревожное положеніе, мы принялись за чай. Мы пили долго, безпрестанно отмахиваясь отъ комаровъ; но наконецъ терпѣнье у всѣхъ стало истощаться.

Смерклось, а лошадей нѣтъ. Наконецъ въ полночь пріѣхали за нами лошади и мы въ искусанные, истерзанные отправились въ путь. Дорогой мы приблизились къ Уралу, который тихо струится, освѣщенный мѣсяцемъ. Это узенькая рѣчка, едвали двадцатая доля Волги. Такъ это-то знаменитый Уралъ, подумалъ я; трудно было повѣрить, что такая ничтожная рѣчка могла быть источникомъ богатствъ цѣлаго края. Въ городъ мы пріѣхали уже предъ светомъ. И вотъ я въ Гурьевъ. Утромъ, я отираюсь бродить по улицамъ казацкаго города. Онъ не великъ и выстроень почти весь изъ дерева, за исключеніемъ весьма не-

многихъ каменныхъ домовъ, и казался бы слишкомъ унылымъ по своему внѣшнему виду, но его красить свѣтлый Уралъ, тихо стелющійся вдоль его набережной улицы. Впрочемъ, эта рѣка не придаетъ, ему торговой дѣятельности. Ни одна лодка не смѣетъ ходить по ней въ недозволенное для лова время. Мѣстность, окружающая Гурьевъ, также не представляла для меня ничего новаго. Также почти неплодная степь, тотъ же климатъ, какъ и въ Астраханской губернии. Тѣ же жары и комары лѣтомъ, тѣ же морозы и бураны зимою. Тѣ же промыслы, ловъ рыбы и торгъ баранами. Тѣ же кочующіе сосѣди, какъ и тамъ; но меня занимало населеніе самаго Гурьева. Съ какимъ удовольствіемъ глядѣлъ я на молодцовъ казаковъ, съ атлетическими формами, съ длинными окладистыми бородами, на величавыхъ, рослыхъ, дебелыхъ казачекъ, въ ихъ прекрасныхъ костюмахъ, напоминающихъ древнюю роскошь, соединенную съ прочностію и блескомъ, въ великолѣпныхъ пунцовыхъ, голубыхъ и черныхъ шелковыхъ сарафанахъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ. Съ какою жадностію прислушивался я къ удалымъ напѣвамъ казачьихъ пѣсенъ, въ которыхъ звучитъ разгулъ и веселье, но не звучало ни тоски, ни раздумья, проникающихъ мелодію русской пѣсни. Днемъ бродилъ я по городу, а вечеромъ, сидя у раскрытаго окна, слушалъ ихъ пѣсни. Къ сожалѣнію, я попалъ въ Гурьевъ въ самую скучную пору года и долженъ былъ подвергаться нѣкоторымъ лишеніямъ. Народу было въ то время очень мало, многіе изъ Гурьева уѣхали въ Уральскъ на ярмарку. Лова на эту пору не было ни въ морѣ, ни въ Уралѣ и потому въ цѣломъ городѣ, который стоитъ у богатѣйшаго въ свѣтѣ моря и на знаменитый своими рыбными ловлями, послѣ Волги и Куры, рѣкъ, нельзя было достать ни одной свѣжей рыбки. Паюсной икры и балыковъ можно было достать, но *соленина* (какъ здѣсь называютъ соленую пищу) надовла уже дорогой. Кто бы также повѣрилъ, что здѣсь, гдѣ на милліоны рублей происходитъ торгъ баранами, которые сотнями тысячъ сгоняются отсюда въ предѣлы Россіи, въ эту пору нельзя было достать ни одного фунта баранины. Чтобы сѣзсть фунтъ мяса, надобно купить цѣлаго барана. Курица стоила не менѣе 40 к. серебромъ. Всякій здѣсь живетъ своимъ хозяйствомъ и въ извѣстное время запасается на цѣлый годъ. Здѣсь нѣтъ ни садовъ ни огородовъ; вся зелень, кромѣ арбузовъ, привозится изъ Астрахани. Арбузы тогда еще не поспѣли и потому прожизать здѣсь было страшно дорого, а между тѣмъ это было необходимо, потому что моему семейству нужно было отдохнуть отъ

тяжелой морской повздки. Однихъ комаровъ было здѣсь вдоволь, но и тѣхъ, говорили казаки, стало меньше, чѣмъ въ прежнее время, потому что камыши стали дальше отъ города. Но съ меня и этого количества было достаточно, отбиваешься, отбиваешься отъ нихъ по ночамъ и заснешь развѣ къ свѣту.

Гурьевъ весьма торговый городъ. Главный предметъ обмена, какъ я уже сказалъ, здѣсь рыба и бараны. Въ послѣднемъ отношеніи этотъ городъ весьма замѣчательнъ. Находясь на южной оконечности войсковой земли, онъ пользуется болѣе умереннымъ климатомъ, допускающимъ скотъ имѣть подножный кормъ иногда въ теченіе цѣлой зимы, почему почти все Уральскіе капиталисты, закупающіе скотъ въ киргизской степи и разводящіе свой собственный, для продажи внутри Россіи, на зиму сгоняютъ гурты туда. Земля Уральскаго войска не подлежитъ дѣлежу, каждый, принадлежащій къ тому войску, имѣетъ право пользоваться землею вездѣ. Между самими Гурьевцами есть такіе, которые закупаютъ въ степи и продадутъ въ годъ до 30,000 барановъ. Зимой здѣсь барановъ берегаютъ въ курахъ: такъ называются дворы въ степи огороженные кошмами для защиты животныхъ отъ вѣтра. Мѣсто это вычищается и устилается камышемъ, который послѣ сама овца устилаетъ своимъ пометомъ. При выпаденіи снѣга, съ этой настилки его сметаютъ, чтобъ въ постель овцы не завелась сырость, что для нея вредно. Въ каждой куртѣ живетъ по сту и болѣе овецъ. Счастіе хозяевъ, если мало бываетъ въ зиму бурановъ которые въ этомъ краю ужасны. Въ 1852 году мнѣ случилось вхатъ по службѣ въ одинъ изъ такихъ бурановъ по степи между Гурьевомъ и Уральскомъ; къ моему счастью, со мною проводниками были Киргизы, которые съ дороги не сбились и прямо доставили меня къ аулу; я сидѣлъ закрывшись совсѣмъ, потому что снѣгъ заляпывалъ совершенно глаза. Но когда я подъѣхалъ къ аулу и мнѣ сказали, что надобно выходить, я отбросилъ капишонъ шинели, и былъ почти ослѣпленъ снѣгомъ и не зналъ куда идти: вѣтеръ захватывалъ дыханіе; едва я могъ различить Киргиза, который стоялъ передо мной и звалъ меня въ землянку; я пошелъ за нимъ, стараясь не потерять его изъ виду, и такъ дошелъ до мѣста. Еслибъ онъ ушелъ не дождавшись, я увѣренъ, что, стоя у самаго аула, не нашелъ бы къ нему дороги *. Въ этотъ самый день почта, въ со-

* Разъ казачка отправилась въ буранъ за водой на Уралъ, и замерзла; ее нашли на берегу съ ведрами. Такіе случаи бывають не рѣдко.

провожденіи конвоя казаковъ, выехала изъ Гурьева, и промывавъ по степи, попала назадъ въ Гурьевъ, и въ этотъ же день и слѣдующій за нимъ погибло тамъ болѣе 100,000 овецъ. Въ Астраханской губерніи былъ разъ бурашъ, который, отъ границы Донскаго войска, подогналъ цѣлое стадо барановъ съ пастухами къ Каспійскому морю. Стадо и пастухи проскакали 400 верстъ безъ отдыха, и остановились въ камышахъ. Гололедица нерѣдко бываетъ причиною падежа овецъ отъ голода; бѣдное животное слабымъ копытомъ не въ состояніи пробить ледяной коры, покрывающей землю, и умираетъ отъ истощенія. Запасы сѣна для продовольствія скота въ этихъ краяхъ, при такомъ огромномъ его количествѣ, не возможны и въ такихъ случаяхъ хозяева стада оставляютъ свой скотъ на гибель, продавая сѣно, которое поднимается страшно въ цѣнѣ. Въ 1851 году стогъ сѣна въ сѣверной части Уральской земли стоилъ до 100 рублей ассигнаціями. Тогда падежъ скота былъ у Киргизовъ и говорятъ, что казаки нѣсколькихъ форпостовъ по Илеку въ то время разбогатѣли. Наступленіе весны полагаетъ предѣлъ гибели стада. Отощавшія овцы постепенно оправляются, питаются свѣжей весенней травой, пробивающейся изъ земли. Опытные тамошніе хозяева замѣчаютъ, что кормленіе сѣномъ, послѣ долгаго голода, бываетъ вообще вредно для скота, оно труднѣе варится въ желудкѣ, но слабый отпрыскъ растительности, не вдругъ удовлетворяющей голоду, бываетъ для него гораздо полезнѣе. Овцы считаются впрочемъ весьма крѣпкими животными. Бывали случаи, что гуртовщики, закупивъ для сгона внутрь Россіи совершенно отошальныхъ овецъ, клали ихъ на телеги и везли нѣсколько времени на лошадяхъ, спуская на привалахъ на свѣжую траву. Черезъ нѣсколько дней овцы поправлялись и могли идти уже сами собою.

Пастыбою скота, занимаются у казаковъ Киргизы: поручить кому-нибудь другому это, опасно. Но Киргизъ не въ состояніи уберечь скотъ отъ угона своихъ единоплеменниковъ и потому казаки по необходимости нанимаютъ для этого Киргизовъ, да кромѣ ихъ почти некого. Даже и въ другихъ мѣстахъ Оренбургской губерніи, прилежащихъ къ пограничной линіи, и у государственныхъ крестьянъ иногда нанимаются Киргизы, потому что Киргизъ пасетъ скотъ и днемъ и ночью, тогда какъ нечеховой житель пасетъ только днемъ. Быть этихъ Киргизовъ, особенно въ южной части войсковыхъ земель, вообще нельзя назвать удовлетворительнымъ; они получаютъ довольно порядочную плату

со штуки и если стадо велико, то выгоды пастуха довольно значительны, но между козиномъ и пастухомъ нерѣдко бываетъ условіе, что за каждую украденную изъ стада скотину, послѣдній долженъ заплатить и иногда Киргизъ остается безъ всего. Во всякомъ случаѣ, Киргизу недостаточно той платы, если у него нѣтъ сколько-нибудь своего скота для прокормленія. Въ южныхъ предѣлахъ западной части Орды, Киргизы гораздо бѣднѣе, чѣмъ въ сѣверной. 50 барановъ считается уже богатствомъ. Киргизовъ бѣдняковъ, не имѣющихъ вовсе скотоводства, которымъ совершенно нечѣмъ жить у себя въ степи, очень много, и они ѣдутъ въ Гурьевъ и ближайшіе форпосты въ наемъ, за самую дешевую плату, едва-едва доставая себя на содержаніе. Жены, при нихъ живущія, исполняютъ почти все домашнія работы у казаковъ бесплатно, изъ-за куска хлѣба; напр. за вымытіе пола въ моей квартирѣ хозяйка дала Киргизкамъ нѣсколько молока; иногда даютъ лепешку или двѣ, или отрѣжутъ хлѣба. Сами же казачки ничего не дѣлаютъ, только съмечки грызутъ, и развѣ самая бѣдная занимается своимъ хозяйствомъ. Киргизы занимаются иногда на рыбную ловлю въ морѣ, но не могутъ заниматься на ловъ въ самомъ Уралѣ, во время плавни или багренья. Тутъ только могутъ участвовать одни казаки. Это учрежденіе превосходно, и какъ нельзя лучше охраняетъ выгоды массы. Богатый казакъ, имѣющій возможность свардить лодку, сѣти и лошадей для лова, обязанъ нанять себя въ греблю только казака. Цѣна за трудъ въ эту пору бываетъ весьма высокая, и потому бѣдный казакъ изъ лова извлекаетъ почти тѣ же выгоды, какъ и богатый. Отъ этого бѣдности между казаками несравненно меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Проживъ въ Гурьевѣ около недѣли, я наконецъ отправился далѣе. Путь мой до Уральска былъ весьма однообразенъ и скученъ. Мы поднимались по правому берегу Урала. На разстояніи 500 верстъ до самаго Уральска степь ровная, хоть шаромъ покати, нѣтъ ни одной горы, ни одного овражка; вправо постоянно виднѣсь таловый кустарникъ, за которымъ скрывается Уралъ, а влѣво пустынная голая степь. Форпосты, попадающіеся на пути, отстроены бѣдно. Надобно, впрочемъ, сказать, что называется форпостомъ: это таже деревня, но посреди ея находится маленькая крѣпостца. Не болѣе десятины земли обведено валомъ, сѣрвомъ; на валу плетень, за которымъ можно скрываться стрѣлкамъ. Внутри этой крѣпостцы ведутъ одни ворота. Въ самой крѣпост-

цѣ находится казенный домъ начальника форпоста. Вотъ и все. Деревянные дома въ форпостахъ, по недостатку лѣса, рѣдки, но большею частію сѣрыя мазанки съ плоскими крышами. Нѣкоторыя построены изъ битой глины, по угламъ сдерживаютъ стѣны деревянные столбы, сверху на каждую стѣну кладутся доски, потому домъ покрывается. Меня увѣряли, что такіе дома очень прочны. Въ здѣшнемъ сухомъ климатѣ это очень можетъ быть, но если такіе дома построить въ Петербургъ, то они едва ли бы простояли болѣе года. Церквей на этомъ пути встрѣчается очень мало, такъ какъ и *церковныхъ*, какъ называютъ здѣсь ходящихъ въ церковь, очень немного. Какъ-то я спросилъ свою гурьевскую хозяйку: Какъ это, городъ довольно большой, около 2,000 душъ, а церковь одна? «Да, одна, отвѣчала она съ усмѣшкою, да и въ ту ходить некому.» Впрочемъ, это не совсѣмъ справедливо, я таки видѣлъ тамъ казаковъ, но болѣе однихъ мужчинъ, женщинъ было очень мало. На этой унылой, безпредметной равнинѣ видъ церкви производитъ отрадное впечатлѣніе. Какъ бѣлый ангелъ стоитъ она вдали, на краю пустыни, прислонясь къ небесному своду, и зоветъ путника. Форпосты, украшенные церквами, отличаются и лучшей постройкою домовъ. Между ними лучшіе въ этомъ отношеніи Калмыковская крѣпость и Антоновскій форпостъ, въ послѣднемъ въ особенности дома красивы; большіе деревянные, съ свѣтлыми окнами на каменныхъ фундаментахъ, они кажутся принадлежащими зажиточнымъ купцамъ, а между тѣмъ въ нихъ живутъ простые казаки. Войдя въ домъ, вы увидите порядочную мебель: диваны, стулья, зеркала. Видъ довольства пріятно поражаетъ васъ. Самая наружность хозяевъ, по большей части рослыхъ, толстыхъ, румяныхъ, служить свидѣтельствомъ ихъ благосостоянія. Въ Антоновъ и въ другихъ форпостахъ есть казаки, имѣющіе до 100,000 рублей ассигнаціями капитала. Это въ Уральскомъ войскѣ не рѣдкость. Я разговаривался съ однимъ казакомъ о томъ, богаче ли, или бѣднѣе теперь казаки, чѣмъ прежде были. Богаче стали, отвѣчалъ онъ. — Но вѣдь все говорятъ, возразилъ я, что ловъ рыбы съ каждымъ годомъ уменьшается? «Ни чуть не меньше; точно, красной рыбы стало меньше, за то черной (мелкой, называемой въ Астрахани частиковой, т. е. судаковъ, лещей и пр.) стало гораздо больше противъ прежняго. Да рази рыба только у насъ; что рыба? прежде форпосты какіе были; вотъ видишь, что есть валъ, гдѣ начальникъ форпоста теперь живетъ, — весь форпостъ

тутъ и былъ, скота водили мало, только одну рыбу ловили, деньги были, да они ихъ въ сундукахъ держали; да и какія деньги были? какія нибудь десять-двадцать тысячъ, а говорили богачей, богачей (богачъ), а теперь у инаго денегъ хошь въ сундукъ и мало, да за то скота много, тысячи двѣ, три барановъ, да нѣсколько сотъ лошадей: чѣмъ это не деньги? а вонъ въ Уральскѣ есть казаки (не могу припомнить теперь названныхъ имъ именъ)—по 40,000 барановъ въ годъ промывиваютъ.» Надобно прибавить къ этому, что у казаковъ стало развиваться въ огромныхъ размѣрахъ и земледѣліе. Оно начинается съ юга у Бударинскаго форпоста, верстахъ въ 80 ниже Уральска, и чѣмъ далѣе къ северу, тѣмъ становится значительнѣе. Въ 1821 году, по словамъ Левшина, оно не заходило далѣе 40 верстъ ниже Уральска, а при Палласѣ пашни не доходили и до Уральска за 130 верстъ; онъ захватывали только северную часть войсковой земли у Кенделинскаго форпоста. Теперь же выше Уральска все земледѣльцы по преимуществу, въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны, такъ называемые Ранніе хутора, гдѣ живутъ богатѣйшіе изъ тамошнихъ земледѣльцевъ, изъ нихъ нѣкоторые засѣваютъ въ полѣ болѣе, чѣмъ по 100 десятинъ на семью. Къ сожалѣнію, ниже Бударинскаго форпоста къ югу, жители не стараются разводить никакихъ овощей, кромѣ арбузовъ, хотя опыты доказали возможность этого. Между жителями еще не развилось, въ этомъ отношеніи, даже правильнаго понятія о собственности. Они понимаютъ, что деньги, скотъ, домъ, даже арбузная и дынная бахча и хлѣбное поле, могутъ быть неотъемлемою собственностію, но посѣвы огородныхъ овощей, какъ вещь невданная въ южномъ краю войсковой земли, имъ кажутся нестоящимъ того; иные казаки начинали сѣять овощи, но молодые казаки вырывали ихъ, когда онъ поспѣвали. Одинъ изъ начальниковъ дистанціи разбиралъ нѣсколько жалобъ на истребленіе огородовъ; виновные, безъ всякаго стыда, сознавались въ этомъ, и на вопросъ: какъ они смѣли это сдѣлать, съ улыбкой отвѣчали, что вольно было садить такую дрянь.

Провъзающихъ не изъ казаковъ по этой дороги, оживляемой особеннымъ движеніемъ во время рыболовства, въ другую пору года очень мало. Мой провздъ съ семействомъ возбуждалъ нѣредко любопытство:

— Вы отъ кохъ? спрашивали меня.

— Изъ Астрахани.

- На ярманку что ли?
- Нѣтъ, въ Оренбургъ.
- Да за коимъ дѣломъ вы въ Оренбургъ бѣжите?
- На службу.
- Ну, дай Богъ вамъ послужить, да на родину счастливо воротиться.

Они полагають, что и въ, какъ они, прослуживши въ разныхъ мѣстахъ Россіи, возвращаются снова на родину, которую они страстно любятъ. Очувившись въ землѣ Уральскаго войска, казакъ думаетъ, что онъ на чужбинѣ.

Казакъ весьма гостепріимны. Они ни за что не возьмутъ денегъ за то, что накормятъ проезжаго, если знаютъ, что онъ ѣдетъ не по своей, а по казенной надобности. Нѣтъ, спасетъ те Христошь, не надо твоихъ денегъ, говоритъ хозяйка, у меня въдь не покушное, свое. Но еъ кушцовъ-обозчиковъ, они берутъ плату, какъ и вездѣ на постоялыхъ дворахъ. Слова: спасетъ те Христошь, замвнять у нихъ спасибо, что есть ничто иное, какъ сокращеніе словъ: спаси тебя Богъ.

Пицца казаковъ проста и здорова. Мясо и рыба употребляется ими не всегда, но большею частію молочные продукты, изъ которыхъ каймакъ, замвняющій сливки, весьма питателенъ. Арбузы и дыни они солятъ превосходно и сохраняють въ теченіе года, до новыхъ свѣжихъ арбузовъ. Эта соленина лучшее лакомство въ жарніе лѣтніе дни, которымъ, впрочемъ, казаки подчуютъ иногда и въ трескучіе морозы.

По мѣрѣ приближенія къ Уральску, я видѣлъ болѣе и болѣе движенія на дорогѣ. Обозы, нагруженные колесами, баграми, сѣтями, хлѣбомъ и всякими другими предметами, потребными въ казачьемъ быту, тянулись одинъ за другимъ съ ярмарки. Наконецъ, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, предсталъ моимъ взорамъ Уральскъ. Видъ на этотъ городъ, окруженный рощами, былъ прекрасенъ; вечерній лучъ солнца бросалъ розовый свѣтъ на наметившія зданія Уральска и вспыхивалъ пламенемъ на блестящихъ главахъ и крестахъ церквей.

Я въѣхалъ въ городъ въ самый разгаръ ярмарки. По улицамъ ходилъ народъ во множествѣ; на главной улицѣ, прорывающей весь городъ, обставленной прекрасными зданіями и широкой, какъ Невскій проспектъ, движеніе было особенное замѣчательно. По ней толпами ходили и стояли казаки въ красныхъ халатахъ, свѣтились бѣлые эполеты, блестяли золотомъ и серебромъ жен-

скіе сарафаны, изрѣдка мелькали шляпки. Киргизы, въ яркихъ шелковыхъ халатахъ и остроконечныхъ бѣлыхъ шапкахъ, съ заплутыми кверху полями, сновали по улицъ промежъ толпы на своихъ маленькихъ рѣзвыхъ рысакахъ. Всё это стремилось къ ярмаркѣ, которая находится на краю города. Важно шествовали купцы въ длиннополыхъ сюртукахъ, застегнутыхъ на всѣ пуговицы, и, лѣниво разваливаясь, въ прохолодѣ брели русскіе крестьяне, прибывшіе сюда изъ соседнихъ губерній, иные изъ нихъ, объявшись человекъ по десяти разомъ, шли, занимая поперегъ почти полъ-улицы; другіе катались на тарантасахъ, собственно длинныхъ дрогахъ; предо мною проѣхалъ одинъ такой, запряженный въ одну лошадь, экипажъ, на которомъ сидѣло верхомъ ровно и плотно другъ къ другу, какъ частоколь, одиннадцать человекъ. Всѣ они пѣли хоромъ и ревъ ихъ раздавался чуть не на всю улицу. Бѣдная лошаденка едва передвигала ноги, таща эту музыкальную грушу.

Такимъ веселымъ городомъ представился мнѣ Уральскъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ИВ. МИХАЙЛОВЪ.

I.

Морская даль во мглы туманной...
Тамъ парусъ тонетъ, какъ въ дыму,
А волны въ злобъ постоянной
Бьгутъ къ побережью моему.

Изъ нихъ одной избранной мною
На встрѣчу пристально гляжу
И за грядою ея крутою
До камня влажнаго слѣжу.

Къ ней чайка плавная спустилась,
Не дрогнетъ острое крыло;
Но вотъ громада докатилась
Тяжеловѣсна, какъ стекло,

Плеснула въ каменную стѣну,
Вотъ звонко грянетъ на плиту...
А ужъ подкинутую пѣну
Разбрызнулъ вѣтеръ на лету.

II.

Какъ хорошгъ чуть мерцающимъ утромъ,
Амфитрида, твой влажный вѣнокъ!
Какъ огнемъ и сквознымъ перламутромъ
Убираетъ Аврора востокъ.

Далеко на песокъ отодвинуть
Травъ морскихъ безконечный извивъ,
Сводъ небесный, въ водъ опрокинуть,
Испещряетъ румянцемъ заливъ.

Островъ выросъ надъ тѣнью зеленой,
Ни движенья, ни звука въ тиши
И, погнувшись надъ влагой соленой,
Въ крупныхъ капляхъ стоятъ камыши.

А. ФЕТЪ.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧѢМЪ НИКОГДА.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ,

ЧАРЛЬЗА РИДА.

Часть первая.

I.

Джорджъ Фильдингъ обработывалъ небольшую ферму въ Беркшайръ.

Теперь, къ сожалѣнію, состояніе фермеровъ уже не такое завидное, какъ въ бывшее время. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, фермеры въ Англіи получали огромнѣйшіе доходы и часто богатыли скорѣе всякихъ торговцевъ.

Нынче совсѣмъ не то: фермеръ долженъ быть необыкновенно смѣтливъ, расчетливъ и дѣятеленъ, чтобы не обанкрутиться. Мало этого: даже иногда и при всѣхъ добрыхъ свойствахъ, но при дурной землѣ, у несчастнаго въ перспективѣ—банкротство. Точно такъ, есть отрасли торговли, въ которыхъ одинаково не везетъ вътрязному и положительному, трудолюбивому и лѣнивому.

За этотъ послѣдній фактъ я ручаюсь: меня очень занимаетъ прогулка по одной изъ главныхъ здѣшнихъ улицъ, въ каждыя три мѣсяца разъ, съ цѣлью слѣдить, какъ часто на вывѣскахъ одно имя смѣняется другимъ.

Какъ не пожалѣть однако торговца умнаго, трудолюбиваго, совѣстливаго и, при всемъ томъ, несчастливаго?

При точно такихъ условіяхъ не везло и Джорджу Фильдингу, который обработывалъ, съ помощью роднаго брата, Вилліама, свою «Гровъ» (*Grove—роца*); такъ называлась его маленькая, бѣдная ферма.

Хоть онъ и не былъ доволенъ своею землею, однако ему было бы очень обидно слышать дурной отзывъ объ этой фермѣ, по-

тому что, какъ для матроса корабль, такъ и для хозяина ферма, кажется чѣмъ-то священнымъ; хотя, по совѣсти, похвалить то или другое было бы трудно.

У Джорджа было двѣсти десятинъ пахатной земли, но большею частью самой неплодородной.

Не было ни одного деревца, ни даже стараго пня около этой фермы, которое оправдывало бы названіе «Гровъ».

Но въ Англии всѣ преданія хранятся свято и непоколебимо. Говорятъ, что прежде на этомъ мѣстѣ росли деревья и — довольно.

Въ то утро, когда начинается нашъ разговоръ, Джорджъ Фильдингъ стоялъ у своего дома и разговаривалъ съ эсквайромъ, Франкомъ Винчестеромъ.

У этого джентльмена былъ такой характеръ, который когда-нибудь вѣроятно сдѣлается частымъ, общимъ, но во времена нашего разказа, характеръ этотъ былъ совершенно исключительный.

Франкъ Винчестеръ не имѣлъ необыкновеннаго ума, но за то у него было много здраваго смысла и притомъ рѣдкая природная веселость; здравый смыслъ былъ, действительно, въ немъ развитъ до самой блистательной степени, а умъ его былъ до того многосторонній и здоровый, что я теряюсь въ догадкахъ, чѣмъ можно приобрести такой умъ.

Онъ былъ страстно влюбленъ въ одну леди, которая ему отвѣчала тѣмъ же; но жениться на ней онъ не могъ и думать, потому что у него не было ни денегъ, ни будущности. Что же сдѣлалъ несчастный влюбленный, какъ вы думаете? Онъ сначала старался придумать какое-нибудь средство добыть много денегъ въ Англии, но увидѣлъ, что это невозможно; потомъ разсмотрѣлъ цѣлый земной шаръ и дошелъ до убѣжденія, что преимущественно слѣдуетъ ему отправиться въ Австралію. Онъ рѣшилъ, что тамъ самая ничтожная сумма превращается въ огромный капиталъ, не такъ, какъ въ Лондонѣ, гдѣ она таетъ въ рукахъ, какъ мятная лепешка во рту.

И такъ, этотъ молодой человекъ принялъ твердое намѣреніе отправиться въ Австралію съ пятью тысячами фунтовъ, съ цѣлью обогатиться разными спекуляціями, а преимущественно торговлею овцами.

Онъ очень усердно старался уговорить Джорджа Фильдинга взять съ нимъ заведывать земледѣіемъ — или занять при немъ должность управляющаго.

Онъ достоинъ цѣнныя этого молодаго фермера; но нужно отдать полную справедливость Франку Винчестеру: онъ приглашалъ Джорджа не съ эгоистической цѣлью. Нѣтъ. Онъ зналъ, что ферма даетъ хозяину мало дохода, а кромѣ того хотѣлъ отплатить этимъ добродѣлю Джорджу за важную услугу, которую тотъ оказалъ ему: Джорджъ спасъ Франка, рискуя собственной жизнью, когда съ тѣмъ, во время кунанья, сдѣлался судороги и онъ началъ тонуть. Уже не въ первый разъ старался Франкъ заплатить Джорджу; на этотъ разъ, можетъ быть, ему и удалось бы достигнуть своей цѣли, если бы не встрѣтилось одно препятствіе.

— Вы знаете меня, а я васъ знаю, говорилъ мистеръ Винчестеръ Джорджу Фильдингу:—мнѣ нуженъ человекъ, который руководилъ бы мною по земледѣльческой части; останьтесь для этого хоть годъ при мнѣ, и тогда я отблагодарю васъ за то, что вы меня спасли. Вѣдь я это хорошо помню.

— О, мистеръ Винчестеръ, сказалъ поспѣшно Джорджъ и покраснѣлъ:—это старая исторія, сэръ; неужели вы до-сихъ-поръ этого не забыли? Однако онъ улыбнулся и, казалось, былъ доволенъ тѣмъ, что этого не забыли.

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ молодой джентльменъ. У васъ будетъ пятьсотъ овецъ, вы будете получать съ нихъ огромный доходъ; мы оба возвратимся домой, будемъ богаты, а следовательно, уважаемы всеми.

— Это прекрасное предложеніе, сэръ, такое же великодушное, какъ вы сами; но я никакъ не могу его принять, потому что... потому что.... вы никогда не замѣчали моей кухни Сусанны, сэръ?

— Не замѣчалъ? Да развѣ вы меня считаете язычникомъ, и думаете, что я никогда не хожу въ приходскую церковь? Миссъ Мертонъ очень миленькая дѣвушка; она всегда сидитъ на скамейкѣ у колонны.

— Не правда ли, она миленькая, сэръ?

Мистеръ Винчестеръ старался замѣять этотъ разговоръ и вскользь прибавилъ:

— Люди не для того вздять въ Австралію, чтобы умереть, а для того, чтобы тамъ разбогатѣть, потомъ вернуться домой и жениться. Вотъ такъ бы и вы сдѣлали, а то «Гровъ» какъ камень у васъ на шеѣ. Не хотите ли сигарочку, фермеръ?

*

Джорджъ отвѣчалъ утвердительно. Когда онъ закурилъ сигару, мистеръ Винчестеръ попросилъ показать ему кузницу.

— Я долженъ научиться подковывать лошадь, сказалъ Франкъ.

— Вотъ тебѣ и разъ! подумалъ Джорджъ: — самый важный дворянинъ у насъ, а хочетъ самъ подковывать лошадь. Но онъ былъ такъ деликатенъ, что не сдвѣлалъ этого замѣчанія вслухъ, а повелъ мистера Винчестера въ кузницу.

Пока молодой джентльменъ вколачиваетъ гвозди въ лошадиную подкову, а англійскій фермеръ занятъ мыслями объ Австраліи, я долженъ познакомить читателя съ другими лицами.

Сусанна Мертонъ была прекрасна собой и добра. Джорджъ Фильдингъ и она всѣми были признаны за влюбленныхъ, но о свадьбѣ не было помину; въ последнее время даже старикъ Мертонъ дѣлался чрезвычайно серьезнымъ, когда дочь его приносила имя Джорджа.

Сусанна, дѣйствительно, любила Джорджа, хотя не такъ страстно, какъ онъ ее; однако она не отвѣчала благосклонно ни на чье болѣе ухаживанье, хотя, кромѣ безчисленной толпы обыкновенныхъ обожателей, были и другіе, такъ же сумасшедше въ нее влюбленные, какъ самъ Джорджъ. Странно было вотъ что: Сусанна во многихъ даже совсѣмъ не замѣчала страсти, которую они къ ней питали; странно это потому, что въ этихъ случаяхъ у женщины бываетъ обыкновенно очень зоркій глазъ.

Вилліамъ Фильдингъ, братъ Джорджа, былъ тоже по уши влюбленъ въ эту дѣвушку, и хотя онъ трепеталъ отъ счастья быть возлѣ нея, однако никогда не позволялъ себѣ даже и смотрѣть на нее иначе, какъ украдкой; онъ зналъ, что ему не слѣдовало ея любить.

Утромъ, въ день нашего разказа, отецъ Сусанны, старикъ Мертонъ, пришелъ на ферму «Гровъ», чтобы осмотрѣть поле, за домомъ Джорджа. Его остановилъ другъ его, мистеръ Медовсъ, который, увидавъ Мертона, далъ поддержать свою лошадь мальчику, а самъ перешелъ черезъ ниву, чтобы поговорить съ пріятелемъ.

Мистеръ Медовсъ былъ необыкновенный человекъ, и потому заслуживаетъ, нѣсколько, предварительнаго знакомства читателя.

Онъ былъ то, что называютъ *счастливецемъ*; все, что бы онъ ни начиналъ въ жизни, ему удавалось.

Сосѣди ему удивлялись, уважали его, и нѣкоторые даже ненавидѣли. Зачѣмъ онъ прежде былъ простымъ извощикомъ, а

въ сорокъ лѣтъ здѣлался хлѣбнымъ маклеромъ и управляющимъ имѣніями? Можно ли за это не ненавидѣть?

— Онъ никакъ не могъ честно нажить всего своего состоянія, говорили между собою завистники, а между тѣмъ, какъ на грѣхъ, никто изъ нихъ не могъ указать ни на одинъ его безчестный поступокъ.

У Джона Медовса была хладнокровная голова, желѣзная воля, тѣло и умъ одинаково неутомимые, и глазъ, который ничто не могло отвлечь отъ дѣла. Онъ былъ богатъ, честенъ, наконецъ у него была душа въ дѣлахъ, то есть, метода.

Въ одинъ часъ онъ былъ въ церкви, въ другой — на рынкѣ, въ третій—при своей должности; и наконецъ дома, когда слѣдуетъ быть дома.

Такимъ образомъ, кому было угодно видѣть мистера Медовса по дѣлу, тотъ всегда въ известномъ часу заставалъ его дома. И когда его заставляли и говорили съ нимъ о дѣлѣ, то сначала находили его чрезвычайно робкимъ, нерышительнымъ, недовѣрчивымъ; а кончалось обыкновенно тѣмъ, что онъ никогда не оставался въ накладѣ.

Медовса большею частью всѣ уважали, но никто въ такой степени, какъ старикъ Мертонъ. Особенно въ продолженіе нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ, эти два человека сблизились до того, что сдѣлались друзьями; маклеръ часто пріѣзжалъ на ферму старика Мертонна и принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ его дѣлахъ.

Таковъ былъ Джонъ Медовсъ.

По наружности, онъ былъ высокій, крѣпкій мужчина, съ сѣдьющими волосами, съ здоровымъ цвѣтомъ лица и съ широкимъ лбомъ, который ясно выражалъ глубину и силу мужественнаго характера.

— Что, мистеръ Мертонъ, осматриваете ферму?

— Да. Я, признаться, никогда и не думалъ, чтобы тутъ было что-нибудь порядочное, сказалъ въ отвѣтъ мистеръ Мертонъ; вотъ тутъ поля еще такъ-собъ, ничего, а на холмѣ почва такая бѣдная, жалкая, что даже грустно смотрѣть.

Мертонъ, впрочемъ, далъ этотъ отвѣтъ на основаніи того, что онъ слышалъ отъ самого Медовса три недѣли тому назадъ.

— Фермеръ, сказалъ Медовсъ, понижая голосъ:—они молотятъ свѣжую пшеницу, чтобы заплатить за аренду.

— Нѣтъ, вамъ такъ кажется; я не вижу цѣповъ.

— Да, теперь перестали молотить, пошли обзвѣать; не говорите, что я вамъ это сказалъ; а Вилламъ Филдингъ былъ сегодня утромъ въ банкъ: я думалъ, что ему выдадутъ по билету деньги, а банкъ сказалъ: нѣтъ! Не смотря на то, что я за обоихъ братьевъ замолвилъ доброе слово.

Правда, онъ сказалъ доброе слово, да не добрымъ тономъ. Вотъ какъ онъ выразился: «Отецъ — то у нихъ былъ человекъ надежный»; но онъ такимъ тономъ похвалилъ отца, что банкъ заперъ кассу для дѣтей.

— Мнѣ никогда не нравились отношенія между Сусанной и Джорджемъ, а въ особенности съ нѣкоторыхъ поръ; но конечно, вѣдь они двоюродные братъ и сестра....

— Это такъ, они двоюродные, сказалъ Медовсъ; разумется, она не безъ ума же его любить; вѣдь она послушная дочь, не правда ли?

— О, да; она еще ни разу ни въ чемъ мнѣ не противорѣчила. Она довольно вспыльчива и настойчива, но только не со мной; для нея мое слово — законъ. И вѣдь вы знаете, что Сусанна очень религіозна.

— Ну, такъ не о чемъ и беспокоиться? одно ваше слово можетъ ее спасти; но, что же я тревожусь? вѣдь это не мое дѣло, а ваше, прибавилъ Медовсъ.

— Если мое, такъ и ваше, отвѣчалъ Мертонъ. Вѣдь вы мой истинный другъ. Пойду въ ригу и посмотрю, что тамъ дѣлается. Съ этимъ отошелъ отецъ Сусанны, разстроенный и недовольный.

Медовсъ пошелъ въ Блэкъ-Горсъ, деревенскій трактиръ, и встрѣтилъ у входа сельскаго констебля и какого-то незнакомаго, съ виду очень приличнаго и похожаго на духовное лицо. Во взглядъ констебля было что-то таинственное; онъ пригласилъ Медовса въ общую комнату трактира.

— Сэръ, мнѣ нужно поговорить съ вами, сказалъ онъ: — по крайней-мѣрѣ мнѣ кажется, что дѣло васъ касается. У васъ недавно украли изъ кармана три банковыхъ билета съ вашей бланковой подписью?

— Да, точно.

— Вотъ этотъ билетъ не изъ тѣхъ ли? сказалъ констебль, вынимая изъ кармана билетъ.

Медовсъ подробно его осмотрѣлъ, сравнилъ номеръ съ запис-

ной книжкой, которая была при немъ, и объявилъ, что билетъ действительно его.

— Кто вамъ его передалъ? спросилъ онъ.

— Тотъ, у кого и остальные билеты, одинъ незнакомецъ Робинзонъ; онъ живетъ на фермѣ Гровъ съ Джорджемъ Фильдингомъ. Да еще зовутъ ли его Робинзономъ? мнѣ кажется, что это лондонская птичка, которая прилетѣла въ провинцію провѣтриться. Вы понимаете, сэръ.

Глаза Медовса заблестали: странно было видѣть; что богатый человекъ до такой степени взволнованъ этимъ обстоятельствомъ.

На вопросъ констеблю, кто его спутникъ, констебль отвѣчалъ тихо:

— Джентльменъ изъ Бау-стритъ; онъ прѣхалъ посмотреть на Робинзона, не узнаетъ ли его.

Констебль объявилъ Медовсу, что Робинзонъ гдѣ-то въ окрестностяхъ ловить рыбу, а то бы они давно его открыли. «Впрочемъ, отъ насъ не уйдетъ; какъ только вернется домой, такъ мы его и схватимъ.»

— Вы лучше бы, для вѣрности, прежде сравнили номера билетовъ, сказала джентльменъ изъ Бау-стритъ, который съ виду былъ похожъ на духовное лицо.

У Медовса было въ пяти мяляхъ очень важное дѣло, но онъ его отложилъ. Онъ написалъ строчку карандашомъ, посадилъ мальчика на свою вороную лошадь и велѣлъ ему какъ можно поспѣшнѣе вхачъ, куда было нужно. Самъ онъ остался, и съ какою-то странною радостью принялся за это дѣло.

Констебль и его спутникъ пошли прогуляться по деревнѣ, но не спускали своихъ зоркихъ глазъ съ фермы.

Такимъ образомъ, вокругъ Джорджа Фильдинга въ этотъ день завязалось множество неожиданныхъ обстоятельствъ.

Онъ ничего не предчувствовалъ и былъ въ прекрасномъ расположеніи духа. Робинзонъ научилъ его, какъ облегчить то положеніе дѣлъ, которое его тяготило.

— Напишите билетъ на имя вашего брата, и пусть онъ его предъявитъ въ кредитномъ учрежденіи. Фарнборовскій банкъ размѣняетъ вамъ этотъ билетъ на свои; эти банки любятъ всякую бумагу, лишь бы не свою. И они правы.

Джорджъ такъ и сдѣлалъ, и теперь ждалъ въ волненіи Виліама. Кромѣ того, въ этотъ день Сусанна Мертонъ пришла объ-

дать къ нимъ на ферму, и хотя это было уже не въ первый разъ, но для бѣднаго Джорджа такое событіе каждый разъ одинаково казалось эпохой.

Робинзонъ, не подозрѣвая, что его такъ упорно ждутъ и стерегутъ, спокойно удилъ рыбу вполоть до самаго обѣда; однако ни онъ ничего не поймалъ, ни его, пока, не поймали.

Это задержало Медовса долго около фермы, и онъ встрѣтился съ одною, очень странною личностью.

Онъ расхаживалъ между скирдами Джорджа, вдругъ передъ нимъ очутился старикъ, нѣсколько согнувшійся отъ лѣтъ, но очень еще бодрый и сильный съ виду. У него была длинная сѣдая борода, волосы очень густые, но почти совсѣмъ бѣлые, и самъ онъ былъ до того смуглъ, что можно было навѣрное сказать: это не Англичанинъ. Его густыя брови были тоже сѣдыя, и подъ ними чудно блестяи большіе, выразительные глаза, какъ будто два драгоценныхъ камня. Въ голосъ его были совершенно восточные переливы и богатства. Этотъ старикъ былъ Исаакъ Леви, восточный еврей, прожившій полжизни подъ солнцемъ юга. Въ Фарнборофъ слишкомъ уже къ нему привыкли и перестали ему удивляться, но каждаго незнакомца онъ рѣшительно поражалъ съ перваго раза. Онъ былъ какъ-то особенно необыкновененъ; одна романтическая личность въ цѣлой толпѣ людей самыхъ дюжинныхъ; онъ походилъ на яшму, которая вдругъ очутилась между камнями мостовой на рынкѣ, или на чудный кактусъ *grandiflora*, который вдругъ появился бы между крапивой на лугахъ Беркшайра.

Исаакъ Леви былъ очень свѣдущъ въ еврейскомъ языкѣ; это, и восточные приемы въ обращеніи, усвоенные имъ съ молодости, придавали особенный колоритъ его рѣчи и мнѣніямъ, въ особенности въ такія минуты, когда онъ былъ взволнованъ. Въ тѣ минуты онъ забывалъ даже главный двигатель, — деньги, чувствовалъ и думалъ какъ представитель огромной націи, угнетенной, но ожидающей освобожденія. Онъ между своими пользовался уваженіемъ, какъ человекъ очень умный и ученый.

При видѣ Исаака Леви, Медовсъ страшно нахмурился, ему сдѣлалось какъ будто очень неловко, и онъ, не давая старику начать говорить, очень грубо сказалъ ему:

— Если вы пришли говорить со мною о домѣ, то можете отправиться сейчасъ же обратно съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришли. Толку изъ нашего разговора не выйдетъ.

Медовсъ купилъ домъ , въ которомъ Исаакъ нанималъ квартиру, и тотчасъ же далъ ему знать, чтобы онъ выѣхалъ.

Исаакъ , который необыкновенно привязался къ единственному мѣсту въ цѣломъ мірѣ , гдѣ ему пришлось прожить нѣскольکو лѣтъ сряду , былъ вполне увѣренъ , что Медовсъ сдѣлалъ такое распоряженіе потому только , что хотѣлъ набавить цѣну на квартиру. Онъ , дѣйствительно , пришелъ теперь съ цѣлью поговорить съ новымъ хозяиномъ дома.

— Мистеръ Медовсъ , сказалъ онъ убѣдительно , я жилъ въ этомъ домѣ двадцать лѣтъ и платилъ хорошія деньги ; но если вы думаете , что вамъ кто нибудь дастъ больше , то за этимъ между нами дѣло не станетъ , мы все-таки не разойдемся , — набавьте , и я приплачу ; а вы знаете , что я плательщикъ вѣрный.

— Да , я это знаю , отвѣчалъ Медовсъ.

— Благодарю , сэръ ! ну , такъ....

— Ну , такъ вы завтра же выберетесь изъ моего дома.

— Нѣтъ , сэръ. Выслушайте меня , потому что вы моложе меня. Мистеръ Медовсъ , когда волосы мои были черны , я путешествовалъ по востоку ; я былъ въ Мадрасѣ и Бенаресѣ , въ Багдадѣ и въ Испагани , въ Меккѣ и въ Босфорѣ. Да гдѣ я не былъ ? Но я нигдѣ не находилъ себѣ покоя. Когда волосы мои стали сѣдѣть , я торговалъ въ Петербургѣ , въ Римѣ , въ Парижѣ , въ Вьенѣ , въ Лиссабонѣ и другихъ западныхъ городахъ , и все-таки не находилъ покоя. Потомъ я пріѣхалъ въ этотъ городокъ , гдѣ наконецъ я думалъ раскинуть на всю жизнь свою палатку ; здѣсь Богъ далъ мнѣ жену , здѣсь онъ у меня ее и отнял.

— Да мнѣ-то какое дѣло до этого ?

— Конечно , сэръ , и вамъ до этого есть дѣло , если вы таковы , какъ объ васъ рассказываютъ ; потому что объ васъ хорошо говорятъ ; будьте терпѣливы и выслушайте меня. У меня въ томъ домѣ , который вы купили , родилось два ребенка ; изъ этого же дома я отвезъ ихъ на кладбище ; и моя Лія тоже здѣсь умерла ; иногда , въ часы грусти , мнѣ слышатся ихъ голоса и шаги. Въ другомъ домѣ я никогда не услышу ни того , ни другаго , я буду совершенно одинокъ на свѣтѣ ; не разлучайте меня съ тѣнями моихъ покойниковъ. Позвольте мнѣ васъ убѣдить.

— Нѣтъ ! былъ строгій отвѣтъ.

— Нѣтъ? вскричалъ Леви, и глаза его вдругъ засверкали, точно молніей; такъ вы хотите быть врагомъ Исаака Леви?

— Да! былъ мрачный отвѣтъ.

— А! вскричалъ старый еврей, и въ его голосъ вдругъ выразилось презрѣніе, которое онъ тотчасъ постарался подавить. Чѣмъ же я заслужилъ вашу вражду, сэръ? сказалъ онъ, стараясь выразить сожалѣніе въ тонѣ.

— Вы даете въ займы деньги.

— Немного, сэръ, и то иногда, очень рѣдко, очень мало.

— Вы лучше скажите, что если приходится давать въ невѣрныя руки, то у васъ нѣтъ денегъ; а если въ вѣрныя, то никто до сихъ поръ не знаетъ, когда можетъ истощиться кошелекъ Исаака Леви.

— Нашъ народъ, сказалъ Исаакъ, какъ будто извиняясь, не таковъ, какъ вашъ; мы другъ другу вѣримъ. Мы братья, и у насъ другъ для друга всегда есть деньги, когда залогъ вѣрный.

— Хорошо, сказалъ Медовсъ, что вы, то и я; что вы дѣлаете скрытно, то я дѣлаю явно.

— Да мѣръ довольно великъ, достанетъ намъ обоемъ, сэръ.

— Это правда, онъ великъ, поспѣшно отвѣчалъ Медовсъ. Онъ весь передъ вами, Исаакъ. Идите куда хотите, потому что этотъ маленький городокъ Фарнборофъ не довольно обширенъ, чтобы содержать, кромѣ меня, еще одного человѣка, который занимался моимъ же дѣломъ, но для своего собственнаго кармана.

— Но вѣдь это не вражда, сэръ.

Медовсъ грубо расхохотался.—На васъ очень трудно угодить, воскликнулъ онъ. Если это не вражда, то по вашему, что же?

— Нѣтъ, сэръ, это только дѣло прибыли и потери. Послушайте, оставьте меня въ вашемъ домѣ, и я обещаю, что вы будете постоянно выигрывать, а не терять. Нашъ народъ дѣятеленъ и искусенъ во всѣхъ возможныхъ оборотахъ, но у насъ есть вѣра и завѣтъ. Пусть это будетъ такъ. Будемте друзьями. Я дѣлаю съ вами условіе, и клянусь вамъ скрижалями закона, что вы, при моемъ содѣйствіи, не потеряете ни одного шиллинга въ годъ.

— Вы мнѣ рассказали свою исторію; слушайте же теперь мою. Я всегда топталъ все и всѣхъ, кто когда нибудь въ моихъ дѣлахъ становился поперегъ дороги. Я былъ бѣдснъ, а теперь богатъ: вотъ моя политика.

— Слабая политика, сказалъ Исаакъ рѣшительно. Райо или поздно ктонибудь и васъ затопчетъ.

— Какъ? ужь не вздумали ли вы мнѣ угрожать? замѣтилъ Медовсъ.

— Нѣтъ, сэръ, сказалъ Исаакъ, тихо, но рѣшительно. Я только говорю вамъ то, что видѣли эти старые глаза во воѣхъ націяхъ, и читали въ такихъ книгахъ, которыя никогда не лгутъ. Голиафъ побѣждалъ цѣлыя воинства и смотрѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ, а между тѣмъ палъ какъ голубь, отъ удара пастуха. Самсонъ разрывалъ львовъ на части, а не могъ справиться съ женщиной. Онъ покорился ей какъ ребенокъ. Нѣтъ человека, который могъ бы презирать, сэръ! Силачъ можетъ быть увѣренъ, что найдетъ сильнѣе и искуснѣе себя; хитрецъ точно также встрѣтитъ непременно соперника хитрѣе и пронырливѣе. Я васъ предупреждаю, будьте благоразумны. Не вздумайте потоптать когонибудь изъ нашихъ. Націи и люди, которые насъ угнетаютъ, никогда не уйдутъ далеко; для нихъ не много въ жизни будетъ хорошаго. Лучше я благословлю васъ. Благословеніе старика — сокровище. Взгляните на эти сѣдые волосы; у меня на вѣку было столько же горестей, сколько волосъ. Значительная доля проклятія всему моему племени пала и на Исаака Леви. Потомъ, протягивая руки, онъ съ легкимъ, но трогательнымъ движеніемъ, сказалъ. Меня какъ листъ носила судьба по свѣту весь мой вѣкъ, и теперь я жажду покоя. Позвольте мнѣ отдыхать въ моей нынешней палаткѣ до тѣхъ поръ, пока не уснокоюсь навсегда. О! дайте мнѣ умереть тамъ, гдѣ всѣ мои умерли, и скороните меня тамъ же.

Лѣта, печаль и краснорѣчіе, все было напрасно въ этомъ случаѣ; все это разсыпалось, какъ волна передъ неподвижной скалой; такая сильная воля и такая черствая душа была у Медовса.

Право, даже совѣстно передавать отвѣтъ почтеннаго западнаго дикаря.

— Какъ! вы дѣлаете ссылки на священное писаніе, ге, ге? Я думалъ, что вы въ него не вѣруете. Теперь послушайте-ка противную сторону. Авраамъ и Лотъ не могли жить вмѣстѣ, потому что держали оба овецъ, а мы не можемъ потому, что оба ихъ стрижемъ. И тогда Авраамъ отказалъ Лоту, какъ я вамъ теперь отказываю. А что касается до вашего желанія умереть въ моихъ владѣніяхъ, во что бы то ни стало, то я предоставляю вамъ полную свободу повѣситься у меня въ домъ до завтрашня-

го дня, но не позже; потому что послѣ ни одна жидовская собака никогда не умретъ въ моемъ домѣ и не будетъ похоронена для навоза въ моемъ саду.

Глаза старика-еврея дико и страшно заблестали; гнѣвъ вырвался изъ него, какъ лава изъ огнедышащей горы.

— Дерзкая собака! ты ругаешься даже надъ святыней? Основатель твоей вѣры сталъ бы гнущаться тобой, потому что, говорятъ, онъ былъ сострадательнѣе. Я на тебя плюю и проклинаю тебя. Будь ты проклятъ! И подымая руки, онъ самъ приподнялся, чтобы удвоить свою вышину, и страшно прокричалъ еще разъ надъ своимъ врагомъ: «Будь проклятъ!» Самъ желѣзный Медовсъ содрогнулся при видѣ такого восточнаго бѣшенства. «Каково бы ни было тайное желаніе твоего чернаго сердца, небо смотритъ на мои сѣдые волосы, оно заступится за того, кого ты оскорбилъ, и желаніе твое не исполнится.... Ага! ты дрожишь! У всякаго есть тайныя желанія, но противъ твоего борется само небо. Дай Богъ, чтобы исчезло на *этомъ* разѣ, для исполненія *этого* желанія, то счастье, по которому тебѣ до-сихъ-поръ все въ жизни удавалось. Дай Богъ, чтобы ты былъ близокъ къ осуществленію этого желанія, чтобы оно черезъ минуту уже должно было перейти въ дѣйствительность, чтобы ты тосковалъ отъ ожиданія и чтобы, наконецъ, оно не исполнилось.»

Злая, ѣдкая, энергическія слова старика такъ ужасно звучали въ сердцѣ его врага и, вмѣстѣ съ тѣмъ, казались чѣмъ-то такимъ вѣрнымъ, что Медовсъ совершенно вышелъ изъ себя.

То блѣднѣя, то синѣя отъ гнѣва, онъ поднималъ палку, перевернулъ ее нѣсколько разъ на воздухъ и со всего размаха ударилъ ею по головѣ Исаака.

Къ счастью Исаака, палка встрѣтила кожаную шапку, вмѣсто сѣдыхъ волосъ.

Въ это время на голоса подошелъ Джорджъ, котораго они оба, въ припадкѣ бѣшенства, не замѣтили. У него въ рукахъ былъ ремень, и онъ, съ помощью этого ремня, своей ловкости и силы, отвратилъ ударъ, который, можетъ быть, навсегда бы прекратилъ краснорѣчіе еврея. И такъ, палка маклера только перерезала воздухъ, какъ бы бритвой, и произвела самый музыкальный шумъ, всего на полдюйма отъ головы еврея. Выраженіе змѣйнаго взгляда Медовса было страшно ядовитое и мстительное.

— Я не могу этого допустить, кричалъ Джорджъ. Ремень и палка однако продолжали встрѣчаться въ воздухѣ; Медовсъ съ гнѣвомъ и удивленіемъ смотрѣлъ на защитника еврея и какъ-будто со страхомъ видѣлъ, что именно этотъ человекъ сталъ съ нимъ сражаться и захотѣлъ мѣшать ему.

— Вы шутите, мистеръ Медовсъ, сказалъ Джорджъ хладнокровно. Этотъ человекъ вдвое васъ старше, при немъ нѣтъ другаго оружія, кромѣ собственныхъ рукъ. Кто вы такой, старичокъ, и что вамъ нужно?

— Онъ меня оскорбляетъ, кричалъ Медовсъ, за то, что я не хочу имѣть его жильцомъ въ моемъ домѣ. Развѣ кто-нибудь можетъ у меня жить противъ моей воли? Кто онъ такой? Гнусный старый жидъ.

— Да, молодой человекъ, отвѣчалъ еврей печально, я Исаакъ Левинъ, еврей. А какой ты въры? сказалъ онъ, обращаясь опять къ Медовсу. Ужъ не язычникъ ли ты, а? Да и то нѣтъ, собака! у язычниковъ было больше сердца, чѣмъ у тебя; они уважали горе и сѣдые волоса.

— Тебѣ за это достанется; сомной дешево не раздѣлаешься, я тебѣ покажу, какой я въры, отвѣчалъ разъяренный Медовсъ, опять судорожно размахивая палкою.

— Вы не сердитесь такъ, старичокъ, сказалъ добродушный Джорджъ, а вы, мистеръ Медовсъ, должны бы были знать, какъ принимать слова старика; вѣдь старикъ все равно, что женщина; у нихъ обоихъ нечѣмъ защищаться, кромѣ языка; вотъ они имъ и рѣжутъ, сколько могутъ. Во всякомъ случаѣ, вы не должны подымать на него руку на моей землѣ, я этого не хочу; иначе вамъ придется прежде имѣть дѣло со мной; не думаю, чтобы вамъ это пришлось очень по вкусу.

— Онъ! вскричалъ Исаакъ, онъ не смѣетъ! смотрите! смотрите! и онъ показалъ рукою на Медовса; — онъ не смотреть вамъ прямо въ лицо. Повѣрьте, что тотъ, кому привелось читать во взорахъ людей отъ востока до запада, узнаетъ по вашимъ глазамъ льва, а по его—трусливаго волка.

— Завтра же, завтра же, непременно! стоналъ Медовсъ и дрожалъ отъ гнѣва, который хотѣлъ подавить въ себѣ.

— А! закричалъ Исаакъ, и поблѣднѣлъ и, въ свою очередь, сильно задрожалъ.

— Завтра? что завтра? безпокойно спросилъ Джорджъ. Ну, будто не все равно, сегодня, завтра или послѣ завтра. Да не

смотритъ, старичокъ, съ такимъ презрѣніемъ. Боже мой, какъ онъ, несчастный, дрожитъ. Бѣдный старикъ! Джорджъ подошелъ къ дверямъ фермы и киднулъ: Сара!

На этотъ зовъ явилась крѣпкая, здоровая дѣвушка.

— Возьми этого старика и сведи его къ намъ, дай ему, что нужно, помоги, чѣмъ знаешь; можетъ быть, онъ что-нибудь съестъ, чтобы подкрѣдиться, сказалъ Джорджъ дѣвушкѣ.

— Благодарю васъ, молодой человекъ, прошталъ, запинаясь, Исаакъ, — вѣсть у васъ я не могу, но все-таки пойду, чтобы отдохнуть и укрѣпиться; сиды меня оставляютъ, ноги подо мной подкашиваются; я долженъ успокоиться: въ мои годы всякій порывъ опасенъ.

Когда онъ дошелъ до дверей, то вдругъ остановился и, глядя на небо, сказалъ:

— Да будетъ миръ подъ этой кровлей, да послѣдуютъ за мной въ это жилище покоиство и всѣ блага.

— Благодарю васъ искренно, сказалъ молодой Фильдингъ, котораго слова старика и удивили и тронули. — Сколько вамъ лѣтъ, дѣдушка? прибавилъ онъ почтительно.

— Сына мой, мнѣ семьдесятъ лѣтъ, — я человекъ старый и довольно погоревалъ на своемъ вѣку, — и за себя отчасти, но все-го болѣе за всю свою націю и вѣру. Люди, — люди на самомъ дѣлѣ, — жалуютъ о насъ, а люди — собаки оскорбляютъ насъ всѣхъ одинаково, безъ различія возраста.

— Это справедливо, сказалъ добрый молодой человекъ, успокоивающимъ голосомъ, — но не тревожьте себя прежнимъ. Войдите, и вы забудете, Богъ дастъ, хоть на время, всѣ ваши горести и безпокойства у моего камина, бѣдный старичокъ.

Исаакъ отвернулся; отъ этихъ радушныхъ словъ у него на глазахъ показались слезы. Онъ особенно былъ чувствителенъ къ привѣтливости молодаго человека послѣ ужаснаго оскорбленія, которое ему только что было нанесено. Сначала нѣсколько минутъ происходила въ немъ внутренняя борьба, но потомъ природа взяла верхъ надъ предразсудкомъ, и онъ протянулъ руку молодому фермеру, съ такимъ значительнымъ и серьезнымъ видомъ, какъ-будто онъ былъ царемъ всей Азіи; Джорджъ взялъ эту руку и пожалъ ее, какъ Англичанинъ.

— Исаакъ Леви вашъ другъ, и выраженіе не только лица, но и всего существа Леви ясно показывало, что онъ этимъ словамъ придаетъ особенное, даже таинственное значеніе.

Онъ вошелъ въ домъ, а Джорджъ Фильдингъ все продолжалъ сидѣть за нимъ, съ участіемъ и любопытствомъ.

Исаакъ Леви не имѣлъ понятія о планахъ маѣдера. Но, подавая руку Джорджу, онъ послалъ длинный, адски-ненавистный взглядъ Медовсу и не подозрѣвалъ, что соединяетъ въ своей груди, совершенно случайно, два противоположныя чувства.

Понятно, что Медовсу было нецрїятно слышать, какъ еврей произносилъ слова: «Я ващъ другъ», обращаясь къ Джорджу.

Но маѣдеръ призадумался надъ этимъ только одну минуту. Онъ сдѣло надѣлся на свою хитрость и опытность; и дикое бдженство какого-нибудь еврея не могло заставить его разубдиться въ этихъ качествахъ.

Онъ ушелъ, оставивъ Джорджа Фильдинга все еще наблюдающимъ за евреемъ.

Джорджъ, не видя, что онъ ушелъ, сказалъ:

— Странно, слова этого старика какъ-то особенно отзываются въ моей груди, мистеръ Медовсъ... Ахъ, онъ ушелъ. Вотъ никогда бы не думалъ, рассуждалъ про себя Джорджъ Фильдингъ, чтобы мистеръ Медовсъ, о которомъ все говорятъ хорошо, и пасторъ нашъ, и всъ, подыметъ руку или, что еще хуже, палку на челоука семидесяти лтъ. Джорджъ думалъ объ этомъ и съ удивленіемъ, и съ отвращеніемъ.

Его размышленія были прерваны Вилліамомъ Фильдингомъ, который только что вернулся изъ Фарнборофа.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда, сказалъ нетерпливо старшій братъ.

— Раньше не могъ никакъ отдлаться, Джорджъ. Вотъ деньги за овцу, а коровы не продалъ, Джемсъ ведетъ ее домой.

— Ну, а деньги по билету гдѣ же, Вилліамъ?

Вилліамъ съ грустью одустилъ голову.

— Не подучидь, Джорджъ!— вотъ тебѣ назадъ билетъ, банкъ его не принимаетъ.

На лицѣ бднаго Джорджа выразилось сильное страданіе.

— Банкъ не принимаетъ, повторядъ онъ, задыхаясь. Ахъ, Вилліамъ, все кончено, нашъ кредитъ упалъ, цѣлый городъ знаетъ, что мы просрочили плату за аренду. Вѣдъ ты знаешь, что намъ необходимо достать денегъ гдѣ бы то ни было.

— Лучше попросить въ займы у кого-нибудь изъ сосѣдей, чѣмъ сѣжую пшеницу продавать за безценокъ, сказалъ сердито Вилліамъ.

— Эхъ, Вилліамъ, вскричалъ Джорджъ, попросить въ займы у сосѣда? а если откажутъ?—это хуже смерти. Вотъ ты можешь занять, это совсѣмъ другое дѣло.

— Я! Да развѣ я здѣсь хозяинъ? отвѣчалъ младшій братъ. Ферма не моя; а будь она моя, тогда я сѣмьлѣ бы выпутаться.

— Разумѣется, въ этомъ—то я уврѣнъ! отвѣчалъ старшій очень рѣзко. Ты бы насадилъ одного картофеля на всей землѣ, да держалъ бы восемьдесятъ свиней, которыя бы хрюкали на дворѣ цѣлый день, а другой бы пользы не приносили. Вотъ какъ бы ты хозяйничалъ. О! я знаю, что тебѣ давно хочется быть старшимъ. Такъ я тебѣ скажу, что для этого нужно сдѣлать: ты прежде меня убей, Вилліамъ Фильдингъ, тогда и будешь старшимъ братомъ, но не прежде.

Это была порядочная вспышка со стороны Джорджа, но у кого же изъ насъ нѣтъ своихъ слабыхъ минутъ?

— Я съ тобой не стану спорить, отвѣчалъ Вилліамъ. Ты, Джорджъ, утопилъ насъ, такъ ты и вытаскивай изъ тины!

Джорджъ тотчасъ же усмирился и понизилъ голосъ.

— Да у кого же мнѣ попросить? сказалъ онъ.

— У дяди Мертона, а не то у мистера Медовса; онъ иногда даетъ друзьямъ въ займы. Даже немного будетъ, если занять и у того, и у другаго.

— Вотъ прекрасно! Показать мои пустыя карманы отцу Сусанны! О, Вилліамъ! какъ ты жестокъ!

— Ну, тогда у Медовса.

— Невозможно; это будетъ напрасно. Я только что его оскорбилъ; къ тому же, этотъ человекъ во всю жизнь не зналъ горя, какъ же ему принимать участіе въ другихъ?

— Если ты съ нимъ въ ссорѣ, такъ мнѣ не мѣшаетъ жить съ нимъ дружно;—пожалуй, я попрошу у него.

— Хорошо, очень радъ, сказалъ Джорджъ, дай Богъ, чтобъ все это кончилось хорошо для насъ.

Медовсъ, нужно замѣтить, все это время ожидалъ Робинзона, и между-тѣмъ, какъ братья разсуждали, онъ былъ съ Мертономъ въ Ригъ, гдѣ успѣлъ уговорить старика запретить своей дочери всякія сношенія съ Джорджемъ.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Вилліамъ Фильдингъ началъ разговоръ съ Медовсомъ такъ:

— Я не зналъ, что вы здѣсь, сэръ, мнѣ нужно переговорить съ вами.

— Къ вашимъ услугамъ, мистеръ Вилліамъ.

— Благодарю, сэръ. Вотъ въ чемъ дѣло. Мы съ Джорджемъ стѣснены теперь въ денежномъ отношеніи; конечно, это только на время, и *Джорджъ говоритъ*, что онъ былъ бы чрезвычайно вамъ обязанъ, еслибъ вы намъ одолжили сотню фунтовъ; мы не замедлимъ расплатиться.

— Мистеръ Вилліамъ, отвѣчалъ Медовсъ, я былъ бы совершенно счастливъ, если бы могъ услужить вамъ; но скажите, почему не просили вы меня объ этомъ вчера?—вы знаете мои дѣла: иногда мнѣ нужно употребить пропасть денегъ; вотъ, напримеръ, вчера я отдалъ все, что у меня было. Прошу васъ только впередъ не стѣсняться, я въ другой разъ съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу; до свиданія, мистеръ Вилліамъ.

И Медовсъ ушелъ, оставивъ Вилліама не при чемъ.

Джорджъ выбѣжалъ изъ кухни.

— Ну, что?

— Говорить, что у него нѣтъ денегъ.

— Лжетъ; вчера вѣдь при тебѣ онъ внесъ полторы тысячи фунтовъ въ банкъ; зачѣмъ же ты не сказалъ ему, что видѣлъ это?

— Къ чему жъ бы это послужило? развѣ можно насильно заставить человека дать въ займы, когда онъ всѣми силами этого избѣгаетъ?

— Я тебя понимаю, возразилъ Джорджъ. Ты могъ бы выманить эти деньги у Медовса, еслибъ захотѣлъ. Но ни чуть не бывало: ты хочешь заставить твоего брата просить въ займы у отца той, которую онъ любитъ; ты хочешь, чтобы я обнаружилъ передъ нимъ свою бѣдность, вотъ чего ты хочешь. Ты просто кривишь душой.

— Я отъ тебя отъ перваго это слышу; а тебѣ стыдно было бы это говорить, даже еслибъ ты мнѣ не былъ братъ.

— Еслибъ я не былъ тебѣ братъ, то сказалъ бы гораздо сильнѣе.

— Ну, развернись-ка передъ дядей Мертономъ, вотъ онъ. Дядюшка, дядюшка, кричалъ Вилліамъ Мертоному, который тотчасъ же обернулся и подошелъ къ нимъ. Джорджу нужно поговорить съ вами. И прокричавъ это, Вилліамъ оставилъ ихъ наединѣ.

— Это очень кстати, мнѣ самому нужно было съ тобой поговорить, сказалъ Мертономъ.

Пока Джорджъ собирался съ духомъ начать разговоръ, мистеръ Мертономъ его опередилъ, потому что съ своей стороны не

чувствовалъ ни какого затрудненія сказать племяннику что было нужно.

— Вы молотите новую пшеницу? спросилъ Мертонъ съ важностью.

— Да, отвѣчалъ Джорджъ, потупивъ глаза.

— Это скверно; фермеръ не рекомендуетъ себя, если прибѣгаетъ къ двери риги для своего дохода.

— Такъ куда же ему прибѣгать? Хорошо вамъ говорить, дядюшка, у васъ есть и трава и вода.

— И у тебя бы все это должно быть, если бы ты былъ порядочный фермеръ. Нѣтъ, Джорджъ, я долженъ поговорить съ тобой серьезно (Джорджъ вздрогнулъ). Ты красивый юноша, и я тебя очень люблю, но свою дочь все-таки люблю больше тебя.

— И я тоже! просто отвѣчалъ Джорджъ.

— Такъ я долженъ подумать о ней, продолжалъ Мертонъ. Я довольно посмотрѣлся, какъ у васъ идутъ дѣла, и вижу, что, если бы она вышла за тебя замужъ, пришлось бы ей тебя содержать, а не тебѣ ее.

— Сохрани Боже! У насъ дѣла не до такой степени худо идутъ, дядюшка.

— Ты, я увѣренъ, на столько мужчина, что не захочешь вѣтъ женить хлѣбъ, продолжалъ Мертонъ: — а если ты не таковъ, то я на столько отецъ, что не захочу допустить до этого свою дочь.

— Ахъ, какъ тяжело выслушивать такія жестокія слова, выговаривалъ задыхаясь Джорджъ.

— Лучше говорить прямо, нежели обиняками, когда уже разъ рѣшился говорить, отвѣчалъ старикъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, какъ понимаете вы это? Долженъ я это принимать отъ васъ одного, или и отъ Сусанны тоже? Можетъ быть она просила васъ мнѣ это передать? говорилъ Джорджъ, при чемъ губы его дрожали такъ, что онъ едва могъ выговаривать слова.

— Сусанна послушная дочь. Что я скажу, то и она скажетъ; ты долженъ знать, что всѣ твои попытки заставить ее выдти у меня изъ повиновенія будутъ напрасны: это тебѣ никогда не удастся.

— Довольно, довольно, отвѣчалъ Джорджъ сердито:—довольно вы мнѣ говорили; я никогда не собирался ни одну дѣвушку учить дурному.

— Прощай, Джорджъ! и Мертонъ ушелъ.

— Прощайте, дядюшка! (неблагодарный старый плутъ!)

— Вилліамъ! крикнулъ онъ своему брату, который тотчасъ же приближалъ разузнавать новость:—наша матушка не отказалась его выпутать, когда было нужно; если бы не она, у него теперь ничего бы за душой не было. И вотъ, вмѣсто благодарности, онъ мнѣ такъ дурно платитъ. О, Боже мой! о, Вилліамъ!

— Ну, да что же, дастъ онъ денегъ или нѣтъ?

— Я его даже и не спрашивалъ.

— И не спрашивалъ? вскричалъ Вилліамъ.

— Помилуй, Вилліамъ, онъ мнѣ не далъ и слова выговорить, сказалъ Джорджъ, глядя умоляющимъ взоромъ на брата:—онъ видитъ, что наши дѣла очень худо идутъ и почти запрещаетъ мнѣ думать о Сусаннѣ.

— Ну, чтожъ, сказалъ другой братъ, отрывисто: — ты бы долженъ былъ сказать ему правду, не просить его помочь намъ, вѣдь онъ нашъ родной.

— Ты непременно хочешь меня унижить, во что бы то ни стало; ты мнѣ не братъ, отвѣчалъ Джорджъ, взбѣшенный и оскорбленный.

— Считаться, такъ считаться, сказалъ Вилліамъ:—я просилъ Медовса, и онъ отказалъ мнѣ. Ты хотѣлъ просить дядю, но заговорился о Сусаннѣ и увлекся до того, что даже и не вспомнилъ о деньгахъ; вопросъ — кто же изъ насъ кривить душою?

— Если ты смѣешь говорить это про меня, такъ я тебя сверну голову, ногодай.

— Ты кривишь душой, и кромѣ того глупъ и нераспорядителенъ въ дѣлахъ.

— Такъ ты хочешь драться?

— Да, хочу.

— Ну, хорошо, пусть будетъ такъ, пусть одинъ изъ насъ управляетъ фермой и будетъ полнымъ хозяиномъ, а другой убивается къ чорту; ужъ мнѣ это надовло.

— И мнѣ тоже, сказалъ Вилліамъ быстро. Довольно мнѣ этихъ двухъ лавъ.

Братья засучили рукава, пожали другъ другу руки, оба отступили на шагъ и начали боксировать.

Трудно было рѣшить, что именно заставило братьевъ забыть-ся до драки: ферма ли, деньги ли, характеры ли; спросить бы

ихъ,—и они вѣрно признались бы въ настоящей причинѣ: виновницею всему была Сусанна Мертонъ.

Тайная ревность давно уже скрывалась въ обоихъ братьяхъ, а теперь она выразилась явно.

Ахъ, Вилліамъ Фильдингъ, и всѣ—берегитесь ревности. Проклятая ревность! Она—царица всѣхъ страстей и пороковъ; другія страсти избочиваютъ характеръ; эта же измѣняетъ его, а иногда и совершенно разрушаетъ. Она превращаетъ честныхъ людей въ змѣй, а голубей въ коршуновъ! — Страшная, неестественная смѣсь любви и ненависти, она отравляетъ все нравственное, сковываетъ разумъ, подавляетъ чувство справедливости, уничтожаетъ состраданіе, развращаетъ сердце и осуждаетъ на вѣчное проклятіе.

И такъ, оба Фильдинга, механически пожавъ другъ другу руку и отступивъ на шагъ, начали драться на кулакахъ.

Каждый изъ нихъ рассчитывалъ на успѣхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый зналъ, что съ противникомъ состязаться не легко.

Нельзя было не удивиться послѣ этого, что Джорджъ вдругъ первый опустил руки и обратилъ свои взгляды совсѣмъ въ другую сторону. На его лицѣ выраженіе гнѣва замѣнилось другимъ, нѣжнымъ и отчасти смѣшаннымъ со страхомъ.

Вилліамъ посмотрѣлъ въ ту же сторону, и лицо его приняло такое же выраженіе, какъ у Джорджа; онъ тоже заложилъ руки въ карманы и принялся беззаботно свистать.

Красивая молодая дѣвушка вдругъ бросилась между двухъ братьевъ.

Ея первыя слова еще сильнѣе увеличили ихъ замѣшательство.

— Что это значитъ? вскричала она гордо, какъ будто королева, осуждающая своихъ подданныхъ.

Джорджъ взглянулъ на Вилліама, тотъ ничего не нашелъ для своего оправданія.

Тогда Джорджъ сказалъ, нѣсколько запинаясь, но чрезвычайно нѣжнымъ голосомъ:

— Вилліамъ показывалъ мнѣ новый приѣмъ въ боксъ, которому онъ выучился на ярмаркѣ; вотъ и все, Сусанна.

— Это ложь, Джорджъ, отвѣчала дѣвушка, и притомъ первая, которую я слышу отъ тебя (Джорджъ покраснѣлъ). Вы дрались,—я видѣла, какъ ваши глаза блестяли!

Посмотрѣть, какъ братья при этомъ перемигнулись, можно было бы съ истиннымъ наслажденіемъ.

— Фи! фи! какъ это можно, вскричали они единодушно. Родные братья могутъ развѣ драться? по-крайней-мѣрѣ это невозможная вещь на христіанской землѣ, гдѣ даже и ко всякому ближнему проповѣдуется братская любовь. Какъ это вамъ могло придти въ голову?

— Да, это грѣхъ, Сусанна, сказалъ Вилліамъ.—Я прошу у васъ прощенія, Сусанна.

— О, я была увѣрена, что не вы виноваты, это все Джорджъ. Джорджъ, не стыдно ли вамъ быть такимъ разбойникомъ? вамъ ни почему проливать братскую кровь!

— Сусанна, полноте, не сердитесь, я совсѣмъ не хотѣлъ проливать его кровь, а только хотѣлъ проучить его за дерзость.

— Или чтобы васъ проучили за вашу, отвѣчалъ Вилліамъ хладнокровно.

— И это вѣроятнѣе, сказала Сусанна:—Джорджъ, возьмите руку Вилліама; сію же минуту возьмите, я вамъ говорю, вскричала она повелительнымъ и нетерпѣливымъ тономъ.

— Ну, что же? отчего же и не взять? Пожалуйста, Сусанна, не выходите изъ себя отъ нустяковъ, сказалъ Джорджъ кротко.

Братья подали другъ-другу руки; она заставила ихъ долго оставаться въ этомъ положеніи. Они исполняли ея желаніе оба съ поникшей головой.

— А я покуда прочту вамъ маленькое наставленіе, сказала Сусанна.—Вы должны оба стать на колѣни и поблагодарить Провидѣніе, которое послало меня, чтобы спасти васъ отъ ужаснаго грѣха; а что касается до васъ, Джорджъ, то характеръ вамъ необходимо перемѣнить, а то я ни за что не соглашусь соединиться съ вами.

— Ну, вотъ теперь вдругъ я одинъ сталъ виноватъ, весь стыдъ на меня обрушился. Какая немилость, сказалъ Джорджъ, вынимаю свою руку изъ руки Вилліама.

— Разумѣется, отвѣчала Сусанна. Вилліамъ кроткій молодой человекъ, онъ никогда ни съ кѣмъ не ссорится, а вы безпрестанно; еще недавно вы прибили извощика.

— Онъ говорилъ о васъ грубо.

Сусанна въ душѣ улыбалась, а между тѣмъ старалась дѣлать самый строгій видъ, къ какому только была способна.

— Я этому не вѣрю, сказала Сусанна:—просто вамъ пришла охота быть разбойникомъ, подраться, точно такъ же, какъ и сегодня.

— Ахъ, Боже мой! оказалъ съ грустью Джорджъ:—Бѣдный Джорджъ вѣчно виноватъ.

— О! отвѣчала дѣвушка, и на устахъ ея блеснула чистая, ангельская улыбка. Я бы могла бранить точно также и Вилліама, если бы принимала столько же участія въ его поведеніи, какъ въ вашемъ; еслибы оно меня такъ же близко касалось.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ Джорджъ, совершенно озабоченный и съ прояснившимся лицомъ: — и не думайте, Сусанна, никого бранить кромѣ меня; Вилліамъ, сказалъ онъ быстро и искренно, извини, прости меня.

— Довольно объ этомъ, пожалуйста, отвѣчалъ Вилліамъ.

— Сусанна, сказалъ Джорджъ:—вы не знаете, сколько я долгие переносить. Сердце мое сжимается отъ тоски, милая Сусанна. Еще не прошло часу, какъ дядюшка упрекалъ меня въ моихъ неудачахъ, въ томъ, что мнѣ не везетъ въ дѣлахъ, и почти запретилъ мнѣ говорить съ вами. Въ эту самую минуту, когда я былъ такъ оскорбленъ, подошелъ ко мнѣ братъ; какъ на грѣхъ, и началъ тоже не катая говорить о нашихъ дѣлахъ. Еще, Сусанна, дядюшка сказалъ, что вы во всемъ съ нимъ соглашаетесь, всегда его слушаетесь, и что во всемъ, всегда, возьмете его сторону.

— Джорджъ, сказала Сусанна, мнѣ очень жаль, что батюшка былъ къ вамъ такой недобрый.

— Благодарю васъ за участіе, Сусанна; это первое доброе слово, которое я слышу сегодня.

— Но послушаніе родителямъ, продолжала Сусанна:—важная обязанность. *Надѣюсь*, что я никогда не ослушаюсь своего отца, произнесла она, запинаясь.

— Я не прошу ни одну дѣвушку, сказалъ Джорджъ поспѣшно, быть ко мнѣ доброю, снисходительною, если она меня не любитъ. Я такъ несчастливъ! Я недостойнъ порядочной дѣвушки.

На это Сусанна отвѣчала очень рзко:

— Это правда, вы не будете достойны порядочной дѣвушки, пока не измѣните своего характера.

Джорджъ не сказалъ ни слова, но отошелъ и, опустивъ голову, облокотился на стоящую вблизи тележку. Въ это время присоединилось къ группѣ новое лицо, въ блонѣмъ жакетѣ, хорошеькомъ галстухѣ, охотничьей курткѣ и мокрыхъ, покрытыхъ твюю панталонахъ и башмакахъ, съ пустымъ ягдташемъ за плечами.

Человѣкъ этотъ присоединился къ группѣ въ то самое время, какъ Джорджъ принялъ такую грустную позу.

Читатель вѣроятно догадался, что это былъ Робинзонъ. Онъ постоянно уговаривалъ Джорджа вѣхать съ нимъ въ Калифорнію и при этомъ не жалѣлъ ни хлопотъ, ни красноречія въ своемъ родѣ. И теперь онъ началъ съ тѣмъ же приставать къ Джорджу:

— Да поѣдемъ, говорилъ Робинзонъ, тамъ составишь себѣ состояніе.

— Отчего же вы сами не нажили себѣ тамъ состоянія? спросила Сусанна.

— Извините, миссъ, вы ошибаетесь, если бы не нажилъ, такъ бы и не промоталъ.

— Разумѣется, прибавилъ Вилліамъ, что легко приходитъ, то скоро и уходитъ.

— Вы говорите о пыли?

— Особенно о золотой, замѣтила Сусанна.

Робинзонъ засмѣялся.

— Я замѣчаю, что дѣвицы очень ѣдки въ Беркшайръ, сказалъ онъ.

Потомъ Робинзонъ продолжалъ разсуждать о золотѣ.

— Золото не разносится вѣтромъ, какъ сѣмена; оно достается труднѣе, долго нужно до него докапываться; его вырывать не такъ легко, какъ вашъ картофель; вамъ никогда и не случилось такъ работать; за васъ все быки да лошади трудятся, слышите, Фильдингъ — номеръ второй?

— А развѣ вамъ случалось видѣть когда-нибудь, какъ быки косятъ сѣно? спросилъ сухо Вилліамъ.

— Прошу не хвастаться, отвѣчалъ Робинзонъ. За то они все съѣдятъ, пока вы успѣете оглянуться.

Эта острота была до того въ деревенскомъ вкусѣ, что даже самъ Вилліамъ разсмѣялся. Одианъ Джорджъ оставался серьезнымъ.

— Да что съ нимъ случилось? спросилъ Робинзонъ, указывая на Джорджа.

— Онъ сердитъ, оставьте его въ покоѣ, отвѣчала Сусанна, съ намѣреніемъ громче. Джорджъ вздрогнулъ, но не сказалъ ни слова.

Робинзонъ опять сталъ распространяться о томъ, съ какимъ ужаснымъ трудомъ добываютъ золото даже и въ самой Калифорніи; онъ разсказывалъ, какъ промокаютъ насквозь рубашки

рудокоповъ, когда они слятся выкапывать золото; какъ запрашивали по доллару за мытье каждой такой рубашки, и какъ рудокопы, чтобы избѣжать этой издержки, посылали мыть свое бѣлье въ Китай; отсылали они его по поведѣльникамъ, а получали обратно по субботамъ,—только черезъ шесть субботъ въ седьмую.

Потомъ мистеръ Робинзонъ сталъ сравнивать Англичанъ съ разными другими націями, по ту сторону Атлантическаго океана; тутъ онъ болѣе всего расточалъ свое краснорѣчіе, восхваляя дѣятельность въ новыхъ странахъ.

Наконецъ онъ опять возвратился къ усиленнымъ приглашеніямъ Джорджа въ Калифорнію.

— Поѣдемъ, Джорджъ! вернешься богачомъ, можешь жениться на дочери какого-нибудь герцога, и кромѣ того, по лучить за нею хорошее приданое. Напримѣръ, пять тысячъ фунтовъ въ годъ, да три дома въ полное владѣніе.

— *И карету.*

— *И коляску.*

— *И кабриолетъ.*

— *И двадцать лягавыхъ собакъ.*

— *И такой большой телескопъ, что звѣзды къ нему будутъ обращаться, а не онъ къ звѣздамъ.*

— *И пропасть хорошенькихъ горничныхъ.*

— *И дворецкаго съ такими густыми бакенбардами, чтобы онъ были похожи на половую щетку.*

— *И серебрянную ванну, полную розовой воды; въ ней можно будетъ сидѣть и читать газеты.*

— *И оранжерею, полную персиковъ, и зеленаго гороха круглый годъ.*

— *И въ церкви особенную скамью, всегда вымытую духами.*

— *И коверъ въ футъ толщиной.*

— *И фортепіано въ каждой комнатѣ.*

Потомъ Робинзонъ просилъ своего друга открыть глаза, и посмотреть на какой жалкой, бѣдной землѣ онъ живетъ, какъ онъ мало имѣетъ доходу, и что ему предстоитъ?—вѣчная перспектива дѣлать долги.

И все это Робинзонъ пересчиталъ съ такою бѣгlostью, съ какою прежде и не были знакомы въ Беркшайръ.

— Лучше корка хлѣба въ Англии, чѣмъ мясо буйвола въ Ка-

лифорнія, отвѣчалъ Джорджъ, но въ тонѣ его далеко не было столько увѣренности, сколько было бы недѣлю тому назадъ.

— А я бы не могла никакъ жить между тамошними разбойниками и ворами, сказала Сусанна.

— Странно, подумалъ Робинзонъ, мнѣ все поютъ одну и ту же пѣсню.

Тутъ всѣхъ позвала къ обѣду Сара, служанка на фермѣ Фильдиговъ. Сусанна нѣсколько медлила, чтобы остаться на единѣ съ Джоржемъ. Она начала непріятный для него разговоръ, желая его предупредить на счетъ Робинзона.

— Батюшка говоритъ, что у Робинзона нѣтъ никакого занятія; онъ не ведетъ никакой торговли; онъ и не джентльменъ, не смотря на зеленый галстухъ; такъ вѣрно онъ какой нибудь бродяга или плутъ.

— Скажите лучше прямо: его главный недостатокъ въ томъ, что онъ мой другъ; отвѣчалъ горько Джорджъ. Онъ единственное существо, которое сказала мнѣ сегодня хоть что нибудь утѣшительное. Да, я очень хорошо видѣлъ, какъ сердито вы на него смотрѣли.

Глаза Сусанны заблестѣли, на нихъ навернулись слезы, она вся вспыхнула яркимъ румянцемъ.

— Джорджъ, вы просто сумасшедшій, сказала она; вы не умѣете читать чувства женщины, ни изъ ея словъ, ни изъ ея взглядовъ.

И Сусанна была такъ сердита, такъ обижена, что во все время обѣда не говорила съ Джоржемъ.

Бѣдный Джорджъ вошелъ въ домъ въ слѣдъ за нею, съ какимъ-то болзненнымъ, тяжелымъ чувствомъ на сердцѣ.

У фермера была гордая, чувствительная натура, подъ грубой оболочкой.

Слова Мертонна, какъ острый ножъ, врезались въ его душу. Ему казалось, что всѣ его ненавидятъ, что всѣ, безъ исключенія, желаютъ ему зла. Онъ дрожалъ отъ какого-то необъяснимаго страха; онъ желалъ всею душою чтобы солнце закатилось хоть въ полдень, только поскорѣе кончился бы для него грустный, томительный день.

II.

Почти весь обѣдъ прошелъ въ молчаніи; Робинзонъ былъ слишкомъ голоденъ, чтобы говорить, а Сусанну и Джорджа что-то

можете нападать на Джорджа, корить его въ несчастіи! Ахъ, Боже мой, какіе мы всѣ сегодня были къ нему не добрые!

Никто еще не успѣлъ сказать слова, какъ вошелъ лакей въ ливреѣ и подалъ письмо. Всѣ постарались скрыть свое волненіе. Онъ подалъ письмо Джорджу и, сказавъ: «Мнѣ приказано ждать отвѣта, фермеръ Фильдингъ,» вышелъ.

— Отъ мистера Винчестера, сказалъ Джорджъ, разсмотрѣвъ внимательно надпись.

Въ этой странѣ съ особеннымъ самолюбіемъ старались узнавать отъ кого письмо, по надписи, а не по подписи.

— Отъ эсквайра (Esquire) Франка Винчестера! Что-то онъ тебѣ пишетъ? сказалъ Мертонъ, очень удивленный. Это задѣло Джорджа.

Человѣкъ всегда останется человѣкомъ: Джорджъ былъ очень радъ, что получилъ письмо отъ джентльмена, и могъ читать его при томъ, кто его страшно оскорбилъ, и при тѣхъ, которые были свидѣтелями этого оскорбленія.

— Кажется отъ него, сказалъ Джорджъ сухо, распечатавъ письмо и сталъ читать его вслухъ.

«Джорджъ Фильдингъ, добрый другъ мой, подумайте еще хорошенько: я взялъ двѣ каюты на корабль, который отправляется завтра; во время переезда вы будете имѣть всѣ возможные удобства, а это не послѣдняя вещь. Я исполню то, что обѣщаль вамъ (онъ мнѣ обѣщаль пятьсотъ овецъ, съ которыхъ я буду получать большой доходъ). Я долженъ имѣть при себѣ честнаго человѣка, и гдѣ же я найду такого честнаго, какъ Джорджъ Фильдингъ?» (Благодарю васъ, мистеръ Винчестеръ, — Джорджъ Фильдингъ благодарить васъ, сэръ.) Тутъ молодой фермеръ остановился, выпрямился какъ-то особенно просто и благородно, и смѣло посмотрѣлъ прямо въ глаза всѣмъ бывшимъ тутъ.

«Вы спасли мнѣ жизнь — здѣсь я ничего не могу для васъ сдѣлать, да вы и сами въ Гровъ ничего не дѣлаете хорошаго, — это всѣ говорятъ, («это всѣ говорятъ!» повторилъ Джорджъ и вздрогнулъ при этихъ словахъ).

«Если бы вы знали, мой добрый, славный Джорджъ, какъ мнѣ трудно ѣхать безъ васъ туда, гдѣ вы навѣрное могли бы составить себѣ состояніе; мнѣ это, право, очень больно. Вѣрьте, я съ трепетомъ ожидаю рѣшенія вашего: тогда я узнаю, придется ли моимъ глазамъ, цѣлыхъ четыре мѣсяца, постоянно смотреть

на одну только воду, или ихъ будетъ радовать что-то родное, свое, лицо Англичанина и—друга... и... и...»

Бѣдный Джорджъ больше не могъ читать; эти добрыя слова, послѣ всѣхъ оскорбленій и униженій, перенесенныхъ имъ въ тотъ день, переполнили его сердце.

Сусанна взяла у него письмо и продолжала читать: «Если вашъ отвѣтъ для меня благопріятенъ, то довольно одного слова. Въ такомъ случаѣ пріѣзжайте въ гостинницу «Краунъ», въ Ньюбороу, сегодня ночью; мы тамъ встрѣтимся, и до города отправимся въ дилижансъ.»

— Скажите, что отвѣтъ: да, объявилъ Джорджъ вошедшему слугѣ.

Сусанна, еще разъ перечитывавшая про себя письмо, хотя и ясно слышала это слово, но не повѣрила ушамъ своимъ: она старалась убѣдить себя, что ей только послышалось, потому что она въ это время была занята другимъ. Но слуга подошелъ ближе, и Джорджъ повторилъ: «Скажите своему господину: да».

— Да? Джорджъ! воскричала Сусанна. Что значить «да»? Что вы хотите этимъ сказать? Вы ѣдете въ Австралію?

— Отвѣтъ—да, сказалъ Джорджъ.

Слуга ушелъ съ этимъ отвѣтомъ.

Всѣ стояли молча и неподвижно.

— Этотъ джентльменъ меня уважаетъ, если не уважаютъ тѣ, которые во сто разъ хуже его. И для меня довольно его уваженія. Какой порядочный человекъ станетъ оскорблять другаго въ несчастіи? это могутъ дѣлать только одни непорядочные, бездушные люди. Я рѣшился. Соберу, уложу свои вещи и уѣду. И онъ не взглянулъ ни на Сусанну, ни на другихъ, а пошелъ въ домъ, какъ человекъ, который ходитъ во снѣ.

Всѣ были поражены; долго никто не могъ вымолвить слова.

Наконецъ Сусанна закричала такъ пронзительно, какъ будто отъ внезапной раны.

— Батюшка! что вы сдѣлали?

Мертонъ самъ былъ тронутъ, но отвѣчалъ рѣшительно:

— Только исполнилъ свою обязанность, Сусанна; надвюсь, что ты, съ своей стороны, исполнишь свою.

Въ эту минуту Робинзонъ отворилъ окно и выпрыгнулъ на дворъ.

Медовсъ, занятый болѣе серьезными интересами, совсѣмъ было и забылъ о Робинзонѣ, но когда увидѣлъ его, то сдѣлалъ

знать какому-то человеку, стоявшему у забора двора, и внимательно наблюдавшему за тѣмъ, что происходило на дворѣ.

— Что случилось? кричалъ Робинзонъ.

— Джорджъ идетъ въ Австралію, отвѣчалъ Мертонъ хладнокровно.

— Въ Австралію! прокричалъ еще громче Робинзонъ; въ Австралію! да онъ съ ума сошелъ! кто туда вздѣтъ, если насильно не посылаютъ! Я бы туда не поехалъ, если бы даже и за мой проездъ заплатили; если бы дали мнѣ пропастъ платья и бѣлья,—если бы прислали за мной тамъ губернаторскую карету, чтобы довезти меня до какого нибудь огромнаго и великолѣпнаго дома, приготовленнаго именно для меня, гдѣ горѣли бы огни, были бы приготовлены трубки и сдѣланы постели.

Когда Робинзонъ кончилъ свою выходку, полицменъ, который въ это время украдкой къ нему приблизился, взялъ его сильно за одну руку, а потомъ и за другую.

Атакованный такъ неожиданно, Робинзонъ не могъ освободиться, а только посмотрѣлъ въ лицо тому, который имъ завладѣлъ, и отвернулся съ презрѣніемъ.

— Уфъ! сказалъ Робинзонъ.

— А, сказалъ полицменъ, надѣвая ему ручныя цѣпи. А вотъ и придется взать въ Австралію, именно туда, куда не хотѣлось. Будетъ и новое платье, только одноцвѣтное; за проездъ заплатятъ; тамъ ожидаетъ огромный домъ, а пожалуй, и губернаторская карета выѣдетъ на встрѣчу, если не скоро найдутъ шляпку для колодниковъ. И полицменъ былъ совершенно счастливъ, что могъ отпустить такія остроты.

Но между тѣмъ Робинзонъ опомнился.

— Господа! сказалъ онъ съ достоинствомъ:—какъ мнѣ понимать это насиліе отъ людей, мнѣ совершенно незнакомыхъ? И онъ принялся разыгрывать роль угнетенной невинности. Я не знаю васъ, сэръ, прибавилъ онъ:—и изъ тона вашего заключаю, что вы тоже не знаете съ кѣмъ говорите.

Полицменъ раскохотался и вынулъ у угнетенной невинности изъ кармана краденые банковые билеты, которые Медовсъ тотчасъ же призналъ за свои.

Тогда Робинзонъ прибѣгнулъ къ другому средству, — въ своемъ родѣ тоже довольно ловкому.

— Миссъ Мертонъ, проговорилъ онъ, вѣроятно вы также противъ меня, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но я даю вамъ слово,

что я не виноватъ. Будетъ время, вы вспомните это слово, и тогда моя невинность вдвойнѣ восторжествуетъ надъ клеветой.

Сусанна Мертонъ бросилась къ двери.

— Я непременно должна сказать Джорджу обо всемъ этомъ.

Въ душѣ она была очень рада найти предлогъ отправиться къ Джорджу. Она хотѣла напомнить ему своимъ присутствіемъ, что если родной домъ имѣетъ шипы, за то въ немъ и не безъ розъ.

Новости скоро разнеслись: разныя деревенскія головы высувались черезъ заборъ, посмотрѣть на трагическое происшествіе съ Робинзономъ. Полисменъ закладывалъ лошадей въ тележку, чтобы отвезти Робинзона въ ближайшую тюрьму.

Но если бы кто нибудь подумалъ, что Робинзонъ упалъ духомъ, тотъ ошибся бы сильно.

— Ну, чтожъ, я очень доволенъ, говорилъ онъ. Правда, я предпочиталъ ѣхать въ Калифорнію, но всегда скажу, что лучше поѣхать въ Австралію, чѣмъ остаться въ Англии. Я буду наслаждаться прекраснымъ климатомъ; я составлю себѣ состояніе подъ улыбающимся солнцемъ. Чего же лучшаго можно желать?

Пока онъ расточалъ передъ толпой свое краснорѣчіе, Джорджъ и Сусанна вышли вмѣстѣ изъ дому. Лицо Джорджа выражало удивленіе и отчасти ужасъ.

— Воръ! кричалъ онъ. И я жаль руку вора!

— Вотъ о чемъ человекъ заботится! сказалъ Робинзонъ.

— Если у тебя нѣтъ стыда, то у меня онъ есть; Боже мой, лучше было бы мнѣ уже давно уѣхать!

— Джорджъ! сказалъ съ упрекомъ виновный, который истинно явившался къ честному молодому фермеру. Скажи, взялъ ли я у тебя хоть что-нибудь? У тебя много серебряныхъ вещей: оуповая чашка, тяжелый кофейникъ, нѣсколько старинныхъ ложекъ, такихъ толстыхъ, какихъ теперь и не дѣлаютъ. Все это лежитъ въ шкапулкѣ у тебя подъ кроватью; пожалуйста, поди, пересчитай все, увидишь что все цело; я буду спокоенъ. Теперь, что ни пропадетъ, все станутъ на меня сваливать. Миссъ Мертонъ, а вашъ золотой браслетъ съ камнемъ, — сколько разъ я могъ бы его украсть! Миссъ Мертонъ, упрежите его подать мнѣ руку на прощаніе. Я его сильно люблю, а можетъ быть, намъ никогда въ жизни не придется больше свидѣться.

— Подать тебѣ руку? серьезно отвѣчалъ Джорджъ. Если бы у тебя руки были свободны, я не пожалѣлъ бы на тебя своего

кулака; а теперь ты даже не стоишь того, чтобы о тебѣ думали. Впрочемъ, ты и безъ того въ несчастіи, и я самъ тоже. Я прощаю тебя, только дай Богъ мнѣ никогда больше не видѣть твоего лица.

И Джорджъ отъ него отвернулся.

Робинзонъ кусаль губы, но не говорилъ ни слова, только глаза его заблестѣли. Въ это время изъ толпы любопытныхъ, смотрѣвшихъ черезъ заборъ, отдѣлились мальчикъ и дѣвочка и, держась за руки, подошли къ Джорджу. Дѣвочка оказалась храбрѣе и заговорила первая.

— Фермеръ Фильдингъ, сказала она, кланяясь, что сейчасъ же въ слѣдъ за ней сдѣлалъ и мальчикъ; мы пришли посмотреть на вора; намъ сказали, что вы его поймали. Ахъ, бѣдный, это онъ; вотъ ужъ никакъ бы не догадались, что это воръ!

Трудно отгадать, что происходитъ въ сердцѣ порочнаго человека; замѣтно было только, что Робинзонъ измѣнился въ лицѣ отъ наивнаго замѣчанія дѣвочки.

— Мистеръ Якобсъ, сказалъ онъ, обращаясь къ полицмену; развѣ вы имѣете какое-нибудь право выставять меня къ позорному столбу прежде суда? Онъ сказалъ это хладнокровно и серьезно; и потомъ прибавилъ:—Вы, конечно, знаете, что я такой же человекъ, какъ и вы, и даже собратъ вашъ, потому что вы прежде то же были воромъ. Потомъ вдругъ, перемѣняя тонъ на самый веселый и безцеремонный, онъ продолжалъ: — я говорю, Якобсъ, что вы вѣрно помните, какъ вы ломали лавку серебряника въ Ламбесъ съ Джемсомъ Салибори, съ Джекомъ и съ...?

— Вотъ тележка готова, кричалъ мистеръ Якобсъ, поведемъ, поведемъ скорѣе. И бывшій воръ поспѣшно усадилъ настоящаго вора и увезъ его.

Джорджъ Фильдингъ горько вздохнулъ: вотъ еще лишнее огорченіе. Онъ цѣлыхъ два мѣсяца такъ усердно старался защищать Робинзона отъ наговоровъ цѣлой деревни!

Въ деревняхъ привыкли въ каждомъ незнакомомъ, новомъ лицѣ подозревать что нибудь дурное.

— Что онъ дѣлаетъ? спрашивала вся деревня. Откуда онъ досталъ такое красивое платье съ металлическими пуговицами, жилетъ и зеленый атласный галстухъ съ красной подкладкой? На немъ все похоже на джентльмена, а все-таки въ самомъ-то есть что-то не джентльменское.

Джорджъ иногда просто смѣялся надъ всеми этими вопро-

сами, иногда очень сердился, но во всякомъ случаѣ, всегда одинаково энергически отстаивалъ своего пріятеля и жильца.

И вдругъ, что же оказалось: онъ виноватъ, а все эти болтуны правы; его пріятеля, котораго онъ защищалъ отъ всѣхъ,—при немъ сковали цѣпами и повезли въ ближайшую тюрьму. И это было сдѣлано въ глазахъ всѣхъ деревенскихъ звакъ и сплетниковъ. Много будутъ они сегодня вечеромъ рассказывать объ утреннемъ приключеніи!

Джорджъ Фильдингъ жалобно воскликнулъ:

— Я готовъ вѣхать хоть сію минуту, я рѣшился вѣхать, я даже радъ, что вѣду, потому что оставляю за собою только бездну оскорбленій, и больше ничего. И онъ бросился въ домъ, чтобы избѣжать людскихъ глазъ, и приготовить все нужное къ дальнему путешествію.

Вилліамъ и Медовсъ остались на единѣ. Оба они слѣдили глазами за Джорджемъ, и каждый изъ нихъ былъ въ сильномъ волненіи, которое одинъ отъ другаго желалъ скрыть.

На фермѣ было двѣ комнаты, выходившія окнами на то мѣсто, гдѣ утромъ происходило все описанное.

Одна изъ нихъ, поменьше, была небольшая гостиная, въ которой очень рѣдко бывали. Тутъ на столѣ лежала огромная старинная Библія; заглавный ея листъ былъ весь исписанъ разными почерками, которыми записывались имена, дни рожденія и смерти цѣлыхъ поколѣній Фильдинговъ. Стѣны были увѣшаны разными старинными и новѣйшими картинами. Отворенное окно этой солнечной комнатки было все уставлено горшками цвѣтовъ, распространявшихъ по комнатамъ самый пріятный запахъ. За этими цвѣтами, два часа тому назадъ, въ этой комнатѣ сидѣлъ знакомый уже намъ старикъ, и слѣдилъ внимательно за всѣмъ, что дѣлалось на дворѣ.

Исаакъ Леви съ годами пріобрѣлъ много опытности, но при этомъ не притупилъ еще въ себѣ ни одного чувства. Лѣтъ сорокъ пять тому назадъ, онъ постигъ вполне, до какой степени люди эгоисты; какъ всегда мало желаютъ они ближнему добра, и какъ, если даже и захотятъ вдругъ сдѣлать для другаго что-нибудь хорошее, то непременно съ эгоистическою цѣлью, съ выгодою для себя. Онъ зналъ, до чего большая часть сердець черства. И онъ свыкся съ этимъ, какъ человекъ рано или поздно свыкается со всѣмъ.

Ему пришлось, цѣлые полвѣка, читать одну прекрасную, ин-

тересную страницу природы, написанную на черномъ, бѣломъ и красномъ пергаментѣ. Страница эта — челоуѣкъ.

Результатъ такого чтенія былъ вотъ какой: головы у людей гораздо различнѣе, чѣмъ сердца.

Для всякаго, оба грустныя провѣщствія съ Робинзономъ и Джорджемъ казались чѣмъ-то выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ; всѣ были поражены, взволнованы, а Леви смотрѣлъ на все это какъ на дѣло самое простое, встречающееся часто, забываемое легко; однимъ словомъ, какъ на тысячное повтореніе стараго. Онъ только особенно проницательно наблюдалъ за каждымъ изъ дѣйствующихъ лицъ, и безошибочно читалъ насквозь въ душъ cadaго. Всѣхъ болѣе подвергся его вниманію Медовсъ, къ которому онъ, казалось, заглядывалъ въ самую глубину сердца.

Глаза Леви блестяли, слухъ былъ наострѣнъ, онъ былъ терпѣливъ какъ кошка и проницателенъ какъ рысь, когда смотрѣлъ на своего врага.

О старикѣ, правда, забыли, но не всѣ.

Медовсъ былъ челоуѣкъ осторожный, смѣтливый, и потому одинъ изъ всѣхъ предложилъ себѣ этотъ вопросъ: «Гдѣ этотъ старій язычникъ, и что онъ дѣлаетъ?»

Медовсъ тихонько подошелъ къ двери маленькой комнаты, и вдругъ, неожиданно, вбѣжалъ въ нее.

Онъ увидѣлъ тамъ стараго еврея, лежащаго на диванѣ и дышащаго, съ лицомъ покрытымъ платкомъ.

Медовсъ остановился, пристально на него посмотрѣлъ, прислушался къ едва слышному дыханію, дотронулся до него слегка рукою, и вышелъ вонъ.

Черезъ тридцать секундъ послѣ этого, Исаакъ *проснулся*, и сталъ опять смотрѣть изъ-за цѣтвовъ, терпѣливый какъ кошка, и проницательный какъ рысь.

И такъ, когда Джорджъ ушелъ, Вилліамъ Фильдингъ и Медовсъ оба почувствовали необходимость одиночества, потому что каждый изъ нихъ хотѣлъ дать волю своимъ чувствамъ и мыслямъ, которыя при другихъ скрывались. По этому они повернулись лицами въ противоположныя стороны, и разошлись.

Но Исаакъ Леви видѣлъ физіономію обоихъ, и прочелъ этихъ людей насквозь.

Онъ долго по буквамъ, по складамъ, читалъ текстъ, а теперь на лицахъ этихъ двухъ людей прочелъ и толкованіе текста.

Толкованіе это говорило, что Вилліамъ доволенъ отъездомъ Джорджа, и самъ передъ собой стыдится за чувство такой радости; что Медовсъ еще болѣе Вилліама радуется отъезду Джорджа, и, можетъ быть, стыдится, если онъ способенъ стыдиться.

Исаакъ отошелъ отъ мѣста своихъ наблюденій, онъ сдѣлалъ свое дѣло: онъ все понялъ.

— Они оба любятъ эту женщину, особенно Медовсъ любитъ ее со всею силою страсти, а она — ага! и изъ-подъ густыхъ бровей Леви засіяло торжество. Но въ его года скоро успокоиваются; онъ рѣшилъ хладнокровно ожидать удобнаго случая, когда можно будетъ съ большею увѣренностью поразить врага.

Старикъ съ перваго раза понялъ Медовса; подъ этой серьезной личиной кипѣла самая пылкая, жгучая страсть, какая можетъ быть только въ сильной натурѣ.

Онъ нѣсколько времени боролся съ этою страстью.

— Она любитъ другаго, разсуждалъ онъ про себя. Я напрасно буду за ней ухаживать; никакой пользы изъ этого не выйдетъ. Но чѣмъ огненнымъ становилась любовь, тѣмъ легче таяли надъ ея пламенемъ разсужденія, одно за другимъ.

И Медовсъ сталъ разсуждать иначе.

— Въдѣ они жениться никогда не могутъ. Это дѣло невозможное. Пусть бы они или скорѣе женились, или скорѣе разошлись: одно изъ двухъ. Я тогда по-крайней-мѣрѣ зналъ бы, при чемъ я, и пересталъ бы мучиться. Но нѣтъ, они никакъ не могутъ соединиться и Сусанна напрасно тратитъ и молодость и любовь на пустую мечту, которой никогда не суждено сбыться. И въдѣ она не такъ любитъ, какъ, наприкладъ, я ее. Она, какъ большая часть молодыхъ дѣвушекъ, полюбила перваго, который ее полюбилъ, и дала ему слово, даже не зная настоящей цѣны этому слову. Они вмѣстѣ гуляютъ, говорятъ, любезничаютъ; такъ идетъ день за днемъ. Это привычка и больше ничего. Потомъ онъ сталъ наблюдать за этой парочкой, и нашель, что Сусанна къ Джорджу холодна, требовательна, и, какъ видно, не ищетъ случая оставаться съ нимъ наединѣ.

Дойдя до этого заключенія, онъ счелъ долгомъ позаботиться о благѣ молодой дѣвушки.

Медовсъ хорошо понималъ, что для всякой дочери фермера онъ блестящая партія, «и куда со мною тягаться бѣдному Фильдигу», думалъ онъ про себя. «Ему слѣдуетъ остаться холостымъ,

а то гдѣ ему содержать жену и дѣтей на жалкіе доходы съ своей Гровъ?»

Часто онъ однако пенялъ на судьбу, зачѣмъ она устроила хотя и ничтожное препятствіе, — но все-таки препятствіе къ его счастью, къ его соединенію съ тою, которую онъ любитъ.

— Джорджъ Фильдингъ пустой молокососъ, который можетъ быть точно также счастливъ со всякой другой дѣвушкой, а не исключительно только съ моимъ сокровищемъ. Глупецъ, — онъ слѣпъ, даже не видитъ, что у него есть соперники; не видитъ, что его же братъ въ нее влюбленъ. Однако же я это вижу! значить у влюбленныхъ зоркіе глаза, такъ ужъ не видитъ ли онъ меня? Вотъ хорошо, а я такъ ревностно собираюсь отнять ее у обоихъ Фильдинговъ. Ну, что же? Тутъ нѣтъ ровно ничего дурнаго. Еслибы я любилъ ее такъ же, какъ они, такъ, Боже меня избави, я ни за что бы имъ тогда не помѣшалъ. Но нѣтъ, это не та любовь, какою они ее любятъ. Имъ довольно нѣсколько недель времени, да нѣсколько кружекъ эля: вотъ любовь, какъ разъ, и испарится. А я люблю не такъ. Я до сихъ поръ не любилъ ни одной женщины, и никогда не взгляну ни на одну послѣ нея.

И такъ, мало-по-малу, Медовсъ успѣлъ совершенно оправдать себя въ своемъ рѣшеніи отбить Сусанну у Джорджа. Онъ нашель, что такъ какъ *это будетъ сдѣлано честнымъ образомъ*, то нѣтъ тутъ ровно ничего предосудительнаго.

Когда онъ, однажды на всегда, рѣшился привести свое намѣреніе въ исполненіе, во всѣхъ словахъ, во всѣхъ поступкахъ этого чловѣка стало проявляться вліяніе его тайнаго желанія. Отъ его-то многостороннихъ происковъ Джорджъ рѣшился ѣхать въ Австралію, хотя самъ Джорджъ даже не подозрѣваль, что сдѣлалъ это Медовсъ.

Изъ этого можно видѣть, что всѣми уважаемый чловѣкъ можетъ дѣлать много дурнаго; можетъ быть больше, чѣмъ иной плутъ.

Пожатіе плечъ Медовса вызвало арестъ Робинзона. Одинъ намекъ Медовса вынудилъ Мертонъ озадачить Джорджа разговоромъ о его отношеніяхъ къ Сусаннѣ. Немногихъ его словъ, сказанныхъ съ особеннымъ выраженіемъ, было достаточно, чтобы закрыть кассу банка для Фильдинговъ, и т. д. Теперь, когда Джорджъ наконецъ рѣшился ѣхать въ Австралію, Медовсъ не могъ скрыть своего восторга. Онъ былъ уврѣнъ, что, послѣ

отъезда фермера, склонить Сусанну на свою сторону; что она скоро забудетъ Джорджа, и выйдетъ за него. При такихъ мечтахъ замиралъ въ немъ духъ.

Чтобы скрыть отъ всѣхъ свои чувства, онъ пошелъ къ воротамъ, намѣреваясь уехать. Мальчикъ, котораго онъ посылалъ по своему дѣлу, только что вернулся и лошадь ожидала хозяина.

Онъ уже поставилъ ногу въ стремя, но вдругъ остановился и спросилъ одного изъ слугъ при фермѣ, ушелъ ли жидъ.

— Я его сейчасъ видѣлъ въ ригъ, отвѣчалъ слуга.

Медовсъ вынулъ ногу изъ стремени.

Никогда не оставлять за собою врага, было одно изъ его правилъ. «И зачѣмъ остается этотъ старый язычникъ? Что ему тутъ дѣлать?» спрашивалъ онъ самъ себя. Потомъ стиснулъ зубы и побожился ни за что не оставлять деревни, пока Джорджъ Фильдингъ ни будетъ на дорогѣ въ Австралію.

Онъ отослалъ свою лошадь въ «Блакъ-Горсъ», и пошелъ по деревнѣ; потомъ показалъ мальчику шиллингъ и сказалъ: Ты это получишь, если дашь мнѣ знать, когда Джорджъ Фильдингъ будетъ уезжать, я хочу его еще разъ видѣть уезжающимъ.

И дѣйствительно, онъ сильно желалъ его видѣть уезжающимъ!

III.

Между тѣмъ въ Гровъ, тянулись тяжелые, горестные часы для Джорджа Фильдинга. Онъ уже не заботился о своей фермѣ; мысленно онъ уже былъ далеко отъ нея. Платье его было готово, ему больше нечего было дѣлать; онъ желалъ бы только вдругъ броситься на корабль, спрятать голову, заснуть и забыть свое горе. Да, онъ желалъ бы спать до самой той земли, гдѣ ему суждено обогатиться, и откуда онъ вернется женихомъ, достойнымъ Сусанны.

Минута разлуки наступила. Она была для моладаго фермера не такъ тяжела, какъ онъ ожидалъ: Джорджа утѣшало участие и сожалѣніе всѣхъ его сосѣдей при разставаніи. Многіе только въ эту минуту его поняли и оцѣнили; многіе въ первый разъ съ жаромъ пожали ему въ этотъ день руку. Многіе съ чувствомъ повторяли: Да благословитъ тебя Богъ!

Сара вынесла дорожный мѣшокъ Джорджа, раскрыла его съ горькими слезами и вложила туда бутылку, къ которой привязала бумажный ярлычекъ съ своимъ именемъ. Этимъ она хотѣ-

ла доказать Джорджу, что его помнить на фермъ. Потомъ она опять заперла мѣшокъ, отдала Джорджу ключъ и пошла домой, утирая слезы передникомъ.

Джорджъ пристально посмотрѣлъ на Вилліама, и сказалъ ему:

— Вилліамъ, не хочешь ли,—пойдемъ, пожалуйста, со мной.

— Съ удовольствіемъ, Джорджъ.

Они прошли весь дворъ рядомъ, молча. Джорджъ глядѣлъ въ послѣдній разъ на свои стога; потомъ остановился, хотѣлъ какъ будто заговорить, но сказалъ только: «не здѣсь», и они пошли дальше. Они дошли до деревенской церкви; Вилліамъ удивлялся, что Джорджъ ничего не говоритъ. Наконецъ, братья пришли на кладбище — и сердце Вилліама сжалось. Корова пастора гуляла по могиламъ. Вилліамъ взялъ было камень, чтобы бросить въ нее, но Джорджъ остановилъ его, выпроводилъ корову очень тихо, и сталъ осторожно шагать между могилами. Вилліамъ слѣдовалъ за нимъ и сердце его все крѣпче и крѣпче билось подъ вліяніемъ какого-то необъяснимаго страха. Вилліамъ понималъ, куда Джорджъ ведетъ его, но что станетъ братъ ему говорить тамъ? При этомъ его волненіе становилось еще сильнѣе.

Они подошли къ могилѣ своей матери.

Могила эта раздвѣляла двухъ братьевъ; одинъ стоялъ по одной сторонѣ, другой по другой, — но оба молчали, оба стояли съ поникшею головою.

Джорджъ прошепталъ: «Прощай, матушка; вѣрно ты никогда не думала, что я приду къ тебѣ простаться съ такими чувствами.» Потомъ онъ обратился къ Вилліаму, открылъ ротъ, чтобы ему что-то сказать (вѣрно то, для чего онъ его и звалъ съ собой), но не былъ въ силахъ ничего выговорить. Такъ его сердце было переполнено. А можетъ быть, онъ побоялся своей рѣшимости. Онъ вздрогнулъ и потомъ съ тяжелымъ вздохомъ пошелъ обратно домой. Вилліамъ точно также шелъ влѣдъ за нимъ, не зная что думать, что дѣлать, что говорить. Наконецъ онъ выговорилъ:

— Я бы ни за что не уѣхалъ, еслибы оставялъ здѣсь свое сердце.

— А я такъ вѣду, отвѣчалъ Джорджъ чрезвычайно серьезно.

Когда они вернулись домой, то нашли тамъ еще нѣсколько собравшагося народа.

Старикъ Фильдингъ, дѣдъ этихъ молодыхъ людей, тоже былъ

туть: его вывезли, въ огромномъ креслѣ, погрѣться на солнышкѣ.

Дѣдушка Фильдингъ, можно сказать, дошелъ до послѣднихъ предѣловъ человѣческой жизни. Ему было девяносто два года. Черты его лица стали похожи на веревки, взоръ у него былъ совершенно безстрастный; онъ почти ничего не понималъ что вокругъ него дѣлалось. Та малость крови, которая осталась, едва обращалась въ немъ; каждая капля нужна была, чтобы поддерживать бѣшеніе сердца.

Медовсъ вернулся посмотреть, какъ Джорджъ поведетъ; старикъ Мертонъ тоже пришелъ проститься. Сердце его тревожно билось отъ участія.

— Джорджъ, сказалъ онъ, мнѣ очень жаль, что я съ тобой говорилъ сегодня немного рзко. Это мнѣ очень больно, но въдь я не могъ думать, что мы такъ скоро разстанемся.

— Не вспоминайте больше объ этомъ, дядюшка, едва слышно проговорилъ Джорджъ. Теперь все равно.

Сусанна Мертонъ тоже вышла: она слышала утѣшительныя для нея слова отца, и казалась спокойною, но была чрезвычайно блѣдна. Она бросилась къ отцу и обвила его шею руками.

— О, батюшка! сказала она умоляющимъ голосомъ. Я думала, что это сонъ, а онъ увзжаетъ, въ самомъ дѣлѣ увзжаетъ. Батюшка, не отпускай его отъ насъ, поговори съ нимъ ласково; ты видишь, какъ онъ разстроень!

— Сусанна! сказалъ старикъ. Можетъ быть онъ и считаетъ меня своимъ врагомъ, но онъ ошибается: я ему не врагъ. Я никогда не отдамъ свою дочь за разореннаго фермера, но пусть у него хоть завтра же будетъ тысяча фунтовъ, только тысяча, чтобы я видѣлъ, что у него есть въ чемъ найдти подпору, и тогда я ему отдамъ дочь мою съ благословеніемъ.

Медовсъ трепеталъ отъ страха.

— Дайте руку, дядюшка, вскричалъ Джорджъ, съ жаромъ; дайте руку въ залогъ: вы исполните то, что сейчасъ сказали. Дайте вы мнѣ руку передъ небомъ и передъ всеми этими свидѣтелями.

Старый фермеръ тотчасъ же подаль Джорджу руку.

— Но, батюшка, вскричала Сусанна, въдь ваши слова все-таки насъ разлучаютъ; въдь онъ, при этомъ условіи, непременно долженъ увхать отъ меня.

— Сусанна! сказалъ Джорджъ грустно и рѣшительно: я дол-

женъ вхатъ, но не забывай, что это единственно для твоего блага, милая моя Сусанна. Я ѣду, чтобы сдѣлаться лучшимъ, для тебя же. Я хочу быть тебя достойнымъ. Дядюшка, послѣ вашихъ словъ, я ѣду очень охотно. Но позвольте мнѣ открыть Сусаннѣ передъ вами всю мою душу.

— Я уйду, Джорджъ, уйду, не буду вамъ мѣшать; переговорите о чемъ хотите на прощаніе.

Мертонъ совсѣмъ уже собрался уйдти, какъ былъ остановленъ новымъ и неожиданнымъ обстоятельствомъ. Старикъ съ длинной бородой и блестящими глазами стоялъ уже нѣсколько времени между говорившими, и они его не замѣчали. Онъ пристально смотрѣлъ на Медовса, и произнесъ только одно слово, обращаясь къ нему, но словомъ этимъ онъ поразилъ его, какъ молотомъ.

— Нѣтъ! сказалъ Исаакъ Леви.

— Нѣтъ! повторилъ онъ еще разъ, обращаясь къ Джону Медовсу.

Медовсъ очень хорошо понялъ значеніе этого «нѣтъ». Онъ понималъ, что это отвѣтъ на всѣ его планы, надежды и желанія.

— Молодой человекъ, сказалъ Исаакъ Джорджу; вы не поѣдете изъ дома вашихъ предковъ скитаться по свѣту. Мои старые глаза видятъ лучше вашихъ (и онъ при этомъ послалъ убійственный взглядъ Медовсу); вы честный человекъ, это всѣ говорятъ, вы возьмете у меня денегъ, чтобы заплатить за аренду, и та, которая васъ любитъ, (и онъ еще разъ также взглянулъ на Медовса) будетъ благословлять меня за это.

— О, да! я васъ благословляю, вскричала Сусанна отъ всей души. Медовсъ едва держался на ногахъ.

— Вѣрно само небо послало васъ, вскричала Сусанна. Это мистеръ Леви, изъ Фарнборофа.

Медовсъ проклиналъ судьбу за то, что она послала ему такого врага.

— Все, что я устроивалъ, создавалъ такъ долго, рушилось въ одну минуту! думалъ онъ, приближаясь къ отчаянію.

Между тѣмъ Сусанна была полна счастьемъ и надеждой. Виліамъ стоялъ уныло.

Старый еврей смотрѣлъ на всѣхъ поочередно и торжествовалъ съ наслажденіемъ. Но когда глаза его встрѣтили Джорджа, на лицѣ Исаака показалось удивленіе.

Онъ имѣлъ полное право удивляться. На лицѣ молодаго человека не было ни радости, ни волненія. Онъ стоялъ недвижимъ,

какъ статуя, и когда раскрылъ ротъ, то казалось, будто статуя хочетъ заговорить своими мраморными губами.

— Нѣтъ, Сусанна! Нѣтъ, добрый, почтенный старикъ! я честенъ, хоть и бѣденъ, — я гордъ, хотя вы видѣли, какъ меня сегодня нѣсколько разъ унижали, у моего собственнаго порога. Занимать, не имѣя вѣрной возможности отдать, почти все равно, что красть. А я знаю, что никогда не буду въ состояніи вамъ заплатить. Я съ фермы не могу получать больше, чѣмъ получалъ до-сихъ-поръ; знаю, что занимался ею всегда старательно, и что никто другой не получить съ нея большаго дохода. Пусть теперь Вилліамъ съ нею похлопочетъ, ему этого давно хотѣлось. Почему знать, можетъ быть, ему больше будетъ удачи, нежели мнѣ.

— Я теперь не думаю о фермѣ, Джорджъ, сказалъ Вилліамъ. Я думаю о томъ времени, когда мы были дѣтьми, и любили играть на могильныхъ камняхъ. Онъ едва выговорилъ это.

— Мистеръ Леви! кажется, вы принимаете во мнѣ участіе, вы расположены ко мнѣ; такъ прошу васъ, не лишите моего брата такого же расположенія, когда меня не будетъ здѣсь.

— Вы все-таки настаиваете на отъѣздѣ. Какъ хотите, молодой человѣкъ, это ваше дѣло. Позвольте только сказать вамъ словечко наединѣ. Они оба отошли въ сторону, и Леви что-то тихо ему передалъ.

Мертонъ подозвалъ къ себѣ Сусанну, и взялъ съ нея обѣщаніе быть благоразумною; потомъ онъ подаль руку Джорджу и ушелъ.

Медовсъ подозрѣвалъ по взгляду, брошенному Исаакомъ въ его сторону, и по лицу, Джорджа, на которомъ вдругъ выразилось удивленіе и презрѣніе, что его врагъ понялъ всѣ его замыслы, и предостерегалъ отъ нихъ Джорджа.

Маклеру стало очень неловко; онъ боялся, что его тайну вдругъ обнаружатъ. Онъ сказалъ Мертону: «фермеръ, и я иду съ вами.» Черезъ минуту онъ очутился возлѣ Мертона, который между-тѣмъ отворялъ ворота.

Вдругъ Джоржъ его остановилъ, сказавъ:

— Нѣтъ, сэръ! постойте! Будьте, пожалуйста, свидѣтелемъ того, что я хочу сказать. Потрудитесь, сэръ, подойти поближе.

Медовсъ вернулся, стиснулъ зубы и приготовился рѣшительно ко всему. Онъ проклиналъ себя, что не увхалъ въ ту минуту, когда Джорджъ объявилъ твердую рѣшимость отправиться въ

Австралію. На лицѣ Джорджа было какое-то особенное выраженіе, обратившее на себя общее вниманіе.

Медовсъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ.

— Я хочу говорить съ братомъ, мистеръ Медовсъ! сказалъ Джорджъ многозначительно.

— Со мною, Джорджъ? спросилъ Вилліамъ, какъ будто чувствуя себя не совсѣмъ ловко.

— Съ тобою! Пожалуйста, отойдите немного, сказалъ Джорджъ нѣсколькимъ сосѣдямъ, которые толпились около нихъ. Это дѣло семейное.

Исаакъ Леви сѣлъ на скамейкѣ въ сторонѣ.

Теперь пришла очередь Вилліама волноваться; но онъ себя утѣшалъ: «Это вѣрно объ фермѣ,» думалъ онъ; «вѣрно объ фермѣ.»

Джорджъ началъ: «Я давно уже хотѣлъ поговорить съ тобою объ этомъ, но все откладывалъ, совѣстился; теперь, когда я отъ нея увѣжаю, я долженъ тебѣ это сказать, и скажу, Вилліамъ.»

— Хорошо, Джорджъ, въ чемъ же дѣло?

— Вилліамъ, ты любишь мою Сусанну!

Какъ ни трудно было Джорджу говорить, однако онъ произнесъ эти слова важно и спокойно. Вилліамъ взглянулъ на всѣхъ и потомъ, въ припадкѣ стыда, закрылъ лицо руками.

Сусанна упрекнула Джорджа вслухъ: «Стыдись, Джорджъ! ты просто сумасшедшій; я увѣрена, что у Вилліама этого никогда на умъ не было.»

Джорджъ указалъ ей на Вилліама.

Она тотчасъ замолчала, очень покраснѣла и потупила глаза въ землю. Положеніе было для всѣхъ затруднительное, а въ особенности для Медовса, который ожидалъ своей очереди. Джорджъ продолжалъ:

— Не думай, добрый братъ, чтобы я тебя упрекалъ въ этомъ. Кто можетъ знать ее и не любить? Но она моя, Вилліамъ, и больше ни чья. Она еще три года тому назадъ дала мнѣ слово. И хотя мы съ ней, на бѣду, сегодня не ладили, однако она вѣрно станетъ обо мнѣ вспоминать, когда я буду въ океанѣ. Надѣюсь, что никакой негодяй не отобьетъ ее у меня.

— Негодяй!.. Джорджъ, простоналъ Вилліамъ. Никогда я не ожидалъ услышать отъ тебя такое слово!

— Я надѣюсь, Вилліамъ, что здѣсь такихъ негодяевъ не най-

детя, и потому такъ смѣло это говорю. Джорджъ взглянулъ при этомъ и на брата, и на Медовса. Скажу только, что кто бы это ни сдѣлалъ, и по какой бы то ни было причинѣ — тотъ будетъ негодяй, и сдѣлаетъ низкій поступокъ. Сусанна, что ты на это скажешь? Говори свое мнѣніе.

— О, Джорджъ, сказала Сусанна съ любовью; надѣюсь, ты не будешь во мнѣ сомнѣваться. Уже три года, какъ мы дали другъ другу слово и я во все это время ни разу не раскаялась въ своемъ выборѣ. Я никогда не видѣла и никогда не увижу чловѣка, котораго могла бы полюбить кромѣ тебя, мой милый Джорджъ. Прими отъ меня кольцо и слово, Джорджъ. Она надѣла ему на палецъ свое кольцо и быстро поцѣловала его руку. Пока ты мнѣ взрешь, насъ только смерть можетъ разлучить. Ты говоришь, что я иногда была холодна къ тебѣ. Но ты ошибаешься. Ты не знаешь, какія женщины сумасшедшія: онѣ находятъ наслажденіе мучить того, кого любятъ, и этимъ самымъ мучать самихъ себя, въ десятеро больше. Я всегда любила тебя, но никогда еще не любила столько, какъ сегодня. Ты *такъ* честенъ, *такъ* гордъ, *такъ* несчастливъ, — я люблю тебя, уважаю, боготворю. Другъ мой, ангелъ мой, жизнь моя!

Она видѣла одного Джорджа, думала о немъ одною, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не знала, какими словами, убѣжденіями, доказательствами уничтожить его сомнѣнія.

Слова эти она говорила отъ всей души, со слезами и со всею огнемъ, который можетъ быть въ чистой, страстной женской природѣ. Она обняла любимаго чловѣка и обливала его слезами; онъ поцѣловалъ ее въ голову и нѣсколько успокоился выраженіемъ ея любви. Медовсъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и дрожалъ всею тѣлою.

— Ты слышалъ, Вилліамъ? спросилъ Джорджъ.

— Слышалъ, Джорджъ, отвѣчалъ Вилліамъ съ пониженною голосомъ. Джорджъ сталъ между Сусанной и Вилліамомъ.

— И такъ, Сусанна, сказалъ онъ громко, вотъ тебѣ братъ. Вилліамъ вздрогнулъ.

— Вилліамъ, продолжалъ онъ: — вотъ жизнь моя. И онъ указалъ на Сусанну.

— Если ты мнѣ братъ, то не позволишь никому ее похитить. У Вилліама замеръ духъ. Онъ понялъ только теперь, зачѣмъ Джорджъ водилъ его на могилу матери.

— Никогда! никогда! кричалъ онъ со слезами, — Богъ по-

можетъ мнѣ это исполнить. Съ этой минуты, она мнѣ только сестра, не больше. Пусть я буду проклятъ, если я или кто-нибудь другой разлучитъ васъ.

Для Вилліама эта была страшная, но рѣшительная минута. Онъ не обманывалъ брата, онъ говорилъ только то, что чувствовалъ. Легко понять, какъ трудно оторвать сердце отъ любимаго предмета; какъ больно разстаться навсегда съ своими планами, надеждами, со своимъ счастьемъ.

Джорджъ вполне оцѣнилъ жертву брата. Онъ подошелъ къ нему.

— Я вѣрю тебѣ, полагаюсь на тебя и благодарю. Джорджъ протянулъ брату руку, но природа взяла верхъ и онъ бросился въ объятія Вилліама.

Исаакъ Леви подошелъ къ братьямъ и сказалъ Вилліаму:

— Теперь я буду принимать въ васъ участіе. Онъ тихо и задумчиво отошелъ.

— Теперь, сказалъ Джорджъ, я чувствую въ себѣ довольно силы, чтобъ ухвать. Онъ взглянулъ на все и на всѣхъ, какъ бы прощаясь со всѣмъ, что оставлялъ; потомъ подошелъ къ креслу своего дѣда.

— Дѣдушка, я увѣжаю далеко; можетъ быть мы никогда больше не увидимся; скажите мнѣ что-нибудь на прощанье.

Старикъ не вдругъ понялъ, и потому Сусанна повторила ему еще разъ: «дѣдушка, скажите что-нибудь Джорджу; онъ увѣжаетъ въ дальнія страны.» Когда она это повторила прямо надъ ухомъ старика, онъ взглянулъ на внука и съ большимъ усиліемъ проговорилъ:

— Джорджъ, привези мнѣ оттуда табаку.

Джорджу стало грустно, что старикъ не въ состояніи благословить его на путь.

— Друзья, сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ окружающимъ, я хотѣлъ, чтобы старикъ благословилъ меня, а онъ заговорилъ про табакъ.... Но все равно, дѣдушка, я и этихъ словъ не забуду.

У дома былъ привязанъ на цѣпи Карло, лягавая собака Вилліама. Карло, замѣтивъ какое-то особенное волненіе вокругъ себя, былъ такъ любопытенъ, что вышелъ изъ своей кануры и сталъ махать хвостомъ, какъ будто принимая участіе въ общей суетѣ. Джорджъ подошелъ къ собакѣ и погладилъ ее по головѣ.

— Прощай, Карло, прощенталь Джорджъ, бѣдный Карло, не будемъ мы съ тобой больше ходить за куронатками!

Вилліамъ все время слѣдилъ за братомъ.

— Прощай, родная церковь, куда я ходилъ ребенкомъ и взрослымъ; прощай, кладбище, гдѣ лежитъ моя мать. Сусанна, колокола не будутъ звонить при моемъ отъѣздѣ; сегодня не праздникъ, я больше ихъ не услышу.

Онъ съ трудомъ выговорилъ эти слова, и вдругъ, будто по мановенію какой-нибудь феи, раздался веселый звонъ колоколовъ!

Джорджъ былъ пораженъ. Онъ поблѣднѣлъ, губы его задрожали.

— Что это такое? спросилъ онъ, отчего такой веселый звонъ? точно насмѣхаются надо мной, точно знаютъ, что у меня на душѣ?

— Нѣтъ, вскричалъ Вилліамъ, я знаю почему звонятъ.

— Такъ скажи скорѣе.

— Сегодня вѣнчаются Томъ Клеркъ и Мери Боргерсть. Они опоздали, потому что раньше не могли найти звонарей.

— Боже мой, Вилліамъ, они только годъ любятъ другъ друга, а мы съ Сусанной три года. Они вѣнчаются сегодня, а мы съ Сусанной!... О! Боже мой! какая разница. И онъ закрылъ лицо руками и громко зарыдалъ.

Сусанна бросилась къ нему на шею: «О, Джорджъ, не увзжай, пожалей себя и меня.» Она не помнила себя, съ нея упалъ чепчикъ, прическа ея разстроилась. Они вмѣстѣ рыдали. Медовсъ дрожалъ отъ ревности и готовъ былъ проклясть все на свѣтѣ; онъ стоялъ какъ прикованный къ мѣсту.

Джорджъ и Сусанна то плакали, то цѣловались.

— Несчастные, пусть имъ поможетъ Господь Богъ, сказалъ про себя добродушно Вилліамъ.

Наконецъ Джорджъ первый опомнился. «Просто, стыдно имѣть такъ мало характера», сказалъ онъ, и крѣпко поцѣловалъ Сусанну.

Всѣ чувствовали, что настала рѣшительная минута.

— Помоги мнѣ, Вилліамъ, сказалъ онъ брату. У меня недостаѣтъ мужества.

Сусанна дрожала, Джорджъ опять ее поцѣловалъ. Вилліамъ взялъ ее за руку. Она еще сильнѣе задрожала.

Джорджъ еще разъ крѣпко поцѣловалъ ее, вскрикнулъ голосомъ, раздирающимъ сердце, и бросился отъ нихъ бѣжать.

Сусанна испустила нѣсколько отчаянныхъ криковъ и протянула объ руки къ Джорджу. Но онъ не выдалъ этого, потому что не смѣлъ оглянуться.

Вилліамъ велѣлъ спустить собаку, и она побѣжала за Джорджемъ. Сусанна опустилаь, блѣдная и слабая, на грудь своего брата.

— Молись, сестра, сказалъ ласково Вилліамъ. Молись.

Когда Джорджъ поднялся на гору, ему послышались шаги сзади, и онъ остановился. Это былъ Карло. Джорджъ благословлялъ Вилліама, что онъ догадался отпустить собаку; она казалась ему чѣмъ-то роднымъ, близкимъ. Съ горы онъ еще разъ взглянулъ на свой родной домъ и на все, что онъ оставлялъ на родинѣ дорогаго, тяжело вздохнулъ и исчезъ изъ вида.

IV.

Какъ много на свѣтъ горя!

Сколько долженъ былъ несчастный Джорджъ перенести въ одинъ день! Онъ разстался съ своей фермой, съ своей родной, вдвойнѣ ему милой по могилѣ матери; онъ оставилъ свое счастье—Сусанну. И все это онъ долженъ былъ вытерпѣть, не упавъ духомъ.

На фермѣ тоже царствовало отчаяніе. Стояло только взглянуть на несчастную Сусанну, на горестное лицо, съ какимъ она сидѣла въ кухнѣ Джорджа, чтобы понять, что она не была въ состояніи отправиться въ тотъ же день домой. Такъ она была утомлена страданіемъ.

Вилліамъ предложилъ ей остаться переночевать въ Гровъ. Но она и слышать этого не хотѣла. Тогда онъ заложилъ лошадь и повезъ ее домой.

Во время всей дороги, она только разъ съ нимъ заговорила: сказала, что ей очень холодно. А день былъ чрезвычайно жаркій.

Вилліамъ снялъ съ себя плащъ и надѣлъ на нее, почти насилью.

Когда онъ довезъ ее, она вошла въ свой домъ, блѣдная, разстроенная, съ блуждающими глазами, и не сказала ни слова Вилліаму. Это его очень огорчило; онъ еще стоялъ задумчиво и неподвижно возлѣ тележки, какъ Сусанна воротилась, подошла къ нему и, молча, подала ему руку.

Онъ съ чувствомъ пожалъ эту руку, и Сусанна опять, рыдая, ушла въ свою комнату.

Что перенесла несчастная жертва въ этой комнатѣ въ первый мѣсяцъ послѣ отъѣзда Джорджа; что она перестрадала; сколько

перечувствовала—я могъ бы описать. Но я жадно тѣхъ, кто будетъ читать эти строки; я знаю, какъ имъ будетъ больно, тяжело за Сусанну, какъ стѣснится ихъ сердце. Зачѣмъ же доставлять лишнія минуты грусти? Ихъ безъ того у всякаго довольно. Оставимъ ее, пока на время: религія и разсудокъ нѣсколько облегчатъ ея положеніе. Теперь она стоитъ на козлыняхъ у своей постели, и лицо ея спрятано въ подушки. Скажу только: избави Богъ всякаго любящаго человека пить ту чашу, которая досталась бѣдной Сусаннѣ Мертонъ!

V.

Какъ только Джорджъ скрылся изъ вида, мистеръ Медовсъ тотчасъ же отправился домой. Въ немъ, въ эти минуты, одна страсть смѣнялась другою. Онъ цѣлалъ любовью, мучился ревностью, предавался отчаянію и въ первый разъ въ жизни чувствовалъ угрызенія совѣсти.

— Что мнѣ остается дѣлать теперь? думалъ онъ про тебя.— Я знаю, что Сусанна меня не любитъ, и вѣрно не полюбитъ никогда. И такъ, все мои планы и надежды рушились. И все это по предсказанію жида! Боже мой, зачѣмъ я люблю Сусанну! Она меня погубитъ. Какъ она цѣловала, какъ обнимала Джорджа! И я это видѣлъ! Видѣлъ и не убилъ ихъ обоихъ! Мнѣ кажется, я въ аду! хоть бы онъ умеръ, мой соперникъ, въ этомъ путешествіи! Хоть бы корабль его пошелъ ко дну! Какъ бы я былъ счастливъ тогда! Я могъ бы надѣяться. Но нѣтъ. Какое я имѣю право желать этому человеку несчастья? Они истинно любятъ другъ друга; я ихъ разлучилъ. Боже мой! прости меня и сжался надъ ними. Никогда я не забуду, какъ онъ сказалъ:—надѣюсь, что здѣсь нѣтъ негодяевъ. Каково мнѣ было это слышать и стоять возлѣ него!

При такихъ мысляхъ онъ прищипывалъ лошадь и такъ быстро мчался, что удивлялъ всѣхъ встрѣчавшихся. Кончилось тѣмъ, что лошадь гдѣ-то споткнулась и упала: Медовсъ сильно разшибся и вернулся домой съ окровавленнымъ лицомъ.

Умывшись, онъ закурилъ трубку и усѣлся у камина; въ немъ боролись различныя чувства. Въ первый разъ въ жизни, въ эту минуту онъ позабылъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ.

Наступилъ вечеръ; онъ все сидѣлъ у камина и все думалъ.

Изъ его оконъ видѣлись два дома. Одинъ былъ домъ Мертонъ, а другой—домъ матери Медовса.

Мать эта была очень набожная старушка и любила, чтобы у нея иногда на дому пѣли псалмы; а сынъ не позволялъ этого, когда она жила съ нимъ: пѣвше мѣшало ему говорить о дѣлахъ. Наконецъ мать предпочла жить отдѣльно.

Старушка никогда не говорила о сынѣ; сынъ никогда не говорилъ о матери. Онъ выдавалъ ей, на ея издержки, небольшую сумму денегъ; никогда не спрашивалъ, не нужно ли ей еще, а между тѣмъ, еслибы она попросила, не отказалъ бы ей хоть въ двойномъ жаловань.

Солнце сіяло прямо на окна Сусанны Мертонъ; Медовсъ подошелъ къ своему окну и опустилъ стору.

Потомъ онъ сказалъ самъ себѣ: клянусь, что буду по возможности избѣгать этого искушенія. Не пойду больше къ Мертону, не пойду, пока буду любить Сусанну. Потомъ онъ чуть слышно прибавилъ: развѣ только тогда, если они за мной пришлютъ.

Потомъ онъ написалъ записку и послалъ ее къ своей матери.

Старушка Медовсъ сидѣла на порогѣ своего дома и читала Библию, когда вошелъ человекъ съ этой запиской.

— Что это! кажется отъ Джона! сказала она. Что ему нужно? И она стала читать записку слѣдующаго содержанія:

«Матушка, я одинъ, пожалуйста ко мнѣ на нѣсколько дней.

Вашъ почтительный сынъ

Джонъ Медовсъ.»

— Послушай, Анна, закричала она одной изъ своихъ сосѣдокъ, очень милой молодой дѣвушкѣ. Джонъ проситъ меня къ себѣ, но я не пойду; лучше напишу отвѣтъ. Одолжи-ка мнѣ бумаги и чернилъ. Потомъ она обратилась къ слугѣ:—Да что съ нимъ? спросила она.

— Не знаю, сударыня, отвѣчалъ онъ, только онъ пріѣхалъ домой очень не въ духѣ и ни съ кѣмъ слова не говорить.

Старушка написала, что не можетъ пріѣхать, потому что совсемъ потеряется въ его большомъ домѣ, что, однако, если онъ соберется къ ней, то она будетъ ему очень рада и что дастъ ему хорошіе совѣты, если онъ, хоть на этотъ разъ, будетъ расположенъ ихъ выслушать.

Она свернула письмо и положила его въ карманъ.

— Анна, знаешь что? лучше я пойду.

— Я знала, что это такъ будетъ, сказала Анна.

— Отчего же ты это знала?

— Очень просто отчего. Оттого, что вы ему мать, а онъ вамъ сынъ.

VI.

Джонъ Медовсъ, и въ обыкновенномъ состояніи духа, былъ всегда двятеленъ. Теперь же онъ просто сдвлялся неутомимъ. Вставалъ въ 5 часовъ и цѣлый день безъ усталы трудился.

У него былъ отличный помощникъ, Петеръ Кравлей, который вездѣ, гдѣ нужно было, служилъ Медовсу орудіемъ. Приобрѣлъ себя маклеръ это орудіе вотъ какимъ образомъ: Петеръ Кравлей былъ кругомъ въ долгу, и Медовсъ заплатилъ за него, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотъ обязался за это всегда быть ему полезнымъ, когда нужно. Медовсъ зналъ цѣну такого помощника, и потому не пожалѣлъ заплаченныхъ за него денегъ.

И дѣйствительно, Кравлей сдвлялся его правою рукою.

И такъ, дѣла теперь кипѣли въ рукахъ Медовса. Онъ все мечталъ о золотѣ, объ одномъ золотѣ, и, правду сказать, доставалъ его въ то время больше, чѣмъ когда-нибудь.

Послѣ дневныхъ трудовъ, онъ запирался часа на два къ себѣ въ комнату, курилъ, читалъ газеты, а думалъ все объ одной Сусаннѣ Мертонъ.

Иногда онъ провзжалъ мимо ея оконъ. Сердце его билось сильно отъ радостной мысли, что онъ можетъ ее увидѣть, и потомъ горестно сжималось, когда онъ ошибался въ своихъ надеждахъ.

Онъ уже тысячу разъ раскаялся въ своей клятвѣ.

— Они меня забыли, остается и мнѣ ихъ забыть, говорилъ онъ про себя.

Сусанна дѣйствительно про него забыла, а Мертонъ въ это время страдалъ сильнымъ ревматизмомъ, не выходилъ изъ дому, и потому не могъ встрѣчаться съ Медовсомъ. Но онъ часто говорилъ Сусаннѣ:—Медовсъ давно у насъ не былъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? безпечно отвѣчала она.

Въ одно воскресенье, Медовсъ рѣшительно не вытерпѣлъ и пошелъ въ приходскую церковь, чтобы хоть тамъ увидѣть Сусанну. Онъ нарочно сѣлъ на такое мѣсто, откуда она ему будетъ виднѣе. Она сѣла на всегдашнее свое мѣсто, у колонны. Около нея не было никого. Она была блѣдна и грустна, но это не мѣшало ей быть прекрасной, какъ всегда.

Медовсъ слѣдилъ за нею и замѣтилъ, что у нея часто навѣртывались на глазахъ слезы. Онъ видѣлъ, какъ она старалась

предаться совершенно молитвѣ и слушать проповѣдника, и какъ все-таки измѣняла иногда себя: на лицѣ ея выражалась развѣянность, бѣдная Сусанна забывала невольно, что она въ церкви, и переносилась мыслью въ океанъ, къ своему Джорджу.

Медовъ такъ былъ тронутъ, что даже пересталъ думать о себѣ, а жалѣлъ только объ одной Сусаннѣ; ему бы хотѣлось сказать ей что-нибудь ласковое, утѣшительное. Онъ до того почувствовался, что даже ему показалось, будто онъ долженъ пожалѣть и о Джорджѣ, но это было не въ его силахъ: онъ слѣпкомъ ему завидовалъ.

Сусанна вышла изъ церкви одною дверью, а Медовъ другою. Онъ надѣялся встрѣтиться съ нею по дорогѣ, но она нарочно, догадываясь о его намѣреніи, свернула на боковую тропинку.

Медовъ съ грустью и отчаяніемъ пошелъ своей дорогой.

— Она меня ненавидитъ, подумалъ онъ.

А бѣдная Сусанна и не думала никого ненавидѣть; она только не могла ни съ кѣмъ говорить, она чуждалась всѣхъ, кромѣ того, съ кѣмъ разсталась, и своего отца. Она избѣгала Медовъ не потому, что онъ Медовъ, а потому, что хотѣла быть одна.

Когда онъ вернулся домой, то далъ себѣ слово больше о ней не думать.

На другой день вечеромъ онъ сталъ страшно скучать и поехалъ прокатиться въ Ньюбороуфъ. Тамъ у одного книгопродавца онъ увидѣлъ книгу: «Колонія Австралія».

Онъ сейчасъ же купилъ эту книгу и, кромѣ того, поручилъ этому книгопродавцу доставить ему побольше разныхъ книгъ объ Австраліи.

На другой день Медовъ получилъ томовъ двѣнадцать того же содержанія и самую подробную карту Австраліи.

Онъ принялся внимательно читать все это; увидѣлъ, какъ много вѣроятностей всякому составить себѣ состояніе въ такой прекрасной странѣ; это его сильно стало мучить. Всѣ замѣчали въ немъ большую пережвну; онъ былъ постоянно не въ духъ, постоянно раздраженъ; никто не понималъ причины.

Бывали такіе дни, когда Медовъ думалъ, что сойдетъ съ ума. Онъ очень цѣнилъ присутствіе матери въ своемъ домѣ.

Правда, онъ ничего ей не повѣрялъ; между ними не было никакой симпатіи. Еслибы онъ открылъ ей свое сердце, она сказала бы ему, что большой грѣхъ любить Сусанну.

Старушка иногда старалась заставить его быть откровеннымъ,

но онъ не поддавался, и она замолчала. И при всемъ этомъ, сынъ находилъ что-то успокоительное въ присутствіи матери.

Разъ какъ-то, послѣ объѣда, онъ сказалъ:

— Матушка, я долженъ буду уехать на время отсюда.

— Куда, зачѣмъ? спросила она.

— Я уѣду въ рудники на полгода, а можетъ быть и на годъ.

— Чтожь, повзжай, Джонъ. Это будетъ тебѣ полезно. Тебѣ нужна перемѣна.

— Ёду завтра же.

— Скоро.

— Пожалуй, если долго буду думать, такъ останусь.

Въ этотъ самый вечеръ совершенно неожиданно пришелъ къ Медовсу Мертонъ.

Онъ весело вошелъ, любезно раскланялся и сталъ пѣнять Медовсу, что тотъ ни разу его не навѣстилъ. Потому старикъ очень удивился, увидѣвъ столько книгъ объ Австраліи, и спрашивалъ Медовса, на что онъ ему.

— У меня есть тамъ друзья, которые постоянно пишутъ, какъ тамъ легко обогатиться. И это правда; то же самое я вижу изъ этихъ книгъ.

— Какъ вы думаете, онъ не напрасно туда повзхалъ? спросилъ Мертонъ.

— Не могу сказать, отвѣчалъ Медовсъ.

Мертонъ сталъ просить Медовса рассказать ему что-нибудь объ Австраліи. Тотъ охотно передалъ все вычитанное изъ двѣнадцати томовъ. Мертонъ чрезвычайно внимательно его слушалъ.

Въ девять часовъ старикъ Мертонъ ушелъ домой, а Медовсъ остался въ отчаяніи, что гость, просидѣвъ три часа, не сказалъ ни слова о Сусаннѣ.

— Завтра нельзя вѣхать, завтра рыночный день, но послѣ завтра я непременно уѣзжаю. Я не могу жить здѣсь и не видѣть ея, не говорить съ нею. Я съ ума сойду.

На другой день, только что онъ собрался вѣхать на рынокъ, какъ получилъ письмо, и что же? Глаза его заблестали; онъ задрожалъ возмъ тѣломъ. Вотъ письмо:

«Добрый мистеръ Медовсъ,

Вы очень давно у насъ не были. Не заѣдете ли сегодня на чашку чаю, когда поѣдете мимо, возвращаясь съ рынка,—если

это васъ не затруднить. Батюшка, кажется, хочетъ показать вамъ телятъ, которыхъ онъ намъренъ продать.

Уважающая васъ

Сусанна Мертонъ.»

«P. S. Батюшка страдалъ ревматизмомъ, и я тоже весь этотъ мѣсяцъ не совсѣмъ была здорова.»

Медовсъ отвѣтилъ посланному:

— Скажи миссъ Мертонъ, что если будетъ возможно, то я прѣвду.

Онъ былъ внѣ себя отъ восторга, радуясь, что они сами его пригласили, и что теперь съ его стороны не будетъ неблаго-родно вхать.

Долго онъ думалъ, почему Сусанна его пригласила, и объ-яснялъ это самымъ выгоднымъ для себя образомъ: «Джорджа раздѣляетъ съ нею море, а я здѣсь близко; это хорошее на-чало!»

Прѣхавъ къ Мертонамъ, онъ старался войти какъ можно проще, равнодушнѣе, но это ему дорого стоило.

Мертонъ принялъ его радушно, Сусанна вѣжливо и съ легкой улыбкой.

Фермеръ заговорилъ о хлѣбопашествѣ; Сусанна, молча, зани-малась чаемъ. Это было не по сердцу Медовсу. Онъ, впрочемъ, думалъ, что Сусанна просто капризничаетъ. Это длилось долго. Наконецъ Мертонъ подошелъ къ чайному столу, попросить у дочери еще чаю, и въ это время она ему что-то шепнула на ухо.

— Хорошо, хорошо, сейчасъ, отвѣчалъ онъ.

— Мистеръ Медовсъ, расскажите-ка намъ о той сторонѣ, гдѣ Джорджъ. Вы такъ хорошо рассказываете, сказалъ Мертонъ.

И Сусанна забросала вопросами рассказчика. Онъ-отвѣчалъ на всѣ, но не охотно. Она хотѣла знать, можно ли тамъ разбога-тѣть, можно ли быть здоровымъ, хорошо ли тамъ жить?

Медовсъ поторонился увхать, общая скоро повторить свое посыланіе.

Онъ увхалъ взбѣшеннымъ: онъ понялъ, для чего Сусанна же-лала его видѣть. Однако скоро нашелъ себѣ утѣшеніе:

— Она любитъ, чтобы я говорилъ ей про проклятую Авст-ралию. Хорошо. Начнемъ хоть съ этого. Я такъ завлеку ее мо-ими рассказами, что сдѣлаюсь для нея необходимостью, сначала хоть по этому. А потомъ, она ко мнѣ такъ привыкнетъ, что я

не въ состояніи будетъ разстаться. Между ними моря, а на моей сторонѣ здѣсь все выгоды. Не плошать! Она *будетъ* моею!

На другое утро его спросила мать:

— Джонъ, такъ ты ѣдешь?

— Куда, матушка?

— Да куда ты вчера собирался.

— Куда я собирался?

— Да въ рудники-то.

— Ахъ, да.

— Такъ чтожъ, ты раздумалъ?

— Вовсе нѣтъ! неужели вы не догадались, что я шутилъ?

— Нѣтъ, не догадалась!

Скоро послѣ этого старушка воротилась къ себѣ домой.

И такъ Медовсъ составилъ планъ сдѣлаться для Сусанны необходимою. Два раза на недѣлѣ онъ бывалъ у нихъ, и все рассказывалъ объ Австраліи. Сусанна была ему очень благодарна.

Часто однако Медовсу приходилъ въ голову вопросъ, за что его такъ хорошо принимаютъ? и это были для него тяжелыя минуты. Иногда онъ опять думалъ рѣшиться не ѣздить къ Мертонамъ, но зналъ что не выдержитъ характера: видѣться и говорить съ Сусанной—превратилось у него въ потребность.

Никто не узналъ бы серьезнаго, положительнаго, строгаго Медовса, въ томъ Медовсѣ нѣжномъ, болтливомъ, угодлимомъ, который сидѣлъ подлѣ Сусанны.

Сусанна не подозрѣвала его чувствъ, и часто говорила отцу:

— Вотъ, батюшка, говорятъ, что мистеръ Медовсъ человекъ корыстный, что онъ ничего не дѣлаетъ безъ цѣли, что вездѣ ему нужны деньги. Ну, кто бы подумалъ, что этотъ человекъ станетъ къ намъ такъ часто прѣзжать, чтобы рассказывать о Джорджѣ?

— Это говорятъ про него просто изъ зависти, отвѣчалъ старикъ.

Бѣдная Сусанна! она такъ страдала! Если бы кто-нибудь предсказалъ ей скорую смерть, она улыбнулась бы при этой мысли; грустно было бы ей только подумать, какъ тяжело будетъ Джорджу перенести ея потерю. У нея былъ маленькій садикъ, полный цвѣтовъ; прежде она въ немъ охотно саживала съ Джорджемъ, а теперь ей казалось въ немъ и пусто и грустно.

Сусанна была чрезвычайно добра и много помогала бѣднымъ. Не проходило дня, чтобы она одному не снесла молока, другому супу, третьему бѣлья, четвертому денегъ. Когда былъ яри ней Джорджъ, она и не думала о ихъ благодарности. Но теперь, когда Джорджъ ухаль, она удивилась, что никто изъ этихъ бѣдныхъ не принималъ въ ней участія, не жалѣлъ о ней; каждый говорилъ только о своемъ горѣ.

Она ни съ кѣмъ не разговаривала, ни къ кому не выходила, кромѣ Медовса, потому что, какъ она выражалась: онъ одинъ говорить о дѣлѣ.

Разъ какъ-то утромъ, Сусанна была одна дома. Вошла служанка и объявила, что въ гостиной ожидается какой-то молодой человекъ; что онъ желаетъ видѣть мистера Мертона.

— Да вѣдь батюшка на рынкѣ, Джени.

— Да, но я сказала этому джевльмену, что вы, миссъ, дома.

— Я? да объ чемъ же я съ нимъ буду говорить? Какое мнѣ до него дѣло?

— Миссъ, тайноственно прибавила служанка:—это пасторъ, а я знаю, какъ вы ихъ любите. И какой онъ красивый!

— Какъ ты глупа! ну что же мнѣ въ его красотѣ?

— Да вы посмотрите на него.

— Я терпѣть не могу новыхъ лицъ. Но такъ какъ онъ пасторъ, то моя обязанность выйдти къ нему.

Сусанна вошла въ гостиную. Гость сидѣлъ спиною къ свѣту и читалъ какую-то книгу ея отца, которая тутъ лежала. Онъ всталъ, когда ее увидѣлъ.

— Миссъ Мертонъ?

— Да, сэръ.

— У васъ пасторское мѣсто не занято, и вашимъ прихожанамъ очень далеко ходить въ церковь?

— Да, къ несчастію, сэръ, это такъ, сказала Сусанна съ грустью.

— Я, пока это мѣсто не занято, принялъ его на себя; но такъ какъ я живу въ тридцати миляхъ отсюда, то вы понимаете, что я не могу ѣздить часто. Я буду пріѣзжать въ субботу вечеромъ, а въ понедѣльникъ утромъ стану уѣзжать.

— О, сэръ, мы все будемъ благословлять васъ.

— Я очень радъ, что вы довольны. Значитъ, здѣсь все чувствуютъ недостатокъ въ пасторѣ?

— Да, это правда, все, все.

— Теперь позвольте мнѣ объяснить вамъ мое посѣщеніе. Вашъ батюшка одинъ изъ главныхъ лицъ въ приходѣ. Онъ можетъ мнѣ помочь въ моемъ служебнѣ. Я пришелъ просить его содѣйствія. Я хочу, чтобы вы мнѣ указали на бѣдныхъ.

— Я съ удовольствіемъ буду служить вамъ, въ чемъ могу.

— Благодарю васъ. Такъ напомнимъ сейчасъ же. Скажите мнѣ, напримѣръ, чему учатся дѣти въ школахъ?—Имя мое Франсисъ Иденъ. Не сходить ли намъ въ школу?

— Съ удовольствіемъ.

Они отправились. Мистеръ Иденъ началъ экзаменовать дѣвочекъ и мальчиковъ. Сусанна боялась, что онъ будетъ пораженъ ихъ незнаніемъ, но онъ умѣлъ ихъ ободрить, улыбался имъ, разыгрывалъ самъ роль ихъ товарища, только чтобы они не смущались.

— Однако пора, сказала Иденъ, глядя на часы: — если вы будете такъ добры, сведите меня къ кому-нибудь изъ здѣшнихъ прихожанъ.

— Къ кому же вамъ угодно?

— А какъ вы думаете, къ кому прежде нужно?

— Къ тѣмъ, которые всѣхъ бѣднѣе.

— Прекрасно! Именно такъ.

— Если такъ, то зайдемте вотъ въ эту хижину.

Тутъ они нашли старика, страдающаго сильнымъ ревматизмомъ. Пасторъ спросилъ его подробно и оказалось, что онъ служилъ прежде солдатомъ, былъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Мистеръ Иденъ слушалъ его рассказы о битвахъ, соглашаясь съ нѣкоторыми мнѣніями старика, а противъ другихъ возражалъ. Старикъ до того разговорился, что забылъ о своемъ ревматизмѣ и повеселѣлъ. Потомъ Иденъ такъ искусно утѣшалъ его, что Сусанна не могла довольно налюбоваться на эту сцену. Пасторъ спросилъ старика солдата, можетъ ли онъ читать, что бы развлекаться. Солдатъ отвѣчалъ, что можетъ, но что ему все даютъ книги напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, такъ что глазамъ больно.

У мистера Идена тутъ же нашлась въ карманѣ книга крупной печати; онъ далъ ее солдату для чтенія.

Когда они уходили, нѣсколько разъ большой повторилъ вслѣдъ пастору:

— Да благословитъ васъ Богъ! Вы меня утѣшили. Я сегодня

ня такъ здоровъ, что и не помню, когда чувствовалъ себя такъ хорошо.

Они пришли на ферму. Мертонъ уже былъ дома. Сусанна познакомила другъ съ другомъ отца и пастора.

Когда Иденъ собрался увзжать, Мертонъ просилъ его останавливаться всегда у нихъ. Иденъ благодарилъ, но сказалъ, что боится употреблять во зло такую любезность. Мертонъ однако такъ настойчиво просилъ, что тотъ далъ слово прїѣхать въ слѣдующій разъ прямо къ нему.

Когда пасторъ повхалъ по деревнѣ назадъ, то увидѣлъ стараго солдата у воротъ своего дома съ трубкой и книгой. Старикъ узналъ своего утѣшителя, всталъ бодро и поклонился ему. Иденъ отдалъ больному очень любезный поклонъ. Трубка скоро выкурилась, но книга осталась, и больной былъ совершенно счастливъ.

VII.

Въ слѣдующую субботу Сусанна готовила для мистера Идена двѣ комнаты: уютную спальную и хорошенькую прїемную. Она убрала въ нихъ все такъ чисто, такъ мило, что мистеръ Иденъ улыбнулся очень одобрительно, когда вошелъ. Сусанна была довольна.

Въ воскресенье онъ въ первый разъ читалъ проповѣдь въ приходской церкви, и читалъ такъ хорошо, такъ трогательно, что каждое его слово проникало въ душу всякаго изъ слушателей. Замѣчательно, что, когда онъ совсѣмъ кончилъ и далъ народу благословеніе съ торжественностью, теплотою и вѣрою, то народъ весь остановился и медлилъ разойтись, какъ будто бы ему не хотѣлось оставлять церкви.

На слѣдующее утро пасторъ опять пошелъ съ Сусанной навѣщать бѣдныхъ прихожанъ; молодая дѣвушка опять не могла надивиться, какъ искусно утѣшалъ онъ всякаго, какъ зналъ на кого чѣмъ можно подѣйствовать.

Три недѣли спустя послѣ того, какъ Иденъ вступилъ въ свою новую обязанность, въ воскресенье вечеромъ онъ пошелъ одинъ навѣщать больныхъ, и воротясь домой, засталъ Сусанну одну.

Онъ рассказывалъ ей о бѣдныхъ, которыхъ видѣлъ въ тотъ день, и Сусанна шутя его спрашивала, сколько онъ роздалъ табаку и чаю.

Потомъ наступило нѣсколько минутъ молчанія.

— Миссъ Мертонъ, сказала пасторъ, вы показывали мнѣ много, нуждающихся въ утѣшеніи, но не показали одной особы.

— Кого же, сэръ? Ахъ, знаю! Вѣрно старушку Клейтонъ?

— Нѣтъ, молодую дѣвушку.

— Ну, такъ правдѣ не знаю кого.

— Отгадайте.

— Не знаю, сэръ.

— Васъ самихъ, миссъ Мертонъ.

— Меня, сэръ? Да въ чемъ же меня утѣшать?

— А вотъ вы мнѣ скажете въ чемъ, если имѣете ко мнѣ доверіе.

— О, сэръ, благодарю васъ. Конечно, и у меня есть свое горе, но за то у меня есть силы и здоровье; у меня есть батюшка.

— Дитя мое, у васъ должно быть горе сильное. Вы плакали, когда я вошелъ.

— Да вѣдь женщины часто плачутъ, и даже иногда сами не знаютъ о чемъ.

— Нѣтъ, я знаю, у васъ должно быть большое горе, которое васъ мучитъ. И вотъ почему я догадался. Вы часто *злѣваете* и часто *вздыхаете*. А если эти двѣ вещи въ ваши лета бываютъ вмѣстѣ, то это первый признакъ тяжелой печали. Потому вы разлюбили многое, что васъ прежде занимало. Напримеръ, вы мнѣ сказали, что вашъ садъ былъ прежде еще въ лучшемъ видѣ, когда вы занимались имъ сами, — и при этомъ вы покраснѣли. Потому, многіе изъ бѣдныхъ и больныхъ спрашивали васъ, отчего вы перестали ихъ навѣщать, и вы опять краснѣли и опускали глаза. Скажите же, что съ вами?

— Право, ничего особеннаго.

— Нѣтъ, это неправда. Будьте со мною откровенны. Я могу васъ утѣшить религіей; нѣтъ случаевъ, гдѣ бы она не доставляла утѣшенія.

— Нѣтъ, сэръ, я не могу вамъ этого сказать. Вы очень внимательны, очень добры, все это правда, но вы меня не поймете, вы не женщина. Не сердитесь на меня, но позвольте вамъ этого не говорить.

Мистеръ Иденъ взглянулъ на нее съ теплымъ участіемъ и спросилъ тихо и необыкновенно вѣжливо:

— Скажите, что?

— Сэръ, ради Бога, не спрашивайте меня объ этомъ, ради

самого Бога! Вдругъ она подняла руки:—Мой Джорджъ въ моръ! Что мнѣ дѣлать? вскричала она и закрыла лицо передникомъ.

Этотъ возгласъ былъ такъ естественъ, такъ чистъ, такъ трогателенъ! Мистеръ Иденъ былъ тронутъ до глубины души. Онъ шепталъ ей разныя утѣшенія, съ отеческой нежностью смотрѣлъ на нее, и когда говорилъ, то голосъ его сильно дрожалъ. Сусанна съ закрытымъ лицомъ не могла видѣть его волненія, однако поняла, что тутъ — болѣе, чѣмъ обыкновенное участіе.

Онъ говорилъ ей, что часто бываютъ и болѣе непреодолимыя препятствія между любящими сердцами; что океанъ не такъ ужасенъ, какъ ревность, невѣрность. Что Джорджъ можетъ вернуться и вернется навѣрное.

Она его благословляла за эти слова. Она уже успѣла привыкнуть во всемъ ему вѣрить.

Потомъ онъ сталъ давать ей совѣты.

— Вы непременно должны навѣщать нашихъ больныхъ, и чаще, чѣмъ когда-нибудь. Благодарности отъ нихъ не ждите, дѣлайте добро единственно для себя. Ходите чаще въ школу, вы можете тамъ быть полезны. Наконецъ, занимайтесь цвѣтами; это васъ развлечетъ. Вы тоже дурно дѣлаете, что избгаете самого невиннаго общества. Вамъ нужно въ этомъ отношеніи перемѣниться.

Онъ взялъ съ нея обѣщаніе, что она ему расскажетъ, въ слѣдующій разъ, подробно, всю свою исторію съ Джорджемъ.

— Печаль легче переносить, если ее съ кѣмъ-нибудь раздѣлишь?

— О, да, это правда, сказала она: — я уже и теперь чувствую облегченіе.

Съ слѣдующей недѣли Сусанна стала исполнять всѣ наставленія мистера Идена; навѣщала больныхъ, ходила въ школу. Она выучилась отъ мистера Идена искусно выведывать чужое горе, и тогда узнала, что во многихъ изъ этихъ дѣвицъ пришлось несчастнымъ перестрадать во сто разъ больше ея. Это нѣсколько ее подкрѣпило.

Однако, хотъ Сусанна и сдѣлалась немного добрее, оттого что была постоянно занята, но все-таки не было для нея во всей недѣль дня веселье того, когда Джонъ Медоуэръ опять прѣзжалъ рассказывать объ Австраліи.

VIII.

Два человѣка любили Сусанну безнадѣжно; занимательно видѣть, какъ каждый изъ нихъ держалъ себя. Вилліамъ Фиддингъ постоянно былъ дома; предался, съ полнымъ усердіемъ, своей фермѣ, и рѣдко бывалъ у той, которую любилъ, но не имѣлъ права любить. Часто онъ тосковалъ, и иногда его утѣшало только чистое, спокойное сознаніе — что онъ велъ себя какъ честный человѣкъ.

Медовсъ, напротивъ, былъ веселъ и доволенъ: онъ одобрялъ въ себѣ эту страсть. Два раза въ недѣлю онъ проводилъ нѣсколько часовъ съ Сусанной; она всегда встрѣчала его съ улыбкой, его посвѣщенія были ей пріятны. Кромѣ того онъ видѣлъ ее во воскресеньямъ.

Сусанна ставила ему въ большое достоинство то, что онъ пріѣзжалъ за шесть миль слушать проповѣди пастора Идена.

Разъ какъ-то Сусанна замѣтила Медовсу, что она очень жалуетъ его бѣдную лошадь, которой нѣтъ никогда отдыху, даже и по праздникамъ. И Медовсъ въ слѣдующее воскресенье явился въ церковь въ пыльных сапогахъ; это значило, что онъ пришелъ пешкомъ. Сусанна улыбнулась.

Кромѣ того Медовсъ сталъ во многомъ ей подражать, сдѣлался добрее, снисходительнѣе, началъ помогать бѣднымъ. Ему даже казалось, что у него нѣтъ враговъ. Разъ онъ встрѣтился съ Вилліамомъ, который какъ-то просилъ у него денегъ займа, и которому онъ тогда отказалъ. Медовсъ самъ напомнилъ Вилліаму объ этомъ обстоятельстве, увѣряя, что не имѣлъ тогда свободныхъ денегъ. Но по-крайней-мѣрѣ теперь, прибавилъ онъ, я могу вамъ указать на человѣка, который одолжитъ вамъ сколько нужно; это — Петеръ Кравлей.

Вилліамъ отвѣчалъ, что Кравлей что-то имѣетъ противъ него, и потому вѣрно не дастъ ему займа денегъ, но Медовсъ порушился за противное, и Вилліамъ отправился къ Кравлею просить сто фунтовъ.

Кравлей прежде всего спросилъ, что онъ можетъ получить въ обезпеченіе ушаты. Вилліамъ смутился, не зная что отвѣчать, и Кравлей ему рѣшительно отказалъ. Въ это самое время пришла записка отъ Медовса къ Кравлею, въ которой онъ писалъ, чтобы тотъ далъ Вилліаму денегъ за десять процентовъ.

Кравлей тотчас исполнилъ желаніе Медовса, и взялъ съ должника заемное письмо.

Вилліамъ отъ души поблагодарилъ его и ушелъ съ деньгами. Онъ былъ совершенно счастливъ.

Онъ заплатилъ долгъ брата, продавъ большую часть хлѣба съ фермы въ то время, когда на него были самыя низкія цѣны. Теперь продавать больше было нечего и деньги пришлось очень кстати. На другой же день онъ купилъ на нихъ нѣсколь-ко головъ свиней.

Однако дружба Медовса и Вилліама не была продолжительна. Вилліамъ, помня обѣщаніе, данное брату, часто узнавалъ о Сусаннѣ, и постоянныя посѣщенія Медовса показались ему очень странными.

Потомъ онъ встрѣтился на рынкѣ съ евреемъ; тотъ ему замѣтилъ, что онъ дурно исполняетъ свое обѣщаніе. «Поглядите-ка,» прибавилъ Леви, «что дѣлается у Сусанны въ рыночныя дни.»

Въ тотъ же вечеръ Вилліамъ отправился къ Мертонамъ и засталъ тамъ Медовса, который въ ту минуту распространялся въ самомъ энергическомъ описаніи одного изъ городовъ Австраліи. Сусанна приняла брата чрезвычайно ласково и привѣтливо. Медовсъ былъ не очень радъ его появленію, но, конечно, скрылъ это очень искусно, пересталъ говорить объ Австраліи, и началъ объ урожай. Сусаннѣ это было не по сердцу.

Въ тотъ вечеръ они разошлись ранѣе обыкновеннаго. На слѣдующій рыночный день, Вилліамъ опять отправился къ Мертонамъ, и засталъ того же гостя. Сусанна съ трудомъ могла скрыть, какъ ей было непріятно это посѣщеніе.

На третій разъ Вилліамъ пришелъ ранѣе Медовса. Сусанна едва отвѣчала на вопросы брата, и рано ушла спать.

Когда, на слѣдующій рыночный день, Вилліамъ на рынкѣ встрѣтился съ Сусанной, то сказалъ, что придетъ къ нимъ вечеромъ на чашку чая.

— Отчего вы именно приходите по рыночнымъ днямъ? спросила она его.

— А отчего мистеръ Медовсъ въ эти дни всегда у васъ?

— Это другое дѣло, онъ мимо насъ ѣдетъ домой, а вы живете въ двухъ миляхъ, такъ можете придти и во всякій другой день.

— Да будете ли вы мнѣ рады, Сусанна?

— Это что за вопросъ?

— Я замѣтилъ, что мои послѣднія посвященія не очень-то были вамъ по душѣ.

— Нѣтъ, я рада очень васъ видѣть, Вилліамъ, только не въ рыночные дни, потому что въ другіе вечера я одна, мнѣ грустно, а въ эти дни я и безъ того не скучаю: у насъ сидитъ мистеръ Медовсъ и говоритъ мнѣ объ Австраліи.

— Да объ Австраліи ли только?

Вмѣсто отвѣта, на Вилліама былъ брошенъ вопросительный и гордый взглядъ.

Вилліамъ сказалъ Сусаннѣ, что въ такомъ случаѣ онъ лучше придетъ въ другой вечеръ, и она его за это поблагодарила.

Онъ однако сталъ ожидать у воротъ мистера Медовса. Тотъ скоро подѣхалъ.

— Вы слышали, спросилъ его Вилліамъ, что я обѣщала Джорджу смотрѣть за Сусанной, какъ за сестрой?

— Слышалъ, мистеръ Вилліамъ, сказалъ Медовсъ, улыбаясь.

— Вы слишкомъ часто здѣсь бываете, сэръ.

— Слишкомъ часто для кого?

— Для меня, для Джорджа, для самой Сусанны. Я не хочу, чтобы о ней стали говорить.

— Да вы сами о ней говорите. И если выйдетъ какаянибудь сплетня, такъ одни вы будете виноваты.

— Понимаете ли, я не хочу, чтобы вы сюда такъ часто ѣздили.

Медовсъ, вмѣсто отвѣта, закричалъ: миссъ Мертонъ, пожалуйте сюда.

Вилліамъ былъ пораженъ такою смѣлостью.

Сусанна сейчасъ же явилась.

— Этотъ молодой человекъ говоритъ, что я не долженъ къ вамъ ѣздить.

— Я говорю, что вы не должны ѣздить такъ часто, потому что о ней же будутъ дурно говорить.

— Кто смѣетъ обо мнѣ говорить? вскричала Сусанна, вспыхнувъ.

— Никто, миссъ Мертонъ, отвѣчалъ Медовсъ. Только онъ одинъ. Это я ему и сказалъ. Батюшка дома, такъ я пойду поговорить съ нимъ. И хитрый Медовсъ ушелъ, чтобы доставить Сусаннѣ удобный случай побраниться съ Вилліамомъ, пока ея вспыльчивость еще не прошла.

— Я не понимаю, какъ вы смѣете дѣлать мнѣ такія дерзости, сказала Сусанна, блѣдная отъ гнѣва.

— Я это дѣлаю для Джорджа.

— Я не знала, что Джордж поручилъ вамъ обижать моихъ знакомыхъ. Я бы и самому Джорджу этого не позволила, а тѣмъ менѣе вамъ. Я напишу Джорджу, и спрошу его, желаетъ ли онъ, чтобы я была вашей рабой.

— Очень дурно сдѣлаете, если вооружите его противъ меня.

— А вы очень хорошо сдѣлаете, если отправитесь на ферму, да сами въ кого-нибудь влюбитесь. Тогда меньше будете обо мнѣ заботиться.

Это оскорбило Вилліама до глубины души.

— Прощайте, Сусанна.

— Прощайте.

— Дайте руку.

— Извольте. Приходите, когда захотите обращаться съ моими знакомыми почтительно.

— Я теперь не скоро васъ обезпокою, сказалъ Вилліамъ съ грустію. Прощайте. Да благословитъ васъ Богъ, милая Сусанна.

Когда онъ ушелъ, у Сусанны на глазахъ навернулись слезы. Но она все-таки была сердита на него за то, что онъ сдѣлалъ изъ-за нея оцену. Войдя въ гостиную, она узнала, что Медовсъ тоже ушелъ. Отъ этого она еще больше разсердилась на Вилліама.—Вѣрно мистеръ Медовсъ обидѣлся, и не придетъ больше. Да и въ самомъ дѣлѣ, что ему за охота получать неприятности за свою въжливость? Вѣдь онъ просто, по добротѣ души, приходитъ къ намъ, рассказывать мнѣ объ Австраліи, и вотъ какъ его за это благодарять, думала Сусанна.

Въ слѣдующій рыночный день Медовсъ не являлся. Сусанна сильно скучала объ его отсутствіи: его рассказы были единственнымъ ея удовольствіемъ. Однако Медовсъ пропустилъ только одинъ разъ, а потомъ опять явился. Сусанна не сирьма отъ него своей радости. Но никто изъ нихъ не вспомнилъ о внимательствѣ Вилліама: она изъ скромности, а Медовсъ изъ хитрости.

Вилліамъ, между тѣмъ, продолжалъ слѣдить за ними обоими: «Я поклялся въ этомъ, и исполню свою клятву», думалъ онъ. Онъ перебралъ въ своей головѣ много плановъ, но они все не годились. Онъ рѣшился обратиться за совѣтомъ къ Леви.

Онъ пошелъ къ еврейю и рассказалъ ему все подробно. Тотъ

улыбнулся. Я вамъ скажу: вы виноваты, рѣшилъ Левъ, вы ком-
прометировали Сусанну вашею неосторожностью.

— Такъ я, пріятно, не умѣю иначе поступать. Научите меня, что
дѣлать?

— Ступайте домой и занимайтесь фермой. Я самъ схожу къ
Мертону.

IX.

— Такъ вы оставляете насъ, мистеръ Иденъ, говорила Су-
санна съ чувствомъ, и будете насторожъ въ тюрьмѣ. Ахъ, ми-
стеръ Иденъ, я не могу вспомнить объ этомъ. Я не могу пред-
ставить себѣ васъ посреди воровъ и мошенниковъ, а можетъ быть
даже и убійцъ!

— Я живу тамъ, чѣмъ здѣсь.

— Вы такъ любите природу, красивое мѣстоположеніе, — и
будете жить въ тюрьмѣ... Да вѣдь, кажется, на эти мѣста опре-
дѣляютъ только второстепенныхъ пасторовъ?

— Кого вы называете второстепенными пасторами?

— Тѣхъ, которые не такъ образованы, и не столько опыт-
ны, чтобы занимать лучшихъ мѣста: однимъ словомъ, не такихъ
пасторовъ, какъ вы.

— Какъ странно! Представьте, что когда мнѣ предложили
это мѣсто, я, разумеется, не могъ отказаться, но лукавый на-
пестывалъ мнѣ прямо въ ухо ваши слова: что на это мѣсто мо-
жно бы назначить кого-нибудь и похуже.

— А, такъ стало быть это не собственно ваше желаніе, а
чувство долга. Тогда нечего и говорить. Впрочемъ, я теперь
понимаю, отчего выбрали именно васъ. Вѣдь вы исключеніе изъ
общаго правила. Вы являетесь, какъ солнце посреди мрака: освѣ-
тите, согрейте этотъ мракъ,—и тогда небо пошлетъ васъ опять
въ другое мѣсто, для той же цели. Такъ вы появились и у насъ;
вы просветили несведущій народъ нашей деревни, утѣшили груст-
ныхъ, облегчили положеніе бѣдныхъ, и спасли одно несчастное
сердце отъ отчаянія, можетъ быть даже отъ суицидства.
Значитъ, вы много одѣлали здѣсь добра, и мы все не должны
быть эгоистами, не должны удерживать васъ. Вы должны сѣ-
нать туда, куда предназначено судьбою, а намъ остается пом-
нить ваши слова и ваши поступки, ваше дорогое намъ лицо и
вашъ голосъ, до послѣдней минуты нашей жизни.

— Не забывайте меня также въ вашихъ молитвахъ, сестра

моя, не откажите мнѣ въ этомъ. Ахъ, Сусанна; въ этомъ свѣтъ только и знаешь, что встрѣчу и разлуку; это грустно. Нужно имѣть твердый характеръ для этого, не такой, какъ у васъ. Но вѣдь не вѣчно будетъ такъ: всякій отживетъ свое, и отойдетъ туда, гдѣ никогда больше не придется разлучаться съ тѣми, съ которыми разъ встрѣтишься, никогда — никогда.

Когда онъ повторялъ эти слова, Сусанна замѣтила, что онъ совершенно увлекся ими, перемѣнился въ лицѣ и какъ будто перенесся въ другой мѣръ. Глаза его не останавливались на окружающихъ предметахъ, онъ повторялъ слова, но мыслью носился выше; видно было, что онъ забылъ о присутствіи Сусанны.

Сусанна оставила его одного, и пошла готовить чай. Она вынесла, съ помощью служанки, столъ и посуду на лужокъ въ саду, чтобы пить чай на воздухѣ, потомъ пошла за мистеромъ Иденомъ.

— Сэръ, пойдѣте пить чай. Сегодня такъ тихо, ни одинъ листочекъ не шелохнется; я все приготовила на лугу; мы будемъ пить чай на воздухѣ. Я знаю, что вы это любите.

И такъ они расположились подъ открытымъ небомъ. Масло, сбитое самой Сусанной, было великолѣпно; хлѣбъ, хотя не совсемъ бѣлый, домашній, но чрезвычайно вкусный. Чай казался душистѣе на воздухѣ, нежели въ комнатѣ; аромать его какъ будто сливался съ чуднымъ запахомъ сотни цвѣтовъ садика Сусанны. Вся эта сцена прекрасно гармонировала съ бальзамическимъ воздухомъ, съ голубымъ небомъ, и съ чудной изумрудной травой, позолоченной лучами заходящаго солнца. Мертонъ скоро оставилъ вдвоемъ свою дочь и мистера Идена. Тогда Сусанна пошла къ себѣ въ комнату и принесла перо, чернилицу и большой листъ бумаги. Она сѣла въ сторонѣ съ шитьемъ, а мистеръ Иденъ потихоньку пилъ чай, и набрасывалъ на бумагу проповѣдь, взрѣдка обращаясь съ нѣсколькими словами къ Сусаннѣ, на которыя она въ свою очередь отвѣчала. И все-таки на этой граціозной сценѣ лежалъ отпечатокъ грусти, — особенно въ фигурѣ «Сусанны, которая сидѣла съ поникшей головой. «Скоро уже онъ не будетъ больше сидѣть въ моемъ саду, не будетъ на моихъ глазахъ писать проповѣдей, не будетъ намъ ихъ читать, думала она про себя. Будетъ онъ жить въ тюрьмѣ, гдѣ вѣрно разстроитъ свое здоровье. И я боюсь, что ему не будетъ пріятно у себя дома, потому что нѣтъ при немъ никого, кто бы истинно о немъ заботился. Слуги такъ рады, когда въ домъ нѣтъ

женщины, и некому ихъ бранить; а самъ мистеръ Иденъ съ прислугой не справится.» И Сусанна вздохнула, думая о домашней жизни своего друга; иголка ея стала все медленнѣе и медленнѣе шевелиться.

Размышленія прерваны были служанкою, которая явилась сказать о чѣмъ-то приходѣ. Сусанна оставила работу, пошла въ гостиную и встрѣтила тамъ Исаака Леви. Она очень ему обрадовалась и приняла его радушно и ласково, нисколько не воображая, что онъ явился съ подозрѣніями на ея счетъ.

Разговоръ начался съ самыхъ пустыхъ предметовъ. Еврей не перемѣнялъ разговора и не хотѣлъ начинать распросовъ о Медовсѣ, чтобы не дать Сусаннѣ догадаться о своихъ подозрѣніяхъ. Но она была такъ пряма, такъ невинна, что сама чистосердечно раскрыла передъ нимъ всю душу. Леви увидѣлъ, что она и спитъ и видитъ одного Джорджа, что всѣ ея мысли по прежнему принадлежать ему одному, что она очень груститъ и очень несчастлива. «Теперь еще, слава Богу, легче, говорила она гостю. Богъ послалъ мнѣ друга, одного пастора, или, лучше сказать, ангела-утѣшителя въ образѣ пастора. Онъ все знаетъ обо мнѣ и Джорджѣ, сэръ; я ему всегда откровенно повѣряю свои мысли, и когда я съ нимъ поговорю, мнѣ становится легче. Потомъ еще, каждый рыночный день мистеръ Медовсъ завѣщаетъ къ намъ на часокъ, и всегда очень много рассказываетъ мнѣ объ Австраліи. Вы можете себя представить, съ какимъ удовольствіемъ я его слушаю. Онъ такъ занимательно и такъ подробно рассказываетъ, точно будто всю жизнь провелъ въ Австраліи. Пріѣзжайте къ намъ, мистеръ Леви, когда-нибудь въ рыночный день, и послушайте его рассказовъ. А вы были когда-нибудь въ Австраліи, сэръ?»

— Нѣтъ, но буду непременно.

— Будете, сэръ?

— Да, я не умру, пока не побываю во всѣхъ странахъ земнаго шара. Я опять поѣду на востокъ и вѣрно тамъ сложу навсегда свои дряхлыя кости.

— Ахъ, сэръ, узнайте о Джорджѣ, и примите въ немъ участіе. Не давайте его въ обиду: онъ такой добрый, что его всякій можетъ обидѣть. Но, впрочемъ, нѣтъ, вы слишкомъ стары, въ ваши лѣта не слѣдуетъ пускаться по морямъ. Лучше оставайтесь спокойно дома.

— Дома! сказали печально старикъ. У меня нѣтъ дома; былъ, но Медовсъ отнялъ у меня мой домъ.

— Мистеръ Медовсъ? Какъ это, сэръ?

— Онъ купилъ тотъ домъ, въ которомъ я жилъ, и на другой же день велѣлъ мнѣ изъ него выѣхать.

— Но онъ вѣрно не запретилъ бы вамъ остаться, если бы вы его объ этомъ попросили, если бы онъ зналъ, что вы этого желаете. Онъ очень добрый человекъ. Я готова за него ручаться: онъ согласится, чтобы вы остались, если вы его попросите.

— Сусанна! отвѣчалъ Исаакъ, вы добры и невинны; вы не можете проникать въ злыя сердца. Этотъ Медовсъ, просто, извергъ. Я его просилъ, я склонялъ передъ нимъ свою съдую голову, я умолялъ его оставить меня въ томъ домъ, гдѣ я такъ счастливо жилъ двадцать лѣтъ съ своей Ліей, гдѣ родились и умерли мои дѣти, гдѣ Лія утѣшала меня въ ихъ потерю, но сама была безутѣшна и тоже меня оставила.

— Бѣдный мистеръ Леви! что же вамъ отвѣчалъ Медовсъ?

— Онъ грубо отказалъ мнѣ. И чтобы оскорбить меня еще больше, онъ началъ насмѣхаться надъ моею вѣрой и надъ всѣмъ нашимъ племенемъ. Ахъ, если бы вы слышали, какъ онъ меня унижалъ!

— Боже мой! какъ люди жестоки! воскликнула Сусанна. Я прежде очень уважала мистера Медовса, а теперь, если онъ къ намъ прѣдетъ, я запру дверь передъ его глазами.

Исаакъ призадумался. Это помѣшало бы его восточному плану мщенія.

— Нѣтъ! сказалъ онъ, это дѣтство. Зачѣмъ вамъ брать на себя оплату за обиды другаго? Еврей счумъетъ самъ отмстить за себя достойнымъ образомъ.

И такъ, Леви ушелъ довольный. Онъ узналъ, что Медовсъ действительно былъ хорошо принятъ Сусанной только за рассказы объ Австраліи.

Когда Медовсъ опять пришелъ къ Сусаннѣ, то увѣрилъ ее, что Леви гораздо болѣе виноватъ, чѣмъ онъ, и она осталась въ этомъ убѣжденіи до перваго раза, когда увидѣла Леви.

Кончилось тѣмъ, что она рѣшила ихъ не разбирать, а свести ихъ вмѣстѣ и помирить.

Наступалъ день отъѣзда мистера Идена, его послѣдняя проповѣдь, его послѣдній чай въ саду у Мертоновъ. Въ понедѣльникъ послѣ обѣда онъ долженъ былъ отправиться въ Оксфордъ,

а на слѣдующей недѣль къ своей новой должности. Всѣхъ поразило, что онъ согласился принять эту должность. Въ продолженіи всего воскресенья, Сусанна старалась говорить съ мистеромъ Иденомъ, хотъ о самыхъ пустыхъ предметахъ. Она запоминала каждое его слово, и цѣлый день Иденъ видѣлъ, какъ на ея глазахъ наворачивались слезы при самыхъ даже ничтожныхъ его словахъ, напримѣръ: «Сегодня прекрасный, тихій день».

Въ понедѣльникъ, Сусанна все утро была въ хлопотахъ. Она пекала мистеру Идену хлѣбъ на дорогу и била для него масло; заштопывала ему бѣлье, пришивала иговыицы, приготовляла хорошій обѣдъ на прощанье. И всѣмъ этимъ Сусанна занималась усердно и съ удовольствіемъ; за обѣдомъ она, казалось, думала только объ одномъ, чтобы мистеръ Иденъ какъ можно больше ѣлъ на дорогу. Но когда вся суматоха кончилась и наступилъ часъ разлуки, Сусанна при отцѣ и при слугѣ такъ начала рыдать, что ея плачь перешелъ въ крики.

Отецъ велѣлъ вывести ее изъ комнаты, и сталъ извиняться за Сусанну передъ мистеромъ Иденомъ.

— Дѣвушки, вы знаете, легко плачутъ, и...

Мистеръ Иденъ его прервалъ:

— Мнѣ эти слезы отрадны. Мнѣ такъ же чувствительна разлука съ моимъ милымъ, добрымъ другомъ, какъ и ей. Но я ея старше, я вдвое больше ея прожилъ, и потому у меня чувства не такъ выражаются, какъ у нея. Сусанна плачетъ оттого, что расстаётся съ своимъ руководителемъ, старшимъ братомъ, насторомъ. Но я и издали буду наблюдать за вами, буду писать вамъ. Каждые три мѣсяца я буду васъ навѣщать, и вы вѣрно съ охотой дадите мнѣ ночлегъ.

— Разушвется, отвѣчалъ фермеръ отъ души. Мы будемъ счастливы, будемъ гордиться такою честью.

— Мистеръ Мертонъ, у меня теперь будетъ большая квартира. И я въ ней буду жить одинъ. Не вздумаете ли когда-нибудь и вы съ миссъ Мертонъ меня навѣстить? Я буду вамъ такъ же радъ, какъ вы мнѣ, и постараюсь, чтобы вамъ было такъ же удобно и спокойно у меня, какъ мнѣ всегда было у васъ.

— Пріѣдемъ, мистеръ Иденъ, непременно пріѣдемъ, благодарю васъ за честь.

Мистеръ Иденъ уехалъ изъ этой деревни.

Много памяти онъ оставилъ тутъ по себѣ. Многихъ онъ утѣ-

*

шилъ, многимъ облегчилъ судьбу. Всѣ его благословляли, всѣ жалели о его отсутствіи. Онъ не только не пропускалъ случаевъ дѣлать добро, но самъ ихъ отыскивалъ.

Такіе люди — рѣдкость! Я уже сравнивалъ ихъ съ солнцемъ, и мнѣ кажется, что сравненіе это справедливо: они, гдѣ бы ни показались, вездѣ освѣщаютъ, вездѣ согреваютъ. Глупцы называютъ такихъ людей сумасшедшими; поэты ихъ не воспѣваютъ; все это такъ. Но за то тѣ сердца, которыя испѣляютъ они, и собственная совѣсть — вотъ ихъ лучшая награда на землѣ; на небѣ же — имъ первое мѣсто!

Х.

Медовсъ жилъ даромъ въ домъ мистера Голя, и вотъ какъ это случилось: мистеръ Голь занялъ у него деньги за большіе проценты и не платилъ ни процентовъ, ни капитала. Медовсъ зналъ впередъ, что это будетъ такъ, и сталъ угрожать своему должнику продажей его дома съ аукціоннаго торга. Голь выбралъ лучшее изъ худшаго и предложилъ своему кредитору, вмѣсто процентовъ, жить бесплатно въ его домъ, на что Медовсъ очень скоро согласился.

При этомъ домъ было много службъ и разныхъ удобствъ; между прочимъ, большой прекрасный садъ съ высокими стѣнами. Въ садъ этотъ, кромѣ входа изъ самаго дома, вела калитка, которую съ внутренней стороны сада могъ всякій отворить, а для вѣншей, напротивъ, былъ совершенно особенный ключъ.

Къ этой калиткѣ вела узкая, заросшая тропинка, совершенно запущенная; по ней очень рѣдко ходили. Медовсъ принималъ черезъ калитку только самыхъ задушевныхъ друзей, въ числѣ которыхъ первое мѣсто принадлежало Петеру Кравлею. У него былъ и ключъ къ калиткѣ; онъ отворялъ ее и смотрѣлъ украдкой въ окно кабинета Медовса. На этомъ окнѣ былъ всегда вывѣшенъ для него сигналъ.

Если стора поднята — Медовса нѣтъ дома.

Если опущена бѣлая стора, — онъ у себя.

Если опущена голубая — онъ дома, но не одинъ.

Въ кабинетъ были устроены потаенныя двери; черезъ нихъ Медовсъ могъ принимать тѣхъ почитателей, о присутствіи которыхъ не должны были знать домашніе. Кромѣ того, у него была устроена пружина, ведущая къ садовой калиткѣ; если случалось Кравлею проходить и видѣть голубую стору, то онъ

дотрогивался до пружины и этимъ давалъ знать мистеру Медовсу о своемъ приходѣ. Нужно замѣтить, что Медовсъ, принимая гостей, всегда сидѣлъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, на своемъ креслѣ, чтобы слышать, когда Кравлей дотронется до пружины. Получивъ сигналъ о его приходѣ, хозяинъ, нѣсколько погодя, вставалъ съ мѣста, начиналъ какъ будто перебирать книги, а самъ между тѣмъ, совершенно незамѣтно сообщалъ Кравлею, посредствомъ условеннаго числа оборотовъ пружины, можетъ ли онъ войти, или лучше отложить посѣщеніе до другаго раза, если гость, который тогда сидѣлъ въ кабинетъ, могъ мѣшать ихъ объясненіямъ.

Вся комната имѣла видъ кабинета дѣловаго человѣка: она вся была завалена книгами, бумагами, планами; громадное бюро состояло изъ безчисленнаго множества ящичковъ, которыхъ назначеніе зналъ одинъ хозяинъ.

Въ настоящую минуту Кравлей пришелъ къ Медовсу черезъ потаенную дверь.

— Что, Кравлей, кажется вышелъ срокъ долгу Фильдинга?

— Завтра срокъ, сэръ; что вы прикажете дѣлать?

— Требовать уплаты; но такъ какъ заплатить ему нечѣмъ, то вы сначала представьтесь сердитымъ, угрожайте законами, а потомъ окажите снисхожденіе и дайте отсрочку на мѣсяць.

— Да скажите, сэръ, какая у васъ цѣль во всѣхъ вашихъ поступкахъ съ Фильдингомъ?

— Я хочу, чтобы онъ былъ у меня въ рукахъ.

— Прекрасно; не онъ будетъ первый, не онъ послѣдній. Вы лучше всякаго другаго съумѣете взять въ руки, кого захотите. Но нельзя ли поскорѣ поддѣть этого Фильдинга? Я тоже не очень его жалую.

— Прошу васъ, прежде всего, не вмѣшивать своихъ чувствъ въ мои дѣла. Исполняйте, что я вамъ говорю. Кравлей, вы сегодня вышли?

— И капли не было во рту, сэръ, вотъ уже два дня.

— Вы, просто, лжете. Отъ васъ пахнетъ виномъ, а я этого не люблю. Слышите ли? Кто пьетъ, тотъ не можетъ дѣлать дѣла, быть полезнымъ, а особенно мнѣ. Знайте, что если вы будете такъ продолжать, то я буду вамъ врагъ, а не другъ.

— Никогда больше вина въ ротъ не возьму.

— И прекрасно сдѣлаете. Ну, а сегодня, свѣжа ли ваша голова? Можете ли вы заниматься дѣломъ?

— Могу, сэръ.

— Такъ пойдите и занимайтесь моимъ дѣломъ. Но прошу исполнять все въ точности, самому не умничать.

— Иду, сэръ. О, мистеръ Медовъ! служить вамъ—истинное наслажденіе. Вы глубоки, какъ море, и тверды, какъ скала. Сэръ, вы великій человекъ, вы образецъ человека! Прощайте.

И онъ вышелъ.

Фильдингъ былъ въ большомъ затрудненіи, когда Кравлей явился требовать уплаты долга, но когда онъ смягчился и согласился ждать мѣсяць, то Вилліамъ не зналъ, какъ лучше выразить свою благодарность.

И такъ, Джорджъ теперь въ Австраліи съ цѣлью сдѣлать себѣ состояніе, а потомъ жениться на Сусаннѣ. Сусанна, постоянно утѣшаемая мистеромъ Иденомъ, старается дѣлать какъ можно больше добра, быть какъ нельзя более религіозной, твердо надѣясь, что Богъ не лишитъ ея счастья свидѣться съ ея Джорджемъ и обвиняться съ нимъ. Вилліамъ, побуждая свое чувство, стремится всѣми силами быть для Сусанны только братомъ, и слѣдить за нею. Мистеръ Медовъ, часъ отъ часу все сильнѣе влюбляется въ Сусанну, и чѣмъ далѣе, тѣмъ старательнѣе скрываетъ отъ всѣхъ это чувство и ревность. Вотъ положеніе дѣлъ, которое остается неизмѣннымъ для нашихъ дѣйствующихъ лицъ, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ этого разсказа, со дня отъезда Джорджа.

Обратимся теперь еще къ одному лицу нашей повѣсти, котораго мы было на время оставили безъ вниманія, къ Тому Робинзону. Мы видѣли, какъ его связали и отвели прямо въ омнительный домъ. Онъ сидѣлъ тамъ, пока его судили; это продолжалось съ мѣсяць. Когда оказалось, что онъ дѣйствительно виноватъ, то его приговорили къ заключенію въ тюрьмѣ на годъ, и потомъ къ ссылкѣ на работы на десять лѣтъ.

Его отравили въ тюрьму, гдѣ ему не приходило бы быть цѣлыхъ четыре года. Онъ, очень понятно, успѣлъ отвыкнуть отъ тюремной подавленной жизни; она на этотъ разъ, больше чѣмъ

когда нибудь, пришлаось ему не по вкусу. Онъ ожидалъ, что его посадятъ, какъ прежде, вмѣстѣ съ сотнею другихъ, ему подобныхъ, но ошибся. Его ввели въ совершенно отдельную комнату; онъ не былъ встрѣченъ дружескими привѣтствіями другихъ преступниковъ, не было ему протянуто ни одной плутовской руки для пожатія. Какъ-то мрачно и неободрительно подѣйствовало это на Робинзона. Тюремщикъ объявилъ ему, что обязанность всякаго заключеннаго держать въ величайшемъ порядкѣ свою комнату и все въ ней находящееся; если будетъ что-нибудь найдено въ безпорядкѣ, въ неопрятномъ видѣ, то заключенный строго за это наказывается.

— А долго я долженъ буду сидѣть здѣсь одинъ? спросилъ Робинзонъ у тюремщика. Когда меня пустятъ къ другимъ товарищамъ?

— Здѣсь говорить не позволяется, а только слушать, что вамъ говорятъ, отвѣчалъ тюремщикъ. И, выходя вонъ, заперъ заключеннаго.

Нечего было дѣлать; Робинзону оставалось покориться и замолчать. Такъ онъ и сдѣлалъ, какъ ни трудно ему было подчиняться такой зависимости.

На слѣдующее утро, въ половинѣ шестаго, раздался звонокъ и разбудилъ всѣхъ заключенныхъ. Ровно въ шесть часовъ тюремщикъ отперъ дверь Робинзона и прокричалъ повелительно, не перемѣняя голоса, слѣдующій монологъ: «Вставать, убирать койки, мыть лицо, руки, шею, мести и убирать комнату; кого позвуютъ, сейчасъ же идти мести корридоры.» Произвъ это, онъ опять заперъ дверь и исчезъ.

Робинзонъ поспѣшно кончилъ всю уборку въ своей комнатѣ, и былъ бы очень радъ разнообразію, если бы и его позвали мести корридоры, но, къ несчастію, была не его очередь. И такъ, ему пришлось до восьми часовъ проскучать одному, безъ всякаго развлеченія. Въ восемь часовъ, въ самой срединѣ его двери повернули ключемъ; открылось небольшое отверстіе, черезъ которое ему спустилъ тюремщикъ пищу; только что Робинзонъ открылъ ротъ, чтобы сказать слово, какъ уже отверстіе опять закрылось, и было заперто ключемъ. Передъ Робинзономъ очутился завтракъ: порція кашицы и шесть унцій хлѣба. Эта пища помѣщалась въ круглой оловянной чашкѣ, раздѣленной на два отдѣла. Робинзонъ позавтракалъ съ аппетитомъ.

Въ девять часовъ ударилъ колоколъ къ обѣднѣ. Робинзона

это очень обрадовало. «Авось увижу кого-нибудь изъ такихъ же несчастныхъ, какъ я; можетъ быть, и стараго товарища встрѣчу», подумалъ онъ.

Но, на его несчастіе, ему вельно было надѣть колпакъ, особеннаго устройства, который надѣвали все заключенные: онъ закрывалъ все лицо. И когда они собрались въ корридоръ, то Робинзонъ увидѣлъ, что все его товарищи были въ такихъ же колпакахъ, съ закрытыми лицами; только глаза ихъ сверкали сквозь сдѣланныя въ колпакахъ отверстія. Все черты лица были скрыты такъ, что никто не могъ узнать другъ друга. Отдали приказаніе всемъ идти молча въ церковь, на разстояніи пяти шаговъ одному отъ другаго.

Робинзонъ просто пришелъ въ отчаяніе отъ такихъ строгостей и утѣшился надеждой, что узнаетъ кого нибудь изъ старинныхъ знакомыхъ по голосу.

Церковь вся состояла изъ множества раздѣльныхъ, закрытыхъ помѣщеній, будочекъ; въ нихъ было сдѣлано только по самому маленькому отверстию съ той стороны, откуда былъ виднѣнъ пасторъ, но не было никакой возможности заключеннымъ видѣть другъ друга. Тюремщики длинными жезлами указывали каждому его помѣщеніе, по нумерамъ, и когда заключенный туда входилъ, то дверь, посредствомъ пружины, захлопывалась, такъ что онъ самъ не могъ ни какимъ образомъ ее отворить. Номеръ каждой будочки соответствовалъ номеру, повѣшенному на шею заключеннаго.

Заключенныя женщины были отдѣлены въ церкви отъ мужчинъ крѣпкою желѣзною рѣшеткою.

Какъ только служба кончилась, заключенныхъ стали вызывать по нумерамъ. Каждый долженъ былъ опять надѣть тотъ знаменитый колпакъ, который закрывалъ все лицо и который въ закупоренной будкѣ позволялось снимать. Такимъ образомъ собирались заключенные, и опять все, молча, отправлялись на прежнія мѣста. Когда они дошли до тюремнаго корридора, то тюремщики ихъ всехъ раздѣлили: однимъ было вельно чистить тюрьму, другимъ отправляться по своимъ комнатамъ, третьимъ предписывалась такъ называемая тяжелая работа, и наконецъ нѣкоторымъ позволялось гулять по двору.

Въ число послѣднихъ попалъ, на счастье, и Робинзонъ. Онъ былъ въ восторгѣ, но увы! его опять ожидало сильное разочарованіе. Боже мой! сколько перемѣнъ въ тюрьмѣ съ-тѣхъ-поръ,

какъ онъ былъ въ ней въ послѣдній разъ! Это удивительно, все стало гораздо строже!

Весь дворъ былъ разбитъ на нѣсколько длинныхъ и узкихъ аллей, отдѣленныхъ одна отъ другой толстыми и высокими стѣнами; въ каждую такую аллею впускали по одному преступнику черезъ желѣзную дверь, которую тотчасъ же запирали. Тамъ онъ могъ одинъ гулять на свободѣ. Часовой дежурилъ при дверяхъ, для того, что бы не позволять разговаривать черезъ стѣны.

— И это называется гулять на свободѣ! весело, признаюсь! какъ не быть довольнымъ такой свободой, говорилъ про себя Робинзонъ.

Ему было позволено гулять часъ; потомъ онъ долженъ былъ опять воротиться въ свою комнату. Въ двѣнадцать часовъ ему опять опустили обѣдъ, тѣмъ же путемъ, какъ и завтракъ. Обѣдъ былъ очень не дуренъ: три унціи говядины, восемь унцій картофеля и восемь унцій хлѣба; говядина была совсѣмъ безъ костей. До шести часовъ Робинзонъ просидѣлъ одинъ и протосковалъ страшно. Въ шесть принесли ужинъ: немного кашицы и восемь унцій хлѣба. Онъ старался вѣсть какъ можно тише, чтобы провести нѣсколько лишнихъ минутъ за какимъ-нибудь занятіемъ, и тѣмъ хотъ немного сократить тягостный день. Въ три четверти восьмаго раздался звонокъ, чтобы все ложились спать. Ровно въ восемь сторожа обошли все комнаты, чтобы видѣть, все ли улеглись.

Прошло нѣсколько дней по обращенію перваго, съ тою только разницею, что въ одинъ изъ этихъ дней Робинзона навѣстилъ пасторъ, который сказалъ ему нѣсколько изреченій Священнаго Писанія и прочелъ нѣсколько наставленій. Хотя это посѣщеніе было просто исполненіемъ однажды установленнаго порядка, однако Робинзонъ былъ бы очень доволенъ, если бы имѣлъ возможность видѣть и слышать пастора каждый день. Его голосъ производилъ на заключеннаго лучшее впечатлѣніе, чѣмъ рѣзкіе, повелительные голоса тюремщиковъ.

На слѣдующій день пришелъ къ нему директоръ тюрьмы, говорилъ съ нимъ нѣсколько минутъ и спросилъ, не нуждается ли онъ въ чемъ-нибудь. Робинзонъ сталъ просить работы, говоря, что скучаетъ безъ дѣла, потому что отъ природы не лѣнивъ, и что ему кажется, если онъ проведетъ еще нѣсколько дней въ такомъ бездѣйствіи, то сойдетъ съ ума. Директоръ объявилъ, что пошлетъ его на работу, когда придетъ время.

Осужденный по прежнему остался безутышно одинъ, и длинныя, скучныя часы одиночества сильно его тяготили.

Наконецъ, на десятый день, его естественное желаніе сказать хоть одно слово какому нибудь живому существу, кромѣ тюремщиковъ, дошло до такой сильной степени, что онъ нарушилъ тюремныя законы. Въ церкви, во время службы, онъ подошелъ къ двери и жадно проговорилъ своему сосѣду: «Товарищъ, кто тамъ? о, скажите хоть словечко, скажитесь надо мною!» Отвѣта не было, но онъ все-таки почувствовалъ на нѣсколько минутъ облегченіе.

Черезъ полчаса явились въ его будку четыре тюремника и отвели его въ какую-то страшную темницу.

Сосѣдъ Робинсона, услышавъ его слова, передалъ ихъ начальству и получилъ за это похвалу.

Темнота, въ которую попалъ несчастный Робинзонъ, была далеко не такая, какъ ночью въ нашихъ спальняхъ, когда, взглядывшись, все-таки болѣе или менѣе можно разсмотрѣть предметы. Нѣтъ, это былъ просто мракъ подземелья.

Онъ пролежалъ тамъ шесть часовъ, и когда его оттуда выпустили, былъ блѣденъ какъ полотно, и страшно дрожалъ. Ему было вѣрно отправляться въ свою прежнюю комнату; онъ, буквально, едва доползъ до нея; свѣтъ вдругъ ослѣпилъ его такъ, что онъ закрылъ глаза руками. Къ тому же онъ дрожалъ вслѣдствіе тѣломъ, и изъ груди его изрѣдка вырывались рыданія.

Директоръ былъ случайно въ эту минуту въ корридоръ и видѣлъ эту сцену. «Впередъ будешь умѣть молчать», сказалъ онъ съ сарказмомъ.

— Буду, рыдая, едва слышно проговорилъ заключенный.

На другой день къ Робинзону пришелъ докторъ, и засталъ его, въ углу комнаты, съ глазами, потушенными въ землю.

Робинзонъ не замѣтилъ, какъ онъ вошелъ. Докторъ подошелъ къ нему и ударилъ его по плечу довольно сильно. Тотъ поднялъ съ трудомъ глаза и посмотрѣлъ на доктора бессмысленно.

Докторъ пощупалъ ему пульсъ и вышелъ. Вечеромъ, отдавая директору отчетъ о своихъ посвященіяхъ, онъ объявилъ очень хладнокровно, что № 19 умираетъ. Директоръ спросилъ, что съ нимъ случилось. «Ничего, отвѣчалъ тюремникъ, онъ все время былъ въ своей комнатѣ, ничего не работалъ, а вчера сидѣлъ въ темницѣ, за то, что разговаривалъ въ церкви.

— Ахъ, Боже мой, онъ умираетъ. Фрей, сказалъ директоръ

тюремщику, оведи его въ садъ, дай ему работу, и пусть завтра чистить корридоры.

— Прикажете ему позволить говорить съ нами?

— Да, да, пожалуйста, пусть говорить.

Робинзона вывели въ садъ, обнесенный высокими стѣнами. Намъ бы показался такой садъ мрачнымъ, а ему онъ представился теперь земнымъ раемъ. Онъ вздохнулъ свободно на минуту, но потомъ съ грустью подумалъ: «Вѣдь они меня здѣсь не оставятъ!»

Фрей далъ ему заступъ въ руки и сказалъ своимъ обыкновеннымъ, грубымъ голосомъ: «Копай вотъ этотъ кусокъ земли, а потомъ, если останется время, такъ вотъ тутъ выкосишь траву. Но при этомъ онъ заставилъ его закрыть лицо колпакомъ, потому что въ томъ же саду работаль, въ отдаленіи, другой преступникъ.

Робинзонъ принялся за работу съ энергіей; онъ былъ совершенно счастливъ, онъ дышалъ чистымъ воздухомъ! Онъ такъ трудился, что у него захватывало дыханіе съ непривычки, но онъ только съ восторгомъ, чуть слышно повторялъ: «О, Боже мой, какъ отрадно не быть похороненнымъ заживо!»

Въ восемь часовъ за нимъ пришелъ Фрей, чтобъ отвести его въ комнату. Пора была ложиться спать.

Робинзонъ сказалъ Фрею, что никогда прежде не работаль въ саду, что это для него работа непривычная, и потому онъ не могъ исполнить ее въ совершенствѣ.

— А если бы мнѣ такъ поработать недѣлю сряду, то я увѣренъ, что сдѣлался бы мастеромъ въ этомъ дѣлѣ, прибавилъ онъ.

Всю ночь онъ почти не спалъ, и на слѣдующее утро проснулся все еще нѣсколько въ лихорадочномъ состояніи, только на душъ у него было гораздо легче, чѣмъ прежде.

На слѣдующій день Робинзону было приказано мыть полы въ тюрьмѣ. Потомъ ему было велѣно работаль въ саду, а еще какъ-то къ нему прислали щеточника, учить его дѣлать щетки.

Съ полчаса щеточникъ провелъ съ своимъ ученикомъ въ его комнатѣ, и выходя оттуда, сказалъ тюремщикамъ:

— Ну, ужъ нечего сказать, у этого мошенника золотыя руки; все легко перейметъ, только покажи.

На другой день къ Робинзону заглянулъ докторъ, опять пощупавъ ему пульсъ, и записалъ что-то въ своей памятной книжкѣ. Потомъ онъ отдалъ приказаніе сторожу, чтобы, съ разрѣ-

шенія директора, № 19 всегда былъ занятъ какой-нибудь работою.

Съ-тѣхъ-поръ Робинзонъ былъ постоянно заваленъ дѣломъ. Щетки его издѣлья являлись одна за другой, и онъ тотчасъ подвергалъ ихъ испытанію: чистилъ ими полы или стѣны.

Разъ какъ-то ему случилось работать въ корридоръ, какъ вдругъ онъ былъ пораженъ какими-то необыкновенными звуками, которые неслись со двора, гдѣ преступники производили тяжелыя работы. Сначала онъ услышалъ крикъ одного голоса, послѣ котораго настало мертвое молчаніе, потомъ послышалось нѣсколько голосовъ, между которыми онъ могъ отличить голоса Фрей и директора. Робинзонъ не могъ понять, что значать эти звуки.

На другой день, въ томъ же самомъ часу, онъ опять услышалъ такой же шумъ. Ему показалось, какъ будто лили цѣлыми ведрами воду на стѣны, а за этимъ слѣдовалъ шумъ, который какъ будто происходилъ отъ журчанія воды въ человеческомъ горлѣ. Слышалось много голосовъ, между прочими голоса одного тюремщика, Годжса, и самаго директора. Робинзонъ рѣшительно не понималъ, что́ это такое, а такъ какъ онъ терпѣть не могъ неизвѣстности, то это обстоятельство его очень мучило.

На другой день, когда Робинзонъ работалъ въ корридоръ, вошелъ туда директоръ съ другимъ джентльменомъ, съ которымъ онъ обходился чрезвычайно почтительно. Это былъ председатель высшаго тюремнаго комитета.

Мистеръ Вилліамсъ осмотрѣлъ тюрьму, остался очень доволенъ порядкомъ и чистотой, и также донесеніемъ директора, что большая часть преступниковъ здоровы.

Потомъ председатель заходилъ къ тремъ или четыремъ заключеннымъ, и спрашивалъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ-нибудь жалобъ.

Единоголосный отвѣтъ былъ: «Нѣтъ.»

Онъ поблагодарилъ и поздравилъ директора, и потомъ отправился домой.

Въ тотъ же день онъ говорилъ одному изъ своихъ знакомыхъ: «Я сегодня осматривалъ тюрьму; всю ее исходилъ.»

На другое утро Фрей объявилъ Робинзону, что онъ назначенъ въ тяжелую работу. Робинзонъ былъ этимъ очень обрадованъ.

Фрей повелъ его на рабочій дворъ, раздѣленный на множество небольшихъ комнатъ. Въ каждой такой комнатѣ стояла машина,

и именно вотъ какого устройства: въ большомъ , вертикальномъ столбѣ вдѣлана была желѣзная рукоятка, которую заключенные должны были вертѣть столько разъ, сколько имъ будетъ вѣлно. Нужно замѣтить, что эта рукоятка вертѣлась только отъ чрезвычайнаго усиленнаго напряженія.

— Тысячу восемьсотъ оборотовъ въ часъ, сказалъ Фрей повелительно Робинзону. Работать два часа до обѣда.

Съ этими словами тюремщикъ вышелъ, а Робинзонъ усердно принялся за работу. Сначала ему показалось, что трудъ не особенно тяжелъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе ему было вертѣть ручку, и когда онъ сдѣлалъ четыреста оборотовъ, то совершенно выбился изъ силъ и едва могъ дышать. Онъ рѣшился дать себѣ три минуты покоя и потомъ опять принялся за работу. Никто не наблюдалъ за нимъ, никто не считалъ оборотовъ, такъ зачѣмъ же стало дѣло? скажете вы. Можно обмануть почтенныхъ начальниковъ и сдѣлать только половину оборотовъ, а сказать что сдѣлалъ всѣ? Но это было невозможно. На верху столба устроено было что-то въ родѣ термометра, на которомъ обозначалось число оборотовъ. Обмануть было нельзя.

Несчастный Робинзонъ! Это было его первое знакомство съ тяжелой работой. Въ два часа онъ долженъ былъ сдѣлать три тысячи; онъ былъ до того изнуренъ, что рѣшительно не думалъ найти въ себѣ достаточно силъ, чтобы окончить заданный урокъ. Но страхъ и необходимость взяли верхъ, и онъ опять принялся за работу. «Не буду больше смотрѣть на термометръ, потому что на немъ ничего не видишь утѣшительнаго. Думаешь, что поработалъ много, а какъ на него взглянешь, такъ всегда и окажется меньше, чѣмъ ожидалъ, думалъ про себя Робинзонъ. А ужъ Фрей вѣрно не пропуститъ, и явится въ ту минуту, какъ я кончу.»

И онъ продолжалъ вертѣть ручку, изрѣдка давая себѣ минутный отдыхъ. Онъ чувствовалъ такое утомленіе, какого никогда въ жизни прежде не испытывалъ. Вдругъ Фрей закричалъ: «довольно!» Робинзонъ пришелъ въ ужасъ. Онъ подумалъ, что два часа прошли, а онъ не кончилъ заданнаго.

Напротивъ, Фрей сказалъ съ удивленіемъ: «Что это? вы сдѣлали сорокъ оборотовъ лишнихъ.»

Робинзона опять повели въ его комнату, принесли туда обѣдъ. Вместо трехъ унцій говядины, было четыре; хлѣба двумя унциями меньше, но за то очень много картофеля.

На слѣдующій день Робинзона назначили въ ту же работу. Онъ не одѣлалъ еще и половины заданнаго урока, какъ вдругъ, не подалеку отъ него, раздались стоны. Первое его побужденіе, разумется, было броситься посмотреть, что это такое; но онъ зналъ, что Годжсъ и Фрей на дворъ, и что онъ съ ними за такой поступокъ дешево не раздѣляется. И такъ онъ продолжалъ работать, а стоны все звучали въ его ухахъ и раздирали ему душу.

Они раздавались долго, наконецъ Робинзонъ не вытерпѣвъ, выглянулъ во дворъ: тамъ онъ увидѣлъ директора, Годжса и Фрея. Они все трое стояли у самаго того мѣста, откуда слышались стоны, и лица ихъ были совершенно безстрастны.

Наконецъ стоны прекратились. Годжсъ и Фрей бросились къ помпѣ съ ведрами, наполнили ихъ водой и подошли опять къ директору. Черезъ минуту Робинзонъ услышалъ опять какъ воду выливали на стѣну, и при этомъ раздался сначала омыхъ директора, потомъ Годжса и наконецъ Фрея.

Робинзонъ сгаралъ отъ любопытства. Черезъ нѣсколько минутъ директоръ куда-то отослалъ обоихъ тюремщиковъ и ушелъ самъ. Робинзонъ, хотя и зналъ, что директоръ скоро вышлетъ на свое мѣсто кого нибудь изъ своихъ помощниковъ, однако рѣшился рискнуть, и бросился въ ту комнату, изъ которой слышались стоны. Тутъ онъ понялъ, что было причиной смѣха этихъ трехъ почтенныхъ людей; имъ овладѣло отчаяніе.

Онъ увидалъ вплоть у стѣны мальчика лѣтъ пятнадцати; плечи его были стянуты кожанымъ поясомъ, который, кольцами двухъ бывшихъ на немъ желѣзныхъ скобокъ, былъ привинченъ къ стѣнѣ. Руки мальчика были какъ можно туже притянуты къ бокамъ, тоже кожаными ремнями. Высокій кожаный воротникъ душилъ ему горло. Съ его волосъ и платья ручьями текла вода на полъ; лицо у него было блѣдно, какъ полотно, губы синія; глаза блуждали безсмысленно, а зубы стучали отъ холода.

Робинзонъ былъ человекъ безъ твердой нравственности, но не смотря на то, онъ не могъ безъ состраданія, безъ ужаса смотреть на такую картину.

— Боже мой! кто это съ тобой сдѣлалъ? вскричалъ Робинзонъ.

Отвѣта не было. Страдалецъ только жалобно взглянулъ на Робинзона, который тотчасъ же бросился къ нему, чтобы его освободить.

— Оставь меня! съ усиленіемъ сказалъ мальчикъ: — увидятъ, такъ мнѣ же будетъ хуже, да и тебѣ тоже.

— Да вѣдь ты такъ умрешь, пожалуй.

— Нѣтъ, такому счастью не бывать, нетерпѣливо и дико проговорилъ мальчикъ. — Благодарю. Ты добрый. Кто ты? Скажи скорѣе, и ступай. Я Джозефъ, № 15, корридоръ А.

— А я Робинзонъ, № 19, корридоръ Б.

— Прощай, Робинзонъ, я тебя не забуду. Кто-то идетъ. Ступай скорѣе, скорѣе, скорѣе.

Только что Робинзонъ успѣлъ убѣжать, какъ во дворъ вошелъ Фрей. Онъ тотчасъ же заподозрилъ Робинзона, и прошелъ прямо въ его комнату, но засталъ его за работой, и на лицѣ не замѣтилъ ни малѣйшаго смущенія. Робинзонъ былъ хорошій актеръ. Фрей вышелъ отъ него успокоенный.

Когда Робинзонъ кончилъ работу и отправился въ свою комнату, грустно и тяжело было у него на душѣ при мысли о бѣдномъ Джозефѣ; онъ рѣшительно не могъ успокоиться.

Бѣдный Джозефъ еще два часа терпѣлъ такое же мученіе, а потомъ Годжсъ его освободилъ, и онъ ползкомъ отправился въ свою темную комнату, продрогнувъ до костей.

Робинзону въ настоящее время приходилось дѣлать восемь тысячъ оборотовъ въ день; это была для него чрезвычайно трудная работа, но все-таки онъ предпочиталъ ее заточенію въ своей комнатѣ. И онъ работалъ чрезвычайно усердно, никогда не отговаривался. Разъ, однако, послѣ завтрака, онъ почувствовалъ сильную головную боль и дрожь. Послѣ обѣдни ему сдѣлалось еще хуже, такъ что онъ выразилъ желаніе видѣть доктора. Докторъ въ это время долженъ былъ бы находиться въ тюрьмѣ, но его не было. Онъ всегда предпочиталъ тюремнымъ больнымъ тѣхъ, которые ему хорошо платили, и потому часто былъ неспрашенъ въ посѣщеніяхъ заключенныхъ. Явился Фрей и объявилъ Робинзону, чтобы онъ шелъ на работу. Тотъ отвѣчалъ, что очень боленъ и работать не въ состояніи.

— Я не могу отложить вашу работу безъ согласія доктора, идите.

— Да если бы докторъ былъ въ тюрьмѣ, такъ онъ бы сказалъ вамъ, что это правда.

— Ну, да, когда скажетъ, тогда другое дѣло. А теперь ступайте на работу.

И Робинзонъ со стонами принялся за рукоятку.

Когда къ вечеру Фрей пришелъ посмотрѣть, сколько онъ работалъ, то нашелъ Робинзона безъ чувствъ на полу, съ блѣд-

нымъ, изнеможеннымъ лицомъ.—Ну, вѣрно ничего не сдѣлалъ, сказала Фрей про себя. Но каково было его удивленіе, когда, взглянувъ на термометръ, онъ увидѣлъ, что несчастный пришелъ въ такое состояніе уже по окончаніи работы.

Легко себѣ представить, чего стоилъ такой усиленный трудъ несчастному Робинзону. Всю ночь онъ былъ въ лихорадочномъ состояніи. На другой день случайно пришелъ докторъ, предписалъ ему діету и лекарство.

— Его бы лучше въ лазаретъ, прибавилъ докторъ. Тамъ чище воздухъ.

— Нѣтъ, воздухъ и здѣсь хорошъ, сказала директоръ.

Докторъ, разумеется, съ этимъ тотчасъ же согласился. Да и какъ ему было не согласиться съ такимъ начальникомъ, который совершенно предоставлялъ его произволу посвященія тюрьмы, который позволялъ ему приходить раза три въ недѣлю къ больнымъ, въ разное время, вмѣсто того, чтобы требовать правильныхъ приходоу по два раза въ день, въ назначенные часы.

Дня два спустя, Годжсъ, смѣясь, вышелъ въ корридоръ изъ одной комнаты. Директоръ встрѣтилъ его и спросилъ, чему онъ смѣется.

— № 19 бредитъ, сэръ; очень смѣшно его слушать.

Директоръ вошелъ самъ въ № 19.

Робинзонъ лежалъ на спинѣ, щеки его горѣли и глаза съ безпокойствомъ блуждали. Онъ безъ умолку говорилъ несвязными выраженіями, часто называлъ какую-то Мери, обращалъ къ ней нѣсколько нѣжныхъ словъ, а потомъ опять впадалъ въ безпамятство. Вдругъ, вперивъ глаза въ стѣну, онъ началъ громко кричать: «Освободите его. Развѣ вы не понимаете, что вы его губите! Вѣдь воротникъ его давитъ! Посмотрите, какъ онъ блѣденъ! Какіе у него дикіе глаза! Вѣдь онъ умретъ! Убійцы, убійцы, убійцы! Я не могу видѣть, какъ онъ умираетъ!»—И при этихъ словахъ онъ пряталъ голову въ подушку.

Присутствующіе повяли изъ этого, что Робинзонъ видѣлъ Джозефа. Директоръ погрозилъ страдалицу кулакомъ и общалъ, по выздоровленіи, проучить его за любопытство.

XI.

Черезъ нѣсколько времени докторъ донесъ директору, что лихорадка у № 19 прекратилась, но какъ всегда бываетъ послѣ

этой болѣзни, онъ чрезвычайно слабъ, и что по этому докторъ велѣлъ ему давать два раза въ день мяса.

— Годжсъ, сказалъ директоръ, заставить № 19 вертѣть рукоятку.

Даже докторъ содрогнулся при такомъ приказаніи.

Несчастливаго вытащили изъ его комнаты; но онъ въ хорошемъ расположеніи духа отправлялся работать. Онъ самъ не понималъ, до чего онъ слабъ.

Скоро, однако, онъ увидѣлъ свое безсиліе и рѣшилъ, что не въ состояніи исполнить урока. И такъ, чтобы не изнурять себя напрасно, онъ съѣлъ спокойно на полѣ. Директоръ засталъ его въ такомъ положеніи.

На его вопросы, Робинзонъ откровенно отвѣчалъ, что онъ очень слабъ послѣ лихорадки и рѣшительно не въ состояніи работать.

— Хорошо, сказалъ директоръ, я тебя проучу.

И не смотря на жалобные стоны Робинзона, его безъ дальнихъ церемоній подвергли страшной участи Джозефа.

Привинтивъ его за поясъ къ стѣнѣ, они оставили несчастнаго одного. Ослабленный и прежде продолжительною болѣзью, онъ началъ видимо гибнуть. Когда они вошли къ нему, то нашли его совершенно чернымъ, съ синими губами. Онъ умиралъ. Еще немного, и остался бы одинъ трупъ, вмѣсто живаго чловѣка.

Тутъ они всѣ, перенуганные, бросились его освободить, раздѣли его, начали поливать водой и тереть щетками, пока тѣло не сдѣлалось краснымъ. Робинзонъ по немногу сталъ приходить въ себя и вздыхать чуть слышно. Страданія его были ужасны: онъ чувствовалъ, что у него нѣтъ ни одной здоровой косточки. Его терли до того, что содрали въ нѣсколькихъ мѣстахъ кожу.

Директоръ велѣлъ его одѣть и сказалъ: «Ступай въ свою комнату.» Робинзонъ, качаясь и спотыкаясь, началъ вставать. Одежда больно терла ему тѣло въ тѣхъ мѣстахъ, съ которыхъ была содрана кожа.

Вдругъ въ головѣ директора мелькнуло неожиданное вдохновеніе: «Нѣтъ, сказалъ онъ, онъ хотѣлъ меня надуть, онъ притворился; я не допущу, чтобы всякій меня перехитрилъ. Опять его къ стѣнѣ, сейчасъ же.» Даже тюремщики съ удивленіемъ переглянулись.

Но дѣлать было нечего, нужно было слѣпо исполнять приказанія начальника. Робинзона шесть часовъ продержали въ этой страшной пыткѣ.

— Что, надулъ меня? сказалъ директоръ, освободивъ его. Животное, мерзавецъ! Запереть его!

Вечеромъ директоръ велѣлъ отпустить ему только половинную порцію, за то, что онъ лѣнился на работѣ.

На слѣдующій день въ тюрьмѣ понадобились щетки; а потому, вмѣсто Робинзона, пришлось опять страдать бѣдному Джозефсу. Директоръ назначилъ ему вертѣть именно ту рукоятку, которая была всѣхъ туже, и велѣлъ сдѣлать восемь тысячъ оборотовъ въ четыре съ половиною часа. Директоръ зналъ, что это дѣло невозможное, и назначилъ столько именно для того, чтобы имѣть уважительныя причины къ терзаніямъ. Дѣйствительно, Джозефсъ не могъ исполнить заданнаго урока, и его пригвоздили къ позорному столбу. Вдругъ вошелъ Джонъ Джонсъ, тюремный пасторъ, и увидѣлъ мученія страдальца.

Джонсъ спросилъ, какая его вина, и Джозефсъ отвѣчалъ, что рукоятку ему выбрали самую тугую и оборотовъ въ короткое время велѣно было сдѣлать столько, что это превышало его силы.

Вошелъ директоръ и спросилъ, въ чемъ дѣло. Одинъ изъ тюремщиковъ тотчасъ же объявилъ, что наказанный лжетъ пастору. Директоръ попросилъ пастора не мѣшать его распоряженіямъ своими распросами, говоря, что при двухъ властяхъ всегда будетъ мало толку.

— Я до-сихъ-поръ никогда ничего не говорилъ и не дѣлалъ такого, отвѣчалъ пасторъ директору, чтобы могло, хоть сколько нибудь, уменьшить или потрясти вашу власть. Но, воля ваша, такая строгость переходить границы. Прошу васъ меня выслушать, а не то, мнѣ придется обратиться на этотъ случай вниманіе членовъ комитета.

— Не стѣсняйтесь, пожалуйста, дѣлайте какъ знаете; они сегодня будутъ здѣсь. Объявите имъ все, что считаете нужнымъ.

Дѣйствительно, въ пять часовъ пришли два члена высшаго тюремнаго комитета и мистеръ Райдъ, судья, молодой еще человекъ. Директоръ встрѣтилъ ихъ съ сіяющимъ лицомъ, и пока они осматривали первую половину тюрьмы, онъ велѣлъ Годжеу освободить Джозефса и заставить его вертѣть рукоятку. Посѣтители застали его за работой.

— Ты довольно работалъ, можешь идти въ свою комнату! ласково сказалъ директоръ.

И Джозефсъ ушелъ.

— Какое у него кроткое лицо, сказали посѣтители. За что онъ содержится?

— Въ этотъ разъ за то, что укралъ говядины изъ мясной лавки.

— Какъ, въ этотъ разъ? развѣ это не въ первый?

— Нѣтъ, въ третій. Первый разъ за то, что бросалъ камни, второй за то, что воровалъ въ огородъ, а теперь третій за говядину.

— Каковъ негодяй! въ его лѣта!

— Что вы говорите, сказалъ мистеръ Райдъ Вилліамсу. Да развѣ мы не дѣлали того же въ его лѣта?

— Я за собой не помню этого.

— Вотъ прекрасно! Развѣ мы вмѣстѣ не воровали яблоковъ съ деревьевъ? а развѣ вы не помните, какъ мы забрались въ огородъ фермера Гарриса, и опустошили его порядкомъ?

— Да это все были ваши шалости, а я только при нихъ присутствовалъ.

Потомъ они разсматривали тюремную книгу, гдѣ были записаны все наказанія, которымъ кто нибудь изъ заключенныхъ подвергался, все сильныя болѣзни и смертныя случаи, и предполагаемыя ихъ причины.

Всѣмъ было замѣчено, что Джозефъ какъ-то особенно часто подвергался наказаніямъ.

— Такъ онъ очень дурной мальчикъ? спросилъ одинъ изъ членовъ комитета.

— Онъ ненавидитъ работу, страшно лѣнивъ, отвѣчалъ директоръ.

Посѣтителю съ директоромъ обошли всехъ заключенныхъ. Многихъ они спрашивали, хорошо ли имъ и всемъ ли они довольны. Но несчастнымъ стоило только въ эту минуту взглянуть на тотъ страшный, мертвящій взглядъ, который вперялъ въ нихъ, при такихъ вопросахъ, директоръ: они трепетали отъ одного помысла сказать, что чѣмъ бы то ни было недовольны. Разумѣется, все отвѣчали, что имъ прекрасно.

Наконецъ дошли и до комнаты Джозефа.

Ему былъ сдѣланъ упрекъ за то, что его имя такъ часто вносится въ книгу наказаній. Несчастному оставалось только молчать.

Въ корридоръ они встрѣтили людей, несшихъ ужинъ. Мистеръ Вилліамсъ попробовалъ одну изъ порцій и сказалъ, что приготовлено очень вкусно.

— Вообще, мы всемъ довольны у васъ, мистеръ Гаусъ. Прекрасный порядокъ во всехъ комнатахъ, дисциплина между заклю-

ченными и прислугой. Во всемъ, однимъ словомъ, видны ваше усердіе и распорядительность.

Гаусъ почтительно кланялся въ знакъ благодарности.

Онъ проводилъ ихъ до воротъ. Мистеръ Вилліамсъ сказалъ, что докончить осмотръ на слѣдующій день, и еще разъ поблагодарилъ директора, который по этому случаю вернулся домой внѣ себя отъ радости.

XII.

На другой день мистеръ Вилліамсъ осматривалъ въ тюрьмѣ женское отдѣленіе, точно также остался доволенъ порядкомъ и благодарилъ мистера Гауса. Потомъ онъ сказалъ, что желаетъ видѣть тюремнаго пастора. Директоръ тотчасъ же послалъ за нимъ, но вспомнивъ о его угрозахъ, счелъ нужнымъ предупредить противъ него мистера Вилліамса. Онъ началъ:

— Кстати, сэръ, я хотѣлъ вамъ на него пожаловаться.

— Въ самомъ дѣлѣ? за что это?

— На дняхъ онъ вступился за одного изъ заключенныхъ, котораго я наказывалъ, разумется, за дѣло. Согласитесь, это можетъ вредить дисциплинѣ; тогда я, пожалуй, и не справлюсь съ виновными. Но это все-таки еще не такъ дурно, какъ то, что онъ говорилъ въ церкви проповѣдь, написанную именно противъ меня. Согласитесь, что этого нельзя терпѣть.

— Разумется, нельзя! Но что же именно осуждаетъ онъ въ васъ эту проповѣдь?

— Вы знаете, сэръ, что я служилъ въ арміи; у меня отъ прежней жизни осталось много привычекъ, которыя мнѣ теперь оставить очень трудно. Вотъ, напримѣръ, я привыкъ часто божиться безъ причины. Пасторъ замѣтилъ это за мною, и осмѣлился публично проповѣдывать въ церкви о моемъ недостаткѣ. Онъ, конечно, не назвалъ меня по имени, но цѣлыхъ полчаса говорилъ о томъ, какъ дурно божиться безъ надобности; и я понялъ очень хорошо, что онъ намекалъ на меня. Я даже замѣтилъ, что и сторожа догадались; всѣ они переглядывались между собою и шептались.

— Я поговорю непременно съ нимъ объ этомъ.

— Благодарю васъ, сэръ. Дайте ему благой совѣтъ не вмѣшиваться въ мои дѣла. Пусть каждый думаетъ о своей обязанности. Ахъ, вотъ и онъ. Я оставляю васъ на-единѣ, сэръ. Только, пожалуйста, не будьте къ нему слишкомъ строги; въдь онъ, въ сущности, прекрасный пасторъ. И мистеръ Гаусъ ушелъ съ озабоченнымъ видомъ.

Пасторъ подошелъ и почтительно поклонился мистеру Вил-
лиамсу, который отвѣчалъ ему поклономъ довольно холоднымъ.

Пасторъ началъ:

— Сэръ, я хотѣлъ говорить съ вами. Я долженъ просить васъ,
обратить вниманіе на число наказанныхъ у насъ въ тюрьмѣ. Ихъ
значительно больше прежняго, и наказанія гораздо строже.

— Напротивъ, я очень внимательно пересмотрѣлъ книги со
еписками наказанныхъ и нашелъ совершенно противное тому,
что вы говорите.

— Значитъ, наказанія не все тамъ означены.

— Это быть не можетъ!

— При томъ наказываютъ такъ строго, что вы бы вѣрно
пришли въ ужасъ, если бы могли видѣть такое варварство.

— Да какъ же вы хотите, чтобы не наказывали за дѣло?
Знаете ли вы, на примѣръ, что такое Джозефсъ?

— Это кроткій, смирный, послушный мальчикъ.

— Вотъ прекрасно! Я вамъ посоветую вотъ что. Если вы
точно также знаете характеръ и прочихъ заключенныхъ, то
лучше никогда не вмѣшивайтесь въ тѣ наказанія, которыя имъ
взначаетъ директоръ тюрьмы.

— Однако вы знаете, сэръ, что въ послѣдніе мѣсяцы были
даже здѣсь покушенія на самоубійство.

— Вы говорите о Джексонѣ. Да вѣдь онъ былъ лунатикъ.
Директоръ въ этомъ увѣренъ. Что же послѣ этого о немъ и
разсуждать?

— Я вамъ сообщилъ мое мнѣніе, сэръ; мнѣ кажется, что на-
казанія у насъ слишкомъ строги. Я сказалъ то, что ставилъ
себя въ обязанность сказать, и теперь совѣсть моя спокойна.
Теперь я могу уйти.

— Нѣтъ, мистеръ Джонсъ, позвольте. Мнѣ, въ свою оче-
редь, нужно сказать вамъ кое-что. Прошу вашего мнѣнія вотъ
на счетъ чего. Какъ вы думаете: имѣетъ ли право пасторъ вста-
влять личности въ свои проповѣди?

— Разумѣется, не имѣетъ. Но я васъ не понимаю, сэръ.

— Мистеръ Гаусъ считаетъ себя очень обиженнымъ вами,
потому что вы проповѣдывали противъ него въ церкви.

— Онъ ошибается. Этого никогда не было.

— Вы читали цѣлую проповѣдь противъ ненужной божбы, а
онъ божится.

— А, помню. Это было два воскресенья тому назадъ. Но я

ни сколько не имѣлъ въ виду намекать на мистера Гауса, и потому очень удивленъ, что онъ этимъ обидѣлся.

— Чему же тутъ удивляться, когда вы знаете, что онъ часто божится?

— Да въдь и сторожа божатся.

— Зачѣмъ же задѣвать и ихъ такъ прямо въ вашихъ проповѣдяхъ?

— Повторяю вамъ, сэръ, что это было сдѣлано безъ малѣйшаго намѣренія; это просто дѣло случая. Не слѣдовало мистеру Гаусу принимать это на свой счетъ.

— Въ самомъ ли дѣлѣ это было дѣло случая, мистеръ Джонсъ?

— Могу васъ увѣрить; я объясню самъ по этому поводу съ мистеромъ Гаусомъ.

— Это будетъ прекрасно. Необходимо въ тюрьмѣ, чтобы пасторъ и директоръ жили согласно и дружно. Я вамъ дамъ советъ: исполняйте только свою обязанность и не заботьтесь объ остальномъ.

Послѣ этого они разстались.

Вскорѣ подошелъ къ пастору мистеръ Гаусъ.

— Ну, что, сказалъ онъ, мистеръ Джонсъ? Не рѣшено ли, что вы будете главнымъ тюремнымъ начальникомъ, а я проповѣдникомъ, или все осталось по прежнему?

— Я знаю только то, что я сказалъ что было нужно; совесть моя спокойна. А какъ приняты мои замѣчанія, объ этомъ я несколько не забочусь. А вотъ въ чемъ дѣло. Вы сказали, мистеръ Гаусъ, что я противъ васъ проповѣдывалъ.

— Да, дѣйствительно, я это сказалъ.

— Но я непременно желаю васъ увѣрить, что вы ошибаетесь, что у меня и въ умѣ не было намекать въ моей проповѣди на васъ, оскорблять васъ.

— Чѣмъ же вы можете меня въ этомъ увѣрить?

— Если вы потрудитесь зайти ко мнѣ въ комнату, то я могу доказать, что вы ошибаетесь въ своихъ предположеніяхъ.

Они вмѣстѣ отправились въ комнату пастора, который тамъ открылъ два ящика въ огромномъ столѣ, и сказалъ:

— Мистеръ Гаусъ, видите вы эту кипу проповѣдей въ ящикъ на право?

— Вижу, отвѣчалъ Гаусъ:—и вѣрно скоро услышу многія изъ нихъ.

— Всю эту кипу я сочинялъ и читалъ, когда былъ пасторомъ въ Литль-Стокъ. А теперь, здѣсь, я ихъ всѣ перечитываю

во очереди, и которыя изъ нихъ мною уже прочитаны въ здѣшней церкви, тѣ отложены особо. На каждой проповѣди выставлены годъ и число, когда я ихъ сочинялъ. Посмотрите, вотъ проповѣдь о божбѣ. По означенію года вы можете заключить, что она написана не противъ васъ.

— Да, я согласенъ, что ошибся. Это уже просто мое несчастіе.

— И мое тоже, потому что я васъ невольнo оскорбилъ. Я очень сожалею о такомъ непріятномъ стеченіи обстоятельствъ.

— Довольно и того, что вамъ это непріятно. Изъ этого я вижу ясно, что тутъ ни болѣе, ни менѣе, какъ недоразумѣніе.

— И повѣрьте, что оно болѣе никогда не повторится. Впрочемъ, вѣдь я здѣсь буду проповѣдывать еще только одно воскресенье.

— Очень жаль, мистеръ Джонсъ. Надѣюсь, что мы, объяснившись, можемъ разстаться друзьями?

— Не выкушаете ли стаканъ эля, мистеръ Гаусъ, по этому случаю?

— Благодарю.

И пиво скоро было выпито.

Мистеръ Гаусъ очень торопился съѣсть одного мальчика, тринадцати лѣтъ, по имени Джиллиса. Ему было назначено, съ утвержденія членовъ комитета, двадцать ударовъ плетью. На двенадцатомъ ударѣ директоръ сказалъ: Довольно. Но несчастный сталъ кричать и просить, чтобы его свкли до конца, потому что онъ уже не чувствовалъ, отъ сильной боли, новыхъ ударовъ, и вѣсть съ тѣмъ не хотѣлъ пощады отъ мистера Гауса.

Директоръ терпѣть не могъ криковъ и шуму въ тюрьмѣ. Онъ, во возможности, старался этого избѣгать, и когда ктонибудь изъ заключенныхъ кричалъ, то этимъ только вдвое болѣе раздражалъ директора.

Точно такъ случилось и съ Джиллисомъ. Его крики сильно взбѣсили директора: «молчать», закричалъ онъ наказываемому и тотчасъ велѣлъ отвести его въ комнату.

Со слѣдующаго же дня директоръ началъ вымещать на немъ свое неудовольствіе.

Джиллису было назначено, въ день, баснословное число оборотовъ извѣстной рукоятки, которыхъ, онъ по своимъ силамъ и лѣтамъ, никакъ не могъ исполнить. Ему приходилось цѣлый день задыхаться у стѣны въ узкомъ кожаномъ воротникѣ.

Но наказаніе это не успокоило директора, онъ придумалъ дру-

гое. У Джиллиса отняли супъ, говядину и кашу, и дали, вмѣсто объѣда, одного хлѣба съ водой, а когда и того директору показалось мало, то онъ заставилъ мальчика, сверхъ назначеннаго времени, работать и тогда, когда другіе въ церкви.

Не слушать проповѣдей мистера Джонса, было большимъ лишеніемъ для молодаго заключеннаго; но конечно, и отъ этого онъ не могъ работать выше силъ. И работа его по прежнему не была окончена, такъ что директоръ присудилъ ему быть двѣ недѣли безъ постели и безъ освѣщенія.

Вынесли отъ него кровать и перестали освѣщать комнату газомъ. Это такъ ужасно подѣйствовало на мальчика, что онъ вышелъ изъ себя и началъ кричать: Лучше бы меня директоръ повѣсилъ, чѣмъ мучить каждый день!

Директоръ былъ въ это время въ корридоръ, услыхалъ шумъ и спросилъ, что это значить.

— № 50 шумитъ, потому что онъ безъ кровати и безъ огня, отвѣчалъ одинъ изъ тюремщиковъ. Директоръ вошелъ въ комнату № 50, и заставилъ несчастнаго Джиллиса выслушать самую оскорбительную и унижительную брань. Потомъ онъ отдалъ приказаніе запереть его съ шести часовъ вечера на всю ночь.

Тяжело было лежать несчастному на каменномъ холодномъ полу; его лишили кровати, — самой дорогой вещи для заключеннаго. Его положеніе стало для него такъ невыносимо, что онъ пришелъ въ отчаяніе. На другое утро сторожъ нашелъ его повѣсившимся на своемъ носовомъ платкѣ, почернѣвшимъ и безъ дыханія. Его тотчасъ же сняли, и съ большимъ трудомъ привели въ чувство.

Директоръ не замедлилъ объявить, что проучить его какъ слѣдуетъ за такую продѣлку; а потомъ просилъ пастора сходить къ Джиллису и усовестить его.

— Онъ долженъ покаяться передъ вами, прибавилъ Гаусъ, какъ передъ служителемъ Господа, долженъ испросить вашего прощенія.

Пасторъ отправился къ тому, кто покушался на свою жизнь, и, по возможности, старался заставить его понять все безразсудство такого поступка.

— Развѣ ты не понимаешь, что если бы ты лишилъ себя жизни, то имѣлъ бы въ виду гораздо худшее положеніе, чѣмъ твое нынѣшнее! Вѣдь ты этимъ приготовилъ бы себѣ мѣсто въ аду! Ну, а признайся—ка откровенно, какъ ты думаешь, гдѣ лучше, въ аду или здѣсь?

— Разумется въ аду, отвѣчалъ мальчикъ рѣшительно.

Это такъ поразило мистера Джонса, что онъ понялъ, до какой степени всякія увѣщанія тутъ бесполезны. И такъ, онъ счелъ лучшимъ войти серьезно въ положеніе мальчика, сблизиться съ нимъ и довести его до откровенности.

Это не стоило ему большого труда; онъ скоро узналъ, что Джиллисъ хотѣлъ повзвиться для того, чтобы напугать своихъ мучителей, что онъ слышалъ въ сосѣдней комнатѣ голосъ Фрея и зналъ, что тотъ скоро къ нему войдетъ и не дастъ ему умереть.

— Но вѣдь это былъ рискъ, онъ могъ и не скоро войти къ тебѣ.

— Ну, такъ что же? еще бы лучше было. Ужъ теперь меня не было бы на свѣтъ.

Разговоръ прекратился, потому что Джиллиса опять послали вертѣть рукоятку. Послѣ обѣда его опять высѣкли. Но вечеромъ были такъ милостивы, что внесли ему кровать.

— Все-таки я хорошо сдѣлалъ, что повзвился. Теперь за то хоть усну спокойно, подумалъ онъ.

И дѣйствительно, онъ такъ былъ счастливъ, бросившись на кровать, что забылъ прошедшія, настоящія и будущія мученія, и заснулъ въ три минуты.

Робинзона въ это время тоже преслѣдовали самымъ несправедливымъ образомъ. Онъ не подавалъ ни малѣйшаго повода къ наказанію, а его все-таки мучили въ кожаномъ воротникѣ.

Кончилось тѣмъ, что въ немъ родилась сильная ненависть къ директору тюрьмы. Робинзонъ считалъ его самымъ первымъ своимъ врагомъ и извергомъ общества. Онъ оцѣнилъ этого чловека, понялъ, что у него нѣтъ ни сердца, ни жалости, и что потому у него помилованія никогда и ни чѣмъ заслужить невозможно. Онъ рѣшился искать случая поговорить съ мистеромъ Джонсомъ, и просить, чтобы онъ за него вступился. Онъ разсуждалъ, что прямая обязанность священника—уничтожать жестокость и несправедливость, потому что онъ противны Евангелію.

Какъ будто для того, чтобы ободрить въ немъ это намѣреніе, мистеръ Джонсъ, заставъ его какъ-то у стѣны въ кожаномъ воротникѣ, посмотрѣлъ на него съ большимъ участіемъ и тяжело вздохнулъ при видѣ его страданій. Кроме того, на слѣдующее воскресенье, мистеръ Джонсъ очень кстати сказалъ проповѣдь противъ безчеловѣчности. Робинзонъ никакъ не ожидалъ, что это старинное произведеніе, а думалъ, что проповѣдь эта на-

писана именно въ его защиту. Все это еще болѣе побуждало его къ объясненію съ пасторомъ.

На его счастье, скоро послѣ того мистеръ Джонсъ пришелъ его навѣстить, и они остались на-единѣ. Онъ воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ и началъ:

— Сэръ, вы видите, какъ мы страдаемъ. Вступитесь за насъ; не я одинъ, мы все будемъ благословлять васъ, говорилъ онъ. Съ нами обращаются, какъ съ собаками, а вѣдь мы люди. Зачѣмъ же смотреть на насъ, какъ на звѣрей? У насъ есть сердце. Правда, что у иныхъ его нѣтъ, и потому я знаю, что вамъ нельзя будетъ смягчить этихъ варваровъ. Но вы пригрозите имъ, скажите, что донесете на нихъ. Пусть они хоть отъ страха не будутъ впередъ такъ безчеловѣчны. Сэръ, сжальтесь надъ нами, вы здѣсь нашъ единственный другъ. Спасите насъ!

Мистеръ Джонсъ былъ тронутъ, но чрезъ нѣсколько минутъ отвѣчалъ очень спокойно и холодно: «Я не могу вмѣшиваться въ распоряженія мистера Гауса, могу дать вамъ только одинъ совѣтъ: слушайте его и покоряйтесь ему во всемъ, а то вамъ будетъ еще хуже.» И онъ поспѣшно вышелъ. Только что онъ затворилъ за собою дверь, какъ на лицѣ у него выразилось состраданіе.

— Слава Богу, что я имѣлъ столько характера и не показавъ Робинзону сожалѣнія, не сказалъ ему, что онъ правъ. Если бы я съ нимъ согласился, это подало бы ему только поводъ еще съ большимъ жаромъ противиться власти директора; этимъ несчастный только еще болѣе повредилъ бы себѣ, и, пожалуй, его стали бы наказывать еще строже и чаще.

А бѣдный Робинзонъ потерялъ послѣднюю надежду на помощь. Имъ овладѣло сильно отчаяніе; онъ грянулся лицомъ на полъ, который былъ такъ же грубъ, какъ мистеръ Гаусъ, и такъ же холоденъ, какъ мистеръ Джонсъ. Положеніе несчастнаго заключеннаго было самое безотрадное!

ХІІІ.

Нельзя себѣ представить, до какой степени челоуѣкъ можетъ сдѣлаться дурнымъ, когда его ожесточаютъ именно въ ту минуту, въ которую онъ ждетъ утѣшенія. Такъ было и съ Робинзономъ. «Съ этого времени даю себѣ слово не говорить ни съ однимъ изъ этихъ чудовищъ.» Вотъ каково было его рѣшеніе; и онъ произнесъ его съ стиснутыми зубами и съ плающимъ отъ гнѣва лицомъ.

Несчастный началъ было свою жизнь въ тюрьмѣ, полный на-

Деждъ. Онъ надвѣлся заслужить сначала облегченіе своей участи, а потомъ и прощеніе хорошимъ поведеніемъ и усерднымъ исполненіемъ возложенныхъ на него работъ. Но надежды его рушились. Онъ узналъ, что Гаусъ любитъ наказывать, придираться и къ правому и къ виноватому, и что подъ его начальствомъ почти невозможно избѣгнуть тяжелой участи. Директоръ не могъ провести одного дня, не наказавъ когонибудь. Робинзонъ понялъ, что это не человекъ, а звѣрь, что у него въ милость попасть трудно. И онъ обратился къ другой, послѣдней надеждѣ. Онъ рассчитывалъ на мистера Джонса, который, по его мнѣнію, долженъ былъ непременно за всѣхъ вступить въ лицъ Робинзона, и публично объявить о всѣхъ варварствахъ въ ихъ тюрьмѣ. Но, увы! вотъ исчезла и эта послѣдняя надежда! мистеръ Джонсъ принялъ его слова холодно и на отръзъ отказалъ ему во всякомъ посредничествѣ между заключенными и начальниками. До чего же, при всей своей добротѣ, мистеръ Джонсъ безхарактеренъ, какой онъ эгоистъ, если, послѣ перваго неудачнаго разговора объ этомъ предметѣ съ членами комитета, онъ тотчасъ же отступился отъ защиты угнетенныхъ? На что послѣ этого и доброта, если добрый человекъ такъ слабъ! Скоро послѣ этого въ тюрьму поступилъ новый пасторъ, потому что мистеръ Джонсъ нашелъ себѣ другое мѣсто. Новый пасторъ пріѣхалъ съ другомъ своимъ, мистеромъ Лепелемъ, который тоже былъ тюремнымъ пасторомъ гдѣ-то въ сѣверной Англіи, занималъ эту должность уже пять лѣтъ, и во все время теперь въ первый разъ взялъ отпускъ на недѣлю.

Мистеръ Джонсъ и два пріѣхавшіе пастора обошли всю тюрьму и видѣли всѣхъ заключенныхъ. Новый пасторъ говорилъ мало, но, казалось, очень серьезно и подробно наблюдалъ надъ всѣмъ и всѣми. Онъ даже носилъ съ собою записную книжку, въ которой иногда что-то отмѣчалъ. Къ Робинзону имъ пришлось войти къ послѣднему. Они застали его сидящимъ въ углу, грустнымъ и озабоченнымъ.

При видѣ трехъ вошедшихъ, онъ отвернулся.

— Ну, пожалуйста, безъ выходокъ, серьезно и строго сказалъ тюремщикъ. Обернись и поклонись джентльменамъ.

Робинзонъ съ явной неохотой поклонился, и даже очень низко. Въ поклонѣ этомъ проглядывало однако столько презрѣнія, что Лепель вспыхнулъ отъ негодованія, замѣтивъ это, и пошелъ молча къ двери.

Тюремщикъ сказалъ: Онъ въ последнее время всегда такой странный; мистеръ Фрей думаетъ, что онъ повредился. Потомъ, обращаясь къ новому пастору, онъ прибавилъ: Лучше, сэръ, не входите къ нему одни, а всегда берите кого-нибудь изъ насъ.

— А что же съ нимъ? спросилъ новый пасторъ.

— Да я и самъ не знаю, что съ нимъ; наказывали его раза два за лень, такъ вотъ онъ и сталъ такой странный. А директоръ сказалъ, что если онъ такой и впередъ будетъ, такъ нужно его запираить въ темную.

— А гдѣ эта темная?

— Внизу, сэръ. Вы можете ее видѣть, если вамъ угодно.

— Ахъ, мнѣ пора въ городъ, сказалъ мистеръ Лепель, глядя на часы. Я общалъ своимъ родственникамъ обѣдать у нихъ въ три часа.

— Все-таки прежде посмотримъ темную.

— Пожалуй.

Они сошли внизъ, и Эвансъ, сопровождавшій ихъ тюремщикъ, отперъ тяжелую дверь въ какое-то безконечное, черное пространство, куда не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта. Всѣ съ любопытствомъ туда посмотрѣли.

— Лепель, когда вы вернетесь? спросилъ новый пасторъ.

— Къ девяти часамъ непременно.

— Такъ не напьетесь ли со мною чаю?

— Съ удовольствіемъ.

— Такъ до свиданія, покуда.

— Да вы куда же?

— А вотъ сюда.

— Какъ, въ эту темную бездну?

— Да.

— Вотъ новость! вскричалъ Эвансъ.

— Да вы, надѣюсь, туда не на долго.

— Останусь тутъ, пока вы не вернетесь.

— Вотъ фантазія!

Мистеръ Джонсъ не мало этому удивился, тюремщикъ тоже. Новый пасторъ тотчасъ же вошелъ въ этотъ мракъ и исчезъ у всѣхъ изъ виду.

— Лепель, послышался его голосъ изъ темноты, выпустите меня отсюда, когда возвратитесь, а теперь закройте дверь.

Дверь заперли и всѣ, перемигнувшись насмѣшливо, разошлись, каждый къ своему дѣлу.

Эвансъ нѣсколько медлилъ и еще разъ обернулся, чтобы взглянуть на ту страшную дверь, за предѣлы которой въ первый разъ пошелъ человекъ по собственному желанію. Онъ не могъ опомниться отъ удивленія.

XIV.

Когда мистеръ Лепель воротился въ тюрьму, то случайно встрѣтился съ директоромъ и разговорился съ нимъ. Онъ на-сказалъ директору столько любезностей о его распорядительности, объ исправности и благоустройствѣ въ тюрьмѣ, что тотъ очень его полюбилъ съ перваго раза.

— Однимъ словомъ, говорилъ пасторъ, эта тюрьма можетъ служить, во всѣхъ отношеніяхъ, образцомъ всѣмъ прочимъ тюрьмамъ. Я, право, увѣренъ, что, когда я возвращусь къ своей должности въ Кумберландъ, то мнѣ тамошнія устройства, послѣ вашихъ, не будутъ нравиться.

— Кумберландъ? Какъ? Развѣ не вы нашъ новый пасторъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ; я его другъ; моя фамилія Лепель.

— А гдѣ же нашъ? я слышалъ, что онъ осматривалъ всю тюрьму?

— Какъ! развѣ вы его не видали?

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не былъ у меня. Это, конечно, не совсемъ вѣжливо.

— Ахъ, да, я знаю гдѣ онъ. Недалеко. Если вы позволите, то я пойду за нимъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, зачѣмъ же вамъ беспокоиться. Годжсъ, не видалъ ли ты новаго пастора? Гдѣ онъ?

— Да Эвансъ говоритъ, что онъ... онъ... гм...

— Ну, что же ты запинаешься? гдѣ же онъ?

— Въ темницѣ.

— Зачѣмъ онъ тамъ? И съ которыхъ поръ?

Мистеръ Лепель отвѣчалъ:

— Съ трехъ часовъ, а теперь скоро девять; мы будемъ вмѣстѣ пить чай, и мистеръ Джонсъ съ нами.

— Да я все-таки не могу понять, зачѣмъ онъ тамъ? спросилъ мистеръ Гаусъ.

— Вѣроятно, чтобы испытать, хорошо тамъ или худо, отвѣчалъ мистеръ Лепель.

— Посмотримъ, что съ нимъ?

Гаусъ, Лепель, Годжсъ и Эвансъ подошли вмѣстѣ къ мѣсту добровольнаго заточенія новаго пастора.

Отперли дверь, все туда заглянули, но ничего не было видно.

— Надюсь, что ничего не случилось, в волнении оказалъ Лепель и протянулъ во мракъ свою руку. Ее тотчасъ же схватилъ бывший тамъ пасторъ и закричалъ:

— О, Лепель! Светъ меня страшно ослѣпляетъ. Мнѣ кажется, что вы все въ огнь. Дайте мнѣ вашу руку, помогите выйдти, Лепель!

Мистеръ Лепель его вывелъ; освобожденный закрывалъ глаза руками. Ему трудно было переносить светъ. Все улыбались и смотрѣли на него съ большимъ любопытствомъ.

— Долго ли я здѣсь былъ? спросилъ пасторъ.

— Шесть часовъ. Теперь девять.

— Неужели только шесть? Это невѣроятно!

— Я думаю, вы рады, что выбрались?

— Вотъ мистеръ Гаусъ, здѣшній директоръ, замѣтилъ мистеръ Лепель.

Гаусъ шутя спросилъ:

— А что, какъ вамъ тамъ показалось?

— Я буду имѣть честь поговорить съ вами объ этомъ послѣ, наединѣ, мистеръ Гаусъ. Кажется, намъ пора отправляться пить чай, мистеръ Лепель. Сказавъ это, новый пасторъ откланялся директору и вышелъ подъ руку съ своимъ другомъ и съ мистеромъ Джонсомъ.

На слѣдующій день они опять отправлялись, по порядку, къ каждому заключенному. Новый священникъ и мистеръ Лепель занисывали о каждомъ свои мнѣнія отдѣльно. Они также отмѣчали тѣхъ, которые, по ихъ мнѣнью, нуждались въ медицинской помощи. Въ числѣ этихъ былъ и Джозефъ. Новый пасторъ привелъ къ нему доктора.

— Ему только нужны покой и питательная пища; тоже не дурно было бы ему развлеченіе, но... и докторъ пожалъ плечами.

— Читаете ли вы? спросилъ Джозефа мистеръ Лепель.

— Очень плохо, сэръ.

— Такъ пусть къ нему каждый день ходитъ учитель, сказалъ мистеръ Лепель. Что тяготитъ мальчика на волю, то можетъ его развлекать въ тюрьмѣ.

Гаусъ нехотя согласился. Бѣдному Джозефу стали давать больше ѣсть и позволили отдохнуть отъ рукоятки и кожанаго воротника; каждый день къ нему на полчаса приходилъ учитель и училъ его читать. Кроме того, новый пасторъ часто у него сидѣлъ и рассказывалъ разныя занимательныя исторіи. Во всѣхъ

своихъ разсказахъ, онъ постоянно имѣлъ въ виду правоученіе. Онъ говорилъ о томъ, какіе бываютъ злые мальчики, какъ они много терпятъ за свое дурное поведеніе и непокорность, какъ они послѣ раскаяваются и научаются молить Бога, чтобы онъ сдѣлалъ ихъ добрыми, какъ потомъ, съ помощью Всемогущаго, они исправляются, дѣлаются добрыми и счастливыми и какъ ихъ за это ожидаетъ награда въ будущей жизни. Джозефъ чрезвычайно внимательно и съ большимъ удовольствіемъ выслушивалъ рассказы пастора, и каждый разъ, когда тотъ входилъ къ нему въ комнату, лицо Джозефа озарялось радостью. Учитель признавалъ его прилежнымъ, но не понятливымъ ученикомъ. Это было блаженное время для несчастнаго Джозефа.

Но Робинзонъ велъ себя совершенно иначе: онъ далъ себѣ слово упорно молчать. Пасторъ навѣщалъ его каждый день, былъ съ нимъ чрезвычайно ласковъ и внимателенъ, но не смотря на это, никогда не слышалъ отъ него слова признательности. Разъ какъ-то пастору стало такъ больно видѣть холодность и упорство заключеннаго, что онъ вышелъ отъ него съ тяжелымъ вздохомъ. Робинзонъ слышалъ этотъ вздохъ и самодовольно стиснулъ зубы по этому случаю: ему было пріятно, что онъ досадилъ хоть одному человѣку.

Новый пасторъ имѣлъ сильную антипатію къ знаменитой рукояткѣ. Онъ не могъ понять, какимъ образомъ можно было надѣяться заглушить въ человѣкѣ страсть къ воровству, заставляя его бессмысленно и озлобленно вертѣть рукоятку безъ всякой пользы. Ему казалось это униженіемъ человѣчества, и онъ рѣшительно не могъ видѣть заключенныхъ за этимъ занятіемъ.

Онъ очень рѣдко ходилъ смотрѣть тяжелыя работы. Разъ какъ-то онъ отправился навѣщать заключенныхъ, и вдругъ, при входѣ въ одну изъ комнатъ, у него замерло сердце, и онъ безъ движенія остановился на одномъ мѣстѣ.

Къ стѣнѣ, по принятой въ тюрьмѣ системѣ, былъ прирѣвленъ одинъ несчастный; онъ былъ страшно блѣденъ, губы у него были синія и глаза блуждали въ отчаяніи. Это былъ Томасъ Робинзонъ. Пасторъ не зналъ что дѣлать отъ удивленія и ужаса; у него захватывало дыханіе. Когда онъ опомнился, то едва слышно сказалъ съ презрѣніемъ тюремщикамъ:

— Это что такое?

— Онъ лѣнился за рукояткой, отвѣчалъ Годжсъ. Потомъ пасторъ подошелъ ближе къ Робинзону и осмотрѣлъ воротникъ.

— Развѣ вы имѣете разрѣшеніе отъ директора такъ наказывать? спросилъ онъ рѣшительно.

— Да, ужь это у насъ правило для лѣнливыхъ.

— Приказалъ ли вамъ это директоръ теперь?

— Нѣтъ, не теперь.

— Такъ сейчасъ же снимите его прочь.

— Тюремщики стояли въ нерѣшимости.

— Если вы этого не сдѣлаете, то я сдѣлаю.

И дѣйствительно, онъ бросился освобождать Робинзона изъ кожанаго воротника; тюремщики стали ему помогать. Робинзонъ упалъ безъ чувствъ на полъ; его стали вспрыскивать водою и мало-по-малу привели въ чувство.

Пасторъ бросился къ директору, блѣдный и задыхаясь.

— Я сейчасъ засталъ тюремщиковъ въ то время, какъ они мучили одного изъ заключенныхъ, безъ вашего разрѣшенія.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я его освободилъ. Пожалуйста, разберите это дѣло!

— Разберу.

Пастору почти сдѣлалось дурно, но не смотря на это, онъ пошелъ въ комнату Робинзона, посмотреть, что съ нимъ.

Робинзонъ лежалъ на полу, свернувшись въ комокъ.

Пасторъ нѣсколько разъ его спрашивалъ, за что его наказали, говорилъ, что хочетъ заступиться за него, быть его другомъ, но на все это не получилъ никакого отвѣта.

Наконецъ онъ разсердился, объявилъ Робинзону, что никогда больше не приметъ въ немъ участія, и вышелъ.

Въ корридоръ онъ встрѣтился съ мистеромъ Гаусомъ, который казался особенно серьезнымъ и строго сказалъ:

— Пастору въ нашей тюрьмѣ не позволено быть самовольнымъ посредникомъ между мною и заключенными.

— Я не понимаю, мистеръ Гаусъ, объяснитесь?

— Вы приказали моимъ тюремщикамъ освободить одного заключеннаго отъ наказанія. Они васъ не слушали, и тогда вы сами стали его освобождать.

— Да, это правда, но вѣдь они мнѣ сами сказали, что вы этого не приказывали.

— Совѣтую вамъ заботиться о своей должности, а не о моей.

— Прекрасно, но вѣдь это тоже моя должность: не допускать жестокостей.

— Если вы будете вѣшиваться въ мои дѣла, то не долго здѣсь останетесь.

— Да вѣдь мнѣ все равно, гдѣ служить.

Гаусъ злобно улыбулся и вышелъ.

Пасторъ сталъ спрашивать Эванса объ этомъ страшномъ наказаніи.

— Часто здѣсь такъ наказываютъ? спрашивалъ онъ.

— Да, очень часто.

— Вѣдь, я думаю, это страшно больно?

— Не совсѣмъ-то ловко.

— А ты знаешь, гдѣ лежать всѣ вещи, которыя употребляются при этомъ наказаніи? Принеси мнѣ ихъ.

— Извольте, сэръ.

Эвансъ скоро вернулся со всеми нужными вещами. Пасторъ долго ихъ разсматривалъ, а потомъ сказалъ Эвансу, чтобы онъ непременно и сейчасъ же сдѣлалъ съ нимъ то, что было сдѣлано съ Робинзономъ.

Эвансъ ничего не понималъ, и стоялъ какъ пораженный громомъ. Насилу пасторъ могъ его заставить понять, что онъ желаетъ испытать на себѣ то, что должны переносить его ближніе.

И онъ велѣлъ какъ можно ту же затягивать на себѣ воротничкъ. Но Эвансъ все не рѣшался и наконецъ сказалъ:

— Сэръ, вѣдь я худо дѣлаю, что исполняю это надъ вами. Вы пасторъ, и мнѣ, пожалуй, послѣ этого не посчастливится.

Однако онъ исполнилъ все по желанію пастора, который, подвергнувшись участи Робинзона, велѣлъ Эвансу выйти на полчаса. Когда тотъ вернулся, пасторъ, изнеможенный, безъ дыханія, былъ счастливъ, что его освободили. Онъ такъ страдалъ, что полчаса показалось ему вѣкомъ.

— Ну, что, понравилось? спросилъ тюремщикъ.

— Да вотъ, ты самъ попробуй.

— Зачѣмъ это?

— Чтобы узнать, хорошо это или худо.

— Ну, нѣтъ, слуга покорный.

— Неужели ты не захочешь доставить мнѣ удовольствіе?

— Какое угодно, только не это.

— Ну, а если я тебѣ дамъ гинею?

— Вотъ это другое дѣло. Пожалуй, согласенъ, только на полчаса.

— Да, на полчаса.

Т. СХІV. — Отд. I.

И Эвансъ смѣнилъ пастора, который положилъ ему передъ глазами гинею и вышелъ.

Черезъ десять минутъ онъ вернулся. На лицѣ Эванса уже вы-
ражалось страданіе.

— Ну, что, нравится? спросилъ пасторъ.

— Не очень худо, только жаль, что чувствуешь судороги во
всемъ тѣлѣ. Ой, ой!

— Что такое?

— Ничего, сэръ. Ай, ой! Не дешево приходится гинея!

— И меня тоже очень душило этимъ воротникомъ.

— Да, страшно душить. Зачѣмъ вы мнѣ этого прежде не
сказали, сэръ? Кабы я зналъ, ни за что бы не согласился.

— Я нарочно не сказалъ прежде времени. До свиданія.

— Пожалуйста же, сэръ, не просрочьте! полчаса, не больше!

— Нѣтъ, нѣтъ; до свиданія.

Пасторъ слушалъ за дверью стоны Эванса, и вошелъ его обо-
дрить.

— Терпи, терпи, получишь гинею черезъ восемь минутъ.

— Черезъ сколько?

— Черезъ восемь.

— Такъ нѣтъ, сэръ, лучше освободите меня.

— Какъ, не хочешь и гинеи? всего только семь минутъ оста-
лось.

— Чортъ съ ней, съ гинеей. Освободите меня, сэръ. Сжалъ-
тесь надо мной!

— Пожалуй.

И пасторъ тотчасъ же его освободилъ.

Эвансъ чувствовалъ себя очень худо. Пасторъ долго просилъ
его взять гинею, тотъ не соглашался, но наконецъ принялъ ее.

— Теперь ты знаешь, что терпять человѣкъ, котораго ты
подвергаешь такому ужасному наказанію. Я увѣренъ, эта же-
стокость потому только въ употребленіи, что ея не испытали
ты, которые назначаютъ ее другимъ. А вотъ мы съ тобой те-
перь ее попробовали, и уже конечно, даже и врага, ни за что не
подвергнемъ такому убійственному наказанію. Въдь мы не звѣ-
ри. Прощай, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, сэръ.

Пасторъ ушелъ, а Эвансъ поглядѣлъ сначала ему въ слѣдъ,
потомъ на свою гинею и проговорилъ едва слышно:

— А гинею-то все-таки заработалъ!

ТРИ СМЕРТИ.

ЛИРИЧЕСКАЯ СЦЕНА ИЗЪ ДРЕВНЯГО МІРА.

ОТЪ АВТОРА.

Вопросъ о жизни и смерти есть одинъ изъ первыхъ вопросовъ, въ разрѣшеніи которыхъ упражняется умъ человѣка въ первую пору его развитія. Для христіанскаго міра, Божественные лучи Откровенія разсѣиваютъ мракъ, окружающій эту великую тайну. Христіанинъ, умирая, вѣруетъ, что вступаетъ въ жизнь вѣчную, обязанный отдать Небесному Отцу своему отчетъ о земныхъ дѣлахъ своихъ. Но языческій міръ, представленный самому себѣ, блуждалъ во тьмѣ, и каждая философская секта рѣшала этотъ вопросъ по своему. Нѣкоторые приближались, отчасти, къ истинѣ, принимая догматъ о безсмертіи души; другіе отвергали его. Самая безотраднѣесть въ представленіи ихъ о смертномъ часѣ, которую они старались замаскировать цвѣтами вымысла, мнѣ казалась не лишена поэзіи: отыщите эти земныя розы — и еще болѣе поражаетъ отсутствіе вѣры и надежды, возвышающихъ для христіанина этотъ переходъ изъ жизни временной въ вѣчную. Эти различныя взгляды на жизнь и смерть въ языческомъ мірѣ я старался выразить въ этой поэмѣ. Кто знакомъ съ древностью, тотъ легко узнаетъ, откуда заимствованы выраженные здѣсь мысли, хотя онѣ и облечены въ образы и краски новѣйшаго времени; для незнакомыхъ съ древнимъ міромъ, укажу только, что «Посланіе къ смерти», которое Люцій приписываетъ Лукану, взято въ главныхъ чертахъ изъ Лукреціевой поэмы: *De rerum natura*.

Что касается до самой поэмы, то я напередъ прошу извиненія у всѣхъ въ искаженіи историческаго факта, къ которому я прицѣпиль занимавшія меня идеи. Скажу вмѣстѣ съ тѣмъ, что прибѣгну къ разговорной формѣ разсказа, я отнюдь не имѣлъ въ виду драматическихъ условій, болѣе увлеченный лирической стороной предмета. Исторической точкой отправленія да будетъ служить намъ только то, что поэтъ Луканъ и философъ Сенека приговорены Нерономъ къ казни, по поводу Пизонова заговора. Къ нимъ я присоединилъ еще одно лицо—эпикурейца Люція. Мы находимъ ихъ за послѣднимъ обѣдомъ передъ казнью.

Комната въ античномъ вкусѣ; посреди столъ съ явствами; около него ложа. Люцій, эпикуреецъ, одинъ какъ слѣдуетъ возлежитъ за обѣдомъ. Сенекка пишетъ завѣщаніе. Луканъ въ глубокой задумчивости. Въ углу бленіи сцены группа друзей и учениковъ Сенеки.

Люцій (оживъ послѣ пды руки водою, въ чашкѣ, подавнкой рабомъ, говоритъ).

Мудрецъ отличенъ отъ глупца
Тѣмъ, что онъ мыслить до конца.
И вотъ—я долго наблюдаю,
И нахожу, что смерть разить
Всего скорѣе апечить.
Я цѣлый часъ жую, глотаю,
Но все безъ вкуса—и не сытъ!...
Вина попробуемъ! быть можетъ,
Живая Ваххова струя
Желудокъ дремлющій встревожитъ...
Ну, кто же пьетъ со мной, друзья?
Луканъ!.. да ты какъ въ лихорадкѣ!
Въ Сенекъ строгій стоицизмъ
Давно разрушилъ организмъ!
И если вы въ такомъ упадкѣ—
Не мудрено, что въ этотъ часъ
Мой здравый разумъ бѣситъ васъ!

Луканъ.

Въ часъ смерти шутки неприличны!

Люцій.

Но лучше умереть шутя,
Чѣмъ плакать, рваться какъ дитя
Безъ пользы!

Луканъ.

Мнѣнія различны!
Кто жизнь обжорству посвятилъ,
Тотъ потеряетъ съ ней не много!

ЛЮЦІЙ.

Э, милый! не суди такъ строго!
 Я, признаюсь, еще бѣ пожилъ,
 И неохотно умираю...
 Но, чтобы съ честью этотъ шагъ
 Свершить—въ твоихъ, мой другъ, стихахъ
 Себѣ отваги почерпаю.
 «Посланье къ смерти» помнишь ты?
 Въ немъ есть высокія черты!
 Съ скелета смерти снялъ ты смѣло
 Земной фантазіи цветы...
 Ты помнишь: *(Декламируетъ).*

«Друзья! намъ смерть страшна лишь тѣмъ,
 Все кажется, что не совсѣмъ,
 Не разомъ мы умремъ;

Что будемъ видѣть мы свой трупъ,
 Улыбку неподвижныхъ губъ,
 Глаза съ тупымъ зрачкомъ;

А мухи, стаяй по лицу,
 Безъ уваженья къ мертвецу,
 И по лбу поползуть;

И съ содроганьемъ отъ тебя,
 Родные, близкіе, друзья,
 Въ испугъ отойдутъ;

ЛУКАНЪ.

Ужасный образъ! какъ я могъ!..

ЛЮЦІЙ.

Позволь! въ концѣ—благой урокъ.
(Читаетъ далѣе).

Что даже изъ земли сырой
 За рѣзвой жизнию земной
 Слѣдить твой будетъ слухъ;

И между тѣмъ, какъ надъ тобой
 Весна покровъ разстелетъ свой,
 И запестрѣетъ лугъ,—

Червь на тебя ужъ нападетъ
 И жадно ѣсть тебя начнетъ
 И щеки, и бока...

СЛОВЕСНОСТЬ

Луканъ (*перебивая его*).

Да перестань!

Люцій (*продолжаетъ*).

И будешь вѣчно рваться ты
На свѣтъ изъ душевной темноты —
- Да крышка-то крѣпка!

Но смертный! знай! твой тщетенъ страхъ!
Вѣдь на своихъ похоронахъ
Не будешь зритель ты!

Вѣдь вмѣстѣ съ дружеской толпой
Не будешь плакать надъ собой
И класть на гробъ цвѣты;

По смерти ты сталъ вѣ тревогъ;
Ты сталъ загадкою какъ богъ,
И вдругъ душа твоя,

Какъ радость встрѣтила покой
Какого въ жизни нѣтъ земной—
Покой небытія!»

Вѣдь превосходно! Эпиктетомъ
Проникнуть живо каждый стихъ!
Прошу покорно—вѣрь поэтамъ!
Мечты и вѣрованья ихъ
Подвижный тучекъ золотыхъ!..
Вы все на колоколъ похожи,
Въ который можетъ зазвонить
На площади любой прохожій!
То смерть зоветъ, то хочетъ жить,
То снова къ жизни равнодушень...
Задача, право, васъ понять!..

Луканъ.

Что жъ этимъ хочешь ты сказать?
Что вѣтренъ я и малодушень?...

Сенека (*переставая писать, удерживаетъ Лукана*).

Оставьте споръ! прилично ль вамъ
Безумнымъ посвящать рѣчамъ
Свои послѣднія мгновенья!

Смерть—шагъ великій! (*къ Люцію*) Въръ, мой другъ,
 Есть смыслъ въ Платоновомъ ученъ—
 Что это мигъ перерожденья.
 Пусть здѣсь убьетъ меня недугъ —
 Но, какъ мерцаніе авроры,
 Какъ лилій чистый ѳнміамъ,
 Какъ лиръ торжественныя хоры,
 Иная жизнь насъ встрѣтитъ—тамъ!
 Въ душѣ, за симъ земнымъ предѣломъ,
 Проснутся, выглянуть на свѣтъ
 Иныя чувства, роємъ цѣлымъ,
 Которымъ органа здѣсь нѣтъ.
 Мы—боги скованныя тѣломъ,
 И въ этотъ дивный переломъ,
 Въ страданъ покидая землю,
 Я прежній образъ свой приѣмлю,
 Вступаю въ небо—божествомъ!

Люцій.

Я спорить не хочу, Сенека!
 Но отчего такъ созданъ свѣтъ,
 Что гдѣ хоть два есть человекъ—
 И два есть взгляда на предметъ?
 Твое, какъ молотъ, сильно слово —
 Но убѣждаюсь я въ иномъ...
 Существованія другаго
 Не постигаю я умомъ!
 Взгляни на лавры вѣковые —
 Ихъ листья, каждый въ свой чередъ,
 Переменяются что годъ —
 Одни спадаютъ, взойдутъ другіе,
 А лавръ все зеленъ, вѣчно свѣжъ,
 И листья будто вѣчно тѣжъ...
 Вотъ такъ и мы — Луканъ, Сенека,
 Слуга покорный вашъ — умреть,
 Отпадшій листь! но заживетъ
 Какъ прежде племя человекъ!
 Иной появится пѣвецъ,
 Другіе будутъ жить и вздорить,
 Страдать, любить, о томъ же спорить,

О чемъ и мы съ тобой, мудрецъ!..
 Но пусть по смерти жить мы будемъ!
 (Тебѣ готовъ я уступить!)
 А все себя мы не принудимъ
 Безъ сожалѣнья кончить жить.
 Намъ неприятна перемѣна.
 Вотъ что мнѣ кто-то говорилъ:
 На островъ какомъ-то жилъ
 Философъ, секты Діогена.
 Онъ въ бѣдномъ рубищѣ ходилъ,
 Спалъ гдѣ пришлось прилечь къ сараю,
 Босой, съ клюкой, нужда кругомъ...
 Какимъ ужь случаемъ, не знаю,
 Всему вдругъ вздумалось краю
 Его избрать своимъ царемъ.
 Чтожъ? царскій пурпуръ надѣвая,
 И тряпки ветхія скидая,
 Объ нихъ вздохнулъ онъ тяжело,
 И пожалѣлъ удѣлъ убогой,
 Сказавъ: вѣдь было же тепло
 Подъ сей цинической тогой!
 Не то же ль съ жизнію земной?
 Достигши вѣчнаго предѣла,
 Жалѣешь бросить это тѣло —
 Покровъ убогій и худой!
 Ты говоришь, что мы одною
 Съ богами жизнью заживемъ?
 Да лучше ль намъ? Ну, какъ порою,
 Смотря какъ мы свой вѣкъ ведемъ,
 Богини съ грозными богами,
 Какъ волки щелкають зубами! *
 Смотря какъ смертный встѣ и пьетъ,
 И съ смертною тѣшится любезной,
 Они, быть можетъ, бесполезно
 Крпясь, облизываютъ ротъ!
 Что мнѣ въ ихъ жизни безъ волненій?
 Мірами что ли управлять?

* Здѣсь Люцій пародируетъ насмѣшки Лукіана надъ языческими богами, — черта, показывающая лучше всего паденіе вѣры въ древнюю міеологию въ римскомъ мірѣ.

Въ нихъ декорации мѣнять,
И, вмѣсто всякихъ развлеченій,
Людьми какъ шапшами играть,
И какъ актерами плохими,
Отнюдь не увлекаться имъ,
Ни скучной пьесой!.. Натъ! Клянусь,
Я въ боги вовсе не гожусь!..

Луканъ.

Натъ! не страшать меня загадки
Того, что будетъ впереди!
Жаль бросить олавныхъ дѣлъ начатыхъ,
И все, что было въ груди,
Что было мнѣ всего дороже,
Чему всю жизнь я посвящать!
Мнѣ страшно думать — для чего же
Во мнѣ кипѣло столько силъ?
Зачѣмъ же сила эта крипла,
Росла, стремилась къ торжествамъ?
Титанъ, грозившій небесамъ,
Ужели станетъ — горстью пепла!
Не можетъ быть! гдѣ-жъ омысль въ богахъ?
Гдѣ высшій разумъ? Провиданье?
Вдругъ челоуѣка взять въ ладохъ,
Возвысить въ міра, дать значенье,
И вдругъ — разбить безъ сожалѣнья,
Какъ форму глянную въ прахъ!...
Ужели, съ даромъ пьесы, лира
Была случайно мнѣ дана?
Натъ! въ ней была заключена
Одна изъ силъ разумныхъ міра!
Народовъ мысли — образъ дать,
Ихъ чувству — слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за все живое —
Вотъ мой удѣлъ! вотъ власть моя!
Когда для правды безпріютной
Въ сердцахъ людей мелькавшей смутно,
Скую изъ слова образъ я,
И тутъ враговъ слѣпая стая

Его подхватить, злѣсь и лая,
 Какъ псы обглоданную кость, —
 Все, что отвергнуто толпою,
 Все веселилось со мною,
 Смотри на жалкую ихъ злость!..
 А злоба мрачныхъ изувѣровъ,
 Ханжей, фигляровъ, лицемѣровъ,
 Съ которыхъ маски я сбиваль?
 Дитя — ихъ мучилъ и пугаль!
 Столповъ отечества заставить
 Я могъ капризамъ льстить моимъ —
 Тѣмъ, что я ихъ стихомъ однимъ
 Могъ вознести или обезславить!
 Съ Нерономъ спорить я дерзаль —
 А кто же спорить могъ съ Нерономъ!
 Онъ ногти грызъ, онъ двигаль трономъ,
 Когда я вслѣдъ за нимъ читаль,
 И въ залъ шопотъ пробѣгаль...
 Чтожъ? не былъ я его сильнѣе,
 Когда не властвуя собой,
 Онъ опрокинулъ тронъ ногой
 И вышелъ — полотно бѣлье!
 Вотъ жизнь моя! и чтожъ? ужель
 Вдругъ умереть! и это — цѣль
 Трудовъ, великихъ начинаній!...
 Побѣдный лавръ! вѣнецъ желаній!...
 О, боги! нѣтъ! не можетъ быть!
 Нѣтъ! жить, я чувствую, я буду!
 Хоть чудомъ — о, я вѣрю чуду!
 Но долженъ я и — буду жить!

(Входитъ Центуріонъ, со свиткомъ въ рукѣ).

Люцій *(указывая на Центуріона).*

Вотъ — и спаситель! Ну, покуда
 Тутъ нѣтъ еще большаго чуда. *(къ Центуріону)*
 Какія новости?

Центуріонъ *(подавая ему свитокъ).*

Декретъ

Сената.

Люцій.

Други! шлетъ привѣтъ
Сенатъ къ намъ! уваженъе къ власти!

Луканъ.

Читай!

Люцій.

Стой! кто рѣшить впередъ —
Жизнь или смерть? закладъ идетъ?

Луканъ.

Я бѣ разорвалъ тебя на части
За эти шутки!

(Вырываетъ свитокъ и читаетъ декретъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что Сенатъ, въ неизрѣченной милости своей, избавляетъ ихъ отъ позорной казни, даруетъ имъ право выбрать родъ смерти и самимъ лишить себя жизни; сроку до ночи. Центурионъ обязанъ наблюдать за исполненіемъ декрета, и о послѣдующемъ донести.)

Люцій.

Не дурень слогъ. Писать умвють.

Луканъ.

Зловди! изверги!

Люцій.

Притомъ

Прилице тонко разумвють —
Что одолжаться палачемъ
Неблагородно чловѣку... *(къ Центуриону)*
Но что ты смотришь на Сенеку?

Луканъ.

Ты тронуть! ты потушилъ взглядъ!

Въ твоёмъ лицѣ слѣды смущенья!
 О, вѣрь мнѣ, то боговъ внушенья!
 Спаси намъ жизнь! благословяте .
 Тебя народы! Предъ тобою
 Мудрецъ съ маститой сѣдиною —
 Онъ чистъ какъ дѣва, какъ Сократъ!

ЦЕНТУРІОНЪ.

Мой долгъ...

ЛУКАНЪ.

Твой долгъ! а жить безъ славы!
 Для дикой прихоти губя
 Людей, отечество, себя,
 Прожить слѣпцомъ въ грязи кровавой!
 О, если долгъ въ твоей груди
 Не все убилъ, то — отведи
 Меня въ Сенатъ! Какъ съ поля битвы
 Предъ смертью ратнику, сказать
 Дай мнѣ послѣднія молитвы!
 Дай мнѣ предъ смертью завѣщать
 Безъ лжи, передъ лицомъ вселенной,
 Все, что привыкъ я неизмѣнной,
 Святою истинной считать!

(Центуріонъ, не обращая вниманія на Лукана, удаляется въ глубину комнаты. Луканъ продолжаетъ, въ сильномъ волненіи.)

Я имъ скажу — въ нихъ чести нѣтъ!
 Въ нихъ умъ какой-то мглой одѣтъ!
 Для нихъ — отечество и слава —
 Ръчей напыщенныхъ приправа!
 Величіе народа въ томъ,
 Что носить въ сердцѣ онъ своемъ;
 Убивъ въ немъ доблести величье,
 Заставивъ въ играхъ и пирахъ
 Забыть добра и зла различье,
 Въ сердца вселяя только страхъ,
 Отъ правды казнью ограждаясь,
 И предъ рабами величаясь,
 Они мечтаютъ навоегда

Избвгнуть кары и суда...
 Я имъ скажу—готовять сами
 Свой приговоръ себѣ они!

.....

СЕНЕКА.

Луканъ! оставь, оставь слѣпцовъ!

Люцій.

Пришла жъ охота на циклоповъ
 На двуутробокъ и сорокъ
 Взглянуть предъ смертью! взять урокъ
 У нихъ дилеммъ, фигуръ и троповъ!

Луканъ.

Но какъ безъ боя все отдать!...
 Хотя бъ къ народу мнѣ воззвать!
 Пзвецъ у Рима умираеть!
 Сенека гибнеть! и народъ
 Молчить!.. Но, нѣтъ, народъ не знаетъ!
 Народу милъ и дорогъ тотъ,
 Кто спатъ въ немъ мысли не даеть!

Люцій.

Да, милъ какъ бабочка ночная,
 Покуда крыльевъ не ожжетъ,
 Черезъ огонь перелетая...
 Народъ твой первый же потомъ
 И назоветъ тебя глупцомъ.

Луканъ (*закрывъ лицо руками*).

Но, Цезарь!... мы вѣдь съ нимъ когда-то
 Росли, играли какъ два брата!
 Онъ вспомнить время дѣтскихъ игръ,
 И приговоръ свой остановить...
 Въ немъ сердце есть... вѣдь онъ не тигръ...
 Римъ часто по пусту злословить...
 Что я ему? Мои мечты
 Да пѣсни — всѣ мои заботы!..

Люцій.

Мой бѣдный мальчикъ, съ жизнью счеты
Еще не кончилъ видно ты!..

(Одинъ изъ учениковъ Сенеки входитъ въ комнату. Съ нимъ рабъ. Онъ говоритъ шопотомъ.)

Ученикъ.

Друзья, — чуръ тише — я съ надеждой!

Луканъ.

Прощенье?...

Ученикъ.

Въ домъ выходъ есть;
Со мной двѣ женскія одежды.
Пробратся къ Тибру, въ лодку съестъ,
И въ Остію! бѣги съ Луканомъ,
А я останусь здѣсь съ рабомъ.
Луканъ съ нимъ сходенъ видомъ, станомъ,
Я съдѣ, гляжу ужъ старикомъ...
Бѣгите! время есть до срока,
И вы ужъ будете далеко,
Какъ насъ найдутъ здѣсь поутру.

Луканъ.

Я говорилъ, что не умру!

Сенека.

Бѣги, Луканъ! Мнѣ съ съдиною
Нейдетъ ужъ бѣгать отъ враговъ.

Люцій.

А жаль! Я бѣ посмотрѣлъ каковъ
Ты въ юнкъ!..

Ученикъ.

Гибель предъ тобою!
Смерть въ каждомъ домъ! Цѣлый Римъ
Какъ церкъ. Людей травятъ звѣрями.

Постумъ убитъ рабомъ своимъ;
 Пизонъ вскрыль жилы. Подъ досками
 Раздавленъ Кай. Чего жъ вамъ ждать?

СЕНЕКА.

Мой другъ, не дважды умирать!
 Разъ — этотъ праздникъ!

УЧЕНИКЪ.

Но съ тобою
 Погибнетъ все! ты много намъ
 Не досказалъ!

СЕНЕКА.

Найдешь и самъ
 Все, что осталось за мною —
 Лишь мысли, истину любя.

ЛУКАНЪ.

Учитель! я молю тебя!

УЧЕНИКЪ.

Въдь ты послѣдняя лампада
 Во мракъ жи!

СЕНЕКА.

Оставь меня.
 Ни просьбъ, ни лести мнѣ не надо.
 Вѣрь, каждый шагъ свой — знаю я!

УЧЕНИКЪ.

Я это зналъ... я зналъ тебя!
 О, горе! что же будетъ съ нами!..
 Жить въ мракъ плача и скорбя,
 Что свѣтъ мелькнулъ передъ глазами,
 И скрылся!.. Ты душой высокъ!
 Ты недоступенъ намъ, Сенека!
 Ахъ! правда! въ сердце чловѣка!
 Есть нѣчто высшее, есть Богъ!..
 Сей часъ я видѣлъ — и смущеньемъ

Тяжелымъ весь взволнованъ былъ...
 Я черезъ форумъ проходилъ.
 Съ каѳимъ-то дикимъ изумленьемъ
 Народъ носилки окружилъ.
 Въ носилкахъ трупъ Эпихариды —
 (Подъ видомъ праздниковъ Киприды
 Пизонъ друзей собиралъ къ ней въ домъ.)
 Вчера она, подъ колесомъ,
 Въ жестокихъ мукахъ, не винилась,
 И никого не предала!...
 Трещали кости, кровь текла...
 Въ носилкахъ петлю изловчилась
 Связать платкомъ — и удавилась!
 Воскликнулъ самъ Центуріонъ:
 «Въ рабынь вселился духъ Катоновъ!»
 А Римъ? Сенать? весь обращенъ
 Иль въ палачей, или въ шпионовъ!

Луканъ.

Эпихарида!

Ученикъ.

Да, она —
 Душа безумныхъ Сатурналій!

Луканъ.

И ты хотѣлъ, чтобъ мы бѣжали!

Люцій.

Бываютъ точно времена
 Совсѣмъ особеннаго свойства.
 Себя не трудно умертвить,
 Но жизнь понявъ, остаться жить —
 Клянусь — не малое геройство!

Луканъ.

И смерть въ рукахъ ея была
 Для цѣлой половины Рима —
 И никого не предала!
 А жить бы въ золотъ могла,

На площадяхъ боготворима
 Въ мѣди-бѣ и въ мраморѣ была
 Какъ мать отечества!.. О, боги!
 Сенека! и взглянуть стыжусь
 На образъ твой, какъ совѣсть строгій!
 Да развѣ могъ я жить, какъ трусъ!
 Нѣтъ, нѣтъ! Клянусь, меня не стануть
 Геройствомъ женщинъ попрекать!
 Послѣднихъ Римлянъ въ насъ помянутъ!
 Ну, Римъ! тебѣ волчица — мать
 Была! Я вѣрю... въ сказку древней
 Есть правда... Ликторъ! я готовъ...
 Я здѣсь чужой въ гнилой харчевнѣ
 Убійцѣ наемныхъ и воровъ...
 Смерть тяжела лишь для рабовъ!
 Намъ—въ ней триумфъ.

(Обнимаетъ Сенеку и друзей, и говоритъ, поднявъ глаза къ небу).

О, боги! боги!

Вы обнажили предо мной
 Виднѣя древности съдой
 И Олимпійскіе чертоги —
 Затѣмъ, чтобъ стихъ могучій мой
 Ихъ смертнымъ былъ провозвѣстатель!..
 Теперь стою я какъ ваятель
 Въ своей великой мастерской.
 Передо мной — какъ исполины
 Недовершенныя мечты!
 Какъ мраморъ, ждуть онѣ единой
 Для жизни творческой черты!
 Простите жъ, пышныя мечтанья!
 Осуществить я васъ не могъ!..
 О, умираю я какъ богъ
 Средь начатаго мірозданья!

(Луканъ, обнявъ Сенеку и Люція, уходитъ, сопровождаемый Ликторами. Сенека хочетъ за нимъ слѣдовать, но останавливается на движеніе бросившихся къ нему учениковъ, и проведя рукою по челу, говоритъ тихо и торжественно).

СВЕНКА.

Одну имѣлъ я въ жизни цѣль,
 И къ ней я шель тропой тяжелой.
 Вся жизнь моя была досель
 Нравоучительною школой;
 И смерть есть новыи въ ней урокъ,
 Есть буква новая, средь вѣчной
 И дивной азбуки, залогъ
 Науки высшей, безконечной!
 Творецъ мнѣ разумъ строгій даль,
 Чтобъ я вселенную извѣдалъ,
 И что въ себѣ и въ ней позналъ, —
 Въ науку бѣ позднимъ внукамъ предаль;
 Послалъ онъ въ встрѣчу злобу мнѣ,
 Развратъ чудовищный и гнусный,
 Чтобъ я, какъ дубъ на вышинѣ,
 Средь бурь, окрѣпъ въ борьбѣ искусной,
 Чтобъ въ массѣ подвиговъ и дѣлъ
 Я образъ свой напечатлѣлъ...
 Я все свершилъ. Мой образъ вылить.
 Еще рѣзца послѣдній взмахъ —
 И гордо встанетъ онъ въ вѣкахъ.
 Рѣзецъ не дрогнетъ. Не осилитъ
 Мнѣ руку страхъ. Здѣсь путь свершенъ, —
 Но духъ мой, жизнью земною
 Усовершенъ и умудренъ,
 Вступаетъ въ вѣчность.... Предо мною
 Открыта дверь — и вижу я
 Зарю инаго бытія...

(Друзья съ воплями обнимаютъ колѣна фило-софа. Смотри на нихъ, онъ продолжаетъ).

Жизнь хороша, когда мы въ мѣръ
 Необходимое звѣно,
 Со всѣмъ живущимъ заодно; —
 Когда не лишній я на пирѣ;
 Когда, идя съ народомъ въ храмъ,
 Я съ нимъ молюсь однимъ богамъ...
 Когда жъ толпа, съ тобою розно,
 Себѣ воздвигнувъ божество,
 Слѣдитъ съ какой-то злобой грозной

Движенья сердца твоего;
 Когда указывает пальцемъ,
 Тебя завидя далеко, —
 О, жить отверженнымъ скитальцемъ,
 Друзья, повърте, не легко!
 Остатки лучшихъ поколвнй,
 Съ ихъ древней доблестью въ груди,
 Проходимъ мертвые, какъ твни,
 Мы какъ шуты на площади!
 И незамтно втерь крпкй
 Потопить насъ среди зыбей,
 Какъ обезсмысленныя щепки
 Побдоносныхъ кораблей...

Нашъ ввкъ прошелъ. Пора намъ, братья!
 Иные люди въ миръ пришли;
 Иныя чувства и понятя
 Они съ собою принесли....
 Быть можетъ, ввруя упорно
 Въ преданя юности своей,
 Мы леденимъ, какъ вихрь тлетворный,
 Жизнь обновленную людей.
 Быть можетъ.... Истина не съ нами!
 Нашъ умъ ея уже нейметъ,
 И ослабввшими очами
 Гляднтъ назадъ, а не впередъ.
 И свѣта истины не видитъ,
 И вопіеть — спасеня нвтъ!
 И можетъ быть, иной прійдетъ,
 И скажетъ людямъ — вотъ гдѣ свѣтъ!
 Нвтъ! намъ пора!... Открой мнѣ жилы!...
 О, величайшее изъ благъ —
 Смерть! ты теперь въ моихъ рукахъ!...
 Сократъ! учитель мой! другъ милый!
 Къ тебѣ иду!...

(Уходитъ, сопровождаемый учениками.)

Люцій.

Ты кончилъ хорошо, Сенека!
 И славно выдержалъ!... Ну, вотъ —
 Героемъ меньше!... Злость беретъ,

Какъ поглядишь на чело́вѣка!
 Что жь изъ того, что умеръ ты?
 Что духомъ до конца не падалъ?
 Для болтовни, для клеветы
 Ты Риму разговоръ задалъ
 Дня на два! Вотъ и подви́гъ твой!
 (*Смотритъ въ окно на небо и дальнія горы*)
 Какъ тамъ покойно! Горы ясны....
 Вотъ такъ и боги, безучастно
 Съ небесъ глядятъ на родъ людской!...
 Да что и видѣть?... (*Охлаждается въ комнату*)
 Здѣсь ужасно
 И жить, не только умирать!
 А жить осталось не много....
 Что жь пользы Немезидъ строгой
 Часъ лишній даромъ отдавать?
 Для дѣлъ великихъ отдыхъ нуженъ,
 Веселый духъ и — добрый ужинъ....
 По смерти слава... то-есть знать,
 Что будетъ риторъ бородатый
 Толпъ мальчишекъ вороватой
 Тебя примѣромъ выставятъ!...
 До тайнъ грядущихъ — нѣтъ мнѣ дѣла!
 И — здѣсь ли кончу я свой вѣкъ,
 Иль будетъ жить душа безъ тѣла —
 Все буду я — не чело́вѣкъ!...
 Ну, а теперь, пока я въ силъ,
 Съ почетомъ отпустить могу
 Я тѣло — стараго слугу....
 Эй, рабъ! въ моей приморской виллѣ
 Мнѣ лучший ужинъ снаряди,
 Въ амфитеатръ, подъ горами.
 Мнѣ ложе уברי цвѣтами,
 Балетъ вакханокъ приведи,
 Хоръ фавновъ.... лиры и тимпаны...
 Да хоръ не такъ, какъ въ прошлый разъ:
 Пискунъ какой-то — первый басъ!...
 Въ саду открой вездѣ фонтаны;
 Вотъ ключъ — тамъ, въ дальней кладовой
 Есть кубки съ греческой рѣзбой —

Достань. Да разошли проворно
 Рабовъ созвать друзей.... Пускай,
 Кто живъ, тотъ и прійдетъ. Ступай
 Къ Марцеллу самъ. Проси покорно,
 Хранится у него давно
 Гораціанское вино.

Скажи, что господинъ твой молить
 Не отказать ему ни въ чемъ,
 Что нынче — умирать изволить!
 Ну, все.... ты вѣрнымъ былъ рабомъ,
 И не забыть въ моей духовной.

(Рабъ упадаетъ къ ея ногамъ)

Да не торгуйся, не скупись —
 Чтобъ ужинъ вышелъ баснословный!..
 Да! главное забыть.... Стучись
 Безъ милосердыя въ двери Лиды.
 Снеси цвѣтовъ корзины ей,
 И пусть, какъ къ празднику Кириды,
 На ужинъ явится скоръй.

(Рабъ уходитъ.)

И на коленяхъ дѣвы милой,
 Я, съ напряженной жизни силой,
 Въ послѣдній разъ упьюсь душой
 Дыханьемъ травъ, и моремъ спящимъ,
 И солнцемъ въ волны заходящимъ,
 И Лиды ясной красотой!..
 Когда жъ пресыщусь до избытка,
 Она смертельнаго напитка,
 Умилно улыбаясь мнѣ,
 Сама не зная, дастъ въ винъ,
 И я умру шутя, чуть слышно,
 Какъ истый мудрый сибаритъ,
 Который, трапезою пышной
 Насытивъ тонкій аппетитъ,
 Средь ароматовъ, мирно спитъ.

А. МАЙКОВЪ.

ПРЕЖНИЕ ГОДЫ.

(Изъ Мицкевича.)

Ты помнишь ли, мой другъ, минувшіе года,
Колодець, молодымъ увѣнчанный ясиномъ,
И лоно темное широкаго пруда,
И мельницу, и лѣсъ, и обнесенный тыномъ

Душистый вишнякъ, гумно и надъ овиномъ
Віющійся дымокъ; въ село бѣгутъ стада,
Послѣдній лучъ зари играетъ по долинамъ
И всходитъ на небо вечерняя звезда,—

Мы въ садъ бѣжимъ съ тобой, а мѣсяць, изъ-за тучи
Взглянувши на тебя, льетъ золото лучей,
Невыразимый блескъ придавъ красъ твоей....
Ты помнишь ли, какъ ласки были жгучи,

Какъ рѣчь была жива! Единый въдалъ Богъ,
Что чувствовали мы и что творилось съ нами,
Когда кипѣлъ въ душѣ за вздохомъ тайный вздохъ
И слезы тихія мѣшались со слезами...

Н. ВЕРГЪ.

АПОЛЛОНУ НИКОЛАЕВИЧУ

МАЙКОВУ.

Какъ ты грустилъ!—помилуй Богъ!
Скажи мнѣ, Майковъ, какъ ты могъ,
Съ дѣтми играя, тихо глядя
Ихъ по головкѣ, слыша смѣхъ
Ихъ вѣчно звонкій, вспомнить тѣхъ,
Чей геній палъ съ судьбой не слѣдя,—
Чей трудъ погибъ.....

Какъ могъ ты, глядя

На сѣверныя небеса,
Вдругъ вспомнить Рима чудеса,
Проникнуться воспоминаньемъ,
Вообразить, что я стою,
Средь Колизея, какъ въ раю,
И подарить меня посланьемъ?
Мнѣ задушевный твой привѣтъ
Былъ освежительно—отраденъ,
Но—я еще не въ Римъ,—нѣтъ!
Въ окно я вижу Баденъ-Баденъ,
И тяжело гляжу на свѣтъ.
Хоть мнѣ здорово и пріятно
Парнымъ питаться молокомъ,
Дышать *неопленнымъ тепломъ*
И слушать музыку бесплатно;
Но—еслибъ не было руинъ
Плющемъ повитыхъ, луговинъ
Зеленыхъ, горъ, садовъ, скамеекъ,
Холмовъ и каменныхъ лазеекъ,
Здѣсь на меня нашелъ бы сплнъ—
Такъ надовло мнѣ гулянье,

Куда, расхаживая льнь,
 Хожу я каждый Божій день
 На равнодушное свиданье,
 И гдѣ встрѣчаю,—радъ не радъ,
 При свѣтъ газовыхъ лампадъ,
 Американцевъ, Итальянцевъ,
 Французовъ, Англичанъ, Голландцевъ,
 И Нѣмцевъ, и нѣмецкихъ жѣнъ,
 И всѣмъ извѣстную графиню,
 И полурусскую княгиню,
 И русскихъ множество княжѣнъ.
 Но въ этихъ встрѣчахъ мало толку,
 И въ разговорахъ *о ничѣмъ*,
 Ожесточаюсь я умомъ,
 А сердцемъ плачу въ тихомолку.
 И эта жизнь меня томить,
 И этотъ Баденъ, съ этимъ міромъ,
 Который вокругъ меня шумить,
 Мнѣ кажется большимъ трактиромъ,
 Въ которомъ, каждый Божій часъ,
 Гуляетъ глупость на показъ.

А ты счастливецъ!—любишь ты
 Домашній міръ. Твои мечты
 Не знаютъ роковыхъ стремлений:
 За то, какъ много впечатлѣній
 Проходитъ по душъ твоей,
 Когда ты, съ удочкой своей,
 Нетерпѣливый, вдохновенный,
 Идешь на ловъ уединенный.
 Или раздвинувъ тростники,
 Надъ золотистыми струями,
 Стоишь—протѣръ свои очки—
 И жадными слѣдишь глазами,
 Какъ шевелятся поплавки.
 И весь ты страстное вниманье...
 Вотъ—гнется удочка дугой,
 Кружится рыбка надъ водой,
 Плескъ—серебро и трепетанье....
 О, въ этотъ мигъ, передъ тобой

Что значуть Римъ и вѣсъ преданья,
Обломки славы міровой?

Но, чу! свистокъ раздался птичій,
Ночь шелеститъ во мглѣ кустовъ,
Спѣши, мой милый рыболовъ,
Домой, съ наловленной добычей.
Спѣши — ужъ Божья благодать
На ложе сна дѣтей пріемлетъ,
Твои малютки спятъ, — и дремлетъ
Ихъ убаюкавшая мать.
Уже въ румяномъ полусвѣтѣ,
Тамъ, въ сладкихъ чарахъ полусна,
Тебя ждетъ милая жена,
Иль трудъ въ соседнемъ кабинетѣ.

Трудъ благодатный! трудъ живой!
Часы, въ которые душой
Ты, чуя Бога, смѣло пишешь,
И на себѣ цѣпей не слышишь.
Люблю я стихъ широкій твой,
Насквозь пропахнувшій смолою
Тѣхъ самыхъ сосенъ, гдѣ весною
Въ тѣни отъ солнца, межъ вѣтвей,
Ты подстерегъ лѣсную фею,
И гдѣ съ Каменою твоею
Шептался плещущій ручей.
Я самъ люблю твою Камену,
Подругу сѣверныхъ ночей:
Я помню, какъ неловко съ ней
Ты шелъ на шумную арену
Народныхъ браней и страстей.
Какъ ей самой неловко было....
Но.... Олимпійская жена,
Не внемля хохоту Зоила,
Тебѣ осталася върна,
И вновь, въ объятія природы —
Въ поля, — въ лѣса, — туда, гдѣ воды
Струятся, гдѣ синѣетъ мгла
Изъ-подъ шатра дремучей ели,

Туда, гдѣ водятся форели,
Съ тобою весело ушла.

Прости, мой другъ! не знай желаній
Моей блуждающей души.
Довольно творческихъ страданій,
Чтобъ не запльсневѣть въ глуши.
Повѣрь, не нужно быть въ Парижъ,
Чтобъ къ истинѣ быть сердцемъ ближе,
И для того, чтобъ созидать,
Не нужно въ Римъ кочевать.
Слѣды прекраснаго художникъ
Повсюду видятъ и творить—
И омиамъ его горитъ
Вездѣ, гдѣ ставитъ онъ треножникъ
И гдѣ Творецъ съ нимъ говоритъ.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

Баденъ-Баденъ.
Августъ 1857.

ПОѢЗДКА ВЪ ПОЛЪСЬЕ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

Видъ огромнаго, небосклонъ весь обнимающаго, бора, видъ «Полъсья» напоминаетъ видъ моря. И впечатлѣнія имъ возбуждаются таже; таже первобытная, нетронутая сила разстилается широко и державно передъ лицомъ зрителя. Изъ нѣдра вѣковыхъ лѣсовъ, съ безсмертнаго лона водъ поднимается тотъ же голосъ: «Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла», говоритъ природа человѣку, «я царствую—а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть.» Но лѣсъ однообразнѣе и печальнѣе моря, особенно сосновый лѣсъ, постоянно одинаковый и почти безшумный. Море грозитъ и ласкаетъ, оно играетъ всеми красками, говоритъ всеми голосами; оно отражаетъ небо, отъ котораго тоже вѣетъ вѣчностью, но вѣчностью, какъ будто намъ не чуждой... Неизмѣнный, мрачный боръ угрюмо молчитъ или воетъ глухо — и при видѣ его еще глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознание нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу одинаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихій; нѣтъ—вся душа его никнетъ и замираетъ; онъ чувствуетъ, что послѣдній изъ его братьевъ можетъ исчезнуть съ лица земли — и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ; онъ чувствуетъ свое одиночество, свою слабость, свою случайность — и съ торопливымъ, тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ заботамъ и трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мѣрѣ, имъ самимъ созданномъ, здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значеніе и въ свою силу.

Вотъ какія мысли приходили мнѣ на умъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда, стоя на крыльцѣ постоялаго дворика, построеннаго на берегу болотистой рѣчки Ресеты, увидалъ я впервые Полъсье. Длинными сплошными уступами разбѣгались передо

мною синьющая громада хвойнаго лѣса; кой-гдѣ лишь цестрыли зелеными пятнами небольшія березовыя рощи; весь кругозоръ былъ охваченъ боромъ; нигдѣ не бѣзла церковь, не свѣтлыя поля—все деревья да деревья, все зубчатыя верхушки—и тонкій, тусклый туманъ, вѣчный туманъ Польска висѣлъ вдали надъ ними. Не лѣвню, этой неподвижностью жизни, нѣтъ, отсутствиемъ жизни, чѣмъ-то мертвеннымъ, хотя и величавымъ вѣло мнѣ со всѣхъ краевъ небосклона; помню, большія бѣлыя тучи плыли мимо, тихо и высоко, и жаркій лѣтній день лежалъ недвижно на безмолвной землѣ. Красноватая вода рѣчки скользила безъ плеска между густыми тростниками; на днѣ ея смутно видѣлись круглыя бугры иглистаго моха, а берега то исчезали въ болотной тинѣ, то рѣзко бѣзлы разсыпчатымъ и мелкимъ нескомъ. Мимо самага дворика шла уздная, торная дорога.

На этой дорогѣ, прямо противъ крыльца, стояла телега, нагруженная коробами и ящиками. Владѣлецъ ея, худощавый мѣщанинъ съ ястребинымъ носомъ и мышинными глазками, согрбленный и хромой, впрягалъ въ неѣ свою, тоже хромую, лошаденку; это былъ прямишникъ, который пробирался на Карачевскую ярмарку. Вдругъ показалось на дорогѣ нѣсколько людей; за ними потянулись другіе, наконецъ повалила цѣлая гурьба; у всѣхъ были палки въ рукахъ и котомки за плечами. По ихъ походкѣ, усталой и развалистой, по загорѣлымъ лицамъ видно было, что они шли издадалеча; это Юхновцы, Копачи, возвращались съ заработковъ. Старикъ лѣтъ семидесяти, весь бѣлый, казался, предводительствовалъ ими; онъ шрѣвдка оборачивался и спокойнымъ голосомъ понукалъ отстающихъ. «Но, но, но, ребяташки», говорилъ онъ, «но-о». Все они шли молча, въ какой-то важной тишинѣ. Одинъ лишь только, низкаго роста и на видъ сердитый, въ тулупѣ на распашку, въ бараньей шапкѣ, надвинутой на самыя глаза, поровнявшись съ прямишникомъ, вдругъ спросилъ его:

— По чѣмъ прямикъ, шутъ?

— Каковъ будетъ прямикъ, любезный человекъ, возразилъ тонкимъ голоскомъ озадаченный торговецъ. Есть и въ копѣйку— а то и грошъ дать надо. А есть ли грошъ въ мошнѣ-то?

— Да отъ него, чай, въ брюхѣ просолодить, возразилъ тулупъ и отошелъ отъ телеги.

— Необразованный народъ, проговорилъ, изкоса взглянувъ на меня, прямишникъ, какъ только вся толпа провалила мимо:—развъ это кушанье про нихъ?

И на-скоро смарядивши свою лошадку, спустился онъ къ рѣчкѣ, на которой виднѣлся маленькій бревенчатый наромъ. Мужикъ, въ бѣломъ войлочномъ «шлыкѣ» (обыкновенной Польской шапкѣ), вышелъ изъ низкой землянки ему на встрѣчу и переправилъ его на противоположный берегъ. Тележка поползла по изрытой и выбитой дорогѣ, изрѣдка взвизгивая однимъ колесомъ.

Я покормилъ лошадей — и тоже переправился. Протащившись версты съ двѣ болотистымъ лугомъ, взобрался я наконецъ по узкой гати въ просѣку лѣса. Тарантасъ неровно запрыгалъ по круглымъ бревешкамъ; я вылезъ и пошелъ пѣшкомъ. Лошади выступали дружнымъ шагомъ, фыркая и отмахиваясь головами отъ комаровъ и мошекъ. Польсье приняло насъ въ свои нѣдра. Съ окранны, ближе къ лугу, росли березы, осины, липы, клѣны и дубы; потомъ они стали рѣже попадаться, сплошной стѣной наджнулся густой ельникъ; далѣе покраснѣли голые стволы сосеничка, а тамъ опять потянулся смѣшанный лѣсъ, заросшій снизу кустами орѣшника, черемухи, рябины и крупными сочными травами. Солнечные лучи ярко освѣщали верхушки деревьевъ и, разсыпаясь по вѣтвямъ, лишь кое-гдѣ достигали до земли поблѣднѣвшими полосами и пятнами. Птицъ почти не было слышно — онѣ не любятъ большихъ лѣсовъ; только по временамъ раздавался заунывный троекратный возгласъ удода, да сердитый крикъ орѣховки или сойки; молчаливый, всегда одинокій сиворонокъ перелеталъ черезъ просѣку, сверкая золотистой лазурью своихъ красивыхъ перьевъ. — Иногда деревья рѣдѣли, разступались, впереди свѣтлѣло, тарантасъ въѣзжалъ на разчищенную, песчаную поляну; жидкая рожь росла на ней грядами, безшумно качая свои блѣдые колосики; въ сторонѣ темнѣла ветхая часовенка съ покривившимся крестомъ надъ колодцемъ, невидимый ручеекъ мирно болталъ переливчатыми и гулкимъ звуками, какъ будто втекаая въ пустую бутылку; а тамъ вдругъ дорогу перегораживала недавно обрушившаяся берѣза, и лѣсъ стоялъ кругомъ до того старый, высокій и дромучій, что даже воздухъ казался опертымъ. Мѣстами просѣка была вся залита водой; по обѣимъ сторонамъ разстлалось лѣсное болото, все зеленое и темное, все покрытое тростниками и мелкимъ ольшникомъ; утки взлѣтывали попарно — и странно было видѣть этихъ водяныхъ птицъ, быстро мелькающихъ между соснами. — «Га, га, га, га», неожиданно поднимался протяжный крикъ; то пастухъ гналъ стадо черезъ мелколѣсье; бурая корова съ острыми короткими рогами шумно протиралась сквозь кусты и останавливалась какъ

вкопаная на краю проськи, уставивъ свои большіе темные глаза на бѣжавшую передо мной собаку; вѣтерокъ приносилъ тонкій и крѣпкій запахъ жженаго дерева; бѣлый дымокъ расплзался вдаль круглыми струйками по бѣдно-синему лѣсному воздуху: знать мужичокъ промышлялъ углю на стеклянный заводъ или на фабрику. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ глуше и тише становилось вокругъ. Въ бору всегда тихо; только идетъ тамъ высоко надъ головою какой-то долгій ропотъ и сдержанный гулъ по верхушкамъ... Ёдешь, ѣдешь, не перестаетъ эта вѣчная лѣсная молвь, и начинаетъ сердце ныть понемногу, и хочется человѣку выдти поскорѣй на просторъ, на свѣтъ, хочется ему вздохнуть полной грудью—и давить его эта пахучая сырость и гниль....

Версть пятнадцать вѣхали мы шагомъ, изрядка рысцей. Мнѣ хотѣлось засвѣтло попасть въ село Святое, лежащее въ самой серединѣ лѣса. Раза два встрѣтились мнѣ мужички съ надранымъ лыкомъ или съ длинными бревнами на телегахъ.

— Далеко ли до Святаго? спросилъ я одного изъ нихъ.

— Нѣтъ, не далеко.

— А сколько?

— Да версты три будетъ.

Прошло часа полтора. Мы все вѣхали да вѣхали. Вотъ опять заскрипѣла нагруженная телега. Мужикъ шелъ съ боку.

— Сколько, братъ, осталось до Святаго!

— Чего?

— Сколько до Святаго?

— Восемь верстъ!

Солнце уже садилось, когда я, наконецъ, выбрался изъ лѣса и увидѣлъ передъ собою небольшое село. Дворовъ двадцать лѣнилось вокругъ старой, деревянной, одноглавой церкви съ зеленымъ куполомъ и крошечными окнами, ярко рдѣвшими на вечерней зарѣ. Это было Святое. Я въѣхалъ въ околицу. Возвращавшееся стадо нагнало мой тарантасъ и съ мычаньемъ, хрюканьемъ и бляеніемъ пробѣжало мимо. Молодые дѣвки, хлопотливыя бабы встрѣчали своихъ животныхъ; бѣлоголовые мальчишки гнались съ веселыми криками за непокорными поросятами; пыль мчалась вдоль улицы легкими клубами и, поднимаясь выше, алѣла.

Я остановился у старосты, хитраго и умнаго «Польхи», изъ тѣхъ Польхъ, про которыхъ говорятъ, что они на два аршина подъ землю видятъ. На другой день рано отправился я въ тележку, запряженной парой толстопузыхъ крестьянскихъ лошадей

съ старостиннымъ сыномъ и другимъ крестьянникомъ, по имени Егоромъ, на охоту за глухарями и рябчиками. Львъ охотился сплошнымъ кольцомъ по всему краю неба—десятигъ двести не больше считалось распаханнаго поля вокругъ Святаго; но до хорошихъ мѣстъ приходилось ѣхать верстъ семь. Старостина сына звали Кондратомъ. Это былъ малый молодой, русый и краснощекій, съ добрымъ и смиреннымъ выраженіемъ лица, услужливый и болтливый. Онъ правилъ лошадей. Егоръ сидѣлъ со мною рядомъ. Мнѣ хочется сказать о немъ слова два.

Онъ считался лучшимъ охотникомъ во всемъ уездѣ. Всѣ мѣста, верстъ на пятьдесятъ кругомъ, онъ исходилъ вдоль и поперѣгъ. Онъ рѣдко выстрѣливалъ по птицѣ, за скудостью пороха и дрови; но съ него уже того было довольно, что онъ рябчика подманилъ, подмѣтилъ точёкъ дупелиный. Егоръ слылъ за человека правдиваго и за «молчальника». Онъ не любилъ говорить и никогда не преувеличивалъ числа найденной имъ дичи—черта рѣдкая въ охотникѣ. Роста онъ былъ средняго, сухощавъ, лицо имѣлъ вытянутое и блѣдное, большіе, честные глаза. Всѣ черты его, особенно губы, правильныя и постоянно неподвижныя, дышали спокойствіемъ невозмутимымъ. Онъ улыбался слегка и какъ-то внутрь, когда произносилъ слова—очень мила была эта тихая улыбка. Онъ не пилъ вина и работалъ прилежно, но ему не везло; жена его все хворала, дѣти умирали; онъ «забднѣлъ», и никакъ не могъ справиться. И то сказать: страсть къ охотѣ не мужицкое дѣло и кто «съ ружьемъ балуетъ», хозяинъ плохой. Отъ постоянного ли пребыванія въ лѣсу, лицомъ къ лицу съ печальной и строгой природой того нелюдимаго края, въ слѣдствіи ли особеннаго склада и строя души, но только во всѣхъ движеніяхъ Егора, замѣчалась какая-то скромная важность, именно важность, а не задумчивость—важность статнаго оленя. Онъ на своемъ вѣку убилъ семь медвѣдей, подкарауливъ ихъ на «овсахъ». Въ послѣдняго онъ только на четвертую ночь рѣшился выстрѣлить; медвѣдь всё не становился къ нему бокомъ, а пуля у него была одна. Егоръ убилъ его на канунъ моего пріѣзда. Когда Кондратъ привелъ меня къ нему, я засталъ его на задворкѣ; присѣвши на корточки передъ громаднымъ звѣремъ, онъ вырывалъ изъ него сало короткимъ и тупымъ ножомъ.

— Какого же ты молодца повалилъ! замѣтилъ я. Егоръ поднималъ голову и смотрѣлъ сперва на меня, а потомъ на пришедшую со мной собаку.

— Коли охотиться пріѣхали, въ Мошномъ глухари есть—три

выводка, да рябцевъ пять, промолвилъ онъ и снова принялся за свою работу.

Съ этимъ-то Егоромъ да съ Кондратомъ я и поехалъ на другой день на охоту. Живо перекатали мы поляну, окружавшую Святое, а въхавши въ лѣсъ, опять потащились шагомъ.

— Вонъ витютень сидитъ, заговорилъ вдругъ, оборотившись ко мнѣ, Кондратъ:—хорошо бы сшибить!

Егоръ посмотрѣлъ въ сторону, куда Кондратъ указывалъ и ничего не сказалъ. До витютня шаговъ было сто слишкомъ, а его и на сорокъ шаговъ не убьешь, такова у него крѣпость въ перьяхъ.

Еще нѣсколько замѣчавій сдѣлалъ словоохотливый Кондратъ; но лѣсная тишь не даромъ охватила и его: онъ умолкъ. Лишь изрѣдка перекидываясь словами да поглядывая впередъ, да прислушиваясь къ пыхтѣнью и храпу лошадей, добрались мы, наконецъ, до «Мошнаго». Этимъ именемъ назывался крупный сосновый лѣсъ, изрѣдка вросшій ельникомъ. Мы слѣзли; Кондратъ вдвинулъ телегу въ кустъ, чтобы комары лошадей не кусали. Егоръ осмотрѣлъ курокъ ружья и перекрестился: онъ ничего безъ креста не начиналъ.

Лѣсъ, въ который мы вступили, былъ чрезвычайно старъ. Не знаю, бродили ли по немъ Татары, но русскіе воры или литовскіе люди смутнаго времени уже навѣрно могли скрываться въ его захоlustьяхъ. Въ почтительномъ разстояніи другъ отъ друга поднимались могучія сосны громадными, слегка искривленными столбами блѣдно-желтаго цвѣта; между ними стояли, вытянувшись въ струнку, другія, помоложе. Зеленоватый мохъ, весь усыянный мертвыми иглами, покрывалъ землю; голубика росла сплошными кустами; крѣпкій запахъ ея ягодъ, подобный запаху выхухоли, стѣсывалъ дыханіе. Солнце не могло пробиться сквозь высокой наметъ сосновыхъ вѣтвей; но въ лѣсу было все-таки душно и не темно; какъ крупныя капли пота, выступала и тихо ползла внизъ тяжелая, прозрачная смола по грубой корѣ деревьевъ. Неподвижный воздухъ безъ тѣни и безъ свѣта жегъ лицо. Все молчало; даже шаговъ нашихъ не было слышно; мы шли по мху какъ по ковру; особенно Егоръ двигался безшумно, словно тѣнь; водъ его ногами даже хворостинка не трещала. Онъ шолъ не торопясь и изрѣдка пошвыстывая въ пищикъ; рябчикъ скоро отозвался и въ моихъ глазахъ нырнулъ въ густую елку; но напрасно указывалъ мнѣ его Егоръ: какъ я ни напрягалъ свое зрѣніе, а разсмотрѣть его никакъ не могъ; пришлось Егору по немъ выстрѣлить. Мы нашли также два выводка глухарей;

осторожныя птицы поднимались далеко съ тяжелымъ и рѣзкимъ стукомъ; намъ однако удалось убить трехъ молодыхъ. У одного *майдана* * Егоръ вдругъ остановился и подозвалъ меня.

— Медвѣдь воды хотѣлъ достать, промолвилъ онъ, указывая на широкую, свѣжую царапину на самой серединѣ ямы, затянутаго мохнатымъ мохомъ.

— Это слѣдъ его лапы? спросилъ я.

— Его; да вода-то пересохла. На той соснѣ тоже его слѣдъ: за медомъ лазилъ. Какъ ножомъ прорубилъ, когтями-то.

Мы продолжали забираться въ самую глушь лѣса. Егоръ только изрѣдка поглядывалъ вверхъ и шелъ впередъ спокойно и самоуверенно. Я увидалъ круглый, высокій валъ, обнесенный полу-засыпаннымъ рвомъ.

— Что это, майданъ тоже? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Егоръ:—здѣсь воровской городокъ стоялъ.

— Давно?

— Давно; дѣдамъ нашимъ за память. Тутъ и кладъ зарытъ. Да зарежь положенъ крапкій: на человѣчью кровь.

Мы прошли еще версты съ двѣ; мнѣ захотѣлось пить.

— Посидите маленько, сказалъ Егоръ:— я схожу за водой, тутъ колодезь недалеко.

Онъ ушелъ; я остался одинъ.

Я присѣлъ на срубленный пень, оперся локтями на колѣна и, послѣ долгаго безмолвія, медленно поднялъ голову и оглянулся. О, какъ все кругомъ было тихо и сурово-печально — нѣтъ, даже не печально, а нѣмо, холодно и грозно въ то же время! Сердце во мнѣ сжалось. Въ это мгновеніе, на этомъ мѣствѣ я почувалъ вѣяніе смерти, я ощутилъ, я почти осязалъ ея непре- ставную близость. Хоть бы одинъ звукъ задрожалъ, хотя бы мгновенный шорохъ поднялся въ неподвижномъ звѣв обступившаго меня бора! Я слова, почти со страхомъ, опустилъ голову; точно я заглянулъ куда-то, куда не слѣдуетъ заглядывать чело- вѣчку... я закрылъ глаза рукою—и вдругъ, какъ бы повиную- юсь таинственному повелѣнію, я началъ припоминать всю мою жизнь...

Вотъ мелькнуло предо мной мое дѣтство, шумливое и тихое, задорное и доброе, съ торопливыми радостями и быстрыми печалями; потомъ возникла молодость, смутная, странная, само-любивая, со всеми ея ошибками и начинаніями, съ безпорядоч-

* «Майданъ» называется мѣсто, гдѣ гнали деготь.

нымъ трудомъ и взволнованнымъ бездѣйствіемъ... Пришли на память и они, товарищи первыхъ стремленій, потомъ, какъ молнія въ ночь, сверкнуло нѣсколько свѣтлыхъ воспоминаній... потомъ начали наростать и надвигаться тѣни, темнѣе и темнѣе стало кругомъ, глуше и тише побѣжали однообразные годы — и камнемъ на сердце опустилась грусть. Я сидѣлъ неподвижно и глядѣлъ, глядѣлъ съ изумленіемъ и усиленіемъ, точно всю жизнь свою я передъ собою видѣлъ, точно свитокъ развивался у меня передъ глазами. О, что я сдѣлалъ! невольно шептали горькимъ шопотомъ мои губы. О, жизнь, жизнь, куда, какъ ушла ты такъ беззвѣдно? Какъ выскользнула ты изъ крепко-стиснутыхъ рукъ? Ты ли меня обманула, я ли не умѣлъ воспользоваться твоими дарами? Возможно ли? Эта малость, эта бѣдная горсть пыльнаго пепла—вотъ все, что осталось отъ тебя? Это холодное, неподвижное, ненужное нѣчто—это я, тотъ прежній я? Какъ? Душа жаждала счастья такого полного, она съ такимъ презрѣніемъ отвергала все мелкое, все недостаточное, она ждала: вотъ-вотъ нахлынетъ счастье потокомъ, и ни одной капли не смочило алкавшихъ губъ? О, золотыя мои струны, вы, такъ чутко, такъ сладостно дрожавшія когда-то, я такъ и не услышалъ вашего пѣнья... вы и звучали только—когда рвались. Или, можетъ-быть, счастье, прямое счастье всей жизни прошло близко, мимо, улыбалось лучезарной улыбкой — да я не умѣлъ признать его божественнаго лица? Или оно точно посвящало меня и сидѣло у моего изголовья, да позабылось мною, какъ сонъ? Какъ сонъ, повторялъ я уныло. Неуловимыя образы бродили по душѣ, возбуждая въ ней не то жалость, не то недоумѣнье... А вы, думалъ я, милыя, знакомыя, погибшія лица, вы, обступившія меня въ этомъ мертвомъ уединеніи, отчего вы такъ глубоко и грустно безмолвны? Изъ какой бездны возникли вы? Какъ мнѣ понять ваши загадочные взоры? Прощаетесь ли вы со мною, привѣтствуете ли вы меня? О, неужели же нѣтъ надежды, нѣтъ возврата? Зачѣмъ полились вы изъ глазъ, скупыя, позднія капли? О, сердце, къ чему, зачѣмъ еще жалѣть, старайся забыть, если хочешь покоя, приучайся къ смиренью послѣдней разлуки, къ горькимъ словамъ: «прости» и «навсегда». Не оглядывайся назадъ, не вспоминай, не стремись туда, гдѣ свѣтло, гдѣ смѣется молодость, гдѣ надежда вѣнчается цвѣтами весны, гдѣ голубка-Радость бьетъ лазурными крылами, гдѣ любовь, какъ роса на зарѣ, сіяетъ слезами восторга, не смотри туда, гдѣ блаженство, и вѣра, и сила—тамъ не наше мѣсто!

— Вотъ вамъ вода, раздался за мною звучный голосъ Егора:—пейте съ Богомъ.

Я невольно вздрогнулъ: живая эта рѣчь поразила меня, радостно потрясла все мое существованіе. Точно я падалъ въ неизвѣданную, темную глубь, гдѣ уже все стихало кругомъ и слышался только тихій и непрестанный стонъ какой-то вѣчной скорби; я замиралъ, но противиться не могъ, и вдругъ дружескій зовъ долетѣлъ до меня, чья-то могучая рука однимъ взмахомъ вынесла меня на свѣтъ Божій. Я оглянулся, и съ несказанной отрадой увидѣлъ честное и спокойное лицо моего провожатаго. Онъ стоялъ передо мной легко и стройно, съ обычной своей улыбкой протягивая мнѣ мокрую бутылочку, всю наполненную свѣтлой влагой... Я всталъ.

— Пойдемъ, веди меня, сказалъ я съ увлеченіемъ.

Мы отправились, и бродили долго, до вечера. Какъ только жара «свалила», въ лѣсу стало такъ быстро холодать и темнѣть, что оставаться въ немъ уже не хотѣлось. Ступайте вонъ, безпокойные, живые, казалось, шепталъ онъ намъ угрюмо изъ-за каждой сосны. Мы вышли, но не скоро нашли Кондрата. Мы кричали, кликали его, онъ не отзывался. Вдругъ, среди чрезвычайной тишины въ воздухъ, слышимъ мы, ясно раздаётся его: «тпру, тпру» въ близкомъ отъ насъ оврагъ... Онъ не слышалъ нашихъ криковъ отъ вѣтра, который внезапно разыгрался и такъ же внезапно упалъ совершенно. Только на отдаленно стоявшихъ деревьяхъ виднѣлись слѣды его порывовъ: многіе листья были поставлены имъ на изнанку, и такъ и остались, придавая пестроту неподвижной листвѣ. Мы взобрались въ телегу и покатали домой. Я сидѣлъ покачиваясь и тихо вдыхая сырой, немного рѣзкій воздухъ, и все мои недавнія мечтанья и сожалѣнья потонули въ одномъ ощущеніи дремоты и усталости, въ одномъ желаніи поскорѣе вернуться подъ крышу теплаго дома, напиться чаю съ густыми сливками, зарыться въ мягкое и рыхлое сѣно, и заснуть, заснуть, заснуть...

День второй.

На слѣдующее утро мы опять втроемъ отправились на «Гарь». Лѣтъ десять тому назадъ, нѣсколько тысячъ десятинъ выгорѣло въ Полъсьи и до-сихъ-поръ не заросло; кой-гдѣ пробиваются молодыя елки и сосенки, а то все мохъ да перележалая

зола. На этой «Гарь», до которой отъ Святаго считается версть двѣнадцать, растутъ всякія ягоды въ великомъ множествѣ и водятся тетерева, большіе охотники до земляники и брусники.

Мы вхали молча, какъ вдругъ Кондрать поднялъ голову.

— Э! воскликнулъ онъ, да это никакъ Ефремъ стоитъ. Здорово, Александрычъ, прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ и приподнявъ шапку.

Небольшаго роста мужикъ въ черномъ, короткомъ армякѣ, подпоясанномъ веревкой, вышелъ изъ-за дерева и приблизился къ телегу.

— Аль отпустили? спросилъ Кондрать.

— А те не бось нѣтъ! возразилъ мужичёкъ и оскалилъ зубы. Нашего брата держать не приходится.

— И Петръ Филипычъ ничего?

— Филиповъ-то? Знамо дѣло, ничего.

— Вишь ты! А я, Александрычъ, думалъ, ну, братъ, думалъ я, теперь ложись гусь на сковороду!

— Отъ Петра Филипова-то? Вона! Видали мы такихъ. Суется въ долки, а хвостъ собачій. На охоту, чтоль, ѣдешь, баринъ? спросилъ вдругъ мужичекъ, быстро вскинувъ на меня свои прищуренные глазки и тотчасъ опустил ихъ снова.

— На охоту.

— А куда, примѣрно?

— На Гарь, сказалъ Кондрать.

— Бдете на Гарь, не навхать бы на пожаръ.

— А что?

— Видалъ я глухарей много, продолжалъ мужичёкъ, все какъ бы посмѣиваясь и не отвѣчая Кондрату, да вамъ туда не поцасть: прямикомъ версть двадцать будетъ. Вотъ и Егоръ — что говорить! въ бору, какъ у себя на дворѣ, а и тотъ не прѣдерется. Здорово, Егоръ, Божія душа, въ полтора гроша, гаркнулъ онъ вдругъ.

— Здорово Ефремъ, возразилъ Егоръ.

Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этого Ефрема. Такого страннаго лица я давно не видывалъ. Носъ имѣлъ онъ длинный и острый, крупныя губы и жидкую бородку. Его голубые глазки такъ и бѣгали, какъ живчики. Стоялъ онъ развязно, легонько подпершись руками въ бока и не ломая шапки.

— На побывку домой, что ли, спросилъ его Кондрать.

— Экъ-ста, на побывку! Теперь, братъ, погода не та: разгулялось. Широко, братъ, стало во-какъ. Хоть до зимы на пе-

чи лежи, никака собака не чукнетъ. Мнѣ въ городѣ говорилъ этотъ-та производитель: брось, молъ, насъ, Лександрычъ, выѣзжай изъ уѣзда вонъ, начпортъ дадимъ первый сортъ; да жаль мѣз васъ, Святовскихъ-то; такаго вамъ вора другаго не нажить.

Кондрать засмѣялся.

— Шутникъ ты, дядюшка, право шутникъ, проговорилъ онъ и тряхнулъ возжами. Лошади тронулись.

— Тпру, прѣмолвилъ Ефремъ. Лошади остановились. Кондрату не понравилась эта выходка. Полно озарничать, Лександрычъ, замѣтилъ онъ въ полъ-голоса. Вшь, съ бариномъ ѣдемъ. Осерчаетъ, гляди.

— Эхъ, ты, морской слезень! Съ чего ему серчать-то? Баринъ онъ добрый. Вотъ посмотри, онъ мнѣ на водку дастъ. Эхъ, баринъ, дай проходницу на косушку! Ужъ раздавлю жъ я еѣ, подхватилъ онъ, поднявъ плечо къ уху и скрипнувъ зубами.

Я невольно улыбулся, далъ ему гривенникъ и велѣлъ Кондрату ѣхать.

— Много довольны, ваше благородіе, крикнулъ по-солдатски намъ въ слѣдъ Ефремъ. А ты, Кондрать, на прѣдки знай у кого учиться: оробѣлъ—пропалъ, смѣлъ—съѣлъ. Какъ вернешься, у меня побывай, слышь; у меня три дня попойка стоять будеть, сшибемъ горла два; жена у меня баба хлѣцкая, дворъ на полозу... Гей, сорока-бѣлобока, гуляй пока хвостъ цѣль!

И засвиставъ рзкимъ свистомъ, Ефремъ юркнулъ въ кусты.

— Что за чловѣкъ? спросилъ я Кондрата, который, сидя на облучкѣ, всё потряхивалъ головой, какъ бы разсуждая самъ съ собою.

— Тотъ-то? возразилъ Кондрать и потупился. Тотъ-то, повторилъ онъ.

— Да. Онъ вашъ?

— Нашъ, Святовскій. Это такой чловѣкъ... Такого на сто верстъ другаго не сыщешь. Воръ и плуть такой и Боже ты мой! На чужое добро у него глазъ такъ и коробится. Отъ него и въ землю не зароешься, а что деньги, напримѣръ, изъ подъ самаго хребта у тебя вытащить, ты и не заметишь.

— Какой онъ смѣлый!

— Смѣлый? Да онъ никого не боится. Да вы посмотрите на него: по финазоміи бестіянъ, съ носу виденъ. (Кондрать часто вживалъ съ господами и въ губернскомъ городѣ бывалъ, а потому любилъ при случаѣ показать себя.) Ему и съдѣлать-то ни-

чего нельзя. Сколько разъ его и въ городъ возили, и въ острогъ сажали, только убытки одни. Его станутъ вязать,—а онъ говорить: Чтожъ, моль, вы ту ногу не путаете? Путайте и ту, да покрѣпче, я, пока, посплю. А домой я раньше вашихъ проводжатыхъ поспью.» Гядишь: точно, опять вернулся, опять тутъ, ахъ, ты Боже ты мой! Ужь на что мы все, здѣшніе, лѣсъ знаемъ, пріобыкли съ-измала, а съ нимъ поровняться не мочно. Прошлымъ лѣтомъ, ночью, на прямой изъ Алтухина въ Святое пришелъ, а тутъ никто и не хаживалъ отродясь, верстъ сорокъ будетъ. Вотъ ѣ медъ красть, на это онъ первый человекъ, и пчела его не жалитъ. Все паськи раззорилъ.

— Я думаю, онъ и бортамъ спуска не даетъ.

— Ну, нѣтъ, что напраслину на него взводитъ? Такого грѣха за нимъ не замѣчали. Бортъ у насъ святое дѣло. Паська ого-рождѣна; тутъ караулъ; коли утащилъ—твое счастье; а бортовая пчела дѣло Божіе, не береженое; одинъ медвѣдь её трогаетъ.

— За то онъ и медвѣдь, замѣтилъ Егоръ.

— Онъ женатъ?

— Какъ-же. И сынъ есть. Да и воръ же будетъ сыпъ-то. Въ отца вышелъ весь. Ужь онъ его и теперь учитъ. Намеднись горшокъ съ старыми пятаками притащилъ, укралъ гдѣ-нибудь, значитъ, пошолъ, да и зарылъ его на полянкѣ въ лѣсу, а самъ вернулся домой да и послалъ сына на полянку. Пока, говорить, горшка не отыщешь, вѣсть тебя не дамъ и на дворъ не пушу. Сынъ-то день цѣлый просидѣлъ въ лѣсу и ночевалъ въ лѣсу, а нашолъ—таки горшокъ. Да, мудреный этотъ Ефремъ. Пока дома, любезный человекъ, всѣхъ подчууетъ: пей, ѣшь, сколько хочешь, пляска тутъ у него поднимется, балагурство всякое; а что коли на сходкѣ, такая у насъ сходка на селѣ бываетъ, ужъ лучше его никто не разсудитъ; подойдетъ сзади, послушаетъ, скажетъ слово, и прочъ; да ужъ и слово-то вѣское. А какъ вотъ уйдетъ въ лѣсъ, ну, тутъ бѣда! Жди раззоренія. А и то сказать: онъ своихъ не трогаетъ, развѣ самому тѣсно придется. Коли встрѣтитъ кого Святовскаго — «Обходи, братъ, мимо» кричитъ издали: «на меня лѣсной духъ нашолъ. Убью!»—Бѣда!

— Чего же вы смотрите? Цѣлая вотчина съ однимъ человекомъ справиться не можетъ?

— Да ужъ пожалуй, что такъ.

— Колдунъ онъ, что ли?

— Кто его знаетъ! Вотъ намеднись онъ къ сосѣднему дьячку на паську забрался ночью, а дьячокъ-то караулил самъ. Ну,

поймалъ его да въ потемкахъ и приколотилъ. Какъ кончалъ, Ефремъ-то и говорить ему: а знаешь ты, кого билъ? Дьячекъ, какъ узналъ его по голосу, такъ и обомлелъ. Ну, братъ, говорить Ефремъ, это тебѣ даромъ не пройдетъ. Дьячекъ ему въ ноги: Возьми, молъ, что хочешь. Нѣтъ, говорить, я съ тебя въ свое время возьму да и чѣмъ захочу. Чтожъ вы думаете? Въдь съ самаго того дня дьячекъ-то, словно ошпаренный, какъ тѣнь бродить. Сердце, говорить, во мнѣ изныло; слово больно крѣпкое, знать, залпилъ мнѣ разбойникъ. Вотъ что съ нимъ стало, съ дьячкомъ-то.

— Дьячекъ этотъ, должно быть, глупъ, замѣтилъ я.

— Глупъ? А вотъ это какъ вы разсудите. Вышелъ разъ приказъ изловить этаго Ефрема. Становой такой у насъ завелся вострый. Вотъ и пошло человекъ десять въ лѣсъ ловить Ефрема. Смотрять, а онъ имъ на встрѣчу идетъ.

Одинъ-то изъ нихъ и закричи: вонъ онъ, вонъ онъ, держите его, вяжите! А Ефремъ вошелъ въ лѣсъ да вырвался себѣ древо, эдакъ, перста въ два, да какъ выскочить опять на дорогу, безобразный такой, страшный, какъ скомандуетъ: на колѣнки! все такъ и попадали. «А кто, говорить, тутъ кричалъ: держите, вяжите? Ты, Серѣга?» Тотъ-то какъ вскочить да бѣжать... А Ефремъ за нимъ, да древомъ-то его по пяткамъ... Съ версту его задушилъ. И потомъ все еще жалелъ: «Эхъ, молъ, досадно, задушилъ ему не помѣшалъ.» Дѣло-то было передъ самими елѣнѣвками. Ну, а становаго въ скоромъ времени смѣстили, — тамъ все, и покончилось.

— Зачѣмъ же они все ему покорились?

— Зачѣмъ! то-то и есть...

— Онъ васъ всѣхъ запугалъ, да и дѣлаетъ теперь съ вами, что хочетъ.

— Запугалъ... Да онъ кого хочешь запугаетъ. И ужъ гораздо же онъ на выдумки, Боже ты мой! — Я разъ въ лѣсу на него наткнулся, дождь такой шолъ здоровый, я, было, въ сторону... А онъ поглядѣлъ на меня, да, эдакъ, меня ручкою и подозвалъ. Подойди, молъ, Кондратъ, не бойся. Поучись у меня какъ въ лѣсу жить, на дождю сухимъ быть. Я подошелъ, а онъ подъ елкой сидитъ и огонѣкъ развелъ изъ сырыхъ вѣтокъ: дымъ-то набрался въ елку и не даетъ дождю капать. Подивился я тутъ ему. А то вотъ онъ разъ что выдумалъ (и Кондратъ засмѣялся), вотъ ужъ потѣшилъ. Овесъ у насъ молотили на току, да не кончили; послѣдній

ворохъ сгрести не успѣли; ну и посадили на ночь двухъ караульчиковъ: а ребята-то были не изъ бойкихъ. Вотъ, сидятъ они да гуторятъ, а Ефремъ возьми да рукава рубахи соломой набей, концы завяжи, да на голову себѣ рубаху и надѣнь. Вотъ подкрался онъ въ эдакомъ-то видѣ къ овину, да и ну изъ за угла показываться помаленьку, роги-то свои выставлять. Одинъ-то малый говоритъ другому: видишь? — Вижу, говоритъ другой, да какъ ахнуть вдругъ, только плетни затрещали. А Ефремъ набралъ овса въ мѣшокъ да и стащилъ къ себѣ домой. Самъ потомъ все рассказалъ. Ужъ стыдилъ же онъ, стыдилъ ребятъ-то... Право!

Кондрать засмѣялся опять. И Егоръ улыбнулся. «Такъ только плетни затрещали,» промолвилъ онъ.

— Только ихъ и видно было, подхватилъ Кондрать.

Мы опять все притихли. Вдругъ Кондрать вополохнулся и выпрямился.

— Э, батюшки, воскликнулъ онъ, да это никакъ пожаръ!

— Гдѣ? гдѣ? спросили мы.

— Вонъ, смотрите, впереди; куда мы ѣдемъ... Пожаръ и есть. Ефремъ-то, Ефремъ вѣдь напорожилъ. Ужъ не его ли это работа, окаянная онъ душа...

Я взглянулъ по направленію, куда указывалъ Кондрать. Дѣйствительно, верстахъ въ двухъ или трехъ впереди насъ, толстый столбъ сизаго дыма медленно поднимался отъ земли, за зеленой полоской низкаго ельника, постепенно выгибаясь и расплываясь шапкой; отъ него вправо и влево виднѣлись другіе, поменьше и поблѣвы.

Мужикъ весь красный, въ поту, въ одной рубашкѣ, съ растрепанными волосами надъ испуганнымъ лицомъ, наскочилъ прямо на насъ и съ трудомъ остановилъ свою поспѣшно взнузданную лошаденку.

— Братцы, спросилъ онъ задыхающимся голосомъ, полъсовщиковъ не видали?

— Нѣтъ, не видали. Что это, лѣсъ горитъ?

— Лѣсъ. Народъ согнать надо, а тó, коли къ Троснонукинѣ...

Мужикъ задержалъ локтями, заколотилъ пятками по бокамъ лошади... Она поскакала.

Кондрать также погналъ свою пару. Мы вхали прямо на дымъ, который разстился все шире и шире; мѣстами онъ внезапно чернѣлъ и высоко взвивался. Чѣмъ ближе мы двигались, тѣмъ неяснѣе становились его очертанія; скоро весь

воздухъ потушевель; сильно затахло горельми, и вотъ между деревьями, странно и жутко шевелясь на солнцѣ, мелькнули первые, блѣдно-красные языки пламени.

— Ну, слава Богу, замѣтель Кондрать, кажется, пожаръ-то подземный.

— Какой?

— Подземный, такой, что по землѣ бѣжить. Вотъ съ подземными мудрено ладить. Что тутъ сдѣлаешь, когда земля на цѣлый аршинъ горить? Одно спасеніе: копать канавы — да это развѣ легко? А подземный — ничего. Только траву сорветъ да сухой листь сожжетъ. Еще лучше лѣсу отъ него бываетъ. Ухъ, батюшки, гляди однако, какъ шибануло!

Мы подвѣхали почти къ самой чертѣ пожара. Я слѣзъ и пошелъ ему на встрѣчу. Это не было ни опасно, ни затруднительно. Огонь бѣжалъ по рѣдкому сосновому лѣсу противъ вѣтра; онъ водвигался неровной чертой или, говоря точнѣе, сплошной зубчатой стѣнкой загнутыхъ назадъ языковъ. Дымъ относился вѣтромъ. Кондрать сказалъ правду: это, действительно, былъ подземный пожаръ, который только брилъ траву и, не разыгрываясь, шелъ дальше, оставляя за собою черный и дымящійся, но даже не тляющій слѣдъ. Правда, иногда, тамъ, гдѣ огню попадалась яма, наполненная дромомъ и сухими сучьями, онъ вдругъ и съ какимъ-то особеннымъ, довольно злобщимъ ревомъ, воздымался длинными, волнующимися косицами, но скоро опадаль и бѣжалъ впередъ по-прежнему, слегка потрескивая и шипя. Я даже не разъ замѣтилъ, какъ кругомъ охваченный дубовый кустъ съ сухими, висячими листьями, оставался нетронутымъ, только съ низу его слегка подпаливало. Признаюсь, я не могъ понять, отъ чего сухіе листья не загорались. Кондрать объяснялъ мнѣ, что это происходило отъ того, что пожаръ подземный, «значить не сердитый». Да вѣдь огонь тотъ же, возражалъ я. Поземный пожаръ, повторялъ Кондрать. Однако, хоть и подземный, а пожаръ все-таки производилъ свое дѣйствіе: зайцы, какъ-то безпорядочно бѣгали взадъ и впередъ, безо всякой нужды возвращаясь въ сосѣдство огня; птицы попадали въ дымъ и кружились, лошади оглядывались и фыркали, самый лѣсъ какъ бы гудѣлъ, — да и человеку становилось неловко отъ внезапно бьющаго ему въ лицо жара...

— Чего смотреть! сказалъ вдругъ Егоръ за моей спиной. Подемте.

— Да гдѣ провхать? спросилъ Кондрать.

— Возвѣтъ въ лѣво, по сухоболотью, продемъ.

Мы взяли въ лѣво и проехали, хоть иногда трудненько приходилось и лошадямъ и телегамъ.

Цѣлый день протаскались мы по Гари. Передъ вечеромъ (зая еще не покраснѣлась на небѣ, но тѣни отъ деревьевъ уже легли неподвижныя и длинныя и чувствовался въ травѣ холодокъ, который предшествуетъ росѣ) я прилегъ на дорогу вблизи телеги, въ которую Кондрать, не спыша, впрягалъ навшихся лошадей, и вспомнилъ свои вчерашнія, невеселыя мечтанья. Кругомъ все было такъ же тихо, какъ и наканунѣ, но не было давящаго и тѣснящаго душу бора; на высохшемъ мохѣ, на лиловомъ бурьянѣ, на мягкой пыли дороги, на тонкихъ стволахъ и чистыхъ листочкахъ молодыхъ березъ, лежалъ ясный и кроткій свѣтъ уже беззнойнаго, невысокаго солнца. Все отдыhalo, погруженное въ успокоительную прохладу; ничего еще не заснуло, но уже все готовилось къ цѣлебнымъ усыпленьямъ вечера и ночи. Все, казалось, говорило человѣку: «отдохни, братъ нашъ; дыши легко и не горюй и ты передъ близкимъ сномъ». Я поднялъ голову и увидалъ на самомъ концѣ тонкой ветки одну изъ тѣхъ большихъ мухъ съ изумрудной головкой, длиннымъ тѣломъ и четырьмя прозрачными крыльями, которыхъ кокетливыя Франгузы величаютъ «дѣвцами», а нашъ безхитростный народъ прозвалъ «коромыслами». Долго, болѣе часа не отводилъ я отъ нея глазъ. Насквозь пропеченная солнцемъ, она не шевелилась, только изрѣдка поворачивая головку со стороны на сторону, и трепеща приподнятыми крылышками... вотъ и все. Глядя на нее, мнѣ вдругъ показалось, что я понялъ Жизнь Природы, понялъ ея несомнѣнный и явный, хотя для многихъ еще таинственный смыслъ. Тихое и медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущеній и силъ, равновѣсiе здоровья въ каждомъ отдельномъ существѣ—вотъ самая ея основа, ея неизмѣнный законъ, вотъ на чемъ она стоитъ и держится. Все, что выходитъ изъ-подъ этого уровня, къ верху ли, въ низу ли, все равно—выбрасывается ею вонъ, какъ негодное. Многiя насѣкомыя умираютъ, какъ только узнаютъ нарушающiя равновѣсiе жизни радости любви; больной звѣрь забивается въ чащу и угасаетъ тамъ одинъ, онъ какъ бы чувствуетъ, что уже не имѣетъ права ни видѣть всѣмъ общаго солнца, ни дышать вольнымъ воздухомъ, онъ не имѣетъ права жить; — а человѣкъ, которому отъ своей ли вины, отъ вины ли другихъ, пришлось худо на свѣтѣ — долженъ по-крайней-мѣрѣ умѣть молчать.

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

ЗАПИСКИ МЕЛКОТРАВЧАТАГО.

III.

Мы у Стерлякина.—Что такое Трутневъ?—Тревожная вѣсть.—Братовка.—
Алексѣй Николаевичъ.—Племя волкодавовъ.—Разногласица.—Өеопень.—
Выдержка гончихъ.—Отъѣздъ въ Чурюково.

Черезъ часъ явился Хлюстиковъ съ распухшимъ лицомъ и глазами, какъ у кролика; онъ прибылъ пѣшкомъ, разставшись съ своей компаніей на разсвѣтъ дня, въ то время, когда Петръ Ивановичъ свалился на одну изъ приготовленныхъ для насъ постелей.

— Чтожъ ты такъ долго путешествовалъ, моя радость? спросилъ графъ.

— Гм, гм, мы на пути этакъ—вздремнули.... «Вотъ на пути село большое», затянулъ было Хлюстиковъ, но голосъ измѣнилъ ему. Графъ, ваше сіятельство! голубчикъ! прикажи Петрунчику рюмочку.... душу отвести; смерть, такъ вотъ и горить....

Нечего дѣлать: видя страданіе Петрунчика и твердое его обѣщаніе исправиться, поднесли ему рюмочку и сдали его Артамону Никитичу на руки, для приведенія въ надлежащій человѣческій видъ. Тотъ свелъ его и уложилъ въ одну изъ брикъ. Между тѣмъ, люди позавтракали, разсадили борзыхъ и стаю; впрягли лошадей и тронулись въ предстоявшій намъ далекій путь.

Въ полдень, при ясномъ солнечномъ небѣ и этой нетомящей теплотѣ осенняго дня, мы сѣли въ открытую коляску и повхали на полныхъ рысяхъ. Прижавшись бокомъ къ мягкому кузову, я молча курилъ сигару и лѣнливо глядѣлъ на бѣгущія мимо насъ грядки однообразныхъ полей; солнце свѣтило по лѣтнему; по темной зелени перельсковъ игралъ подсохшій листь, поблескивая золотистыми искорками, словно рѣдкая сѣдина въ головѣ еще неустарѣвшаго человѣка; цѣпляясь концами за жниво, кругомъ насъ плавала длинная паутина; ее было столько, что из-

дали, на припоръ свѣта, поле было какъ-будто накрыто хрустальнымъ ковромъ; даль терялась кругомъ въ глубокомъ туманѣ; кой-гдѣ гуляло стадо по изложинамъ; курился дымокъ, двѣ-три бабы вертѣлись съ граблями по жниву, да стрепета свистѣли крыльями, перелетывая стаями съ пашни на пашню.

— Вотъ и бабѣ лѣто подошло, проговорилъ наконецъ Лука Лукичъ, поймавъ летучее волокно паутины.

— Да, какъ бы не пошло на сушь; тогда плохо! прибавилъ Атукаевъ въ раздумьи.

(Не по душъ это бабѣ лѣто псовому охотнику; ему съ руки—изгарь, прохолодь, частыя перемочки, сѣрые дѣньки....)

Спутники мои снова молчали, глядя по моему въ даль; графъ, какъ казалось мнѣ, былъ озабоченъ какою-то неотвязною мыслью.

— Которое сегодня число? спросилъ онъ послѣ изряднаго срока.

— Седьмое, ваше сіятельство! отвѣчалъ Артамонъ Никитичъ, покачиваясь въ лакейскомъ мѣстечкѣ.

— Шутка, какъ летитъ время! Я боюсь, какъ бы нашъ *заправляло* не тронулся безъ насъ.

Мы два дня просрочили.

— Да, я самъ только что объ этомъ думалъ, прибавилъ Бацовъ.

— Не извольте сумлеваться, ваше сіятельство; Алексѣй Николаевичъ не тронутся безъ насъ, для того, что ужъ если они дадутъ слово, такъ можно сказать, что навѣрное.... возразилъ успокоительно Артамонъ Никитичъ.

Больше, кажется, и не было рѣчей во всю дорогу. Въ два часа мы подъехали къ дому Степана Петровича Стерлядкина. Кругомъ надворное строеніе и вообще вся усадьба поблескивала на манеръ тѣхъ яркихъ пейзажей, какіе малюютъ продавцы игрушекъ на дѣтскихъ складныхъ картинкахъ. Все было уравнено, подсажено, подновлено, подкрашено; даже въ саду, какъ я увидѣлъ послѣ, въ концѣ аллеи, упиравшей въ простой частоколь, была дощатая стѣна съ намалсванымъ на ней какимъ-то фантастическимъ замкомъ, съ моремъ, съ кораблемъ и скалами, на которые было потрачено не менѣе полупуда охры. Хозяинъ радушно встрѣтилъ насъ на верхней ступенькѣ крыльца и проводилъ въ домъ, гдѣ стоялъ уже накрытый столъ. Въ гостиной, за зеленымъ столикомъ, трудились четверо обще знакомыхъ намъ сосѣдей: они *добивали* пульку—по маленькой. Стерлядкина чувствуютъ вообще какъ стараго холостяка и хлѣбосола, но вмѣ-

отъ съ тѣмъ понимаютъ его какъ человѣка, который «молотить на обухъ рожъ» и говорятъ, что у него каждая конѣйка прибита алтыннымъ гвоздемъ. Тутъ, какъ кажется, дѣло не обходится безъ зависти, потому что Степанъ Петровичъ, какъ человѣкъ «нѣтный», скопилъ порядочный капиталъ и всѣ тѣ, которые трактуютъ его скопидомомъ и сквалыгой за глаза, большею частью держатъ себя на—«придите поклонимся» и только люди независимые, на манеръ Бацова, обходятся съ нимъ запросто.

— Ну, Лука Лукичъ, поздравляю. Слышали мы, какъ Карай, тово.... отлично! отлично! Можно чести приписать! басилъ одинъ изъ игроковъ, протягивая черезъ столъ пятифунтовую мягкую кисть къ Бацову.

— Да отъ кого вы слышали?

— А вотъ, Степанъ Петровичъ, не нахвалятся; просто, чудо что, говорить....

— Совсѣмъ не то я вамъ говорилъ, господа, перебилъ Стерлядкинъ, подмигнувъ намъ глазомъ. Я и теперь готовъ повторить мои слова: Карай, точно, собака надежная, и будетъ со временемъ сказать порядочно, когда сложится, потому что вчера онъ ни на пядь не отставалъ отъ Азарнаго. Неправда ли, графъ?

— Да, я видѣлъ.... началъ Атукаевъ.

— Нустики, господа! этимъ вы меня теперь не взбѣлните; а ты, говори-ка дѣло, а не юли.... возразилъ Бацовъ, бросая шапку на одно изъ креселъ. Чтожъ, Карай, собака ладная и съ ногами; хочешь мѣнка? я готовъ, хоть на Азарнаго... и придачи нейшого возьму....

— Да я и говорю тебѣ дѣло....

— У, щучья пасть! придачи! тоже суется съ Азарнымъ! Нѣтъ, ты братъ его теперь припречь подалѣе, а то, пожалуй, и въ правду мыши хвостикъ отточать....

Подобные перекоры шли у нихъ до тѣхъ поръ, пока мы не усѣлись за трапезу. Спасибо Степану Петровичу, мастеръ кормить! а серебра на столъ у него было видимо - невидимо: изъ двухъ вазъ по концамъ торчали засмоленные горлушки бутылокъ. Ъли всѣ исправно. Въ одномъ концѣ стола оставались прибора четыре незанятыхъ; кто-то обратилъ на это вниманіе.

— Да я полагаю, что подѣвдутъ еще наши мелкотравчатые, отвѣчалъ хозяинъ.

Съ легкой руки Стерлядкина начался у насъ подробный раз-

сказъ о вчерашнемъ вечерѣ у Петра Ивановича; графъ говорилъ обо всемъ легко и шутя, но Лука Лукичъ, при воспоминаніи объ ужинѣ и клопахъ, и по поводу ихъ о Ганькѣ и Мотрюхѣ, а въ особенности о положеніи Каролины Федоровны, сильно раздражался и говорилъ обо всемъ чуть не съ проклятіями.

— Нѣтъ, любезному племянничку, повершилъ Стерлядкинъ (Петръ Ивановичъ былъ ему съ родни), какъ видно, не миновать суммы, если онъ поведется дальше съ этимъ пройдохой. Извините, Андрей Васильевичъ, обратился онъ къ одному изъ гостей, я говорю о Трутневѣ: онъ вамъ какъ-то съ родни.... Изъ пѣсни слова не выкинешь.

— Чтожъ, отвѣчалъ тотъ, противъ правды возражать нельзя. Притомъ же вы сами знаете, что этотъ Трутневъ сидитъ у меня вотъ тутъ! Гость показалъ на затылокъ.

— Пустяки, вмѣшался Бацовъ. Никогда не повѣрю, чтобъ какой-нибудь Трутневъ заставилъ меня дѣлать то, что противно и совѣсти, и всему....

— Чудакъ! ты вотъ говоришь и горячишься, не зная дѣла! Да знаешь ли, что Петру Ивановичу теперь остается дѣлать только то, что Трутневу угодно; онъ не смѣетъ безъ него шагу ступить. Трутневъ богаче его въ десятеро!

— Что ты мнѣ толкуешь! Пустяки, братъ; Трутнева состояніе я знаю.... Давно ли онъ вздиль на колымажкѣ, въ нанковомъ сюртучкѣ и выпрашивалъ по пудикамъ, чтобъ кормить семью. И отецъ — то его былъ больше ничего, какъ однодворецъ: самъ пахаль....

— Я это знаю не хуже тебя, да дѣло въ томъ, что Трутнева состояніе теперь не вогнешь и во сто тысячъ!

— Какъ же это могло случиться?

— Выходить, могло, коли случилось! А дѣло склеилось само по себѣ, безъ нашего вѣдома. Какъ вышелъ въ отставку мой чудо-юда (тогда онъ былъ все не то, что сталъ теперь), Трутневъ, вотъ, въ томъ самомъ сюртукѣ, что и тебѣ памятенъ, и шашть къ нему на дворъ.... дескать «отставной корнеть уланскій! по бѣдности, жену вмѣю, трое дѣтей... осмѣливаюсь просить, что милость-будетъ....» и т. д. Какъ! крикнулъ гусарь, всплеснувъ руками, уланъ! кавалерія! (нашъ братъ — пѣхота, у нихъ ни по чемъ!) прошу садиться! А тотъ, не будь дуракъ, вмѣсто стула, за гитару, да какъ хватить камаринокую и пошелъ въ присядку.... Черезъ часъ послѣ того, новые знакомые

и братья по оружію обнялись, поцѣловались, собрали бабъ, и къ вечеру стали друзья неразрывные.... На утро, Трутневъ смеивуши въ чемъ дѣло, держаль къ другу такую рѣчь: «есть, дескать у тебя, другъ, по сосѣдству со мной мельница; отдаешь ты се мужику за три тысячи въ годъ; такъ не лучше ли будетъ имѣть дѣло съ другомъ и благороднымъ человѣкомъ, чѣмъ съ какой-нибудь бородастой шельмой, у которой, дескать, никакихъ благородныхъ чувствъ въ наличности не имется... а я стану по третямъ вносить тебѣ ту же сумму.» Какъ не пособить благородному человѣку? Ударили по рукамъ—бороду долой и другъ сталъ арендаторомъ. Пришелъ срокъ, Трутневъ привозить за первую треть денежки, аккуратно, всѣ до копѣечки... ну, тутъ, какъ водится, опять пляска, а тамъ раскрыли столъ; арендаторъ метнулъ направо—налѣво, и тысяча пошла назадъ въ нанковый карманъ, да мимоходомъ зацѣпила и за другую треть помола; за остальною повхаль къ съемщику самъ хозяинъ и вмѣсто тысячи, получилъ три, а векселекъ выдалъ. Съ тѣхъ поръ повадился мой владѣлецъ навѣщать друга арендатора, да въ пять лѣтъ дописался до такой премудрости, что и на всю мельницу подмахнулъ закладную въ сорокъ тысячъ! А вѣдь вы знаете сами, прибавилъ Стерлядкинъ, что при ней одного лугу полтараста десятинъ, да лѣсъ непочатой. Записись онъ мнѣ хоть словомъ, сейчасъ внесу на кунчую пятьдесятъ тысячъ и буду въ барышахъ!

Всѣ слушали Стерлядкина, какъ говорится, разиня ротъ.

— А теперъ слухъ носится, прибавилъ разскащикъ, что сверхъ закладной, онъ набралъ векселей еще тысячъ на тридцать.

— Непонятно, однакоже, сказалъ Атукаевъ, какъ можно брать векселя, устроить подобныя сдѣлки, безъ гроша, за-даромъ....

— Нѣтъ, оно, коли хотите, такъ вовсе не за-даромъ, а за-дѣло,—возразилъ Стерлядкинъ.

— Да какъ же это? за какое дѣло?

— А вотъ за какое: выслушайте и согласитесь, что Трутневу не за-даромъ достаются эти векселя и закладныя... Вотъ, недавно, по лѣту, вздумалъ мой мужичокъ продать выкорика-меренка. Лошадь, знаете, не хозяйственная, мужику не подходящая: въ соху слаба, борона тоже ей не подъ силу, а побѣжка на легкѣ, есть; не-то, чтобъ иноходь, а такъ, трепачокъ; откуда ни возмись Трутневъ, бацъ, бацъ, по рукамъ: за сорокъ за

пять отащилъ у мужика вислоухаго жеребенка, продержалъ недѣли двѣ на конюшнѣ, подчистилъ, подстригъ уши, расчесалъ гривку, запрягъ въ бѣговыя, да и пахнулъ къ другу подъ крыльцо: тотъ, какъ взглянулъ на *казанскаго мноходца* и разинулъ ротъ.... Какъ вы думаете, на чемъ покончили? спросилъ Стерлядкинъ.

Мы все молча и вопросительно взглянули ему въ лицо.

— Взялъ онъ у друга коренную—битюка, лошадь рублей въ двѣсти, пролетки московскія въ шестистахъ на ассигнаціи, да векселекъ въ триста цѣлковыхъ: теперь въѣдъ на ассигнаціи векселей не иишутъ! Вотъ и говорите—даромъ: анъ не даромъ! Такъ, вотъ, и во всемъ...

Стерлядкинъ, какъ видно, хотѣлъ продолжать, но остановился и началъ вслушиваться; мы тоже обратили головы къ окну: оказалось, что на дворъ възжали нани охотники. Степанъ Петровичъ тотчасъ началъ отдавать приказаніе челоуьку, какъ размѣстить обозъ и охоту. Вскорѣ затѣмъ, безъ зова и доклада, появился у двери плотный дѣтина, въ синей черкескѣ съ патронами на груди; въ одной рукѣ держалъ онъ косматую шапку, а въ другой письмо.

— А? Аванасій! Здравствуй! Какъ ты подалъ сюда? заговорилъ графъ къ вошедшему.

— Алексѣй Николаевичъ приказали кланяться и просятъ поспѣшить, сказалъ Аванасій, поднося письмо графу.

— Какъ же ты узналъ, что я здѣсь?

— Я было въхалъ въ Клинское, да версты за четыре отсюда встрѣлъ охоту вашего сіятельства...

Атукаевъ углубился въ чтеніе, но не конча всего письма, бросилъ его на столъ и обратился къ намъ съ досадой:—ну, вотъ вамъ и новость, господа! Жигуновы съ компаніей ѣдутъ на наши мѣста! Ну, что это за народъ! Цунятники.... дѣла не дѣлаютъ, а другимъ портятъ! Вотъ, читайте, продолжалъ онъ, кидая письмо черезъ столъ.

Я схватилъ и прочелъ въ слухъ слѣдующее:

«По обѣщанію твоему, я ждалъ тебя весь день пятого, и не дождавшись, сегодня въ ночь посылаю нарочнаго. Поспѣши, пожалуйста, какъ можно скорѣе, потому что дальше пятницы я ждать не могу и тронусь, чтобъ захватить по дорогѣ ближайшія отозванныя мѣста въ Чурыковѣ, Бокинѣ и дальше. Вотъ еще новость: я узналъ наварное, что Жигуновы съ компаніей идутъ

на долины лѣсъ Новохоперскія мѣста. Если вы не посетите ко мнѣ въ Братовку раньше десятаго, то идите прямо къ Чурюкову, гдѣ я буду стоять на мрови, или въ Боккино на передохъ, гдѣ стану поджидать васъ.»

«Твой и проч.

Алексѣй Алѣевъ.»

— Вотъ вамъ и радость! прибавилъ графъ сердито.

— Ну, это еще дѣло не страшное, возразилъ Стерлядкинъ. Развѣ это охота! это сбродъ меджоты, вотъ, въ родъ Трутнева и дасъ грѣшныхъ... Тамъ сколько собакъ, столько и господъ!

— И точно, ваше сіятельство, безпокоитесь тутъ не о чемъ, прибавилъ Аванасій увѣрительно:—объ Жигуновской охотѣ и поминать грѣшно: собаки—цуньки, полуборзики... Прошлый годъ мы прослышали въ Грайворонѣ объ лисицахъ... подходимъ къ острову, а Жигуновы ужъ тутъ: порсканье такое идетъ... Мы скружили стаю, слушаемъ: тьявъ, тьявъ! съ тымъ и вызвали! а сами глядятъ на насъ... Мнѣ Алексѣй Николаевичъ изволилъ приказать осмотрѣть ихнюю стаю: нѣтъ ли съ затѣкомъ; вотъ, я, этакъ, подъѣхалъ, оглядываю... Тутъ самъ баринъ ихній: чей человекъ? говоритъ. Такъ и такъ, молю, сударь, посланъ осмотрѣть собакъ, нѣтъ ли, дескать, какого сумленія, (известно, на счетъ чумы) хотимъ, молю, метать своихъ гончихъ...—Кланяйся, говоритъ, Алексѣю Николаевичу и доложи, молю, что чумы у меня нѣтъ, да и лисицъ въ островъ не найдете: моихъ только что вызвали. Ну, такъ и доложишь... Вздоръ! изволилъ сказать нашъ баринъ. Мечи! говоритъ ловчему... Какъ заровнялся нашъ Феопенъ! только что прошелъ оцущку, варомъ заварилъ стая..., слышитъ, рогъ, другой! Пятерыхъ къ намъ на щипца и вынесли, тутъ, при ихнихъ же глазахъ и второчили всѣхъ... Баринъ-то Жигулинъ, говорятъ, перчатки изорвалъ, глядя на насъ...

— Отъ кого же узналъ Алексѣй Николаевичъ, что они ѣдутъ въ наши мѣста?

— Ловчій нашъ Феопенъ вѣдалъ на отзывъ, такъ, вишь, козловскіе купцы ночевали съ нимъ, тѣ сказывали, говорятъ, на-варное. А волковъ что у насъ отозвано, ваше сіятельство! такъ, въ пору, хоть бы и въ отъѣзжее не трогаться; во всю осень, какътебя, не перетравить, и на пороги кватить...

— Ну, что будетъ, то будетъ, сказалъ графъ, въ раздумьи. Надо вхлѣть, господа. Ты съ нами, Степанъ Петровичъ?

— Да, ужъ такъ условлено... Придется промать старыя кости.

— Такъ вотъ что, Аѳанасій, ты останься тутъ до утра, а завтра пойдешь съ охотой вмѣстѣ... мои плохо знаютъ дорогу; а мы съ вечера вышлемъ подставныхъ лошадей, и къ объѣду, какъ разъ, въ Братовкѣ.

— Слушаю.

— Степанъ Петровичъ! уложи же насъ, пожалуйста, нынче пораньше, а завтра и самъ пошевеливайся. Надо, въ самомъ дѣлѣ, поспѣшить.

Послѣ объѣда гости разъѣхались. Къ Степану Петровичу начали являться—старосты, гуменщикъ, ключникъ и прочій людъ, для выслушанія его распоряженій. Мы закурили сигары и отправились въ садъ, гдѣ между прочимъ видѣли и помянутую уже картину. Когда мы вернулись назадъ, Степана Петровича уже не было въ домъ, онъ стоялъ у дверей одной изъ кладовыхъ: тамъ при немъ отщипывали окорока, отвѣшивали муку и разную поварскую провизию; мы пошли туда и были свидѣтелями слѣдующей сцены:

За спиной у Стерлядкина стоялъ бѣлокурый, съ живыми глазами, миловидный мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, въ зеленомъ охотничьемъ казакинѣ; онъ всхлипывалъ и утиралъ рукавомъ слезы. Услыша этотъ плачь, Стерлядкинъ обернулся и произнесъ полусердито и наставительно:

— Пошелъ, пошелъ, говорятъ тебѣ; еще расхныкался тутъ! Другой бы радъ былъ, что оставляютъ его дома, на печкѣ... Что, за тобой няньку, что ли, возить? Ты разсуди, вѣдь это не въ Осоргино хлопунцомъ прокатиться... тутъ, братъ, осень на сдѣл сидѣть... чичеръ захватить, размножешься... куда тебя дѣвать? Притомъ же, въ охоту что будешь дѣлать? волка отродясь не травливалъ, лисицы въ глаза не видалъ...

— Помилосердуйте, сударь... Чтожъ я опосля того за чловѣкъ выхожу... Когдажъ я долженъ научиться? выходить, мнѣ и вѣкъ изъ хлопунцовъ не выдти!... а вотъ, прикажите только, я лучше старыхъ балбесовъ управлюсь съ дѣломъ...

— О чемъ онъ хлопочетъ? спросилъ графъ.

— Да вотъ, дуракъ, оставляю дома, при молодыхъ, такъ вѣтъ, возьми его, въ отъѣздъ! Тоже, охотника корчить... возьми, а тамъ и нянчись съ нимъ! Онъ думаетъ, что это легкое дѣло, домашнее...

— Батюшка, ваше сіятельство! заступитесь... нечто, я ужъ такъ, не чловѣкъ... приступилъ мальчикъ.

Кое-какъ общими силами склонили Стерлякина, онъ согласился, примолвя: — смотри же у меня, если ты только тамъ раскиснешь или лошадь подобьешь, я тебя тогда пвшкомъ прогоню домой. Ступай, собирайся.

Обрадованный мальчикъ не находилъ какъ выразить свою радость, онъ поцѣловалъ руку Стерлякина, поклонился намъ и побѣжалъ по двору въ припрыжку.

Вечеромъ мы долго не засиживали и напившись чая, часу въ десятомъ, разошлись по мѣстамъ, общая каждый встать ранѣе другихъ; Стерлякинъ слушалъ и подсмѣивался, и онъ былъ правъ, какъ оказалось на дѣлѣ: на утро, никто изъ насъ не думалъ еще открывать глазъ, какъ комната наша осветилась и въ ней появился человекъ съ подносомъ, а вслѣдъ за нимъ и самъ хозяинъ въ своемъ утреннемъ нарядѣ.

— Чтожъ, горячіе охотники, видно вы только на словахъ! Поднимайтесь-ка...

Мы вскочили словно по командѣ, собрались живо и, въ свою очередь, начали торопить самага Стерлякина къ отъезду.

Чуть брежжилось, когда мы сѣли въ коляску и поскакали по ровной проселочной дорогѣ; смѣнивши въ полупути подставныхъ лошадей, мы, ровно въ полдень, очутились на широкомъ выгонѣ, отдѣлявшемъ большое село Братовку и господское гумно отъ усадьбы.

Миновавши конный дворъ съ конюшнями и высокимъ манежемъ и множество хозяйственныхъ новыхъ и прочно поставленныхъ строеній, мы подъѣхали дворомъ къ одному изъ флигелей, съ мезониномъ и балконами по обѣимъ сторонамъ, въ родѣ продолговатыхъ крытыхъ террасъ. Прямо противъ насъ стоялъ небольшой, довольно уже ветхій домъ, за которымъ раскидывался во всю ширину двора густой садъ, а надъ нимъ высился тонкій шпиль красивой колокольни и куполь домово́й церкви.

Поднявшись изъ маленькой передней по лѣстницѣ вверхъ, мы прошли двѣ небольшія комнаты и очутились въ рабочемъ кабинетѣ Алексѣя Николаевича Алзева: письменный столъ, съ часами и бумагами, стоялъ по срединѣ, сафьянный диванъ, кушетка, нѣсколько креселъ, да коверъ во всю стѣну, густо увѣшанный ружьями, рогами, ошейниками, сворами, охотничьими ножами, кинжалами и проч., вотъ и вся немудрая обстановка этого обиталища.

— А вотъ и они! произнесъ Алексѣй Николаевичъ двумъ

своимъ собесѣдникамъ, завидя насъ изъ другой комнаты и проворно поднимаясь къ намъ на встрѣчу.

— Здравствуй, кумъ ты мой любезный! зашлъ графъ, переступая порогъ.

— Ну, заждались... только что объ васъ шла рѣчь... приговаривалъ хозяинъ, цѣлуя графа и Бацова.—Здравствуйте, Степанъ Петровичъ; очень радъ... и вы съ нами?

— А вотъ, братъ, рекомендую... перебилъ графъ, показывая на меня. Это еще ружейникъ... отщепенецъ... да мы его травимъ въ дѣло!

Мы пожали другъ другу руки и размѣнялись обычными привѣтствіями.

Алѣевъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, довольно высокаго роста, худощавый, мускулистый, бодрый, съ открытою рѣзкою фізіономіей, чистый типъ, такъ сказать, отшлифованнаго, выношеннаго служаки кавалериста: голубые глаза его смотрѣли смѣло, открыто впередъ, а по очертаніи рта и подвижности лица при разговорѣ, въ немъ былъ замѣтенъ человекъ съ энергіей и рѣшительнымъ характеромъ. Есть люди такого склада, съ которыми встрѣтятся первый разъ въ жизни, послѣ двухъ, трехъ обыденныхъ фразъ, вы подчиняетесь невольному влеченію относительно къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, открыто, прямо, безъ задней мысли — на распашку.... къ этому подвигнуть всякаго могъ легко, съ разу Алексѣй Николаевичъ.

Кромѣ Алѣева, были тутъ еще два его собесѣдника: одинъ изъ нихъ, недалній сосѣдъ—охотникъ, мужчина еще моложавый съ лица, но съ совершенно бѣлой головой, другой, владимірецъ—охотникъ, прискакавшій сюда за восемь сотъ верстъ потышиться; онъ былъ постарѣе годами перваго, но коренастѣе, здоровѣе его, съ быстрыми пріемами и веселымъ характеромъ.

Трудно было сослѣдить весь ходъ разговора, который возникъ съ разу между охотниками, по случаю подвига Чауса; графъ описывалъ его безъ всякихъ прибавленій и охотничьихъ прикрасъ, но по увлеченію, съ какимъ онъ говорилъ о травлѣ *матраго*, можно было угадать въ немъ страстнаго охотника.

— Ну, очень радъ, что Чаусъ тебѣ служитъ, заключилъ Алѣевъ, да иначе и быть не могло: онъ отъ хорошаго гнѣзда; его однокорытники у меня работаютъ на славу.

— Да, спасибо, я доволенъ. А признайся, однакожь, прибавилъ графъ, съ лукавой усмѣшкой, что порода въ немъ все-таки

не прямая.... Я, братъ, самъ охотникъ и знаю, чего стоитъ выпустить кровную собаку изъ рукъ!

— Чегожь тебѣ еще надо? Вѣдь я не продалъ же его, а подарилъ... ты вѣдь знаешь моихъ собакъ и порода твоего Чауса тебѣ известна.

— Да, оно такъ, а знаешь ли, все какъ-то думается, нѣтъ ли тутъ подмѣси?...

— Говорю же тебѣ сурьозно, что онъ Пылаевой кровн; да вотъ, справься, посмотри самъ: мать его убилась прошлый годъ по зайцу, въ Астабенскихъ, она дочь Пылая, а отецъ, Ахидъ, вотъ что за Васильемъ рыщетъ; собака тоже кровная... Ну, а твой блюгрудый что подъльываетъ? Теперь онъ погодсваль. Какъ ему кличка? Карай что ли? Я думаю, ужъ скачка видна? спросилъ Алъевъ у Бацова.

— А вотъ-съ, не угодно ли вамъ будетъ отнестись по принадлежности, къ почтеннѣйшему Степану Петровичу, они вамъ будутъ имѣть честь доложить, какъ ихъ дворянская совѣсть укажетъ, отвѣчалъ Бацовъ весело и самонадвянно.

Тутъ снова завязался у насъ общій и самый оживленный разговоръ о скачкѣ Карая.

Ознакомившись и наговорившись вдоволь, мы въ два часа отправились всѣмъ обществомъ въ домъ къ обѣду. Боже мой, какой столина протягивался вдоль зала! Вокругъ него стояли и стулья обыкновенные, и креслы, и дѣтскіе стульчики на высокихъ ножкахъ. Раскланявшись въ гостиной съ хозяйкой дома, молодой, довольно полной блондинкой, съ живыми голубыми глазами, мы, черезъ пять минутъ общаго разговора, оживленнаго присутствіемъ и находчивостью наше веселой собесѣдницы, сдѣлались какъ бы давно обитающими здѣсь членами одного семейства. Тѣмъ временемъ въ залъ и въ гостиную набралось такое множество разнохарактерныхъ лицъ, что у меня съ непривычки начало нестрѣть въ глазахъ: тутъ были и дядька, молчаливый, созерцательный, но довольно впрочемъ сытый нѣмецъ, и восхищенная своей таліей и прической гувернантка, и, грѣшнымъ дѣломъ, русскій учитель, и учитель музыки, крохотный полячокъ, съ носомъ, взятымъ на пракать у великана, и нѣсколько дамъ родственныхъ и неродственныхъ, живущихъ въ домъ, такъ, «чтобъ жить»; а дѣтей набѣжало столько, что и не перечесть: два сына и маленькая дочь, были дѣти собственно Алъева, остальное все было—племянники, племянницы, воспитанники, воспитанницы,

бѣдныя сироты и проч. Все это населеніе быстро размѣстилось вокругъ стола, а лакеи принялись повязывать имъ салфетки подѣ бороды. Интересно было наблюдать, какъ всѣ члены этого шаловливаго общества старались вести себя за столомъ, какъ можно благочиннѣе, а между тѣмъ, пользуясь звѣнкомъ гувернантки и прочаго начальства, выдѣлывали разныя штучки.

Послѣ обѣда дѣти убѣжали въ садъ, а мы, съ сигарами и съ чашками кофе въ рукахъ, вышли и размѣстились на балконѣ.

— Не хотите ли, я вамъ покажу своихъ молодыхъ? сказалъ Алеевъ.

— Сдѣлай милость; я давно хотѣлъ предложить тебѣ... да, ты, ужь, пожалуйста, кажи намъ всѣ своры. Вотъ онъ посмотри, прибавилъ графъ, указывая на меня.

— Васька! обратился Алеевъ къ коренастому молодому малому, съ красными одутыми щеками и сонной рожей. — Вели охотникамъ вести сюда по сворно псарскихъ; а самъ съ Мишкой приведи впередъ молодыхъ. Я теперь пустилъ немного, всего-то одиннадцать, за то всѣ племенные, продолжалъ Алеевъ.

Вскорѣ Васька и слѣдомъ за нимъ мальчикъ въ нанковомъ сюртукѣ привели на сворахъ одиннадцать молодыхъ собакъ; глядя на нихъ, трудно было вѣрить, что это щенки. Не знаю, что думали мои охотники, но я сознавалъ, что такой красоты, статей и роста собакъ вижу первый разъ въ жизни.

— Вотъ, звѣри! проговорилъ графъ, сходя съ балкона къ собакамъ.

— Сколько имъ? спросилъ Бацовъ, отправляясь вслѣдъ за Атукаевымъ.

— Восьмой мѣсяцъ.

— Заиркинымъ не будетъ; она выметала позднѣе, прибавилъ Васька, указывая на четырехъ половощьгихъ.

— Ну, что тамъ, разница въ двухъ недѣляхъ, возразилъ Алеевъ.— Вотъ, посмотри, Лука Лукичъ, пара, у Мишки на право, одинакіе съ загривинами; только и наслѣдства мнѣ отъ моего Дорогаго! Они отъ Лейды. Эти, вотъ, Заиркины; а тѣ, пятеро, отъ Вьюги и Поражая.

Графъ и Бацовъ обходили кругомъ и разсматривали собакъ съ такимъ вниманіемъ и увлеченіемъ, что я больше смотрѣлъ на нихъ, нежели на собакъ, отъ которыхъ дѣйствительно трудно было оторвать глазъ.

— Лучше ты мнѣ и не кажи этихъ цунекъ (повѣсь, негод-

ныхъ), сердце не будетъ болеть.... проговорилъ графъ, отчаянно махнувъ рукой и пошелъ обратно на балконъ.

— А что? А кобели-то теперь будутъ безъ малаго аршинъ въ наклонъ! прибавилъ Алъевъ.

— Мы мърjali съ Никитой: эти все по тринадцати вершковъ, а этому вотъ, больше....

— Ну, ужъ ты все вымърjалъ тамъ... пошолъ прочь отсюда, проговорилъ Атукаевъ.

Васька самодовольно улыбнулся, подвиснулъ и увелъ собакъ.

— А знаешь ли, прибавилъ графъ, я скоро, кажется, перестану вздить къ тебъ.

— Отчего?

— Да какъ сказать? не думаю, чтобъ зависть, что ли.... а такъ, какъ наляжусь на твоихъ собакъ, на своихъ и глазу бы не накидывалъ; такъ и подмываетъ перевъшать всъхъ до тла, да и забастовать....

— Помилуй, чегожъ ты хочешь еще? Давно ли ты сталъ охотникомъ? Все бы разомъ! Нтъ, этого скоро не достигнешь... Надо выждать. Вотъ, вѣдь, добился же наконецъ: стая у тебя, хоть куда! Чегожъ еще желать! Ну, что, Соловей работаетъ?

— Да только, кажется, и собакъ, что Соловей да Кукла. Все же отъ твоихъ....

— Ну, вотъ и веди породу.

Тутъ человекъ десять охотниковъ, одѣтыхъ на манеръ Аѳанасы, въ синія черкески съ позументомъ и патронами на груди, привели по сворно своихъ собакъ. Всъ мы сошли съ балкона и принялись разсматривать этихъ волкодавовъ, о которыхъ слава гремѣла во всъ концы охотничьяго мѣрка, такъ-что коренной охотникъ владимірецъ или костромичъ, при встрѣчъ съ своимъ братомъ воронежцемъ или тамбовцемъ, перечисляли поимянно охотниковъ и по сворно собакъ «братовской породы», и каждый желая возвысить достоинство собственной охоты, говорилъ: «вотъ мать моихъ собакъ, внучка Наяну», или «отецъ этихъ собакъ, сынъ Пылая и Юрги», прямо изъ Братовки!» Эту геральдику собачьей породы твердятъ охотники издавна, еще со временъ существованія дѣда и прадеда Алъева. Я засматривался больше на тѣхъ собакъ, у которыхъ были *цапины* и *хватки*, и обращался объ этомъ съ вопросомъ къ охотникамъ... «Волкъ понятналъ», было общимъ отвѣтомъ.

— А вотъ, отецъ твоего Чауса, говорилъ между тѣмъ Алъ-

евъ, показывая на сѣропѣгаго кобеля въ сворѣ у охотника Василья. Вотъ мать твоего Карая, Лука Лукичъ, продолжалъ онъ къ Бацову; а отецъ его, «Крылатъ», рыщетъ за Афанасьемъ, его тутъ нѣтъ. Собака злобная; я надѣюсь, что Карай будетъ брать волка въ одиночку, и проч.

За исарскими, Васька, какъ стремянный, привелъ барскую свору: всѣ почти собаки были половопѣгіе, но какими глазами долженъ былъ смотрѣть на нихъ опытный и горячій охотникъ, я желалъ бы лучше спросить у него самаго, а не рисоваться на чужой счетъ въ выраженіи чуждыхъ мнѣ впечатлѣній. Между тѣмъ, пока мы обходили и разсматривали этихъ необыкновенныхъ собакъ, Алексѣй Николаевичъ разъяснялъ намъ ихъ породу:—вотъ, это—Наградка, мать этой Заирки; а это—Награждай и Поражай, ея сыновья. Эти собаки чисто Наяновой крови. А эти, вотъ: Побѣдимъ, Лихачъ и вотъ эта, отъ Пылая.

— А эта? спросилъ я нетерпѣливо, глядя бѣлую какъ кипень, съ шелковистыми завитками и черными на выкатъ, блестящими глазами собаку поразительной красоты.

— А, это — Аптекарьша! отвѣчалъ Алъевъ, смѣясь. Она будетъ двоюродная Наградкинымъ дѣтямъ; отецъ ее Масловской породы. Она скачетъ первую осень.... Вообразите, какую штуку она выкинула дней шесть тому назадъ. Въ Астабенскихъ вывели на меня гончія молодого волчка; она вынеслась первая къ нему, на всѣхъ духахъ, да какъ понюхала—не тѣмъ пахнетъ! вертъ, да поджавши хвостъ ко мнѣ подъ лошадь!... Ну, теперь, господа, я вамъ покажу собаку, которая по истинѣ дивитъ меня самаго. Васька! приведи своего чернопѣгаго.

Ко всѣмъ впечатлѣніямъ, испытаннымъ нами при осмотрѣ прежнихъ собакъ, намъ оставалось бы прибавить не многое къ достоинствамъ чернопѣгаго, еслибъ Алексѣй Николаевичъ не объяснилъ нѣкоторыхъ подвиговъ этой удалой собаки. Васька одинъ, кажется, былъ недоволенъ холоднымъ разговоромъ своего барина о его любимцѣ, посредствомъ котораго онъ самъ началъ «выходить въ люди» въ кругу заслуженныхъ уже охотниковъ.

— А онъ долженъ быть золъ, сказалъ я, глядя на глаза чернопѣгаго, которыми онъ смотрѣлъ какъ-то непривѣтливо.

— Напротивъ, повершилъ Алъевъ, смиреннѣе его едва ли найдется теперь собака въ охотѣ и присворенъ удивительно; отъ стремени ни на шагъ.

Вечеромъ, во время чая, когда мы, простившись съ семей-

ствомъ Алъева, ушли къ нему на верхъ и облеклись въ халаты, главные охотники принялись разсуждать о подробностяхъ на-чертаннаго заранѣ маршрута. Это для меня былъ въ высшей степени занимательный разговоръ, потому что мнѣніе Атукаева рѣзко расходилось съ мнѣніемъ большинства, на сторонѣ котораго былъ и Алъевъ. Возникъ вопросъ: прямо ли идти намъ *въ степь* «на лисьи мѣста», или взять по пути мѣста трудныя, но вѣрныя, гдѣ было отозвано нѣсколько выводковъ волковъ ловчимъ Θεопеномъ, за которые онъ ручался. Алексѣй Николаевичъ крѣпко стоялъ на томъ, чтобъ брать поле въ Чурюковѣ, гдѣ были подвыты и сосчитаны волки; графъ зналъ это мѣсто, но трусилъ его: онъ уже не разъ уходилъ оттуда, *не видя шерстинки*, съ измученной стаей.

— Правду тебѣ скажу, по совѣсти, повторялъ онъ разъ до двухъ, я боюсь Чурюкова, какъ огня! Тутъ, мнѣ кажется, не справишься ни какими силами: мѣсто крѣпкое, уйма, разлетистое; тутъ мы ничего не сдѣлаемъ, изобьемъ собакъ, а время уйдетъ!

— Помилуй, графъ, возражалъ тотъ, Чурюкова бояться, лучше и охотникомъ не слыть. Я, третьяго года, въ одно поле взялъ оттуда девятнадцать, и въ томъ числѣ двухъ матерыхъ и шесть перьярковъ, да прошлый годъ, проходомъ изъ Бокина, съ измученной стаей и подбитыми сворами, кинулъ по пути, и то добылъ шестерыхъ... Скорѣе же въ Бокинѣ не справишься безъ тенѣтъ, а тутъ, что...

Надо сказать, что подобная фраза въ устахъ другаго охотника была бы чистое самохвальство, но въ устахъ Алъева, это было больше ничто, какъ сама истина; о предметъ этомъ онъ и говорилъ какъ-бы мимоходомъ, по необходимости.

Бацовъ, Стерлядкинъ и Владимірецъ возстали общимъ бунтомъ противъ Атукаева и твердо держались мнѣнія Алексѣя Николаевича; все они, какъ я замѣтилъ, жаждали скорѣе увидѣть въ дѣлѣ его стаю и ловчаго Θεопена, котораго слава была утверждена давно и окончательно. При томъ же, травить матерыхъ волковъ одной царской сварой, а при нуждѣ принимать изъ-подъ одной собаки, для многихъ казалось чѣмъ-то невѣроятнымъ.

— Ну, какъ знаешь тамъ... повершилъ графъ. Ты, вѣдь, все-му голова, и пословица говорить—куда голова, туда и ноги... Я только, вотъ, на счетъ лисьихъ мѣстъ... все боюсь, какъ бы намъ не опоздать.

— Какъ ты это судишь, графъ? Да знаешь ли, что намъ

раньше октября въ тѣ мѣста носа совать не слѣдуетъ!... Въдѣ тамъ стень не нашей чета! Разлетѣ, соры, уборка поздняя (хлѣбовѣ), время теплое, звѣрь не въ рыску. Пусть-ка эти господа, горяченькіе (говорятъ, уже полетѣли туда), попробуютъ... увѣрю тебя, что они останутся безъ собакъ и вернутся ни съ чѣмъ; а мы возьмемъ обаполь полей шесть славныхъ, выстоимся во-время и, съ свѣжими собаками, явимся къ мѣсту... И такъ рѣшено? Въ Чурюково?

— Въ Чурюково, крикнулъ Атукаевъ, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Ура! У-ра-а-а! Закричали мы разомъ такъ, что, кажется, стѣны дрогнули.

— А я-то, я-то? отецъ семерыхъ дѣтей! Изъ Владиміра въ Чурюково! прибавилъ Владимірецъ пискливымъ голосомъ, складывая крестообразно руки, и разсмѣшилъ всѣхъ.

Вошли Аѳанасій и камердинеръ Атукаева.

— А вотъ и твои прибыли, сказалъ Алѣевъ. Аѳанасій, вели же размѣстить охоту и накормить людей.

— Да въдѣ охоты моея тутъ нѣтъ; она въ Лозовкѣ...

— Какъ же это? Отчего же не сюда?

— Ну, нѣтъ, я себя не позволю этого, возразилъ Атукаевъ. Пусть ловчій посмотритъ, тогда и соединимся... а то, въ случаѣ какого нибудь несчастья, да я лучше всѣхъ собакъ лишусь, чѣмъ сдѣлать непріятность; особенно тебѣ!

— Вотъ еще нѣжности! Въдѣ у тебя собаки здоровы?

— Да, это такъ; только не наше дѣло! Пусть ловчіе тамъ какъ знаютъ. *

На другой день утро мы провели въ манежѣ, гдѣ часа три продолжалась выводка лошадей, потомъ, по прежнему, отправились въ домъ къ обѣду, а часу въ четвертомъ послѣ обѣда уѣхали на псарный дворъ, смотрѣть гончихъ; для меня собственно интереснѣе было взглянуть на личность Алѣевского ловчаго Феопена.

Околесивъ страшнаго размѣра господское гумно, мы спустились къ мостику, гдѣ, на омытомъ рѣчкой съ трехъ сторонъ бугрѣ, былъ устроенъ псарный дворъ.

* Между охотниками настоящими, это правило должно быть соблюдаемо въ точности и лежать на отвѣтственности ловчихъ, потому что нѣтъ ничего легче привить чуму, какъ неосмотрительнымъ сообщеніемъ съ чужой неизвѣстной охотой.

— Гдѣ Ѳеопень? спросилъ Алзевъ у выжлятника Пашки, понавшагося къ намъ на встрѣчу.

— Ушелъ въ проводку.

— Вотъ-те разъ! прѣехали, а смотрѣть не на что. Ѳеопень-то стаю увелъ. Да скоро ли онъ вернется?

— Запарка готова, отвѣчалъ Пашка. Сейчасъ станемъ кормить.

Отъ бездѣля, я занялся разсматриваніемъ мѣстности; на право поле высокимъ гребнемъ тянулось надъ рѣкой въ даль и заканчивалось у села Никольскаго; на лѣво, въ верстѣ отъ насъ, у сельца Воскресенскаго, надъ берегомъ той же рѣки, шумѣла красивая ольховая роща: кругомъ были луга, а сзади—Братовка.

— А вотъ и онъ, сказалъ Атукаевъ, указывая по направленію къ рощѣ.

И точно, Ѳеопень, незамѣтно для насъ, подошелъ берегомъ рѣки къ мостику: на немъ былъ помятый картузь, синяя поддѣвка и длинные, выше колѣнъ, сапоги. Подъ мышкой онъ держалъ арапникъ, а за спиной у него висѣлъ большой длинный рогъ.

— Это онъ. Да гдѣ же стая? спросили разомъ Стерлядкинъ и Бацовъ.

— Вѣрно бросилъ гдѣ-нибудь въ полѣ, отвѣчалъ Алзевъ.

Между тѣмъ, Ѳеопень, увидя нашъ экипажъ, подошелъ къ кучеру, понюхалъ табаку, спросилъ что-то и той же медленной стопой пошелъ къ намъ и снялъ шапку.

— Здравствуй, Ѳеопень! крикнули графъ и Бацовъ.

— Здравія желаю... изволили прибыть... вотъ и хорошо... Ѳеопень наклонился къ корыту и опробовалъ рукой налитую въ немъ запарку.

— Гдѣжь твоя стая? спросилъ графъ.

— Да вонъ... шишкинскихъ гусей стерегутъ. Давай сухари, прибавилъ онъ, обратясь къ Пашкѣ.

Графъ, Бацовъ и прочіе охотники въ недоумѣніи глядѣли другъ на друга. Гораздо послѣ я уразумѣлъ значеніе этой переглядки. Было отъ чего разинуть ротъ любому охотнику: ловчій уводитъ не сомкнутую стаю, за версту, за двѣ, т. е. туда, откуда слышенъ рогъ въ лѣсъ, въ поле, въ луга, гдѣ ходятъ гуси, пасутся овцы, мычатъ телята; крикнетъ онъ собакамъ:—стай-сь! и стая скучилась, сжалась, усълась и глядитъ подвѣсивши головы какъ, понюхивая табачокъ, ея пестунъ бредетъ одинъ до до-

му, и когда-то ему вздумается позвать въ рогъ своихъ послушныхъ дятковъ?... Сидятъ собаки, не шевелятся, ждуть, а вокругъ нихъ столько жирныхъ, лакомыхъ блюдъ!... тамъ гусыня гогочетъ къ стаду, тутъ мычитъ телокъ... Да! спросите у любого ловчаго о подобной продѣлкѣ и онъ станетъ клясться, божиться, что тутъ дѣйствуетъ не человѣчья, а нечистая сила, а между тѣмъ, у ловчаго Теопена это дѣло будничное, урядовое; это его азбука — склады увидимъ послѣ...

Пашка принесъ полумѣрокъ сухарей; Теопень разсыпалъ ихъ по корыту и размѣшалъ лопаткой, потомъ вскинулъ рогъ черезъ плечо и далъ позовъ. Съ этимъ звукомъ, роща огласилась визгомъ и стая безъ смычковъ помчалась къ мосту: охотники наши пристально глядѣли на собакъ, я, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на ловчаго.

Дѣтина этотъ былъ лѣтъ сорока, роста средняго, плечистъ и крѣпокъ. Черными, полуоткрытыми глазами своими глядѣлъ онъ ровно, устойчиво; глаза эти какъ-то лѣниво переходили съ предмета на предметъ. Говорилъ онъ плавно, съ отрывомъ, подумавши, какъ будто не-хотя. Длинный носина его былъ наглухо заколоченъ частыми понюшками табаку, отчего Теопень гнусилъ, произнося слова. Но, какъ рѣзко, при всей этой неразвязности манеръ, неклеякости протяжной рѣчи, обозначался въ немъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ мудреныхъ людей, которые «себя-на умъ», которые «не даютъ маха»!

Собаки скоро очутились на бугрѣ и усьлись въ два ряда вокругъ корыта, въ такомъ отъ него разстояннн, что можно было между ними и корытомъ проѣхать на телегѣ. Теопень снова взбуровилъ овсянку лопаткой, стукнулъ о край и крикнулъ: дбруць! собаки живо кинулись къ корыту и принялись лакать.

— Ну, Теопень, ты колдунъ! сказалъ Атукаевъ.

— Чѣмъ это... ваше сіятельство?

— Да какъ же? Кому жъ придется въ голову кинуть въ чужомъ поселкѣ, заглазно, разомкнутую стаю! Долго ли до грѣха?

— М-м... ничево-съ... они привычны... Стой! крикнулъ Теопень собакамъ.

Собаки тѣмъ же порядкомъ отскочили отъ корыта и выровнялись; Теопень снова размѣшалъ овсянку.

— Дбруць!

Пиръ начался снова.

— Что, ваше сіятельство, собачки наши служатъ вамъ?

— Какъ же. Соловей началъ стаю править.

— А голосами какъ?

— Тонкоголосы оба, огъ и Кукла.

— Гм... этакой дряни и у насъ много...

— Ну, давай мѣнка, я двухъ толстоголосыхъ отдамъ за одного пискуну.

— На чтожь... незамай пищать...

— То-то; ты, себѣ на умъ... Вотъ я бы этихъ арлекиновъ пару взялъ.

— Начтожь... они и намъ годятся...

Въ такомъ родѣ длился у нихъ разговоръ, пока не вернулся Алзевъ съ царнаго двора, куда онъ уходилъ съ Владимірцемъ осматривать молодыхъ гончихъ; онъ объявилъ Феопену на утро въ десять часовъ выступленіе.

— Слушаю. А куда идти думаете?

— Идемъ въ Чурюково.

— Слушаю.

Мы увхали.

На другой день, часу въ восьмомъ утра, охота наша въ полномъ составѣ пришла въ Братовку и въехала на дворъ довольно парадно; Алзевскіе охотники вышли на встрѣчу къ своимъ собратамъ, здоровались съ людьми и осматривали собакъ, послѣ чего объ партіи отправились въ одинъ изъ олигелей, гдѣ былъ приготовленъ для всѣхъ завтракъ. Начали выносить и укладывать наши пожитки; часа два времени прошли въ суетахъ и сборахъ; особенно на дворъ было до крайности пестро и шумно. Я почти не отходилъ отъ окна и засматривался на эту разительную картину: тамъ, борзятникъ одѣлялъ недоѣденнымъ пирогомъ свою свору; тутъ, конюхъ отъезжающій перебранивался съ конюхами-домосѣдами за подмѣненный недоуздокъ; два обозничихъ разбивали на звѣнья огромный ворохъ тенеть и укладывали счетомъ въ тенетную фуру; подлѣ нихъ, дворовая женщина, въ синемъ холстинковомъ платьѣ, въ бѣлой косынкѣ на плечахъ, совала сыну борзятнику двѣ чистыя сорочки и что-то съдобное въ узелкѣ; тутъ, вострая борзая сучемка вертелась кольцомъ передъ двумя волкодавами, а тѣ шутили уши и топали какъ индѣйскіе пѣтухи, съ поднятыми къверху хвостами... Наконецъ явился Алексѣй Николаевичъ въ полномъ нарядѣ и возвѣстия намъ минутой общаго подъема. Подпоясавшись черкесскими ремнями, съ сворами черезъ плечо и кинжалами у бога,

мы всей компаніей вышли на крыльцо. Обь охоты были въ полной готовности къ выступленію. Охотники были одѣты легко и щеголевато, не смотря на походное свое положеніе; одинъ только Феопень нарядился въ какой-то длинный балахонъ, въ которомъ онъ, съ своимъ носомъ и помятымъ козырькомъ, былъ похожъ на пльннаго турка.

Алевъ подалъ знакъ; двѣнадцать борзятниковъ сошлись въ кучу и сыграли свой позовъ: звуки были какъ-то торжественны, и грустны, и проникающи глубоко... собаки взвыли и запрыгали; изъ дому высыпалъ народъ, и дѣти, и няньки, и дядьки, и куча зъбакъ; все это глазъло, слушало... и вотъ, Феопень, взошелъ на своего соловаго киргиза, снялъ шапку, перекрестился, подвиснулъ стаю и тронулся со двора; за стаей тронулась другая, потомъ пошли своры, за ними двинулся обозъ... Мы ушли въ домъ: тамъ, на кругломъ столѣ былъ уже готовъ для насъ сытный завтракъ; вѣсть не хотѣлось никому; всѣ мы были какъ-то странно настроены: воображеніе рисовало въ безсвязныхъ картинахъ эту степь и даль, и чудилась заранѣе тревога нашей кипучей, кочевой жизни... но вотъ, загремѣли колеса и бубенчики подъ крыльцомъ; всѣ мы, по обычаю, усьлись по мѣстамъ, поднялись въ разъ, помолились; Алевъ простился надолго съ семьей и мы въ четырехъ экипажахъ съѣхали со двора...

Теперь, господа, до свиданія въ Чурюковъ.

IV.

Статья ИНТЕРМЕДИО, о томъ — что такое ловчій? Какое онъ есть и какимъ ему быть подобаетъ.

Въ міръ, насъ окружающемъ, есть много такихъ лицъ и предметовъ, съ ихъ относительнымъ значеніемъ, о которыхъ, говоря мимоходомъ, вскользь, мы выражаемся съ увѣренностью въ полнотѣ и непогрѣзительности ихъ пониманія; а между-тѣмъ, въ иную пору, спрашивая себя добросовѣстно о томъ или другомъ предметѣ, кажущемся намъ какъ нельзя лучше яснымъ и понятнымъ, мы станемъ въ тупикъ и не придумаемъ, что отвѣчать на свой навязчивый вопросъ. Кажется, понятно различіе между санникомъ и колесникомъ: такъ вотъ и думается, что санникъ ни за что не натянетъ обода на спицы, а колеснику и во вѣкъ не умудрится — накрутить вязокъ, уравнять полозъ и т. под., а

спросите—ка инаго краснбая, что такое санникъ и что колесникъ? вотъ тутъ и выдетъ запятая... А что такое ловчій? слышется мнѣ прежній вопросъ, не смотря на то, что я уже имѣлъ честь докладывать однажды, что ловчій есть, во-первыхъ—человѣкъ, какъ и всѣ мы люди, а во-вторыхъ, охотникъ—правящій стаей гончихъ собакъ; но, чудится мнѣ снова, что этотъ вопросъ, словно нить Ариадны, потянется за мной далеко, если я не скажу теперь же нѣсколько вразумительныхъ словъ о томъ, что такое ловчій.

И такъ, вмѣсто описанія грустной картины нашего ночлега въ «степныхъ дворникахъ» (лежащихъ, не знаю подъ какимъ градусомъ широты и долготы, верстахъ въ двадцати отъ сел. Чурюкова, куда мы держимъ путь), я счелъ за лучшее познакомить васъ короче съ этой, стоящей вниманія, личностью.

Ловчихъ есть два, пожалуй даже три рода: можетъ быть кто нибудь отъищетъ ихъ и больше, да о тѣхъ говорить не стоитъ, потому что они люди такого сорта, для которыхъ все равно быть ли ловчимъ или каменьщикомъ, плотникомъ, сапожникомъ, однимъ словомъ, быть тѣмъ, чѣмъ имъ быть *приказано*, следовательно, каждый изъ нихъ попалъ въ ловчіе только потому, что ему не пришлось быть ни пастухомъ, ни дворникомъ. Но ловчій по природѣ, по призванію, по *охотѣ*, это другое дѣло и дѣло новое, невообразимое для тѣхъ, кто не испытывалъ на себѣ и не видывалъ изъ примѣра на что бываетъ способенъ человѣкъ и что можетъ сдѣлать онъ по увлеченію, по страсти, по *охотѣ*. Ловчій по призванію, это абрекъ, сорви-голова, жизнь-копѣйка! человѣкъ на диво другимъ, человѣкъ по волю, по охотѣ обрекшій себя на трудъ, на рискъ, на испытаніе, на истязаніе... По натурѣ своей онъ долженъ быть не ровня другимъ людямъ: это натура—особнякъ, это двужилый, желѣзный человѣкъ!

Говоря объ артистѣ, не худо имѣть нѣкоторое понятіе и объ инструментѣ, на которомъ онъ играетъ, и потому скажемъ въ началѣ кое-что и о томъ орудіи или инструментѣ, посредствомъ котораго ловчій пріобрѣтаетъ себѣ или громкую извѣстность и славу (конечно между охотниками), или совершенное безславіе.

Изъ всѣхъ собакъ, которые, по своей породѣ и свойствамъ, принадлежатъ къ различнымъ родамъ охоты, едва ли отъищется хоть одна, которой бы суждено было терпѣть такую скорбную участь, какой обречена наша русская, такъ называемая стайная—пара-

тая гончая собака *. По самой уже природе она предназначена къ постоянно тщетному доискиванію чего-то, вѣчно убѣгающаго отъ нея, о близости котораго доноситъ ей тонкое чутье: она тянется изъ всѣхъ жиль, работаетъ до истощенія послѣднихъ силъ, носится, ищетъ, гамитъ, хлопочетъ и все это для доставленія потѣхи другимъ, сама же не можетъ и не смѣетъ дотронуться до предмета своихъ вѣчныхъ поисковъ и чуть она отрыскала, увлеклась дальше своего предѣла, какъ уже крикъ выжлятника и грозная рука съ арапникомъ встрѣчаютъ и провожаютъ ее къ новымъ поискамъ, гонбѣ и тревогѣ. И за всю эту усердную службу въ награду—скудная запарка, всегдашній кнутъ и вѣчное заключеніе въ тѣсную закуту въ обществѣ неуживчивыхъ и задорныхъ товарищей, среди удушающихъ мязмовъ, грызни, блохъ, болвзней, подъ тяжкимъ гнетомъ неводи, укорачивающей и безъ того ея недолгій вѣкъ.

За что же эта необходимѣйшая и самая дорогая собака въ охотѣ, эта рьяная, самоотверженная, добыточная труженица и вѣрнѣйшая помощница охотнику, доставляющая ему одно изъ наилучшихъ для него удовольствій, оставлена имъ въ такомъ черномъ тѣлѣ и не выходитъ ни на мигъ изъ-подъ тираниі своихъ грозныхъ надсмотрщиковъ и стражей, въ то время, какъ сухопарая борзая и вислоухая лягавая пользуются такимъ почестомъ и ласкою своего господина, вѣдятъ съ одной съ нимъ тарелки, спятъ на мягкихъ диванахъ и пользуются всеми благами довольствія и свободы? а за то, что ни одна изъ охотничьихъ собакъ не обладаетъ такимъ количествомъ звѣрскихъ инстинктовъ, сколькими надѣлена гончая собака, преимущественно звѣрогонъ: его жадность, заркость и злоба, безъ постояннаго вниманія и строгаго заніма досмотра, всдутъ его прямо къ звѣрской одичалости, къ «набаловкѣ», т. е. онъ изъ звѣрогона дѣлается «скотинникомъ» и можетъ разомъ испортить всю стаю, оттого-то выдержка стаи гончихъ такъ трудна и требуетъ большаго тер-

* Чистыхъ туземныхъ породъ гончихъ собакъ, между охотниками, въ Россіи признается двѣ: первая польская, тяжелая—ружейная, и порода *паратал*, т. е. быстро, «на всѣхъ духахъ», гоняющая звѣря. Наилучшею признается порода такъ называемыхъ костромскихъ звѣрогоновъ, употребляемыхъ исключительно подъ борзыми; но между этими двумя породами есть пропасть варіацій въ слѣдствіе умничанья самихъ охотниковъ, посредствомъ подмѣшиванія англійской, тумана, арлекина и проч., такъ точно, какъ непонимающіе дѣла нѣкоторые борзятники мѣшаютъ крымку и горскую со псовой породой борзыхъ и тѣмъ уничтожаютъ кровныхъ собакъ.

льня, умзья и мастерства. Мы уже видѣли мимоходомъ примѣръ выдержки собакъ и то, что заставило охотниковъ опытныхъ и знающихъ, т. е. графа и Бацова ахнуть отъ удивленія, при взглядѣ на стаю, брошенную ловчимъ въ поле безъ призора и острастки; чтобъ знать причину этого удивленія, постараемся уяснить ее примѣромъ, болѣе общимъ и къ сожалѣнію, не рѣдкимъ во многихъ охотахъ.

Положимъ, что общій нашъ знакомый, примѣрно г. Иксъ, вышелъ, какъ водится, поручикомъ въ отставку и, поселясь въ опустыломъ отчемъ домѣ, въ началѣ принялся горячо за такъ называемую агрономію; провозившись года два съ этой *штукой*, которая прежде ему и во снѣ не грезилась, онъ сбилъ съ толку старосту и уполовинилъ собственный доходъ, наконецъ разсердился, захандрилъ и растянулся вдоль дивана съ трубкою въ зубахъ и съ твердымъ намѣреніемъ лежать и скучать; но, лежать и скучать, подѣ-часъ бываетъ очень скучно.

Толпа приспѣшниковъ и прислужниковъ рабски поглядываетъ на Икса и подмигивая глазкомъ, извѣщаетъ другъ друга, что, дескать, баринъ нашъ «тово». Понявши широкій смыслъ этого «тово», ближайшій изъ прислужниковъ и довѣренное лицо, сиречь *камардинъ*, улучивъ минуту, закладываетъ за спину руки, прилипаетъ къ притолкѣ, заводитъ длинную рѣчь о томъ, о семъ, и заключаетъ ее тѣмъ, что ихъ милости *за иля ради скуки* слѣдуетъ завести свою охоту. На дѣльное возраженіе барина, что если онъ не найдетъ достойныхъ сподвижниковъ и исполнителей по части агрономіи, то откуда возьметъ онъ охотниковъ, потому что это дѣло требуетъ и охоты и знанія, и пр. и пр., камардинъ возражаетъ еще дѣльнѣе, что, дескать, помилуйте, сударь! да намъ ли не управиться! плѣвое дѣло охота! и т. д. И это плѣвое дѣло сдѣлало то, что г. Иксъ всю ночь промечталъ о мѣдныхъ рогахъ и кафтанахъ съ позументомъ, и на утро составилось новое совѣщаніе, на которомъ положено, что виновникъ затви, т. е. камердинъ, исполнить роль стремяннаго, Васкъ и Петрушкъ быть борзятниками, а скотнику Ефиму, что еще при покойникѣ дѣдушкѣ *взжалъ при гончихъ* и знаетъ дѣло, быть ловчимъ. Ковчено, Васкъ и Петрушкъ объявлено, что они *борзовики*, а скотника Ефима потребовали къ барину на лицо:

— Сдай свою должность Аюнасю; ты получишь надбавку мѣщины и будешь ловчимъ, говоритъ г. Иксъ тономъ диктатора и обладателя рода человческаго.

— Слушаю-съ.

— Ступай, пусть снимутъ съ тебя мърку на охотничій кафтанъ.

— Слушаю-съ.

— А послѣ поведешь, вотъ, съ нимъ, для покупки гончихъ у помѣщика Охабнева; только выбрать лучшихъ, первый сортъ...

— Слушаю-съ.

И такъ, дѣло устроено; семь смычковъ *первый сортъ* гончихъ и пять своръ удивительныхъ (по словамъ Охабнева) борзыхъ прыгаютъ у крыльца вокругъ разряженныхъ охотниковъ; подводятъ Иксу коня и онъ приказываетъ ловчему идти въ такое мѣсто, *гдѣ больше звѣря.*

— Слушаю-съ, отвѣчаетъ преображенный скотникъ, красуясь въ зеленомъ кафтанѣ на барской пристяжной, и топчетъ неистово свою стаю.

Чтобъ найти побольше звѣря и потѣшить барина, ловчій избралъ заранѣе мѣстомъ своего поприща самый большой и частый лѣсъ. Пришли. Баринъ и новые охотники стали по мѣстамъ, гдѣ кому пришло по нраву; посвистывая, ловчій възхалъ въ опушку: ни съ того, ни съ сего, собаки рывкнули и понеслись; поскакалъ и ловчій,—куда, зачѣмъ,—никто не знаетъ.... Стоять, ждутъ; вотъ, вотъ, побѣгутъ зайцы, лисицы, волки; пожалуй, не выскочилъ бы медвѣдь!... У всѣхъ глаза и уши на сторожѣ; но, вотъ, прошелъ часъ, прождали другой, изъ лѣсу ни слуха, ни послушанія.... не выждалъ Иксъ: плетъ онъ Петрушку искать ловчаго; пропалъ и Петрушка; шлютъ Ваську, привести Петрушку, и Васька, словно въ воду канулъ.... Наконецъ, выпуча глаза, на взмыленной лошади, несется ловчій изъ лѣса и кричитъ стремянному, не встрѣчалъ ли онъ собакъ?

— Какихъ собакъ?

— Да гончихъ... чтобъ ихъ розорвало....

— Послушай, скотина, кричитъ Иксъ:—если ты у меня растеряешь собакъ, я тебя тогда...

— Слушаю-съ.... И ловчій скачетъ шибче прежняго и трубить неистово.

Стоять и ждутъ баринъ и стремянный и дождались вечера! А, вотъ, вышла наконецъ одна гончая изъ лѣса на опушку и облизывается; грудь и морда у нея въ крови; за нею приплелась другая, такая же красенькая; сошлись и всѣ, а ловчаго нѣтъ, какъ нѣтъ.... Явился наконецъ ловчій, Васьки нѣтъ; вер-

нулся Васька, Петрушка пропаль... Что за диво! Отродясь таких чудесъ никто надъ собой не видываль! А дива нѣтъ тутъ никакого; дѣло видимое, простое: лѣшій шутить, вотъ и весь сказъ! На томъ рѣшили и тронулись въ обратный путь. А отчего гончія въ крови? о томъ и слова никто не вымолвилъ: «должно быть такъ надо», думаетъ баринъ и молодые охотники; только Петрушка, вернувшись изъ лѣсу, пошепталъ что-то ловчему на ухо, а тотъ почесалъ затылокъ да махнулъ рукой.

Второе поле задумали взять тамъ, гдѣ бы не было лѣшихъ; выбрали залежи: мѣсто все въ отѣмахъ, а зайцами—прудь пруди! Вотъ, разравнялись полемъ и вдутъ къ мѣсту: борзятники хлопаютъ по межамъ, а ловчій ведетъ стаю и любитъ на выжлица Громилу, какъ тотъ тянетъ передомъ и вскидываетъ носъ на вѣтеръ. «Должно быть верхочуть», думаетъ ловчій, глядя ласково на выжлица, вмѣсто того, чтобъ дать ему кнута и вернуть въ стаю; а Громило поднялъ носъ еще выше, рявкнулъ и пошелъ писать.... Стой, стой! назадъ! Не тутъ-то было! Рванулась и вся стая, слѣдомъ за старымъ жожакомъ; поскакалъ и ловчій....

«А, вѣрно горячій слѣдъ», думаетъ Иксъ въ простотѣ сердечной и шлетъ Ваську и Петрушку на помощь къ ловчему. «Вотъ теперь-то увижу настоящую травлю», думаетъ онъ снова и подается впередъ, глядя на шапку ловчаго, чуть видную изъ-подъ бугра и... передъ баринномъ вскорѣ развернулась картина въ полномъ блескѣ! Десять овецъ лежатъ на лугу, уже бездыханныя, стая накинулась и теребитъ телка... борзые шныряютъ по стаду за поросятами.... Кричитъ Иксъ, кричатъ охотники.... Грозитъ Иксъ выпоротъ ловчаго; тотъ кричитъ «слушаю-сь», топчетъ овецъ лошадыю и поретъ кнудомъ свою остервенѣлую стаю. А вотъ, на крикъ пастуховъ, является толпа бабъ и мужиковъ съ цѣпами и дубинами... Иксъ заскрипѣлъ зубами, махнулъ рукой и помчался къ дому, проклиная себя, и Охабнева, и собаку, и охоту, и охотниковъ.

Пора однакоже намъ обернуть темную сторону медали.

Изъ этого примѣра, я думаю, достаточно понятно то, что можно и должно требовать отъ каждаго ловчаго и сколько требованій, по строгому уставу правильной псовой охоты, обязанъ онъ выполнять въ разъ, въ одно и тоже время, а сверхъ того, иногда удовлетворять и «затѣямъ барина», этой, большей частью, ни къ чему не ведущей помѣхъ дѣлу.

Для отчетливаго выполненія своей обязанности, ловчому необходимо первѣйшее изъ условій: желѣзное здоровье и съ нимъ вмѣстѣ—страсть къ своему дѣлу. Съ ними не страшны для него ни бессонныя ночи, ни тѣ труды, о которыхъ говорить не станемъ, потому что увидимъ ихъ со временемъ на дѣлѣ. Съ этими двумя качествами, онъ долженъ совмѣщать въ себѣ слѣдующія необходимыя достоинства: искусство въ вѣдѣ, то-есть, смѣтливость, проворство, находчивость, умъне сберечь стаю, а главное, мастерская выдержка собакъ, неусыпное наблюденіе за ними, заботливость объ отвращеніи заразы и чумы; порсканье, удалство и прочіе атрибуты, за которыми гоняются многіе бары-охотники, я признаю въ ловчемъ достоинствами второстепенными.

Говорить отдѣльно о каждомъ изъ этихъ качествъ, здѣсь не мѣсто: лучше мы дотронемся до орбиты годичной дѣятельности настоящаго ловчаго.

Зима на дворѣ, покончились мелкія пороши, занастѣлъ снѣгъ, заперъ ловчій стаю на лежку и самъ справляетъ каникулы, то-есть, протянулся вдоль лавки подъ окномъ и сосетъ свою носогрѣйку, да сходитъ вечеркомъ въ застольную поточить лясы, порядиться о святкахъ скоморохомъ и т. под. Впрочемъ и въ это время есть у него забота, и важная — *блюсти выжловокъ*, но этотъ предметъ мы пройдемъ молчаніемъ и оставимъ ловчаго на боку до-тѣхъ-поръ, пока не сошла вешняя вода, не заигралъ въ полушку листь на молодыхъ березкахъ; пришла, значитъ, ловчому пора съдлать коня: за недѣлю до выхода, подвалилъ онъ погодковъ выжлять къ стаѣ, далъ имъ обнюхаться, обсядѣться и, прощай родимая сторона! Версть за пятьдесятъ вѣдетъ онъ старую, умълую стаю, перемякнувши ее съ молодыми и сталъ въ бору на мѣсяць срокомъ. Изо-дня-въ-день, утреннюю и вечернюю зори, гамить, трубитъ и скачетъ ловчій по лѣсу... Вотъ, *молодые* узнали слѣдъ, идутъ *въ доборъ*, не гонять *по зрячему*, стали *тверды тропь*, перестали *скальваться*, узнали *позовъ*, затвердили голосъ своего пестуна, привыкли *къ стойкѣ*, однимъ словомъ, ловчій подровнялъ стаю, а самъ узналъ голоса, изучилъ помычку, изслѣдилъ характеръ гоньбы каждаго новобранца и вотъ, къ Петровскимъ заговѣньямъ привелъ ихъ домой на отдыхъ, на поправку. Взгляните теперь на ловчаго: глаза у него гноятся и горятъ, какъ разкаленные углѣ, лицо раздулось отъ комара, борода отросла на вершокъ,

горло издаетъ звуки на манеръ чугунаго котла, осипъ нангъ ловчій, разломило его! Ничего, вздохнетъ, оправится; а когда прикажете ему заняться этою оправкою? Петровки «на дворъ», а у него не подвыто, не сосчитано ни одного гвозда! Времени осталось «нисколько»; до Успенья «рукой подать», а тамъ.... На другой день, утромъ, наказавъ выжлятникамъ на-строга, что, дескать, безъ меня, пока вернусь, «Сороку въ отсадку, Крутишку въ подмазку, Заливку выпустить въ отгуль, Бушуя съ Бандоркою запереть въ случную, а у Ворошилы, какъ при мнѣ, воescu засыпать». Ловчій нашъ засвѣдалъ свѣжаго коня и къ вечеру, за сорокъ верстъ отъ дома, поджидая солнечнаго заката, сидитъ на завалинѣ у Щениловской мельницы, а клинобородый хозяинъ бьетъ съ нимъ на такую статью, дескать, Азарьинскимъ приходитъ круто: головъ двадцать пощетили за весну; а Кунаевскіе, хоть со двора не спускай: что ни день, то овцу или же ребенка стащатъ....

— А отголось ваши ребята слыхивали?

— Какъ не слыхать; почитай, что ни день, въ нашихъ верховьяхъ воютъ.

— Ну, ладно, дядя, пригляди за лошадыю; а мнѣ пора.

— Да ты бы щець хлебнулъ, родной; семь соберуть...

— Нѣтъ, спасибо, пора.

И вотъ, идучи лѣсомъ, съ арапникомъ подъ мышкой и доскиваяся между махоркой въ кисеть кремня, ловчій нашъ думаетъ: «ну, коли въ Куняевъ, да въ Азарьинъ похватываютъ, такъ гвоздо на старомъ мѣсть.»

Пришелъ онъ къ «верховьямъ», прислушался, глядитъ... На право простлалось круглое озеро, словно зеркало изъ вороненой стали, только въ одномъ углу его еще дрожитъ и медленно таетъ розовая полоска отъ запоздавшаго луча; отъ него широкимъ клиномъ вдавилось болото въ боръ, надъ болотомъ всплываетъ и стелется тонкій вечерній паръ... Тихо, пустынно, таинственно, тепло и дѣвственно кругомъ; ни звука, ни шороха... только зябликъ время отъ времени заведетъ свою печальную заревую пѣсню, да запоздалый чирокъ просвиститъ крыльями надъ чащей и свалится опукой въ темную гладь озера. Вотъ еще молодой мѣсяцъ, словно запятая, черкнутая тонкимъ перомъ, прицѣпился къ макушкѣ сосны... Сидитъ ловчій на пнѣ и выколачиваетъ о каблукъ золу изъ носогрѣйки, но, чу... на право у плеса, что-то шуркнуло, плеснуло... Вотъ, зарычала «старуха»,

*

грызнула одного, пискнула другой... разсыпались, зашлепали, взвизгнувъ еще одинъ тонкій голосокъ и, вслѣдъ за тѣмъ—мѣрная хода, словно телокъ побрель по мелководью, ближе и ближе... прилипъ ловчій къ соснѣ, глядитъ, чуть дышетъ... вышла! встряхнулась, постояла, прислушалась, пошла... «Незамай, обсядятся», думаетъ ловчій и садится у сосны. Продавши свое время, онъ приложилъ ладони ко рту и воетъ «старухинымъ» голосомъ; у плеса заворошились волчата, одинъ взбрехнулъ, двое отозвались, а на той сторонѣ болота загудѣлъ переярокъ. «Ладно», взвылъ опять, подхватили все въ разъ и зашлепали по болоту прямо на голосъ... вотъ, одинъ по одному вышли на луговину и принялись кататься и играть, теревить другъ друга... а ловчій глядитъ да шепчетъ разъ, два, три... первой, другой, семеро! ладно!.. Поиграли волчата и ушли; ловчій пошелъ кругомъ болота оглядывать по зарѣ тропу...

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого вытѣя, провѣзжій мужичокъ подалъ барину письмо подъ восковой печатью, залъпленной грошемъ; въ немъ, безтолковѣйшимъ манеромъ, были изложены похождения нашего ловчаго:

«А докладую вашей милости по отъпуске письма сего здравъ «только меня разламило прибываю теперъ на Любани, а думаю «ехать въ чумкины—завалы а зачалъ я отъ щепилочки—гнездо «проверилъ и маладыхъ семь и бревнисты ранніе а на утре три «переярокъ перевидѣлъ и матерого а матерымъ все ходъ одинъ «все съ поля отъ азарына. а въ телятникахъ мужики гнездо «тронулі молодыхъ перебілі а старіе сошли въ тукуевъ прому- «чился подъ гнездомъ трі дня а нашолъ—таки matka изъ моло- «дыхъ во ржі свѣла на чістоту только четвѣро—ледящи малы. «а гнездовики перешли оттедова въ зарамное. всѣхъ перевидѣлъ «ночі не спалъ. въ грачахъ просидѣлъ надъ отноркомъ две ночі «лисятъ семеро а всѣхъ по сей днь подвыто девѣтъ гнездъ да «три лисіныхъ а впередъ постаруюсь. а ребятамъ наказоваю ко- «ли у ворошины восца прашла то і ладна, а залівку пара запи- «рять а катора запустунтъ ту въ атсадку а то і такъ сабакъ «мало а прведу вчемъ будить недоглядъ больна изабью. округъ «второва спаса надеюсь прібыть. за тѣмъ—дѣла подходятъ.

И вотъ, за два дня до Успеня, ловчій вернулся домой и докладываетъ барину, что подвыто гнездъ шестнадцать, да огляжено пять лисіныхъ выводковъ, а самъ чешетъ въ затылкъ, да под-

кряхтываетъ, что времени «несколько» и что настоящей вѣзды осталось двѣ недѣли!

Оставимъ же теперь ловчаго съ его проводкою и подготовкою къ «вѣздѣ» и выхватимъ себя на поглядывнѣ только одинъ изъ тѣхъ осеннихъ дней, къ которымъ онъ такъ заботливо готовилъ съ весной и лѣтомъ.

Вотъ клонится сѣренькій осенній день къ вечеру; мелкій дождикъ, какъ булабочныя головки, сыплеть въ лицо и щиплетъ за уши; ловчій вызвалъ мокрую стаю изъ болота и рѣзкимъ ходомъ ведетъ ее на ночлегъ; борзятники, одинъ по одному посигъшаютъ за нимъ слѣдомъ. Вотъ подвалила охота ко двору; ловчій сучилъ стаю на улицѣ и пошелъ оглядѣть хозяйскихъ собакъ, нѣтъ ли заразной-чумной; заглянулъ въ клевы, ругнулъ обозничаго за мокрую постилку и свиснулъ стаю на дворъ. Въѣзжаютъ борзятники, разсѣдываютъ лошадей, выторачиваютъ зайцевъ, уносятъ потники на просушку; въ избѣ (откуда хозяйская семья перешла въ холодную, а красную на дворъ очистили для господъ, поваръ хлопочетъ съ ужиномъ) появляются охотники, швыряютъ потники на печь, угромащиваютъ шапки съ рогами, сворами и арапниками на полку, распяливаютъ мокрые кафтаны вокругъ палатей; вбѣгаетъ борзая, кладетъ голову на столъ и умильно глядитъ на жареную курицу; поваръ кричитъ, топаетъ, гонитъ собаку; борзятникъ отпускаетъ остроту на счетъ повара и курицы; рогъ и арапникъ валятся съ полки и падаютъ на блюдо съ котлетами; брань усиливается, смѣхъ возобновляется; входятъ новыя лица: таже раскладка потниковъ, распялка кафтановъ. Въ избѣ стало душно, тѣсно, темно: голубой дымъ отъ махорки стелется пластомъ и колетъ глаза... Входятъ, выходятъ...

Голосъ изъ сѣней. Дядюшка, Игнатъ! къ барину!

Голосъ изъ темноты. Нѣту-ти, увхаль къ тетушкѣ.

Голосъ съ палатей. Котораго тебѣ Игната?

Голосъ изъ сѣней. Игната Савельича, ловчаго.

Новый голосъ. Нѣту-ти. Не приходилъ. Ищи у стаи, либо у котла.

2-й голосъ изъ темноты. Куда, это? Видно на проверку?

1-й голосъ изъ темноты. Известно въ проверку... Въ Зарамное, глядишь...

2-й голосъ изъ темноты. Нечто тамъ подвыты?

Новый голосъ. А то какъ же! Завтра въ Зарамномъ, а къ ночи чтобъ поспѣть въ Телюхи; ловчій самъ сказывалъ.

Въѣгаетъ казачокъ. Охотники! Бураго бѣлоголазого съд-
лайте подъ ловчаго. Скорый!

(Дѣлаетъ козла и убѣгаетъ).

Голосъ съ палатей. Сбѣгай, Ѳомка, скажи выжлятникамъ.

Голосъ Ѳомки изъ темноты. А самъ-то что?.. Вишь засѣлъ въ каменны палаты!

Голоса. Ха, ха, ха.

Вновь вошедшій охотникъ, развѣшивая кафтанъ. А у насъ вотъ тутъ шатры шелковые. Чтожь, ребята, полно скалиться, пора ужинать.

А тѣмъ временемъ ловчій стоитъ у притолки въ красной избѣ и прихлебывая изъ блюдечка чаекъ, докладываетъ барину, что завтра «безпремьнно слѣдуетъ брать Зарамное, чтобъ къ вечеру поспѣть въ Телюхи на повѣрку...»

Сидятъ борзятники вокругъ стола съ ложками; пришелъ ловчій въ избу, переобулся, смѣнилъ мокрый кафтанъ, второчилъ про запасъ чуйку, сѣлъ на бураго бѣлоголазого и поѣхалъ со двора. На шестой верстѣ свернулъ онъ съ большой дороги на переселокъ, перешибъ поле, подѣхалъ къ острову и началъ подвывать, но, отголосу не слышать; опоздалъ ловчій къ мѣсту: *волки на добыч!* «А какъ снесла ихъ нелегкая совсѣмъ!» думаетъ огорченный охотникъ и выбираетъ мѣстечко повыше, да посуше, садится на земь, надѣваетъ чумбуръ на руку, накрылся чуйкой, раскурилъ, съ грѣхомъ пополамъ, свою носогрѣйку, курить и слушаетъ, какъ дождикъ пополамъ съ крупой барабанить по кожанному потнику и сѣдельной подушкѣ. Дождавшись разсвѣта, онъ сѣлъ на коня и отѣхалъ дальше отъ острова на темя бугра, откуда видно въ даль... А вотъ, на право полевъ старикъ тащить на спинѣ овцу... вотъ и *матка*; за нею четверо молодыхъ протянулись въ ниточку и идутъ слѣдъ въ слѣдъ; съ другаго конца бѣгутъ на рысяхъ два переряка и всѣ одинъ по одному спустились къ болоту и пошли на логово. «Ладно», думаетъ ловчій, а самого бьетъ лихорадка, только не настоящая, а охотничья...

...Къ двумъ часамъ за полдень болото очищено, гончіе вызваны, ловчій переобулся, т. е. вылилъ изъ обонхъ сапоговъ во-

ду и надѣлъ ихъ на ноги *безъ воды*, взмогся на коня и повелъ стаю за двадцать верстъ въ Телюхи. Тутъ, по прежнему, борзятники съли ужинать, ловчій повхалъ «провѣрять гнѣздо...»

Какихъ сортовъ и видовъ ревматизмовъ не призапаситъ себѣ на старость этотъ «охотникъ-неработникъ», этотъ *бездѣльный* человекъ въ жизни; въ которой изъ костей его не окажется зуда и ломоты, тогда, какъ поконча съ дѣломъ — подслѣпый, оглохшій, забытый и брошенный, пойдетъ перепалзывать съ лавки на печку... Эхъ, сказалось бы! да... пора въ Чурюково.

Е. ДРЯНСКІЙ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПРИКАСПІЙСКОМЪ КРАѢ.

(Окончаніе.)

Мѣстность вверхъ отъ Уральска становится возвышеннѣе и разнообразнѣе видами, больше воды, зелени, тѣни, больше свѣжести въ воздухѣ.

Здѣсь, кромѣ Урала, есть много другихъ маленькихъ рѣчекъ: Кинделя, Иртекъ, Рубежная, Ташла, Илекъ. Здѣсь же начинается и Чаганъ, который впадаетъ нѣсколько ниже Уральска. Встрѣчаются лѣса. Берега Урала украшены очень порядочной лѣсной растительностью, а отъ Иртекскаго форпоста, который на 100 верстѣ выше Уральска, тянется къ общему Сырту прекрасный молодой дубовый лѣсъ на пространство 30 верстѣ. Есть и другія обильныя лѣсомъ мѣста. Общій Сыртъ, проходящій по западной границѣ Уральскаго войска, едва замѣтный ниже Уральска, здѣсь становится выше и длинными параллельными грядами тянется на сѣверъ, постепенно поднимаясь надъ уровнемъ степи. Выше Уральска, по всей степи, принадлежащей войску, идутъ пашни и чудные покосы; послѣдніе особенно хороши по берегамъ Урала и по р. Илеку.

Отъ Урала до общаго сырта здѣсь раздѣлены по берегамъ рѣчекъ на степи и у опушекъ лѣсовъ хутора и уметы.

И такъ страну Уральскаго войска можно раздѣлить на двѣ половины: первая, степь съ рѣкой и моремъ, степь дикая, незнающая еще плуга, степь, посреди которой люди занимаются еще первобытными промыслами: рыболовствомъ и скотоводствомъ*, и вторая, степь уже превращенная въ поля, обильно вознаграж-

* Въ Сарайчиковской крѣпости впрочемъ имѣется виноградный садъ, принадлежащій эсаулу Толстову. Въ Кулагинской крѣпости войсковой старшина Хорошихинъ положилъ начало прекрасному саду, въ которомъ онъ старается разводить нѣкоторыя растенія, свойственныя южной полосѣ Европы. Прекрасныя начинанія любознательнаго хозяина не безуспѣшны.

дающая труды земледельца и подающая въ будущемъ прекрасныя надежды *.

При богатствѣ края и дешевизнѣ въ немъ състныхъ припасовъ, нельзя не замѣтить здѣсь явленія, весьма важнаго: это высокая плата за трудъ. Когда и гдѣ бы работникъ могъ получить внутри Россіи 9, 10 рублей ассигнаціями и болѣе за одинъ день труда, какъ это бываетъ во время сенокоса? Жнитво здѣсь также дорого, крестьяне толпами приходятъ сюда изъ Оренбургской и Самарской губерній косить и жать и, окончивъ здѣсь работы, возвращаются на свои собственные. Причиною этой высокости цѣнь служитъ, какъ избытокъ земли, такъ и способъ самаго пользованія ею. Это служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ богатства края. Столько добра, что хозяева безъ посторонней помощи и подобрать его не могутъ. Но причину этого, столь важнаго для рабочаго класса явленія, надобно искать еще и въ законахъ, ограждающихъ права здѣшняго населенія. Уральскіе офицеры, принадлежащіе къ дворянскому сословію, лишены права селить на войсковой землѣ своихъ крестьянъ и потому по необходимости должны нанимать для этого постороннихъ рабочихъ. Такимъ образомъ здѣшняя благодатная земля служитъ источникомъ благосостоянія не однимъ казаковъ, а вмѣстѣ съ ними и окрестныхъ жителей. На основаніи этого закона, всѣ крестьяне, принадлежавшіе здѣшнимъ дворянамъ и жившіе на войсковыхъ земляхъ, были освобождены. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ наприм. жители Бородинскаго форпоста, причислены къ самому войску.

Смотря на эту полосу земли, промежутокъ между которой и Волгою еще недавно населился сходцами изъ внутреннихъ губерній, невольно представляется вопросъ, какимъ-образомъ русскій человекъ забрелъ въ такой далекій уголъ и какъ могъ онъ удержаться здѣсь, окруженный со всѣхъ сторонъ бродячими воинственными инородцами? Русскій человекъ явился сюда, влекомый теми же стремленіями, съ какими онъ явился въ южныхъ степяхъ Россіи, на берегахъ Днѣпра и Дона, въ Сибири, на берегу Восточнаго океана и удержался здѣсь безграничнымъ мужествомъ. Отъ безсчастья, отъ лихой доли уходили русскіе люди

* Нѣкоторые казаки сѣютъ здѣсь немного кукурузы, которую они считаютъ не болѣе, какъ лакомствомъ, не придавая большаго значенія этому растенію. Въ Астраханской губерніи близъ Енотаевска также разводятъ ее, но тоже въ небольшомъ количествѣ.

частенько изъ родныхъ мѣстъ въ привольныя безкрайныя степи и искали въ набѣгахъ добычи и славы. Здѣсь удальцы рубятся съ Ляхами и Турками и грозятъ сорвать полумѣсяцъ съ Константинопольскихъ башенъ, а тамъ смѣло разгуливаютъ по Каспійскому морю и стучать въ ходящій ходенемъ, хрупкій тронъ Персидскаго шаха, который сидитъ на немъ ни живъ ни мертвъ. Этихъ русскихъ удальцовъ съ давнихъ поръ прозвали казаками—искателями славныхъ опасностей. Слѣдующія слова, взятыя изъ одной древней русской пѣсни, ясно указываютъ, какое значеніе имѣло въ прежнее время слово казакъ. Извѣстный русскій богатырь Добрыня Никитичъ, отпрашиваясь у своей матери изъ роднаго дома, говоритъ ей:

Ты честна вдова Аѳимья Тимофеевна,
Ты дайка мнѣ великаго благословеньица
Во чисто поле идти *показаковать*.

Съ именемъ казака соединено много свѣтлыхъ отрадныхъ для русскаго сердца воспоминаній, много блеска и славы. Казачье имя прогремѣло въ обѣихъ частяхъ свѣта отъ Атлантическаго до Восточнаго океана. Казаковъ знаютъ и у Китайской стѣны, и у Аральскаго моря, и на берегахъ Рейна и Сены. Знаменитый Беранже даже воспѣлъ казака, но онъ воспѣлъ его, какъ робкій врагъ. Онъ думалъ своимъ стихомъ уколоть русскаго героя, въ отмщеніе за крупные рубцы, нарѣзанные его саблей на спинахъ его соотечественниковъ. Но, востріе его булавки недостало до казацкаго сердца. Да и что казаку до пѣсни чужеземца; онъ ее не пойметъ. Но пѣснь роднаго поэта онъ выслушалъ бы съ восторгомъ. А стѣять казацкіе подвиги вдохновенія любого поэта.

Уральцы по справедливости раздѣляютъ эту славу съ прочими своими собратіями: ихъ подвиги также важны, хотя и не столь громки.

Уральское войско есть отрасль донскаго. Во второй половинѣ XVI столѣтія Донцы раскутились по Каспійскому морю и Волгѣ ужъ не въ мѣру, такъ что не только персидскому шаху не въ могуту стало, да и русскимъ не въ терпежъ, Русскій царь прогнѣвался и въ 1577 году послалъ стольника Мурашкина настращать шалуновъ. Удальцы разсыпались въ разныя стороны. Одна часть направилась въ Сибирь, другая на Терекъ, гдѣ осталась подъ названіемъ терскаго войска, третья по Каспійскому морю направилась на Яикъ. Подвиги казаковъ въ Сибири изумляютъ

своею отвагою и счастіемъ. Они стяжали себѣ славу громкихъ завоевателей, шута покорили цѣлое царство, величиной съ полсвѣта, которое Ермакъ съ повинной головой принесъ въ даръ русскому царю; другой казакъ Москвитинъ дошелъ по связнымъ стѣнямъ до Восточнаго Океана. Третій казакъ Дежневъ съѣлъ въ дрянную кочу, смѣло пустился по Океану и нашелъ проливъ, разъ-ляющій два міра, старый и новый. Нашимъ русскимъ удалцамъ нѣчего завидовать ни Пизарру, ни Кортесу, ни Бильбоа, ни Колумбу.

Въ то время, какъ Ермакъ съ своею толпою громилъ Сибирь, толпа Донцовъ приставшихъ къ устью Яика, пошла вверхъ и наткнулась на Сарайчикъ, древнюю столицу татарскихъ хановъ, бывшую еще въ то время независимымъ ханствомъ. Сарайчикъ производилъ въ то время сильную торговлю съ Астраханью и славился богатствомъ. Географіи казаки не знали. Эка притча, мзото-то занято, подумали они; да какой же чортъ велѣлъ стать на дорогъ, али не видятъ, что войско проходитъ. Ломать ханство! Ломать! Вотъ и ханство вверхъ дномъ, только пыль отъ него поднялась столбомъ. Всѣхъ успокоили, всѣхъ уложили въ мать сыру землю. Все, что нашли, позабрали. Добрались и до покойничковъ, обьяскали могилушки, чтобъ не даться въ обманъ: неравно тамъ чего не спрятано ли съ злымъ умысломъ, чтобъ обезнаследить православныхъ воиновъ*. Наконецъ, когда все нмущество было приведено въ извѣстность и казаки вступили въ безспорное имъ пользованіе, такъ какъ спорить было уже нѣкому, они отправились далѣе, посмотреть какъ велика ихъ земля. Это случилось въ 1580 году. Видно на дорогъ имъ ужъ никто не встрѣтился до самой рѣчки рубежной. Стойте атаманы, далѣе идти не зачѣмъ, земелька славная, кругомъ пустехонько, ровнехонько. Всего одна рѣчка, да за то съ золотымъ доньшкомъ. Жить куда гожохонько!

Построили себѣ они городокъ, ужъ не знаю, гожъ ли былъ выстроенъ, да казачкамъ что было до этого. Было бы только зимой тепло, а лѣтомъ имъ дома нѣчего было дѣлать. До того ли имъ было: по морю суда, по берегу караваны ходили, не ужъ-то они станутъ сидѣть сложа руки, да глядѣть какъ другіе

* Ист. Гос. Рос. Т. 18 прим. 633. Здѣсь приведена выписка изъ дѣла о сношеніяхъ съ Ногайскими ханами, обитавшими на Яикѣ. Да Урусь же (ханъ приславшій къ Іоанну Грозному въ 1580 году жалобу) говоритъ, приходили-де государевы казаки сего лѣта и Сарайчикъ (столицу хава) воевали и сожгли.

будутъ наживаться. Нѣтъ, на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ. Не любили они никому спуску давать и весело было ихъ житье на новомъ мѣстѣ. Не боялись они ходить и за Уралъ, къ басурманамъ, иногда было хорошо, а иногда и небольно. Много богатырскихъ костей ихъ легло въ Зауральской степи. И въ Хиву заходили, и около бродили. Узнали разъ они, что сѣтъ городъ Ургенчъ, столица Хоразмійскаго ханства, и что жители сего уходятъ лѣтомъ кочевать на Аму-Дарью и въ ихъ отсутствіе можно прекрасно провести время; казаки въ 1602 году, въ числѣ 1000 человекъ, шастъ на Ургенчъ. Ну, разумеется, обдѣлали дѣло молодецки, ничѣмъ не хуже, чѣмъ въ Сарайчикѣ; погуляла казацкая душа на просторѣ, все забрали, что полюбилось, красавиць цѣлую тысячу взяли, по штукѣ на брата, и пошли домой. На обратномъ пути имъ счастье измѣнило. Хоразмійскій ханъ, какъ узналъ, что у него дома нездорово, пустился за ними въ погоню, обошелъ ихъ и въ узкомъ проходѣ перегородилъ имъ дорогу. Два дня казаки бились съ нехристями, на третій прорубились, но въ бою всю добычу потеряли и многихъ храбрыхъ товарищей. Не унялся этимъ Хоразмійскій ханъ и снова накрылъ ихъ въ другомъ проходѣ; тутъ ужъ стало не въ силу бѣдняжкамъ, умаялись уже сердечные отъ труднаго похода, отъ зноя и жажды, и отъ ранъ, а все-таки бились, какъ казаки добрые, напропалую, но изъ тысячи молодцовъ воротились на Уралъ только трое и принесли вѣсть о павшихъ братьяхъ. Но надобно сказать, что тѣ, которые ужъ тутъ смогли спастись, были видно молодцы изъ молодцовъ, настоящіе казаки.

Не унялись-таки они этимъ и шалили по прежнему, гдѣ пограбятъ, гдѣ женъ чужихъ утащатъ. Сосѣдей довели до того, что тѣмъ тоже захотѣлось надъ ними *показаковать* и сами, въ свою очередь, стали ихъ потеревливать. Казаки отбивались хоть и храбро, на хитрости поднимались, придумали деревянные пушки и изъ нихъ камнями и костями стрѣляли, но становилось имъ трудненько. Г. Левшинъ, въ своемъ сочиненіи, подъ названіемъ: Историческое и статистическое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ, полагаетъ, что набѣги сосѣднихъ народовъ были причиною, что Япцкое войско перенесло свой прежній городокъ, построенный на урочищѣ Оръшномъ, на другое мѣсто, болѣе удобное для защиты между Яикомъ и Чаганомъ, что относитъ онъ къ 1622 году. Подвиги ихъ за Ураломъ не мешали имъ участвовать и въ смутахъ, бывшихъ въ Россіи. Они частенько

пошались во времена Самозванцевъ, а въ 1614 году приняли къ себѣ въ гости Заруцкаго съ Мариною, но потомъ выдали назадъ. Изъ этого следовало бы заключить, что они, до начала XVII вѣка, вовсе не признавали надъ собою власти русскаго правительства. Нѣкоторые полагали, что только въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича казаки признали себя подданными Россіи, что видя себя отовсюду окруженными враждебными сосѣдями, они почли необходимымъ искать покровительства Русскаго Царя и послали къ нему двухъ посланцевъ Русскаго и Татарина (Татары въ то время были между ними, какъ и теперь) съ просьбою о принятіи въ подданство. Свѣдѣніе это было почерпнуто изъ доношенія станничаго атамана яикскаго Ѳеодора Рукавишникова, который пишетъ о послѣдствіяхъ сего ходатайства: «И посему—де ихъ прошенію дана была имъ на рѣку Яикъ, съ сущими при ней рѣки и протоки и со всякими угодами отъ вершинъ той рѣки до устья, Его Великаго Государя жалованная грамота, чтобъ имъ на той рѣкѣ жить и владѣть и ему Великому Государю служить казачью службу и набираться вольными людьми. Токмо—де та грамота въ давныхъ годѣхъ въ пожарное время сгорѣла; а изъ котораго приказа дана была, того нынѣ на Яикѣ никто не помнитъ.

Но казакамъ нечего было объявлять себя подданными Русскаго Царя; они могли принести повинную. Что власть его простиралась на нихъ съ самаго прихода ихъ на Уралъ, доказательствомъ тому служатъ слова Іоанна Грознаго, который писалъ къ ногайскому хану Уруссу, жаловавшемуся на разграбленіе Сарайчика: «И мы на Волгу и къ Сарайчику казаковъ не посылали, а воровали сами безъ нашего вѣдома.» «И мы, государь, на тѣхъ казаковъ волжскихъ, на Митю Бритоусова и на Иванка на Юрьева опалу положили, казнити ихъ велѣли смертію предъ твоимъ человѣкомъ» (Урусовымъ, въ Москвѣ). (Т. IX, Ист. Р. Г. Карамз. прим. 633, Ногайскія дѣла № 10, л. 19 и 269). Не менѣе важнымъ опроверженіемъ свидѣтельства Рукавишникова въ этомъ отношеніи служитъ другой документъ, который прямо доказывалъ, что яикскіе казаки еще въ XVI столѣтіи ходили по наряду на царскую службу.

Это царскій наказъ 1591 года астраханскимъ воеводамъ, князю Сицкому и Пушкину *. Тѣмъ наказомъ, между прочимъ, предни-

* Акты Историч. Т. 1-й № 230-й.

сывалось помянутымъ воеводамъ послать войско противъ непо-слушника царскаго Шевкалскаго (Шамхала), въ которомъ быть яицкимъ и волскимъ атаманамъ и казакамъ. Яицкіе казаки должны были явиться въ числѣ 500 человекъ. Имъ вельно было выдавать, пока въ Астрахани, определенное количество на каждого человека хлѣбныхъ запасовъ, а если будутъ просить денегъ, то по полтнѣ на человека, въ случаѣ крайней надобности, объ остальномъ же жалованьи и снабженіи хлѣбными запасами во время службы противъ Шамхала, повельно дожидаться особаго указа.

Что же касается до вѣрности свидѣтельства Рукавишникова въ отношеніи правъ на Яикъ отъ вершины до устья, то оно и въ этомъ случаѣ подвергается сомнѣнію. Вершина Яика отъ устья слишкомъ далеко, чтобы малочисленное Уральское войско могло занимать такое значительное пространство. Притомъ же извѣстно, что самое устье Яика правительство издавна признавало своимъ, потому что въ послѣдствіи была здѣсь устроена крѣпость и учугъ. Въ 1640 году былъ здѣсь сперва устроенъ только острогъ*. Но пронесся слухъ, что Донскіе казаки, которымъ этотъ городъ былъ какъ бѣльмо на глазу, захотѣли скрыть его (Указъ 17 Ноября 1643 года Акт. Истор. № 296-й) и тутъ устроиться сами и отсюда ходить на море. Въ слѣдствіе этого повельно было Астраханскимъ Воеводамъ усилить средства къ охраненію этого города, почему здѣсь для большей безопасности въ случаѣ нападенія воздвигнута была каменная крѣпость, что видно изъ отрывка наказа Астраханскимъ воеводамъ: Боярину Князю Михаилу Провскому, Околыничему Тимофею Бутурлину и Ильѣ Безобразову 1650 года въ Юнѣ (Актвъ Историч. томъ 2 № 401.).

«Въ прошломъ въ 153-мъ (1645-мъ) году Апрѣля въ 18-й день, блаженныя памяти Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи указалъ гостю Михаилу Гурьеву по его Михайлову челобитью, на рѣкѣ Яикѣ устроить городъ каменной, мѣрою четырехъ сотъ сажень, кромѣ башень,

* Острогъ этотъ былъ воздвигнутъ по царскому вельнію гостемъ Гуріемъ, почему городъ получилъ въ послѣдствіи названіе Гурьева. Сынъ его Михаилъ съ братьями продолжалъ начатое отцомъ. Въ г. Красномъ-Ярѣ астраханской губерніи я слышалъ отъ одного старика преданіе о томъ, что Гурій, когда поселился при устьѣ Яика, то, чтобы устрашить окрестныхъ жителей, обтянулъ занятое имъ для поселенія мѣсто бѣлымъ холстомъ. Кочевые народы, подѣзжая издали, думали, что это каменная крѣпость и боялись сдѣлать на нее нападеніе.

четвероугольной, чтобъ всякая стѣна была по 100 сажень; а по угламъ сдѣлать четыре башни, да въ стѣнахъ межъ прясель четыреже башни; а стѣны бѣ были межъ башень поровну, по пятидесяти сажень межъ башни; да въ двухъ башняхъ быть двоямъ вѣротамъ. А сдѣлать хотѣ городъ каменной, въ ширину и въ толщину и въ вышину съ зубцами, противъ Астраханскаго каменнаго города, каковъ каменный городъ сдѣлалъ въ Астрахани Князь Федоръ Оболенскій съ товарищи» и т. д.

«Апоставити тотъ каменный городъ на Яикъ рѣкъ, гдѣ нынѣ поставленъ острогъ.»

Далѣе говорится подробно, гдѣ выкопать ровъ, гдѣ поставить стѣну и потомъ:

«А зато каменное городовое дѣло пожаловаль Государь гостя Михаила Гурьева, велѣлъ ему Яицкой учугъ и Эмбенскія воды держать безоброчно семь лѣтъ».....

«И въ прошлыхъ во 156 и во 157 годъ по отпискамъ изъ Астрахани Боярина и Воеводъ Князя Федора Семеновича Куракина съ товарищи Яицкій каменный городъ начать дѣлать въ прошломъ во 155-мъ году Юня съ 6-го числа и сдѣлано де того Яицкаго каменнаго города: отъ рѣки Яики провзжая башня», «а къ той провзжей башнѣ сдѣлана каменная церковь шатровая во имя всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго Образа, а вышина той церкви десять сажень съ полусаженью, и пр....»

Яицкое войско, какъ зачится въ томъ же актѣ, также съ неудовольствіемъ смотрѣло на сооруженіе этой крѣпости и часто мѣняло работу. Тотъ же актъ говоритъ, что городовое дѣло было покинуто съ 12 сентября 158 года, какъ потому, что у Михайлова прикащика Гурьева денегъ не достало на уплату рабочимъ, да и для того, что де въ прошломъ во 157-го году воровскіе казаки атаманъ Ивашко Кондыревъ съ товарищи городовыя многіе запасы на моръ погромили и дровъ и всякихъ запасовъ на городовое дѣло, припасать вверху по Яику рѣкъ не дали, и отъ того де казачья воровства городовому дѣлу въ прошломъ во 157 году, было *моччанье* большое, да и въ нынѣшнемъ де во 158 году отъ ихъ казачья воровства городовому дѣлу *моччанье* будетъ же, потому что запасовъ къ городовому дѣлу припасено мало.

Городъ этотъ, ставшій строителямъ въ 289,042 р. 1 ал. 5 денегъ, въ послѣдствіи взятъ совсѣмъ учужнымъ промысломъ и съ

заводами въ Приказъ Большаго-Дворца (Поли. Собр. Зак. Указъ 4 декабря 1679 года № 782-й.)

Съ тѣхъ поръ Гурьевъ постоянно былъ въ рукахъ самого правительства, какъ наблюдательный постъ для охраненія спокойствія окрестныхъ мѣстъ и покровительства торговль. Для защиты его посылали туда каждыгодно отрядъ Стрѣльцовъ, которые назывались годовальщиками. Городъ же Яикскъ, отстоящій отъ него вверхъ на 500 верстъ, былъ обитаемъ одними Яикскими казаками. Въ актахъ же и тотъ и другой назывались иногда Яицкимъ городомъ.

Въ послѣдствіи Гурьевъ былъ взятъ Разинимъ. Нѣкоторые занимавшіеся исторіей этого края, думали, основываясь на одинаковости названій этихъ двухъ городовъ, что Разинъ взялъ Яицкъ, а не Гурьевъ, но это мнѣніе совершенно ошибочно.*

Разинъ долго грабилъ по Волгѣ и Каспійскому морю. Яицкіе казаки, заслышавъ объ его удальствѣ, звали къ себѣ, чтобы общими силами отсюда производить кутерьму. «Писалъ-де къ нему Степкъ прежней станицы воровскихъ казаковъ Ѳедька Сукнинъ, чтобъ онъ Степка собирался воровать большими людьми и, «пришедъ къ Яицкому городку, тотъ городокъ взять и учугъ «разорить и людей побить, а самому съѣсть въ томъ городкѣ и, «выходя изъ этого городка, на морь и на Волгъ воровать, а тотъ-«де Ѳедька нынѣ живетъ въ томъ яицкомъ городкѣ»**.

Разинъ точно явился подъ Гурьевымъ. Въ то время въ Гурьевѣ находился съ отрядомъ стрѣлецкій голова Иванъ Яцынъ. Одна изъ пѣсень о Стенькѣ Разинѣ, записанная мною въ астраханской губерніи, говоритъ объ измѣнѣ яицкихъ казаковъ и прибытіи его къ Гурьеву.

Бѣгутъ выбѣгаютъ черноморскіе три стружечка;
Одинъ изъ нихъ стружечикъ напередъ всѣхъ выбѣгалъ,

* Это ясно видно изъ всѣхъ послѣдующихъ обстоятельствъ дѣла. Городъ Яикскъ, занимаемый казаками, стоитъ не при устьѣ Яика, а находится отъ него за 500 верстъ. Всѣ же урочища здѣсь поименованныя находятся близъ Гурьева у устья рѣки. Во время обратнаго взятія города отъ сообщниковъ Разина, калмыки заматали устья Яика крищемъ; конечно для того, чтобъ воспрепятствовать прибытію подкрѣпленія со стороны бунтовщиковъ. Къ чему же было бы принимать такую предосторожность за 500 верстъ отъ мѣста дѣйствія, когда и самая рѣка далѣе устья несудоходна и казаки во всякомъ случаѣ должны были идти туда сухимъ путемъ.

** Акты Истор. № 202-й, столбецъ 3-й.

Какъ ясенъ соколъ вылеталъ;
 Этотъ же стружечикъ изукрашенъ лучше всѣхъ.
 Онъ и копьями и знаменами, ровно дѣсомъ усаженъ,
 Посередѣ того стружка шелковой шатеръ стоитъ,
 Подъ шатрочкомъ черна бурочка лежитъ.
 На бурочкѣ разсыпана золота воровска казна,
 А еще же тутъ разосланъ золотой шелковой коверъ,
 На коврикѣ сидитъ воровской ихъ душа атаманъ,
 По имени Степанъ Разинъ, Тимофѣичъ господинъ;
 Какъ задумаетъ, загадаетъ, такъ и сбѣгаетъ едино,
 Какъ возговоритъ Семень Разинъ господинъ:
 Ужь вы гряньте-ка, ребята, служители мои,
 Вы придумайте, ребята, уму разуму моему
 Аль въ устьѣ Яика ѣхать, аль въ Уралъ * славну рѣку?
 Отвѣчаютъ его разудалы добры молодцы:
 Эти, батюшка, урочища запримѣту тебѣ самому;
 Мы поѣдемъ-ка, ребята, на Уралъ славну рѣку:
 На Стрѣлецкой косѣ казаки меня дожидаются, **

А встрѣчать меня будетъ самъ уральскій атаманушка.
 Бѣгутъ они, подбѣгаютъ къ уральской славной рѣкѣ,
 Подбѣгаютъ они къ уральскому городку,
 Парусочки обронили, якоречки подпустили,
 Они сходеньки положили на круть желтый бережокъ.
 Какъ выходитъ Степанъ Разинъ нашъ господинъ,
 Закричалъ Степанъ Разинъ громкимъ голосомъ:
 Ужь вы здравствуйте Уральцы, уральскіе казаки.
 На ту пору казаковъ не случилось никого,
 Случался разудалый добрый молодець одинъ
 Иванъ Ивановъ сынъ господинъ;
 Ивановъ идетъ, во рукахъ шапку несетъ;
 Здравствуй Степанъ Разинъ, воровской атаманъ,
 Гдѣ ты ѣхалъ Синимъ моремъ, али чистымъ полемъ,
 Какъ казаки мои не видали тебя?
 На стрѣлецкой косѣ они дожидалися.
 Полно, Ивановъ, пустяковъ ты не мели,
 Ты поди-ка злата серебра привеси
 И драгоценныя вещи объяви.

Пѣсня эта записана слово въ слово, какъ мнѣ передавалъ ее одинъ старый астраханскій ловець. Она ясно намекаетъ, что Разинъ зналъ, что казаки его дожидаются на Стрѣлецкой косѣ, около Гурьева, которая находится у устья Урала. Онъ, дѣйствительно, достигнулъ до главнаго ихъ города безъ всякихъ

* Это, конечно, позднѣйшая вставка. Яикъ часто именуется въ пѣсняхъ Ураломъ, какъ онъ послѣ былъ названъ.

** Стрѣлецкая коса находится около Гурьева.

препятствій. Переговоры ведены были именно начальникомъ царскихъ стрѣльцовъ. Тутъ онъ названъ Иваномъ Ивановымъ; вѣроятно, оцъ и ёсть Иванъ Яцыкъ. Стрѣлецкій голова, дѣйствительно, былъ измученъ появленіемъ Разина подъ стѣнами города. Къ сожалѣнію, конецъ этой пѣсни, какъ надобно полагать, утраченъ въ памяти народной. Въ этой пѣснѣ говорится, что стругъ Разина былъ усаженъ и копьями, и знаменами, точно лѣсомъ, и на немъ стоялъ шелковой шатеръ. Это не прикраса. При сочиненіи англичанина Стрюйса, путешествовавшего по Россіи въ 1671-мъ году, приложена картинка, на которой изображенъ Разинъ, бросающій въ рѣку персидскую принцессу. Струги, походившіе строеніемъ на теперешні тихвинки, дѣйствительно, здѣсь представлены усаженными лѣсомъ коній, и на нѣкоторыхъ были пологи.

Въ актакъ значится, что Разинъ взялъ городъ обманомъ и лестию, будто бы просился въ городъ только помолиться, и многихъ ратныхъ людей надъ ямою посвѣкъ, въ томъ числѣ стрѣleckаго голову Ивана Яцыка. Стенька Разинъ дѣйствительно поступалъ весьма хитро; онъ разсылалъ всюду письма, въ которыхъ приглашалъ стоять за великаго государя, а на бояръ идти съ боемъ (арт. ист. Т. IV, № 202), и не мудрено, что могъ обольстить легковѣрныхъ людей. По показаніямъ другихъ, онъ стрѣльцовъ съ головою сначала отпустилъ въ паузкѣ въ Астрахань, но потомъ послалъ за ними погоню; стрѣльцовъ настигли на Роковой косѣ и часть порубили, часть взяли съ собой на воровское дѣло поневоль. Въ послѣдствіи Гурьевъ былъ осажденъ калмыцкими тайшами, бывшими на сторонѣ правительства. Калмыки заметали устье Яика хрящемъ. Городъ былъ взятъ снова. Крѣпость долгое время потомъ содержима была самимъ правительствомъ. Учугъ тамошній отдавался казною на откупъ. Указомъ 11 апрѣля 1743 года (№ 8720), было разрѣшено въ гурьевскомъ учугѣ отворить теченіе рѣки Яика по 8-ми сажень, за то, что казаки обязались между Гурьевымъ и Яикомъ выстроить въ защиту отъ набѣговъ пограничныхъ народовъ Киргизовъ и Калмыковъ, два городка, помѣстивъ въ каждомъ по 500 человекъ, которыхъ были обязаны содержать отъ себя. Гурьевъ тогда состоялъ въ вѣдѣніи астраханскаго начальства. Указомъ же 25 мая 1752 года учуги при Гурьевѣ городкѣ съ рыбными ловлями отданы были въ содержаніе яицкому войску за 4,692 р. 69½ коп. Въ послѣдствіи, какъ учугъ, такъ и городъ остались за войскомъ окончательно.

Уральцы, не смотря на то, что ходили на царскую службу и участвовали во многих войнахъ, веденныхъ Россією, не понимая благихъ цѣлей правительства, желавшаго водворить въ средѣ ихъ тишину и спокойствіе, по невѣжеству противились его стремленіямъ, не разъ возмущались. Правительство хотѣло подчинить общимъ существовавшимъ внутри Россіи узаконеніямъ ихъ внутреннее управленіе, перенесенное ими, по всей вѣроятности, съ береговъ Дона и долго сохранявшееся у нихъ въ слѣдствіе изолированнаго ихъ положенія въ средѣ Азіятскихъ племенъ. Это управленіе было источникомъ весьма многихъ безпорядковъ и жестокостей между ними самими. Они сами избирали и смѣняли атамановъ и старшинъ своихъ, сами казнили омертвѣвшихъ обвиненныхъ, и все дѣла рѣшали на площадяхъ, въ собраніяхъ всего войска или *въ кругахъ*, на которые, какъ на вече, созывалъ ихъ звукъ колокола; безъ согласія войска, атаманъ ничего не могъ предпринять. Палласъ въ ученomъ путешествіи своемъ по Россіи, и въ слѣдъ за нимъ Левшинъ въ сочиненіи своемъ объ уральскомъ войскѣ, рассказываютъ весьма интересныя подробности о порядкѣ рѣшенія Уральцами дѣлъ, касавшихся войска. Когда случится подобное дѣло, говоритъ онъ, то на колокольнѣ соборной церкви бьютъ *столоухъ*, или повѣстку, дабы все казаки сходились на сборное мѣсто къ войсковой избѣ или приказу, гдѣ ожидалъ ихъ войсковой атаманъ. Когда соберется довольно много народа, то атаманъ выходитъ изъ избы на крыльцо съ серебряною позолоченою булавою; за нимъ съ жезлами въ рукахъ эсаулы, которые входятъ въ средину толпы, кладутъ жезлы и шапки на землю, читаютъ молитву и кланяются сперва атаману, а потомъ на все стороны казакамъ. Послѣ того они берутъ жезлы и шапки опять въ руки, подходятъ къ атаману, принимаютъ отъ него приказанія, возвращаются къ народу и громко произносятъ къ нему: *Помолчите, атаманы молодцы и все великое войско Ницкое*, и потомъ атаманъ рассказываетъ ему въ чемъ дѣло. *Люболь, атаманы молодцы?* спрашиваютъ войско эсаулы. Если войско согласно, то отвѣчаетъ *любо*. Если же нѣтъ, то раздаются крики *не любо*, поднимается ропотъ, слышатся и угрозы. Атаманъ пытается уговаривать; если онъ любимъ войскомъ, ему удастся это, если же нѣтъ, то ни чѣмъ нельзя унять своенравной толпы. Понятно, что при такомъ образѣ управленія происходило весьма много смутъ. На всѣхъ невозможно угодить. Желаніе Петра Великаго положить

предель этимъ внутреннимъ безпорядкамъ, было причиною между ними страшнаго возмущенія. По мнѣнію нѣкоторыхъ, пожаръ, истребившій въ 1722 году весь Уральскъ, былъ произведенъ казаками съ намѣреніемъ удалиться за Уралъ, но это предпріятіе ихъ не имѣло успѣха. Въ послѣдствіи безпорядки, происходившіе между Уральцами, были частію порождены злоупотребленіями чиновниковъ, которымъ ввѣрено было управленіе войскомъ. Жалобы казаковъ на притѣсненія начальства удовлетворяемы не были. Последнее возстаніе ихъ было при Пугачевѣ, котораго они долго поддерживали, но потомъ выдали. Впрочемъ, часть Яицкихъ казаковъ, подъ командою старшины Бородина, была не причастна возмущенію. Для изгнанія изъ памяти народной объ этомъ страшномъ событіи, повелѣно было войску Яицкому именоваться Уральскимъ, а самую рѣку называть не Яикомъ, а Ураломъ, городъ Яицкъ также названъ Уральскомъ.

Съ-тѣхъ-поръ Уральцы, безчисленными подвигами на защиту русской земли, покрыли себя неувядаемою славою. Они отличились въ тысячъ битвъ въ Азіи и Европѣ. Ихъ кровь лилась на поляхъ Германіи и Польши, у стѣнъ Парижа, на горахъ Альпійскихъ, въ тѣснинахъ Балкана, на стремнинахъ Кавказа и въ степяхъ Средней Азіи. Съ почтеніемъ глядѣлъ я на ихъ старыя знамена, изорванныя вѣтромъ и пулями въ безчисленныхъ битвахъ, гдѣ они развѣвались, осѣняя побѣду. Воинственный духъ не умираетъ въ Уральцахъ, война ихъ стихія. Известный военный писатель Давыдовъ отдаетъ Уральцамъ преимущество предъ Донцами. Причиною этого преимущества надобно полагать, что въ Уральскомъ войскѣ каждый идетъ на службу по охотѣ, по влеченію. Любящій заниматься промышленностію и не чувствующій въ себѣ воинственныхъ наклонностей, можетъ оставаться дома, только долженъ за себя нанять. Такая наемка, введенная искони, освящена закономъ. Происхожденіе ея въ Уральскомъ войскѣ можно объяснить слѣдующимъ образомъ. По всей вѣроятности войско, желавшее на первый разъ оказать услугу Русскому Царю посылкою ему части казаковъ на службу, не вдругъ могло въ средѣ своей найти для этого охотниковъ. Каждому не хотѣлось оставлять на долгое время своего обиталища, чрезъ что онъ лишался участія; вмѣстѣ съ прочими, въ выгодныхъ набѣгахъ на окрестные народы, или не могъ заниматься у себя промыслами дома. Войско, чтобъ поощрить къ отправленію на царскую службу, должно было дать идущимъ награду, взаменъ тѣхъ выгодъ, кото-

рия бы они получали, оставаясь дома. Надобно полагать, что все подобныя отправления, какъ повинность, не всегда требовавшаяся, были производимы этимъ способомъ, т. е. за плату, и такимъ образомъ въ Уральскомъ войскѣ образовался обычай наемки. Хотя указами 20 декабря 1803 года это учрежденіе было уничтожено и замѣнено очередной службою, но въ послѣдствіи указомъ 4 декабря 1806 года было введено по прежнему. Это прекрасное учрежденіе доставляетъ небогатому казаку возможность снарядиться на службу и оставить, на время отсутствія, своему семейству средства безбѣднаго существованія. На основаніи этого обычая, казакъ видитъ въ службѣ средство поправить свои дѣла, и если онъ бережливъ и умѣетъ употребить деньги съ пользою, то къ концу службы можетъ сколотить копейку.

Чѣмъ дальше, труднѣе и опаснѣе походъ, тѣмъ выше наемная плата. Самая низшая плата за службу на пикетахъ у своихъ жилищъ. Вѣсть о новомъ походѣ производитъ въ войскѣ самое живое впечатлѣніе. Мужская кровь закипаетъ удальствомъ. Бывалые рассказываютъ про старые походы, молодые похваляются. Вотъ это дѣло такъ дѣло, говорили при мнѣ казаки въ одномъ форпостѣ, когда пронеслась вѣсть о походѣ въ Турцію въ 1853 году, а то чортъ ли здѣсь въ Киргизской степи! только пескомъ глаза засыпаетъ.

У женщинъ глаза затуманиваются слезами, сердца замираютъ тоскою. Поникнувъ головами, сидятъ онѣ и думаютъ о сыновьяхъ, мужьяхъ и братьяхъ, какъ бы не пришлось съ ними разстаться. Въ это самое время хозяйка дома, въ которомъ я остановился, тоже была очень печальна. Она боялась за мужа, который дослуживалъ послѣдній годъ. Невзначай двѣнадцати лѣтній сынъ сталъ ей жаловаться, что у него куртка худая. Что, матушка, куртку новую когда сошьешь, исхудилась совсѣмъ. Али хочешь, чтобъ отецъ изъ-за твоей куртки на службу пошелъ, али тебѣ не жаль, что его убьютъ? вскрикнула она на него со слезами на глазахъ, подождешь! И мальчикъ замолчалъ.

Когда казаки идутъ въ походъ, то на пути ихъ встрѣчаютъ въ каждомъ форпостѣ. Слова: войско, войско идетъ—проносятся по всему селенію и все жители, мужчины, женщины и дѣти выходятъ на конецъ улицы смотрѣть на проходящихъ. Медленнымъ, торжественнымъ шагомъ приближаются по степной дорогѣ казаки на бодрыхъ коняхъ, и какъ только строй ихъ поравняется съ

первой избой, передовые ударяютъ въ бубны и сотни удадыхъ голосовъ запѣваютъ воинственную пѣсню. Если тутъ назначенъ роздыхъ, то походныхъ угощаютъ.

Проводы казацкаго полка на Дунай, въ войну 1853 года, выходили изъ ряда обыкновенныхъ, къ которымъ привыкли Уральцы. Чуть не весь городъ собрался отдать прощальный привѣтъ удалцамъ, выступавшимъ *на дѣло ратное, на побоище смертное*. Этотъ походъ увлекалъ изъ семействъ многихъ, которые вовсе не думали оставлять домашняго крова. Многимъ молодымъ женщинамъ, можно сказать, только что вышедшимъ изъ-подъ вѣнца, должно было разстаться съ избранными ихъ сердцемъ. Одна молодая шестнадцатилѣтняя двушка, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, вышла замужъ за молодаго урядника. Оба страстно любили другъ друга; вѣсть о войнѣ поразила какъ громомъ молодую чету. Несчастной женщинѣ предстояло разстаться съ мужемъ; она плакала день и ночь. Чѣмъ ближе подходилъ день выступленія, тѣмъ сильнѣе было ея отчаяніе. Одна старуха, сжалившись надъ ней, научила её предъ прощаніемъ подвести мужа къ образу Николая Чудотворца, сдѣлать предъ нимъ 3 земныхъ поклона и сказать: Тебѣ поручаю его Угодникъ Божій. Когда наступила эта минута, она собрала послѣднія силы и, обливаясь слезами, подвела мужа къ образу, трепещущимъ голосомъ, прерываемымъ рыданіями, произнесла слова къ Угоднику и упала безъ чувствъ. Картина прощанія жителей съ отходящимъ войскомъ была полна торжественной высокой печали.

Тысячи глазъ плакали, цѣлыя толпы стенали, суровые люди, закаленные въ битвахъ, готовые съ веселымъ лицомъ встрѣтить смерть, рыдали, какъ малыя дѣти. На каждомъ лицѣ написана была страшная скорбь. Здѣсь отецъ, обливаясь слезами, обнималъ ребенка, котораго поднесла ему блѣдная съ опухшими глазами мать, выплакавшая слезы и смотрѣвшая какъ-то безчувственно. Тамъ старуха прощалась съ сыномъ, прижавъ къ нему на грудь и причитая надъ нимъ, какъ надъ покойникомъ. Но всего болѣе поразило меня разставанье отца съ сыномъ. Отправлявшійся въ походъ сынъ уже простился съ отцомъ и перемогая въ себѣ грусть, съ усиленіемъ усѣлся на коня. «Прощай, батюшка, сказалъ онъ, трогая поводъ, молись обо мнѣ, да не больно плачь, Богъ милостивъ, можетъ ворочусь». Но старикъ не въ силахъ былъ такъ скоро отпустить сына; онъ кинулся къ нему, крѣпко обхватилъ его обѣими руками и долго молча плакалъ, подавляя въ

себѣ стenanія ; вдругъ онъ страшно вскрикнулъ , сорвалъ сына съ коня и упалъ съ нимъ на землю съ громкими рыданіями. Слезы, предвѣстницы рѣкъ крови, стоны, крики отчаянія, все звуки раненаго, изнывающаго въ страданіи сердца, все отзвуки и перебивы возвышенной скорби, все это наполняло душу страшной грустью. Но никогда минуты счастья не вызывали столькихъ благородныхъ порывовъ сердца, не освѣщали на днѣ души столько затаенной прекрасной искренней любви, какъ въ эти минуты благородной печали. Наконецъ объятія, соединяющія любящія существа, разорвались. Казаки все съли на коней, послѣдніе скорбные привѣты, прерываемые рыданіями, раздались въ воздухъ. Конный строй двинулся. Толпа хлынула за нимъ. Жены отъѣзжавшихъ кинулись къ санямъ и усѣвшись въ нихъ , сами управляя конями, потянулись въ беспорядкѣ за полкомъ, провожая его далѣе.

Чѣмъ болѣе полковъ въ отсутствіи изъ Уральска, тѣмъ дѣятельнѣе производится отсутствующими переписка съ своими семействами. Каждый понедѣльникъ , въ день прихода оренбургской почты, толпы казачекъ наполняютъ почтамтскій дворъ, въ надеждѣ получить письма отъ своихъ мужей и братьевъ. Сотни женскихъ сердець бьются трепетнымъ ожиданіемъ. Отовсюду сыплются вопросы на бѣдлага оторопѣлаго почтальона, осажденнаго буквально со всехъ сторонъ нетерпѣливыми крикливыми женщинами.

Онъ не успѣваетъ отвѣчать, ничего не могши разслушать въ этомъ хоотическомъ смѣшеніи звуковъ. Нѣтъ ли на имя Ермачихи? кричитъ звонкій женскій голосъ, пересилившій все прочіе голоса.—Есть.—Давай сюда; почтальонъ едва успѣлъ только взяться за письмо, какъ бѣлая полная рука, протянутая изъ толпы выхватываетъ его у него. Получившая, не помня себя отъ радости, могучей грудью разрываетъ толпу и бѣжитъ домой читать дорогія ей строки. Нѣтъ ли на имя такой-то, вскрикиваетъ другой голосъ. «Нѣтъ», отвѣчаетъ почтальонъ.—Не правда, не можетъ быть, чтобъ не было, онъ мнѣ общалъ каждую недѣлю писать. — Ей-Богу нѣтъ. — Но бѣдная казачка не вѣритъ и до раздачи послѣдняго письма все ждетъ вѣсти отъ милаго; наконецъ убѣдившись, что надежда ее обманула, она медленно бредетъ домой, со слезами на глазахъ.

Не выдавши никогда сраженій, а потому и не выдавши и казачковъ въ сраженіи, я не могу судить о степени ихъ удалости

на войнѣ. Но мнѣ случилось быть на Уральской плавнѣ и я долженъ сказать, что не видалъ ловчье и смѣлье людей въ этомъ не рѣдко опасномъ промыслѣ, опасномъ потому, что здѣсь уже нѣчего надѣяться на чью-либо помощь.

Сидя разъ за чаемъ съ хозяиномъ моей квартиры, я принялся спрашивать его о плавенномъ дѣлѣ.

Пускаются на *ятовъ*, гдѣ лежитъ рыба, съ указаннаго мѣста разомъ. «Дрожма дрожмишь, говорилъ онъ съ увлеченіемъ; ждешь, чтобъ ударить въ гребло. Въдъ золото, чистое золото на днѣ; только трудно, надобно силу имѣть, чтобъ *скакать* на веслахъ версть двадцать или тридцать безъ отдыха», прибавилъ онъ, вздохнувъ, какъ кузнечный мѣхъ.

— Да у тебя-то, кажется, сила есть, сказалъ я, взглянувъ на богатырскій складъ тѣла казака, у котораго промежъ плечъ легла косая сажень.

— У меня-то есть, отвѣчалъ онъ съ улыбкой, мнѣ-то можно. Ну, и то сказать, артаульные бьютъ больно нагайками; въдъ, ей-Богу, въ другое время съ такого удара можно челоузка убить, а тутъ казакъ и не почешется, точно онъ и не слышитъ.

— Да за что же они бьютъ? «А за то, чтобъ одинъ прежде всѣхъ впередъ не лѣзъ, другихъ бы не облавливалъ.»

Года черезъ два послѣ этого разговора, мнѣ привелось видѣть плавню. Былъ самый дождливый день; казаки стояли на берегу и дожидались приказанія сѣсть въ лодки, которыя стояли пустыя у берега въ стройномъ порядкѣ. Никто изъ нихъ какъ-будто не замѣчалъ, что на немъ нѣтъ сухой нитки. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, тянулись нескончаемые обозы. Постороннихъ зрителей также собралось множество. Любопытство привлекло и Киргизовъ, которые стояли на берегу верхами, дожидаясь начала дѣла. Артаульный подошелъ къ одной толпѣ казаковъ и сказалъ: «ну, кажется, скоро атаманъ велитъ садиться, я васъ еще нобью по вчерашнему.»—Да ты бей сколько хочешь, сказалъ съ улыбкой одинъ казакъ, вершковъ 10-ти ростомъ, да только впередъ-то пускай.

Атаманъ черезъ минуту далъ знакъ и всѣ поспѣшно кинулись, каждый къ своей бударѣ. Лодки разомъ наполнились народомъ. Всѣ были на готовѣ, каждый крѣпкою рукою держалъ весло, чтобъ по первому знаку нестись на ятовъ. Трепетно это ожиданіе; каждый дѣйствительно дрожма дрожить, спѣша скорѣе коснуться сѣтью золотаго донышка, какъ

говорится въ ихъ родной пѣснѣ. Но строгій порядокъ требуетъ, чтобъ ни одна лодка не выходила прежде другихъ, артаульные, вооруженные нагайками, зорко слѣдятъ за этимъ. Вотъ атаманъ, въ своей бударѣ, выезжаетъ впередъ. «Смотри, смотри, говорили мы бывшіе со мной Киргизы, атаманъ сейчасъ стрѣлять будетъ». Тысячи глазъ смотрятъ на него. Съ его лодки мелькнуло пламя и Уралъ дрогнулъ. Какъ стая птицъ отъ выстрѣла поднимается съ громомъ съ земли, такъ полетѣли будары по Уралу, вслѣдъ за исчезнувшимъ пламенемъ, прежде чѣмъ до меня долетѣлъ звукъ выстрѣла, въ одинъ мигъ, покрывъ рѣку; тысячи мужественныхъ голосовъ загремѣли по рѣкѣ, покрывая шумъ весель. Увлекательна эта минута; здѣсь торжество физической силы и ловкости; вотъ одна будара летитъ впереди всѣхъ, какъ на крыльяхъ, два богатыря сидятъ въ ней и работаютъ изъ всѣхъ силъ. Первый успѣхъ даетъ имъ страшную силу, ни одна будара не можетъ поспѣть за нею. Они увѣрены, что прїѣдутъ прежде всѣхъ на ятовъ, но вдругъ будара ихъ, со всего размаха, врвзалась въ песокъ и они стали. Оба соскочили въ воду, торопливо стаскиваютъ ее, садятся вновь въ лодку, но они уже опоздали, вся флотилія мчится мимо ихъ и они очутились въ срединѣ. Вотъ другая будара, бывшая сзади, опереживаетъ медленно плывущую будару, въ которой сидитъ въ веслахъ старикъ. На первый разъ ему удалось выбраться вмѣстѣ съ первыми, огромная рѣчная волна, образовавшаяся отъ дружнаго порыва лодокъ впередъ, помогла ему держаться нѣсколько времени въ первыхъ рядахъ, но тутъ онъ началъ уже отставать. Онъ налегаетъ на весла, силится вновь нагнать промчавшуюся будару, но напрасно; въ рукахъ его нѣтъ уже прежней силы, онъ какъ-будто онѣмѣли и будара не слушается его, какъ прежде; печальны его надежды на уловъ, онъ не поспѣетъ вмѣстѣ съ прочими на ятовъ, другіе унесутъ живое золото со дна рѣки и онъ продолжаетъ грести съ какимъ-то отчаяніемъ. Вотъ одна будара, налетѣвъ, толкнула другую и та опрокинулась, два казака, бывшіе въ ней, очутились въ водѣ, слышались грозные крики, ругательства. Утопающіе казаки хватаются за пробѣгающую мимо ихъ будару, но ихъ отталкиваютъ, они плывутъ къ другой, но тамъ ихъ бьютъ веслами. Никто не хочетъ имъ помочь, чувство состраданія замерло у всѣхъ, родство, дружба, все въ эту минуту забыто, корысть подавила всѣ другія влеченія. Несчастные казаки, поймавъ свою будару, спѣшатъ привести ее къ бе-

регу, перевертываютъ, снова садятся въ нее и снова несутся, стараясь догнать шумный повздъ. Долго мчитъ онъ, растягиваясь мало-по-малу, въ слѣдствіе разницы въ силъ гребцовъ. Но шумъ не перестаетъ, клики не умолкаютъ. Но вотъ и ятовъ. Полетъ стаи стихаетъ, будары одна за другою останавливаются, кружатся, связываются по двѣ и развязываются, выметываясь.

Начинается самый ловъ. Иные ловятъ на самой ятовѣ, гдѣ лежитъ свертышами рыба; нѣкоторые изъ опытныхъ ловцовъ, не предполагая здѣсь слишкомъ большой добычи, по множеству стѣснившихся на одномъ мѣстѣ людей, ищутъ рыбы подлѣ крутыхъ береговъ, гдѣ она лежитъ промежду земляныхъ глыбъ, отрываеваемых водою. Человѣку, видящему этотъ ловъ въ первый разъ, кажется онъ непонятнымъ. Кажется, какъ будто ловцы спутались, сами не знаютъ что дѣлаютъ, суетятся безъ всякаго толку, а между тѣмъ ловъ идетъ въ стройномъ порядкѣ и замѣшательства въ немъ бываютъ очень рѣдки. Онъ продолжается нѣсколько часовъ и прекращается по сигнальному выстрѣлу.

Здѣсь какъ будто выразилась предо мною вся исторія казачества, вся эта русская удаля, не знающая предѣловъ, эта мощь стремящаяся впередъ безъ оглядки. Но съ тѣмъ ли же увлеченіемъ казаки шли и на завоеванія, забывая все, не заботясь о жизни и думая только о добычѣ и славѣ?

Казакъ поэтъ въ дѣлѣ, но на словахъ онъ прозаикъ и весьма посредственный. Ихъ пѣсни не отличаются поэтическимъ достоинствомъ. Я читалъ и слышалъ много ихъ пѣсенъ про ихъ походы. Это простое изложеніе дѣла безъ всякихъ прикрасъ. Пѣсни ихъ похожи на реляціи напр.: Мы вышли темною ночью, переправились тамъ-то чрезъ такой-то перелазъ, повстрѣчали силу немалую и побѣдили враговъ. А такой то изъ нашихъ пятерыхъ убилъ и награду получилъ.

Уральцы, войны по природѣ, отличаются прекраснымъ качествомъ—честностью. Конечно, въ семьѣ не безъ уroda, но въ массѣ цѣлаго сословія, это достоинство неотъемлемое, хотя по наклонностямъ предковъ и нельзя бы этого предполагать. Уралецъ, если далъ слово, онъ его сдержитъ. Во время стоянки ихъ полковъ въ другихъ мѣстахъ, на нихъ болѣе надѣются и имъ болѣе доверяютъ. Когда казакъ останавливается на жительство у хозяина, онъ не только никогда не позволитъ себѣ у него что-нибудь взять, но и не допуститъ другихъ, ужь себе

режетъ своего хозяина. Шалости бываютъ: украдетъ курицу, калачъ, но это дѣлаютъ молодые казаки, которые отъ старшихъ получаютъ за то выговоры.

Въ уральскомъ войскѣ находится много Татаръ и Калмыковъ, есть даже потомки Персіянъ, выходцевъ изъ киргизскаго плъна.

Между уметами на войсковой земль, замѣчательнъ Ташлинскій, по пріятному своему мѣстоположенію; онъ находится на рѣкѣ Ташлѣ, у опушки лѣса, идущаго отсюда къ Уралу. Здѣсь я видѣлъ одного изъ подобныхъ выходцевъ. Ему было болѣе 90 лѣтъ, но онъ былъ бодръ и свѣжъ и могъ вздѣть еще верхомъ. Его зовутъ здѣсь Кизылбашемъ.

«Отецъ мой былъ деньщикомъ Шаха-Надира, говорилъ онъ мнѣ: и вѣхалъ по какому-то дѣлу со всѣмъ семействомъ; я еще былъ тогда груднымъ ребенкомъ; вдругъ напали на насъ Туркмены. Отецъ мой былъ батырь, четверыхъ положилъ на мѣсть, а мать мою и меня взяли въ плънъ. Мать мою со мной послѣ купилъ киргизскій султанъ, она жила у него рабой; когда я подросъ и сталъ понимать, мать моя мнѣ рассказала кто я, и я возненавидѣлъ Киргизовъ. Скоро она померла; меня султанъ сдѣлалъ косяшникомъ (пастухомъ конскаго табуна). Я началъ думать, какъ бѣжать изъ степи, слышалъ, что Русскіе недалеко. Вотъ я отобралъ двухъ, что ни есть лучшихъ коней, досталъ шашку, да ночью и поскакалъ на закатъ солнца; скакалъ, скакалъ, лошадь устанетъ, пересяду на другую, такъ и перемѣнялъ ихъ. На меня дорогой напали Киргизы, хотѣли отнять лошадей, но я былъ косяшникъ, вздѣть мастеръ и былъ силенъ, отбился; увидѣлъ Уралъ, переплылъ его на конѣ и явился на форпостъ. Меня доставили въ Уральскъ, стали меня допрашивать, думали, что я просто разбойникъ, что славныхъ лошадей привелъ и сбрую хорошую, послали въ Оренбургъ. Тамъ снова стали допрашивать, ну я отвѣчалъ всё тоже. Спросили куда я хочу? Тутъ въ уральскіе казаки и записался. Была у меня любовница, Татарка, только ничего не умѣла дѣлать. Казаки и начали мнѣ говорить: брось эту Татарку, чортъ ли въ ней, ничего не умѣетъ. Крестись лучше, русскую работающую бабу возьми. Я и крестился и взялъ за себя крещеную Калмычку. Вотъ теперь ужъ старшему сыну моему лѣтъ сорокъ есть. Слава Богу, живу, не бѣднякъ».

Подобныхъ персидскихъ выходцевъ изъ киргизскаго плъна въ Уральскомъ войскѣ было прежде много. Хивинцы и теперь еще

покупають Персіянъ у Туркменовъ и тѣ нерѣдко спасаются бѣгствомъ въ Россію. Пограничная коммисія очень часто такихъ выходцевъ пересылаетъ въ Персію.

Всѣ эти плѣнники питають страшную ненависть къ Хивинцамъ, какъ варварамъ.

При мнѣ одинъ Персіанинъ, бѣжавшій изъ хивинскаго плѣна, и находившійся до отправки на родину подъ покровительствомъ пограничной коммисіи, громко проклиналъ на своемъ языкѣ Хивинцевъ; на эту пору прошелъ мимо его какой-то Хивинецъ; Персіанинъ не выдержалъ, схватилъ его за воротъ и осыпалъ ругательствами. Испугавшійся Хивинецъ и запальчивый Персіанинъ, кричавшій во все горло какими-то стихами, были чрезвычайно смѣшны. Хивинецъ какъ только увидалъ, что тотъ выпустилъ его изъ рукъ, исчезъ въ мгновеніе ока и Персіанинъ очень довольный тѣмъ, что хоть разъ въ жизни могъ напугать Хивинца, сдѣлался чрезвычайно веселъ и запѣлъ какую-то пѣсню.

Калмыковъ считается въ войскѣ до 300 семействъ. Они твердо держатся своихъ старыхъ обычаевъ. Хотя они имѣютъ дома, но на дворахъ у нихъ стоятъ кибитки. Лѣтомъ они разбирають свои кибитки на степи.

Религія ихъ также прежняя. Они остаются чужды окружающему ихъ населенію, не имѣя съ нимъ ничего общаго ни по убѣжденіямъ, ни по языку, ни по нравамъ и имѣя съ нимъ только одну общую землю, промыслы и обязанности по службѣ. Это жалкіе пріемыши русской семьи. Ихъ религіозныя убѣжденія служатъ имъ нѣкоторою преградой и на служебномъ поприщѣ. Мнѣ сказывалъ одинъ начальникъ дистанціи, что онъ хотѣлъ представить весьма усерднаго по службѣ Калмыка въ урядники, тотъ отказался потому, что религія запрещаетъ ему повышаться. Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ въ присутствіи того самаго Калмыка, замѣчательнаго въ особенности тѣмъ, что онъ говоритъ кромѣ своего роднаго языка, на русскомъ и киргизскомъ, какъ на своемъ природномъ. Такое положеніе народа печально и странно, какъ никто до-сихъ-поръ не постарался вывести здѣшнихъ Калмыковъ изъ этого изолированнаго, грустнаго быта и сдѣлать этихъ пріемышей родными сынами Россіи. Развѣ не было этому примѣровъ?

Петръ Великій, который стоитъ во главѣ всякаго благотворнаго начинанія, первый обратилъ вниманіе на просвѣщеніе Калмыковъ свѣтомъ христіанства. При немъ некрещеныхъ Калмы-

ковъ около Саратова составилось цѣлое село. Они добровольно, изъ глубины степи, приходили креститься. Въ послѣдствіи они были переведены въ Чугуевъ. Это происходило еще тогда, когда Калмыкамъ управлялъ сильный ханъ Аюка, который этому противился.

Ставропольское Калмыцкое войско составилось также изъ крестившихся Калмыковъ, населенныхъ здѣсь еще въ 1739 году.

Въ Оренбургскомъ войскѣ есть также Калмыки, но они крещены, и хотя, какъ я слышалъ, придерживаются тайно старыхъ обычаевъ, но при некоторомъ стараніи со стороны духовенства, это легко могло бы быть устранено. Главный шагъ уже сдѣланъ. Причиною такого явленія служитъ то, что Уральскіе Калмыки находятся посреди населенія, которое само предано по преимуществу расколу и которое не можетъ на нихъ имѣть вліяніе, потому что стоитъ на низкой ступени образованія и сохраняетъ много заблужденій. Я говорю въ этомъ отношеніи только о простыхъ казакахъ, но не объ офицерахъ, между которыми есть много образованныхъ и талантливыхъ людей и къ которымъ было бы несправедливо относить эти слова. Даже между простыми казаками не всѣ раскольники.

Уральцы считаютъ мелочные обычаи религіею, и забываютъ ея цѣль — нравственное совершенствованіе. Эта борода, которая придаетъ лицу такой мужественный видъ, служитъ у казаковъ вывѣскою изувѣрства. Казакъ носить бороду, какъ христіанинъ носить крестъ. Это талисманъ, по которому передъ нимъ отворяются врата рая.

До 1848 года число бородъ поуменьшилось было, но въ 1848 году явилась холера, называемая здѣсь *неблагополучіе*; они почли ее наказаніемъ за то, что перестали носить это украшеніе, и многіе, которые давно уже брились, отпустили себѣ аршинныя бороды. Безъ бороды для него потеряна вѣчность, тотъ осквернилъ себя, кто обрился. Многіе казаки, выходя въ отставку, отпускаютъ бороды и перестаютъ ходить въ церковь. По этому случаю я выразилъ разъ удивленіе одному изъ моихъ знакомыхъ въ Уральскомъ войскѣ. «Да! отвѣчалъ онъ спокойно, это ужъ у насъ такъ водится.» Я заспорилъ съ нимъ о значеніи бороды. «Странно», сказалъ онъ мнѣ, «вы человекъ письменный, а не знаете, что Богъ создалъ человека по образу и подобию своему. Какъ же можно исказить себя человеку?» Женщины носятъ свои блестящіе костюмы не по любви къ старинѣ, не

потому, что этот костюмъ имъ нравится, напротивъ, они съ удовольствіемъ промѣняли бы его на нынѣшніе наряды, а потому, что онъ считаютъ одѣжаніе европейское *погрѣшнымъ*. Одна молодая казачка одѣвала свою дочь въ обыкновенное женское платье. По несчастію, дѣвочка заболѣла и знакомыя казачки начали упрекакъ за это мать, поставляя причиною болѣзни именно то, что она водила свою дочь не въ обыкновенномъ казачьемъ костюмѣ, а въ *дьявольскомъ* *. Все это болѣе заслуживаетъ состраданія, чѣмъ посмѣянія. Но фанатизмъ ихъ заходитъ далѣе. Они совершенно измѣняютъ ученіе Христа, проповѣдующее любовь и братство. Кто не носитъ бороды, не молится двумя перстами, для нихъ уже человекъ оскверненный, которому они не дадутъ ни пить, ни ѣсть изъ своей посуды. Разъ въ Кежделинскомъ форпостѣ захотѣлось мнѣ напиться, и мнѣ ни въ одномъ дворѣ не дали воды, потому что не было поганой посуды. Я долженъ былъ дойти до своей квартиры и тамъ я отдалъ хозяйкѣ стаканъ, которая сама налила изъ ведра воды, но не дала мнѣ коснуться до ея ведра. Я невольно взбѣсился и наказывалъ упрековъ хозяйкѣ. «Сердешный ты мой, что ты будешь дѣлать. Сама я мѣршила, со всеми пила и ѣла, чай пила, чего ужъ еще, да мать у меня ослѣпла, меня это и жамкнуло. Какъ Богъ меня наказалъ, я и полно.» Когда кто изъ православныхъ умретъ, они считаютъ грѣхомъ сказать: дай Богъ ему царство небесное. Киргизы, ихъ сосѣди, которые вырастаютъ на ихъ глазахъ, имѣютъ постоянныя съ ними сношенія, по

* Приверженцы старины сочинили слѣдующую сатиру на поклонниковъ новизны.

Одинъ казакъ воротился изъ Петербурга, съ новымъ взглядомъ на вещи приходитъ домой. Отецъ его встрѣчаетъ, онъ и шапки передъ нимъ не ломаетъ, а сказалъ только, здравствуй, старикъ, вошелъ на дворъ и увидѣлъ телегу.

— Что это у тебя за корыто на четырехъ кругахъ стоитъ?

— Это телѣга.

— Какая это телѣга, это арба.

Старикъ покраснѣлъ, но смолчалъ.

Входитъ въ комнату.

— А это что у тебя на гвоздѣ-то виситъ?

— Это шапка.

— Какая это шапка, это карга.

— Ахъ ты бездѣльникъ, вскрикиваетъ взбѣшенный отецъ, схвативъ палку и колотя ею сына — надѣвай же каргу, да садись-ка въ арбу, да ступай на плавню.

ихъ понятіямъ хуже пса. Они говорятъ у него нѣтъ души, а одинъ только паръ. Они считаютъ грѣхомъ сказать о Киргизѣ: онъ умеръ. Должно сказать онъ издохъ, повалился, а ввжливѣе—извелся. Одна казачка пришла ко мнѣ жаловаться на Киргиза, который занялъ у мужа ея денегъ и не отдавалъ.

— Знаешь ли ты, батюшка, говорила она мнѣ: — какъ мы деньги-то ему дали. Ночью спимъ. Стучится Миндывайка, выдь хозяинъ, больно нужно. Ступай къ чорту, что теперъ пришелъ, рази нѣтъ тебѣ дня. Пожалуйста выдь, больно, больно надо. Надовль собака. Нвчего дѣлать, мужъ мой всталъ, пошелъ отворять дверь. Только-что отперъ, а тотъ самъ влѣзъ въ избу да бухъ въ ноги. Помози, говорить, дай десять рублей, какъ нада, какъ нада, меня совсѣмъ возьми, куда хочешь дѣнь. А мужъ говорить, какія у меня деньги, убирайся. Нѣтъ, не выйду, говорить. Мужъ все-таки не даетъ, и Миндывайка заплакалъ, да варкой (такъ называется голова у рыбы) и учаль стучать объ полъ. Не выйду, реветъ, убей, а не выйду. Ужь што смѣху у насъ надъ нимъ было. Двѣать нечего, дали ему десять рублей, онъ взялъ, да и былъ таковъ.

Человѣкъ не узнаеть человѣка, забываетъ, что передъ нимъ лежитъ братъ его, его горе, его слезы и униженныя просьбы ему смѣшны, какъ прыжки животнаго. Его голову, благороднѣйшую часть тѣла, онъ называетъ варкою, для того, чтобъ не признать человѣческою.

Впрочемъ, въ иныхъ случаяхъ казаки допускаютъ существованіе души въ Киргизѣ, но это снисхожденіе бываетъ временное, когда Киргизъ ему для чего нибудь бываетъ нуженъ. Разъ казакъ по одному дѣлу привелъ ко мнѣ свидѣтеля изъ Киргизовъ. «Вотъ, говорить, Атабкилька можетъ вамъ сказать, онъ не солжетъ, у него чай душа есть.» Казакъ воображалъ, что онъ ужасно этимъ польстилъ Атабкилю. Правительство, желая примирить здѣшнихъ раскольниковъ съ церковью, дозволило имъ имѣть священниковъ изъ своего сословія, но въ эти церкви ходять не всѣ. Въ особенности въ сѣверной части войсковой земли церковныхъ очень мало. Въ Илецкой же и Сакмарской станицахъ, принадлежащихъ къ Уральскому войску, самыя законныя раскольники. Ихъ секты очень многочисленны; человѣкъ изъ одной секты не встѣ съ другимъ, принадлежащимъ къ другой сектѣ. Когда является къ нимъ въ избу Киргизъ, они завывають образа.

Какъ бы ни ненавидѣль раскольникъ церковь, а разъ въ жизни онъ долженъ побывать въ ней по необходимости. Это тогда, когда ему приходится вѣнчаться. Я слышалъ, что въ Илецкой станицѣ, когда жениха и невѣсту отпускаютъ въ церковь, говорятъ ему: ты будешь въ церкви, увидишь тамъ что написано, не пугайся. По пріѣздѣ изъ церкви надъ молодыми читаютъ очистительную молитву и тогда допускаютъ за одинъ столъ, а потомъ накладываютъ эпитимью. Одинъ казакъ былъ изъ числа церковныхъ, но его успѣли отвратить отъ церкви и за то, что онъ ходилъ въ нее, наложили на него эпитимью, по 700 поклоновъ въ день. Мнѣ рассказывали, что одинъ казакъ, отдавая дочь за мужъ, соглашался, для того, чтобъ она не была вѣнчана въ церкви, на незаконную связь ея съ женихомъ, но мать ея не соглашалась, изъ опасенія, чтобъ тотъ въ послѣдствіи не отказался. Истый раскольникъ, кромѣ этого случая, никогда не бываетъ въ церкви; крестятъ его у себя дома, сами исповѣдываютъ и приобщаютъ, сами хоронятъ. Жрецами этой домашней религіи, старики и женщины. Женщины въ этомъ отношеніи всею голова. Онъ первыя заботятся объ обученіи дѣтей по старымъ книгамъ, первыя внушаютъ имъ важность употребленія дуперстія и ношенія бороды, отвращеніе къ табаку. У нихъ есть свои школы, гдѣ бѣдныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ учатъ съ утра до ночи. Какъ-то я сказалъ одной казачкѣ, что ея сынъ, семилѣтній мальчикъ, очень блѣденъ. «Что дѣлать, учится», отвѣчала она.

— Да зачѣмъ же такъ мучить?—«Какъ безъ этого; надобно, чтобъ онъ каждую церковную книгу умѣлъ читать. Псалтырь онъ теперь читаетъ, надобно чтобъ и другія книги могъ разбирать».

— Да если онъ одну книгу разбираетъ, стало быть и всѣ можетъ.

— Гдѣ! нѣтъ, я хочу чтобъ вотъ, почитай мнѣ Ванюша Евангеліе, онъ бы тотчасъ и читалъ.

И сколько я ей ни толковалъ противное, ее было убѣдить невозможно. Притупляя съ этихъ поръ ребенка, они дѣлаютъ его въ послѣдствіи нравственнымъ автоматомъ, неспособнымъ ни къ какому свободному умственному движенію.

Умъ его путается въ этихъ пустыхъ формахъ. Человѣкъ погружается въ какой-то мракъ, изъ котораго онъ не можетъ выйти. Покуда человѣкъ молодъ, если умъ его довольно силенъ, онъ еще борется противъ этой душевной дремоты, но когда онъ

дѣлается старикомъ, онъ тонетъ совершенно во тьмѣ. Таковы жители старообрядческихъ скитовъ.

Мнѣ случилось быть въ одномъ старовѣрческомъ скитѣ. Объ немъ я слышалъ давно и, узнавъ, что онъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ я занимался однимъ казеннымъ дѣломъ, отправился туда. Спутникомъ моимъ былъ Киргизъ, находившійся въ этихъ окрестностяхъ работникомъ. Перевъхавъ нѣсколько горъ и овраговъ, кое-гдѣ одѣтыхъ мелкимъ осинникомъ, я поднялся еще на одну гору. На вершинѣ ея стояла вѣтряная мельница, а кругомъ тянулись пашни. На противоположномъ склонѣ ея стоялъ самый скитъ, окруженный мелкимъ лѣсомъ. Онъ состоялъ изъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ, большею частію въ три окна, окружающихъ небольшую площадку, по срединѣ которой возвышалась старая деревянная часовня. Оставивъ лошадей и Киргиза, я отправился въ скитъ. Нѣсколько крестьянъ лежали у воротъ на травѣ и смотрѣли на меня съ удивленіемъ. То были скитскіе наемные работники, занимавшіеся уборкою хлѣба и огородныхъ овощей на здѣшнихъ поляхъ. Одинъ изъ нихъ указалъ мнѣ келью начальника скита. Молодой послушникъ провель меня въ комнату, а самъ пошелъ доложить ему о появленіи въ стѣнахъ этого убжища неизвѣстной персоны. Осенній, сѣрый день наводилъ страшную скуку даже и подъ открытымъ небомъ, но когда я очутился въ этой обители мертвой тишины, насильственного умственного застоя, гдѣ жизнь запружена и душа покрывается плѣсенью, на меня нашла тоска и отвращеніе ко всему окружающему. Чтобъ отогнать отъ себя это неприятное чувство, я занялся разсматриваніемъ старинной географической карты, висѣвшей на стѣнѣ, изъ которой настоятель почерпалъ свои свѣдѣнія о земномъ шарѣ. То была книга, глаголемая космографія. Тутъ былъ изображенъ Петербургъ, недалеко отъ Индіи, Америка рядомъ съ Миноркою. О каждой землѣ есть особое объясненіе, изложенное на ея очертаніи. Такъ объ одномъ островѣ сказано: островъ пустъ, а живутъ на немъ змѣи, лица до пуна, а отъ пуна хоботъ крылатый. На островѣ Миноркѣ написано: здѣсь живутъ философы. Частію на картѣ нанесены кой-какія историческія свѣдѣнія, тамъ объяснено, что западъ Америки отысканъ отъ Испанскихъ и Французскихъ нѣмецъ, которые много золота получили. Объ Индіи сказано, что она прежде имѣла вѣру благочестивую, а теперь поклоняется солнцу и звездамъ, имѣетъ городъ длиною въ 5000 верстъ, каменный и

крѣпко зло. Всѣхъ острововъ безчеловѣчныхъ, гласить карта, описать невозможно; они наполнены ядовитыхъ змѣей и гадовъ.

Каковъ долженъ быть, думаль я, географическій хаосъ въ головѣ настоятеля, который и въ этомъ случаѣ старается быть вѣрнымъ старинѣ. Услышавъ около себя шорохъ, я оглянуса: предо мной стоялъ низенькій, сухощавый съдой старичекъ, съ блѣднымъ, истомленнымъ лицомъ, выражавшимъ нѣкоторое удивленіе. Онъ былъ одѣтъ, вѣроятно по скитскому обычаю, въ черную неразрѣзную спереди узкую рясу, у которой былъ короткій, тоже безъ разрыва, капишонъ, окоймленный снизу кантикомъ шоколаднаго цвѣта. Голову покрывала небольшая черная скуфья, съ чернымъ визаннымъ изъ шерсти околышемъ. «Что вамъ угодно?» спросилъ онъ меня тихимъ, болѣзненнымъ голосомъ. — Я прѣхалъ изъ любопытства посѣтить вашъ скитъ, сказалъ я ему, не желая неправдою возбудить его недовѣрчивости: — надѣюсь, вы позволите мнѣ пробыть у васъ нѣсколько времени, и если нельзя будетъ мнѣ видѣть внутренности вашей часовни, то по-крайней-мѣрѣ отдохнуть. — «Очень хорошо-съ, отвѣчалъ онъ, прошу садиться.» После распросовъ, о томъ кто я, откуда, какъ попалъ въ эти мѣста, онъ убѣдился, что я нѣсколько не опасенъ для его обители, и думая, быть можетъ, что я внутренно склоняюсь въ пользу ихъ раскола, онъ началъ говорить о безнравственности нынѣшняго вѣка, о сомнѣніи людей въ истинахъ вѣры. Онъ былъ убѣжденъ, что отрицать двуперстное сложеніе, значить не быть христіаниномъ. Какъ же, возразидъ я, Греки? отъ нихъ мы приняли христіанскую религію, а они молятся трехперстнымъ сложеніемъ креста. — «Не знаю, а я самъ видѣлъ, что они точно молились трехперстнымъ сложеніемъ.» Онъ ссылался мнѣ на свои старыя книги. — «Книги, которыя вы называете старыми, сказалъ я ему, моложе ученія святыхъ отцевъ, и составлены поздне, и въ нихъ только искажено христіанское ученіе. Никонъ былъ неправителемъ ихъ.» Споръ нашъ тянулся съ часъ. Настоятель, не находя возраженій, замолкалъ, и оставался при своемъ убѣжденіи. Надобно сказать къ чести настоятеля, что онъ спорилъ кротко и не представлялъ возраженій безсмысленныхъ, какъ многіе казаки, которые считаются между раскольниками понами. — Какъ же Никону можно вѣрить, сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, когда его Иванъ Златоустъ проклялъ?» — Да понимаешь ли ты, что ты говоришь, отвѣчалъ я. Златоустъ жилъ прежде Никона за нѣсколько сотъ лѣтъ. — «Да онъ зналъ впередъ, что Никонъ бу-

доть.»—Покажи же мнѣ, гдѣ это есть; ты читалъ самъ?—«Нѣтъ, не читалъ, а люди говорятъ.» Можно ли послѣ этого убѣдить ихъ? Есть и такіе, которые, не находя возраженій, затыкаютъ уши, отказываясь внимать богопротивнымъ, но ихъ мнѣнію, рѣчамъ.

Настоятель этого скита, конечно, былъ разсудительнѣе ихъ; желая дать мнѣ почувствовать свою правоту, онъ сказалъ, указывая на четки: У насъ правила вѣры изображены вся здѣсь, и намъ нѣчего ходить далеко; посмотрите, вотъ четыре лопастка, четыре Евангелія, между ними семь передвиговъ, это значитъ: семь таинствъ, крещеніе, миропомазаніе, причащеніе; потомъ онъ показывалъ еще далѣе 7 бугорковъ, отъ верхнихъ лопастковъ, что означало это, не припомню, потомъ плоское мѣсто за ними, значило земля; онъ изъяснилъ мнѣ значеніе всей лестовки или четокъ. Здѣсь содержится ученіе о всѣхъ христіанскихъ обязанностяхъ, сказалъ онъ мнѣ. Это механическое изображеніе религіозныхъ правилъ напомнило мнѣ методу Язвинскаго при изученіи исторіи. Потомъ онъ мнѣ показалъ висѣвшую на стѣнѣ картинку: у гроба стоитъ скелетъ высокаго роста, подъ скелетомъ огонь, въ огнѣ красныя и синія рожи дьяволовъ. Внизу были написаны вирши, говорившія о суетѣ земной жизни, о наказаніи за гробомъ и пр.—Вотъ нынче этому не вѣрятъ, прибавилъ онъ, прочитавъ вирши отъ начала до конца. «Конечно, сказалъ я, есть такіе, которые сомнѣваются въ будущей жизни, но и то весьма немногіе, и то въ молодыхъ лѣтахъ, въ зрѣломъ же возрастѣ эти же самые люди становятся добрыми христіанами.» За тѣмъ я похвалилъ рисованіе, которое въ частностяхъ дѣйствительно было не дурно, и обличало опытную руку, пріобрѣтшую хорошій механическій навыкъ, хотя и не было соблюдено въ картинкѣ перспективы. Выгодно тоже отнестись о вѣрности мыслей, выражаемыхъ виршами. Я замѣтилъ на лицѣ начальника скита скромное самодовольствіе и тотчасъ догадался, что онъ былъ вѣсть и художникъ, и поэтъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, не говоря прямо, что это его произведеніе, что онъ въ молодости ѣздилъ въ Сибирь для изученія рисованія въ какой-то тамошній скитъ, гдѣ отшельники отличаются этимъ искусствомъ, и гдѣ приготавливаютъ превосходный лакъ, сообщающій произведеніямъ живописи удивительный блескъ, но имѣющій тотъ недостатокъ, что если картина, покрытая этимъ лакомъ, будетъ провезена водою, то лакъ дѣлается волглымъ и пристаётъ, если до него дотронуться, и вбираетъ въ себя пыль.

Разъ былъ случай, что одинъ богатѣйшій купецъ въ Волгскѣ написалъ изъ Сибири нѣсколько такихъ образцовъ, для украшенія одного изъ старовѣрческихъ скитовъ, но они заключали въ себѣ именно этотъ недостатокъ. Настоятель мнѣ разсказалъ, что онъ бывалъ и въ Волгскѣ, и въ известномъ старовѣрческомъ скитѣ на Иргизѣ, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ. Проходя въ разговорѣ по комнатѣ, мы остановились случайно у вывѣшеннаго на стѣнѣ указателя чиселъ; я замѣтилъ, что выставленное бумажкой, передвигаемой въ картинной рѣшеткѣ, число отстало отъ текущаго цѣлою недѣлею. Онъ сказалъ, что онъ передвигаетъ эту бумажку каждый день аккуратно, но что онъ затерялъ булавку, съ помощью которой онъ ее передвигаетъ; тотчасъ принялся отыскивать булавку, нашелъ ее на полу и привелъ указатель чиселъ въ надлежащій порядокъ. Зачѣмъ имъ знать число? подумалъ я, число нужно знать человѣку, живущему въ настоящемъ, а они дышутъ жизнью прошедшихъ столѣтій. Давно ли существуетъ вашъ скитъ? къмъ онъ основанъ и по какому случаю? спросилъ я начальника скита. «Знаю, что обитель учреждена инокомъ Сергіемъ, но когда и по какому случаю, не знаю. Вотъ, можетъ быть, отецъ Иринарій знаетъ, я за нимъ пошлю. Хотя онъ и не здѣшній, а съ Иргиза, но жилъ здѣсь долго прежде, бывши еще мальчикомъ, и здѣсь выросъ.» Вошелъ отецъ Иринарій, высокаго роста, съ грубымъ лицомъ, одѣтый точно также, какъ и настоятель, и сурово посмотрѣлъ на меня.—А вотъ у насъ гостѣкъ прѣхалъ, сказалъ начальникъ скита, указывая на меня. Иринарій, принявъ ласковый видъ, очень граціозно расшаркался со мною.—Вотъ хочется ему знать, когда основана здѣшняя обитель? вы здѣсь выросли, такъ можетъ знаете объ этомъ.—«И я, отвѣчалъ Иринарій, спрашивалъ объ этомъ стариковъ, когда основанъ здѣшній скитъ, они мнѣ отвѣчали: давно; такъ вотъ, давно, да давно, ну и полно.»

Разговоръ перешелъ на другіе предметы.—Вотъ, отецъ Иринарій, сказалъ начальникъ скита, часы у меня остановились, я хотѣлъ просить васъ поправить.—Отецъ Иринарій подошелъ къ стѣннымъ часамъ съ важнымъ видомъ, осмотрѣлъ механизмъ и спросилъ: «а давно ли они у васъ остановились?»—Да недѣли двѣ будетъ.—«Что же вы мнѣ не сказали прежде, я бы починилъ?»—Да такъ, забывалъ все. «Ну, сегодня праздникъ и завтра праздникъ, а послѣ завтра я займусь. Не прикажете ли, батюшка, ударить къ вечеру», сказалъ Иринарій. Я думаю уже

пора». — Нѣтъ, не надобно, отвѣчалъ онъ, кто будетъ звонить, такъ онъ знаетъ. Какъ вамъ угодно, осмотрѣть только часовню, или вы желаете быть у вечерни? только она еще будетъ не скоро, спросилъ меня потомъ начальникъ скита. Я понялъ изъ этого, что имъ не хотѣлось, чтобъ я былъ при ихъ службѣ. «Позвольте мнѣ посмотрѣть хоть часовню, мнѣ время уже вхвать.» — Ну, такъ пожалуйста. — Часовня была очень бѣдна убранствомъ: образъ Божіей матери, пожертвованный однимъ изъ богатыхъ окрестныхъ жителей, былъ богаче другихъ и блестялъ позолоченной ризой. Не найдя ничего замѣчательнаго, я простился съ начальникомъ скита и его товарищемъ, и пошелъ назадъ, и чрезвычайно былъ радъ, когда оставилъ это печальное мѣсто и его сонныхъ обитателей. Но надобно сказать, какъ ни боятся эти люди всего живаго, всего дышущаго мыслью и чувствомъ, умъ ихъ иногда требуетъ движенія и силится изобрѣсти что нибудь новое. У нихъ есть толкованія священнаго писанія, которыя свидѣтельствуютъ о паденіи ума, запутавшагося въ мелочахъ и формахъ, но всего замѣчательнѣе ихъ нравственныя сочиненія. Пробаясь уберечь челоуѣка отъ разврата, они углубляются во всѣ отвратительныя тайны его, перечисляя всѣ его виды и оскверняя свое воображеніе картинами самаго гнуснаго сладострастія. Мнѣ случилось видѣть подобное сочиненіе; оно называется *скитское исповѣданіе для двуицъ*. Здѣсь предлагаются двушкамъ вопросы, отъ которыхъ покраснѣлъ бы самый безстыдный развратникъ. И эту исповѣдь дѣлаетъ женщина. Какъ поворачивается у ней языкъ на произнесеніе этихъ вопросовъ! Какъ должна страдать невинная двушка, когда стараются подобнымъ образомъ ее развратить. И кто сочинитель этой книжки, довольно распространенной между здѣшними женщинами и превосходящей безнравственностію сладострастныхъ китайскія картинки?

Картина жизни челоуѣка, который заперъ себя навсегда выхоть изъ тѣснаго круга своихъ убѣжденій, потерявшихъ смыслъ, возбуждаетъ грустное чувство. Онъ невольно долженъ враждебно смотрѣть на все новое, и, посреди кипучей современной жизни, остается какъ среди зеленющаго лѣса подрубенное дерево, изъ котораго выточился уже жизненный сокъ. Нельзя уже оживить изсохшаго дерева, оно не приметъ въ себя свѣжихъ соковъ, но надобно беречь возникающія около него молодыя поросли. Убѣжденіе не расшевелить одряблага ума людей, зако-

снѣвшихъ во враждѣ къ просвѣщенію, надобно заняться просвѣщеніемъ юныхъ умовъ, способныхъ къ воспріятію новыхъ, живыхъ идей. Въ настоящее время хотя и получаютъ нѣкоторые изъ молодыхъ людей образованіе въ Оренбургскомъ кадетскомъ корпусѣ, но число ихъ незначительно, и при томъ самое ученіе ихъ слишкомъ односторонно, почему изъ среды ихъ не можетъ найдтись способныхъ людей и къ другому роду наукъ, какъ, напримѣръ, медицинскихъ. Но еще важнѣе, по моему мнѣнію, образованіе женщинъ. Не естественно ли требовать, чтобъ оба пола стояли на одной ступени въ этомъ отношеніи, чтобъ молодые люди, возвращаясь въ свои семейства, не чувствовали нравственнаго одиночества, что случается не рѣдко. Я зналъ нѣкоторыхъ прекрасныхъ молодыхъ людей изъ уральскихъ офицеровъ, которые съ грустію говорили мнѣ объ этомъ, сознаваясь, что невѣжество женщинъ полагаетъ препятствія къ образованію ихъ собственныхъ дѣтей. Въ этомъ случаѣ, тѣмъ настоятельнѣе должно принять мѣры къ образованію женщинъ, потому что онѣ въ настоящее время, можно сказать, хранители раскола. Казаки, сходя на службу въ отдаленные предѣлы Россіи, если не оставляютъ всѣхъ заблужденій, по-крайней-мѣрѣ пріобрѣтаютъ терпимость. Но возвратившись на родину, онѣ, подъ вліяніемъ женщинъ, становится снова самымъ ревностнымъ приверженцемъ раскола. Въ этомъ согласны со мною всѣ благомыслящіе образованные Уральцы, которые сами признавали, что прежде всего надобно обратить женщинъ и чрезъ нихъ уже дѣйствовать на остальную массу населенія.

Въ этомъ случаѣ Уралкамъ открывается прекрасное, благородное поприще, взаимъ того жалкаго безвыходнаго положенія, которое онѣ въ настоящее время занимаютъ. Только на этомъ поприщѣ онѣ могутъ выполнить великое призваніе женщины — быть матерью и воспитательницею.

ИВ. МИХАЙЛОВЪ.

ОБРУЧЕННЫЕ.

Повѣсть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одномъ изъ маленькихъ, но щегольскихъ домиковъ английской набережной, въ уголку гостиной, заставленной цвѣтами и зеленью, сидѣло двое молодыхъ людей, мужчина лѣтъ двадцати шести и блондура дѣвушка, моложе его годами пятью. Нѣжная открытость ихъ обращенія ясно показывала въ нихъ жениха съ невѣстою, хотя въ минуту начала нашего разсказа разговоръ не могъ назваться совершенно нѣжнымъ. Оба, не переставая ласково смотрѣть другъ на друга, о чемъ-то сильно спорили. Юноша безпрестанно вскакивалъ съ кресла, шагаль по комнатѣ, портилъ цвѣты и снова подходилъ къ собесѣдницѣ своей, все время не перестававшей на него поглядывать съ тонкою, немного насмѣшливою улыбкою.

Дѣвушка была стройна, высока ростомъ и очень хороша собою, но лицо ея, полное, нѣжное, съ какимъ-то оригинальнымъ лживо-насмѣшливымъ выраженіемъ, постоянно хранило на себѣ какой-то оттѣнокъ усталости. На немъ уже не сохранялось той обворожительной свѣжести, которая краситъ собой лица женщинъ, мало вызжающихъ въ свѣтъ. Молодая невѣста, не взирая на свои двадцать лѣтъ, какъ кажется, давно ужъ отвыкла ложиться въ постель ранѣе трехъ часовъ по-полуночи.

— Берите меня такимъ, каковъ я есть, миссъ Мери, — говорилъ молодой человекъ, безъ всякой причины толкая отъ себя соседнее кресло: — я перемѣнюсь, если мнѣ придетъ время пере-

мѣняться, а до тѣхъ поръ, говорю вамъ по совѣсти, не вижу я пользы отъ вашихъ совѣтовъ.

— Смотрите, какое самолюбіе! Да развѣ я вамъ даю совѣты? Кто нынче даетъ совѣты? холодно спросила дѣвушка.

— Кто? да что же вы мнѣ толковали цѣлые полчаса?

— Я говорила только о томъ, что всѣ смѣются надъ вами — объ этомъ можно толковать болѣе получасу.

— Смѣются дураки, смѣются изподтишка! какое мнѣ дѣло до скрытыхъ насмѣшекъ? Я правъ, я къ несчастію часто правъ, я не намѣренъ ломать себя наизнанку... Чему вы улыбаетесь?

— Говорите, продолжайте, а я пока посмотрю картинки. Что вы, Владиславъ?...

— Слушайте, m-lle Marie, перебилъ молодой человекъ, полупушта, полусерьезно, отнимая у дѣвушки модныя картинки, и кидая ихъ на коверъ, — слушайте, надобно же вамъ произнести наконецъ послѣдній судъ надъ моей юношеской восторженностью.

— Не надо употреблять такихъ словъ. Въ женскомъ обществѣ порядочные люди не говорятъ учеными выраженіями.

— Благодарю васъ. Только слушайте. Я молодъ — моложе васъ, если не годами, такъ по образу жизни, потому что вы уже успѣли порядочно затаскаться на балахъ и посреди шума.

— Ladislas! закричала Мери, смѣясь и кусая губы, я удивляюсь самой себѣ. Я должна бы васъ выгнать сію минуту, а я не могу даже сердиться. Да развѣ говорятъ такъ съ дѣвцами, со своей невѣстой? Боже мой! что изъ васъ выдетъ!

— Меня радуетъ, Мери, что вы не сердитесь. По душъ вы добрая и любящая дѣвушка. Вы любите обращать лишнее вниманіе на мелочи, на перчатку, на неловкій поклонъ; но умѣете слушать горькія истины. Свѣтъ васъ не совсемъ испортилъ.

— Слава Богу, что не совсемъ. Извольте продолжать, иначе мы не кончимъ до завтра. Да вспомните еще о ложъ. Если вы опять войдете ко мнѣ въ сюртукъ, я васъ уничтожу однимъ взглядомъ.

— Опять ваша манера! я вижу васъ насквозь, миссъ Мери! Вы играете комедію, вы хотите меня дразнить вашей холодностью и спокойствіемъ. Это извѣстная тема романовъ и водевилей. Юный энтузіастъ и противъ него резонеръ... Глупая пылкость и рядомъ съ нею величественное самообладаніе!.. Все это старо, миссъ Мери. Все это я видѣлъ на театрѣ и читалъ въ книгахъ.

Молодая дѣвица еще разъ закусила губы, но не потеряла хладнокровія. Замѣчаніе жениха сдѣлано было вѣрно и мягко.

Мери дѣйствительно принадлежала къ разряду женщинъ, на которыхъ ранній успѣхъ въ свѣтъ накладываетъ печать ранней насмѣшливости, а что еще хуже, заставляетъ видѣть въ этой насмѣшливости и нераздѣльной съ ней холодности высокій идеалъ, драгоценное орудіе модной женщины. Владиславъ Сергѣвичъ Мережинъ (такъ звали жениха), могъ назваться любимой игрушкою своей невесты, его горячность и молодость представляли много пищи для ума и самообладанія юной красавицы. Не смотря на давнюю свою привязанность къ Владиславу, Марья Александровна находила какое-то особое, не совсѣмъ доброе наслажденіе въ непрерывномъ поддразниваніи своего жениха, въ спорахъ съ нимъ, въ безопадныхъ шуткахъ надъ лучшими сторонами его сердца. Изъ всѣхъ деликатныхъ распръ, невеста выходила побѣдительницей, благодаря своей свѣтской находчивости. Еслибъ ей предложили совершить какое-либо чудо, въ слѣдствіе котораго Владиславъ Сергѣвичъ могъ бы мгновенно превратиться въ сухаго и систематическаго льва, Мери отклонила бъ такое предложеніе съ ужасомъ. Мало того, что ей были дороги юношескіе порывы Мережина, — она, въ лучшія свои минуты, умѣла отдавать дань полной справедливости и достоинствамъ молодаго человека, и его независимому взгляду на жизнь и на общество. Но кошка не можетъ жить безъ мыши, модная дѣвушка безъ своей утренней забавы. Когда Владиславъ, огорченный какимъ-нибудь бальнымъ споромъ, опаздывалъ приходять по утру, Мери начинала тревожиться, упрекать себя; но чуть въ комнату входилъ женихъ, прежняя игра начиналась и прежнія миниатюрныя несогласія шли своимъ чередомъ. Для того, чтобъ поперечить своему избранному, Марья Александровна часто рѣшалась являться рѣшительно въ недостойномъ свѣтъ. То она упрекала жениха за его черный галстухъ на вечеръ, то она потѣшалась надъ фигурами людей, особенно имъ любимыхъ, то она холодно и небрежно принималась говорить обо всемъ, что читалъ и любилъ Владиславъ Сергѣвичъ. Въ минуты подобнаго поддразниванія, для невесты нашей все казалось смѣшнымъ и дурнымъ по тону. Въ настоящее утро, предметъ къ спору подало одно неважное обстоятельство, случившееся наканунѣ. Мери съ подругами и нѣсколько молодыхъ щеголей, не зная, что дѣлать послѣ обѣда, нещадно подсмѣивались надъ какимъ-то иностраннымъ музыкантомъ, который, по правдѣ сказать, уже нѣсколько лѣтъ считался за шута въ лучшихъ петербургскихъ гостиныхъ, ни мало не огор-

чаясь своей ролью. Владиславъ Сергѣичъ, уже нѣсколько часовъ бывшій въ сумрачномъ расположеніи духа, счелъ рыцарскимъ долгомъ заступиться за артиста. Нѣтъ въ обществѣ роли хуже, какъ роль чьего нибудь защитника, особенно если защитникъ молодой, не обладаетъ высокимъ чиномъ и скоро сердится. Такимъ образомъ вечеръ былъ испорченъ, инныя дамы разсердились, Мери посмотрѣла на жениха прищурившись, окинула его какимъ-то страннымъ взглядомъ отъ волосъ до кончика сапоговъ, а затѣмъ отвернулась и дала себѣ слово разсчитаться съ женихомъ завтра по утру. Обратимся однако къ нашей парѣ.

— Я васъ слушаю, тихо продолжала Мери, лъниво откинувъ голову, положивъ ножки на вышитую скамейку и повернувшись въ повороту на своей кушеткѣ.

— Вы знаете, душа моя, началъ Владиславъ, самъ усаживаясь поближе къ своей мучительницѣ, вы знаете, что я человекъ хорошій... чему же вы смѣетесь? Неужели мы такъ неблизки между собой, что не можемъ даже позволить себѣ откровеннаго разговора, прямой оцѣнки нашихъ качествъ?

— Это что-то новое, замѣтила невѣста, приглаживая свою прелестную прическу во вкусъ XVIII столѣтія.

— Не совсѣмъ новое; я всегда откровененъ съ вами. Я дѣйствительно человекъ хорошій и добрый, можетъ быть болѣе добрый, нежели это нужно.

— Vous у êtes, сказала Мери, — то-есть вы рыцарь, и должны знать, что въ наше время не любятъ рыцарей...

— Мнѣ дѣла нѣтъ, Мери, перебилъ женихъ, вспыхнувъ, мнѣ никакого дѣла нѣтъ до того, что любятъ и чего не любятъ въ наше время. Каждая три минуты я слышу отъ васъ: *кто нынче дѣластъ то-то и то-то, кто ѣздитъ туда-то? кто въ наше время говоритъ о такихъ-то предметахъ?* Мнѣ скученъ этотъ языкъ, мой другъ. Говорите отъ своего лица. Не колите мнѣ глазъ фразами и идеями людей, до которыхъ ни вамъ, ни мнѣ нѣтъ дѣла...

— Какое вы еще дитя! перебила дѣвица.

— Вы дитя, моя милая Мери, а не я. Вы дитя избалованное и ваша жизнь—жизнь дитяти. Когда вы едва не свели меня съ ума, позвавши по морозу съ вашей новой шляпкой на затылокъ и затѣмъ прохворали двѣ недѣли, и были даже въ опасности, вы поступили какъ истинный ребенокъ. Вамъ угодно называть меня рыцаремъ.

— Печального образа, перебила Мери (то-есть она не сказала печального образа, а гораздо благозвучнѣе: *de la triste figure*, разговоръ шель по французски)... который все-таки былъ великимъ челоѡкомъ, что узнаете вы, если позволите мнѣ, въ хорошую минуту, передать вамъ приключенія рыцаря *de la triste figure*. Но мы вѣчно отклоняемся отъ нашей темы. Въ слѣдствіе нашихъ непрерывныхъ споровъ и стычекъ, въ слѣдствіе холодности, которую вы на себя накиннули, вы меня знаете мало. Вы изслѣдовали мои худыя стороны и не заботитесь о хорошихъ...

— Нѣтъ, я знаю и хорошія: энтузіазмъ, готовность довериться всякому *wildness*, какъ говорятъ по англійски! Лучше, еслибъ не было этихъ достоинствъ, впрочемъ всякій можетъ думать по своему...

— Графъ Павелъ Антоновичъ фонъ-Штромменбергъ, прервалъ такими словами бесѣду вошедшій камердинеръ отца Марьи Александровны.

— Проси, проси въ эту комнату, живо сказала Мери.

— Опять этотъ величественный болванъ, угрюмо замѣтилъ Владиславъ.

— И все-таки у него можно выучиться многому, лукаво перебила невеста.—Вы забыли насъ, графъ. Папа сейчасъ выдетъ.

Павелъ Антоновичъ пожалъ руку невесты, потомъ дружески поклонился жениху, потомъ усѣлся и пять минутъ говорилъ очень мило о новой оперѣ, только изъ его рѣчей нельзя было вывести ровно никакихъ заключеній по музыкальной части. О пѣвицахъ онъ выражался опредѣленнѣе; та, что была въ модѣ, получила много похвалъ, соперница же ея сравнена съ улиткой. Вся рѣчь отличалась простотой, гладкостью, нѣкоторой пустотой, но отнюдь не глупостью.

А между тѣмъ графъ Павелъ Антоновичъ, не смотря на свое состояніе и ожиданія наслѣдствъ впереди, не смотря на свои рѣчи, гладкія и безукоризненныя, не смотря на знаніе шести языковъ, могъ назваться смертнымъ, тупоумнымъ до замѣчательной степени. Природа, истощивъ всѣ свои дары на его благородное, свѣжее лицо, на его станъ гибкій и атлетическій, на его густые волосы и прочія наружныя совершенства, на томъ и приостановило свои благодѣянія. Павла Антоныча можно было встрѣтить двадцать пять разъ и всякій разъ съчесть за челоѡка не глупаго, но за то если вамъ, на двадцать шестое свиданіе, удавалось постичь его натуру, вы останавливались, смущенные,

передъ всей пучиной его необразованности, безпредельной, какъ море. Впрочемъ то былъ добрый и незловредный человекъ, иногда однакоже способный нападать на бѣдняка, на котораго всѣ нападаютъ, или смѣрить презрительнымъ взглядомъ задушевнаго друга, одѣтаго не совсемъ тщательно. Безполезные графа нельзя было найти ни одного человека въ Петербургѣ, но имѣлись въ немъ люди болѣе неловкіе нравственно, болѣе дикіе и болѣе способные прорваться. Подъ управленіемъ бойкой и ловкой жены, Павелъ Антонычъ могъ со временемъ прослыть за дѣльнаго человека, впрочемъ пустымъ человекомъ его никто не называлъ открыто, уважая его отличное состояніе и хорошія связи.

Миссъ Мери нѣсколько разъ смѣялась, слушая рассказъ объ оперѣ; выслушала всю рѣчь со вниманіемъ и еще разъ упрекнула графа за то, что онъ въ последнее время забылъ и ее, и ихъ домъ, и ихъ вечера по средамъ.

— Нѣтъ, я не забылъ васъ, отвѣтилъ красавецъ со своей тихой и ясной улыбкой.—Я не забываю даже того, что слѣдовало бы забыть, для своего собственнаго спокойствія.

Семейство Штромменберговъ издавна было дружно съ семьей Марьи Александровны, потому Павелъ Антонычъ имѣлъ полное право дозволить себѣ этотъ нехитрый, но совершенно приличный и даже тонкій отвѣтъ, будто нарочно импровизированный для дѣвушки-невесты. Владиславъ внутренно отдалъ дань уваженія свѣтской рутинѣ, противъ которой такъ ополчаются философы; рутинѣ, съ помощью которой человекъ, не имѣющій ровно ничего, кромѣ хорошаго воспитанія, человекъ съ камнемъ въ головѣ, умѣетъ говорить глаже и приличнѣе, нежели любой философъ. Мережинъ почти подумалъ: не права ли Мери съ своими свѣтскими афоризмами? И подумавъ это, онъ угрюмо поникнулъ головою, что тотчасъ же заставило молодую невесту усмѣхнуться и еще разъ обратиться къ новому гостю съ какимъ-то новымъ, обязательнымъ вопросомъ.

Марья Александровна была убѣждена въ томъ, что Владиславъ Сергвичъ пылаетъ ревностью. Такого убѣжденія было достаточно для ея счастья. Столько шалостей впереди! столько нетронутыхъ еще средствъ поддразнивать юнаго энтузіаста!

Къ сожалѣнію, она ошиблась въ своемъ предположеніи: молодой женихъ не имѣлъ въ своей душѣ никакихъ ревнивыхъ наклонностей. Ему было просто скучно въ присутствіи Павла Антоныча, до того скучно, что нашъ молодой пріятель два раза

поглядывал на часы, будто приглашая лишняго собесѣдника поскорѣе отправиться во свояси.

— Гдѣ вы сегодня обѣдаете, графъ? поспѣшила сказать лукавая Мери, замѣтивши этотъ жестъ и перетолковавши его по своему.

— Я никому не давалъ слова. Мнѣ сегодня взгруснулось и я стану обѣдать одинъ, то-есть почти не обѣдать вовсе.

— Оставайтесь съ нами. Папа два раза про васъ спрашивалъ. Мы обѣдаемъ одни, только Владиславъ Сергѣвичъ представитъ намъ какого-то своего друга. Вы съ нами?

Павелъ Антонычъ отвѣчалъ поклономъ, женихъ въ свою очередь сдвигалъ знакъ неудовольствія.

— Впрочемъ, готовьтесь скучать, улыбаясь прибавила Мери. Мг. Мережинъ не въ духѣ, а другъ его, какъ слышно, сильно преданъ измѣцкой философїи.

Павелъ Антонычъ улыбнулся въ свою очередь, сказалъ что-то очень лестное для Владислава, очень хорошо отозвался о людяхъ, занимающихся философїею и, не желая мѣшать молодымъ людямъ заниматься самой прїятнѣйшей изъ всѣхъ философїй на свѣтѣ, тихонько скользнулъ въ анфиладу комнатъ, отдѣлявшихъ гостиную Марьи Александровны отъ кабинета ея вѣчно занятаго родителя.

Съ полминуты времени женихъ и невеста молча глядѣли другъ на друга. «А! вы ревнивы!» думала Мери. Владиславъ Сергѣвичъ не любилъ думать про себя, онъ придвинулъ свое кресло ближе къ кушеткѣ, сказавши съ выраженїемъ истинной, непритворной горести :

— За что вы испортили нашъ день, миссъ Мери?

— Это какими судьбами? въ свою очередь спросила дѣвушка.

— Для чего вы пригласили къ обѣду Павла Антоныча?

— Для чего же мнѣ не пригласить его, Владиславъ?

— Мери! Мери! произнесъ женихъ съ неудовольствїемъ. Я двѣ недѣли не могу допроситься у васъ одного тихаго, дружескаго вечера, безъ лишнихъ людей, безъ суматохи, безъ бароновъ и графовъ. Неужели вы, будущая хозяйка, не видите ничего хорошаго въ моей претензїи? Я хотѣлъ привезти къ вамъ, сегодня, человека, который въ нравственномъ отношенїи замѣнилъ мнѣ отца. Этотъ человекъ (я уже предувѣдомлялъ васъ) не любитъ общества. Чтобъ разшевелить его и ему понравиться, нужно сойтись съ нимъ не иначе, какъ въ тихомъ и небольшомъ

кругъ. Я такъ рассчитывалъ на сегодняшний обѣдъ и вечеръ, я такъ желалъ, чтобъ сегодня вы показались и мнѣ и ему своей самой лучшею стороною? За что вы охолодите нашу семейную радость присутвіемъ ненужнаго гостя, который сейчасъ можетъ повѣситься въ той комнатѣ, не огорчивъ насъ обоихъ нисколько? Для чего посреди насъ будетъ нѣсколько часовъ торчать эта добрая, но глупая фигура, во фракъ и бѣломъ галстухъ. Я знаю, что онъ сейчасъ, на минуту уѣдетъ домой и надѣнетъ къ обѣду, по англійски, бѣлый галстухъ. Отъ этой мысли я несчастенъ! Будемъ ли мы смѣяться, шутить, рассказывать другъ другу свои маленькія тайны, въ присутствіи этого денди? Выпьемъ ли мы при немъ, за здоровье другъ друга, лишнюю рюмку шампанскаго? Наконецъ даже обычные споры наши, въ которыхъ все-таки бездна пріятности, могутъ ли эти споры имѣть мѣсто въ присутствіи такого свидѣтеля, какъ Павелъ Антоновичъ? Вы испортили цѣлый веселый день, душа моя Мери!...

Невѣста задумалась, ей стало немножко совѣстно, а еще болѣе досадно по случаю своей недавней ошибки на счетъ ревности.

— Не гнать же мнѣ чело­вѣка, который приходитъ за полчаса до обѣда, сухо отозвалась она.

— Все-таки, сказалъ Владиславъ, пожимая руку невѣсты:— все-таки, моя душа, вы мнѣ за­должали одинъ обѣдъ. Сегодня про­с­ку­ча­емъ—дѣлать нечего. Я пойду и скажу моему пріятелю, что наше дружеское собраніе состоится завтра.

— Завтра обѣдъ у Сергѣя Юрьевича, возразила Мери, недовольная все болѣе и болѣе.

— Тѣмъ болѣе причинъ обѣдать здѣсь, втроемъ, даже обѣдать въ вашихъ комнатахъ. Согласитесь, Marie, я такъ люблю ваши комнаты....

— Ни за что въ свѣтъ! возразила дѣвица, сердясь сама не зная на что. Вы забыли, по обыковенію, *чѣмъ* можетъ быть для васъ по службѣ Сергѣй Юрьевичъ.

— Этого уже слишкомъ много, Marie, неужели вы хотите быть моей опекуней даже по части служеб­ныхъ занятій?..

— Для вашей же пользы! и дѣвушка пожала плечами.

Пламенный юноша едва не вскочилъ со стула. Капризы невѣсты зашли слишкомъ далеко. Она уже захватывала своего возлюбленнаго цѣлкомъ, и рѣшительно не хотѣла предоста­вить ему никакой самостоятельности, даже на счетъ обѣдовъ. Споръ на

прежнюю тему готовился вспыхнуть въ огромныхъ размѣрахъ, но къ счастью, шумъ разговора въ соседней залѣ остановилъ на устахъ Владислава все упреки, готовившіеся изъ нихъ вырваться.

— Такъ вы не даете мнѣ завтрашняго дни, Marie? спросилъ онъ, взявшись за шляпу.

— Не могу, холодно сказала дѣвушка.

— Въ такомъ случаѣ извините, я сегодня не буду обѣдать съ вами.

— Ваша воля, отвѣтила Мери.

— Sans gancune?

— Je n'en garde jamais.

— Веселитесь съ вашимъ графомъ.

— А вы съ вашимъ философомъ.

— Мы ссоримся шестой разъ эту недѣлю, Marie.

— Я не считала. Я никогда не ссорюсь.

— Прощайте, душа моя. Вы не уступите завтрашняго дня?

— Не уступлю... Хотите на той недѣль?

— Я и такъ много уступалъ, Мери.

— Это ваше дѣло.

— Прощайте, Marie.

— Прощайте, Владиславъ.

— Опять поссорились! пробормоталъ папа Марьи Александровны, проводивъ глазами уходящаго юношу.

— Лѣтнія бури! очень поэтически замѣтилъ графъ Павелъ Антоновичъ, снисходительно улыбувшись.

II.

Владиславъ Сергѣевичъ Мережинъ родился за границей, гдѣ отецъ его провелъ почти всю свою жизнь по дѣламъ службы, первое воспитаніе получилъ онъ въ Парижѣ, затѣмъ слушалъ курсы въ германскихъ университетахъ. Благодаря своему серьезному воспитанію, нашъ молодой пріятель составлялъ рѣдкое и рѣзкое исключеніе въ ряду петербургской молодежи: свѣтъ находилъ его образованнымъ, даже можетъ быть черезъ-чуръ образованнымъ человекомъ, но такъ какъ онъ никогда не совался впередъ, въ рѣчахъ рѣдко бывалъ задоренъ, и со смертію отца получалъ въ руки большое состояніе, то на непривѣтливость петербургскаго общества Владиславъ не могъ жаловаться. Покойный отецъ его былъ великимъ англоманомъ, почти не умѣлъ говорить по-русски, и—странное дѣло для человека старыхъ вре-

мень — стыдился этого послѣдняго обстоятельства. При жизни своей онъ часто посылалъ сына въ Россію, держалъ при немъ русскихъ гувернеровъ, всѣми мѣрами заботился о сохраненіи святой связи между юношей и его родной, но къ сожалѣнію, достигъ своей цѣли лишь до нѣкоторой степени. Тому, кто не провѣлъ своего дѣтства въ отечествѣ, всегда будетъ трудно съ нимъ сблизиться, полюбить родное общество наперекоръ его слабостямъ, искренно примириться съ его временными неутѣшительными явленіями. Владиславъ Сергѣичъ, не смотря на свой умъ и доброе сердце, во многихъ отношеніяхъ оставался чужестранцемъ въ Петербургѣ. Французское воспитаніе надвѣлило его сосредоточенною пылкостью нрава, изъ Германіи вывезъ онъ юношескую идеальность понятій съ юношеской нетерпимостью во взглядахъ, а странническая и независимая жизнь ученическихъ годовъ дала ему великую и упорную молодость, отъ которой онъ и не думалъ исправляться съ каждымъ днемъ, наперекоръ анекдоту, сіяющему во всѣхъ учебныхъ книгахъ.

По всей вѣроятности, петербургская жизнь и петербургская служба не легко пришлись бы по сердцу нашему пріятелю, если бы судьба, всегда почему-то балующая смѣлыхъ и красивыхъ юношей, не наградила его двумя сильными привязанностями. Онъ былъ обрученъ съ дочерью своего начальника и бывшаго опекуна, генерала Озерскаго, да сверхъ того привезъ съ собой въ Россію друга, съ которымъ сошелся на скамьяхъ берлинскаго университета. Если невѣста была хороша и блистательна, за то другъ Владислава, по мнѣнію многихъ людей его знавшихъ, былъ ничто иное, какъ чужакъ, смѣшной философъ и человекъ чуть-чуть не юродивый. Во-первыхъ онъ былъ вдвое старше Владислава, во-вторыхъ онъ не имѣлъ гроша за душой и жилъ на счетъ молодого человека, въ-третьихъ онъ принадлежалъ къ разряду людей совершенно бесполезныхъ въ обществѣ. Однако краткій разговоръ о сближеніи двухъ пріятелей покажетъ лучше всего, что иногда и самый бесполезный философъ можетъ имѣть полезное и даже благотворное вліяніе на другаго человека.

Дѣло происходило лѣтъ за шесть до начала разсказа нашего. Владиславъ Сергѣичъ, имѣя отъ роду девятнадцать лѣтъ, присланъ былъ изъ Парижа въ Берлинъ, съ кучей рекомендательныхъ писемъ и кредитивами на большую сумму къ банкиру Магнусу и К^о. Для помѣщенія его уже были приготовлены комнаты въ домъ одного изъ знаменитѣйшихъ профессоровъ того времени.

Мальчикъ, избалованный Французами и сильный своимъ званіемъ парижанина, съ перваго шага очаровалъ и своего ученаго хозяина, и все его тихое семейство. На первомъ же вечерѣ у профессора, онъ курилъ изъ его завѣтной трубки, рылся въ его книгахъ, рекомендовалъ себя лживѣйшимъ изъ всехъ будущихъ слушателей, смѣшилъ его дочерей и копировалъ передъ ними m-Ne Rachel, буффа Фредерика-Леметра. Онъ вмѣшивался во все разговоры, судилъ о самыхъ трудныхъ вопросахъ съ рѣшимостью говоруна — француза, и все ученые мужи глядѣли на него съ снисходительною привѣтливостью: такъ милъ и увлекателенъ казался новый гость въ своихъ ребячествахъ. При концѣ бесѣды, Владиславу, вдругъ, безъ всякой видимой причины, приглянулся одинъ некрасивый, бѣдно одѣтый посѣтитель, весь вечеръ молчавшій и глядѣвшій на него изъ уголка съ какимъ-то стариковскимъ восторгомъ.

— Что это за мудрецъ? отчего не говоритъ онъ ни слова? спросилъ мальчикъ у блондуристой племянницы хозяина. Та засмѣялась и сказала: онъ вашъ соотечественникъ, русскій.

— Какъ его зовутъ?

— Фонъ-Тальгофъ.

— У насъ такихъ русскихъ нѣтъ. А мудрости у него очень много?

— Богъ знаетъ, отвѣчала дѣвушка, онъ ходитъ въ университетъ лѣтъ пять, говорятъ все, что по напрасу.

— Я страшно хочу съ нимъ подружиться сказалъ Владиславъ.

— Перестаньте, неодобрительно замѣтила пѣмочка, не хорошо смѣяться надъ бѣднымъ человѣкомъ.

Но Владиславъ сошелся съ фонъ-Тальгофомъ, что-то невыразимо-приятное тянуло его къ этому смирному, недаровитому и отчасти безтолковому человѣку. Онъ перевезъ его къ себѣ, потому что Тальгофъ жилъ гдѣ-то въ подвалѣ. Въ свободные мѣсяцы послѣ курса, оба друга ушли пѣшкомъ въ Швейцарію. Когда нашему другу пришлось поселиться въ Россіи, Осипъ Карлычъ фонъ-Тальгофъ безпрекословно послѣдовалъ за Мережинимъ. Что бы обезпечить своего товарища, Владиславъ поручилъ ему управлять своими имѣніями, Тальгофъ согласился. Дѣлъ по управленію ему никакихъ не было, деревнями правили выборные старосты—Осипъ Карлычъ тѣмъ не обижался. Наши друзья переписывались, скучали другъ безъ друга, и очень часто Тальгофъ

не зная что дѣлать въ деревнѣ, призжалъ въ Петербургъ, конечно въ домъ Владислава Сергѣича.

По-видимому, во всей этой исторіи Владиславъ былъ господиномъ и повелителемъ, благодѣтельнымъ покровителемъ добраго, но ни на что не пригоднаго человека. На дѣлѣ же выходило противное. Есть какая-то химическая связь между людьми, та связь, отъ недостатка которой двѣ одинакія натуры, будто созданныя на обліженіе, не даютъ ничего одна другой, тогда какъ рядомъ съ ними самая благодѣтельная дружба соединяетъ сильнаго съ слабымъ, мыслителя съ весельчакомъ, практическаго человека съ идеалистомъ. Подобнаго рода связь была между мальчикомъ Владиславомъ и сорокалѣтнимъ искателемъ мудрости, надъ которымъ даже германская молодежь не разъ подсмѣивалась и забавлялась Золотыя качества лифляндца Тальгофа, скрытыя для самыхъ опытныхъ и снисходительныхъ глазъ, съ перваго раза были поняты вѣтреннымъ русскимъ юношей, до-тѣхъ-порѣ болѣе готовымъ пошмѣяться надъ ближними, нежели вглядываться въ нихъ снисходительно-зоркимъ взглядомъ. Тальгофъ былъ романтикомъ до послѣдней степени — реальное развитіе новой науки сбывало его съ толку, вотъ почему ученые труды его были безплодны, а посреди Германіи новыхъ временъ, онъ чувствовалъ себя слабымъ и потеряннымъ. Для чего онъ скитался за границей, почему онъ по годамъ поселялся въ университетскихъ городахъ, никто не зналъ, и самъ онъ не зналъ хорошенько,—не Владиславъ зналъ лучше всякаго. Мережинъ зналъ, что безъ слушанія просвѣщеннаго слова, безъ созерцанія людей великой учености, безъ общества людей благихъ и мыслящихъ, жизнь для Тальгофа не имѣла никакого значенія. Старый чудакъ былъ читателемъ всего славнаго и выдающагося впередъ изъ ряда житейскихъ явленій, ко всему мудрому и великому прильпилось его простое, поэтическое сердце, и Мережинъ зналъ это, и не смѣялся, когда Тальгофъ, при насмѣшливыхъ взглядахъ студентовъ, подавалъ теплый сюртукъ такому-то профессору, и важно относилъ въ квартиру знаменитаго мужа зонтикъ, забытый имъ у швейцара. Разъ опѣнить чудака Фонтъ-Тальгофа значило признать его превосходство надъ собою, потому что эта чистая, любящая душа, не загрязненная ни одною постыдною слабостью, прошедшая жизненный путь безъ малѣйшей уступки пороку или себялюбію, возвышенностью своею не могла не поразить всякаго, кому лишь

было дано разглядѣть ее подъ ея тусклой и шероховатую оболочкою.

Неизмѣримый запасъ добра былъ принесенъ Владиславу черезъ сближеніе его съ Тальгофомъ, но никогда еще это сближеніе не давало юношѣ болѣе благихъ плодовъ, какъ по возвращеніи нашихъ двухъ друзей въ Россію. Безспорно, молодой Мережинъ, имѣя двадцать лѣтъ отъ роду, могъ назваться блистательнымъ молодымъ человѣкомъ, но мы все знаемъ, какъ кончаютъ все блистательные юноши, обезпеченные богатствомъ отъ житейской борьбы, отдѣленные отъ родныхъ интересовъ чужеземнымъ воспитаніемъ, да еще и надѣленные большимъ запасомъ самонадѣянности. Свѣтскія удачи опошли ли бы Владислава въ самое короткое время, неудачи могли раздражить его на первыхъ порахъ и окончательно склонить къ празднои жизни, потому что въ натурѣ юноши не было стойкости, а самъ онъ не имѣлъ еще ни здраво-поэтическаго, ни здраво-практическаго взгляда на задачу жизни. Можно сказать утвердительно, что безъ Тальгофа Владиславъ не могъ быть ничѣмъ, кромѣ увеселительнаго члена столичныхъ гостиныхъ — жизненная пошлость охватила бы его со всехъ сторонъ и охватила бы тѣмъ скорѣе, что Мережинъ вхалъ въ Петербургъ съ предубѣжденіемъ, съ ребяческою вврою въ то, что ему тамъ нечего дѣлать, что его рѣдкихъ достоинствъ тамъ никто не пойметъ и не оцѣнитъ.

Не убѣжденіями и не рядомъ глубокихъ афоризмовъ Тальгофъ имѣлъ вліяніе на душу Владислава; нашъ чудакъ отъ всей души считалъ своего молодаго друга великимъ человѣкомъ и «существомъ, отмѣченнымъ перстомъ Божиимъ». Но два или три неважныхъ примѣра покажутъ всего лучше, какъ совершался процессъ вліянія, о которомъ оба пріятели и не подозревали. Все знаютъ, какъ утомительна и некрасива дорога отъ прусской границы до Петербурга. Владиславъ, совершая этотъ путь, рѣшительно умиралъ отъ грусти. Сердцу его ровно ничего не говорила русская природа, при видѣ широкихъ полей и дремучаго лѣсу онъ могъ думать лишь о томъ, что его родина страшно обижена судьбою. Тальгофъ съ нимъ не спорилъ и даже внутренно не осуждалъ молодаго чловѣка. Но самъ онъ провелъ дѣтство въ Россіи, его поэтически одаренная душа видѣла скрытую, никѣмъ еще не разъясненную прелесть родной природы, и онъ увлекался ею, и радостно глядѣлъ на необозримый просторъ вострѣчныхъ полей, на сонныя воды широкихъ рѣкъ, на зелено-

*

вато-холодные тоны осеннего ясного неба. Владиславъ видѣлъ, что спутникъ его, недавно безъ особеннаго восторга бродившій по берегамъ швейцарскихъ озеръ, здѣсь отчего-то испытываетъ какое-то тихое, могущественное наслажденіе. Примѣръ дѣйствуетъ яснѣе всѣхъ описаній, слово челоуька, проникнутаго сильнымъ чувствомъ, бьетъ вѣрнѣ всякаго другаго слова. Всю вторую половину переезда, Мережинъ совершилъ въ задумчивости; его понятливому сердцу сказалаь та не сокрушимаа связь мыслящаго челоуька съ родиной, о которой когда-то его покойный отецъ говорилъ ему такъ много.

Петербургская служба за старое время представляла мало радостей для молодаго челоуька, пылкаго и жаждущаго широкой дѣятельности. Положеніе Мережина, принятаго въ домъ своего главнаго начальника и вытягиваемаго впередъ всеми средствами, положеніе завидное для всѣхъ его сверстниковъ, самому Владиславу казалось унижительноиъ и противнымъ. Никакаго дѣла серьезнаго онъ не имѣлъ, жажда дѣятельности пропадала напрасно, а на глазахъ его поминутно совершались несправедливости и злоупотребленія, противъ которыхъ даже и лица, надѣленные властью, останавливались въ безотрадномъ сознаніи своего безсилія. Владиславъ, отъ вліянія ли французскихъ нравовъ на его дѣтство, отъ собственной ли своей нравственной организаціи, былъ съ дѣтства склоненъ къ временнымъ припадкамъ душевнаго унынія. Не успѣлъ онъ прослужить нѣсколько мѣсяцевъ, какъ на него нашелъ одинъ изъ такихъ припадковъ. Жизнь показалась юношѣ несноснымъ бременемъ, ему захотѣлось бросить столицу, отказаться отъ своей будущности и ухватъ навѣки куда нибудь къ Средиземному морю, гдѣ безъ сомнѣнія, черезъ полгода напала бы на него тоска еще болѣе сильная. Къ счастью, чудакомъ Тальгофомъ находился тогда при Владиславѣ. Онъ не возмущился противъ плановъ своего молодаго пріятели, не прочелъ ему никакихъ наставленій, но, увлекшись собственными воспоминаніями, разсказалъ нѣсколько случаевъ изъ своей собственной жизни, ознаменованныхъ годами добровольнаго изгнанія и долгой жизнью между чужими людьми. Душевная тоска молодаго челоуька прошла такъ же быстро, какъ и появилась. Владиславъ понималъ, какъ мелки, какъ ничтожны его собственные огорченія передъ испытаніями челоуька, ѣвшаго чужой хлѣбъ со слезами, и просиживавшаго горькія ночи, безъ сна, на своей постели, подъ чужимъ небомъ.

Годы шли, событія жизни начинали улыбаться молодому Мережину: въ свѣтъ стали его уважать, на службѣ оцѣнили и берегли къ чему-то важному. При всей бесплодности своего должностнаго положенія, Владиславу удалось выполнить нѣсколько полезныхъ дѣлъ, показать въ себѣ человека, сжившагося съ дѣйствительностью, готоваго на честный и сильный трудъ, когда въ такомъ трудѣ повстрѣчается надобность. Онъ уже не былъ новичкомъ и мальчишкомъ въ петербургскихъ кругахъ, и не смотря на то, вліяніе Тальгофа не ослабвало на Владислава. Въ этомъ человекѣ для юноши таилось противоядіе отъ всѣхъ сухихъ сторонъ столичной жизни, живая память о счастливыхъ ученическихъ годахъ, полныхъ поэзіи и высокихъ мыслей. Случалось ли уму его погрузиться въ праздность, Тальгофъ былъ тутъ со своей пламенной идеалогіей, со своимъ стремленіемъ къ міру умственной дѣятельности, поселялись ли въ душѣ Владислава начатки тщеславія или честолюбія, одна мысль о бѣдномъ и старомъ товарищѣ какъ бы убивала всѣ эти злыя ростки въ ихъ зародышѣ. Чѣмъ тверже дѣлался Владиславъ въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ необходимѣе становилась ему привязанность простодушнаго Тальгофа, чѣмъ зорче дѣлался онъ на распознаваніе людей, тѣмъ яснѣе видѣлъ онъ все благо, данное ему дружбой Тальгофа. И въ довершеніе всего, какъ читатель самъ можетъ догадаться, эта дружба не имѣла въ себѣ ровно ничего однообразно сухаго или разсудительно скучнаго. Въ ней было много самыхъ комическихъ сторонъ, потому что Тальгофъ, если и не могъ явиться юродивымъ, то уже конечно былъ чудачкомъ оригинальныхъ свойствъ и любезной наружности. Извѣстіе о помолвкѣ Владислава Сергѣича застало Осина Карловича въ деревнѣ, но онъ поспѣшилъ своимъ пріездомъ въ столицу, и какъ мы видѣли при началѣ разсказа нашего, долженъ былъ познакомиться съ Магге Озерской за обѣдомъ у ея родителя.

Послѣ всего здѣсь сказаннаго, легко догадаться, каковы были взгляды Тальгофа на жизнь, бракъ и въ особенности на женщинъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, другъ Владислава былъ счастливымъ поэтическимъ юношей не только по душѣ, но отчасти и по наружности. Отъ пѣшеходныхъ ли странствованій, или отъ безмятежной молодости, Тальгофъ могъ показаться меньшимъ братомъ Мережина. Въ своей конической голубой фуражкѣ и съ своей конусообразной бородкой, онъ совершенно походилъ на одного изъ африканскихъ егерей, изображаемыхъ во французской

иллюстраціи; подъ этой конно-егерской наружностью скрывался истинный Германецъ, но Германецъ временъ Шиллера. Усердно желая быть современнымъ человѣкомъ и даже питая великое сочувствіе къ таланту Жоржа-Санда (къ которому въ Парижъ не разъ ходилъ свидѣтельствовать свое почтеніе), Осипъ Карловичъ не могъ отрѣшиться отъ идей и мечтаній своей юности. Марью Александровну Озерскую онъ воображалъ не иначе, какъ Маргаритой Фауста, изъ которой въ послѣдствіи, обоюдными стараніями Владислава и его самого, имѣеть выйти героическій перлъ созданія, въ родѣ Рахили Фарнгагенъ или Шарлотты Штиглицъ, безъ трагическихъ сторонъ характера. Съ мыслью о невѣстѣ Владислава, къ нему приходили воспоминанія о его собственной первой любви (поэтической и высокой любви, надо признаться), посреди древняго университетскаго города, величавыхъ средне-вѣковыхъ зданій и башенъ полускрытыхъ между столѣтними деревьями. Передъ нимъ рисовалась и крошечная дѣвственная комната давно умершей Вильгельмины, и ея постель съ бѣлыми занавѣсками, и розмаринъ на окнахъ и томикъ Новалиса подъ дѣвственною подушкою. Невинно превращая miss Mary въ Вильгельмину, и Петербургъ въ Лейпцигъ, Тальгофъ боялся, чтобъ молодые люди, въ слѣдствіе сильной любви—не оставили навсегда свѣта. «Практическая сторона жизни» умно разсуждалъ Осипъ Карловичъ «всегда должна быть уважаема, и нѣмцы моего времени отчасти грѣшатъ, уважая ее такъ мало!» Увы! честный чудакъ, если бы онъ зналъ, какою излишней практичностью проникнуто все существо идеальной Мери, еслибъ онъ зналъ, что она никогда не читаетъ книгъ за недосугомъ, не слыхала имени Новалиса, и ложится въ свою дѣвственную постель не ранѣе третьяго часу утра, съ лихорадочнымъ волненіемъ крови, съ звуками бальной музыки въ ушахъ, съ насмѣшливыми мыслями о своемъ женихѣ энтузіастъ!

Въ день, назначенный для обѣда у Марьи Александровны, Осипъ Карловичъ сидѣлъ въ одной изъ комнатъ квартиры Мережина, брѣясь очень тупыми бритвами, о которыхъ уже много лѣтъ и много тысячъ разъ говорилъ своему служителю: «только что попаду въ Петербургъ, брошу навсегда эти проклятыя бритвы.» Равнымъ образомъ и о волосахъ своихъ другъ Владислава выражался очень часто: «ной подумаетъ, что я ношу такіе кудри изъ причуды, а все дѣло въ томъ, что меня нѣкому стричь въ деревнѣ.» А между тѣмъ кудри не стриглись и въ

столицъ, а росли свободно, придавая еще болѣе юношескій видъ фигуръ Тальгофа.

— Удивительное дѣло! вскричалъ Владиславъ Сергвичъ, входя къ своему наставнику и ставя шляпу подлѣ бритвенныхъ аппаратовъ:—тебѣ несли бриться, когда я вхалъ изъ дома, я вернулся, и ты все еще брѣшься.

— Я еще не перемѣнилъ бритвъ, и жалю о томъ, отвѣтилъ Тальгофъ, съ самой свѣтлой улыбкой:—жалю тѣмъ болѣе, что сегодня желалъ бы тщательно....

— Можешь отложить стараніе—обѣда не будетъ.

— Что ты говоришь? не случилось ли чего съ нею?

— Капризничаетъ.

— Не Владиславъ ли капризничаетъ?

— Мери назвала къ обѣду чужихъ уродовъ, графа Тальгофа, твоего родственника, тупѣйшаго франта и нахала.

— Я радъ видѣть графа, хотя онъ...

— Кивнетъ тебѣ головой и я наговорю ему глупостей.

— Я дивлюсь твоей вспыльчивости, Владиславъ, медленно произнесъ философъ.—Гостей, о которыхъ ты говоришь, могъ позвать отецъ. Можетъ ли бѣдная дѣвушка препятствовать...

— Эта дѣвушка, если захочетъ, и отца безъ обѣда оставить.

Осипъ Карловичъ сконфузился и покачалъ головою. Однако онъ успѣвши вытереть лицо, спрятать бритвы и отставить зеркало. Потомъ онъ помолчалъ немного и сообщилъ нѣчто очень умное, но крайне непонятное,—о самообладаніи. Потомъ онъ замѣтилъ весьма ловко, что женщина есть дитя и жизнь ея начинается только съ замужества. Всѣ эти истины оказались, въ сущности, непримѣнными къ дѣлу. Владиславъ Сергвичъ сидѣлъ нахмурившись и почти не слушалъ своего пріятеля.

— Первая ссора, опять началъ говорить Тальгофъ:—есть обстоятельство важное, пусть она происходитъ изъ мелкихъ причинъ. Первая ссора, первая любовь, первое сраженіе—изо всѣхъ трехъ, во что бы ни стало, мужчина долженъ выходить побѣдителемъ. Этими словами я не хочу сказать, что ты долженъ переспорить свою невѣсту, но ты обязанъ побѣдить собственное свое сердце. Первая ссора...

— Не первая, а шестая на этой недѣлѣ, перебилъ Владиславъ.

— И сегодня четвергъ! произнесъ Тальгофъ не безъ ужаса.

— Пока еще среда, возразилъ Мережинъ.

Добрый чудакъ закурилъ кончикъ рижской сигары и сълъ ра-

домъ съ молодымъ человекомъ. Онъ курилъ рѣдко и чувствовалъ потребность въ куреніи только въ важныхъ случаяхъ жизни. Во всехъ важныхъ бесѣдахъ Тальгофъ являлся съ своимъ кончикомъ сигарки, никто и никогда не видалъ его съ сигарой только начатой или докуренной въ половину. Владиславъ улыбнулся, глядя на эти приготовления. Сколько задушевныхъ, важныхъ бесѣдъ, сколько благородныхъ импровизаций было во времени напомнилъ ему этотъ ѣдкій запахъ дрянной сигарки!

— Другъ мой, спросилъ его Тальгофъ, неужели эта дѣвица зла и порочна по характеру? Говори мнѣ все, довьрь мнѣ твои наблюденія. Я жилъ болѣе тебя и много думалъ о характерѣ женщины. Есть между нашими женщинами существа, испорченная жизнью (воспитаніемъ онъ все испорчены). Есть другія, которымъ природа...

— Къ дѣлу, Осипъ Карловичъ, а не то кончай за обѣдомъ. Мы станемъ обѣдать здѣсь вдвоемъ.

— Любить ли она тебя, Владиславъ?

— Я думаю, если выходитъ за меня за-мужъ.

— Отчего жъ ты не пользуешься своимъ вліяніемъ на любящую тебя дѣвушку? Отчего ты не передашь ей своихъ мыслей, не одружишься съ ней душою въ тѣ минуты, когда дѣвица (чистое созданье) вся живетъ любимымъ мужчиной, мыслить его мыслями? Отчего, во время вашихъ одинокихъ разговоровъ, въ минуты, когда она вся проникнута...

— Да кто тебѣ сказалъ, что у нея бываютъ такія минуты?

— Что же она такое? съ новымъ недоумѣніемъ спросилъ Тальгофъ. Или она холодна душою? Но, другъ мой, въ этой холодности часто скрывается страстность натуры.

— Ты все не то толкуешь, Осипъ Карловичъ, возразилъ женихъ въ свою очередь. Мери ни холодна, ни зла, ни пуста, ни капризна. Въ сердцѣ этой дѣвушки есть какая-то неизлечимая складка лишней и вредной свѣтскости. Она заражена страстью къ увеселеніямъ.

— Фривольностью?

— Пожалуй хоть фривольностью. Она никогда не бываетъ одна, все ея свѣдѣнія взяты съ чужихъ словъ или изъ личныхъ наблюденій, она мало читала и еще меньше думала о томъ, о чемъ женщинамъ слѣдуетъ думать. Изъ всего міра видѣла она одинъ городъ и изъ этого города крошечный и тѣсный уголокъ. Невѣденіе откровенное и простодушное—не бѣда, но невѣденіе,

замаскированное сухостью и считающее себя всезнаниемъ, всегда возмущало мою душу до самаго дна. Ты не знаешь Петербурга, Тальгофъ, и оттого, чтобъ мои рвчи были тебѣ понятны, я буду говорить съ тобой какъ съ иностранцемъ. Въ нашемъ городѣ много людей хорошихъ, но очень много людей и семействъ тщеславныхъ, самонадвянныхъ, важно-горделивыхъ, а чѣмъ горделивыхъ, про то одинъ Богъ знаетъ. Всякое семейство, сколько нибудь достаточное и замѣченное, непременно лезетъ въ какіе-то великобританскіе лорды и считаетъ весь родъ человѣческій себя недостойнымъ. Достаточно стоять одной свѣтской ступенькой ниже ихъ для того, чтобъ видѣть на дѣлъ всю исключительность этого круга, всю его безумную роскошь, все его болѣзненное франтовство. Въ этой части петербургскаго общества, такъ открыто идущаго на-перекоръ нашимъ честнымъ русскимъ понятіямъ, нашему русскому гостепримству и русской терпимости, Марья Александровна имѣла несчастіе родиться. Я долженъ теперь обратиться къ частностямъ, чтобы показать тебѣ одинъ изъ недостатковъ этого круга, въ которомъ она вертится. Я знаю, напримѣръ, друзей ея семейства, графовъ Тальгофовъ, Тальгофовъ и твоихъ родственниковъ. Все они люди честные, хорошіе, и даже этотъ красивый болванъ Павелъ Антонычъ можетъ зваться добрымъ малымъ. А между тѣмъ эти Тальгофы, какъ ты самъ знаешь, не хотятъ знать твоего семейства, не ведутъ съ тобой сношеній и считаютъ тебя за какое-то отребіе рода человѣческаго. Разсуди самъ, по какой причинѣ могутъ они смотрѣть на тебя такимъ образомъ? Они богаты, но вѣдь ты не просишь у нихъ денегъ въ займы. Они имѣютъ связи, но ты не будешь просить ихъ протекціи, объ этомъ они хорошо знаютъ. Какія же условія, какіе законы и причины отчуждаютъ одно семейство отъ другаго? И такъ, вотъ люди и вотъ понятія, посреди которыхъ живетъ Мери. Бѣдное дитя, она считаетъ себя лучезарною звездой, разливая свой свѣтъ въ темномъ и тщеславномъ муравейникѣ, до котораго нѣтъ дѣла никому изъ людей! Она думаетъ, что постигла жизнь до тонкости, а между тѣмъ о завтрашнемъ балѣ способна думать болѣе, нежели о цѣлой жизни со мною...

— О балъ, о балъ! съ жаромъ перебилъ Осипъ Карловичъ, наконецъ убѣдившійся въ томъ, что ему удалось постигнуть характеръ Марьи Александровны. И ты, Владиславъ, сердись на дѣвицу за то, что она думаетъ о балѣ! Думалъ ли ты о томъ,

счастливым повѣса, всю свою юность лежавшій на розахъ, что для дѣвицы есть только одна короткая пора торжествъ и веселія. Пусть же она упивается этой порою, милое дитя! Пусть она пока не видитъ жизни безъ блеска, роскоши и великолѣпія! Пусть она тщеславится угожденіемъ свѣта—развѣ ты способенъ сердиться на ребенка, гордящагося своимъ праздничнымъ уборомъ? Пусть она еще нѣсколько дней кружится въ этомъ вихрѣ, въ этомъ Legend-Tanz, котораго пустоту она скоро узнаетъ, какъ узнали ее мы съ тобою...

— Ты-то откуда узналъ эту пустоту? шутя спросилъ Владиславъ, и все-таки лицо его приняло какое-то особенно внимательное выраженіе. Онъ видѣлъ и понималъ, что Тальгофъ говоритъ чепуху, но зналъ, что за чепухой этой, какъ всегда у его пріятеля, мелькнетъ нѣсколько мыслей глубокихъ и совершенно примѣнимыхъ къ предмету настоящей бесѣды.

— Оставь ее, повелительно продолжалъ Тальгофъ,—на свѣтъ все прекрасно, все нужно: и цвѣты, и однодневныя бабочки! Въ тебѣ еще нѣтъ практическаго пониманія привязанностей, Владиславъ, ты еще молодъ для любви, ты не догадался о томъ, что женщина безъ слабостей—не женщина, а кукла, что привязанность безъ борьбы и взаимнаго вліянія—одна жалкая игра, основанная или на злости, или на лицемеріи. Тебѣ гадка та сфера, гдѣ твоя невеста блистаетъ и наслаждается, а кто далъ тебѣ право гнушаться этой сферой? Она должна быть вдвойнѣ для тебя занимательна: во-первыхъ потому, что она *существуетъ*, во-вторыхъ оттого, что она близка къ сердцу близкой тебѣ дѣвушки. Чтобы одолѣть въ борьбѣ, чтобы побѣдить непріятеля, надо съ нимъ встрѣтиться, а не бѣжать съ того поля, гдѣ вы можете съ нимъ сойтися. Не сидя со мной и не передавая мнѣ свои тревоги, подготовивъ ты себѣ женщину, неизмѣнную подругу всей жизни. Высказывая ей свои мысли, ты еще не сдѣлаешься ея нравственнымъ Менторомъ. Нѣтъ, иди за ней, дай ей руку теперь и она подастъ тебѣ свою, когда на то придетъ время. А до-тѣхъ-поръ лелѣй свою Мери, старайся дѣлать съ ней ея забавы и понятія, не страшись быть съ ней ребенкомъ. Великій Гёте ребячился съ Беттиной и изъ Беттины вышелъ гений въ образъ женщины.

— Упаси насъ Богъ отъ женщинъ такого рода! развеселившись замѣтилъ Владиславъ.

— Что была Гвиччяли до знакомства съ Байрономъ? ребенокъ, и ничего болѣе! Клопштокъ...

— Давайте скорѣе объдать, коли дошло до Клопштока! перебилъ Мережнѣ, чувствуя, что на душъ его просвѣтлѣло. — Ставьте бутылку рейнвейна, Тальгофъ, за старые годы шатанья по свѣту, за старыя бесѣды, въ родъ сегодняшней!

— Нѣтъ, сказалъ Осипъ Карловичъ, садясь за столъ, наливая вино и поднимая зеленую рюмку надъ головою. Старые годы для тебя прошли. Старые годы теперь тебѣ не помогутъ, теперь тебѣ остается одинъ тостъ:

Here's a health to thee, Mary!

За объдомъ Тальгофъ рѣшилъ завтра же быть у Марьи Александровны, изучить ея характеръ и въ-конецъ разрушить жиниховскіе капризы Владислава.

День былъ оконченъ въ театрѣ и надо было видѣть, съ какимъ восторгомъ глядѣлъ бывшій наставникъ жениха изъ кресель на ложу красавицы-невѣсты. Марья Александровна взглянула на Тальгофа одинъ только разъ и, пораженная неудовольствіемъ при видѣ его ярко-зеленыхъ перчатокъ, больше не глядела въ кресла.

III.

— Владиславъ, весело говорилъ Осипъ Карловичъ, охорашиваясь передъ зеркаломъ на слѣдующее утро:—мелочами пренебрегать не слѣдуетъ, и я усердно прошу тебя быть моимъ советникомъ. Хорошо ли сидитъ мой скюртукъ и не лучше ли будетъ надѣть фракъ для перваго визита? Я не надѣну зеленыхъ перчатокъ, потому что вчера всѣ на нихъ какъ-то косо глядѣли въ театрѣ. Германъ, дай сюда бѣлыя перчатки, Владиславъ Сергѣичъ увидитъ, какія перчатки мы носимъ.

— Да это похоронныя перчатки, сказалъ молодой, хозяинъ размѣявшись.—Оставайся въ своихъ зеленыхъ, герръ фонъ-Тальгофъ, оно будетъ спокойнѣе, да и сообразнѣй съ часомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ наставникъ,—Германъ, купи мнѣ сейчасъ же свренскія, какъ у Владислава Сергѣича. Отчего не потѣшить милой дѣвушки такими пустяками? Мелочами жизни не надо пренебрегать, какъ говорилъ...

— Ты сдѣлаешься отвратительнымъ фатомъ, я тебѣ это предсказываю!

— Тѣмъ болѣе чести для твоей Мери. Помни правила знатковъ женскаго сердца—уступка въ мелочахъ, твердость въ главныхъ убѣжденіяхъ!

— Никогда не соглашусь я съ этимъ, перебилъ Владиславъ, всегда готовый на споръ и сверхъ того утомленный безконечными сборами своего пріятеля, — въ мелочахъ почти вся жизнь наша, и сдѣлавши первую уступку женской прихоти, мы добровольно отдаемъ себя всего въ рабство. Пустая сыпь на тѣлѣ показываетъ порчу крови во всемъ организмѣ чловѣка; незначительнѣйшій капризъ въ молодомъ созданіи говорить про многіе его душевные недостатки. Вѣрь мнѣ, любезный другъ, изъ десятка людей, вчерашній вечеръ косо глядѣвшихъ на твои, действительно гнусныя перчатки, девятеро—отъявленные мерзавцы, а десятый стоитъ на той дорогѣ, чтобъ быть мерзавцомъ. Можетъ быть, я увлекаюсь, но мнѣ извинительно увлекаться—я молодъ, и за это время видѣлъ столько зла, чванства, нахальства и двкой гордости! Для того, чтобъ одинъ чловѣкъ рѣшился презрительно взглянуть на незнакомаго ему чловѣка за то только, что на немъ перчатки зеленаго цвѣта, надо, чтобъ въ душѣ перваго таилась цѣлый мѣръ испорченности, предрасудковъ и всякаго зла въ такомъ родѣ! Я прощу всякому важный грѣхъ, совершенный въ минуту вспыльчивости, сдѣланный безсознательно, но я не помирюсь съ косымъ взглядомъ, сзади котораго цѣлая пучина гадости сухой и холодной. Женщины въ этомъ дѣлѣ невиннѣе мужчинъ—онѣ слабѣе разумомъ и безсилнѣе передъ свѣтскимъ обычаемъ, однако и женщинамъ поддаваться не слѣдуетъ. А потому не стѣсняйся цвѣтомъ перчатокъ, герръ фонъ-Тальгофъ, если не хочешь поссориться со мною. Ты имѣешь право ходить, въ чемъ вздумаешь, и не ты останешься въ накладѣ, если кто нибудь отъ тебя отвернется. Нечего ждать перчатокъ; пока ты здѣсь представляешь Бруммея, лошади промерзли у подъезда.

— Однако портится характеръ Владислава! думалъ Тальгофъ, садясь въ сани.—Я сталъ не въ мѣру раздражителенъ, сказалъ самъ себѣ Мережинъ, усаживаясь возлѣ пріятеля. Я чувствую, что дѣлаюсь какимъ-то свирѣпымъ Дюгеномъ, благодаря Марьѣ Александровнѣ!

Между тѣмъ миссъ Мери сидѣла въ своей гостиной, на любимой своей кушеткѣ между зеленью, успѣвши за утро принять двухъ стариковъ, одну вдову въ глубокомъ траурѣ, послушаться

новостей отъ разныхъ куликообразныхъ юношей и сверхъ того до полусмерти оскорбить свою кузину, сорокалѣтнюю дѣву, показавши ей какія-то сѣро-желтыя кружева, до того рѣдкія въ Петербургѣ, что имъ даже и цѣны не было. Свидѣтелемъ послѣдней продѣлки, дѣйствительно забавной, былъ отецъ Марьи Александровны, старшій генералъ добраго нрава, но наполненный излишнею и неразумною слабостью къ дочери. Вѣчно занятый и утомленный дѣлами, родитель невесты приходилъ къ ней въ гостиную для отдыха и короткаго развлечения, а Марья Александровна, надо отдать ей справедливость, въ высокой степени обладала дарованіемъ забавлять отца въ короткія минуты свиданія. Каждое утро ся немного заспаные глаза блестя нововъ веселостью, на ея устахъ вѣчно готовилась шуточка, насмѣшка надъ женихомъ или смѣшнымъ гостемъ. Мери любила театръ, часто сама играла на домашнихъ спектакляхъ, и оттого всѣ ея шутки имѣли въ себѣ что-то особенно круглое, театральное, забавно-эффектное. Зависть престарѣлой щеголихи, цѣлый часъ безпрепятственно хваставшейся драгоценными нарядами и вдругъ обомлѣвшей надъ кружевами невесты, только при самомъ концѣ разговора принесенными въ гостиную, заставила старика Озерскаго смѣяться до упаду, послѣ ухода гостя. Онъ объявилъ Мери, что, имѣя ее въ домѣ, не нуждается во французскомъ театрѣ, а затѣмъ, поцѣловавъ у ней руку, хотѣлъ удалиться въ свой кабинетъ, когда дочь весело сказала:

- Оставайтесь еще, папа, лучшая пьеса скоро начнется.
- Это какая пьеса? и старикъ противъ воли усѣлся въ кресло.
- Une proverbe: Обрученные I promessi Sposi. Владиславъ сейчасъ прѣдетъ со своимъ другомъ-управляющимъ.
- А! я его видѣлъ. Онъ вчера глядѣлъ къ намъ изъ кресель.
- Именно. Оставайтесь. Киньте бумаги!
- Шалунья, когда перестанешь сердить Владислава?
- Когда онъ меня перестанетъ сердить. Онъ устраиваетъ мнѣ экзаменъ и везетъ съ собой профессора.
- Душа моя, Тальгофъ умный человекъ. Говорятъ, что онъ сочинялъ книги.
- Прочитайте сперва, а потомъ хвалите. Я не знала, что вы читаете книги!
- Онъ человекъ очень добрый.
- Это мы сейчасъ испытаемъ.
- Ты ему полюбилась, я это замѣтилъ въ театрѣ.

— Съ такой наружностью можно любить дерево, холмъ, ручеекъ, но никакъ не женщину!

И старикъ расхохотался до слезъ. Дѣйствительно, выходка Мери была очень недурна, по французски.

— Папа! вниманіе. Слышите, звонятъ. Курите—не обивайте меня.

Къ нѣкоторому неудовольствію Мери, Осипъ Карловичъ, сопровождавшій Владислава, вошелъ въ комнату очень прилично. Онъ уже пережилъ тѣ годы, когда мужчина еще можетъ быть смѣшонъ своими несвѣтскими манерами. Еслибъ Марья Александровна поменьше отдавалась впечатлѣніямъ минуты и была повнимательнѣе ко всему около нея происходящему, на нее бы лучшимъ образомъ подѣйствовалъ видъ простодушной радости, сіявшей на лицѣ гостя, и его свѣтлая, счастливая улыбка, выражавшая много душевной привѣтливости. Есть что-то безгранично-прекрасное въ старикахъ, юношахъ, въ добрыхъ мужчинахъ, прожившихъ свой вѣкъ безъ грѣха и укоризны, и если подобныя существа рѣдко попадаютъ въ жизни, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, ими производимое. Отецъ Марьи Александровны, не смотря на свои немного высокомерныя привычки, невольно всталъ съ своего мѣста, пошелъ на встрѣчу Тольгофу, и взявши его за обѣ руки, самъ подвелъ его къ дочери. Владиславъ, начавшій рекомендацію довольно шуточно, незамѣтно перешелъ въ другой тонъ и сказалъ только: «нашъ старшій братъ, миссъ Мери». Все это не пришлось по сердцу избалованной дѣвушкѣ. Марья Александровна, по какому-то инстинкту, враждебно глядѣла на всякое проявленіе теплаго чувства. Все-таки она дружески привѣтствовала гостя и снисходительно выслушала его рассказъ о томъ, какъ онъ давно о ней думаетъ и даже въ мысляхъ своихъ не разъ бесѣдовалъ съ нею.

— Боже мой, о чемъ со мной бесѣдовать! наивно отвѣтила она и притомъ надула губки по дѣтски.—Владиславъ столько разъ говорилъ, что я ничего не знаю, ни о чемъ не способна долго думать...

— Я исключая наряды, шутия перебилъ Владиславъ, зацѣпивъ рукой кружева, еще не унесенныя изъ гостиной.

— И вотъ онъ такъ всегда со мной говоритъ! ушло замѣтила невеста, робко поднимая глаза и разомъ озаривъ Тальгофа своимъ яснымъ взглядомъ:—я васъ давно ждала. Я знаю, что вы будете моимъ постояннымъ заступникомъ.

— Это Плесси, это madame Альберъ! бормоталъ старикъ отецъ,

едва имъя силы скрывать свое восхищеніе. Дѣйствительно, бойкая, подчасъ безжалостно-насмѣшливая Мери, изъ неизвѣстныхъ причинъ прикидываясь какой-то наивной простотою, выказывала истинный сценическій талантъ! И лицо ея глядѣло какъ-то ребячески, и губы сжимались по институтски и въ голосъ звучало что-то нетвердое. Мало того, Мери уловила и передала на своемъ лицѣ нѣкоторыя черты, принадлежащія дѣвушкамъ нѣмецкаго происхожденія, какъ-то: постоянно удивленные глазки и особенную улыбку этихъ дѣвицъ, улыбку какъ будто боязливую.

Больше не нужно было для Тальгофа. Марья Александровна, безъ вниманія пропустивъ золотую сторону челоуька, съ двухъ взглядовъ подмѣтила всѣ легкія стороны его характера, и дѣйствовала имъ сообразно. Осипъ Карловичъ, способный говорить по часамъ, и только о высокомъ значеніи женщины, въ жизни не могъ увлечься никакой женщиной, кромѣ женщины-ребенка. А съ этой точки зрѣнія его очаровала невеста Владислава. Снова воскресла передъ нимъ невинная лейпцигская дѣвушка старыхъ годовъ и Мери стала ему еще дороже. Онъ шутя объявилъ себя ея вѣчнымъ рыцаремъ и защитникомъ. Онъ объявилъ, что пониманіе тайнъ женскаго наряда есть искусство своего рода, и что женщина, любящая наряды, выказываетъ душу эстетически развитую. Онъ покривилъ душою безъ всякой надобности, единственно изъ любви къ невестѣ своего Владислава. Ему стало тепло и отрадно, онъ радовался за молодаго челоуька, а миссъ Мери, разомъ постигнувъ своего гостя, приняла манеры еще болѣе ребяческія и ласковыя. Она спросила Тальгофа о его трудахъ ученыхъ и о деревенскихъ занятіяхъ, рассказавъ по этому случаю какъ представляетъ себя деревню. Деревня по ея идеямъ, непременно должна быть украшена крошечнымъ домикомъ съ двумя окнами и трубою, изъ которой непременно идетъ дымъ. По сторонамъ домика стоятъ береза съ елкою, подъ елкой растутъ грибы. Вся эта болтовня дошла до того, что Осипъ Карловичъ началъ было подозрѣвать Марью Александровну въ некоторомъ тупоуміи, или по-крайней-мѣрѣ въ совершенной неразвитости. Предполагая, что съ такимъ простодушнымъ младенцомъ церемониться не стоило, Тальгофъ сталъ ласково расспрашивать дѣвушку о ея прошлыхъ и настоящихъ занятіяхъ, какъ можетъ лишь расспрашивать какой-нибудь заботливый старикъ свою родственницу, едва разставшуюся съ институтскою скамьею.

Такихъ только рвчей и хотѣла миссъ Мери. До сихъ поръ она была атакующею стороною и потому соблюдала осторожность, скорѣй рвзвась передъ Тальгофомъ, нежели надъ нимъ издваясь. Но съ той минуты, какъ старый чудакъ въ зеленыхъ перчаткахъ, книжный червякъ, никогда не бывавшій въ порядочномъ обществѣ, осмѣлился освѣдомляться о ея вкусахъ, занятіяхъ и образованіи, всякая насмѣшка становилась дѣломъ дозволеннымъ. Надо держать медвѣдей на почтительномъ разстояніи, кто не знаетъ этой истины? Надо предавать посмѣянію людей, стоящихъ посмѣянію и зазнающихся, чуть ихъ пустили туда, гдѣ имъ никогда бывать не слѣдовало бы! Тальгофъ, не графъ Поль Тальгофъ фонъ - Штроменбергъ, а бѣднякъ Тальгофъ, нищій и не имѣющій чина уродъ, осмѣливается экзаменовать Марью Александровну Озерскую! Управляющій Владислава, набившій глупыхъ идей въ голову жениха, въ дерзости своей рвшается устроить нѣкій контроль надъ понятіями будущей madame Ladislas Мерезинъ! Читательница согласится, что самонадѣянность была велика и стоила, если не жестокаго отпора, то самыхъ ядовитыхъ насмѣшекъ!

И за насмѣшками не стало дѣло, тѣмъ болѣе, что Владиславъ, о чемъ то бесѣдуя съ будущимъ тестемъ, не могъ положить своего veto въ самомъ разгарѣ комедіи. Миссъ Мери захватила своего собесѣдника и принялась мучить его, какъ развѣ лишь одна кошка способна мучить самого слабого и неловкаго мышенка. Въ какія нибудь пять минутъ разговора, Тальгофъ развѣ пять низвергался съ олимпійскихъ вершинъ въ пучину ужаса и недоумѣнія. Сейчасъ только сказавши Тальгофу, что обожаетъ поэзію и поэтовъ, Марья Александровна простодушно прибавила, что всякая женщина, пристрастная къ чтенію книгъ, должна имѣть видъ неопрятной фуріи, съ сигаркой въ зубахъ. За минуту назадъ она рассказала, со слезами на глазахъ, какъ она любитъ, запершись одна, въ сумеркахъ, импровизировать на фортепьяно и закончила замѣчаніемъ, что по ея всегдашнему мнѣнію, артистъ и шутъ значуть одно и тоже. Ей всегда казалось, что самая грустная роль въ обществѣ, роль дѣвушки. При дѣвицахъ не говорятъ ничего умнаго, дѣвицамъ не даютъ хорошихъ книгъ, дѣвицъ избѣгаютъ люди, известные своими талантами. Одинъ разъ ей захотѣлось послушать умныхъ разговоровъ; преодолевъ свою робость, она повѣхала въ одинъ домъ, гдѣ всегда сходились по вечерамъ художники и писатели. Но

ей не посчастливилось — она была уверена, что на такихъ собранияхъ происходитъ рукопашный бой между спорящимися свѣтлыми наука, ей сказали, что нынче и этого не бываетъ при ученыхъ спорахъ... Весь вечеръ прошелъ безъ всякаго шума — стояло ли послѣ этого видаться съ знаменитыми умниками!

Люди честные по душѣ имѣютъ одну великую привилегію передъ всеми смертными—свѣтлая броня, въ которую они облечены своимъ простодушіемъ, не пробивается ни мелкими эпиграммами, ни условными намеками, ни ядовитыми стрѣлами свѣтскаго празднословія. Счастливъ тотъ, кто носитъ подобную броню и безстрашно свершаетъ свой путь между пигмеевъ, слящихся проколоть его своими соломенками! Тальгофъ, котораго Марья Александровна, по своимъ понятіямъ, убила, засмѣяла, казнила и замучила, глядѣлъ на миссъ Мери съ озабоченнымъ видомъ, но съ яснѣйшею изъ улыбокъ. «Она умна, она насмѣшлива», съ радостью думалъ наставникъ Владислава. «Она не воспитана вовсе, она дитя, но дитя съ игривой натурой, въ ея рѣчахъ нѣтъ смысла, но онъ показываютъ независимый духъ и веселость душевную. Что будетъ изъ нея черезъ годъ послѣ дѣльнаго супружескаго воспитанія?» И онъ почувствовалъ себя какъ дома — потому что больше всего боялся найти въ Мери безцвѣтность и пошлость рутиннаго воспитанія, а этихъ недостатковъ въ невѣстѣ вовсе не было.

Когда Владиславъ кончилъ свой разговоръ съ генераломъ о свадебныхъ приготовленіяхъ и подѣлъ къ Мери, то засталъ странныя отношенія между невѣстою и своимъ пріателемъ. Миссъ Мери дулась, понапрасну выпустивши цѣлый запасъ колкостей, между тѣмъ какъ Осипъ Карловичъ, развеселившись и разболтавшись, успѣлъ вытащить изъ сокровищницы своей памяти двѣ или три заповѣднѣйшія исторіи своей юности. Тальгофъ многое видѣлъ на своемъ вѣку, но для гостиныхъ (и то только самыхъ дружескихъ гостиныхъ) у него имѣлись только три никогда не измѣняющіеся разсказа — первый про знакомство съ Гегелемъ, второй про странствованіе около Дрездена съ семействомъ пѣвицы Вильгельмины и третій про его дуэль въ Геттингенѣ. Мери слушала внимательно, кусала губы, ахала, перебивала разсказъ шутками и наконецъ выдала себя Владиславу по поводу одной подробности. Услыхавъ, что геттингенская дуэль произошла въ слѣдствіе философской полемики между двумя профессорами психологін, она вскрикнула, схватилась за платокъ и цѣ-

мый океанъ лукавой, даже злой насмѣшливости выразился въ ея вспыхнувшемъ взглядѣ.

— Мери, Мери, тихо произнесъ Владиславъ, подсматрѣвъ этотъ взглядъ:— душа моя Мери, вы играете въ опасную игру!

— Нѣтъ, это вы играете въ опасную игру, Владиславъ Сергѣичъ, быстро перебила невѣста, — вы положили свою вѣчную сигарку почти что на мое кружево. Дайте его сюда, — и Марья Александровна схвативъ дорогое издѣліе со стола, уложила его на колѣни.

— Вы меня испугали съ этой дрянью, сказалъ женихъ, показывая видъ, что нарочно хочетъ отнять сквозныя тряпочки, такъ дорогія для дѣвицы.

— Какъ, это дрянь? быстро спросила Марья Александровна. М-г Тальгофъ, заступитесь за меня, такія обиды я терплю всякій день. Ladislas бранитъ мой вкусъ, смѣется надо всѣмъ, что только мнѣ нравится. Вы такъ много видѣли, такъ много знаете... вы меня спрашивали и про музыку, и про то, какъ мнѣ читали географію. Дайте же и мнѣ задать вамъ вопросъ въ мою очередь. Скажите, неужели это дрянь, какъ выражается мой женихъ, со всегдашней своей вѣжливостью?

И она представила кружево передъ самые очи Осипа Карлыча, простодушно улыбнувшася при видѣ этихъ запачканныхъ, перепутанныхъ цвѣтковъ и кружечковъ, крѣпкихъ почти какъ проволока.

— Ну, скажите, хорошо ли это? продолжала лепетать Мери.

— Ха, ха, ха, ха! ласково проговорилъ Тальгофъ, очевидно желая потѣшить капризную дѣвочку: — хорошо, хорошо, очень хорошо, жаль, что я раньше не зналъ вашего вкуса. У нашей одной помѣщицы въ домѣ плетутъ такія славныя работы...

Тутъ ужъ не могла удѣржаться m-me Marie. Въ послѣдній разъ щадя чудака, или можетъ быть слишкомъ презирая его въ эту минуту, она обратилась къ одному Владиславу:

— Ахъ! сказала она, выпрямившись на кушеткѣ и открыто выразивъ на лицѣ всю безпредѣльную иронию, врожденную ея натурѣ:— ah! cher Ladislas, я васъ поздравляю отъ всего сердца. Вы рѣшились сегодня устроить мнѣ экзаменъ, заставили меня говорить объ искусствѣ и Богъ знаетъ о чемъ, а сами не умѣете отличить алансонскихъ points отъ дряни. Вы сейчасъ чуть не сожгли вещи, надъ которой можетъ быть десять артистокъ, et artistes véritables, потеряли зрѣніе. Вы очень хорошо знаете пси-

холодно, но не мѣшало бы вамъ знать, для меня по-крайней-мѣрѣ, что старыя кружева рѣдкость изъ рѣдкостей, что ихъ нѣтъ ни въ производствѣ, ни въ продажѣ, что поддѣлать стараго кружева не умѣетъ ни одинъ человекъ въ мѣрѣ! Вы не разъ дѣлали мнѣ десять умныхъ вопросовъ, а я только разъ задала вамъ одинъ вопросъ, понапрасну! Не забудьте же напередъ — прежде, чѣмъ являться наставникомъ двушекъ, выучитесь сами сперва знать толкъ въ кружевахъ по-крайней-мѣрѣ. Sur ça, je prie Dieu de vous avoir en sa sainte garde!

И она вышла изъ залы, смѣясь, унося кружево и слегка выгибаясь тѣломъ къ отцу, совершенно какъ актриса, знающая, что восторженная публика вызоветъ ее двѣнадцать разъ къ ряду. И точно, папа ощущалъ необъятное наслажденіе, и даже—что трудно было предполагать—Осипъ Карловичъ Тальгофъ смѣялся до слезъ, кашляя и говоря Владиславу: «а, а, мой дорогой юноша, вспомни—ка нашъ вчерашній разговоръ о женщинахъ и ихъ сферахъ!» Одинъ только Владиславъ стоялъ молча и угрюмо потупивъ голову. Наставникъ его хохоталъ, а онъ страдалъ за своего наставника. Шутка обыденная и извинительная въ свѣтъ не всегда можетъ быть дозволена съ натурами гордыми и юными. Добрый отецъ Мери понялъ это, и со врожденной ему любезностью, посившимъ обратиться къ обоимъ гостямъ.

— Не сердитесь на мою Плесси, сказалъ онъ, трепля по плечу Мережина:—это ужь ея утренняя порція. Васъ она сегодня бранила за кружево, а меня кольнула поутру за то, что мнѣ новыхъ книгъ читать некогда. За то она весь день съ нами, мы не объедаемъ у Сергѣя Юрьевича.

Обѣдъ прошелъ весело и добропорядочно, хотя бы могъ пройти лучше. Мери ни разу не поддразнила жениха, а съ другомъ его вела себя весьма любезно. Но всѣмъ было какъ-то неловко, Владиславъ разъ пять задумывался, съ нетерпѣніемъ ждалъ конца вечера, и послѣ чая довольно сухо шепнулъ Тальгофу, что хочетъ побесѣдовать съ Мери наединѣ, передъ ея выѣздомъ на балъ, куда самъ не поѣдетъ.

IV.

Оставшись одинъ въ гостиной и поджидая невесту, удалившуюся наряжаться въ уборной, Владиславъ Сергѣичъ почувствовалъ, что волненіе, съ утра начавшееся въ его сердцѣ, обратилось въ бурю довольно значительную. Онъ сердился разомъ и

на невѣсту и на своего ученаго друга: никогда еще, по его мнѣнію, Осипъ Карловичъ не являлся такимъ устарѣлымъ педантомъ, такимъ многоглаголивымъ фантазеромъ, какъ въ этотъ день. Насмѣшки умныхъ дѣвушекъ всегда безжалостны, какъ и насмѣшки бойкихъ дѣтей,—онѣ бьютъ съ особенной силой; насмѣшливыя женщины рѣдки, ихъ шутивыя выходки всегда искренни. Мужчина можетъ осмѣивать другихъ людей изъ зависти, разчета, нахальства, стремленія блеснуть остроуміемъ; давая волю злости своего языка, онъ только подрываетъ свой собственный кредитъ, весьма ослабѣвшій съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ кишитъ Мефистофелями въ круглыхъ шляпахъ и лордами Байронами, состоящими при разныхъ департаментахъ. Тысячу разъ блестящая молодежь шутила надъ Тальгофомъ въ присутствіи Владислава, ощущавшаго одно презрѣніе къ преслѣдователямъ своего наставника, и вдругъ при небольшой шуткѣ двадцатилѣтней дѣвушки, онъ начинаетъ самъ злиться на дорогаго ему человека. Мережинъ вскочилъ съ дивана, онъ не могъ сидѣть въ спокойномъ положеніи, такъ было ему больно и горько. Въ эту минуту вошла Марья Александровна во всемъ блестящемъ вечерняго наряда.

— Хороша ли я? спросила она, становясь противъ зеркала и дѣлая знакъ, чтобъ женихъ приблизилъ къ нему все свѣчи.

— Мери, сказалъ Владиславъ, не заботясь о свѣчахъ и не покидая своего мѣста у камина, къ которому стоялъ прислонившись:—я сегодня сердитъ на васъ выше всякой мзры. Дуться я не умѣю, а потому простите, если я, можетъ быть, выскажу что нибудь лишнее. Вы сегодня сдѣлали дурное дѣло, вы напали на слабаго. Вы осмѣяли и унизили (даже въ моихъ глазахъ, я не скрою этого) чудака, который въ свое время сдѣлалъ много хорошаго, а для меня былъ больше, нежели отцомъ. Когда все это кончится, душа моя, Мери? Долго ли мы съ вами, какъ какіе-то влюбленные враги, будемъ и любить и мучить другъ друга?

— Это что-то новое, возразила Марья Александровна:—какія мученія и какіе влюбленные враги? Не открыли ли вы между нашими семействами какой нибудь древней ненависти?—это было бы очень занимательно.

— Не между семействами, а между понятіями нашими, продолжалъ Владиславъ, по обычаю, отклоняясь отъ первоначальнаго вопроса, то есть отъ шутокъ Марьи Александровны надъ

Тальгофомъ. Другъ мой, сердца наши за одно, но умы кипятъ въчной борьбою. Вы — представительница свѣта, который васъ увлекъ, ослѣпилъ, поработилъ и надъ которымъ вы рано или поздно хотите властвовать. Я не люблю и никогда не любилъ свѣта, не нуждаюсь и не нуждался въ свѣтъ. Въ настоящее время особенно, выбравъ себѣ двушку по сердцу, забочусь о немъ менѣе, чѣмъ о китайской имперіи. *Suivez mon raisonnement, Marie.* Свѣтъ вообще не любить, даже немножко ненавидитъ людей, не питающихъ къ нему расположенія.

— Много чести для этихъ господъ, перебила невѣста:—мнѣ кажется, свѣтъ о нихъ и думать не хочетъ?

— Замѣьте, какъ мое замѣчаніе вамъ не полюбилось; я не напрасно называлъ васъ представительницей свѣта. И такъ, свѣтъ не любить независимыхъ людей. Свѣтъ бываетъ глупъ, продолжалъ Владиславъ съ нетерпимостью юности. Цвѣтокъ не въ силахъ жить безъ корня, а некрасивый корень можетъ виться въ землѣ и питать все растеніе, если на немъ и не будетъ цвѣтка. Свѣтъ, вашъ высокій свѣтъ, не хочетъ думать обо всемъ этомъ.

— За то, быстро отвѣтила Мери съ бойкостью юношескаго ума, схвативъ противоположную сторону вопроса:—вы, независимые господа, правы, во всемъ правы, всегда правы? Свѣтъ о васъ не думаетъ, и онъ глупъ, по вашему рѣшенію. Вы отлично начинаете свою независимую карьеру, ожидая, чтобъ свѣтъ, вашъ высокій свѣтъ, сталъ передъ вами на колѣни, за то, что вы надъ нимъ подсмѣиваетесь! Однако, Боже мой! о чемъ мы говоримъ цѣлый часъ! а я не хочу прѣхать на балъ съ головной болью. Знаете ли, Владиславъ, что вы говорили очень мило и очень хорошо? Я советую вамъ сегодня говорить въ такомъ родѣ, *c'est le genre methodiste, ça plait, dans les jeunes gens* и мнѣ за васъ весело.

— И вы говорите такъ, какъ я не ожидалъ, Marie, но извините меня, кончили очень худо. Неужели вы отъ души советовали мнѣ сдѣлать роль изъ моей жизни, а изъ моихъ понятій какой-то философскій романъ, для поднесенія его по страничкамъ разнымъ любительницамъ оригинальностей? Неужели вы не сообразили, что всякій порядочный человекъ скорѣй умретъ, чѣмъ рѣшится на такой поступокъ?..

— Умереть! умереть! весело сказала Мери, кокетничая и какъ-то особенно шевеля плечами (обычный ея жестъ, повергавшій въ восторгъ счастливаго жениха), вы сегодня необыкновенно милы,

даже говорите о смерти, что я очень люблю. Прощайте, отец идетъ, пора вхвать. Являйтесь черезъ четверть часа, встретьте меня тотчасъ же, будьте одѣты превосходно, танцуйте со мной мало, говорите много и во всякую свободную минуту, къ Павлу Антоновичу не ревнуйте, сверхъ того вамъ разрѣшается вполочиться за старухами, только не за одной, а за двумя или тремя въ одно время....

— Довольно, довольно, Бога ради, вскричалъ женихъ, пошеволь раскохотавшись и не имѣя духа слушать всю эту болтовню хладнокровно:—вы забыли только объ одномъ, Мери. Я сегодня работаю. Мое порученіе не кончено—я лѣнился весь день, балъ обойдется безъ моей персоны.

Марья Александровна подступила къ молодому человѣку, представляя, что сердится, и дѣйствительно сердясь немного.

— Это капризъ или вызовъ на ссору? спросила она Владислава.

— Ни то, ни другое, сухо отвѣтилъ Мережинъ: — капризничать я не стану, а предлоговъ для ссоры у меня сегодня было слишкомъ много и безъ этого.

— Вы опять про своего управляющаго,—оставимъ это. И вы не хотите быть сегодня на балъ, гдѣ васъ ждуть, гдѣ вамъ полезно быть, гдѣ наконецъ приличіе требуетъ, чтобъ вы были вмѣстѣ со мною?

— Приличіе ничего не требуетъ, Маріе. Какъ невѣста, вы имѣете полное право не вздѣть на балы, а сидѣть дома: я бы могъ кончить работу при васъ и ужинать съ вами.

— Работу, работу! перебила дѣвица: — а не отъ вашего ли непостижимаго упрямства происходитъ то, что васъ заваливаютъ работой и утромъ и ночью? Развѣ вамъ не предлагали мѣста у моего дяди?

— Объ этомъ предметѣ, милая Мери, чѣмъ меньше будете вы говорить, тѣмъ лучше будетъ. Въ жизнь мою я не просилъ никого ни о чемъ, и теперь просить не стану. Мѣстомъ я тоже доволенъ, занятіями тоже, — товарищами еще болѣе.

— Товарищи при васъ останутся, вы будете приглашать ихъ къ себѣ, если это люди прядочнаго круга.

Миссъ Мери знала, что послѣдними словами зацѣпить Владислава за живое, но онъ только посмотрѣлъ на нее прищурясь и сказалъ съ легкой усмѣшкой: «Боже мой, кто могъ такъ испортить мою когда-то добрую и тихую Мери!»

Лучшаго отвѣта и дать не могъ Владиславъ. Краска невольнаго смущенія бросилась въ лицо дѣвушки; всегда бойкая на отвѣтъ, Марья Александровна не нашла ничего колкаго, чтобъ сказать въ эти минуты, и въ слѣдствіе того разгнѣвалась.—Я теряю время, которое могла бы провести во сто разъ лучше, произнесла она быстро оправившись, и такъ одно слово, Владиславъ Сергѣвичъ: будете вы на балѣ или не будете?

— Не буду, Марья Александровна.

— Прощайте же. И невѣста хотѣла уйти изъ комнаты, но подумавъ немного, вернулась и положила жениху объ руки на плеча. «Владиславъ, сказала она, вы можете считать меня капризною, испорченною, пожалуй дерзкой дѣвушкой, но вы будете не правы. Я можетъ быть ошибаюсь во многомъ, но правы ли и вы, дорогой другъ? Съ нѣкоторыхъ поръ пропала вся ваша деликатная уступчивость. Вы стали съ какимъ-то наслажденіемъ дѣлать все мнѣ наперекоръ, нападать на людей, которыхъ я люблю, на свѣтъ, гдѣ меня любятъ и ласкаютъ, на мои понятія, на мои заботы о васъ. Нельзя выходить изъ круга, въ которомъ мы родились, нельзя пренебрегать имъ, чтобъ онъ не пренебрегъ и нами. Будемъ говорить яснѣе: вамъ надоели частые выезды, вы зѣваете на балахъ, вы называете всю балыгую молодежь дураками, вы говорите, что вамъ ничего не надо, что, выбравши себѣ невѣсту по душѣ, вы заботитесь о свѣтѣ меньше, чѣмъ о Китаѣ, а о моихъ родственникахъ и друзьяхъ семейства нашего меньше, чѣмъ о мандаринахъ. Я готова съ вами согласиться, что эти почтенные люди точно похожи на мандариновъ, но если на свѣтѣ нельзя жить безъ мандариновъ? Вы эгоистъ, cher Ladislas, хотя эгоистъ милый и восторженный. Вы думаете о себѣ только, подумайте же немного и обо мнѣ. Мнѣ пріятно быть за человѣкомъ, котораго бы все уважали, которому бы завидовали, котораго бы и немного боялись, который былъ бы силенъ въ свѣтѣ. Я не люблю розовыхъ кустовъ и не понимаю Аркадію. Мы должны жить въ свѣтѣ и имѣть въ немъ почетное мѣсто, а чѣмъ достигнуть этого, если не связями и жизнью въ обществѣ? Вы умны, надо, чтобъ свѣтъ васъ зналъ и видѣлъ, на тотъ случай, когда умные люди ему понадобятся. Вы честный и хороший человѣкъ: пусть же люди видятъ и знаютъ, что между ними живетъ честный человѣкъ, котораго забывать не позволено. Пока вы хороши и молоды, пока вамъ двадцать-пять лѣтъ и вы меня любите, я совершенно довольна и вами, и тѣмъ обще-

ственнымъ положеніемъ, какое вы мнѣ дадите. Но вамъ не вѣчно будетъ двадцать-пять лѣтъ, и вамъ нельзя вѣчно слыть подь названіемъ *le petit* Мережинъ. Это имя теперь ласковое, черезъ десять лѣтъ будетъ насмѣшливымъ именемъ. И если васъ черезъ десять лѣтъ въ свѣтъ все-таки стануть звать *le petit* Мережинъ, то повѣрьте, что въ этомъ прозваніи для меня будетъ немного лестнаго...»

Владиславъ Сергѣичъ поцѣловалъ обѣ руки невесты. — Ахъ, Мери, Мери, сказалъ онъ въ свою очередь, какъ щедро надѣлялъ васъ Богъ, и какъ много счастья найдете вы въ жизни, если умъ вашъ будетъ направленъ такъ, какъ слѣдуетъ! Еслибъ вы давно вздумали говорить со мной такимъ образомъ, не подсмѣиваясь и не затрогивая моихъ убѣжденій, какъ скоро положили бы мы предѣлъ нашимъ вѣчнымъ несогласіямъ? Слушайте теперь, Marie, мой взглядъ на вещи. Мы любимъ другъ друга, я люблю васъ страстно, буду любить долго и чувствую въ себѣ достаточно силъ, чтобъ долго вамъ нравиться. Счастіе наше въ насъ самихъ, а не въ свѣтъ, съ свѣтомъ самое лучшее проститься, выбравъ изъ него небольшое число людей, къ которымъ мы чувствуемъ истинную привязанность, и окруживъ себя этими людьми. Теперь о блескѣ, о значеніи въ обществѣ, о положеніи, которое намъ доставятъ наши вывзды и труды вашихъ дядей и бабушекъ. Вы забыли одно важное обстоятельство, Мери — звкъ чловька не дологъ. Еслибъ мы съ вами имѣли въ виду прожить сто лѣтъ, я охотно истратилъ бы часть этихъ годовъ на завоеваніе себѣ почета, огромнаго богатства, свѣтской зависти. Но молодость, пора наслажденія, для насъ пройдетъ быстро, чрезъ двадцать лѣтъ мы уже будемъ жить дѣтьми нашими, ихъ успѣхами и радостями. Еслибъ я былъ бѣденъ, я не далъ бы себѣ минуты отдыха, выбился бы изъ силъ для того, чтобъ добыть вамъ независимость и общее уваженіе, но мы съ вами имѣемъ все это, нашъ долгъ *жить* и не заграждать дороги тѣмъ, которые еще трудятся и пробиваются впередъ, ищутъ любви и поля для полезной дѣятельности. И такъ, Marie, чрезъ двадцать лѣтъ мы пустимъ впередъ дѣтей нашихъ, а сами, по прежнему, станемъ имѣть въ рукахъ тысячи средствъ на добро, всякой день нашъ будетъ приносить съ собой пользу и тихія радости. Имѣнія наши велики, и сколько разъ говорилъ я вамъ про то...

— То-есть, перебила невеста, досадуя на отца, копавшагося

въ кабинетъ и вымѣщая свою досаду, по обыкновенію:—то-есть, вы заранее опредѣляли себѣ путь, на которомъ не встрѣтите ничего, кромѣ скуки и праздности. Сперва романъ безъ развязки и завязки, а потомъ сельское уединеніе, то-есть попросту — сидѣнье въ грязной глуши. И вы думаете, что мнѣ подъ старость будетъ очень пріятно смотрѣть, какъ мой супругъ гоняетъ собаку въ деревнѣ?

Эта истинно жалкая и возмутительная выходка низвела Владислава Сергѣича изъ седьмага неба въ преисподнюю. Какъ могла Мери, съ ея яснымъ умомъ, произносить рвчи, достойныя глупаго ребенка или уродливаго фата; какъ давалась ей способность отъ прямаго, тонкаго пониманія вещей, перескакивать къ постыднѣйшимъ заблужденіямъ? Не имѣя силъ продолжать разговора, начатаго такъ искренно, молодой человекъ взялъ шляпу и на лицъ его, въ первый разъ при невѣстѣ, показалось выраженіе тоскливаго, неописаннаго отвращенія. Мери поняла этотъ нѣмой упрекъ и отвѣтила на него холодной улыбкой, однако оба собесѣдники дружески пожали другъ другу руки, и условились провести завтрашній день вмѣстѣ. Передъ уходомъ, Владиславъ произнесъ довольно грустнымъ голосомъ: Мери, вы, можетъ быть, станете смѣяться, но я долженъ васъ увѣдомить, что по моему мнѣнію, наша привязанность въ опасности. Я бы скорѣе рѣшился видѣть между нами двухъ злодѣевъ и трехъ свирѣпыхъ гонителей! До сихъ поръ, по милости Божіей, не было въ теченіи нашихъ отношеній ни одного событія, которое поставило бы насъ прямо одинъ противъ другаго. Ссоры наши выходили изъ пустяковъ, но что будетъ съ нами, когда намъ обоимъ придется рѣшаться, думать и дѣйствовать?

— Мнѣ до этого дѣла нѣтъ, отвѣтила невѣста, мнѣ перемѣняться поздно, я всегда буду одинакова.

— И я не перемѣнюсь, Мери, возразилъ женихъ въ свою очередь, мнѣ перемѣняться не поздно, а безчестно, и болѣе чѣмъ безумно.

— Ну, ну, ѣдемъ же, ѣдемъ, перебилъ Александръ Филипповичъ, озаривъ всю гостиную своими звездами и эполетами:—вамъ двоимъ лишь бы болтать безъ толку, никто мнѣ и не напомнить, что уже половина двѣнадцатаго.

V.

Владиславъ Сергѣичъ, добравшись до подвѣзда, убѣдился въ

томъ, что его экипажъ не являлся изъ дома — кучеръ, по всей вѣроятности, не считалъ нужнымъ слишкомъ рано являться за своимъ баринномъ въ домъ его невесты. Погода стояла гнусная, извошниковъ, какъ всегда на англійской набережной, вовсе не было. Посмотрѣвши нѣсколько времени на свинцовое небо, изъ котораго снѣгъ валился хлопьями, нашъ женихъ отъ всего сердца пожалѣлъ о людяхъ, бросающихъ отрадную бесѣду у себя дома для путешествія по грязи въ чью нибудь чужую, наполненную чужимъ народомъ квартиру. Затѣмъ онъ вернулся въ снн, сбросилъ съ себя пальто и, боковымъ корридормъ пробравшись въ кабинетъ хозяина, расположился въ немъ по праву стараго семейнаго друга. Работы, по правдѣ сказать, у молодаго чловѣка на этотъ вечеръ не было, онъ не ѣхалъ на балъ потому, что съ самаго обѣда чувствовалъ на душѣ что-то мертвое, ледящее, унылое. Къ сердцу его подступалъ тотъ иногда благотворный, иногда гибельный приливъ юношескаго унынія, при которомъ вся наша жизнь кажется погибшею, все наши привязанности уничтоженными. Въ жизненной войнѣ, на молодыхъ бойцовъ часто нападаетъ этотъ душевный недугъ, который бы надо назвать жизненной лихорадкою, отъ ея сходства съ путешной лихорадкою, саппон-fever, на первыхъ сраженіяхъ.

Бросивъ недокуренную сигару, Мережинъ сѣлъ передъ каминомъ и два часа просидѣлъ не шевельнувшись, думая только объ одномъ предметѣ, объ одной женщинѣ. Онъ ясно сознавалъ и признавался себѣ въ томъ, что горестна и трудна становилась его любовь къ Марьѣ Александровнѣ. Съ каждымъ днемъ наши обрученные приходили въ новое нравственное столкновение, и съ каждымъ днемъ душевныя силы Владислава изнурялись этой борьбою. Въ двадцать пять лѣтъ отъ роду трудно вести борьбу съ чѣмъ бы то ни было, въ двадцать пять лѣтъ отъ роду юноша пылокъ, силенъ въ натискѣ, но не можетъ имѣть того спасительнаго упрямства, безъ котораго не бываетъ полной побѣды. Владиславъ чувствовалъ, что, будь онъ старѣе десятью годами, онъ могъ бы играючи одолѣть все слабости Мери, устремить на добро ея тщеславіе, искоренить ея ребяческіе предрассудки, одна мысль о которыхъ теперь волнуетъ его желчь и кипятитъ гордую кровь. Можно сознавать свое безсиліе, но откуда взять силу и опытность? Все это говорилъ себѣ женихъ, сидя передъ каминомъ и съ мрачной стороны глядя на свое поведеніе относительно Мери. Взглядъ его былъ жестъ и

даже во многомъ слишкомъ строгъ. «Развивая мои идеи передъ Марьей Александровной», думалъ молодой человекъ, «я дѣйствую какъ чудакъ, стрѣляющій по бабочкамъ! Вся мои проповѣди длинны, и хуже всего то, что она сама начала считать меня за Донъ-Кихота. Откуда мнѣ взять нужнаго познанія, кто дастъ мнѣ дѣльный совѣтъ въ моемъ дѣлѣ, и наконецъ, развѣ я не имѣю права быть самимъ собою? Если я беру Марию какова она есть, отчего же она не хочетъ брать меня съ моею молодостью и моими недостатками! Что выиграю я, переломивши мою натуру и тягостно подлаживаясь, до времени, къ тѣмъ понятіямъ, которыя меня возмущаютъ! Имѣю ли я право хитрить въ дѣлѣ всей моей жизни, и наконецъ *какъ* должно хитрить, какъ должно дѣйствовать для того, чтобъ переменить милую мнѣ дѣвушку? Будь что будетъ, — можетъ быть я до-сихъ-поръ дѣйствовалъ глупо, но по мѣрѣ своихъ силъ, — прямодушно. Я не измѣню своего образа дѣйствій и шагу не ступлю съ дороги, которая кажется мнѣ прямою. Однако уже два часа — сколько времени я сидѣлъ не шевелясь и думалъ только о ней! Любопытно знать, много ли разъ вспомнила она обо мнѣ на сегодняшнемъ балѣ?»

Оставалось подождать еще полчаса, много часъ, и Марья Александровна должна была вернуться, но обыкновенно усталая, но обыкновенно чрезвычайно соблазнительная въ своемъ измятомъ нарядѣ, но по обыкновенію исполненная сухости и насмѣшливости. Миссъ Марія въ три часа ночи послѣ бала и на все слѣдующее утро безспорно принадлежала къ существамъ зловреднымъ, и грустно было слѣдить, до какой степени разрушительно дѣйствовали на все добрыя стороны ея характера какихъ нибудь четыре часа общей лести, болтовни, и можетъ быть усиленнаго физическаго движенія. Подумавъ обо всемъ этомъ, нашъ молодой пріятель вздохнулъ, наскоро свернулъ свои бумаги и письма, и снова почувствовалъ, что великая тоска хватаетъ его за горло. Онъ приказалъ подавать лошадей и торопливо сошелъ съ лѣстницы, будто боясь встрѣтиться съ возвращающимися хозяевами дома.

Весь городъ спалъ, и Владиславъ Сергѣичъ дохалъ до дома, не встрѣтивъ ни одного экипажа. Обыкновенно онъ любилъ эти долгіе перѣзды ночью, отъ невесты къ своей квартирѣ, в мысляхъ, и полудремоту, неразлучныя съ путемъ, и сладкія ожиданія завтрашняго дня, и другіе еще болѣе сладкіе помыслы. Но въ

настоящую ночь онъ не дремалъ и не могъ думать ни о чемъ хорошемъ; умъ его, столько часовъ находившійся въ лихорадочномъ и непріятномъ напряженіи, работалъ какъ-то болзненно, съ такимъ расположеніемъ ума лучше было не думать ни о чемъ, а прямо лечь въ постель. Но когда молодой человекъ подъѣхалъ къ своей лѣстницѣ, въ глаза ему бросился яркій свѣтъ, необыкновенный въ такую пору: всѣ окна его квартиры свѣтились во мракъ. Двигающіяся тѣни людей мелькали за стеклами, даже занавѣсы не были спущены,—признакъ чего-то необыкновеннаго. Въ передней встрѣтилъ Владиславъ двухъ своихъ старость, въ обычное время года являвшихся къ нему съ счетами, въ слѣдующей за тѣмъ комнатѣ стояло до десяти съдовласыхъ старцевъ въ крестьянской одеждѣ, которые, увидя молодаго человека, стали говорить всѣ разомъ, изображая на лицахъ выраженіе великаго отчаянія. Мережинъ догадался, что какая-то бѣда случилась въ его имѣніи; не привыкши къ худымъ извѣстіямъ, онъ измѣнился въ лицѣ, и непріятное чувство, подступившее къ его сердцу, еще болѣе усилилось при видѣ Осипа Карловича, кинувшагося ему на шею и сказавшаго по-нѣмецки: «Владиславъ, пришло время быть мужественнымъ, и я на тебя надѣюсь.»

Нечего и упоминать о томъ, что въ самомъ Тальгофѣ мужества не имѣлось ни капли. Еслибъ Владиславъ былъ и хладнокровнѣе и старше, такое начало навѣрное отняло бы у него великую часть хладнокровія. Съ невыразимо-тягостнымъ чувствомъ выслушалъ нашъ юноша рассказъ о пожарѣ, только что истребившемъ село, ему принадлежащее, со всеми хлѣбными запасами и постройками. Владиславъ Сергѣичъ едва удержался отъ слезъ. Онъ обратился къ крестьянамъ и хотѣлъ говорить съ ними, но совершенное незнаніе народной рѣчи и народныхъ понятій сковало его уста. Ему хотѣлось сказать ласковое слово, выразить всю свою готовность къ помощи и твердую рѣшимость поправить все дѣло, но слова его не слушались, фразы выходили все какія-то высокія и приторно ласковыя, а стыдливость, во сто разъ сильнѣйшая стыдливости всякаго мальчика на первомъ балѣ, дѣлала его рѣчь нескладною, безсвязною, просто непонятною. Это послѣднее несчастіе было послѣдней каплею въ сосудѣ дневныхъ огорченій. Не имѣя силы ни говорить, ни распоряжаться, ни думать, Мережинъ наскоро отпустилъ людей, кивнулъ головой Тальгофу и оставшись наединѣ, сталъ ходить по комнатѣ быстрыми шагами.

Первое горе пронеслось надъ его головою и кто изъ насъ не вспомнить почти съ отрадою о своемъ первомъ горѣ, объ отчаяніи, съ какимъ оно было встрѣчено, о дѣятельности имъ возбужденной, о поэтической тоскѣ, о жадѣ полного одиночества, которыя, Богъ знаетъ почему, приходятъ для насъ съ первымъ нашимъ горемъ? Владиславъ Сергѣичъ можетъ быть въ первый разъ отъ роду увидѣлъ себя въ положеніи, истинно печальномъ. Горькая тоска наполняла его душу, жизнь казалась ему тяжелою, сердце его рвалось къ пустынь, къ полному забвенію всей житейской невзгоды. Конечно, не извѣстіе о пожарѣ такъ перевернуло его молодую натуру; мы видѣли уже, что недугъ зрѣлъ давно, и подобно обыкновенному физическому недугу, только высказался весь при первой случайности. Но какъ бы то ни было, вѣсть, сейчасъ переданная Владиславу, дала новое направленіе мыслямъ его, около нея мгновенно сгруппировались все его помыслы, все симптомы душевной борьбы, задолго накопившейся въ сердцѣ юноши. «Пришла пора дѣйствовать» сказалъ онъ самъ себя, оправившись наконецъ отъ перваго волненія. «Надо чѣмъ нибудь кончить. Бѣда, про которую мнѣ сейчасъ сказали, налагаетъ на меня новыя обязанности. Изъ-за какого права я здѣсь сижу, мучаюсь, ссорюсь съ надменной дѣвочкой, между тѣмъ какъ сотни людей нуждаются въ моей помощи, въ моемъ присутствіи? У меня часто мелькала мысль вырваться изъ Петербурга во что бы ни стало, теперь я этого хочу, жажду изо всей силы.» И Владиславъ чувствовалъ, какъ отъ одного помысла про отдаленіе, про сельскую тишину, про родные лѣса, сердце его словно оживилось.

Въ это время дверь скрипнула и Осипъ Карлычъ тихонько вошелъ въ комнату. По его словамъ, надо было ему немедленно взхать въ имѣніе. Лошади были готовы, и онъ ждалъ своего друга только за тѣмъ, чтобъ проститься, но Владиславъ поспешилъ удержать добраго наставника. Хотя и Мережину бѣдствіе казалось далеко ужаснѣйшимъ, нежели оно было въ самомъ дѣлѣ, но молодой человекъ безъ труда понималъ, что Осипъ Карлычъ, съ его непрактическимъ умомъ, съ его способностью теряться, и на сельскую жизнь глядѣть сантиментальнымъ взглядомъ книжнаго добряка, будетъ только помѣхою тамъ, гдѣ нужны мѣры быстрыя и иногда строгія. Распросивъ пріятеля, Владиславъ убѣдился, что ему даже не пришло въ голову распорядиться помѣщеніемъ погорѣлыхъ мужиковъ по уцѣлѣвшимъ господскимъ

отроуіямъ. Тальгофъ вмѣсто того обдумывалъ планы новыхъ избъ и, пылая рвеніемъ немедленно приступилъ къ постройкамъ, предлагалъ сооружать ихъ не изъ строеваго лѣса, а изъ глины съ соломой и обыкновенной землею.

— Побойся Бога, да кто же строитъ избы зимою? спросилъ его Владиславъ, какъ будто по вдохновенію.

Тальгофъ удивленными очами взглянулъ на мальчика, и вдругъ, восторженно разпростерши руки, разразился такими словами:

— Владиславъ, я кладу передъ тобой оружіе. Ты молодецъ, но будешь истинно практическимъ человѣкомъ! Умъ твой схватываетъ сущность дѣла съ перваго взгляда. Приказывай, я вду сейчасъ и буду исполнять твои распоряженія!

— Милый Тальгофъ, сказалъ женихъ, невольно улыбувшись, я слишкомъ тебя люблю для того, чтобъ безъ совѣсти взваливать на тебя хлопоты. Мнѣ самому теперь нельзя сидѣть сложа руки. Я никогда не входилъ въ дѣла по имѣнію, однако и все же когда нибудь начинали, жаль только что начало мое такое тяжелое. О постройкахъ постоянныхъ теперь нечего думать, но къ самой ранней веснѣ у насъ должны быть въ готовности лѣсъ и все матеріалы. Деньги надо достать теперь, и какъ имѣіе не заложено, то оставшись здѣсь, ты обрабатываешь все дѣло въ двѣ-три недѣли. Завтра я беру отпускъ, потомъ отсрочку, потомъ ввѣроятно отставку и проживу въ Сергіевскомъ, пока не съѣлаю всего на своихъ глазахъ.

— А свадьба? а Марья Александровна? спросилъ Тальгофъ. Владиславъ подошелъ къ столу, написалъ на листкѣ бумаги нѣсколько словъ и сдѣлалъ изъ него крошечную записку.

— Вотъ къ ней письмо, сказалъ онъ—вся наша исторія въ этомъ клочкѣ тонкой бумаги. Пришло время рѣшаться и разъяснить дѣло. Если Мери истинно любитъ меня, она не откажется разделить первый мой трудъ, или если не разделить его, то по-крайней-мѣрѣ радовать меня своимъ обществомъ. Тогда я останусь недѣлю въ городѣ и приѣду въ деревню съ ней вмѣстѣ. Домъ въ Сергіевскомъ цѣль и намъ найдется помѣщеніе. А если она скажетъ хоть одно слово наперекоръ моему предположенію, мнѣ остается только пожелать ей...

— Владиславъ, Владиславъ! съ ужасомъ воскликнулъ Тальгофъ, это резко, это недостойно твоего яснаго ума!...

— Нѣтъ, сказалъ молодой человѣкъ, тяжело переведя духъ, взявъ руку Тальгофа и приложилъ ее къ своей головѣ:—ты ви-

дишь, что я въ лихорадкѣ; клянусь тебѣ честью, я имѣлъ эту лихорадку до моего прїѣзда домой, до неприятнаго извѣстія, какимъ вы меня здѣсь встрѣтили. Жить такъ, какъ я живу, невозможно долге. Моей силѣ на такую жизнь не станетъ. Мнѣ кажется, что я не трусь и безъ страха пойду на пулю, но ударовъ булавами я не въ состояніи выдерживать. Я не могу выносить положеній, неясно обозначенныхъ; я таю на маленькомъ огнѣ и задыхаюсь отъ мелкихъ оскорбленій. Я будто предчувствовалъ сегоднѣшнюю вѣсть, говоря послѣ твоего ухода, съ невѣстой. Ей пришло время рѣшиться и я не прочь подписать ея рѣшеніе. Ложись же спать, Осипъ Карлычъ, мы оба съ тобой замучились, я чувствую, что мнѣ теперь легче, что я засну черезъ минуту. Есть что-то успокоительное въ твердой рѣшимости. Нѣсколько недѣль не спалъ я такъ, какъ засну сегодня. Возьми записку и вели ее отправить къ Марьѣ Александровнѣ.

Читатель догадывается о содержаніи рѣшительной записки. Владиславъ излагалъ новость, безо всякихъ комментариевъ, прибавляя, что зайдетъ къ Мери, рано поутру, для того, чтобъ толковать на свободѣ. Противъ его воли, въ послѣднихъ строкахъ посланія сквозилъ намекъ на послѣднія слова вчерашняго разговора. Владиславъ Сергѣвичъ не признавалъ надобности ни въ дипломатіи, ни въ терпѣніи, ни въ поджиданіи своего часа. Чтожь дѣлать? ему было двадцать пять лѣтъ, онъ прїѣхалъ домой въ лихорадкѣ и вмѣсто прохладительной микстуры, проглотилъ печальную вѣсть о пожарѣ въ своемъ имѣніи!

VI.

— Встала Марья Александровна? спросилъ Владиславъ Сергѣвичъ, къ двѣнадцати часамъ утра входя въ пріемную Озерскихъ и останавливая маленькую черноглазую горничную, которая, подобно муравью, съ легкостью тащила двѣ картонки, едва ли не превосходившія ее самое по объему.

— Барышня не велитъ себя будить никогда, отвѣчала субретка, и раздраженной фантазіи жениха показалось даже въ ея голосѣ сухо-насмѣшливое выраженіе, заимствованное отъ миссъ Мери.

— Да встаетъ же она когда нибудь, наконецъ?

— Барышня сама просыпается, былъ отвѣтъ, напомнившій Владиславу великую измѣненность его будущей супруги. Дѣйствительно, Марья Александровна, какъ-то открывши, что мыслъ:

«меня придуть будить въ такомъ-то часу», мѣшаетъ ея успокоенію, строго воспретила своимъ прислужницамъ входить въ ея комнаты до звонка, иногда раздававшагося въ одиннадцать, когда въ часъ, а по временамъ и въ два часа по-полудни.

— Это рѣшительно невыносимо! произнесъ Владиславъ Сергѣичъ, неизвѣстно почему желая опрокинуть зловѣщія картонки и сокрушить всѣ эфирныя издѣлія, въ нихъ находящіяся: — получила ли она по-крайней-мѣрѣ мою записку, Катя?

— Онъ еще не ложились, когда пришла записка, я сама ее подала.

— Что же сказала барышня?

— Онъ сказали — хорошо.

— Въ самомъ дѣлѣ хорошо! повторилъ женихъ, направляясь въ кабинетъ генерала. Деревня горитъ—хорошо, женихъ бѣсится—еще лучше. Я удивляюсь, чего смотритъ этотъ старый чудакъ, нашъ будущій папенька! Боже мой, когда у меня будетъ дочь такихъ лѣтъ, я ее выучу вставать съ пѣтухами, на всякій случай!

Родитель миссъ Мери, по обыкновенію, былъ сильно занятъ дѣлами. Расказъ Владислава о сгорѣвшемъ селѣ выслушалъ онъ понюхивая табакъ и потомъ сказалъ очень умныя слова: «ты еще горячъ, Владиславъ Сергѣичъ, слушая тебя, можно подумать, что весь свѣтъ провалился. Имѣніе не заложено, и вотъ ресурсъ для поправки дѣла. Я впрочемъ хозяйствомъ никогда не занимался, а тебѣ совѣтую поговорить съ людьми знающими. Хочешь, я напишу, чтобъ мой управляющій къ тебѣ перешалъ?»

— Но, ваше превосходительство, перебилъ его Мережинъ, — неужели вы не знаете, что вашъ управляющій первый плутъ во всей губерніи?

— Такъ чегожъ ты наконецъ хочешь? спросилъ генералъ, нисколько не обижаясь такимъ отзывомъ. Плутъ онъ конечно, а гдѣ найдешь честнаго? Създи самъ, да все-таки возьми съ собой кого нибудь постарше.

— На этой мысли я и остановился, сказалъ молодой человекъ; по моимъ соображеніямъ, надо самому выжить болѣе года въ деревнѣ. Мнѣ хотѣлось бы на этотъ счетъ поговорить съ Марьей Александровной. Свадьбу мы ускоримъ немного, и я надѣюсь, что она не откажется раздѣлить мое сельское уединеніе. Отчего же не пожить намъ верстъ за четыреста отсюда?

Это наконецъ необходимо и для дѣль, и для ея слабаго здоровья.

Папа прослушалъ все и сказалъ, покачавъ головою.

— И пробовать не совѣтую. Доктора сто разъ приказывали Машѣ жить на свѣжемъ воздухѣ... За то теперь къ намъ не ходить ни одного лекаря.

— Какъ же вы не настояли, какъ вы не убѣдили ее?.. спросилъ Владиславъ, встревожившись.

— Полно говорить пустяки, отвѣтилъ генераль, роясь въ бумагахъ.

— Александръ Филипычъ, выслушайте меня, началъ женихъ, ближе сядя къ генералу и взявши объ его руки съ лаской сына: — не сердитесь на меня, позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о дочери вашей. Я точно думаю увезти вашу Мери далеко отъ васъ, далеко отъ города и свѣта, — но вотъ вамъ слово любящаго ее человѣка, я скоро привезу ее къ вамъ во всемъ блескъ здоровья и красоты, на мѣсто общей нашей капризницы, мы опять найдемъ нашу тихую, добрую Мери, которую мы любили, когда ей было четырнадцать лѣтъ отъ роду, когда она ходила еще въ панталончикахъ и съ золотымъ крестикомъ на худенькой груди. Подумайте, что будетъ съ нашей красавицей впереди, если она еще долго будетъ жить по своему, не зная ни дня, ни ночи, мучить меня и васъ, представлять изъ себя какую-то львицу и наездницу, даму между двѣми лицами, избалованную модницу между невестами? Я выбралъ сегодняшнее утро для рѣшительнаго объясненія и для рѣшительной мѣры. Одобряете ли вы мой взглядъ на вещи, по сердцу ли вамъ придетъ то, что я дѣлать намѣренъ?

Старикъ былъ растроганъ и сердцемъ своимъ находился за одно съ женихомъ, но считалъ неприличнымъ открыто одобрить планы такого молодаго человѣка. Сверхъ того Александръ Филипповичъ, довольно благоразумный во всѣхъ случаяхъ жизни, не до него лично касающихся, давно уже считалъ всѣ заботы о себѣ, своихъ дѣлахъ и своей дочери чѣмъ-то лишнимъ и крайне утомительнымъ. Эта странная лѣньность, даже близкая къ неряшеству, часто встрѣчается у людей подаровитве старика Озерскаго, но вполне отдавшихъ или службѣ или наукѣ. Считаюсь честнымъ человѣкомъ и не дурнымъ начальникомъ, отецъ Марьи Александровны ввѣрялъ свое состояніе плуту, всеми признанному за плута и отовсюду изгнанному. — Ему случилось

просматривать дѣла самаго бѣднаго просителя, а между тѣмъ онъ не имѣлъ охоты вникнуть въ отношенія Владислава и Мери, разузнать причину изъ безконечныхъ споровъ. Для него ничего не значило просидѣть ночь за письменной работой, на старости лѣтъ исправлять слогъ въ докладахъ и отношеніяхъ, но написать простое письмо къ родственнику, прочитать новую книгу, поѣхать и купить что нибудь для себя, было для него казнью. Міръ кишитъ такими людьми, дѣятельными и лѣнвыми въ одно и тоже время, совмѣщающими въ себѣ крайности, по-видимому несомвѣстныя.

Изъ нерѣшительнаго вида, принятаго генераломъ и двусмысленнаго значенія его словъ, Владиславъ понялъ, что ему нечего ждаты поддержки съ этой стороны. Злая судьба какъ будто нарочно старалась столкнуть жениха съ невестой въ самое неудобное время и при самыхъ добра не обѣщающихъ обстоятельствахъ. Ихъ горячности и молодому неразумію была предоставлена полная воля — единственный человѣкъ, способный своимъ посредничествомъ сгладить обоюдныя шероховатости, ослабить натискъ, облегчить отпоръ и оставить слово для мира, не могъ и не хотѣлъ дѣлать своего дѣла. «Эй, подожди, — смотри, чтобъ бѣды не вышло!» вотъ все, что могъ сказать отецъ Мери, въ тоже время пожимая руки будущему зятю. Чувствуя, что дальнѣйшія объясненія только безъ пользы встревожатъ старика, Владиславъ хотѣлъ опять идти въ залу, когда главный предметъ совѣщанія, то-есть сама m-me Marie, явилась въ дверяхъ, какъ видѣніе, не совсѣмъ однако же свѣтлое. Въ нѣжномъ румянцѣ ея лица имѣлось что-то лихорадочное, около глазъ, слегка жмурившихся отъ утомленія, слегка обозначался темный кружокъ, все это однако глядѣло отлично, при двадцати годахъ, небрежной прическѣ и восхитительно сшитомъ утреннемъ нарядѣ.

— Владиславъ Сергѣичъ, сказала она, небрежно поцѣловавшись съ отцомъ и протирая глаза, покраснѣвшіе и заспанные болѣе обыкновеннаго, Владиславъ Сергѣичъ, вы поклялись дѣлать мнѣ сцену за сценой, непріятность за непріятностью! Васъ не было вчера на балѣ. Кажется, бѣда не большая, а изъ-за васъ я наслушалась колкостей отъ старой дуры Венцеславской. По ея мнѣнію, мы уже съ мѣсяцъ какъ разстались съ вами. При последнемъ свиданіи мы кидали подсвѣчники другъ другу въ голову! Потомъ вы меня не уведомили вчера, что вашъ управ-

ляющей въ родствѣ съ Штротменбергами, что его родня за что-то судится съ отцомъ графа Поля, — не зная этого, я сказала, что объѣдала съ вашимъ другомъ, и это при старухѣ Идѣ Богдановнѣ! Вашъ пріятель считается стыдомъ всей фамиліи.—Надѣюсь, что вы другой разъ не подвергнете меня такому промаху, какъ вчерашній!...

— Мери, Мери, перебилъ Александръ Филипповичъ, давно не выдавшій дочери въ такомъ настроеніи духа,—ангелъ мой, время ли теперь?...

— Оставьте меня, папа, у васъ, я знаю, никогда нѣтъ ни на что времени! Вы вчера уехали спать, бросивши меня на попеченіе полоумной Иринѣ Борисовнѣ. У Ирины Борисовны былъ токъ и еще въ прибавокъ, на волосахъ цѣлая фруктовая лавка. По вашему мнѣнію, мнѣ ничего не значитъ идти въ *pendant* къ этому страшилищу.

— Побойся Бога, Маша! Тетка, сестра твоей матери!...

— Такихъ тетокъ пускаютъ къ себѣ въ большіе праздники, *on les reçoit les jours qu'on ne reçoit pas, et tout est dit.* Имъ не поручаютъ дѣвицъ, впрочемъ я къ этому привыкла, ваша заботливость о своемъ домѣ вошла въ поговорку! Вашей *Машъ* удивительно весело бываетъ на всякомъ балѣ, куда ея женихъ не вздѣтъ потому, что слишкомъ великъ для свѣта, и откуда ея папенька увзжааетъ, съигравши четверть робера въ вѣсть!

— Отстань отъ меня, капризная дѣвчонка, улыбаясь сказала Александръ Филипповичъ и принялся помѣчать карандашемъ толстыя тетради и маленькія листики съ печатными заголовками. У княжны Нади платье лучше твоего, вотъ ты и дурачишься, прибавилъ онъ и весь углубился въ чтеніе.

Миссъ Мери сдѣлала любимый свой жестъ плечами, на этотъ разъ не открытыми, какъ вчера вечеромъ. Но все-таки она была страшно мила въ своемъ утреннемъ гнѣвѣ, и вполне знала эту истину.

Владиславъ Сергѣичъ стоялъ у окна, не предвидя ничего добраго, но странное дѣло! ощущая какую-то незнакомую бодрость духа. Онъ зналъ, что участь его должна рѣшиться сейчасъ же, съ отчаяніемъ сознавалъ, что въ настоящую минуту любилъ миссъ Мери всеми силами души своей, и особенно тѣла; а не смотря на то, глядѣлъ передъ собою не безъ какой-то бодрости, даже почти веселости, Ясный и спокойный.

взглядъ его тотчасъ же привлекъ къ себѣ глаза Марьи Александровны, — самая важная минута въ жизни обоихъ молодыхъ людей вслѣдъ за тѣмъ наступила.

— А! я вамъ не все досказала, вымолвила Марья Александровна.

— Я въ полномъ вашемъ распоряженіи, миссъ Мери, поклонившись отвѣтилъ Мережинъ.

— Что значить ваша записка и таинственные фразы записки? спросила невеста. — Кто посылаетъ съ такими вѣстями въ три часа ночи? Я не спала до разсвѣта, а вы не знаете въ которомъ часу нынче свѣтаетъ! Что вы хотѣли сказать? какихъ доказательствъ святой дружбы вамъ надобно? Что у васъ сгорѣло въ деревнѣ? колодезь, сарай для овецъ, старая карета вашей матушки?.. Что такое случилось необыкновеннаго?..

— Какъ вамъ сказать, миссъ Мери, отвѣчалъ Владиславъ, невольно улыбаясь: — послѣ вашихъ огорченій прошлаго вечера, мнѣ стыдно и говорить о моемъ огорченіи.

— Пожалуйста безъ вызововъ; въ чемъ исторія?

— Исторія пустая, если хотите. Сгорѣло село, которое въ уѣздѣ звали городомъ, двѣ тысячи персонъ разнаго пола и возраста находятся безъ кровли и даже, если не ошибаюсь, безъ шоколата поутру. Такъ какъ эти сгорѣвшіе чудачки по временамъ присылали нѣсколько денегъ на прожитокъ, то я думаю, что съ моей стороны будетъ не лишнимъ подумать о ихъ положеніи, принять нѣкоторыя мѣры для того, чтобъ выстроить имъ нѣсколько теплыхъ повильоновъ въ русскомъ архитектурномъ стилѣ. Одобряете ли вы это намѣреніе, милая Мери, и не согласитесь ли вы вмѣстѣ со мною взглянуть на людей, между которыми и семействомъ нашимъ всегда поддерживались дружескія отношенія, по мѣрѣ средствъ и возможности?

Въ отвѣтъ на слова Владислава Сергѣича, mademoiselle Marie нагнула голову, схватилась руками за отцовское кресло, дернула ручку кресла, разорвала бумаги старика и засмѣялась громкимъ смѣхомъ. Въ первую минуту, услышавъ этотъ смѣхъ, женихъ замѣтно поблѣднѣлъ; но тотчасъ же и опомнился. На этотъ разъ въ смѣхъ Мери не имѣлось ничего обиднаго и презрительнаго. Она просто не вѣрила Владиславу.

— Ахъ, Боже мой, какъ это искусно придумано! сказала она, переводя духъ и снова начала смѣяться. *De cet endroit-ci je vois la trame.* Это великолѣпная идея вашего нѣмецкаго умика. Я его

разпознала всего съ перваго взгляда. Вамъ самимъ не придумать такого ребячества! Теперь я понимаю вчерашніе намеки. Вы мнѣ сочинили испытаніе. Пожаръ въ деревнѣ! mon Dieu, mon Dieu! какое прозаическое испытаніе! Я надѣюсь, что вы одни, Владиславъ, придумали бы что нибудь пострашнѣе!

Старикъ отецъ очель долгомъ вмѣшаться въ разговоръ, тѣмъ болѣе, что смѣхъ Марьи Александровны мѣшалъ его чтенію и онъ уже два раза написалъ «немедленно объясниться со справокою» на какихъ-то, ничего не значущихъ запискахъ. «Подите прочь, ребяташки», сказалъ онъ строго, «мало вамъ ссориться въ цѣломъ домѣ, оставьте хоть мой кабинетъ въ покоѣ. Маша, у Владислава точно сгорѣло село. Пошли вонъ, болтуны.»

Владиславъ взялъ свою невесту подъ руку и провелъ ее до знакомой намъ комнаты съ цвѣтами, на пути своемъ съ горячностью высказывая дѣдушкѣ все то, что хотѣлъ ей высказать. Марья Александровна слушала его рѣчи со вниманіемъ. Участь молодыхъ людей колебалась на зевесовыхъ вѣсахъ, по-видимому самъ олимпіецъ, жалѣя о красивой парочкѣ юношей и любуясь на нее, замедлялъ свое окончательное рѣшеніе. Зачѣмъ Владиславъ пришелъ къ невестѣ на утро послѣ бала, почему онъ не выждалъ мгновенія и не обуздалъ своей несправимой юности!

Услыхавъ, что ей придется ѣхать въ деревню послѣ свадьбы, миссъ Мери встрѣтила это извѣстіе такимъ взглядомъ, съ какимъ Людовикъ XIV выслушалъ бы предложеніе провѣхаться изъ Парижа въ Версаль на мужицкой повозкѣ. «Вы шутите, Владиславъ Сергѣичъ, сказала она холодно и строго, вамъ всего лучше сегодня не думать о своихъ дѣлахъ. Вы говорите пустое; уважая ваше горе, я не отвѣчу вамъ такъ, какъ бы слѣдовало.»

— Мери, душа моя, сказалъ Владиславъ, преодолая себя на сколько былъ въ силахъ:—можетъ быть есть правда въ словахъ вашихъ. Всѣ эти дни я былъ въ хлопотахъ и въ горѣ. Я чувствовалъ себя слабымъ и неготовымъ на самыя простыя дѣла жизни: въ этомъ виноватъ не я одинъ, — насъ всѣхъ дурно воспитывали, насъ всѣхъ не готовили къ разумной жизни. Но, милый мой другъ, если, въ замѣнъ того, вы обладаете благоразуміемъ, то отчего же вамъ не раздѣлить со мной новой моей жизни. Мы оба не безъ слабостей, Мери, и въ чемъ же выкажется вліяніе любимой женщины, если она не будетъ иногда въ силахъ слѣдовать за своимъ мужемъ, дѣлать труды своего му-

жа, и хоть изрядка исполнять его прихоти, если въ нихъ есть благородное начало?

— Нѣтъ, сказала Марья Александровна, за одной прихотью пойдеть десять и одно сдѣланное ребячество можетъ привести къ общему несчастію. Я не могу жить въ деревнѣ, но положимъ я поѣду съ вами, кончатся ли этимъ причуды Владислава Сергвичя? Владиславъ Сергвичъ, испытавъ новое огорченіе, захочеть удалиться въ пустыню, куда я не могу съ нимъ удалиться. Владиславъ Сергвичъ, увидавъ, что свѣтъ забылъ о его существованіи, захочеть, чтобъ Марья Александровна разорвала свои связи со свѣтомъ,—я этого не сдѣлаю, мой другъ, и согласитесь сами, что въ моихъ словахъ не все неправда.

Дѣйствительно, миссъ Мери говорила очень умно, къ сожалѣнію даже слишкомъ умно для своего возраста. «Еще одна и послѣдняя уступка», подумалъ Владиславъ Сергвичъ. «Мери, сказалъ онъ вслухъ, пожавши руки невесты:—мы сегодня сошлись въ невыгодный часъ— намъ трудно согласиться. Я бы согласился ждать нѣсколько дней отвѣта вашего, но время дорого. Одни мы съ вами не рѣшимся никогда. Будьте сегодня дома послѣ обѣда, упросите папа покинуть кабинетъ и побесѣдовать съ вами. Здѣсь у меня почти нѣтъ людей, которыхъ совѣтъ былъ бы полезенъ въ настоящемъ случаѣ. Одного я знаю, и вы его знаете. Въ седьмомъ часу я привезу съ собой Тальгофа.

Есть женщины, передъ которыми стоитъ отступить на вершокъ, для того, чтобъ онъ кинулись впередъ на цѣлую сажень. Марья Александровна была изъ такихъ женщинъ. «Послѣ всего, что я говорила вамъ въ кабинетъ, вспылчиво сказала она Владиславу:—я вправъ надѣяться, что вы избавите меня отъ вашихъ друзей. Я не расположена, принимая ихъ, не сказываться дома. Исполняя прихоть вашу, я не намѣрена запираеть двери порядочнымъ людямъ!

—Мери! могъ только сказать бѣдный женихъ, опомнитесь Мери!

— Я не хочу Тальгофа и не буду видѣть Тальгофа. Я не хочу ссориться съ графиней Идой Богдановной и ея родственниками. Je ne regrette jamais ces va-nu-pieds, шатавшихся пѣшкомъ за границей и сочинявшихъ глупыя книги. Мнѣ противенъ человекъ, набившій вамъ въ голову мыслей, отъ которыхъ вы пропадете, станете общимъ посмѣшищемъ. Я не приму вашего управляющаго и не буду принимать его нигдѣ и никогда. Въ нашемъ

домъ онъ не будетъ ходить дальше передней, слышите вы это, Владиславъ Сергѣвичъ?

— А, сказалъ Мережинъ, потерявъ все терпѣніе и самъ поддавшись своей враждебной вспыльчивости:—если я вчера смолчалъ персдъ вами, то сегодня этого не будетъ, m—lle Marie. Тальгофа я люблю, какъ брата, и всякое ему оскорбленіе,—пусть оно будетъ пошло, неразумно и достойно одного презрѣнія—есть личная мнѣ обида. Придетъ время, когда вы узнаете цѣну людямъ, а до тѣхъ поръ удержитесь отъ вашихъ возмутительныхъ сужденій. Друзья даются намъ Богомъ, а любовь часто одной прихотью. Ни для какой любви я не продамъ младшаго изъ моихъ друзей и товарищей моей молодости. Для меня любовь никогда не составляла перваго дѣла въ жизни, въ настоящую минуту я постигаю одно только: эта роскошь стоитъ мнѣ слишкомъ дорого. Пусть я никогда не вижу любви, если рядомъ съ ней вѣчно идутъ тоска, тревоги и чувство глубочайшаго отвращенія, съ которыми, въ настоящую минуту, я имѣю несчастье стоять передъ вами.

Въсы перегнулись на одну сторону и измѣнять рѣшенія судьбы, самъ Зевесъ былъ не въ силахъ.

— Владиславъ Сергѣвичъ, быстро сказала миссъ Мери, вставъ съ кушетки:—вы должны хорошо знать, что вамъ остается дѣлать послѣ послѣднихъ словъ вашихъ.

— Марья Александровна, поклонившись отвѣтилъ молодой челоуекъ:— извините, если я въ первый разъ до этого времени, осмѣлюсь поправить вашу свѣтскую опытность. Я обязанъ молчать и ждать вашего рѣшенія.

— А! сказала дѣвушка и тихо закусила губы. Но иронія, врожденная ея натурѣ, пробилась сквозь все чувства миссъ Мери. Вы опытнѣе меня, Владиславъ Сергѣвичъ, лукаво замѣтила она:— я вамъ благодарна за ваше великодушіе.

Сказавши эти слова, она подошла къ двери, не торопясь и не выказывая никакихъ признаковъ волненія. Но Владиславъ не скрывалъ своихъ чувствъ, не смотря на неизмѣнность своего рѣшенія. Кончивъ роль жениха, онъ помнилъ однако, что видитъ передъ собой подругу дѣтскихъ игръ и единственнаго своего друга между женщинами. Два слова, Марья Александровна, сказалъ онъ ей вслѣдъ, и дѣвица остановилась на своемъ мѣстѣ, держась рукой за ручку двери.

— Мери, другъ мой Мери, сказалъ Владиславъ, въ послѣд-

нѣй разъ цѣлуя руки дѣвушки:—въ настоящую минуту передъ вами стоитъ другъ вашего дѣтства и человѣкъ, который всегда будетъ другомъ семейства вашего. Мы оба меньше виноваты, чѣмъ кажется, разстанемся же безъ упрековъ и неудовольствія. Мы сблизились съ вами на сколько позволяли сердца наши и пусть Богъ заплатитъ вамъ за тѣ наслажденія, которыя испыталъ я во время нашей привязанности. Простите мнѣ жесткія слова мои и позвольте выкупить ихъ однимъ совѣтомъ, отъ сердца, отъ искренняго сердца. Я знаю ваши понятія, Мери и знаю, что вамъ грозитъ опасность. Не пройдетъ въсколькихъ дней, какъ вы выберете между вашими поклонниками того, который за эти дни покажется вамъ сноснѣе и знатнѣе прочихъ. Позабывши всю осторожность вашу, вы поторопитесь поставить всю свою жизнь на карту. Между людьми, теперь въ васъ влюбленными, нѣтъ ни одного человѣка... человѣка... говоря проще, вовсе нѣтъ ни одного *человѣка*. Дайте себѣ время остыть, миссъ Мери, и не торопитесь прощаться съ дѣвической жизнью!

— Благодарю васъ, Владиславъ, отвѣтила Марья Александровна, какъ будто не безъ ласковости. — Когда мнѣ нуженъ будетъ хорошій совѣтъ, я пошлю за вашимъ управляющимъ.

И она ушла, и прошла комнатъ восемь, не измѣнивши своей походки. Но въ своей комнатѣ Марья Александровна упала на кресло и залаялась горькими, пламенными, непривычными ей слезами.

Владиславъ Сергѣичъ дохалъ домой больнымъ и блѣднымъ, но совершенно спокойнымъ, ему будто выдернули больной зубъ или, говоря не столь просто, сдѣлали трудную операцію. Въ это время честный Александръ Филипповичъ, сидя въ кабинетѣ, изображалъ карандашемъ на гласированной тетради, писанной крупнымъ почеркомъ, такія строгія слова: «сейчасъ же объяснить—ся о семъ самонужнѣйшемъ докладѣ, съ должной справкою. «Весь слогъ его показываетъ небрежность, непростительное невниманіе, даже худое знаніе орфографіи въ дѣлопроизводителяхъ.»

Черезъ полгода, лѣтомъ, въ деревнѣ, Владиславъ Сергѣичъ получилъ извѣстіе о бракосочетаніи Марьи Александровны Озерской съ графомъ Павломъ Антоновичемъ Пальгофомъ фонъ-Штротенбергомъ.

А. ДРУЖИНИНЪ.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧѢМЪ НИКОГДА.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ,

ЧАРЛЬЗА РИДА.

Переводъ съ англійскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Окончаніе.)

XV.

Мистеръ Гаусъ былъ человекъ чрезвычайно властолюбивый. Онъ хотѣлъ быть полнымъ хозяиномъ въ тюрьмѣ, повелѣвать въ ней безпрекословно; не допускалъ мысли, чтобы кто нибудь смѣлъ мѣшаться въ его распоряженія. И потому, когда пасторъ вступился за Робинзона, директоръ тюрьмы, именно за такую защиту, напалъ вдвое противъ прежняго на этого несчастнаго.

Въ тотъ же день Робинзону дали за ужиномъ только половинную порцію; на другой день точно также половинную за завтракомъ, и потомъ назначили ему невѣроятное число оборотовъ рукоятки. Очень понятно, что у голоднаго Робинзона было силъ меньше обыкновеннаго, и что онъ сдѣлалъ пятью-стами оборотовъ меньше заданнаго числа. За это, вмѣсто обѣда, ему пришлось опять задыхаться у стѣны въ кожаномъ воротникѣ.

Пасторъ засталъ его въ такомъ видѣ и задрожалъ отъ ужаса. Онъ спросилъ, чѣмъ провинился наказанный; ему отвѣчали опять:

- Лѣнился за рукояткой, не сдѣлалъ заданнаго урока.
- Есть ли у васъ разрѣшеніе директора на это наказаніе?

— Да, самъ директоръ велѣлъ его оставить у стѣны, впредь до приказанія.

— Хорошо, я это отмѣчу у себя.

И онъ вынулъ свою записную книжку. Это отчасти смутило тюремщиковъ, и одинъ изъ нихъ посоветовалъ другому сходить увѣдомить объ этомъ директора.

— Знайте, сказалъ пасторъ, что если съ этимъ несчастнымъ что нибудь случится, вы за него отвѣчаете.

Въ эту минуту вошелъ мистеръ Гаусъ. Щеки его пылали, глаза злобно бѣгали.

— Что тутъ такое? спросилъ онъ.

— Ничего, сэръ, только пасторъ дѣлаетъ намъ угрозы.

— Угрозы? какія?

— Я сказалъ имъ и повторяю вамъ тоже самое, мистеръ Гаусъ. Вы будете отвѣчать, если съ этимъ наказаннымъ что нибудь случится дурное. Я нахожу, что такое наказаніе просто варварство.

— То, что я дѣлаю, разрѣшено мнѣ высшимъ начальствомъ.

— Позвольте этому не повѣрять. Начальники вѣрно не видали, какъ вы распинаете преступниковъ.

— Ха, ха, ха, *распинаете!* Мнѣ нравится это выраженіе. Впрочемъ, вы ошибаетесь: начальники сами присутствовали при такомъ наказаніи. Не правда ли, Фрей?

— Правда, сэръ, нѣсколько разъ.

— Въ такомъ случаѣ, да проститъ имъ Господь Богъ. И пасторъ съ глубокимъ состраданіемъ посмотрѣлъ на Робинзона.

Гаусъ вышелъ, и черезъ полчаса прислалъ Эванса освободить Робинзона и отвести его въ комнату.

Пасторъ, дождавшись этого освобожденія, ушелъ домой. Тутъ онъ почувствовалъ себя очень нездоровымъ и встревоженнымъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, для которыхъ видѣть страданія ближняго и не имѣть возможности помочь ему — было истиннымъ несчастіемъ.

Онъ всегда только наединѣ предавался полному чувству своей сострадательной души; въ тюрьмѣ же никто не могъ и подумать, что онъ такъ горячо принимаетъ къ сердцу жестокость съ другими.

Отдохнувъ немного отъ волненія, онъ пошелъ къ Робинзону, и нашелъ его въ худшемъ состояніи, чѣмъ когда нибудь прежде. Ненависть и отчаяніе горѣли въ глазахъ заключеннаго.

— Бѣдный другъ мой, нѣтъ ли однако какихъ нибудь средствъ, чтобы ты могъ избѣгнуть этихъ страшныхъ наказаній?

Отвѣта не было.

Нужно замѣтить, что Робинзонъ не слыхалъ, какъ пасторъ вступался за него во время наказанія: это происходило въ сторону отъ наказываемаго. Преступникъ былъ сильно ожесточенъ противъ всѣхъ и никакъ не могъ повѣрить, что есть люди съ сердцемъ, которые принимаютъ въ немъ участіе. Онъ всѣхъ ненавидѣлъ.

Пасторъ долго не могъ объяснить себѣ неблагодарности Робинзона, и наконецъ рѣшилъ, что въ заключенномъ глубоко укоренилось все дурное, что онъ не можетъ оцѣнить ни какихъ добрыхъ побужденій и не въ состояніи понимать ни доброты, ни участія къ нему. Такое убѣжденіе не помѣшало однако пастору быть по прежнему внимательнымъ къ Робинзону.

— Другъ мой, спросилъ онъ опять, развѣ у тебя здѣсь такъ много друзей, что я уже лишній?

Отвѣта не было.

Тогда пасторъ опустился на колѣни на холодный каменный полъ и началъ молиться и просить Бога, чтобы онъ открылъ ему сердце Робинзона, научилъ бы его, какъ помочь этому несчастному.

Вдругъ Робинзонъ вскочилъ съ какимъ-то дикимъ, взбѣшеннымъ лицомъ, указалъ пастору на дверь повелительнымъ жестомъ и тяжело перевелъ духъ, — потомъ отвернулся отъ него и потупилъ глаза въ землю. Пасторъ вышелъ. За дверью онъ встрѣтилъ Эванса, который ему сказалъ:

— Напрасно вы къ нему ходите, сэръ, онъ ненадеженъ.

— А что, вы думаете не сумасшедшій ли онъ?

— Да чего добраго; ужъ мы здѣсь многихъ принисали къ лунатикамъ, а съ другими раздѣлались еще проще, сказалъ тюремщикъ мрачно.

Пасторъ съ ужасомъ взглянулъ на говорившаго Эвансъ это замѣтилъ и сказалъ съ важностью:

— Лучше бы вы, сэръ, не брали на себя должности въ такомъ мѣстѣ, какъ у насъ. Вы совсѣмъ къ ней неспособны, слишкомъ добры.

— Тѣмъ болѣе я нуженъ здѣсь, если я добръ. Въ такомъ мѣстѣ, гдѣ столько злыхъ, безчеловѣчныхъ людей, и одинъ порядочный можетъ принести много пользы, многое перемѣнить.

*

Эвансъ , вы можете мнѣ помочь , вы дольше меня здѣсь , вы можете многое мнѣ рассказать.... Несчастнѣй Робинзонъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ , когда я уходилъ .

— Онъ дрожалъ , сэръ? А вы не дотрогивались до него?

— Нѣтъ .

— И прекрасно . Не дѣлайте этого никогда и не подходите къ нему близко . Право , онъ сумасшедшій .

— Странно , я не нашель этого .

— Лучше оставьте его въ покоѣ . Пусть онъ остается одинъ .

— Напротивъ , всего хуже оставлять его одного . Это значить предоставлять его самому дурному обществу .

Воскресенье .

Годжсъ . Жаль , что ты не былъ въ церкви , другъ Фрей .

Фрей . А что ?

Годжсъ . Да новѣй-то пасторъ...

Фрей . Ну , что же онъ ?

Годжсъ . Ахъ , какъ онъ говорилъ ! Просто заслушаешься .

Фрей . Что же онъ говорилъ ?

Годжсъ . Что любить насъ .

Фрей . Кого ?

Годжсъ . Всѣхъ насъ . Директора , тюремщиковъ , а особенно заключенныхъ , потому что они въ несчастіи . Онъ говорилъ : Господь васъ любить , хотя ненавидитъ ваши грѣхи , и я васъ всѣхъ люблю .—Каково? и преступниковъ любить!

Фрей . Ну , чтожъ , о вкусахъ не спорятъ .

Годжсъ . Ха , ха , ха ! И то правда .

Послѣ обѣда , въ это же самое воскресенье , пасторъ опять отправился въ комнату Робинзона . Эвансъ отперъ ему дверь съ недовольнымъ лицомъ ; ему очень хотѣлось самому войти съ пасторомъ , но тотъ ему запретилъ . Онъ несъ въ рукахъ маленькій ящикъ .

— Я принесъ тебѣ немного мази , очень цѣлительной , сказалъ онъ войдя : — тебѣ нужно намазать ею шею . Я видѣлъ , что она натерта кожанымъ воротникомъ .

Отвѣта не было .

— Помажься же ею .

Отвѣта не было .

— Ну, дай я тебя помажу.

Отвѣта не было.

Пасторъ открылъ ящикъ, подошелъ къ Робинзону и началъ тереть его стертую шею цѣлительною мазью. Робинзонъ дрожалъ, пасторъ смотрѣлъ на него сомнительно. Вдругъ больной схватилъ его за руку, явно показывая, что не желаетъ помощи, но пасторъ взялъ крѣпко его руку, а другою своею рукою продолжалъ тереть шею. Робинзонъ не говорилъ ни слова, но сталъ еще больше дрожать.

— Прощай, сказалъ пасторъ. Оставляю ящикъ у тебя. Вотъ еще я тебя принесъ нѣсколько рассказовъ, очень занимательныхъ. Прочитай ихъ, они займутъ тебя. Прощай, до свиданія. Съ этими словами и съ привѣтливой улыбкой пасторъ вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Эвансъ подалъ директору письмо отъ пастора. Оно было слѣдующаго содержания:

«Милостивый государь,

«Будьте такъ добры, пришлите мнѣ съ подателемъ этой записки тюремныя правила, особенно тѣ, въ которыхъ говорится о дозволенныхъ наказаніяхъ преступникамъ.

«Вашъ покорнѣйшій слуга и пр. пр.

Гаусъ, прочитавъ это посланіе, осыпалъ писавшаго тысячами проклятій. Наконецъ онъ сказалъ Эвансу: Скажи ему, что у меня нѣтъ лишняго экземпляра, и чтобъ онъ спросилъ у мистера Джонса его книжку.

Отвѣтъ очень опечалилъ пастора, потому что мистера Джонса не было въ городѣ; онъ уѣхалъ на нѣсколько дней. Пасторъ понялъ изъ даннаго директоромъ отвѣта, что тотъ вступилъ съ нимъ въ войну. Нечего было дѣлать; онъ ни за что не согласился бы перестать вступаться за своихъ братій, несмотря на то, что отъ природы былъ хотя энергическаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и миролюбиваго характера.

Дѣло было къ вечеру; пасторъ задумчиво, тихими шагами ходилъ по корридору, какъ вдругъ изъ одной комнаты вышелъ Фрей съ сіяющимъ лицомъ.

— Что случилось? спросилъ пасторъ.

— Да вотъ что, отвѣчалъ Фрей, и показалъ двойку трефъ, пятерку червей, туза пикъ и десятку бубенъ. Какъ бы вы думали? эти карты сдѣлалъ одинъ заключенный изъ книги.

— Какъ же это?

— Да вотъ какъ: онъ оставилъ отъ своей пищи немного гус-

той каши, пока она превратилась въ клейстеръ, а потомъ вырвалъ три или четыре листа изъ книги и склеилъ ихъ этимъ клейстеромъ. Потомъ высушилъ и разрѣзалъ ихъ на карты.

— Откуда же онъ досталъ краски?

«Вотъ это-то и меня ставитъ въ тупикъ. Впрочемъ, я несу ихъ къ директору, а ужъ тотъ конечно выведаетъ. Онъ на это мастеръ.»

— Оставь мнѣ одну карту черной масти и одну красной.

И пасторъ принялся разсматривать эти карты съ большимъ любопытствомъ. Ему очень хотѣлось догадаться, какъ умудрился хитрецъ сдѣлать карты безъ папки и безъ красокъ. Вдругъ, перевернувъ карту, онъ увидѣлъ на оборотъ заглавіе одной повѣсти изъ своей книги.

— Боже мой! Такъ это новые подвиги Робинзона; онъ занимался рваніемъ моихъ книгъ!

Тотчасъ же явился директоръ и сказалъ:

— Вывести № 19 изъ комнаты для наказанія.

Приказъ немедленно былъ исполненъ. Увидѣвъ Робинзона, директоръ разразился проклятіями и бранью.

— Откуда ты взялъ эти краски? говори сейчасъ же?

Отвѣта не было.

— Слышишь, я спрашиваю тебя, негодяй?

Отвѣта не было, — кромѣ взгляда презрѣнія на Гауса.

— Сейчасъ поподчивать его кожанымъ воротникомъ. Ахъ, да, прибавилъ мистеръ Гаусъ съ злобной улыбкой, обращаясь къ пастору:—вы противъ этого наказанія; такъ запереть его на дватцать четыре часа въ темную.

Робинзонъ испустилъ крикъ отчаянія.

— Что хотите, только не это, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Ага, теперь откуда и языкъ взялся!

Директоръ подалъ знакъ, и двое изъ тюремщиковъ, Фрей и Годжсъ, бросились къ Робинзону. Тотъ отразилъ ихъ нападеніе двумя сильными кулаками. Онъ такъ ударилъ ихъ, что они оба повалились на землю. Но въ ту же минуту на него напали всѣ прочіе тюремщики и онъ увидѣлъ, что сопротивляться долже бесполезно. Онъ опустился на полъ; его подняли и понесли. Въ это время онъ, глядя на пастора, закричалъ ему.

— Видишь ли ты это, ты, въ черной одеждѣ? Ты говорилъ въ церкви, что любишь насъ, а теперь смотришь хладнокровно

какъ меня тащить въ темную яму. Когда выйду оттуда, придется отправлять меня прямо въ сумасшедшій домъ. Ты называлъ насъ братьями. Вотъ одного изъ твоихъ братьевъ несутъ прямо въ адъ. Я отправляюсь туда человекомъ, а выйду оттуда звзремъ. И онъ это знаетъ, этотъ убійца. Онъ указалъ на мистера Гауса.

— И ты видишь, какъ меня мучать, и молчишь. Проклинаю васъ всѣхъ, лицезѣры и кровопійцы!

«Я все слышу и вижу,» отвѣчалъ пасторъ съ важностью.

Мистеръ Гаусъ былъ окончательно взбѣшенъ. Онъ велѣлъ за это продержать Робинзона въ темной ямѣ еще лишнихъ двенадцать часовъ.

Робинзонъ закричалъ:—Боже мой, ты, который одинъ жалешь о насъ, бѣдныхъ страдальцахъ, умоляю тебя мучить ихъ также, какъ они мучаютъ меня и моихъ товарищей. Дай Богъ, чтобы жизнь моего мучителя была одно терзаніе, чтобы душа его была предана вѣчному мученію!

— Унесите его, унесите, кричалъ Гаусъ, блѣдный, какъ полотно.

Несчастнаго бросили въ яму; директоръ все еще продолжалъ свои проклятія, а пасторъ, дрожа, закрывалъ лицо руками.

Директоръ обратился къ нему:

— Вы видите, что онъ недоволенъ вашимъ ходатайствомъ, сказалъ Гаусъ. Онъ самъ предпочелъ бы два часа въ кожаномъ воротникѣ.

Пасторъ тяжело вздохнулъ. Онъ чувствовалъ себя такъ дурно, что ровно ничего не могъ отвѣчать и молча ушелъ.

Черезъ полчаса онъ вернулся.

— Мистеръ Гаусъ, я къ вамъ съ просьбой, сказалъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? насмѣшливо спросилъ директоръ.

— Прошу васъ не отмѣнить, а измѣнить наказаніе Робинзона. Пусть онъ вмѣсто дватцати четырехъ часовъ сряду, просидитъ въ вашей темной по шести часовъ въ продолженіи четырехъ дней. Иначе онъ дѣйствительно можетъ сойти съ ума. Вы не испытали этого ощущенія, а я очень хорошо съ нимъ знакомъ, потому что самъ былъ въ этой страшной ямѣ. Вы не можете себя представить, что я переживалъ. А нужно еще замѣтить, что у меня передъ нимъ было много преимуществъ. Я пошелъ туда по собственной охотѣ и зналъ, что могу выйти,

когда захочу; а онъ, несчастный, тамъ по принужденію, и на нестерпимо-долгое время.

— Мнѣ кажется, напротивъ, что я наложилъ на него не довольно строгое наказаніе. Развѣ вы не слышали всѣхъ дерзостей, которыя онъ мнѣ наговорилъ?

— Я все слышалъ, сэръ, но вѣдь это понятно: онъ слишкомъ ожесточенъ истязаніями, которымъ здѣсь подвергается. Для того-то и нужно облегчить его участь, чтобы онъ могъ смягчиться и исправиться. Знаете ли вы, сэръ, что наказаніе гораздо легче переносить невинному, чѣмъ виновному, у котораго нечиста совѣсть? Ему страшень мракъ, его тяготитъ уединеніе; на него находятъ отчаяніе, его мучатъ угрызенія совѣсти. Ради Бога, сжальтесь, сэръ, не будьте такъ жестоки къ этому несчастному.

Директоръ все время молчалъ, но наконецъ его терпѣніе лопнуло и онъ съ бѣшенствомъ закричалъ пастору:

— Этотъ мерзавецъ оскорбилъ меня при всѣхъ моихъ подчиненныхъ, а вы еще за него послѣ этого заступаетесь? Онъ достоинъ только проклятія, а не снисхожденія!

— О, нѣтъ, не проклиняйте его, особенно теперь, когда онъ въ такомъ ужасномъ состояніи.

— Оставьте меня въ покоѣ; я его проклинаяю, но не мѣшаю вамъ за него молиться. Прощайте. Директоръ ушелъ сердитый.

— Я буду молиться и за него, и за васъ, сказалъ пасторъ въ слѣдъ ему, и отправился въ свою комнату. Ему было грустно, тяжело; онъ плакалъ какъ дитя, и чувствовалъ при этомъ какое-то лихорадочное состояніе.

Робинзонъ, между тѣмъ, былъ одинъ въ темнотѣ съ кускомъ хлѣба и кружкой воды; у него не было ни стула, ни постели. Его привели туда въ шесть часовъ, бросили и заперли дверь.

Съ самаго начала, онъ дрожалъ уже всѣмъ тѣломъ; сердце его сильно билось отъ бѣшенства и жажды мщенія. Потомъ, жаръ этотъ мало-по-малу прошелъ, онъ съѣлъ на полъ и принялся ѣсть хлѣбъ. «Ну вотъ, все-таки пройдетъ часъ, пока буду ѣсть», думалъ онъ. И несчастный старался употребить на это занятіе какъ можно больше времени. Но онъ только воображалъ, что прошелъ часъ; прошло всего двадцать минутъ. «Какъ я глупъ», говорилъ онъ самъ себѣ, «отчего я не засну? когда спишь, такъ ничего не чувствуешь, не знаешь, гдѣ лежишь—въ темнотѣ или

въ свѣтлой комнатѣ.» Онъ легъ, стараясь уснуть. Такъ прошелъ первый часъ.

Второй часъ. Усилія заснуть были совершенно напрасны. Робинзонъ въ отчаяніи поднялся съ полу. «Гдѣ мнѣ спать», проговорилъ онъ, «спять только счастливые и спокойные духомъ, а для тѣхъ, кто въ отчаяніи, сна нѣтъ. Боже мой, что со мной дѣлаютъ, какъ меня гонять, какъ мучать! Что я имъ сдѣлалъ? за что они меня такъ преслѣдуютъ? За меня имъ и въ аду не довольно будетъ казней; прокливаю всѣхъ этихъ варваровъ. Дай Богъ терпѣнія, не то я сойду съ ума. Да, да, терпѣнія, а не то будетъ худо.» И несчастный зарыдалъ. Весь этотъ часъ прошелъ въ проклятіяхъ и слезахъ.

Третій часъ. Робинзонъ то ходилъ ощупью взадъ и впередъ, то садился, то ложился на полъ. Разныя страшныя мысли тѣснились въ его головѣ; ему представлялось все его прошедшее. Онъ согласился бы въ эту минуту цѣловать ноги директору, раскаяться передъ нимъ, чтобы только быть прощеннымъ; но никого вокругъ не было. Онъ прислушивался у дверей, стучался, никто не приходилъ. Онъ прикладывалъ ухо къ землѣ, ни одного звука. Мракъ, молчаніе, уединеніе! Онъ бросился на полъ и закричалъ въ отчаяніи: «Они хотятъ, чтобы я здѣсь умеръ.» И на лицѣ его выступилъ холодный потъ. Потомъ ему начали представляться, въ видѣ панорамы, всѣ сцены его прошлой жизни. Такъ минуло болѣе двухъ часовъ. Вдругъ угрызенія совѣсти и воспоминанія сосредоточились на одномъ черномъ пятнѣ его жизни. «Она въ могилѣ,» кричалъ онъ, «и я виноватъ въ этомъ; вотъ за что я теперь здѣсь! Это моя могила. Мери, видишь ли ты меня? А, вотъ и ты!» И онъ трепеталъ и звалъ на помощь. Потомъ онъ безсознательно бросился будто бороться съ кѣмъ-то, и такъ ударился объ дверь, что упалъ окровавленнымъ на полъ.

Шестой часъ. Робинзонъ чувствовалъ, что теряетъ рассудокъ. Онъ кричалъ, проклиналъ, молился, бросался на землю, ломалъ себѣ руки, просилъ лучше сейчасъ же надѣть ему кожаный воротникъ и прикрѣпить его къ стѣнѣ, только освободить изъ мрака. «Нѣтъ, я сейчасъ сойду съ ума, и умру какъ звѣрь,» говорилъ онъ: «лучше умереть человѣкомъ.» Онъ снялъ съ себя чулки, связалъ ихъ вмѣстѣ, затянулъ узломъ вокругъ шеи, и взявъ концы въ обѣ руки, приготовился задушиться.

Съ стиснутыми зубами рвался онъ на самоубійство....

Вдругъ, въ самую роковую минуту, кто-то постучался къ нему въ дверь и тихо сказалъ:

«*Братъ!*»

При этомъ словъ, Робинзонъ опомнился, лицо его просіяло; онъ вздрогнулъ подъ вліяніемъ радости, страха и сомнѣнія. «Ужь не изъ могилы ли этотъ неземной зовъ?»

И несчастный закричалъ дикимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Кто меня называетъ братомъ?

— Френсисъ Иденъ!

— А!—гдѣ же ты, Френсисъ Иденъ?

— Здѣсь, у двери. И мистеръ Иденъ постучалъ въ дверь.

— Вотъ тутъ? спросилъ Робинзонъ, и постучалъ на томъ самомъ мѣстѣ.

— Да, здѣсь.

— Не уходи, ради Бога!

— Я не уйду. Не падай духомъ, будь бодрѣе. Терпи, около тебя братъ.

— Братъ! опять братъ! теперь я знаю кто это.

— Что ты дѣлаешь?

— Не спрашивай, я уже совсѣмъ сходилъ съ ума.... да гдѣ же ты? Не уходи.

— Не уйду, пока ты самъ мнѣ не скажешь; успокойся, слышишь ли? успокойся!

— Постараюсь, благодарю, постараюсь. Который часъ?

— Половина перваго.

— Дня или ночи?

— Ночи.

— Пятница или суббота?

— Нѣтъ, четвергъ.

— Какими же судьбами ты здѣсь очутился ночью?

— Я беспокоился о тебѣ, пришелъ тебя навѣстить. Развѣ ты этимъ не доволенъ?

— Какъ же не быть довольнымъ. Я чуть съ ума не сошелъ!

— Да и не трудно тутъ сойдти. Я самъ былъ въ этой ямѣ.

— Неужели и тебя сюда сажали?

— Нѣтъ, я самъ, по охотѣ былъ въ ней; я хотѣлъ испытать это мученіе, хотѣлъ знать до чего это наказаніе тяжело. Я увѣренъ, что ты, которые такимъ образомъ наказываютъ, дѣлаютъ это только потому, что не знаютъ, до какой степени это жестоко.

А жестокость въ глазахъ Создателя страшный грѣхъ. Что ты говоришь?...

— Я спрашиваю, были ли вы когда нибудь па....

— Я не слышу, дверь такая толстая.

— Я теперь знаю съ кѣмъ говорю: вы христіанинъ.

— Разумвется. Что же тутъ удивительнаго?

— Да вотъ въ чемъ дѣло. Я очень много читалъ о христіанахъ, но, признаюсь, никогда ихъ не видѣлъ. До сихъ поръ встрѣчалъ только лицезрѣвъ. Извините меня, сэръ. Теперь только я васъ узналъ. Простите меня за мое дурное поведеніе. Я такъ дурно себя велъ въ отношеніи васъ, каждый разъ, когда вы приходили въ мою комнату, навѣщать меня.

— Прощаю тебя очень охотно.

— Благодарю васъ, сэръ.

Робинзонъ замолчалъ.

Мистеръ Иденъ черезъ нѣсколько минутъ спросилъ его, что онъ дѣлаетъ.

— Я думаю о вашей добротѣ ко мнѣ, отвѣчалъ заключенный.

— Лучше ли тебѣ теперь?

— Да, съ тѣхъ поръ, какъ вы пришли. Сначала мнѣ казалось, что я въ могилѣ. Но теперь у меня на душѣ отрадно, голосъ вашъ дѣйствуетъ на меня, какъ прекрасная музыка. Не скажете ли мнѣ еще что нибудь, сэръ?

— У меня много есть тебѣ сказать, но теперь не время. Тебѣ нужно уснуть, а я пока посижу здѣсь.

— Да вѣдь вы околечете отъ холода.

— Нѣтъ, я тепло одѣтъ.

За этимъ послѣдовало долгое молчаніе. Потомъ Робинзонъ постучалъ въ дверь и сказалъ:

— Пожалуйста, идите спать, сэръ.

— Какъ можно! оставить тебя одного... А развѣ я тебѣ не нуженъ?

— Идите, сэръ, ваши утѣшительныя слова останутся со мною.

— Нѣтъ, я не пойду.

— Ради Бога, идите, я измучусь, если вы останетесь: вѣдь я знаю, что вы это терпите изъ-за меня.

Мистеръ Иденъ не рѣшался идти, но потомъ разсудилъ, что нужно поощрить первое появленіе чувства въ Робинзонѣ, и исполнить его желаніе. Робинзонъ еще прибавилъ:

— Я буду вдвое несчастнее, если вы останетесь зябнуть у моей двери.

Мистеръ Иденъ пересталъ колебаться, и уходя, спросилъ:

— Не нужно ли тебѣ чего нибудь? Я уйду. Не могу ли я быть чѣмъ нибудь тебѣ полезнымъ?

— Да, можете, сэръ. Повторите мнѣ то утѣшительное слово, которое вы сказали мнѣ при приходѣ. Это слово замѣнило бы мнѣ товарища.

— Братъ! съ теплымъ чувствомъ сказалъ мистеръ Иденъ.

— Благодарю отъ души.

Когда Робинзонъ услышалъ удаляющіеся шаги пастора, онъ застоналъ и впалъ опять въ тоску.

Мистеръ Иденъ, идя по корридолу, все время думалъ о Робинзонѣ. «Никогда не поздно исправиться, и лучше поздно, чѣмъ никогда», думалъ пасторъ. Робинзонъ былъ прежде такъ грубъ, такъ дикъ, а теперь въ немъ пробудилось чувство благодарности, симпатіи за мою доброту къ нему. Я никогда не забуду, какъ онъ меня просилъ уйти, сколько деликатности было въ его словахъ.

Черезъ часъ, въ два часа ночи, мистеръ Иденъ опять пришелъ къ своему брату. Онъ постучалъ въ дверь. Робинзонъ спросилъ, кто это.

— Это я, твой братъ.

— Отчего вы не спите?

— Я не могъ спать, беспокоясь о тебѣ. Подойди, поговори со мной. Скажи, гдѣ ты досталъ красокъ для картъ?

— Я нашелъ на дворѣ уголь и киричь, смѣшалъ ихъ съ водой, и обмакнулъ щетку, которую самъ сдѣлалъ потихоньку; этой щеткой и раскрасилъ я карты.

— Это очень находчиво. Тебѣ не холодно?

— Нѣтъ.

— Отчего же твой голосъ дрожить?

— Это отъ другой причины.

— Скажи, почему. Не бойся, вѣдь мы друзья.

— Хорошо, я скажу. Когда вы приходили ко мнѣ въ комнату и говорили мнѣ добрыя, ласковыя слова, я вамъ не вѣрилъ. Я здѣсь привыкъ видѣть вокругъ себя однихъ злыхъ, безчеловѣчныхъ людей; мнѣ казалось, что и вы передо мной лицезрите, обманываете меня, хотите отъ меня все узнать и меня же выдать. Потомъ разъ, уходя, вы вздохнули; это меня такъ тронуло, что

я бросился къ двери поблагодарить васъ. Но было поздно, дверь уже заперли. Пототъ я пораздумалъ, и опять сталъ въ васъ сомнѣваться. И съ тѣхъ поръ я дрожалъ всегда, видя васъ, отъ внутренней борьбы недозвѣрія съ благодарностью. Гордость, какъ желѣзная рука, удерживала меня отъ выраженія вамъ признательности. Только теперь я васъ понялъ, и дрожу отъ избытка чувства къ вамъ, отъ волненія. Вы сами не знаете, что вы для меня сдѣлали. Вы мой благодѣтель, мой другъ, мой ангель-хранитель! Да благословить васъ Богъ! Я уже хотѣлъ задавиться, но вашъ приходъ удержалъ меня. Вы спасли мнѣ жизнь. У меня недостаетъ словъ выразить вамъ все, что я чувствую. Прежде насъ раздвѣляло мое грубое сердце, теперь насъ раздвѣляетъ только дверь. Дайте мнѣ вашу руку.

Мистеръ Иденъ постучалъ въ дверь.

— А, вотъ гдѣ ваша рука. Я ее цѣлую. Я благословляю васъ, Я на козлятахъ цѣлую вашу дорогую руку и благодарю Создателя за то, что онъ послалъ мнѣ васъ.

За этимъ наступило глубокое молчаніе, прерываемое только рыданіями Робинзона и мистера Идена. Они оба плакали, но отъ различныхъ причинъ.

— Плачь, плачь, сказалъ наконецъ мистеръ Иденъ. Освѣжай этии чистыми слезами раскаянія свою грѣшную душу.

И грѣшникъ плакалъ всей душою. Христіанскою любовью и участіемъ, мистеръ Иденъ пробудилъ въ немъ давно заснувшія важныя чувства.

Робинзонъ первый прервалъ молчаніе.

— Идите же домой, сэръ. Вы окончили свое дѣло. Вы спасли меня. Я теперь спокоенъ, я могу заснуть. Не бойтесь оставить меня одного.

— Я останусь здѣсь, пока ты не заснешь. Слышишь?

— Слышу, сэръ.

— Ну, хорошо; такъ если я постучу, а ты не отвѣтишь, я буду знать, что ты спишь.

Робинзонъ чувствовалъ себя успокоеннымъ, утѣшеннымъ. Глаза его закрывались по немногу и наконецъ онъ заснулъ.

Мистеръ Иденъ постучалъ, отвѣта не было. Онъ ушелъ къ себѣ въ комнату, а Робинзонъ спалъ какъ ребенокъ послѣ этого лихорадочнаго дня. Тѣло его по прежнему лежало въ темной ямѣ, но духомъ онъ уже не былъ тамъ. Сонъ его былъ сладокъ и спокоенъ.

Въ шесть часовъ Эвансъ пришелъ и отперъ дверь къ заточенному Робинзону. Онъ увидѣлъ его опящимъ на полу, съ спокойной улыбкой на устахъ. Тюремщикъ былъ очень пораженъ этимъ необыкновеннымъ явленіемъ.

Донесли объ этомъ директору, который, послѣ церковной службы, велѣлъ поставить Робинзона за рукоятку.

Мистеръ Гаусъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что наказаніе кончилось для Робинзона такъ благополучно. Ему хотѣлось видѣть чьи нибудь мученія, и дѣло за этимъ не стало. Вотъ что случилось:

Одинъ изъ заключенныхъ, по имени Картеръ, былъ тоже за рукояткой. Когда Гаусъ и тюремщики вошли къ нему посмотреть, кончилъ ли онъ свой урокъ, то нашли его сидящимъ очень беззаботно на полу около рукоятки. Онъ улыбался самодовольно.

— Что, кончилъ? спросили его.

— Да, кончилъ, отвѣчалъ онъ.

Гаусъ взглянулъ на стрѣлку, показывающую число оборотовъ, и что же? стекло, подъ которымъ она находилась, было разбито, стрѣлка снята. Картеръ смотрѣлъ на директора насмѣшливо. Но это насмѣшливое выраженіе очень скоро замѣнилось страдальческимъ. Несчастный попался въ когти кожаного воротника. Картеръ, преданный этому страшному наказанію, кричалъ нечеловѣческимъ голосомъ.

На эти крики собрались все тюремщики и пришелъ мистеръ Иденъ. Онъ слышалъ вой Картера и проклятія Гауса, угрожающаго своей жертвѣ.

Мистеръ Иденъ окаменѣлъ при этой картинѣ, и стоялъ блѣдный, какъ полотно. Онъ не могъ говорить, но на лицѣ его ясно выражалось негодованіе противъ такого варварства.

— Молчать, кричалъ Гаусъ, закрывая ротъ Картеру своими руками.

Картеръ схватилъ зубами одинъ изъ его пальцевъ и прокусилъ до кости. Мистеръ Иденъ помогъ Гаусу освободиться отъ мщенія наказаннаго. Директоръ страшно стоналъ отъ боли, и пошелъ съ окровавленной рукою домой, чтобы чѣмъ нибудь утишить боль своей раны.

Мистеръ Иденъ сѣлъ и закрылъ лицо руками. Ему было страшно тяжело. Онъ упорно велъ къ цѣли свое доброе дѣло, и тѣ, которые должны были бы помогать ему въ этомъ, затѣвали съ нимъ войну, мѣшали ему.

Онъ, напримѣръ, уже много трудился надъ Картеромъ. Онъ замѣтилъ, что Картеръ любитъ картины, и сталъ носить ему разные рисунки, изъ которыхъ непременно извлекалъ нравоученіе для заключеннаго, разсказывая ему значеніе этихъ картинокъ. И Картеръ сталъ замѣтно измѣняться, дѣлался все лучше и лучше, каждый разъ съ большимъ и большимъ вниманіемъ слушалъ разсказы мистера Идена. Но вдругъ Гаусъ, однимъ поступкомъ, сдѣлалъ изъ чловѣка — животное.

Пасторъ просто не зналъ куда дѣться въ горы. Онъ отправился навѣщать заключенныхъ. Послѣ всехъ онъ зашелъ къ Робинзону.

Робинзонъ мучился, отчего пасторъ не пришелъ къ нему раньше. Какъ только онъ отворилъ дверь, Робинзонъ бросился съ восторгомъ къ нему на встрѣчу.

Мистеръ Иденъ подалъ ему руку и привѣтливо улыбнулся.

Они сѣли. Начался очень серьезный разговоръ. Мистеръ Иденъ выговаривалъ Робинзону за всѣ проклятія, которыя онъ произносилъ, когда его тащили въ темную, и упрекалъ его въ этомъ такъ строго, что Робинзонъ наконецъ сказалъ:

— Сэръ, право, вы такъ строги ко мнѣ, что я бы лучше согласился теперь быть въ темной ямѣ; тогда вы принимали мою сторону.

— Тогда ты нуждался въ снисхожденіи и утѣшеніи. А теперь необходимо тебя образумить, объяснить тебѣ, какъ дурно то, что ты сдѣлалъ.

— Знаю, сэръ, что я большой грѣшникъ. Но все-таки увѣренъ, что мои грѣхи далеко не такъ непростительны, какъ этого изверга Гауса.

— Напрасно ты думаешь такъ. Я скажу тебѣ правду: тогда только ты будешь стоять выше его, когда простишь ему все, что онъ тебѣ сдѣлалъ дурнаго.

— Ахъ, сэръ, развѣ можно прощать такимъ варварамъ?

— Разумѣется, можно. Нужно быть снисходительнымъ къ ближнимъ, чтобы заслужить снисхожденіе Бога къ нашимъ грѣхамъ. Возьми свою грифельную доску и пиши: «Господи, прости мнѣ мои прегрѣшенія такъ же, какъ я прощаю мистеру Гаусу его жестокость ко мнѣ.» Читай эти слова какъ можно чаще, выкаивай къ нимъ, старайся ихъ усвоить, старайся ихъ прочувствовать. Я знаю, что задалъ тебѣ трудный урокъ, но тогда только ты не будешь наравнѣ съ мистеромъ Гаусомъ, а выше его, когда

станешь чувствовать къ нему снисхожденіе именно до этой степени. А я, между тѣмъ, буду молиться за васъ обоихъ.

Въ слѣдующее воскресенье, мистеръ Иденъ сказалъ двѣ такія проповѣди, которыхъ, вѣроятно, многіе изъ его слушателей не забудутъ во всю жизнь. Первая была о воровствѣ и о другихъ порокахъ. Онъ говорилъ такъ убѣдительно, такъ усовѣщевалъ преступниковъ, что только развѣ на самыхъ закосныхъ слова его могли не подвѣствовать. Онъ заключилъ такъ:

— Часто, когда я васъ навѣщаю и утѣшаю, вы мнѣ говорите, что не знаете, чтобы сдѣлать для меня угодное, чѣмъ бы отблагодарить меня. До сихъ поръ я никогда не отвѣчалъ на эти слова. Но за то теперь я вамъ на нихъ отвѣчу, всѣмъ вдругъ. Если хотите меня огорчить, оставайтесь такими же, какъ вы были. Если хотите не только мнѣ угодить, но осчастливить меня, раскайтесь и обратитесь къ Богу. Вы мое безпокойство, вы мой ужасъ, сдѣлаетесь моею радостью, моимъ утѣшеніемъ, а въ послѣдствіи, самыми блестящими алмазами моей небесной короны.

Фрей спросилъ директора, какъ ему нравится проповѣдь.

Мистеръ Гаусъ замѣтилъ, что не худо было бы мистера Идена сажать на цѣлую недѣлю въ темную, чтобы онъ впередъ не мѣшался въ чужія дѣла и не выражалъ своего сожалѣнія тамъ, гдѣ его не спрашиваютъ. А по воскресеньямъ его слѣдовало бы выпускать, прибавилъ мистеръ Гаусъ, потому что онъ прекрасно проповѣдуетъ; онъ мастеръ своего дѣла.

Вторая проповѣдь мистера Идена была о жестокости.

Онъ съ такою силою говорилъ противъ этого порока, такъ низко ставилъ тѣхъ, кто ему преданъ, что виновнымъ оставалось только содрагаться отъ ужаса. Каждое его слово дѣйствовало какъ жало; онъ проповѣдывалъ съ необыкновенной энергіей.

Когда онъ кончилъ, Фрей опять обратился съ своимъ прежнимъ вопросомъ къ директору.

Тотъ отвѣчалъ, что не допустить впередъ такихъ проповѣдей.

— Да вѣдь вы только что говорили, сэръ, что вамъ нравится, какъ мистеръ Иденъ проповѣдуетъ.

— Нравится, когда не противъ меня, очень навѣрно отвѣчалъ мистеръ Гаусъ.

Послѣ объѣда двое изъ заключенныхъ позвонили и, когда по этому звонку къ нимъ вошли тюремщики, объявили, что желаютъ видѣть пастора. Мистеръ Иденъ былъ всегда готовъ на при-

глашенія преступниковъ. Одинъ изъ этихъ заключенныхъ былъ человекъ лѣтъ тридцати, а другой еще мальчикъ.

Въ этотъ самый вечеръ мистеръ Гаусъ, въ сильномъ гнѣвѣ, написалъ письмо къ мистеру Лекоку, одному изъ членовъ городского тюремнаго комитета, своему всегдашнему покровителю.

Когда мистеръ Гаусъ встрѣтилъ въ корридорѣ мистера Идена, и этотъ ему поклонился, директоръ не отдалъ поклона. Это значило объявленіе непримиримой войны. Такая рѣшимость предвѣщала страшную бурю.

Вечеромъ въ тотъ же день Эвансъ принесъ мистеру Идену тюремныя правила, въ которыхъ ему отказалъ директоръ. Эвансъ, желая угодить пастору, вымѣнялъ экземпляръ ихъ, за двѣ кружки пива, у другаго тюремщика. Мистеръ Иденъ былъ ему очень благодаренъ за услугу и принялся за правила, которыя и читалъ съ большимъ вниманіемъ вплоть до ночи.

До сихъ поръ на его душѣ какъ будто лежалъ тяжелый камень; онъ думалъ, что нѣтъ никакой надежды уничтожить всѣ варварства въ этой тюрьмѣ. Но теперь лицо его просіяло: онъ читалъ печатныя правила, гдѣ и помину не было о тѣхъ безчеловѣчныхъ наказаніяхъ, которыя ввелъ своевольно мистеръ Гаусъ. Пасторъ ожилъ.

Между тѣмъ въ Гаусѣ кипѣла сильная ненависть къ пастору. Онъ зналъ, что при своей дружбѣ съ членами тюремнаго комитета, ему легко выжить мистера Идена. Но этого было для него мало: ему хотѣлось постоянно чѣмъ-нибудь раздражать мистера Идена, показывать, что не боится его угрозъ. И такъ, оставалось опять выбрать какую-нибудь невинную жертву на мученія.

Грустный этотъ выборъ палъ на бѣднаго Джозефа, которому назначили сверхъ силъ число оборотовъ рукоятки, а потомъ приговорили, за неисполненіе урока, къ кожаному воротнику.

Когда несчастный началъ мучиться и задыхаться, прикрѣпленный къ стѣнѣ, мистеръ Гаусъ шепнулъ Фрею, чтобы онъ, какъ будто отъ себя, далъ объ этомъ знать мистеру Идену. Это сейчасъ же было исполнено.

Пасторъ не медля явился на мѣсто наказанія и засталъ тамъ мистера Гауса и нѣсколькихъ тюремщиковъ, они смѣялись и потѣшались надъ несчастнымъ Джозефомъ.

Мистеръ Иденъ сталъ прямо между жертвою и мучителями, и сказалъ очень строго :

— Знаете ли вы, что вы дѣлаете беззаконный поступокъ этимъ наказаніемъ?

— Нѣтъ, не знаю, насмѣшливо отвѣчалъ мистеръ Гаусъ.

— Такъ я знаю. Смотрите, вотъ печатныя правила о вашей власти; вы не можете распространять ея далѣе назначенныхъ вамъ здѣсь границъ. Покажите же мнѣ, гдѣ дозволено это варварское наказаніе.

— Оно нигдѣ не запрещено.

— Я вамъ повторяю, что вы не имѣете никакого права мѣдлывать наказанія; вы можете подвергать виновныхъ только тѣмъ наказаніямъ, о которыхъ упомянуто здѣсь. Прошу васъ помнить объ этомъ, и не дѣлать ничего противозаконнаго, потому что я этого не допущу. Вамъ придется поплатиться за это. Эвансъ, именемъ закона, приказываю вамъ освободить наказаннаго.

Эвансъ колебался, и былъ въ отчаяніи, зачѣмъ приказаніе было отдано ему, а не комунибудь другому. Мистеръ Иденъ, видя его нерѣшимость, сталъ самъ освобождать Джозефа.

Гаусъ сначала былъ пораженъ какъ громомъ, а потомъ отдалъ приказаніе остановить пастора.

Всѣ бросились на мистера Идена, исключая Эванса, который закричалъ:

— Вы не должны дотрогиваться ни однимъ пальцемъ до мистера Идена.

— Какъ, ты бунтуешь противъ меня, Эвансъ? спросилъ мистеръ Гаусъ.

— Нѣтъ, сэръ, но никто не долженъ обижать мистера Идена. Вѣдь онъ прочелъ то, что напечатано, и доказываетъ, что мы поступаемъ противозаконно. А я долженъ служить закону, и вы тоже.

— Не хочу я слушать твою пустую болтовню. Освободите наказаннаго.

Но мистеръ Иденъ уже освободилъ его до директорскаго приказанія.

— Теперь, сказалъ пасторъ, поди, Джозефъ, къ рукояткѣ, и работай прилежно; я хочу знать, сколько ты можешь сдѣлать въ полчаса.

— Хорошо, сэръ. И онъ пошелъ.

— Знайте, сэръ, сказалъ мистеръ Гаусъ, что на этотъ разъ своеволие проходитъ вамъ такъ легко только потому, что оно

ро будетъ конецъ всемъ вашимъ неумвѣтнымъ распоряженіямъ. Я написалъ въ тюремный комитетъ: его члены прѣдутъ сюда на будущей недѣль. Тогда мы узнаемъ, кто изъ насъ здѣсь властелинъ, я или вы.

— Не я, и не вы. Законъ и вашъ и мой властелинъ.

— Хорошо. Общаю вамъ только одно, что я васъ отсюда выживу.

— Это какимъ образомъ?

— Потому что все начальство глядитъ моими глазами и слышитъ моими ушами.

— Будьте свидѣтелями, сказалъ мистеръ Иденъ, Годжетъ, Фрей, Эвансъ. И онъ записалъ въ свою памятную книгу слова мистера Гауса.

— Я говорю правду, прибавилъ мистеръ Гаусъ.

— Прекрасно, если они съ вами согласны, то я дойду и до верховной власти.

— Вотъ какъ!

— Да, и тогда вы увидите, сколько голосовъ будетъ за меня. Всѣ несчастные, которые теперь молча отъ васъ терпятъ, тогда на васъ выместятъ все свои муки. Онъ обратился къ тюремщикамъ: Прошу васъ съ этихъ поръ забыть о всѣхъ вашихъ незаконныхъ поступкахъ и дѣлать только то, что дозволено закономъ. Напримръ, въ правилахъ сказано, чтобы каждый день всякаго заключеннаго навѣщалъ четыре раза директоръ, четыре — пасторъ и четыре — два тюремщика. Это установлено для той дѣли, чтобы нѣсколько удержать несчастныхъ отъ послѣдствій такого страшнаго, мертваго уединенія, какому они подвержены. Вы должны говорить съ ними, по возможности развлекать ихъ. А вы этого не исполняете. Теперь я вамъ объявляю, что это ностановлено въ вашихъ правилахъ. Еще сказано здѣсь, что больныхъ изъ заключенныхъ нужно непременно отправлять въ лазаретъ, гдѣ комнаты очень большія, и самый чистый воздухъ. Теперь есть семеро опасныхъ больныхъ, и вы ихъ всѣхъ держите въ маленькихъ, душныхъ нумерныхъ комнатахъ; отъ этого дѣлается все хуже и хуже. Сегодня же вечеромъ чтобы они все были въ лазаретъ. Слышите ли?

— Кончены ваши приказанія? спросилъ мистеръ Гаусъ.

— Нѣтъ еще. И онъ началъ читать по печатному экземпляру правилъ, о порціяхъ заключеннымъ, здоровымъ и больнымъ. Вы теперь знаете, какая порція кому слѣдуетъ. Такъ чтобы ни-

кто не смѣлъ убавлять ихъ своевольно. Это просто значить красть. Вотъ вамъ правила; кто не будетъ поступать по нимъ, тотъ за это отвѣтитъ.

Онъ ушелъ.

Всѣ остались пораженными, и стояли неподвижно, какъ статуи. Мистеръ Гаусъ сильно испугался; онъ увидѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко съ своими произвольными распоряженіями. Къ ненависти и жаднѣ мщенія у него прибавился страхъ.

— Фрей, поди ко мнѣ, сказалъ онъ.

У Эванса были жена и дѣти; онъ боялся потерять мѣсто. Онъ подошелъ къ мистеру Гаусу и сказалъ:

— Сэръ, мнѣ было очень непріятно васъ послушаться, но что же было дѣлать, сами посудите, когда мистеръ Иденъ объявилъ, что мы поступаемъ противъ закона.

— Довольно, сказалъ мистеръ Гаусъ съ притворною кротостью. Онъ кажется тебя околдовалъ. А вотъ какъ его выгнать, такъ опять будешь мнѣ служить.

Мистеръ Гаусъ не имѣлъ привычки ссориться съ тюремщиками, но когда Эвансъ на него взглянулъ, то въ холодномъ, суровомъ взглядѣ директора прочелъ свою участь.

XVI.

Гаусъ и Фрей сидѣли, призадумавшись, надъ экземпляромъ тюремныхъ правилъ, и находили тамъ очень мало утѣшительнаго.

— Нечего дѣлать, нужно будетъ, покуда, отправить больныхъ въ лазаретъ. А то плохо... за это и члены комитета не вступятся, потому что трудно. Конечно, все это скоро кончится. Я его выживу раньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ, но какъ ему мстить до тѣхъ поръ?

— Все чаще и строже наказывать заключенныхъ.

— Нѣтъ, это невозможно. Напротивъ, нужно остановить наказанія и хотъ на время казаться правымъ. Хорошо было бы, еслибъ и онъ въ чемъ нибудь провинился противъ закона. Потому что если насъ стануть судить, а онъ будетъ правъ, то его словамъ будутъ вѣрить какъ Евангелію; но если онъ самъ окажется виноватымъ, то и его будутъ выслушивать какъ простаго смертнаго. Что бы выдумать?

И мистеръ Гаусъ призадумался. Вдругъ въ головѣ его блеснула мысль. Онъ жадно схватилъ кусокъ бумаги, и что-то на ней написалъ.

— Фрей, сказалъ онъ, вотъ вамъ всеѣмъ приказаніе; собери всеѣхъ тюремщиковъ и исполните это.

Фрей прочелъ и вышелъ.

Нужно замѣтить, что мистеръ Иденъ, желая болѣе и болѣе исправлять заключенныхъ, употреблялъ для этой цѣли всевозможныя средства. Онъ находилъ, что праздность болѣе всего способствуетъ къ распространенію и укорененію пороковъ, и потому старался, чтобы на обѣихъ половинахъ тюрьмы, какъ женской такъ и мужской, заключенные въ свободное время были заняты какой-нибудь работой, которая бы ихъ развлекала, и вмѣстѣ не была бы тяжела. Для этого, онъ совѣтовалъ имъ упражняться въ разныхъ мастерствахъ и рукодѣльяхъ. Всякій занимался тѣмъ, что зналъ, и въ занятіяхъ время проходило скорѣе прежняго. Кончилось тѣмъ, что даже нѣкоторыя описывали подробно свою преступную жизнь, свое раскаяніе и тѣ отрадныя минуты, которыя слѣдовали за раскаяніемъ и въ которыя появлялось спокойствіе духа и довольство собой. По мнѣнію мистера Идена, было очень полезно давать эти описанія читать другимъ заключеннымъ не только для развлечения, но и съ нравственной цѣлью, потому что это могло ихъ также вызвать къ раскаянію.

И такъ, онъ распространилъ и это занятіе. Многіе стали писать. Все благословляли мистера Идена; тюремная жизнь, послѣ его нововведеній, всеѣмъ казалась во сто разъ сноснѣе.

Вдругъ явились тюремщики съ приказаніемъ директора, и подали это приказаніе мистеру Идену, для прочтенія.

Тамъ было написано, что все не упомянутыя въ тюремныхъ правилахъ занятія немедленно должны быть изгнаны.

Пасторъ былъ неожиданно пораженъ этимъ, но сопротивляться было невозможно. Тотчасъ же тюремщики отобрали отъ заключенныхъ все работы и все нужное для письма. Заключенные пришли въ отчаяніе. Мистеръ Иденъ утѣшалъ всеѣхъ по возможности, а никто не зналъ, какъ безотрадно было у него самого на душѣ въ ту минуту. Не желая показать всеѣмъ, что онъ чувствовалъ, онъ ушелъ къ себѣ.

Тутъ онъ сѣлъ въ кресло и старался придумать новые планы, какъ бы защищать заключенныхъ противъ мистера Гауса. Онъ провелъ часа два въ тяжеломъ раздумьѣ. Вошелъ Эвансъ и объявилъ, что все работы отобраны.

— Ну, что же? спросилъ мистеръ Иденъ.

— Да что, сэръ. Крикъ, шумъ, отчаяніе. Особенно одна жепщина выходила изъ себя, даже оцарапала лицо Фрею.

— Это худо; жаль, что меня не было. Я бы удержаль ее и побраниль за такое поведеніе. Которая же вела себя такъ худо?

— № 57, сэръ. У нея были шелковичные червячки, которыхъ пришлось отнять. Она рыдала, называла ихъ своими дѣтьми, говорила, что это вашъ подарокъ.

— Ну, и что же?

— Фрей ихъ и отняль, а когда онъ ихъ понесъ, то печаянно одного выронилъ. Женщина эта бросилась къ червяку, а Фрей, чтобы дѣло было короче, раздавилъ его ногой. Тутъ она вся поблѣднѣла, задрожала, бросилась на него съ стиснутыми зубами, и сильно вцѣпилась ногтями ему въ лицо, — кровь такъ и полилась. Право, я думалъ, что она его задушить.

— Ахъ, несчастная, какъ мнѣ ее жаль! Сколько я трудился надъ ея исправленіемъ, — какъ она измѣнилась, какъ сдѣлалась добра, кротка! А теперь все мои труды пропали; вы въ одну минуту сдѣлали изъ нея демона. Эвансъ, мнѣ кажется и ты перемѣнился, и ты сдѣлался добрее.

— Какже и не измѣниться тому, кто слышитъ ваши проповѣди? Онъ развѣ только на камень не подѣйствуютъ.

Мистеръ Иденъ былъ очень доволенъ этимъ признаніемъ.

— Впрочемъ, и то правда, продолжалъ Эвансъ, — если бы вы говорили одно, а дѣлали другое, я бы вамъ не повѣрилъ и не перемѣнился бы. Но вы такъ добры, такъ заботливы къ заключеннымъ, что и я пересталъ на нихъ смотрѣть, какъ на кусокъ грязи; и мнѣ стало ихъ жаль.

— Признайся: это не отъ однихъ проповѣдей; полчаса въ кожаномъ воротникѣ тоже помогли открыть тебѣ глаза.

— Это сущая правда; до тѣхъ поръ я самъ не зналъ, какъ я жестокъ.

— Значить, ты на моей сторонѣ.

— Разумѣется, сэръ; я и пришелъ поговорить съ вами, высказать все, что у меня на душѣ. Я удивляюсь, зачѣмъ вы остаетесь въ такомъ гадкомъ мѣстѣ.

— Я дѣлаю здѣсь добро, потому и остаюсь.

— Да вѣдь вы можете дѣлать столько же добра и вездѣ, гдѣ вы будете. А тутъ, вы видите, директоръ противъ васъ; онъ васъ гонитъ. Вамъ ничего не удастся, какъ слѣдуетъ: онъ

вамъ во всемъ помѣхой. И всѣ эти неудачи васъ тревожатъ, разстроиваютъ ваше здоровье.

— Это правда, мнѣ жездоровится.

— А вы думаете, что этого не видно? Вы страшно перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь. Вы такъ похудѣли, такъ изнурились, что васъ нельзя узнать. И изъ-за чего все это? Изъ-за-того, что не успѣете еще ничего сдѣлать, какъ васъ попросятъ отсюда уехать. И все опять пойдетъ по прежнему. Повѣрьте, директоръ съумѣетъ устроить такъ, чтобы васъ здѣсь не было. Такъ не лучше ли уехать самому заранѣе? Я знаю, за вами и меня выгонятъ, за то, что я былъ на вашей сторонѣ.

— Такъ ты совѣтуешь мнѣ лучше оставить тюрьму.

И пасторъ призадумался. Онъ какъ будто колебался... но вдругъ съ блистающими глазами вскочилъ съ дивана и закричалъ: «Retro, Satanas!» такъ грозно, что Эвансъ чуть не упалъ со страху, вскочилъ съ своего мѣста и отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ отъ пастора; потомъ согласился опять съѣсть, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы больше не слышать страшныхъ латинскихъ возгласовъ.

— Выслушай меня, началъ пасторъ, Гаусъ силенъ, но я все-таки обязанъ ему противодействовать. Я не долженъ оставлять тѣхъ кому я нуженъ, потому только, что мнѣ не спокойно, не удобно ихъ защищать. Это была бы слабость, даже низость съ моей стороны. Я стою за правду, за добро, и мнѣ нечего бояться. И перомъ, и словомъ буду защищать несчастныхъ, пока живъ.

— Вотъ прекрасно, а говоришь, что ты на моей сторонѣ? Я не хочу такихъ жалкихъ союзниковъ, которые способны быть порядочными и добрыми только на половину. Одно или другое, ты долженъ рѣшительно выбрать добро или зло.

— Да я бы не задумался выбрать; только одно меня останавливаетъ.

— Напрасно вы это такъ горячо принимаете къ сердцу, сэръ.

— Что же такое?

— У меня жена и четверо дѣтей. Вѣдь они умрутъ съ голоду, если я лишусь мѣста. Чѣмъ я тогда буду жить?

— Да неужели ты думаешь, что если самъ не уйдешь, такъ тебя не прогонятъ? Повѣрь, директоръ уже рѣшилъ насчетъ этого въ своемъ умѣ. Ты слишкомъ явно показалъ уже ему, что ты на моей сторонѣ; теперь тебѣ невозможно это передѣлать. Ни-

чѣмъ его не увѣришь, что ты оиать за него. Это дѣло рѣшенное: вы съ нимъ враги.

— Неужели? такъ что же мнѣ дѣлать?

— Твердо держаться меня одного и дѣлать что я скажу. Помогай мнѣ въ моихъ планахъ.

— Такъ скажите, въ чемъ дѣло.

— Я хочу избавить тюрьму отъ этого директора. Эвансъ вскрикнулъ отъ удивленія.

— Вамъ выжить директора? да это все ровно, что сдвинуть съ мѣста гору. Вы чуть двигаетесь отъ слабости, а какъ храбры на словахъ! Полноте, успокойтесь. Зачѣмъ думать о томъ, чего никогда не можетъ быть?

— Пожалуйста, налей мнѣ чашку чаю; мнѣ очень худо. Благодарю.

— Я вижу, вы не на шутку нездоровы.

— Правда; мнѣ очень дурно; кажется будто умираю. Но хоть бы я и умиралъ, все-таки хочу служить Господу Богу, сражаться за него; не допущу, чтобы противъ Его воли дѣлались такія дѣла на свѣтъ. Помогай только мнѣ въ томъ, о чемъ я просилъ.

— Буду помогать, сэръ. Приказывайте.

— Ты воображаешь, что Гаусъ непоколебимъ какъ гора,—ты ошибаешься. Онъ кажется сильнымъ только потому, что окруженъ множествомъ безсильныхъ, надъ которыми до-сихъ-поръ такъ безнаказанно могъ выказывать свою силу и жестокость. А въ сущности, онъ только нарушитель законовъ. Намъ нужно изъ всѣхъ членовъ тюремнаго комитета найти только одного честнаго, порядочнаго человека и намъ удастся освободиться отъ Гауса.

— Въ томъ-то и бѣда, что мы не найдемъ такого человека.

— Гаусъ былъ такъ откровененъ, что самъ отрекомендовалъ мнѣ такъ худо этотъ комитетъ. И потому я обращусь прямо въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ жалобой на Гауса, съ изобличеніемъ его поступковъ.

Эвансъ сталъ смотрѣть доврчивѣе на планы пастора.

— Я очень хорошо знаю, какъ дѣйствовать, продолжалъ мистеръ Иденъ. — Знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло; знаю, что если мои обвинения будутъ ограничиваться обличеніемъ его жестокости къ заключеннымъ, его варварства, то все останется безъ послѣдствій. Что за дѣло министерству внутреннихъ дѣлъ, что заключенные страдаютъ? Если мистеръ Гаусъ заставляетъ ихъ страдать, то онъ поступаетъ только противъ Бога и закона, а не противъ министер-

ства внутреннихъ дѣлъ. Но я обнаружу, что онъ поступаетъ и противъ министерства внутреннихъ дѣлъ, потому что за нѣсколько прошедшихъ мѣсяцевъ постоянно представляетъ туда, въ своихъ отчетахъ, фальшивыя показанія. Тутъ мнѣ нужна твоя помощь.

— Готовъ служить вамъ, сэръ.

— Вотъ въ чемъ дѣло: я видѣлъ, что Фрей записываетъ каждое наказаніе въ маленькую книжку. Тутъ онъ не лжетъ, а отъмѣчаетъ всю правду, не такъ, какъ въ рапортахъ мистера Гауса, гдѣ нѣтъ и тѣни правды. Такъ вотъ что важно: если ты мнѣ достанешь одну изъ такихъ книжекъ на двѣнадцать часовъ, то Гаусъ лишится мѣста, а ты на своемъ останешься.

— Сэръ, въ восторгъ закричалъ Эвансъ:—если такъ, то вы завтра утромъ получите эту книжку.

— Нѣтъ, сегодня же вечеромъ, непременно. Даю тебѣ часъ времени, и вотъ, на всякій случай, пять фунтовъ стерлинговъ; можетъ быть понадобятся деньги.

Ровно черезъ часъ Эвансъ воротился. Онъ вбѣжалъ запыхавшись, раскраснѣвшись: онъ торжествовалъ.

— Вотъ вамъ книжка, сэръ, а вотъ и деньги. Онъ не взялъ ни одного фарсинга. Я только польстилъ его аккуратности и отчетливости по должности; сказалъ, что онъ ни разу не забудетъ внести въ книжку что слѣдуетъ, и онъ мнѣ, по первой просьбѣ, далъ ее.

— Молодецъ! теперь останешься при мѣстѣ, повѣрь мнѣ.

— Прощайте, сэръ. Не забудьте, что завтра утромъ вы должны возвратить мнѣ эту книгу.

— Хорошо. Прощай.

И мистеръ Иденъ принялся за дѣло. Онъ тотчасъ же взялъ свою книгу, гдѣ были списаны рапорты мистера Гауса, и началъ ихъ сравнивать съ записками Фрея.

Очень повѣрно, что онъ нашелъ, чего ожидалъ: разницу огромную. Нельзя было повѣрить, что говорится объ одномъ и томъ же въ этихъ двухъ книгахъ.

Мистеръ Иденъ сѣлъ переписывать книгу Фрея. Онъ писалъ очень скоро, но работы было такъ много, что онъ ее окончилъ только въ шесть часовъ утра. Онъ очень утомился отъ этого труда; пальцы у него страшно болѣли, голова горѣла, а ноги были холодны, какъ ледъ.

Онъ былъ совершенно счастливъ, когда окончилъ работу. Те-

перь у него былъ вѣрный отчетъ за два года владычества Гауса въ тюрьмѣ.

Онъ тотчасъ же отправился въ городъ къ своему знакомому присяжному маклеру, и попросилъ его сравнить объ книжки: копію и оригиналъ, и засвидѣтельствовать, что копія совершенно вѣрна. Мистеръ Эдвардъ исполнилъ это съ удовольствіемъ.

Черезъ двадцать минутъ мистеръ Иденъ былъ уже на обратномъ пути, и какъ только пріѣхалъ въ тюрьму, тотчасъ же послалъ за Эвансомъ и возвратилъ ему книгу Фрея.

Потомъ онъ написалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ отношеніе, въ которое включилъ, что у него, Идена, есть доказательства, что мистеръ Гаусъ, за два года своего управленія въ тюрьмѣ, постоянно подаетъ по начальству отчеты невѣрные, скрываетъ самоубійства заключенныхъ и случаи, когда смерть ихъ происходитъ отъ какого нибудь жестокаго наказанія. Что, какъ ему, Идену, положительно извѣстно, вся офиціальная тюремная книга ни болѣе, ни менѣе, какъ цѣлая ткань лжи и обмана. Что, наконецъ, такъ какъ онъ, Иденъ, не можетъ самъ ничего сдѣлать къ улучшенію положенія заключенныхъ, то просить внимательства высшаго начальства.

Копію съ этого отношенія онъ послалъ мистеру Гаусу, прибавляя въ нѣсколькихъ строкахъ, что предоставляетъ мистеру Гаусу съ тою же почтою послать въ министерство внутреннихъ дѣлъ свое оправданіе.

Мистеръ Иденъ былъ очень утомленъ, и только что взялъ печать въ руки, чтобы запечатать пакетъ, какъ упалъ безъ чувствъ на диванъ. Безсонная ночь и тревога нѣсколькихъ послѣднихъ дней не прошли ему даромъ.

XVII.

— Двѣ леди желаютъ васъ видѣть, сказала, откроя дверь, рыжая горничная мистера Идена, которая никакъ не ожидала найдти своего господина въ такомъ состояніи.

Вслѣдъ за нею вошла Сусанна Мертонъ со своею теткой.

— Боже мой! что съ нимъ? вскричала поблѣднѣвшая Сусанна.

— Онъ въ обморокъ, отвѣчала мистриссъ Девисъ.

Сусанна первая бросилась къ нему.

— Ему худо, очень худо, говорила она. — Тетушка, помогите мнѣ!

Молодая дѣвушка прежде всего развязала и сняла съ мисте-

ра Идема бѣлый галстухъ , который его душилъ. Потомъ она бросилась отворять окно; наконецъ и она и тетка, соединенными силами , передвинули диванъ , съ лежавшимъ на немъ больнымъ , къ окну.

— Тетушка , отворите дверь , кричала Сусанна , а сама между тѣмъ вынимала изъ кармана сткляночку съ о-де-колономъ. Она терла имъ виски больнаго , рыдая отъ грусти и страха; потомъ взяла стаканъ воды , влила туда нѣсколько капель о-де-колона и вспрыснула нѣсколько разъ лицо и всю голову больнаго.

Онъ началъ по-немногу приходить въ себя , и Сусанна успокоилась. Когда мистеръ Иденъ открылъ глаза , то увидѣлъ передъ собою прелестную молодую дѣвушку , въ слезахъ и съ ободряющей улыбкой.

— Ахъ , сказалъ онъ , вздохнувши. Боже мой! это вы? откуда? И онъ протянулъ Сусаннѣ руку.

— Ну , слава Богу , вамъ лучше , отвѣтила Сусанна.

— Кто это съ вами?

— Моя тетужка , очень почтенная женщина. Смотрите , ужъ она начала очень безцеремонно прибирать по мѣстамъ все у васъ въ комнату.

Сусанна дала ему понюхать о-де-колона.

— Ахъ , какъ мнѣ отъ этого хорошо! Какъ Господь Богъ милостивъ , Онъ послалъ мнѣ васъ на помощь въ горести. Какъ отрадно видѣть лицо друга въ такую тяжелую минуту!

— Вы опомнились , вамъ лучше , слава Богу , сказала , подходя , мистриссъ Девисъ.

— Надѣюсь , вы у меня погостите , замѣтилъ мистеръ Иденъ.

Сусанна отвѣтила , что не оставитъ его , пока онъ совершенно не выздоровѣетъ.

— Въ такомъ случаѣ , будьте какъ дома. Весь мой второй этажъ въ вашемъ распоряженіи. Я такъ счастливъ , что вы у меня.

Гости отправились въ назначенныя имъ комнаты , а мистеръ Иденъ заснулъ отъ утомленія. Онъ спалъ часа четыре. Въ это время за нимъ присылалъ одинъ изъ заключенныхъ , но Сусанна пожалѣла его разбудить.

Потомъ она ушла въ городъ , и оставила около больнаго тетку , прося ее ни для кого не будить мистера Идена.

Черезъ нѣсколько времени явился Фрей , просить какой-то книги , которую ему обѣщала мистеръ Иденъ; но мистриссъ Девисъ от-

вѣтила, что пасторъ спитъ и что она его ни за что не разбудитъ.

Фрей очень разсердился, сказалъ, что былъ у мистера Идена въ первый и въ послѣдній разъ, и ушелъ.

Мистеръ Иденъ проснулся въ восемь часовъ вечера.

Имъ овладѣло отчаяніе. «Боже мой!» сказалъ онъ, «я проспалъ весь день, почта ушла, а мое отношеніе не отослано.»

Когда онъ всталъ, то нашелъ всю мебель своей комнаты въ страшномъ безпорядкѣ; ни одна вещь не стояла на прежнемъ мѣстѣ, почти все было уставлено, одно на другомъ, посреди комнаты. Это было слѣдствіемъ распорядженій мистриссъ Девисъ, которая вездѣ съ особеннымъ стараніемъ вытирала пыль.

Мистеръ Иденъ сталъ искать пакета съ отношеніемъ, — онъ описалъ его наружный видъ, и мистриссъ Девисъ сказала, что нашла такой пакетъ на полу, подняла его и положила на столъ.

Но на столъ пакета не было; перерыли все, переискали вездѣ, а пропажи все-таки не нашли.

Мистеръ Иденъ упрекалъ себя въ неосмотрительности, спрашивалъ, не приходилъ ли кто-нибудь, пока онъ спалъ. Наконецъ мистриссъ Девисъ вспомнила о приходѣ Фрея, и рѣшила, что пакетъ унесъ онъ, прибавивъ, что у него самый плутовской видъ.

Нечего было дѣлать. Мистеръ Иденъ свѣлъ опять, во второй разъ писать тоже самое отношеніе, чтобы не пропустить и второй почты.

Въ это самое время, мистеръ Гаусъ сидѣлъ въ кабинетъ мистера Вилліамса. Они разсуждали о томъ, какъ бы поскорѣ выжить изъ тюрьмы мистера Идена.

Почтенный мистеръ Вилліамсъ былъ на сторонѣ директора по двумъ причинамъ: во-первыхъ по личному расположенію къ нему, а во-вторыхъ потому, что самъ сильно стоялъ за новую систему строгостей въ тюрьмѣ. Онъ часто повторялъ: «Гаусъ — мой агентъ; новая система—*моя* система.»

Гаусъ подробно изложилъ ему свою жалобу; мистеръ Вилліамсъ горѣлъ отъ нетерпѣнія отмстить за своего пріятеля. Наконецъ онъ сказалъ: «Жаль, нельзя ничего сдѣлать до 25 часа, тогда воротится Пальмеръ; для такого важнаго дѣла мы должны быть всѣ на лицѣ. Только, пожалуйста, пришлите мнѣ сказать, если пасторъ въ это время чѣмъ-нибудь слишкомъ вамъ надоесть.»

И такъ, мистеръ Гаусъ вернулся домой въ прекрасномъ расположеніи духа: онъ былъ совершенно спокоенъ и увѣренъ, что

его замыселъ противъ мистера Идена будетъ исполненъ. Дома онъ нашель на столъ запечатанную бумагу, распечаталъ ее, прочель и задумчиво расположился въ креслахъ.

Мистеръ Иденъ продолжалъ очень вяло писать свое второе отношеніе, когда явилась Сусанна изъ города и объявила, что она подала его письмо на почту.

— Какое? спросилъ удивленный мистеръ Иденъ.

— Да вотъ то длинное, что лежало у васъ на столъ.

— Неужели? Ахъ, какъ вы догадливы!

— Велика догадливость, нечего сказать. Очень просто: если на письмъ стоитъ надпись—весьма нужное, то, значитъ, необходимо поскорѣ его отправить.

Мистеръ Иденъ былъ въ восторгъ, разорвалъ вторичный свой трудъ, и еще разъ поблагодарилъ Сусанну за оказанную ему услугу.

Но вдругъ онъ вспомнилъ, что подозрѣвалъ Фрея въ похищеніи пакета, и его стала мучить совѣсть. Ему было неприятно, что онъ хотъ мысленно обвинилъ человека напрасно.

— Нужно же, наконецъ, дать ему книгу. Я совсѣмъ забылъ свое обѣщаніе, сказалъ Мистеръ Иденъ.

И онъ снялъ съ полки какую-то книгу, завернулъ ее въ бумагу и написалъ: «мистеру Фрею отъ мистера Идена.»

— Теперь, по-крайней-мѣрѣ, не забуду, прибавилъ онъ.

Книга эта была: «Uncle Tom», сочиненіе извѣстное всей Европѣ. Очень часто, когда мистеръ Иденъ присутствовалъ при наказаніи, которое онъ называлъ «мученичествомъ», а директоръ и тюремщики—кожанымъ воротникомъ, онъ вспоминалъ объ «Uncle Tom» и спрашивалъ нѣсколько разъ Фрея; не читалъ ли онъ этой книги.

— Это очень интересная исторія, я знаю, что она бы очень васъ заняла, прибавилъ онъ.

— Такъ нѣтъ ли ея у васъ? нельзя ли мнѣ прочесть?

— Съ удовольствіемъ; придите, я вамъ ее дамъ.

Но при постоянной суматохѣ, мистеръ Иденъ совсѣмъ забылъ о своемъ обѣщаніи и Фрей былъ очень непривѣтливо принятъ госпожею Девисъ, когда явился за книгой.

XVIII.

На другой день мистеръ Гаусъ ходилъ по тюрьмѣ, задумчивый и грустный. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, никому не отвѣчалъ; мало того, онъ даже никого не наказывалъ. Онъ все

♦

думаль о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ отношенія мистера Идена.

— Я себя сижу спокойно у мистера Вилліамса и воображаю, что подвигаю свое дѣло, какъ вдругъ, не тутъ-то было! приятель въ это время готовить мнѣ такую западню, какой я и не ожидалъ. Да еще и копію прислалъ, думаль онъ про себя. Онъ боялся, что мистеръ Иденъ одержитъ надъ нимъ верхъ, и терялся въ раздумьи при этой мысли.

Кончилъ онъ обращеніемъ къ своему единственному утѣшителю, къ грогу.

Угостившись, Гаусъ не помнилъ ничего; ему и дѣла не было до заключенныхъ. Пусть себя дѣлаютъ что знаютъ. Потомъ, приходя въ себя, онъ думаль, что и лучше дѣлаеть, не наказывая ихъ: по-крайней-мѣрѣ этимъ нѣсколько облегчить вліяніе своихъ прежнихъ строгостей. И заключенные будутъ довольны отъ послѣднихъ впечатлѣній, и начальству представятся вѣрные рапорты за нѣсколько дней, безъ наказаній.

И такъ, цѣлые три дня прошли мирно, безъ терзаній, безъ стоновъ. Дни эти казались дикими для мистера Гауса: онъ такъ привыкъ мучить, видѣть страдальческія лица, что эти варварскія привычки превратились въ необходимость. Не даромъ говоритъ пословица: привычка вторая природа. Онъ просто жаждалъ мученія другихъ. Эти три дня, которые онъ провелъ исключительно, необыкновенно, очень его тяготили: они были для него пусты, скучны, безъ значенія.

По его приказанію, больные были переведены въ лазаретъ. Онъ туда пошелъ и встрѣтился тамъ съ докторомъ.

— Какъ вы думаете, спросилъ онъ его, они здѣсь скорѣе поправятся?

— Да, я надѣюсь, сэръ.

Мистеръ Гаусъ сдѣлалъ недовольную мину.

— А вы знаете, сказалъ онъ, что пасторъ страшно возстаеть противъ васъ за то, что вы позволяете держать ихъ не въ лазаретъ, а въ ихъ комнатахъ, и, кажется, даже донесъ объ этомъ высшему начальству. Но ужъ мы съ вами стоимъ другъ за друга. Не дадимся въ обиду.

— Да гдѣ ему теперь обижать кого-нибудь?

— А что?

— Вѣдь онъ боленъ.

— Чѣмъ? Ну, да впрочемъ чѣмъ бы ни было, все же не умереть.

— Отчего же и нѣтъ? Умереть не трудно, у кого желчная горячка.

— Такъ онъ серьезно боленъ?

— Сегодня съ нимъ былъ сильный припадокъ.

Мистеръ Гаусъ пристально посмотрѣлъ на доктора, будто желая прочесть все на его лицѣ. Потомъ онъ старался завести рѣчь о другомъ, но никакъ не могъ скрыть, что его интересовало, и опять заговорилъ о прежнемъ. Онъ было началъ такъ:

— Неправда ли, мы всегда съ вами жили дружно? По положенію, напримвръ, вамъ бы слѣдовало здѣсь бывать всякій день, но я очень хорошо понимаю, что нельзя вамъ жить здѣшнимъ ничтожнымъ жалованьемъ, что вы изъ-за насъ не можете пренебрегать городской практикой, и потому я никогда не требовалъ отъ васъ акуратныхъ посвещеній.

— Да, это правда, сэръ, и я очень вамъ благодаренъ за это.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, такъ скажите мнѣ, пожалуйста, что съ нимъ, съ мистеромъ Иденомъ?

— Что-то въ родѣ горячки.

— Онъ опасенъ?

— Опасенъ? нѣтъ. Покуда нѣтъ.

— Когда же вы это узнаете?

— Да когда болѣзнь разыграется.

Такіе отвѣты вывели мистера Гауса изъ терпѣнія и онъ не замедлилъ за это сказать мистеру Лауэру (такъ звали доктора) что-то оскорбительное. На другой день не было церковной службы: пасторъ лежалъ въ постели. Мистеръ Гаусъ былъ совершенно доволенъ.

Но мало того: послѣ объѣда онъ получилъ какую-то большую, какъ будто официальную бумагу, и когда прочиталъ ее, то на лицѣ его заблестало торжество. Содержаніе этой бумаги будетъ нами разсказано позже; но вотъ послѣдствія ея появленія.

— Запереть лазаретъ и принести мнѣ ключъ, сказалъ мистеръ Гаусъ. Да назначить завтра такихъ-то къ рукояткѣ.

Между-тѣмъ несчастный Робинзонъ просто изнывалъ безъ мистера Идена. Вотъ уже нѣсколько дней онъ былъ лишенъ развлечения, утѣшенія, друга, брата, всего! Тяжело было ему переносить эти лишенія. Вдругъ какъ-то онъ услышалъ, что возлѣ

его двери Фрей разговариваетъ съ кѣмъ-то чужимъ и приглашаетъ войти, посмотреть комнаты заключенныхъ.

Дверь отворилась и въ комнату Робинзона взглянула робко Сусанна.

— Ахъ, мистеръ Робинзонъ, вскрикнула Сусанна.

— Миссъ Мертонъ, сказалъ онъ, ради Бога узнайте что съ мистеромъ Иденемъ.

— Я и такъ знаю что съ нимъ, я живу у него. Онъ очень боленъ. И все ваша тюрьма виновата. Она довела сго до такого состоянія.

Фрей наострилъ уши.

— Однако, онъ не въ опасности? Я буду молиться за него. Онъ научилъ меня молиться, и всѣ, не одинъ я, помолятся за него. Ахъ, миссъ Мертонъ, я бы сейчасъ же умеръ, если бы могъ этимъ спасти нашего добраго мистера Идена!

— Я ему передамъ это, отвѣчала Сусанна.

— Да не принесете ли и мнѣ отъ него хоть одно словечко.

— Хорошо, хорошо. Прощайте, мистеръ Робинзонъ.

Робинзонъ хотѣлъ тоже сказать «прощайте», но не былъ въ силахъ. Сусанна ушла, и комната показалась ему еще мрачнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Мистеръ Иденъ лежалъ въ желчной горячкѣ. Онъ давно уже чувствовалъ себя дурно и перемогался до послѣдней возможности. Разумѣется, было бы лучше, если бы онъ съ самаго начала обратился къ медицинской помощи, а не въ крайности.

Онъ лежалъ худой, со впалыми глазами, желтый. Мистриссъ Девисъ и Сусанна поочередно оставались при немъ. Онъ постоянно бредилъ о заключенныхъ, о томъ, какъ бы имъ помочь, къ кому изъ нихъ ему нужно пойти, кто въ горь.

Вотъ какимъ образомъ Сусанна попала къ Робинзону. Она вспомнила о книгѣ, приготовленной больнымъ для мистера Фрея, и пошла ему ее отнести. Она постучалась къ мистеру Фрею, и онъ, впустивъ ее въ комнату, затворилъ за ней дверь.

Ей сдѣлалось очень страшно остаться съ нимъ наединѣ, лицо его казалось ей такимъ сердитымъ, отчаяннымъ, что она дрожала.

— Что вамъ угодно? спросилъ ее Фрей.

— Я принесла вамъ книгу, которую вамъ обѣщала мистеръ Иденъ. Самъ, бѣдный, онъ боленъ.

Фрей взялъ у нея изъ рукъ книгу и примѣтилъ, что Сусанна

очень хорошенъкая. Въ слѣдствіи этого наблюденія онъ былъ такъ любезенъ, что предложилъ Сусаннѣ показать ей тюрьму.

Бѣдная Сусанна колебалась, ей было страшно видѣть преступниковъ, но потомъ она сказала:

— Благодарю васъ, покажите. Только, пожалуйста, не уходите отъ меня, будьте вездѣ со мной, а то я очень боюсь преступниковъ. Да еще, пожалуйста, не показывайте мнѣ убійць или зажигателей; они должны быть очень страшны. Я хочу видѣть только тѣхъ, которые здѣсь сидятъ не за такія важныя преступленія. Вы не отойдете отъ меня?

— Не бойтесь этого, миледи: у насъ есть правило, чтобы чужихъ къ заключеннымъ не пускать однихъ, а всегда съ кѣмъ-нибудь изъ тюремщиковъ. Впрочемъ, у насъ между заключенными есть очень много хорошихъ людей; мистеръ Иденъ въ нихъ просто влюбленъ.

— Такъ вы мнѣ покажите именно тѣхъ, которыхъ онъ любитъ; мнѣ будетъ интересно ихъ видѣть.

Фрей показалъ ей двѣ или три комнаты съ любимцами мистера Идена, и наконецъ подвелъ ее къ комнатѣ Робинзона, сказавъ: «Вотъ тутъ сидитъ сердитый.»

— Такъ лучше вы мнѣ его и не показывайте.

— Да вѣдь это одинъ изъ самыхъ первыхъ любимцевъ мистера Идена, сказалъ съ усмѣшкой Фрей и отворилъ дверь.

Сусанна встрѣтила знакомаго, мы уже видѣли ихъ встрѣчу. Потомъ Сусанна высказала Фрею много похвалъ на счетъ чистоты и порядка въ тюрьмѣ.

Молодая дѣвушка произвела сильное впечатлѣніе даже на дикаго, загрубѣлаго Фрея.

Придя домой, она застала мистера Идена слабымъ, но спокойнымъ.

Она рассказывала ему свое свиданіе съ Робинзономъ, свое прежнее знакомство съ нимъ,—какъ вдругъ сильный стукъ въ дверь заставилъ ихъ вздрогнуть.

Это былъ курьеръ съ отвѣтомъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Мистеръ Иденъ судорожно распечаталъ пакетъ, но чѣмъ долѣе онъ читалъ бумагу, тѣмъ сильнѣе краска выступала на его лицѣ, тѣмъ ярче блистали его утомленные глаза. Наконецъ, онъ въ изнеможеніи упалъ на подушку, и едва слышно проговорилъ: «Этого я не ожидалъ».

Въ письмѣ этомъ, министерство внутреннихъ дѣлъ ему объявляло, что его извѣщеніе адресовано было неправильно; что онъ долженъ былъ обратиться въ мѣстный тюремный комитетъ, а не въ министерство, и потому министерство препроводило къ каждому изъ членовъ этого комитета по копіи съ его отношенія, а члены сдѣлають распоряженія, какія окажутся нужными, и потомъ уже войдутъ съ представленіемъ о всемъ дѣлѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Мистеръ Иденъ съѣлъ на постели и велѣлъ подать себѣ шпигль для письма.

Сусанна это исполнила, но умоляла его не волноваться.

Онъ написалъ въ отвѣтъ, что удивляется, какъ при удостовереніи о такихъ серьезныхъ предметахъ, требующихъ безотлагательной дѣятельности, можетъ быть столько переговоровъ и формальностей. Потомъ онъ объяснилъ, что адресовался прямо въ министерство внутреннихъ дѣлъ мимо тюремнаго комитета именно потому, что господа члены этого комитета никогда не захотятъ сдѣлать ничего добраго: «члены видятъ зло и не только допускаютъ, но и поощряютъ его, а министерство внутреннихъ допускаетъ это потому только, что не знаетъ,» писалъ онъ. «Очень просто: еслибы я жаловался комитету, то жаловался бы на него самого, и не могъ бы ожидать никакой пользы. Ради Бога не медлите, спасайте несчастныхъ, придите мнѣ на помощь: я боленъ, у меня нѣтъ больше силъ дѣйствовать, нѣтъ силъ долже спасти жизнь другимъ. Съ этой минуты вы отвѣчаете передъ Богомъ и отечествомъ за каждую насильственную смерть въ тюрьмѣ.»

Волненіе, послѣ этого письма, конечно, могло только повредить положенію больного. Ночью ему сдѣлалось такъ худо, что Сусанна и ея тетка страшно перепугались. Онъ послалъ за докторомъ; тотъ пришелъ, пощупалъ пульсъ, и посмотрѣлъ на больного какъ-то неутѣшительно, сомнительно. Впрочемъ, онъ сказалъ, что есть еще надежда, и прописалъ новый рецептъ.

Больной ровно ничего не ѣлъ, но очень аккуратно принималъ всѣ лекарства, прописанныя докторомъ. Лучше однако не было.

Разъ ему даже сдѣлалось такъ худо, что Сусаннѣ пришло на мысль: «земля не умретъ цѣнить такого чловѣка; она недостойна его, и Богъ непременно возьметъ его къ себѣ.» Она подошла къ мистеру Идену и нѣжно спросила его, не можетъ ли она что нибудь для него сдѣлать, не желаетъ ли онъ чего нибудь?

Онъ улыбнулся съ признательностью и сказалъ умоляющимъ голосомъ:

— Добрая, милая Сусанна, сходите за меня навѣстить Строта и Рабнizona. У Строта посидите подольше, потому что онъ старше. Они, бѣдные, вѣрно по мнѣ соскучились.

Сусанна тотчасъ исполнила его желаніе. Когда она вернулась, то подробно передала ему что они говорили и что она имъ отвѣчала. Она рассказывала, что всѣ были къ ней очень почтительны и усердно распрашивали, какъ здоровье мистера Идена, лучше ли ему.

— Вотъ какіе они всѣ добрые, сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Тутъ онъ заснулъ, и Сусанна предалась вполнѣ своимъ грустнымъ опасеніямъ. Ей какъ будто говорило сердце: «Тебѣ уже немного дней остается его видѣть!»

Мистриссъ Девисъ тоже сидѣла скучная. Всѣ труды ея были напрасны: тотъ, для кого она все вычистила, все привела въ порядокъ, лежалъ чуть ли не при смерти! Она сказала съ грустью Сусаннѣ: «Право, мнѣ кажется, ему ужъ не жить.»

— Ахъ, тетюшка, не говорите этого, вскричала Сусанна, и занялась слезами, потому что услышала отъ другаго подтвержденіе своихъ предчувствій.

— Смотри, не плачь, Сусанна. Онъ просыпается, — онъ увидѣть.

Сусанна тотчасъ же сдѣлала улыбающееся лицо. Она соединяла въ себѣ достоинства рѣдкой сидѣлки при больныхъ: на сердцѣ у нея было тяжело, безотрадно, а на лицѣ ея больной видѣлъ постоянное выраженіе надежды, которое его и поддерживало.

Съ каждымъ днемъ мистеръ Иденъ какъ будто постепенно таялъ; бѣдной Сусаннѣ становилось все труднѣе и труднѣе скрывать свою грусть. Уже глаза его начинали блуждать въ предсмертномъ забытїи; Сусанна и тетка ея замѣчали это и приходили въ ужасъ. Больной, казалось, все не понималъ своего положенія. Онъ никогда не говорилъ, что ожидаетъ смерти, не дѣлалъ никакихъ распоряженій. Напротивъ, имъ казалось даже, что онъ очень спокоенъ.

Разъ какъ-то онъ былъ въ сильномъ бреду, какъ будто съ кѣмъ-то разговаривалъ, основывалъ новую тюрьму по своей системѣ, и описывалъ эту систему съ большимъ жаромъ, только въ отрывистыхъ выраженіяхъ.

*

Онъ особенно много говорилъ о томъ, что прежде всего нужно стараться дѣйствовать на преступника добромъ, стараться исправить его словами, развивать въ немъ нравственное сознание. И что только при бесполезности этихъ средствъ, если несчастный слишкомъ погрязъ въ порокъ, — тогда только нужно прибѣгать къ серьезнымъ мѣрамъ, строгимъ, однако не безчеловѣчнымъ. Но начинать прямо съ наказаній, мучить заключенныхъ работой, которая имъ не по силамъ, жаждать ихъ страданій, пропитать ихъ ненавистью ко всему человѣческому роду, сдѣлать ихъ звѣрями, а потомъ требовать, чтобы они исправлялись,—это безразсудно, это низко! «Это можетъ дѣлать только такой извергъ, какъ.... Но я буду поступать не такъ. Я... ахъ, я боленъ, я безсиленъ!...» Тутъ онъ пришелъ въ себя, и тяжело вздохнулъ. Вмѣсто грёзы, ему представилось настоящее, и онъ почувствовалъ—будто камень на сердцѣ. Но вдругъ онъ сложилъ крестомъ руки на груди и сказалъ: «Воля Божія да исполнится». Слезы показались у него на глазахъ и онъ еще разъ съ умиленіемъ повторялъ: «Воля Божія да исполнится!» Потомъ, обращаясь къ Сусаннѣ, онъ сказалъ:

— Добрый другъ мой, Господь Богъ всегда найдетъ себѣ орудіе. Доброе дѣло все-таки будетъ сдѣлано, если не мною, такъ другимъ.

Изъ этихъ словъ Сусанна заключила, что и онъ видитъ то, что видятъ другіе; ей сдѣлалось невыносимо грустно.

Она вышла изъ комнаты, чтобы не волновать его своими слезами, которыхъ долже не могла удержатъ.

Послѣ обѣда, часа въ четыре, пришелъ докторъ съ какимъ-то незнакомымъ Сусаннѣ человѣкомъ. Это былъ Годжсъ. Они долго о чемъ-то переговаривались шепотомъ. Мистриссъ Девнсъ была очень недовольна этимъ новымъ визитомъ, и спросила мистера Годжса, зачѣмъ онъ пришелъ.

— Узнать о здоровьѣ мистера Идена, былъ отвѣтъ.

Пасторъ попросилъ Годжса подойти къ его постели, и принялъ его съ ласковой улыбкой.

— Сядьте, Годжсъ, сказалъ онъ.

Докторъ пощупалъ пульсъ больнаго, и прописалъ ему новое лекарство. Дѣлать это, онъ поставлялъ себѣ въ обязанность при каждомъ визитѣ. Потомъ онъ спросилъ мистера Идена, какъ онъ себя чувствуетъ.

— Мнѣ теперъ нужно поговорить съ Годжсомъ, отвѣчалъ

пасторь. «Годжсъ, подойдите сюда, повторилъ онъ ласково.— Я хочу вамъ сказать, какъ умирающій можетъ быть счастливъ, если онъ постоянно былъ сострадательнъ къ ближнимъ.

При словъ «умирающій», Годжсъ и докторъ самодовольно перемигнулись. Это не было замѣчено только мистеромъ Иденъ.

Потомъ пасторь сказалъ:

— Но прежде всего благодарю, что вы меня навѣстили.

И онъ протянулъ руку Годжсу, какъ вдругъ мистриссъ Девисъ бросилась къ нему, схватила его за эту руку и положила ее подъ одѣяло, говоря:

— Сохрани васъ Боже давать руку такому негодяю! Вы ошибаетесь въ немъ: онъ самый низкій человекъ. Я слышала, что они говорили съ докторомъ, шепотомъ. У васъ есть въ тюрьмѣ какой-то врагъ; онъ-то и прислалъ ихъ узнать, на сколько вамъ худо.

— Довольно, мистриссъ Девисъ, сказалъ пасторь.

Наступило молчаніе; мистеръ Иденъ поглядѣлъ на обоихъ пришедшихъ. Имъ, видимо, было очень неловко переносить этотъ взглядъ.

— Такъ вы посланы имъ, началъ мистеръ Иденъ. Что же? такое любопытство не грѣхъ, точно также какъ и мучить беззащитныхъ не грѣхъ. Мистеръ Гаусъ прислалъ васъ узнать, скоро ли его жертвы останутся безъ защитника.

Годжсъ вспыхнулъ; мистриссъ Девисъ закрыла лицо передникомъ.

Мистеръ Иденъ продолжалъ:

«Скажите ему, что я позаботился о всѣхъ своихъ мірскихъ дѣлахъ, и заплатилъ всѣ свои мелочные долги.

«Скажите ему, что я сдѣлалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ позаботился и объ Эвансѣ, — а почему, вы узнаете послѣ.

«Скажите ему, что вы застали меня со впалыми щеками, съ блуждающими глазами и съ осунувшимся лицомъ.

«Скажите ему, что возлѣ меня Библия, что я, приготовляясь къ новому міру, забылъ обо всемъ въ здѣшнемъ, даже объ этой тюрьмѣ.

«Скажите ему, что у меня на лицѣ уже выступилъ холодный потъ.

«И, наконецъ, скажите ему, проговорилъ онъ вдругъ твердымъ, звучнымъ голосомъ:—что онъ опять возвратилъ меня на землю. Онъ прислалъ васъ, а вы мнѣ напомнили, что если я умру, то оставлю моихъ овецъ на създеніе волку. Благодарю васъ за это. Знайте же: я не умру, а буду жить и исполнять волю Божію, и раздавлю еще того, который прислалъ васъ смотрѣть на умирающаго,—васъ, его жалкое орудіе. *Вотъ вамъ дверь!* прокричалъ онъ въ испугеніи, и въ эту минуту, поднятый какою-то магическою силой, онъ всталъ на кровати; глаза его блестя и рука, которою онъ имъ указывалъ на дверь, дрожала. Мистриссъ Девисъ поспѣшно отворила дверь, честная пара бросилась въ нее безъ оглядки.

— Сусанна! Сусанна! кричалъ мистеръ Иденъ:—окажите мнѣ услугу, очень большую: съездите за меня, куда нужно.

— Съ удовольствіемъ; скажите только скорѣе куда; я готова для васъ объѣхать всю Англію.

— Вы должны съездить въ деревню за шестнадцать миль отсюда. Четыре часа ѣзды. Тамъ живетъ человекъ, который вычислитъ меня, если есть малѣйшая возможность.

Онъ написалъ записку и далъ ее Сусаннѣ.—Скажите ему обо мнѣ всю правду; я увѣренъ, что онъ пріѣдетъ, не смотря на то, что ему невыгодно оставить своихъ больныхъ. Пріѣзжайте сюда завтра съ нимъ вмѣстѣ.

Сусанна взяла съ собой гребень, щетку, смѣну бѣлья,—распростилась съ теткой и мистеромъ Иденомъ, общала ему непременно привезти, даже, если будетъ нужно, привести на рукахъ, его исцѣлителя, и отправилась.

Потомъ мистеръ Иденъ попросилъ мистриссъ Девисъ подать ему Библию: «Эта книга часто успокоивала мои растерзанные нервы и окровавленное сердце; Богъ дастъ, она и теперь доставитъ мнѣ утѣшеніе. Только, пожалуйста, дайте мнѣ покою на двадцать-четыре часа, чтобы никто ко мнѣ не входилъ. Мнѣ нужно жить.»

Мистеръ Гаусъ въ это время только и желалъ одного: чтобы мистеръ Иденъ скорѣе переселился въ другой міръ. Онъ не хотѣлъ видѣть передъ собою постоянное сопротивленіе, и, замѣтивъ въ своемъ противникѣ столько энергій, очень его боялся, хотя и зналъ, что тюремный комитетъ такъ же противъ пастора.

Часто онъ спрашивалъ доктора о положеніи здоровья мистера Идена, но докторъ всегда отвѣчалъ нервно, такъ что ми-

стеръ Гаусъ никакъ не могъ понять, которое изъ двухъ предположеній вѣроятнѣе: останется живъ мистеръ Иденъ, или умретъ. Наконецъ онъ поручилъ узнать объ этомъ Годжсу, который не смѣлъ противиться желанію такого строгаго начальника.

Когда мистеръ Иденъ такъ хорошо принялъ и Годжса и доктора, то они возненавидѣли и пастора и директора, — перваго за то, что онъ обошелся съ ними какъ съ собаками, а втораго за то, что посылалъ ихъ къ такимъ лицамъ, которыя могутъ съ ними обращаться какъ съ собаками. Оставалось имъ только еще возненавидѣть и самихъ себя, за то, что они были на самомъ дѣлѣ не лучше собаки.

Должность мистера Идена исполнялъ, на время, другой пасторъ, который машинально отправлялъ свою обязанность, потому что считалъ себя только гостемъ.

И такъ, мистеру Гаусу не было помѣхи свирѣпствовать. И онъ прекрасно пользовался полной свободой. Никогда еще не было такихъ ужасовъ въ тюрьмѣ. Онъ не щадилъ никого: рукоятки вертѣлись безъ отдыху, кожаный воротникъ переходилъ съ одного на другаго. Вездѣ слышались стоны и вопли. Мистеръ Гаусъ не зналъ, какъ бы превзойти себя.

Наконецъ онъ придумалъ нѣчто новое: когда задавали известное число оборотовъ какому-нибудь преступнику, то онъ вѣшалъ тяжелый блокъ внутри машины; блокъ этотъ еще болѣе замедлялъ обороты рукоятки и дѣлалъ ихъ вдвое тяжеле, такъ что наказанный, развѣ только вдругъ превратясь въ Геркулеса, могъ бы исполнить заданный урокъ.

Всего описать невозможно. Приведемъ только одинъ примѣръ или два. Директоръ не давалъ ѣсть одному бѣдному мальчику съ утра субботы до полудня воскресенья, и заставлялъ его работать. Въ воскресенье на обѣдъ онъ ему далъ только шесть унцій хлѣба и кружку воды.

Другаго заключеннаго онъ присудилъ—пробыть двадцать четыре часа въ кожаномъ воротникѣ и велѣлъ заставлять его ѣсть при этомъ наказаніи. Шея у этого несчастнаго была очень толста и коротка: когда онъ хотѣлъ глотать, то воротникъ его такъ душилъ, что онъ испытывалъ двойныя, невыразимыя мученія.

Наконецъ звѣрь назначилъ мальчику одиннадцати лѣтъ пробыть три дня въ кожаномъ воротникѣ на хлѣбъ и водѣ, и двѣ недѣли у него не было ни постели, ни освѣщенія.

Кромъ того онъ не позволялъ ему ходить въ церковь, — это страшное лишеніе для несчастныхъ заключенныхъ, которые цѣлый день, кромъ службы, не слышатъ живаго слова.

Въ такихъ случаяхъ мистеръ Гаусъ всегда говорилъ:

— Ты не можешь идти въ церковь; Богу будетъ непріятно слышать твои молитвы, потому что ты не исполнилъ воли одного изъ его слугъ. Впередъ будешь меня слушаться.

Дошло наконецъ дѣло и до несчастнаго Картера. Ему задали урокъ не по человѣческимъ силамъ, а потому, за то, что онъ его не исполнилъ, заставили попробовать кожанаго воротника.

Его затянули такъ туго этимъ воротникомъ, что съ нимъ сдѣлались сильныя судороги и онъ началъ страшно кричать. Директоръ думалъ заставить его замолчать угрозами, но — напрасный трудъ. Несчастный кричалъ все громче и громче.

— Терпѣть не могу шуму; что бы сдѣлать, чѣмъ бы зажать ему горло? Докторъ, придумайте же для этого какое-нибудь средство.

— Да я, право, ничего такого не знаю, отвѣчалъ докторъ.

— Хорошо, докторъ, помните же это, сердито замѣтилъ директоръ.

— Ахъ, нашель! Прекрасно. Лучше ничего нельзя придумать. Прикажите принести соли.

— Эй, соли! закричалъ съ жадностью мистеръ Гаусъ. Живѣй! соли! Пусть принесутъ фунтъ.

Черезъ минуту явилась и соль.

— Если хотите, чтобы онъ замолчалъ, дайте ему въ ротъ соли, сказалъ докторъ.

И директоръ съ торжествомъ, при первомъ крикѣ Картера, бросалъ въ ротъ ему горсть соли. Удивленіе и выраженіе скорби на лицѣ несчастнаго заняли, на нѣсколько минутъ, присутствующихъ.

Картеръ всеми силами старался выплюнуть соль, но выплюнулъ только часть, а остальная драла ему горло.

— Прекрасно придумано, докторъ, сказалъ Гаусъ, улыбаясь отъ удовольствія.

Наказанный сталъ мучиться вдвое болѣе, и кричалъ все громче и громче, и при каждомъ новомъ крикѣ, ему бросали въ ротъ новый пріемъ соли. Особенно ревностно исполнялъ это самъ директоръ. Этотъ человѣкъ уже до того сдѣлался звѣремъ, что для него было истинное наслажденіе — удваивать мученія стра-

дальца именно въ тѣ минуты, когда тотъ кричалъ и безъ того отъ невыносимой боли и могъ надѣяться криками только вызвать сожалѣніе и пощаду.

Уже нѣсколько часовъ сряду Картеръ выносилъ это безчеловѣчное наказаніе; имъ овладѣла мучительная жажда.

И прежде продолжительныя мученія возбуждали обыкновенно жажду у наказанныхъ, но въ этомъ случаѣ, соль ее усилила во сто разъ. Тотъ, кто не испыталъ никогда сильной жажды, не можетъ понять, до чего она мучительна. У сѣднаго страдальца горло такъ было опалено, что онъ едва могъ дышать. Глаза были полны кровью; языкъ висѣлъ изъ открытаго рта. Онъ отдалъ бы все на свѣтъ за каплю воды.

Директоръ видѣлъ его ужасное положеніе, но не позволялъ освободить его раньше назначеннаго срока. Дисциплина прежде всего!

Одинъ только человекъ страдалъ при видѣ такихъ терзаній, но не смѣлъ этого показывать, — то былъ Эвансъ. Стараніями мистера Идена въ немъ пробудилось столько добраго, что онъ сдѣлался человекомъ, следовательно исключеніемъ въ тюрьмѣ, гдѣ господствовали звѣри. Онъ долго стоялъ возлѣ наказаннаго, долго думалъ, какъ бы помочь ему и наконецъ бросился вонъ изъ комнаты. Онъ вспомнилъ, что у него есть охотничья кожаная манерка для питья: онъ зачерпнулъ въ нее воды изъ ведра, и притворясь, что затягиваетъ крѣпче воротникъ на наказанномъ, нагнулся къ нему и далъ ему напиться. Картеръ съ жадностью выпилъ небольшое количество воды, и какъ оно ни было мало, но имъ были устранены страшныя послѣдствія.

Эвансъ былъ въ это время однимъ изъ самыхъ жалкихъ жителей тюрьмы. Онъ не могъ безъ ужаса видѣть все, что въ ней творилось во время болѣзни пастора Идена. Однихъ наказывали, другіе съ трепетомъ ожидали своей очереди. Никто не могъ ручаться, что проведетъ спокойно хоть одинъ часъ; никто не зналъ средствъ избѣжать наказанія: всѣ были во власти изверга. Особенно страдали младшіе: дѣти были любимой жертвою директора; изъ нихъ болѣе всего доставалось Джозефсу, а изъ взрослыхъ — Робинзону. Ихъ чаще всѣхъ сажали въ кожаный воротникъ, подвергали голоду и жадѣ, которую никто не смѣлъ утолять; ихъ чаще всего лишали молитвы, свѣта, покая и надежды.

Лазаретъ былъ запертъ; больные по прежнему задыхались въ своихъ маленькихъ, душныхъ комнатахъ.

Прежде, бывало, заключеннымъ позволялось пѣть въ церкви разные священные гимны, и это было для нихъ большою услудою; но Гаусъ умѣлъ и въ этомъ найдти вредъ, и такъ ясно доказалъ его членамъ тюремнаго комитета, что и это утѣшеніе, съ ихъ разрѣшенія, было отнято у несчастныхъ.

Много, много совершалось ужасныхъ дѣлъ! Какъ часто приходили отворять комнату больнаго, и находили тамъ одинъ трупъ! Никто не зналъ, какъ несчастный умеръ, когда онъ умеръ! Можетъ быть, малѣйшая помощь возвратила бы его къ жизни, но никто не входилъ къ нему иначе, какъ въ назначенный часъ для принесенія пищи; никто не видалъ его послѣднихъ терзаній. Онъ умиралъ, какъ въ степи: безъ родныхъ, безъ друзей. Можно себя представить, какъ тяжелы были такія предсмертныя минуты!

Однаго больнаго, напимѣръ, заперли въ восемь часовъ. Въ двѣнадцать часовъ ночи у него появилась предсмертная жажда; онъ сталъ просить воды, но около него никого не было, никто его не слышалъ. Въ жару, задыхаясь, несчастный всталъ съ кровати, доползъ до кружки съ водою, и только что поднесъ ее ко рту, какъ упалъ безъ чувствъ на полъ и тутъ же умеръ. На другое утро вынули у него изъ рукъ тюремную собственность и положили его трупъ на кровать, — какъ будто онъ на ней и умеръ спокойно.

Умирающіе и умершіе были однако счастливѣе живыхъ, а живые вѣрно все счастливѣе Робинзона и Джозефа.

Каждый ихъ день былъ рядъ страданій; нужно было только удивляться одному: откуда у нихъ бралось силы переносить все, что приходилось на ихъ долю.

Человѣкъ, правда, можетъ многое перетерпѣть и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи, но нужно по-крайней-мѣрѣ давать ему маленькіе промежутки между мученіями. Нужно, чтобы онъ отдохнулъ, собрался съ силами встрѣтить новое страданіе. Но у Джозефа и Робинзона не было ни минуты отдыха, ихъ мучили постоянно, силы ихъ должны были непрерывно истощаться, ни чѣмъ не подкрѣпляемыя.

Джозефъ весь исчахъ; у него отъ тѣла остались почти одѣ кости; глаза его совершенно потухли и онали; онъ едва передвигалъ ноги. Ему было только шестнадцать лѣтъ, но Гаусъ

успѣлъ подавить въ немъ и молодость и здоровье. Джозефа можно было принять за старика.

Разъ какъ-то Робинзонъ бѣлилъ корридоръ и пристально смотрѣлъ на какую-то чахлую фигуру, шатающуюся, едва движущуюся; ему хотѣлось знать кто это. Вдругъ эта фигура подошла къ нему и сказала:

— Робинзонъ, это я—Джозефъ.

— Ну, какъ они теперь съ тобой обходятся?

— Тише, Робинзонъ. Они меня убиваютъ.

— Разбойники! И меня тоже хотятъ доканать, во что бы то ни стало!

— Фрей идетъ.

Робинзонъ скорѣе мазнулъ бѣлилами по своимъ панталонамъ и указалъ на бѣлое пятно Джозефу. Они поняли другъ-друга, и на слѣдующій разъ Джозефъ узналъ Робинзона по его панталонамъ, потому что лица у нихъ всегда были закрыты.

— Я больше не могу выносить такой жизни; я отправлюсь къ батюшкѣ.

— А гдѣ твой отецъ?

— Онъ умеръ.

— Ну, такъ я тебѣ скажу, что я съ тобой не согласенъ. Мнѣ тоже приходится очень жутко, но я ни за что не умру; я прежде изведу Гауса. Жду только одного: выздоровѣетъ мистеръ Иденъ, или нѣтъ. Если да, то намъ нечего о себѣ заботиться: онъ насъ спасетъ; если же онъ умретъ, чего Боже сохрани, то я уже отыскалъ мѣстечко, откуда могу достать хорошаго кирпичъ для Гауса.

— Пусть лучше онъ насъ убиваетъ, Робинзонъ, чѣмъ мы его. Богъ съ нимъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, я только и жду того дня, когда потеряю всю надежду.

— А я давно ее потерялъ. Мнѣ Гаусъ только каждый день и повторяетъ, что сдѣлаетъ мнѣ жизнь адомъ, и прекрасно исполняетъ это обещаніе. Однако, какъ бы насъ не застали. Прощай, Робинзонъ. Я чуть живъ; можетъ быть, намъ больше и не придется никогда съ тобой говорить.

— Полно, не говори такъ; мнѣ больно.

Джозефъ зарыдалъ въ отвѣтъ на это участіе.

Это было тотчасъ послѣ завтрака. Обѣда Джозефъ не получилъ, потому что не исполнилъ, какъ обыкновенно, своего об-

ромнаго урока. Ему дали немного хлѣба и воды, и опять отправили за рукоятку, съ страшными угрозами. Джозефъ стоялъ; онъ былъ такъ обезсиленъ, что рѣшительно не могъ работать, и мистеръ Гаусъ тотчасъ же велѣлъ подвергнуть его обыкновенному наказанію. Кожаный воротникъ явился на сцену. Давно уже Джозефъ научился молча предаваться своимъ мученіямъ, но на этотъ разъ онъ сталъ выражать сильный протестъ.

— Лучше бы ужь прямо меня убили, чѣмъ такъ мучить.

— Молчать! крикнулъ мистеръ Гаусъ.

— Вѣдь вы знаете, что задаете мнѣ урокъ не по силамъ.

— Молчать, негодяй! Завязать ему крѣпче горло!

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы мнѣ его перерѣжете. Я буду молчать, сэръ. Впрочемъ, вы видите, что мнѣ уже не долго осталось жить.

Гаусъ продолжалъ угрозы и ругательства.

Бѣдный Джозефъ провелъ часъ въ самыхъ ужасныхъ мученіяхъ: такъ ему сильно затянули горло.

Губы жертвы посинѣли, лицо судорожно сжималось,—вдругъ кто-то изъ окружающихъ за него вступился, это былъ Эвансъ.

Мѣсяца два тому назадъ, онъ совершенно равнодушно смотрѣлъ на такія мученія,—такъ онъ былъ жестокъ. Но мистеръ Иденъ обратилъ вниманіе на его зачерствѣлую душу, старался преобразовать Эванса, пробудить въ немъ чувства, напомнить ему, что онъ человекъ. И вліяніе пастора не осталось безъ плодовъ: Эвансъ измѣнился такъ, что ему самому не вѣрилось его прошлые поступки.

Видя, какъ глаза Джозефа блуждали отъ отчаянія, Эвансъ замѣтилъ:

— Мистеръ Фрей, ужь не слишкомъ ли это?

— Что такое слишкомъ? Мы исполняемъ приказанія нашего начальника.

— Да зачѣмъ же такъ крѣпко стягивать горло? Посмотрите, я не могу просунуть пальца между воротникомъ и шейей. Вѣдь это просто стыдъ, обращаться такъ съ христіаниномъ.

Только что онъ успѣлъ выговорить эти слова, какъ Джозефъ закричалъ страшнымъ, дикимъ, мучительнымъ голосомъ. Въ этомъ крикѣ выражалось столько скорби, столько отчаянія, что сердце раздиралось на части. Потомъ несчастный началъ ры-

дать, слезы облегчили бы его, но воротникъ мѣшалъ и рыданіямъ; онъ такъ въ немъ задыхался, что не могъ плакать.

Наконецъ онъ совсѣмъ почернѣлъ, замолкъ и казалось испускалъ послѣднее дыханіе.

— Боже мой, что вы дѣлаете? сказала Эвансъ, вѣдь онъ умретъ у насъ на глазахъ. Освободите его.

— Вылить на него ведро воды, сказалъ директоръ.

Это было тотчасъ же исполнено, и ровно въ шесть часовъ Джозефа освободили отъ нестерпимыхъ мученій.

Фрей не замедлилъ донести директору о заступничествѣ Эванса.

— Онъ за все разомъ мнѣ заплатится, замѣтилъ съ звѣрскимъ взглядомъ мистеръ Гаусъ.

Потомъ, обращаясь къ Джозефу, онъ сказалъ:

— Я сдѣлаю твою жизнь адомъ, мерзавецъ. Ты смѣешь говорить, что тебя мучать? Завтра же ты у меня узнаешь, что значить мучить. По-крайней-мѣрѣ не напрасно будешь это говорить.

Джозефъ рыдалъ, но не отвѣчалъ ни слова. Его дотащили до его комнаты. Онъ былъ счастливъ мыслью, что хоть тутъ успокоится на нѣсколько минутъ.

Газъ въ его комнатѣ былъ зажженъ; онъ радовался этому, потому что весь страшно продрогъ. Онъ доползъ до газа и погрѣлъ у него руки. Онъ благословлялъ свѣтъ: это былъ его единственный товарищъ.

Покуда онъ любовался имъ, вдругъ дверь отворилась и вошелъ Фрей.

— Ахъ, это вѣрно ужинъ! И прекрасно, я такъ голоденъ, подумалъ несчастный.

Но онъ ошибся. Фрей шелъ прямо къ газу.

— Не безпокойтесь, мистеръ Фрей, онъ хорошо горитъ, сказалъ Джозефъ.

Отвѣта не было, но и газа не стало въ одну минуту. Кругомъ все стемнѣло.

— Что это такое? спросилъ Джозефъ, вы нечаянно погасили огонь, мистеръ Фрей.

— Нѣтъ, не нечаянно. Вѣрно быть тебѣ двѣ недѣли безъ газа.

Джозефъ началъ громко рыдать съ отчаянія. Онъ такъ рыдалъ, что новый пасторъ, проходя мимо его комнаты, велѣлъ Эвансу ее отворить и вошелъ туда съ нимъ вмѣстѣ.

Они застали Джозефа стоящаго посреди комнаты; онъ дрожаль отъ холоду въ своей промокшей одеждѣ. Ужасно было видѣть его страдальческое лицо.

Пасторъ утѣшалъ его общими мѣстами, говорилъ, что терпѣніе лучшее лекарство.

Утѣшеніе это было такъ безцвѣтно, что Джозефъ принялъ его за насмѣшку надъ своимъ несчастіемъ. Пасторъ, думая, что сдѣлалъ все нужное, вышелъ.

Эвансъ остался у Джозефа.

— Не плачь, не кричи, мнѣ больно тебя слушать, говорилъ Эвансъ.

— Ахъ, мистеръ Эвансъ! ахъ, о! что я сдѣлалъ, чтобы такъ страдать? Матушка! матушка!

Эвансъ подумалъ: «У него есть мать, и можетъ быть даже онъ ея любимецъ. Что если бы она его теперь увидѣла!»

Потомъ онъ уложилъ его въ кровать и хорошенько укуталъ, говоря:

— Ты согрѣешься скоро, если будешь лежать спокойно. Да пожалуйста, не думай ни о чемъ.

Джозефъ улегся, но все еще не могъ удержаться рыданій. Онъ обратилъ печальные глаза къ Эвансу съ выраженіемъ искренней благодарности за его доброту и подалъ ему руку. Эвансъ съ чувствомъ пожалъ ее. Онъ былъ счастливъ, что могъ хоть сколько-нибудь помочь несчастному, могъ сказать ему доброе слово.

— Прощай, сказалъ Эвансъ Джозефу, уходя.

Джозефъ дѣйствительно мало-по-малу сталъ согрѣваться, рыданья его становились все рѣже и рѣже, онъ нѣсколько успокоился и заснулъ. Сонъ былъ истиннымъ для него спасеніемъ: хоть тутъ онъ забывалъ настоящее. Иногда онъ вздрагивалъ и начиналъ молитву, но тотчасъ же опять засыпалъ.

Вдругъ комната его освѣтилась; какая-то грубая рука толкнула его и строгій голосъ прозвучалъ надъ его ушами:

— Вставай.

— Зачѣмъ? что такое?

— Затѣмъ, что мнѣ нужна твоя кровать.

Джозефъ всталъ, пораженный.

— Неужели вы и кровать у меня берете?

— Приказаніе директора: на двѣ недѣли безъ кровати и газа.

— На двѣ недѣли? Ха! ха! ха! ха! ха!

— А, такъ это тебѣ смѣшно!..

— Мнѣ смѣшно, что мистеръ Гаусъ воображаетъ, что меня можно на двѣ недѣли оставить безъ постели. Да я въ это время, разувнется, найду себѣ и безъ него спокойную постель.

Годжсъ не понялъ этихъ словъ, взялъ кровать и пошелъ къ двери.

— Мистеръ Годжсъ, а вы не хотите со мной проститься?

— Отчего же и нѣтъ. Прощай.

— Нѣтъ, вы мнѣ дайте руку. Вотъ мистеръ Эвансъ далъ мнѣ руку.

— Вотъ какъ, такъ онъ тебѣ далъ руку? Для чего же это?

— Дайте мнѣ руку, когда я вамъ протягиваю свою. После сами будете раскаяваться, что не дали.

— Пожалуй, на, возьми мою руку. Только откуда у тебя вдругъ явились такія нѣжности; это не передъ добромъ. Завтра утромъ зайду къ тебѣ къ первому.

— Зайдите, мистеръ Годжсъ, по-крайней-мѣрѣ тогда не раскаятѣсь, что дали мнѣ руку сегодня.

Въ эту минуту принесли Джозефсу, вмѣсто ужина, шесть унцій хлѣба и немного воды.

— Мнѣ больше ничего не нужно, сказалъ спокойно Джозефсъ.

Годжсъ ушелъ. Было семь часовъ вечера. Джозефсъ остался одинъ посреди мрака; онъ чувствовалъ сильную дрожь, а согрѣться не было ни какихъ средствъ.

Онъ ходилъ по своей комнатѣ взадъ и впередъ, зубы его дрожали и онъ бросился, какъ собака, на холодный полъ. Камень былъ однако такъ холоденъ, что несчастный долженъ былъ встать и началъ опять ходить.

Въ это самое время въ мягкихъ, теплыхъ постеляхъ спали грѣпкимъ, спокойнымъ сномъ Гаусъ, новый пасторъ, Годжсъ, Фрей, и всѣ члены тюремнаго комитета. На нихъ было сухое бѣлье, въ ихъ комнатахъ было тепло, лежать имъ было мягко, одѣяла у нихъ были фланелевыя; что же имъ было за дѣло, какъ спать несчастный Джозефсъ, да и могли ли они сочувствовать, до чего ему худо! Лишь бы имъ было хорошо.

XIX.

Полночь!

Джозефсъ дрожалъ, лежа на полу у дверей и прислушивался.

— Кажется они спят; теперь самое время.

Гаусъ, Годжсъ, Фрей, все храпѣли, не заботясь о немъ ни мало.

XX.

Второй часъ!

Взошелъ мѣсяць, но небо было облачное и воздухъ холодный. Джозефъ стоялъ на стулѣ у окна. Мрачныя мысли сменялись одна другою въ головѣ бѣднаго заключеннаго. Ему не оставалось ни какой надежды; впереди ожидало его одно зло, но онъ такъ привыкъ къ своему безвыходному положенію, что думалъ о немъ спокойно, не волнуясь. Его занимало—догадываться какое наказаніе Гаусъ готовилъ ему для слѣдующаго дня, когда и говорилъ, что тогда только Джозефъ узнаетъ, что значить мучить. «Неужели есть что-нибудь хуже, ужаснѣе того, что они заставляютъ меня переносить теперь?» думалъ онъ. «Впрочемъ, Гаусъ способенъ выдумать еще что-нибудь, такое варварство, какового не ожидаешь. Такъ лучше отнять у него завтряннее удовольствіе — наслаждаться моими мученіями. Да, лучше разомъ отъ всего отдѣлаться. Вотъ и мѣсяць, вотъ и небо, и въ немъ Господь Богъ. Онъ видитъ, что я хочу сдѣлать, но приметъ ли Онъ меня, несчастнаго, къ себѣ? Можетъ-быть то, что я сдѣлаю, очень худо, но вѣдь Онъ знаетъ сколько я перетерпѣлъ. Больше терпѣть я не въ силахъ. Мистеръ Идесъ говорилъ мнѣ всегда, что Онъ за несчастныхъ. Но можетъ-быть, Онъ разгнѣвается на меня за то, что я сдѣлаю. Госюди, прости меня...

«Люди живутъ и до восьмидесяти, а мнѣ только пятнадцать. Но что же мнѣ въ жизни? вѣдь я уже и теперь не похожъ на человека... такъ изломанъ, такъ изуродованъ по милости мистера Гауса. Такъ не нужно терять времени, а то руки окоченеютъ такъ, что я не въ состояніи буду ими владѣть.

«Мистеръ Эвансъ будетъ на меня сердиться, да что же мнѣ дѣлать? Да благословить его Господь Богъ за его доброту ко мнѣ, и мистера Идена тоже; надѣюсь, что онъ выздоровѣетъ. Платокъ у меня довольно старый, какъ бы не оборвался; впрочемъ вѣдь во мнѣ всеу нѣтъ и половины противъ прежняго.

«Матушка будетъ грустить—что же дѣлать? О, моя родная, ангелъ мой! Вѣрно тебѣ кто-нибудь расскажетъ, сколько я до

того перестрадалъ; тогда ты сама скажешь: «И лучше, что онъ такъ сдѣлалъ, чѣмъ мучиться каждый день, какъ собака». Впрочемъ вѣдь я, все равно, навѣрное умеръ бы въ эти двѣ недѣли.»

«Теперь время; никого не слышно. Матушка, прости меня. Что же мнѣ дѣлать? Господи, прости меня!»

.....
Два часа, все тихо; спите, господа, спите!

XXI.

Было прекрасное утро. Весь свѣтъ пробудился. Проснулись— директоръ, тюремщики, пасторъ; и всѣ они встали спокойные, довольные собой. Никого изъ нихъ не тяготила мысль, каково провелъ ночь несчастный Джозефъ.

Директоръ пошелъ осматривать тюрьму, вошелъ въ кухню, отнялъ отъ порціи Джозефса половину, потомъ приготовилъ по новой методѣ рукоятку для какого-то несчастнаго, то-есть привсыпалъ тяжелый блокъ, чтобы рукоятку, и безъ того тугую, было еще труднѣе вертѣть; наконецъ сталъ вызывать по списку тѣхъ заключенныхъ, которые были назначены для тяжелой работы, — очень сердился, что Джозефъ не являлся по вызову, и пошелъ къ его комнатѣ. Подойдя, онъ увидѣлъ двухъ тюремщиковъ, стоявшихъ въ открытыхъ дверяхъ съ пораженнымъ видомъ.

— Что же вы на него смотрите? тащите его къ рукояткѣ! закричалъ Гаусъ.

— Попробуйте сами его потащить, мрачно отвѣчалъ Годжсъ.

Директоръ былъ пораженъ такимъ дерзкимъ отвѣтомъ, и бросился въ иступленіи, съ проклятіями въ комнату. Наступило мертвое молчаніе. Напрасно онъ истощался въ ругательствахъ, Джозефъ ихъ не слышалъ; мистеръ Гаусъ осыпалъ ими трупъ.

Холодное тѣло Джозефса лежало на срединѣ комнаты. Гаусъ стоялъ надъ нимъ съ открытымъ ртомъ, но уже не говорилъ ни слова. Даже онъ пересталъ проклинать отъ удивленія. Фрей стоялъ серьезно и молча, а Годжсъ дрожалъ. Одна половина носоваго платка висѣла изъ окна, другая лежала на полу возлѣ тѣла; платокъ былъ точно разрванъ ножомъ. Гаусъ это видѣлъ и все понялъ въ одинъ мигъ.

Уже не въ первый разъ, и вѣроятно не въ послѣдній, приходилось мистеру Гаусу видѣть, что его жертвы отдѣлялись отъ него такимъ образомъ. Онъ оледвнѣлъ отъ злобы.

Спустя минуту, онъ сказалъ:

— Негодяй сдѣлалъ это мнѣ на зло. Онъ бросилъ гнѣвный взглядъ на трупъ.

Этотъ несчастный случай привелъ въ ужасъ даже Годжса и Фрея; они оба съ презрѣніемъ смотрѣли на Гауса. Онъ имъ казался гадкимъ.

Годжсъ вышелъ изъ комнаты.

Въ корридоръ онъ встрѣтился съ Эвансомъ, который разговаривалъ съ какимъ-то джентльменомъ. Годжсъ былъ такъ взволнованъ, что Эвансъ съ испугомъ спросилъ, не случилось ли чего-нибудь особеннаго.

— Пойдешь, такъ самъ увидишь, былъ отвѣтъ.

— Боже мой, вѣрно случилось что-нибудь ужасное? сказалъ Эвансъ. — Сэръ, онъ обратился къ джентльмену, съ которымъ разговаривалъ:—вы не ходите, оставайтесь тутъ. Вѣрно что-нибудь страшное.

Когда Эвансъ вошелъ въ комнату Джозефа, тамъ происходилъ слѣдующій разговоръ между Гаусомъ и Фреемъ.

— Это скверная исторія, Фрей.

— Правда; очень скверная.

— Если мистеръ Иденъ когда-нибудь выздоровѣетъ, такъ онъ за это уничтожитъ и меня, и тебя.

— Меня, сэръ! Я только повинуюсь приказаніямъ. Я говорилъ вамъ, что вы зашли слишкомъ далеко; вы меня не слушались.

— И очень худо дѣлалъ, что не слушался, потому что ты одинъ всегда непритворно мнѣ преданъ. Однако, что же намъ дѣлать?

— Да не лежать же ему на полу. Принести бы кровать и уложить его.

— Правда. А, вотъ и Эвансъ. Принеси кровать № 15.

Эвансъ задрожалъ отъ ужаса, увидѣвъ трупъ Джозефа на полу. Потомъ онъ обратился къ вошедшему Годжсу и сказалъ:

— Ты вынесъ кровать, такъ ты и привеси. Годжсъ молча пошелъ за кроватью.

Въ эту минуту вошелъ мистеръ Иденъ, холодно-въжливо поклонился мистеру Гаусу, тихо подошелъ къ покойнику и сталъ передъ нимъ на колыни, говоря:

— Бѣдное дитя! я этого ожидалъ; еще шесть недѣль тому назадъ онъ былъ такъ худъ, такъ блѣденъ, такъ изнуренъ. Онъ долго былъ боленъ, мистеръ Гаусъ? Вѣрно долго, потому-что

остались однѣ кости. Гаусъ и Фрей пришли въ замѣшательство. Вдругъ мистеръ Иденъ сказалъ съ удивленіемъ:—Что это? Онъ весь мокрый. Отчего это? мистеръ Гаусъ, можете ли вы мнѣ сказать причину?

Гаусъ не говорилъ ни слова, но за него отвѣчалъ Эвансъ.

— Да его поливали водой вчера вечеромъ, когда онъ былъ въ кожаномъ воротникѣ, сказалъ Эвансъ мистеру Идену.

— Какъ? развѣ онъ былъ вчера вечеромъ еще здоровъ? такъ отчего же онъ умеръ?

— Ахъ, сэръ, закричалъ Эвансъ, посмотрите, что это въ окнѣ?

Мистеръ Иденъ увидѣлъ платокъ, потомъ синеу на шеѣ умершаго, и отступилъ на нѣсколько шаговъ. Онъ пришелъ въ ужасъ, увидѣвъ, что тутъ самоубійство.

— Сэръ, простите его, сказалъ Эвансъ. Каждый изъ насъ сдѣлалъ бы то же самое на его мѣстѣ. Если бы вы знали, какъ его мучили, что онъ переносилъ! Вчера еще онъ кричалъ, что они его убиваютъ.

— Молчать! закричалъ директоръ. Дерзкая тварь! Какъ ты смѣешь такъ говорить? Молчать!

— Полно, Эвансъ, сказалъ мистеръ Иденъ. — Тутъ не мѣсто для споровъ. Боже мой, въ какомъ я отчаяніи! Я такъ старался исправить Джозефа, я такъ надѣялся на успѣхъ, и вдругъ, что же? Онъ посягнулъ на свою жизнь, онъ умеръ величайшимъ грѣшникомъ. Боже мой! зачѣмъ это такъ?

— Мистеръ Иденъ, отвѣчалъ Эвансъ:—повѣрьте, что ему смерть улыбалась больше жизни, и неудивительно. Я теперь расскажу какъ его терзали, я расскажу все. Прежде, я былъ скрытенъ, боялся, чтобы за мой длинный языкъ не остались жена и дѣти безъ куска хлѣба; но теперь я человекъ, я стою за правду и знаю, что Господь Богъ меня не оставитъ.

Тутъ Эвансъ началъ подробно всю трогательную повѣсть страданій Джозефа, и наконецъ, сказавъ, какъ онъ его оставилъ закутанымъ въ постель, гдѣ больной сталъ понемногу согрѣваться, прибавилъ торжественно:

— Теперь, сэръ, спросите директора, гдѣ эта кровать, въ которую я уложилъ несчастнаго мальчика. *Ея тутъ нѣтъ.*

Въ эту самую минуту Годжсъ вошелъ съ кроватью, приговаривая:

— Вотъ, лучше бы вчера вечеромъ оставили ему кровать, а

*

то теперь велеть привести , когда ему все равно лежать на полу или на кровати.

— А кто же взялъ у него кровать вчера? спросилъ Эвансъ.

— Я, отвѣчалъ Годжсъ:—потому что мнѣ вѣли, разумется.

— Такъ ты долженъ разсказать мнѣ подробно все , что онъ тебѣ тогда говорилъ, потому что ты послѣдній его видѣлъ.

— Извольте, сэръ, только пожалуйста, закройте ему лицо ; я не могу его видѣть.

Мистеръ Иденъ закрылъ лицо Джозефа платкомъ.

Годжсъ началъ :

— Когда я ему объявилъ, что онъ будетъ двѣ недѣли безъ газа и кровати , то онъ расхохотался и сказалъ , что мистеръ Гаусъ напрасно думаетъ, что можетъ оставить его на двѣ недѣли безъ кровати; что онъ очень скоро, раньше двухъ недѣль, найдетъ себѣ спокойную постель. Онъ просилъ меня сказать это мистеру Гаусу , а я ему отвѣчалъ , что не скажу , потому что его и безъ того довольно наказываютъ и мучать.

— Я очень доволенъ, что ты такъ отвѣтилъ, сказалъ мистеръ Иденъ.

— Потомъ онъ просилъ дать ему руку на прощаніе , и я далъ. Отчего же было и не дать? Вѣдь я ничего противъ него не имѣлъ, а дѣлалъ только то, что мнѣ приказывали.

Вдругъ мистеръ Гаусъ вмѣшался въ разговоръ.

— Я слушалъ долго и очень терпѣливо , мистеръ Иденъ , сказалъ онъ:—я хотѣлъ знать, долго ли вы будете себѣ позволять быть за-одно съ моими подчиненными противъ меня ; но вижу, что вашей смѣлости нѣтъ границъ.

— Я и не думалъ о васъ въ эту минуту, отвѣчалъ мистеръ Иденъ. Я теперь занятъ судьбой этой несчастной души, такъ гдѣ же мнѣ думать о васъ? Да и стоитъ ли того?

— Вѣжливо , нечего сказать ! Однако же въ тюрьмѣ директоръ, кажется, что-нибудь значить , а у насъ теперь — ровно ничего. Пойдемъ , Фрей , у насъ есть занятія. И они вышли. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ и Годжсъ.

— Видите ли, сэръ, сказалъ Эвансъ: — настоящій-то убійца не Годжсъ.

— Теперь не время объ этомъ разсуждать. Благодаря Бога, что ты въ этомъ не виноватъ, и оставь меня съ нимъ наединѣ.

Эвансъ ушелъ, а мистеръ Иденъ сталъ на колѣни и долго молился за душу умершаго.

XXII.

Когда мистеръ Иденъ, послѣ своей болѣзни, опять показался въ тюрьмѣ, онъ былъ еще очень блѣденъ и слабъ, но болѣзнь въ немъ была уничтожена.

Вотъ какимъ образомъ была спасена жизнь этого рѣдкаго, достойнаго чловѣка.

Сусанна, черезъ двадцать часовъ послѣ своего отъѣзда, возвратилась съ докторомъ Гольсономъ, другомъ мистера Идена. Сіяющая отъ восторга, она подвела врача къ постели больнаго и оставила ихъ наединѣ.

Мистеръ Иденъ подробно разсказалъ ходъ болѣзни и ея причины; докторъ пересмотрѣлъ все прописанные рецепты и сказалъ:

— Лечили отлично, нечего сказать. Ты былъ слабъ, тебѣ давали средства, чтобы ослабить тебя еще больше. Ты ничего не могъ ѣсть, значить, ничѣмъ не могъ подкрѣплять своихъ силъ,—они у тебя отнимали послѣднія. Ты былъ раздраженъ—тебя раздражали еще больше. По этому и вышло: отъ раздраженія—воспаленіе, а отъ воспаленія—сильная опасность для жизни. Но я тебя вылечу, будь покоенъ; я примусь за дѣло иначе.

Мистеръ Гольсонъ ревностно принялся за лечение: онъ пробылъ возлѣ больнаго друга всю ночь и весь слѣдующій день. Мистеръ Иденъ сталъ уже чувствовать облегченіе, и провелъ день гораздо покойнѣе обыкновеннаго.

Къ ночи онъ заснулъ и спалъ до девяти часовъ утра. Сонъ этотъ его очень укрѣпилъ, и на другой день онъ уже былъ далекъ отъ опасности. Докторъ рѣшился его оставить на попеченіе одного изъ своихъ помощниковъ, который пріѣхалъ вслѣдъ за нимъ.

Больной былъ въ хорошемъ расположеніи духа и чувствовалъ аппетитъ. Все это говорило въ пользу выздоровленія. Передъ отъѣздомъ мистеръ Гольсонъ сказалъ своему другу:

— Френсисъ, слава Богу, ты спасенъ. Теперь я могу тебѣ сказать, что ты былъ въ большой опасности. Еслибы ты прислалъ за мной двумя днями позже, то не было бы никакихъ средствъ исправить то, что здѣшній эскулапъ напортилъ въ твой организмъ.

— Другъ мой! спаситель мой! благодарю тебя; еслибы ты зналъ, до чего моя жизнь нужна!

— Повѣрь, я это очень хорошо знаю.

— Скажи только одно : чѣмъ я буду въ состояніи когда-нибудь отблагодарить тебя за эту огромную услугу?

— Однимъ только, другъ мой : переживи меня, и тогда мы квиты.

— Друзья молча пожали другъ другу руку, и разстались.

Помощникъ мистера Гольсона въ точности исполнялъ его приказанія, и больной постоянно поправлялся.

Сусанна никого къ нему не пускала. Разъ какъ-то приходилъ Эвансъ сказать, что съ заключенными обращаются безчеловѣчно. Сусанна отвѣчала, что мистеръ Иденъ такъ опасенъ, что этого не возможно довести до его свѣдѣнія.

Щеки больного начали округляться, глаза становились свѣтле, аппетитъ былъ какъ у здороваго; только слабость не позволяла ему встать.

Чѣмъ лучше онъ себя чувствовалъ, тѣмъ болѣе ему хотѣлось навѣстить заключенныхъ. Сусанна его увѣряла, что въ тюрьмѣ все измѣнилось, все спокойно, но ему не вѣрилось. Онъ сильно туда порывался; его не пускали.

Въ одно прекрасное утро онъ проснулся раньше своихъ сидѣлокъ, и тихонько отъ нихъ, опираясь на палку, отправился ходить по тюрьмѣ.

Онъ засталъ Джозефа мертвымъ и всю тюрьму въ стонахъ. Въ тотъ же самый день онъ получалъ нѣсколько утѣшительныхъ строкъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ которыхъ было сказано, что вскорѣ будетъ отправленъ тюремный инспекторъ произвести слѣдствіе по жалобѣ Идена. Инспекторъ этотъ исполнялъ свою обязанность, сколько слышалъ мистеръ Иденъ, съ полною добросовѣстностью, и потому нельзя было ожидать, чтобы онъ сталъ дѣйствовать за-одно съ директоромъ.

Но время шло, шло; мистеръ Иденъ каждое утро вставалъ въ надеждѣ, увидѣть въ этотъ день давно ожидаемаго гостя, но инспекторъ все не вѣхалъ. Наконецъ мистеръ Иденъ написалъ ему письмо, и получилъ отвѣтъ такаго содержанія, что ему дѣйствительно поручено рассмотреть жалобу мистера Идена, но не предписано непременно теперь же посѣтить тюрьму; что въ настоящее время онъ объѣзжаетъ всѣ тюрьмы, и когда придетъ очередь, то заведетъ и въ эту; что это будетъ недѣль черезъ шесть.

Легко сказать—черезъ шесть недѣль! но подумать, что въ

эти шесть недѣль нѣсколько страдальцевъ могутъ пасть жертвами тиранства мистера Гауса—ужасно!

Такъ и вышло. Не прошло трехъ дней изъ назначенныхъ шести недѣль, какъ случилось страшное происшествіе съ Джозефомъ.

Помолясь за него, мистеръ Иденъ тотчасъ же описалъ это событіе въ новомъ письмѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, говоря въ заключеніе: «Я уже въ последнемъ письмѣ говорилъ вамъ, что вы отвѣчаете, съ той минуты, за cadaго погибшаго отъ мученій. Значитъ, смерть этого несчастнаго мальчика на вашей отвѣтственности. Черезъ три дня я его хороню, и если въ продолженіе этихъ трехъ дней вы все-таки никого не пришлете для слѣдствія, то я предупреждаю васъ, что обращусь къ самой королевы, распубликую въ журналахъ ужасное положеніе заключенныхъ и ваше пренебреженіе къ моимъ официальнымъ обличеніямъ. Дѣйствуйте какъ знаете; я вамъ объявилъ, какъ я буду дѣйствовать.»

На это письмо онъ очень скоро получилъ удовлетворительный отвѣтъ: «Такъ какъ въ этотъ разъ мистеръ Иденъ привелъ такой вопіющій фактъ въ доказательство варварскихъ поступковъ мистера Гауса,—самоубійство заключеннаго въ слѣдствіе мученій, которымъ его подвергалъ директоръ,—то, безъ всякаго замедленія, будетъ присланъ ревизоръ,—а въ случаѣ, если дѣло приметъ оборотъ запутанный, будетъ наряжена, для изслѣдованія, цѣлая комиссія».

Мистеръ Иденъ былъ очень доволенъ этимъ отвѣтомъ; ему улыбалась уже будущность заключенныхъ, и онъ съ веселымъ лицомъ, съ надеждой въ сердцѣ отправился навѣщать ихъ.

Прежде всѣхъ онъ зашелъ къ Робинзону, и что же? Онъ нашелъ этого несчастнаго въ такомъ видѣ, какъ бывало прежде, до пасторскихъ наставленій, до стараній его утѣшить, улучшить его нравственность.

Робинзонъ сидѣлъ мрачный, съ потупленными въ землю глазами; лицо его было оборочено къ стѣнѣ. Вдругъ онъ вскочилъ съ смѣющимся лицомъ; громко закричалъ и бросилъ какой-то кирпичный обломокъ съ такой силой, что чуть не сбилъ съ ногъ мистера Идена.

Увидѣвъ пастора, Робинзонъ сконфузился.

— Ну, какъ твое здоровье?

— Хуже, чѣмъ до вашей болѣзни, сэръ. Худо намъ было безъ васъ, очень худо.

- Да, кажется.
- Вы еще во-время пришли. Спасите бѣднаго Джозефа. Они его просто убиваютъ, онъ мнѣ самъ это говорилъ.
- Да ты самъ что-то очень блѣденъ.
- Теперь поправлюсь, когда вы съ нами.
- Что это такое ?
- Что ?
- Да вотъ это ?
- Это,—это кирпичъ, сэръ.
- Откуда ты его взялъ ?
- Нашелъ на дворъ.
- Что же ты хотѣлъ съ нимъ дѣлать ?
- Ничего особеннаго, сэръ.
- Робинзонъ, не лги, говори правду.
- Хорошо, сэръ. Я вамъ скажу все, только прежде скажите мнѣ, что дороже: одна жизнь или двадцать ? Разумется, двадцать. Такъ грѣхъ, или нѣтъ—лишить жизни одного человѣка, для того, чтобы этотъ человѣкъ не лишилъ жизни двадцать другихъ людей?
- А, такъ вотъ для чего былъ этотъ кирпичъ. Понялъ, понялъ. Такъ вотъ плоды моихъ наставленій... Вы всѣ приводите меня въ отчаяніе. Вы меня убиваете.
- Ради Бога, сэръ, не говорите такъ. Выслушайте меня. Вѣдь я хотѣлъ его убить только въ такомъ случаѣ, если вы не выздоровѣете. А теперь вы здоровы и съумѣете насъ освободить отъ варвара другими путями, не такими, какъ я собирался. Простите меня, сэръ. Не сердитесь на меня; неужели вы захотите, чтобы такой негодяй, какъ Гаусъ, былъ причиной нашей ссоры? Лучше скажите, сэръ, здоровы ли вы? совсѣмъ ли вы поправились? Буду ли я васъ каждый день видѣть въ моей комнатѣ ?
- И глаза вора наполнились слезами.
- Мистеръ Иденъ улыбнулся и вздохнулъ. «Ты еще слабъ, сказалъ онъ Робинзону. — Намъ съ тобой нужно вмѣстѣ за тебя помолиться.»
- Благодарю васъ, сэръ.
- Дай-ка пульсъ.
- Ахъ, сэръ, мнѣ очень худо! Я такъ слабъ, такъ изнуренъ, у меня такая тоска!

— Я принесъ тебѣ развлеченіе; нужно, чтобы ты забылъ горе; вотъ тебѣ бумага, перо и чернилица.

— Чтожъ мнѣ съ ними дѣлать ?

— Пиши свою исторію; только непременно пиши правду. Не прибавляй ни одного слова, пиши только то, что съ тобой было и что ты чувствуешь. Во-первыхъ, это тебя развлечетъ, а во-вторыхъ, будетъ и польза. Когда ты потомъ самъ прочтешь свою жизнь, то вѣрно раскаешься во многихъ дурныхъ поступкахъ и ощутительнѣе, чѣмъ когда-нибудь, поймешь до чего они дурны. Ты увидишь, какъ пагубны были послѣдствія твоихъ преступленій, какъ одно дурное дѣло влекло за собой другое, а другое—третье. И ты истинно раскаешься и измѣнишься. И другимъ заключеннымъ полезно будетъ это прочесть.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, это меня займетъ, это интересно.

Мистеръ Иденъ вышелъ изъ комнаты Робинзона, оставляя ему занятіе и надежду.

XXIII.

Только неопытные могутъ подумать, что исторія Джозефа на долго напугала мистера Гауса, и дала его мыслямъ новое направленіе. Ничего не бывало. Черезъ шесть часовъ послѣ смерти бѣднаго страдальца, опять двое несчастныхъ мучились въ кожано́мъ воротникѣ. Мистеръ Гаусъ по-прежнему осыпалъ ихъ проклятіями и страшно сердился на Фрея за то, что тотъ, занятый какою-то книгой, не тотчасъ же явился на зовъ директора.

Книга эта была отнята у Фрея и самъ мистеръ Гаусъ такъ заинтересовался ея содержаніемъ, что легъ спать четырьмя часами позже обыкновеннаго.

Въ этотъ же день онъ написалъ мистеру Вилліамсу о случившемся самоубійствѣ, подробно описывая разные вымышленные, отвратительные пороки Джозефа.

На другой день, послѣ обѣда, мистеръ Гаусъ получилъ письмо, — отвѣтъ отъ Вилліамса, — который писалъ, что жалеть о смерти Джозефа, потому что каждый такой фактъ можетъ возбуждать толки противъ ихъ системы управленія заключенными; что члены тюремнаго комитета прѣдуть въ тюрьму черезъ сутки; что мистеръ Вилліамсъ совѣтуетъ Гаусу прямо и смѣло высказать свои жалобы на пастора, которому не проидеть даромъ его умничанье.

— Ага, подумалъ директоръ: — попался, голубчикъ. Фрей,

закричалъ онъ, вотъ эти нумера поставитъ сейчасъ же за рукоятку. Послѣ обѣда принесешь мнѣ рапортъ.

И мистеръ Гаусъ опять принялся за «Uncle-Tom». Въ два часа принесли рапорты, онъ началъ ихъ читать :

— № 40 и 45 дѣлились за рукояткой. № 65 подходилъ къ окну, говорилъ, что хочетъ видѣть свѣтъ. Ему одиннадцатилѣтъ. № 14 сказалъ одному изъ заключенныхъ, котораго освободили, и который уходилъ изъ тюрьмы : Прощай, да благословитъ тебя Господь Богъ ! № 19 писалъ какую-то исторію. Онъ любимецъ пастора.

— А, это Робинзонъ. Вотъ я ему напишу завтра славную исторію на кожъ. Откуда онъ взялъ принадлежности для письма?

— Мистеръ Иденъ далъ.

— Очень радъ. Надюсь, ты все отнялъ.

— Да, сэръ, но какъ № 19 кричалъ, когда я отъ него все отнималъ! Ни за что не хотѣлъ отдать.

— Хорошо, хорошо. Будетъ ему за все.

— Сэръ, вы скоро придете въ тюрьму ?

— Да, да. Вотъ твоя книга меня очень заняла, не могу оторваться, такъ любопытно.

— Да, очень занимательно, сэръ.

— А какъ ты думаешь, все ли здѣсь правда ?

— Я думаю, что правда, сэръ. Похоже на то.

— А я думаю, что на половину правды, а на половину лжи. Ну, напримѣръ, можетъ ли это быть правда, что они посылаютъ мужа и жену въ разныя плантаціи, верстъ за тысячу одного отъ другаго?

— Отчего же, сэръ, вы находите это невѣроятнымъ?

— Разумѣется, этого быть не можетъ!

— Это только значить, что они смотрятъ на людей, какъ на звѣрей.

— Какой ужасъ! Это срамъ! Это достойно проклятiя!

— Конечно.

И они долго разсуждали объ «Uncle-Tom»; многое въ этой книгѣ поражало мистера Гауса, онъ удивлялся разнымъ варварствамъ, какъ-будто и не подозревая, что самъ поступаетъ во сто разъ хуже. Въ заключеніе, онъ сказалъ:

— Радуйся, Фрэй, что ты родился въ Британіи, и благодари за это Бога. Здѣсь нѣтъ невольниковъ, нѣтъ торговли людьми;

здѣсь одинъ законъ для знатныхъ и простыхъ, для бѣдныхъ и богатыхъ, одно правосудіе для слабыхъ и сильныхъ.

— Что же, сэръ, вы пойдете въ тюрьму?

— Нѣтъ; мнѣ хочется читать, не могу оставить этой книги.

— А какъ же на счетъ тѣхъ, которые записаны у меня въ рапортъ.

— Да ты можешь съ ними и безъ меня раздѣлаться, отвѣчалъ Гаусъ небрежно. № 40 и 45 въ кожаный воротникъ. Мальчишку на хлѣбъ и на воду,—а завтра я поговорю съ членами комитета, о томъ, чтобы его лучше высечь. № 14 безъ ужина, безъ кровати и безъ газа.

— А Робинзона?

— О, его безъ ужина и безъ завтрака; даже не давать ему хлѣба и воды. Слышишь ли? А потомъ я его засажу въ темную.

На другое утро мистеръ Гаусъ сидѣлъ за завтракомъ въ прекрасномъ расположеніи духа: онъ былъ твердо увѣренъ, что въ этотъ день побѣдить, унижить своего противника, и сбудетъ его съ рукъ.

Мистеръ Иденъ, напротивъ, былъ очень мраченъ. Гаусъ это замѣтилъ, перетолковалъ невѣрно и сообщилъ Фрею. — Ага, говорилъ мистеръ Гаусъ, повѣсилъ носъ, знаетъ, что приходится плохо.

Послѣ завтрака мистеръ Иденъ пошелъ къ Робинзону, и засталъ его очень угрюмымъ.

— Ахъ, сэръ, какъ я радъ, что вы пришли; они меня просто морятъ голодомъ. Вчера не дали мнѣ ужина, сегодня завтрака, и все за...

— За что?

— За то, что я смѣлъ писать то, что вы мнѣ сказали.

Мистеръ Иденъ вспыхнулъ. Жестокость и вмѣстѣ съ тѣмъ нанесенная ему личная обида поразили его.

— Боже мой, пошли мнѣ терпѣнія еще на нѣсколько времени, сказалъ онъ въ слухъ.

Потомъ онъ бросился вонъ изъ комнаты, но черезъ минуту вернулся съ большимъ ломтемъ хлѣба и кускомъ окорока.

— Ышь скорѣе, сказалъ онъ съ состраданіемъ.

Голодный вѣлъ, какъ волкъ; нѣсколько утоливъ голодь, онъ сказалъ:

— Боже мой! спасалъ ли кто нибудь челоуѣка столько разъ,

какъ вы меня? Теперь я сытъ и могу перенести и кожанный воротникъ, и все, что они придумаютъ.

— Надвюсю, тебя больше не будутъ мучить.

— Ахъ, сэръ, вы не знаете, какой Гаусъ подлець! Въдь онъ морить меня голодомъ, чтобы лишить меня послѣднихъ силъ, чтобъ я не могъ перенести наказанія, которое онъ мнѣ готовить.

— Право, мнѣ кажется, ты объясняешь въ преувеличенномъ видѣ его ненависть къ тебѣ.

— Ахъ, сэръ, хорошо, еслибъ это было такъ!

Члены тюремнаго комитета стали съезжаться въ тюрьму. Прежде всѣхъ, въ одиннадцать часовъ прѣхалъ мистеръ Вудкокъ. Если бы мистеръ Гаусъ ожидалъ его такъ рано, то онъ велѣлъ бы освободить заранѣе Картера изъ кожанаго воротника, но, на бѣду свою, онъ не успѣлъ взять этой предосторожности. Тревожно встрѣтилъ онъ мистера Вудкока, говоря:

— Такъ непріятно: я долженъ былъ наказать одного заключеннаго очень строго.

— Чѣмъ онъ провинился?

— Онъ лѣнился за рукояткой и даже сломалъ ее. Онъ такъ былъ дерзокъ, такъ золь, что мы не могли съ нимъ справиться иначе.

— Я посмотрю на него, покажите его мнѣ.

Мистеръ Вудкокъ нашель Картера въ такомъ положеніи, что при видѣ его мистеру Идену дѣлалось дурно.

Членъ комитета подошелъ къ страдальцу и сказалъ:

— Очень мнѣ жаль тебя, но что же дѣлать; самъ ты виноватъ; лучше бы всегда поступать по дисциплинѣ и слушаться приказаній мистера Гауса.

Картеръ, очень понятно, не отвѣчалъ ни слова.

— Его скоро освободятъ сказалъ Гаусъ и отошелъ.

Мистеръ Вудкокъ пошлель за нимъ, и Картеръ остался безъ всякаго облегченія.

Какъ различны люди на свѣтѣ, и какъ одни и тѣ же предметы представляются имъ въ разномъ свѣтѣ! Когда мистеръ Иденъ въ первый разъ увидѣлъ это наказаніе, ему сдѣлалось такъ худо, что онъ едва дошелъ до своей комнаты; а мистеръ Вудкокъ, отойдя на два шага отъ наказаннаго, забылъ и его, и ужасную картину, которую видѣлъ.

Гаусъ понялъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и сказалъ:

— А вотъ есть еще одинъ заключенный, котораго придется посадить въ темную комнату.

— А что онъ сдѣлалъ?

— Онъ писалъ на бумагѣ, которую ему далъ пасторъ, разные вымыслы, непозволительныя лжи.

— Такъ что же? наказаніе только что по винѣ. Тутъ вовсе нѣтъ лишней строгости.

Они, вмѣстѣ, посѣтили нѣсколькихъ заключенныхъ въ ихъ комнатахъ. Мистеръ Вудкокъ вездѣ повторялъ одно и тоже:

— Если вамъ есть на что пожаловаться, говорите теперь, вы будете удовлетворены.

А мистеръ Гаусъ вездѣ смотрѣлъ такимъ взглядомъ, который значилъ:

— Смѣйте только сказать хоть одно слово, такъ я съ вами раздѣляюсь достойнымъ образомъ, когда онъ уйдетъ.

— Что же мы пропускаемъ одну комнату? спросилъ Вудкокъ.

— Она пустая, сэръ, отвѣчалъ Гаусъ.

Но она была не совсѣмъ пустая. Тамъ стоялъ гробъ и лежалъ мертвый.

Въ двѣнадцать часовъ весь комитетъ собрался въ одну комнату для совѣщанія. Мистеру Гаусу объявили, что пришлютъ за нимъ черезъ полчаса.

Гаусъ раскланялся и ушелъ. Первымъ его дѣломъ было — приказать Фрею запереть Робинзона въ темную.

Несчастный зналъ, что всякое сопротивленіе напрасно, и потому, съ отчаяніемъ на лицѣ, вышелъ изъ своей комнаты по первому приказанію. Изъ всѣхъ ужасныхъ наказаній въ тюрьмѣ, болѣе всего Робинзонъ страшился темной. Онъ взглянулъ на Гауса, думая, нельзя ли его чѣмъ нибудь смягчить. Но нѣтъ! на этомъ безчувственномъ лицѣ не выразалось ни тѣни состраданія или сочувствія, — прибѣгать къ нему было бы все равно, что обращаться къ камню.

На дорогѣ Робинзонъ встрѣтился съ мистеромъ Иденомъ, и закричалъ ему:

— Сэръ, они меня тащатъ на шесть часовъ въ темную яму, за то, что я писалъ. Ахъ! какой я несчастный, шесть часовъ тамъ просидѣть — ужасно!

— Нѣтъ, грозно проревѣлъ Гаусъ издали, двѣнадцать. Набавлено шесть за лишніе разговоры.

Робинзонъ тяжело вздохнулъ и опустилъ голову.

— Я освобожу тебя черезъ три, спокойно сказалъ мистеръ Иденъ.

Гаусъ это услыхаль и громко расхохотался.

— Дайте мнѣ вашу руку, сэръ, изъ сожалѣнія, кричалъ Робинзонъ.

Мистеръ Иденъ подаль ему руку и сказалъ рѣшительно:

«Ты будешь освобожденъ черезъ два часа, Богъ дастъ!»

Гаусъ опять размѣялся: «Мистеръ Иденъ выходитъ все больше и больше изъ границъ. Комитетъ узнаеть объ этомъ,» проговорилъ онъ.

Участіе мистера Идена нѣсколько подкрѣпило несчастнаго Робинзона и онъ шель съ лучемъ надежды въ эту могилу темноты, сумасшествія и смерти.

XXIV.

Члены комитета принялись за дѣло установленнымъ порядкомъ. Они взяли записную книгу мистера Гауса, подробно ее разсмотрѣли, всему въ ней повѣрили, и не справлялись больше ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ, чтобы узнать въ какой степени донесенія мистера Гауса начальству справедливы.

Тотчасъ же, не думая долго, они написали рапортъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, что по новой системѣ управленія въ тюрьмѣ все идетъ прекрасно, что они остались вполне довольны всѣмъ. Мистера Гауса они выставили старательнымъ, дѣятельнымъ, ревностнымъ начальникомъ. О самоубійствѣ Джемсефа было упомянуто только слегка, и не придано этому происшествію никакой важности.

Потомъ они послали просить къ себѣ директора и торжественно прочли ему всѣ похвалы на его счетъ.

Гаусъ почтительно раскланялся, положилъ руку на сердце въ видѣ изъявленія искреннѣйшей благодарности, и представилъ этой позой прекрасную картину скромнаго достоинства, пораженнаго неожиданною похвалою высшаго начальства.

Потомъ мистера Гауса попросили позаботиться, чтобы этотъ рапортъ былъ отосланъ на почту. И черезъ пять минутъ онъ самъ былъ на почтѣ съ пакетомъ.

Между прочимъ дѣло дошло и до настора. Члены комитета рѣшили, что нужно за нимъ послать, и распросить его, по жалобѣ, которую на него подаль директоръ.

Послали за мистеромъ Иденомъ. Онъ въ это время читаль

молитвы надъ умирающимъ, и потому просилъ посланнаго доложить комитету, чѣмъ онъ занятъ, и сказать, что онъ придетъ, какъ только кончитъ свое занятіе.

Отвѣтъ этотъ былъ очень дурно принятъ. Какъ смѣлъ мистеръ Иденъ заставлять ждать живыхъ начальниковъ изъ-за умирающаго преступника!

Скоро явился мистеръ Иденъ, раскланялся почтительно и остановился, молча. Мистеръ Вилліамсъ принялъ важный видъ, чтобы показать свою важность и значеніе. Онъ началъ торжественнымъ тономъ:

— Очень жаль, мистеръ Иденъ, что мы получили на васъ важныя жалобы.

— Пожалуйста, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Иденъ вѣжливо: говорите въ чемъ дѣло. Я вполне увѣренъ, что жалобы эти несправедливы.

— Однако мы ихъ получили отъ такого человека, къ которому имѣемъ довѣріе—отъ начальника тюрьмы, отъ самого мистера Гауса.

— А! такъ тѣмъ болѣе это неправда!

— Увидимъ въ чемъ дѣло: четыре воскресенья тому назадъ, вы говорили проповѣдь.

— Двѣ даже.

— Прекрасно; но одна изъ нихъ была противъ жестокости.

— Дѣйствительно, а другая — противъ воровства.

— Мистеръ Гаусъ считаетъ себя обиженнымъ, и говорить, что въ первой проповѣди вы намекали на него.

— Отчего же именно на него? Здѣсь въ тюрьмѣ, кромѣ его, есть еще болѣе тридцати жестокихъ людей?

— Такъ значитъ ваша проповѣдь не касалась его?

— И касалась и нѣтъ. Она распространялась на цѣлый классъ моихъ прихожанъ, къ которому и онъ принадлежитъ.

— Отчего же мистеръ Гаусъ принялъ намекъ именно на себя?

Мистеръ Иденъ улыбнулся.

— Не думайте, сказалъ онъ:—что онъ одинъ принялъ намеки эти на свой счетъ. Вотъ, напримѣръ, двое изъ заключенныхъ, № № 82 и 97, подумали тоже, потому что они были очень жестоки съ своими женами. Вообще всякій, кто знаетъ за собой какойнибудь грѣхъ, думаетъ, что намекаютъ именно на него, когда говорятъ объ этомъ грѣхѣ. Жаль только, что моя проповѣдь подѣйствовала такъ различно: заключенные приняли это къ

сердцу и отъ души распустился, а мистеръ Гаусъ только разсердился, и остался такимъ же.

— Послушайте, мистеръ Иденъ, намъ вообще не нравится ваше поведеніе здѣсь, ваши проповѣди, ваше вмѣшательство въ управленіе. Кажется, прійдется сдѣлать перемѣщеніе: вы едва ли можете оставаться при своей должности.

— Какъ, сэръ, сказалъ мистеръ Иденъ: — такъ вы воображаете, что вамъ такъ легко отрѣшить меня отъ должности? А что скажетъ епископъ? Не думайте, что онъ вамъ позволитъ распорядиться за него. Вы въ вашей власти и такъ довольно свободны, можете дѣлать много зла.

Мистеръ Вилліамсъ былъ сильно разсерженъ! Онъ даже не нашелся что отвѣчать отъ гнѣва. Онъ только очень вѣжливо попросилъ мистера Идена выйти, говоря, что ему нужно посоветоваться съ прочими членами.

Мистеръ Иденъ вышелъ.

Вилліамсъ началъ съ того, что пастора нужно сейчасъ же отрѣшить отъ должности; но другіе не соглашались, говоря, что это было бы несвоевременно.

Мистеръ Иденъ между тѣмъ пошелъ въ пустую комнату Робинсона и опять положилъ ему перо, бумагу и поставилъ чернилъ. Потомъ онъ отправился къ воротамъ, гдѣ его ожидалъ какой-то незнакомый.

— Джилсъ, сказалъ онъ ему: — ступай скорѣе на станцію. Возьми тамъ экипажъ и хорошую лошадь и жди одного джентельмена, чтобы привезти его сюда; онъ пріѣдетъ на станцію съ послѣднимъ поѣздомъ лондонской желѣзной дороги.

Потомъ онъ опять явился къ судьямъ. Мистеръ Вилліамсъ сказалъ ему холодно:

— Вы должны выбрать одно изъ двухъ: или наше дружеское замѣчаніе, или формальную жалобу епископу.

— Я предпочитаю справедливое несправедливому.

— Такъ жалоба будетъ отправлена.

Мистеръ Иденъ поклонился. Глаза его блистали.

— Мистеръ Гаусъ говоритъ, что вы постоянно мѣшаетесь въ его распоряженія на счетъ заключенныхъ, что вы всегда вооружаетесь противъ дисциплины.

— Напротивъ, я всегда за дисциплину; я только возстаю противъ незаконныхъ поступковъ директора тюрьмы.

— Кому же вѣрить? На кого положиться?

— Вы, разумеется, повърите мнѣму Гаусу, а общественное мнѣніе—Идену!

Тутъ вмѣшался мистеръ Пальмеръ:

— Мы можемъ вѣрить словамъ того и другаго, но официально обсуждать дѣло можемъ только по фактамъ, а не по словамъ.

— Однако, замѣтилъ Вудкокъ:—нельзя же оставить вмѣстѣ мистера Гауса и мистера Идена. Они всегда станутъ мѣшать другъ другу, и въ тюрьмѣ будутъ постоянные безпорядки. А вы, разумеется, знаете цѣну мира и единодушія, мистеръ Иденъ?

— Конечно, знаю.

— Такъ возьмите на себя трудъ возстановить ихъ въ тюрьмѣ.

— Постараюсь.

— Директоръ и вы не можете оставаться вмѣстѣ,—одинъ долженъ очистить дорогу другому,— выйдти изъ тюрьмы, однимъ словомъ.

— Очень просто.

— Такъ мы не будемъ васъ принуждать; вы можете сами просить увольненія отъ этой должности.

— Извините, я думаю найдти другой выходъ изъ этого положенія.

— Другаго нѣтъ.

— А если я избавлю тюрьму отъ мистера Гауса, то миръ и единодушіе также будутъ возстановлены—и цѣль достигнута.

— Отъ мистера Гауса?

— Да, отъ него.

— Да вы никогда не будете въ силахъ выжить его отсюда, это невозможное дѣло, замѣтилъ мистеръ Вилліамсъ.

— А мнѣ кажется, что возможное.

— Онъ заслужилъ наше довѣріе и уваженіе; мы его защитимъ.

— А все-таки съ Божіею помощію я его выживу отсюда.

— Однако ваши протесты противъ мистера Гауса, вмѣстѣ съ тѣмъ направлены и противъ насъ. Послѣ этого намъ остается только не задумываться, а прямо просить начальство, отставить васъ отъ мѣста.

Мистеръ Иденъ поклонился.

— А пока, прибавилъ Вилліамсъ:—мы вѣроятно сегодня же отрѣшимъ васъ временно, собственной властью, отъ вашей должности.

Мистеръ Иденъ поклонился.

— Мы васъ долѣе не задерживаемъ, сэръ, сказалъ Вилліамсъ дерзкимъ тономъ.

— Я скажу вамъ, господа, всего нѣсколько словъ: не входите въ борьбу со мной, для вашего собственнаго блага. Сейчасъ умерщвленъ въ тюрьмѣ одинъ мальчикъ, и я берусь это обнаружить официально. И кромѣ того, у меня множество фактовъ, доказательствъ варварства мистера Гауса, которыхъ я долѣе скрывать не позволю. Вотъ вамъ тюремныя правила, а вотъ поступки директора за весь январь мѣсяцъ. Сравните то и другое, и поймите, слѣдуетъ ли вамъ быть на его сторонѣ. Лучше предохраните во-время свое имя отъ позора.

Три члена комитета встали все вдругъ.

— Приготовьтесь оставить тюрьму, сказалъ мистеръ Вудкокъ. Мистеръ Иденъ поклонился и вышелъ.

Тотчасъ послѣ его ухода, члены комитета составили актъ о временномъ отрѣшеніи пастора отъ должности, и послали за директоромъ тюрьмы.

— Вашъ отзывъ о пасторѣ оказался совершенно справедливымъ, сказали они ему:—съ такимъ человекомъ дисциплина невозможна; вотъ актъ объ отрѣшеніи его отъ должности.

Лицо Гауса просіяло радостью.

— Приведите это въ исполненіе.

Гаусъ вышелъ и тотчасъ же вернулся.

— Онъ не хочетъ выходить изъ тюрьмы, сказалъ мистеръ Гаусъ.

— Что значитъ: не хочетъ?

— Я передалъ ему ваше приказаніе, а онъ отвѣчалъ:—Скажите имъ, что они употребляютъ во зло свою власть, и что я не пойду отсюда. Потомъ онъ далъ мнѣ лоскутокъ бумаги и велѣлъ вамъ отдать.

Вотъ что было на немъ написано:

«There is manу a slip

«Twixt the cup and the lip.»

— Что же потомъ? спросили члены комитета.

— Потомъ онъ вошелъ въ свою комнату и заперся изнутри. Такъ что его только силой можно выпроводить.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Выпроводите его силой, сказалъ Вилліамсъ.

Но другіе члены его остановили, говоря:

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ это можно дѣлать; какъ разъ наживешь себя бѣду. Мы можемъ и тогда съ нимъ справиться, когда онъ выйдетъ изъ тюрьмы добровольно.

— Я устрою, чтобы онъ вышелъ, сказалъ Гаусъ.

— И прекрасно.

Мистеръ Гаусъ сейчасъ же послалъ Фрея сказать мистеру Идену, что прїѣхалъ какой-то джентельменъ изъ Оксфорда и желаетъ его видѣть.

Мистеръ Иденъ въ это время разбиралъ свои бумаги, и только что успѣлъ уложить ихъ все въ одинъ портфель, какъ у дверей послышался голосъ Фрея. На его слова, мистеръ Иденъ презрительно улыбнулся и сказалъ: — Очень хорошо, а самъ подумалъ: — Я поймаю ихъ. Въ эту минуту онъ подошелъ къ окну и увидалъ у воротъ сѣрую лошадь, самаго лучшаго рысака со станціи. «А, наконецъ-то!» вскричалъ онъ, отперъ дверь и бросился вонъ изъ комнаты съ портфелемъ въ рукахъ.

Мистеръ Иденъ улыбнулся, идя по корридорѣ, потому что вездѣ были разставлены часовые, которые караулили его выходъ, и наконецъ у самыхъ воротъ стояли члены комитета и мистеръ Гаусъ. Все они торжествовали, рѣшась не впускать мистера Идена обратно въ тюрьму. Особенно въ ту минуту, когда пасторъ вельвъ Фрею отпереть ворота, сердце мистера Гауса радостно забилось. Но что же? ворота отворились, и мистеръ Иденъ сказалъ.

— Впустите этого джентельмена.

Джентельменъ среднихъ лѣтъ вышелъ изъ экипажа и вошелъ во дворъ тюрьмы такъ просто и свободно, какъ бы къ себѣ домой.

— Кто это такой? сердито спросилъ мистеръ Вилліамсъ.

— Гдѣ директоръ? отрывисто въ свою очередь спросилъ прїѣзжій.

Мистеръ Гаусъ выступилъ впередъ: — Я директоръ.

Прїѣзжій подавъ ему свою визитную карточку и какую-то бумагу.

— Мистеръ Леси изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, сказалъ мистеръ Гаусъ членамъ.

— Это члены тюремнаго комитета, сэръ.

Мистеръ Леси поклонился и обратился къ директору,

— Сэръ, на васъ поступили очень важныя обвиненія. Я прїѣхалъ узнать на мѣсть, не нужно ли подробнѣйшее слѣдствіе.

— Позвольте узнать, кто возвелъ эти обвиненія, сэръ?

— Вашъ пасторъ.

*

— Да вѣдь онъ мнѣ личный врагъ, сэръ.

— Вы не беспокойтесь. Такія должности какъ ваша, всегда сопряжены съ неприя́тностями. Но мы всегда имѣли объ васъ такіе прекрасные отзы́вы, что мой визитъ ввроятно кончится ничѣмъ.

Гаусъ просялъ отъ радости.

— Нѣтъ ли комнаты, гдѣ бы мнѣ было удобно дѣлать допросы?

— Въ залъ засѣданій комитета, если вамъ угодно, сэръ.

— Хорошо. Господа, не угодно ли и вамъ присутствовать:

— Сэръ, нужно вамъ замѣтить, что пасторъ нѣсколько помѣшанъ, сказалъ мистеръ Вилліамсъ.

— Оно и похоже на то, прибавилъ Леси. — Однако скажите, пожалуйста, что это за желчная личность была у воротъ, когда я пріѣхалъ?

— Это и былъ пасторъ.

— Я такъ и думалъ! Онъ, право, кажется, на все смотреть желчно. Пошлите за нимъ, однако.

Мистеръ Иденъ, войдя, засталъ мистера Леси весело болтавшего съ другими. Пасторъ съ перваго раза увидѣлъ, что и новый пріѣзжій уже предубѣжденъ противъ него.

— Садитесь, пожалуйста, мистеръ Иденъ, сказалъ Леси. — Вы, кажется, больны?

— Я только что оправился отъ опасной болѣзни, сэръ.

— Вѣрно отъ желчи? А? Вѣрно у васъ разливалась желчь?

— Да, что-то въ этомъ родѣ.

— Это ужасное страданіе! А знаете ли вы, какъ это дѣйствуетъ на умъ?

— Я знаю только то, какое вліяніе это имѣетъ на расположеніе духа и на нервы.

— Этого мало. Болѣзнь эта заставляетъ насъ смотрѣть на все съ черной стороны.

Послѣ этого мистеръ Леси открылъ свой портфель и сталъ разбирать бумаги.

— Мистеръ Гаусъ, сказалъ онъ, вы и до нынѣшней должности были въ государственной службѣ?

— Двадцать пять лѣтъ, сэръ.

— И вы, кажется, были много разъ награждены за привѣрную храбрость?

— Точно такъ, сэръ.

— Такъ скажите, мистеръ Иденъ, можетъ ли быть храбрый

человѣкъ жестокииъ? Я съ этимъ несогласенъ. Такъ что право, мнѣ кажется, въ вашей враждѣ все правдоподобіе на сторонѣ мистера Гауса.

— А всѣ факты на моей.

Мистеръ Леси улыбнулся.

— Вы получили сегодня письмо изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Приготовились ли вы объяснить дѣло такъ, какъ требуется въ этомъ письмѣ?

— Да, для доказательствъ у меня есть страницы двѣ печатныхъ, двадцать манускриптовъ, три или четыре живыхъ свидѣтеля, и — одно мертвое тѣло.

— Гмъ, господа, это кажется очень серьезнымъ. А много ли вамъ нужно времени, чтобы изложить мнѣ все дѣло?

— Полчаса.

— Только? Прекрасно. А знаете ли вы, что *это* такое?

Онъ вынулъ бумагу. Мистеръ Иденъ сказалъ:

— Вѣрно моя отставка?

— Да. И я имѣю право передать эту бумагу къ немедленному исполненію, если вы не докажете, что ваши жалобы на мистера Гауса дѣйствительно справедливы.

Мистеръ Гаусъ былъ въ сильномъ смущеніи.

— Хорошо, сказалъ мистеръ Иденъ. Это прекрасно сказано и для меня не обидно, потому что требованіе справедливо. Признаюсь, съ-тѣхъ-поръ, какъ я въ тюрьмѣ, я въ первый разъ встрѣчаю въ комъ бы то ни было справедливость.

— Мистеръ Иденъ кажется не въ духъ, сказалъ одинъ изъ членовъ комитета.

— И такъ, сэръ, мы примемся за дѣло? спросилъ мистеръ Иденъ, открывая свой портфель.

— Сэръ, сказалъ мистеръ Гаусъ, обращаясь къ Леси, я знаю, что справедливость можно искать въ вашихъ сужденіяхъ, но не въ его словахъ. Не забудьте, что онъ мой личный врагъ.

— Мистеръ Гаусъ, сказалъ Леси, останьтесь здѣсь, чтобы отвѣчать на тѣ обвиненія, которыя будетъ дѣлать мистеръ Иденъ. Но чтобы все это не продолжалось долѣе получаса.

— Ну, въ полчаса-то онъ мнѣ не успѣетъ много повредить, подумалъ Гаусъ. Мистеръ Иденъ сказалъ, что ему нужна журнальная тюремная книга мистера Гауса, и директоръ пошелъ за ней. Въ это время пасторъ подалъ мистеру Леси экземпляръ печатныхъ тюремныхъ правилъ,

— Вотъ, сэръ, пересмотрите ихъ внимательно и сравните съ поступками директора. Вы видите изъ правилъ, сколько разъ по-звояется директору наказывать какого-нибудь преступника.

— Одинъ разъ, а за второй проступокъ наказаніе предоставляется разсмотрѣнію тюремнаго комитета.

— Значить, если мистеръ Гаусъ наказалъ одного и того же преступника два раза, то онъ поступилъ противъ закона?

— Да, то-есть противъ этихъ правилъ.

— Неудбно ли вамъ прочесть, сэръ, вотъ это.

Мистеръ Леси прочелъ, что ему указалъ мистеръ Иденъ.

— Что же? въ чемъ дѣло? спросилъ онъ пастора.

— Вы видите, что этими правилами дозволяется директору наказывать только двойнымъ образомъ: оставлять виновнаго одного, чтобы ему было чувствительно уединеніе, или давать ему только хлѣбъ и воду; но и это не должно продолжаться болѣе трехъ дней. Теперь, сэръ, не угодно ли вамъ пойти со мной, чтобы видѣть поступки мистера Гауса, или по-крайней-мѣрѣ слышать объ нихъ.

— Эвансъ, отвори эту комнату. Дженкинсъ, часто ли тебя наказывали съ-тѣхъ-поръ, какъ ты здѣсь?

— Очень часто, сэръ.

— Кто же? члены комитета?

— Нѣтъ, члены ни разу, а всегда директоръ.

— За что же тебя наказывали? что ты дѣлалъ?

— Да я ничего не дѣлалъ. Директоръ всегда мнѣ назначаетъ очень много оборотовъ рукоятки, а я не силенъ, такъ никогда не успеваю окончить. Можетъ быть онъ думаетъ, что я лѣнюсь, такъ за это и наказываетъ.

— Какъ же онъ тебя наказываетъ?

— Иногда ничего не даетъ вѣсть, а работу все-таки задаетъ большую; иногда у меня отнимаютъ постель, а всего чаще приходится бывать въ кожаномъ воротникѣ.

Мистеръ Леси. Кожаный воротникъ? это что за наказаніе?

Мистеръ Иденъ. Посмотрите въ правила, есть ли такое наказаніе. И вы увидите, какъ мистеръ Гаусъ нарушаетъ законъ: во-первыхъ, онъ нѣсколько разъ самъ наказываетъ, а во-вторыхъ, измѣняетъ наказанія произвольно. Теперь пойдѣте дальше. Эвансъ, отвори эту комнату.

— Часто ли ты былъ наказанъ съ-тѣхъ-поръ, какъ здѣсь?

— Нѣсколько разъ, сэръ, но вѣдь этотъ господинъ вѣрно тоже членъ комитета, и мнѣ достанется, если я скажу правду?

Мистеръ Леси. Я присланъ сюда высшимъ начальствомъ, и хочу знать непременно всю правду. Говори.

Заключенный. Неужели, сэръ? Такъ если говорить правду, то я только разъ былъ виноватъ, а наказанъ нѣсколько разъ.

Мистеръ Леси. Разъ только? и какъ же это случилось?

Заключенный. Да это было на первой недѣль. Я все сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, никто со мной не говорилъ ни слова, я съ непривычки сдѣлался отъ этого какъ помѣшанный, и началъ ломать у себя въ комнатѣ все, что могъ. А остальные разы говорили, что я виноватъ, и наказывали меня, а я виноватъ не былъ.

Иденъ. Какъ же тебя наказывали?

Заключенный. Сажали въ темную комнату на хлѣбъ и на воду; раза два оставляли меня безъ освѣщенія, и всего чаще приууждали къ кожаному воротнику.

Мистеръ Леси. Гмъ, къ кожаному воротнику.

Мистеръ Иденъ. А давно ты былъ въ кожаномъ воротникѣ?

Заключенный. Вчера.

Иденъ. Такъ раздѣнься, покажи спину.

Спина вся была багровая, изрѣзанная. Мистеръ Леси содрогнулся при этомъ видѣ, но вскорѣ опять принялъ прежнюю позу и видъ равнодушія. Въ эту минуту прибѣжалъ Гаусъ и грозно закричалъ:

— Это что такое? Развѣ ты имѣешь противъ меня какія-нибудь жалобы?

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ заключенный смутившись.

— Однако не мѣшаетъ знать, откуда у него эти знаки, замѣтилъ мистеръ Леси, и что-то записалъ въ свою памятную книжку.

Потомъ они вошли въ двѣ сосѣднихъ комнаты, гдѣ заключенные сказали, что мистеръ Гаусъ съ ними обращается какъ съ дѣтьми своими.

— Что вы скажете на это? спросилъ Леси мистера Идена.

— Я ничего не скажу: глядите сами. И онъ подвелъ его къ свѣту. Поглядите на вѣшалые глаза этого заключеннаго и на блѣдые щеки, поглядите какъ онъ весь дрожитъ, какъ онъ хилъ; пощупайте его пульсъ. И вы увидите, что это несчастный, подавленный и изнуренный жестокостью, до того, что остался только остовъ человѣческій. И онъ говоритъ, что съ нимъ хорошо обращаются. Но вѣдь лицо его говоритъ прямо, что его языкъ

лжетъ. Бѣдный, онъ боится сказать правду. Послушай, раздѣнься-ка.

Мистеръ Гаусъ попробоваль протестовать и объявилъ, что очень дурно изъ любопытства давать такія приказанія. Однако заключеннаго заставили раздѣться, и представилась грустная картина изнуреннаго, измученнаго тѣла. Спина была въ такомъ же видѣ, какъ и у перваго заключеннаго. Мистеръ Леси сталъ очень сѣрьозенъ.

Они вошли въ сосѣдную комнату.

Мистеръ Иденъ. Часто ли ты былъ наказанъ?

Заключенный. Да вѣдь вы, сэръ, знаете сами, что часто. Не вы ли спасли мнѣ жизнь два мѣсяца тому назадъ, когда они хотѣли меня уморить съ голоду?

Мистеръ Леси. Какъ такъ?

Заключенный. Да, директоръ приказаль цѣлую недѣлю давать мнѣ каждый день только по ломтику хлѣба, а держаль въ тоже время на трудной работѣ. Откуда же было голодному взять сѣль? Ахъ, мистеръ Иденъ, я никогда васъ не забуду. Если бы не вы, мнѣ бы не жить.

Мистеръ Виллиамсъ. Да какъ же ты, негодяй, говорилъ мнѣ въ послѣдній разъ, какъ я былъ здѣсь, что ты всѣмъ доволенъ и совершенно счастливъ?

Заключенный. Ха, ха, ха, ха! Извините, сэръ, что я смѣюсь. Только мнѣ, право, странно, что вы меня считаете за такого дурака. Неужели вы думаете, что я могъ вамъ тогда сказать правду? Хорошо бы пришлось мнѣ за это поплатиться; вѣрно бы ужъ теперъ и живымъ не былъ.

— Что же, я бы убилъ тебя, что ли? спросилъ насмѣшливо мистеръ Гаусъ.

— А развѣ нѣтъ, сэръ? отвѣчалъ заключенный безъ дерзости, но твердо, глядя прямо въ лицо мистеру Гаусу.

Мистеръ Леси. Отчего же, скажи, пожалуйста, ты теперъ такъ смѣль и не боишься, что онъ тебя убьетъ?

Заключенный. Да никогда бы не посмѣль я этого сказать, если бы былъ въ его власти. Но, слава Богу, этого уже нѣтъ: я высидѣль свой срокъ, въ двѣнадцать часовъ. Мое заключеніе кончилось, уже мнѣ и теперъ не слѣдовало бы быть здѣсь.

Мистеръ Леси. Если такъ, то зачѣмъ же онъ здѣсь, мистеръ Гаусъ? Это противузаконно, вы должны его тотчасъ же выпустить.

Мистеръ Гаусъ. Извольте, сэръ. Но это не моя выдумка; я

до меня всегда былъ такой обычай, что заключенныхъ послѣ срока оставляли на нѣсколько лишнихъ часовъ.

Мистеръ Иденъ. Эвансъ, поди сюда: ты четыре года здѣсь тюремщикомъ. Скажи-ка намъ, какъ до мистера Гауса поступали съ твоими заключенными, которымъ вышелъ срокъ?

Эвансъ. Въ одинадцать часовъ, сэръ, имъ приносили ихъ собственное платье, и полчаса имъ давалось на переодѣваніе. Потомъ директоръ призывалъ ихъ въ свою комнату, и давалъ имъ наставленія, какъ вести себя, чтобы опять не впасть въ преступленіе. А ровно въ двѣнадцать отпирались ворота и ихъ выпускали.

Мистеръ Иденъ. Если вы послѣ всего того, что теперь слышали и видели, все еще не увѣрены, что мистеръ Гаусъ постоянно поступаетъ противузаконно, то я право не знаю, чѣмъ еще возможно васъ въ этомъ убѣдить. Вотъ, прочтите еще правило 37-е. Тутъ сказано, что каждый день заключеннаго должны навѣщать служащіе здѣсь, и говорить съ нимъ, чтобы хоть сколько нибудь развлечь его. Потому что это дѣло дозволенное, — уединеніе и усиленное молчаніе въ высшей степени пагубны для жизни и разсудка.

Мистеръ Леси. Что же? Развѣ это не исполняется?

Мистеръ Иденъ. Вотъ вамъ мой отвѣтъ: оставьте меня и директора, и ступайте по комнатамъ вдвоемъ съ Эвансомъ. Тамъ вы можете подробно распросить, исполняется ли 37-е правило.

Мистеръ Леси отправился съ Эвансомъ. Мистеръ Гаусъ пошелъ отыскивать Фрея, чтобы посоветоваться съ нимъ, что лучше дѣлать. Мистеръ Иденъ ходилъ по корридолу. Мистеръ Леси, вернувшись съ своего осмотра, тотчасъ послалъ за Гаусомъ.

— Очень жаль, сказалъ онъ директору, что 37-е правило не исполнялось. Всѣ заключенные единогласно говорятъ, что если когда-нибудь кто говоритъ съ ними, то это только одинъ пасторъ; а когда онъ былъ боленъ, то они всѣ чуть съ ума не сошли отъ уединенія. Потомъ они говорятъ, что если вы и показываетесь къ нимъ, то развѣ только для того, чтобы имъ дѣлать угрозы и бранить ихъ. А это незавидное положеніе, когда уединеніе прерывается только злыми, грозными словами. Съ этимъ нельзя не согласиться.

— О, какъ это прекрасно, какъ справедливо сказано, замѣтилъ Иденъ, въ искреннемъ восторгѣ.

— Сэръ, сказалъ мистеръ Гаусъ, я только поддерживалъ дисциплину; въдѣ это моя обязанность.

— Прекрасно. Только нужно было поддерживать не воображаемую дисциплину, а ту, для которой есть утвержденные правила. А вы, вероятно по незнанию, не исполняли этих правил. Впрочемъ, мистеръ Иденъ, вѣдь отъ этого нѣтъ какихъ-нибудь неисправимыхъ послѣдствій?

— Нѣтъ! Точно, нѣтъ, если вы можете воскрешать мертвыхъ. Вотъ вамъ имена пяти людей, умершихъ именно отъ неисполненія 37 правила. Впрочемъ, это число совершенно ничтожное въ сравненіи съ тѣмъ, сколько умирало отъ другихъ незаконныхъ дѣйствій. Эвансъ, расскажи исторію несчастнаго Готшета.

— Я помню, сэръ, что когда я вошелъ къ нему въ комнату и нашелъ его мертвымъ, то въ углу увидѣлъ восемнадцать ломтей хлѣба. Пищу ему бросали черезъ отверстіе въ двери, какъ собаку кость, и живая душа къ нему не входила. Вѣрно онъ бѣдный съ ума сошелъ, оттого что всегда былъ одинъ, и должно быть много страдалъ въ послѣднее время, если даже не могъ есть.

— Помилуйте, сэръ, сказалъ взбѣшенный директоръ, вы позволяете моему подчиненному говорить мнѣ въ глаза такія вещи?

Мистеръ Леси на это ничего не отвѣчалъ.

Мистеръ Иденъ предложилъ ему посмотреть на челоуѣка, который въ настоящее время страдаетъ отъ неисполненія 37-го правила.

Они вмѣстѣ вошли къ Строту, и застали старика этого какъ бы въ тихомъ помѣшательствѣ. Когда дверь отворилась, онъ вздрогнулъ, но потомъ опять впасть въ прежнее положеніе.

— Вотъ, сэръ, передъ вами умирающій. На немъ подтверждается, что челоуѣку мало быть сытымъ и одѣтымъ, что у него есть другія, болѣе утонченныя потребности. Ему, во-первыхъ, необходимъ свѣтъ, потомъ работа, и наконецъ, непременно челоуѣческое общество. Онъ долженъ имѣть каждый день возможность говорить съ живымъ существомъ. Это въ природѣ нашей, это такъ устроено Всевышнимъ; только одинъ мистеръ Гаусъ можетъ пренебрегать до такой степени естественными законами.

— Однако, довольно объ этомъ. Будемте говорить о чемъ нибудь болѣе положительномъ. Скажите мнѣ, напримѣръ, что это за наказаніе *кожаный воротникъ*? Оно оставляетъ такіе страшные слѣды на наказанныхъ.

Гаусъ и Фрей уже прежде хотѣли спрятать эту машину, но какъ ни искали, нигдѣ не могли ее найти, и были въ отчаяніи.

— Эвансъ, принеси эту адскую машину.

— Сейчасъ, сэръ.

— Да вы прекрасно все устроили, замѣтилъ съ злобой мистеръ Гаусъ. Победа вѣрно будетъ на вашей сторонѣ.

— Я стараюсь за своихъ братьевъ. Мнѣ слишкомъ больно видѣть ихъ постоянныя страданія. Сэръ, вотъ та мучительная выдумка, которая оставляетъ на наказанныхъ страшныя слѣды, вы ихъ видѣли. Но по наружному обзору вы никакъ не будете въ состояніи понять, до чего простирается варварство ея изобрѣтателя. Я вамъ это объясню.

И мистеръ Иденъ употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы подробно разсказать устройство и дѣйствіе этой машины. Онъ такими вѣрными красками описалъ ее, что мистеръ Лесъ безиребранно вздрагивалъ отъ ужаса. Когда мистеръ Иденъ кончилъ, Лесъ сказалъ:

— Это ужасающая картина! и поникнулъ головою.

— Все это ложь, низкая ложь! вскричалъ мистеръ Гаусъ.

— Я желалъ бы этому повѣрить, сказалъ мистеръ Лесъ.

Тутъ члены тюремнаго комитета бросились на него и говорили, что было бы очень непохвально съ его стороны, если бы онъ повѣрилъ доносамъ на такого почтеннаго человѣка, какъ мистеръ Гаусъ. Потомъ они все напали на мистера Идена, который торжествовалъ.

— Я очень радъ, что директоръ заговорилъ. Ужъ я давно хлопоталъ объ этомъ. Такъ все ложь? спросилъ рѣшительно мистеръ Иденъ.

— Да, ложь.

— Дайте мнѣ вашу книгу. Вы видите, въ ней записано это наказаніе.

— Я никогда и не отвергалъ этого. Но зачѣмъ вы говорите, что оно такъ безчеловѣчно-мучительно для наказываемыхъ. Вы хотите просто выставить меня отъявленнымъ злодѣемъ.

— Прекрасно. Такъ вы соглашаетесь, что были бы отъявленный злодѣй, если бы такъ мучили несчастныхъ, какъ я описываю?

— Да, соглашаюсь.

— И вы увѣряете, что это наказаніе не мучительно.

— Да.

— Такъ докажите это: испытайте его на себѣ въ продолженіе одного часа. Вы при мнѣ на шесть часовъ подвергали одного несчастнаго этому наказанію.

— Что съ вами? неужели вы воображаете, что я захочу служить всѣмъ посмѣшищемъ?

— Отчего же посмѣшищемъ? Вы должны смотрѣть на это совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Имѣйте въ виду свое торжество, когда вы при всѣхъ докажете, что я лгунъ, а вы правдивый человекъ. Эвансъ, поди сюда, намъ нужно тебя поподчивать кожанымъ воротникомъ.

Эвансъ, съ ужасомъ на лицѣ, отступилъ на нѣсколько шаговъ. Мистеръ Леси улыбулся.

— Нѣтъ, сэръ, Богъ съ вами, сказалъ Эвансъ. Мнѣ не нужно гинен.

— Что это значить? спросилъ мистеръ Леси.

— Я разъ далъ ему гинею, за то, чтобы онъ пробылъ въ кожаномъ воротникѣ полчаса, и онъ говоритъ, что гинея эта обошлась ему во сто разъ дороже настоящей цѣны, сказалъ мистеръ Иденъ.

— А, такъ ты попробовалъ этого удовольствія? спросилъ мистеръ Леси. Скажи, сильное это мученіе, или нѣтъ?

— Самое ужасное, какое только можно себѣ представить, сэръ. Не дай Богъ никому его испытать. Да вотъ, спросите мистера Идена, онъ знаетъ какъ это ужасно, вѣдь онъ тоже побывалъ въ кожаномъ воротникѣ.

— Полно, полно, замѣтилъ пасторъ, тебя обо мнѣ никто не спрашиваетъ, нечего и распространяться.

Мистеръ Иденъ и мистеръ Леси вышли, а Гаусъ остался съ членами комитета. Онъ подошелъ къ нимъ.

— Господа, сказалъ онъ, ради Бога посоветуйте, что мнѣ дѣлать. Я рѣшительно отказываюсь состязаться съ такимъ человекомъ, какъ мистеръ Иденъ.

— Пустяки, вамъ нечего беспокоиться, когда мы за васъ. Ужъ мы васъ не выдадимъ, всѣ за васъ заступимся.

— Благодарю васъ, господа, благодарю васъ. Ваши желанія для меня всегда были закономъ.

И мистеръ Гаусъ какъ-будто опять ожилъ.

— Вотъ они идутъ назадъ.

— Кто это съ ними?

Мистеръ Гаусъ былъ пораженъ:—Ахъ, Боже мой, это одинъ изъ заключенныхъ, который провинился и сидѣлъ въ темной комнатѣ. Вѣрно они его будутъ осматривать и поставятъ меня съ нимъ на очную ставку.

Члены тюремнаго комитета, хоромъ: «Какой срамъ!»

XXV.

Мистеръ Иденъ водилъ мистера Леси въ темную. Они послали за Фреемъ, чтобы отпереть дверь, потому что ключъ былъ у него.

Дверь отворилась. Раздался слабый, дрожащій крикъ радости. Блѣдный, трепещущій, съ дикимъ, блуждающимъ взглядомъ подползъ Робинзонъ къ мистеру Идену.

Мистеръ Леси вздрогнулъ при видѣ этого несчастнаго.

— Сэръ, сэръ! кричалъ Робинзонъ, освободите меня, спасите меня!

— Не тревожься, отвѣчалъ мистеръ Иденъ, Богъ дастъ, твоя судьба теперь переменится. Сэръ, пощупайте его руку.

— Боясь мой, какъ онъ дрожитъ!

— Да! я думаю: двадцать четыре часа въ этой ямѣ могутъ лишить разсудка.

— Въдѣ это только одно предположеніе, которому нѣтъ доказательствъ.

— Есть. Въ слѣдствіе этого наказанія, шестерыхъ уже отправили въ сумасшедшій домъ, гдѣ двое скоро умерли. Впрочемъ, это можетъ доказать человекъ, который ненавидитъ меня и боготворитъ мистера Гауса.

— Прекрасно; тогда я буду считать это обстоятельство за неопровержимый фактъ.

— А! вотъ мистеръ Гаусъ и члены тюремнаго комитета.

Мистеръ Вилліамсъ. Надюсь, сэръ, вы не будете судить по одному виновному, наказанному за дѣло, о мистеръ Гаусъ, который два года исполнялъ свою обязанность прекрасно, и постоянно заслуживалъ отъ насъ одну похвалу.

Мистеръ Леси отвѣчалъ съ достоинствомъ:

— Ваше прекрасное мнѣніе о мистеръ Гаусъ будетъ имѣть должный вѣсъ. Но, пожалуйста, не мѣшайте моимъ распоряженіямъ. Я самъ знаю, что дѣлаю.

Мистеръ Вилліамсъ закусилъ губы и покраснѣлъ.

— Мистеръ Иденъ! кричалъ Робинзонъ, зачѣмъ же вы позволяете меня называть виновнымъ, когда вы знаете, что я не виновать.

— За что же ты здѣсь сидишь?

— За то, что повиновался приказаніямъ.

— Какъ такъ? Объясни это.

— Мистеръ Иденъ сказалъ мнѣ, что я могу хорошо писать,

такъ чтобы я написалъ свою жизнь, что онъ хочетъ знать, какъ она мнѣ понравится, когда я прочту ее хладнокровно, разсуждая надъ каждымъ поступкомъ. Тоже мистеръ Идмъ говорилъ мнѣ, чтобы я отнюдь не лгалъ, чтобы не выражалъ чувствъ, которыхъ нѣтъ во мнѣ, однимъ словомъ, чтобы писалъ также одну правду. Вотъ я и съелъ съ твердымъ рѣшимемъ писать такъ, какъ онъ совѣтовалъ, но едва написалъ двѣ страницы, какъ пришелъ мистеръ Фрей, отнялъ у меня все и пожаловался директору, а онъ велѣлъ засадить меня сюда.

— Кажется, вы мистеръ Фрей?

— Да, я.

— Скажите, действительно онъ былъ посаженъ въ темную за то, что, по приказанію пастора, писалъ свою біографію?

— Спросите директора, сэръ. Я только исполняю приказанія.

— Мистеръ Гаусъ, за это ли вы его посадили въ темную кѣмнату?

— За то, что онъ писалъ цѣлую кучу выдумокъ безъ моего позволенія.

— Да вѣдь ему на это было дано приказаніе другимъ его начальникомъ, который выше васъ.

— Выше?

— Да, выше, во всемъ, что касается перевоспитанія заключенныхъ. Вотъ вамъ 18-е правило: *Вся заключенные должны пользоваться наставленіями пастора; онъ долженъ стараться какъ исправить религіей, и сколько бы ему ни понадобилось на это времени, сколько бы онъ ни занимался съ заключеннымъ, директоръ долженъ на это удѣлять заключенному время, которое тотъ долженъ былъ бы употребить на работу.*

Правило 30-е. Если, для нравственнаго исправленія заключеннаго, пасторъ найдетъ, что какое нибудь занятіе ему необходимо, то и этому директоръ не долженъ противиться.

Значитъ, вы поступили противузаконно въ дѣлѣ нравственнаго исправленія заключеннаго; вы не должны были ставить свѣтскую власть выше духовной. И потому, мистеръ Гаусъ, я долженъ отменить ваше распоряженіе и прѣстать Робинсона. Съ этихъ поръ онъ будетъ повиноваться пастору въ его религіозныхъ и нравственныхъ требованіяхъ; будетъ опять описывать свою жизнь, и пусть покуда отдохнетъ отъ тяжелой работы. Этимъ онъ возстановитъ и физическія и нравственныя свои силы. Слышите, сэръ? оказалъ онъ отрывисто.

— Слышу, отвѣчалъ мистеръ Гаусъ.

— Слушай, Робинзонъ, началъ мистеръ Иденъ. Теперь тебя никто не имѣетъ права посадить въ кожаный воротникъ.

— Ура! закричалъ Робинзонъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Вотъ джентльменъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ увидѣлъ изъ правилъ, что это наказаніе незаконно, но никакъ не можетъ безъ опыта понять, до чего оно мучительно. Такъ сдѣлай для меня одолженіе, позволь тебя, въ послѣдній разъ, затянуть въ кожаный воротникъ, чтобы мистеръ Лесн видѣлъ, какъ въ немъ мучается. Этимъ ты спасешь многихъ.

— Боже мой, сэръ, для васъ одолженіе? Я готовъ на все, дѣлайте со мной что угодно.

И его тотчасъ же затамули въ кожаный воротникъ. Мистеръ Лесн сталъ противъ него и пристально на него смотрѣлъ.

— Сэръ, сказалъ мистеръ Иденъ, если вы можете смотреть и говорить, то я васъ познакомлю съ мистеромъ Фреємъ, и со всеми его достоинствами.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Вотъ мистеръ Фрей, сэръ. Онъ очень замѣчательный человекъ. Онъ окруженъ ложью, но отъ него самаго я никогда не слышалъ ни одной лжи. Онъ неспособенъ на это. Онъ молчитъ, когда лгутъ другіе, но самъ ни за что не солжетъ. Кроме того, онъ чрезвычайно дѣятеленъ. Напримеръ, онъ ведетъ очень интереснѣйшій дневникъ, и вноситъ туда все, что случается въ тюрьмѣ. Въ этомъ дневникѣ описаны два послѣдніе года управленія бывшаго директора и оба года начальства мистера Гауса. Мистеръ Фрей заносываетъ все, безъ исключеній, какъ было въ дѣйствительности, а не въ мысленномъ видѣ, потому что ведетъ этотъ дневникъ единственно для себя. Впрочемъ, мистеръ Фрей вѣроятно не откажетъ дать вамъ это прочесть.

— Разумается, сэръ, разумется! отвѣчалъ Фрей, въ восторгѣ отъ такихъ неожиданныхъ похвалъ.

— Пожалуйста, принесите мнѣ его сейчасъ же. Онъ меня очень интересуеть.

Фрей отправился за своимъ дневникомъ.

Въ эту минуту мистеръ Лесн взглянулъ на директора, и былъ пораженъ его страшнымъ взглядомъ, въ которомъ выражалась цѣлая бездна страха и ненависти.

— Что съ вами? спросилъ мистеръ Лесн директора.

— Сэръ, послѣ моей долгой службы, послѣ того, что мои начальники всегда были мною довольны, мнѣ кажется чрезвычайно обиднымъ, что мой журналъ будетъ сравниваться съ дневникомъ моего подчиненнаго, и что всему повѣрятъ, что тамъ сказано противъ меня.

Мистеръ Иденъ. Странно, отчего директоръ полагаетъ, что дневникъ Фрея будетъ противъ него, когда этотъ дневникъ писанъ его поклонникомъ.

Мистеръ Леси. Въ самомъ дѣлѣ, мистеръ Гаусъ, странно, почему вы думаете, что этотъ дневникъ не будетъ согласенъ съ вашимъ.

Тутъ члены тюремнаго комитета объявили, что не могутъ долѣе оставаться при распросахъ, потому что у нихъ есть другое, болѣе важное дѣло. Мистеръ Леси имъ сказалъ:

— Надвюсь, однако, господа, что вы не уѣдете, потому что если я найду жалобы мистера Идена достойными разсмотрѣнія, то будетъ для этого наряжена цѣлая коммисія, и одинъ изъ васъ непременно долженъ быть ея членомъ. Да еще вотъ что. Поступаете ли вы по этимъ правиламъ: навѣщаете ли каждаго заключеннаго въ его комнату разъ въ мѣсяцъ?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Спрашиваете ли вы мнѣнія тюремщиковъ и сравниваете ли ихъ потомъ съ директорскими?

— Мы никогда не позволимъ себѣ такой не деликатности, замѣтилъ мистеръ Вилліамсъ, сильно желая этимъ кольнуть мистера Леси.

— Осматриваете ли вы одни заключенныхъ? Остаетесь ли съ ними на одинъ, чтобы дать имъ возможность прямо, не опасаясь, говорить чѣмъ они недовольны?

— Нѣтъ, мы всегда бываемъ у нихъ вмѣстѣ съ мистеромъ Гаусомъ, потому что не хотимъ ободрять заключенныхъ къ ложнымъ жалобамъ, за которыя имъ же въ послѣдствіи пришлось бы поплатиться.

— А все, что видѣли теперь, не заставило ли васъ нѣсколько измѣнить ваше довѣріе къ мистеру Гаусу?

— Нѣтъ, нисколько.

— Довольно, господа. Я не стану болѣе васъ задерживать. Извольте заниматься тѣмъ важнымъ дѣломъ, о которомъ вы говорили.

Члены комитета вышли.

Мистеръ Леси пожалъ плечами.

Мистеръ Иденъ улыбнулся.

Мистеръ Гаусъ поспѣшилъ уйти.

— Отчего мистеръ Гаусъ ушелъ? спросилъ мистеръ Леси.

— Да вы это такъ же хорошо знаете, какъ и я, сэръ.

— Нѣтъ, право, мистеръ Иденъ, я не догадываюсь.

— Вы, вѣроятно, видѣли его замѣшательство, когда Фрей пошелъ за своимъ дневникомъ. Онъ этого дневника сильно боится.

— Если вы такъ думаете, зачѣмъ же вы его не остановили?

— На это у меня есть свои причины. Однако, вотъ вамъ пока копія съ дневника Фрея, а вотъ и журналъ мистера Гауса. Фрей, разумѣется, записывая все эти факты, думалъ, что ихъ никогда никто не прочтетъ, кромъ его; мистеръ Гаусъ, напротивъ, зная, что пишетъ для разсмотрѣнiя другихъ. Сравните, сэръ, эти два журнала.

И мистеръ Леси, съ помощью мистера Идена, сравнилъ нѣсколько страницъ этихъ двухъ тетрадей. Вотъ маленькiй образецъ:

Мистеръ Фрей.

Мистеръ Гаусъ.

Джорамъ: Писалъ на своей чашкѣ. На хлѣбъ и на воду.

Джорамъ: Не покорень,—на хлѣбъ и на воду.

Джорамъ: На хлѣбъ и на воду.

Джорамъ: На хлѣбъ и на воду.

Джорамъ: Не сдѣлалъ, сколько было велѣно, оборотовъ рукоятки, — на хлѣбъ и на воду.

Джорамъ: Лѣнился за рукояткой, — на хлѣбъ и на воду.

Джорамъ: Кожаный воротникъ.

Джорамъ: Непокорень,—на хлѣбъ и на воду.

Джорамъ: Не сдѣлалъ, сколько было велѣно, оборотовъ рукоятки, — на хлѣбъ и на воду.

Джорамъ: Покусился на самоубiйство; нашли его безъ чувствъ; обрѣзалъ себѣ цѣлыя пряди волосъ, чтобы послать друзьямъ, — внесень въ списокъ больныхъ.

Джорамъ: Притворялся, какъ будто бы хотеть покуситься на самоубiйство, причина этого—религиозное отчаянiе. Внесень въ списокъ больныхъ.

Джозефъ: Не сдѣлалъ заданнаго числа оборотовъ; сказалъ, что не въ силахъ вертѣть рукоятку, —кожаный воротникъ.

Джозефъ: Непокорень; сказалъ, что не хотеть работать на рукояткѣ,—кожаный воротникъ.

Томсонъ: Говорилъ въ церкви, — темная комната на 12 часовъ.

Томсонъ: За разговоры, — темная комната.

Томсонъ: На хлѣбъ и на воду.

Томсонъ: Не сдѣлалъ заданнаго чи-

Томсонъ: Непокорень, — кожаный

сла оборотовъ , — кожаный воротникъ .

Томсонъ: Темная комната.

Томсонъ: Безъ церкви.

Томсонъ: Темная комната.

Томсонъ: Меланхолия.

Томсонъ: Грустить отъ угроженія совѣсти за прошлые грѣхи, — докторъ.

Томсонъ: Очень странно. Сънимъ дѣлается что-то непонятное.

Томсонъ: Отправленъ въ сумасшедшій домъ.

Таннеръ: (11 лѣтъ) Застали у окна, спросили, что онъ тутъ дѣлаетъ; отвѣчалъ, что чувствовалъ потребность въ свѣтѣ, — кожаный воротникъ и на три дня на хлѣбъ и на воду.

Таннеръ: Ропталъ на судьбу, — безъ церкви и освѣщенія, впредь до приказанія директора.

Томсонъ: Отправленъ въ сумасшедшій домъ.

Таннеръ: Застали у окна, отвѣчалъ чрезвычайно дерзко, — кожаный воротникъ.

Таннеръ: За дерзкіе разговоры, — безъ церкви, до исправленія характера.

— Нельзя ли мнѣ видѣть одного изъ такихъ заключенныхъ, который покушался на свою жизнь? спросилъ мистеръ Леси.

— Очень можно. Пойдемте къ Джораму. А, вотъ и мистеръ Фрей, онъ сейчасъ въ первый разъ солжетъ.

— Ну, мистеръ Фрей, гдѣ же вашъ дневникъ?

— Сэръ, я совсѣмъ забылъ, что далъ его одному пріятелю; но вы можете узнать отъ меня все, что вамъ угодно было прочесть въ этомъ журналѣ.

— Что же вы скажете о покушеніи на самоубійство Джорамы? Было оно притворно или нѣтъ?

— Право, не знаю навѣрное, но кажется, что было непритворное.

— Отоприте мнѣ его комнату. Я сюда присланъ отъ вышшаго начальства; сказалъ мистеръ Леси, войдя въ комнату къ заключенному: — не бойся, говори мнѣ всю правду. Отчего ты покушался на свою жизнь? Отъ религіознаго отчаянія?

— Нѣтъ, сэръ. Я даже ничего и не зналъ о религіи до прихода къ намъ мистера Идена. А хотѣлъ лишиться себя жизни потому, что меня просто морили голодомъ и холодомъ: по цѣлымъ недѣлямъ давали въ день только маленькій кусочекъ хлѣба. Жизнь мнѣ стала невыносима, я видѣлъ, что и безъ того придется умереть, такъ и рѣшилъ, что лучше скорѣе.

— Теперь, сказалъ мистеръ Леси, ты всегда будешь получать полную порцію, будь спокоенъ.

— Благодарю васъ, сэръ. Впрочемъ, не могу пожаловаться, съ тѣхъ поръ какъ я хотѣлъ лишиться себя жизни, меня кормятъ хорошо.

— А за что въ первый разъ тебя наказали?

— За то, что я писалъ на своей чашкѣ.

— Да что же ты писалъ?

— Я написалъ, что мнѣ нужно было бы поговорить съ директоромъ.

— Такъ развѣ ты не могъ позвонить и попросить его къ себѣ?

— Позвонить и попросить. Я разъ десять звонилъ и просилъ, да толку отъ этого не было; все-таки онъ ко мнѣ не приходилъ, а мнѣ нужно было его видѣть. У меня сдѣлался нарывъ на рукѣ отъ рукоятки, такъ я хотѣлъ его попросить, чтобы онъ меня, на время, назначилъ на другую работу, покуда рука поправится.

— Изъ этого вы видите, сэръ, какъ велика въ тюрьмѣ справедливость, сказалъ мистеръ Иденъ. Директоръ не исполняетъ правилъ: не навѣщаетъ заключенныхъ, не говоритъ съ ними, когда они имѣютъ къ тому нужду, а между тѣмъ, когда несчастный написалъ на чашкѣ, что желаетъ видѣть мистера Гауса, его же наказали. Не хотятъ даже прочесть, что онъ написалъ, а прямо сажаютъ на хлѣбъ и на воду, и считаютъ его виноватымъ; а директоръ не виноватъ, что поступаетъ противъ правилъ. Это прекрасный образецъ здѣшной справедливости.

Потомъ они пошли въ комнату Нейлора.

— Говори прямо всю правду: что тебя заставило покуситься на самоубійство? сказалъ мистеръ Леси.

— Ахъ, сэръ, они меня такъ мучили, такъ терзали, что у меня лопнуло терпѣніе, и я думалъ, что лучше самому положить конецъ страданіямъ. Да в всякій на это рѣшится, кому придется нѣсколько разъ попробовать кожаного воротника.

— А развѣ отъ него очень сильно страдаешь?

— Еще бы, сэръ; это такое варварство, что не дай Богъ. Такъ страшно думать, такъ изнуряетъ, какъ ничто; и нѣтъ члена во всемъ человѣкѣ, который бы не страдалъ, когда затянуть въ кожаный воротникъ. Къ тому же я былъ всегда голоденъ, истощенъ, такъ мнѣ это еще труднѣе было переносить, чѣмъ человѣку сытому, крѣпкому, у котораго есть силы. Все-го хуже стало, когда у меня отняли газъ; имъ мало было того, что мучили меня цѣлый день, нѣтъ, и ночь захотѣли сдѣлать невыносимою.

— А что же, развѣ ты не могъ спать безъ газа?

— На меня напала такая тоска, такое уныніе, что я рѣшительно не зналъ, что дѣлать!.. метался во всѣ стороны, кричалъ. Наконецъ, отчаяніе меня довело до того, что я пересталъ понимать, гдѣ я и что со мной. Вѣрно, я былъ въ бреду: мнѣ казалось, что вся комната моя полна огня, что я въ аду. О, это было такъ страшно, что я до сихъ поръ дрожу, когда объ этомъ вспомню! О, какъ ужасно!

— Продолжай, я хочу знать все подробно, сказалъ мистеръ Леси.

— Да больше ничего не было, только я повѣсился и былъ радъ освобожденію отъ тюрьмы. Да не тутъ-то было: какъ нарочно пришли, сняли меня съ моей висѣлицы и даже употребили всѣ средства опять заставить меня жить. Тутъ я наслушался всякихъ проклятій и угрозъ, да, признаться, и я имъ тоже не мало наговорилъ любезностей, за то, что они вздумали меня спасать не кстати.

— Изъ твоего разсказа, я понялъ, что мистеръ Гаусъ довѣлъ тебя до покушенія на самоубійство беззаконными строгостями. Это ли ты хотѣлъ сказать?

— Нѣтъ, сэръ. Я это вамъ только рассказываю, потому что вы меня спрашиваете обо всемъ подробно. Я ни въ чемъ не виновно директора. Жаль только: онъ забываетъ, что нашъ братъ созданъ такъ же, какъ и онъ, что и у насъ кожа, кости, сердце и чувства, какъ у него. Я, впрочемъ, во всемъ самъ виноватъ: не былъ бы дурнымъ человѣкомъ, не дѣлалъ бы дурныхъ дѣлъ, такъ и не былъ бы теперь здѣсь, и не далъ бы дурнымъ людямъ случая терзать меня.

— Прекрасно, Нейлоръ. Я доволенъ твоимъ разсужденіемъ. Уроки мои, слава Богу, не были напрасны, сказалъ мистеръ Иденъ. Вотъ тебѣ моя правая рука.

Нейлоръ схватилъ съ жадностью эту руку. На лицѣ его выразились гордость и удовольствіе за этотъ знакъ одобренія.

Мистеръ Иденъ и Леси вышли въ корридоръ. Мистеръ Иденъ началъ:

— Сэръ, неужели вамъ недовольно было доказательствъ правды моихъ словъ? Неужели вы еще не поняли, что такое

Гаусъ? Впрочемъ, есть люди, которые тогда только чувствуютъ, когда это дѣйствуетъ исключительно на умъ. Можетъ быть, и вы принадлежите

къ этому разряду; такъ пойдѣте дальше. Я вамъ покажу картину, которая исключительно подѣйствуетъ на чувство.

— Куда же мы идемъ? спросилъ мистеръ Леси.

— Смотрѣть на одного заключеннаго, котораго мистеръ Гаусъ терзалъ въ кожаномъ воротникѣ, потомъ оставилъ безъ газа и кровати. Эвансъ, расскажи все, что случилось съ Эдвардомъ Джозсфсомъ четвертаго числа.

— Извольте, сэръ. Вотъ какъ это было, мистеръ Леси. Цѣлый мѣсяцъ они ему задавали уроки не по силамъ, на рукояткѣ; потомъ, такъ какъ онъ не могъ исполнять заданнаго, его душили въ кожаномъ воротникѣ и морили голодомъ. Голодному, обезсиленному, опять ту же работу, и конечно опять кожаный воротникъ. Довели до того несчастнаго, что изъ человѣка сдѣлался скелеть. Четвертаго числа директоръ его опять затянулъ въ кожаный воротникъ, и его до того тамъ душили, что онъ лишился чувствъ, просто обмеръ.

— Неужели? это ужасно! сказалъ мистеръ Леси.

— Тогда они вылили на него два ведра воды, и онъ пришелъ въ себя. Его отпразднили въ комнату и лишили его газа.

— Гмъ.

— А онъ только что, дрожа отъ холоду, грѣлъ надъ газомъ свои заковенныя руки. Сначала онъ молчалъ, но когда отняли у него газъ, то онъ сталъ громко кричать: «Убийцы!»

— Дальше.

— Я пришелъ къ нему и видѣлъ, что онъ въ страшномъ отчаяніи и весь дрожитъ. Я его уложилъ на кровать и хорошенько закуталъ, чтобъ онъ согрѣлся и успокоился. И въ самомъ дѣлѣ, онъ пересталъ рыдать, началъ согрѣваться и даже засыпать. Тогда я ушелъ.

— Ну, и что же?

— Несчастному не долго пришлось полежать спокойно: директоръ прислалъ тюремщика Годжса отнять у него кровать. И несчастный остался безъ кровати. Впрочемъ, онъ уже не кричалъ, онъ вѣрно принялъ эту обиду смиренно, потому что даже далъ руку на прощанье тому же Годжсу. Но, вѣтъ, сэръ, я не могу рассказывать дальше. Это ужасно!

Эвансъ замолчалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сколько варварства! сказалъ торжественно мистеръ Леси. Какія же были послѣдствія?

— Вы сейчасъ увидите послѣдствія.

Отворили комнату № 15-й. Мистеръ Леси вошелъ. Первое, что онъ увидѣлъ, было—гробъ, стоявшій у окна; второе—мертвое тѣло, лежащее на полу на тюфякъ. Мистеръ Леси пронзительно крикнулъ отъ изумленія:

— Боже мой! что это такое? зачѣмъ вы меня привели сюда?

— Это Джозефъ, котораго такъ терзали.

— Несчастный! что же съ нимъ сдѣлалось?

— Онъ повѣсился на своемъ носовомъ платкѣ. Эванъ поверни тѣло спиной къ намъ. Смотрите, мистеръ Леси, вотъ доказательство жестокости мистера Гауса. Это все слѣды кожанаго воротника, который свелъ въ могилу бѣднаго Джозефа. Ахъ, Боже мой, сэръ, вамъ дурно, вы шатаетесь, вы можете упасть. Вотъ спиртъ, понюхайте, вамъ будетъ легче.

— Благодарю васъ. Мнѣ теперь лучше, дурнота прошла. Мистеръ Иденъ, я въ первый разъ въ жизни вижу такія страшныя вещи. Боже мой! Я, значить, ничего не видѣлъ до сихъ поръ! И это дѣлается въ Англии, въ девятнадцатомъ вѣкѣ! О, какой злодѣй!

— Полноте, мистеръ Леси, не браните его; это грѣхъ. Лучше будетъ, если вы серьезно приметесь за дѣло и вышлете его изъ тюрьмы; освободите несчастныхъ страдальцевъ, съ которыми онъ поступаетъ по звѣрски; отстраните гибель еще нѣсколькихъ невинныхъ жертвъ. Если бы вы знали при этомъ, сколько прекрасныхъ началъ погибло вмѣстѣ съ бѣднымъ Джозефомъ. Какъ онъ былъ добръ, кротокъ, послушенъ, какъ онъ понималъ все мои наставленія! Какъ мнѣ было жаль его! Я не могъ видѣть такихъ тяжелыхъ страданій, — я самъ заболѣлъ. А вы, сэръ, увидѣвъ мое изнуренное, блѣдное лицо, мои впалые глаза и щеки, приписали это желчи. И изъ вашего тогдашняго тона я заключилъ, что вы эту желчь приписали не настоящимъ ея причинамъ, а сердитому, строптивому, даже злому характеру. Вы съ первой минуты были противъ меня; но я вамъ прощаю это. Только теперь спасайте тѣхъ, кто въ вашихъ рукахъ.

— Успокойтесь, сказалъ съ чувствомъ мистеръ Леси. Здѣсь опять возстановится законъ и порядокъ. Клянусь вамъ самимъ Богомъ, что съ этой минуты никто изъ заключенныхъ не потерпитъ незаслуженно ни обиды, ни наказанія, ни мученій. Я вамъ ручаюсь за это!

Онъ подаль руку мистеру Идену и они обнялись. Мистеръ Леси совершенно измѣнился въ одинъ мигъ. Въ немъ проявилось чувство, онъ сдѣлался добръ, сострадателенъ, словомъ онъ какъ будто переродился.

— Идите съ Божіей помощью, сказалъ мистеръ Иденъ и начинайте доброе дѣло, къ которому вы въ эту минуту чувствуете столько влеченія; а я останусь здѣсь помолиться Богу, поблагодарить Его за то, что мои усилія не остались бесполезными.

— Хорошо. Эвансъ, проводи меня къ членамъ комитета.

Въ дверяхъ онъ встрѣтился съ мистеромъ Гаусомъ, который сказалъ вѣжливѣе, чувствительнѣе голосомъ:

— Сэръ, вы сейчасъ были свидѣтелемъ грустной картины. Повѣрьте, что никто не оплакиваетъ ее болѣе меня.

Мистеръ Леси, вмѣсто отвѣта смѣрилъ его взглядомъ отъ головы до ногъ, сурово посмотрѣвъ ему прямо въ глаза, повернувшись къ нему спиной и прошелъ мимо. Мистеръ Гаусъ остался на мѣстѣ, какъ вкопанный.

XXVI.

Мистеру Гаусу стоило большаго труда упросить Фрея не показывать своего дневника; тратя время на упрашиваніе, онъ и не подозрѣвалъ, какую важную роль играла въ это время копія. Впрочемъ, онъ не зналъ объ ея существованіи.

Мистеръ Леси вошелъ къ членамъ комитета.

— Господа, извѣстно ли вамъ, сколько было покушеній на самоубійство во все время управленія тюрьмою прежняго директора, спросилъ онъ.

— Право не помню, отвѣчалъ мистеръ Вилліамсъ.

— Такъ я вамъ скажу, возразилъ мистеръ Леси:—одно. А съ-тѣхъ-поръ, какъ мистеръ Гаусъ директоромъ, такихъ покушеній было сколько, господа?

— Не знаю, не замѣчалъ. Вѣдь заключенные на каждомъ шагу представляются, дѣлаютъ только видъ, что хотятъ лишиться себя жизни, для того, чтобы напугать начальство.

— Я не говорю о тѣхъ, которые представляются, а только о тѣхъ, которые дѣйствительно покушаются на это съ отчаянія. Такихъ примѣровъ...

— Пять или шесть, я думаю.

— Вы думаете? а, вы думаете! Вы не знаете этого навѣрное. Это такъ ничтожно, что недостойно вашего вниманія. Не пять и не шесть, а четырнадцать. А, господа! такъ-то вы исполняете свою обязанность, такъ-то вы ревизуете тюрьму! Не знаю, зачѣмъ было и брать вамъ на себя такую должность; вы совсѣмъ къ ней не способны. Вамъ все равно, живъ или умеръ

какой-нибудь несчастный заключенный, и отчего онъ умеръ. Это до васъ не касается, это не ваше дѣло. Прекрасные органы правительства!.. Я говорю вамъ это для того, господа, чтобы вы поняли, почему теперь невозможно назначить никого изъ васъ въ члены той комисіи, которая будетъ составлена здѣсь въ тюрьмѣ, для изслѣдованія и разсмотрѣнія всѣхъ важныхъ обвиненій мистера Идена.

Мистеръ Иденъ поклонился въ знакъ благодарности; увѣренный въ успѣхъ, онъ пошелъ навѣщать заключенныхъ и съ сияющимъ лицомъ переходилъ изъ одной комнаты въ другую, утѣшая бѣдствующихъ.

Мистеръ Леси въ это время что-то записывалъ, а члены тюремнаго комитета перешептывались о томъ, что они умнѣе бы сдѣлали, еслибы съ перваго раза взяли сторону мистера Идена. Мистеръ Леси имъ сказалъ: «Господа, прошу васъ, будьте готовы къ допросамъ, которые вамъ станеть предлагать комисіа.»

Въ эту минуту вошелъ мистеръ Гаусъ и своимъ немаскированнымъ голосомъ очень дерзко обратился къ мистеру Леси: «Не трудитесь наряжать комисіи противъ меня. Я сдѣлалъ для отечества во сто разъ больше, чѣмъ оно для меня. Если оно не умѣетъ цѣнить моихъ заслугъ, то зачѣмъ же мнѣ тратить ихъ напрасно.» Потомъ онъ обратился къ членамъ комитета: «Господа, я возвращаю вамъ должность, которую отъ васъ принялъ; полагаю съ себя ее въ полномъ убѣжденіи, что никто не въ состояніи будетъ меня замѣнить. Благодарю васъ за доброе расположеніе и за хорошее мнѣніе обо мнѣ. Вѣрьте, я этого никогда не забуду. Ваши чувства служатъ мнѣ истиннымъ утѣшеніемъ въ тѣхъ обидахъ, которыя мнѣ нанесъ сумасшедшій пасторъ.»

— Ваша отставка принимается, сказалъ сухо мистеръ Леси, и такъ какъ вамъ теперь болѣе здѣсь нечего дѣлать, то я вамъ совѣтую, для вашего же блага, поскорѣе отсюда выбраться. Распорядитесь, чтобы все ваше скорѣе вынесли.

— Мнѣ нечего отсюда выносить, кромѣ моего рвенія къ своей должности.

— А, сказалъ спокойно мистеръ Леси, такъ для этого вамъ не нужно помощниковъ: вынесете и одни.

Мистеръ Гаусъ вышелъ, раскланявшись только съ членами комитета.

Мистеръ Вилліамсъ сказалъ ему въ слѣдъ:

— Гдѣ бы онъ ни былъ, я всегда скажу, что этотъ человѣкъ достоинъ уваженія.

Другіе, однако, этого не повторили: они слишкомъ струсили. Мистеръ Гаусъ простился очень дружелюбно съ Фреемъ, это былъ всегда ему вѣрный слуга; директору тяжело было съ нимъ разстаться. Еслибы кто зналъ, сколько разнородныхъ чувствъ кипѣло въ груди Гауса! имъ даже на минуту овладѣло раскаяніе въ прошлыхъ поступкахъ, но только на минуту. Онъ еще разъ, въ послѣдній разъ прошелся по своей тюрьмѣ, чтобы проститься со всѣмъ тѣмъ, что ему напоминало о его прошлой власти. Уже будучи у воротъ, онъ увидѣлъ, какъ мистеръ Иденъ выпускалъ Строта въ садъ, и отдавалъ приказаніе тюремщику, чтобы старика на цѣлый день оставили въ саду. Это страшно взбѣсило мистера Гауса; въ немъ закипѣла злоба, онъ готовъ былъ разорвать на части мистера Идена.

— Вотъ какъ вы исполняете правила, *когда поступили на мое мѣсто*. У васъ прекрасно пойдутъ дѣла я вамъ предсказываю.

— Мистеръ Гаусъ, въ правилахъ сказано, что заключенные каждый день должны быть на воздухѣ столько, сколько необходимо для ихъ здоровья. Вы не исполняли правилъ, потому что не позволяли этого несчастнымъ. Они при васъ умирали отъ недостатка воздуха, пусть теперь хоть немного оживутъ.

— Да что же ему-то за дѣло до этого? замѣтилъ Эвансъ, въдь онъ здѣсь больше не начальникъ, ему вельно отпраляться вонъ.

Вѣрно Эвансъ подслушивалъ у дверей.

— Неужели? спросилъ важно, вѣжливо и безъ малѣйшей тѣни радости мистеръ Иденъ.

— Какъ будто ты этого не знаешь, подлая вкрадчивая тварь? Не ты ли подкопался подъ меня? Гдѣ мнѣ было состязаться съ тобой! Гдѣ же равняться въ подлостяхъ съ тобою—честному человѣку!

Мистеръ Иденъ былъ пораженъ такою дерзостью. Онъ началъ очень серьезно усовѣщевать мистера Гауса. Онъ представилъ все его преступленія въ настоящемъ, отвратительномъ ихъ свѣтъ, заставилъ его понять, сколько онъ сдѣлалъ несправимаго зла, за которое ему придется отвѣчать предъ Богомъ. Мистеръ Иденъ напомнилъ директору судьбу всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ смерти онъ былъ причиною, и угрожалъ, что эти лица будутъ постоянно его преслѣдовать, гдѣ бы онъ ни былъ, что они даже не дадутъ ему умереть спокойно, и заключилъ такъ:

— Молитесь, молитесь скорѣе! Старайтесь искреннимъ раскаяніемъ смыть кровь съ своихъ рукъ. Это — кровь невинныхъ

жертвъ, и потому смыть ее будетъ не легко. Это можно только сдѣлать цѣлыми годами благотворительности, цѣлымъ моремъ слезъ искренняго покоянія. Идите! Идите! Молитесь! Молитесь!

Гаусъ былъ какъ будто подъ вліяніемъ чего-то магическаго; имъ овладѣлъ сильный страхъ, подъ нимъ дрожали колѣни и онъ, шатаясь, вышелъ за ворота, которыя съ особенной яростью за нимъ захлопнулъ Эвансъ.

Черезъ пять минутъ былъ отмѣненъ кожаный воротникъ, и самый снарядъ посланъ на разсмотрѣніе въ Лондонъ, въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Черезъ десять минутъ мистеръ Иденъ послалъ за опытнымъ слесаремъ, чтобы осмотрѣть рукоятки. Оказалось, что онъ всѣ были фальшивы. На каждой изъ нихъ, по приказанію мистера Гауса, была выставлена только третья часть ихъ вѣса и тяжести при оборотѣ. Неудивительно было послѣ этого, что наказанные не были въ силахъ вертѣть такую страшную тяжесть, которую могли бы приводить въ движеніе развѣ только лошадиныя силы. Всѣ машины съ рукоятками были отданы въ передѣлку. Мистеръ Иденъ не могъ ихъ вдругъ уничтожить, но все-таки былъ счастливъ и тѣмъ, что хоть на время изнуренные страдалцы отдохнутъ отъ такого тяжелаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ, бессмысленнаго труда.

Еще черезъ пять минутъ (мистеръ Иденъ не терялъ времени), онъ подаль мистеру Леси списокъ именъ заключенныхъ, которыхъ слѣдовало совершенно выпустить изъ тюрьмы. Однихъ, потому что имъ вышелъ срокъ; другихъ для того, чтобы спасти ихъ отъ сумасшествія, къ которому они были такъ прекрасно приготовлены недостаткомъ воздуха и развлеченія. Первымъ въ этомъ спискѣ стояло имя Строта, несчастнаго старика, который до того отупѣлъ, что на него не дѣйствовалъ ни свѣжій воздухъ, ни ласковое обращеніе. Мистеръ Иденъ узналъ, что онъ любитъ скрипку и хорошо на ней играетъ. И пасторъ досталъ ему скрипку; глаза несчастнаго заблестали жизнью при видѣ любимаго инструмента. Онъ принялся за смычекъ, игралъ долго и жадно; онъ совершенно ожилъ; скрипка спасла его.

Опять начались разныя работы; всякій принялся за свое прежнее ремесло и былъ совершенно доволенъ. Тюремныя правила были тотчасъ отпечатаны, и экземпляры ихъ развѣшаны въ каждой комнатѣ заключеннаго.

Въ часъ времени мистеръ Иденъ изгладилъ мрачныя остатки распоряженій Гауса въ тюрьмѣ, какъ счищаютъ чернильное пятно съ листа бѣлой бумаги.

Прежде всего, мистеръ Иденъ поторопился объявить заключеннымъ, что мистеръ Гаусъ оставилъ тюрьму навсегда, а торопился онъ для того, чтобы доставить имъ спокойную, счастливую ночь.

Со всѣхъ сторонъ раздавались крики благодарности и счастья, на всѣхъ лицахъ сіяли надежда, торжество; до самаго заката солнца слышались звуки скрипки, которые поражали всѣхъ, какъ что-то небывалое въ тюремной жизни. Бѣдный Стротъ не могъ досыта наиграться. Кто повѣритъ, что скрипка спасла ему жизнь?

Мистеръ Иденъ былъ чуть ли не всѣхъ довольнѣе своимъ днемъ; онъ сдѣлалъ такъ много добра, онъ спасъ столько несчастныхъ, что не зналъ какъ благодарить Бога, помогшаго ему въ этомъ. Спокойный, счастливый, мистеръ Иденъ пошелъ къ себѣ пить чай и готовить двѣ проповѣди къ слѣдующему воскресенью.

Цѣлый вечеръ онъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа, но ни слова не говорилъ о своей побѣдѣ надъ мистеромъ Гаусомъ, даже ни разу не вспомнилъ о тюремныхъ дѣлахъ.

— Сусанна, мистриссъ Девисъ, говорилъ онъ, право не знаю, какъ благодарить васъ за все, чѣмъ вы для меня были въ это время. Вы показали себя истинными друзьями, вы поддерживали мои силы для важной борьбы. Благодарю васъ, Сусанна, другъ мой, вы спасли мнѣ жизнь; еслибы вы не привезли мистера Вольсона, меня бы теперь уже не было на свѣтъ. Богъ только въ состояніи отплатить за это доброе дѣло, а не я.

Сусанна нагнулась къ мистеру Идену, и сказала ему шопотомъ:

— Мистеръ Иденъ, вы забыли, что уже заранѣе расплатились со мной.

Съ чудною граціею, полною простоты и достоинства, Сусанна прошептала эти слова благодарности.

— Прекрасно, сказалъ мистеръ Иденъ. Сусанна, вотъ чѣмъ я обязую вамъ отплатить за огромную услугу: я обвиняю васъ съ честнымъ человѣкомъ, который васъ любитъ и котораго вы любите. Довольны ли вы будете этимъ, расплатились ли мы? отвѣчайте скорѣе.

— О, да, мистеръ Иденъ, добрый мой другъ! Дай Богъ, чтобы это было такъ. Тогда я останусь у васъ еще въ долгу. Неправда ли, тетущка?

— Разумѣется, Сусанна, безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчала мистриссъ Девисъ.

XXVII.

На другой день собралась въ тюрьмѣ цѣлая коммисія. Двѣнадцать чиновниковъ были присланы, чтобы произвести подробное дознаніе и слѣдствіе. Мистеръ Иденъ, Эвансъ, Фрей и всѣ служащіе въ тюрьмѣ были призваны къ допросамъ; мертвое тѣло Джозефа лежало въ комнатѣ засѣданія.

Много страшныхъ тайнъ было открыто, много зла узналъ каждый изъ присутствующихъ, такого зла, какого никогда не думалъ слышать.

Всѣ были поражены варварскими поступками мистера Гауса, всѣ единогласно называли его убійцей, мучителемъ, всѣ проклинали его память.

И каждый изъ членовъ коммисіи, возвратясь домой, рассказывалъ женѣ и дѣтямъ поступки мистера Гауса, и онѣ слушали какъ сказку; такъ все казалось невѣроятно!

Только что кончились допросы, ударилъ колоколъ и его страшно-заунывный, могильный звукъ раздался по тюрьмѣ.

Всѣми овладѣло уныніе, всѣ знали, что значилъ этотъ звонъ.

Хоронили Джозефа. Бѣдный Джозефъ! Кто не пожалѣлъ бы объ этомъ шестнадцатилѣтнемъ мальчикѣ, который долженъ былъ жить, распускаться съ каждымъ днемъ, и что же? У него отняли *возможность* жить. Его изнурили, истожили, истерзали, изуродовали даже. Изъ него безвремени сдѣлали старика. Онъ не могъ жить — онъ самъ прекратилъ свои мучительные дни.

Мистеръ Иденъ съ истиннымъ чувствомъ прочелъ рѣчь надъ его гробомъ. И въ рѣчи этой было столько глубокаго смысла, столько задушевности, въ ней выражалось столько отеческой любви пастора къ умершему, что всѣ присутствующіе были сильно тронуты. Не было человека, который бы хладнокровно смотрѣлъ, какъ прахъ Джозефа предавали землѣ. Всѣ заключенные громко рыдали. Фрей и Годжсъ, считая себя отчасти причиною его смерти, не могли найдти мѣста съ отчаянія. Они въ ту минуту готовы были отдать все на свѣтъ, чтобы заставить Джозефа воскреснуть. Но уже было поздно! Раздался еще разъ торжественный звукъ колокола, гробъ опустили въ могилу и засыпали землей. Да поконится прахъ несчастнаго! Да проститъ Богъ тѣмъ, кто былъ причиною его ранней, неестественной смерти.

XXVIII.

И такъ, Джозефа уже не стало въ нашемъ рассказѣ. Мисте-

ра Гауса стерли мы сами со сцены, и потому, изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ тюрьмѣ, намъ остается заняться только мистеромъ Иденомъ и Робинзономъ,—проповѣдникомъ и воромъ.

Мы уже видѣли, какъ проповѣдникъ спасъ жизнь вора. Но этого мало, онъ спасъ и его нравственную жизнь. У мистера Идена, въ этихъ случаяхъ, былъ прекрасный девизъ, по которому онъ дѣйствовалъ: *Исправиться никогда не поздно, и лучше поздно, чѣмъ никогда.* Но онъ всегда принимался именно за тѣхъ, которыхъ цѣлый міръ считалъ неисправимыми, отъ которыхъ всѣ отказывались.

Такъ поступилъ онъ и теперь. Онъ употребилъ въ дѣло столько любви, столько краснорѣчія, столько гениальности, чтобы обратить его на истинный путь!

Всякій согласится, что не легкая работа исправить вора, вора съ колыбели, въ которомъ нѣтъ ни одного добраго побужденія; но мистеръ Иденъ, не смотря на всю трудность, принялся за эту задачу. Честь ему и слава!

XXIX.

Мистеръ Иденъ съ каждымъ днемъ замѣтно укрѣплялся въ здоровьи и запасался силами. Сусанна, видя, что ему не нужно болѣе сидѣлокъ, назначила день для своего отъѣзда съ теткой. Мистеръ Иденъ очень упрашивалъ ихъ еще у него погостить, но Сусанна отвѣчала, что давно не видѣла отца, что соскучилась по немъ и что пора уже возвратиться къ нему.

Разставаніе ихъ было очень печальное, какъ бываетъ всегда разставаніе двухъ преданныхъ сердець. Сусанна и мистеръ Иденъ простились какъ братъ съ сестрой, и Сусанна уѣхала довольная тѣмъ, что была полезна своему другу и что онъ позволилъ ей писать къ нему, спрашивать его совѣта, въ случаѣ нужды.

Когда Сусанна воротилась домой, она застала тамъ мистера Медовса, который пріѣхалъ ее встрѣтить.

— Это очень любезно! сказала Сусанна.

Кромѣ того у нихъ былъ одинъ незнакомый до того человекъ, мистеръ Клинтонъ.

Это былъ спекуляторъ, чрезвычайно опытный и старый знакомый мистера Медовса. Онъ за тридцать миль пріѣхалъ къ своему знакомцу, чтобы занять у него нѣсколько денегъ для какаго-то оборота, отъ котораго ожидалъ огромныхъ выгодъ, общая долю въ нихъ и кредитору. «Право, мистеръ Медовсъ, остаетесь довольны», заключилъ онъ.

Но мистера Медовса трудно было уговорить. Онъ отвѣчалъ, что у него для этого нѣтъ лишнихъ денегъ, но что онъ можетъ познакомить съ Клинтономъ такихъ людей, которымъ бросить нѣсколько сотъ фунтовъ стерлинговъ, ровно ничего не значить. И онъ съ этой цѣлью привезъ его къ мистеру Мертону.

Мистеръ Клинтонъ очень скоро убѣдилъ старика въ своей честности и въ своемъ умѣннн добывать съ капитала огромные проценты; мистеръ Медовсъ подтвердилъ это.

— И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ старикъ Мертонъ, не дать ли мнѣ ему нѣсколько сотенъ фунтовъ въ ростъ? Пусть это будетъ для Сусанны. А то, въ самомъ дѣлѣ, мало проку только копить деньги.

Мистеръ Медовсъ не отговаривалъ его отъ этого, но нашель какую-то причину, по которой онъ, съ своей стороны, никакъ не могъ дать денегъ мистеру Клинтону.

XXX.

Въ одинъ прекрасный день мистеръ Медовсъ пришелъ на почту въ Фарнборофъ и сказалъ почтмейстеру:

— Мнѣ нужно бы было, мистеръ Джеффрисъ, поговорить съ вами наединѣ.

— Извольте, сэръ, прошу ко мнѣ въ кабинетъ.

— Знаете ли эту пяти-фунтовую ассигнацію?

— Нѣтъ, не могу сказать, чтобы она мнѣ была почему нибудь особенно известна.

— Какъ же, она была у васъ въ рукахъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? Впрочемъ, очень можетъ быть; мало ли ихъ проходить черезъ мои руки въ цѣлый годъ. Всѣхъ не запомнишь.

— Нѣтъ, эту вы должны помнить, потому что вы ее украли.

— Что съ вами? какъ вы смѣете говорить такія вещи? Я буду судиться съ вами, это вамъ не пройдетъ даромъ.

— Лучше молчите и признайтесь, какъ было дѣло. Вѣдь я и безъ того все знаю. Одинъ изъ моихъ сосѣдей послалъ по почте деньги, но онъ не дошли по назначенію. Я подумалъ: «Джеффрисъ что-то очень часто говоритъ о совѣсти, — значить воръ онъ, а не другой кто.» Вотъ я и послалъ деньги въ Ирландію, и помѣтилъ на каждой ассигнаціи, едва видно, «Петръ Кравлей»; я зналъ, что васъ поймать не трудно. Вы размѣняли вотъ эту ассигнацію у Эвлинга, торговца колониальными товарами. Она получена изъ вашихъ рукъ, и вотъ на ней помѣтка: «Петръ

Кравлей». Остальныя ассигнаціи съ такой же помѣткой у васъ въ коммодѣ, и я сейчасъ могу обличить васъ, публично доказать, что вы воръ.

— Я пропалъ! я пропалъ! сказалъ Джеффрисъ едва слышно.

Мистеръ Медовсъ закричалъ: «Петръ Кравлей, поди сюда, оставайся здѣсь, стереги этого вора.»

И мистеръ Медовсъ ушелъ.

Джеффрисъ сталъ умолять Кравлея, нельзя ли чѣмъ-нибудь упросить мистера Медовса предать это дѣло забвенію. «Если это можно сдѣлать за деньги, то я продамъ свою послѣднюю рубашку и заплачу, сколько нужно мистеру Медовсу.

— Это очень трудно сдѣлать, но я постараюсь уговорить мистера Медовса, только за услугу—услугу.

— Все, что вамъ угодно.

— Такъ вотъ что. Каждое письмо, которое будетъ сюда приходитъ изъ Австраліи, вы тотчасъ же сами должны приносить ко мнѣ. Я буду держать такія письма не долѣе двухъ часовъ и не стану вынимать оттуда денегъ.

— Извольте, извольте, я это сдѣлаю съ удовольвіемъ.

— Да еще вы мнѣ должны заплатить за труды десять фунтовъ.

— Сэръ, у меня ихъ нѣтъ, но будьте увѣрены, что я вамъ ихъ доставлю и вручу сегодня же.

— Хорошо, только ни слова объ этомъ мистеру Медовсу.

— Больше ничего?

— Ничего.

— Очень радъ, что могу вамъ услужить.

— Смотрите же, исполняйте обѣщанное, а не то Эвлингъ докажетъ, что деньги съ моей замѣткой онъ получилъ отъ васъ.

XXXI.

Медовсъ никогда не пропускалъ случая повредить мистеру Леви и обратно. Они ненавидѣли другъ друга.

Сусанна была добра и къ тому, и къ другому въ равной степени. Съ обоими она говорила одинаково ласково, и каждый изъ нихъ слушалъ ее съ любовью и уваженіемъ. Только между любовью къ ней мистера Леви и мистера Медовса, была огромная разница.

Сусанна знала, что они ненавидятъ другъ друга, и это очень ее тяготило. Ей непременно хотѣлось ихъ помирить.

XXXII.

Кравлей пришелъ къ Медовсу довести, что Вилліамъ Филь-

дингъ въ городъ, и что можно его задержать, можно предьявить его вексель къ уплатъ; но Медовсъ сказалъ, что теперь не время, что есть дѣла важнѣе. Въ эту минуту Медовсу доложили, что его желаетъ видѣть миссъ Мертонъ. Тотчасъ же Кравлей былъ выпровоженъ черезъ потаенную дверь, съ приказаніемъ дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій. Миссъ Мертонъ вошла.

— Сэръ, я принесла вашу книгу. Но это не главная причина моего посѣщенія. Сэръ, я пришла васъ уговорить — не питать такой непростительной ненависти къ мистеру Леви.

— Люди всѣ очень мстительны. Вы исключеніе. Можетъ быть, если бы я чаще слушалъ наставленія отъ васъ, то и мое грубое сердце смягчилось бы, и я бы удостоился быть вашимъ... вашимъ другомъ, Сусанна... ахъ, извините, миссъ Мертонъ.

— Что за извиненія, вы можете меня называть Сусанной.

— Прелестное имя!.. Ахъ, Сусанна!

И страсть разъярилась въ старикъ, и онъ черезъ минуту забылъ бы осторожность, разсудокъ, онъ бросился бы передъ ней на колѣни, сказалъ бы, что любилъ ее, но ему помѣшала неприязнь. Голосъ Вилліама Фильдинга послышался у дверей: «Сусанна, мнѣ сказали что вы здѣсь!»

— Войдите! сердито сказалъ Медовсъ, а самъ въ ту же минуту написалъ что-то на лоскуткѣ бумажки и переслалъ, посредствомъ пружины, Кравлею.

— Что это вы вездѣ за мной, по моимъ слѣдамъ, точно собака, сказала Сусанна недовольнымъ голосомъ.

— Овцамъ лучше, если собака при нихъ: не дастъ ихъ въ обиду, вступится за нихъ, сказалъ на это Вилліамъ шуточно.

— Прошу говорить съ миссъ Мертонъ въ моемъ домѣ почтительно, сказалъ Медовсъ.

— Я всегда къ ней имѣю полное почтеніе. Я только говорю, что овцѣ не слѣдуетъ сближаться съ волкомъ, оттого и пришла собака.

— Да, и собака эта пришла безъ моего приглашенія; такъ по-крайней-мѣрѣ пусть она ведетъ себя, какъ человѣкъ.

Вилліамъ готовъ былъ его ударить, но удержался и обратился къ Сусаннѣ съ слѣдующими словами: «Сусанна, помните ли вы, что мнѣ говорилъ Джорджъ, уѣзжая? Помните ли его послѣднія слова, которыя онъ произносилъ со слезами на глазахъ и держа меня за руку? И такъ, я исполняю свое обѣщаніе, я смотрю за

вами, какъ братъ. Этотъ человекъ обманщикъ, не сближайтесь съ нимъ. Я васъ предупреждаю.»

Сусанна расхохоталась, мистеръ Медовсъ отвѣтилъ ей тѣмъ же. Но черезъ минуту онъ вскочилъ и съ разъяренными глазами бросился на Фильдинга. Они оба стали въ позу бокса, какъ бы готовясь драться. Сусанна уже собиралась ихъ разнимать, какъ постучали въ дверь и вошелъ Кравлей.

— Вотъ ужъ кого я никакъ не ожидалъ, сказалъ мистеръ Медовсъ.

— Извините, сэръ, можетъ-быть, я не во-время пришелъ. Но нельзя иначе, я по важному дѣлу. Джексонъ, войдите!

Въ комнату вошелъ полицейскій и, взявъ Вилліама за плечо, объявилъ, что онъ арестованъ за неуплату долга по векселю Кравлею.

Стыдъ овладѣлъ несчастнымъ Вилліамомъ. Онъ закрылъ лицо руками и застоналъ.

— Ахъ, мой бѣдный Вилліамъ! вскричала Сусанна. О, мистеръ Медовсъ, нельзя ли какъ нибудь этому помочь?

— Неужели вы думаете, миссъ Мертонъ, что я вступлюсь за него, послѣ всѣхъ дерзостей, которыя онъ мнѣ только что наговорилъ? Это было бы слишкомъ глупо съ моей стороны.

— Вотъ видите ли, Вилліамъ, какъ дурно наживать себѣ враговъ. Впрочемъ, будьте спокойны, батюшка не оставитъ васъ въ тюрьмѣ.

— Ведите меня скорѣе, скорѣе, кричалъ Вилліамъ, чтобы я никого не видалъ.

— Сумасшедшіе! сказалъ спокойно какой-то голосъ за ширмами.

Всѣ бросились туда, и что же? Исаакъ Леви сидѣлъ въ креслѣ, какъ будто у себя дома.

— Это что еще? закричалъ мистеръ Медовсъ. Развѣ мой домъ трактиръ, что въ него можетъ являться всякій, безъ моего приглашенія? Это изъ рукъ вонъ! Что вамъ нужно?

— Кому долженъ Вилліамъ?

— Мнѣ, отвѣчалъ Кравлей.

— Вотъ деньги. Отдайте мнѣ вексель.

— Извольте, сэръ.

Мистеръ Леви его прочиталъ и выплатилъ деньги.

— Вы свободны, сэръ, сказалъ Кравлей Вилліаму, какъ бы поздравляя его.

— Да? Такъ я вамъ советую скорѣе убираться вонъ, а то я не вытерплю, и пожалуй рассчитаюсь съ вами, какъ слѣдуетъ.

Мистеръ Кравлей раскланялся и вышелъ. Полицейскій послѣдовалъ его примѣру.

Мистеръ Медовсъ, указывая на нихъ пальцемъ, сказалъ Леву:

— Вы видите дорогу, ступайте вонъ изъ моего дома.

Старикъ еврей не двигался съ кресель.

— Это не вашъ домъ, сказалъ онъ спокойно.

— Онъ мой, потому что я купилъ его, и уже далъ задатокъ, отвѣчалъ рѣзко мистеръ Медовсъ.

— Да, но не заплатили денегъ. Прошли три срока, въ которые вы должны были ихъ выплатить, и вы каждый разъ чѣмъ нибудь отговаривались. Наконецъ домовладелецъ потерялъ терпѣніе и продалъ домъ мнѣ. Вотъ вамъ обратно вашъ задатокъ. Сами виноваты: зачѣмъ сдѣлали условіе, что если вы 5-го числа нынѣшняго мѣсяца не отдадите денегъ за домъ, то онъ опять поступаетъ въ собственность прежняго владельца. Сегодня одиннадцатое.

— А, понимаю! это ваши продѣлки...

— Домъ мой, и я прошу вывезти все ваше къ завтрашнему дню. Я плачу вамъ вашею же монетою. Вы въ подобныхъ обстоятельствахъ поступили со мною точно также.

Потомъ Исаакъ Леви обратился къ Сусаннѣ, говоря:

— Теперь, Сусанна, я вамъ покажу въ этомъ домъ каждый уголокъ, который мнѣ дорогъ по воспоминаніямъ. Приходите ко мнѣ, какъ только я переѣду, а теперь покуда намъ здѣсь нечего дѣлать.

И они вмѣстѣ вышли.

Вилліамъ и Медовсъ остались на единѣ. Вилліаму показалось, что онъ поступилъ дерзко съ Медовсомъ, позволивъ себѣ надѣлать ему непріятностей въ его домъ. Онъ въ этомъ искренно раскаялся и рѣшился извиниться.

Онъ подошелъ къ Медовсу и протягивая ему руку, сказалъ:— Мистеръ Медовсъ, я чувствую, что велъ себя неприлично въ отношеніи васъ, и потому, въ доказательство моего сожалѣнія объ этомъ, я подаю вамъ руку.

Вилліамъ уже очень надоелъ мистеру Медовсу; онъ видѣлъ, что единственное средство скорѣе отъ него отдѣлаться, было подать ему руку, и онъ подалъ.

Вилліамъ ушелъ, и мистеръ Медовсъ предался отчаянію. Онъ

такъ считалъ себя униженнымъ мистеромъ Леви, что не зналъ, какъ утѣшиться въ этомъ случаѣ. Кромѣ того еще одно горе: Сусанна не выходила у него изъ головы. «Боже мой, говорилъ онъ: — что мнѣ дѣлать? я просто схожу съ ума отъ любви. Хоть бы мнѣ умереть, или хоть бы чтонибудь заставило меня подальше уѣхать, такъ, чтобы никогда не слышать о Сусаннѣ. Можетъ быть, я бы тогда забылъ ее и былъ бы спокоенъ!»

Въ это время ему принесли письмо съ почты.

Письмо это было изъ Ланкашейра отъ мистера Честера, съ которымъ мистеръ Медовсъ прежде имѣлъ очень важныя дѣла. Онъ писалъ, что приобрѣлъ въ томъ краю огромныя земли, — что нужно сдѣлать въ нихъ много усовершенствованій, — что ему необходимо свѣдующій человекъ въ помощники, и что онъ для этой цѣли не желалъ бы никого другаго, кромѣ мистера Медовса. За это онъ ему предлагалъ огромныя деньги, и писалъ, что если Медовсъ согласенъ, то призвалъ бы немедленно.

Мистеръ Медовсъ, сильно борясь съ своими чувствами, взялъ наконецъ перо и написалъ:

«Сэръ.

Письмо ваше я получилъ въ часъ по-полудни, а въ шесть вызвожаю уже къ вамъ.»

Потомъ онъ отправился къ своей матушкѣ, сказалъ ей, что долженъ перевезти изъ своего дома въ другой домъ, который прежде намѣренъ былъ отдавать въ наемъ, и просилъ ее присмотрѣть за перевозкой вещей.

— Я боюсь, какъ бы что не сломалось, отвѣчала мать. Тогда ты будешь сердиться на меня, и подумаешь, что если бы самъ былъ при перевозкѣ, то этого бы не случилось.

— Нѣтъ, пожалуйста, сдѣлайте это для меня. Вы меня этимъ очень обяжете, потому что самъ я не могу никакъ остаться.

Онъ показалъ ей письмо. Старуха надѣла очки, прочитала и сказала поспѣшно:

— О, если такъ, другъ мой, то не медли ни минуты. Поѣзжай сейчасъ же; тутъ тебѣ предстоятъ такія выгоды, отъ которыхъ отказываться не должно. Я присмотрю за твоими вещами, будь спокоенъ.

— Такъ прощайте же, матушка, да благословить васъ Богъ! сказалъ мистеръ Медовсъ, и вдругъ, въ особенномъ порывѣ чув-

*

ства, бросился въ объятія матери и разцѣловаль ее. — Ъду сегодня же. Прощайте.

Только что онъ увхаль, какъ вошла старая служанка мистриссъ Медовсъ.

— Что это съ вами, мистриссъ? спросила служанка съ удивленіемъ.

— Ничего. А что?

— Да вы совсѣмъ дрожите.

— Ахъ, ты не знаешь что случилось. Представь себя.... Ахъ, какъ это было неожиданно.... Боже мой, я до-сихъ-поръ не могу опомниться, говорила старуха въ сильномъ волненіи. — Представь себя, онъ меня поцѣловаль. А вотъ уже двадцать пять лѣтъ, какъ онъ не цѣловаль меня!

И старушка на другой же день перевезла всю мебель въ новый домъ, и стала готовить въ немъ все для пріѣзда хозяина.

XXXIII.

Петръ Кравлей очень аккуратно получаль жалованье въ отсутствіи своего хозяина и завѣдываль всѣми его дѣлами. Все, казалось, шло по прежнему, но опытный наблюдатель могъ бы подмѣтить, что Кравлей перемѣнился въ своихъ чувствахъ къ мистеру Медовсу.

Каждый человекъ къ чему нибудь болѣе или менѣе пристрастенъ. Такъ и Кравлей. Онъ былъ особеннымъ поклонникомъ хитрости. Хитрость онъ ставиль выше всего на свѣтъ, и всегда готовъ былъ глубоко уважать того, кто ему казался хитрее. До-сихъ-поръ онъ думаль, что по хитрости мистеръ Медовсъ могъ бы получить премію № 1, но увы! оказалось что нѣтъ!

№ 1 нужно было уступить Леву, и за мистеромъ Медовсомъ пока оставался № 2.

Еврей счумьль перехитрить мистера Медовса, счумьль съиграть съ нимъ штуку и этимъ заслужиль полное уваженіе Кравлея, въ глазахъ котораго мистеръ Медовсъ уже пересталь быть такимъ великимъ человекомъ, какъ прежде.

Тяжело было Кравлею разставаться съ своимъ кумиромъ, и онъ съ горя началъ попивать. Простимъ ему это великодушно. Нужно же было ему въ чемъ нибудь искать утѣшенія!

АНТИГОНА.

(Статья вторая и последняя. *)

Известно остроумное замѣчаніе одного изъ послѣдователей Гюго, Палемона, что Гомера можно назвать эпическимъ «Софокломъ» **, а Софокла трагическимъ Гомеромъ». И Платонъ называетъ Гомера первымъ учителемъ трагическихъ писателей Афины ***. Богатымъ содержаніемъ Иліады и Одиссеи, дѣйствительно, пользовались очень часто греческіе трагики; въ драмахъ мы находимъ много величія, свойственнаго Гомеровскому эпосу; но сближеніе Софокла съ Гомеромъ имѣетъ для насъ большее значеніе. Только у Софокла, со всею цвѣтущей полнотой высказывается дѣйствительная жизнь въ ея лучшихъ идеальныхъ мгновеніяхъ; только у него въ величественномъ сподвижествіи творчества созидаются гармоническіе образы, облечены въ кровь и плоть, и въ тоже время служащіе къ выраженію высшихъ, разумныхъ началъ жизни. Эсхиль изображаетъ боговъ и героевъ, и людей подъ гнетомъ судьбы; у Еврипида боги, и герои являются обыкновенными людьми; у Софокла же они представлены, какъ бы они должны быть: ихъ дѣйствія свободны, а потому и нравственныя силы могучи. Въ началѣ истинной драмы, которыя находимъ въ живомъ и естественномъ разноразличіи событій у Гомера, первый разъ вполне раскрылись въ трагедіяхъ Софокла. Изъ этого не надо заключать, что къ созданию драмы послужилъ эпосъ; напротивъ, она первоначально образовалась изъ лирическихъ пѣсней, или, лучше сказать, лирика эпоса равно участвовала въ ея созданіи.

Дендрямбъ, посвященный Бахусу, съ его живыми танцами и

Первую статью см. въ мартовской кн. 1857 г.

* Диоген. Лаэрт. 4, 20.

** См. Республ. 10. Стр. 595 С., гдѣ сказано: *πρώτος διδασκαλός* και *ἡγεμών*. Отношеніе Гомера къ трагикамъ подробно объясняетъ истинность.

мимической игрою, далъ начало драмъ; для его представлѣнiя на сценѣ съ раннихъ поръ стали также употреблять костюмы и маски. Арionъ первый устроилъ и распространилъ между Дорiанами * циклическiй (круглый) хоръ дионрамба, изобрѣтши для него соответственную музыку. Въ правленiе Гиппарха (около 508 года до Р. Х.) Лазось ввелъ состязанiя дионрамбами въ Афинахъ; здѣсь находимъ соперникомъ его извѣстнаго Симониды. Вслѣдъ за тѣмъ, около 536 года, Тесписъ первый разъ выступаетъ съ трагедiей, за которую получаетъ въ награду козла **. Праздничные хороводы Дiонизiя разыгрывались въ Ленеонъ, лежавшемъ близъ Акрополиса; тутъ находился также храмъ бога и вскорѣ построенъ каменный театръ, гдѣ уже представляли свои трагедiи Эсхиль. Къ построенiю этого театра, оконченнаго при Ликургѣ (344—332 до Р. Х.), было поводомъ то, что обрушились деревянныя подмостки, на которыхъ прежде сидѣли зрители. Съ тѣхъ поръ, какъ явилась на сценѣ драма, старинный дионрамбъ ужъ болѣе не разыгрывался; но трагическiй хоръ остался въ своей силѣ, измѣнивъ только во многомъ прежнее назначенiе и форму: изъ кругаго онъ сталъ четвероугольнымъ.

Мы видимъ, что, исполненная живаго дѣйствiя, Дорiйская лирика послужила зерномъ драмы. Въ дионрамбѣ выражалось таинственное поклоненiе Дiонизiю, какъ вождю небесныхъ свѣтилъ, символу зимняго и весенняго солнца. Съ зимнимъ хладомъ умирала отцвѣтшая природа; въ жестокихъ страданiяхъ умиралъ и богъ, податель земныхъ благъ, преданный во власть темныхъ силъ подземныхъ. Среди печальнаго театра раздавались тогда вопли: трепетный хоръ молилъ о спасенiи, о счастливомъ возвратѣ изъ царства тьмы виновника всѣхъ радостей жизни. Эта

* Онъ былъ родомъ изъ Эолiйскаго Лесбоса, и дѣйствовалъ, какъ искусный музыкантъ, въ Πελοποννήσῃ, въ Сицилiи и южной Италiи; но особенно въ Коринθῃ, гдѣ находимъ его въ правленiе Перiандра (625 — 585 до Р. Х.).

** Названiе трагедiи вовсе не означало первоначально того, что разумѣемъ мы подъ этимъ словомъ. Оно напоминаетъ намъ только пѣснь Дiонизiя, въ которой главное участiе принимали хоры сатировъ подъ предводительствомъ Силена. Сатиры же представлялись въ видѣ козловъ, и даже носили это названiе (*τράγοι*); потому и пѣснь ихъ называлась козлиною (*τράγοδιον*). Слѣдовательно, трагедiя первоначально вообще означала дионрамбъ.

тическая смерть Діонизія уже скрывала въ себя идею трагическаго въ нынѣшнемъ смыслѣ слова. Но съ весною вся природа воскресаетъ.

Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена:
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ.

Эта всеобщая радость ликующей природы при возвратѣ лютого бога, подающаго кроткой рукою усладу смертнымъ, въ радныя лозы, выражалась веселыми пѣнями и на весеннихъ зднствахъ его. Тѣмъ шумяе и разгульиве были осенніе ходоы Діонизія при сборахъ винограда: они-то и дали начало едін.

Съ теченіемъ времени уже въ самый днѣрамбъ вопли предвѣнія горестныхъ или радостныхъ событій изъ жизни друзей боговъ и героев; но память о Діонизіи навсегда сохраняется у Грековъ среди посвященнаго ему театра: въ самыхъ жественныхъ моментахъ драмы, хоръ взываетъ къ нему мольбою. Благоговѣное чувство должно было въ эти минуты наполнять сердца зрителей, потому что театръ былъ вмѣстѣ храмомъ Діонизія. Въ Антигонѣ Софокла находимъ одну изъ любимыхъ пѣсней, принадлежащихъ къ роду гипорхемъ, которыя сопровождалась самою живою мимическою игрою. Хоръ настаиваетъ на участіе бога въ Элевзинскихъ таинствахъ Цереры, его таинственное рожденіе въ Фивахъ, на его ночныя оргіи, зднуемая при свѣтѣ факеловъ. Въ честь его возжигаютъ костры на вершинѣ Парнаса, его привѣтствуютъ веселымъ крикомъ, богатые плющемъ и гроздьями, берега Эвбеи; но богу его милве его родимый городъ, Фивы.

И чтимъ нашъ городъ выше всѣхъ другихъ
Тобой и матерью твоею,
Сраженной громомъ!
Теперь, какъ весь народъ страдаетъ
Въ бѣдѣ тяжелой,
Приди спасительной стопою
Съ вершины твоего Парнаса
Иль чрезъ ревуцій Понтъ!
О звѣздъ хорагъ, мерцающихъ огнемъ!
Ночныхъ блоситель оргій, сынъ

*

Родимый Зевса!
 Явился въ свѣтъ нимфѣ Наксійскихъ,
 Твоихъ спутницъ!
 Неистово ликуя, въ хорахъ
 Онъ всеночно прославляютъ
 Тебя, властитель Ягхъ!

Изъ диеирамба самымъ естественнымъ путемъ развилась драма. Начальникъ хора (хорагъ) становился на ѳимелу (*ἄσμα*, родъ стола, который служилъ также для жертвоприношеній въ послѣдствіи занималъ одно изъ самыхъ главныхъ мѣстъ въ каменномъ театрѣ Аѳинскомъ) и разъирывалъ вмѣстѣ съ окружающимъ его хоромъ дѣйствіе диеирамба: онъ то обращался съ провизированнымъ разговоромъ къ слушателямъ, то заводилъ разговоръ съ хористами, что и дало начало прологу и діалогу. Тесписъ уже ввелъ одного актера, который могъ, вмѣсто хора, отвѣчать хорагу, отчего и названъ отвѣтчикомъ (*ὑποκριτής*, отъ глагола *ὑποκριεσθαι*, отвѣчать). Представленія Тесписа отличались такою живостью, что Солонъ, возвратившійся тогда изъ своихъ странъ, возсталъ противъ нихъ. Суровый законодатель опасался, что искусная игра актеровъ научитъ народъ лжи и притворству*. Вмѣстѣ съ Тесписомъ выступаютъ на сцену Хоэригъ и Фринихъ; но истинную драму находимъ первый разъ у Эсхила, который ввелъ въ дѣйствіе сначала двухъ, а потомъ, подражая Софоклу, трехъ актеровъ; другіе современные трагики, конечно тотчасъ переняли у него это нововведеніе. Теперь понятно, что и песни и танцы хора, наполнявшіе диеирамбъ, съ постепеннымъ развитіемъ драмы, уступаютъ первое мѣсто разговору; понятно также, что хоръ все-таки долженъ былъ остаться существенною принадлежностью древней драмы, хотя во многомъ утратилъ свое прежнее религіозное значеніе.

Кромъ этого, намъ необходимо обратить вниманіе на пластическое начало, преимущественно господствовавшее въ искусствѣ Грековъ: оно отразилось на ихъ лирикѣ и драмѣ. Драма, уже по своей сущности, должна быть пластична, т. е. представлять дѣйствіе съ осязательной наглядностью, вполне замѣняя собою вещественную драму, которая ежедневно совершается передъ нами въ жизни; но здѣсь подъ пластикою разумемъ мы нача-

* См. Плутарха жизнеописаніе Солона. Извѣстно, что и Платонъ былъ приверженцемъ драматическихъ представленій, хотя собственныя его діалоги служатъ живыми драмами.

отивуположное поэзии. Тогда какъ поэзія, стремясь уловить
ыя разительныя черты быстро смѣняющейся жизни, предста-
етъ предметъ въ его вѣчномъ и непрерывномъ дѣйствіи, пла-
ка останавливаетъ ваше вниманіе на отдѣльныхъ моментахъ эта-
дѣйствія, сосредоточивая въ неподвижности фигуръ всю силу
женія. Эпосъ ближе всего можетъ возсоздать рельефную пол-
гу ея образовъ. Таковъ рассказъ Гомера, вѣчно останавли-
ющийся надъ подробностями картины. Таковы отчасти драмы
кила: въ нихъ находимъ мы дѣйствіе, развивающееся въ цѣль-
хъ, величественныхъ картинахъ событій и потрясающихъ кар-
нахъ чувствъ; эпосъ и лирика еще вполне не сложились здѣсь
драму. Примѣромъ такой несложившейся драмы служитъ осо-
но трагедія Персы. Сцена открывается длиннымъ рассказомъ
а о страшномъ вооруженіи Ксеркса, который отправился вой-
о на Грецію. Приходитъ мать царя, Атосса, и рассказываетъ
й зловѣщій сонъ. Послѣ краткаго разговора съ нею хора, уже
яется посланный съ извѣстіемъ о разбитіи Ксеркса. Начинается
чъ хора и Атоссы, смѣняющийся новымъ длиннымъ рассказомъ
тника о Саламинскомъ сраженіи. Послѣ рассказа, хоръ снова
накиваетъ горе Персовъ. Вслѣдъ за тѣмъ приходитъ Дарій и,
навъ о грозномъ бѣдствіи, называетъ причиною его человѣ-
е высокоуміе и неповиновеніе волю боговъ. Но вотъ передъ
и самъ бѣжавшій со стыдомъ царь, и трагедія оканчивается
ымъ, длиннымъ плачемъ, гдѣ хоръ и Ксерксъ составляютъ
ну неподвижную группу. Мы разумѣемъ здѣсь неподвижность
ько въ отношеніи драматическаго дѣйствія, а не въ букваль-
мъ смыслѣ. Напротивъ, особенно сцена послѣдняго плача мо-
а быть передана только самой одушевленной мимикой, и Эс-
ть, какъ отличный музыкантъ, актеръ и хороводецъ, изобре-
тъ для своихъ драмъ новыя трагическія танцы. У Софокла
е ни хоръ, ни рассказъ не занимаютъ главнаго мѣста: все
дѣйствіе сосредоточено въ разговорѣ. Однако при всей быстротѣ
подвижности этого дѣйствія, оно всегда является въ отдѣль-
хъ, замкнутыхъ хорами, сценахъ, гдѣ лица рельефно устано-
ены, подобно скульптурнымъ фигурамъ. Ужъ нечего и гово-
тъ про то, что передъ зрителемъ не происходитъ ни дракъ,
убійствъ: этого не позволяла идеальная возвышенность гре-
ской трагедіи; но и самыя страсти выражены съ тою умѣрен-
стью, какой требуетъ изящная форма. Внутреннюю связью
енъ служитъ само дѣйствіе, которое всегда развивается съ

необыкновенно строгою последовательностью; внешнюю — которую у Софокла играет хотя второстепенную, но довольно важную роль. Лиризм его служит чисто пластической цели. Мы сказали, что сцены *замкнуты* хорами, и въ этомъ не ошиблись: хоръ почти постоянно останавливаетъ ваше созерцаніе только-что разыгранномъ моментъ драмы; онъ умъряетъ впечатлѣнія, произведенныя на васъ борьбою дѣйствующихъ лицъ; онъ сглаживаетъ все крайности чувства и, не давая слишкомъ загадывать впередъ, приготовляетъ васъ къ спокойному воспріятію новыхъ трагическихъ впечатлѣній. Ваша душа растерзана несправедливостью человеческою, хоръ напоминаетъ вамъ о умолимой карѣ боговъ. Вы не въ силахъ вынести воплей Антигоны, идущей на казнь, — хоръ скажетъ утѣшительное слово о ея безсмертной славѣ; но, чтобъ ваше сочувствіе къ героини не превзошло мѣру, упомянетъ также о томъ, что она смертна и не должна равнять себя съ богами. Тамъ, гдѣ при грозномъ теченіи событій, уже никакое слово разсудка не поможетъ, хоръ въ торжественной молитвѣ обратитъ все ваши мысли къ богу и къ долгу. Словомъ, такъ или иначе, онъ у Софокла всегда живъ и участвуетъ въ дѣйствіи, какъ примиритель, или даже порою какъ двигатель драмы *.

У Эсхила, какъ мы видѣли, хору дано еще слишкомъ много значенія: въ немъ скрыты самыя мотивы дѣйствія, слышится кара за преступленіе, страшный голосъ безпощадной судьбы. Еврипида же хоръ служитъ часто только къ услажденію взора и слуха зрителей, не имѣя прямого отношенія къ драмѣ.

Теперь, чтобы читатель могъ живо представить все величественное дѣйствіе трагедіи «Антигона», мы должны напомнить обстоятельства, которыми сопровождалось представленіе ея на Аѳинской сценѣ, и вмѣстѣ разсказать, по мѣрѣ возможности, ея внешнюю обстановку.

Громадное развитіе общественной жизни у Грековъ представляетъ фактъ, подобный которому врядъ ли найдемъ въ исторіи народовъ. Мы утомили бы читателя однимъ исчисленіемъ правителей, которыми наполнялся годъ Аѳинскій, — и въ каждомъ изъ нихъ участвовалъ весь народъ. Все богатство, приобретаемое кровью и потомъ, все дары генія приносились на нихъ

* Оттого Софоклъ въ особенности любитъ составлять хоръ изъ старцевъ, какъ людей, мало способныхъ къ увлеченію.

жертву тому же гению, просвѣтителю чловѣчества. Мы упрекаемъ Перикла за то, что онъ овладѣлъ казною союзниковъ; но когда узнаемъ, для какихъ возвышенныхъ цѣлей употреблялись эти деньги, то скорѣе осудимъ индульгенціи папы Льва X. Римскій дворъ заботился о собственномъ блескѣ; Аѳины были всеобщимъ училищемъ не только для своихъ гражданъ, но и для иностранцевъ. Самое воспитаніе греческое, основаніемъ котораго служили гимнастика и музыка *, вело къ тому, чтобы приготовить будущихъ служителей искусства. Софокль началъ свое поприще, какъ одинъ изъ участниковъ хора на общественномъ праздникѣ. Драма была только полнымъ выраженіемъ всѣхъ тѣхъ искусствъ и нравственныхъ наслажденій, которыя наполняли жизнь Грека.

Уже поклоненіе тремъ главнымъ божествамъ Аттики: Посейдону, Аполлону и Аѳинѣ сопровождалось многими праздниками и играми. Особенно великолѣпны были Панаѳенскія празднества, на которыхъ въ торжественной процессіи участвовали представители всѣхъ возрастовъ: прелестныя дѣти, цвѣтушіе юноши и бодрые старцы, съ вѣтвями оливы въ рукахъ. Тутъ происходили и состязанія атлетовъ и музыкальныя агоньи на флейтахъ и цитрѣ, исполнявшіяся въ Одеонѣ, построенномъ Перикломъ, и разнообразныя хоры съ ихъ плясками и пѣснями; тутъ публично читались также пѣсни Гомера и другія созданія греческой литературы. Но для насъ любопытнѣе поклоненіе Діонизію, неразлучное съ таинствами Элевзинской богини Димитры (Цереры). Празднествъ въ честь бога, покровителя винограда, было въ Аѳинахъ четыре.

Сельскія Діонизіи (*Διονυσια τα κατ' ἀγρούς*) праздновались поздней осенью въ разныхъ частяхъ Аттики. На нихъ съ большимъ блескомъ устраивались жертвоприношенія, торжественныя ходы и драматическія хоры. Это было время, когда странствующие актеры раскидывали всюду свои театральныя подмостки. Для постоянныхъ представленій находился въ Пиреѣ театръ, куда стекалось множество иностранцевъ. Между обычаями праздника, любопытна игра съ кожанымъ мѣхомъ. Его раздували и клали на землю; участники игры старались одною ногою прыгнуть на мѣхъ такъ, чтобы на немъ удержаться; кому это удавалось,

* Подъ музыкой здѣсь должно разумѣть и поэзію, которой она была подчинена. Музыка у древнихъ никогда не была такимъ самостоятельнымъ искусствомъ, какъ нынѣ.

тотъ получалъ его, полный виномъ, въ награду. Нѣсколько вѣдѣль спустя, въ началѣ зимы (въ концѣ декабря), совершался Ленэйскій праздникъ, самый древній изо всѣхъ, посвященный Діонизію; онъ особенно священъ былъ для Аѳинянъ тѣми таинствами, изъ которыхъ и развилась идея трагедіи. Ленэйскій театръ, какъ мы видѣли, служилъ первою колыбелью драмы. Ленэонъ также праздновались въ началѣ марта Анеестеріи, когда въ первый разъ торжественно вкушали вино прошлагодня сбора и супруга архонта Базилея вступала въ святилище, чтобы вмѣстѣ со жрицами принести жертву за городъ. Радостныя пляски и пѣсни приветствовали возвращеніе на землю бога, украшеннаго цвѣтами. Съ тринадцатаго дня Анеестерій начинались Хоры*, и тутъ лирическія пѣсни уступали мѣсто драматическимъ представленіямъ. Но важнѣйшимъ для нихъ временемъ былъ четвертый праздникъ Діонизія, извѣстный подъ названіемъ «города» (*τὰ ἐν ἀστει Διονύσια*).

Здѣсь всѣ издержки брали на себя богатые граждане Аѳинъ, чтобы явиться въ полномъ блескѣ передъ несмѣтнымъ числомъ стекавшихся отовсюду иностранцевъ; изъ конца въ конецъ Аѳинъ оглашались звуками флейтъ; первостепенные поэты состязались между собою, чтобы поставить новыя драмы на сцену. Болѣе 500 хористовъ требовалось обучить, одѣть и содержать для одного этого праздника; между тѣмъ, какъ одинъ трагическій хоръ (50 хористовъ) стоилъ иногда до 5000 драхмъ (около 1000 руб. сер.). 50 лицъ, составлявшихъ этотъ хоръ, назначались для цѣлой тетралогіи, которая заключала въ себѣ три трагедіи и одну сатирическую драму; следовательно, на каждую драму пришлось бы около 13 человекъ (у Софокла ихъ было по 15).

При необыкновенной трудности въ выборѣ и обученіи хористовъ и невозможно было требовать большаго числа; Софоклъ первый устроилъ изъ молодыхъ, способныхъ людей постоянное общество, чтобы имѣть для представленія своихъ драмъ всегда готовыхъ артистовъ. Обычай давать четыре драмы разомъ сохранился неизмѣнно; но у Софокла онъ уже не представлялся между собою ничего общаго, тогда какъ тетралогія Эсхила состояла изъ драмъ, послѣдовательно развивающихъ одно дѣйствіе.

* Названіе, произшедшее отъ горшка (*χύτρος*), въ которомъ варились различныя сѣмена, посвящая ихъ богу, какъ символъ плодородія.

подобно отдельнымъ актамъ одной огромной трагедіи. На городскомъ праздникѣ Діонизія назначалось два дня для драматическихъ представлений, при чемъ въ одинъ день невозможно было разыграть болѣе одной тетралогіи: игра и безъ того продолжалась бы безостановочно десять часовъ, потому что хоры, сопровождаемые музыкой и танцами, требовали особенно тщательнаго выполненія и самая декламация шла речитативомъ подъ звуки флейты. Но къ состязанію допускались три поэта; прочія драмы такимъ образомъ могли быть разыграны на другихъ праздникахъ Діонизія. Бодѣ слѣдующимъ образомъ изображаетъ блескъ городскихъ Діонизій * : «Чтобы украсить этотъ праздникъ, соревновали другъ передъ другомъ граждане различныхъ филъ, многочисленные писатели и всѣ классы народа. Все вышнее исполненіе драмъ, великолѣпные хоры, выступавшихъ въ золотыхъ вынкахъ и драгоценныхъ одеждахъ, явленіе актеровъ въ величественномъ образѣ боговъ и героевъ, живая декламация, сопровождавшаяся музыкой и идеальной, истинно пластичной мимикой, пышность побѣдныхъ шествій и ходовъ съ факелами, архитектурное убранство сцены съ ея храмами и дворцами, съ ея статуями и живописью, и противъ нея огромный полукругъ 30,000 зрителей, полныхъ ожиданія, надъ которыми простиралась чистая лазурь дня или звѣздное вечернее небо,—все это должно было исполнять высокимъ благоговѣніемъ душу и возбуждать чувство высочайшей торжественности; все это питало прекрасную гармонию той цѣлости, въ которой справедливо признаютъ совершенство всѣхъ искусствъ.» Извѣстіе о 30,000 зрителей имѣемъ мы отъ Платона, который, будучи 14-ти лѣтнимъ юношей, смотрѣлъ въ такомъ именно собраніи драмы трагика Агаѳона **. Это происходило на Ленэискѣмъ праздникѣ въ 416 году до Р. Х.; при посѣщеніи иностранцевъ, стеченіе публики въ театръ могло быть еще многочисленнѣе. На представленіе трагедій, какъ мы знаемъ, допускались женщины и дѣти.

Вообразимъ же теперь себѣ, каково было впечатлѣніе, производимое безсмертнымъ искусствомъ Софокла на этомъ громадномъ театрѣ. Онъ былъ изсѣченъ въ скалахъ Акрополиса. Сзади, надъ безчисленными ступенями амфитеатра, высоко стояли кры-

* Gesch. der Dram. Dichtk. Стр. 185.

** Смп. 175. Ε. εἰσαναγής ἐγένητο πρόην ἐν μαῖουσι τῶν Ἑλλήνων πλέον ἢ τρισμυριοίς.

тыя коллопады (построенныя съ акустическою цѣлю), над которыми еще выше подымались зданія крѣпости; за сценою лежавшею на юго-востокъ, и съ боковъ находились также великія строения; по этому солнце не могло слишкомъ обезпечивать зрителей. Въ глубинѣ полукруга, образуемаго внизу послѣдними скамьями и называемаго конистрою, находилась тимела около нея были подмостки для хора. Полукругъ замыкала передняя часть сцены (проскеніонъ), возвышавшаяся надъ конистрою въ ростъ человека и имѣвшая по срединѣ своей, прямо къ хору, треугольный выступъ: логейонъ. Изъ конистры проскеніонъ съ обѣихъ сторонъ логейона вели лѣстницы, по которымъ иногда всходилъ хоръ на сцену. Проскеніонъ находился еще подъ открытымъ небомъ; отъ собственной сцены отдѣлялся занавѣсъ, который наматывали сверху внизъ, а не поднимали какъ у насъ. Сцена (*σκηνη*) имѣла уже кровлю. Въ глубинѣ ея открывался взорамъ двухэтажный дворецъ съ широкою дверью по срединѣ. * Съ обѣихъ сторонъ два дворцовыхъ крыла имѣли также свои боковыя двери. Пространство передъ дворцомъ называлось дворомъ (*αὐλή*) и отдѣлялось со стороны проскеніона рѣшеткой, по срединѣ которой, прямо противъ главныхъ дверей дворца, находились ворота. За эти-то ворота, на логейонѣ, ближе къ зрителямъ, Антигона и вызываетъ сестру свою Исмену въ началѣ драмы. ** Самая сцена, кромѣ дворца, должна была здѣсь изображать: вѣтвое поле или видъ на холмистую мѣстность, — вправо зданія города.

Вся сцена, равно какъ и конистра, украшены были колонками, статуями, алтарями и другими памятниками. Когда хотѣли показать происходящее во внутренности дома, то не перемѣняли декораций, *** а только раскрывали среднія двери дворца, откуда иногда выдвигалась особая машина (экзостра или энкиклама), имѣвшая деревянный помостъ, на которомъ клали трупа или тяжело раненнаго. Такъ было и въ нашей трагедіи, когда слуга, указывая на тѣло Евридики, говоритъ Креону:

* Въ эту дверь входили актеры, игравшіе первые роли. Дворецъ былъ самой обыкновенной декорацией; но у Грековъ не было недостатка и другихъ, смотря по требованію драмы.

** Въ подл. сказано: *ἔκτος ἀυλείων πυλῶν*.

*** Для перемѣны декораций у Грековъ были очень простыя средства. Три различныхъ декорации находились на крутящейся машинѣ (*περὶ ἄκτα*) имѣвшей такимъ образомъ форму призмы. Чтобы перемѣнить сцену, только поворачивали на оси.

«Вонъ посмотри: ужъ вынесли ее.»

реонъ отвѣчаетъ:

«О горе!

Второе вижу это я несчастье...»

ри громаднѣхъ размѣрахъ греческаго театра, и условія сцени были совершенно другія, чѣмъ нынѣ. Въ актеры, конечно, брались люди самаго высокаго роста и съ самымъ звучнымъ голосомъ; но чтобъ еще болѣе придать величія лицамъ, изображавшимъ боговъ и героевъ, употреблялись котурны, деревянные наставки около 3-хъ дюймовъ высоты, съ чулками, имѣвшими форму снуровки, для мужскихъ ролей краснаго, а для женскихъ — розоваго цвѣта. На отдаленномъ разстояніи нельзя также было близко разглядѣть чертъ лица, при томъ голова казалась бы несоразмерно малою; этотъ недостатокъ восполняли маски, надеваемые съ одной стороны, закрывая всю голову, усиливая выразительность, а съ другой, будучи произведеніемъ отличнѣйшихъ художниковъ, служили вообще идеально пластичной цѣли греческой драмы. Въ комедіи онѣ должны были принимать часто самыя оригинальныя формы, какъ, напримѣръ, въ хорѣ птицъ и шекъ у Аристофана. На маскахъ для глазъ оставялось самое маленькое отверстіе: все прочее было отдѣлано живописцемъ и скульпторомъ.

Величія протагонисту (главному актеру) придавала такъ длинная, великолѣпная мантия *. Женскія роли, какъ извѣстно, исполнялись мужчинами, при чемъ избирали актеровъ съ бо-мѣрякимъ голосомъ: такъ Софокль самъ однажды разыгралъ роль Навзикаи. Посмотримъ теперь, какія маски и костюмы могли быть даны разнымъ дѣйствующимъ лицамъ въ трагедіи: Антигона. Замѣтимъ здѣсь, что костюмировка на греческомъ театрѣ, по требованію драмы, была необыкновенно разнообразна **; но не имѣя частныхъ извѣстій, относящихся къ нашей трагедіи, мы должны довольствоваться общими.

Особенно блестяща была одежда бога Діонизія. Онъ имѣлъ длинную широкую тунику яркософраннаго цвѣта, украшенную звѣздочками и другими узорчатыми цвѣтами. Его темнокрасный поясъ сіялъ золотомъ и драгоценными камнями. Онъ имѣлъ огромную мантию, также пурпурнаго цвѣта, и золотыя котурны.

Особенно маски часто должны были приготовляться на одинъ извѣстный случай. Сократъ и Клеонъ въ комедіяхъ Аристофана были выведены на сцену съ поразительнымъ сходствомъ.

Антигона, конечно, явилась на сцену въ маскѣ, свойственной мужественной дѣвѣ (*κοῦρμιος παρθένος*), съ короткими волосами, собранными наперед и густо расчесанными въ обѣ стороны, какъ у Дианы. Черты блѣднаго лица выражали строгое величіе. Напротивъ, лице Исмены исполнено было нѣжной, почти дѣтской красоты. Касательно одежды героинь трудно сѣзать что-нибудь положительное; но она не могла отличаться особеннымъ блескомъ у дочерей Эдипа. Евридика могла выйти на сцену въ блѣдной маскѣ съ длинными, черными и распущенными волосами, и въ темной мантии съ голубою подкладкой. Хотя она еще не слышала о бѣдствіи, но предчувствіе горя уже волновало ея душу; при томъ свѣжа была въ ней скорбь о недавней гибели одного изъ сыновей, Мегарея.

Обратимся къ мужскимъ ролямъ. Хоръ, какъ лицо, наименѣе участвующее въ дѣйствіи и при томъ близко стоявшее къ зрителямъ, обыкновенно являлся безъ масокъ. Въ противномъ случаѣ, предводитель хора могъ имѣть маску съ обстриженной бородой и бѣлыми волосами, гладко причесанными на головъ, которые на лбу возвышались въ видъ остраго треугольника; прочіе члены хора были въ маскахъ съ густою бородою и съдыми волосами, которые падали обильными локонами съ головы, оставляя на лбу только небольшой пучокъ (*ὄνκος*). Старческія лица исполнены были спокойствія и важности. Великолѣпная одежда изъ длинной, разноцвѣтной туники и красной или зеленой мантии, свойственная правительственнымъ лицамъ (такъ какъ хоръ состоялъ изъ Фиванскихъ старѣйшинъ), покрывала величественный станъ, представляя глазамъ зрителя всю роскошь Аѳинскаго театра.

Креонъ, какъ царь страны и главный герой драмы, явился въ маскѣ съ черною кудрявою бородою и такими же волосами на головѣ, собранными въ большой онкосъ надо лбомъ, какъ, на примѣръ, въ изображеніяхъ Юпитера, Нептуна и проч. Сжатые черты лица носили выраженіе суровости. Одежда, подобная той, какъ у хора, конечно, отличалась еще большимъ блескомъ, потому что Креона видимъ мы въ гордомъ упоеніи побѣдителя при высокомъ санѣ, только что имъ полученномъ. Подобные ему характеры любятъ выказывать себя въ великолѣпнѣ наружнаго убранства. Въ началѣ драмы, Креонъ тѣмъ болѣе долженъ поражать зрителя своимъ могуществомъ, чѣмъ глубже его паденіе при печальной развязкѣ событій. Когда онъ говоритъ свою рѣчь

мы должны представлять, что онъ горделиво стоитъ въ золотой діадимъ и опершись на драгоценный скипетръ. Онъ бытъ, и ему подъ ноги постланы были пышные ковры, Агамемнону. По этой самой причинѣ и одежда Антигоны не была отличаться простотою; все величіе героини заключено въ характеръ, а не въ наружномъ блескѣ. Въ концѣ драмы Кreonъ выходитъ на сцену съ трупомъ сына, онъ видимо перемѣняетъ костюмъ: онъ долженъ явиться, по обычаю греческаго театра, въ темножелтой и даже грязной мантии. Онъ имѣлъ видъ прекраснаго, цветущаго юноши съ великими черными кудрями. Въ лицѣ его сіяли отвага и мужество. Какъ царскаго сына, его отличала короткая, вытканная золотомъ, мантия и пурпурный поясъ.

Сторожъ, почтенное лицо старца, вѣроятно, имѣлъ маску, подобную той, какъ у хорага, но съ нѣкоторыми характеристическими особенностями, каковы: блѣдное, морщинистое лицо, полубожественнаго величія, свойственнаго прорицателю, — слѣпой и умершій для свѣта, но въ тоже время таинственно смотря въ даль. Онъ одѣтъ былъ въ ткань особеннаго рода: тонкая, свѣтообразная, состоявшая изъ соединенія безчисленныхъ шерстяныхъ нитей (*αυρηρον*), она, какъ будто, символически изображала неразгаданныя сплетенія судебъ человеческихъ. Сторожъ вышелъ на сцену, держась одною рукою за руку режиссера, а другою опираясь на свой посохъ.

Сторожъ, конецъ маски, употреблявшіяся для рабовъ, вообще имѣли блѣднѣе свѣтѣе цвѣтъ лица и бѣлокурые волосы. Въ трагедіи Сторожъ, вѣстникъ и слуга, конечно, различались своими масками. Сторожъ, вѣроятно, былъ нѣсколько курносъ, съ бойливо лукавымъ взглядомъ, съ умною улыбкою на устахъ; Сторожъ отличался высокимъ лбомъ съ поднятыми надъ нимъ глазами, и красивыми чертами лица. Вотъ все, что можемъ сказать объ этихъ второстепенныхъ лицахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ своей драмы Софокль, сдѣлавшій столь много нововведеній на афинской сценѣ, позаботился также приготовить особыя маски, но, давая имъ разныя особенности, онъ не могъ уйти отъ общаго типа, который постоянно сохранялся въ греческой драмѣ. Идеальность ея обстановки вполне согласна съ идеальностью содержанія.

Всѣ вѣщныя характеровъ, убранство сцены, игра актеровъ — все это подоточено было къ тому, чтобы представить дѣйствіе въ од-

номъ блестящемъ моментъ, осветить его, какъ освѣщаютъ нимъ яркимъ лучемъ пластичную группу. Жизнь, перенесенная на театральныя подмостки, становилась тѣсною, какъ замкнувъ въ самыя опредѣленныя формы; но чѣмъ тѣснѣе была она въ этомъ отношеніи, тѣмъ громаднѣе въ своей идее. Для полноты и наслажденія нѣсколькихъ десятковъ тысячъ зрителей, конечно, нужны были не утонченныя хитросплетенія драмы, сужающія будто бы къ вѣрному и точному изображенію дѣятельности, а вся простота великаго явленія. Отъ того и приходили они въ театръ, какъ на торжественный праздникъ, вивъ себя голову вѣнками; сидя цѣлый день на жесткихъ мѣстныхъ скамьяхъ, они не знали ни утомленія, ни скуки, а меньше того непріятнаго чувства обманутыхъ надеждъ, которое вслѣдъ за трубнымъ гласомъ афиши, является на сценѣ съ дикою разногласица.

Съ другой стороны, надо сказать и то, что Аѳиняне способны были глубоко понимать прекрасное, а чтобы оцѣнить не жалѣли ни труда, ни заботы; слѣдовательно, возвышенныя идеи, представленныя безо всякихъ заманчивыхъ блесковъ могли показаться имъ скучными; для нихъ не нужно было лаждать горечь истины, обмазывая края подносимаго сома медомъ.

Все сказанное нами выше послужить теперь къ объясненію самаго состава драмы. Она раздѣлялась у Грековъ на слѣдующія части:

1) *Прологъ*, означавшій всю часть драмы, предшествующую первой пѣснѣ хора. Въ первобытномъ состояніи драмы прологъ заключался въ лирическомъ разсказъ самаго хора, какъ это видимъ иногда у Эсхила.

2) *Эпейзодіонъ*—часть драмы, заключающаяся между пѣснями хора. Въ Антигонѣ такихъ частей пять.

3) *Экзодосъ*— послѣдняя часть драмы, за которою уже не было хорическихъ пѣсней.

4) *Лирическія пѣсни*, которыя раздѣлялись на Пародосъ, Стазимонъ, сценическія пѣсни (*αἱ ἄλλοι τῆς σκηνῆς*) и коммы.

Пародосъ (входъ, вступленіе) пѣлся хоромъ при первомъ вступленіи въ конистру чрезъ восточный или западный входъ, который по этому также назывался Пародосъ.

Обыкновенно онъ не составлялъ еще собственной пѣсни, а читативъ подъ музыку марша, и потому его писали ямба

местами и въ особенности хорсами. Въ Пародосъ хоръ уже являлъ свое отношеніе къ драматическому дѣйствию.

Стазимонъ (отъ глаг. *ἵστημι*, стою), означалъ пѣснь хора, неподвижно *стоявшая* на оркестрѣ около тимелы. Такихъ пѣсней въ Антигонѣ четыре.

Они отличались воиъ разнообразіемъ лирическаго ритма и, ставляя собственный мелосъ, сопровождалсь нѣсколькими инструментами и цитрами.

Пѣски со сцены, когда онѣ исполнялись отдѣльными лицами, бывались также *монодіями*, и не имѣли антистрофъ. Ихъ сопровождала всегда одна флейта или лира. Когда же поющіе мѣнялись въ нихъ чувствами съ хоромъ, то, имѣя строфы антистрофы, онѣ составляли *коммы* (*χορμοί*). Содержаніемъ пѣсней и другихъ обыкновенно былъ трагическій плачь, *θρήνη*.

Сцена въ Антигонѣ открывается тѣмъ, что героиня вмѣстѣ съ Исменою выходитъ изъ среднихъ дворцовыхъ дверей, и, призывая къ зрителямъ, начинаетъ съ жаромъ рассказывать ей о своемъ рѣшеніи Креона. Съ самага начала уже возбуждено тревожное вниманіе зрителя; послѣ рѣшительныхъ словъ Антигоны: «Я схороню брата», душа его взволнована ожиданіемъ новыхъ драматическихъ столкновеній. Пылкая отважность героини; ея непреклонная рѣшимость рядомъ съ равно непреклоннымъ судомъ Креона; страхъ грозящихъ бѣдъ, выраженный въ словахъ Исмены,—все становится предчувствіемъ и вмѣстѣ съ началомъ борьбы, которая завязывается быстро и непримедленно. Софокль прямо ставитъ васъ въ круговоротъ дѣянія. Вы не успѣли взглянуть на берегъ, отъ котораго отчалили, какъ уже вѣстятъ вамъ бурныя волны; но ладья, правимая искуснымъ пловцемъ, будетъ мѣрно подыматься и падать на волнахъ разлива.

Чѣмъ дальше, тѣмъ темнѣе горизонтъ; наконецъ гибель безразличныхъ путниковъ неизбежна; но вы спасены съ вашей вѣрой въ добро: чище и лучезарнѣе прежняго горитъ для васъ солнце ума.

Говоря безо всякихъ метафоръ, мы должны замѣтить отличие Софокла отъ другихъ греческихъ трагиковъ въ томъ, что прологъ у него служитъ существенною частію драмы, а не отдѣляется отъ нея, какъ предувѣдомительный рассказъ. У Еврипида Антигона, являсь на сцену, начала бы, можетъ быть, слѣдующимъ образомъ:

«У Эдипа было четверо дѣтей: сыновья, Этеоклъ и Полиникъ, дочь Исмена и я, Антигона. Братья мои, послѣ смерти отца, стали враждовать между собою: старшій изгналъ младшаго роднаго города, и т. д.» Сдѣлавъ это извѣщеніе, героиня сказала: «Теперь, не смотря на запрещеніе Креона, я намѣрена ронить трупъ [Полиника], — послѣ чего вступила бы въ разговоръ съ Исменой. Но Еврипидъ имѣлъ болѣе всего въ виду тѣлѣй, Софокль — высшія цѣли искусства.

Прологъ служить въ нашей драмѣ вполне законченною, въ которой положенъ первый моментъ дѣйствія, и въ многихъ, но рѣзкихъ чертахъ рисуется возвышенный образъ героини. Ея слова:

«Смерть со славою: вотъ все,
Что можетъ мнѣ ужаснаго грозить.»

и отвѣтъ Исмены:

«Безумна ты, но въ дружбѣ вѣрный другъ»

прекрасно замыкають эту сцену, означая какъ общій ея смыслъ такъ и противоположность двухъ выведенныхъ въ ней характеровъ. Послѣ этого Антигона уходитъ на лѣво, къ декоративной представлявшей поле; Исмена же возвращается во дворецъ.

Мы знаемъ, что представленіе драмы у Грековъ начиналось съ ранняго утра.

Если предположить, что Антигона была первою изъ частей тетралогіи, данной Софокломъ, то прологъ могъ быть разыгранъ не очень долго спустя послѣ восхода солнца *, и во время едва пламенные лучи его изъ-за скалъ и храмовъ Акрополя блеснули на сцену, какъ выступаетъ изъ западнаго входа оркестру величественный хоръ, приветствуя радостный светъ золотое око дня, и возглашая побѣду.

Всѣ чувства зрителя сильно напряжены въ это мгновеніе начавшеюся драматическою борьбою; хоръ отвлекаетъ мысли отъ Антигоны къ созерцанію самыхъ событій, изъ которыхъ возникла трагедія. Онъ обращаетъ свой пародосъ въ побѣднѣ гимнъ по случаю бѣгства Аргивскаго войска. «Врагъ, подобный крикливому орлу, примчался на бѣлоснѣжныхъ крыльяхъ въ нашу землю; бѣлощитный мужъ, со всѣмъ своимъ оружіемъ,

* Когда было большое стеченіе публики, то зрители занимали мѣста еще ночью.

Онъ теперь вспячь, не успѣвши насытиться нашею кровью. Ждебный змій не устоялъ въ борьбѣ; за высокомерье ополчился на него самъ Зевесъ съ громомъ и молніей: едва Капаней, на золотыи доспѣхахъ, устремился на стѣны, чтобъ зажечь стѣну, его самого настигла стрѣла бога.

Съ наши вожди принесли побѣдные трофеи въ храмъ Зевеса; съ несчастныхъ два брата пали въ единоборствѣ; но теперь будемъ распри: съ сіяющею улыбкою является къ намъ Полюксъ, и возблагодаримъ Бахуса, покровителя Фивъ.»

Съ душъ зрителя при этомъ, естественно, рождаются новыя мысли. Образъ Антигоны, хоть и сошедшей со сцены, не могъ быть забытымъ, потому что впечатлѣніе, ею произведенное, глубоко. Между тѣмъ враги наказаны за высокомерье; число ихъ было и Полиникъ, котораго хочетъ хоронить генералъ. Правъ ли ея поступокъ? Дѣйствительно ли должно не повиноваться противъ Креона за его рѣшеніе? Онъ отразилъ непріятеля и даруетъ миръ отчизнѣ; въ своемъ негодованіи противъ Креона, онъ, кажется, только исполнитель воли боговъ и дѣйствуетъ за одно съ народомъ. Мы знаемъ, правда, о его жестокомъ рѣшеніи; но неизвѣстно, исполнитъ ли онъ, что задумано. Такимъ образомъ хоръ, невольно возбуждая эти сомнѣнія, въ пѣсню не только не останавливаетъ дѣйствія, но даже возбуждаетъ новое движеніе драмы. Онъ приготовляетъ васъ къ появленію Креона, котораго уже съ нетерпѣніемъ ожидаетъ зритель. Въ словъ Антигоны, что правитель придетъ самъ обо всемъ отвѣчать своихъ гражданъ. Еще въ первой сценѣ, Креонъ есть видимое дѣйствующее лицо, на которомъ держатся главнѣйшія пружины драмы; теперь, по окончаніи пѣсни, предводитель хора увѣдомляетъ о его прибытіи на собранный имъ совѣтъ старшинъ. Такія краткія увѣдомленія обыкновенно лежатъ на обязанности хора, какъ сторонняго наблюдателя того, что происходитъ на сценѣ, и посредника между дѣйствующими лицами и зрителемъ. Это послѣднее его значеніе, свидѣтельствующее о необыкновенной простотѣ греческой драмы, находимъ общимъ у всехъ трагиковъ; но у Софокла извѣстительныя рѣчи совершенно отдѣлены отъ прочихъ частей хора.

Вслѣдъ за словами хорага является великолѣпный Креонъ со своею мудрою рѣчью. Онъ въ полномъ сознаніи своей силы; только что избранный царемъ, онъ хочетъ показать собою образецъ, каковъ долженъ быть правитель. Не смотря на нѣкоторыя

рую жесткость и самоуверенность его рвчи, вы почти готовы признать въ немъ возвышенный характеръ. И какъ не сочувствовать словамъ:

«А кто нашъ городъ любить—и живаго,
И мертваго равно я буду чтить.»

Старѣйшины отвѣчаютъ ему съ полною покорностью. И если бы иначе отвѣтить хоръ, видѣвшій въ немъ въ эту минуту только ко побѣдителя враговъ и спасителя отчизны?

Креонъ строго приказываетъ не давать пощады ослушнымъ, тутъ же является сторожъ, извѣщающій о нарушеніи приказа. После многихъ оговорокъ, онъ подробно объясняетъ обстоятельства, сопровождавшія погребеніе трупа. Но виновный еще не извиняется. Хоръ выражаетъ свое удивленіе словами: «Не боги ли тутъ свою явили силу?» Въ этихъ словахъ высказывается старческий предрасудокъ, а благочестивое уваженіе къ святымъ они прямо указываютъ на то, про что уже могъ забыть зритель, что ршеніе Креона противорѣчитъ божественному закону.

Хоръ здѣсь не думаетъ осуждать правителя: въ немъ только говоритъ чувство правды, служащее основаніемъ общественнаго суда. Креонъ называетъ его глупцомъ, и въ слѣдующей за тѣмъ рѣчи уже выказываетъ все свое высокомеріе: беретъ на себя трудъ ршать дѣла боговъ, онъ осуждаетъ подкупъ невинныхъ гражданъ и думаетъ казнить своихъ слуг. Сторожъ очень ловко защищаетъ себя, и, по уходѣ гнѣвнаго Креона, самъ скорѣе спѣшитъ удалиться. Этимъ и оканчивается первый епейзодіонъ.

Мы видимъ, какъ быстро развивается дѣйствіе у Софокла: одна сильная сцена послужила къ тому, чтобы охарактеризовать Антигону, одна сцена знакомитъ насъ вполне съ личностью Креона. Тамъ едва завязывается борьба; здѣсь уже первое столкновеніе двухъ противоположныхъ началъ. Представителемъ одного служить Креонъ съ его свѣтскою мудростью и самоуверенностью: другое.... но другое уже невидимо, таинственно дѣйствуетъ, во всемъ обманывая и разрушая эту человѣческую мудрость. Смутно чувствуя его присутствіе, хоръ произнесъ: «боги ли тутъ свою явили силу?» Отвѣтомъ на это послужила вся остальная часть драмы. Что касается дѣйствующихъ лицъ, то на первый разъ не великій противникъ явится Креону: просто здравый умъ сторожа заставитъ зрителя усомниться въ величии

свѣтскомъ знаніи правителя. Чѣмъ будетъ дальше поколеблена его мудрость, увидимъ.

Явленіе сторожа въ первомъ епейзодіонѣ кажется быстрымъ и неожиданнымъ. «Что бы, скажетъ современный театраль, что бы Креону подольше потолковать съ хоромъ... высказать разнообразные свои политическія убѣжденія: тутъ правителя можно бы представить въ трибуналъ, при рѣшеніи дѣлъ, которое въ новомъ свѣтѣ показало бы всю свѣрзность его характера, пока между тѣмъ Антигона успѣетъ схоронить тѣло!» На это отвѣтимъ теперь одно только: Антигона и сторожъ имѣютъ достаточно времени исполнить свое дѣло, потому что пѣніе прозодіона и первая рѣчь Креона, при греческой декламациі, могли продолжаться немногимъ менѣе часу. Сторожъ же прибѣжалъ въ поспѣхахъ, хотя и часто останавливался на *короткомъ* пути. Другой вопросъ: зачѣмъ сторожъ рассказываетъ то, что могло бы быть представлено на сценѣ хоть слѣдующимъ образомъ:

«Послѣ рѣчи Креона сцена переживаетъ. Вдали холмы, и на одномъ изъ скатовъ, предъ глазами зрителя, ярко отдѣляется отъ зелени кустовъ страшно-окровавленное тѣло Полиника. Занимается заря. Приходитъ Антигона съ сосудомъ для возліаній. Она собираетъ прахъ и сыплетъ его на трупъ; она рыдаетъ, обвиняя брата. Потомъ, сказавъ приличную рѣчь, поспѣшно удаляется. Приходитъ первый дневной сторожъ. Его недоумѣніе и ужасъ. Онъ кричитъ къ товарищамъ: всѣ прибѣгаютъ толпою. Ссоры и драка. Одинъ хочетъ калить свой заступъ на костръ, другой останавливаетъ всѣхъ и велитъ слушать: онъ даетъ свѣтъ довести обо всемъ Креону и т. д.» Сколько пропало эффектныхъ сценъ! И неумолимый Софокль вездѣ заставляетъ рассказывать о самыхъ трогательныхъ событіяхъ, каковы: ильненіе стражею Антигоны, гаданіе Тирезія, при которомъ жиръ лядвей допался, разлетаясь брызгами и проч. Мы должны помнить, что у Софокла ничѣмъ не пожертвовано для пустаго эффекта. Что прекрасно въ рассказѣ, то могло быть противно въ представленіи на сценѣ. Идеально-пластичная цѣль драмы не допускала тѣхъ промежуточныхъ явленій, которыя, правда, развиваются въ подробностяхъ, но часто также разрушаютъ единственно дѣйствія: все впечатлѣніе отъ этого дробится, останавливаясь иногда на самыхъ второстепенныхъ сценахъ, и зритель выходитъ изъ театра, какъ изъ игрушечной лавки. Древнюю трагедію обыкновенно упрекаютъ въ томъ, что въ ней мало дѣйствія. Про Софокла

нельзя сказать этого: у него много дѣйствія, но оно все сосредоточено въ главнѣйшихъ моментахъ. Это не есть цвѣтистое многословіе французской драмы, а напротивъ краткость, служащая силой. Каждый свой рассказъ (ихъ впрочемъ немного) Софоклъ умѣетъ вставить въ такую драматическую рамку, что, мало видя сценическаго дѣйствія, мы тѣмъ сильнѣе чувствуемъ дѣйствіе идеи. Конечно, у Шекспира драма развивается несравненно разнообразнѣе, но за то и теряетъ много художественной простоты. Греческая пластика въ этомъ отношеніи непогрѣшима: чистота и тонкость линій достигаютъ въ ней полного совершенства; но ея примѣненіе къ театру требовало, безъ сомнѣнія, многихъ ограниченій сцены, неизвѣстныхъ въ наше время. Сюда, какъ мы уже видѣли, относятся маски и бѣлая, чѣмъ у насъ, неподвижность декорацій.

Въ первомъ стазимонѣ хоръ останавливаетъ вниманіе зрителя на предъидущей сценѣ, которой драматическая игра частію основана на неизвѣстности виновнаго въ погребеніи трупа. Хоръ поддерживаетъ это сомнѣніе разсужденіемъ объ искусствѣ, находчивости и чудной ловкости человека, который ко всему отыщетъ дорогу. Старцы уже почти согласны съ мнѣніемъ Креона, что не божескія силы, а хитрость гражданъ принимали участіе въ отважномъ предпріятіи: тѣмъ неожиданнѣе и для нихъ и для правителя появленіе Антигоны. Въ цѣляхъ драмы такимъ образомъ лежало, чтобъ они вовсе этого не подозревали.

Зритель ждетъ развязки этимъ недоумѣніемъ, между тѣмъ не безъ сочувствія встрѣчаетъ слова хора: «Будетъ изгнанъ безбожникъ, нарушающій законы отчизны.» Повторяемъ, въ хорѣ постоянно высказывается общечеловѣческое разумное чувство; но, какъ безпристрастный наблюдатель, онъ не рѣшаетъ дѣла ни въ чью пользу, пока окончательно не рѣшитъ его судьба. Явно по всему, что онъ не сочувствуетъ поступку Креона, какъ замѣчаетъ въ послѣдствіи и Антигона; но всегда мысль свою выскажетъ онъ въ общихъ выраженіяхъ, оставляя догадываться зрителя, къ кому можно примѣнить ее. Здѣсь слова хора противъ нарушителя общественнаго порядка какъ будто относятся къ тѣмъ гражданамъ, о которыхъ упоминаетъ Креонъ, къ Полинику, возставшему противъ отчизны; но въ нихъ безсознательно выразилось и недовольство рѣшеніемъ правителя. Въ предъидущей сценѣ погребеніе трупа остается тайною, чтобъ Креонъ имѣлъ случай высказать и свое отношеніе къ гражданамъ,

правительственнымъ мъръ. Теперь, наконецъ, сторожъ приво-
 Антигону и тотчасъ же является опять Креонъ, а въ срединѣ
 Исмена. Сцена эта составляетъ второй епейзодіонъ, въ
 омъ первый разъ выходятъ три актера вмѣстѣ. Мы видѣ-
 то передъ пѣсню хора, Креонъ только что удалился во
 цъ, и теперь какъ-разъ возвращается къ стати. «Зачѣмъ хо-
 онъ во дворецъ?» спросить . пожалуй, современный намъ,
 льный критикъ. Не знаемъ, да и знать нѣтъ никакой на-
 сти. Довольно того, что возвращеніе Креона необходимо
 по ходу драмы. Внѣшнихъ, постороннихъ мотивовъ (какъ,
 мръ, того, что правитель забылъ досказать свои распоря-
 конечно, нельзя ожидать отъ строгаго искусства Софокла.
 въ особенности видна простота греческой драмы, въ ко-
 все вниманіе обращено не на мелочную обстановку, а на
 іе идеи. Но какъ объяснить новое явленіе только-что ушед-
 сторожа? Пѣснь хора была слишкомъ здѣсь коротка, чтобъ
 и совершиться всѣ тѣ обстоятельства, о которыхъ онъ раз-
 вааетъ: уходъ сторожей за трупомъ, буря, плачь Антигоны,
 мка и допросы, ей дѣланные, и т. д. Здѣсь прямо рѣ-
 я вопросъ о томъ, какъ понимать въ греческой драмѣ
 тво времени, выставленное когда-то, какъ непреложный
 , у Французовъ. Сценическое время у Грековъ, какъ и
 нѣзней драмъ при раздѣленіи на дѣйствія, совершенно иде-
 : зритель въ своемъ воображеніи соединяетъ самые отда-
 е моменты дѣйствія, сопоставляетъ ихъ рядомъ силою идеи.
 ствительно, второй епейзодіонъ заключаетъ въ развитіи
 йшаго момента борьбы, какъ бы отдѣльную, искусно раз-
 драму. Части этой маленькой драмы состоятъ въ слѣду-
 : второе явленіе и рассказъ сторожа, допросъ Антигоны,
 говооръ съ Исменой и заключительный разговоръ Исмены
 еономъ. Нравственная мысль ея—уличеніе Креона, какъ пре-
 вшаго божественный законъ. То, что въ предъидущей сце-
 ло предчувствіемъ, здѣсь уже дѣлается явнымъ; но борь-
 окончена: за Креономъ все еще остается, хотя нѣсколько
 бленная, мудрость правителя и сомнѣніе въ томъ нѣтъ
 на его сторонѣ какого-нибудь права, такъ какъ онъ по
 ему сохраняетъ свой характеръ защитника отечества; Ан-
 а же по наружности болѣе является защитницей своихъ лич-
 чувствъ къ умершему брату. Только послѣ сцены съ Ти-
 ѣ увидимъ мы окончательное паденіе Креона.

Сторожъ въ восторгъ отъ своей ловкости, когда приводитъ Антигону. Креонъ сначала не вѣритъ словамъ его, но спокойно выслушиваетъ рассказъ, и только послѣ холоднаго признанія героини, съ негодованіемъ восклицаетъ:

«Ты знала и дерзнула
Законъ нарушить?»

Рассказъ этотъ опять можно бы представить въ дѣйствіи: «Сторожа ухаживаютъ за трупомъ и бранятся; подымается буря: вихрь, мракъ и свистъ; наконецъ яснѣетъ, и въ яркомъ освѣщеніи дня видна Антигона, плачущая надъ тѣломъ.» Современная драма, пожалуй, для юмористической цѣли, представила бы и запахъ трупа, о которомъ здѣсь упомянуто устами простолюдина. Но не говоря уже о томъ, что всякія юмористическія сцены были бы здѣсь неумѣстны, представленіе этихъ событій вообще замедлило бы ходъ дѣйствія; напротивъ, рассказъ здѣсь въ особенности драматиченъ: въ немъ первый разъ высказывается столь важное для дальнѣйшаго развитія драмы сочувствіе народа къ подвигу Антигоны, и кромѣ того имъ сильно возбуждается интересъ зрителя. Антигона, столь долгожданная, наконецъ явилась... что теперь одѣлаетъ Креонъ? что она ему скажетъ? Эти вопросы волнуютъ васъ невольно; между тѣмъ сторожъ рассказываетъ о погребеніи трупа, останавливая еще болѣе ваше созерцаніе на прекрасной героинѣ: къ концу его рѣчи всѣ мысли обращены къ ней съ любовью, сердце каждаго за нее трепещетъ. И вотъ, пылающій гнѣвомъ Креонъ, велитъ Антигонѣ, чтобъ отвѣтила *кратко*. Она отвѣчаетъ очень кратко, но съ достаточной силой, чтобъ разомъ снять весь блескъ величія съ Креона. Онъ послѣ этого еще разсуждаетъ о законѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ подобныя мысли: «Кто рабъ другимъ, не стать тому гордиться.» «Женщина не будетъ надъ мною властвовать.» «Врагъ, и мертвый, все останется врагомъ.»

Негодованіе противъ женщины простирается у Креона отъ того, что ему ненавистно всякое слово любви: одною способностью *ломать желѣзо* хочетъ онъ похвалиться передъ хоромъ, который, въ сочувствіи къ словамъ Антигоны, замѣчаетъ: «Она, подобно отцу, не уступитъ и шагу въ несчастъи». Эта наивная, умѣренная похвала, похожая отчасти на осужденіе, и выводитъ окончательно изъ терпѣнія властелина: онъ одинъ желалъ казаться твердымъ. Столкновеніе этихъ двухъ

ныхъ (хотя въ различномъ смыслѣ) характеровъ, составляетъ блестящую сцену въ драмѣ Софокла. И вотъ, только Креонъ выразилъ свою ненависть къ любви, какъ является передъ нимъ одиночественная любовь, плачущая Исмена, и начинается разсудокъ только о любви, великодушный споръ о томъ, кому любовь больше. Такова глубокая проницательность Софокла! Антигона, желая глубоко любить брата, принимаетъ всю вину на себя и отдаетъ Исмену, которая жертвуетъ собою изъ любви къ брату. При видѣ этихъ двухъ жертвъ, не могла не поколебаться жесткая душа Креона; но онъ, по обычаю людей подобнаго рода, утѣшаетъ себя, называя обвѣихъ сестеръ безумными. Въ сущности, чтобъ показать свою непреклонную *твердость*, онъ отдаетъ Антигону на казнь за ея *злобу*. Стража уводитъ ее въ тюрьму съ Исменою; но Креонъ остается на сценѣ. Такимъ образомъ, сила, противудѣйствующая высокомерной жестокости, въ драмѣ еще является, какъ любовь, которая защищаетъ права свои въ лицѣ Антигоны и Исмены; далье она является какъ высшій законъ, казнящій преступника. Правда, и Антигона говоритъ объ этомъ законѣ; но ея слова не могутъ служить осужденіемъ Креона, а только предрекаютъ будущій судъ надъ нимъ. Слѣдующій за тѣмъ хоръ (составляющій второй актъ драмы), выражая состраданіе къ героинѣ, на которой тяготятъ роковыя бѣдствія Эдипова рода, съ новой еще стороны ожидаетъ къ ней участіе. Онъ воспѣваетъ могущество Зевса, незаметно переходить къ мысли, что легкомысленныя страсти доводятъ человека до гибели, а тому не избѣжать бѣды, онъ считаетъ зло добромъ. Не напоминаютъ ли эти слова скаго Антигоной: «Кто знаетъ, такъ ли будетъ подъ землею?» Существуетъ ли вражда и за гробомъ? будетъ ли добромъ то погребеніе врага отчизны?

личественныя мысли, высказанныя здѣсь хоромъ, сглаживаютъ совершенно то непріятное впечатлѣніе, которое могла отъ себя производить эта почтенная личность послѣ словъ Антигоны. Вся она сказала бы, что имъ по душѣ мой поступокъ, если бы не сковывалъ языка.» Якобъ, въ своемъ предисловіи къ драмѣ Антигона, упоминая о хорѣ, употребляетъ выраженія: «Меланхолическій взглядъ на вещи», «старческая слабость» и проч. Этимъ онъ объясняетъ сдержанность хора, его кажущееся равнодушіе къ дѣлу героини. Такое сужденіе кажется намъ слишкомъ одностороннимъ. Правда, хоръ состоитъ изъ избранныхъ самимъ

Креономъ гражданъ, всегда преданныхъ Лаэвому дому; онъ, пожалуй, могъ бы по своей привычкѣ къ безусловной покорности во всемъ одобрять судъ Креона; но на немъ лежитъ также и вѣнчаніе высшихъ нравственныхъ идей,—и тутъ надо удивляться искусству, съ какимъ Софокль умѣетъ согласить случайное назначеніе въ драмѣ съ главнѣйшимъ и общимъ, какъ настоятеля народа. Допустивъ въ чемъ-нибудь его униженіе, повпалъ бы въ явное противорѣчіе, чего нигдѣ не встрѣчается у Софокла. Такимъ образомъ, слова Антигоны происходятъ болѣе отъ благородной женской запальчивости, чѣмъ вызваны сведливостью. Хоръ виноватъ только въ томъ, что онъ открываетъ, но не осуждаетъ Креона; но онъ не можетъ этого сдѣлать и какъ совѣтникъ, и какъ благоразумный читатель закона; потому что дѣло Антигоны все еще остается нерѣшеннымъ. Во второмъ сѣзѣемъ стазимонъ онъ только даетъ присутствующему при пѣніи Креону общій намекъ на его родство съ Антигоной, на бѣдствія, которыя тяготятъ надъ человѣкомъ вообще и въ особенности надъ человѣкомъ высокоумнымъ. Можно сказать, что здѣсь хоръ сама неумолимая судьба, спокойная, терпѣливая, но неизменно присутствующая при всѣхъ дѣлахъ человѣка. Теперь начинается третій епейзодіонъ, гдѣ развязывается одинъ изъ тѣхъ узловъ, которыхъ нити снѣтаются уже въ предыдущихъ сценахъ: является на сцену Гемонъ, защищающій права народа. Мы сначала видимъ Креона опять мудрымъ правителемъ, какъ и въ первомъ его появленіи. Его рѣчь о законности и порядкѣ хоръ называетъ разумною, и она, дѣйствительно, прекрасна, хотя, къ сожалѣнію, противорѣчитъ его поступкамъ. Креону, который прежде оправдывалъ себя предъ старѣйшинами, тѣмъ необходимѣе было передъ Гемономъ высказать правила своей политики. Сынъ отвѣчаетъ ему кротко, давая собою примѣръ истиннаго благоразумія и терпѣнія. Правила мудрости, высказанныя отцемъ съ такою высокоуміемъ, въ устахъ сына дышутъ любовью и всею простотой истины. Тотъ же самый хоръ не можетъ не одобрять рѣчи Гемона, которой смыслъ состоитъ въ слѣдующемъ: «Умный правитель долженъ внимать и общественному голосу, а общественный голосъ не одобряетъ поступка Креона». Спокойствіе и благоразуміе сына болѣе всего вывели изъ терпѣнія отца, который и не имѣлъ именно этихъ качествъ. Послѣ разумныхъ, выразившихъ хоръ, рѣчей, начинается, какъ вообще въ драмахъ Софокла и въ порядкѣ вещей, жаркій споръ, въ которомъ на стѣнѣ

ронъ Креона остается вмѣсто всякихъ доводовъ, наконецъ, ребяческая брань:

«О черная душа!
И жепской ниже...»

Желчный характеръ Креона чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивается: онъ хочетъ тотчасъ же казнить Антигону; явно, что въ немъ дѣйствуетъ вовсе не уваженіе къ закону. Когда отчаянный Гемонъ уходитъ, хоръ напрасно напоминаетъ ему объ обязанности въ отношеніи къ сыну. Старцы хотятъ по-крайней-мѣрѣ знать, на сколько можетъ Креонъ попортить справедливость, и спрашиваютъ: «Такъ ихъ обѣихъ думаешь казнить?» Но Креонъ не отступитъ отъ словъ своихъ: онъ казнить только виновную, а Исмена оправдана. Креонъ однако понимаетъ, что сочувствіе гражданъ къ Антигонѣ можетъ очень повредить ему, если онъ побьетъ ее камнями на площади. Измѣнивъ образъ казни, велитъ онъ заключить ее въ каменную пещеру, а чтобъ на немъ и на городѣ не лежало пятна убійства, придумываетъ очень искусное освященіе: поставить немного пищи. Лучше не могла выразиться мелочность Креона. Видно, что онъ уже начинаетъ побаиваться суда боговъ: иначе нельзя объяснить его безумнаго замѣчанья, что совсѣмъ излишній трудъ чтить божествъ Анда. Сколько однако законовъ, какъ уже видели, нарушаетъ Креонъ, кромѣ одного главнаго: законъ мудрости и терпѣнья, законъ любви и наконецъ общественное право! Гемонъ, наравнѣ съ Антигоной и намеками хора, говоритъ ему: «Ты понираешь права боговъ»; но и рѣчь Гемона еще не довольно для него убѣдительна, потому что поводомъ ея видитъ онъ одну любовь къ Антигонѣ. Силу любви воспѣваетъ и хоръ въ третьемъ стазимонѣ. Эта прекрасная, свѣтлая пѣснь нѣсколько развлекаетъ зрителя послѣ мрачныхъ впечатлѣній, произведенныхъ тягостною сценою съ Гемономъ, и, такимъ образомъ оживляетъ его чувство; приготовляетъ къ принятію новыхъ впечатлѣній. Хоръ первый и чувствуетъ ихъ, заливаясь слезами при видѣ Антигоны, ведомой на казнь.

Четвертый епейзодіонъ, или, лучше сказать, комматическая пѣснь составляютъ плачь Антигоны и ся лирической разговоръ съ хоромъ. Подобныя сцены напоминаютъ намъ первоначальное происхожденіе трагедіи отъ днѣнрамба.

Въ нихъ главнѣйшія дѣйствующія лица, проявленіемъ своего личнаго чувства, высказываютъ весь внутренній смыслъ драмы;

въ нихъ останавливается дѣйствіе, чтобы пластичнымъ созерца-ніемъ утвердить его идею. Отъ того эти лирическія мѣста встрѣчаются всегда при концѣ трагедіи. Настоящій плачь Антигоны служитъ исключеніемъ: онъ замыкаетъ только ту часть драмы, гдѣ дѣло идетъ съ героиней, какъ совершившей великій подвигъ благочестія и вмѣстѣ нарушительницей свѣтскаго закона.

Судъ Креона осудилъ Антигону на казнь: она взываетъ къ другому, общественному суду, и въ лицѣ хора обращается къ гражданамъ родной земли. Безбрачная, безрадостная, она прощается съ прекраснымъ свѣтомъ солнца. Хоръ утѣшаетъ ее тѣмъ, что она вольной, живой, несходно съ другими смертными, отойдетъ въ Аидъ. Поэтическая смерть Антигоны подобна будетъ смерти Ниобе, которая также пострадала за любовь къ дѣтямъ и обращена въ вѣчно плачущую скалу на горѣ Сипилѣ. Героиня не могла не припомнить этого сходства, слишкомъ строгій въ своей нравственности хоръ, какъ будто испугавшись прежняго увлеченія и слезъ, ее за это осуждаетъ, потому что Ниобе, дочь Тантала, была божественнаго происхожденія, а смертные не должны равнять себя съ богами. Следовательно, Антигона смѣшна со своимъ неудачнымъ сравненіемъ, и она зоветъ весь городъ Фивы въ свидѣтели того, какъ несправедливо погибаетъ. Что скажетъ народъ? Но неумолимый въ своемъ уваженіи къ закону, хоръ отвѣчаетъ: «Ты пала предъ высокимъ порогомъ Правосудія...» однако смягчаетъ свой приговоръ, прибавляя: «Такъ видно рѣшила судьба, потому что грѣхъ лежитъ на всемъ родѣ Эдиана.» Новыя, жестокія терзанія для Антигоны! Она вспоминаетъ объ матери и отцѣ... но не утѣшитъ ли ее хоть сколько нибудь мысль о братѣ, для котораго она пожертвовала собою? Безотрадное утѣшеніе въ минуту гибели!—и строгій законникъ хоръ не вполнѣ его допустить: съ благочестивымъ дѣломъ Антигоны связано нарушеніе постановленной власти. И вотъ героиня одинокая, неоплаканная, идетъ по своему смертному пути... и въ этой страшной пустынѣ раздается только свирѣпый голосъ Креона: «Что стали?» Но этотъ голосъ, похожій на рыканье звѣря, облегчилъ душу: онъ разомъ напомнилъ, что народъ страдаетъ Антигонѣ, и это сочувствіе тѣмъ глубже, чѣмъ мнѣе смѣетъ онъ его выразить. Слѣдуетъ прощальная рѣчь несчастной дѣвы, гдѣ она успокоиваетъ себя тѣмъ, что свершила свой долгъ и вновь предаетъ себя правосудію боговъ: она обращается теперь ужъ не къ хору, а къ подземнымъ тѣнямъ, кото-

такъ честно служила. Въ этой рѣчи есть одно мѣсто, ко- сильно не нравилось еще Гёте. Онъ въ своихъ разгово- съ Эккерманомъ (мартъ 1827 года), замѣчаетъ: «Послѣ асвѣвшихъ поводовъ къ своему поступку, которые раскры- героиня въ продолженіи цѣлой пьесы, она, отходя къ и, выставляетъ причину, самую мелочную и близкую къ ескому.» Гёте желалъ тогда, чтобъ какой-нибудь искус- вилологъ заподозрилъ подлинность этого мѣста: такъ и мль очень обстоятельно Якобъ въ предисловіи къ своей Ан- в. Приводимъ это мѣсто :

«Я никогда бѣ, какъ мать для дѣтей,
Иль еслибъ тлѣлъ умершій мой супругъ,
Труда такого противъ воли гражданъ
Не подняла.... Но почему же это
Я говорю? Умершаго супруга
Мнѣ бѣ замѣнилъ другой, и отъ другаго
Дѣтей имѣла бѣ, перваго лишившись.
Когда жъ отецъ и мать уже въ могилѣ,
Никто не можетъ брата мнѣ родить.»

не считать это мѣсто позднѣйшею вставкою, то въ немъ, овамъ Якоба, надо признать не совсѣмъ удачное подража- еродоту. По разсказу историка (III, 119), когда Дарій мль все мужское поколѣвіе Интаферна на смерть, супруга деннаго стала просить помилованія одному брату. На во- удивленнаго Дарія о причинѣ такого выбора, она отвѣ- «Царь, я могу имѣть новаго супруга, и даже, если угодно мль, новыхъ дѣтей: когда же въ могилѣ отецъ и мать, то я мнѣ получить брата». Кромъ того (что гораздо важнѣе), гона говоритъ здѣсь, что не преступила бы *воли гражданъ*, а какъ, напротивъ, вездѣ въ другихъ мѣстахъ она въ рѣше- реона не признаетъ ни малѣйшаго участія со стороны го- и самая причина, ею приводимая, находится въ противо- съ общимъ ея характеромъ: Антигона жертвовала собою ня одного брата, а для благочестиваго обычая, по которо- олжно было оказывать почестъ каждому умершему родст- ку, будь онъ отецъ, братъ, сынъ или супругъ. Якобъ на- ть въ означенныхъ стихахъ также нѣкоторыя несовершен- слога, несвойственныя Софоклу. Но съ другой стороны на стихи указываетъ Аристотель въ своей риторикѣ (III, 16, гьдовательно, вставка ихъ (если они дѣйствительно вставлены)

должна была произойти вскоре послѣ смерти Софокла. Упомянутое о волю гражданъ не противорѣчитъ здѣсь ходу сцены. Хоръ передъ тѣмъ, на воззваніе Антигоны къ гражданамъ, только отвѣтилъ: «Граждане не вполне могутъ одобрить тебя, какъ нарушительницу закона». Честная, добрая Антигона, не видя ни въ комъ сочувствія, готова въ эту минуту вѣрить, что ея поступокъ противорѣчитъ желанію гражданъ. Зритель знаетъ противное; но откуда можетъ знать это Антигона! Она теперь думаетъ только о томъ, какъ бы оправдать себя передъ гражданами: ей дороже всего доброе о ней мнѣніе народа. Развѣ не прекрасна этимъ еще болѣе Антигона? Надо помнить, что въ своемъ плачѣ она является не героиней, отвѣчавшей передъ Креономъ, а обыкновеннымъ человѣкомъ. Послѣ неодобреннаго хоромъ сравненія съ Ниобе, она говоритъ и чувствуетъ, какъ простая смертная. При всемъ безграничномъ величій ея подвига, въ ней нѣтъ идеальнаго высокомерія, отличающаго героевъ новѣйшихъ. Тѣмъ и неподражаема для насъ греческая поэзія, что въ ней истинно-человѣчно всегда стоитъ выше безчувственно-идеальнаго. Антигона, на судъ передъ Креономъ, поражаетъ насъ своимъ недоступнымъ величіемъ. Но вотъ мы узнаемъ, что она не какая-нибудь избранная, а просто благородный и честный человѣкъ, какимъ могутъ быть все. Что милѣе и дороже намъ этого? Любя ее, какъ добрую гражданку, не любимъ ли мы ее еще болѣе, какъ защитницу правъ боговъ. И тѣмъ большій ударъ долженъ быть Креону, когда и она готова признать себя виновно-страждущей. Такимъ образомъ не вижу я, почему бы это мѣсто могло быть опущено. Что касается разсказа Геродота, то не есть ли это одинъ изъ тѣхъ анекдотовъ, какіе собиралъ историкъ и какіе, можетъ быть, ходили по всей Греціи. Софокль писалъ для Аѳинской сцены и, вѣроятно, не разъ вставлялъ въ свои трагедіи изреченія или маленькіе разсказы, изъ числа тѣхъ, которые всемъ были извѣстны; но онъ такъ умѣлъ все примѣнить къ дѣлу, что вставки незамѣтны. Гёте же, въ своемъ идеальномъ увлеченіи, могъ не одобрить указаннаго нами мѣста. Что касается нѣкоторыхъ несовершенствъ слога, то мы не споримъ; но трудно послѣ трехъ вѣковъ съ точностью объяснить, что именно составляетъ несовершенство и что не подверглось искаженію.

Вся рѣчь Антигоны прекрасно вяжется и съ заключеніемъ ея плача. Послѣ того, какъ Креонъ велитъ скорѣе вести ее, она

еще разъ обращается къ властелинамъ Эивъ ; она съ горечью вызываетъ участіе хора хоть къ тому, что гибнетъ послѣдняя изъ царскаго дому, который онъ болѣе всего чтилъ, и свидѣтельствуешь въ послѣдній разъ о своемъ благочестіи. Въ плачъ Антигоны высказалось все ея значеніе въ драмѣ. Законно ли осуждена Антигона? Здѣсь двѣ стороны вопроса. Антигона, нарушившая законъ, изданный не для нея одной, а для всѣхъ, не могла ждать пощады отъ свѣтскаго суда. Каковъ бы ни былъ этотъ законъ, чрезъ его неисполненіе нарушался, по-видимому, и общественный порядокъ. Съ этой точки зрѣнія поступокъ Антигоны былъ зломъ, хотя необходимымъ, но зломъ. Представителемъ этой стороны дѣла отчасти является хоръ, который, какъ неумолимый судья, осуждаетъ дочь Эдина. Общественное мнѣніе, какъ мы видѣли, оправдало Антигону, но оно было безсильно, пока Креонъ сохранялъ власть свою. Повторяемъ, нельзя считать хора по этой причинѣ малодушнымъ. Софоклъ вовсе не хотѣлъ этого: онъ, въ этомъ отношеніи, какъ холодный юристъ, рѣшилъ дѣло Антигоны*. Такое безпристрастіе Софокла, въ признаніи правъ свѣтскаго суда, было необходимо для самой цѣли трагедіи. Борьба Антигоны представляется тѣмъ величественнѣе, что героиня должна была испытать еще сомнѣніе: во всемъ ли справедливъ ея поступокъ? Когда хоръ упрекнулъ ее въ высокомеріи, она своею рѣчью доказала, что въ ней нѣтъ ни малѣйшаго самохвальства; она признаетъ и этотъ законъ, ее осуждающій, если только такъ *угодно богамъ*. Слѣдовательно, оставалось узнать, что скажетъ высшій законъ, къ которому не даромъ взываетъ Антигона. Въ признаніи его героиня. Гемонъ и самый хоръ могли опираться только на старинный обычай, теперь измѣненный Креономъ, на общественное мнѣніе и свое чувство, пока не явился Тирезій, прямо воззвѣстившій волю боговъ.

Слѣдуетъ четвертый стазимонъ: нѣчто въ родѣ погребальной пѣсни въ честь Антигоны. Сравненіе, которое прежде отвергнулъ хоръ, чтобъ не выказать съ излишкомъ своего сочувствія, теперь приводитъ онъ въ трехъ примѣрахъ. Подобно Антигонѣ

* Мы повторяемъ здѣсь сказанное нами въ предъидущей статьѣ, гдѣ произошла опечатка: какъ холодный *хористъ*,—отчего вышла бессмыслица, похожая на смыслъ. Слово хористъ (участникъ хора) употребляли мы, за неимѣніемъ лучшаго, нѣсколько разъ выше; но не называемъ и Софокла хористомъ.

пострадали : Даная, Ликургъ, Фракійскій царь, и Финейды: всѣ они заперты были въ каменные темницы. Но Даная удостоилась брачнаго союза съ Зевесомъ, а Финейды были дѣти Клеопатры, дочери бога Борея; кромѣ того они пострадали невинно. Слѣдовательно, хоръ, какъ будто предчувствуя явленіе Тирезія, теперь оправдываетъ Антигону, и это справедливо, потому что свѣтскій судъ былъ удовлетворенъ. До тѣхъ поръ онъ имѣлъ свою силу, потому что Креонъ не измѣнялъ рѣшенія; съ его исполненіемъ долженъ начаться новый судъ надъ самимъ Креономъ. Мысль хора тѣмъ яснѣе, что въ числѣ другихъ примѣровъ приводитъ онъ казнь Ликурга, осужденнаго за свой гнѣвливыи, дерзкій нравъ и за оскорбленіе, нанесенное богу Діонизию.

Вотъ увѣщаніе Креону, который съ самаго втораго епейзодіона не покидалъ сцены.

Намъ теперь уже ясно представляется необходимость явленія Тирезія, съ которымъ начинается пятый епейзодіонъ.

Тирезій приходитъ въ полномъ величіи данной ему отъ боговъ власти. Креона обнимаетъ трепеть отъ первыхъ словъ его: правитель знаетъ, что спасеніемъ отчизны и своимъ престоломъ обязанъ только мудрымъ совѣтамъ прорицателя. Съ кротостью, свойственною своему высокому сану, увѣщаетъ его Тирезій, рассказывая о томъ, что боги не пріемлютъ ни жертвъ, ни молитвъ :

«И благовѣстныхъ криковъ нѣтъ отъ птицъ,
Испившихъ кровь убійственную труппа.»

Въ заключеніе онъ называетъ себя другомъ Креона.

Но голосъ кротости врядъ ли подвѣстуетъ на высокомернаго человека. Креонъ, первоначально вздрогнувшій отъ слова Тирезія, возвѣстившаго бѣду, уже переполнился яростью, когда узналъ, въ чемъ дѣло: дружескія увѣщанія не помогли нисколько. Казалось, умъ его совершенно отуманился: онъ возвращается къ первой своей идее о подкупѣ, тогда какъ и Антигона и Гемонъ могли достаточно убѣдить его въ противномъ. Такъ сильны его недовѣрчивость къ гражданамъ и увѣренность въ своей непогрѣшимости; сказавъ прежде неуважительное слово противъ боговъ подземныхъ, теперь онъ кощунствуетъ противъ самого Зевеса. Еще въ рѣчи съ Антигоной и Гемономъ Креонъ выслушивалъ противорѣчья и приводилъ доводы; теперь, гдѣ болѣе всего нужно было благоразуміе, онъ только бранится. Тирезій,

конедъ, произнесъ свой громоносный судъ; согласно словамъ Креона : «Всѣ вы намѣтили въ меня , будто въ цель стрѣлки», и теперь бросаетъ въ него свои смертельныя стрѣлы. Домашнія бѣдствія, имъ возвышенныя, конечно, могли поразить Креона ; но не болѣе угроза :

«Враждебно всѣ возстануть города,
Гдѣ псы, иль птица хищная, иль звѣрь,
Клочки терзая трупы, принесли
Зловредный запахъ въ самыя жилища.»

Такъ и въ трагедіи: «Эдипъ Царь» страдаетъ народъ за преступленія своего повелителя.

Грозное явленіе и быстрый уходъ Тирезія должны были отозваться трепетомъ въ сердцахъ зрителей. Это впечатлѣніе выжигаетъ и хоръ, обращаясь къ правителю съ убѣжденіемъ опомниться. Но Креонъ, пораженный въ самое сердце, уже чувствуетъ страхъ. Онъ готовъ все дѣлать, какъ ни горько уступить. «Скорѣе, царь, скорѣе! быстротекущею бѣдою казнятъ ты зломысленнаго»—воскликаетъ хоръ, и нельзя не подивиться смелости, съ которою Креонъ приступаетъ къ новому рѣшенію. Эриніи, карательницы зла, однажды запутавъ въ сѣти, уже выпускаютъ своей жертвы. Уходя со сцены, царь жалуетъ о разрушеніи постановленнаго закона. Такимъ образомъ все, что ни говоритъ хоръ противъ неуваженія къ закону, имѣетъ теперь свое примѣненіе къ одному Креону: Антигона оправдана окончательно послѣ суда Тирезія. Вслѣдъ за тѣмъ, совершенно естественно, хоръ въ своей гипорхемѣ обращается къ богу Діонису, моля его отклонить бѣдствіе, грозящее Ѡивамъ отъ беззасудства Креона. Пѣснь эта, при всей торжественности, имѣетъ живой, почти веселый характеръ, свойственный гимнамъ въ честь Аполлона. Она также облегчаетъ тяжелое чувство зрителя, оживляющаго новыхъ тягостныхъ сценъ. Софокль прекрасно понималъ, что отъ долгихъ сильныхъ ощущеній, душа наконецъ теряетъ способность воспріятія.

Послѣ этой пѣсни, которая сопровождалась не менѣе живой интонаціей*, слѣдуетъ экзодосъ, послѣдняя часть трагедіи, въ которой находятся разсказъ вѣстника и комматическая пѣснь Креона съ хоромъ: эпосъ и лирика въ заключеніи драмы.

* Самое слово: гипорхема (*ὑπόρχημα*) происходитъ отъ глагола: *πορχέομαι*, танцовать подъ музыку.

Мы знаемъ, что, во всѣхъ древнихъ трагедіяхъ, событія, составляющія развязку дѣйствія, никогда не представляются на сценѣ, а рассказываются вѣстникомъ. Сюда относятся особенно убійства, всегда совершаемыя за сценою. Утонченное ли чувство прекраснаго руководило въ этомъ Грековъ? Трудность ли представить съ полною естественностью смерть чело́вѣка передъ зрителемъ была этому причиною? Несомнѣнно то, что Греки не терпѣли ничего изысканно-эффектнаго, и потому особенно умѣренны были въ раздирающихъ душу сценахъ. Если они совсѣмъ закрывали маскою лицо, считая его неспособнымъ выразить идеальную возвышенность искусства, то тѣмъ менѣе могли допустить во время представленія своей религіозной драмы какія-нибудь безобразныя движенія. У Римлянъ гладиаторы умирали съ граціей: такая кровожадная естественность возмущала бы до глубины нѣжное чувство Аѳинянина. На играхъ, правда, борцы состязались на жизнь и на смерть; но мы знаемъ, какъ мало между этими славными силою мышцъ и кулаковъ, было жителей Аттики. Аѳиняне брали верхъ преимущественно искусствомъ, и въ силу этого искусства нравственное впечатлѣніе для нихъ было важнѣе физическаго. Лице вѣстника, конечно, вовсе не драматическое: онъ не имѣетъ и особеннаго, самостоятельнаго характера, какъ другія дѣйствующія лица,—онъ говорящая машина, или дѣйствующая афиша; чрезъ его присутствіе драма не отдѣлилась еще во всей чистотѣ отъ своего эпическаго элемента. Если въ другихъ случаяхъ рассказъ мы считали необходимымъ по ходу дѣйствія, то въ настоящемъ, дѣйствительно, онъ служить ему помѣхою. Но съ другой стороны, взявъ во вниманіе любовь Грека къ естественности и вмѣстѣ его тонкое чувство красоты, мы согласимся, что и въ замѣнъ драматическаго дѣйствія рассказомъ вѣстника есть свои хорошія стороны. Въ разбираемой нами трагедіи она просто необходима. Представимъ себѣ, что зритель увидѣлъ бы на сценѣ:

« Стража идетъ за Креономъ туда, гдѣ лежитъ тѣло Полиника, растерзанное псами. Тутъ омывають и сжигаютъ трупъ; потомъ отправляются къ пещерѣ. Слышны издали вопли. Креонъ видитъ, что пещера разломана, и въ глубинѣ ея Антигона съ петлею на шеѣ. Надъ ея трупомъ плачетъ Гемонъ. Увидѣвъ отца, онъ бросается на него съ мечемъ. Креонъ убиваетъ, и Гемонъ въ негодованіи вонзаетъ мечъ въ свои ребра. Послѣ того падаетъ онъ на Антигону и изъ устъ ея, вмѣстѣ

стѣмъ дыханіемъ, извергается кровь на ея бѣлую щеку.»
 только тутъ простоты и трагической силы! и всѣмъ этимъ
 можно пожертвовать только для того, чтобы было на что
 глянуть зрителю! Ни одинъ греческій поэтъ не рѣшился бы вы-
 ступить на сцену вырваніемъ глазъ, какъ Шекспиръ въ своемъ
 и однако, опусти онъ такія обстоятельства, драма вышла
 адскою и красивою, но лишеною всякой жизни. Какое
 средство сохранить ихъ, кромѣ разсказа? Мы сказали, что
 лицо вѣстника показываесть отсутствіе драматизма; но
 такъ у Софокла. Вѣстникомъ сдѣланъ у него одинъ изъ
 языковъ Креона, и естественно является донести старѣйши-
 му о томъ, что произошло. Къ кому жъ ему было болѣе
 говорить? Кромѣ того, самый разсказъ его, не говоря уже
 о содержаніи, получаетъ высшій драматическій интересъ отъ
 обстояствія Евридики. Жена Креона идетъ въ храмъ Аѳины и
 произноситъ первыя слова вѣстника о гибели Гемона.

Она останавливается и проситъ разсказать обо всемъ. Внима-
 теля страшно напряжено между подробностями разсказа
 и полно слушающей ихъ Евридикой. Что скажетъ несчастная
 Но вотъ... она исчезла. Къ вашему душевному волненію
 только-что слышанныхъ ужасовъ присоединяется предчув-
 ственныхъ.

Первое явленіе вѣстника въ первую минуту со словами: «по-
 гибъ Гемонъ», должно было сильно потрясти ожидающихъ зри-
 тельно Софокль не любитъ преувеличенныхъ потрясеній: онъ
 только приготовитъ васъ къ трагическому извѣстію, заставивъ
 вѣстника сказать нѣсколько общихъ словъ о несчастіи челове-
 ка и бѣдствіи, постигшемъ Креона. Въ этомъ бѣдствіи
 заключается смыслъ трагедіи: кара преступнику за нарушеніе
 божественнаго закона. По окончаніи разсказа, вы видите трево-
 ра, готоваго идти во дворецъ, чтобы узнать объ Евридикѣ;
 но успѣли вы опомниться отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній, какъ
 выходя на сцену Креонъ съ трупомъ сына и начинается за-
 тѣнный трагическій плачъ. И здѣсь чрезвычайно искусно
 умѣлъ дать высшій драматическій интересъ лириче-
 скимъ сценамъ, вставивъ въ средину ихъ, между пѣснями Кре-
 хора, краткій, отрывистый разсказъ слуги о смерти Еври-
 дики. Униженный, убитый горемъ, Креонъ узнаесть свои *смер-*
тныя ошибки и самъ называетъ себя убійцею сына. Хоръ и
 сохраняетъ свое величественное спокойствіе; онъ не обрѣ-

меняетъ царя упреками, не провозноситъ надъ нимъ еще своего суда, когда уже высшій судъ совершился, а только кратко замѣчаетъ то, что, вѣроятно, думаль о Креонѣ всякій зритель: «Ты поздно понялъ свое безумство». Креонъ не отрицаетъ этого: онъ глубоко чувствуетъ кару, надъ нимъ тяготящую; вся радость его жизни брошена, затоптана въ прахъ. Но тяжкая ноша бѣдствій умножилась еще новымъ бременемъ: слуга доноситъ о смерти *матери* Гемона. Не безъ намѣренія названа она здѣсь матерью; Креонъ, признавшій себя убійцею сына, долженъ признать за собою и это убійство. Онъ при этомъ, казалось, увидѣлъ всю бездну Аида, полную жертвами изъ несчастнаго дома Лабдакидовъ; онъ готовъ усомниться въ возможности такихъ неслыханныхъ бѣдствій. Горькому извѣстію нѣтъ мѣста въ его душѣ, и безъ того задавленной горестью. Совсѣмъ погибшій, неужели онъ вынесетъ еще роковой ударъ? Да! трупъ сына въ рукахъ его, онъ его чувствуетъ... но гдѣ же супруга, гдѣ мать Гемона? И слуга указываетъ на раскрытыя двери дворца: тамъ лежитъ тѣло несчастной! Можетъ ли быть еще ужаснѣе горе? Уже, кажется, довольно... Но нѣтъ! не довольно... Креонъ долженъ выслушать еще рассказъ о смерти Евридики, долженъ узнать, что она проклинала его передъ смертію и винила въ смерти не только этого, но и прежде умершаго сына. Крики душевной боли вырываются изъ устъ Креона; страхъ сжимаетъ его сердце... онъ проситъ умертвить себя. Вслѣдъ за тѣмъ еще нѣсколько минутъ останавливается дѣйствіе на той же картинѣ павшаго величія. Креонъ еще нѣсколько разъ свидѣтельствуетъ передъ глазами всѣхъ о страшномъ своемъ преступленіи, молитъ себя кончины и неоднократно самъ выражаетъ желаніе, чтобы слуги торжественно увели его, безумца, изъ совѣта старѣйшинъ, такъ какъ онъ *ничего не значить больше*.

«О, я несчастный! на кого,
Куда взглянуть, не знаю.
Все, что имѣлъ въ рукахъ, исчезло въ прахъ,
И на главу мою низпала
Невыносимая бѣда!»

Вотъ послѣднія слова его. Между тѣмъ всегда благоразумный хоръ совѣтуетъ не предаваться слишкомъ бесполезному горю, а позаботиться объ исполненіи своего долга... Грозный долгъ! Креонъ пренебрегъ имъ однажды, и теперь долженъ исполнить его въ отношеніи трехъ новыхъ родственныхъ труповъ, кромѣ одного, уже схороненнаго. Мы видѣли, что смерть сына была пер-

... ударомъ Креону... и какъ умеръ сынъ его, цвѣтущій, удрый юноша, будущій наследникъ его власти! Онъ убилъ себя въ гнѣвъ, что не успѣлъ умертвить отца. При видѣ этого противуестественнаго, бѣшенаго порыва не долженъ ли былъ почувствовать Креонъ, что власть Фурий уже тяготеетъ надъ нимъ его родомъ. Но подобные ему люди, вѣчно живущіе самобольщеньемъ, скоро забываютъ данный имъ судьбою урокъ, и онъ имъ доказателенъ. Смерть супруги, новый ужаснѣйшій ударъ, напомнившій о томъ же, должна была окончателно привести его къ сознанію, что онъ ничего не значитъ, къ добровольному отреченію отъ власти, которою такъ злоупотреблялъ онъ. На Креонъ лежало много преступленій: презрѣніе къ узамъ родства, неуваженіе къ святынямъ, презрѣніе правъ народа и та либеральная самоувѣренность, въ слѣдствіе которой все, сказанное имъ столь разумно, обратилось къ его же собственному обвиненію...

«Только знай,
 Что самыя суровыя сердца
 И падаютъ всего скорѣе: такъ
 Желѣзо, закаленное въ огнь,
 Крѣпчайшее, ломается въ куски...
 Я знаю, какъ упрямаго коня
 Коротенькой уздою усмиряютъ.

Креонъ не зналъ только, что говорилъ все это о самомъ себѣ. Слѣдовательно кара, его постигшая, никоимъ образомъ не преувеличена поэтомъ. Какая разница этого плача съ плачемъ Антигоны! Тамъ все наше сочувствіе было на сторонѣ героини... Мы плакали съ нею, плакали тѣмъ болѣе, что не имѣли еще въ совершенной безукоризненности ея поступка. Хоръ своими словами о правосудіи неирѣятно протѣворѣчила нашему чувству; возбуждая сомнѣніе въ ея полной невинности, онъ только увеличивалъ наше болѣзненное состраданіе къ погибавшей. Въ ту минуту, находясь подъ тяжкимъ рѣшеніемъ суда, она, можетъ быть, и не во всемъ, и не для всехъ казалась заслуживавшею золотого вѣнца, а не казни. Скорбь наша тогда была еще тягостнѣе потому, что къ ней присоединялось чувство негодованія. Одна надежда улаждала зрителя, что стократно худшая казнь постигнетъ преступника. И какъ оправдалась эта надежда! Плачь Креона все болѣе и болѣе разгоняетъ тоску, навѣденную смертью Антигоны. Наконецъ, полная радость сіяетъ въ сардцахъ зрителя...

лей, радость, что безконечная мзда воздана за поруганіе правъ божественныхъ — и свѣтлымъ словомъ примиренія оканчивается трагедія. Въ чемъ же состоитъ это слово? Уста хора произносятся: «Будь мудрымъ и помни, что за высокомерное оскорбленіе святыни ждешь тебя великая бѣда.» Это изреченіе можно перевести такъ: «Свѣтская мудрость должна быть въ согласіи съ божественною; свѣтскій судъ, ведущій къ уничтоженію священнаго обычая, служить также къ уничтоженію общественнаго порядка.» Вотъ разрѣшеніе задачи, положенной въ основаніе трагедіи; вотъ точка зрѣнія, съ которой Антигона является защитницей не только правъ боговъ, но и правъ общественныхъ.

Читатель могъ замѣтить, что при разборъ трагедіи мы обратили особенное вниманіе на содержаніе хоровъ. Хоръ, дѣйствительно, вездѣ слѣдуетъ за развитіемъ дѣйствія, находясь между дѣйствующими лицами и зрителями, и между отдельными сценами драмы, какъ связующее и примиряющее начало. По-видимому, онъ болѣе на сторонѣ Креона (какъ и должны предполагать, судя по его положенію въ драмѣ); но на самомъ дѣлѣ онъ въ такомъ же точно отношеніи и ко всѣмъ другимъ лицамъ трагедіи: въ свое время онъ сочувствуетъ и мысли народа (послѣ разсказа сторожа), и Антигонъ, и Исменъ, и Гемону; онъ же многократными воззваніями къ могуществу боговъ дасть предчувствовать явленіе Тирезія. При плачѣ Антигоны онъ строгій, холодный судья: мы видѣли, что такъ уже нужно было по ходу дѣйствія; въ экзодосѣ онъ не менѣе спокойный, нелицепріятный читатель божественнаго правосудія. Оттого ему приличнѣе всего закончить драму возвышенной мыслию, которая еще въ прологѣ разнообразно высказана была Антигоною, и теперь такъ блистательно одержала побѣду. Мы прослѣдили все дѣйствіе трагедіи, стараясь, по мѣрѣ силъ, указать необыкновенную стройность и послѣдовательность его развитія. Въ этомъ отношеніи у Софокла все разумно и необходимо на своемъ мѣстѣ, все подчинено строгимъ началамъ искусства. Вы не встрѣтите ни одной лишней сцены, вставленной изъ угожденія вкусу публики или въ слѣдствіе увлеченія любимую идею. Характеры выражены кратко, но сильно, и, что главное, исполнены жизненной дѣятельности, облечены въ плоть, одарены человѣческими чувствами и страстями. Мы уже имѣли случай замѣтить эту черту въ греческой поэзіи: ея осязательная простота, какъ и у Шекспира, нисколько не мѣшаетъ идеальной возвышенности. Идеалы, построенные на отвѣщенныхъ умо-

внѣхъ, проникнутые воздухомъ и туманомъ, подобны лету-
мъ облакамъ, которыя иногда могутъ быть очень красивы и
имѣть видъ великолѣпныхъ горъ, таинственныхъ, гигантскихъ
мѣстечъ и т. д. Но что пользы, когда мы знаемъ, что это
нигъ далекій наръ, затемняющій только солнечную лазурь? Та-
кѣ идеалы подобны миражу, который представляетъ предметы
и въ неясномъ, или въ совершенно извращенномъ видѣ. Гре-
кскіе герои не китайскія тѣни, а люди съ крѣпостью тѣлес-
ныхъ силъ, равною душевной; и тѣмъ лучше для нихъ и для
насъ: для нихъ—потому что они могутъ дѣйствовать, не стано-
ваясь на ходули, а ходя по одной съ ними землѣ; для насъ —
потому что мы можемъ вполне понимать и цѣнить ихъ прекра-
сную человѣчность. Если они не всегда удовлетворяютъ нашимъ
идеямъ о нравственномъ величїи, то также не удовлетворяетъ
насъ самая жизнь, хотя бы въ лучшихъ своихъ проявленїяхъ.
Нравственное, какъ и все высокое, заключается въ недоступ-
ной идеѣ, которая, какъ и всякая идея, выражается въ жизни
только отрывочно и не полно. Вся заслуга человѣка заключается та-
кимъ образомъ въ болѣе или менѣе успѣшной борьбѣ за нрав-
ственное начало, а не въ полномъ его достиженїи: такая мысль
никогда бы высокоумна и нерелигіозна. Поэзія, отступающая въ
идеѣ отъ дѣйствительной жизни, вредитъ себѣ особенно тѣмъ,
когда становится для насъ непонятною. Она является прекраснымъ
идеальнымъ овидьніемъ, которое убѣгаетъ отъ насъ все далѣе съ разсвѣ-
томъ дня. Она не будетъ также въ силахъ, если это поставитъ
передъ нею цѣль, наставить насъ добру: припомнивая свои юпошескія
ошибки, все мы достаточно убѣдимся, что легче быть иде-
ально-благороднымъ, чѣмъ просто благороднымъ. Вотъ отчего
идеальная поэзія, въ лучшихъ своихъ образцахъ, въ высшей сте-
пени поучительна.

Въ заключенїе, чтобы читатель могъ удобнѣе провѣрить все
сказанное нами о развитїи дѣйствїя въ трагедїи «Антигона», пред-
ставляемъ сокращенный обзоръ сценъ въ ихъ связи между со-
бою.

Сцена I. Разговоръ Антигоны съ Исменой: рѣшимость первой
и боязливая покорность свѣтскому закону второй. Два начала
трагедїи: «право божественное и человѣческое», являющіяся пер-
вый разъ въ столкновенїи.

Пѣснь хора, изображающая событія, которыми начинается тра-
гедїя, и возвышающая явленїе Креона, какъ спасителя отечества.

Сцена II. Креонъ съ его личностью правителя. Первый мо-

ментъ борьбы въ извѣстїи о нарушенїи закона. Несправедливость Креона въ отношенїи гражданъ, проистекающая изъ ложнаго его положенїя.

Пѣснь хора, выражающая удивленїе къ искусству человека, способнаго на все и часто склоннаго, въ избыткѣ своей мудрости, къ разрушенїю законовъ отчизны и уставовъ божеской власти. Незвѣстность виновнаго въ погребенїи трупа и неожиданное явленїе Антигоны.

Сцена III. Разсказъ сторожа, допросъ Антигоны, явленїе Исмены и судъ Креона *. Антигона, какъ другъ народа, защитница правъ божественныхъ, высокихъ началъ любви, и вмѣстѣ съ тѣмъ преступная противъ свѣтскаго закона.

Первое уличенїе Креона, какъ нарушителя священныхъ правъ родства.

Хоръ воспѣваетъ бѣдствїя дому Лабдакидовъ, постигшія и Антигону, и торжественно выражаетъ мысль о несчастїи, грозящемъ человеку, который оправдываетъ злой поступокъ, — неопредѣлимый намекъ на Креона.

Сцена IV. Явленїе Гемона, какъ представителя общественнаго мнѣнїя и молодаго защитника правилъ мудрости. Второе уличенїе Креона, какъ нарушителя народнаго, священнаго обычая. Все болѣе возрастающее его ожесточенїе и помраченїе ума.

Хоръ воспѣваетъ любовь, столь мало признаваемую Креономъ, и плачетъ при видѣ Антигоны, ведомой въ цѣпяхъ.

Сцена V. Плачъ Антигоны. Она взываетъ къ гражданамъ и богамъ, моля о правосудїи. Ея трогательное положенїе передъ казнью, при чемъ ясно высказался раздоръ между правомъ божественнымъ и человѣческимъ.

Погребальная пѣснь хора въ честь Антигоны, гдѣ, мысленно оправдывая героиню, онъ въ примѣръ Ликурга выставляетъ судъ боговъ надъ преступникомъ.

Сцена VI. Явленїе Тирезїя и окончательное уличенїе Креона, какъ преступника противъ боговъ. Крайняя степень его высокомерїя и начало паденїя.

Хоръ, страшась бѣдствїй, призываетъ на помощь бога Дїонзїя.

Сцена VII. Разсказъ вѣстника, изображающій кару, постигшую Креона въ гибели сына. Предчувствїе новой кары и плачъ Креона, обремененнаго бѣдствїями. Полное униженїе преступнаго властелина. Общая мысль драмы, высказанная въ заключительныхъ стихахъ хора.

В. ВОДОВОЗОВЪ.

* Согласно словъ сторожа: «прискорбно ввергать въ бѣду друзей.»

ГЁТЕ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

XVII.

Дружба Гёте съ Шиллеромъ.—Глубокая разница между ними.—Гёте представитель реализма, Шиллеръ—идеализма.—Сходныя стороны между ними.—Стремленіе къ одной общей цѣли.—Равнодушіе передовыхъ людей Германіи къ французской революціи.—Тогдашнее состояніе нѣмецкой литературы.—Шиллеръ основываетъ журналъ, подъ названіемъ «Горы».—Какъ началось сближеніе Гёте съ Шиллеромъ.—Научныя и литературныя занятія Гёте.—Неуспѣхъ «Горъ».—*Ксеніи* и впечатлѣніе, ими произведенное.—Анекдотъ о томъ, какъ французъ, англичанинъ и нѣмецъ писывали верблюда.—Нѣмецкая философская критика.—Разборъ *Вильгельма Мейстера*.

Великіе люди вообще рѣдко дружатся между собою, а дружба Гёте съ Шиллеромъ изъ рѣдкихъ примѣровъ едва ли не рѣдчайшій въ исторіи литературы. Связь ихъ не была связью двухъ родственныхъ натуръ, съ первыхъ минутъ чувствующихъ взаимное влеченіе; она была сближеніемъ двухъ соперниковъ, первое время глядѣвшихъ враждебно одинъ на другаго. Натуры во многомъ діаметрально противоположныя, вожди двухъ непріязненныхъ партій, Шиллеръ и Гёте всю жизнь оставались соперниками: каждый изъ нихъ стремился всредь розной дорогой; но высшія стороны духа, высшія цѣли были у нихъ тождественны, —они-то и скрѣпили братскій союзъ между поэтами-соперниками.

Глубокая разница между Гёте и Шиллеромъ проявляется во всемъ, начиная съ паружности. Красивая голова Гёте дышетъ спокойствіемъ и величіемъ чисто-античными; голова Шиллера, напротивъ, представляетъ типъ красоты восторженной и задумчивой. Широкій лобъ, большіе глаза, строго-

пропорціональныя черты, отмѣченныя печатью мысли и душевныхъ страданій, но въ то же время показывающія, что мысль и страданія не осилили сильнаго, — здоровый смуглый цвѣтъ кожи и нѣчто особенное, чего нельзя выразить словомъ, но что само собою выражается въ лицѣ Гёте, — составляютъ рѣзкую противоположность съ полными огня глазами Шиллера, съ его узкимъ, сжатымъ лбомъ и неправильными чертами лица, тоже изборожденнаго слѣдами думъ и страданій, да кромѣ того истощеннаго бользнями. Одинъ *глядитъ*, какъ будто другой *выглядываетъ*; одинъ поражаетъ величіемъ спокойствія, другой величіемъ скорби. Гёте сложенъ крѣпко и стройно; ростъ его кажется гораздо выше дѣйствительнаго. Шиллеръ слабъ и неуклюжъ; съ виду онъ ниже, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Гёте держится прямо, величаво; «сгорбленный долгошея-Шиллеръ ходитъ точно верблюдъ» *.

«Воздухъ, благотворно дѣйствовавшій на Шиллера», говорилъ Гёте Эккерману: «дѣйствовалъ на меня убійственно. Однажды зашелъ я къ Шиллеру и, не заставши его, присѣлъ къ его письменному столу: мнѣ нужно было внести въ памятную книжку кой-какія замѣтки. Спустя нѣкоторое время, я почувствовалъ, что мной овладѣваетъ какое-то странное бользенное ощущеніе. Съ каждой минутой мнѣ становилось хуже и хуже, такъ что недолго было до обморока. Сначала я не понималъ, чему приписать такое непріятное и необыкновенное для меня ощущеніе; наконецъ замѣтилъ, что отъ ближайшаго шкафа разить страшная вонь. Къ изумленію моему оказалось, что онъ былъ биткомъ набитъ гнилыми яблоками. Я тотчасъ бросился къ окну, подышалъ свѣжимъ воздухомъ, и дурноту какъ рукой сняло. Между тѣмъ вошла жена Шиллера и сказала мнѣ, что въ шкафъ этомъ постоянно лежатъ гнилыя яблоки, потому что ихъ запахъ полезенъ ея мужу: Шиллеръ не могъ безъ него ни жить, ни работать.» Кстати о работѣ: Гёте всегда писалъ по утрамъ, не прибѣгая ни къ какимъ возбуждательнымъ средствамъ; Шиллеръ обыкновенно работалъ ночью, возбуждая усталую мысль шампанскимъ и кофе.

Велика и внутренняя разница между Гёте-реалистомъ и Шиллеромъ-идеалистомъ. Шиллеръ, какъ поэтъ, не удовлетворяется дѣйствительнымъ міромъ, рвется къ чему то высшему, желаетъ, чтобъ люди были полубогами. Гёте, напротивъ, постоянно выражаетъ ту мысль, что природа человека прекрасна сама по се-

* Такъ выразился о немъ скульпторъ Тикъ.

бъ, в что нужно только дать ей возможность свободно развиваться, для того, чтобъ она произвела высшія формы челоуѣчества.

Идеализмъ и реализмъ, *субъективная* и *объективная* тенденціи, составляютъ главныя стороны различія между Шиллеромъ и Гёте. Эти стороны ярко выдаются при сравненіи одного поэта съ другимъ; но относительная разниа не даетъ еще права называть одного изъ нихъ безусловнымъ реалистомъ, а другаго—безусловнымъ идеалистомъ. Гервинусъ справедливо замѣтилъ, что Гёте, въ сравненіи съ Николаи или Лихтенбергомъ, является идеалистомъ; такъ точно, съ другой стороны, Шиллеръ, въ сравненіи съ Кантомъ и его послѣдователями является реалистомъ.

Гёте и Шиллеръ разнились одинъ отъ другаго во многомъ, но далеко не во всемъ: еслибъ они, согласно общепринятому мнѣнію, были противоположны другъ другу безусловно, — дружеская связь между ними была бы дѣломъ невозможнымъ. Натуры, совершенно противоположныя, никогда не сближаются до степени истинной дружбы. Истинными друзьями могутъ быть только люди, у которыхъ есть хоть что-нибудь общее въ характеръ и въ убѣжденіяхъ; а у Гёте и Шиллера общаго было не мало. Оба поэта были глубоко убѣждены въ томъ, что искусство не роскошь досуга, не простая забава, назначеніе которой — занимать людей ничего не дѣлающихъ, или развлекать людей, дѣлающихъ слишкомъ много. Оба они одинаково вѣрили въ его могучее вліяніе, въ его высокія цѣли; вѣрили, что образованіе поставитъ челоуѣка на высшую степень совершенства, и, какъ художники, понимали, что никакой способъ образованія не можетъ, по вліянію, стать наравнѣ съ искусствомъ.

Въ исторіи развитія Гёте и Шиллера тоже встрѣчается много сходнаго. Оба поэта начали мятежно и оба, съ переходомъ изъ юности въ зрѣлый возрастъ, отступились отъ прежняго титанически-необузданнаго направленія. Образцовыя созданія древняго искусства и благодатная природа Италіи довершили перерожденіе Гёте. Шиллеръ долженъ былъ слагаться въ новаго челоуѣка подъ холоднымъ небомъ сѣвера, подъ вѣчнымъ гнѣтомъ пужды и лишеній. Онъ тоже рвался душою на югъ, въ благословенныя края Италіи и Греціи, но пластическое искусство никогда не имѣло на него сильнаго вліянія. Направленіе его ума было по преимуществу историческое. Настольной его книгой былъ Плутархъ. Благородныя личности и благородныя дѣла занимали его го-

раздо сильнѣе, нежели мастерскія произведенія живописи, ваянія и зодчества. «Его поэтическое очищеніе,» говоритъ Гервинусъ: «было слѣдствіемъ нравственныхъ идеаловъ, тогда какъ у Гёте нравственный идеалъ былъ слѣдствіемъ артистическаго». Изученіе древнихъ классиковъ вообще и Гомера въ особенности нечувствительно привело Шиллера къ тому же взгляду на искусство, котораго гораздо прежде достигъ Гёте.

Сходственные стороны мало-по-малу подготовили твердую основу для прочной и постоянной связи между поэтами, сначала глядѣвшими другъ на друга весьма недружелюбно. Въ то время, когда началось между ними сближеніе, Гёте было сорокъ пять, а Шиллеру тридцать пять лѣтъ. Гёте, богатый опытомъ и знаніями, благотворно дѣйствовалъ на умственное развитіе Шиллера; пламенный и благородный Шиллеръ, въ свою очередь, не менѣе благотворно вліялъ на поэтическую дѣятельность Гёте. Онъ возбуждалъ творческія силы своего друга; отвлекалъ его отъ исключительныхъ занятій наукой и заставлялъ заниматься поэзіей; поддерживалъ въ немъ любовь къ труду и побуждалъ его оканчивать начатыя произведенія. Стремясь съ одинаковымъ рвеніемъ къ одной общей цѣли—къ истинному, доброму и прекрасному—оба поэта шли дружно рука въ руку, взаимно поддерживая и ободряя другъ друга.

Межъ тѣмъ французская революція шла быстрыми шагами впередъ. Гёте ни мало не сочувствовалъ ея успѣхамъ. Виляндъ, былъ до того напуганъ царствомъ Террора, что сталъ открыто проповѣдывать необходимость диктатуры во Франціи. Гердеръ оставался совершенно равнодушнымъ: частные интересы отдельныхъ національностей не занимали его, и на французскую революцію онъ смотрѣлъ такъ, какъ мы теперь смотримъ на безпорядки въ Испаніи. Даже Шиллеръ, творецъ маркиза Позы, даже онъ не обнаруживалъ сочувствія къ французамъ. Республика почтила его нѣсколько страннымъ образомъ: она прислала ему дипломъ на званіе гражданина, т. е. оказала ему такую же честь, какой въ одно и то же время удостоивались Вашингтонъ, Франклинъ, Томасъ Пэйнъ, Песталотци, Кампе и Анахарсисъ Клоотцъ! Дипломъ, подписанный Дантономъ и Роланомъ, 6-го сентября 1792 года, хранится теперь въ веймарской велико-герцогской библиотекѣ; на немъ слѣдующая заголовка—*à Monsieur Gille, publiciste allemand* (Господину Жилли, нѣмецкому публицисту). Такой почетъ доставили Шил-

леру *Разбойника*, или, какъ называли эту трагедію его почитатели, *Роберта, атаманъ разбойниковъ* (*Robert, chef de Brigands*). Шиллеръ съ самаго начала не одобрялъ дѣйствій революціонеровъ; а судъ надъ Людовикомъ XVI и казнь несчастнаго короля совершенно вооружили его противъ революціи. Подобно Валаанду, онъ не видѣлъ иного средства спасенія, кромѣ диктатуры.

Такимъ образомъ передовые люди Германіи, не принимая никакого участія въ борьбѣ, волновавшей почти всю Европу, мирно шли къ своимъ собственнымъ цѣлямъ. Веймару не было роли въ европейской политикѣ; за то веймарскимъ дѣятелямъ предстояла благородная роль въ литературѣ, посредствомъ которой они надѣялись совершить дѣло народнаго возрожденія. Увѣренные въ могучемъ дѣйствіи образованія, они съ истиннымъ патриотизмомъ взялись перевоспитать нѣмцевъ. Тогдашнее состояніе нѣмецкой литературы требовало коренной реформы. Романы и повѣсти, въ которыхъ главную роль играли рыцари, разбойники и привидѣнія, сантиментальныя семейныя картины Августа Лафонтена и отчаянныя драмы во вкусъ *Порыва и Страсти*, вводили собой лейпцигскую ярмарку, средоточіе всей нѣмецкой книжной торговли. На сценѣ царилъ Коцебу; Клопштокъ видимо дряхлѣлъ и съ лѣтами все больше и больше обращался въ какого-то оракула; Жанъ-Поль только что выступалъ на литературное поприще; такъ что, за исключеніемъ Гёте и Шиллера, одинъ лишь Фоссъ, знаменитый переводчикъ Гомера, могъ назваться достойнымъ представителемъ нѣмецкой литературы.

Въ такое-то глухое время Шиллеръ задумалъ издавать журналъ *Горы* (*Die Horen*) * и сотрудниками пригласилъ Гёте, Гердера, Канта, Фихте, обоихъ Гумбольдтовъ, Клопштока, Якоби, Энгеля, Мейера, Гарве, Маттиссона и др. Въ программѣ журнала онъ говорилъ: «Чѣмъ сильнѣе узкіе интересы настоящаго привлекаютъ и, ограничивая, поработаютъ умы людей, тѣмъ настоятельнѣе потребность освободить плѣнную мысль помощью интересовъ высшихъ, общечеловѣческихъ, недоступныхъ случайнымъ вліяніямъ, и такимъ образомъ вновь соединить политически разрозненный міръ подъ знаменемъ истины и прекраснаго.»

Предпріятіе это было первымъ звеномъ въ дружбѣ двухъ поэтовъ. Однажды, въ маѣ 1794 года, Гёте и Шиллеръ вмѣстѣ

* *Горами* назывались у древнихъ Грековъ богини годовыхъ временъ, блюстительницы законовъ, правосудія и мира.

возвращались съ лекціи, читанной Батшемъ въ іенскомъ обществѣ естественной исторіи, и дорогою завели между собою рѣчь о предметъ только-что прослушаннаго чтенія. Гёте былъ приятно изумленъ, когда услышалъ, что Шиллеръ порицаетъ отрывочный методъ, бывшій въ ходу почти у всѣхъ тогдашнихъ профессоровъ. Бесѣда мало-по-малу оживилась и не прерывалась всю дорогу, до самой квартиры Шиллера, по приглашенію котораго Гёте зашелъ къ нему окончить начатой разговоръ. Дѣло шло о теоріи растительнаго метаморфоза. Взявши перо, Гёте набросалъ очеркъ первообраза растений и съ помощью рисунка старался наглядно объяснить свою теорію. Шиллеръ слушалъ его внимательно, быстро и ясно соображалъ каждое доказательство, но подъ конецъ покачалъ головой и сказалъ: Это не наблюденіе, это идея. «Слова его», говоритъ Гёте: «непріятно меня поразили, потому что ясно показали сторону, насъ раздѣляющую. Мнѣнія, высказанныя имъ въ статьѣ *O граци и достоинствъ* (*Ueber Anmuth und Würde*), пришли мнѣ на память, и въ груди моей зашевелилась прежняя къ нему антипатія; но я овладѣлъ собой. Мнѣ пріятно—сказалъ я—узнать, что идеи существовали у меня безъ моего вѣдома, и что я могу видѣть ихъ собственными моими глазами.» Разстояніе, отдѣлявшее обоихъ поэтовъ, дѣйствительно, было велико, и Гёте справедливо говоритъ: «Наша постоянная, неизмѣнная дружба началась борьбой, величайшей и нескончаемой — борьбой объекта съ субъектомъ.» Начало было сдѣлано. Жена Шиллера, къ которой Гёте питалъ глубокое уваженіе, употребила все стараніе, чтобъ сблизить недавнихъ соперниковъ; а журналъ *Горы* соединилъ ихъ дѣятельность и симпатіи въ одну дружескую связь. Быстро росла и крѣпла эта дружба, дѣйствуя благотворно на ту и другую стороны: Шиллеръ вскорѣ пріѣхалъ въ Веймаръ и двѣ недѣли прожилъ у Гёте; Гёте, съ своей стороны, часто посѣщалъ Іену. По мѣрѣ взаимнаго сближенія, они болѣе и болѣе убѣждались, что въ снособахъ ихъ возрѣвній на вещи было много общаго. «Мнѣ пришлось бы потратить много времени,» пишетъ Шиллеръ: «еслибъ я вздумалъ разбирать всѣ идеи, вами во мнѣ возбужденныя. Надѣюсь впрочемъ, что ни единая изъ нихъ не будетъ утрачена мною».

Около этого времени Гёте окончилъ *Вильгельма Мейстера* и, жалѣя, что не могъ отдать его въ *Горы*, такъ какъ романъ этотъ давно уже былъ обещанъ одному книгопродавцу-издате-

лю, послалъ, въ замѣнъ его, Шиллеру два посланія, *Бесѣды нѣмецкихъ выходцевъ*, *Римскія Элегии* и статью о *Литературномъ Санкюлоттизмѣ* (*Literarischer Sansculottismus*).

Въ концѣ юля 1795 года онъ поѣхалъ въ Дессау, а оттуда въ Дрезденъ осмотрѣть тамошнюю картинную галерею. Миръ искусства помогъ ему забыть на время тогдашнія политическія тревоженія. «Вся Германія», писалъ онъ Фрицу фонъ-Штейну: «раздѣляется теперь на людей боязливыхъ, или крикливыхъ, или же равнодушныхъ. Для себя я не нахожу ничего лучше роли Діогена и откатываю свою бочку въ сторону.» По возвращеніи, онъ сталъ еще больше сближаться съ Шиллеромъ. Съ этого времени началась между ними богатая внутреннимъ содержаніемъ переписка, изданная въ послѣдствіи въ шести большихъ томахъ. Тогдашнія письма Гёте къ другимъ его друзьямъ запечатлены внутреннимъ довольствомъ, источникомъ котораго онъ самъ называетъ свое сближеніе съ Шиллеромъ.

1-го ноября того же 1795 года Христіана родила втораго сына, но малютка прожилъ всего нѣсколько дней. 20-го числа Шиллеръ писалъ своему другу: «Мы глубоко скорбѣли о вашей потерѣ. Вы можете утѣшиться мыслью, что потеря эта случилась слишкомъ рано и потому нанесла ударъ не столько любви, сколько *надеждамъ* вашимъ.» На это Гёте отвѣчалъ: «Не знаю, лучше ли въ подобныхъ случаяхъ предоставлять скорбь ея естественному ходу, или же подавлять ее различными средствами, представляемыми образованіемъ. Послѣдній способъ, *котораго я всегда держусь*, укрѣпляетъ только минутно: я замѣтилъ, что природа всегда оплачиваетъ нарушителю ся правъ другимъ какимъ-нибудь кризисомъ».

Но «другаго кризиса» на этотъ разъ не послѣдовало. Семейное горе заставило Гёте искать утѣшенія въ усиленныхъ трудахъ, ученыхъ и литературныхъ. Въ это самое время Гёттлингъ открылъ, что фосфоръ горитъ въ азотъ, и тѣмъ привлекъ вниманіе нашего поэта къ химическимъ изслѣдованіямъ. Анатоміей Гёте занимался по прежнему съ любовью; лекціи Лодера онъ посещалъ прилежнѣе многихъ студентовъ и въ зимнія морозныя утра пѣшкомъ отправлялся по снѣгу въ университетъ. Гумбольдты, особенно Александръ, съ которымъ Гёте велъ дѣятельную переписку, поддерживали въ немъ страсть къ наукѣ; ихъ энергическимъ совѣтамъ и убѣжденіямъ обязана нѣмецкая ученая литература статьями Гёте по сравнительной анатоміи. Поэтъ

намъ часто бесѣдовалъ съ Гумбольдтами о различныхъ анатомическихъ вопросахъ, блистательно излагалъ свои идеи, но, вѣроятно, никогда не взялся бы за перо, еслибъ не побудили его къ тому знаменитые братья, мнѣніями и совѣтами которыхъ онъ весьма дорожилъ.

Не менѣе усердно занялся онъ литературой: началъ-было трагедію «Освобожденный Прометей», но вскорѣ оставилъ ее и никогда уже не возвращался къ ней; написалъ *Alexis und Dora* (*Alexis und Dora*), *Четыре времени года* (*Vier Jahreszeiten*), множество мелкихъ стихотвореній и отдалъ ихъ Шиллеру для напечатанія въ *Горазъ* и въ *Альманахъ Музъ* (*Musenalmanach*); кромѣ того перевелъ гимнъ Аполлону, отрывки изъ сочиненій госпожи Сталь и автобіографію Бенвенуто Челлини. Къ этому же времени относится изданіе *Ксеній* (*Xenien*), мелкихъ эпиграммъ, памятныхъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онъ произвели на современную имъ публику.

Жалкое состояніе, въ какомъ тогда находилась нѣмецкая литература, и крайне-испорченный вкусъ тогдашней нѣмецкой публики, заставили Шиллера предпринять изданіе *Горъ*, съ цѣлью поправить зло общими трудами «всѣхъ талантовъ». Но журналъ не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха и, въ добавокъ, вооружилъ противъ себя бездарныхъ писакъ, отсюду напавшихъ на него съ ожесточеніемъ. Публика осталась совершенно равнодушною къ новому изданію и выказала при этомъ тупость и невѣжество, противъ которыхъ, какъ говоритъ Шиллеръ, «сами боги бессильны». Статьи посредственныхъ писателей нерѣдко приписывались самому издателю и другимъ его знаменитымъ сотрудникамъ; даже Фридрихъ Шлегель приписалъ однажды Гёте повѣсть, написанную Каролиной фонъ Вольцогенъ. Расходы по изданію превышали доходы; журналъ покупали немногія лица, да и тѣ не дѣтали къ нему особеннаго сочувствія.

Горько разочаровались друзья-журналисты въ успѣхъ своего предпріятія и сильно оскорбились холодною публики; но оскорблять ихъ нельзя было безнаказанно. Они рѣшились отмстить виновникамъ неуспѣха и, дѣйствительно, отмстили имъ *Ксеніями* (*Xenien*). Такъ называется длинный рядъ эпиграммъ, которыми Гёте и Шиллеръ хлестали своихъ противниковъ. Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала Гёте, не задолго передъ тѣмъ прочитавшему *Ксеніи* Марціала. Латинскія эпиграммы рѣшля для него выборъ оружія мести. Онъ написалъ съ дѣвственною подоб-

ихъ же эпиграммъ и послалъ ихъ Шиллеру для напечатанія *Альманахъ Музъ*. Шиллеръ пришелъ въ восторгъ, но сказалъ, что дюжины мало, а слѣдуетъ написать по-крайней-мѣрѣ сотню такихъ стихотвореній, направивши ихъ преимущественно противъ журналовъ, которые нападали на *Горы*. Вскорѣ и сотня оказалась количествомъ недостаточнымъ; друзья положили довести число *Ксеній* до тысячи и принялись трудиться сообща: когда идея эпиграммы принадлежала одному, а форма—другому поэту; бывало также, что Шиллеръ писалъ первый стихъ, а Гете—второй, и наоборотъ. Нѣмецкіе критики опредѣлили приблизительно, какія изъ *Ксеній* принадлежатъ Шиллеру и какія—Гете; но точное рѣшеніе этого вопроса навсегда осталось дѣломъ возможнымъ.

Ксеніи вызвали собой страшную бурю. Всѣ плохіе писакки, а также легіонъ, почувствовали себя лично оскорбленными; всѣ эстетисты и сантименталисты были осмѣяны; всѣ педанты и педагоги отвѣдали бича насмѣшки. Ударамъ его подверглось столько лицъ и мнѣній, что вопли и стоны раздались почти отовсюду. Со всѣхъ сторонъ загремѣли отвѣтныя выстрѣлы; осмѣянные, опозоренные противники Гёте и Шиллера бѣшено кинулись на приступъ, но увы! еще больше опозорились: не по плечу имъ былъ непріятель. Этотъ эпизодъ, извѣстный въ исторіи нѣмецкой литературы подъ названіемъ *Штурма Ксеній (Xenien-Sturm)*, представляетъ назидательный примѣръ борьбы «множества тупыхъ головъ противъ двухъ умныхъ». Въ письмѣ къ Шиллеру Гете говоритъ: «Забавно видѣть, что въ сущности раздражило ихъ господъ, что, по ихъ мнѣнію, должно раздражить насъ, какого пустаго и низкаго понятія они о другихъ, какъ они направляютъ свои стрѣлы только на внѣшнія стороны и какъ мало думаютъ о неприступной крѣпости, обитаемой людьми серьезнаго дѣла».

Къ этому же времени относится первое изданіе *Вильгельма Мейстера*. Прежде, чѣмъ станемъ разбирать этотъ романъ, не лишнимъ считаемъ рассказать слѣдующій анекдотъ. Однажды французъ, англичанину и нѣмцу поручили описать верблюда. Французъ отправился въ *Jardin des Plantes*, въ одинъ часъ все обѣгалъ, все смотрѣлъ и, вернувшись домой, написалъ *un feuilleton*. Фельетонъ вышелъ блестящій: французъ выказалъ бездну остроумія и не сдѣлалъ ни одинаго промаха, хотя въ то же время не сказалъ ничего новаго; это однако не помѣшало ему симодовольно заклю-

читать статью словами: *Le voilà, le chateau!* (Вот онъ, верблюды!). Англичанинъ поступилъ иначе: нагрузивши свой чемоданъ всеми принадлежностями комфорта, онъ съ первымъ же пароходомъ отправился на Востокъ, раскинулъ тамъ шатеръ и принялся изучать на мѣстъ природу и привычки верблюда. Черезъ два года онъ воротился и привезъ съ собою полное собраніе фактовъ, скученныхъ безъ всякаго порядка, изложенныхъ безъ системы, но послужившихъ драгоценнымъ матеріаломъ для всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдователей. Нѣмецъ, пренебрегая легкомысліемъ француза и положительностью англичанина, удалился въ свой кабинетъ и взялся *выводить идею верблюда изъ сокровенной глубины своего самосознанія*. Онъ и теперь, говорить, все еще занятъ своей задачей.

По этому анекдоту читатели наши могутъ составить себѣ довольно вѣрное понятіе о нѣмецкой, такъ называемой философской критикѣ, которая безпощадно насилуетъ произведенія искусства, стараясь найти въ нихъ глубоко сокрытый внутренній смыслъ. Критики-философы составляютъ въ Германіи цѣлую школу. Они никогда не довольствуются тѣмъ, что дано артистомъ, но всегда домогаются открыть то, что *подразумывалъ* онъ. Пренебрегая простыми, естественными объясненіями, они во всякомъ художественномъ произведеніи ищутъ скрытаго значенія, затасной мысли и, гоняясь за призракомъ, упускаютъ изъ виду существенное. Примѣромъ можетъ служить большая часть нѣмецкихъ критическихъ статей о *Вильгельмъ Мейстеръ* и *Фаустъ*.

По поводу *Мейстера* философская критика высказала столько идей, выведенныхъ изъ сокровенной глубины самосознанія, она находила въ этомъ романѣ такой неожиданный смыслъ, такіа диковинныя вещи, какихъ, вѣроятно, не подозревалъ въ немъ самъ Гёте. Символическій характеръ последней части явное отсутствіе единства въ цѣломъ романѣ служили обильной пищей догадкамъ и соображеніямъ нѣмецкихъ критиковъ, доходившихъ иногда до самыхъ поразительныхъ результатовъ. Такъ напр. Гиллесбрандъ весьма серьезно говорилъ: «Идея *Вильгельма Мейстера* именно та, что въ романѣ этомъ нѣтъ никакой идеи».

Не гоняясь за идеей, взглянемъ на *Мейстера* съ исторической точки зрѣнія, которая скорѣе всего можетъ предохранить насъ отъ произвольныхъ толкованій и вмѣстѣ съ тѣмъ указать на стоящія данныя для правильнаго сужденія объ этомъ романѣ. Первые шесть книгъ—онъ и лучше и важнѣе всѣхъ прочихъ—

были написаны до поездки Гёте въ Италію, въ теченіе того дѣятельнаго періода, когда поэтъ нашъ былъ вмѣстѣ и театральнымъ директоромъ, и драматургомъ, и актеромъ. Содержаніе этихъ книгъ ясно показываетъ, что Гёте намѣревался представить со всевозможною полнотою личность драматическаго артиста; въ письмѣ къ Мерку онъ прямо говоритъ, что его намѣреніе—изобразить жизнь актера. Входило ли въ первоначальный планъ автора дать этой жизни символическое значеніе—съ точностью рѣшить не возможно. Многіе критики полагали, что Гёте съ самаго начала имѣлъ въ виду представить Вильгельма *неспособнымъ* къ сценическому поприщу; но Гервинусъ отвергаетъ это мнѣніе, говоря, что самый романъ доказываетъ противное. И дѣйствительно, въ карьерѣ Мейстера вовсе незамѣтно ложной тенденціи, подобной тому упорному стремленію къ успѣхамъ въ живописи, какимъ былъ одержимъ самъ Гёте. Различныя вставки, измѣняющія значеніе главнаго лица, внесены авторомъ въ послѣдствіи, когда измѣнился планъ его произведенія; но и онъ не мѣшаютъ читателю разглядѣть, что Вильгельмъ отъ природы надѣленъ истиннымъ сценическимъ талантомъ, зрющимъ въ практическихъ упражненіяхъ искусствомъ и достигающимъ своего апогея въ роли Гамлета. Здѣсь кончается начальный планъ. Написавши первыя шесть книгъ, Гёте отправился въ Италію и, какъ мы уже видали, вернулся оттуда совершенно инымъ человѣкомъ. По прошествіи десяти лѣтъ, онъ снова принялся за *Мейстера*; но въ теченіи этого времени много воды утекло: Гёте тогда уже пережилъ ложную свою тенденцію, на опытъ увидѣлъ тщету своихъ усилій сдѣлаться живописцемъ и, сообразно этому опыту, *перемѣнилъ* планъ романа. Прежнее чисто объективное значеніе *Мейстера* замѣнилось символическимъ изображеніемъ юношескихъ ошибокъ на пути развитія. Съ этой цѣлью Гёте ввелъ въ романъ таинственное семейство, зорко и съ любовью слѣдящее за каждымъ шагомъ и поощряющее каждую ошибку Вильгельма для того, чтобы путемъ ошибокъ привести его къ познанію истины. «Основа Мейстера», говоритъ Гёте въ своихъ *Анналахъ*: «родилась изъ смутнаго предчувствія великой истины, что человѣкъ часто стремится къ достиженію того, въ чемъ природа ему отказала. Къ числу такихъ стремленій можно отнести все, что извѣстно подъ именемъ ложной тенденціи, дилеттантства и т. д. Многіе люди убиваютъ такимъ образомъ лучшіе годы жизни и впадаютъ наконецъ въ тяжелое уныніе. Впрочемъ ложные ша-

ги въ искусствѣ могутъ иногда привести къ положительно хорошимъ результатамъ. Мысль эта высказана мною въ Вильгельмъ Мейстеръ». Эккерману онъ говорилъ: «*Мейстеръ*—одно изъ самыхъ неразгаданныхъ произведеній. Я самъ почти не могу сказать, что у меня есть ключъ къ нему. Публика ищетъ основной идеи, но ее трудно найти и даже не слѣдуетъ искать. По моему мнѣнію, отчетливое изображеніе богатой многосторонней жизни должно удовлетворять насъ само собою, во-много внутренней тенденціи произведенія. Если же вы непременно хотите найти эту тенденцію, она, быть можетъ, откроется вамъ въ слѣдующихъ словахъ, которыя Фридрихъ говоритъ подъ конецъ Вильгельму: «Ты представляешься мнѣ Сауломъ, сыномъ Киса, отправившимся на поиски за отцовскими ослицами и нашедшимъ царскій престолъ». Ограничьтесь этимъ; потому что, дѣйствительно, весь романъ не говоритъ ничего инаго, кромѣ того, что Вильгельмъ, не смотря на все его заблужденія и ошибки, достигаетъ, наконецъ, счастливой цѣли».

Задача или, вѣрнѣе, задача *Вильгельма Мейстера* состояли въ распространеніи точныхъ понятій о драматическомъ искусствѣ и въ опредѣленіи истинной теоріи воспитанія. Последнія двѣ книги этого романа можно назвать чисто педагогическими. Бѣдность ихъ содержанія отчасти выкупается глубоко-вѣрыными мыслями о воспитаніи; но въ художественномъ отношеніи онъ далеко ниже первыхъ шести книгъ, которымъ уступаютъ и слогаемъ, и обрисовкой лицъ, и занимательностью.

Предоставляя самимъ читателямъ ознакомиться съ содержаніемъ *Вильгельма Мейстера* *, мы, съ своей стороны, укажемъ только на мастерское искусство, съ какимъ развиты въ этомъ романѣ характеры дѣйствующихъ лицъ. Гёте ихъ не описываетъ, а показываетъ въ дѣйствіи, такъ что они какъ будто сами собою рисуются и притомъ съ такой полнотою и отчетливостью, что образы ихъ возникаютъ передъ глазами читателя словно живые. Къ числу удачнѣйшихъ лицъ принадлежатъ: герой романа, слабый и нервный Вильгельмъ, безпечная, великодушная, капризная, любящая и кокетливая Филлипа, задумчивая Миньона и старикъ арфистъ. Менѣе развиты характеры Зерло, Лазрта, эгоиста Мелины и его сентиментальной супруги, Марианы и старой Варвары, но очерчены эти лица тоже съ удив-

* «Вильгельмъ Мейстеръ» переведенъ на русскій языкъ г. А. Григорьевымъ и напечатанъ въ Москвитинѣ 1852 года.

гетельныи мастерствомъ. За то въ послѣднихъ двухъ книгахъ мало принимаетъ совершенно иной оборотъ: жизнь замыкается утъ философскихъ разсужденіями; вмѣсто прежнихъ живыхъ лицъ выступаютъ на сцену безличныя образы въ родѣ Лотаріо, Оббата, доктора, Терезы и Натали; интересъ романа значительно ослабвваетъ; дѣйствіе становится занутаннымъ, неправдоподобнымъ и незанимательнымъ; даже слогъ дѣлается безцвѣтнымъ, вялымъ, а мѣстами онъ положительно дуренъ. Единственное исключеніе составляетъ превосходный разсказъ арфиста.

Нѣмецкіе критики, въ томъ числѣ и Якоби, много толковали безнравственности гётева романа. Вотъ что говоритъ по этому поводу Шиллеръ: «Критика Якоби нисколько меня не удивляла: ничность, подобная ему, такъ же неизбежно должна оскорбляться безопадной правдойъ вашихъ картинъ, какъ умъ, подобный вашему, долженъ давать такой личности поводъ оскорбляться. Якоби одинъ изъ тѣхъ, которые въ произведеніяхъ поговъ ищутъ только собственныхъ своихъ идей, и то, что должно быть, цѣнятъ гораздо выше, чѣмъ то, что есть; борьба по этому начинается въ самомъ основаніи. Какъ только Фолувкъ даетъ мнѣ замѣтить, что въ поэтическихъ изображеніяхъ есть сторона, интересующая его сильнѣе, нежели внутренняя необходимость и правда, я тотчасъ его покидаю. Еслибъ онъ могъ доказать вамъ, что безнравственность вашихъ картинъ вытекаетъ не изъ самой природы, но изъ вашего способа изображенія предмета, тогда, дѣйствительно, вы были бы виноваты, не потому однако, что погрѣшили бы прѣтивъ нравственныхъ законовъ, а потому, что вы нарушили бы законы критическіе.»

Вильгельмъ Мейстеръ не принадлежитъ къ числу нравственныхъ романовъ, то-есть онъ написанъ не для того, чтобъ одтвердить какую-нибудь сентенцію въ родѣ извѣстной: «добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказанъ»; но, не будучи въ томъ смыслѣ нравственной книгой, онъ и безнравственнымъ не можетъ быть названъ. Если въ немъ нѣтъ ничего назидательнаго, за то нѣтъ также ничего растлѣвающаго. Авторъ его не принималъ на себя роли ни защитника добродѣтели, ни поборника разврата. Онъ просто рисовалъ жизнь, какъ она есть, безъ всякихъ моральныхъ комментаріевъ, и потому въ его романѣ отразились и свѣтлыя, и мрачныя стороны жизни. Его лишизна, что въ дѣйствительности не все явленія нравственны? Ви-

новать ли онъ, что въ миръ житейскомъ высокое и пошлое часто встрѣчаются рядомъ? Обвинять Гёте въ безнравственности его произведенія значитъ ставить ему въ укоръ вѣрное изображеніе дѣйствительности. Что же послѣ этого сказать о Шекспирѣ? Узкіе моралисты не замѣчаютъ, что камень, брошенный въ Гёте, прямо попадаетъ въ творца Фальстафа; а кто же изъ людей здравомыслящихъ рѣшится назвать произведенія Шекспира безнравственными?

XVIII.

Вліяніе Гёте на Шиллера и Шиллера на Гёте. — Изученіе философіи и страсть къ теоріямъ. — Литературные труды Гёте. — *Германинъ и Доротея*. — Что послужило матеріаломъ для этой поэмы. — Разборъ ея. — Гёте передаетъ Шиллеру планъ «Вильгельма Телля». — Веймарскій театръ и его исключительный характеръ. — Ошибка со стороны Гёте и Шиллера. — Неудачи. — Деспотизмъ Гёте, какъ театральнаго директора. — Его презрѣніе къ общественному мнѣнію. — Обращеніе съ актерами. — Ограниченный составъ веймарской труппы. — Какого рода были пьесы веймарскаго репертуара. — Искусственность. — Закулисная интрига. — Комедіантъ Карстенъ и его ученый пудель. — Гёте не соглашается дозволить имъ играть на веймарской сценѣ. — Карлъ-Августъ отставляетъ его отъ должности директора. — Образъ жизни Гёте. — Приѣмъ посѣтителей. — Бюргеръ и Гейне. — Отзывъ Жанъ Поля Рихтера о Гёте и о Шиллерѣ. — Вражда между поклонниками того и другаго. — Заговоръ Коцебу. — Гёте и Гердеръ. — *Дочь Любви*. — Госпожа Сталь въ Веймарѣ. — Болѣзь Гёте и Шиллера. — Смерть Шиллера.

«Теперь», писалъ Гёте своему другу вскорѣ послѣ изданія *Ксеній*: «теперь намъ слѣдуетъ трудиться только надъ великими и цѣнными произведеніями искусства. Посрадимъ же противниковъ, показавши имъ нашу поэтическую силу въ формахъ возвышенныхъ и прекрасныхъ.» Шиллеръ съ радостью откликнулся на это воззваніе. Друзья-поэты ревностно принялись за дѣло и блистательно его совершили: Гёте написалъ *Германна и Доротею*, Шиллеръ — *Валленштейна*. Стремленіе къ одной общей цѣли образовало неразрывную связь между ними. Чѣмъ больше они сближались, тѣмъ замѣтнѣе становилось ихъ вліяніе другъ на друга: Гёте, вопреки своей природной тенденціи, получалъ наклонность къ умозрѣніямъ и теоріямъ; Шиллеръ, тоже вопреки своей природѣ, болѣе и болѣе началъ вдаваться въ реализмъ. Его вліяніе на Гёте слѣдовало бы назвать положительно вреднымъ, еслибъ не снимала упрека вызванная имъ плодовитость

нашего поэта. «Вы вдохнули въ меня юношескую свѣжесть», пишетъ Гёте: «и возвратили меня къ поэзiи, которую я совсѣмъ было оставилъ.» Изученiе философiи сдѣлалось однимъ изъ главныхъ предметовъ тогдашней дѣятельности обоихъ друзей. Шиллеръ неутомимо трудился надъ Кантомъ и Спинозой, Гёте — надъ Кантомъ и научными теорiями. Въ это время оба поэта глядѣли отчаянными теоретиками: вели межъ собой безконечные философскiе споры, трактовали о предѣлахъ эпической и драматической поэзiи; читали Аристотеля и разсуждали о его *Поэтикѣ*, слѣдствiемъ чего были двѣ статьи Гёте: *Объ эпической и драматической поэзiи* (*Ueber epische und dramatische Dichtung*) и *По поводу Аристотелевой Поэтики* (*Nachlese zu Aristoteles Poetik*). Этого мало: дѣло, какъ видно изъ переписки между ними, до того доходило, что они не рѣшались шагу ступить, не обсудивши его напередъ по всѣмъ правиламъ теоретическихъ умозрѣнiй. Гёте съ восторгомъ прочелъ Вольфову теорiю гомеровыхъ пѣсень (*Prolegomena ad Homerum*) и сразу сдѣлался жаркимъ ея приверженцемъ *. Гипотеза знаменитаго филолога о происхожденiи эпическихъ пѣсень естественнымъ образомъ обратила вниманiе нашего поэта на происхожденiе пѣсень древнихъ евреевъ; а эйхгорново *Введенiе въ Ветхий Заветъ* внушило ему новый взглядъ на странствованiя израильскаго народа. По этому поводу онъ написалъ отдѣльную статью, которую включилъ потомъ въ число примѣчанiй къ *Западно-восточному Дивану* (*West-östlicher Divan*).

Теоретическiя занятiя не ослабляли его поэтической дѣятельности. Въ 1797 году онъ написалъ нѣсколько образцовыхъ лирическихъ стихотворенiй, къ числу которыхъ относятся баллады *Коринѣская Невѣста* (*Die Braut von Corinth*), *Ученикъ Чародѣя* (*Der Zauberlehrling*), *Богъ и Баядерка* (*Der Gott und die Bajadere*) и *Искатель кладовъ* (*Der Schatzgräber*). Въ то же время онъ дѣятельно принялся за эпическiй родъ: задумалъ и отчасти написалъ *Ахиллеса* (*Achilleis*) и составилъ планъ другой эпопеи, которую хотѣлъ назвать *Охотой* (*Die Jagd*), но вскорѣ оставилъ ея. Въ послѣдствiи на эту тему явилась у него повѣсть въ прозѣ, извѣстная подъ именемъ *Новеллы* (*Novelle*). Кромѣ этихъ мелкихъ произведенiй, онъ написалъ въ 1797 году знаменитую свою поэму *Германнъ и Доротея*.

* Въ послѣдствiи онъ вновь обратился къ мнѣнiю о единствѣ Гомера.

Материаломъ для нея послужилъ старинный нѣмецкій разсказъ, подъ заглавіемъ: *Добродѣтельный поступокъ Геры съ Зальцбургскими Эмигрантами. То-есть: краткая и правдивая повѣсть о томъ, какъ эти эмигранты прибыли въ резиденцію рейссъ-плауенскую графства, какъ ихъ приняли и призрѣли, а также, что хорошаго многіе изъ нихъ видѣли и слышали* *. Въ этой повѣсти разсказывается, какъ одинъ богатый и важный альтмюльскій гражданинъ тщетно убѣждалъ своего сына жениться. Когда черезъ городъ проходили зальцбургскіе эмигранты, сынъ встрѣтилъ между ними «дѣвушку, которая ему весьма приглянулась». Онъ разспрашиваетъ, изъ какой она семьи, гдѣ росла и воспитывалась. Получивши на все удовлетворительные отвѣты, юноша поспѣшно возвращается къ отцу, разсказываетъ ему о счастливой встрѣчѣ и оканчиваетъ рѣчь такими словами: «Если не выдадутъ за меня эту дѣвушку, я ни на комъ не женюсь». Отецъ и бывший въ гостяхъ у отца пасторъ стараются отклонить его отъ такого рѣшенія; но все ихъ доводы оказываются недѣйствительными. Наконецъ, по совету благоразумнаго пастора, старикъ изъявляетъ свое согласіе. Юноша возвращается къ дѣвушкѣ и предлагаетъ ей поступить въ услуженіе къ его отцу. Она соглашается и приходитъ въ домъ старика, котораго считаетъ будущимъ своимъ господиномъ; но тотъ, не зная ничего о хитрости, придуманной сыномъ, и полагая, что видитъ передъ собой невѣсту, спрашиваетъ ее, любить ли она его сына. Дѣвушка принимаетъ этотъ вопросъ за насмѣшку; но убѣдившись, что съ нею дѣйствительно хотятъ породниться, изъявляетъ съ своей стороны полное согласіе, при чемъ вынимаетъ изъ-за корсета кошелекъ съ двумястами дукатовъ и отдаетъ его жениху вмѣсто приданаго.

Таковъ разсказъ, изъ котораго Гёте создалъ *Германна и Лоротею*, образцовую идиллію, написанную гомеровскими гекзаметрами съ гомеровскою простотою. Она мастерски переведена на русскій языкъ г. Фетомъ **. Не читавшіе подлинника могутъ судить по этому переводу, съ какимъ искусствомъ умѣлъ Гёте превратить грубый матеріалъ въ истинно художественное

* «Das Liebthätige Gera gegen die Salzburgerischen Emigranten. Das ist: kurze und wahrhaftige Erzählung, wie dieselben in der Gräfllich Reuss-Plauischen Residenz Stadt angekommen, aufgenommen und versorget, auch was an und von vielen derselben Gutes gesehen und gehöret worden». Leipzig, 1732.

** См. «Современникъ» 1836 г. № 7.

зведение. Его идиллія полна жизни, свѣжести и неподражаемыхъ красотъ. Дѣйствіе въ ней, которое поэтъ перенесъ въ французской революціи, такъ же просто, какъ и въ оригинальномъ разсказѣ. Она, очевидно, написана въ подражаніе Гюго, но колоритъ и всѣ частности ея вполне современны. Всѣхъ идиллій ея одну можно назвать безукоризненной; изъ всѣхъ, описывающихъ сельскую жизнь и поселянъ, она ближе къ истинѣ. Идилліи Теокрита и Виргилія, Пасторалли и Тассо, Флоріана и Деліля, Геснера и Томсона, все еще или меньше отличаются различными пятнистыми «украшениями», въ особенности идеализаціей дѣйствительности. Въ *Идилліи* и *Дорожѣ* нѣтъ этихъ недостатковъ; крестьяне являются тутъ настоящими крестьянами, а не тѣми красивыми картинками, которыми такъ дорожатъ любители саксонскаго пейзажа. По поводу дѣйствующихъ лицъ Гёте не говоритъ ничего лишняго; нѣсколькими мѣткими чертами онъ рисуетъ всего въкѣ, съ головы до ногъ. Трактирщикъ, его жена, пасторъ, аптекаръ, простой, искренній, застѣнчивый Германнъ и добрая, кроткая, любящая Доротея—характерны въ высшей степени естественные, чуждые всякой манерности; отъ нихъ такъ и вѣетъ силой и здоровьемъ. Сельскій бытъ правился нашему поэту именно своей безыскусственностью. Это качество Гёте цѣнилъ высоко, и потому, рисуя картину деревенской жизни, писалъ прямо съ натуры, не идеализируя. Бесѣды съ простымъ народомъ всегда доставляли ему большое удовольствіе, изумлявшее его невѣстку, которая, по собственному ея признанію, не могла понять, что находилъ въ великій умъ въ разговорахъ съ какой-нибудь старухой, ткачихой хлѣбы, или со старикомъ плотникомъ, строгающимъ доску. Онъ любилъ бесѣдовать съ своимъ кучеромъ, указывать ему на прелести дорожныхъ видовъ и отъ него наслаждался своеобразными замѣчаніями возницы. Навязываясь путешественникамъ, литературнымъ умникамъ и педагогамъ, онъ принималъ гордо и сухо; но съ простолюдиномъ все было разговорчиво и ласково. Причина этой разницы заключалась въ его постоянномъ участіи ко всему самобытному. Плотникъ, оставаясь плотникомъ, интересовалъ его; но если бы онъ же плотникъ, нарядившись въ праздничное платье, вздумалъ корчить изъ себя мѣщанина, Гёте отвернулся бы отъ него, и онъ бы отворачивался отъ всѣхъ воронъ въ павлиньихъ перьяхъ.

Подобно изображенію дѣйствующихъ лицъ, картины сельской жизни въ *Германнъ и Доротея* дышуть истиной чисто объективной. Гёте рисуетъ ихъ просто, безъ всякихъ метафоръ и прочихъ риторическихъ хитростей; онъ не говоритъ, на что онъ похожи, а показываетъ ихъ такъ, какъ онъ есть; вмѣсто подобій, онъ представляетъ читателю самые предметы. Въ этомъ-то и заключается причина громадной популярности его произведенія. Рѣдкая книга имѣла въ Германіи такой успѣхъ, какъ *Германнъ и Доротея*. Ее читали и читаютъ во всѣхъ слояхъ нѣмецкаго общества. Вслѣдъ за первымъ изданіемъ оказалось нужнымъ напечатать другое, дешевое, на сѣрой бумагѣ, потому что книга сдѣлалась *народной* въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ Шиллеръ въ письмѣ къ Мейеру: «Мы; какъ вы знаете, не оставались безъ дѣла, особенно другъ нашъ; онъ въ послѣдніе годы рѣшительно превзошелъ самого себя. Его эпическую поэму вы прочли; согласитесь, что это верхъ всего нашего новѣйшаго искусства. Я слѣдилъ за ходомъ ея развитія и дивился ему почти такъ же, какъ теперь дивлюсь оконченному произведенію. Наша братія должна много и мучительно работать для того, чтобы медленно произвести что-нибудь сносное; а ему стоитъ только слегка потрясти дерево, и лучшій плодъ, красивый, зрѣлый и сочный, самъ падаетъ къ нему. Невѣроятно, съ какою легкостью пожираетъ онъ теперь плоды разумно-употребленной жизни и прочнаго образованія; какъ многозначителенъ и твердъ каждый те-перешній шагъ его; какъ ясно понимаетъ онъ самого себя и все окружающее, и какъ эта ясность предохраняетъ его отъ пустыхъ усилій, отъ ложныхъ стремленій! Впрочемъ, вы теперь съ нимъ и можете во всемъ этомъ убѣдиться собственными глазами. Но вы согласитесь со мной, что на той высотѣ, на которой онъ теперь стоитъ, ему слѣдуетъ помышлять больше о томъ, чтобы духовную красоту свою выразить извнѣ, нежели о томъ, чтобы запастись новымъ матеріаломъ; словомъ, онъ долженъ теперь посвятить всего себя поэтической дѣятельности.»

Въ 1797 году Гёте вновь принялся за давно имъ оставленнаго *Фауста* и написалъ *Посвященіе, Прологъ въ небо* и *Золотую Сватъбу Оберона и Титаниа*. Около этого времени прѣхалъ въ Веймаръ археологъ Гиртъ. Между нимъ и нашимъ поэтомъ вскорѣ начались горячія пренія о древнемъ искусствѣ, которыя расшевелили въ Гёте воспоминанія объ Италіи и от-

векли его отъ прежнихъ работъ. Онъ оставилъ *Фауста* и написалъ статью *О Лаокоонъ (Ueber Laokoön)*. Съ тѣмъ вмѣстѣ ятъ пробудилась въ немъ тоска по Италіи: онъ всю свою жизнь жаждалъ знанія и все говорилъ, что знаній у него недостаточно. Въ Италіи онъ надвѣялся найти свѣжую пищу своему насытному уму; но Шиллеръ справедливо полагалъ, что эта вздка только обременитъ его друга новымъ матеріаломъ, и стоятельно просилъ Мейера отклонить Гёте отъ путешествія Италію.

Гёте въ Италію не похалъ; за то въ июль 1797 года въ третій разъ посѣтилъ Швейцарію. Въ Франкфуртъ онъ представилъ своей матери Христіану и сына своего, Августа. Добрая фрау приняла ихъ весьма радушно, такъ что гости ея всегда съ удовольствіемъ вспоминали объ этомъ посѣщеніи. Третья повздѣвъ Швейцарію не представляетъ почти ничего интереснаго для графини Гёте, кромѣ того лишь, что онъ задумалъ планъ эпической поэмы о *Вильгельмъ Телль* и съ этою цѣлью ревностно изучалъ мѣстность и природу Швейцаріи. Планъ остался невыполненнымъ. Гёте передалъ его Шиллеру вмѣстѣ съ концепціей характера Телля и съ замѣтками своими о Швейцаріи, которыми Шиллеръ умѣлъ воспользоваться съ такимъ мастерствомъ, что и Гёте самъ не вывелъ самого Гёте. То же братское содѣйствіе повторилось и въ композиціи *Валленштейна*. Въ Германіи ходила молва, что нѣкоторыя части этой драмы написаны не Шиллеромъ, а Гёте; но это несправедливо: по собственному признанію нашего поэта, ему принадлежатъ тутъ всего два незначительныхъ стиха. За все остальное Гёте со свѣтами Шиллеръ руководился почти въ каждой сценѣ, такъ что во время перваго представленія *Валленштейна*, Гёте наслаждался триумфомъ друга, какъ бы своимъ собственнымъ.

Ученые труды постоянно отвлекали его отъ занятій литературныхъ. Весной 1798 года онъ исключительно занимался шеллинговой философіей природы и собственнымъ планомъ историческаго сочиненія о теоріи цвѣтвъ; но, побуждаемый Шиллеромъ, вскорѣ опять взялся за *Фауста* и написалъ послѣднія трагическія сцены первой части. Большую часть лѣта онъ провѣлъ въ Лейпзигѣ, въ обществѣ Шиллера, подъ вліяніемъ котораго дѣятельно занимался поэзіей; но какъ только увѣхалъ изъ Лейпзига, такъ только разстался съ Шиллеромъ, поэзія тотчасъ отошла на второй планъ. Мѣсто ея заняло искусство: изданіе ху-

дожественнаго журнала *Прожилен* и новое устройство веймарскаго театра поглотили собою на время всю дятельность Гёте.

Мы уже видѣли, какое живое участіе принималъ онъ въ веймарскихъ придворныхъ спектакляхъ. Тамошній постоянный театръ, истребленный пожаромъ 1774 года, долгое время лежалъ въ развалинахъ. Въмсто его устроены были временные театры въ эттерсбургскихъ лѣсахъ и въ тифуртской долинь. Въмсто актеровъ, на сценѣ играли придворные. Публика состояла изъ лицъ высшаго круга. Обо всемъ этомъ мы подробно говорили въ одной изъ предъидущихъ статей*. Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ исключительномъ характерѣ веймарской сцены.

Всякій театръ болѣе или менѣе выражаетъ собой духъ и стремленія націи. Въ Веймарѣ было не такъ: тамошній театръ не представлялъ ничего народнаго; онъ и существовалъ не потому, что народъ чувствовалъ въ немъ потребность, а потому собственно, что Двору нужно было какое-нибудь развлеченіе отъ скуки и бездѣлья. Не народъ, а дилетанты были его цѣнители и судьи. Веймарскую труппу составляли не простые актеры, а принцы, аристократы, поэты, музыканты, игравшіе не для безпристрастной публики въ настоящемъ значеніи этого слова, а для лѣстивыхъ придворныхъ.

Гёте и Шиллеръ, вполне понимавшіе силу моральнаго вліянія театра, старались создать такую драму, которая бы стала неизмѣримо выше жалкихъ произведеній тогдашняго нѣмецкаго репертуара. Они желали создать идеальную драму, которая бы представляла собой возвышеннѣйшіе образцы искусства; но, къ сожалѣнію, съ самаго начала впади въ ошибку: пренебрегли массой публики и обратили вниманіе только на небольшой кружокъ людей образованныхъ. Художественный элементъ они поставили выше народнаго, искусство — выше страсти и юмора; сцена, по ихъ словамъ, должна была имѣть значеніе литературное, то-есть, другими словами, она должна была утратить свой популярный характеръ. Слѣдствіемъ, разумется, были неудачи; но онъ не образумили Гёте: во все время его управленія театромъ, произведенія въ строго классическомъ духѣ занимали главное мѣсто на веймарской сценѣ.

Веймарскій постоянный театръ былъ возобновленъ и открытъ въ 1790 году. Гёте принялъ званіе директора на правахъ повластнаго хозяина. Ему предоставили неограниченную свободу

* Статья 3-я, глава X.

дѣйствовать и распоряжаться сценой какъ угодно. Никто не имѣлъ права требовать у него отчета. Дворъ безирекословно выдавалъ деньги на все театральныя издержки. Гёте присутствовалъ на всѣхъ ренетиціяхъ и слѣдилъ за ними съ особеннымъ вниманіемъ, но всѣ его усилія оставались безплодными. Представленія шли плохо: *Король Иоаннъ* и *Генрихъ IV* Шекспира, *Великій Коффи*, *Гражданинъ-генералъ*, *Кливно*, *Братъ и Сестра* Гёте были играны и не имѣли почти никакого успѣха, оттого что актеры были посредственны, содержаніе получали плохое и не заботились о добросовѣстномъ изученіи ролей; оттого, наконецъ, что не было настоящей публики, которая энтузіазмомъ и здравой критикой могла бы содѣйствовать образованію сценическихъ талантовъ. Посѣтители веймарскаго театра стѣснялись присутствіемъ двора и рѣдко дерзали предаваться открытому изъявленію восторга или неудовольствія. Партеръ побаивался Двора, а дворъ побаивался директора. Гёте не скрывалъ своего презрѣнія къ общественному мнѣнію. «Дирекція», писалъ онъ своему товарищу: «дѣйствуетъ сообразно собственнымъ своимъ видамъ и вовсе не намѣрена сообразоваться съ требованіями публики. Помните разъ навсегда, что публику слѣдуетъ держать въ рукахъ». Шиллеру, раздѣлявшему то же самое мнѣніе, онъ говорилъ: «Двумъ господамъ невозможно служить; но изъ всѣхъ господъ меньше всего желалъ бы я выбрать публику, засѣдающую въ немецкомъ театрѣ».

Вотъ что рассказываетъ Эдуардъ Девриентъ въ своей «Исторіи немецкаго Театра». «Гёте обыкновенно сидѣлъ въ срединѣ партера, откуда мощный взглядъ его царилъ надъ публикой и обуздывалъ восторженныхъ. Однажды, когда іенскіе студенты вздумали слишкомъ шумно выражать свои мнѣнія, Гёте всталъ, приказалъ имъ молчать и прибавилъ, что велитъ караульнымъ гусарамъ вынести вонъ виновниковъ безпорядка. Подобная же сцена случилась въ 1802 году, во время представленія шлегелева *Аларкоса*, названнаго публикой слишкомъ дерзкой пьесой. Аплодисменты консервативной партіи вызвали громкій смѣхъ со стороны оппозиціонной. Гёте поднялся съ мѣста и громовымъ голосомъ крикнулъ: «Не смѣйте смѣяться!» Онъ дошелъ наконецъ до того, что запретилъ публикѣ не только шикать, но даже аплодировать. Онъ не терпѣлъ никакого противорѣчія въ томъ, что самъ находилъ приличнымъ. Критику тоже держалъ въ уздѣ: узнавши что Беттхеръ писалъ статью о его управленіи театромъ, онъ

объявилъ , что если она будетъ издана , онъ откажется отъ должности директора. Статья осталась не напечатанной.»

Послѣ этого не трудно вообразить, каково было его обращеніе съ актерами. Онъ , подобно Шиллеру , держался того мнѣнія , что церемониться съ ними бесполезно , *потому что* , какъ говорилъ Шиллеръ : *убѣжденіями да лаской съ ними ничего не сдѣлаешь*. Гёте-директоръ не допускалъ никакихъ возраженій со стороны своихъ подчиненныхъ и даже слушать не хотѣлъ о тѣхъ эгоистическихъ притязаніяхъ , которыми такъ отличаются драматическіе артисты. Онъ требовалъ и строго наблюдалъ , чтобы каждый актеръ исполнялъ все , что приказано , не вдаваясь ни въ какія разсужденія. Ослушниковъ тотчасъ наказывалъ: актеровъ сажалъ на гауптвахту , актрисъ подвергалъ домашнему аресту. Съ главными актерами онъ поступалъ иначе. Случилось , что въ *Лагерь Валленштейна* Беккеру , одному изъ лучшихъ сюжетовъ веймарской труппы , назначена была незначительная роль. Узнавши , что Беккеръ не соглашается играть ее , Гёте сказалъ ему : «Вы не хотите взять эту роль ? Въ такомъ случаѣ я самъ ее сыгравъ». Угроза подѣйствовала , и Беккеръ согласился : онъ зналъ , что Гёте не шутитъ.

Несмотря на такой деспотизмъ , актеры любили и уважали своего директора. «Нигдѣ» , говоритъ фонъ-Мюллеръ : «не высказывалась такъ ясно магическая сила его личности: строгій и серьезный въ требованіяхъ , непреклонный въ рѣшеніяхъ , онъ быстро и радостно привѣтствовалъ всякій успѣхъ , былъ равно внимателенъ ко всемъ и въ каждомъ умѣлъ вызвать наружу сокровеннѣйшія силы духа ; въ тѣсномъ кругу , часто съ ничтожными средствами , онъ совершалъ почти чудеса: ободрительный взглядъ его служилъ богатою наградой , ласковое слово — безцѣннымъ подаркомъ. Всякій чувствовалъ себя выше и сильнѣе на мѣсть , имъ указанномъ ; его одобреніе составляло какъ бы патентъ на всю жизнь. Тотъ , кто не видѣлъ и не слышалъ , съ какимъ чувствомъ ветераны того времени дорожили каждымъ воспоминаніемъ о Гёте и Шиллерѣ ; съ какимъ восторгомъ останавливались они на каждой подробности объ ихъ дѣйствіяхъ и какъ при одномъ имени того или другаго поэта глаза стариковъ начинали блистать юношескимъ удовольствіемъ , — тотъ , говоримъ мы , не можетъ представить какую горячую привязанность , какое восторженное почтеніе внушали къ себѣ эти великіе люди».

Веймарскіе актеры, судя по словамъ Эдуарда Девриента, не могли похвалиться своимъ жалованьемъ. Даже любовница герцога, Егеманнъ, примадонна и главная актриса, получала всего шестьсотъ талеровъ въ годъ и только триста талеровъ пенсіи. Сверхъ того актерамъ не дозволялось уѣзжать въ отпускъ, такъ что они волею-неволею должны были ограничиваться однимъ жалованьемъ. Такія незавидныя условія, казалось бы, не могли прельстить никого, за исключеніемъ людей положительно бездарныхъ; но магическія имена Гёте и Шиллера успѣли привлечь въ Веймаръ нѣсколько дѣйствительно хорошихъ актеровъ.

Ограниченный составъ труппы иногда ставилъ дирекцію въ чрезвычайно затруднительное положеніе, принуждавшее Гёте прибѣгать къ различнаго рода уловкамъ. Примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай. Во время представленія *Волшебной Флейты* Егеманнъ на отрѣзъ отказалась явиться на сцену въ роли Царицы Ночи. Другой пѣвицы не было. Въ такой крайности Гёте заставилъ любимицу герцога пѣть за кулисами, а другой актрисѣ велѣлъ выйти на сцену и мимикой показывать видъ, будто это она поетъ.

Съ той поры, какъ связь между Гёте и Шиллеромъ сдѣлалась тѣснѣе, веймарскій театръ началъ принимать дѣйствительно серьезный характеръ. Гёте, по природѣ склонный принимать живое участіе во всемъ, что глубоко интересовало его друзей, увлекся драматическимъ энтузіазмомъ Шиллера и сталъ глядѣть на сцену какъ на средство артистически воспитать націю. Съ тѣхъ-поръ онъ сталъ обращать исключительное вниманіе на то, чтобы пьесы веймарскаго репертуара выражали собою высшія стремленія искусства и отличались преимущественно литературными достоинствами; съ тѣхъ-поръ естественность, эта жизненная основа всякаго драматическаго произведенія, утратила въ его глазахъ всю прежнюю цѣнность. Одностороннее направленіе, пренебрегавшее живой дѣйствительностью ради безплотныхъ идеаловъ, было страшной ошибкой со стороны Гёте и Шиллера. Націю они не воспитали, а сами вдалились въ искусственность и потерпѣли рѣшительную неудачу въ благородномъ стремленіи создать національную драму. Искусственность вполнѣ овладѣла веймарской сценой. Гёте сталъ требовать, чтобы актеръ во время игры ни на минуту не забывалъ о присутствіи зрителей. Въ слѣдствіе этого актеры не смѣли ни становиться въ профиль, ни обращаться спиной къ публикѣ, ни говорить въ глу-

бину сцены. Они должны были *декламировать*, а не *играть*. Гёте измѣнялъ тутъ своему старинному правилу и требовалъ *сначала прекраснаго, а потомъ ужь истиннаго — erst schön, dann wahr*. При такомъ направленіи не мудро было проникнуться сочувствіемъ и къ псевдо-классической французской трагедіи, такъ безпощадно осмѣянной Лессингомъ. И дѣйствительно, Гёте проникся имъ до того, что самъ перевелъ двѣ трагедіи Вольтера: *Магомета* и *Танкреда*.

По смерти Шиллера, дѣятельное участіе Гёте въ управленіи театромъ прекратилось; но власть по прежнему осталась въ его рукахъ неограниченной. Въ концѣ 1813 года оберъ-гофмаршалъ графъ фонъ-Эделингъ назначенъ былъ главнымъ режиссеромъ, а въ 1817 году молодой Августъ фонъ Гёте — помощникомъ директора. Такимъ образомъ управленіе веймарскимъ театромъ сложилось изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, оберъ-гофмаршала и придворнаго пажы. За кулисами дѣла шли не лучше. Актриса Егеманнъ давно уже интриговала противъ Гёте съ цѣлю принудить его отказаться отъ должности директора. Любовница и другъ герцога постоянно находились въ враждебныхъ между собой отношеніяхъ. Безусловная власть Гёте возбуждала страшную зависть въ подчиненной ему актрисѣ, имѣвшей тысячу причинъ быть недовольной строгимъ директоромъ. Трудно было тягаться съ поэтомъ, пользовавшимся любовью, дружбой и неограниченнымъ довѣріемъ герцога; но Егеманнъ чувствовала себя достаточно сильной для такой борьбы и, хотя не скоро, успѣла таки одержать верхъ надъ соперникомъ. Ей помогъ случай.

Въ 1817 году разнесся въ Веймаръ слухъ о необыкновенномъ пуделѣ комедіанта Карстена. Этотъ пудель исполнялъ съ удивительнымъ совершенствомъ «главную роль» въ известной мелодрамѣ *Собака Моптаржи* и вездѣ, гдѣ ни появлялся, въ Парижѣ и въ Германіи, приводилъ зрителей въ неописанный восторгъ. Гёте вообще питалъ отвращеніе къ собакамъ, и вдругъ пришлось ему услышать, какъ бы въ насмѣшку надъ драматическимъ искусствомъ, что игра ученой собаки провозводитъ въ Германіи фуроръ, какимъ не могъ похвалиться ни одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ актеровъ. Можно судить, съ какимъ горькимъ презрѣніемъ встрѣтилъ онъ вѣсть объ успѣхахъ пуделя. Враги между тѣмъ не дремали: они со всѣхъ сторонъ принялись упрямивать Карла Августа, чтобъ онъ пригласилъ Карстена въ Веймаръ и безъ большаго труда получили разрѣшеніе, — герцогъ

самъ страстно любилъ собакъ. Узнавши объ этихъ продѣлкахъ, Гёте гордо замѣтилъ: «Въ правилахъ нашего театра сказано: *Собаки не пугать на сцену*» — и съ тѣхъ поръ не обращалъ на козни противниковъ ни малѣйшаго вниманія. А противники искусно воспользовались его словами, стали говорить, что онъ въ грошъ не ставитъ предписанія герцога, и коварно «удивлялись», какъ можно изъ-за такой бездѣлицы противиться волѣ герцога. Пудель явился. Послѣ первой репетиціи, Гёте объявилъ, что онъ находитъ себя лишнимъ въ театрѣ, на сценѣ котораго разрѣшено собакъ давать представленія, и тотчасъ уехалъ въ Іену. Герцогъ, когда донесли ему объ этомъ поступкѣ, ужасно всякнулъ и въ припадкѣ гнѣва написалъ слѣдующій приказъ, одинъ экземпляръ котораго былъ выставленъ въ театрѣ, а другой отправленъ къ Гёте.

«По донесшимъ до меня несомнѣннымъ слухамъ, я пришелъ къ убѣжденію, что господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Гёте желаетъ быть освобожденнымъ отъ должности театральнаго директора, на каковое освобожденіе симъ изъявляю согласіе.

Карль Августъ.»

Болѣ обидной отставки не могла бы придумать самая отчаянная злоба. Со стороны герцога это была, конечно, простая вешенка, тѣмъ не менѣе ударъ былъ слишкомъ чувствителенъ для Гёте. «Карль Августъ никогда не понималъ меня», воскликнулъ поэтъ, глубоко вздохнувши. Онъ уже рѣшался навсегда покинуть Веймаръ и переселиться въ Ввну, откуда двлали ему блестящія предложенія; но герцогъ, къ чести его будь сказано, быстро раскаялся въ своемъ поступкѣ и написалъ къ Гёте письмо съ просьбою помириться. Туча пронеслась, но никакія убѣжденія не могли заставить Гёте опять вступить въ управленіе театромъ. Онъ простилъ своему другу необдуманнѣйшій поступокъ и неосторожное слово; но сознательная гордость не позволила ему отступить отъ прежняго рѣшенія — не принимать участія въ дѣлахъ театра, опозорившаго себя собачьими представленіями.

Группируя въ одно цѣлое подробности о веймарскомъ театрѣ, мы желали представить читателямъ, вмѣсто отрывочныхъ, разбросанныхъ чертъ, общую картину театральнѣйшей дѣятельности Гёте и потому невольно нарушили хронологическій порядокъ разсказа, пропустили цѣлые годы и событія, къ которымъ сънимъ теперь возвратиться.

Съ 1800 года, т. е. со времени переселенія Шиллера изъ Иены въ Веймаръ, образъ жизни нашего поэта установился довольно правильно. Утромъ Гёте вставалъ обыкновенно въ семь часовъ, иногда и раньше, и до одиннадцати занимался безъ отдыха; потомъ, выпивши чашку шоколату, продолжалъ работать до часу. Въ два часа онъ садился объдать и въ чрезвычайно много, такъ что за объдомъ рѣдко кто могъ потягаться съ нимъ даже въ тѣ дни, когда онъ жаловался на недостатокъ аппетита. Нѣсколько часовъ потомъ проводилъ онъ за бутылкой вина въ веселой болтовнѣ съ друзьями (онъ никогда не объдалъ одинъ), или съ кѣмъ нибудь изъ актеровъ, часто приходившихъ къ нему послѣ объда прочитывать роли и выслушивать его замѣчанія. Какъ уроженецъ прирейнскій, съ дѣтства привыкшій къ вину, онъ весьма жаловалъ рейнвейнъ и ежедневно выпивалъ отъ двухъ до трехъ бутылокъ. Вино замѣняло у него и десертъ, и кофе. Домашняя обстановка его вообще отличалась удивительною простотою во всемъ, даже въ мелочахъ. Такъ, напримѣръ, онъ почти никогда не жегъ восковыхъ свѣчей, хотя свѣчи эти въ то время не были уже рѣдкостью даже въ домахъ людей съ весьма ограниченнымъ состояніемъ. Все-таки Гёте считалъ ихъ роскошью: комнаты его постоянно освѣщались двумя простыми сальными свѣчами. По вечерамъ онъ часто отправлялся въ театръ и въ шесть часовъ пилъ тамъ свой обычный стаканъ пуншу. Если спектакля не было, Гёте оставался дома и принималъ друзей. Въ восемь часовъ садился ужинать, но за ужиномъ не въ почти ничего, кромѣ небольшого количества салата или варенья. Ужинъ оканчивался въ девять часовъ, а въ десять Гёте обыкновенно ложился спать. Спалъ онъ, такимъ образомъ, по девяти часовъ въ сутки и спалъ всегда сномъ крѣпкимъ, здоровымъ.

Слава привлекала къ нему въ домъ множество почитателей. Туристы и литераторы, музыканты и живописцы, ученые и государственные люди, словомъ, почти все пріѣзжіе въ Веймаръ считали непремѣннымъ долгомъ побывать у Гёте и посмотреть на необыкновеннаго чловѣка. Между ними иногда попадались лица, весьма интересныя для нашего поэта; большею же частью его почитатели оказывались людьми утомительно скучными или съ претензіями, чего онъ терпѣть не могъ. Съ тѣми, кто ему нравился, онъ былъ невыразимо любезенъ; съ прочими обходился гордо и сухо. Оттого-то такое разногласіе въ отзывахъ о немъ его современниковъ: одни вспоминаютъ его съ восторгомъ, дру-

гіе, напротивъ, говорятъ о немъ съ озлобленіемъ. Величавый министръ раздражалъ своею холодною тѣхъ, которые являлись къ нему съ надеждой увидѣть пламеннаго поэта. Изъ числа этихъ почитателей многіе принадлежали къ сословію пишущей братіи. Они—то больше всего злились и, разумется, старались мстить «высокомѣрному собрату» пасквилями и эпиграммами. Для примѣра достаточно привести случай, бывший съ нѣмецкимъ поэтомъ Бюргеромъ, которому Гёте оказалъ нѣкогда заочно денежное пособіе. Этотъ господинъ, по пріѣздѣ въ Веймаръ, явился къ нашему поэту и, вмѣсто обыкновеннаго привѣтствія, размахнулся передъ нимъ слѣдующей фразой: «Вы Гёте—я Бюргеръ.» Гёте принялъ его дипломатически вѣжливо и въ то же время дипломатически оффиціально: избѣгалъ всякихъ толковъ о поэзіи и ограничился однимъ разспросомъ о положеніи гёттингенскаго университета и о числѣ тамошнихъ студентовъ. Бюргеръ ушелъ взбѣшенный, написалъ желчную эпиграмму и принялся трубить на всѣ стороны о томъ, какъ обошелся съ нимъ неприступно-гордый, надменно-холодный дѣйствительный тайный совѣтникъ. Публика жадно внимала подобнымъ разсказамъ, принимала ихъ на-слово и, не вникая въ сущность дѣла, повторяла ихъ съ различными добавленіями. Названіе «гордеца» утвердилось за Гёте тѣмъ болѣе, что въ самой осанкѣ поэта, отъ природы горделивой, публика видѣла несомнѣнные признаки необузданнаго высокомерія. Гёте всегда держался прямо, съ поднятой вверхъ головой; осанка его была такъ величественна, что онъ, по словамъ Гейне, казался настоящимъ Зевсомъ—громовержцемъ. При первомъ свиданіи съ нимъ, Гейне до того растерялся, что совершенно забылъ предварительно и съ большимъ стараніемъ обдуманнѣйшій спичъ и, вмѣсто его, пролепеталъ «какую-то фразу о томъ, какъ-де прекрасны сны, которыя растутъ по дорогамъ изъ Іены въ Веймаръ».

Жанъ Поль Рихтеръ тоже сильно трусилъ, готовясь впервые увидѣться съ Гёте. «Я», говоритъ онъ: «съ робостью ждалъ этой встрѣчи. Мнѣ описывали его человѣкомъ холоднымъ и безучастнымъ ко всему на свѣтѣ. Фрау фонъ-Кальбъ говорила, что онъ уже не удивляется ничему, ни даже самому себѣ; каждое слово его—лѣдь; однѣ только диковинки разгорячаютъ нитки его сердца; такъ что я просилъ Кнебея, не можетъ ли онъ превратить меня въ камень, или же окристаллизовать въ какомъ—нибудь

минеральномъ источникѣ для того, чтобъ я могъ представиться въ видѣ статуи или ископаемаго». Эти слова были отголоскомъ бабьихъ сиделень: страсть Гёте къ статуямъ и естественнымъ произведеніямъ казалась веймарскимъ кумушкамъ чѣмъ-то чудовищнымъ. «Домъ его», продолжаетъ Жанъ Поль: «или, вѣрнѣе, его дворецъ понравился мнѣ. Это единственное въ Веймарѣ зданіе въ итальянскомъ вкусѣ. Что за лѣстница! Настоящій Пантеонъ, наполненный картинами и статуями. Я еще больше оробѣлъ. Наконецъ богъ вошелъ, холодный, односложный. — «Французы подвигаются къ Парижу», сказалъ Кнебель. «Гмъ!» сказалъ Гёте. Лицо у него полное и оживленное, въ глазахъ блескъ изумительный. Когда рѣчь зашла объ искусствѣ, онъ расшевелился и сталъ чловѣкомъ. Онъ говорить не такъ увлекательно и плавно, какъ Гердеръ, за то мѣтко, остро и спокойно. Подъ конецъ онъ прочелъ или, вѣрнѣе, продекламировалъ одно неизданное стихотвореніе, при чемъ сердечный огонь пробился у него оквозь наружную ледяную кору: за мой восторгъ онъ поблагодарилъ меня пожатіемъ руки, на прощаніе снова пожалъ мою руку и просилъ меня посвятить его. Ей-Богу, мы полюбимъ другъ друга! Онъ считаетъ свою поэтическую карьеру оконченной. Съ его чтеніемъ ничто не сравнится. Оно напоминаетъ глухіе раскаты грома, смѣшанные съ шумомъ дождевыхъ капель.»

Для сравненія приводимъ отзывъ Жанъ Поля о Шиллерѣ: «Я былъ вчера у Шиллера, отъ котораго все пріѣзжіе бѣгутъ какъ отъ чумы. Онъ сильно изнуренъ, но сложенъ крѣпко и весьма угловато; очень остроуменъ, но не симпатиченъ; говорить такъ же хорошо, какъ пишетъ.» Послѣ этого визита, Рихтеръ ни разу не былъ у Шиллера.

Люди, совершенно чуждые Гёте, имѣли право называть его холоднымъ и недоступнымъ; онъ, дѣйствительно, отталкивалъ ихъ своимъ обращеніемъ: за то привлекалъ къ себѣ всѣхъ, сколько-нибудь близкихъ ему по душѣ; такіе люди постоянно встречали съ его стороны теплое участіе и дружеское довѣріе. Братски привязанный къ Шиллеру и Гердеру, онъ оказывалъ отцовскую любовь и покровительство Гегелю, тогда еще неизвѣстному учителю, и Фосоу, сыну переводчика Гомера. Тѣ, съ которыми онъ сближался, горячо любили его, такъ точно, какъ го-

его ненавидѣли тѣ, которыхъ онъ не допускалъ до сближенія съ собою.

Въ 1800 года Шиллеръ принялся трудиться дѣятельнѣе прежне, съ особеннымъ усердіемъ стараясь побуждать и друга своего къ поэтической дѣятельности; но на этотъ разъ ни примѣръ, ни побужденія Шиллера, не имѣли желаннаго дѣйствія: теоріи и критическаго рода занятія безпрерывно отвлекали Гёте отъ поэзіи. Гёте былъ рефлективнымъ, критическимъ гениемъ, подобно Шиллеру; напротивъ, природа сотворила его поэтомъ непосредственнымъ, инстинктивнымъ. Рефлекція привилась къ нему извнѣ; прочее же корнемъ въ природѣ его поэтическаго генія она не имѣла ни малѣйшаго вліянія. Ея вліяніе на поэта читатели могутъ судить по написанному въ 1800 году третьему дѣйствию второй части *Фауста*, составляющему туманную интермедію съ дочными похождениями Фауста и Елены. Кромѣ *Фауста*, Гёте въ то же время дѣятельно занимался театромъ и наукой. Въ первыхъ числахъ 1801 года онъ заболѣлъ весьма тяжкой и продолжительной болѣзью, сильно встревожившей герцога, друзей и вообще всѣхъ знавшихъ поэта. Болѣзнь эта описана въ приведенномъ уже нами письмѣ баронессы фонъ-Штейнъ *. Черезъ нѣсколько недѣль больной поправился и занялся переводомъ сочиненія Теофраста *О цвѣтахъ*, *Фаустомъ* и трагедіей *Дочь свирѣпца*.

Гёте и Шиллеръ тѣмъ какъ оба вождя нѣмецкой литературы, вступивъ въ братскій союзъ и въ благородное между собою соревнованіе, дружно стремились къ одной общей цѣли, нація раздѣлилась на двѣ враждебныя партіи, начавшія споръ о томъ, кто изъ поэтовъ выше, такъ точно, какъ въ Римѣ художники спорили по поводу Рафаэля и Микель-Анджело. «Трудно оцѣнить одного такого генія,» говоритъ Гёте объ этихъ живописцахъ: «но еще труднѣе оцѣнить обоихъ. Вотъ почему, для выполненія задачи, цѣнители дѣлятся на партіи.» Въ настоящемъ случаѣ партіи горячо и долго враждовали. Нѣмцамъ слѣдовало было считать, что судьба дала имъ возможность похвалиться двумя такими поэтами; но они только о томъ и заботились, какъ

См. статью 4-ую, главу XIV.

*

бы превознести одного на счетъ другаго. Шиллеръ, къ немалому огорченію своихъ поклонниковъ, самъ уступалъ первенство Гёте. Въ одномъ изъ писемъ къ Кёрнеру онъ говоритъ: «въ сравненіи съ Гёте я—жалкій стихоплетъ, *gegen Goethe bin und bleib'ich ein poetischer Lump.*» Но большинство судило иначе: оно ставило Шиллера выше Гёте, по-крайней-мѣрѣ сочувствовало ему больше, нежели его сопернику. Любопытна, говоритъ Гервинусъ, участь произведеній того и другаго поэта: Шиллеръ, писавшій для зрѣлыхъ людей, пользуется любовью преимущественно женщинъ и юношей; Гёте, вѣчно юный и свѣжій, доставляетъ наслажденіе только людямъ зрѣлымъ. Разгадка этого явленія состоитъ въ томъ, что у Гёте вовсе не было той страсти и восторженности, которыми природа въ избыткѣ надѣлила Шиллера. Гёте самъ говорилъ Эккерманну, что его сочиненія никогда не могли сдѣлаться популярными; и дѣйствительно, за исключеніемъ *Фауста* и нѣкоторыхъ мелкихъ стихотвореній, ни одно изъ его произведеній не можетъ сравниться въ популярности съ произведеніями Шиллера.

Въ самый разгаръ вражды между партіями Гёте и Шиллера пріѣхалъ въ Веймаръ Коцебу, нѣмецкій писатель, служившій въ русской службѣ и въ послѣдствіи пострадавшій за честь и правду. Онъ тотчасъ былъ приглашенъ ко Двору, но не былъ допущенъ въ избранный кружокъ Гёте и Шиллера. Самолюбіе его оскорбилось тѣмъ болѣе, что услужливые языки постарались сообщить ему о насмѣшкѣ, которую Гёте позволилъ себѣ надъ нимъ, знаменитымъ драматургомъ, торжественно възваннымъ лаврами въ Берлинъ. Нужно замѣтить, что въ Японіи, кромѣ свѣтскаго Двора императора, есть еще духовный Дворъ далай-ламы. Этотъ Дворъ съ виду не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ государственныхъ; а между тѣмъ втайнѣ верховно править всей Японіей. Гёте, намекая на японскія учрежденія, выразился такъ: «Для Коцебу нѣтъ ни малѣйшей пользы въ томъ, что его приняли при свѣтскомъ Дворѣ, если къ духовному не можетъ онъ получить доступа.» Насмѣшка такъ оскорбила забракованнаго Коцебу, что онъ далъ себѣ слово уничтожить неприязненный Дворъ и замѣнить его другимъ, въ которомъ роль далай-ламы предназначалась Шиллеру.

Небольшой кружокъ, къ которому принадлежали Гёте, Шил-

леръ, Мейеръ, графиня фонъ Эйнзидель, фрейлейнъ фонъ Имгоффъ, фрау фонъ Вольцогенъ и еще нѣсколько избранныхъ веймарскихъ дамъ, составлялъ ту завѣтную среду, куда Коцебу тщетно пытался проникнуть. Члены этого кружка жили довольно дружно, съ общаго согласія установили правила своихъ собраний и строго имъ подчинялись. По прїѣздѣ Коцебу, одна изъ фрейлинъ герцогини Амаліи начала сильно хлопотать о принятіи его членомъ въ кружокъ; но Гёте и Шиллеръ рѣшились ни за что не допускать его въ свое общество и добавили уставъ слѣдующею статьею: «Никому изъ членовъ не дозволяется вводить въ кружокъ постороннее лицо, ни туземца, ни иностранца, безъ предварительно изъявленнаго прочими членами единодушнаго согласія.» Это распоряженіе породило холодность между нѣкоторыми изъ членовъ, не сходящимися въ мнѣніяхъ насчетъ приведенной статьи. Гёте, которому надоели безпрестанно повторявшіяся просьбы о принятіи Коцебу, сказалъ наконецъ такъ: «Законы, разъ признанные, должны быть исполняемы; въ противномъ случаѣ обществу лучше совсѣмъ уничтожиться, и это, быть можетъ, будетъ разумнѣе всего, потому что постоянство всегда трудно, если не скучно, для дамъ.» Дамы, разумется, обидѣлись; а Коцебу принялся еще больше разжигать ихъ. Воспользовавшись отсутствіемъ Шиллера, не задолго передъ тѣмъ уѣхавшаго въ Лейпцигъ, и желая досадить Гёте, онъ подговорилъ своихъ сторонниковъ устроить въ зданіи веймарской ратуши праздникъ торжественнаго възвчанія Фридриха Шиллера. Прежде всего предполагалось сыграть лучшія сцены изъ *Домъ Карлоса*, *Орлеанской Дѣвы* и *Маріи Стюартъ*. Любимица Гёте, графиня фонъ Эйнзидель, перешедшая на сторону его враговъ, должна была играть роль Юанны д'Аркъ, а фрейлейнъ фонъ Имгоффъ—роль королевы шотландской. Софія Моро назначено было прочесть *Письмъ о Колоколѣ*. Коцебу взялъ на себя роль патера Тибо въ *Орлеанской Дѣвѣ*. Кромѣ того, ему предстояло явиться на сцену въ костюмъ литейщика, молотомъ разбить сдѣланную изъ папки форму колокола и открыть бюстъ Шиллера, который дамы должны были увѣнчать лавровымъ вѣнкомъ. Приготовленія къ празднику шли быстро. Весь Веймаръ былъ въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи. Успѣхъ заговора казался несомнѣннымъ. Принцесса Каролина изъявила согласіе присутствовать на торжествѣ. Шиллера настойчиво приглашали участвовать

въ число зрителей, но онъ, будучи за нѣсколько дней до праздника въ гостяхъ у Гёте, сказалъ ему: «Я не пойду, скажусь больнымъ.» На это Гёте не отвѣчалъ ни слова. Онъ совершенно спокойно и молча выслушивалъ рассказы о приготовленияхъ къ торжеству.

«Полагали», говорить Фалькъ: «что этотъ заговоръ породить холодность между двумя великими людьми; особенно, еслибъ простой, доврчивый Шиллеръ попалъ въ разставленные ему сети: но тѣ, которые такъ думали, не имѣли понятія объ этихъ людяхъ. Къ счастью, впрочемъ, весь умыселъ разлетѣлся въ дребезги. Директоры веймарской библіотеки отказались выдать бюстъ Шиллера; бургомистръ отказался уступить для торжества за-ново отдѣланную залу ратуши. Рѣдко выдавался такой печальный, сумрачный день для веселаго веймарскаго общества. Увидѣть лучшія, блистательнѣйшія надежды сокрушенными въ то самое время, когда исполненіе ихъ было такъ близко—не то же ли это, что потерять кораблекрушеніе въ виду самой пристани? Представьте себѣ страшное количество крену, дымки, лентъ, кружевъ, ожерелій, цвѣтовъ, заготовленныхъ прелестнымъ поломъ и вдругъ оказавшихся совершенно бесполезными, не говоря уже о папкѣ для колокола, о холстѣ, краскахъ, кистяхъ для декорацій, о восковыхъ свѣчахъ для иллюминаціи и т. д. Подумайте о напрасной тратѣ времени и труда, убитыхъ на изученіе такого множества и такихъ разнообразныхъ ролей; вообразите себѣ величественную Орлеанскую Дѣву, очаровательную королеву шотландскую, прелестную Агнесу, вдругъ принужденныхъ сойти съ высоты величія, отложить въ сторону шлемъ и мечъ, корону и скипетръ, нарядное платье и украшенія—и вы согласитесь, что жесточе судьбы никогда не бывало.»

Вскорѣ послѣ того, 13 іюня 1802 года, сынъ Гёте былъ конфирмованъ по обрядамъ евангелическо-лютеранской церкви. Конфирмацію совершалъ Гердеръ. Это обстоятельство еще разъ облизло Гердера съ Гёте, отъ котораго онъ, мучимый завистью къ тѣсной дружбѣ нашего поэта съ Шиллеромъ, въ последнее время замѣтно отдался. Онъ всегда былъ вздорно самолюбивъ и раздражителенъ: въ молодости завидовалъ дружбѣ Гёте съ Меркомъ; въ старости, когда желчь усиллась въ немъ, еще болѣе сталъ завидовать отношеніямъ Шиллера къ Гёте. Менависть къ

Шиллеру онъ перенесъ даже на кумиръ поэта, на Канта и всѣхъ его послѣдователей. Успѣхъ на сценѣ шиллерова *Валленштейна* подвѣствовалъ на него такъ, что онъ чуть не заболѣлъ отъ злости. Гёте, никогда не перестававшій уважать въ немъ многія прекрасныя качества, говорилъ: «Придешь къ нему — не нарадуешься его кротостью; уходишь отъ него всегда оскорбленный его горечью.» Было время, когда имя Гёте не произносилось въ семействѣ Гердера иначе, какъ съ колкими замѣчаніями; а между тѣмъ жена Гердера писала Кнебелю: «Поблагодаримъ Бога за то, что Гёте живъ еще. Безъ него Веймаръ былъ бы несносенъ.» Сближеніе, порожденное конfirmaціей гётева сына, продолжалось не долго. Гёте и Гердеръ прожили въ Іенѣ нѣсколько дней вмѣстѣ и затѣмъ разстались навсегда. Въ декабрь 1803 года Гердеръ умеръ.

Бесѣды съ Риттеромъ о естествознаніи, съ Лодеромъ о сравнительной анатоміи, съ Гимли объ оптикѣ и собственныя наблюденія Гёте надъ луною внушили ему планъ большой поэмы (*О Природѣ вещей (De Natura Rerum)*); но планъ этотъ, подобно множеству другихъ, такъ и остался планомъ. Знакомство съ Августомъ Вольфомъ увлекло нашего поэта въ занятія древностями; въ то же время принялся онъ съ жаромъ записнаго филолога изучать по Фоссу основанія и свойства метрическаго стихосложенія. Не странно ли, что величайшій поэтъ новѣйшаго времени, такъ музыкально владѣвшій всевозможными стихотворными размѣрами, старался теоретически изучить то, въ чемъ отъ природы былъ неподражаемымъ мастеромъ? Эта черта характеризуетъ новую тенденцію Гёте—наклонность къ теоріи даже въ области поэзіи.

Трагедія *Дочь Любви (Die natürliche Tochter)*, оконченная въ 1803 году, была прямымъ слѣдствіемъ этой тенденціи. Въ ней—разнительное отечество жизни и силы, въ слѣдствіе чего она, по выраженію А. Шлегеля, «какъ мраморъ гладка и холодна какъ мраморъ». Шиллеръ однако восхищается ею и писалъ Гумбольдту: «Высокій символизмъ, проведенный въ ней такимъ образомъ, что грубаго матеріала совсѣмъ не видно, а каждая мелочь составляетъ необходимую часть идеальнаго цѣлаго, истинно изумительнъ. Онъ исполнъ художественъ и потому силою правды проникаетъ въ сокровеннѣйшую глубь челоуьческой природы.»

Фихте, по словам Фарнгагена фонъ-Энзе, тоже принадлежалъ къ числу поклонниковъ этой трагедіи и признавалъ ее мастерскимъ произведеніемъ. Розенкранцъ печатно удивлялся, за что публика почти единодушно осудила *Дочь Любви*. «Какой паеость, какая теплота, какое трагическое величіе!» восклицаетъ онъ. Тѣ же слова готовы повторить и мы—только въ шутку. Трагедія Гёте, какъ замѣчено, безжизненна и холодна; самая похвала ей со стороны Шиллера подтверждаетъ справедливость общаго приговора. Какъ бы ни прославляли философы и критики то драматическое произведеніе, все достоинство котораго заключается въ «высокомъ символизмѣ», — искусство не признаетъ его своимъ дѣтищемъ. Драматическое, какъ и всякое другое литературное, произведеніе можетъ заключать въ себѣ матеріалъ для символическаго толкованія; но поэтъ, поставляющій символизмъ сущностью и целью поэтическаго произведенія, ложно понимаетъ свое призваніе. Вся греческая драма *перетолкована* въ символы новѣйшими учеными; но еслибы греческіе драматурги дѣйствительно писали съ такою целью, какая открыта толкователями, произведенія ихъ навѣрное не дожили бъ до того, чтобъ имѣть толкователей.

Въ декабрь 1803 года Веймаръ удостоился посѣщенія госпожи Сталь. Наполеонъ выслалъ ее изъ Франціи, а Бенжаменъ Констанъ, ея товарищъ по изгнанію, привезъ ее въ германскія Аены для того, чтобъ она могла увидѣть и лично узнать тѣхъ людей, съ которыми должно было ознакомить французовъ известное ея сочиненіе *De l'Allemagne*. Осмѣять госпожу Сталь, назвать ее, какъ сдѣлалъ Гейне, «смерчемъ въ юпкахъ» и «бабушкой доктринеровъ» — легко: она, дѣйствительно, стояла такихъ названій; но все-таки нѣмцы должны быть благодарны ей за ея книгу, до-сихъ-поръ остающуюся однимъ изъ лучшихъ сочиненій, писанныхъ о Германіи. Гёте и Шиллеръ, которыхъ она осаждала неугомонной болтовней, отзывались о ея умѣ съ большимъ уваженіемъ. Шиллеръ говорилъ, что изъ всѣхъ существъ, которыхъ онъ видѣлъ, она была «самымъ болтливымъ, спорливымъ и вертлявымъ, но въ то же время самымъ образованнымъ и даровитымъ.» Разница между ея французскимъ и его нѣмецкимъ воспитаніемъ и трудность, съ которой онъ выражался по-французски, не помѣшали ему весьма интересоваться личностью этой остроумной, блестящей женщины. Въ письмѣ къ Гёте онъ рисуетъ

ее слѣдующимъ образомъ: «Она желаетъ все объяснить, понять, измѣрить, не признаетъ ничего темнаго, ничего недоступнаго; а чего факель ея не можетъ освѣтить, то для нея совсѣмъ не существуетъ. Оттого-то питаетъ она страшное отвращеніе къ идеальной философій, которая, по мнѣнію ея, ведетъ къ мистицизму и суевѣрію. Это — азотъ, въ которомъ она задыхается. Способности чувствовать то, что мы зовемъ поэзіей, она не имѣетъ; изъ поэтическаго произведенія можетъ усвоивать себѣ только страстныя, витіеватыя, общедоступныя мѣста. Она не поклоняется ничему ложному, но не всегда распознаетъ истинное.»

Герцогиня Амалия была очарована ею; а герцогъ написалъ Гёте, бывшему тогда въ Іенѣ, письмо, въ которомъ просилъ поскорѣ пріѣхать, потому что гостя весьма желала его увидѣть. На это Гёте отвѣчалъ положительнымъ отказомъ. Онъ говорилъ, что если ей угодно видѣть его и пріѣхать въ Іену, пріемъ ей будетъ оказанъ самый радушный; покойное помѣщеніе и незатѣйливый обѣдъ будутъ готовы къ ея услугамъ; каждый день, послѣ обычныхъ занятій, онъ, Гёте, будетъ радъ проводить съ нею нѣсколько часовъ; но пріѣхать ко Двору и появиться въ обществѣ, онъ рѣшительно не можетъ, потому что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ. Въ началѣ 1804 года, покончивши свои дѣла въ Іенѣ, онъ пріѣхалъ въ Веймаръ и тамъ познакомился съ госпожею Сталь, т. е. принялъ ее у себя, сначала *tête-à-tête*, а потомъ въ присутствіи небольшого кружка друзей.

Ея парадоксы и остроты иногда расшевеливали поэта, но только иногда, обыкновенно же онъ былъ холоденъ и формаленъ съ нею, больше даже, нежели съ другими знаменитостями. Причина имъ объяснена. Не задолго до знакомства съ госпожею Сталь, ему попалась въ руки изданная въ 1803 году переписка Руссо съ двумя дамами, которыя, прикинувшись поклонницами философа, сначала вкрались въ его довѣренность, такъ что онъ въ письмахъ къ нимъ разоблачилъ нѣкоторыя изъ своихъ слабыхъ сторонъ, а потомъ онъ предательски напечатали эти письма. Госпожа Сталь какъ-то проговорила передъ нашимъ поэтомъ, что она намѣрена со временемъ напечатать рассказъ о всѣхъ подробностяхъ ея знакомства съ нимъ. Этого было достаточно для того, чтобы Гёте почувствовалъ себя неловко въ ея обществѣ. Хотя она и говоритъ, что онъ «un homme d'un esprit

prodigieux en conversation.... Quand on le sait faire parler il est admirable» *; но это былъ не настоящій Гёте,—настоящимъ она его никогда не видала. Съ помощью ума и шампанскаго, ей удавалось заставить его говорить блистательно; но ни разу она не заставила его говорить серьезно. 29 февраля было праздникомъ какъ для Гёте, такъ и для Шиллера: въ этотъ день го-сножа Сталь уехала изъ Веймара.

Остальные мѣсяцы 1804 года не представляютъ ничего замѣчательнаго въ біографіи нашего поэта, кромѣ того, что онъ въ теченіе этого времени переводилъ неизданное сочиненіе Дидро подъ заглавіемъ *Племянникъ Рамо* (*Rameau's Neffe*) и началъ прекрасную статью о *Виккельманнѣ*. Въ началѣ 1805 года у него явилось смутное предчувствіе смерти; мысль о томъ, что въ этомъ году непременно долженъ умереть или самъ онъ, или Шиллеръ, не давала ему покоя. Оба они были опасно больны. Шиллеръ, оправившись немного отъ послѣдняго припадка, тотчасъ пошелъ навѣстить больного друга. Увидѣвши Гёте, онъ отъ волненія не могъ вымолвить ни слова. Началась гнѣвая, но выразительная сцена: друзья-поэты бросились на встрѣчу другъ другу, горячо, безъ словъ, обнялись и продолжительнымъ поцѣлуемъ выразили взаимную радость. Оба они надѣялись, что съ весною вернутся къ нимъ и здоровье и силы. Шиллеръ, между тѣмъ, принялся за переводъ *Федры Расина*; Гёте, съ своей стороны, продолжалъ переводить *Племянника Рамо* и писалъ *Исторію Теоріи Цвѣтовъ* (*Geschichte der Farbenlehre*).

Весна наступала, но Шиллеру не суждено было любоваться ею. 30-го апрѣля друзья видѣлись въ послѣдній разъ. Вечеромъ того дня Шиллеръ отправился въ театръ. Гёте, чувствуя себя нездоровымъ, не могъ ему сопутствовать и простился съ нимъ у дверей его дома. Вслѣдъ за тѣмъ Шиллеру сдѣлалось хуже; бользнь заставила его лечь въ постель. Сильно затосковалъ его другъ, мучимый тяжелымъ предчувствіемъ. Фоссъ однажды засталъ его глубоко взволнованнымъ: Гёте ходилъ взадъ и впередъ по саду и по временамъ глухо стоналъ. При видѣ Фосса, онъ овладелъ собой и, выслушавши рассказъ о положеніи Шил-

* «Человѣкъ ума удивительнаго въ разговорѣ.... Когда съумѣешь заставить его разговариваться, онъ—великолѣпнѣе».

лера, сказалъ только : « Судьба безжалостна, а человекъ безсиленъ ».

Предчувствія его, казалось, оправдаются вполнѣ. Ему самому становилось хуже. Въ Шиллеръ жизнь быстро убывала. 8-го мая доктора объявили его состояніе безнадежнымъ. « Сонъ его въ эту ночь былъ тревоженъ ; мысли снова начали путаться ; къ утру онъ потерялъ всякое сознание, сталъ говорить безсвязно и преимущественно по-латыни. Послѣднимъ его питьемъ было шампанское. Въ третьемъ часу послѣ обѣда началось предсмертное истощеніе; дыханіе стало прерываться. Въ четвертомъ часу онъ хотѣлъ попросить нефти, но послѣдній слогъ замеръ у него на устахъ. Чувствуя себя безгласнымъ, онъ знаками выразилъ, что хочетъ написать что-то ; но рука его могла начертить только три буквы, въ которыхъ все еще можно было распознать обыкновенный его почеркъ. Жена стала подлѣ него на колыни ; онъ пожалъ ей руку. Его свояченица, вмѣстѣ съ докторомъ, стояла по другую сторону кровати и прикладывала къ холодяющимъ ногамъ умирающаго горячія припарки. Вдругъ какъ бы электрическій ударъ потрясъ весь его организмъ; голова упала назадъ, и лицо его приняло выраженіе глубочайшаго спокойствія. Можно было подумать, что онъ заснулъ тихимъ сномъ.

« Вѣсть о смерти Шиллера быстро распространилась по всему Веймару. Театръ былъ закрытъ. Народъ собирался толпами. Каждый чувствовалъ какъ бы потерю лучшаго друга. Истощенному долгой болѣзью и снова занемогшему Гёте никто не рѣшался сообщить о смерти его возлюбленнаго соперника. Когда новость дошла до Генриха Мейера, бывшаго въ то время у Гёте, Мейеръ поспѣшилъ удалиться, боясь, что не будетъ въ состояніи сдержатъ выраженія скорби. Ни у кого не доставало духу нанести поэту первый ударъ. Гёте замѣтилъ, что его домашніе въ какомъ-то замѣшательствѣ и какъ будто стараются избѣгать его. Онъ отчасти догадался въ чемъ дѣло и сказалъ: « Я вижу — Шиллеру должно быть очень плохо ». Въ ту ночь родные Гёте подслушали, что онъ — этотъ невозмутимо-спокойный человекъ, казавшійся выше человѣческихъ страстей, ни передъ кѣмъ не обнаружившій, какую скорбь онъ чувствовалъ, когда сынъ его умеръ — родные подслушали, что Гёте плакалъ! На другое утро онъ спросилъ одного изъ своихъ дру-

зей: «Правда ли, что Шиллеру было вчера очень худо?» Другъ (то была женщина) зарыдалъ. «Онъ умеръ», проговорилъ Гёте чуть слышно. «Да», было отвѣтомъ. «Онъ умеръ», повторилъ Гёте и закрылъ лицо руками» *.

«Половина моего существа навсегда отъ меня отделилась», писалъ онъ Цельтеру. Первою его мыслью было продолжать *Димитрія Самозванца* въ томъ самомъ духъ, въ которомъ задумалъ эту драму Шиллеръ; но попытка оказалась тщетной. Гёте ничѣмъ не могъ заниматься. «Въ дневникъ моемъ», говоритъ онъ: «нѣтъ ни слова объ этомъ періодъ; бѣлыя страницы означаютъ пробѣлы въ моей душѣ. Меня ничто тогда не занимало».

* Бульверъ—*Life of Schiller*.

ДОКТОРЪ ФРАНСІА.

Статья Карлейля.

Южно-Американская революція, или взриве рядъ революцій, какъ и самый Южно-Американскій материкъ, составляютъ замѣчательное явленіе. Объ этихъ событіяхъ писали многотомныя книги; заглавія ихъ читатель найдетъ въ концѣ этой страницы; но плохія книги, какъ извѣстно, плохо знакомятъ съ предметомъ, о которомъ трактуютъ; потому лица, игравшія главную роль въ этихъ событіяхъ еще мало извѣстны по сию сторону Атлантическаго океана.

Знаете ли вы, напримѣръ, кто былъ Итурбиде? Это былъ «мексиканскій Наполеонъ», великій человекъ въ этой узкой странѣ; онъ издалъ знаменитую конституцію (оставшуюся безъ приложенія къ дѣйствительности), былъ мексиканскимъ императоромъ, подъ именемъ Аугустина I; былъ низверженъ, изгнанъ въ Легорнъ; потомъ возвратился въ Америку, высадился въ Тампико, былъ встрѣченъ здѣсь врагами и разстрѣлянъ; вотъ въ короткихъ словахъ все, что знаетъ свѣтъ объ этомъ Наполеонѣ мексиканскомъ, злополучнѣйшемъ Аугустинѣ первомъ и последнемъ. Онъ издалъ свои мемуары; но ихъ тогда мало читали, теперь вовсе не читаютъ. Забвеніе и Панамскія степи поглотили славаго Аугустина перваго: *vate saguit sacro*.

А Боливаръ, «колумбійскій Вашингтонъ», освободитель Боливаръ?—слава его вмѣстѣ съ нимъ ушла въ могилу. Печальныя литографіи остались единственными памятниками его существованія; на нихъ вы видите человека съ продолговатымъ лицомъ, четырехугольнымъ лбомъ, съ суровымъ, задумчивымъ, *созна-тельно* задумчивымъ видомъ, съ умѣренно загнутымъ носомъ,

и выдавшимися челюстями, съ вналыми полузакрытыми глазами (последнее обстоятельство мы охотно приписываемъ невѣрности литографіи); — таковъ былъ освободитель Боливаръ, колумбійскій Вашингтонъ, совершившій не мало геройскихъ подвиговъ, испытавшій много всякихъ невзгодъ; этотъ человекъ умеръ и забытъ; — и просвѣщенная европейская публика знаетъ о немъ только то, что унылая литографія представляетъ его съ полузакрытыми глазами. Какъ будто этотъ человекъ не предводительствовалъ кавалеристами, которые, покрывшись одвялами, носились, иногда съ отчаяннымъ видомъ, во всѣ стороны, разнося повсюду войну «не на животъ, а на смерть!» Кавалеристы колумбійскаго Вашингтона всегда покрывались одвялами или *пачосами* (*ponchos*), какъ называютъ ихъ въ Южной-Америкѣ; это четырехугольное одвяло съ небольшимъ прорѣзомъ въ серединѣ; въ этотъ прорѣзъ вы можете продѣть голову, и одвяло или пачось — что совершенно все равно — покроетъ васъ до коленъ. Многіе кавалеристы не употребляли никакой другой одежды, — да едва ли имъ и нужна была какая-нибудь одежда въ этомъ жаркомъ климатѣ — и, вступая въ бой, наматывали одвяла на руку, что придавало имъ весьма красивый видъ.

Пѣхота и артиллерія ни въ чемъ не уступали кавалеріи. Съ этими храбрыми воинами Боливаръ проходилъ черезъ знойныя пустыни и топкія болота, черезъ льдистыя ущелья, лежащія выше черты постоянныхъ морозовъ, и всюду сражался за освобожденіе; онъ сдѣлалъ на своемъ вѣку больше миль, чѣмъ Улиссъ, и мы предоставляемъ новому Гомеру воспѣть его странствованія. Онъ нѣсколько разъ прошелъ черезъ Анды — подвигъ, напоминающій Аннибала; — но онъ не думалъ объ этомъ. Его не разъ разбивали въ пухъ, прогоняли съ твердой земли; но онъ опять возвращался и опять начиналъ свирѣпую войну. Потомъ, одержавъ «безсмертную побѣду» у Карабабо и другую еще болѣе «безсмертную» у Айкаучо въ Перу, гдѣ старая Испанія послѣдній разъ жгла порохъ, — бѣжалъ и уже не возвращался. А чѣмъ бы могъ быть этотъ Боливаръ, еслибъ остался въ живыхъ! Онъ непременно былъ бы освободителемъ, диктаторомъ, даже императоромъ. Три раза слагалъ онъ съ себя обязанности диктатора въ торжественномъ собраніи колумбійскаго парламента, причѣмъ говорилъ краснорѣчивѣе Вашингтона; и потомъ опять принужденъ былъ принимать ихъ; потому что былъ необходимый человекъ. Три, или по-крайней-мѣрѣ два раза учреждалъ онъ кон-

статуціи; состоявшія «изъ двухъ палатъ и верховнаго правителя, избираемаго по смерти, съ правомъ назначать наследника»; но народъ нашель ихъ неудобными для себя и отвергъ. Онъ хорошо былъ извѣстенъ въ Парижъ; его выдывали въ политико-экономическихъ собраніяхъ и на веселыхъ парижскихъ *soirées* сомнительнаго свойства; а осенью 1825 года, въ годъ своей смерти, «при колокольномъ звонѣ и громѣ пушекъ», этотъ же самый Симонъ Боливаръ, «окруженный несметными толпами пернатыхъ Индѣйцевъ, торжественно вступилъ въ Потози». Такъ повѣствуетъ объ этомъ достопамятномъ событіи генералъ Миллеръ въ своихъ мемуарахъ. Не стоитъ ли эта исторія Одиссея, или по-крайней-мѣрѣ тѣхъ чернилъ, которыми написана Одиссея?

А генералъ Санъ-Мартинъ—о немъ тоже есть что поразсказать. Двадцать лѣтъ тому назадъ, а можетъ быть и больше, когда Майерсъ сообщилъ намъ послѣднее извѣстіе о генералѣ Санъ-Мартинѣ, у него былъ въ Мендозѣ хорошенкій домикъ и въ этомъ домикѣ висѣлъ его портретъ между портретами Наполеона и герцога Веллингтона. Изъ Мендозы, веселаго, улыбающагося, но плохо выстроеннаго города, лежащаго на восточной сторонѣ Андозъ, «прорываннаго тѣнистой, хорошо вымощенной и чисто выметенной алеей, гдѣ всякій безпрепятственно можетъ прогуливаться»,—въ одну сторону открывается необозримый горизонтъ дикихъ памповъ, съ другой—громоздится скалистые хребты, называемыя здѣсь *Cordillera*, съ вершинами, гордо поднятыми подъ небеса, увѣнчанными вѣчными снѣгами или темными тучами вулканическаго дыма, выходящаго изъ ихъ нѣдръ;—въ этомъ городкѣ жилъ некогда генералъ *ex*-генералиссимусъ Санъ-Мартинъ, передумывая о прошлыхъ событіяхъ, заглававшихъ полміра, и любясь своимъ портретомъ, висящимъ между портретами Наполеона и герцога Веллингтона.

Слышали ли вы, читатель, что-нибудь о переходѣ Санъ-Мартина черезъ Анды? Нѣтъ?—О, это подвигъ, достойный вниманія; нисколько не уступающій переходу Аннибала черезъ Альпы, такъ какъ извѣстно, что во времена пуническихъ войнъ еще не было ни Симплонской; ни Монъ-Сенисской дороги. Это случилось въ 1817 году. Южно-Американскіе солдаты мало обращаютъ вниманія на неудобопроходимость дорогъ, ведущихъ черезъ андскія ущелья; когда жители Буэносъ-Айреса выгнали Испанцевъ и учредили у себя независимое царство, правда, не совсѣмъ надежное царство, тогда явилась мысль, что было бы

весьма не дурно выгнать испанцевъ и изъ Чили и на мѣсто ихъ учредить также независимое царство; генералу Санъ-Мартину, командовавшему войсками въ Мендозѣ, поручено было исполнить этотъ замыселъ. Санъ-Мартинъ началъ издавѣка свои приготовления: между-тѣмъ, какъ въ Мендозѣ собирались его войска, въ крѣпостцу Санъ-Карлосъ, лежащую нѣсколькими десятками миль южнѣ Мендозы, онъ пригласилъ окрестныхъ Индѣйцевъ, разныхъ племенъ, и на крѣпостной экспланадѣ задалъ имъ пиръ или *palaver*, какъ они называютъ. По словамъ генерала Миллера, церемоніи и бесѣда Санъ-Мартина съ пернатными гостями были довольно необыкновенны; еще необыкновеннѣе было заключеніе этого праздника, продолжавшагося три дня и три ночи, — праздника, на которомъ лошадиное мясо было единственнымъ блюдомъ, а лошадиная кровь съ водкой, или безъ водки — *ad libitum* — питьемъ; и то, и другое поглащалось съ аппетитомъ, похожимъ на жадность, и вы можете себѣ представить ближайшіе результаты невоздержанности. Благоразумныя женщины старались удалить всякія орудія, которыми пирующие могли бы нанести вредъ себѣ или другимъ; кромѣ того «пять или шесть изъ этихъ бѣдныхъ женщинъ обязаны были оставаться въ трезвомъ состояніи и поочередно наблюдать за остальными»; такъ что во время пиршества соблюдено было должное благочиніе, и только два или три человека лишились возможности возвратиться домой, потому что были убиты въ слѣдствіе ссоры.

Истребивъ такимъ образомъ порядочное количество лошадиного мяса, крови и водки и, поклявшись въ вѣчной дружбѣ къ Санъ-Мартину, Пегуенцосы разошлись по домамъ и извѣстили его враговъ, что именно по такой-то дорогѣ и въ такое-то время онъ перейдетъ черезъ Анды. Бѣдный генералъ Санъ-Мартинъ! скажете вы. — Онъ это предвидѣлъ; о, генералъ Санъ-Мартинъ! проницательный человекъ, его не легко провести! Онъ тотчасъ приказалъ ускорить приготовленія, роздалъ солдатамъ ранцы и сумы, повѣсилъ на жердѣ свою артиллерію, осѣдлалъ муловъ, осторожно вышелъ изъ Мендозы и пошелъ въ Чили *другою* дорогой. Вотъ какой умный человекъ былъ этотъ генералъ Санъ-Мартинъ! Генералъ Миллеръ говоритъ, что его переходъ черезъ Анды затмеваетъ все подвиги этой войны. Длинная линія солдатъ (ихъ было слишкомъ шесть тысячъ), муловъ и обоза извивается въ ущельяхъ горъ, нарушая могильную тишину, искони

царствующую въ этихъ недостижимыхъ мѣстахъ. Передъ вами вьется узкая тропинка и исчезаетъ въ каменномъ лабиринтѣ; съ одной стороны надъ вашей головой виситъ колоссальная скала, съ другой—у самыхъ ногъ реветъ горный потокъ, мечетъ искристой водяною пылью, прыгаетъ со скалы на скалу и кидается въ бездонную пропасть; надъ вами воетъ немолчный вѣтеръ и тысячеголосное эхо вторитъ ему по ущельямъ. Кругомъ васъ грозоздятся одна на другую скалистые горы и, пробиваясь своими вершинами сквозь облака, скрываютъ отъ вашихъ глазъ узкую тропинку. Вотъ крутой поворотъ; берегитесь, одинъ неосторожный шагъ, и мрачная пасть бездны поглотитъ васъ и дикій вѣтеръ провоеетъ надъ вами вѣчную память. По всячиму мостамъ, сдѣланнымъ изъ бамбука и кожи, проходить безопасно, не смотря на то, что они какъ качели колеблются подъ вашими ногами; тутъ по-крайней-мѣрѣ есть люди, которые ловко накинутъ на васъ арканъ и, какъ рыбу, вытащатъ изъ потока, если вы туда попали.

Черезъ такую страну шелъ храбрый Санъ-Мартинъ сражаться съ Испанцами за независимость Чили. Въмѣсто обозныхъ телегъ у него были *sorras*, санки и ящики изъ сухой бычачьей кожи, похожіе на лодку; вмѣсто лафета служили спины муловъ, — каждую пушку несли два мула: на вьючномъ сѣдлѣ передняго мула крѣпко-на-крѣпко привязана длинная и толстая жердь; другой конецъ (раздвоенный, конечно,) этой жерди также точно привязанъ на сѣдлѣ задняго мула, а посерединѣ на крѣпкихъ ремняхъ болтается ваша пушка и путешествуетъ совершенно безопасно. У каждаго солдата въ ранецъ было на восемь дней провизіи: говядина, истертая въ сухой порошокъ, перецъ, сахаръ, или просто маисная мука, «порядочный запасъ чесноку и луку»; парагвайскій чай, въ которомъ тоже не было недостатка, варили на хворостъ или на сухомъ навозѣ. Все другое было строго воспрещено; съ наступленіемъ ночи солдаты ложились спать; пончосы служили имъ одяломъ, сѣдла — подушкой, дневной трудъ—колыбельной пѣсней, небесный сводъ—шатромъ; они не замѣчали, что ложе ихъ было жестко, и скоро ночная тишина наполнялась мелодическими звуками носовой симфоніи, аккомпанирующей обыкновенно безмысленнымъ картинамъ и образамъ, создаваемымъ сонной фантазіей. А тамъ, въ Пампасахъ, они оставили матерей, женъ, любовницъ,—и чего тамъ не оставили они? За то чего не найдутъ они въ Чили, если только благополучно

переберутся черезъ этотъ ужь слишкомъ высокій заборъ, называемый Андами? Между тѣмъ они съежившись лежатъ подъ пончосами, совые, утомленные дорогой, съ трудомъ преодолеваютъ сонъ; мулы, привязанные къ кустарникамъ, жуютъ свое овно или дремлютъ, покачиваясь на трехъ ногахъ; у костровъ не достанетъ огня, чтобъ зажечь сигару; Кантусъ и южный крестъ сияютъ въ небесахъ;—а храбрые воины храбраго генерала Санъ-Мартина покоятся глубокимъ сномъ среди гранитной пустыни и вѣчныя звезды олушаютъ ихъ носовой концертъ! Неосмотрительные солдаты съели свою недѣльную провизию въ первые четыре дня и послѣдніе три дня должны были голодать; это также предвидѣлъ проницательный генераль Санъ-Мартинъ; онъ зналъ, что эти грубые Гуачосы легко перенесутъ голодъ, мало того, онъ былъ убѣжденъ, что голодъ ускоритъ ихъ лѣзвые шаги. Санъ-Мартинъ не ошибся въ расчетъ; дѣйствительно, на разсвѣтъ восьмага дня они, какъ клокочущій потокъ лавы, бросились съ горъ прямо на Санъ-Яго, къ великому изумленію жителей, спокойно почивавшихъ съ своихъ мягкихъ и теплыхъ постеляхъ, и привели въ ужасъ Испанцевъ, вовсе не ожидавшихъ нападенія съ этой стороны; потомъ, сдѣлавъ нѣсколько необходимыхъ маневровъ, разбили ихъ на поляхъ Мейнскихъ, въ слѣдъ за тѣмъ на высотахъ Чакабуко, и «освободили Чилійцевъ»—на вѣки, думали легковѣрные люди.

Увы! освобожденіе Чили было начато, но еще далеко не кончено. Послѣ многихъ попытокъ завоевать независимость, Чилійцы до-сихъ-поръ ждутъ своего освободителя. Попытка Санъ-Мартина освободить Перу, соединить его съ Чили и такимъ образомъ сдѣлаться Вашингтономъ-Наполеономъ, была безуспѣшна. Нужно очень немного, чтобъ возбудить человѣческую подозрительность; Чилійцы послали за освободителемъ Боливаромъ и, пока тотъ пришелъ, здѣсь разыгралось двѣ или три революціи: храбраго генерала Санъ-Мартина попросили убраться во-свося; онъ спокойно, не торопясь, возвратился въ Мендозу, гдѣ его портретъ виситъ между портретами Наполеона и Веллингтона. Майерсъ говоритъ, что онъ былъ краснорѣчивый, услужливый, а главное, ловкій человекъ. Почему Чилійцы не признали въ немъ своего Наполеона?—Они пошли дальше, и до-сихъ-поръ нашли мало хорошаго.

Вотъ, на примѣръ, славный генераль О'Гиггинсъ. Послѣ многихъ затрудненій ему, наконецъ, удалось сдѣлаться диктаторомъ въ

Чили; его стали преслѣдовать разными частными узаконеніями;— что оставалось дѣлать?—Ничего! О'Гиггинсъ, какъ доказываетъ самая фамилія, ирландецъ по происхожденію, и хотя родился въ Чили и былъ побочный сынъ донъ Амброзіо О' Гиггинса, бывшаго испанскимъ вице-королемъ въ Чили, однакожь сохранилъ черты ирландской породы: красивое, веселое лицо, сіяющее добродушіемъ и самодовольствомъ, и неугомонную дѣятельность во время войны и мира. О его походахъ, войнахъ, маневрахъ, побѣдахъ пусть пишутъ любимцы музъ; мы, въ качествѣ холоднаго историка, заметимъ о немъ слѣдующее: отецъ этого О'Гиггинса, донъ Амброзіо О'Гиггинсъ, оказалъ чилийцамъ великую услугу. До прибытія его въ Чили, т. е. почти за полстолѣтія, отъ Панама до мыса Горна не было ни одной порядочной дороги; въ настоящее время, мы увѣрены, кромѣ дорогъ, выстроенныхъ имъ, да старыхъ узкихъ (всего въ три фута) шоссе, принадлежащихъ Инкамъ, теперь совершенно заброшенныхъ,—здѣсь вовсе нѣтъ дорогъ. Донъ Амброзіо дѣятельно занимался проведеніемъ дорогъ и оказалъ большое искусство и предусмотрительность. Между Санъ-Яго и Вальпарайзо, гдѣ были только тропинки, вытоптанныя крѣпкими копытами вьючныхъ муловъ, съ громомъ катаются телеги и всякіе другіе экипажи. Мало того, изъ такихъ же тропинокъ, вьющихся въ андскихъ ущельяхъ, онъ образовалъ удобные проходы; онъ даже позаботился о *sasichas*. По дорогамъ, ведущимъ чрезъ негостепріимныя андскія высоты, на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ѣзды, онъ выстроилъ красивенькіе кирпичные домики или *sasichas*, въ которыхъ путешественникъ могъ найти безопасный пріютъ и пищу; здѣсь «въ желѣзныхъ ящикахъ хранилась толченая говядина, или другая провизія, въ другомъ ящикѣ—каменный уголь»; поторговавшись съ начальникомъ почтъ, путешественникъ получалъ ключъ отъ этихъ ящиковъ и пользовался этими благами сколько душъ угодно. Тутъ же онъ находилъ огниво и трутъ, желѣзный котелокъ и воду изъ ближняго ручья, разводилъ вечеркомъ огонь, варилъ себѣ трапезу и насыщался среди безлюдной пустыни, благословляя заботливаго губернатора О'Гиггинса.

Съ искреннимъ сожалѣніемъ узнали мы отъ господина Майерса, что во время последней войны за независимость О'Гиггинсовы *sasichas* были почти разрушены. Патриоты—солдаты, которыми, вѣроятно, понадобилось болѣе огня, чѣмъ сколько могъ доставить каменный уголь, хранившійся въ ящикахъ, безъ за-

зрѣнія совѣсти истребили всѣ двери, косяки, оконныя рамы; теперь въ этихъ хорошенькихъ домикахъ свободно гуляетъ ветеръ и путешественникъ, застигнутый бурей, не находитъ уже въ нихъ приюта и, конечно, не благословляетъ патриотовъ, воевавшихъ за независимость!

Въ послѣднее время не только горные проходы, но и дороги, идущія по гладкимъ равнинамъ, стоявшія О'Гиггинсу не мало труда, оставлены безъ вниманія и сдѣлались также неудобопроходимыми, какъ прежнія тропинки, по которымъ ходили одни крѣпконогіе мулы. Что прикажете дѣлать съ этими животными Чилиносами! Что бы случилось съ этими несчастными, еслибъ среди ихъ не являлись иногда благодѣтельные губернаторы О'Гиггинсы? Не удивительно, что какой нибудь О'Гиггинсъ выйдетъ изъ себя, схватитъ кнутъ или висѣльную петлю и сдѣлается докторомъ Франсіа! Губернаторъ О'Гиггинсъ и докторъ Франсіа—это двѣ стороны одного и того же характера, къ несчастью, равно необходимы въ этомъ мѣрѣ, населенномъ людьми и Чилиносами.

Что касается до О'Гиггинса втораго, патриота и побочнаго сына дона Амбросіо О'Гиггинса перваго, то онъ, какъ и всѣ губернаторы, былъ весьма несчастливъ въ своихъ предпріятіяхъ. Увы, это общая судьба всѣхъ чилийскихъ губернаторовъ! Здѣсь губернаторъ долженъ ожидать неудачи. Но мы оставимъ губернаторовъ и перейдемъ къ слѣдующему факту. Управление вообще довольно тяжкій трудъ, особенно въ южной Америкѣ; правительство чилийцевъ измѣнило названіе, говоритъ Майерсъ, но судя по тому, что онъ тамъ видѣлъ, оно въ существѣ своемъ нисколько не измѣнилось. Безстыдное воровство и наглый грабежъ—вотъ ихъ правленіе; угнетенные сперва Испанцами, потомъ своими собственными *haciendados*, землевладѣльцами, они еще очень далеки отъ того, что на цивилизованныхъ языкахъ называется справедливостью, говоритъ Майерсъ.

Жаль мнѣ ихъ, этихъ злополучныхъ южно-американскихъ эманципаторовъ! Они начали съ Вольнеемъ, Рейналемъ и компаніей, несли съ собой *Contrat Social* и *Права людей*, и вотъ, вы видѣли, до какихъ дошли результатовъ! А всему виною обстоятельства! У нихъ есть нѣсколько «университетовъ», въ которыхъ разглагольствуютъ уже не іезуиты; есть библіотеки (но нѣтъ читателей, такъ что нашъ достопочтеннѣйшій другъ мистеръ Майерсъ, постукавшись нѣсколько разъ у всѣхъ входовъ въ Чи-

лійскую Національную Библіотеку, долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что посмотрѣлъ на нее черезъ окна.) Этотъ же самый мистеръ Майерсъ утверждаетъ, что чилийцы нуждаются во многихъ весьма важныхъ улучшеніяхъ, усовершенствованіяхъ, измѣненіяхъ и основаніемъ всему хорошему полагаетъ распространеніе употребленія *воды и мыла*; и съ нимъ нельзя не согласиться. Да, смойте съ себя грязь — физическую и нравственную, тогда только возможны будутъ улучшенія! По словамъ Майерса, видимая и невидимая неопрятность этой породы людей, называемыхъ Чилиносами, достигаетъ грандіозныхъ размѣровъ. Тончайшіе шелки, золотые браслеты, жемчужныя ожерелья, алмазныя серги, — ничто отъ нея не спасаетъ; — не все то золото, что блеститъ; иногда блеститъ и рыба шелуха, брошенная въ помойную яму! Распространеніе употребленія воды и мыла, во всѣхъ отрасляхъ и приложеніяхъ, рѣшительно необходимо; это уже, какъ думаетъ Майерсъ, будетъ важнымъ улучшеніемъ. Онъ сказалъ еще («въ своей запальчивости», какъ одинъ еврейскій поэтъ), что всѣ Чилиносы — лжецы! Такимъ народомъ, который никогда не употребляетъ мыла, никогда не говоритъ правды, который въ физической и нравственной неопрятности достигъ крайнихъ предѣловъ, — такимъ народомъ управлять не легко!

Безъ сомнѣнія, изъ всѣхъ необыкновенныхъ южно-американскихъ явленій докторъ Франсіа и его диктаторство въ Парагваѣ — самыя необыкновенныя; о нихъ-то мы и намѣрены сказать нѣсколько словъ. Докторъ Франсіа и его «царство ужаса» возбуждали интересъ, удивляли Европу и приводили въ яростное негодованіе конституціонистовъ. Намъ искренно желалось узнать доктора Франсіа; но къ сожалѣнію, это было невозможно! Кто изъ мрака сомнительныхъ тѣней, по неяснымъ отголоскамъ общественнаго мнѣнія, господствовавшаго на томъ берегу океана, въ состояніи воспроизвести дѣйствительный образъ доктора Франсіа и вѣрно оцѣнить его дѣйствія? Никто! — Быть можетъ, безпристрастный глазъ и откроетъ нѣсколько достовѣрныхъ чертъ — изумительныхъ, эксцентрическихъ для нашего вѣка, — быть можетъ, эти черты послужатъ объясненіемъ другихъ и вызовутъ читателя на размышленіе о нѣкоторыхъ спорныхъ житейскихъ вопросахъ, — быть можетъ... но уже и этого будетъ довольно.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, — хотя совершенно невѣ-

роятно, что Франсіа, частное лицо, простой адвокатъ, докторъ богословія, на двадцать или почти на тридцать лѣтъ оставовлялъ внешнюю торговлю Парагвая, сказавъ ей дерзкимъ манеромъ: Довольно! Корабли лежатъ на глинистыхъ отмеляхъ Параны, незаконнотаченныя щели разинулись широко,—но никто торговать не смѣетъ безъ разрѣшенія доктора Франсіа. Вы пріѣхали въ Парагвай; но несчастію, ваши бумаги, ваши рѣчи, ваше поведеніе, или просто вашъ носъ не понравился доктору Франсіа, тогда пишите—пропало! Изъ Парагвая никто не смѣетъ выѣзжать ни подъ какимъ предлогомъ; будьте вы ученый, астрономъ, геологъ, астрологъ, некромантъ, для доктора Франсіа все равно,—онъ васъ не выпуститъ! Всему свѣту известна исторія Эме Бонплана; всемъ известно, что Франсіа, какъ дикій коршунъ, напалъ на него, захватилъ его чайное заведеніе въ Энтре-Ріо и перетащилъ его во внутренность Парагвая; словомъ распорядился, вопреки всемъ народнымъ правамъ; великій Гумбольдтъ и другія высокія особы писали къ нему, убѣждали его именемъ науки, человечества освободить Бонплана, — Франсіа не отвѣчалъ, а Бонпланъ все-таки не возвращался въ Европу, и до-сихъ-поръ его никто не встрѣчалъ въ нашей части свѣта. Известно также, что у доктора Франсіа были висѣлицы, тюрьмы, доносчики и проч., что онъ казнилъ болѣе сорока человекъ. О свободѣ мысли никто и думать не смѣлъ; немой и глухой, Парагвай двадцать лѣтъ былъ отрѣзанъ отъ всего остальнаго міра новымъ Діонсіемъ—тираномъ Парагвайскимъ. Внешняя торговля пресѣклась, всѣ силы, власти, воли, поработились силѣ, власти и волю одного человека, адвоката, доктора богословія, смуглолицаго, тощаго, немумолимаго доктора Франсіа! Согласитесь, этотъ докторъ Франсіа долженъ быть человекъ не совсемъ обыкновенный.

Какъ жаль, что въ настоящее время мы не знаемъ о немъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній, или почти никакихъ! Въ Парагваѣ были тогда люди, которые могли читать не только печатное, но и писаное, и въ случаѣ надобности сами могли бы писать; но вообще парагвайцы народъ не литературный, да и самъ докторъ, внушившій къ себѣ благоговѣнное почтеніе, былъ слишкомъ важнымъ и даже ужасающимъ явленіемъ, о которомъ нельзя трактовать въ скромномъ литературномъ произведеніи. Бреггелъ на своихъ картинахъ представляетъ не тотъ моментъ морской бури, когда корабль борется съ волнами, а когда онъ достигъ берега, вошелъ въ безопасную пристань. Наши Буэносъ-

Адресскіе друзья , нѣсколько знакомые съ искусствомъ книгопечатанія , но удаленные отъ театра дѣйствій доктора Франсіа , были подѣ влияніемъ непріятнаго чувства; новый Діонисій глубоко поразилъ ихъ политическія стремленія. По мутнымъ водамъ , раздѣляющимъ эти широко раскинувшіяся страны , доносились до нихъ смутныя свѣдѣнія; отъ Буэносъ-Айреса до Европы еще большее разстояніе , такъ что Франсіа , диктаторъ Парагвая , въ глазахъ Европейца кажется химерой , или въртне , загадкой , разрѣшеніе которой до-сихъ-поръ неизвѣстно. Что касается до Парагвайцевъ , то хотя они вовсе не литературный народъ , однакожь многіе изъ нихъ могутъ читать и писать и не совсѣмъ лишены способности отличать правду отъ лжи; — не отъ нихъ ли слѣдуетъ ожидать правдиваго жизнеописанія доктора Франсіа? Если тамъ явится когда нибудь гениальный писатель , то , нѣтъ сомнѣнія , онъ возьметъ на себя этотъ трудъ. Пишущій гений , гдѣ бы онъ ни былъ , долженъ радоваться встрѣчѣ съ дѣйствующимъ гениемъ ; онъ долженъ сказать себѣ : «Здѣсь , и только здѣсь источникъ моихъ писаній! Зачѣмъ мнѣ перья и чернила , если не за тѣмъ , чтобъ возвѣщать людямъ о подвигахъ дѣйствующихъ гениевъ? Безъ этого мое искусство , моя эстетика , эпось , литература , поэзія будутъ сущій вздоръ!»

До-сихъ-поръ главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о докторѣ Франсіа служила маленькая книжка , изданная на французскомъ языкѣ , шестнадцать лѣтъ тому назадъ , господами Ренгеромъ и Лоншаномъ. Эта книжка была переведена на разные языки; что касается англійскаго перевода ея , то на насъ лежитъ непріятная обязанность сказать , что безъ крайней необходимости его никто читать не станетъ. Переводчикъ , не страшась ни Божескаго суда , ни человѣческаго , исполнилъ свое дѣло необыкновенно дурно — небрежно , глупо , даже не честно: онъ безъ зазрѣнія совѣсти *пропустилъ* все , чего не могъ понять! Тошя , сухая французская книга , пройдя чрезъ его руки , сдѣлалась пошлой англійской книгой; переводчикъ исполнилъ свое дѣло такъ дурно , какъ только возможно , и вообразите , онъ еще требовалъ платы , какъ будто совершилъ подвигъ , дѣйствительно , достойный награды!

Господа Ренгеръ и Лоншанъ , два швейцарскіе врача , въ 1819 году приплыли въ Южную Америку , и именно въ Парагвай , съ цѣлью изучать , между прочимъ , естественную исторію тѣхъ странъ. Послѣ долгихъ странствій и упорной борьбы съ волнами

Параны, останавливаемые на каждом шагу дурной погодой и войною, они прибыли, наконецъ, въ страну доктора Франсіа и увидѣли, что безъ его разрѣшенія имъ не выйти оттуда. Франсіа въ то время былъ уже Діонисіемъ Парагвайскимъ, а Парагвай становился чѣмъ-то въ родъ мышеловки, въ которую легко войти, а выйти не возможно. Наши храбрые хирурги (или нашъ храбрый хирургъ Ренгеръ, потому что онъ одинъ говорилъ и писалъ) помирились съ судьбою, стали лечить докторскихъ солдатъ, самого доктора, собирать растенія, жуковъ, и въ теченіе шести лѣтъ спокойно несли свой жребій; наконецъ, въ 1825 году эмбарго на время было снято, и они возвратились на родину. Слѣдствіемъ этого была книга, нехорошая книга; но въ то время о докторъ Франсіа вовсе не было книгъ, да и теперь не найдете лучшей. Это правдивая, умѣренная, разумная книга, хотя тощая, сухая, и во французскомъ оригиналь ее всю можно прочесть. Мы должны сказать, что важнѣйшія свѣдѣнія о докторъ-деспотъ почерпнуты преимущественно изъ этой книги; прибавьте къ тому *краткость* и вы будете имѣть понятіе о достоинствахъ этой книги, которыя открываются не иначе, какъ изъ сравненія.

Краткость есть душа ума. Краткость безковечное достоинство въ человѣкѣ, знающемъ, когда она умѣстна. Глупѣйшій изъ людей, умѣющій быть краткимъ, имѣетъ полное право на наше вниманіе: онъ, т. е. глупѣйшій изъ людей, могъ видѣть или слышать что нибудь такое, чего никто до него не слышалъ и не видѣлъ; будь онъ въ надлежащей степени кратокъ, и мы слушаемъ его съ охотою!

Господа Робертсоны съ своимъ «Царствомъ ужаса доктора Франсіа» и другими книгами о Южной Америкѣ, еще недавно явились предъ публикой и не ускользнули отъ вниманія журналистовъ; въ настоящее время на насъ лежитъ грустная обязанность сказать о нихъ свое слово. Тридцать или тридцать пять лѣтъ тому назадъ, господа Робертсоны были два молодые Шотландца изъ окрестностей Эдинбурга, какъ должно полагать; эти два джентльмена, обезопасивъ себя надежнымъ покровительствомъ, пустились по океану искать коммерческихъ приключеній, высадились въ Буэносъ-Айресъ, потомъ отправились въ Парагвай и въ другія страны этой отдаленной части нашей планеты. Молодые люди, умы и глаза которыхъ еще не утомились жизнью, внимательно наблюдали эти страны, гдѣ не мало свирѣпствовала революція, но гдѣ въ тоже время въ изобиліи можно было най-

ти драгоценные металлы, бычачью кожу, темносврую хину и гдѣ, наконецъ, мѣдныя и желѣзныя издѣлія, бумажныя и шерстяныя матеріи и другія произведенія британскихъ мануфактуристовъ были предметомъ общаго вожделнія. Дѣйствуя сообразно этимъ фактамъ, братья Робертсоны достигли благоденствія; торговля ихъ процвѣтала и расширялась съ каждымъ годомъ; съ береговъ Ла-Платы они распространили ее до города Корриентесъ, а потомъ до Ассунсіона, столицы Парагвая, гдѣ дѣла ихъ приняли такой счастливый оборотъ, что одинъ изъ благоденствующихъ братьевъ, а можетъ быть и оба рѣшились основать здѣсь свою постоянную резиденцію. Основавъ постоянную резиденцію, братья Робертсоны провели много лѣтъ, странствуя съ одного мѣста на другое, съ береговъ Де-ла-Платы на берега Параны, въ Парагвай; сколько именно лѣтъ провели они тамъ — точно опредѣлить нельзя, — запутанность документовъ совершенно исключаетъ ариѣметическую точность. Однакожъ, положительнo достоверно, что оба брата, одновременно или въ разное время, провели нѣсколько лѣтъ въ самомъ Парагваѣ и даже въ самой его столицѣ, и что здѣсь имъ привелось своими собственными глазами увидѣть доктора Франсіа, тогда еще ни для кого не интереснаго и никому не страшнаго.

Горы бычачьихъ и разныхъ кожъ, по мановенію братьевъ Робертсоновъ, покидали свое отечество и плыли въ Европу, гдѣ имъ суждено было обратиться въ сапоги, сѣдла, хомуты и принести, мы такъ полагаемъ, приличный барышъ нашимъ предприимчивымъ купцамъ. Около того времени, когда началось «царство ужаса» доктора Франсіа, а можетъ быть и раньше (это положительно неизвѣстно, потому что, какъ мы замѣтили, наши кушцы не заботились объ ариѣметической точности въ хронологіи), господа Робертсоны благополучно распростылись съ Парагваемъ и перенесли свою коммерческую дѣятельность въ другую часть этого обширнаго континента, гдѣ царствовалъ не ужасъ. Ихъ путешествія были часты, продолжительны и необыкновенно сложны: въ Европу, въ Тукуманъ, въ Глазговъ, въ Чили и въ другія мѣста, — такъ сложны, что, при недостаткѣ точныхъ хронологическихъ данныхъ, почти нѣтъ возможности дать читателю краткій и опредѣлительный отчетъ. Впрочемъ намъ достаточно знать, что оба господа Робертсоны не такъ давно, въ совершенномъ здравіи и благополучіи, возвратились на родину, съ наличнымъ капиталомъ, о чемъ глухо сказано въ вышеупомя-

нутыхъ документахъ, и, вѣроятно, съ запасомъ свѣдѣній;—намъ бы хотѣлось, чтобъ эти свѣдѣнія сообщены были съ приличной краткостью. И въ самомъ дѣлѣ, господамъ Робертсонамъ есть что поразсказать! Глаза ихъ видѣли не мало интересныхъ вещей и умы должны были сохранить о нихъ кой-какое воспоминаніе. При такихъ обстоятельствахъ господа Робертсоны задумали издать два тома «Писемъ о Парагваѣ», которые въ 1839 году явились въ свѣтъ — и свѣтъ благосклонно ихъ принялъ.

Мы недавно читали «Письма о Парагваѣ». Это книга *водлянстой комплекции*, если можно такъ выразиться, притомъ она очень сухощава; впрочемъ не лишена нѣкотораго достоинства. Она написана на-скоро, рукою неискусной, съ неправильностями въ языкѣ, въ мысляхъ, во взглядахъ; она даетъ вамъ понятіе о нѣсколькихъ личностяхъ, очевидно собирательныхъ; бросаетъ быстрый взглядъ на эти сожженные солнцемъ страны; сверхъ того она не лишена насмѣшливаго юмора—*quasi-юмора*, веселости, что въ известной степени можетъ быть пріятно читателю. Во всякомъ случаѣ, о ней нельзя относиться съ презрѣніемъ: она принадлежитъ къ разряду тѣхъ книгъ, которыя можно читать, какъ говорится, «закрывъ одинъ глазъ, другаго неоткрывая», а это не малое достоинство въ глазахъ нѣмыхъ читателей.

«Письма о Парагваѣ», встрѣченныя, какъ мы замѣтили, благосклоннымъ вниманіемъ свѣта, внушили господамъ Робертсонамъ счастливую мысль издать третій томъ и наименовать его «Царствомъ Ужаса доктора Франсіа». Они такъ и сдѣлали, только, къ сожалѣнію, ничего или почти ничего не сказали о Франсіа, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ о немъ ничего нельзя было сказать; однакожъ должно сознаться, что они выполнили свое дѣло съ возможнымъ успѣхомъ. Мы читали также и эту книгу.

Данъ кубическій дюймъ порядочнаго кастильскаго мысла; требуется развести его въ такомъ количествѣ воды, чтобъ ею можно было наполнить винную бочку: въ этомъ состоитъ задача; предоставьте человѣку свободу (своего рода) въ выборѣ труда. Господа Робертсоны заимствовали изъ книги господъ Ренгера и Лоншана всѣ существенные факты, прибавили къ нимъ свои собственные воспоминанія, весьма неважныя, и такимъ образомъ составилъ квадратный дюймъ мыла, которое расплылось въ незаимствованной, а чисто Робертсоновской болтовнѣ, островахъ, какія можно слышать у прилавка, въ такихъ же философскихъ разсужденіяхъ, и другихъ веществахъ вода-

нистаго свойства ; мало по малу данная бочка наполнилась, то есть составила книга въ четырехста страницъ. И публика не бросила ея въ лицо этимъ торгашамъ, напротивъ, стала покупать. Следствиемъ этого были три тома «Писемъ объ Южной Америкѣ», издѣлье тѣхъ же самыхъ неутомимыхъ братьевъ Робертсоновъ, которое рецензентъ (быть можетъ въ излишней ревности своей) прочиталъ отъ начала до конца, и теперь принужденъ сказать вамъ, что эти три тома — увы, повтореніе прежнихъ томовъ въ другой формѣ, другими словами. Всю сущность этихъ трехъ томовъ можно изложить на одномъ листѣ, и для того вовсе не нужно необыкновенныхъ способностей! Однакожь, передъ нами три толстые тома, въ тысячу слишкомъ страницъ, — три бочки старой мыльной воды изъ того же квадратнаго дюйма кастильскаго мыла! Это ужъ слишкомъ скверно! Плутъ ирландецъ продаетъ вамъ сѣрую лошадь, потомъ ночью крадетъ ее у васъ и, выкрасивъ въ черный цвѣтъ, на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, вамъ же продаетъ ее; вы требуете его къ суду, тамъ его допрашиваютъ, судятъ, приговариваютъ по закону; — жаль, что этотъ законъ не распространяется и на книги!

Лѣтъ за сто до появленія робертсоновскихъ издѣлій, Кондаминъ, съ своими товарищами, девять или десять лѣтъ провелъ въ полуденныхъ странахъ южно-американскаго материка; его подвиги приобрѣли всесвѣтную славу. Онъ вымѣрялъ градусы по меридіану отъ Квито до Куенса, взбирался на горы, дѣлалъ ученныя наблюденія; онъ испытывалъ тысячи неудачъ: дикіе креолы, непокорные испанцамъ, не имѣли ни малѣйшаго понятія о человѣческой наукѣ, дикіе Индѣйцы потребляли инструменты и останавливали работу*. Въ Куенса Кондаминъ пять дней съ ряду наблюдалъ травлю быковъ и въ концѣ пятаго дня увидѣлъ своего несчастнаго врача мертвымъ; жителей Суенса его поведеніе показалось дерзкимъ и они убили его. На индѣйскихъ байдарахъ Кондаминъ проѣхалъ все теченіе рѣки Амазонки, по быстрымъ струямъ узкой Понго, по безконечнымъ водамъ другихъ рѣкъ, прорывающихся безпредѣльные пустыни, — и, не смотря на многія неудачи и опасныя приключенія, дѣлалъ астрономическія наблюденія по всему пути и писалъ замѣчанія. Кромѣ вычисленія градусовъ меридіана, которое, безспорно, принадлежить исторіи и содѣйствовало преуспѣянію грѣшнаго адова

* См. Condamine: Relation d'un Voyage dans l'interieur de l'Amerique meridionale.

потомства, этотъ человекъ, съ своими товарищами, видѣлъ и испыталъ во сто разъ больше романтическихъ приключеній, чѣмъ господа Робертсоны: путешествіе мадамъ Годишь по Амазонкѣ, ужасная жизнь въ лѣсномъ лабиринтѣ, среди неизбѣжныхъ опасностей, которыя постоянно ставятъ путешественника между жизнью и смертью, погибель ея друзей,—все это такія вещи, о которыхъ и во снѣ никогда не снилось нашимъ Робертсонамъ. И обо всемъ этомъ Кондаминъ разсказалъ умно, дѣльно, убѣдительно, въ небольшомъ томикѣ *in-octavo*, составляющемъ едва восьмую часть того, что уже написано Робертсонами, при томъ написано не умно, не вразумительно, не дѣльно и вовсе не убѣдительно. И эти господа нѣсколько разъ повторяютъ въ последнемъ томѣ, что «если публика одобритъ ихъ произведенія», то они не замедлятъ издать еще сочиненіе—о Чили! Мы увѣрены, публика не сдѣлаетъ такой чудовищной глупости. Публика предварительно должна заключить условіе, что вѣдъ действительно новыя извѣстія о Чили будутъ отдѣлены отъ всего умнаго и глупаго, уже разсказаннаго; на первомъ планѣ должно поставить вопросъ: въ какомъ объемѣ эти свѣдѣнія будутъ предложены публикѣ—въ нѣсколькихъ ли томахъ или на нѣсколькихъ страницахъ?

Грѣшно, любезный читатель, поступать такъ, какъ наши братья Робертсоны; они преступники, хотя Парламентъ не издалъ противъ нихъ никакого акта. Человекъ не имѣетъ права болтать языкомъ, тѣмъ менѣе царапать перомъ по бумагѣ, ничего не сообщая своимъ слушателямъ или читателямъ; онъ не знаетъ, какое дѣлаетъ зло, разсѣвая по свѣту даже слова пустыя, безъ намѣренія вредить. Съ поляны, заросшей терновникомъ, вѣтеръ далеко уноситъ сѣмена: такимъ способомъ размножаются волчцы, одуванчики и всѣ другія произведенія природы и также человеческаго мозга; они разрослись бы по всему лицу земли, если бы не человеческая предусмотрительность, вооруженная серпомъ, топоромъ, граблями. Страшно подумать, что всякая глупая книга летитъ, подобно пуху одуванчика, который несетъ зародышъ миллионъ новыхъ одуванчиковъ; каждое слово этой книги способно произвести томы, потому что умъ человеческій жаденъ и плодovitъ одуванчиковъ и терновника. Въ одной Великобританіи пишущихъ людей насчитываютъ теперь до десяти тысячъ, и каждый изъ нихъ *склоненъ* преимущественно къ разведенію одуванчиковъ; число читателей, читающихъ только за тѣмъ, чтобъ убить время, закрывъ одинъ глазъ, не раскрывая другаго, тер-

пящихъ лишь одни одувачики или произведенія, которыя можно читать вовсе не раскрывая глазъ, простирается до двадцати семи милліоновъ! О, еслибъ господа Робертсоны, эти смѣлые и бойко-говорящіе люди, знали, въ какомъ блаженномъ состояніи духа вы закрываете краткую, вразумительную, послѣдовательную, книгу Кондамина; еслибъ они знали, что, разставаясь съ нимъ, вы чувствуете, что провели время полезно, благородно, словно посвятили храмъ мудрости, а не сидѣли въ шумной тавернѣ, въ толпѣ глупыхъ, полупьяныхъ бродягъ,—въ такомъ случаѣ вѣроятно и господа Робертсоны написали бы только одинъ небольшой томъ о Чили!

Но довольно о Робертсонахъ, предоставимъ ихъ на волю судьбы. Эти смѣлые, бойко-говорящіе Робертсоны ничѣмъ не хуже своихъ собратьевъ, даже, если хотите, лучше многихъ; перестанемъ же изливать на нихъ свой гнѣвъ; довольно и очень довольно. Критическія разсужденія ихъ не исправляютъ. Вы засмѣялись бы, еслибъ вамъ сказали, что путешественникъ, спѣша вечеромъ на ночлегъ, хотѣлъ бичемъ избить мошекъ, которыя вились вокругъ него темными стаями. Да, бичемъ ничего имъ не сдѣлаете, нужно высушить болота, въ которыхъ онѣ рождаются. Ахъ, еслибъ можно было высушить хоть часть этихъ болотъ!

Матеріалы наши, какъ видитъ читатель, очень и очень плохи, страшная безтолочь (кромѣ развѣ одного Ренгера, да и тотъ немилосердно сухъ); ни одного факта, однѣ несвязныя тѣни фактовъ; цѣлыя тучи высокопарнаго пустословія, прерываемаго по временамъ криками: кровавый тиранъ, деспотъ, и тому подобными. Какъ тутъ составить образъ доктора Франціа? Конечно, прежде всего должно пропустить восклицанія; мы ихъ и пропустимъ. Франціа, этотъ кровавый тиранъ, вовсе не былъ обязанъ смотреть на свѣтъ глазами Ренгера и Робертсоновъ, для этого у него были собственные глаза. По всей вѣроятности, Франціа, Діонисій Парагвайскій, что-нибудь значилъ; мы спросимъ теперь, что же именно онъ значилъ? Но бранные крики умолкли; теперь, можетъ быть, что-нибудь явится само-собою и разрозненныя, бесконечно малыя частицы разныхъ фактовъ неожиданнымъ образомъ сплотятся въ одно замѣтное цѣлое! Дай Богъ!

Въ какой-то безымянной деревушкѣ, педалеко отъ Ассунціона,

жиль простякъ хлѣбопашецъ, которому было опредѣлено судьбою въ 1757 году вызвать къ бытію нашего героя. Имя этого челоѣвка намъ неизвѣстно; нельзя даже положительно сказать, къ какой націи онъ принадлежалъ: Франсія выдавалъ его за эмигранта французскаго происхожденія, но народное повѣрье утверждаетъ, что онъ пришелъ изъ Бразиліи. Португалець или Французъ, или то и другое вмѣстѣ, этотъ челоѣкъ произвелъ на свѣтъ другое челоѣческое существо, которое при св. крещеніи наречено было именами: Джозе Гаспаръ Родригъ Франсія. У Родрига, безъ сомнѣнія, была также и мать, но имя ея нигдѣ не упоминается, поэтому и мы его упоминать не ставемъ. Имя, труды, заботы, страданія, нѣжныя ласки этой смуглой дамы утонули въ нѣмомъ забвеніи и погребены вмѣстѣ съ нею подъ двадцать пятимъ градусомъ южной широты, и, мы думаемъ, никому изъ нашихъ читателей не придетъ въ голову отыскивать ихъ. Джозе Родригъ, должно быть, былъ плохо сколоченное, темнобурое, молчаливое, злонравное созданіе, съ плаксивыми наклонностями. Были еще и другіе молодые Франсія—сестра и братъ; о послѣднемъ извѣстно, что онъ сошелъ съ ума. Вся порода Франсія, съ молчаливымъ характеромъ и живой французско-португальской кровью по всей вѣроятности была склонна къ помѣшательству. Самъ диктаторъ страдалъ страшными припадками шизохондріи, что, какъ извѣстно, часто случается съ молчаливыми геніями. Отецъ опредѣлялъ ему быть проповѣдникомъ въ Парагваѣ.

Исчерпавъ всю мудрость букваря и пріобрѣтя нѣсколько элементарныхъ свѣдѣній, Родригъ отправился въ Кордовскій университетъ въ Тукуманъ изучать семинарскій курсъ, не больше, какъ жется. Какого рода былъ этотъ курсъ, какіе тамъ были уроки, какого достоинства было духовное млеко, предложенное высшей кордовской семинаріей слабому, сухощавому мальчику, питало ли оно его, или изнуряло — ничего не извѣстно. Впрочемъ, нерѣдко со слабыми, сухощавыми мальчиками Тукуманскихъ и другихъ высшихъ семинарій такъ дурно поступаютъ въ отношеніи къ духовному млеку, что вы готовы сказать, что ихъ упитываютъ не млекомъ, а ядомъ, какъ будто изъ нихъ хотятъ сдѣлать Митридатовъ, т. е. пріучить питаться ядомъ. Такая способность, пожалуй, къ чему нибудь и пригодится. Если всмотритесь попристальнѣе въ высшія семинаріи и разныя другія заведенія, существующія въ Тукуманѣ и въ иныхъ мѣстахъ, то увидите, что они существуютъ не для осуществленія цѣлей

слабыхъ, сухощавыхъ мальчиковъ, а своихъ предназначеній; они учреждены очень давно и во все время своего существованія ни разу не спрашивали совѣтовъ ни у одного слабого мальчика. Они, кажется, постоянно твердятъ ему: «Эта драгоценная вещь, именуемая гениемъ, которую ты хранишь въ себѣ, драгоценна только для тебя и для вѣчной природы, но для насъ и для временнаго Тукумана она пагубна, смертоносна; мы требуемъ, чтобы ты истребилъ ее, или тебя ожидаютъ жестокаго наказанія.» Какъ истребить? сама вѣчная Природа изъ нѣдръ Вселенной повелѣла бѣдному мальчику носить въ себѣ эту драгоценность. Изъ нѣдръ Вселенной, изъ глубины его собственнаго духа, ему слышится тихій, едва внятный, но въ тоже время рѣшительный голосъ, повелѣвающій ему нести ее всюду, даже подъ топоръ палача! Увы, бѣдный мальчикъ и радъ бы повиноваться временнымъ Тукуманцамъ, но не можетъ не повиноваться вѣчной Природѣ! Ты долженъ быть Родригомъ Франціа! кричитъ вѣчная Природа въ душѣ бѣднаго мальчика. Ты долженъ быть Игнатемъ Лойолой, Дономъ Фатпаунчо Усандвоито, Пондерозо! кричатъ Тукуманъ. И все отрочество несчастнаго существа становится длинной, безконечной борьбой: Родригъ Франціа противъ всѣхъ и каждого! Такъ бываетъ въ Тукуманъ!

Какъ бы то ни было, юный Родригъ Франціа учится, растетъ и мало-по-малу приближается къ опредѣленной ему цели. Тощая, вытянутая фигура Родрига Франціа въ іезуитскомъ колпакѣ, въ черной саржевой мантии, уныло бродящаго по кривымъ улицамъ Кордовы, съ мрачными неопредѣленными мыслями, недоступными для человѣческаго слова, — по истинѣ предметъ, достойный вниманія историка! О, Родригъ! многое въ этомъ мірѣ недоступно человѣческому слову и всего прежде тотъ самый міръ, въ которомъ намъ съ тобою суждено влачить печальную жизнь, — и, вижу, теорема Игнатія Лойолы начинаетъ прихрамывать! Многое недоступно человѣческому слову, многое, лежащее въ глубинѣ твоей души, подобно неизмѣримому озеру сомнѣній, ужаса, ведущаго чрезъ Ахеронъ къ самому Хаосу. Такъ, многое не доступно человѣческому слову, отвѣчаетъ Франціа, но есть кое-что и доступное, напримѣръ, хоть то, что я рѣшительно не хочу быть священникомъ въ Тукуманъ, а хочу быть міряниномъ, хотя бы пришлось сдѣлаться юристомъ! Сказано и сдѣлано: достигнувъ совершеннолѣтія, Франціа оставилъ богословіе и принялся за законы. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ былъ док-

торомъ Богословія, другіе—права; Ренггеръ говоритъ—Богословія, Робертсоны — права; но вѣдь Робертсонамъ вѣрить нельзя. Впрочемъ, мы думаемъ, читателю все равно, какимъ бы онъ ни былъ докторомъ; дѣло въ томъ, что онъ былъ, и именно былъ въ Тукуманъ, потомъ оставилъ свою тукуманскую *Alma Mater* и уже съ порядочной бородой явился въ Ассунсіонъ, гдѣ предъ нимъ открылось поприще адвоката.

Чему учился и чему выучился Родригъ подъ кровомъ своей кордовской *Alma Mater*, вопросъ, въ которомъ могутъ существовать однѣ догадки; курсъ пройденныхъ имъ наукъ, повторяемъ, еще неизвѣстенъ. Нѣсколько поверхностныхъ понятій изъ ариметики, о непреложныхъ законахъ чиселъ; нѣсколько поверхностныхъ понятій изъ геометріи, о непреложныхъ законахъ фигуръ, вотъ чему, какъ мы догадываемся, учился Родригъ и, по всей вѣроятности, нашелъ, что все это вещи, достойныя замчанія. Вамъ говорятъ, напримѣръ, что если вы въ цилиндръ положите шаръ, такъ, чтобы онъ всюю окружностью и одной верхней и нижней точкой прикасался къ цилиндру, то это значитъ, что вы вложили 2 въ 3, ни больше ни меньше! Не удивительно ли это? — Да, удивляйся, Франсія, это по истинѣ, достойно удивленія! Вотъ до чего добились ветхіе Архимеды, Пифагоры, и все это достигло Парагвая и твоего мозга, счастливый Франсія! Въ безконечномъ пространствѣ вселенной вращаются планеты, и твоя бѣдная голова постигаетъ, что невидимыя пути ихъ — ничто иное, какъ сѣченіе конуса, что вещь, которую ты называешь эллипсомъ, есть невидимый путь, назначенный для далекихъ, недосыгаемыхъ планетъ. Доказательство ясное какъ день, котораго никакой въ мірѣ Лойола не въ силахъ опровергнуть, что Ты также гражданинъ нашего міра и что ты какимъ-то непостижимымъ образомъ присутствовалъ на совѣтъ боговъ Олимпа! Темныя, отрывочныя понятія обо всѣхъ этихъ предметахъ вынесъ Франсія изъ Тукумана, оставивъ тамъ, какъ не нужный соръ, безконечно тяжелый грузъ іезуитскаго богословія, которое безпрестанно валили на него и вокругъ него цѣлыми возами. Кромѣ того *Alma Mater* сдѣлала нѣсколько слабыхъ намековъ на разныя человѣческіе языки и особенно на французскій. Гм! Французскій языкъ! матеріальная оболочка «энциклопедіи», твореній Жанъ Жака и компаніи, безконечно важныхъ для Франсіа!

Не чувствуете ли вы, читатель, искренняго, сердечнаго вос-

торга при видѣ священнаго пламени любви къ знаніямъ, пробужденнаго въ сердцѣ бѣднаго парагвайскаго креола среди тлѣтворныхъ паровъ, наводящихъ сонъ и уныніе, паровъ дѣйствительныхъ и метафорическихъ, среди печальныхъ, болотныхъ кустарниковъ, среди безсмыслия и грубости, преданныхъ забвенію остальнымъ человѣчествомъ? Священное пламя, не большее впрочемъ, чѣмъ пламя грошовой сальной свѣчки, плохо поддерживаемое французскими учебными книженками, политическими и нравственными разсужденіями Руссо, Рейналя, слабо мерцающее, синеватое, почти замирающее; но не смотря на то, оно все-таки священное пламя!

Ты долженъ любить науку, долженъ искать истины въ Божьемъ мірѣ; тебѣ даны средства, и ты обязанъ искать ея въ Тукуманѣ, и во всякомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы ты ни былъ; призови на помощь Вольнеевъ, если тебѣ неоткуда больше ждать помощи. Это синеватое, неугасаемое пламя, какъ бы оно ни горѣло въ душѣ Родрига Франсіа, подобно ли пожару или подобно грошовой сальной свѣчкѣ,—горѣло во всю его жизнь и потому, на нашъ взглядъ, достойно замѣчанія. Хотя оно было и синеватое, но судьба опредѣлила ему истребить съ лица Парагвая множество разнаго хлама, высушить значительную часть болотъ, производящихъ тлѣтворные пары, выжечь до тла непроницаемые болотные кустарники, чтобы солнце могло бросить благотворный лучъ на свою бѣдную сестру, землю, на которой злобною рукою разведены въ такомъ ужасающемъ изобиліи терніи и волчцы. Мужайся, Родригъ!

Равнодушный ко всемъ этимъ далекимъ отвлеченностямъ, Родригъ поселился въ Ассунсионъ и усердно принялся за изученіе законовъ. Говорятъ, что онъ былъ если не самымъ лучшимъ, то однимъ изъ лучшихъ адвокатовъ въ Парагваѣ, и, что всего важнѣе, былъ честнѣе всѣхъ парагвайскихъ юристовъ, когда либо принимавшихъ на себя заботы о интересахъ своихъ ближнихъ. Робертсоны въ своемъ «Царствѣ Ужаса» не только признаютъ это за истину, но неоднократно повторяютъ ее и обращаютъ на это обстоятельство особенное вниманіе читателя. Да, въ молодости онъ былъ честенъ, благороденъ, справедливъ, и общалъ много хорошаго; но возмужалъ—и обманулъ! Стыдно становится, когда подумаешь, что человѣкъ, такъ энергически дѣйствовавшій, общавшій сдѣлаться со временемъ искреннимъ другомъ чело-вѣчества, увлекся политическимъ успѣхомъ и властолюбіемъ—

сдѣлаюся «хищнымъ звѣремъ». Вотъ до чего могутъ доходить люди—и еще друзья чело́вчества!

Пока изъ Парагвая не привезутъ въ Европу надлежащей біографіи Франсіа, до тѣхъ поръ никому не удастся представить сколько нибудь достовѣрную картину его существованія какъ ассунсіонскаго адвоката; событія слишкомъ удалены, обстоятельства вовсе неизвѣстны. Городъ Ассунсіонъ существуетъ уже около трехъ сотъ лѣтъ; онъ широко, свободно раскинулся по лѣвому берегу Параны, утонулъ въ фруктовыхъ садахъ, которые, кромѣ плодовъ, доставляютъ ему густую тѣнь; дремучіе лѣса окружаютъ его со всѣхъ сторонъ и служатъ ему защитой отъ дикихъ индѣйцевъ. Съ какой стороны вы не подѣзжали бы къ Ассунсіону, вамъ пришлось бы проѣхать нѣсколько миль по уединенной, тѣнистой аллеѣ, подъ роскошнымъ зеленымъ покрываломъ, сквозь которое только гдѣ-гдѣ пробивается солнечный лучъ и весело играетъ на песчаной почвѣ;—здѣсь, въ первой четверти настоящаго столѣтія, Паришъ Робертсонъ, медленно вѣзшій на своей усталой лошади, встрѣтилъ телегу, въ которой сидѣла смуглая дѣвица, въ красномъ платьи, съ длинными черными волосами, словомъ, дѣвица довольно привлекательная; послѣ этой встрѣчи, господинъ Робертсонъ, на пространствѣ двѣнадцати миль, не видѣлъ ни одного живаго существа, способнаго излагать свои мысли посредствомъ членораздѣльныхъ звуковъ, что, какъ утверждаетъ новѣйшая филологія, свойственно только одному чело́вку.

Народъ, живущій въ этомъ благодатномъ климатѣ, заботится о весьма немногихъ предметахъ первой необходимости; изъ дерева онъ дѣлаетъ телеги, изъ кожи — постели, изъ кирпича и грязи строитъ дома; все остальное, что составляетъ уже предметъ роскоши, онъ вымѣниваетъ у сосѣдей на парагвайскій чай, который здѣсь плотно зашиваютъ въ мѣшки изъ козлиной шкуры. Если бы вы, вмѣстѣ съ господами Робертсонами, вздумали проѣхать по улицамъ Санта-Фе въ три часа по-полудни, то увидѣли бы, что все населеніе этого города только что поднялось съ постелей; полуодѣтые, полуобутые, заспанные жители сидятъ на открытыхъ балконахъ, окруженные горами тыквъ и жадно высасываютъ изъ нихъ свѣжій, сахарный сокъ. Вотъ они услышали топотъ вашей лошади, и добродушно, безъ всякой опредѣленной мысли слѣдятъ, какъ она переставляетъ ноги. Широколиственные деревья, благодаря всемогущей природѣ, защи-

щаютъ ихъ дома отъ знойнаго солнца. Здѣсь васъ радушно приняли бы на *tertulias*—родъ «*суварей*», какъ выражается классъ благовоспитанныхъ лакеевъ, «состоящей изъ поваренной бараньей ноги съ приличными приправами; суварей здѣсь является на столъ около семи часовъ.» * Передъ тѣмъ, все народонаселеніе отправляется купаться и всѣ вмѣстѣ освѣжаются и очищаются въ Паранъ: всѣ вмѣстѣ, потому что здѣсь у каждаго жителя, на случай купанья, имѣется особенное полотняное платье. На *tertulias*, андалузскіе глаза, сохранившіе свой обольстительный блескъ въ десятомъ или двѣнадцатомъ поколѣніи, доставляютъ вамъ приятное развлеченіе; нерѣдко сквозь эти глаза просвѣчиваютъ души, способныя сочувствовать тому, что на просвѣщенныхъ языкахъ называется цивилизаціей. Тертулія благополучно кончилась, и вы почиваете на растянutoй шкурѣ, рѣдко на цивилизованномъ матрацѣ, внутри дома или на его кровль.

Въ низменныхъ болотистыхъ странахъ Америки, изобилующихъ комарами, спать на помостъ, возвышающемся на сорокъ футовъ надъ поверхностью земли, куда вы можете взобраться по лѣстницѣ; на такую высоту, благодаря Бога, ни одинъ комаръ въ мірѣ подняться не можетъ. Взобравшись на эту искусственную плоскую возвышенность, вы закутываетесь въ свой *poncho*, кладете подъ голову сѣдло, ящикъ или полъно, и засыпаете. Вѣчно голубой небесный сводъ служитъ вамъ кровомъ, Канопусъ, сіяющій въ безпредѣльномъ пространствѣ, замѣняетъ ночную лампу, комары не кусаютъ,—чего же больше? Вы спите сладкимъ глубокимъ сномъ, а между тѣмъ вѣчно юная и прекрасная Аврора облила весь востокъ пурпуромъ и золотомъ, и сонъ вашъ ужъ не такъ крѣпокъ; вотъ солнце бросило свои длинные, горизонтальные лучи, и сонъ отлетѣлъ отъ вашихъ глазъ; проснулось все живущее и прозябающее на землѣ и гуачосъ вскакиваетъ на своей жесткой постели, торопливо озирается вокругъ—и молится. Изъ-за самой отдаленной черты горизонта воздвигается величественный алтарь и озаряетъ ослѣпительнымъ сіяніемъ необъятный лазуревый храмъ. Прекрасная картина, не правда ли? Что касается до вампировъ и до того, какъ вы отъ нихъ защищались въ теченіе ночи, то мы положительно ничего не знаемъ.

* Выраженія эти заимствованы авторомъ изъ 3 главы VI части Записокъ Пиквикскаго Клуба, Диккенса.

Надо сознаться, что гуачосы еще не доросли до конституционной свободы. Они ведут сонную, безпечную жизнь среди грязнаго изобилія; жизнь собаки отличается отъ ихъ жизни только тѣмъ, что собака принуждена отыскивать себѣ кормъ. У нихъ искусства находятся въ самомъ нѣжномъ младенчествѣ, также какъ и добродѣтели. Одежда ихъ, постель, домашняя утварь, орудія всѣхъ родовъ и видовъ, — все это состоитъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ бычачьей кожи; изъ нея они дѣлаютъ арканы, канаты, колесныя шины, штилеты, кровати, двери. Въ деревняхъ они даже сидятъ на бычачьихъ черепахъ. Одинъ изъ Робертсоновъ видѣлъ и даже имѣлъ счастье говорить съ генераломъ Артигасомъ, который, въ кругу своихъ офицеровъ, возсѣдалъ на бычачьемъ черепѣ, поджаривалъ куски говядины и «диктовалъ за разъ тремъ секретарямъ*.» Мало того, что они сидятъ на бычачьихъ черепахъ, они употребляютъ бычачьи кости какъ топливо. Вообще гуачосы—народъ очень грубый.

Одно только искусство у нихъ процвѣтаетъ,—верховая ѣзда. Всѣ прославленные знаменитости нашихъ цирковъ меньше чѣмъ ничто въ сравненіи съ тамошними наездниками. Если на свѣтѣ существовали когда нибудь центавры, то я вполне готовъ вѣрить, что гуачосы произошли отъ нихъ по прямой линіи. Они такъ крѣпко держатся на лошади, какъ будто бы составляютъ съ нею одно цѣлое; носятся во весь духъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ, кажется, съ трудомъ пройдетъ каменный козелъ, прыгаютъ какъ кенгуру и въ тоже время размахиваютъ арканами и вертятъ копьями. Въ случаѣ опасности, они мгновенно опускаются подъ брюхо лошади и, повиснувъ на большемъ пальцѣ одной ноги, мчатся съ необыкновенной быстротою. Вы думаете, что на васъ несется табунъ дикихъ лошадей; но вдругъ раздается оглушительный вопль, и лошади превращаются въ центавровъ, вооруженныхъ копьями и арканами. Мало того, гуачосамъ извѣстно особаго рода искусство, о которомъ никогда и не слыхали въ нашихъ циркахъ, — искусство ѣздить на некормленной лошади, которая, того и гляди, отъ голода протянетъ ноги. Вы аплодируете какому нибудь мистеру Клауну, скачущему на трехъ откормленных коняхъ: попробовалъ бы онъ проскакать нѣскольکو миль на лошадиныхъ костяхъ и кожѣ.

Хижины гуачосовъ изобилуютъ говядиной, дымомъ и соромъ; въ отношеніи къ дыму, копоти и грязи, они превосходятъ всѣ

* Letters on Paraguay.

мѣста, въ которыхъ когда-либо селился человѣкъ. Жалкіе гуачосы! Они пьютъ парагвайскій чай изъ одного котла посредствомъ единственной трубки, которая поочередно переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія. Они довольно гостепріимны, грязны, лѣнны; но, впрочемъ, славные ребята, хотя лгутъ безъ зазрѣнія совѣсти, иногда даже безъ всякой причины, единственно изъ любви къ искусству. Они стойки, хотя ни одинъ изъ нихъ не слышалъ о существованіи Зенона; а главное, ихъ стоицизмъ соединенъ съ неподдѣльнымъ весельемъ. Среди грязи, сору и дыма, они громко хохочутъ и отпускаютъ извѣстнаго рода остроты, или жалобно гнусятъ свои любовныя пѣсни, акомпанируя на инструментъ, напоминающемъ гитару; или, и это всего чаще, услаждаютъ свой досугъ азартными играми и водкой, — обыкновенныя развлеченія пустоголовыхъ джентльменовъ. Между тѣмъ эти люди могутъ чему-нибудь научиться, и однакожъ жизнь ихъ глупа, безосмысленна, какъ пустая бутылка. Они зываютъ къ небесамъ и къ землѣ, и ко всемъ докторамъ Франціа: «Наполните чѣмъ нибудь эти пустыя бутылки! Неужели у васъ нѣтъ ничего, кромѣ грязи, дыму, іезуитскихъ предразсудковъ, лѣнности и сухой, какъ подошва, жесткой говядины?» О, много и очень много есть прекрасныхъ вещей, которыми можно было бы наполнить каждый моментъ вашей жизни, несчастные Гуачосы! Но прежде необходимо очистить васъ, изгнать изъ васъ дьяволовъ, овладѣвшихъ вашими жалкими душечками: праздность, жестокость, лживость и проч. и проч. Какъ изгнать? Для этого есть отличное средство, стоитъ только съ умѣніемъ употребить его, — нагайки, да, самыя простыя, обыкновенныя нагайки...

Въ Парагваѣ, какъ вы легко можете догадаться, мой проницательный читатель, философія была въ совершенномъ упадкѣ. Франціа нашель, однакожъ, тамъ постоянныя занятія, изучилъ законы и приобрѣлъ завидную репутацію человека искусства и честнаго. Въ часы, свободные отъ юридической практики, онъ читалъ Вольнеевъ, Рейналей и разные французскіе трактаты, посредственной учености, и любилъ «вопрошати природу», какъ выражаются его наставники; у него были теодолиты, телескопы, микроскопы и другіе инструменты, посредствомъ которыхъ онъ тщился открыть глубокой смыслъ въ разнообразныхъ явленіяхъ нашего міра. Говорятъ также, что мужественное сердце его не было лишено способности воспаляться, что онъ не могъ быть равнодушнымъ при видѣ пары андалузскихъ глазъ,

сохранившихъ, какъ было замѣчено выше, свой обольстительный блескъ въ десятомъ или двѣнадцатомъ поколѣніи. Вы можете себя представить, какъ въ такихъ случаяхъ, т. е. когда нашъ юристъ казался равнодушнымъ, — какъ ярко сверкали эти глаза. Они тогда походили на раскаленные угли, способные расплавить самый упорный металлъ! Жаль только, что въ то время не было въ наличности такой пары андалузскихъ глазъ, въ которыхъ просвѣчивался бы умъ, душа, которые могли бы навсегда приковать къ себѣ доктора Франсіа и облечь его почтеннымъ саномъ *patris familias*. Это было бы лучше; но, къ сожалѣнію, случалось иначе. А что касается до вѣтренной, щегольски одѣтой, двадцатилѣтней дѣвушки съ черными глазами и такими же волосами, которая продавала цвѣты на улицахъ Ассунсіона и вела легкую жизнь, — то возможно ли утвердительно сказать, что она была дочь доктора Франсіа?... Бѣдный Франсіа! бѣдная дѣвушка! — вотъ все, что можетъ сказать европейскій рецензентъ! Жаль, что такъ мало!

Франсіа былъ не общительный, суровый, мрачный человекъ, способный чувствовать себя одинокимъ даже среди веселой толпы; иногда на лицѣ его являлась улыбка, но обыкновенное суровое и мрачное выраженіе тотчасъ прогоняло ее. Онъ слылъ повсюду за человека прямого, точнаго, и методически жестокаго, а главное, непоколебимо честнаго. «Искусный юристъ», «ученый юристъ», — прекрасная репутація, не правда ли? О Франсіа говорили кромѣ того — «честный юристъ!» Объ этомъ необыкновенномъ казусѣ братья Робертсоны возвестили всему міру гораздо раньше, чѣмъ задумали сочинить «Царство Ужаса», исполненное бранными криками, которые насъ такъ смутили.

Любите ли вы анекдоты? — Мы, то-есть рецензенты, очень любимъ разсказывать анекдоты и даже готовы имъ верить. На этомъ основаніи, предлагаемъ анекдотъ о докторѣ Франсіа:

«Неоднократно было замѣчено, что репутація доктора Франсіа, какъ юриста, была безукоризненна; онъ не только не запятналъ себя продажностью, но прославился неподкупной честностью.

«Въ Ассунсіонѣ у него былъ другъ, по имени Доминго Родригъ. Этотъ человекъ алчнымъ окомъ взиралъ на виноградникъ, принадлежавшій одному набобу, и этотъ набобъ, бывшій въ открытой враждѣ съ Франсіа, назывался Этанислао Макейя. Никогда не сомнѣваясь, что молодой докторъ, подобно другимъ

юристамъ, приметъ на себя защиту неправаго дѣла, Доминго объяснилъ ему свои претензіи и, обѣщая щедрое вознагражденіе, просилъ его помощи. Франсіа тотчасъ же увидѣлъ, что притязанія его друга несправедливы и основаны на обманѣ; поэтому онъ не только отказался помогать ему совѣтомъ, но безъ всякихъ околичностей объявилъ, что какъ онъ ни ненавидитъ набоба, но если онъ, Доминго, будетъ упорствовать въ своихъ неправыхъ требованіяхъ, то онъ, Франсіа, станетъ защищать передъ судомъ набоба. Исторія Ахава доказала, что не такъ легко укротить человѣческую алчность: наперекоръ предупрежденію Франсіа, Доминго Родригъ продолжалъ упорствовать, и вскорѣ всѣ возстали противъ несчастнаго набоба, потому что Доминго былъ богатъ и считался могущественнымъ человекомъ.

«Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда Франсіа, поздно вечеромъ, закутался въ плащъ и твердымъ, рѣшительнымъ шагомъ направился къ дому своего закоснѣлаго врага, Эстанислао Макейна. Рабъ, отворившій ему дверь, зная, что его господинъ и докторъ, подобно знаменитымъ домамъ Монтеки и Капулетти, готовы были выцарапать другъ другу глаза, не впустилъ юриста и постыжился извѣстить набоба о странномъ, неожиданномъ визитѣ. Набобъ, изумленный не менѣе своего раба, нѣсколько времени не зналъ, что дѣлать; но наконецъ рѣшился принять Франсіа. Докторъ молча вошелъ въ комнату набоба и увидѣлъ на его письменномъ столѣ груды бумагъ, заключавшихъ въ себя отзывы, возраженія, доводы, опроверженія и проч.

«Макейнъ», сказалъ юристъ хозяину дома, я вашъ врагъ, вы это знаете; но я достоверно знаю, что мой другъ Родригъ незаконно дѣйствуетъ противъ васъ, а потому пришелъ предложить вамъ свои услуги.

«Набобъ не взирлъ ушамъ; оправившись отъ изумленія, онъ разразился потокомъ благодарственныхъ восклицаній и съ радостью принялъ предложеніе.

«Первое «escrito» или письмо, отосланное докторомъ въ аннеляціонный судъ, смутило противниковъ и поколебало судью, бывшаго на ихъ сторонѣ. «Мой другъ», сказалъ судья старшему адвокату, «я ничего не могу сдѣлать, пока вы не принудите Франсіа молчать; заплатите ему.» «Попробую», отвѣчалъ адвокатъ и, положивъ въ карманъ сотню дублоновъ (что составляетъ 350 англійскихъ гиней или 2,013 російскихъ цѣлковыхъ), отправился къ Франсіа въ надеждѣ, что тотъ соблазнится этимъ,

весьма недурнымъ, подаркомъ. Разсудивъ, что въ предисловіи хорошо было бы намекнуть, что подарокъ предлагается по совѣту судьи, плутъ адвокатъ простодушно разсказалъ дѣйствительный фактъ.

«Убирайтесь вонъ изъ моего дома съ вашими подлыми предложеніями и съ этой дрянью! вскричалъ Франсіа, указывая на деньги.

«Продажный слуга безчестнаго судьи вышелъ; тогда оскорбленный докторъ накинулъ шинель и пошелъ къ судью. Сказавъ въ нѣсколькихъ словахъ о томъ, что происходило между нимъ и посланнымъ судьи, Франсіа продолжалъ: «Милостивый государь, вы запятнали свою честь, вы законопродавецъ. Теперь вы въ моихъ рукахъ; не дальше какъ завтра дѣло будетъ рѣшено въ пользу моего кліента, а вы... ваша должность будетъ вывѣской вашего безчестья!»

«Наступило завтра. И что же? Все исполнилось такъ, какъ сказалъ рѣшительный, непоколебимый Франсіа: виноградникъ остался во владѣніи набоба, судья потерялъ репутацію, а слава молодаго доктора загремяла по всему Парагваю.»

Разсказываютъ, будто около этого же времени Франсіа поссорился съ своимъ отцомъ и съ тѣхъ поръ не говорилъ съ нимъ ни слова. Причиной ссоры, какъ догадываются нѣкоторые, былъ «денежный вопросъ». Но Франсіа не былъ скупъ, и сребролюбіе было чуждо его духу, говорить Ренггеръ. Онъ нетерпѣлъ несправедливости и вѣроятно позволялъ *себѣ* дѣйствовать въ отношеніи къ другимъ совершенно свободно и безпристрастно. Суровый, честный человекъ, желавшій, чтобъ всякая вещь называлась своимъ собственнымъ именемъ, исчерпавшій премудрость креолскихъ законовъ, постигшій тайны французской науки, талантливый, прямой, энергическій, ипохондрикъ, на чель котораго постоянно блуждаютъ черныя громовыя тучи, этотъ человекъ ведетъ уединенную, почти затворническую жизнь и «вопрошаетъ природу» съ помощью теодолитовъ, телескоповъ и философіи достопочтеннаго аббата Рейналя, который, какъ известно, на подобные вопросы не даетъ слишкомъ велерѣчивыхъ отвѣтовъ. Судебныя дѣла, адвокатскіе доходы, гражданскія обязанности, слава и удивленіе ассусионскихъ гуачосовъ, точно также, какъ и андалузскіе глаза, сверкающіе обольстительнымъ блескомъ, голько на время приковывали его къ себѣ. Родясь онъ однимъ столѣтіемъ раньше, онъ со своею ревностью,

моцнымъ характеромъ, любознательностью, съ темными, неопределенными мыслями, ненаходящими выраженія въ человѣческомъ языкѣ, былъ бы прекраснымъ доминиканцемъ, мало, былъ бы отличнымъ главою іезуитовъ, великимъ инквизиторомъ или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Но онъ опоздалъ немного, и вмѣсто того, чтобы сдѣлаться доминиканцемъ или инквизиторомъ, сдѣлался отцомъ смуглаго существа женскаго пола, которое нищенски продавало цвѣты на улицахъ Ассунціона! Наступило бесплодное время. Чего же искалъ этотъ Франсіа съ своими мрачными мыслями, съ огненно-меланхолическимъ характеромъ, скрываемымъ отъ взора людскаго? Мѣста, что-ли, въ муниципальномъ *Cabildo*? Нѣтъ, онъ имѣлъ тамъ мѣсто, онъ уже былъ *Alcalde*, головою Ассунціона, и развѣзжалъ въ позолоченной каретѣ. Ему оставалось немного, скажете вы: деньги, бесплодная слава въ мѣрѣ гуачосовъ; философія аббата Рейналя тоже бесплодна; предстоялъ бесплодный жизненный путь, въ концѣ котораго все превращается въ *нуль*, какъ думаетъ аббатъ Рейналь....

Нѣтъ! въ тѣ времена мѣръ шель другой дорогой. Далеко, на другомъ берегу широкаго океана, на Марсовомъ полѣ собирались конфедераты, воздвигались гильотины, и французскій народъ произносилъ безпощадные приговоры; явился санкюлотизмъ, заговорившій пушечными выстрѣлами, и рѣчь его гремѣла на полміра. Откормленный *Fatpuncho*, комфортабельный *Donothingism*, погружаются, какъ въ смертный сонъ, въ свои роскошныя сѣдалища или какъ лунатики колеблются на вершинахъ домовъ, и слышится имъ голосъ, произносящій надъ ними смертный приговоръ: Умри *Donothingism*, твой часъ пробилъ! Страшенъ былъ этотъ взрывъ! со дна тартара онъ поднялъ огонь и пепель и превратилъ въ хаосъ полміра! Дикій, свирѣпый вопль его способенъ былъ пробудить все, — кромѣ смерти. Потомъ наступили времена Наполеонизма, Тамерланизма, и, какъ частное проявленіе его, начались съезды въ Аранжуэцъ, за которыми послѣдовала Испанская Юнта, Испанскій Кортесъ; тогда, къ великому своему изумленію, проснулась старая Испанія и въ слѣдъ за нею проснулась новая Испанія и еще болѣе изумилась своему пробужденію. Въ новомъ полушаріи возникаютъ горячіе споры, предлагаются дикіе проекты; на островъ св. Маргариты собирается вооруженная толпа, являются Боливары и паводняютъ

Куману; потомъ возмущеніе въ Ла-Платъ, возмущеніе на Западъ, на Югъ, на Сѣверъ; взрывъ слѣдуетъ за взрывомъ и таинственная револютивная сила, какъ вулканической огонь, потрясаетъ весь материкъ отъ моря до моря. Изумительное зрѣлище представляла Америка въ десятихъ годахъ нашего столѣтія... Мужайся, докторъ Родригъ Франсія! Слушай, если у тебя есть уши, смотри, если ты одаренъ зрѣніемъ! О, Франсія весь превратился въ слухъ и смотритъ, какъ стоголазый Аргусъ! Съ этого времени существованіе его совершенно измѣняетъ свою форму.

Парагуеносы, живущіе внутри материка, мало помышляющіе о томъ, что дѣлается на свѣтъ, не торопились принимать новое республиканское ученіе; быть можетъ, они хотѣли видѣть, какое оно дастъ направленіе событіямъ и будетъ ли оно также успѣшно на дѣлѣ, какъ на словахъ. Въ Буэносъ-Айресь, въ Тукуманъ, въ провинціяхъ Ла-Платы были уже свои монтаньяришки; вездѣ революціи были приведены къ концу, вездѣ водворено было царство свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ неспровергнуто царство закона и порядка; — а Парагуеносы все еще не могли рѣшиться на такое предпріятіе. Можетъ быть, они боялись? Въ концѣ 1810 года, генераль Бельграно, посланный изъ Буэносъ-Айреса для того, чтобъ оказать имъ покровительство, уже достигъ было границы; но здѣсь его встрѣтили оружіемъ, напали на него въ ночную пору или по-крайней-мѣрѣ напугали, такъ что солдаты разбѣжались. На утро бѣдный генераль Бельграно самъ нуждался въ покровительствѣ и, собравъ свой храбрый отрядъ, скромно спустился внизъ по рѣкѣ. Такъ повѣствуетъ Ренггеръ объ этомъ достопамятномъ событіи. Не раньше, какъ черезъ годъ Парагуеносы сами, безъ всякой чужой помощи, рѣшились отвѣдать свободы и учредили нѣчто въ родѣ конгресса. Франція, какъ должно полагать, не мало содѣйствовалъ къ возбужденію и потомъ къ обузданію ихъ: плодъ уже нался и созрѣлъ, стояло только встряхнуть дерево. Старый королевскій губернаторъ, человекъ весьма почтенный, съ лукавой гримасой отступилъ въ сторону по первому требованію, и національный конгрессъ вступилъ въ отправленіе своей должности: секретари стали читать бумаги и дѣлать выписки преимущественно изъ Древней Исторіи Роллена; такимъ образомъ началась республика. Донъ Фульдженсио Іегросъ, богатѣйшій изъ гуачосовъ и лучший наездникъ въ государствѣ, былъ избранъ въ президенты;

рядомъ съ нимъ засѣдали два ассесора, называемые также *Vocales* или гласными (имена ихъ намъ неизвѣстны); Франція, какъ секретарь, былъ, разумеется, согласной, то-есть душою собранія. По нашему расчету, это должно было происходить въ 1811 году. Члены парагвайскаго конгресса, учредивъ правленіе, разошлись по домамъ и спокойно принялись за свои прежнія занятія, кто за соху, кто за кожу, въ надеждѣ, что все кончится благополучно.

Едва ли путь какого нибудь историка былъ освѣщенъ болѣе слабымъ свѣтомъ, чѣмъ тотъ, который бросаютъ на нашъ, увы! тернистый путь господа Ренгеры, Робертсоны и всѣ другіе свидѣтели рожденія, крещенія и ранняго дѣтства новой парагвайской республики. Сквозь безчисленное множество пустыхъ, перепутанныхъ страницъ, составляющихъ ихъ книги, пробивается сѣроватый свѣтъ, въ которомъ, какъ въ глубокихъ сумеркахъ, всѣ предметы сливаются въ одну неопредѣленную массу. Была республика, и въ этой республикѣ Франція былъ секретаремъ,—вотъ единственный достовѣрный, очевидный фактъ, проливающий нѣкоторый свѣтъ надъ всеобщимъ мракомъ и составляющій средоточіе всего, что любознательный читатель хотѣлъ бы знать; это обстоятельство приводитъ насъ къ пріятному убѣжденію, что намъ этого очень довольно. И что тамъ было? Нѣсколько глухихъ, сонныхъ креоловъ, внезапно пробужденныхъ взрывомъ гражданской и религіозной свободы, собрались вмѣстѣ, объявило республику и стало выписывать изъ Древней Исторіи Роллена свои официальные документы. Неужели эти люди и ихъ дѣятельность достойна исторіи? Исторія, благодаря Бога, тотчасъ же забываетъ такихъ людей и ихъ выписки, лишь только о ихъ существованіи доводятъ до ея свѣдѣнія. Сверхъ того, гуачосы народъ прожорливый, развратный, пустой, и всѣ они, какъ говоритъ мистеръ Майерсъ въ своей запальчивости, лгутъ безъ зазрѣнія совѣсти. Въ предѣлахъ Парагвая, мы знаемъ положительно, былъ одинъ только человекъ, который осудилъ себя на честное, благородное дѣло; одинъ человекъ, который въ глубинѣ своей души питалъ убѣжденіе, что видимая нами вселенная, есть вѣчный, неизмѣнный фактъ, а не подверженная гніенію тыква, колоссальнаго размѣра, наполненная сладкимъ сокомъ и полынной настойкой; а все, что не имѣетъ прямаго отношенія къ тыквѣ, по мнѣнію гуачосовъ, ли-

*

шено всякаго существеннаго значенія! Воля ваша, такіе люди не могутъ имѣть исторіи, хотя бы самъ Фукидидъ возвратился на землю. Для насъ достаточно знать, что Донъ такой-то былъ безмысленный болванъ, грабилъ казну и жилъ въ свое удовольствіе, а Донъ такой-то, дѣлалъ тоже самое; что сдѣлано было несмѣтное множество самыхъ безобразныхъ нелѣпостей; что явились недовольные, поднялся ропотъ, пошли интриги, заговоры; правительство сдѣлалось безстыднѣе, чѣмъ было при іезуитахъ, домъ конгресса превратился въ бездонную пропасть, наполненную зачумленными парами, невыносимыми для живаго чловѣка; что, наконецъ, секретарь Франція почувствовалъ все неприличіе быть *согласной* въ обществѣ такихъ *гласныхъ* и, въ слѣдствіе того, въ одинъ прекрасный день, всталъ съ своего мѣста, швырнулъ подъ столъ выписки изъ Роллена и, трагически махнувъ своей длинной, сухощавой рукой, нахмурилъ брови и сказалъ рѣшительнымъ тономъ: «Прощайте! много лѣтъ желаю здравствовать!»

Послѣ этого рѣшительнаго поступка Франція удалился въ свою родимую *chacra*, хорошенькій деревенскій домикъ, расположенный въ лѣсу Итапѹа; здѣсь онъ жилъ частнымъ чловѣкомъ и продолжалъ вопрошать природу. Случилось, къ счастью или къ несчастью, сказать мудрено, что именно въ то самое время (то есть въ 1812 году, по нашему лѣтосчисленію) Паришъ Робертсонъ жилъ въ этой же странѣ у одной весьма почтенной, довольно ветхой дамы Донны Жуанны. Онъ бывалъ на невообразимо блестящихъ *сுவаряхъ*, а по вечерамъ ходилъ стрѣлять дичь. Въ одинъ изъ такихъ пріятныхъ ве... но онъ самъ лучше разскажетъ:

«Въ одинъ изъ такихъ пріятныхъ вечеровъ, послѣ юго-западнаго вѣтра, освѣжившаго и очистившаго атмосферу, я вышелъ въ мирную долину, лежащую недалеко отъ жилища Донны Жуанны, замѣчательную сочетаніемъ различныхъ чертъ, характеризующихъ эту страну. Случайно наткнулся я на домашнюю стоکانу и вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ простенькій домикъ. Тутъ поднялась куропатка; я выстрѣлилъ, и птица упала. Позади меня какой-то голосъ произнесъ: «*Buen tiro*», счастливой охоты. Я оглянулся и увидѣлъ высокаго джентльмена лѣтъ пятидесяти, одѣтаго съ ногъ до головы въ черное платье съ краснымъ са-

pote, плащемъ, накинутымъ на плечи. Въ одной рукѣ онъ держалъ чашку, въ другой сигару; возлѣ стоялъ мальчикъ изъ породы негровъ, скрестивъ на груди руки. Лицо этого джентльмена было смугло; черные пронизательные глаза и черные волосы, отброшенные назадъ и висѣвшіе до плечей, придавали его фигурѣ важный, поражающій видъ. На башмакахъ и на кольнахъ сверкали огромныя золотыя пряжки.

«Послѣ простыхъ гостепріимныхъ привѣтствій, принятыхъ въ этой странѣ, джентльменъ пригласилъ меня сѣсть въ корридоръ и взять сигару и *maté* (чашку парагвайскаго чаю). Подъ маленькимъ портикомъ я увидѣлъ глобусъ, телескопъ огромныхъ размѣровъ, теодолидъ, изъ чего я заключилъ, что передо мною былъ никто другой, какъ докторъ Франція.»

Такъ вотъ наконецъ она, подлинная исторія! слухъ превращается въ очевидный фактъ. Посредствомъ пары робертсоновскихъ глазъ мы видимъ наконецъ всю фигуру этого таинственнаго доктора Франція. Но вѣрно ли Паришъ Робертсонъ записалъ то, что донесли ему глаза и другіе органы чувствъ? не измѣнила ли ему память? Намъ было бы очень пріятно думать, что онъ не ошибся. Достопочтенные мужи сидѣли другъ передъ другомъ, прихлебывали чай, курили сигары и вели самый пустой разговоръ. Мы пропустимъ этотъ разговоръ и введемъ читателя въ бібліотеку неутомимаго вопрошателя природы:

«Онъ ввелъ меня въ свою бібліотеку, небольшую комнату съ однимъ окномъ, которое до половины было закрыто крышей корридора, и пропускало въ комнату именно столько свѣта, сколько было необходимо. На трехъ большихъ полкахъ было разставлено до трехъ сотъ книгъ. Здѣсь были волюминозныя сочиненія юридическія, французскія и латинскія сочиненія о литературѣ, элементы Эвклида и нѣсколько учебниковъ алгебры. На обширномъ столѣ лежали груды бумагъ; то были процессы; тутъ же лежало нѣсколько раскрытыхъ фоліантовъ, переплетенныхъ въ пергаментъ. Зажженная свѣча (поставленная на столъ единственно для того, чтобъ было гдѣ закуривать сигары), вмѣстѣ съ послѣдними отблесками вечерняго солнца, слабо освѣщали комнату. На другомъ концѣ стола стояла серебряная чернилица и такая же чашка. На кирпичномъ полу не было ни ковра, ни даже цыновки; стулья были стариннаго фасона, такъ тяжелы и широки,

что нужно было употребить значительное усилие, чтобы передвинуть ихъ съ одного мѣста на другое.»

Грабежъ, лихоимство, глупость и безстыдство во всѣхъ возможныхъ формахъ и видахъ господствовали въ ассунсионскомъ правительствѣ, котораго теперь нѣкому было обуздывать, и, какъ мы сказали, достигли ужасающихъ размѣровъ. Скоро новая система превратилась въ зловредную язву на государствѣ и неизбежно должна была погибнуть. Въ глазахъ Парагвая было ясно, что такое царство свободы не можетъ и не должно быть терпимо; теперь лучше, чѣмъ когда-нибудь, Парагуеносы поняли необходимость новой перемѣны министерства.

Ренггеръ говоритъ, что Франсія нѣсколько разъ оставлялъ правительство и, исполненный презрѣннѣ къ своимъ товарищамъ, удалялся въ свой одинокій домикъ, лежащій въ Итапуа; но ему льстили, обшачали золотыя горы, убѣждали, просили—онъ возвращался и снова оставлялъ дѣла, преисполняясь еще большимъ презрѣннѣмъ. Что могутъ значить однѣ глушыя гласныя безъ согласной?—Франсія былъ согласной, а потому былъ необходимъ. Финансы были разстроены, въ войскъ, которому вовсе не платили жалованья, порядокъ исчезъ и оно не могло противиться даже дикимъ индѣйцамъ;—между тѣмъ изъ Буэносъ-Айреса, изъ Ла-Платы, словомъ, со всѣхъ концовъ материка несется слухъ о войнѣ. Патріоты генералы оказались измѣнниками и, казалось, оспаривали другъ у друга права на позорный столбъ или висѣлицу; революція слѣдуетъ за революціей. Артигасъ, напуганный на парагвайской границѣ, предаетъ огню и мечу нѣсколько городовъ и, «возсядая на бычачьемъ черепѣ, диктуетъ приказы тремъ секретарямъ». Индѣйцы, какъ стаи хищныхъ волковъ, врываются въ предѣлы Парагвая, жгутъ, грабятъ, истребляютъ все, что попадается. А Парагвай долженъ управляться самъ собою. Горе тебѣ, Парагвай!

Въ это критическое время глаза всѣхъ устремились на доктора Франсія, единственнаго чловѣка въ Парагваѣ, доказавшаго свои таланты и правдивость. Въ 1813 году собрался второй конгрессъ; мы догадываемся, что онъ былъ созванъ по совѣту Франсія, котораго правительство тщетно старалось убѣдить принять прежнюю должность. Прежнее правительство было уничтожено и конгрессъ собрался. Въ новомъ конгрессѣ гласныя провозгласили Франсія и дона Фольдженсіо Иегросъ совѣтниками республики. Донъ Фольдженсіо, богатый чловѣкъ, знаменитый укро-

титель дикихъ коней, съ прежней страстью предавался своему искусству и тщеславился богатымъ поясомъ и блестящими эполетами. Въ слѣдующемъ году, во вновь созванномъ конгрессѣ, Франсіа, «употребивъ нѣсколько хитростей», воспользовавшись расположеніемъ войска» и, мы прибавимъ, покорившись закону природы, объявилъ себя диктаторомъ—на *три* года или на всю жизнь, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ значило одно и то же. Это было въ 1814 году. Съ этихъ поръ Франсіа уже никогда не обирала конгрессовъ; уничтоживъ конституцію, онъ замѣнилъ ее своею волей. Да и стоитъ ли оплакивать печальную участь конгрессовъ, выписывавшихъ пункты конституціи изъ древней исторіи Роллена? Стоило ли ихъ собирать? Ренгеръ и даже Робертсоны говорятъ, что такихъ конгрессовъ свѣтъ никогда не видѣлъ: они не умѣли отличить правой руки отъ лѣвой, пили въ тавернахъ ромъ, дома вздили верхомъ, пахали землю и стрѣляли корупатокъ. Войско стало на сторону Франсіа.

Со вступленіемъ Франсіа въ должность совѣтника и диктатора республики, всѣ дѣла, говоритъ Ренгеръ, пошли отлично, все было измѣнено и улучшено. Онъ возстановилъ разоренную, ограбленную казну, принудилъ каждаго чиновника въ точности исполнять свои обязанности; потребовалъ, чтобы солдаты учили и чтобы исправно выдавали имъ жалованіе; за то какъ мужественно они сражались съ Индѣйцами и съ другими врагами, являвшимися на границахъ владѣній доктора. На границѣ, вдоль всей рѣки, какъ изъ земли выросли караульные дома, и лишь только появлялись Индѣйцы, со всѣхъ сторонъ собирались хорошо вооруженные, сытые солдаты, и стаи хищныхъ волковъ, потомки древнихъ центавровъ, разсѣивались въ степи, не успѣвъ причинить никакого вреда мирнымъ обитателямъ Парагвая. Въ странѣ было все мирно и тихо. Ни одинъ изъ буйныхъ головорезовъ, въ родѣ Артигаса, которые волновали Южно-Американскій материкъ, не осмѣливался переступить черезъ границу Парагвая. Съ Буэносъ-Айресомъ и съ другими странами, участвовавшими въ общей войнѣ, прерваны были всѣ сношенія; изъ Лимы отъ тамошняго конгресса, отъ генеральнаго Панамскаго конгресса были посланы въ Ассунсіонъ депутаціи; но Франсіа и знать не хотѣлъ ни о какихъ конгрессахъ, ни частныхъ, ни генеральныхъ. Вся Южная Америка походила на колоссальную псарню, въ которой заперта стоя голодныхъ, разсвирѣпѣвшихъ

собакъ; между тѣмъ какъ Парагвеносы мирно занимались обработываніемъ своихъ чайныхъ плантацій, по прежнему гнусили любовныя пѣсни и спокойно спали на своихъ искусственныхъ холмахъ. Улучшеніе постепенно слѣдовало за улучшеніемъ, и скоро рядъ караульныхъ домовъ распространился на всю границу; ввозъ и вывозъ товаровъ диктаторъ разрешалъ (за деньги), только въ то время, когда на политической аренѣ водворялся порядокъ и тишина. Визшняя торговля сдѣлалась весьма важнымъ источникомъ государственнаго дохода. Хотя вмѣшательство диктатора въ торговля дѣла для иностранныхъ купцовъ было тягостно (думаютъ братья Робертсоны), за то Парагвай, отрѣзанный отъ остальнаго материка, благоденствовалъ и молчалъ.

Вотъ какія строгія и рѣшительныя мѣры принялъ диктаторъ Франсіа! Однакожь, не смотря на то, что о конституціи не было и помину, въ теченіе пяти или шести лѣтъ его диктаторства, никто не могъ на него пожаловаться. Парагвай сидѣлъ подъ чайными деревьями, высасывалъ сокъ изъ сладкихъ тыкъвъ и наслаждался миромъ—чего же больше? Дикіе Индѣйцы, Артигуеносы, Бельграносы не смѣли и подойти къ его границъ. Но въ 1819 году, на второй годъ постояннаго диктаторства, Франсіа замѣтилъ, и уже не въ первый разъ, признаки «заговора», даже опаснаго заговора! Въ это время неугомонный Артигасъ былъ на-поваль разбитъ и принужденъ былъ просить пристанища у своего врага—доктора Франсіа; Франсіа гостепріимно, но презрительно принялъ его. Вскорѣ послѣ того въ раззоренномъ и расхищенномъ отечествѣ Артигаса возвысился соперникъ и побѣдитель его, генераль Рамирецъ, такой же неукротимый головорѣзъ. Этотъ генераль Рамирецъ пришелъ къ предѣламъ Парагвая и предложилъ доктору союзъ, его отвергли; тогда онъ предложилъ войну; последнее предложеніе было принято, и Рамирецъ былъ взрубленъ въ куски. Для насъ всего важнѣе то, что у него, у генерала Рамиреца нашли письмо, отъ котораго диктаторъ пришелъ въ несказанное изумленіе. Оно было адресовано къ ех-совѣтнику дону Фульдженсіо. Что же узналъ Франсіа изъ этого письма? Онъ узналъ, что въ Парагваѣ составляется заговоръ! да, заговоръ, подъ предводительствомъ ех-совѣтника, дона Фульдженсіо, богатѣйшаго изъ гуачосовъ, искуснѣйшаго изъ парагвайскихъ наездниковъ, заговоръ, который приготавлился два года, и теперь долженъ былъ вспыхнуть вдругъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ! Тогда,

Богъ вѣсть, уцѣлѣла ли бы голова Франціа. Но Франціа не любилъ шутить такими вещами. Онъ ждалъ, смотрѣлъ, слѣдилъ, пока не узналъ въ точности, кто участвуетъ въ заговоръ, въ чемъ онъ состоитъ, и тогда—что тогда?—тогда онъ, какъ коршунъ, какъ свирѣпый кондоръ, ринулся на него съ недосыгаемыхъ высотъ, поразилъ его въ самое сердце, встерзалъ въ мелкіе куски и пожралъ тутъ же на мѣсть! Вотъ какъ дѣйствовалъ Франціа! Это былъ не первый, но за то послѣдній заговоръ во все время его диктаторства.

Мы полагаемъ, что собственно такъ называемое «царство ужаса» продолжалось эти два или три года, въ теченіе которыхъ Франціа высѣживалъ заговоръ Фольдженсіо и готовился истребить его, что «двѣя восклицанія», которыя насъ такъ смутили въ началъ, относятся именно къ этимъ двумъ или тремъ годамъ. Въ это же самое время онъ казнилъ слишкомъ сорокъ человекъ, и легко понять, почему! «*Par-Dios*», вы составляете противъ меня заговоры! нѣтъ, друзья мои, я вамъ этого не позволю. Вы хотите свободы! Да еслибъ все человечество и весь Гуачосы были свободны, въ Парагваѣ не будетъ свободы! Я, только я одинъ очищенъ, только изъ меня изгнаны семь дьяволовъ. Судьба дала мнѣ Парагвай въ аренду на всю жизнь, понимаете ли, на всю жизнь, и права мои на эту аренду больше, чѣмъ ваши глупыя головы могутъ себѣ вообразить. Я долженъ умереть, если отъ меня отнимутъ аренду, таковы мои условія. Не посягайте жъ вы, пустоголовые Гуачосы, на мою жизнь, или я васъ заставлю заботиться о вашей собственной жизни!» На этомъ—то основаніи, онъ казнилъ болѣе сорока человекъ, а сколькоихъ онъ арестовалъ, допросилъ, высѣкъ! Если вы виноваты, или если васъ подозреваютъ въ какомъ нибудь преступленіи — быть вамъ высѣчену, потому что Франціа человекъ неумолимый. Придетъ къ вамъ гигантъ—гренадеръ, арестуетъ васъ именемъ диктатора, поведетъ въ тюрьму, потомъ поставитъ предъ очи самаго диктатора, и эти очи вопьются въ васъ какъ зми; и вотъ диктаторъ—юристъ станетъ васъ допрашивать, перспрашивать, пробовать, ощупывать со всехъ сторонъ и наконецъ откроетъ вашу тайну!

Но заговоры, прекращенные такимъ рѣшительнымъ образомъ, вышли совсѣмъ изъ моды и въ слѣдующія двадцать лѣтъ невоз-

обновлялись. «Царство ужаса» стало постепенно переходить въ «царство порядка», страшное царство, если вы нарушили его законы, но впрочемъ мирное и разумное.

Въ томъ же году, то-есть въ 1820, налетѣла на Парагвай саранча и, какъ говоритъ Ренггеръ, разрушила его благосостояніе: государству предстояла голодная смерть. Лѣто уже приходило къ концу, хлѣба почти созрѣли, и вдругъ ничего не стало! Внѣшней торговли не было, или была самая ничтожная, — что оставалось дѣлать? Парагвай не могъ надѣяться на своихъ Гуачосовъ, но у него былъ Діонисій Гуачосскій. Докторъ Франсіа, постигшій тайнства французской науки, исполненный природнаго глубокомыслія и сверхъ того принужденный самой необходимостью, отдалъ приказъ всемъ фермерамъ въ государствѣ снова засѣять поля, въ надеждѣ, а можетъ быть, и безъ всякой надежды, на урожай. Фермеры, подѣ страхомъ жестокаго наказанія, исполнили приказаніе диктатора. Какой же результатъ? Результатъ такой, что, во-первыхъ, урожай былъ весьма хорошій, а во-вторыхъ, что этотъ случай показалъ возможность каждый годъ два раза засѣвать поля и собирать двѣ жатвы; такимъ образомъ земледѣлье, вспомошествоваемое грознымъ диктаторомъ, могло совершенствоваться до безконечности. Парагвай заключаетъ около 100,000 квадратныхъ миль самой плодородной земли, и такъ какъ на каждую квадратную милю приходится только по двѣ души, то диктаторъ отсюда заключилъ, что Парагвай и безъ внѣшней торговли можетъ прокормить всехъ своихъ Парагуеносовъ, которые поэтому должны заниматься земледѣліемъ, а не торговлей. Убѣдившись въ справедливости своего вывода, Франсіа привѣнилъ его къ дѣлу, «съ очевидной пользой», замѣчаетъ Ренггеръ. Такимъ образомъ всѣ событія находились въ совершенной зависимости между собою: нападеніе извнѣ открыло заговоръ внутри государства, саранча, прилетѣвшая тоже извнѣ, улучшила земледѣлие внутри; хищные Индѣйцы заставили растянуть линію сторожевыхъ домовъ по всей границѣ. Вскорѣ Парагвай былъ закупоренъ герметически и Франсіа сталъ царить въ немъ, какъ Богдыханъ или какъ Діонисій, безъ всякаго сторонняго вмѣшательства.

Какъ Франсіа управлялъ Парагваемъ, когда власть его, приобретенная хитростью и другими средствами, окончательно утвердилась; какія онъ хотѣлъ сдѣлать улучшенія въ своей арендѣ,

какія успѣлъ сдѣлать,—обо всемъ этомъ ничего положительнаго сказать невозможно, потому что, какъ мы уже имѣли честь докладывать читателю, подробная правдивая біографія доктора Франціа еще не являлась на свѣтъ. Въ *Aesthetische Briefwechsel*, герра профессора Зауртейга,—въ сочиненіи еще вовсе неизвѣстномъ ни въ Англіи, ни въ Россіи *, — находимъ два или три отрывочныя замѣчанія о нашемъ предметѣ, достойныя вниманія. Профессоръ Зауртейгъ обладаетъ обширнымъ умомъ и яснымъ взглядомъ; основавъ свои разсужденія на общихъ выводахъ философіи, онъ проливаетъ яркій свѣтъ на нѣкоторыя темныя стороны загадочной личности диктатора. Замѣчанія сего велемудраго мужа тѣмъ болѣе достойны вниманія, что онъ изучалъ челоуька въ разныхъ условіяхъ климатическихъ, политическихъ, социальныхъ, фізіологическихъ и проч.

«Нельзя не сожалѣть», восклицаетъ профессоръ Зауртейгъ, «что ни одна нація не можетъ преобразовывать себя тѣмъ способомъ, который въ настоящее время употребляется Англичанами и который въ ихъ газетахъ извѣстенъ подъ именемъ «ужасныхъ криковъ». ** Увы, для другихъ это невозможно! Реформа сопряжена не съ наслажденіями, но съ страданіемъ: отдѣльное лицо не можетъ произвести въ себя переворота безъ труда и страданія, тѣмъ менѣе цѣлый народъ. Когда змѣя сбрасываетъ старую кожу, ея овладѣваетъ мрачное увыніе; она въ это время достойна сожалѣнія! Не подтверждаетъ ли вышесказаннаго положенія нашего самое *водолеченіе*? цѣлые мѣсяцы просиживаете въ водѣ по горло; влажная стихія проникаетъ въ васъ до самаго сердца, вы похожи на губку и, подобно извѣстному древнему мудрецу, возсѣдавшему на навозной кучѣ, первому пролетарію въ мірѣ, готовы проклинать свое жалкое существованіе! Реформа въ цѣломъ народѣ—страшный трудъ. Когда Медея возвращала людямъ попусту растраченную ими юность, то она (*du Himmel!*) рубила ихъ въ мелкіе куски, бросала въ котелъ и долго варила на медленномъ огнѣ. Какъ хорошо, что Англичане изо-

* Ни даже въ самой Германіи, можемъ прибавить, потому что какъ самъ профессоръ такъ и его сочиненіе вымышлены Карлейлемъ.

** Въ оригиналѣ *tremendous cheers*; такъ называютъ въ англійскихъ газетахъ крикъ одобренія или негодованія, которымъ прерываютъ оратора.

бръли средство достигать такихъ же результатовъ съ помощью однихъ только «ужасныхъ криковъ!»

«Подобно капль лекарственной жидкости, предотвращающей гніеніе, влитой (конечно, милосердной рукою) въ безпредельную рану разврата, бессмысленности, звѣрства,—острой, ѣдкой, жгучей жидкости—этотъ «бурый тиранъ» докторъ Франсіа среди южно-американскаго населенія былъ однимъ изъ элементовъ, произведшихъ великій переворотъ. Наступило время сбросить старую кожу—чудовищный, прожорливый *boa-constrictor*, растянувшійся отъ Панама до Патагоніи, сбрасываетъ съ себя кожу; всѣ идутъ подъ топоръ и, превратившись въ мелкіе куски, попадаютъ въ котель Меден, потому что они не способны преобразовывать себя одними «ужасными криками»!

«Я думаю», говоритъ профессоръ Зауртейгъ, «что властолюбіе, о которомъ толкуютъ нѣкоторые философы, ничего не значить. Власть! Любить «власть» или право приказывать долговязымъ лакеямъ, чтобъ они ходили туда или сюда, дѣлая то или другое, можетъ только тотъ, чей умъ находится въ младенческомъ состояніи. Эта любовь невозможна въ человѣкѣ, который, подобно доктору Франсіа, довольствовался тремя сигарами, чашкой чаю и четырьмя унціями говядины съ чернымъ хлѣбомъ, и если бы весь свѣтъ со всеми ливрейными и неливрейными лакеями, соединенными силами сталъ заботиться объ этихъ предметахъ, то онъ не могъ бы къ нимъ ничего прибавить. У него было все необходимое; такъ могъ ли онъ, человѣкъ возмужалый, любить, чтобы вы постоянно вертелись вокругъ него съ лакейскимъ проворствомъ, гримасничали передъ нимъ и льстили ему, приправляя свою лѣсть притворнымъ раболѣпиемъ?»

«Истинный человѣкъ стремится и долженъ стремиться, подъ страхомъ вѣчной кары, къ тому, чтобы быть властителемъ своего міра, быть въ этомъ мірѣ (каковъ бы онъ ни былъ) средоточіемъ свѣта и порядка, а не тьмы и хаоса. Человѣкъ любитъ власть: да, если онъ видитъ вокругъ себя безпорядокъ, этого вѣчнаго врага всего человѣческаго, онъ долженъ желать, чтобъ этотъ врагъ былъ побѣжденъ, и радуется побѣдѣ. Магомедъ носилъ дырявый плащъ, но зашивалъ его собственными руками;

зашивайте, кладите заплатки на вашемъ міръ, лишь только замѣтите, что онъ ветшаетъ и рвется. Докторъ Франсіа оставилъ воспоминаніе о своей правдивости въ міръ безстыднаго грабежа и разврата; онъ хотѣлъ и долженъ былъ это сдѣлать, и еслибъ онъ пренебрегъ малѣйшей возможностью достигнуть этой цѣли, онъ бы погибъ. Пламя, горѣвшее въ душѣ доктора Франсіа, мерцающее, синеватое пламя должно было проливать свѣтъ среди ночнаго мрака, сгустившагося надъ Парагваемъ. И Франсіа исполнилъ это, какъ могъ.»

«Нельзя не удивляться», продолжаетъ профессоръ Зауртейгъ, «искусству или хитрости природы, съ которой она дѣйствуетъ при раздачѣ *своихъ* фермъ на аренду. Въ самыя критическія минуты она отдала этотъ темный, несчастный Парагвай на аренду честному, правдивому человѣку, въ то время единственному во всей странѣ; не долженъ ли Парагвай благодарить ее? Между тѣмъ доходъ арендатора можно математически выразить посредствомъ—0. Спартанскій обѣдъ, жилище, двѣ сигары и чашка парагвайскаго чаю у него были еще до полученія аренды.»

Замѣчанія герра Зауртейга намъ кажутся совершенно вѣрными. Дѣйствительно, жизнь диктатора Франсіа, какъ арендатора этой огромной, запущенной фермы, не представляла большихъ наслажденій. Изгонять постоянно дьяволовъ изъ глупыхъ, неотесанныхъ гуачосовъ—вовсе не наслажденіе! И однакожъ, здѣсь было сдѣлано нѣсколько улучшеній; честный трудъ не бываетъ напраснымъ трудомъ, хотя бы онъ принадлежалъ доктору Франсіа!

Объ улучшеніяхъ, произведенныхъ диктаторомъ, можно сказать столько же, сколько объ его жестокости и суровости, потому что первыя находились въ совершенной соразмѣрности и зависимости отъ послѣднихъ. Онъ ввелъ, какъ было сказано, самое радикальное улучшеніе въ систему парагвайскаго земледѣлья; основалъ школы, пансіоны, низшія учебныя заведенія, о которыхъ Робертсоны написали цѣлую главу; вездѣ, гдѣ могъ, распространялъ просвѣщеніе и немилосердно гналъ предрасудки. Въ судахъ онъ возстановилъ неслыханную до того справедливость и самъ не принималъ никакихъ подарковъ, ни подъ какимъ предлогомъ. Узъжая изъ Парагвая, Ренггеръ оставилъ у диктато-

ра портретъ Наполеона; этотъ портретъ, стоявшій въ Европѣ нѣсколько шиллинговъ, былъ неоцѣненнымъ сокровищемъ въ Парагваѣ, гдѣ доктору Франсіа, благоговѣвшему предъ геніемъ Наполеона, удалось, и то совершенно случайно, увидѣть извѣстную Нюренбергскую карриатуру. Франсіа шлетъ за Ренгеромъ гонца спросить, что стоитъ портретъ. Ничего не стоитъ; Ренгеръ не продаетъ портретовъ; онъ радъ, что можетъ услужить его превосходительству. Но его превосходительство знать ничего не хочетъ, и отсылаетъ портретъ. Удивительный человекъ! Неправда ли? Взятничество, обманъ, праздноелюбіе съ позоромъ были изгнаны изъ правительственныхъ учреждений. На всемъ пространствѣ Парагвая ни одно официальное или частное лицо не смѣло пренебречь своимъ дѣломъ; всякое частное и официальное лицо принуждено было дѣлать свое дѣло, или—идти на висѣлицу! Онъ былъ заклятый врагъ хвастовства и всякой неправды; лучше было сквозь землю провалиться, чѣмъ солгать или обмануть; въ такихъ случаяхъ Франсіа былъ жестокъ, свирѣпъ и неумолимъ какъ судьба. Бѣдный Франсіа: пламя, горѣвшее въ его груди, было синеватое, слабое, какъ пламя грошовой свѣчи; но онъ все-таки освѣщалъ Парагвай, какъ могъ, о чемъ замѣтилъ нашъ глубокомысленный профессоръ.

Что у него были всѣ необходимыя средства для охраненія своей жизни, что онъ не терпѣлъ и вида противорѣчія, что неотступно преслѣдовалъ малѣйшее неповиновеніе, объ этомъ нечего и говорить; это прямо и непосредственно вытекаетъ изъ сущности вещей: У него были висѣлицы, тюрьмы, набитыя биткомъ, *Tiavego*, скудная, безжизненная провинція, куда онъ ссылалъ беспорядочныхъ людей. Большинство ссыльныхъ, говоритъ Ренгеръ, составляли пьяные мулаты и тотъ разрядъ человѣческихъ существъ, который извѣстенъ подъ именемъ несчастныхъ самокъ. Они жили тамъ какъ нищія, впадали въ уныніе и, быть можетъ, становились умнѣе.

Теперь неуждно ли вамъ, мой возлюбленнѣйшій читатель, вообразить себя, что вы находитесь въ Парагваѣ, что теперь не 1857, а 1840 годъ и именно 20 октября, и вы стоите въ ассунціонской церкви Воплощенія Сына Божія и слушаете, какъ проповѣдуетъ *Reverendissimo Pater* Мануэль Перець. Орація его нѣсколько монотонна, гнуслива (*nasal*); но вы чувствуете, что въ ней есть много правды. Въ 813 № Буэносъ-Айрской

газеты «Argentine News» она напечатана въ переводъ на какой-то странный, до сихъ поръ вовсе неизвѣстный языкъ, приближающійся къ англійскому и отличающійся отъ англійскаго совершеннымъ отсутствіемъ грамматики. Эта надгробная рѣчь не мало удивила издателя Argentine News; онъ готовъ былъ воскликнуть, или даже воскликнулъ: неужели всѣ слухи о «царствѣ ужаса» и проклятія, сыпавшіяся на диктатора, была наглая ложь?» Но послушаемъ, что говорить Reverendissimo Мануэль Перець.

«Среди ужасовъ революцій, раздиравшихъ нашъ материкъ, Творецъ милостивымъ окомъ взглянулъ на Парагвай и ниспослалъ ему освободителя въ лицѣ Дона Доже и Гаспара Франціа!

«Какихъ средствъ не изобрѣталъ диктаторъ, какихъ онъ не перенесъ трудовъ для того, чтобъ сохранить миръ внутри Парагвая и доставить ему то мѣсто, какое прилично ему въ отношеніи къ сосѣдямъ! Первымъ его дѣломъ было привести въ порядокъ нашу армію и водворить въ ней строгую дисциплину, не дозволяя никому уклоняться отъ своего долга;—и у насъ скоро осталась отличная армія. Удивленіе мое не находитъ предѣловъ, когда я представляю себѣ, какое безчисленное множество заботъ лежало на плечахъ этого великаго челоуька! Въ самое короткое время онъ изучилъ военное искусство и предводительствовалъ войсками, какъ самый опытный, искусный вѣтеранъ. Мнѣ не разъ случалось видѣть, какъ его превосходительство самъ училъ рекрутъ стрѣлять и владѣть оружіемъ. Теперь всякій Парагваецъ считаетъ великой честью носить оружіе; и можетъ ли быть иначе, если самъ диктаторъ учитъ, какъ имъ владѣть! Кавалерійское дѣло, требующее физической силы и опытности, также не было имъ пренебрежено; часто, вы это видѣли, онъ несся впереди своихъ эскадроновъ, командовалъ имъ и умѣлъ внушать имъ такую же энергію, какая одушевляла его во всякомъ дѣйстви.

«Сколько бѣдствій претерпѣвалъ нашъ бѣдный народъ отъ хищничества разбойниковъ!» восклицаетъ Мануэль Перець. «Насилье, грабежъ, убійство были дѣломъ обыкновеннымъ для этихъ злодѣевъ. Недоступныя горы, обширныя равнины нашей республики служили безопаснымъ убѣжищемъ для нихъ. Нашъ диктаторъ успѣлъ внушить имъ такой ужасъ, что они стали искать спасенія въ перемѣнѣ образа жизни. Онъ убѣдился, что

способъ наказанія важнѣе, чѣмъ самое наказаніе, и сталъ дѣйствовать согласно этому убѣжденію. Всякаго пойманнаго разбойника приводили въ ближайшій сторожевой домъ, предавали суду и тутъ же разстрѣливали. Это средство оказалось дѣйствительнымъ. Вскорѣ въ республикѣ водворилось такое спокойствіе, что дитя могло безопасно пройти отъ Урагуая до Параны безъ всякой защиты кромѣ страха, внушеннаго верховнымъ диктаторомъ.» — Дѣльно сказано!

«Мы еще выше оцѣнимъ дѣла его, если вспомнимъ что отечеству нашему угрожала анархія. Охъ!» восклицаетъ Pater Перець, «охъ, друзья мои, я не въ силахъ представить вамъ полную картину бѣдствій народовъ, сдѣлавшихся жертвой анархіи! А развѣ мы не ждали ея съ часу на часъ? Да, братья, она была уже не далеко. — Необходимо было дѣйствовать рѣшительно, задавить врага въ его колыбели. Онъ такъ и сдѣлалъ. Онъ захватилъ начальниковъ мятежа, предалъ ихъ суду и объявилъ государственными измѣнниками. Для диктатора наступила новая борьба: онъ долженъ былъ примирить требованія долга съ голосомъ чувства». «Я», продолжаетъ Pater Перець, «я убѣжденъ, что если бы для спокойствія государства было достаточно содержать этихъ людей въ заключеніи, диктаторъ никогда не рѣшился бы провознестъ надъ ними смертнаго приговора.» Но это было неизбежно, и Франсія казнилъ сорокъ человекъ. «Братья, будетъ ли это оскорбленіемъ священному мѣсту, въ которомъ мы находимся, если я осмѣлюсь оправдывать эту кровавую жестокую мѣру? Нѣтъ, ибо самъ Богъ оправдалъ рѣшеніе Соломона, предавшаго смерти Іоава и Адоніа.»

«Потомъ вниманіе диктатора обратилось на другихъ враговъ отечества», говорилъ Мануэль Перець «именно на должностныхъ лицъ, расхищавшихъ государственную казну. Открывъ ихъ злоупотребленія, онъ принудилъ ихъ возратить въ казну все, что было похищено ими, и принялъ самыя рѣшительныя мѣры для предупрежденія такихъ злоупотребленій въ будущемъ. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, онъ входилъ въ мельчайшія подробности каждаго дѣла и слѣдилъ за нимъ съ вниманіемъ, почти несвойственнымъ его высокому сану.»

«О, Парагвай! какъ много ты обязанъ трудамъ, заботливости и проникательности своего диктатора! Онъ являлся вездѣ, гдѣ чувствовали необходимость въ его присут-

ствѣи, и всегда поспѣвалъ во-время, и былъ всегда стражемъ, хранителемъ общественной безопасности. Въ тиши своего кабинета онъ отыскивалъ постоянно новыя средства для защиты границъ республики и обезопасенія ея изъ-внѣ. Какимъ страшнымъ опустошеніямъ подвергались жители Рио-Абайо, отъ набѣговъ дикихъ индѣйцевъ! Иногда толпы ихъ достигали до Ассунсіона, наводили ужасъ на обитателей столицы и безнаказанно возвращались въ степи. Кто изъ насъ могъ предположить, что это зло, такъ далеко распространившееся, будетъ наконецъ остановлено?—Нашъ диктаторъ нашелъ средство обуздать дерзость дикарей!

«Четыре сильныя крѣпости, занятыя значительными гарнизонами, составили грозный оплотъ и пресѣкли вторженія жадныхъ хищниковъ. Жители Рио-Абайо! оставайтесь спокойно въ своихъ жилищахъ: вы составляете часть того народа, который ввѣренъ заботливости нашего диктатора; вы безопасны!

«Онъ принялъ мудрыя мѣры для отраженія Индѣйцевъ на северъ республики. Укрѣпленія Клиппо, Сенъ Карлосъ де-Апа приведены въ отличное состояніе, въ Вилла де-Консенсіонъ посланы инструкціи и такимъ-образомъ эта часть государства была въ совершенной безопасности.

«Крѣпости, рвы и окопы на другомъ берегу Параны, отличное устройство арміи, разумно распределенной по разнымъ частямъ государства, внушили иноземнымъ врагамъ уваженіе къ нашему отечеству.

«Красота и симетрія въ постройкѣ городскихъ зданій, даетъ иноземцу хорошее мнѣніе объ ихъ жителяхъ», думаетъ Pater Перецъ—и многіе другіе. «Диктаторъ нашъ видѣлъ, что столица республики не имѣетъ полиціи, что улицы кривы, невымощены, что дома строятся безъ симетріи, единственно по капризу владѣльцевъ, и принялъ стро....»

Довольно, довольно, достопочтеннѣйшій Патеръ.

«Не доказываютъ ли всѣ исчисленныя мною дѣла доктора, что онъ *былъ* ниспосланъ Богомъ на землю, чтобы защитить Парагвай отъ его враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ?» О, да, дѣла его, какъ кажется, были велики и самъ онъ ниспосланъ былъ Богомъ на землю, какъ всѣ мы грѣшныя! Мало того; быть можетъ, польза отъ его великихъ дѣлъ еще не всѣмъ понятна, быть можетъ ея вовсе не замѣчаютъ. Но пройдетъ, быть можетъ, цѣлое столѣтіе: и Парагвеносы оглянутся назадъ, вспомнятъ своего дол-

говязаго желѣзнаго диктатора Франсіа , и оцѣнять его по достоинству. Кто знаетъ ? Дѣла правдиваго чловѣка , въ какомъ бы тѣсномъ кругу онъ ни дѣйствовалъ , не умирають !

Господа Робертсоны , которыхъ мы уже имѣли честь представить читателю , какъ людей торговыхъ и притомъ людей веселаго нрава , не мало потѣшаются надъ намѣреніемъ диктатора перестроить городъ Ассунсіонъ по новому , лучшему плану. Городъ Ассунсіонъ , утонувшій въ роскошной зелени тропическихъ растений , былъ построенъ весьма неправильно ; его кривыя , немощенныя улицы послѣ дождя становились непроходимыми ; развѣ кенгуру могъ бы прыгать по нимъ. Франсіа , не долго думая , рѣшилъ перестроить весь городъ , вымостить и выпрямить улицы , однимъ словомъ , сдѣлать его городомъ *comme il faut*. Робертсонъ захотѣлъ , увидѣвъ диктатора , который , разставивъ ноги и согнувшись въ дугу , выравнивалъ улицы посредствомъ теодолида ;—о , Робертсонъ ! что же ему осталось дѣлать , если кромѣ его , никому было смотрѣть черезъ теодолидъ. Мало того , судя по рассказамъ Робертсоновъ , это улучшение повлекло страшныя жестокости : мирные обитатели Ассунсіона , съ дѣтства привыкшіе къ своей копоти и грязи , мирно благоденствовавшіе надъ кровлями своихъ безобразныхъ лачугъ и вовсе не помышлявшіе ни о какомъ серьезномъ трудѣ , принуждены были (подъ страхомъ смертной казни ; диктаторъ иначе ничего не предпринималъ) , принуждены были сломать старые дома , которые иногда высовывались на самую середину улицы , и строить новые на другихъ мѣстахъ , по другимъ планамъ — на собственный счетъ ! Это ужасно. Чѣмъ же кончилось ?—Ассунсіонцы объяснили истинное намѣреніе диктатора тѣмъ , что онъ перестраиваетъ дома , выпрямляетъ улицы и вырубаетъ палисадники , только съ тою цѣлью , чтобы обезопасить себя отъ нападенія , котораго онъ могъ ожидать каждый разъ , какъ провзжалъ по городу. Быть можетъ , это и правда ; но за то теперь Ассунсіонъ имѣетъ хорошіе дома , скверы , прямыя , мощенныя , чистыя улицы , по которымъ во всякое время могутъ прогуливаться не только кенгуру , но и быки и всякія другія животныя , не исключая чловѣка.

Робертсоны находятъ въ диктаторѣ довольно комическія черты , перепутанныя трагическими ; сквозь рьяные вопли , наполняющіе ихъ книгу «Царство Ужаса» , постоянно прибавляется насмѣшка или , если хотите , сатира. Однажды вечеромъ одинъ изъ Робертсоновъ , намѣревавшійся выхвать изъ Парагвая , явилъ-

ся къ диктатору, чтобы имѣть честь засвидѣтельствовать ему свое глубочайшее почтеніе. Франція, къ крайнему изумленію Робертсона, приказала принести огромный тюкъ со всякимъ добромъ, потомъ приказала разложить это добро на столъ; тогда Робертсонъ увидѣлъ передъ собою табакъ, холстъ, сукно, которое тамъ идетъ на пончосы, и разныя другія туземныя произведенія первѣйшаго сорту, тщательно завернутыя и перевязанныя; у каждой связки болтался ярлыкъ, на которомъ была означена цѣна. Весь этотъ тюкъ онъ предложилъ удивленному Робертсону отвести въ Англію и, явившись съ нимъ въ Нижнюю Палату парламента, произнеси короткую, но вразумительную рѣчь въ слѣдующемъ тонѣ: «Господинъ президентъ, Докторъ Франція—диктаторъ Парагвая, страны, заключающей въ себѣ 100,000 квадратныхъ миль плодороднѣйшей земли, производящей всѣ эти предметы, цѣнность которыхъ означена на приложенныхъ къ нимъ ярлыкахъ. Хотя онъ дозволяетъ гражданамъ Парагвая торговать съ другими народами, но ни съ кѣмъ ему не было бы такъ пріятно вступить въ торговыя связи, какъ съ Англичанами; это его искреннее желаніе. Что вы на это скажете, господинъ президентъ?»—Конечно, если бы нашъ Робертсонъ явился въ Нижнемъ парламентѣ съ этимъ предложеніемъ, то онъ былъ бы довольно забавенъ. Но онъ не явился; мало того, сообразивъ свои дѣла, онъ вовсе не поѣхалъ въ Англію. Это, по всей вѣроятности, и было причиной ненависти доктора Франція къ Робертсону, ненависти, которую онъ съ трудомъ удерживалъ въ границахъ обыкновенной вѣжливости. Человѣкъ, который говоритъ одно, а дѣлаетъ другое, въ глазахъ диктатора былъ презрѣнный человѣкъ, незаслуживающій добраго слова. За то и они не сказали о немъ почти ни одного добраго слова: «Царство Ужаса»—это очень немзыкальная соната, или дисгармоническій дуэтъ съ варьяціями на темы: «Какъ смѣлъ онъ не сдержать своего слова!» — «Какъ это смѣшно и глупо, что диктаторъ не знаетъ самыхъ обыкновенныхъ условій вѣжливости!»

Франція не могъ терпѣть мнимаго труда; ему хотѣлось, чтобы работникъ былъ настоящимъ работникомъ. О, Гуачосы, не знаете вы, что значить изгонять гнѣздящихся въ васъ дьяволовъ! Бездѣйствіе онъ гналъ неумолимо. Въ Парагваѣ, какъ и вездѣ, были цѣлыя касты совершенно здоровыхъ людей, присвоившихъ себѣ право ничего не дѣлать и жить на счетъ ближнихъ. Само собою разумется, эти люди не могли ожидать покровительства

*

со стороны диктатора; онъ ихъ пробудилъ отъ лѣни и бездѣйствія самымъ нецеремоннымъ образомъ: *Débout, canaille faïnéante*, какъ сказалъ Рейналь; *Débout: aux champs, aux ateliers!*—или вонъ отсюда, чтобы и духу вашего не было слышно въ моей республикѣ! — Также энергически преслѣдовалъ онъ предрасудки и суевѣрье. Парагвайцы, подобно другимъ, мало просвѣщеннымъ народамъ, вѣрили въ разныхъ деревянныхъ и каменныхъ боговъ и отдавали имъ великія почести. Во все время диктаторства Франсіа, эти истуканы оставались спокойно въ своихъ капищахъ; празднества въ честь ихъ были строго воспрещены. Однажды диктаторъ получилъ прошеніе отъ гражданъ Ассунсіона, чтобы во вновь выстроенной крѣпосткѣ онъ приказалъ воздвигнуть капище въ честь одного изъ ихъ боговъ, признаваемого патрономъ той страны; «О, народъ парагвайскій! о, жалкіе Гуачосы! воскликнулъ онъ, прочитавъ прошеніе: до колы вы будете идиотами! Тамъ нужны пушки, а не ваши бессмысленные истуканы!»

Франсіа, какъ было сказано выше, строилъ крѣпости, перестраивалъ городъ, слѣдовательно, нуждался въ огромномъ множествѣ рабочихъ рукъ; но парагвайскіе рабочіе только казались рабочими: плотники, напримѣръ, строили дома; но выведенныя ими стѣны валились отъ перваго сильнаго вѣтра. Франсіа увѣщевалъ ихъ, ободрялъ, награждалъ, старался всѣми силами увѣдить ихъ, что рабочій долженъ быть на самомъ дѣлѣ работникомъ, а не его тѣнью. Всѣ средства были истощены и ни одно не помогло. Тогда Франсіа потерялъ терпѣніе и приказалъ построить нѣсколько «*висълицъ для рабочихъ*». Да, это учрежденіе дѣйствительно существовало въ Парагваѣ, многіе видѣли его своими собственными глазами, а иные увѣряли, что это было одно изъ полезнѣйшихъ учреждений. Въ Робертсоновомъ «Царствѣ Ужаса» находимъ слѣдующую характеристическую сцену, происходившую между диктаторомъ и башмачникомъ:

«Однажды вечеромъ пришелъ къ диктатору бѣдный башмачникъ со связкой солдатскихъ перевязей; перевязи не понравились ему. «Часовой», сказалъ онъ, и когда явился часовой, разговоръ продолжался въ такомъ тонѣ:

«*Диктаторъ*. Сведи этого *bribonazo* (любимое слово диктатора, означающее «подлецъ») —веди этого *bribonazo* къ висълицѣ, что по той сторонѣ дороги, и заставь его прогуляться подъ нею; потомъ», прибавилъ онъ, обратясь къ трепещущему

башмачнику, «ты принесешь мнѣ другую пару перевязей, тогда я заставлю тебя не гулять подъ висѣлицей, а покачаться на ней».

«*Башмачникъ*. Позвольте, я принесу другія, лучшія.

«*Диктаторъ*. Если это твои лучшія, то я повѣшу тебя; тогда по-крайней-мѣрѣ ты не будешь портить казенной кожи. Эти перевязи негодятся для солдатъ, но они пригодятся для тебя. Вотъ онъ, диктаторъ указаль на гренадера, сдѣлаетъ изъ нихъ петлю.

«*Башмачникъ*. Экселленца! я вашъ слуга, я покорнѣйшій вашъ рабъ, я готовъ всегда служить вамъ! дайте два дня сроку, я сдѣлаю отличнѣйшія перевязи, *у por el alma ole un triste zapatero* (клянусь душой бѣднаго башмачника), останетесь довольны!

«*Диктаторъ*. Пошелъ, куда сказано!

«*Часовой*. Venga, bribon! Ступай, подлець!

«*Башмачникъ*. Сеньоръ экселентиссимо! *Въ эту ночь* я сдѣлаю перевязи какія вамъ угодно!

«*Диктаторъ*. Хорошо, даю тебѣ срокъ до утра; а теперь ступай шиходи подъ висѣлицей, это полезно.

«*Часовой*. Ну, иди же; слышишь начальникъ приказываетъ.

«Башмачникъ вышелъ въ сопровожденіи часоваго и, пройдя нѣсколько разъ подъ висѣлицей, отправился въ свою мастерскую.»

Возвратясь домой, башмачникъ принялся за работу съ такимъ неслыханнымъ усердіемъ, что къ утру нѣсколько перевязей было готово; конечно, то были лучшія перевязи во всей Южной Америкѣ. Теперь этотъ башмачникъ, если только онъ живъ, шьетъ перевязи на весь Парагвай, благоденствуетъ и съ благодарностью вспоминаетъ диктатора и его висѣлицу, которые разомъ выгнали изъ него всѣхъ сидѣвшихъ въ немъ дьяволовъ.

Такое учрежденіе, съ такими простыми формами, вовсе не идетъ къ обветшалымъ конституціоннымъ европейскимъ обществамъ; однакоже, позвольте васъ спросить, чѣмъ замѣнить его? какое правленіе, по вашему мнѣнію, возможно въ странѣ, населенной мнимыми работниками? какія общественныя мѣры могутъ сдѣлать ихъ дѣйствительными работниками? Было бы противно законамъ природы, если бы въ этомъ лѣнивомъ, сонномъ обществѣ было такое же лѣнливое, сонное правительство. О, американскіе и европейскіе Гуачосы! не знаете вы, что значитъ изгонять изъ васъ дьяволовъ!

Но, можетъ быть, читателю будетъ пріятно взглянуть на док

тора Франсіа въ его жилищѣ , провести съ нимъ одинъ день и собственными глазами увидѣть его многостороннюю дѣятельность? Съ помощью швейцарскаго врача Ренггера, мы можемъ удовлетворить этому желанію:

«Я уже сказалъ , пишетъ Ренггеръ, что Франсіа, сдѣлавшись главою республики, поселился въ зданіи, въ которомъ до него жили правители Парагвая. Это зданіе , обширнѣйшее въ Ассунсіонѣ , было выстроено Іезуитами не за долго до переворота , для тѣхъ мірянъ, которые посвящали себя житію по уставу Игнатія Лойолы. Диктаторъ возобновилъ, украсилъ это зданіе и отдѣлилъ его отъ другихъ домовъ широкой улицей. Здѣсь онъ жилъ съ четырьмя рабами: съ маленькимъ негромъ, однимъ мужчиной и двумя женщинами изъ породы мулатокъ ; со слугами своими диктаторъ обращался весьма кротко. Одна мулатка исполняла у него обязанность камердинера и грума , другая наблюдала за гардеробомъ. Онъ велъ весьма правильную жизнь. Первый лучъ солнца рѣдко заставлялъ его въ постели. Лишь только онъ просыпался , негръ вносилъ въ его комнату жаровню, котелокъ и кувшинъ воды, которую тутъ же начиналъ кипятить. Когда вода была готова , диктаторъ съ необыкновенною тщательностью приготовлялъ себѣ *maté*—парагвайскій чай. После чаю онъ выходилъ въ открытую галерею, обращенную во дворъ и закуривалъ сигару, которую предварительно развѣтывалъ и подвергалъ строжайшему осмотру, желая убѣдиться, не заключается ли въ ней чего-нибудь смертоноснаго, не смотря на то, что сигары эти приготовлялись его родною сестрой. Въ шесть часовъ приходилъ немытый, нечесанный и дурно одѣтый цирюльникъ, также изъ породы мулатовъ. Когда диктаторъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа , то вступалъ съ нимъ въ разговоръ и нерѣдко , съ намѣреніемъ сообщалъ ему свои административные планы, чтобы такимъ образомъ приготовить публику; цирюльникъ разыгрывалъ роль оффиціальной газеты, и надо ему отдать справедливость, разыгрывалъ весьма удовлетворительно. Потомъ онъ надѣвалъ мантию, выходилъ въ галерею и принималъ лицъ , которымъ были назначены аудіенціи. Отъ семи до девяти часовъ диктаторъ проводилъ время въ своемъ кабинетѣ, куда являлись военные и гражданскіе чиновники съ донесеніями и получали приказанія. Въ одиннадцать часовъ входилъ *fiel del fecho* (главный секретарь) съ дѣлами , требовавшими рѣшенія диктатора. Въ полдень всѣ уходили, и Франсіа садился ѣдать.

Кушанія, приготовлявшіяся воегда по его личному распоряженію, были весьма просты. Возвратясь съ рынка, кухарка оставляла всю купленную провизію у двери, ведущей въ комнату диктатора, и тотъ самъ выбиралъ припасы, нужныя для его стола. После обѣда онъ ложился спать; проснувшись, пилъ чай, выкуривалъ одну сигару, съ такими же предосторожностями, какъ утромъ, и опять занимался дѣлами. Около пяти часовъ являлся тотъ же цирюльникъ и убиралъ голову диктатора, между тѣмъ, какъ у подъезда ожидала его верховая лошадь и свита. Во время прогулки диктаторъ осматривалъ работы, завѣжалъ въ казармы. Хотя Франсіа вздѣлъ не иначе, какъ со свитой, но при немъ всегда находились — сабля и пара карманныхъ двухствольныхъ востолетовъ. Съ наступленіемъ сумерекъ, Франсіа возвращался домой и до девяти часовъ занимался чтеніемъ. Въ девять часовъ ему подавали ужинъ, состоявшій изъ жаренаго голубя и стакана вина. Потомъ, если погода была хороша, онъ выходилъ въ галлерей, гдѣ проводилъ около часу; въ десять — отдавалъ пароль и запиралъ все входы въ домъ.

Братъ Франсіа въ то время былъ уже сумасшедшимъ; онъ скорѣ прогналъ и сестру, за то, что она употребляла для посылки одного изъ государственныхъ гренадеръ.

Кавалеристы, составлявшіе конвой диктатора, лишь только замѣчали, что кто-нибудь изъ прохожихъ не отдавалъ ему чести, догоняли и брали подъ арестъ. И они, и диктаторъ, сверхъ того пристально смотрѣли во все стороны, не скрываются ли гдѣ-нибудь убійцы; но убійцы никогда не являлись, быть можетъ благодаря предосторожностямъ. — Что, еслибъ Франсіа жилъ въ Парижѣ? Однажды, неизвѣстно по какой причинѣ, вокругъ диктаторскаго дома стали собираться праздныя толпы народа; душа диктатора взволновалась чувствомъ досады, а можетъ быть, и страха, и тотчасъ же было отдано приказаніе не дозволять народу толпиться на эспланадѣ; часовымъ также строго было приказано прогонять всякаго, кто бы ни остановился на замовдвожъ мзотъ; если же требованіе часоваго не будетъ тотчасъ исполнено, то часовой долженъ стрѣлять. Парагвеносы избѣгали дорогъ, ведущихъ мимо диктаторскаго дома, а если другаго пути не было, то они безъ оглядки спѣшили чрезъ эспланаду. Прошло нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ совершенно благополучно. Въ одно прекрасное утро, часовой замѣтилъ не далеко отъ своего поста человѣческую фигуру, праздно шатающуюся

передъ окнами диктатора. «Поди прочь!» закричалъ часовой,— фигура не повиновалась; «Поди прочь!» закричалъ часовой еще громче. Увы, несчастная человѣческая фигура былъ Индвѣць, не понимавшій ни одного слова ни на одномъ человѣческомъ языкѣ. Часовой выстрѣлилъ. Индвѣць пораженъ былъ въ одно время и пулей, и крайнимъ удивленіемъ; но ему уже нѣкогда было дать себѣ отчетъ въ томъ, что случилось. Франсіа потребовалъ часоваго. «Что, любезный?» спросилъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва. Часовой повторилъ приказаніе; но диктаторъ не могъ припомнить, дѣйствительно ли отдавалъ когда-нибудь подобный приказъ, и запретилъ часовымъ стрѣлять.

Остается сказать одно слово о непростительномъ оскорбленіи, нанесенномъ диктаторомъ наукъ, въ лицѣ Эме Бонплана. Мы скажемъ это слово не для оправданія (потому что оно не возможно), а только для объясненія его поведенія. Эме Бонпланъ, другъ Гумбольдта, послѣ продолжительныхъ ботаническихъ изслѣдованій въ разныхъ частяхъ Америки, поселился, какъ всему міру извѣстно, въ Энтре-Ріо, въ индѣйской или іезуитской странѣ, опустошенной уже извѣстнымъ читателю головорѣзомъ Артигасомъ, и основалъ здѣсь значительное заведеніе для улучшенной обработки парагвайскаго чаю, въ видахъ комерціи или науки—не знаемъ, должно быть для пользы ботаники. «А, ботаника!» восклицаетъ диктаторъ: «она полезна для земледѣлья. Кто такой этотъ иностранецъ? Артигасъ не смѣетъ позволять ему жить въ Энтре-Ріо; Энтре-Ріо принадлежитъ мнѣ, столько же, какъ Артигасу! Доставить ко мнѣ этого человѣка!» Въ слѣдующую ночь парагвайскіе солдаты окружили чайное заведеніе Бонплана, разогнали Индѣйцевъ, истребили чайныя деревья, схватили его самого, перевезли во внутренность Парагвая и—остальное мы знаемъ. Теперь Бонпланъ живетъ въ Америкѣ, наслаждается совершенной свободой и, какъ думаютъ Робертсоны, пишетъ правдивую повѣсть о своихъ походахъ, въ чемъ мы однакожъ сомнѣваемся.

Въ отношеніи къ Артигасу, своему заклятому врагу, бандиту и головорѣзу, Франсіа поступилъ очень хорошо—человѣколюбиво и съ достоинствомъ. Онъ не хотѣлъ говорить съ нимъ, не хотѣлъ даже видѣть его; но охотно позволилъ ему жить внутри Парагвая и назначилъ тридцать піастровъ въ мѣсяцъ пожизненной пенсіи. Бандитъ ведетъ теперь спокойную жизнь, обрабатываетъ поле и забылъ свои разбойничьи подвиги. Товарищи его,

опять начавшіе грабить, были переловлены и перевешаны, говорятъ Ренггеръ.

Съ другой стороны, рассказы объ отношеніяхъ Франсіа къ своему отцу, требуютъ подтвержденія. Говорятъ, что старикъ, умирая, хотѣлъ примириться съ сыномъ; но Франсіа «былъ занятъ и не могъ идти къ отцу». Другіе утверждаютъ, будто старикъ боялся умереть, не увидѣвъ сына и не примирившись съ нимъ, будто ему казалось, что безъ этого не попасть ему въ рай. «Пусть идетъ въ—!» сказалъ Франсіа: «Я не пойду къ нему!» Если этотъ рассказъ истинный, то, безъ сомнѣнія, онъ хуже всего, что говорили о докторѣ Франсіа. Если Франсіа не хотѣлъ простить своего умирающаго отца, то пусть ни одно прогнѣшеніе не простится ему! Но достовѣрность рассказовъ о диктаторѣ, казнившемъ сорокъ человѣкъ, вещь также довольно сомнительная. Кто былъ тотъ человѣкъ, который выслушалъ этотъ безчеловѣчный отвѣтъ? Если этотъ человѣкъ существуетъ на землѣ, если онъ вѣритъ въ Бога, то пусть торжественной клятвой подтвердитъ свое показаніе. Пусть онъ сдѣлаетъ это ради психологін.

Еще одинъ послѣдній фактъ. Нашъ одинокій диктаторъ, живя между Гуачосами, находилъ величайшее удовольствіе въ бесѣдѣ съ Робертсономъ, Ренггеромъ, съ разумными человѣческими существами, съ которыми онъ рѣдко встрѣчался. Онъ закидалъ бы васъ вопросами объ образъ жизни иноземныхъ народовъ, о свойствахъ неизвѣстныхъ ему вещей; онъ интересовался всѣмъ, потому что онъ былъ человѣкъ и, словомъ, ничто человѣческое ему не было чуждо. Но вокругъ него были большею частью глупцы, невѣжды, и онъ принужденъ былъ довольствоваться молчаніемъ, сигарой и чашкой чаю. О, Франсіа, хотя ты и казнилъ сорокъ человѣкъ, но я все-таки не могу не питать къ тебѣ сожалѣнія!

Такимъ образомъ, мы полагаемъ, протекло темное и въ глазахъ Европейца тщетное существованіе человѣка, Родрига Франсіа, на мрачной сценѣ этого міра. Тридцать лѣтъ онъ управлялъ своимъ родимымъ Парагваемъ; двадцать шесть лѣтъ былъ неограниченнымъ его владыкой; два или три года онъ не влагалъ въ ножны неумолимаго меча,—и всегда, во всѣ дни своей жизни оставался желѣзнымъ, суровымъ, энергическимъ человѣкомъ. Такъ жилъ диктаторъ Франсіа, не находя на землѣ покоя, и только вѣчность дала ему успокоеніе. Жизнь, исполненная ги-

гантскихъ трудовъ;—но въ послѣдніе двадцать лѣтъ, послѣ того, какъ заговоръ Фульженсіо былъ разрушенъ, труды эти сдѣлались ровнѣе, и Франція, какъ конь, привыкшій къ сбруу, спокойно потащилъ впередъ свою ношу, пока не прошелъ опредѣленнаго ему числа миль и не добрался до своего дома.

Робертсоны такъ мало знали о докторѣ Франціа, что даже не могли сказать положительно, былъ ли онъ еще въ живыхъ, когда ихъ книги являлись въ свѣтъ. Тогда онъ былъ еще живъ, но теперь ужь умеръ. Да, онъ умеръ, этотъ необыкновенный человекъ, докторъ Франціа, въ этомъ нельзя сомнѣваться: мы читали отрывки изъ рѣчи, произнесенной на его могилѣ. Онъ умеръ 20 октября 1840 года; народъ толпился вокругъ его дома, «соболѣзновалъ о его кончинѣ, и плакалъ», говоритъ Pater Перець. Ему наследовалъ *Junta Gubernativa*, или Диктаторіатъ, состоящій изъ трехъ членовъ, предъ которыми проповѣдывалъ Pater Перець.

В. КЕНЕВИЧЪ.

О С Т Ъ - И Н Д І Я

ВЪ НАЧАЛѢ НАСТОЯЩАГО ГОДА.

Общій овладѣ на владѣнія Англичанъ въ Остѣ-Индіи.

Все народонаселеніе полуострова, называемаго Остѣ-Индію, до снѣжныхъ вершинъ Гималая и безплоднаго хребта Сулейманскихъ горъ, и отъ Аттока, (къ сѣверо-западу) до Комарина (на югъ), на протяженіи 2,000 англ. м., признаетъ надъ собою власть Великобританіи. Но не вся часть Остѣ-Индіи въ одинаковой зависимости отъ Англичанъ; управленіе и защита всего полуострова, какъ государства, принадлежитъ Англіи; но земли, дѣйстви-тельно обложенныя податью и непосредственно управляемыя Англичанами, составляютъ только половину этого полуострова, называемую владѣніями Англичанъ въ Остѣ-Индіи. Круглымъ числомъ 690,000 квадр. англ. миль со 100 м. народонаселенія находятся подъ непосредственнымъ управленіемъ Великобританіи; между тѣмъ какъ 670,000 кв. англ. миль съ 50 м. населенія управляются туземными властителями, которымъ Остѣ-Индская компанія покровительствуетъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Некоторые изъ нихъ платятъ ей незначительную дань, другіе вовсе ея не платятъ. И такъ Англичане управляютъ всею Остѣ-Индію, доставляя ей внѣшнюю и внутреннюю безопасность, но только съ половины ея получаютъ доходы. По этому неудивительно, что доходовъ Остѣ-Индіи иногда недостаетъ на ея расходы и что излишнія суммы, произвольно взимаемыя туземными властителями, при теперешнемъ порядкѣ дѣлъ, остаются безъ пользы для государства. Сверхъ того, не только половина всѣхъ доходовъ не подлежитъ британскому учёту, но многія земли пріобрѣтены на такихъ обременительныхъ условіяхъ, что условія эти кажутся однимъ неблагоразуміемъ со стороны прежнихъ

ость — индских правителей. Рядкий европеец повѣритъ тому, что $1\frac{1}{2}$ м. ф. с. ежегодно выдается изъ скудной ость-индской казны дюжинѣ отрѣшенныхъ отъ престола индѣйскихъ королей, ихъ семействамъ или ихъ наслѣдникамъ, впредь до вождеденнаго пресѣченія ихъ рода. Всѣ эти князья (кромѣ короля Дели), выскочки, случайныя явленія, изъ которыхъ многіе насчитываютъ не болѣе одного царствовавшего поколѣнія, — люди, проложившіе себѣ дорогу къ престолу возмущеніями и убійствами, не представляющіе собою никакой національности. Они во всякое время могли бы быть низвергнуты съ престола тѣмъ же путемъ, какимъ успѣли до него возвыситься. Они сами никогда и не думали объ обязанности платить своимъ предмѣстникамъ пенсію или дань; а потому, еслибъ англійское правительство, утвердившись на ихъ мѣстѣ, по такому же праву, какъ и они, также отказалось отъ платежа пенсіи, то они и не могли бы на него жаловаться. Дѣйствительно, иногда политика требовала, чтобы такого рода мѣрами смягчать ихъ низложеніе съ престола; такъ слѣдовало поступать и изъ великодушія; но пенсіоны по-крайней-мѣрѣ должны бы быть не безсрочные или постепенно уменьшающіеся.

Такъ 160,000 ф. с. выдается ежегодно наслѣднику Мира-Жафиръ, мнимому королю Бенгаліи, избранному самими Англичанами, и кромѣ того 90,000 ф. с. семействамъ прежнихъ королей этой провинціи; 116,000 ф. с. наслѣднику короля Карпатикъ, правителю, назначенному Англією; 118,000 ф. с. наслѣднику короля Танжоре, незначительному военачальнику; 64,000 ф. с. семействамъ Гидоръ и Типпоо, произшедшимъ отъ самозванца, злѣйшаго врага Англіи, который не положилъ оружія до самой смерти, но не успѣлъ оградить себя никакими условіями, и т. п. Исчисляя эти пенсіоны, нельзя не замѣтить, что Ость-Индская компанія была слишкомъ уступчива и дѣйствовала неосмотрительно, рѣшившись обременить будущія поколѣнія столь стѣснительными обязательствами, — обязательствами, которыя сковываютъ теперь Ость-Индскую Имперію, возлагая на ея подданныхъ $1\frac{1}{2}$ мил. бесполезнаго налога.

Финансы и разные виды владѣнія землею.

Въ настоящее время весь доходъ Ость-Индіи простирается до 29 м. ф. с. За вычетомъ изъ него издержекъ на сборъ податей (около 4 м. ф. с.), пенсіоновъ туземнымъ властителямъ и

другихъ ассигнованій , по договору (до $2\frac{1}{2}$ м. ф. с.), — остается чистаго дохода со всѣхъ англійскихъ владній всего $22\frac{1}{2}$ м. ф. с. $\frac{3}{5}$ всего этого чистаго дохода собирается съ земли и акциза (послѣдній даетъ только 1 м. ф. с.), $\frac{1}{7}$ дохода получается съ опиума, $\frac{1}{9}$ съ соли; таможенныхъ и штемпельныхъ пошлинъ еще набирается до 6 процентовъ; остальная часть дохода получается съ разныхъ налоговъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, которые ничтожны въ сравненіи съ издержками, употребленными на ихъ сборъ. Важнѣйшія статьи расхода слѣдующія: содержаніе войска поглощаетъ 56 процентовъ, на содержаніе гражданскаго управленія расходуется 25%, на туземныя учрежденія 3%; остальными 14% уплачивается капиталъ и проценты съ капитала, употребленнаго на приобрѣтеніе владній. По доходности три президентства, составляющія владнія Англичанъ въ Ость-Индіи, различны между собою. Въ Бенгальскомъ президентствѣ, со включеніемъ сѣверо-западныхъ провинцій, областей Аудъ и Пенджабъ, полагается чистаго окладнаго дохода 16 м. ф. с. и собирается сверхъ оклада $5\frac{1}{2}$ м.; въ Мадрасскомъ президентствѣ, считается окладнаго дохода $3\frac{1}{4}$ м. ф. с. и получается сверхъ оклада $\frac{1}{2}$ м. ф. с.; Бомбейское президентство даетъ $\frac{1}{3}$ м. ф. с. меньше чистаго окладнаго дохода, восходящаго до $2\frac{1}{2}$ м. ф. с. Слѣдовательно, Бенгальское президентство самое доходное. Но какъ пошлина съ опиума должна быть принимаема за доходъ общій, государственный, а не мѣстный, и такъ какъ этой пошлины собирается въ бенгальскомъ президентствѣ на $2\frac{1}{2}$ м. ф. с., то для сравненія президентствъ по отношенію къ ихъ доходности, эту сумму нужно вычесть изъ дохода Бенгальскаго президентства. Точно также болѣе $\frac{3}{4}$ м. ф. с. должно вычесть изъ дохода Бомбейскаго президентства. Въ Мадрассѣ опиумъ не растеть, а потому и вычесть этотъ изъ его дохода не нуженъ. Бомбейское президентство во всѣхъ отношеніяхъ самое убыточное.

Долгъ Ость-Индіи простирается до 48 м. ф. с., и кромъ того на ней лежитъ мѣстный долгъ въ 4 м. ф. с.; по этимъ двумъ долгамъ, ежегодно уплачивается процентовъ изъ общихъ доходовъ $2\frac{1}{4}$ м. ф. с.

Доходъ Ость-Индіи кажется небольшимъ въ сравненіи съ доходомъ Великобританіи, но если изъ доходовъ обоихъ государствъ вычесть долговья ихъ уплаты, то остатки будутъ едва ли не равны. Значительная финансовая разница, между тѣмъ и другимъ государствомъ, состоитъ не въ томъ, чтобы Великобри-

танія давала въ обыкновенное время больше дохода, нежели Остѣ-Индіа, но въ способности первой значительно увеличивать доходъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, чего Остѣ-Индіа не въ состояніи сдѣлать. Громадное количество вещественныхъ цѣнностей на островахъ Великобританіи составляетъ резервуаръ, изъ котораго правительство можетъ черпать несметныя суммы въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Въ Индіи, напротивъ, мало накопленнаго богатства: массы народа собираютъ только то, что имъ нужно для прожитія. Отсюда поразительная эластичность (если можно такъ выразиться) финансовъ Великобританіи въ сравненіи съ финансами Остѣ-Индіи или какого нибудь другаго государства.

Вообще въ обыкновенное время доходъ Остѣ-Индіи равенъ ея расходамъ. Долгъ ея произошелъ отъ издержекъ, употребленныхъ на веденіе войны. Война, часто по необходимости, неизбежная война, которая расширяла владѣнія Великобританіи, мѣшала въ тоже время улучшенію финансовъ Остѣ-Индіи. Такъ первая бирманская война 1824 — 1826 г., стоила 50 м. ф. с. Въ 1835 — 1836, къ концу мирнаго управленія лорда Бентинга, недочеты, происшедшіе отъ бирманской войны, пополнены; оказалось еще лишнихъ $1\frac{1}{2}$ м. ф. с. Въ слѣдующіе годы: въ первый было лишнихъ $1\frac{1}{4}$ м., во второй $\frac{3}{4}$ м., въ третій (1838—1839) оказался дефицитъ. Послѣ того наступила война съ Авганистаномъ, двинута была армія черезъ Индъ и недостача за 1839 и 1840 г. достигла слишкомъ 2 м. Въ слѣдующихъ за тѣмъ годахъ до 1849 въ каждомъ недоставало по $1\frac{1}{2}$ м. * Въ слѣдствіе этого долгъ, простиравшійся въ 1836 г. до 30 м., увеличился въ 1850 г. почти до 47 м. Въ 1851, 1852 и 1853 годахъ, опять оказался излишекъ, по $\frac{1}{2}$ м. въ каждомъ. Но въ трехъ послѣднихъ годахъ недостачи было почти 6 м. Эта послѣдняя сумма не можетъ однако считаться потерей, какъ прежнія, потому что она употреблена правительствомъ на общественныя постройки, которыя въ скоромъ времени будутъ источникомъ дохода для всей страны. Она также употреблена въ уплату остѣ-индскаго долга при обращеніи 5-ти процентнаго займа на 3-хъ процентный. Именно: недостачи было за 1856 и 1857 года 1,635,520 ф. с., между тѣмъ на общественныя постройки употреблено: 1,734,000 ф. с.; и такъ, если не считать послѣднихъ, то доходъ 1856—1857 г. будетъ даже превышать расходъ. Доходъ каждой страны под-

* Cambell's Modern India, p. 439.

верженъ годичнымъ колебаніямъ, какъ въ общей массѣ, такъ и въ частяхъ. Такому колебанію въ особенности подвержена теперь Ость-Индія, въ слѣдствіе присоединенія новыхъ владѣній. Потому мы, желая дать читателю общее понятіе о финансахъ Ость-Индіи, не утомляя его частностями, ограничивались только приблизительными цифрами, не придерживаясь строго тѣхъ, которыя показаны въ бюджетахъ.

Читателю могло показаться страннымъ, что поземельная подать составляетъ больше, чѣмъ половину всего государственнаго дохода. Пошлина съ соли равна 3 м. ф. с., съ опиума $4\frac{1}{2}$ м. Таможенная пошлина и акцизы ничтожны (около 2 м.); податей съ капиталовъ, съ домовъ вовсе нѣтъ. Это отличительное свойство ость-индской податной системы, которое объясняется образомъ жизни и мѣстными обычаями народа. Общеупотребительная пища Индусовъ — мансъ и рисъ; одежда — лоскутки бумажныхъ матерій, которыми опоясываются простолюдины. Слѣдовательно, акциза и таможенной пошлины въ этой странѣ и быть не можетъ; напротивъ того, пошлина съ соли, какъ она ни обременительна, необходима. Далѣе, въ Ость-Индіи почти нѣтъ людей, владѣющихъ большими имѣніями; но за то средній классъ состоитъ изъ людей большею частью достаточныхъ. При этихъ условіяхъ очевидно, что налогъ на собственность былъ бы неумѣстенъ. Наконецъ слѣвая привязанность народа къ древнимъ своимъ обычаямъ, непреодолимое отвращеніе его къ прямымъ налогамъ объясняетъ остальное, что могло бы казаться загадочнымъ. Овладевъ Ость-Индіей, Англичане нашли тамъ не «*tabula rasa*», на которыхъ можно было бы писать что вздумалось, а определенную, установившуюся систему налоговъ, которая въ общихъ своихъ чертахъ существовала въ этой странѣ еще за двѣ тысячи лѣтъ до прибытія Европейцевъ. Медленное распространеніе англійскаго владычества не допускало введенія вдругъ обширной системы налоговъ, основанной на европейскихъ началахъ. И въ этомъ-то именно заключается причина успѣховъ Англичанъ потому, что если бы они, не соображаясь съ обычаями и духомъ народа, ввели новую систему, основанную на ихъ національныхъ понятіяхъ объ администраціи, то должны были бы уничтожить многіе предрасудки, нарушить многія права и конечно возстановили бы противъ себя все народонаселеніе.

Въ началѣ самымъ запутаннымъ и непонятнымъ явленіемъ для англійскаго правительства было отношеніе правительства и народона-

есленія къ земль. Массы народа въ Индіи состоятъ въ совершенной зависимости отъ средствъ существованія, доставляемыхъ землею. Первые потребности жизни добываются тамъ очень легко. Теплый климатъ, плодородная почва, незначительность нуждъ, даютъ возможность удовлетворять первымъ условіямъ существованія гораздо легче, нежели въ Европѣ. Тамъ нѣтъ таксы для бѣдныхъ, по которой въ Англіи состоятельные люди должны поддерживать неимущихъ; но Индѣйцы, посвятивши себя съ незапамятныхъ временъ обработкѣ земли, смотрятъ на нее (говоря вообще), какъ на глыбу сыраго матеріала, изъ котораго они могутъ извлекать средства существованія, пользуясь всевозможными льготами и привилегіями, вошедшими въ ихъ обычаи и нравы. Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ въ Индіи существуетъ родъ поземельнаго права (нѣчто въ родъ оброчнаго содержанія), по которому поселенинъ не можетъ быть лишенъ права пользованія землею дотѣхъ-поръ, пока онъ платитъ оброкъ съ нея. Оброкъ этотъ не произвольный, а установленный окладами по областной оцѣнкѣ, называемыми «Pegunpah». Такимъ образомъ, земля въ Остѣ-Индіи не есть такая безусловная собственность, какъ у насъ. Поземельная собственность тамъ скорѣе даетъ право на полученіе оброка съ земли, нежели на самую землю. Такъ, при продажѣ ея, хотя сборъ оброчныхъ денегъ и переходитъ на другое лицо, но право воздѣлыванія и содержанія земли остается за прежними хлѣбопашцами, отъ которыхъ собственникъ не только не можетъ отнять ихъ участки (если они исправно платятъ оброкъ), но даже долженъ вознаграждать ихъ за хозяйственныя улучшенія, если они дѣйствительно ими сдѣланы. Это общее положеніе, котораго не слѣдовало бы измѣнять. Но къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ областяхъ, особенно въ южной Бенгаліи, Англичане ввели новый порядокъ, которымъ нарушаются народныя права. Вотъ все, что должно было сказать объ отношеніи хлѣбопашцевъ или поселенъ къ земль. Отношеніе владѣльца или собственника къ земль, для Европейца также новое явленіе. Поземельная собственность въ Остѣ-Индіи бываетъ троякаго рода. 1) Собственность; называемая *Zemindaree* — система большихъ участковъ. По этому праву поземельной собственности, одно лицо владѣетъ огромными участками земли (или лучше сказать, собираетъ съ нихъ оброкъ) и отъ себя взноситъ правительству известную часть поземельнаго дохода. Иногда эти обширныя земельныя владѣнія принадлежатъ двумъ или тремъ лицамъ вмѣ-

сть и тогда земли остаются нераздельными, а только оброкъ дѣлится между соучастниками собственности. 2) Поземельная собственность, называемая *Ryotwaree*—мелкоучастная система. По этому праву хлѣбопашецъ, обрабатывающій землю, есть вмѣстѣ и собственникъ ея. Другими словами: между хлѣбопашцемъ и правительствомъ нѣтъ посредника—*quasi*—собственника, а первый непосредственно платитъ послѣднему оброкъ съ участка, въ видѣ поземельной подати. Наконецъ 3) *Puttedaree* — общинная или сельская поземельная собственность. Этотъ родъ поземельной собственности требуетъ предварительнаго поясненія. Хотя народъ въ Ость-Индіи почти исключительно занимается земледѣліемъ и (только въ меньшей мѣрѣ) ведетъ пастушескую жизнь, но тамъ нѣтъ поселянъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ это слово. Жилища ость-индскихъ поселянъ не раскиданы по окрестности, а всегда столплены вмѣстѣ въ городахъ и селахъ, къ которымъ причисленъ извѣстный участокъ земли. Этотъ участокъ принадлежитъ общинѣ и распределенъ между ея членами—поселянами, разумѣется, не поровну, потому что продолжительное равенство людей, какъ членовъ общества, существуетъ только въ воображеніи, и земля, какъ всякая цѣнность, накапливается въ рукахъ людей, болѣе способныхъ и оборотливыхъ. Во многихъ, изъ сказанныхъ сельскихъ общинъ, существуетъ родъ олигархіи, которую составляютъ одно или нѣсколько первенствующихъ семействъ. Происшедши, вѣроятно, отъ завоевателей или незаконныхъ властителей древнѣйшихъ временъ, эти семейства являются здѣсь въ видѣ владѣльцевъ и собираютъ оброкъ съ поселянъ. Хотя въ тѣхъ областяхъ, гдѣ преобладаетъ общинная поземельная собственность, владѣльцы сами же и хлѣбопашцы, но они рѣдко обрабатываютъ весь свой участокъ земли, а обыкновенно распределяютъ недоконченныя работы отчасти между ріотами (поселянами) той же деревни, отчасти между ріотами другихъ деревень, которые, въ отличіе отъ первыхъ, называются «вольными», т. е. неосвѣдлыми въ этой общинѣ хлѣбопашцами. Каждый изъ поселянъ отдаетъ свой оброкъ сельскому головѣ, который, какъ казначей, передаетъ окончательно поземельный сборъ въ казну. За исправность каждаго изъ поселянъ въ платежѣ obroka отвѣчаетъ община.

Таковы виды поземельной собственности, существующіе въ Индіи съ незапамятныхъ временъ. *Ryotwaree* преобладаетъ въ Мадрассѣ и въ Бомбей, *Zemindaree* въ Бенгаліи, а *Puttedaree*

въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ. Каждый изъ этихъ трехъ видовъ поземельнаго владѣнія имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. Недостатокъ *Ryotwaree*, мелкоучастной системы, тотъ, что во время неурожая и вообще въ тяжелые годы правительство принуждено давать рѣотамъ не только льготы, но даже существенныя вспомошествованія, чтобы предохранить ихъ отъ раззоренія и дать имъ возможность запастись на будущее время. Однимъ словомъ: для поддержки рѣотовъ требуется все, что только можетъ быть доставлено заботливымъ попеченіемъ людей свѣдующихъ и усердныхъ, назначааемыхъ съ этою целью правительствомъ. Если бы не было этихъ неудобствъ въ мелкоучастной системѣ поземельной собственности, она была бы самою совершенною по отношенію къ сельскому хозяйству. Прочіе два вида не имѣютъ выгодъ мелкоучастной системы, за то не имѣютъ и такого недостатка. Въ *Zemindaree* и *Puttedaree* есть посредники между правительствомъ и земледѣльцами: классъ людей, который, имѣя постоянныя выгоды отъ земли, накапливаетъ капиталъ, нужный для пособій поселянамъ въ тяжелое для нихъ время. Таковы земиндары, сельскіе головы и другіе члены общины. Пюттедаре или сельская поземельная собственность, хотя и не обще-примѣнима, но кажется намъ самымъ лучшимъ родомъ поземельной собственности. Освобождая правительство отъ излишнихъ заботъ и предоставляя каждой общинѣ полную свободу въ своихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, она оберегаетъ интересы хлѣбопашцевъ отъ произвола собственниковъ въ сборѣ оброчныхъ денегъ. Въ земиндарныхъ владѣніяхъ на оборотъ, весь доходъ съ оброчныхъ статей собирается владѣльцами; при томъ земли не подлежатъ ежегодной переоцѣнкѣ, какъ въ прочихъ родахъ поземельной собственности, отъ чего происходитъ ущербъ казны. За то въ Бенгальскомъ президентствѣ, гдѣ эта система преобладаетъ гораздо болѣе воздѣланной земли, такъ что если съ одной стороны правительство теряетъ, то съ другой появляются значительныя капиталы въ рукахъ частныхъ лицъ. Провзжая Бенгалию, путешественникъ не можетъ не удивиться богатству страны. Индѣйскаго кустарника здѣсь уже совсѣмъ нѣтъ и въ окрестностяхъ Калькутты нельзя найти ни одного клочка необработанной земли. Замѣчаніе нѣкоторыхъ писателей, что «въ эти результаты достигнуты независимо отъ постановленій Англичанъ» въ Остѣ-Индіи, только отчасти справедливо, потому что области, въ которыя введены эти постановленія, дѣйствительно

были самыя богатѣйшія въ Ость-Индіи; онѣ почти столѣтіе наслаждались миромъ и по своему плодородію не нуждаются въ искусственномъ орошеніи полей. Мнѣнія о вліяніи земиндарной системы на положеніе хлѣбопашцевъ совершенно разногласны. Многіе придерживаются того мнѣнія, что положеніе поселянъ въ Бенгаліи нисколько не хуже положенія ихъ въ прочихъ частяхъ свѣта *. Другіе же, не менѣе замѣчательные писатели, утверждаютъ, что «хотя положеніе многихъ классовъ народа въ Бенгаліи при нашемъ управленіи улучшилось, въ особенности ремесленниковъ, купцовъ, садовниковъ и мѣняльщиковъ, но положеніе поселянъ въ этой провинціи стало немного лучше и въ другихъ провинціяхъ «они почти на ступени бѣдности» **. Одинъ изъ лучшихъ писателей новѣйшаго времени къ этому еще присовокупляетъ: «Бѣдотворное положеніе поселянъ происходило отъ постоянно усиливавшихся грабежей, которые производились цѣлыми шайками, открыто вопреки много улучшенному полицейскому надзору. Со введеніемъ новыхъ постановленій, которыя умѣренностью поземельнаго оброка обезвѣчили положеніе хлѣбопашцевъ, прекратились и самыя грабежи въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ. Очевидно, что если правительственный надзоръ не можетъ остановить воровства или грабежа, то причину этихъ преступленій должно искать въ нищетѣ и отчаянномъ положеніи значительной части самого народа. По-крайней-мѣрѣ оно должно быть ясно тому, кто сколько нибудь освоился съ распоряженіями правительства и анализируетъ ихъ» ***. Изъ послѣднихъ извѣстій журнала «Overland mail» мы знаемъ, что миссіонеры въ Калькуттѣ просили тамошняго генералъ-губернатора о назначеніи комиссіи для розысканія причинъ жалкаго положенія хлѣбопашцевъ. Миссіонеры глубоко изучили бытъ народа въ Ость-Индіи, и пользуются полнымъ его довѣріемъ; и такъ какъ они по своему вліянію составляютъ сильную опору правительству, то вѣроятно ихъ просьба не будетъ оставлена безъ вниманія. Правительство не можетъ отказывать своимъ подданнымъ въ судѣ и расправѣ, и если въ Ость-Индіи существуютъ притѣсненія, то, конечно, они случаются противъ воли и узаконеній правительства. Лордъ Корнваллисъ издалъ постановленіе, чтобы оброкъ, платимый хлѣбопашцами съ земли, ни

* Calcutta Review.

** Calcutta correspondent of the Times. Oct. 13.

*** An Account of the Land-Revenue of British India by F. H. Robinson, late Member of the Board of Revenue, Northwest Provinces. P. 93. London. 1856.

какъ не превышалъ «Pergunnah», т. е. обыкновенныхъ, хотя и измѣняющихся областныхъ окладовъ съ оцѣнки частныхъ земель и мѣстныхъ произведеній. «Эти постановленія», говоритъ Робинсонъ, «и теперь значатся въ сводѣ мѣстныхъ постановленій, но въ ущербъ странъ никогда не приходили въ исполненіе, по недостаточности государственнаго устройства и по ограниченнымъ свѣдѣніямъ прежнихъ управителей. Дѣйствительно, въ началъ управленія Остѣ-Индію англійское правительство шло ощупью. И могло ли быть иначе, когда страна, языкъ и самый народъ были равно для него чужды и когда городскія туземныя учрежденія и мѣстные обычаи, въ слѣдствіе продолжительныхъ бѣдствій, тяготѣвшихъ надъ этой страной, исказились и самос народонаселеніе пришло въ ненормальное состояніе.

Военныя силы.

Мы видѣли, что половина чистаго дохода Остѣ-Индіи употребляется на содержаніе войска. Для охраненія имперіи со 150 м. ж. отъ внутреннихъ безпорядковъ и нападеній изъ внѣ содержится армія въ 350 т. ч., всегда готовыхъ стать подъ ружье. Она состоитъ изъ англійскаго войска, индѣйскихъ солдатъ или сипаевъ и туземнаго ополченія; первыхъ всего 44 т., и они размѣщены такъ, чтобы быть всегда готовыми вступать въ Пенджабъ и сѣверо-западные провинціи, гдѣ въ нихъ болѣе чувствуется надобность.

Характеръ королевско-англійской арміи опредѣляется системою набора. Англійскій солдатъ при большихъ достоинствахъ, имѣетъ большіе недостатки. Онъ грубъ, безчувственъ, часто пороченъ до послѣдней крайности; иначе и быть не можетъ. Вездѣ, гдѣ набираютъ рекрутъ изъ волонтеровъ, необходимость имѣть достаточное число войска, заставляетъ прибѣгать къ системѣ вербованія, которая наполняетъ армію всѣмъ, что есть самого грубаго и развратнаго въ народѣ. Таковы были арміи во всей Европѣ во времена набѣговъ; тогда солдаты были разбойники, получавшіе жалованіе отъ правительства; они грабили отечество, если ихъ не употребляли въ дѣло за границей. Теперь нѣтъ такихъ ужасовъ во время мира въ англійскихъ войскахъ, получающихъ большое жалованіе, не чувствующихъ ни въ чемъ недостатка и подчиненныхъ самой строгой дисциплинѣ; но при войнѣ, во время отступленій или при взятіи городовъ, однимъ словомъ вездѣ, гдѣ дисциплина на время послабляется, великобританскій солдатъ

способецъ на жестокость, на грабежъ, на подвиги, какими отличались войны изъ шаекъ Дюгеслена и Арденскаго Кабана.

Сержантъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ въ мундирахъ съ галунами, является въ деревню и собираетъ свѣдѣнія о всѣхъ негодяхъ; находитъ одного и зазываетъ въ трактиръ. Тутъ ему рассказываютъ о спокойной, беззаботной жизни, обезпеченной во всѣхъ отношеніяхъ правительствомъ; обольщаютъ его развратомъ, добычею, грабежомъ во время войны; поятъ до-пьяна, и когда голова разгорячена, предлагаютъ завербоваться. Водка и шиллингъ довершаютъ остальное. Такимъ образомъ деревня освобождается отъ одного негодяя, а государство приобретаетъ защитника. И такъ армія служитъ пристанищемъ для людей достойныхъ Ботани-бея.

Какимъ же образомъ можно было изъ подобныхъ элементовъ составить такую прочную и стройную машину? Это загадка для того, кто не знаетъ англійскаго характера. Ни одинъ въ мірѣ народъ такъ не стремится къ матеріальному благосостоянію, какъ Англичане, и не цѣнитъ такъ высоко выгоду, происходящую отъ поддержанія порядка. Здѣсь тайна заключается въ томъ, что солдатъ получаетъ хорошее жалованіе, хорошую пищу (въ этомъ отношеніи англійское правительство держится старинной народной поговорки: нища—это весь человекъ) и хорошую одежду; если онъ провинился, его, смотря по винѣ, высѣкутъ, или сошлютъ, или повѣсятъ.

Англійскій солдатъ—по расчету, для собственной выгоды—становится самымъ покорнымъ и надежнымъ орудіемъ правительства, и отлично знаетъ службу... Ему не говорите о чести—этимъ вы ничего не сдѣлаете: онъ захохочетъ и попроситъ у васъ рюмку водки. Не говорите ему о славы—онъ увѣренъ, что для него она недостижима *. Эта армія составляетъ основаніе остъ-индской арміи и имѣетъ для нея такое же значеніе, какъ благоустроенные македонцы Александра Великаго для его болѣе многочисленныхъ и мужественныхъ, но менѣ стойкихъ азіатскихъ полчищъ. Самое разительное превосходство силъ непріятеля и самыя отчаянныя его усилія едва ли могутъ утратить

* Эдуардъ Варренъ. Справедливость требуетъ прибавить, что тотъ же Варренъ непрерывно противорѣчитъ себѣ, отдавая полную дань уваженія англійскому войску. И въ самомъ дѣлѣ, вся исторія индійскихъ войнъ, войны въ Испаніи, и настоящіе подвиги горсти Англичанъ въ Индіи, ясно говорятъ противъ варреновыхъ пристрастныхъ оцѣнокъ.

английскихъ солдатъ. Въ блескъ и быстроту движеній они могутъ найти себѣ соперниковъ, но въ стойкости, силѣ и храбрости они несравненны. Отсюда важное ихъ значеніе въ центрѣ азіятскаго войска, которое легче поддается дѣйствию паническаго страха. Впрочемъ и индѣйскіе солдаты, выученные английскими офицерами и предводительствуемые ими, уступаютъ только лучшимъ европейскимъ войскамъ. Составъ его замѣчательнъ. Здѣсь вы встрѣтите людей всѣхъ кастъ, племенъ и областей Остѣ-Индіи и болѣе всего солдатъ изъ тѣхъ племенъ, которые болѣе всего враждебны Англичанамъ. И въ самомъ дѣлѣ, до нашего времени и до послѣднихъ смутъ въ Индіи, правители ея, съ присоединеніемъ новой области, набирали изъ туземнаго войска солдатъ для службы остѣ-индской компаніи, имѣя въ виду, что, благодаря такому распоряженію, прекращались грабежи и разбои въ областяхъ смежныхъ съ той, которую Англичане пріобрѣтали. Впрочемъ на остѣ-индскаго солдата правители Индіи смотрѣли не какъ на одно только орудіе для войны; по ихъ идее онъ въ то же время считался орудіемъ для распространенія европейскихъ понятій между народомъ. 300 т. постоянного остѣ-индскаго войска, изъ числа которыхъ каждый имѣетъ друзей и знакомыхъ, а многіе даже и семейства, не могутъ не передавать своимъ приближеннымъ новыхъ идей, пріобрѣтенныхъ ими при столкновеніи съ европейцами. И если это вліяніе слабо, то съ годами, переходя изъ рода въ родъ, оно не можетъ наконецъ не отразиться на туземномъ народонаселеніи.

Но расчетъ этотъ былъ вѣренъ только въ теоріи. Чтобы понять отношенія, въ которыхъ находится туземное или компанейское войско къ королевской или английской арміи, необходимо бросить взглядъ на ея постепенное возникновеніе. Съ самаго начала водворенія европейскаго владычества въ Индію, пишетъ Бэрту де-Панзонъ, европейцы пользовались извѣстнымъ числомъ туземцевъ для охраненія магазиновъ, для конвоированія купеческихъ обозовъ. Ихъ называли *неонами*. Съ каждымъ днемъ они становились многочисленнѣе. Имъ дали начальниковъ и подвергли особому роду дисциплины. Въ послѣдствіи ихъ стали называть по-английски *zeroes*, по-французски *сірауес*, отъ индѣйскаго слова *sirahi*, солдатъ, воинъ.

Они оказались вѣрными, храбрыми, преданными во всѣхъ родахъ службы, въ какіе ихъ употребляли. Дюпле первый понялъ всю выгоду, какую возможно было извлечь для великихъ предпріятій,

ознаменовавшихъ его управленіе. Онъ началъ употреблять ихъ въ большемъ числѣ, чѣмъ его предшественники; однакожь въ тѣ времена еще ничто не предвѣщало важной роли, которую они стали играть въ исторіи полуострова.

Около половины XVIII вѣка была минута, когда англійское правительство въ Индіи чуть не было подавлено въ самомъ корнѣ. Кормандельскій берегъ былъ тогда театромъ великой борьбы между Франціей и Англіею. Французское знамя развѣвалось на стѣнахъ Мадрасса, и только неудовольствія, возникшія между Дюпле и Ла-Бушдоне спасли Англичанъ. Въ эту, самую критическую, минуту, когда англійское владычество въ Индіи готово было погибнуть, среди разрушающихся стѣнъ Мадрасса родилось учрежденіе, которое должно было покорить подъ власть Великобританіи весь Индѣйскій полуостровъ.

Европейскія войска компаніи были очень малочисленны въ Мадрассѣ, во время осады этого города. Губернаторъ попытался извлечь для компаніи пользу изъ туземцевъ. Онъ назначилъ начальниками надъ ними молодыхъ Англичанъ, бывшихъ въ городѣ, въ качествѣ волонтеровъ. Изъ числа послѣднихъ одинъ гражданскій чиновникъ, по имени Галибуртонъ, оказалъ большую способность въ дѣлахъ такого рода. Онъ назначенъ былъ поручикомъ. Въ слѣдующемъ году президентство поручило ему образовать и обучить по-европейски корпусъ туземцевъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ. Онъ исполнилъ это порученіе съ успѣхомъ, и съ этихъ поръ число туземныхъ войскъ стало возрастать съ году на годъ. Туземные государи, союзники европейцевъ, отдавая свои войска въ распоряженіе послѣднихъ, тѣмъ самымъ придали новому учрежденію обширное развѣтіе.

Въ послѣдствіи Галибуртонъ былъ убитъ однимъ изъ туземныхъ солдатъ, раздраженнымъ несправедливою упрекою, сдѣланною въ виду значительной части войска; но убійца былъ тутъ же убитъ своими товарищами. Такимъ образомъ снани въ самомъ началѣ обнаружили двѣ отличительныя черты своего характера: чувствительность въ дѣлѣ чести и безграничную преданность къ начальникамъ, заслужившимъ ихъ довѣренность.

Съ этого времени туземныя войска увеличивались численно, пріобрѣтали все болѣе и болѣе значенія въ дѣлахъ Англіи, и участвовали во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Англичанами. Въ настоящее время они составляютъ три арміи: калькутскую, мад-

расскую и бомбейскую, совершенно одинаковыя по организаціи и различающіяся между собою характеромъ племень, изъ которыхъ набираются солдаты.

Сперва Англичане видѣли необходимость быть крайне осторожными съ своими новыми солдатами. Они не нарушали ихъ обычаевъ, привычекъ, предразсудковъ, облегчали сколько возможно тяжелое бремя дисциплины и устроили по-европейски только то, что было рѣшительно необходимо. Что касается до платья, они ограничились только тѣмъ, что роздали ротнымъ начальникамъ англійское сукно и велѣли сдѣлать костюмы по образцу національныхъ. Въ дѣлѣ военнаго обученіи они удовольствовались тѣмъ, что научили правильно владѣть оружіемъ, да сверхъ того показали два-три маневра. Тогда сипаи составляли роты, изъ которыхъ каждая состояла подъ начальствомъ субагдара или туземнаго капитана. Потомъ известное число этихъ ротъ соединялось на опредѣленное время подъ начальствомъ европейскаго офицера.

Но этотъ порядокъ устройства туземной арміи съ теченіемъ времени совершенно измѣнился. Правительство постоянно преобразовывало эту армію, пока наконецъ не дало ей того устройства, которое въ настоящее время существуетъ въ великобританской арміи.

Преобразованія начались съ 1766 года. Въ этомъ году образованы были баталіоны и командованіе ими поручено было одному европейскому офицеру. Роты по прежнему остались подъ командой туземнаго офицера, низшія должности, какъ прежде, поручались туземцамъ. Но туземные офицеры могли уже ясно видѣть, что далѣе капитана имъ не идти.

Въ 1782 году въ каждую роту опредѣлено было по три европейца: капитанъ, адъютантъ и сержантъ. Власть туземнаго капитана пала. Въ 1796 году образованы были полки, въ каждую роту было назначено по нѣсколько англійскихъ офицеровъ. Но туземные офицеры остались по прежнему.

Кажется, съ перваго взгляда, весьма страннымъ, что правительство, отнимая всякія права и власть у туземцевъ, оставляетъ ихъ однакожъ въ должностяхъ, которыя по духу военной дисциплины должны быть почтенны. Эту странность объясняетъ сводъ военныхъ постановленій, который назначаетъ туземному офицеру роль посредника между сипаемъ и его чужеземнымъ начальникомъ и обязываетъ его доносить послѣднему обо всемъ,

что онъ замѣтилъ въ характеръ, поведеніи и духъ солдатъ. Такимъ образомъ на долю туземнаго офицера выпала обязанность почти шпіона, и не исполненіе этой обязанности подвергаетъ его ответственности, опредѣленной законами.

Въ тоже время изданы были постановленія, стѣснившія не только официальную, но даже частную жизнь офицеровъ. Такъ, наприимръ, офицеры лишены права собираться и разсуждать о чемъ бы то ни было; всякое общество, хотя бы оно имѣло самую безразличную цель, имъ строго воспрещено. Всякое даже незначительное уклоненіе отъ этого постановленія вовлекаетъ виновныхъ въ ответственность. Сверхъ того, тотъ же военный уставъ подчинилъ туземнаго офицера власти европейскаго (хотя бы онъ былъ младшій по службѣ и ниже чиномъ): «Само собою разумется, говоритъ уставъ, что туземные офицеры такъ точно подчинены европейскимъ офицерамъ своихъ ротъ, какъ и всѣ другіе сипаи, что они не имѣютъ никакой особенной власти, которая могла бы въ какомъ бы то ни было случаѣ одѣлать ихъ независимыми отъ ротнаго начальника.» Другими пунктами туземный офицеръ лишается права принимать какое бы то ни было участіе въ дѣлахъ сипая; онъ не смѣетъ вмѣшиваться въ его отношенія къ англійскому офицеру.

Недовѣрчивость, заставившая поставить туземныхъ офицеровъ въ такія стѣснительныя условія, разумется, не могла внушить имъ довѣрія къ европейцамъ, а гордость Англичанъ, достигающая возмутительныхъ размѣровъ въ сношеніяхъ ихъ съ туземцами, положила между побѣдителями и побѣжденными непроходимыя преграды. Вотъ что говоритъ объ этомъ Варренъ: «Никакой чинъ, никакое титло не можетъ изгладить ужаснаго различія по цвѣту кожи этой непроходимой черты между Европейцемъ и Индѣйцемъ. Мнѣ часто случалось быть въ гостяхъ у компанейскихъ офицеровъ въ то самое время, когда дежурный субодарь (туземный офицеръ) являлся съ рапортомъ по окончаніи своего дежурства. Онъ снималъ туфли у входа; то же самое дѣлали и находившіеся при немъ нижніе чины; потомъ приближался къ подпоручику въ сопровожденіи четырехъ деньщиковъ, изъ которыхъ двое, унтеръ-офицеры, держали алебарды; онъ командовалъ имъ и самому себѣ: *стой* и, отдавъ честь, оставался недвижимъ въ продолженіе кратковременнаго своего рапортованія. Молодые офицеры не вставали передъ нимъ и не просили его садиться; они отвѣчали на его салютваніе легкимъ движеніемъ

руки, какъ обыкновенно принимается привѣтствіе отъ лакея. Совсѣмъ не таковъ былъ этотъ порядокъ, продолжаетъ рассказчикъ, во времена Клейва и Монроэ: тогда молодымъ европейскимъ офицерамъ внушали вѣжливость къ туземцамъ, и она была лучшей политикою; но англійская надменность взяла верхъ; за то въ наше время не встрѣчаются болѣе между сипаями тѣ дивныя черты преданности, которыми ознаменована героическая эпоха младенчества власти въ Индіи.»

Отношенія между сипаемъ и англійскимъ солдатомъ нисколько не лучше. Самыя рѣзкія черты въ характеръ сипая — наклонность къ повиновенію и воспримчивость. Последняя даетъ начальнику его огромную выгоду и въ то же время затрудняетъ управленіе. Польстите ему, и онъ бросится на самую крайнюю опасность, перенесетъ самые тяжкіе труды; раздражите его вашими дѣйствіями, тотчасъ послѣдуетъ неудовольствіе, ропотъ, возмущеніе. Жажда мести заставляетъ его считать ни во что и свою жизнь и жизнь тѣхъ, которыхъ вчера еще онъ любилъ и уважалъ. Прибавьте къ этому женственную слабость въ сложѣніи, въ приемахъ, въ разговорѣ; необыкновенную воздержанность, кротость, осторожность, и вы будете имѣть ясное понятіе о сипаяхъ. Поставьте теперь это отъ природы слабое существо, придавленное къ землѣ побѣдителями, поставьте его на ряду съ англійскимъ солдатомъ, атлетическая фигура котораго уже довольно ясно говоритъ о его характерѣ, и вы поймете, что сипай долженъ разыгрывать самую жалкую, страдальческую роль. Сипай, изъ какой бы касты онъ не вышелъ, свято хранитъ свои обычаи; онъ готовъ перенести все на свѣтъ, лишь бы спасти свои религіозные обряды. Боясь осквернить себя прикосновеніемъ христіанина или сдѣлаться жертвой буйства, которое въ англійскомъ солдатѣ достигаетъ до самыхъ безобразныхъ размѣровъ, когда онъ напивается, — сипай избѣгаютъ ихъ общества. Начальство же съ своей стороны не только не содѣйствуетъ ихъ сближенію, но даже отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга, потому что, оно убѣждено, это сближеніе только увеличило бы неприязнь Индѣйцевъ. Такимъ образомъ англійская армія ведетъ свое совершенно самобытное существованіе, ни мало не содѣйствуя сближенію побѣжденныхъ съ побѣдителями.

Различіе характеровъ и открытое презрѣніе къ народнымъ обычаямъ и религіознымъ обрядамъ не могло, конечно, внушить индѣйцу — фаватину ю натура — никакого другаго чувства, въ

Англичанамъ, какъ только ненависть. Нѣкоторые изъ англійскихъ офицеровъ нерѣдко простирали свое пренебреженіе въ этомъ дѣлѣ до того, что оно становилось опаснымъ. Такъ, по словамъ Шора, одинъ прибывшій изъ Англіи генералъ хотѣлъ принудить цейлонскихъ сипаевъ идти въ церковь; другой хотѣлъ кормить ихъ соленой говядиной.

Мы не станемъ говорить о жестокости англійскаго правительства въ отношеніи къ туземному населенію: возмутительныя примѣры ея обошли свѣтъ. Стоитъ прочесть письмо Чарльза Непира, писанное имъ въ 1849 г. и недавно появившееся въ англійскихъ газетахъ, — чтобъ убѣдиться, какъ неосторожно, неблагоприятно поступало правительство въ отношеніи къ индусамъ. «Я не вѣрю, пишетъ побѣдитель Синда, что мы сильны, справедливы, что мы дѣйствуемъ законно и уплачиваемъ ежемесячно всѣмъ, что слѣдуетъ. Да мы платимъ сами себѣ, но не другимъ. Напримѣръ, когда губернаторъ отправляется куда-нибудь, изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ сгоняютъ кулисовъ для перевозки его багажа, и этимъ людямъ платятъ по два пенса въ день, обходясь съ ними съ чрезвычайной жестокостью. Теперь я узналъ, что до десяти тысячъ этихъ кулисовъ не получили въ послѣдній разъ и этой жалкой платы.» Далѣе: «Я объѣхалъ и обошелъ пѣшкомъ многіе округи и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ видѣлъ самыя преступныя дѣла.» — «Каждый волкъ дѣйствуетъ самымъ угнетательнымъ образомъ, не отъ недостатка дисциплины, а по системѣ правительства.» — «Мы ни малѣйшимъ образомъ не должны вмѣшиваться въ религію туземцевъ. Я не желалъ бы оскорбить Индуса, равно какъ и христіанина.»

Оскорбительное обращеніе съ поселянами въ виду сипаевъ неизбежно должно было возмущать послѣднихъ. И не одинъ Непиръ возставалъ противъ такого безчеловѣчнаго злоупотребленія власти и силы. Малькольмъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ и учивѣйшихъ офицеровъ королевской арміи, пишетъ: «Они (туземные офицеры и солдаты) будутъ повиноваться намъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, будутъ колебаться, когда обстоятельства станутъ измѣняться къ худшему; они оставятъ насъ, когда наше положеніе сдѣлается дѣйствительно тяжелымъ. Нужно ли удивляться, что туземные офицеры, которыхъ честолюбіе такъ ограничено, въ трудныхъ случаяхъ, напр. въ возмущеніи, въ волненіи между солдатами, рѣдко оказывали много ревности и дѣятельности? Въ подобныхъ случаяхъ они подвергаются справед-

ливому подозрѣнію; всего чаще въ ихъ поведеніи выказывалось совершенное безразличіе, обыкновенный результатъ отсутствія побужденій къ соревнованію, необходимыхъ для людей, поставленныхъ, какъ они, между офицерами, которымъ обязаны повиноваться, и виновными, съ которыми связаны узами національности.

При такомъ порядкѣ дѣлъ опытные и проницательные офицеры англо-индѣйской арміи всегда опасались безпорядковъ и постоянно готовы были услышать о возмущеніи въ той или въ другой ея части. Чарльзъ Непиръ, въ письмѣ къ герцогу Веллингтону, признаетъ возможность возмущенія между сипаями въ томъ случаѣ, если съ ними будутъ дурно обращаться. Ненадежность ихъ признается Варреномъ, Барту де-Панозномъ, Малькольмомъ, и другими писателями, не ослѣпленными величіемъ британскаго владычества.

Нынѣ опасенія ихъ оправдались, и безответные сипаи подняли оружіе на своихъ немилосердныхъ притѣснителей. Прокламация, изданная инсургентами, собравшимися въ Дели, можетъ, мы полагаемъ, досказать то, что мы, быть можетъ, пропустили въ нашемъ очеркѣ:

«Объявляется всѣмъ индусамъ и магометанамъ, что европейцы вознамѣрились перемѣнить въроисповѣданіе войска и обратить его силою въ христіанство. По формальному приказанію генераль-губернатора розданы патроны, смазанные свинымъ и говяжьимъ саломъ; онъ приказалъ также, въ случаѣ неповиновенія десяти тысячъ человекъ, разстрѣлять ихъ; если же пятьдесятъ тысячъ откажутся повиноваться, отобрать у нихъ оружіе. Въ слѣдствіе того, изъ преданности къ вѣрѣ, мы соединились съ народомъ, не оставили въ живыхъ ни одного невѣрнаго и провозгласили въ Дели императора изъ Делійской династіи, на томъ условіи, чтобы тѣ войска, которыя умертвятъ своихъ европейскихъ офицеровъ и присягнуть ему въ вѣрности, всегда получали двойное жалованье.»—«Необходимо, чтобы магометане и индѣйцы были въ борьбѣ единодушны и приняли мѣры къ своей защитѣ, слушая совѣты людей, достойныхъ уваженія.»

Нечего и говорить, что патроны, смазанные саломъ и безчеловѣчное приказаніе губернатора — вымыслены; но въ этомъ вымыслѣ, какъ онъ ни нелѣпъ, нельзя не видѣть указація на причины, съ давнихъ поръ приготовляющія настоящія событія.

Гражданское устройство.

Гражданскія учрежденія въ Ость-Индіи весьма многочисленны и даютъ пристанище огромному множеству туземцевъ. Индѣйцы, занимая въ гражданской службѣ низшія мѣста, составляютъ собою какъ бы служебную часть механизма, управляемаго сравнительно малымъ числомъ европейцевъ. Прежде, однакожь, чѣмъ приступимъ къ описанію гражданского управленія въ Ость-Индіи, объяснимъ различіе между организованными и неорганизованными провинціями. Первыя древнѣйшія владѣнія Англичанъ, управляемыя на основаніи постоянно издаваемыхъ и обновляемыхъ законовъ, начиная съ кодекса Корнваллиса. Эти провинціи завѣдываются исключительно гражданскими властями, которыя въ примѣненіи законовъ строго придерживаются буквальнаго ихъ смысла. Неорганизованными провинціями называются тѣ, которыя пріобрѣтены въ новѣйшее время (въ началѣ нынѣшняго столѣтія) и которыя управляются не по своду существующихъ постановленій, а на основаніи инструкцій генералъ-губернатора. Для занятія гражданскихъ должностей въ этихъ провинціяхъ (Пенджабъ, Синдъ, Аудъ и проч.) назначаются военные и гражданскіе чиновники, которые въ своихъ распоряженіяхъ соображаются съ духомъ законовъ, не придерживаясь буквальному ихъ смыслу; такъ что исключенія изъ общаго правила здѣсь чаще встрѣчаются, нежели въ организованныхъ областяхъ. Гражданская служба въ Ость-Индіи двоякаго рода: штатная и нештатная. Штатныя должности, составляющія высшій разрядъ должностей, замѣщались въ началѣ самою ость-индскою компаніею которая для этой цѣли высылала сановниковъ изъ Англіи. Въ нештатныя должности назначаетъ мѣстное правительство и преимущественно изъ туземцевъ, хотя въ этой службѣ много и европейцевъ *.

Во главѣ гражданской службы находится верховное управленіе Бенгальскаго президентства, съ подчиненными ему управле-

* Европейцы на нештатныхъ мѣстахъ бываютъ или искатели приключеній, оставившіе родину съ другою какою нибудь цѣлью и освоившіеся съ краемъ, или люди, которые только въ новѣйшее время начали доискиваться этихъ почетныхъ и выгодныхъ мѣстъ; именно: дѣти чиновниковъ, состоящихъ по особымъ порученіямъ и имѣющихъ права поступить въ штатную службу. Туземные нештатные служащіе преимущественно избираются изъ людей и семействъ, числящихся въ англійской службѣ и посвятившихъ себя этому.

ніями: Мадрасскимъ и Бомбейскимъ. При нихъ совѣты, канцеляріи, секретаріаты и т. д. Заними слѣдуютъ областныя суды, правители и сборщики съ ихъ помощниками. Всѣ поименованныя должности считаются въ штатной службѣ и замѣщаются военными. Товарищи правителей и сборщиковъ, низшіе судьи числятся въ нештатной службѣ и замѣщаются туземцами. Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, Мадрасъ и Бомбей, должности правителей и сборщиковъ соединяются въ одномъ лицѣ, которое по мѣсту и жалованью стоитъ наравнѣ съ судьями, пользуясь только въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ особеннымъ почетомъ. Въ Бенгаліи должности правителя и сборщика отдѣлены. Первая болѣе полицейская, вторая—финансовая; должность судьи стоитъ выше первыхъ двухъ.

Остѣ-индскія владѣнія Англичанъ раздѣлены на 160 областей или префектуръ, которыя различны по величинѣ. Средняя величина области 4 т. кв. м.; среднее число жителей въ каждой 700 т.; приблизительный поземельный доходъ ея 120 т. ф. с. Каждая область имѣетъ своего правителя и сборщика, изъ которыхъ первый имѣетъ при себѣ товарища и помощника по штатной службѣ и также двухъ или трехъ товарищей и сборщиковъ нештатной службы, которыхъ онъ можетъ употреблять для разныхъ порученій. Мадрасская и Бомбейская области больше, а потому и штатъ въ нихъ больше. Судебныя округа не всегда совпадаютъ съ правительственными и финансовыми округами. Среднимъ числомъ приходится два судебныхъ округа на три финансовыхъ. Въ штатной службѣ полагается 800 чел. съ небольшимъ; изъ числа ихъ 200 ч. военныхъ, прикомандированныхъ къ гражданскимъ дѣламъ. Въ нештатной службѣ считается около 1850 чел. служащихъ (жалованье ихъ простирается отъ 100 ф. с. до 800, и даже до 1200). Всего стало бытъ служащихъ около 2900 ч., изъ числа которыхъ больше половины туземцевъ. Наконецъ, должно упомянутьъ также о многочисленномъ классѣ низшихъ гражданскихъ служителей. Въ каждомъ областномъ правительственномъ мѣстѣ ихъ около 40 ч. Столько же въ каждомъ судебномъ. Въ каждой области: отъ 10 до 12 отдѣленій областного казначейства, въ каждомъ отъ 20 до 30 служителей; отъ 10 до 30 полицейскихъ станомъ, въ каждомъ отъ 12 до 50 служителей, и сверхъ того есть еще самыя низшія должности. Вообще число низшихъ служителей

простирается до 100 т., которые вмѣстѣ съ высшимъ составятъ отъ 130 до 150 т.

Молодые люди, ежегодно высылаемые изъ Великобританіи для остъ-индской гражданской службы, обыкновенно получали тамъ мѣста и жалованье по усмотрѣнію совѣта директоровъ; но въ новѣйшее время, вмѣсто такого произвольнаго назначенія директоровъ, установлено публичное испытаніе для поступленія въ гражданскую службу. Эти испытанія, конечно, пока еще очень неудовлетворительны и едва ли возможно заранѣе предвѣщать имъ успѣхъ. Польза отъ нихъ была бы на первое время достаточна, еслибы они не допускали къ службѣ неспособныхъ, избавляя такимъ образомъ остъ-индскую компанію отъ «излишняго бремени»; но по всей вѣроятности они исключаютъ изъ службы и способныхъ, которые въ послѣдствіи могли бы быть опорой имперіи. Человѣческія способности, какъ растенія, развиваются не одинаково: одніе раньше, другіе позже; многія замѣчательныя дарованія развиваются очень медленно. И такъ, если правительство не озаботится объ улучшеніи публичныхъ экзаменовъ въ Остѣ-Индіи, то можно ожидать, что они надѣлятъ государство порядочнымъ количествомъ скоро-растущихъ листовенницъ и тополей, лишивъ его медленно растущаго, но крѣпкаго вяза и дубовъ, на которыхъ могли бы опереться надежды Англіи. Въ военной остъ-индской службѣ произошла тоже въ послѣднее время перемѣна, которая впрочемъ не весьма одобряется. Мы говоримъ объ уничтоженіи производства въ высшія должности по старшинству, которымъ исполнительная власть освобождена отъ обязанности назначать людей съ разстроеннымъ здоровьемъ и съ недостаточными способностями въ высшія военныя должности въ критическихъ случаяхъ. Эта реформа, въ которой давно уже чувствовалась потребность, вѣроятно, принесетъ счастливые результаты для государства.

Послѣднія событія, по всей вѣроятности, заставятъ правительство обратить вниманіе на многія, слишкомъ тягостныя для туземцевъ злоупотребленія исполнительной и судебной власти. Чтобы показать недостаточность судебныхъ учрежденій, стоитъ только заглянуть въ главный калькутскій судъ, въ которомъ засѣдаетъ старшій судья (получающій до 200,000 фр. жалованья) и два младшіе (до 150,000 ф.). Этотъ судъ приноситъ самую ничтожную пользу компаніи, потому что кругъ его дѣятельности простирается только на столицу и ея предмѣстья, а еще

болѣе потому, что судопроизводство въ немъ стоить чрезвычайно дорого просителямъ. Для большинства жителей онъ, можно сказать, не существуетъ; богатые люди находятъ многія средства избѣгнуть его. Между туземцами почти всѣ старинныя богатыя фамиліи разорились отъ процессовъ въ главномъ судѣ. Что касается до Европейцевъ, то и въ отношеніи къ нимъ этотъ судъ не достигаетъ цѣли. Изъ тысячи Англичанъ, достойныхъ наказанія за обиды, насилья и даже за убійства, какъ въ окрестностяхъ столицы, такъ и внутри страны, едва-ли одинъ найдется уличенный въ преступленіи. Причины безнаказанности одинаковы во всѣхъ судахъ, во-первыхъ, пристрастіе англійскаго юриста къ своему единоземцу; во-вторыхъ, нелѣпость средствъ, предоставленныхъ закономъ виновному для избѣжанія уликъ, въ-третьихъ, невозможность для туземнаго свидѣтеля, даже самого почтеннаго, устоять противъ уловокъ англійскаго адвоката.

Всѣ усилія лорда Корнваллиса и Бентинга искоренить злоупотребленія и неправду въ остъ-индскихъ судахъ остались тщетными: всы правосудія до настоящаго времени склонялись на сторону европейца или богатѣйшаго изъ тяжущихся туземцевъ.

Религія, нравы и обычаи.

Овладевъ страну, населенную народомъ, считающимъ свое существованіе десятками столѣтій, Англичане нашли въ ней религію, обычаи, обряды, установившіеся и проникнувшіе въ жизнь индѣйца съ незапамятныхъ временъ. Уже единственно изъ матеріальной выгоды Англія должна была заботиться о сляніи побѣжденнаго народа съ его побѣдителями. Найдя грубое варварство, основанное на началахъ религіозныхъ, она должна была вступить съ нимъ въ борьбу; первое и единственное вѣрное орудіе въ этой борьбѣ христіанская проповѣдь. Начало этой проповѣди относится къ тому времени, когда первый корабль, подъ флагомъ европейской націи, присталъ къ берегамъ Индустана. И однакожь, не смотря ни на огромное пространство времени, протекшаго съ тѣхъ поръ, ни на усердіе многихъ католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ, ни на усилія самого правительства, въ Индіи число христіанъ достигаетъ едва 700,000, цифра очень незначительная въ сравненіи со всемъ народонаселеніемъ. Гдѣ же кроется причина этого неуспѣха?—Въ самомъ свойствѣ индѣйской религіи.

Индѣйское общество отличается отъ всѣхъ другихъ, приняв-

шихъ христіанство, своею замкнутостію. Это общество, по убѣжденію Индусовъ, не только божественнаго происхожденія, но оно есть сущность божества, проявившагося въ четырехъ формахъ—браминновъ, кшатріевъ, вайсіевъ и сурдъ, и эти формы только продолжались, развивались, но въ существѣ своемъ не измѣнялись. Это общество не можетъ принять въ себя пришельца, ибо какъ допустить, чтобы было то, чего не было. По этому европеецъ можетъ прожить цѣлые годы подлѣ индуса и между ними не найдется никакой точки соприкосновенія. Равенство всѣхъ людей предъ лицомъ Всевышняго уничтожаетъ основной догматъ индѣйской религіи—понятіе о кастахъ, съ которыми такъ сроднились индусы, что нѣкоторые протестантскіе миссіонеры почувствовали необходимость сдѣлать имъ въ этомъ отношеніи уступки.

Далѣе. Основная идея религіи индусовъ не есть исключительная; напротивъ, она стремится къ всеобщности и поглощаетъ въ себя религіозныя идеи другихъ религій. Такимъ образомъ христіанскій миссіонеръ встрѣчаетъ сначала сочувствіе въ своихъ слушателяхъ, и когда браминъ вступитъ въ преніе съ миссіонеромъ, то, говоритъ Берту де-Панозъ, происходитъ слѣдующее: «браминъ излагаетъ понятія о въчпости и единствѣ божества абсолютнаго въ самомъ себѣ, которыя въ своей возвышенности и великолѣпнн выраженія могутъ поспорить съ нашими. Миссіонеръ не сомнѣвается, что, отправляясь отъ однихъ началъ, они сойдутся въ слѣдствіяхъ. Браминъ заговорилъ о догматѣ индѣйской Тримурти, миссіонеръ узнаетъ въ ней нѣкоторое сходство съ христіанской Троицей. Браминъ говоритъ о паденіи челоуѣка, о его искупленіи посредствомъ воплощенія Бога; миссіонеръ думаетъ, что въ Кришнѣ онъ узнаетъ Христа. Браминъ говоритъ объ очистительномъ свойствѣ воды, миссіонеру кажется, что онъ упомянулъ о крещеніи. Въ подробностяхъ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ онъ видитъ нѣчто, похожее на исповѣдь. Наконецъ оба соглашаются въ необходимости покаянія, умерщвленія плоти и въ воздаяніи въ будущей жизни. Но отсюда начинается несогласіе, которое постоянно возрастаетъ. Браминъ напередъ знаетъ о догматѣ воплощенія; но когда христіанинъ допускаетъ одно воплощеніе, онъ признаетъ ихъ девять и ждетъ десятаго при концѣ временъ. Такъ какъ народы запада не могли имѣть свѣдѣній объ этихъ древнихъ воплощеніяхъ, свершившихся въ Индіи и для Индусовъ, то онъ до-

пускаетъ, что Вишну могъ воплотиться въ другое время и въ другой формѣ для европейцевъ. Здѣсь миссіонеръ становится въ противорѣчіе съ браминъ: онъ не можетъ, не отказавшись отъ христіанства, допустить другое воплощеніе Бога, кромѣ воплощенія Христа. Пока онъ доказываетъ брамину истину, дѣйствительность воплощенія, онъ ему не противорѣчитъ; но когда онъ сверхъ того станетъ доказывать ему историческую и философскую недѣлю воплощенія божества среди индусовъ, тогда браминъ возстанетъ противъ него; онъ не сомнѣвался въ воплощеніи Бога въ лицѣ Христа въ Европѣ и не можетъ понять, почему миссіонеръ не вѣритъ тому же событію въ Индіи. И такъ, самая аналогія между браминизмомъ и христіанствомъ становится такимъ препятствіемъ, о которое сокрушаются все усилія нашихъ миссіонеровъ. Браминъ допускаетъ христіанство въ его основной идеѣ и не видитъ необходимости оставить браминизмъ, потому что въ его понятіи христіанство есть только продолженіе его религіи. Вотъ причины, почему распространеніе христіанства въ Индіи затруднительнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ свѣта. Прибавьте къ этому недовѣріе, ожесточенную злобу индуса къ европейцу — слѣдствіе собственно ошибокъ правительства—и вы поймете всю трудность преобразованій и улучшеній.

Дѣйствительно, усѣахи образованія и улучшенія въ обществѣ стояли неизмѣримыхъ трудовъ и жертвованій со стороны остъ-индской компаніи и ея сотрудниковъ, о которыхъ, какъ говоритъ Кей, память долго сохранится въ исторіи человечества. Нѣтъ народа, который бы представлялъ столько исключительныхъ свойствъ въ своемъ развитіи, какъ Индѣйцы. Будучи въ высшей степени впечатлительными, они проявляютъ въ своихъ нравахъ и обычаяхъ такія идеи и взгляды на жизнь, которые не привидѣсь бы ни къ какому другому племени. Гибкій и поворотливый во своему тѣлосложенію, Индѣецъ сохраняетъ эту особенность и въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ; нѣтъ націи, на которую бы окружающія обстоятельства и заразительность примѣра дѣйствовали такъ сильно, какъ на Индѣйцевъ, когда имъ предстоитъ выборъ между добромъ и зломъ. «Почти два столѣтія», говоритъ Кей, «мы были довольно тѣсно связаны съ Индѣйцами, но-крайней-мѣрѣ вели оъ ними постоянныя торговля сношенія и знали о нихъ немного болѣе того, что они народъ мадайскаго племени, ходятъ босикомъ и носятъ большую часть украшеній на годовѣ». Каково же было удивленіе Англичанъ,

когда, наконецъ, завѣса, долго скрывавшая отъ нихъ этотъ народъ, опустилась и гнусный обычай туговъ умерщвлять людей вдругъ раскрылся передъ ихъ глазами со всеми его жестоко-стями. Еще въ 1810 году, главноначальствующій остъ-индскою арміею издалъ постановленіе, которымъ за открытіе убійцъ, называемыхъ тугами, индѣйскій солдатъ освобождался отъ службы и могъ возвратиться на родину.

Но не раньше, какъ двадцать лѣтъ спустя, изслѣдованы были тайны ужаснаго сообщничества. Дознано было, что въ Остъ-Индіи существовалъ классъ людей, которые занимались убійствомъ какъ ремесломъ. Мало того, совершали убійства какъ религіозные обряды, что образовалось многочисленное братство, принимавшее и передававшее свои тайны со всею возможною торжественностью. Члены этого братства ходили по окрестностямъ, ловили безчелюстныхъ странниковъ и всѣхъ, кого только могли поймать въ свои сѣти, душили въ уединенныхъ мѣстахъ. Все это дѣлалось необыкновенно искусно и скрытно. Сообщники ходили переодѣтыми, разыгрывали свои роли очень ловко, говорили между собою на особомъ языкѣ и имѣли условные знаки, по которымъ узнавали другъ друга. Тугги не составляли общества, которое бы имѣло свое особое и постоянное мѣстопробываніе. Они сходились, когда замыслили убійство и, исполнивъ свое предпріятіе, опять разбѣгались и исчезали. Они жили большею частью въ деревняхъ и селахъ, гдѣ имѣли женъ и дѣтей, и для виду, каждый изъ нихъ имѣлъ свое мирное занятіе. Куда тугги отлучались, часто знали въ околodкѣ навѣрное; но на сосѣдей тугги не нападали, напротивъ, они дѣлили съ ними добычу, изъ которой получали свои части земиндаръ, сельскій голова и полицейскіе служители, и потому преступленіе всегда оставалось тайною. «Я и мои протцы до 20 колѣна были тугги», сказалъ одинъ изъ этихъ душегубцевъ при допросѣ. Они взрвали, что покровительствующая имъ богиня Даве, за угнетеніе ея поклонниковъ, судила туземныхъ князей и наказывала ихъ смертію. Но въ остъ-индской компаніи тугги нашли болѣе опаснаго врага, чѣмъ въ прежнихъ своихъ властителяхъ. Ихъ начали ловить, сажать въ тюрьмы и допрашивать. Послѣ этихъ опытовъ, ухищреній ихъ обнародованы и изданы законы въ предохраненіе отъ такого рода убійствъ. Такимъ образомъ обычай, существовавшій нѣсколько столѣтій, уничтоженъ въ нѣсколько лѣтъ. Даве побѣждена. «Счастіе остъ-индской компаніи», говорили послѣ того убійцы, «что отъ звука

англійскихъ трубъ и барабановъ бѣгутъ чародѣи, колдуньи и дьяволы; какъ же могутъ устоять тугги?» Можетъ случиться, конечно, и теперь, что сбившійся съ пути путешественникъ попадетъ въ руки тугговъ; но какъ постоянное занятіе известнаго класса людей, какъ ремесло оно уничтожено, и само общество разсыяно навсегда.

Другое преступленіе, перешедшее въ остъ-индскіе обычаи, есть воровство и грабежи. Наружные слѣды этого преступленія скоро сдѣлались известны правительству; но что это преступленіе было постояннымъ занятіемъ нѣсколькихъ племенъ, въ которыхъ оно переходило изъ рода въ родъ какъ ремесло, открылось только въ новѣйшее время. Какъ касты браминовъ, воиновъ, рабовъ, земледѣльцевъ, существовали въ Индіи касты воровъ, которые грабили ближнихъ и если считали нужнымъ, отнимали и жизнь, сопровождая эти безчинства строгимъ соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ, таинствъ и жертвоприношеній. Не всѣ они были наследственные, были и свѣтскіе члены этой касты, что полагалось по ихъ ремеслу. Эти послѣдніе мало заботились о своемъ главномъ божествѣ и совершали воровство съ меньшею утонченностью. Но они почитали наследственныхъ воровъ своими начальниками и безъ ихъ содѣйствія многое для себя полагали недоступнымъ. Подобно туггамъ, они жили въ деревняхъ и по-видимому трудились наравнѣ съ прочими поселянами, хотя настоящее ихъ занятіе и известно было сосѣдямъ. Сельскій голова и полицейскія власти и здѣсь получали свои части отъ добычи ловкаго вора. Въ крайнихъ случаяхъ первые не только кормили и одѣвали послѣдняго, но часто ссужали его и деньгами. Не раньше 1843 г. приняты были наконецъ рѣшительныя мѣры противъ этого, черезъ-чуръ усилившагося зла. Полковникъ Слиманъ, которому удалось попытки противъ тугговъ, назначенъ былъ для преслѣдованія касты воровъ. Благодаря его дѣятельности и усиліямъ нѣсколькихъ его сотрудинокъ, каста наследственныхъ воровъ теперь не существуетъ въ Остъ-Индіи. Но обыкновенные грабежи все еще не прекратились. Въ Бенгаліи, какъ мы уже сказали, это преступленіе появилось опять въ сильной степени. И вѣроятно до тѣхъ поръ всѣ мѣры будутъ неэффективными, пока не улучшится бытъ крестьянъ.

Исторія завоеванія Англичанъ на Востокъ, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ. Въ ней мы находимъ рассказы о людяхъ, которые неумоимо трудились

для блага народа, ихъ окружавшаго, и которые, упорно добиваясь этой цѣли, часто жертвовали своею жизнью. Примѣромъ можетъ служить распространеніе образованія въ провинціи Марваръ и другихъ * Въ 1821 году Англичане нашли въ самой срединѣ Индіи племя хищныхъ варваровъ, между которыми оказались люди, отвергнутые обществомъ, бѣглые изъ другихъ государствъ, люди которые умерщвляли своихъ дѣтей, продавали матерей и рѣшались на всякаго рода жестокости, не подвергаясь ни стыду, ни угрызениямъ совѣсти. Шесть лѣтъ спустя послѣ завоеванія этой страны, капитанъ Галь, которому поручено было укрощеніе этого дикаго племени, донесъ: «что два возмутительныхъ обычая, дѣтоубійство и продажа женщинъ добровольно оставлены народомъ.» Въ то же время введено было вторичное замужество вдовъ и уничтожены жесточайшіе роды рабства. Съ 1835 г. эта область поступила подъ управленіе капитана Диксена, который, на сколько было возможно, смягчилъ нравы дикаго племени. Въ Марваръ, какъ и въ другихъ владѣніяхъ, ость-индское правительство самихъ же варваровъ дѣлало орудіемъ ихъ исправленія. Изъ туземцевъ набирался отрядъ войска, который, найдя въ этой новой сферѣ занятіе, свойственное своему образу жизни, съ охотою предавался ему, служилъ опорой властямъ и держалъ въ повиновеніи своихъ соплеменниковъ. Но плугъ былъ главнымъ преобразователемъ. Поля вспаханы, очищены отъ кустарника, снабжены постояннымъ орошеніемъ; даже, по мановенію Диксена, появился городокъ (Ніапугаръ), который въ три мѣсяца послѣ своего основанія, открылъ рынокъ для торговли. Двѣ тысячи семействъ, переселившихся послѣ того въ этотъ городъ изъ сосѣднихъ земель, введеніемъ мануфактуръ и промышленности обезпечили будущее благосостояніе провинціи Марваръ.

Другой замѣчательный подвигъ Англичанъ на Востокъ есть распространеніе образованія въ области Хандейшъ, между племенемъ Билевъ, которое составляетъ восьмую часть народонаселенія всего полуострова. Когда это племя еще было въ благоустроенномъ и цвѣтущемъ состояніи, то изъ него обыкновенно избирались люди для сельской стражи, которая почти во всей Индіи имѣетъ одинаковый характеръ. Но и въ лучшее свое время Билы отличались неуваженіемъ къ закону и многими другими дурными качествами. Когда же въ Хандейшъ произошли

* См. Romance of Mairwara in the Number for February 1853.

перевороты и водворилась нищета, тогда все населеніе его бросилось грабить ближайшія области и сдѣлалось ужасомъ своихъ сосѣдей. Въ непрерывныхъ поискахъ добычи, они пореходили съ одного мѣста на другое, иногда цѣлыми сотнями погибали въ стычкахъ съ непріятелемъ, иногда торжествовали надъ его неосторожностью, разоряли и сожигали села, угоняли скотъ, иногда брали выкупъ; на пути строили бараки и довольные этимъ временнымъ помѣщеніемъ готовы были отказаться отъ своихъ родныхъ горъ. Таковъ былъ образъ жизни племени Билевъ. Неудивительно по этому, что въ первое время завоеванія области Хандейшъ, многія мѣры, принятыя Англичанами для ея преобразованія, оказались тщетными. Совершить это трудное дѣло предоставлено было Якову Итраму, офицеру, который чрезъ это приобрѣлъ извѣстность въ Остѣ-Индіи, и который теперь для провинціи Аудъ тоже, что Томассонъ былъ для свверо-западныхъ провинцій. Вслѣдствіе умныхъ распоряженій Итрама, который тогда еще былъ только поручикомъ бомбейской національной пѣхоты, составленъ изъ Билевъ отрядъ регулярнаго войска, названный корпусомъ Билевъ, что долго считалось невозможнымъ. Дикихъ своихъ новобранцевъ онъ поставилъ въ самыя близкія сношенія съ почетною кастою сипаевъ, которой командовалъ, и этимъ положилъ начало преобразованію племени Билевъ. Дружеское обращеніе старыхъ индѣйскихъ солдатъ съ новыми ихъ сослуживцами оправдали надежды, которыя возлагалъ на нихъ рѣшительный и благонамѣренный ихъ начальникъ. Заботливое попеченіе о самомъ народѣ, водвореніе мира и правосудія во всей странѣ довершило остальное. Билямъ предоставлены прежнія мирныя ихъ занятія сельской стражи, ихъ приучали къ осѣлости, поощряли къ земледѣлію, и слѣдствіемъ всѣхъ этихъ мѣръ было то, что въ 1843 году официально донесено, что области, гдѣ прежде совершались постоянно злодѣянія, гдѣ не щадились ни жизнь, ни собственность жителей, теперь наслаждаются миромъ; что дороги, бывшія прежде опасными для проходящихъ войскъ, теперь стали безопасными для одинокихъ путниковъ, что наконецъ прежній огромный списокъ преступленій нынѣ превратился въ краткое донесеніе о несколькихъ маловажныхъ покражахъ. Словомъ, Били изъ изверговъ сдѣлались гражданами, покорными и полезными слугами государства. Эти послѣдніе результаты, конечно, достигнуты только при помощи училищъ, введенныхъ въ Канделизъ; за то теперь нѣтъ

нужды опасаться, чтобы племя Билевъ когда-либо впадо въ прежнее состояніе невѣжества и одичалости.

Таковы были преобразованія болѣе невѣжественныхъ областей Индустана. Распоряженія правительства относительно обширныхъ владѣній, въ которыхъ, при туземныхъ князьяхъ, господствовало безначаліе и злоупотребленія, его мѣры ко введенію благоустройства, его усилія къ обогащенію страны изложены въ сочиненіи о провинціи Пенджабъ и другихъ областяхъ, присоединенныхъ ко владѣніямъ Англичанъ во время управленія Остъ-Индіи лордомъ Дальгузи *. Намъ остается сказать вкратцѣ о тѣхъ жестокихъ туземныхъ обычаяхъ и обрядахъ, изъ которыхъ одни отчасти истреблены, а другіе совершенно уничтожены остъ-индскимъ правительствомъ.

Остъ-Индія есть страна, въ которой находится множество несообразностей. Нѣкоторые классы ея народонаселенія смотрятъ на жизнь человѣческую, какъ на нечто священное; но народъ вообще оказываетъ пренебреженіе къ существованію челоука, какъ ни одинъ народъ въ мірѣ, не по кровожадности, а просто, по совершенному равнодушію къ жизни. Такъ, напримѣръ, жестокій обрядъ сожженія вдовъ, называемый *Suttee*, на столько извѣстенъ, что о немъ нѣтъ надобности распространяться. Какое ужасное зрѣлище, какое ясное доказательство тому, что народъ, найденный Европейцами въ Индіи, совершенно былъ имъ чуждъ по своимъ правамъ, что цѣлая процѣсть отдѣляла его наклонности и чувствованія отъ европейскихъ. Вы видите молодую женщину, почти ребенка, входящую на костеръ, на которомъ сожжено было тѣло ея мужа, съ покойною рѣшимостью умереть тутъ же жестокою смертію. Съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ она отдастъ послѣдній долгъ усоншему, какъ расточаетъ послѣднія ласки друзьямъ, съ какимъ яснымъ, ничѣмъ непомраченнымъ взглядомъ, принимается за уборъ, собираясь какъ будто къ вѣнцу, каимъ твердымъ, спокойнымъ голосомъ она повторяетъ слова молитвы, которыя ей читаетъ безжалостный жрецъ; такую же твердою поступью она идетъ кругомъ костра, на которомъ должна погибнуть, безъ ужаса и содроганія всходитъ на него и погибаетъ безъ малѣйшаго ропота **. Основаніемъ этого обычая было взрваніе, что души геронны, предававшихся сожженію послѣ смерти мужей, очи-

* См. «India under Lord Dalhousie» in the August number of the Magazine.

** Kaye, p. 524.

щались черезъ это отъ грѣховъ, избавлялись отъ дальнѣйшихъ переселеній и окончательно переходили въ рай, гдѣ соединялись съ ихъ супругами, не подвергаясь болѣе ни какому испытанію. Этотъ обычай никогда не былъ повсемѣстнымъ въ Индіи, даже не былъ общеупотребительнымъ въ Бенгаліи и въ собственномъ Индустанѣ. Узнавши о существованіи этого страшнаго обряда, собраніе директоровъ тотчасъ же рѣшилось принять мѣры къ уничтоженію его. Но остъ-индское правительство медлило, не рѣшаясь такъ явно вмѣшиваться въ религіозныя убѣжденія націи. Однако лордъ Бентингъ, поддержанный другими, наконецъ издалъ постановленіе объ изгнаніи этого обряда изъ владѣній Англичанъ въ Остъ-Индіи. Энергія лорда Бентинга нашла такое сильное подкрѣпленіе въ усердіи и распорядительности полковника Людлова и другихъ правительственныхъ лицъ, что теперь обрядъ *Suttee* почти уже совсѣмъ вымеръ въ народной памяти.

Другой, не менѣе жестокой обычай, найденный нами въ Индустанѣ, былъ закланіе чловѣка въ угодность божеству земли или жертвоприношеніе *Meria*. Въ отличіе отъ перваго, этотъ обычай не былъ соблюдаемъ коренными Индусами, поклонниками Браммы, а принадлежалъ полудикому племени, обитавшему въ гористыхъ уступахъ внутренности Индустана, остатку отрасли старожилловъ, разсѣянныхъ по полуострову, до занятія этой страны Индусами. Съ этимъ полудикимъ племенемъ, называвшимся Кондами, Англичане впервые встрѣтились на Ориссейскихъ холмахъ, поросшихъ кустами ядовитыхъ растеній. Почти цѣлое столѣтіе они жили на самомъ близкомъ разстояніи между собою и почти вовсе не знали другъ друга. Въ 1835 г., великобританскія войска заняли провинцію Гомзаръ и послѣ непродолжительнаго, но одушевленнаго боя, Конды сдались. Около этого времени, поручикъ Макферонъ, стоявшій съ своимъ наблюдательнымъ отрядомъ у самаго подножья горъ, открылъ странности религіозной и общественной жизни Кондовъ, и первое, что бросилось ему въ глаза, былъ обычай приносить въ жертву своимъ богамъ людей, купленныхъ или посвященныхъ съ малолѣтства для этой цѣли. Конды вѣровали, что верховное существо или богъ свѣта, источникъ всѣхъ благъ, создалъ самъ себѣ супругу, богиню земли, которая, возмутьившись противъ него, сдѣлалась источникомъ зла. Въ дальнѣйшихъ частностяхъ этого вѣрованія, Конды распадаются на двѣ большія секты. Одни вѣрили, что богъ свѣта побѣдилъ богиню земли, сдѣлалъ ее сво-

ею рабынею и орудіемъ своей воли. Другіе же принимали, что богиня земли осталась непобѣжденною и что счастье, назначенное въ удѣлъ человѣку, дѣлалось его достояніемъ или съ помощью благословеній, которыми сопровождались всѣ дары, получаемые отъ богини земли, или чрезъ устраненіе вражды между обоими божествами, вслѣдствіе чего, дары исходили отъ бога свѣта. Секта, придерживавшаяся послѣдняго вѣрованія, соблюдала обычай жертвоприношенія Меріа, какъ единственное средство для того, чтобы умилостивить грозное божество земли. Жертвы, приносимыя божеству земли, доставлялись особымъ классомъ людей, который или находилъ ихъ по востребованію, или промышлялъ ими. Купленные, можетъ быть, у родителей во время голода, похищенные а можетъ быть и дѣти самихъ поставниковъ, эти жертвы, обреченныя на смерть, доживали свои годы какъ существа привилегированныя. Имъ позволялось жениться, держать земли, стада и пользоваться другими земными благами. Они были любимы и награждаемы общиною, за которую умирали, и вопреки жестокой участи, ихъ ожидавшей, жили въ довольствѣ и наслаждались счастьемъ до конца*. Средства, предпріятыя правительствомъ для смягченія нравовъ этого дикаго племени, и препятствія, встрѣченныя на этомъ пути, были рѣже какъ въ провинціяхъ Марваръ, Хандейшъ и др., но результаты оказались гораздо блистательнѣе.

Послѣ перваго шаткаго еще отреченія Кондовъ отъ кроваваго своего обычая, Провидѣнію угодно было ниспослать два необыкновенно урожайные года, двѣ богатыя жатвы. Сосѣдніе племена, соучастники въ жертвоприношеніяхъ Кондовъ, смотрѣли съ изумленіемъ на эти явленія. Они называли Англичанъ «Воога Ресунъ's», уполномоченными божества свѣта. Вскорѣ послѣ того, во всей области жертвоприношенія Меріа прекратились и всемогущество карающаго божества земли оказалось самообольщеніемъ.

Между племенами, населявшими гористую область Орисса, былъ еще обычай убивать дѣтей женскаго пола, но и это злоупотребленіе уничтожено ость-индскимъ правительствомъ. Этотъ обычай существовалъ не только въ Индіи, онъ господствуетъ въ болѣе населенныхъ частяхъ Китая и въ другихъ странахъ, какъ случайное послѣдствіе незаконной любви. Но въ Китаѣ онъ признается преступленіемъ, а въ другихъ странахъ онъ преслѣ-

* Кауе, р. 498—9.

дуются какъ преступленіе; между тѣмъ какъ въ Индіи этотъ порочный обычай не только считается дѣломъ законнымъ, но даже нисколько не предосудительнымъ. Здѣсь мы опять находимъ въ характерѣ Индѣйцевъ поразительную непослѣдовательность. Любовь родителей къ дѣтямъ у Индѣйцевъ не менѣе сильна, какъ и у другихъ народовъ. Мало того, мужчины зрѣлыхъ лѣтъ въ Остѣ-Индіи ласкаютъ чужихъ дѣтей съ трогательною нѣжностью. Далѣе, бездѣтная женщина въ Индіи жалкая женщина, которая терпитъ упреки и насмѣшки, считая свое горе заслуженнымъ наказаніемъ за прежнія грѣхи. Не смотря на это, дѣтоубійство существовало въ той странѣ, какъ обычай, съ незапамятныхъ временъ. Казалось бы также, что такого рода явленія несвойственны характеру Индѣйцевъ, какъ народу болѣе чувственному, нежели умозрительному и расчетливому; но, по необъяснимому предопредѣленію судьбы, разсудокъ и чувство въ этомъ случаѣ ведутъ къ одинаковымъ результатамъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ Остѣ-Индіи убіеніе младенцевъ женскаго пола совершалось двумя различными классами народа и по двумъ различнымъ причинамъ. Во-первыхъ онъ существовалъ тамъ, какъ и въ Китаѣ и въ Европѣ въ низшемъ классѣ, который этимъ избавлялъ себя отъ предстоящаго ему неносимаго бремени. Во-вторыхъ, въ собственномъ Индустанѣ онъ господствовалъ также и въ высшемъ классѣ, именно у Рожнотовъ. Бракъ въ этомъ классѣ, самъ по себѣ уже затруднительный по своимъ цѣннымъ обрядамъ, стѣсненъ былъ еще условіемъ, чтобы сочетающіеся принадлежали къ одной кастѣ. Съ другой стороны, незамужество, по понятіямъ Индѣйцевъ, есть безчестье: только порочныя, по ихъ мнѣнію, дѣвицы не выходили замужъ. Онѣ были упрекомъ самимъ себѣ и родителямъ. И такъ чтобы предохранить семейство отъ позора, ожидаемаго вмѣстѣ съ незамужествомъ дочери, Рожнотъ при самомъ ея рожденіи отсылалъ женъ скатанный шарикъ опиума для новорожденной, которая, проглотивъ усыпительный ядъ съ молокомъ матери, умирала послѣ нѣсколькихъ часовъ жизни. Въ странѣ, гдѣ существуетъ многоженство, и гдѣ наложничество не предосудительно, тамъ этотъ обычай и не могъ бы усилиться. Но въ Индіи, именно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ онъ найденъ Англичанами, послѣдствія отъ него были ужасны. Случалось видѣть цѣлыя селенія, гдѣ нельзя было встрѣчать ни одной дѣвочки.

Зло это существовало въ одинаковой степени въ центральной

и западной Индіи въ почетной кастѣ Рожнотовъ и между дикими племенами Маировъ, Кондовъ и другими. Искоренить его было деломъ труднѣйшимъ изъ всѣхъ, которыя когда-либо предпринимало остъ-индское правительство. Не говоря уже о томъ, что этотъ обычай, по существу своему, не оставлялъ никакихъ наружныхъ слѣдовъ преступленія, онъ еще окруженъ былъ непроницаемостью семейной жизни. Сверхъ того, онъ существовалъ во владѣніяхъ, не подчиненныхъ британскому правительству, а потому большая часть труда преслѣдовать его зависла отъ распорядительности и убѣжденій властей, завѣдывавшихъ тѣми областями, а не отъ самаго правительства непосредственно. Явились однако люди, которыхъ усердіе и дарованія увѣчались усилкомъ въ этомъ челолюбивомъ дѣлѣ. Имена Сутерлама, Людлова, Торемби, Вилоуби и другихъ долго останутся въ памяти потомства

Мѣры правительства, клонившіяся къ улучшенію нравственности и общежитія въ Остѣ-Индіи, принимаемы были на томъ основаніи, что нельзя искоренить порока, не устранивши обстоятельствъ, зародившихъ его. Кто хочетъ очистить поле отъ плевель, долженъ вспахать и удобрить его, чтобы на немъ могло расти что-нибудь лучшее. Этому правилу держалось остъ-индское правительство, прививая образованіе къ дикимъ племенамъ Билевъ, Маировъ, Кондовъ и другихъ, и въ этомъ же духѣ оно продолжаетъ дѣйствовать теперь на все вообще народонаселеніе Остѣ-Индіи, съ помощью училищъ.

Хартією 1813 года впервые постановлено было, чтобы сумма рупій, равняющаяся 10,000 ф. с., ежегодно употреблялась въ поощреніе, для болѣе успѣшнаго распространенія литературы и наукъ между туземнымъ населеніемъ англійскихъ владѣній въ Остѣ-Индіи. Постановленіе это однакожь начали приводить въ исполненіе не раньше 1823 года и не такъ, какъ слѣдовало. До 1835 года всѣ болѣе замѣчательныя учебныя заведенія, поддерживаемыя правительствомъ, были рѣшительно въ восточномъ духѣ, и все воспитаніе клонилось къ тому, чтобы примирять старыя предразсудки и распространять старыя идеи. Но собраніе директоровъ рѣшилось добиться успѣха, какъ видно изъ переписки между ними, которая отличается ясностью содержанія и даже излишнею колкостью. Сознаваясь чистосердечно, что съ принятіемъ на себя управленія Остѣ-Индіею, Англія лишила высшій классъ туземнаго населенія доступа въ занятію высшихъ

должностей, директоры сочли обязанностью, въ замѣнъ причиненнаго ущерба, дать лучшее по возможности вознагражденіе, именно то здоровое европейское воспитаніе, которое бы постепенно приспособило туземныхъ жителей къ занятію отнятыхъ у нихъ должностей. Эта мысль, обнародованная въ постановленіяхъ лорда Бентинга въ 1835 году, нанесла смертельный ударъ восточной системѣ. Общій ихъ смыслъ былъ тотъ, чтобы все училищныя суммы съ этого времени употреблялись на преподаваніе Индѣйцамъ литературы и наукъ на англійскомъ языкѣ. Туземное воспитаніе однакожь по счастью не оставлялось въ пренебреженіи. Вскорѣ сдѣлано было распоряженіе, чтобы во всѣхъ коллегіяхъ и училищахъ, учрежденныхъ правительствомъ, отечественныя науки шли объ-руку съ англійскимъ языкомъ. Такимъ образомъ появилось новое поколѣніе мѣстныхъ учителей, которые, преподавая отечественныя науки, вмѣстѣ съ тѣмъ по немногу оживляли невѣжественныя провинціи началами европейской образованности. Все эти правительственныя мѣры, какъ уже сказано, имѣли ту главную цѣль, чтобы подготовить туземное народонаселеніе къ болѣе дѣятельному и успѣшному участию въ администраціи. Но Индѣйцы видѣли въ обѣщаніяхъ правительства что-то безусловное. Обрадовавшись предложенію, они возмечтали, что самыя испытанія въ училищахъ и служба существуютъ только для виду. Ожиданія ихъ не сбылись. Учащимся напомнили, что общественное воспитаніе не только имѣетъ цѣлью допускать воспитанниковъ къ государственной службѣ, литературнымъ и ученымъ занятіямъ, но что оно также должно вести ихъ къ званіямъ законовѣдцевъ, лекарей, учителей и гражданскихъ инженеровъ. Въ непродолжительномъ времени открыты были медицинскія коллегіи и училища гражданскихъ инженеровъ. Это послѣднее заведеніе обратило на себя особенное и должное вниманіе правительства, такъ какъ оно готовило туземцевъ къ разнаго рода порученіямъ по департаменту общественныхъ работъ. Къ довершенію предвѣдущаго, изданъ былъ наконецъ 19 іюля 1854 г. собраніемъ директоровъ общій уставъ о воспитаніи для всей Индіи, который, по словамъ лорда Дальгузи, «гораздо обширнѣе всѣхъ, когда-либо изданныхъ для сего правительствомъ постановленій и въ которомъ недосказано развѣ то только, что англійское правительство въ правѣ было бы сдѣлать не съ теперешними средствами». Главныя положенія этого устава объ общественномъ воспитаніи въ Остѣ-Индіи слѣдующія: предпо-

лагается учрежденіе областныхъ отечественныхъ школъ, среднихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній и трехъ университетовъ, по одному въ каждомъ президентствѣ. Для всѣхъ вообще учебныхъ заведеній назначены вспомогательныя суммы, съ известными правилами ихъ расходованія. Правительству предоставляется право во всякое время осматривать заведенія.

Нерѣдко европейскіе политики отзываются о распоряженіяхъ собранія директоровъ, какъ о чемъ-то чрезъ-чуръ безжизненнымъ и запоздаломъ. Полагая эти сужденія слѣдствіемъ недостаточной опытности или такихъ неумѣренныхъ ожиданій, которыя переходятъ за границу разсудительности и практическаго взгляда, мы можемъ противопоставить имъ мнѣнія Алисона и другихъ, болѣе проникательныхъ и спокойныхъ людей, что правительство Ость-Индское, не увлекаясь примѣромъ своей метрополи, шло гораздо успѣшнѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, если бы Индія ввѣрила свою судьбу парламентскимъ пріямъ, часто невѣрнымъ и пристрастнымъ. Парламентское устройство благотвельно для народа, который можетъ управляться самъ собою, и такъ какъ народъ судить о потребностяхъ другаго народа по своимъ собственнымъ, то должно думать, что ошибки оказались бы гораздо важнѣе, еслибы восточныя владѣнія Англіи управлялись безпрепятственно представителями великобританскаго народа.

Говоря о нравственномъ состояніи англійскихъ подданныхъ въ Ость-Индіи, нельзя не упомянуть объ одномъ, весьма замѣчательномъ явленіи, именно о дружественныхъ отношеніяхъ магометанъ къ индусамъ. Оба эти народа одинаково фанатичны въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, одинаково привязаны къ своимъ преданіямъ, и хотя послѣдніе не стремятся къ распространенію своей религіи, за то нетерпимость первыхъ, основанная на догматѣ о распространеніи исламизма огнемъ и мечемъ, должна была бы посвятить между ними сѣмена вражды, а не дружбы. Случилось иначе, и оба совершенно-разнохарактерные народа подають другу другу руку и оба являются врагами европейцевъ.

Для объясненія этого загадочнаго явленія, необходимо отступить въ древность и взглянуть, въ какія отношенія стали побѣдители магометане къ побѣжденнымъ индусамъ.

Мусульманское народонаселеніе, основою котораго была армія, завоевавшая Индостанъ, мало-по-малу налегла на туземное населеніе, занимавшее землю. Отсюда явились двѣ основы, на ко-

торыхъ должно было стать правительственное зданіе ; отсюда же необходимость заботиться о нуждахъ двухъ народонаселеній, различныхъ по происхожденію, по вѣрѣ, соединенныхъ побѣдою подѣ одну власть. Мусульманское законодательство рѣшило этотъ вопросъ чрезвычайно просто. Оно положило, чтобы оба народа управлялись законами, свойственными каждому изъ нихъ; и императоръ Могольскій царствовалъ въ Дели во всемъ величій восточныхъ владыкъ, представляя собою религіознаго, политическаго и военнаго главу. Такъ какъ императоръ не могъ присутствовать вездѣ, то онъ назначилъ двадцать двухъ вице-королей, или субагдаровъ, и поручилъ имъ управленіе провинцій; субагдарамъ подчинены были правители меньшихъ по объему областей, называемые фусдарами. Полицейскія обязанности лежали на особомъ комиссарѣ — катвалѣ. Судебныя должности раздѣляясь между двумя родами чиновниковъ: одинъ, кади, обязанъ былъ спрашивать свидѣтелей, изслѣдовать факты и проч.; другой, муфти, предлагалъ законъ, который исполнялся катваломъ. По поводу кади одинъ изъ толкователей корана говоритъ: если государь на это мѣсто избересть недостойнаго своего подданнаго, то онъ совершитъ преступленіе противъ Бога, противъ пророка и противъ мусульманъ. Публичность суда въ мусульманскомъ законѣ была также обязательна, какъ и въ индѣйскомъ. Для суда, говоритъ тотъ же толкователь, самое удобное мѣсто мечеть, если она внутри города, ибо это мѣсто наиболее открыто. Коранъ и его толкователи были законодательствомъ.

Для управленія финансами, въ каждой области избирался особый чиновникъ деванъ. При обширности земель, съ которыхъ взимались налоги, прямые сношенія девана съ владѣльцами были невозможны. Отсюда необходимость посредника между ними. Этотъ посредникъ долженъ былъ играть весьма важную роль — служить связью между побѣжденными и побѣдителями. Замѣтить надо, что индѣйскія общины составляли округа, находившіяся подѣ начальствомъ чиновника, которому назначался помощникъ. Монгольское правительство поняло важность этихъ чиновниковъ; оно оставило ихъ въ тѣхъ же должностяхъ и только перемѣнило санскритскія названія на персидскія или арабскія — Земнидара и Канунджи. Эти два чиновника составляли переходъ отъ правительства къ администраціи и съ теченіемъ времени приобрѣли огромную важность, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всю во-

енную и гражданскую власть. Въ судахъ они засѣдали рядомъ съ мусульманскими чиновниками и толковали браминскіе законы; они содержали солдатъ, завѣдывали полиціей. Такимъ образомъ, эти земиндарты, незамѣтные при туземномъ правленіи, сдѣлались основою мусульманскаго правленія. Само собою разумѣется, что они оставили неприкосновеннымъ древнее сельское управленіе землею, о которомъ сказано было выше. Всѣ должности ниже земиндара поручены были туземцамъ.

Такимъ образомъ въ индѣйскомъ полуостровѣ сошлись двѣ цивилизаціи и, не стѣняя другъ друга, продолжали свое существованіе. Но когда явились здѣсь европейцы и, проливъ потоки своей и чужой крови, овладѣли территоріей, магометане и индусы равно увидѣли въ нихъ своихъ враговъ. И ты и другіе принуждены были защищать свои права, обычай и религію. Европеецъ, явившійся въ Индостанъ съ надменнымъ сознаніемъ своего превосходства, съ неумолимымъ презрѣніемъ къ варварству, начавшій ломать древнее зданіе общественной жизни, представился Мусульманину и Индусу не только политическимъ врагомъ государства, но личнымъ врагомъ cadaго отдѣльнаго лица. Неуваженіе къ туземнымъ обычаямъ и религіи вызвало ненависть къ Европейцамъ, этимъ *бодоубійцамъ*, но понятіямъ Индусовъ, и они покорились матеріальной силѣ, затаили непримиримую злобу, которая постепенно возростая, не разъ проявлялась въ попыткахъ свергнуть европейское иго.

Этимъ, мы полагаемъ, можно объяснить сочувствіе между двумя разнохарактерными народами, побужденными цивилизованнымъ европейскимъ народомъ.

Мѣры англійскаго правительства къ распространенію промышленности и торговли.

Намъ остается сказать объ успѣхахъ развитія матеріальнаго благосостоянія въ Ость-Индіи. Замѣчательно, что потребности улучшенія нравственности и общежитія показались въ Индѣйцахъ раньше, чѣмъ обнаружались матеріальныя силы страны, ими обитаемой. Дѣйствительно, хотя самое распространеніе владычества Великобританіи уже повлекло за собою значительное улучшеніе народнаго благосостоянія, но общественныя сооруженія начались только со времени управленія лорда Дальгузи Ость-Индіею. Главнѣйшія изъ этихъ сооруженій суть каналы, которые устроивались съ двойною цѣлью: для оро-

шенія полей и для судоходства. Первое мѣсто между ними занимаетъ большой каналъ Ганга, произведеніе, не имѣющее себѣ равнаго во всемъ мѣрѣ. Инженеръ Каутлей (нынѣ удостоенный высшихъ почестей) былъ его строителемъ. Подъ руководствомъ Каутлея орошены, въ теченіи 8 лѣтъ, всѣ работы главныхъ линій канала и открыты для общаго употребленія. Онъ тянется на пространство болѣе 525 миль, и имѣетъ 10 ф. самой болѣе глубокой и 170 ф. самой болѣе широкой. Его длина въ пять разъ болѣе всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ главныхъ линій Ломбардо-Венеціанскаго королевства, и слишкомъ вдвое болѣе совокупнаго протяженія каналовъ въ Египтѣ и Ломбардіи. Какъ торговый путь, Гангскій каналъ находитъ себѣ соперника только въ китайскомъ императорскомъ каналѣ. Въ Европѣ нѣтъ ни одного канала, который бы равнялся половинѣ Гангскаго. Онъ почти равенъ совокупной длинѣ четырехъ величайшихъ каналовъ Франціи, гораздо болѣе всѣхъ первоклассныхъ каналовъ Голландіи, вмѣстѣ взятыхъ, и почти на цѣлую треть длиннѣе величайшаго навигаціоннаго канала Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Все сказанное относится только къ главной линіи; если же считать и вѣтви, то длина его будетъ простираться до 900 м., а пространство земли, имѣющее орошаемое, не меньше 1½ м. акровъ. Но какъ исчислить благотворное дѣйствіе удобренія почвы, отъ котораго зависитъ благосостояніе нѣсколькихъ милліоновъ народонаселенія. Эти милліоны теперь уже не испытываютъ болѣе бѣдствій, нѣкогда опустошавшихъ равнины Индустана голодомъ и смертью, какъ это случилось въ 1837 году. Каналъ Гангскій оставляетъ русло рѣки близъ Гурдвара, у самаго подножія горъ Гималая. Онъ былъ открытъ лордомъ Дальгузи лично 8 апрѣля 1854 года.

По бассейну рѣки Инда, въ области Зейнде, также прорыты каналы для оплодотворенія тамошнихъ песчаныхъ степей. Каналы, прорытые въ сѣверныхъ областяхъ, замѣняются въ южныхъ, преимущественно въ Мадрасскомъ президентствѣ, большими плотинами, отъ которыхъ рѣки выступаютъ изъ береговъ, дробятся на множество мелкихъ протоковъ и увлажняютъ почву. Великолѣпное произведеніе въ этомъ родѣ есть огромная плотина на рѣкѣ Годивери, проектированная и устроенная полковникомъ Коттономъ. Она орошаетъ обширные участки земли, прежде подвергавшіяся неурожаю отъ недостатка воды. Подобныя плотины устроены на рѣкахъ Кришна Пеннаръ, Кавери и Венаръ, ко-

торыхъ воды, нынѣ медленно стокая въ море, стали источниками богатства для окружающаго народонаселенія.

Значеніе каналовъ, имѣющихъ цѣлью орошеніе полей, чрезвычайно важно, такъ какъ земледѣліе есть почти единственный источникъ народнаго богатства. За ними слѣдуютъ водяныя пути-сообщенія. На рѣкѣ Гангѣ давно уже существуетъ флотилія рѣчныхъ пароходовъ, принадлежащихъ отчасти правительству, отчасти частнымъ компаніямъ. Но по Инду судоходство, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, возникло только въ новѣйшее время, и именно со времени завоеванія провинціи Пенджабъ, лежащей въ верхнихъ частяхъ рѣки Инда. Съ этого времени плаваніе по немъ сдѣлалось предметомъ первостепенной важности. Съ распространеніемъ владѣній въ Ость-Индіи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Англичане, подвигаясь все болѣе и болѣе во внутрь полуострова, вмѣстѣ съ тѣмъ удалились отъ моря. Но завоевавъ область Пенджабъ, сдѣлавъ послѣдній шагъ къ сѣверо-западу, они по теченію Инда опять нашли дорогу къ Океану и кратчайшій путь въ Европу. Имѣя въ виду эти выгоды, правительство озаботилось учрежденіемъ пароходства на всемъ протяженіи рѣки Инда, такъ что теперь уже существуетъ постоянное водяное сообщеніе между провинціями Кюраше и Мультавъ. Небольшихъ издержекъ стоило бы сдѣлать Индъ судоходнымъ до Аттока, и тогда пароходы могли бы въ дождливое время доходить до Иселума, замѣчательнаго въ военномъ отношеніи. Не смотря на то, что пароходство по рѣкѣ Инду только еще въ зародышѣ, оно теперь уже служитъ сообщеніемъ между сѣверо-западными индѣйскими провинціями и Европою. Войска, высылаемые изъ Англіи и обратно, товарный грузъ и множество пассажировъ отправляются по рѣкѣ Инду, избѣгая обходъ черезъ Калькутту, или достигаютъ до г. Бомбея, прямой точки отправленія въ Европу. Если же, какъ предположено, пароходство учредится отъ Кюраше до Суэза, то рѣка Индъ пріобрѣтетъ еще большее значеніе, значительно сокращая путь въ Европу. Рѣчное судоходство появляется и въ другихъ мѣстахъ Ость-Индіи, но въ особенности въ этомъ отношеніи удобна вновь пріобрѣтенная провинція Пегу. Тотчасъ послѣ занятія ея, часть пароходовъ, бывшихъ въ рѣкѣ Гангѣ, переправлена на рѣку Иравадди. Въ настоящее время очищаются притоки рѣки Иравадди такъ, чтобы они все вмѣстѣ образовали непрерывную сеть сообщеній для нижнихъ частей провинціи Пегу.

Рьва Бурампутра также дѣлается судоходною, съ цѣлью возвысить торговое значеніе провинціи Ассамъ, гдѣ нынѣ производятся опыты разведенія чайнаго дерева. Въ южной Индіи изслѣдованы рьки Нербудда и Годавери. Первая изъ нихъ едва ли когда нибудь сдѣлается полезнаю для торговли; за то вторая обѣщаетъ со временемъ большія удобства для сбыта драгоценныхъ бумажныхъ хлопковъ, вывозимыхъ изъ областей Наморе и Бараръ.

Управленіе лорда Дальгузи ознаменовано введеніемъ въ Остъ-Индію трехъ великихъ двигателей общественнаго благосостоянія, дарованныхъ искусствомъ и наукою западными народами, именно: желѣзныхъ дорогъ, однообразной почтовой таксы и электрическихъ телеграфовъ. Четыре линіи желѣзныхъ дорогъ, одобренныя правительствомъ, проводятся въ настоящее время въ Остъ-Индіи. Первая вѣдется отъ Калькутты на сѣверо-западъ черезъ бенгальское президенство до Лагоре — средоточія области Пенджабъ, вторая идетъ на юго-западъ отъ первой и соединяетъ Калькутту съ Бомбеємъ; третья соединяетъ города Мадрасъ и Бомбей; четвертая Мадрасъ съ Малабарскимъ берегомъ. Такъ какъ эти четыре линіи имѣютъ цѣлью связать центры обширной Индѣйской имперіи, то, по нашему мнѣнію, на нихъ нужно смотрѣть болѣе, какъ на государственныя сооруженія, нежели какъ на промышленныя предпріятія; онѣ, безъ всякаго сомнѣнія, не могутъ не способствовать къ умноженію производительныхъ силъ всего края, но главная ихъ цѣль усилить и утвердить владычество Великобританіи. Слѣдовательно, сколько бы они ни сберегли военныхъ силъ, доставляя войскамъ возможность быстрого и удобнаго перемѣщенія, сколько бы они ни доставляли удобства для сбыта произведеній разныхъ областей, все это составить только матеріальную часть выгодъ, отъ нихъ ожидаемыхъ. Въ смыслѣ правительственныхъ учрежденій, нельзя одобрить нынѣ сооружаемыхъ въ Остъ-Индіи желѣзныхъ дорогъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы думаемъ, что если остъ-индское правительство предлагаетъ дальнѣйшее развитіе своей системы желѣзныхъ дорогъ, запасаясь ими и на будущее время, то оно ошибается. Желѣзныя дороги, дѣйствительно, доставляютъ огромную пользу среди многочисленнаго народонаселенія, привычнаго къ дѣятельности и безпрерывному движенію, въ странѣ, гдѣ предметы торговли имѣютъ высокую цѣнность сравнительно съ ихъ величиною и вѣсомъ; — но они далеко не такъ выгодны въ тѣхъ странахъ, гдѣ массу народа (какъ въ Индіи) составляютъ поселяне, и гдѣ грузныя производнія земли, своими низкими цѣ-

намъ не вознаграждаютъ большихъ издержекъ перевозки. Устройство водянаго пути сообщенія обходится въ восьмеро дешевле самой выгодной постройки желѣзной дороги, а скорость паровоза вовсе не нужна для доставки товаровъ, не подвергающихся порчу, какъ хлопчатая бумага, рисъ, хлѣбъ и т. п. Какъ ни благодѣтельны желѣзныя дороги, но, по здравому смыслу, прежде слѣдуетъ удовлетворить болѣе настоятельнымъ нуждамъ края, болѣе выгодными работами. Такихъ нуждъ Остъ-Индія насчитываетъ очень много: 1.) каналы для орошенія полей, которыхъ, кажется, никогда не можетъ быть слишкомъ много; 2.) устройство обыкновенныхъ дорогъ въ мѣстахъ, гдѣ никто не видѣлъ еще ни колесъ и гдѣ перевозка очень дорога, наконецъ 3.) очищеніе рѣкъ для судоходства, какъ самаго дешеваго пути-сообщенія.

Издержекъ на постройку одной желѣзной дороги въ Остъ-Индіи достаточно для сооруженія двадцати болѣе необходимыхъ и болѣе полезныхъ работъ. И такъ, вполне одобряя рѣшеніе собранія директорамъ продолжать постройку желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ къ сообщенію различныхъ президентствъ между собою, мы вмѣстѣ съ тѣмъ полагаемъ, что съ окончаніемъ этой постройки, дѣятельность и средства правительства должны быть обращены, нѣкоторое время, на работы, которыя бы имѣли болѣе промышленнаго значенія.

Вездѣ есть люди, которые желаютъ невозможнаго, желанія которыхъ хотя и справедливы, но не соразмѣрны съ препятствіями, могущими встрѣтиться при ихъ осуществленіи. Эти люди часто вѣселившиеся и благомыслящіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ опрометчивые. Эти-то люди часто жалуются на апатичность остъ-индскаго правительства при осуществленіи общественныхъ работъ. Практическіе умы, привыкшіе взвѣшивать затрудненія, случающіяся въ каждомъ дѣлѣ, думаютъ иначе. Дѣйствительно, по словамъ Вернона Смида, скорѣе можно было бы упрекнуть остъ-индское правительство въ излишнемъ усердіи, нежели въ апатіи. Въ своей бюджетной рѣчи за іюль мѣсяцъ Смидъ говоритъ: «жалю, что за эти работы принялись такъ горячо и что онѣ не предпринимались постепенно. Съ первою мыслью объ общественныхъ сооруженіяхъ явились защитники въ пользу ихъ по всей Индіи. Мало того, употреблены мѣры, чтобы побудить инженеровъ и другихъ должностныхъ лицъ во второй части, къ болѣе дѣятельному участию; въ слѣдствіе чего плохо-обдуманная предположенія приводились въ испол-

*

«неніе наравнѣ съ планами, тщательно обсужденными». Положимъ, что это показаніе не безъ преувеличенія, по крайней-мѣрѣ оно служитъ доказательствомъ, что остъ-индское правительство нисколько не отказывается отъ содѣйствія къ осуществленію общественныхъ предпріятій, съ которыми связаны и собственные выгоды его, и благо его подданныхъ. Честь перваго и вмѣстѣ систематическаго развитія этой идеи принадлежитъ лорду Далгузи. Въ теченіи четырехъ лѣтъ (съ 1853 до 1857) не менѣе 9 м. ф. с. употреблено на общественныя работы въ Остѣ-Индіи; а въ прошломъ году собраніемъ директоровъ разрѣшено въ слѣдующіе два года сдѣлать заемъ на эти работы по 1 м. ф. с. каждаго года. Общественныя работы, нынѣ производящіяся въ Остѣ-Индіи, должны увеличить доходъ ея черезъ усиленіе плодородія страны и открытіе новыхъ путей сообщеній, для сбыта ихъ произведеній. Каналы для орошенія полей такъ выгодны, что даютъ отъ 20 до 70% съ капитала, употребленнаго на ихъ сооруженіе. Такимъ образомъ, окупаясь въ нѣсколько лѣтъ, они превращаются въ прямой источникъ дохода, доставляя съ самаго ихъ открытія безчисленныя выгоды мѣстному народонаселенію. И такъ не рѣшаться на такого рода предпріятія было бы въ высшей степени неблагоприятно: значило бы изъ-за 5% (за которые можно получить капиталъ въ займы) терять 20%, къ ущербу подданнымъ и правительству.

Благодаря комиссіи, учрежденной лордомъ Далгузи, система почтъ въ Остѣ-Индіи пересоздана по образцу лучшихъ европейскихкихъ. Въ настоящее время во всей Остѣ-Индіи плата за пересылку писемъ и пакетовъ одна и таже, безъ различія разстояній. Именно: за письмо платится 2 коп. сер. безъ малаго, за газету около 6 копеекъ; при чемъ штемпеля, заготовляемые для конвертовъ, замѣняютъ установленныя платы. Въ новѣйшее время такая же однообразная плата за пересылку писемъ, существуетъ и для сношеній Англіи съ Остѣ-Индіею. Именно съ полу-унца платится въсowychъ 6 пенсовъ (15 коп. сер.), которые вносятся въ одинъ разъ. Облегченіе почтовой корреспонденціи такъ важно, по вліянію своему на удобства общежитія и на благосостояніе народа, что о послѣдствіяхъ реформъ нельзя еще судить по однимъ денежнымъ результатамъ, трудно даже опредѣлить кругъ дѣйствія этихъ реформъ. Замѣтимъ только, что со времени введенія новой почтовой таксы въ Остѣ-Индіи, корреспонденція усилилась слишкомъ на 25%, между тѣмъ какъ

Доходы съ почти сократились меньше, нежели на сколько предполагалось. Въ отношеніи къ почтовымъ учрежденіямъ, Ость-Индіа даже превзошла свою метрополию. Въ Англіи за отправку письма въ самое отдаленное мѣсто королевства (не болѣе 700 миль) платится пенни ($2\frac{1}{2}$ коп. сер.). Въ Индіи же пересылка письма на разстояніи гораздо болѣе, напримѣръ: изъ Пешавуръ (на границѣ Авганистана), въ самое южное селеніе мыса Коморина, или изъ Деброгюръ (въ верхнемъ Ассамѣ) въ Кюраше (2000 миль), стоятъ три фартинга ($4\frac{1}{2}$ полушекъ—копѣйка сер. съ небольшимъ). Три года назадъ отправка того же письма стоила бы шиллингъ, т. е. въ 16 разъ болѣе. Со введеніемъ однообразной почтовой таксы между Англіею и Ость-Индіею, шотландскій солдатъ, которому пришлось стоять съ полкомъ на самой отдаленной границѣ области Пешавуръ, можетъ писать къ своей матери въ Эдинбургъ за 6 пенсовъ, съ тѣмъ, что письмо, имъ отправленное, будетъ доставлено бесплатно. Три года назадъ, на эти же деньги нельзя было переслать письма за границу провинціи Лагоре.

Электрическій телеграфъ, находящійся нынѣ въ Ость-Индіи, построенъ В. Оглаушесса. Въ ноябрь 1853 г. начались работы, а въ началѣ февраля 1856 г. дѣйствіе телеграфа открыто на разстояніи 4000 миль. Трудности, встрѣченныя при осуществленіи этого предпріятія, не могутъ быть поставлены наравнѣ съ тѣми, которыя случалось преодолевать въ образованныхъ европейскихъ государствахъ. Такъ, напримѣръ, въ центральной Индіи, говоритъ Оглаушесса, «вся страна вдоль и поперекъ представляетъ огромныя затрудненія для проведенія телеграфической линіи. Дорогъ нѣтъ, мостовъ очень мало, во многихъ мѣстахъ подается заразительный кустарникъ, полиціи тоже нѣтъ для охраненія линій, словомъ безчисленныя препятствія на всемъ протяженіи, начиная съ рыхлаго чернозема провинціи Мальвы до каменистой пустыни Гваліоръ и пропастей «Зиндва-гатсъ.» Ость-индскій телеграфъ проходитъ около 70 главныхъ рѣкъ; изъ нихъ нѣкоторыя необыкновенно широки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проведенъ канатъ или проволока. Такъ, канатъ, проведенный черезъ рѣку Скану, длиною въ 5300 ярдовъ, а рѣка Тагабудра въ томъ мѣствѣ, гдѣ проходитъ телеграфъ, шириною не менѣе 2 миль. Не смотря на скорость, съ которою построенъ ость-индскій телеграфъ, онъ замѣчательнъ и по своей прочности. а трехъ-четвертной части разстоянія отъ Мадраса до Каль-

кутты, телеграфъ этотъ превосходить въ прочности все известныя въ наше время телеграфическія линіи. Въ иныхъ мѣстахъ онъ отличается великольпною отдылкой. Такъ напримѣръ, въ Мадрасскомъ президентствѣ, линія длиною въ 174 мили ведена на каменныхъ столбахъ прекрасной работы, выложенныхъ гранитомъ, а на протяженіи 332 англ. миль она укреплена на столбахъ изъ чистаго гранита лучшей доброты, изъ которыхъ каждый вышиною 16 фут. Сверхъ того, выдерживая сравненіе съ лучшими европейскими телеграфами по длинѣ составныхъ линій, содержаніе его обходится дешевле, чѣмъ въ другихъ странахъ. По отношенію къ скорости, съ которою сообщаются по немъ извѣстія, остъ-индскій телеграфъ дошелъ до той же степени совершенства, какъ и сѣверо-американскій, что было уже и доказано на дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, ежедневныя извѣстія «Overland news» пересылаются изъ Бомбея въ Калькутту (1600 миль) въ 40 минутъ. Денешіе изъ Калькутты передавались генераль-губернатору въ Батакамудъ, въ ненастную погоду, въ 3 часа, между тѣмъ, какъ разстояніе это 200 милями больше разстоянія между Лондономъ и Севастополемъ. Что же касается до извѣстій Mail-news, то они изъ Англии въ Бомбей доставляются ровно въ 12 часовъ и всегда исправно. О пользѣ, которую доставляетъ электрическій телеграфъ для Остъ-Индіи въ политическомъ и военномъ отношеніи, считаемъ излишнимъ говорить. Собраніе директоровъ теперь уже приказало заготовить телеграфической линіи еще на протяженіи 3000 миль.

Огромное количество хлопчатой бумаги, потребляемое на англійскихъ мануфактурныхъ заведеніяхъ, и грозныя тучи, собирающіяся на горизонтѣ Сѣверо-Американскихъ штатовъ, направляютъ вниманіе людей мыслящихъ на разсадку хлопчатника въ Остъ-Индіи. Двѣ трети хлопчатой бумаги, добываемой въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, отправляется на фабрики въ Великобританію, въ слѣдствіе чего одни колебанія неурожая въ Америкѣ имѣютъ уже сильное вліяніе на дѣла англійскихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикантовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на мнѣры ихъ работниковъ, не говоря уже о послѣдствіяхъ политическихъ волненій въ Америкѣ, предполагаемыхъ не безъ основанія. Эту зависимость Англии отъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ можетъ прекратить только новый запасъ хлопчатой бумаги и именно такой, который бы умѣрилъ и уравнилъ цѣны на это произведеніе на европейскихъ рынкахъ.

Ясно, что для Англии было бы чрезвычайно важно, если бы этот новый запас хлопчатой бумаги доставлялся изъ английских же владѣній въ Ость-Индіи. Впрочемъ, мы увѣрены, что эти результаты могутъ быть достигнуты. Въ настоящее время количество хлопчатой бумаги, которое вывозится изъ Египта и Индіи, составляетъ конечно пока только 18-ю долю, $2\frac{1}{4}$ м. тюковъ, получаемой въ Англии. Но на эту (free bogu) полевую или дикую хлопчатую бумагу, которая привозится изъ Египта и Индіи, требованіе возрастаетъ и скоро, какъ должно полагать, еще усилится. Сверхъ того, съ присоединеніемъ областей Нагпоре и Бераръ, къ английскимъ владѣніямъ прибавилось много земли, удобной для разведенія хлопчатника; такъ, что всѣ мѣста въ Индіи, болѣе благоприятныя для хлопчато-бумажной промышленности, теперь находятся подъ вѣдѣніемъ Англии. Прибавьте къ тому, что предполагено построить желѣзную дорогу изъ Бомбея въ самый центръ страны, гдѣ производится хлопчатая бумага. Кромѣ того рѣка Годавера, нынѣ судоходная, доставитъ хотя необходимый, но за то болѣе дешевый путь для сбыта этого произведенія на европейскіе рынки. Значительнымъ препятствіемъ къ усиленію этой отрасли хозяйства должно считать то обстоятельство, что владѣльцы хлопчато-бумажныхъ земель очень бѣдны и не предприимчивы. Желательно было бы, чтобы негоціанты, ищущіе здѣсь выгоды, селили въ Индіи своихъ агентовъ, которые бы не только указывали и существенно помогали ріотамъ, для полученія лучшихъ жатвъ, но которые бы слѣдили за отдѣлкой и чисткой хлопчатой бумаги. Результаты отъ этого были бы самые благодѣтельные какъ для индѣйскихъ поселянъ, такъ и для английскихъ мануфактуристовъ. И теперь уже замѣтно значительное улучшеніе въ приготовленіи ость-индской хлопчатой бумаги, а вмѣстѣ съ этимъ и увеличеніе ея цѣнности. Такъ напр. хлопчатая бумага Дарваръ или Комита 14 лѣтъ назадъ считалась самой худшею, теперь же она быстро подымается въ цѣнѣ и вступаетъ въ соперничество какъ по достоинству, такъ и по цѣнѣ съ лучшими сортами вестъ-индской. Въ новѣйшее время ость-индское правительство обратило вниманіе на воздѣлываніе хлопчатой бумаги въ верхнихъ частяхъ провинціи Пегу, гдѣ, какъ говорятъ, это дѣло идетъ весьма успѣшно.

Чайная промышленность въ Ость-Индіи тоже обратила на себя особенное вниманіе и заботливость правительства. Въ про-

винціи Ассамъ чайное дерево разводится съ большимъ успѣхомъ ; между тѣмъ какъ въ верхнихъ частяхъ сѣверо-западныхъ провинцій оно также введено во многія хозяйства. Недавно г-ну Фортунь поручено было привезти изъ Китая множество чайныхъ деревьевъ и сѣмянъ и пригласить оттуда свѣдущихъ людей, которые бы приучали Индѣйцевъ къ приготовленію чая. Теперь уже въ Индіи собирается много чаю, который продается по высокой цѣнѣ. Можно предположить, что со временемъ эта отрасль промышленности значительно усилится въ Остѣ-Индіи и что самая торговля чаемъ въ этой странѣ сдѣлается обширной. Разнообразіе почвы и климата, на такомъ большомъ пространствѣ земли, какое занимаетъ Остѣ-Индскій полуостровъ, въ высшей степени благопріятствуетъ разведенію цѣнныхъ растений, которыя даже новы въ этой сторонѣ. И потому вниманіе правительства все болѣе и болѣе обращается на предпріятія, которыя бы извлекали пользу изъ этихъ преимуществъ края. Сдѣланъ былъ опытъ разведенія шелковицы и правительствомъ приняты мѣры для приученія жителей къ размоткѣ шелку. Лѣнъ также разводится и, благодаря поощреніямъ правительства, эта отрасль хозяйства довольно уже значительна. Появляются земледѣльческія общества ; различныя семена привозятся изъ Европы для улучшенія хозяйства въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Правительство озаботилось также о вывозѣ мериносовъ изъ Австраліи, для улучшенія породы овецъ въ Остѣ-Индіи. Введено овцеводство во вновь пріобрѣтенную провинцію Пегу и опытъ этотъ обѣщаетъ большіе успѣхи. Жители ея обнаруживаютъ сильную склонность къ овцеводству ; овцы растутъ и жирѣютъ превосходно, доставляя притомъ большія выгоды.

Рудники остѣ-индскіе пока еще въ совершенно неразвитомъ состояніи. Въ прежнее время народъ съ жаромъ кидался на разысканія драгоценныхъ камней, но въ тысяча разъ болѣе цѣнные слои каменнаго угля и желѣза остались нетронутыми, даже не открытыми до нашего времени. Начало впрочемъ сдѣлано. Дѣйствительно, центральная Индія отъ Хирбудда до Ассамы столько же изобилуетъ желѣзною рудою, сколько и каменноугольными пластами. Докторъ Клеландъ говоритъ, что каменный уголь попадаетъ въ наружныхъ слояхъ земли въ 10-ти провинціяхъ: Тенассернимъ, Араканъ, Орисса (Кутакъ), въ собственной Бенгаліи, Бурдванъ, Силетъ, Ассамъ, Рагянкаль, Бегаръ и Нербудда. Въ этихъ же областяхъ находится и желѣзная руда

да въ видѣ обыкновенной глинистой желѣзной руды, также въ видѣ красной или свѣтлой желѣзной руды, содержащей въ себѣ отъ 30 до 50 % желѣза, и въ наружныхъ наслоеніяхъ земли. По словамъ геолога Вилліамса, состоящаго при ость-индскомъ правительствѣ, «издержки добыванія каменнаго угля въ Ость-Индіи, считая содержаніе завода и оброкъ съ земли, обходится по 1-му рупи съ тонны (по 60 к. с. за 62 пуда), а издержки добыванія желѣза не превышаютъ 3-хъ шиллинговъ съ тонны. Въ иныхъ же областяхъ (какъ напримеръ въ области Скана) оно обходится еще дешевле.» Если считать добываніе желѣза и угля вмѣстѣ по средней цѣнѣ въ Ость-Индіи, то издержки добыванія того и другаго на мѣстѣ составятъ не больше, какъ половину того, чего она стоитъ въ Шотландіи или въ Валлисѣ. Работниковъ въ Ость-Индіи также много и задѣльная плата не велика, потому что населеніе отчасти въ избыткѣ противъ работъ. Самые работники, по свидѣтельству инженеровъ, терпѣливы и смѣшлены. Также хвалятъ рудокоповъ, плавильщиковъ и другихъ работниковъ. Желѣзныя дороги, нынѣ устроиваемыя въ Ость-Индіи, обѣщаютъ хорошій сбытъ и желѣзу и каменно-угольнымъ копамъ; но этому сбыту мѣшаетъ недостатокъ путей сообщенія. Перевозка и доступъ къ минераламъ, вотъ сильнѣйшія препятствія къ ихъ примѣненію и только съ постепеннымъ распространіемъ желѣзныхъ дорогъ, они могутъ сдѣлаться общепотребительными.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о предметѣ, по-видимому не стоящемъ большаго вниманія, но въ сущности весьма важномъ. Мы говоримъ о лѣсахъ въ Ость-Индіи. Въ нихъ хранятся запасы строительнаго матеріала и топлива для настоящаго и будущихъ поколѣній Ость-Индіи, а потому правительство обязано беречь ихъ отъ произвольной растраты. Каждая страна въ свое время покрыта была лѣсами, но съ первымъ появленіемъ образованности въ обществѣ, населяющемъ страну, начинается недостатокъ въ томъ именно продуктѣ, который въ началѣ былъ въ изобиліи. Такъ во многихъ мѣстахъ сѣверной Америки теперь уже недостатокъ въ лѣсахъ очень ощутителенъ. И если мы оставимъ новѣйшіе примѣры и обратимся къ древней Китайской имперіи, то и тамъ увидимъ, что лѣса стали рѣдки и что недостатокъ въ топливѣ Китайцы стараются замѣнить теплой одеждой. Первобытныя лѣса, которыми покрыта была земля, даны человеку природою какъ бы съ тою цѣлью, чтобы обезпечить его отъ не-

удобствъ только въ началѣ, пока умъ и энергія не укажутъ ему другихъ лучшихъ горючихъ матеріаловъ, лежащихъ въ недрахъ земли. И въ самомъ дѣлѣ, съ уменьшеніемъ количества лѣсовъ и съ постепеннымъ употребленіемъ земли для прокормленія человека, открываются новые запасы топлива, которые природа приготовила для того, чтобы съ ихъ употребленіемъ народонаселеніе могло усилиться больше, нежели при прежнихъ условіяхъ. Въ новой части свѣта каждому предоставлена полная свобода дѣлать то, что ему угодно, даже, по словамъ Падди, зло, если онъ этого хочетъ. Но этого нельзя сказать объ Остѣ-Индіи, тамъ правительство приняло уже мѣры къ сохраненію и возобновленію лѣсовъ. Съ этою цѣлью изданъ лѣсной уставъ и готовятся лѣсные офицеры. Лѣса провинціи Аудъ, по преимуществу доставлявшія строительный матеріалъ, нынѣ находятся въ вѣдѣніи компаніи, а потому можно надѣяться будутъ сбережены. На безлѣсныхъ равнинахъ провинціи Пенджабъ начинаютъ разводить лѣса, это предпріятіе не только должно снабдить область топливомъ, въ которомъ чувствуетъ большой недостатокъ, но можетъ повести даже къ перемѣнѣ климата въ этой странѣ, сбереженіемъ влаги отъ освѣжительныхъ дождей.

Этимъ мы заключаемъ очеркъ состоянія Остѣ-Индской Имперіи.

Переходя къ современнымъ событіямъ, справедливо возбуждающимъ страхъ въ правителяхъ Англіи, нельзя не пожалеть, что эти правители, умѣвши такъ искусно воспользоваться выгодными условіями, представляемыми Индіей, двѣствовавшіе такъ рѣшительно и основательно, гдѣ дѣло касалось ихъ выгодъ, не умѣли или не хотѣли примирить своихъ интересовъ съ интересами завоеванныхъ народовъ, и еще ожесточали ихъ противъ себя неуваженіемъ къ ихъ святынямъ. Станемъ надѣяться, что нынѣ возникшія смуты, необходимое слѣдствіе цѣлаго ряда ошибокъ англійскаго правительства, укажутъ ему эти ошибки, и если англійская надменность снизойдетъ до выслушанія требованій несчастнаго, угнетеннаго народа и облегчитъ его существованіе, то, нѣтъ сомнѣнія, британское владычество въ Индіи утвердится еще прочнѣе.

Богданъ Хмельницкій и возвращеніе южной Руси къ Россіи, г. Костомарова («*Отеч. Запис.*» № № январь—августъ 1857 г.).

Дѣло критики исторической и ученой оцѣнить вполне прекрасный трудъ г. Костомарова: опредѣлить его относительныя достоинства и ученую сторону. Она фактически укажетъ что новаго и несомнѣнно достовѣрнаго вноситъ «Богданъ Хмельницкій» въ нашъ историческій міръ; какія ошибки во взглядъ на дѣятели и событія той эпохи, какія ложныя заключенія о пружинахъ дѣйствій и результатахъ явленій обличаетъ этотъ плодъ многолѣтняго труда, и добросовѣстнаго, и разумнаго. Но въ произведеніяхъ науки, и особенно такой науки, какъ исторія, есть стороны, подлежащія непосредственно пониманію и суду публики. Публики мало дѣло до относительныхъ достоинствъ, до критической разработки историческихъ матеріаловъ, даже факты сами по себѣ имѣютъ для нея мало значенія. Ей нужна красота изложенія и общіе выводы идеи, или по-крайней-мѣрѣ такія данныя, изъ которыхъ они вытекаютъ бы сами собою. И она, конечно, не ошибается въ этомъ: она инстинктивно отыскиваетъ въ исторіи ея высшій смыслъ—связь прошедшаго съ настоящимъ, исторію своего собственнаго, чело-вѣческаго развитія, а не исчезнувшихъ съ лица земли людей, до которыхъ ей мало дѣла, хотя бы они и носили одно съ нею названіе.

Есть что-то, нельзя сказать неполное, но сдержанное и не-вполнѣ-высказывающееся въ произведеніи г. Костомарова. Мы не беремся объяснить почему, но авторъ скупится на выводы, заключенія и не высказываетъ своей мысли, своего приговора, на что пріобрѣтаетъ полное право. Его историческое изложеніе слишкомъ, такъ сказать, объективно, драматично. Онъ въ картинѣ хочетъ представить даже нравственный и философскій смыслъ историческихъ событій, на который съ своей стороны только намекаетъ. Вездѣ сцены, разговоры, эпизоды, подробности.

Эстетическая и внѣшняя стороны его историческаго произведенія отъ этого выигрываютъ необыкновенно, можетъ быть даже нѣсколько на счетъ ученой, внутренней стороны, отодвигая ея иногда на второй планъ даже тамъ, гдѣ она должна бы поглощать все вниманіе. Намъ кажется, что, въ этомъ отношеніи, авторъ платитъ дань настоящему времени, подчиняясь направленію, господствующему въ нашей современной литературѣ, гдѣ художественность, форма, внѣшность преобладаетъ надъ внутреннимъ содержаніемъ. Но это направленіе есть благое слѣдствіе бѣдности сего послѣдняго, которую оно выкупаетъ; тогда какъ произведеніе г. Костомарова такъ богато историческимъ содержаніемъ, что не нуждается въ *уточенной* и *изысканной* литературной обработкѣ.

Два главныхъ мотива проходятъ черезъ всю эпоху, описанную г. Костомаровымъ, и равно даютъ себя чувствовать въ его произведеніи. Одинъ — давно уже намъ извѣстный и избитый и въ ученыхъ и въ литературныхъ трудахъ; другой — смутно и нерѣшительно раздававшійся въ произведеніяхъ нашей литературы и слабо шевелившійся въ общемъ сознаніи. Первый — грубья, бросающіяся въ глаза черты русской и польской народности и тогдашней эпохи; второй — историческій результатъ взаимнаго вліянія этихъ двухъ столь близкихъ и столь различныхъ народностей въ прежнее время. Въ первомъ кроются начала противорѣчій, ненависти, ожесточенія, разъединенія и застоя; во второмъ начала примиренія, единства и движенія впередъ. Первый нашелъ себѣ уже окончательное, поэтическое выраженіе въ гениальной поэмѣ Гоголя (Тарасъ Бульба), перешелъ во всеобщее сознаніе и сдѣлался источникомъ мученій (скуки и тоски) въ разнаго рода произведеніяхъ, касающихся Малороссіи и Польши; второй ни въ чемъ еще не выражался явственно и краснорѣчиво, и только еще предчувствуется.

Какъ ни бѣдно общими выводами и высказанными идеями великодушное по богатству фактовъ произведеніе г. Костомарова, но великая заслуга автора состоитъ уже въ томъ, что онъ умѣлъ найти и собрать такіе факты, которые проливаютъ новый свѣтъ на событія, указываютъ на ихъ *результаты* и такимъ образомъ придаютъ этимъ событіямъ смыслъ, котораго ихъ лишаютъ установившіеся на нихъ взгляды. Эти взгляды или натянутые, или произвольные давно уже устарѣли и потеряли кредитъ, но ихъ нечѣмъ замѣнить. Оттого неясностію,

безобразнымъ и отжившимъ прошедшимъ, лишеннымъ всякаго значенія для настоящаго, кажется то, что собственно не понято или не объяснено.

Всѣмъ извѣстно какими ужасами ознаменована продолжительная борьба казаковъ съ Польшею, кончившаяся присоединеніемъ южной Руси къ Россіи. Но эта борьба одна только сторона медали, у которой есть своя свѣтлая сторона. Польша не могла не имѣть вліянія на соседственную съ нею Русь, съ которой была связана родствомъ одного происхожденія, столь еще близкаго въ то время, и съ которой дѣлилась плодами своего высокаго, въ тогдашнее время, развитія. Это странное государство — республика, въ недрахъ которой образовалось такое крайнее выраженіе деспотизма, какъ *холопство*, подвлялась съ присоединенной къ ней Русью всѣмъ, что у нея было в хорошаго и дурнаго. Мало того, она хотѣла навязать ей самый источникъ зла — римскій католицизмъ: это былъ уже избытокъ щедрости съ ея стороны и вовсе ненужная роскошь для Руси, которая, при благопріятныхъ условіяхъ своего исповѣданія, могла безпрепятственно и правильно развить тѣ начала, которыя она приняла отъ Польши и которыя въ самой Польшѣ получили уродливое направленіе именно подъ вліяніемъ католицизма.

Не конституціонныя начала воспрепятствовали развиваться монархической власти въ Рѣчи-Посполитой, разрушили всякую централизацию и приготовили ея паденіе. Эти начала именно и дали бы монархической власти возможность приготовить скорѣе, нежели въ другихъ западныхъ государствахъ, себѣ опору и противопоставить ее аристократизму, ту опору, которую верховная власть на западѣ нашла въ горожанахъ и образовавшемся среднемъ классѣ, если бы и здѣсь въ помощь ей явился протестантизмъ, который нанесъ бы польской олигархіи такой же ударъ, какой нанесъ онъ феодальному порядку въ лицѣ освящавшаго его католицизма. Если во Франціи образованіе городскихъ общинъ, положившихъ начало возвышенія монархической власти, опередило реформацію, то въ Германіи и Англіи религіозная реформа прежде всего была противодѣйствіемъ феодальному порядку, который столько же служилъ препятствіемъ для развитія верховной власти, сколько и угнеталъ простой классъ.

Реформація почти не коснулась Польши. Католицизмъ оставался тамъ неприкосновеннымъ. Протестантовъ было очень мало и

ими дѣлались, какъ замѣчаетъ г. Костомаровъ, болѣе изъ моды. Поддерживая тотъ порядокъ вещей, который способствовалъ его безусловному развитію, католицизмъ болѣе всего былъ причиною того, что конституціонныя начала, ограничивая постоянно королевскую власть, не образовали средняго сословія въ томъ видѣ, какъ образовалось оно на западѣ, а породили совершенно противоположныя имъ явленія: сословіе *шляхты* — этихъ своего рода паразитовъ и кліентовъ, и классъ *золотовъ* — своего рода невольниковъ. Никогда въ Россіи мелкое дворянство и простые люди, носившіе тоже названіе, не занимали, въ силу самого закона, такого унизительнаго положенія. Это было повтореніе римской республики въ эпоху ея паденія, выраженіе гнилой и отжившей уже стороны римскаго элемента, который былъ усвоенъ Польшей, составилъ ея величіе и сдѣлался причиною неотвратимаго паденія. «Польское право, говоритъ г. Костомаровъ, предоставляло помѣщикамъ безусловную власть надъ подданными; не только не было никакихъ правилъ, которыя бы опредѣляли отношенія подчиненности крестьянина, но помѣщикъ могъ по произволу казнить его смертію, не давая никому отчета. Даже всякій шляхтичъ, убившій простолюдина, вовсе ему не принадлежавшаго, чаще всего оставался безъ наказанія, потому что для обвиненія его требовались такія условія, которыя рѣдко могли встрѣтиться... Надо прибавить, что въ то же время между дворянствомъ Рѣчи-Посполитой распространилась чрезвычайная роскошь и мотовство, требовавшія огромныхъ издержекъ. По сказанію Боплана, обыкновенный обѣдъ въ знатномъ польскомъ домѣ превышалъ званые столы во Франціи. Серебрянная и вызолоченная посуда, множество кушаньевъ, иноземныя вина, въ то время дорогія, музыка при столѣ и толпы служителей составляли условія тогдашняго обѣда. Такая же расточительность господствовала въ одеждѣ. Бережливость считалась постыдною; въ тотъ вѣкъ принимали за хорошій тонъ въ домѣ, когда лакеи вытирали сальныя тарелки руками господскихъ кунтушей, вышитыхъ золотомъ по драгоценному бархату. Паны содержали при дворахъ своихъ толпы шляхтичей, которые существовали на счетъ господъ и вовсе ничего не дѣлали. Точно также и знатныя паны окружали себя толпою шляхтянокъ. Такихъ дармоедовъ было въ иномъ домѣ по нѣскольکو тысячъ. Все это падало на крестьянскій классъ.»

«Крестьяне въ Польшѣ (говоритъ современникъ), мучатся какъ

въ чистилищѣ въ то время, когда господа ихъ блаженствуютъ какъ въ раю». Кромѣ обыкновенной панщины, завистлившей отъ произвола пана, «хлопъ» — какъ называли въ Польшѣ крестьянина — былъ обремененъ различными работами. Помѣщикъ бралъ у него въ прислуги дѣтей, не облегчая повинностей семейства; сверхъ того крестьянинъ былъ обложенъ и сборами: три раза въ годъ, передъ Пасхою, пятидесятницею и Рождествомъ онъ долженъ былъ давать такъ называемый *осиль*, то-есть нѣсколько четвериковъ хлѣбнаго зерна, нѣсколько паръ каплуновъ, гусей, со всего имуществва долженъ былъ отдать десятую часть, и кромѣ того, каждый улей въ его пчельникѣ былъ подвергнутъ пошлннѣ подъ названіемъ *всковаго*, каждый вольтъ — пошлннѣ подъ названіемъ *роговаго*; за право ловить рыбу платилъ онъ ставщику, за измоль муки — *сухомельщику* и т. п. Не умѣя или лѣняясь управлять лично имѣніями, паны отдавали какъ родовыя, такъ и коронныя, имъ пожалованныя въ пожизненное владѣніе, маестности на аренды, обыкновенно жидамъ, а сами или жили и веселились въ своихъ палацахъ, или уѣзжали за границу и тамъ выказывали передъ иноземцами блескъ польской аристократіи. Жиды вымышляли новые поборы, какіе только могли прійти въ голову корыстолюбивой расчётливости. Если рождалось у крестьянина дитя, онъ не могъ крестить его, не заплатя пану такъ называемаго *дудка* (*dudek*); если крестьянинъ женилъ сына или отдавалъ дочь, прежде долженъ былъ заплатить подобный *дудекъ* или *поемщизну*. Жидъ обыкновенно требовалъ съ хлопа еще больше того, сколько было назначено; и если крестьянинъ не могъ заплатить, то дитя оставалось некрещеннымъ нѣсколько лѣтъ, а не рѣдко и умирало безъ таинства, а молодые люди принуждены были сходитьса между собою безъ вѣнчанія. Кромѣ того, имущество, жизнь крестьянина, честь и жизнь жены и дѣтей находились въ безотчетномъ распоряженіи жиды-арендатора. Обыкновенно, жидъ, принимая въ аренду имѣніе, получалъ отъ помѣщика право судить крестьянъ, брать съ нихъ денежныя пени и казнить смертію. Въ коронныхъ имѣніяхъ положеніе хлоповъ было еще ужаснѣе, нежели въ родовыхъ. Кромѣ безграничнаго произвола старосты или подстаросты — жиды, которые не жалѣли людей, потому что они составляли достояніе владѣльца только до его смерти, въ этихъ имѣніяхъ квартировали войска, отличавшіяся въ Польшѣ неистовствомъ и безчистствами».

Эта печальная картина относится исключительно къ Украинѣ,

по такой же порядокъ вещей былъ и въ самой Польшѣ, и въ тѣ начала государственной и общественной жизни, которыя образовались въ Польшѣ при прежнихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ и частію сдѣлались уже достояніемъ присоединенной къ ней Руси, остановились въ своемъ развитіи: страшный деспотизмъ непомѣрно развивавшейся аристократіи и римской власти, сдѣлался непреодолимымъ препятствіемъ для началъ независимыхъ и разумныхъ. Простой народъ, подданные, бѣдствовали и пресмыкались. Права и льготы населенія городского, мѣщанъ, теряли свое значеніе и силу при господствѣ произвола надъ закономъ. «Промышленность и торговля, говоритъ г. Костомаровъ, были въ рукахъ жидовъ, которые, находясь посрединѣ между всемогущимъ панствомъ и поработеннымъ хланствомъ, заграждали низшему классу всякую возможность къ промысламъ и улучшенію быта, а дворянамъ указывали ложныя выгоды въ угнетеніи простаго народа; всякое пожертвованіе въ пользу общую было отвергаемо, если шляхтичъ терялъ малѣйшую часть своихъ выгодъ». Но и тѣ и другіе находились въ безвыходномъ положеніи, благодаря такому могущественному и неотразимому средству угнетенія, какъ іезуитизмъ.

Не то было въ присоединенной и сосѣдственной Руси. Принимая отъ Польши тотъ порядокъ вещей, который благопріятствовалъ ея существованію, она не хотѣла и могла не принять развившагося въ ней вслѣдъ за тѣмъ олигархическаго безпорядка и деспотизма потому, что здѣсь онъ не могъ найти себѣ могущественнаго и усерднаго поборника въ религіи. Если бы деспотизмъ пановъ не встрѣтилъ прямого противодѣйствія въ православіи, то, при тогдашнемъ состояніи южной Руси, которому она обязана и себѣ и Польшѣ, онъ все-таки не могъ установиться потому, что не имѣлъ въ немъ такого помощника, какъ католицизмъ и его орудіе—іезуиты.

Послѣ этого понятно, къ какимъ результатамъ должно было повести водвореніе католицизма на Руси и какое сопротивленіе оно должно было встрѣтить. Принять православному религію послѣдователей Лайолы значило не только отказаться отъ своей вѣры, или потерять народность, но признать законнымъ и неизбѣжнымъ такой порядокъ, при которомъ магнаты могъ блаженствовать, городское сословіе—прозябать, а остальное населеніе—бѣдствовать. Здѣсь вопросъ религіозный былъ неразрывно связанъ съ вопросомъ политическимъ и социальнымъ.

Не только казаки, но и вообще все население Украины заключало въ себя начало для развитія *средняго сословія*, благодаря гражданскому устройству и вліянію замѣтно распространеннаго польскаго просвѣщенія. «Народъ привыкъ къ польскимъ законамъ (говоритъ г. Кастоморовъ, приступая къ очерку гражданского быта въ Украину еще до зборовскаго договора казаковъ съ поляками): но своему основанію они вовсе не были тягостны; при томъ значительная часть законодательства и управленія заимствована была изъ Руси въ разныя историческія времена чрезъ обліженіе единоплеменныхъ народовъ; по этому тогдашній гражданскій порядокъ въ Украину, будучи польскимъ, былъ въ то же время и русскимъ, особенно когда чиновники и исполнители законовъ были русскіе и дѣла отправлялись на русскомъ языкѣ.»

«Въ нѣкоторыхъ городахъ было *міѣское*, или такъ называемое магдебургское муниципальное право. Въ то время на правой сторонѣ Днѣпра въ Украину пользовались имъ изъ городовъ, вошедшихъ въ границы гетманщины: Брацлавъ, Винница, Черкассы, Кореды, Васильковъ, Овручъ, Кіевъ; на лѣвой: Переяславль, Остеръ, Нѣжинъ, Черниговъ, Погаръ, Мглинъ, Кезелець, Новгородъ-Сверскій и Стародубъ. Каждый изъ этихъ городовъ представлялъ какъ бы отдѣльную общину. Граждане носили общее названіе *міщанъ*, или *міѣскаго когнольства*, и раздѣлялись на торговыхъ и ремесленниковъ. Всякое званіе имѣло свою корпорацию, цехи,—подъ управленіемъ выборныхъ чиновниковъ, называемыхъ *цехмистрами*. Такимъ образомъ, были, напримѣръ, цехи: *кушмарскій, ткацкій, малярный, ковальскій, рѣзничкій, боядарскій* и тому подобные; каждый цехъ имѣлъ свой гербъ, свою печать. Администрація сосредоточивалась въ ратушѣ, которая въ Кіевѣ и Нѣжинѣ называлась магистратомъ; въ ратушѣ или магистратѣ, засѣдали выборные *райцы*, подъ председательствомъ *бурмистра*. Не вездѣ было одинаково число *райцевъ* и *бурмистровъ*, смотря по величинѣ и многолюдству города; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (особенно Великаго Княжества Литовскаго) число *райцевъ* доходило до двадцати-четырехъ, въ иныхъ только до четырехъ; въ городахъ, вступившихъ въ черту казачества, ихъ было немного, впоследствии обыкновенно четыре. Бурмистровъ выбирали по два или по четыре, и каждый изъ нихъ председательствовалъ въ ратушѣ по очереди въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Подъ вѣдѣніемъ ратуши были *дозорни*, по-

лицейскіе чиновники. Судебная часть была отдѣлена отъ администраціи. Въ городскомъ судѣ сидѣли *лавники*, присяжные, выбираемые изъ гражданъ, отличавшихся умомъ, опытомъ, честностью. Число ихъ также не вездѣ было одинаково, смотря по требованіямъ. Въ собраніи *лавниковъ* председательствовалъ *войтъ*, и называемый *адвокатомъ*. По большей части онъ выбирался ежегодно, а иногда назначался и отъ правительства. Это былъ важнѣйшій сановникъ города и, кромѣ суда, имѣлъ вліяніе и на администрацію. Какъ въ Судѣ *лавниковъ*, такъ и въ совѣтъ *райцъ*, были *мѣйскіе* писаря, также выбранные. Всѣ чиновники содержались изъ разныхъ доходовъ, предоставленныхъ имъ, и имѣли вблизи города земли, приписанныя къ ихъ уряду. Устройство мѣйское было вездѣ съ разными отличіями, но вообще города, пользовавшіяся магдебургскимъ правомъ, судились и управлялись безъ всякаго вмѣшательства пановъ, старость и всѣхъ чиновниковъ Рѣчи-Посполитой. Всякій, кто жилъ въ городѣ или занимался въ немъ, какого бы онъ званія ни былъ, подчинялся суду и управу города. Городъ имѣлъ свой гербъ, свою печать, свое знамя. Хотя своевольно паны часто нарушали эти права, но горожане ими очень дорожили, какъ единственной опорой противъ произвола шляхетства, и Хмельницкій оказывалъ уваженіе къ этому устройству; мѣщане принимали его сторону именно потому, что съ ограниченіемъ произвола пановъ, надѣялись большей неприкосновенности своихъ и родовыхъ правъ. Король, чтобы привязать къ себѣ городской классъ, подтвердилъ прежнія привилегіи Сигизмунда и Владислава, далъ и распространилъ ихъ свободу еще болѣе. Въ другихъ мѣстахъ, не имѣвшихъ магдебургскаго права, было, однако, въ устройствѣ много сходнаго съ нимъ. Вездѣ, даже въ селахъ, были войты и лавники, выбираемые народомъ, только объемъ ихъ дѣйствій былъ тѣсенъ и мѣщане были наравнѣ съ крестьянами отягощены повинностями и находились въ безусловномъ повиновеніи старости и пановъ... Съ ограниченіемъ власти дворянства, несвободные города могли бы возвыситься и стать на ряду съ муниципальными сами собою.

«Впослѣдствіи развитію мѣщанскаго класса препятствовало казачество», прибавляетъ авторъ. Но несвободный классъ, хлопы, стремясь къ поступленію въ казаки (которые дѣлились на за-

норожцевъ и городскихъ, или украинскихъ), должны были увеличивать городское сословіе.

Такимъ образомъ католическая Польша и присоединенная къ ней православная Русь, составляли два элемента различныхъ, не столько въ слѣдствіе различія народностей—эта разница тогда вовсе была не велика, — не столько въ слѣдствіе неравенства правъ—права эти первоначально и тамъ и здѣсь были одинаковы на бумагѣ и одинаково нарушались господствующимъ классомъ—не столько, наконецъ, въ слѣдствіе различія вѣроисповѣданій, взятыхъ отдѣльно отъ ихъ вліяній на существовавшій порядокъ вещей, сколько именно въ слѣдствіе различія этихъ вліяній, изъ которыхъ одно вело къ безграничному преобладанію высшаго класса, къ такому же угнетенію низшихъ, и, слѣдовательно, къ анархіи и безсилію, а другое—къ ограниченію феодалнаго деспотизма, уравненію правъ сословій, утвержденію власти, порядка, и слѣдовательно, къ правильному развитію и теченію государственной жизни, къ могуществу.

Здѣсь, въ отношеніи къ польскому католицизму, православіе было жизненнымъ и обновляющимъ элементомъ.

Рано или поздно католичество должно было вступить въ борьбу съ православіемъ, въ которой истинная государственная польза, нравственное преимущество и вмѣстѣ съ тѣмъ перевѣсъ были не на сторонѣ перваго, потому что онъ поддерживалъ частные интересы и способствовалъ политическому разъединенію, стремясь къ религіозному единству, тогда какъ православіе, сдѣлавшись представителемъ общихъ интересовъ, могло способствовать, при религіозномъ различіи соединенныхъ государствъ, составлявшихъ Рѣчь Посполитую, ея политическому единству чрезъ уравненіе правъ сословій. Польша могла выиграть столько же, сколько и Русь, если бы православіе восторжествовало.

Съ этой точки зрѣнія борьба казаковъ и вообще южно-русовъ съ Польшею, ознаменованная съ той и другой стороны такимъ ожесточеніемъ и звѣрствомъ, которые превосходятъ всякій вымыселъ воображенія и показываютъ грубость тогдашнихъ религіозныхъ и нравственныхъ понятій, и отсутствія еще всякой человѣчности, представляетъ высокій нравственный интересъ.

Произведеніе г. Костомарова содержитъ въ себѣ описаніе этой борьбы, начиная со второй половины XVII вѣка до виленскаго договора Польши съ Московскимъ государствомъ, по которому южная Русь возвратилась къ Россіи и вскоре послѣ котораго

умеръ герой и гений этой эпохи Богданъ Хмельницкій; высшій смыслъ событій и явленій настоящей эпохи раскрывается въ этомъ драгоценномъ историческомъ трудѣ. Честь и слава автору и благодарность каждому просвѣщеннаго русскаго за то, что онъ даетъ возможность проникнуть сквозь густой туманъ, которымъ близорукая или пристрастная національность одѣла историческія событія и явленія описываемаго имъ времени: онъ открываетъ одну изъ важнѣйшихъ и великихъ эпохъ нашей исторіи тамъ, гдѣ мы привыкли видѣть только годину фанатическаго изуверства, непримиримой, національной вражды и ожесточеннаго невѣжества. Его историческій трудъ не похожъ на тѣ произведенія, въ которыхъ бѣдный запасъ всѣмъ извѣстныхъ уже фактовъ плаваетъ въ потокѣ, а иногда и въ стоячей лужѣ общихъ взглядовъ и заключеній, составленныхъ безъ надлежащаго изученія историческихъ матеріаловъ (по одному только поверхностному или одностороннему съ ними знакомству) и для подтвержденія вѣчно одной и той же идеи, потакающей національному чувству. Не похожъ также на тѣ бессмысленные перечни фактовъ, въ которыхъ событія являются въ одномъ только хронологическомъ порядкѣ, безъ всякой внутренней связи и смысла. Въ произведеніи г. Костомарова эпоха русской исторіи отражается съ удивительной полнотой: событія и лица даже въ самые важнѣйшіе моменты ихъ исторической жизни являются у него не только запечатлѣнными національнымъ характеромъ, но часто съ отбѣнками частнаго быта и индивидуальности.

Обыкновенно, въ исторіи событія и личности представляются болѣе или менѣе въ отвлеченномъ, такъ сказать, видѣ. Частности и индивидуальность, которыя въ дѣйствительной жизни, для современнаго наблюдателя, играютъ такую важную роль въ совершающемся передъ нимъ событіяхъ, (которыя со временемъ будутъ исторією) исчезаютъ для историка или опускаются имъ, потому что онъ не всегда можетъ уловить ихъ историческое значеніе. Историкъ находится постоянно между двумя крайностями: событія могутъ у него или представиться въ такой удивительной связи и послѣдовательности, какой не существуетъ въ дѣйствительности, или распасться на отдѣльные и случайные факты, при чемъ исчезнетъ ихъ историческое значеніе и нить исторической жизни будетъ прерываться. Какой-то французскій писатель сказалъ недавно, что онъ чувствуетъ отвращеніе къ исторіи именно потому, что то, что теперь есть, будетъ со временемъ исторією;

и будетъ совсѣмъ не то, что оно есть. Никакое богатство матеріаловъ не можетъ предотвратить совершенно этого неизбежнаго искаженія дѣйствительности (истиннаго значенія и причины событій) въ исторіи. Вся задача здѣсь въ томъ, чтобы подойти, какъ можно ближе къ истинѣ. Это достигается, конечно, изученіемъ историческихъ матеріаловъ, въ которомъ должны участвовать и трудъ и творческій талантъ. Въ произведеніи г. Костомарова все носитъ на себѣ отпечатокъ такого изученія, поэтому оно есть одно изъ немногихъ произведеній, составляющихъ достояніе нашей исторіи, какъ науки, а не какъ учебниковъ и произведеній, или только ученаго, или только талантливаго вымысла.

Мы сказали уже, что въ произведеніи г. Костомарова описываемая имъ эпоха отражается съ удивительной полнотой, въ слѣдствіе этого—то и раскрывается истинный смыслъ ея событій и явленій и она получаетъ высокій интересъ (на который мы также указали), а между тѣмъ оно такъ просто, такъ доступно для каждаго, какъ рассказъ изъ дѣйствительности. Удовлетворяя требованіямъ даже тѣхъ читателей, которые требуютъ отъ исторіи романа, оно въ тоже время удовлетворяетъ требованіямъ науки. И назидательно и пріятно въ этомъ описаніи исторической жизни, полною, какъ дѣйствительная жизнь, драматическаго движенія, подробностей частнаго, всенароднаго, такъ сказать, быта народа и индивидуальныхъ проявленій дѣйствующихъ лицъ, слѣдить за ходомъ важныхъ, историческихъ событій, за ихъ результатами, за развитіемъ вышшихъ, общихъ интересовъ, которые такимъ образомъ кажутся естественнымъ, неизвѣстнымъ слѣдствіемъ этой дѣйствительности одѣланной уже достояніемъ исторіи. Замѣтимъ при этомъ, что та недосказанность и, слѣдовательно, неполнота, о которой мы упомянули въ самомъ началѣ, происходитъ отъ того между прочимъ, что авторъ, заботясь о достоверности, объ истинѣ фактовъ, слишкомъ умренно пользуется опаснымъ, но неотъемлемымъ правомъ историка объяснять и досказывать ихъ смыслъ, и, что его «Богданъ Хмельницкій»—только эпизодъ изъ той эпохи, начала которой заключается въ предшествующихъ событіяхъ, и преимущественно въ исторіи княжества Литовскаго и Польши, а конецъ сливается съ исторіею Московскаго государства, гдѣ существовалъ другой порядокъ вещей...

Если въ произведеніи г. Костомарова взложеніе всѣхъ подроб-

постей борьбы между католицизмомъ и православіемъ возбуждаетъ интересъ историческаго романа, то изображеніе борьбы стремленій къ самостоятельности противъ угнетенія и зависимости, которая скрывается подъ этой религіозной борьбою, представляетъ еще большій интересъ. Самос начало этой борьбы, или по-крайней-мѣрѣ, поводъ къ началу оной, были, но изложеніе г. Костомарова, политическіе замыслы короля Владислава IV, въ которыхъ не только не было ничего утѣснительнаго для православія, но осуществленіе котораго, напротивъ, требовало въротерпимости.

«Онъ (Владиславъ) понималъ, говоритъ г. Костомаровъ, что Польша требуетъ кореннаго преобразованія и старался ввести въ нее иной порядокъ вещей. Самъ, получивъ прекрасное образованіе, онъ покровительствовалъ учебнымъ заведеніямъ, привлекалъ къ своему двору ученыхъ; воспитанный въ отечественномъ духѣ, онъ отъ юности до смерти былъ въренъ своей народности, даже до одежды, но не имѣлъ предрасудковъ противу чужаго; путешествовавъ въ молодости по Европѣ, онъ потомъ старался вводить въ свое отечество чтó считалъ лучшимъ; свѣтомъ знаній и блескомъ вкуса онъ хотѣлъ разогнать фанатизмъ и вражду ученій; будучи, какъ полякъ, въренъ римско-католическому исповѣданію, онъ благоразумно охранялъ православіе, возстановилъ кievскую митрополию, давалъ православнымъ привиллегіи отъ своего имени и убѣждалъ дворянъ обезпечивать неприкосновенность греческой религіи сеймовыми конституціями... Владиславъ дѣйствовалъ сообразно своему вкусу: тогда въ Европѣ, по прекращеніи споровъ за вѣру, фанатизмъ смѣнялся меркантильностью, народныя волненія улеглись подъ жезломъ дипломатики, и принципъ монархическій началъ торжествовать подъ феодализмомъ и общинностью. Владиславъ не могъ не стремиться къ тому, къ чему стремились всѣ его сосѣды — къ увеличенію своей власти; но планы короля, явно соединенные съ такими желаніями, стоили ему упорнѣйшихъ споровъ съ дворянами.»

«Изъ окружавшихъ короля любимцевъ возвысился при Владиславѣ канцлеръ Оссолинскій, человекъ отличнаго воспитанія, испытанный дипломатъ, охотникъ до политическихъ замысловъ. Оссолинскій принялъ отъ папы квяжескій титулъ и пытался ввести въ Польшу орденъ. Дворяне, дорожившіе равенствомъ своего сословія, не допустили новизны и приписывали Оссолинскому намѣреніе потрясти основанія Ръчи-Посполитой. И дѣйствительно,

король и канцлеръ начали этимъ нововведеніемъ приводить въ исполненіе планъ образовать среди многочисленнаго шляхетскаго сословія немногочисленное дворянство, которое было бы одолжено своимъ возвышеніемъ королю и стало бы опорой трона: такъ водворился бы принципъ монархій вмѣсто идеи о равенствѣ дворянскаго сословія. Видя вездѣ въ Европѣ торжество монархизма и политики и замѣчая въ своемъ ограниченномъ по власти государѣ начатки такого же стремленія, паны отыскивали во всѣхъ его поступкахъ для себя опасностей: за любовью къ просвѣщенію упрекали его въ иноземщинѣ; духовные укоряли его въ холодности къ вѣрѣ отцевъ за покровительство православнымъ; ученая бесѣда въ Торкѣ, вмѣсто успокоенія, привела къ большому разгоряченію умовъ; привилегіи и вынужденныя конституціи въ пользу правовѣрныхъ не имѣли значенія у магнатовъ; въ глазахъ короля истязали казаковъ, ополчившихся подъ знаменемъ вѣры, по-видимому, покровительствуемой королемъ. Не удавалось ничего замышляемое королемъ и канцлеромъ. Но Владиславъ тѣмъ болѣе убѣдился въ необходимости возвысить власть королевскую, и какъ невозможно было сдѣлать этого посредствомъ стройной администраціи, то онъ рѣшился достигнуть своихъ цѣлей посредствомъ сильныхъ потрясеній, что было ему внушено совѣтами Оссолинскаго. Задумали вовлечь Польшу въ войну съ Турціею и съ Крымскою ордою...

Положено было употребить казаковъ, какъ одно изъ средствъ въ этой войнѣ; съ этою цѣлью Оссолинскій поѣхалъ въ Украину для переговоровъ съ ними.

«Владиславу ясно стало, продолжаетъ г. Костомаровъ, какъ важно было значеніе казаковъ для его плановъ: казаки, такъ ему казалось, не навидя прежній порядокъ Рѣчи-Посполитой, тѣмъ скорѣе могли сдѣлаться защитниками нововведенія и образовать изъ себя королевское войско, готовое приводить въ исполненіе предпріятія верховной особы. Легко же было возбудить казаковъ!

«Оссолинскій привезъ казакамъ милостивую грамоту, возвращавшую имъ прежнее устройство, свободное судопроизводство, право избирать чиновниковъ и умноженіе реестровыхъ воиновъ, на первый разъ до 12,000; съ тѣмъ вмѣстѣ король позволилъ имъ плавать по Днѣпру и Черному морю, препоручалъ имъ постронть тотчасъ 600 чаекъ и немедленно сдѣлать нападеніе на Турцію. Это нужно было для того, чтобы Турки, въ свою очередь, бросились на Польшу, и тогда Поляки необходимо дол-

жны были бы воевать. Въ знакъ благоволенія Оссолинскій привезъ имъ знамя и булаву....»

Оссолинскій открылъ намъреніе короля двумъ старшинамъ, изъ которыхъ одинъ былъ войсковою писарь Зиповій-Богданъ Хмельницкій. Королевская привилегія и гетманская булава были вручены другому старшинѣ Барабашу. Замыслы короля не удались, но Хмельницкій, въ послѣдствіи, похитилъ у Барабаша эту привилегію и употреблялъ ее въ дѣло для возбужденія казаковъ къ возстанію.

Борьба, въ которую казаки вступили съ Польшею, во имя православія и своихъ казацкихъ правъ, тотчасъ же повлекла за собою стремленіе хлоповъ къ освобожденію отъ деспотической и угнетающей власти пановъ. Зборовскій договоръ, заключенный казаками съ королемъ, послѣ одержанной ими рѣшительной побѣды, утверждалъ права православія и казачества; но прежде, чѣмъ на дѣлѣ обнаружилось, что поляки не намѣрены исполнять его, хлопы, не вошедшіе въ реестръ казаковъ (число которыхъ опредѣлено, по договору, до 40,000), отказываются служить панамъ.

«Большая часть пановъ едва только вступила въ свои имѣнія, какъ тотчасъ же должна была опасаться бѣгствомъ, а многіе заплатили жизнь за попытку управлять удалыми головами. Бѣглецы стекались въ Кіевъ, подъ защиту воеводы, но жители самовольно не впускали ихъ въ середину города; шляхтичи считались по предметьямъ и пригороднымъ селамъ около Кіева, и рѣдкій, при ихъ бѣдности и тогдашней дороговизнѣ, могъ имѣть кусокъ блага хлѣба, или возъ сѣна.... Хмельницкій казнилъ непослушныхъ, вѣшалъ, сажалъ на колъ и чрезъ то имя его, которое до того времени произносилось съ благоговѣніемъ русскими, стало у многихъ предметомъ омерзенія.»

Онъ долженъ былъ уступить неудержимому движенію, несмотря на то, что глава православія, кievскій митрополитъ, по просьбѣ кievскаго воеводы Киселя, дѣлается посредникомъ.

— «Тебѣ извѣстно, почтенный архипастырь, отвѣчалъ гетманъ: — что я употребилъ всѣ мѣры, какія только могъ; съ моею стороны нѣтъ никакой вины. Но что жъ мнѣ дѣлать съ народомъ? Пока изъ маленькаго дерева вырастетъ дубъ, много лѣтъ надобно ждать!

«Хмельницкій пріѣхалъ въ Кіевъ.

— «Господа Поляки (сказалъ онъ Киселю, почесывая голову,

по выраженію польской лѣтописи), поддѣли меня; но ихъ просьбамъ я согласился на такой договоръ, котораго исполнить нельзя никакимъ образомъ. Сами посудите : сорокъ тысячъ казаковъ; что я буду дѣлать съ остальнымъ народомъ? Они убьютъ меня, а на Поляковъ все-таки поднимутся.

— Кисель не находилъ, какой советъ дать ему.

«Тогда Хмельницкій назначилъ въ Переяславѣ генеральную раду въ первыхъ числахъ марта. Никогда еще не производилось въ Украинѣ такой рады : «она (говорить современникъ) была похожа на польскій сеймъ», и была настоящимъ національнымъ собраніемъ государства вольнаго и независимаго. Для Поляковъ осталось тайнымъ то, что происходило и постановлено на этомъ собраніи. Несомнѣнно, что тамъ былъ окончательно прочитанъ и утвержденъ народомъ реестровый списокъ, который должно было послать королю. Историки разногласятъ въ числѣ казаковъ, вошедшихъ въ реестръ; извѣсто, однако, что ихъ было не ровно сорокъ тысячъ.... Каждый реестровый казакъ вступалъ въ казацкое званіе со всемъ семействомъ, и имѣлъ по одному конному и пѣшему подпомощнику, кромѣ работника; сверхъ того Хмельницкій составилъ еще двадцать тысячъ для резерва: этотъ корпусъ находился подъ особой командой сына его, Тимофея. Такимъ образомъ число вступившихъ въ непосредственное вѣдомство казацкаго начальства было довольно значительно и доходило до трехсотъ тысячъ. Но тѣмъ не менѣе остались болѣе такихъ, которые не вошли въ реестръ, должны были растаться съ блестящими надеждами быть вольнымъ сословіемъ и поступали снова въ подданство панамъ....»

«....Болѣе вела къ спокойствію, продолжаетъ авторъ, уступчивость самаго дворянства.... Нѣкоторые паны, видя, что «плетью обуха не перешибешь», какъ гласитъ пословица, стали приходять въ свои деревни одни и соглашались жить и управлять на такихъ условіяхъ, какія имъ предлагать. Мужики, услыша это, покидали оружіе и возвращались, они сходились на сходы и разсуждали, какъ имъ принимать нановъ.... Въ Немировѣ была подобная сходка изъ сосѣднихъ селъ; мужики выбрали себѣ атаманомъ какого-то Пуйку и совѣтовались какъ жить съ панами и служить имъ.... Въ другихъ мѣстахъ хлопы уговаривались отдавать панамъ поклоны по большимъ праздникамъ, то-есть приносить имъ отъ своего желанія что-нибудь. Дворяне принуждены были принимать такія условія, надвясъ поправиться со

временемъ. «Но какого исправленія можно было ожидать отъ такихъ своевольныхъ и необузданныхъ поданныхъ? (говорить современнѣйшій панъ.) Самые богатые прежде паны не получали ни гроша изъ огромныхъ маестностей, которыя только по имени слыли собственностію ихъ. Тѣ же, которые были попроще и побѣднѣе (говорить льтописецъ), принимались сами нахать и косить, и жены ихъ, прежде боявшіяся выйти на солнце, чтобы не загорѣть, вязали снопы въ іюльскій полдень. Не было деревни, не было дома, гдѣ бы бѣдный шляхтичъ могъ и звѣнуть свободно (говорить современникъ); чуть мало кто погорячился, тотчасъ бунтъ, а сорокъ тысячъ реестровыхъ, словно горохъ изъ мѣшка, разсыпавшись по Украйнѣ, производили страшный для насъ шорохъ».

Изъ этого уже видно, какой характеръ должна была принять эта война, продолженіе которой было неизбежно. Съ одной стороны она поддерживалась такими стремленіями, которыя, охватывали все большее и большее число угнетеннаго класса, самаго многочисленнаго, постоянно усиливали ее, съ другой участвовали только интересы господствующаго класса, усиленіе котораго не совпадало даже прямо съ интересами королевской власти и поддерживалось фанатическимъ изуверствомъ. Участіе сословія въ этой борьбѣ опредѣляется степенью ихъ интересовъ, завистливыхъ отъ ея хода: города, наиболее обезпеченные въ своихъ правахъ и наименѣе угнетенные, принимаютъ въ ней пассивное участіе, склоняясь, однако, на сторону казаковъ и вообще православныхъ, потому что ихъ перевѣсъ ограничивалъ власть пановъ, отъ произвола которыхъ они также терпѣли; они постоянно переходили изъ рукъ въ руки. Известно, что неприкосновенность правъ и возможность свободнаго удовлетворенія развивающихся потребностей гражданской и общественной жизни влечетъ за собою сознательное и добровольное выполненіе условій закона и власти, при которыхъ установился такой порядокъ вещей.

Передъ пораженіемъ русскихъ при Берестечкѣ (склонившемъ перевѣсъ на сторону поляковъ), послѣ повсемѣстныхъ неудачныхъ дѣйствій польскихъ войскъ, только религіозный фанатизмъ даетъ возможность королю собрать силы для продолженія войны съ освобождающеюся Русью. Тогда какъ между русскихъ, при фанатизмѣ другаго рода, замѣтно охлажденіе (несмотря на то, что Хмельницкій провозглашается точно также защитникомъ вѣры,

какъ и король), въ слѣдствіе недовѣрчивости къ гетману и неравенства интересовъ. Политическія стремленія, девизомъ которыхъ было православіе, остаются вѣрными себѣ:

«Дорогой гость, говоритъ г. Костомаровъ, посѣтилъ короля въ Люблинѣ. Это былъ снова Іоаннъ де-Торессъ, епископъ адрианопольскій, легатъ папы Інокентія X. Папа не прислалъ денегъ, которыхъ просили Поляки; онъ отговаривался тѣмъ, что римская казна истощена; за то онъ прислалъ всемъ полякамъ, идущимъ на брань, свое первосвященническое благословеніе и совершенное отпущеніе грѣховъ, королю въ подарокъ мантию и освященный мечъ, украшенный жемчугомъ и драгоценными камнями, а королеву золотую розу. Во время утренняго богослуженія, легатъ вручилъ Іоанну Казимиру и его супругъ эти дары и отъ имени св. отца торжественно провозгласилъ польскаго короля защитникомъ св. вѣры. Вниманіе папы обрадовало поляковъ. Нѣсколько дней прошло въ религіозныхъ церемоніяхъ, напоминавшихъ бывалыя времена крестовыхъ походовъ. Король обнародовалъ, что самъ святой отецъ благословляетъ ополчающихся на брань и повелѣвалъ творить въ храмахъ моленія о ниспосланіи счастливаго окончанія войны, предпринятой за честь римско-католической религіи. Религіозный характеръ войны возбуждалъ въ полякахъ отвагу и мужество; шляхтичи выходили съ увѣренностію въ побѣдѣ, потому что въ Римѣ будутъ молиться за нихъ; шлы^{на} смерть съ надеждою очиститься отъ грѣховъ участіемъ въ такомъ святомъ дѣлѣ и приобрѣсть мученичeskій вѣнецъ въ небѣ.

«Польша возстала. Шляхтичи не только выходили сами, но выбирали изъ своихъ подданныхъ крѣпкихъ и рослыхъ, вооружали и брали съ собой на войну.

«И у казаковъ, продолжаетъ г. Костомаровъ было религіозное побужденіе. Въ Польшу легатъ; здѣсь тѣ же лицо—былъ митрополитъ корнѣскій. Онъ препоясалъ мельникаго мечемъ, освященнымъ патріархомъ на самомъ гробѣ Господнемъ, вручилъ ему частицы мощей изъ Греціи, кропитъ войско святой водою, одобрялъ надеждами на помощь Божью и рѣшился самъ съ духовенствомъ идти на брань за честь православной вѣры. Афонскіе монахи ходили изъ села въ село и призывали православныхъ къ оборонѣ своей святыни. Но войска у Хмельникаго въ тотъ годъ было меньше, чѣмъ прежде: значительная часть его была оставлена для охраненія Украйны; при томъ Хмельницкій не имѣлъ тогда той нравственной силы, какъ прошлый годъ. Хло-

ны, воины неискусные въ строю, шли хотя съ фанатизмомъ противъ пановъ, но питали недоверчивость къ своему гетману за потачку панамъ и казни мятежниковъ. Ресстровые казаки, пользуясь уже своими правами, охотнѣе хотѣли бы идти противъ Турокъ, съ которыми сносились и дружились ихъ предводители. Новый союзъ съ татарами не нравился многимъ, потому что эти союзники, вступая въ русскую землю подъ видомъ помощи, уводили въ плѣнъ женщинъ. Были такіе казаки, которые, при самомъ началѣ войны, предложили полякамъ свои услуги противъ того, кого за годъ боготворили.»

Удивительную, прекрасную картину, дальнѣйшее развитіе и общій видъ которой скрывался въ будущемъ и только отдѣльныя черты которой, подробности могъ собрать и осмыслить г. Костомаровъ въ своемъ произведеніи, представляютъ стремленія русскихъ хлопковъ, массы народа, къ самостоятельному существованію. Это было не стремленіе дикарей, какихъ-нибудь Черкесовъ, къ необузданной воли, (хотя оно и можетъ такимъ казаться сквозь призму страшныхъ безпорядковъ и неистовствъ, знаменующихъ эпоху) потому что этотъ народъ вовсе былъ не чуждъ такихъ формъ гражданственности и государственнаго быта, образецъ которыхъ представляютъ его мундипальные города и которыя такъ благопріятствовали этимъ стремленіямъ. Въ стремленіяхъ этихъ не заключалось еще кореннаго различія между русской и польской національностями: они составляли, напротивъ, общее достояніе этихъ славянскихъ племенъ и выразились и у поляковъ, только иначе—въ неограниченномъ развитіи власти дворянскаго сословія, причиною чему были особыя обстоятельства и въ томъ числѣ католицизмъ. Въ Польшѣ ихъ уродливое и политическое выраженіе было несомнѣнно ни съ монархическою властію, ни съ общимъ интересомъ, на Руси, напротивъ, чи относились къ пользѣ большинства и не противорѣчили монархической власти.

Такова свѣтлая, прекрасная сторона описываемой г. Костомаровымъ эпохи: таковъ этотъ свѣжій, успокоивающій и примиряющій мотивъ, который, какъ мы уже сказали въ началѣ, проходитъ черезъ его произведеніе составляя его главное, существенное значеніе.

Обратимся теперь къ другимъ сторонамъ этого произведенія, къ другимъ сторонамъ эпохи, которую оно отражаетъ съ такой разносторонней полнотою.

Для того, кто въ исторіи Польши и Россіи ищетъ только начала разъединенія и въ историческихъ дрязгахъ хочетъ видѣть подтверженіе несправедливости или правъ на то, что было неизбежнымъ слѣдствіемъ хода историческихъ событій, которыя не руководствуются и не отяняются ни какимъ правомъ, тотъ въ произведеніи г. Костомарова можетъ, пожалуй, найти для себя обильную пищу. Но мало было бы заслугъ со стороны автора, если бы его подробное и столь художественное изображеніе неистовствъ, зверства и страданій, сопровождавшихъ борьбу казаковъ съ поляками, имѣло только это значеніе. По этой части и въ ученыхъ и литературныхъ трудахъ у насъ слышно очень много. Заключившись въ тѣсную сферу вѣнскихъ условій національностей и ограничиваясь изученіемъ своихъ источниковъ, или пристрастнымъ взглядомъ на указанія чужихъ, обѣ стороны давно уже съ равнымъ ожесточеніемъ упрекаютъ другъ друга въ томъ, въ чемъ тогда же еще похвतालше и что не имѣло никакого вліянія на послѣдующія событія. И съ той и съ другой стороны убивали, рвали, казнили, пытали, жгли, не щадя ни пола, ни возраста, — и съ той и съ другой стороны равно обманывали, лукавили, измѣняли и грабили мещадно, съ претензією на рыцарство, что дѣлается болѣе или менѣе, сообразно духу времени, и теперь во время войны, только безъ претензіи на рыцарство, которое намъ кажется уже грубымъ, а съ болѣе утонченной претензією на *человѣчность*. Если съ одной стороны все это дѣлалось съ славнымъ убжденіемъ въ свою правъ и законности, то другая сторона имѣла дикость видѣть въ этомъ молодечество и удадь.

Нужно отдать справедливость автору: онъ, очевидно, глубоко сочувствуетъ русской народности, увлечается ея поэтической стороной, одушевляется каждымъ великимъ и яркимъ ея проявленіемъ; но не на столько, чтобы въ изложеніи не только историческихъ событій, но даже въ подробностяхъ, имѣющихъ съ ними связь, быть сознательно пристрастнымъ. (Кто не можетъ возвыситься надъ такимъ мелкимъ, въ дѣлѣ науки и истины, национальнымъ побужденіемъ и сознательно грѣшитъ противъ правды, тотъ долженъ отказаться отъ претензіи создать что нибудь прочное, что — нибудь удовлетворяющее строгимъ требованіямъ современной науки и мысли.) Г. Костомаровъ описываетъ дѣло такъ, какъ оно было и должно было быть, судя по тѣмъ историческимъ даннымъ, которыя въ смъ уже известны, но тѣмъ не

менѣ искажаются изъ разныхъ видовъ, неизмѣющихся ничего общаго съ наукою.

Возьмемъ, для примѣра, нѣсколько отрывковъ, — мѣста, въ которыхъ описываются подробности и при томъ изъ той эпохи (послѣ Берестечкаго сраженія), когда ожесточеніе достигло уже съ той и съ другой стороны крайнихъ предѣловъ... Избѣженіе жидовъ (десятками тысячъ вдругъ), ксензовъ, іезуитовъ и шляхтичей, которымъ началась война казаковъ съ поляками, еще не было выраженіемъ чисто-національной вражды; она въ короткое, послѣ того, время, сдѣлала великіе успѣхи:

«...Среди раненыхъ и убитыхъ (въ казацкомъ лагерѣ) поляки отыскивали нѣсколько своихъ несчастныхъ собраній: у нихъ были отсѣчены руки и ноги, другіе еще дышали въ страшныхъ мученіяхъ: по трупамъ нѣкоторыхъ поляки видѣли, что казаки употребляли всякія варварства, какія придумывало ожесточеніе. Это возбудило свирѣпство воиновъ; они гонялись за русскими, хватали и терзали ихъ. Въ таборѣ было много женщинъ, которыя пришли въ лагерь раздѣлять труды и опасности съ своими мужьями и братьями. Никому не было пощады, и даже раненымъ и чуть-живымъ. «Наши (говоритъ современникъ) были похожи на разъяренныхъ гончихъ собакъ, которыя, преслѣдуя звѣря, пронюхаютъ его во всякой ямѣ, въ всякомъ кустѣ». Напрасно хлопы кричали: *милостивые панове ляхи, на Бога глянѣте, будемъ вирни: мы не казаки, а мужики изъ черни!* «Нѣтъ пощады тѣмъ, которые пили шляхетскую кровь и грабили костѣлы!» кричали поляки. Жолнеры вытаскивали безсильныхъ враговъ изъ-подъ возовъ, изъ болотъ и мучили безъ состраданія, отплачивая за своихъ. Русскіе толпами сами бросались въ воду и скорою сметрью избавлялись отъ мученій.

«Три тысячи храбрыхъ не посрамили тогда казацкой славы, какъ говорилось въ тотъ вѣкъ въ Украинѣ. Занявъ небольшой холмъ, они дорого продали жизнь свою, защищались мужественно, перебили множество враговъ; а когда увидѣли, что на нихъ со всѣхъ сторонъ наступаетъ сильное войско, тогда бросились въ воду, предпочитая смерть рабству. Осталось изъ нихъ триста человекъ: они засѣли на небольшомъ островѣ на рѣкѣ Стыри и оборонялись цѣлый день; сколько ни подходили къ нимъ шляхтичи, казаки ловко палили по нимъ и мѣтко задѣвали ихъ косами, коль скоро какой-нибудь отважный бросался черезъ воду. Послѣ неудачныхъ попытокъ надъ храбрецами, долго не

чальники не могли вызвать на нихъ охотниковъ. Потоцкій послалъ депутата къ этимъ отчаяннымъ, для которыхъ не существовалъ страхъ смерти.

«— Панъ Краковскій, говорилъ депутатъ:—удивляется вашей храбрости и, жалвя такихъ мужественныхъ воиновъ; даруетъ вамъ жизнь, если вы сдадитесь.

«— Скажите пану Краковскому, отвѣчали казаки:—чтобы онъ такъ не думалъ о казакахъ. Нѣтъ, ляхи, не проведете насъ обѣщаніями: намъ жизнь не дорога, а милостями враговъ гнушаемся мы!

«Они показали множество серебра и золота, которое унесли съ собою изъ лагеря.

«— Смотрите, продолжали они:—какъ мало значить для насъ добро мирское. Драгоценности полетѣли въ воду въ глазахъ изумленныхъ поляковъ.—Знайте, прибавили казаки:— что свобода для казака всего дороже.

«Потоцкій послалъ на нихъ двѣ хоругви. Самъ король приближалъ смотрѣть на это рѣдкое зрѣлище. Они обняли другъ друга, прочитали молитву и бросились на Поляковъ; каждый изъ нихъ не прежде разставался съ жизнію, какъ убивъ врага и сказавъ ободрительное слово товарищу. Цѣлая сотня полка Радзивилова погибла прежде, чѣмъ перебила неустрашимыхъ русскихъ. Остался только одинъ изъ храбрыхъ; онъ вскочилъ въ лодку и началъ отмахиваться косою. Четырнадцать пуль запустили въ него—онъ былъ еще живъ и держался! Одинъ жолнеръ бросился на него также съ косою и попытился назадъ. Король приказалъ сказать казаку, что удивляется его храбрости и даруетъ ему жизнь.

«— Я гнушаюсь жизнію (отвѣчалъ воинъ), хочу умереть, какъ истинный казакъ.

«Нѣсколько Нѣмцевъ вошли по шею въ воду и закололи его копьями.»

Мы не придаемъ особенной цѣны этому эпизоду: въ историческомъ трудѣ, и особенно въ трудѣ такой важности, какъ произведение г. Костомарова, частности сами по себѣ занимаютъ послѣднее мѣсто. Частности нужны здѣсь на столько, чтобы охарактеризовать историческія явленія, въ составъ которыхъ входятъ онъ, какъ народныя, индивидуальныя и т. п. черты. Какъ скоро историческія явленія данной эпохи охарактеризованы вполне — дальнѣйшія частности ея дѣлаются безполезными: онъ

составляют излишекъ въ наукѣ исторіи, и, даже тогда, когда выполняются изящно, служатъ только ея *вънѣшне-поэтическимъ* украшеніемъ. Истинная ея поэзія заключается въ поэтическомъ выраженіи историческаго смысла событій и явленій, и того только, что имѣетъ этотъ смыслъ, а не всего, что случилось прекраснаго или дурнаго въ данную эпоху, или что составляетъ также черту національности, черту личности, не прибавляя ничего къ историческому значенію этой національности, этой личности. Въ произведеніи г. Костомарова много этой истинной поэзіи и потому подобные эпизоды не придаютъ ему, какъ произведенію науки, никакого достоинства: это роскошь, избытокъ, которымъ онъ, отъ своего ученаго труда, даритъ нашу литературу и національное чувство. Онъ должны быть ему благодарны, хотя, кажется, и пресыщены этого рода приношеніями.

Дѣйствительно, какое историческое значеніе можетъ имѣть такъ изящно описанный поступокъ этого *храбраго, удалаго, отчаяннаго* казака, который, получивъ 14 пуль, гнушался жизнью, послѣ того, какъ люди «бросались въ воду, предпочитая смерть рабству» и когда въ Украинѣ происходили нижеслѣдующія сцены:

«Король отправился по дорогѣ въ Кременецъ и по всюду встрѣчали Поляки несчастные остатки сокрушенной русской силы. Во время бѣгства потонуло и было перебито врагами двадцать-двѣ тысячи русскихъ. Страна вокругъ была разорена и опустыла; тѣ, которые успѣли пробиться изъ табора, умирали отъ голода, особенно пѣшіе. Поля были усыяны ихъ трупами. Когда Поляки ѣхали лѣсами, лѣсной гуль доносилъ до нихъ со всѣхъ сторонъ крики умирающихъ, которые напрасно пытались поддержать жизнь кореньями и травами. Слыша топотъ коней и польскую рѣчь, русскіе силились бѣжать, но подламывались ихъ ноги и, спасаясь отъ враговъ, они заползали въ кусты какъ подстрѣленные птицы, желая, по-крайней-мѣрѣ, умереть не въ рукахъ непріятелей. Король приказалъ подбирать ихъ и кормить, изъ состраданія, потому что, какъ замѣчаетъ современникъ, они были хотя не дворяне, но все-таки подданные, годные для того, чтобы служить дворянству. Но русскіе съ омерзениемъ отворачивались отъ собственнаго хлѣба, который теперь предлагали имъ побѣдители, и разбивали головы о пни и камни. Такое зрѣлище представлялось Полякамъ до самой рѣки Оквы. Тамъ стекались отряды, посланные въ погоню. Калиновскій привелъ въ

лагерь толпу пльнниковъ, урожденцевъ лъвой стороны Днѣпра; привязанные за шею къ сѣдламъ, они бѣжали какъ собаки на своръ за охотниками. Поляки стали ихъ обыскивать и нашли только нѣсколько папушъ табаку; съестнаго не было ничего; за то пороха и пуль у нѣкоторыхъ было довольно.

«— Много васъ здѣсь? спрашивали ихъ.

«— Нѣсколько тысячъ скитаются по этому лѣсу, сказали казаки:—на бѣду нашу, нѣтъ здѣсь и птицъ, да при томъ рѣдкій въ силахъ зарядить ружье.

«— Чтожь вы ѣдите? спросили ихъ.

«— Котранъ, холодецъ (спаржа) и другія зелья, да и того негдѣ достать. Скоро всѣ пропадемъ съ голода.

«Иеремія (князь Вишневскій) не приводилъ пльнныхъ; заставъ подъ Дубно три тысячи хворыхъ и усталыхъ, онъ приказалъ ихъ добить, не трогаясь жалкою участью враговъ.»

Понятно, что такіе эпизоды и подробности, такія народныя и индивидуальныя черты имѣютъ общій историческій смыслъ, и, нѣтъ надобности говорить, что здѣсь историкъ становится поэтомъ, оставаясь историкомъ: тутъ есть поэзія исторіи.

Приведемъ, наконецъ, еще одинъ эпизодъ. Дѣло происходитъ послѣ батогской битвы, гдѣ русскіе одержали верхъ.

«На протяженіи нѣсколькихъ миль казаки въ разсыпную гонялись за бѣгущими воинами, поражая ихъ копьями и выстрѣлами, вытаскивали ихъ изъ болотъ и кустовъ и умерщвляли. Напрасно Поляки бросали оружіе и молили о пощады:

«— Нѣтъ вамъ пощады! кричали разсвирѣзвшіе русскіе:—вы не щадили насъ! Нѣкоторые удачно переплыли черезъ Бугъ, но не избавились отъ гибели: изъ окрестныхъ селъ и хуторовъ сбѣжались русскіе хлопы, обрадованные вѣстью освобожденія, и добивали бѣглецовъ косами и дубинами. Двадцать тысячъ Поляковъ погибло въ этой несчастной битвѣ; половина изъ нихъ пала подъ картечами и пулями собственной артиллеріи и пѣхоты и утонула въ Бугѣ, прочіе были истреблены казаками по полю.

«Осталось еще пять тысячъ, большею частью пѣхоты. Они, полумертвые отъ страха и хладнокровные къ жизни отъ стыда, изнеможенные отъ ранъ, въ отчаяніи, бродили между трупами: исхода не было.

«Тогда Золоторенко и какой-то старшина казацкій Высочанъ приступали къ Нуредию.

•

«— Дайте намъ , султане, потыштыся: побыты ляхивъ, що остались.

«— Какъ можно , возражалъ Нурединъ: — они намъ заплатятъ окупъ! Да при томъ жалко убивать безоружныхъ.

«— Они насъ не жалели, отвѣчали казаки: Калиновскій разъ попался въ неволю, мы его пощадили, а онъ потомъ умерщвлялъ и мучилъ невинныхъ людей. Какъ они сами дѣлали, такъ и мы будемъ съ ними дѣлать! Куда теперь дѣтъ такъ много пльнянковъ, на походы въ Молдавію? Выбьемъ всѣхъ, такъ меньше будетъ войска въ Польшѣ. А чтобы ваша добыча не пропала, такъ мы заплатимъ вамъ за голову каждого поляка.

«Сторговались и отсчитали полякамъ требуемую сумму.

«Посреди обгорѣлаго польскаго лагеря казаки устроили майданъ, загремѣла дикая запорожская музыка, полилась горька, запѣли казаки пѣсни, называя себя свободными боярами, и, среди гулянки, веселыхъ окликовъ и плясокъ , выводили поляковъ и на майданъ рубили имъ головы, приговаривая:

«Отсѣ вамъ за Берестѣчко! Отсѣ вамъ за Трилисы! Отсѣ за унею! отсе вамъ стади!

«Такимъ образомъ, припоминая всѣ несправедливости и оскорбленія, какія терпѣла Украина отъ поляковъ , казаки убивали беззащитныхъ и безоружныхъ враговъ. Пршіемскій, когда до него дошла очередь, началъ упрекать Хмельницкаго (сына, Тимофея) въ злодѣяніи: за то Тимошъ приказалъ его казнить медленными ударами и отнимать членъ за членомъ.

«Уже порядочный костеръ труповъ лежалъ на майданъ и убійцы ходили по кольна въ крови, какъ вотъ прибѣжали къ Нуредину двое мурзъ, изъ которыхъ одинъ былъ Хамамбетъ, родственникъ князя Корецкаго, котораго онъ спряталъ тогда въ обозъ.

«— Султанъ! что ты это дѣлаешь? сказалъ онъ:—или ты хочешь обезславить на-вѣки свое имя и татарскій народъ? Такого варварства у насъ не бывало!

«Нурединъ опомнился и требовалъ, чтобы казаки прекратили рѣзню. Но казаки тотчасъ отсыпали этимъ мурзамъ червонцевъ, чтобы они не мѣшались , и пригласили ногайцевъ , необузданный и своевольный народъ, перебить поляковъ поскорѣе. Мурзы, которымъ хотѣлось было спасти пльнянковъ, боялись казачества и своевольныхъ ногайцевъ, и отступились отъ несчастныхъ. Ногайцы бросились вмѣстѣ съ казаками и начали поспѣшно истреблять

поляковъ, чтобы не дать времени возбудить новое состраданіе. Умирающіе громкимъ голосомъ кричали «Jesus!» но казаки припоминали опозоренныя свои церкви, голодныхъ братьевъ подъ Берестечкомъ, истребленныя мѣстечки, замученныхъ женъ и дѣтей, и мстили врагамъ безъ состраданія. Толпа замѣтила, что татары спрятали у себя многихъ поляковъ; казаки искали ихъ въ обозъ, вытаскивали несчастныхъ изъ-подъ повозокъ.

«— На чортъ вамъ ихъ? говорилъ Тимошъ: лишне вага́ буде; отдайте ихъ, лѣгше буде въ Волощину йти!»

Это избіеніе пяти тысячъ безоружныхъ враговъ, при звукахъ музыки и «всеселыхъ окликахъ» составляетъ самый крупный фактъ звѣрства и ожесточенія изъ безчисленнаго множества фактовъ и подробностей, собранныхъ г. Костомаровымъ и описанныхъ имъ почти вездѣ очень драматично: онъ далеко оставляетъ за собою *подвигъ* польскаго полководца и «героя этой эпохи», князя Вишневецкаго, приказавшаго добить три тысячи больныхъ и раненыхъ—подвигъ, конечно, также удивительный, не смотря на краткость, съ которой говоритъ о немъ авторъ. Избіеніе вдругъ пятнадцати тысячъ жидовъ, при самомъ началѣ войны, объясняется религіознымъ фанатизмомъ и еще тѣмъ, что подробности этого изумительнаго факта заимствованы авторомъ изъ еврейской летописи. Пятнадцать тысячъ жидовъ, которые, лежа на полѣ связанными, въ одинъ голосъ разговариваютъ съ казаками, предлагающими имъ жизнь, если они откажутся отъ жидовской вѣры, — сцена, исполненная комической невѣроятности, свидѣтельствующей, что надъ ней трудилось наивно воображеніе летописца. Но этотъ послѣдній эпизодъ, такъ *объективно* описанный г. Костомаровымъ, придаетъ ей страшную вѣроятность.

Нѣтъ, ни какъ нельзя сказать, чтобы г. Костомаровъ былъ *сознательно* пристрастенъ въ изображеніи даже подробностей этой буквально кровавой борьбы русскихъ съ поляками, нельзя сказать, чтобы онъ былъ доступенъ естественному, но мелочному побужденію поставить свою національность выше чужой, что въ историческомъ произведеніи совершенно неумѣстно, если съ этимъ не соединено рѣшеніе какого-нибудь историческаго же вопроса; нельзя, наконецъ, сказать, чтобы онъ не выставлялъ въ выгодномъ, истинномъ свѣтѣ, того, что въ самомъ дѣлѣ хорошо.

Изъ приведенныхъ нами отрывковъ, изъ описанія блестящихъ

подвиговъ князя Вишневецкаго, изъ подробностей 7, 8 и 9 главъ (самыхъ занимательныхъ и изящныхъ по характеру описываемыхъ событій и изложенію) можно въ этомъ убѣдиться вполне.

Тѣмъ не менѣе въ произведеніи г. Костомарова изложеніе настоящей борьбы, за исключеніемъ, можетъ быть, самыхъ крупныхъ ея событій, представляетъ ощутительную разницу, смотря по тому, которой изъ участвующихъ въ ней сторонъ оно касается, разницу не въ однихъ достоинствахъ внѣшнихъ, а существенныхъ, отъ которыхъ зависитъ достоинство историческаго труда. Въ изложеніи событій и явленій, касающихся русскихъ вообще и казаковъ въ особенности, вы видите глубокое изученіе—плодъ труда великаго и таланта — увѣчавшееся рѣдкимъ пониманіемъ не только исторической, но и частной ихъ жизни; въ изложеніи же того, что касается поляковъ, т. е. ихъ участія въ этихъ событіяхъ и вообще ихъ дѣйствій и дѣйствователей—изученіе и пониманіе весьма обыкновенныя. (Можетъ быть авторъ и глубокой знатокъ польской исторіи и народности—но мы, вѣдь, говоримъ только о томъ, что выражается въ его произведеніи.) Не говоря объ отдѣльныхъ, историческихъ лицахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя удачно очертаны,—нельзя, главное, составить себѣ, изъ этого блистающаго новыми и любопытными подробностями описанія борьбы русскихъ съ поляками, хоть десятую долю такого полнаго представленія о польскомъ панѣ, шляхтичѣ и ихъ *подданныхъ*, какое слагается о казакѣ, казацкихъ начальникахъ, хлопѣ, тогда какъ это—типы, въ которыхъ (съ примѣсью іезуитовъ) въ ту эпоху также выражается исторія Польши со всею ея національнію, какъ исторія южной Руси въ типѣ казака и хлопа, историческій типъ которыхъ такъ глубоко понятъ и развитъ авторомъ. Въ изображеніи казаковъ и вообще русскихъ (не въ приведенномъ нами эпизодѣ о *храбромъ, удаломъ и отчаянномъ* казакѣ, а по преимуществу, въ самомъ Хмельницкомъ и другихъ историческихъ личностяхъ) авторъ возвышается до поэзіи исторіи, а въ изображеніи поляковъ у него часто, очень часто видна только историческая живопись—достоинство, которое такъ прекрасно оцѣнилъ и въ тоже время такъ казнилъ г. профессоръ Соловьевъ въ исторіи Карамзина.

Когда вглядываешься въ безчисленные подробности казацкаго быта, собранныя г. Костомаровымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ историческихъ дѣятелей, то видишь, что тутъ народныя черты, тѣ черты, которыя выражались въ его вседневной жизни, со-

ставляют неотъемлемую принадлежность этихъ историческихъ фязіономій и ихъ исторической дятельности, что безъ нихъ ихъ политическая роль и двятвія были бы неясны или казались не тьмъ, что были. Изъ произведенія г. Костомарова видно, что политика этого народа, въ ту эпоху, вытекала прямо изъ его жизни, что интересы его вседневной жизни были и его государственными интересами; это были, конечно, не сложная политика и не многостороннія государственные интересы, но рѣдко можно встрѣтить примѣръ, чтобы народъ, масса, принимала въ нихъ такое живое и непосредственное участіе. Такимъ образомъ изученіе народнаго быта во всѣхъ его проявленіяхъ по историческимъ источникамъ привело г. Костомарова къ важнымъ результатамъ и отразилось въ его произведеніи, которое, какъ мы сказали уже, открываетъ намъ какъ будто бы новую эпоху въ русской исторіи.

Но нельзя не предположить, что эпоха эта получила бы еще иной характеръ, была бы богаче, а историческій трудъ г. Костомарова полнѣе, глубже, если бы въ немъ отразилось такое же изученіе жизни народа, связаннаго съ южно-русскими такъ тѣсно и происхожденіемъ, и исторіею. Эта тѣсная связь, которая всѣмъ давно уже извѣстна, но которая въ другихъ произведеніяхъ такъ мало выражалась, изъ его историческаго труда становится ясною, не смотря на то, что оно посвящено исключительно описанію борьбы, кончившейся распаденіемъ соединеннаго Литовско-Польскаго государства. На эту связь онъ и самъ указываетъ и ею объясняетъ историческія явленія.

Не одно національное чувство можетъ побуждать къ глубокому и всестороннему изученію предмета: въ противномъ случаѣ не существовало бы большей части наукъ, въ которыхъ подобное побужденіе не имѣетъ мѣста. Не одно также національное чувство даетъ средство къ уразумѣнію самыхъ глубокихъ и притомъ не однихъ отрицательныхъ, но и положительныхъ сторонъ народности, хоть оно удивительно помогаетъ въ этомъ случаѣ. Наконецъ, сочувствіе къ какой-нибудь національности не составляетъ еще непремѣннаго условія къ ея пониманію. Потому, если національное чувство дастъ автору «Богдана Хмельницкаго» возможность находить смыслъ и поэзію даже въ дикихъ и возмущающихъ нравственное чувство проявленіяхъ казачества, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы онъ долженъ былъ непременно

оставаться только холодно справедливымъ и безстрастно строгимъ къ его противникамъ. Эта роскошь сочувствія, доходящая до эпоса, къ одной сторонѣ, и безстрастное равнодушіе, едва возвышающееся надъ тономъ историческихъ руководствъ, къ другой, составляютъ въ произведеніи г. Костомарова, при всѣхъ его великихъ достоинствахъ, недостатокъ, какъ труда ученаго: эта односторонность и неполнота—въ произведеніи науки—дисбалансъ, потому что наука въ ея настоящемъ, а не учебномъ или литературномъ смыслѣ, должна быть человѣчна, а не національна.

Произведеніе г. Костомарова такъ полно отражаетъ бытъ и духъ южно-руссовъ и его героическаго, въ ту эпоху, выраженія—казачества, и авторъ, не смотря на вышеозначенную *роскошь* сочувствія къ русскимъ сравнительно съ поляками, все-таки такъ непристрастенъ, что въ произведеніи его можно найти множество отгѣнковъ и подробностей, которыя показываютъ, что борьба этихъ двухъ славянскихъ народовъ, не смотря на различіе ихъ національностей, «споръ Славянъ между собою» и что истинный эпосъ этой борьбы, въ которомъ выразится вполне и ея историческій смыслъ, будетъ доступенъ только тому историку, который, подобно Пушкину, возвысится до равной полноты пониманія и сочувствія этимъ Троянамъ и Ахейцамъ славянской исторіи.

Мы старались показать, по мѣрѣ возможности, общій характеръ эпохи, описанной г. Костомаровымъ и тѣ достоинства, которыя заключаетъ въ себѣ его произведеніе въ этомъ отношеніи. Теперь намъ остается еще разсмотрѣть личность Богдана Хмельницкаго и его значеніе въ событіяхъ этой эпохи. Только ближайшее знакомство съ этой личностью, такъ, какъ ее создалъ г. Костомаровъ, можетъ дать полное понятіе о достоинствахъ его произведенія.

(Окончаніе въ слѣдующ. №)

И. Л.

Богданъ Хмельницкій и возвращеніе Южной Руси къ Россіи, г. Костомарова («*Отеч. Записки*» № 12 январь—августъ 1857 г.). *Статья вторая и послѣдняя.*

Богданъ Хмельницкій до-сихъ-поръ—«герой» и «геній Малороссіи» болѣе по преданію, нежели по исторіи. Гдѣ тѣ историческія сочиненія, изъ которыхъ современная публика могла бы познаться не только пріятно, но хоть бы безъ труда, съ дѣятельностію и личностію этого *спасителя отечества*. Ни одной монографіи, ни одного біографическаго очерка на русскомъ языкѣ! Польскія сочиненія немногимъ доступны, да при томъ они возбуждаютъ въ русскомъ читателѣ непреодолимое чувство недовѣрчивости. И дѣйствительно, они требуютъ такой же критической повѣрки, какъ и историческіе матеріалы... Остается прибѣгнуть къ добросовѣстному и важному, но уже отжившему, историческому труду Бантыша-Каменскаго или къ игривой и легкомысленной «Исторіи Малороссіи Николая Маркевича». Но «Исторія Малой Россіи» Бантыша-Каменскаго и историческая компиляція Маркевича, заключающія въ себѣ краткій перечень событій, представляютъ только самый бѣдный очеркъ дѣятельности Хмельницкаго. Индивидуальный и народный характеръ «народнаго вождя» остается тайной для читателя. Только двѣ, три какихъ нибудь черты, поражая своей эксцентричністію и въ то же время истинностію, намекаютъ на глубоко-народный и своеобразный характеръ «сего отличнаго мужа, искуснаго полководца и политика», какъ бородавки на фамильномъ портретѣ древняго предка намекаютъ на то, что онъ былъ когда-то живымъ человекомъ и, можетъ быть, походилъ на свой портретъ. У Бантыша-Каменскаго, Хмельницкій является какимъ-то знаменитымъ мужемъ древности: описывая историческія событія, авторъ отзывается объ немъ почтительно и указываетъ на качества, составляющія общую принадлежность почти всѣхъ историческихъ дѣятелей. Хмельницкій Бантыша-Каменскаго, въ трезвые минуты, можетъ занять мѣсто въ галереи знаменитыхъ мужей Плутарха. Въ сочиненіи же г. Маркевича Хмельницкій является знаменитымъ мужемъ «Плутарха для дѣтей». Нѣжнѣйшія чувства къ «генію, *свѣтлая душа*» котораго дышетъ въ его словахъ, и ко-

торый «былъ слишкомъ благороденъ, чтобы начать войну», хотя имѣлъ на то право, одушевляють автора «Исторіи Малороссіи». Онъ говоритъ объ освободителѣ Малороссіи отъ польскаго яга съ горячею благодарностію человека, которому это освобожденіе сдѣлало личное одолженіе — избавило, на примѣръ, отъ жестокой участи гетмана Павлюка, который былъ изжаренъ въ мѣдномъ быкъ; онъ описываетъ его дѣйствія и кровавую борьбу казаковъ съ поляками съ наивнымъ, радостнымъ одушевленіемъ ребенка, рассказывающаго, подъ вліяніемъ только что принятаго впечатлѣнія, драку двухъ козловъ на дворѣ. Авторъ сливается душой съ описываемой имъ эпохой, о полякахъ онъ отзывается съ веселымъ презрѣніемъ, и повѣствуетъ какъ очевидецъ, находя, повидимому, удовольствіе въ употребленіи мѣстоимѣнія *мы*, *насъ*, *наши*, которыя какъ будто бы дѣлають рассказчика участникомъ рассказываемыхъ имъ подвиговъ. Не смотря на такую впечатлительность и полноту сочувствія, права Хмельницкаго на гениальность остаются недоказанными, личность его представляется загадкой или вовсе ничѣмъ не представляется, причина неизбежнаго присоединенія Малороссіи къ Московскому государству необъясняется, а участіе Хмельницкаго въ этомъ событіи остается не опредѣленнымъ. Подобныя историческія труды — плоды безсознательнаго патріотическаго увлеченія — только затемняютъ дѣло и могутъ возбуждать сочувствіе только тѣхъ развѣ, кто раздѣляетъ это увлеченіе въ такой же или еще бѣльшей степени.

Единственный трудъ по части исторіи Малороссіи, наиболее привлекательный и удовлетворяющій любознательности образованнаго читателя, до-сихъ-поръ былъ «Очеркъ Исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу», г. профессора Соловьева. Но это — очеркъ въ буквальномъ смыслѣ слова, и при томъ третья (и самая любопытная) часть котораго заключаетъ въ себѣ анализъ событій соединенія Польши съ Литовскимъ Княжествомъ. Вообще вся эта прекрасная статья, какъ это обыкновенно бываетъ у г. Соловьева, имѣетъ исключительно аналитическій характеръ. Говоря объ эпохѣ Хмельницкаго, авторъ останавливается и въ краткомъ, но живомъ, очеркѣ изображаетъ только нѣсколько главныхъ фактовъ: религиозное движеніе, высшее выраженіе котораго онъ видитъ въ *братствахъ*, два-три самыхъ купныхъ событія и черты дѣятельности и личности Хмельницкаго, и въ заключеніе разсматриваетъ тѣ

условія, на которыхъ московскій царь могъ принять Малороссію въ подданство. Хмельницкій здѣсь является безъ ореола генія и героя, но съ яснымъ и опредѣленнымъ политическимъ значеніемъ. Нѣсколько подробностей, характеризующихъ личность казацкаго гетмана, придаютъ національный отънокъ *освободителю* и *присоединителю* Малороссіи, который у г. Соловьева представляется исключительно поборникомъ монархической власти: «Янъ Казимиръ, говоритъ авторъ, не могъ сладить съ своими подданными, не могъ стать вольнымъ королемъ, какъ требовалъ того Хмельницкій, и послѣдній обратился къ царю московскому.»

Дѣло въ томъ, что, кажется (послѣ произведенія г. Костомарова), всякая попытка придать знаменитому гетману высокій, нравственный характеръ или навязать его дѣятельности опредѣленную, политическую и государственную идею, будетъ бесполезна и ошибочна. Хмельницкій великъ и геніаленъ только въ сферѣ такого великаго, безобразнаго и неопредѣленнаго міра, какой представляетъ казачество—это высшее выраженіе южно-русской національности. Такимъ онъ и является въ произведеніи г. Костомарова. Здѣсь вы видите дѣйствительно генія и героя, но только генія и героя—казака. Это вождь народа, народный дѣятель, народный политикъ, поглащенный, какъ какой-нибудь лордъ Пальмерстонъ, интересами времени и мѣста, до такой степени, что ему не до человѣческихъ и нравственныхъ интересовъ. Его личность представляетъ смѣсь поразительныхъ противоположностей: удивительная тонкость, мягкость и чувствительность образованной и поэтической природы и вмѣстѣ съ тѣмъ упрямство, буйность и заносчивость пропитаннаго горьлкой казака. Его дѣятельность и то положеніе, которое онъ занимаетъ, почти всегда, даже въ минуты торжества, лишены той возвышенности, которая *пльнѣетъ* романтическое воображеніе: ни одинъ изъ великихъ людей и героев не драпируется такъ мало, какъ Хмельницкій; предводитель вольныхъ казаковъ — онъ долженъ сажать на коль стремящихся въ казаки холоповъ; герой-побѣдитель слушаетъ, какъ крымскій ханъ грозитъ ему отвести его на веревкѣ въ Крымъ, если онъ не разобьетъ ему на другой же день поляковъ; онъ обращается къ московскому царю, потому что «Янъ Казимиръ не могъ стать вольнымъ королемъ», говоритъ г. Соловьевъ,—и это дѣйствительно такъ; но онъ хочетъ, чтобы московскій царь присягнулъ Малороссіи, и, не смотря на то, что ему не удается эта попытка, продолжаетъ дѣй-

створать самостоятельно, но и это не мешает ему думать отъ умиленья, когда его жена получает письмо отъ польской королевы.

Трудно было бы вполне согласить и объяснить противорѣчя и загадочность, которыхъ такъ много въ характеръ и дѣйствія Хмельницкаго. По-крайней-мѣрѣ г. Костомаровъ не принялъ на себя того отвѣтственнаго труда. Но тѣмъ не менѣе Хмельницкій, въ произведеніи г. Костомарова, носитъ такой же яркій отпечатокъ индивидуальнаго и въ тоже время національнаго характера, какъ и та эпоха, которую оно изображаетъ. Онъ до малѣйшихъ подробностей вѣренъ этой эпохи, а эпоха эта — великая, но неопредѣленная, переходная эпоха въ жизни народа, сохранившаго непреодолимый инстинктъ независимости подъ вѣгомъ безграничнаго деспотизма, который не далъ въ немъ развиться другимъ нравственнымъ интересамъ.

Въ произведеніи г. Костомарова военная и дипломатическая дѣятельность, т. е. главная и исключительная дѣятельность Хмельницкаго, описана превосходно: ученый трудъ историка скрывается подъ изящной простотой, ясностію и живостію талантливаго изложенія. Съ увлеченіемъ и изумленіемъ следимъ за «симъ искуснымъ полководцемъ и политикомъ», за развитіемъ и успѣхомъ его стратегическихъ и дипломатическихъ плановъ, и такъ какъ все это свершается въ тѣсной оферв полудикаго народнаго быта и среди хаотическаго безпорядка народнаго возстанія, то въ этой дѣятельности вождя народа нельзя не признать его гениальнаго и героическаго выраженія. Хмельницкій угадалъ и удовлетворялъ неудержимой потребности своего народа къ освобожденію какими бы то ни было путями. Его коварная политика, его двухсмысленная роль — были политикомъ и ролью его народа. По этому — то ни одна дѣятельность, ни одна эпоха не представляетъ такой богатой коллекціи фактовъ, возмущающихъ чувство нравственности, справедливости и чело-вѣчности, при всей возвышенности и законности того главнаго и преобладающаго стремленія, которое ихъ вызвало.

Кромѣ того Хмельницкій, какъ герой и гений только въ тѣхъ предѣлахъ своей эпохи и народа въ эту эпоху, и намъ кажется, что приходитъ отъ него въ такое умиленье, какъ г. Маркевичъ, можетъ только тотъ, кто полагаетъ, что безъ него онъ непремѣнно подвергся бы печальной участи гетмана Павлака.

Г. Костомаровъ, до-видимому, далеко не разделяетъ этого

умиленія, что не мѣшаетъ, однако, и даже опосредствуетъ его Хмельницкому быть въ высшей степени замѣчательной и интересной исторической личностію.

«На милости короля, на ласки пановъ, говоритъ г. Костомаровъ, не передѣлали его въ поляка, что случилось со многими южноруссами. Отъ іезуитовъ, воспитавшихъ его, онъ получилъ только ту скрытность, съ какою умѣлъ хранить до-времени задуманное, наружно улыбаться и показывать видъ веселости и пріязни, когда въ душѣ кипѣла ненависть, двудушіе, съ какими онъ сдѣловалъ двумъ противнымъ направленіямъ, потакалъ двумъ партіямъ разомъ, дѣлалъ два дѣла въ одно и то же время и, вѣсть съ тѣмъ, дѣлалъ третье, ни для кого непроницаемое. Не проходило мѣсяца, чтобъ Хмельницкій въ немъ не участвовалъ: былъ онъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Острияницы, возбуждалъ совѣтомъ и ободрительною рѣчью собратій противъ поляковъ, но не стоялъ на челѣ возстанія, другинѣ уступалъ первенство, и когда зачинали расматриваться за свѣдѣніе на плахѣ или колесѣ, на Хмельницкаго никто не могъ доказать. Услуги, оказанныя королю, видная преданность Рѣчи-Посполитой, отклоняли отъ него всякое подозрѣніе. Онъ при случаѣ дѣйствовалъ даже противъ своихъ соотечественниковъ. И бурную юношескую пылкость, и хладнокровную поступь разсудительнаго старца, и суровость, и милосердіе онъ умѣлъ употребить когда нужно было, и изъ всѣхъ его движеній никто бы не узналъ, что на душѣ у него. Его лицо, сіяющее и кроткое (говоритъ польскій историкъ Каховскій), скрывало духъ беспокойный, склонный къ волненію, и было подобно свѣтлому льду, подернувшему гнилую болотную воду.»

Съ такой іезуитской личностію является Хмельницкій на сцену въ произведеніи г. Костомарова. Но этотъ психологическій очеркъ не даетъ еще полнаго понятія о личности Хмельницкаго, такъ какъ она раскрывается изъ произведеній г. Костомарова. Въ этой двойственной личности, въ этомъ смѣшеніи, польскаго іезуитскаго элемента съ элементомъ народнымъ, казачьимъ, послѣдній рѣшительно преобладаетъ. Прослѣдивъ отъ начала до конца участіе Хмельницкаго въ дѣлѣ народнаго возстанія, начиная отъ обширныхъ и сложныхъ военныхъ и дипломатическихъ плановъ, до самыхъ мелочныхъ обстоятельствъ, г. Костомаровъ привелъ множество фактовъ, изъ которыхъ видно, что Хмельницкій—глубокій типъ южно-русса, сложившійся подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ той эпохи. Между этими обстоятельствами всего меньше было такихъ, которыя могли способствовать развитію нравственнаго чувства и человечности. Самымъ результатомъ борьбы казаковъ съ поляками было между прочимъ то, что въ южно-русскомъ рыцарѣ — казака, до

замѣчаніи г. Костомарова, является новая черта — предательство. Съ другой стороны этотъ же типъ заключаетъ въ себя все [начала стремленія къ независимости. Въ предшествующей статьѣ мы старались показать, какъ эти стремленія выразились въ эпоху, описываемую г. Костомаровымъ, въ эпоху Хмельницкаго. Этимъ-то народнымъ стремленіемъ удовлетворяла не только дѣятельность Хмельницкаго, какъ освободителя, но и его личныя свойства, его образъ дѣйствій, его замашки, какъ чловѣка. При всей двойственности и коварствѣ, Хмельницкій совершенно искрененъ, неизмѣненъ тамъ, гдѣ дѣло касается до вышаго, преобладающаго въ народѣ интереса — до его стремленій къ независимости. Насколько эти стремленія придають возвышенный характеръ южно-русской народности въ эту эпоху, на столько возвышенъ и характеръ ея представителя Хмельницкаго.

Въ рѣчахъ его то мягкихъ и льстивыхъ, какъ рѣчь іезуита, то буйныхъ и заносчивыхъ, какъ рѣчь казака, постоянно слышится голосъ демагога.

Послѣ победы подъ Пилявой, взявъ Константиновъ, Зборожъ, Бродъ, Хмельницкій осадилъ Львовъ.... Мѣщане, видя неизбѣжную бѣду, согласились сдаться на волю побѣдителя, выставили бѣлое знамя и послали знакомаго Хмельницкому ксендза Гумень-Мокрсаго просить помилованія.

«Хмельницкій, получивъ это извѣстіе, бросился лично къ осаждающимъ, вложилъ на палку шапку и, показывая казакамъ, закричалъ: «згода!» Нападеніе остановилось. Вслѣдъ за тѣмъ выѣхали изъ города четыре депутата: отъ русскихъ, поляковъ, армянъ и университета. Въ сопровожденіи полковника Остапа они прибыли въ Лисеницы.»

«Гетманъ принялъ ихъ ласково; подчивалъ виномъ, и увѣрялъ въ своемъ расположеніи къ городу Львову.

«Депутатъ отъ католиковъ, Вахловичъ, отличился особеннымъ краснорѣчіемъ, и со слезами, нищенски, по замѣчанію очевидца, молилъ предводителя пощадить ихъ и уменьшить цѣну окупа.

«— Помилуй насъ, (говорилъ онъ) ради нашей крайней бѣдности: сами совершенно насъ ограбили; пилявское войско обобрало насъ и покинуло; и мы въ самомъ горькомъ положеніи; не дай намъ погибнуть съ голода.

«Хмельницкій отвѣчалъ: «Я не могу скрыть отъ васъ, что меня слишкомъ огорчаютъ эти обстоятельства. Дай Богъ, чтобъ и ухо человеческое о подобныхъ не слыхало! Всему причиною Вишневецкій и Конецпольскій, о чемъ я писалъ вамъ; не стало силъ переносить намъ такой жребій? у насъ насильно отнимали все наше достояніе, и намъ ничего болѣе не оставалось, какъ взять оружіе. Вы просите милосердія: я самъ просилъ его и не былъ столь счастливъ, чтобы получить; но вамъ окая

это! Я не хочу поднимать меча на ваши головы и дарую вамъ жизнь — это уже большое милосердіе, господа; только безъ всякихъ отговорокъ отсчитайте мнѣ двѣсти тысячъ червонныхъ злотыхъ. Въ добавокъ я оставлю при васъ и жиновъ, этихъ негодныхъ мерзавцевъ, съ тѣмъ, чтобы они выплатили большую часть этой суммы: они-то обирали казаковъ въ Украинѣ. Надобно вамъ знать, господа, что я требую не для своей корысти, а единственно потому, что долженъ удовлетворить пріятеля моего, пана Тугай-Бей. Моя обязанность наградить того, который соединился со мною съ значительными силами, помогалъ вездѣ противъ непріятеля моего, и храбро раздѣлилъ со мною опасности.

«Очевидецъ замѣтилъ, что Хмельницкій прослезился, слушая описаніи бѣдствій Львова, но не уменьшилъ требуемой суммы. Напрасно умоляли его депутаты: онъ ссылаясь на своихъ старшинъ и на Тугай-Бея; татарскій мурза, въ свою очередь, ссылаясь на Хмельницкаго и не забывалъ при этомъ порицать поляковъ, за вѣроломство, вспоминая объ одномъ панѣ, который, будучи отпущенъ на-слово, не заплатилъ татарину выкупа. Депутаты должны были съ покорностію согласиться на всѣ требованія побѣдителей.

«Хмельницкій отправилъ въ городъ за деньгами Головацкаго, а Тугай-Бей — татарина Пог-Агу. Готовой монеты набралось только на 16,000 злотыхъ. Этого было слишкомъ мало, и Львовъ откупился разными товарами и вещами; костелы и монастыри принесли свои украшенія и сокровища; мѣщане выкладывали изъ лавокъ штуки богатыхъ матерій, полотна; жида со вздохомъ сносили серебро, золото, разные драгоценности, приобретенныя, по замѣчанію современника, лихою отъ убогихъ христіанъ; бѣдные посполитые принуждены были выносить послѣднее полотно или серебрянную вещицу изъ скромнаго домика. Возами отправляли сокровища въ лагерь побѣдителей, гдѣ Тугай-Бей прилежно все это оцѣнивалъ и взвѣшивалъ, иногда вскрикивая на привозившихъ. Этимъ не ограничился окупъ. Городъ подарилъ самому Хмельницкому богатыхъ одеждъ и сбруй на 20,000 злотыхъ; всѣ полковники, войсковые эсаулы, судьи, писари, атаманы казацкіе получили въ подарокъ по нѣскольکو сотъ талеровъ и разныхъ вещей: кто воротился съ позолоченною саблей, кто съ богато-оправленнымъ буздыханомъ. По замѣчанію очевидца, Кривоносъ показалъ себя особенно-корыстолубивымъ. «Я столько же сдѣлалъ, какъ и панъ Хмельницкій (говорилъ онъ); да если бы захотѣлъ, то и натворилъ бы въ Львовѣ страха и безпорядка; за это нельзя меня считать какинь-нибудь простакомъ; я не хуже другихъ: другихъ обдарили и мнѣ дайте какую-нибудь сотню-другую червонныхъ злотыхъ!» Отважный казакъ получилъ тысячу на пять разныхъ подарковъ. Въ добавокъ мѣщане должны были, по русскому обычаю, угощать на-мировую казаковъ и выкатить полубочки и боченки разныхъ водокъ, винъ, меду, мальвазін. «Негодные холопы (говоритъ очевидецъ), пастухи, пригодные только къ плу-

Т. СХLV. — Отд. V.

гу, мянствовали и обжирались посреди города, а потом уносили съ собою въ лагерь.»

Такъ ободрялъ Хмельницкій при помощи пріятеля своего, *мама* Тугай-Бая, городъ, надъ бѣдствіями котораго преслезлся! *Господамъ* гражданамъ оказано большое милосердіе! Этотъ отрывокъ изъ осады Львова, который мы выписали подлинникомъ, чтобъ сохранить достоинства изложенія, исполненнаго любовитныхъ подробностей, такъ часто ускользящихъ отъ историка, по нашему мнѣнію характеризуетъ Хмельницкаго.

Хмельницкій является поборникомъ интересовъ большинства, массы населенія, угнетеннаго панствомъ. Онъ отвѣчаетъ на тотъ народный ропоть, который это угнетеніе, это неравенство правъ, возбуждаетъ въ Украинѣ. Вотъ этотъ историческій ропоть, изложенный г. Костомаровымъ въ формѣ поэтическаго монолога: чего не претерпѣли мы, роптали иногда въ Украинѣ: вольности наши уничтожены, грунты наши отняты, большая часть свободныхъ рыцарей обращена въ хлоповъ: они работаютъ пащину, ходятъ за лошадьми, топятъ трубы панамъ, смотрятъ за собаками какъ рабы, посылаются съ письмами. Съ явнымъ намѣреніемъ уничтожить казачество, число реестровыхъ уменьшено до шести тысячъ, да и тѣмъ жизнь не лучше рабовъ. Полковники, сотники—все начальство наше изъ шляхты. Они какъ собственныхъ подданныхъ употребляютъ казаковъ для домашнихъ работъ. Жалованье, положенное отъ короля и Речи-Посполитой, по тридцати злотыхъ на каждаго казака, они берутъ себѣ и даютъ только тѣмъ, кто за одно съ ними. Въ походъ ли пойдутъ, и казакъ завоюетъ татарскаго коня—тотчасъ отнимутъ, языка ли поймаетъ казакъ—полковникъ пошлетъ его къ коронному гетману съ жолнѣромъ и скажетъ, что будто бы отличился жолнѣръ, а казацкую отвагу нарочно скрываютъ. Нерѣдко бѣдный казакъ долженъ идти съ рогомъ или раструбомъ чрезъ дикія поля, неся подарокъ какому-нибудь пану, подвергаясь опасности быть войманнымъ татарами, и на это не смотрятъ: пропалъ казакъ — и былъ таковъ! А сколько разъ убивали казаковъ варварскими кознями за малѣйшую вину, умерщвляли даже дѣтей! а сколько разъ чинили ругательства и насилія надъ женами и дочерьми нашими!.. А какъ страдаютъ посполитые подъ вымыслами своихъ старостъ, дозорцъ и особенно жидовъ!.. Ослѣпленные подарками арендаторовъ, владѣльцы отдали бѣдный народъ жидамъ, не видя, что ихъ мажутъ по тѣлу собственнымъ саломъ; не такъ бы еще под-

данцимъ было жалко, еслибы его обиралъ одинъ пацъ, а то какой-нибудь подлецъ-жидъ обогащается, заводитъ по нѣсколь-
ко цуговъ лошадей, выдумываетъ разные поборы, поволовщины*,
дуды,** осынь,*** мѣрочки сухія, плату съ жернововъ, отпи-
масть хутора наши...» и проч.

Этихъ-то существенныхъ правъ, охраненіе коихъ противъ пан-
скаго произвола, Хмельницкій видитъ въ возвышеніи королев-
ской власти, въ единовѣрїи московскаго царя, въ покровитель-
ствѣ султана, наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, въ союзъ съ крым-
скимъ ханомъ, онъ является искреннимъ и неизмѣннымъ побор-
никомъ. Онъ вѣренъ своему чисто-народному характеру, при
всей двойственности и коварствѣ своей политики и души.

Послѣ избранія Яна-Казимира на престолъ польскій, въ слѣдствіе
вліянія Хмельницкаго и казаковъ, «Хмельницкій въ первыхъ чи-
слахъ января 1649 года прибылъ въ Кіевъ. При звонѣ колоко-
ловъ, при громѣ пушекъ, при радостныхъ восклицаніяхъ многочи-
сленнаго народа, предводитель со всеми старшинами въхалъ
торжественно въ полуразрушенныя Ярославовы Золотыя Ворота
и у стѣнъ св. Софіи былъ приветствуемъ митрополитомъ и ду-
ховенствомъ; бурсаки академіи и училищъ пѣли ему латинскіе
и украинскіе стихи...

«Самъ гетманъ очень былъ грустенъ; что-то странное явилось въ его
характерѣ: онъ то постился и молился, по нѣскольку часовъ лежалъ
лицъ передъ образами въ храмѣ, то совѣтовался съ колдунами и, пьяный,
пѣлъ думы своего сочиненія; то былъ ласковъ и ровенъ въ обращеніи
со всеми, то суровъ и неумолимъ; казачество все простило ему. Изъ
Кіева онъ уѣхалъ въ Переяславль....»

«Хмельницкій (говоритъ г. Костомаровъ дагдѣ, приступая къ описа-
нію приѣма пословъ и переговоровъ съ польскими комиссарами въ Пе-
реяславлѣ) сознавалъ, какую дивную переиѣну въ короткое время сдѣ-
дала съ нимъ судьба, когда, будучи за нѣсколько мѣсцевъ бѣднымъ из-
гнанникомъ, увидѣлъ себя окруженнымъ послани владѣтельныхъ особъ;
но онъ зналъ, что обязанъ всѣмъ русскому народу, и потому, среди ве-
личія, показывалъ себя человекомъ чисто-народнымъ. Въ обращеніи съ
послами, окруженный своими полковниками, казацкій предводитель сохра-
нилъ не только простоту, но и грубость казацкой бесѣды. Онъ подни-
малъ ихъ изъ золотыхъ кубковъ простою горькою, самъ набивалъ для

* Подать со скота.

** Пошлинны за крещеніе младенцевъ.

*** Выманіе съ измолотаго хлѣба.

нилъ трубки, а жена его, одѣтая въ драгоценныя убранства, *табаку мужу своему въ черемку растирала*. Послы были удивлены братскимъ грубымъ обхожденіемъ полковниковъ съ своимъ начальникомъ. Московскій посолъ, человекъ почтенный и обходительный (по замѣчанію современнаго польскаго дворянина), часто принужденъ былъ онускать въ землю глаза...

Подробности переговоровъ съ польскими комиссарами въ Переяславль давно уже всемъ извѣстны: онъ сдѣлался достояніемъ даже руководствъ. Г. Соловьевъ, въ коротенькомъ своемъ *Очеркъ исторіи Малороссіи* остановился на нѣкоторыхъ подробностяхъ этого характеристическаго эпизода. Авторъ «Исторіи Малороссіи» изложилъ его весьма пространно, смягчая, по возможности, буйныя и грозныя выходки пьянаго гетмана, который какъ будто бы хотѣлъ вознаградить себя за ту униженную и скромную мину, которую онъ безпрестанно принималъ передъ польскимъ и другими соседними правительствами. И дѣйствительно это не совсѣмъ прилично *свѣтлой душѣ* генія!

У г. Костомарова этотъ эпизодъ имѣетъ болѣе значенія, не потому только, что при множествѣ новыхъ фактовъ, характеризующихъ Хмельницкаго и его эпоху, самые извѣстные уже факты и подробности становятся многозначительнѣе, но и потому, что продолжки Хмельницкаго съ польскими комиссарами получаютъ политическій смыслъ: цѣль ихъ между прочимъ выиграть время... Если у другихъ, буйные и заносчивые поступки Хмельницкаго въ Переяславль, вполне согласныя съ духомъ народа и его тогдашнимъ бытомъ, представляются въ какомъ-то странномъ противорѣчій съ той иезуитской личностію, которую ему обыкновенно навязываютъ, и объясняются дѣйствіемъ горьки и вснѣльчивостью, то въ произведеніи г. Костомарова они совершенно согласны съ тѣмъ общимъ понятіемъ, которое даетъ оно о характеръ и образъ дѣйствій Хмельницкаго. Понятіе это, по нашему мнѣнію, отчасти противорѣчитъ даже мнѣнію самаго автора, высказанному имъ въ вышеприведенномъ психологическомъ очеркѣ Хмельницкаго. Притворство и скрытность, по-видимому бы, вовсе не основныя свойства природы Хмельницкаго, а только средства достиженія, обратившіяся въ систему подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Это, конечно, не возвышаетъ нравственное достоинство знаменитаго гетмана, но извиняетъ и объясняетъ различныя проявленія его сложной личности. Во многихъ случаяхъ Хмельницкій не притворяется, не обманываетъ, а просто *лжетъ*

безстыдно и очевидно, какъ игрокъ, котораго спрашиваютъ о числѣ оставшихся у него козырей, имѣя возможность узнать это по вышедшимъ картамъ. Польское правительство, въ минуты слабости и нерѣшительности, часто добивается отъ него отвѣта и объясненія въ томъ, что совершенно очевидно. Такая китайскáя наивность въ политическихъ дѣлахъ не могла расположить къ такой же наивной искренности умнаго и ожесточеннаго врага. Въ дѣлѣ женитьбы сына, Тимофея, Хмельницкій играетъ такую неправдоподобную роль, что поляки должны были скорѣе принять ее за оскорбительную насмѣшку, чѣмъ за политическое коварство. Послѣ пораженія Калиновскаго и истребленія пяти тысячъ безоружныхъ поляковъ (въ предъидущей статьѣ мы привели описаніе этого звѣрскаго подвига Тимоша), Хмельницкій все-таки показываетъ видъ, будто бы не имѣетъ намѣренія дѣлать Польшѣ вредъ, и пишетъ къ королю письмо, въ которомъ оправдываетъ себя въ разбитіи войска, и придаетъ этому плачевному обстоятельству *шутливый* характеръ.

«Смыя мой (писалъ онъ) шелъ на свадьбу, какъ вдругъ Калиновскій остановилъ его на дорогѣ, впротивность правамъ мира, когда и Богъ не отнимаетъ земли и воды ни у добрыхъ, ни у злыхъ. Я предостерегалъ гетмана и совѣтовалъ уступить (?) съ дороги. Простите, ваше величество, моихъ казаковъ, если они, какъ веселымъ людямъ свойственно, простерли слѣшкомъ далеко свою шалость.»

Въ словахъ и дѣйствіяхъ Хмельницкаго замѣтно личное расположеніе къ польскому королю: Владислава онъ называетъ своимъ благодѣтелемъ, Янъ-Казиміръ обязанъ своимъ избраніемъ его вліянію и политикъ. Что бы не скрывалось въ душѣ гетмана—искреннее или только наружное чувство, но привязанность эта и вообще нежеланіе навсегда и рѣшительно прекратить всякую связь съ Польшей, замѣтны во многихъ его дѣйствіяхъ. Эта черта въ немъ одна изъ самыхъ глубокихъ. По-крайней-мѣрѣ у г. Костомарова очевидная и мучительная нерѣшимость какъ будто-бы овладѣваетъ гетманомъ, когда дѣла приблизились къ развѣзкѣ. Чтобы понять положеніе Хмельницкаго, нужно взглянуть на его отношенія къ польскому королю, крымскому хану, и наконецъ къ московскому царю.

Всемъ извѣстно, вѣроятно, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находился Янъ-Казиміръ во время осады польскаго лагеря подъ Зборовомъ. Не смотря на его рыцарское поведеніе, описанное г. Костомаровымъ, какъ будто-бы подъ вдохновеніемъ романовъ

Вальтеръ Скотта, король долженъ былъ заключить договоръ, который потомъ служить основаніемъ для всѣхъ требованій казакѣвъ, то смягчающихъ его статьи, то требующихъ ихъ безусловнаго исполненія, смотря по ходу дѣлъ. Послѣ подписанія этого договора, Хмельницкій видѣлся съ королемъ.

Вотъ какъ описываетъ это свиданіе Вантышъ-Каменскій, основываясь на свидѣльствѣ Пасторія: «Хмельницкій, по заключеніи Зборовскаго договора, присягнулъ предъ сенаторами въ вѣрности Рѣчи-Посполитой и потомъ допущенъ къ королю. Вошедъ въ шатеръ, онъ палъ къ ногамъ Казимира, залился слезами и въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ изобразилъ: сколь для него прискорбно являться передъ лице своего государя, не съ сознаніемъ какой-нибудь важной услуги, королевству оказанной, но обограннымъ кровью его подданныхъ; приписывалъ послѣднія событія опредѣленію судьбы, обещалъ дѣлами своими изгладить воспоминаніе объ нихъ. Казимиръ молчалъ и оправдывалъ слова Курція: *Берешь дружбы побѣжденныхъ тобою. Литовскій подканцлеръ Сапѣга, въ нарочно сочиненной рѣчи, объявилъ предводителю малороссійяиъ: «что королю пріятнѣе зрѣть раскаяніе, нежели казнь своихъ подданныхъ; что его величество прощаетъ преступленія его, но съ тѣмъ, чтобы онъ вознаградилъ вину свою вѣрностію впредъ постоянною, усердіемъ непоколебимымъ.»*

Совершенно иначе это свиданіе изложено у г. Костомарова.

«...Послѣ присяги, предводитель возстанія сказалъ:

«Да позволитъ же его королевское величество упасть къ ногамъ его!»

«Паны были довольны такимъ желаніемъ; но казаки, не довѣряя полякамъ ни на волосъ, кричали:

«Не пустимъ нашего батька, щобъ вы его не задили. Пусть кто-нибудь изъ знатныхъ пановъ останется у насъ *въ закладъ*, а безъ того гетманъ не пойдетъ къ королю.

«Одинъ изъ присутствовавшихъ при заключеніи договора, Любомирскій, вызвался остаться у казакѣвъ, и тогда казаки отпустили гетмана.

«Въ пятницу, 10-го августа, утромъ, Хмельницкій, въ сопровожденіи сотни знатнѣйшихъ казакѣвъ, прибылъ въ польскій лагерь. Его подвели къ шатру; паны увѣряли короля, что онъ явится съ трусливымъ и униженнымъ видомъ, сложа на грудь руки, переводя дыханіе. Паны обманулись*.

«Хмельницкій вошелъ бодро, съ уваженіемъ къ особѣ государя, но и съ чувствомъ собственнаго достоинства. Преклонивъ одно колено, онъ сказалъ:

* «Низ. ав. ехс. IV. IV.» 86 стр.

«Много уже дѣтъ, величайшій и могущественнѣйшій государь, всемогущѣйшій отецъ подданныхъ своихъ, много уже дѣтъ сварливымъ и коварная ненависть почти всѣхъ польскихъ пановъ обращена была на насъ вѣрныхъ слугъ твоихъ. Всѣми возможными средствами тогдѣ они пришелимъ нашихъ старшинъ, считали казаковъ запорожскихъ на войскомъ величества твоего, а своихъ рабами. Священники наши были для нихъ хуже мухометанъ; захвативъ въ государствѣ власть при блаженной памяти королѣ Владиславѣ IV, они не давали намъ извести свободной голотѣ въ сеймъ; насилія, убійства, крайнія оскорбленія всякаго рода имъ претерпѣли отъ нихъ безнаказанно.... Теряние наше потерялось: мы принуждены были заключить союзъ съ чужеземными и употребить ихъ помощь противъ шляхетства. Какъ осуждать насъ за это, когда мы защищали жизнь свою и имущество, что свойственно всякому животному! Святъ, если его мучать, бождается! У меня въ мысли никогда не было поднимать оружіе противъ вашего величества, государя нашего милосердаго и невиннаго въ сраданіяхъ нашихъ. Мы возстали противъ тѣхъ только, которые презирали казаковъ, какъ пресмыкающихся, угнетали насъ какъ самыхъ послѣднихъ рабовъ.

«Хмельницкій произнесъ эту рѣчь съ жаромъ.

«Король, сохранивъ важность своей особы, молчалъ, только ласково протянулъ руку; Хмельницкій поцѣловалъ ее съ восторгомъ. Тогда литовскій подканцлеръ Сапѣга отвѣчалъ ему отъ лица короля:

«Что было и кто въ томъ виноватъ — того невозможно разобрать, и вспоминать объ этомъ болѣе не будешь!»

И такъ далѣе, въ томъ же духѣ...

Наконецъ, чтобы охарактеризовать всю опасность отношеній Малороссіи и Хмельницкаго къ Крымцамъ, которые играютъ такую важную роль въ его политикѣ и способствуютъ присоединенію Малороссіи къ Россіи, мы приведемъ эпизодъ, до сихъ поръ почти неизвѣстный — описаніе положенія Хмельницкаго послѣ Берестечкаго пораженія, гдѣ онъ былъ разбитъ въ слѣдствіе измѣны и бѣгства своего союзника, хана.

«Темные слухи носились о казацкомъ гетманѣ. Говорили, будто бы ханъ держитъ его въ цѣпяхъ и бьетъ нагайками; говорили, что онъ собралъ противъ поляковъ новыя силы. Долго не знали о немъ ни поляки, ни казаки. Покинувъ свое несчастное войско, осудившее его на выдачу полякамъ, Хмельницкій думалъ воротить Исламъ Гирея и нашелъ себѣ дурной пріемъ. Разсерженный повелитель правовѣрныхъ приказалъ взять его подъ стражу.»

— Черезъ тебя, кричалъ онъ: — черезъ тебя, промятый гауръ я понесъ постыдное пораженіе. Ты мнѣ натолковалъ, что у нихъ войска немного, а я повѣрилъ тебѣ, а на дѣлѣ вышло, что у нихъ войска болѣе, чѣмъ у тебя и у меня. Ты меня отклонилъ отъ похода на Московію. Знаю я васъ,

твоей продѣлки и сношенія съ московскимъ царемъ. Чѣмъ теперь заплатишь мнѣ за потерю? Мнѣ нужно выкупить мурзъ: вотъ я тебя и отдамъ полякамъ.

«Единовладѣлецъ русскій кланялся и лѣстилъ хану сколько умѣлъ.

— Слушай, сказалъ ханъ, успокоясь: — ты долженъ мнѣ заплатить окупъ, а до-тѣхъ-поръ будешь у меня въ плѣну. Если же окупа не заплатишь, отдамъ яхамъ: они будутъ благодарны!

«Хмельницкій послалъ Виговскаго въ Чигиринъ къ сыну своему Тимоѳею, и ждалъ подъ стражею у хана, пока писарь привезъ ему восемьсотъ тысячъ талеровъ. Иногда въ тѣ часы, когда деспотъ приходилъ въ милостивое расположеніе духа, Хмельницкій приходилъ къ нему и, съ позволенія его, писалъ универсалы въ Украину. «Но ненадежна (говоритъ современникъ) пріязнь волка съ бараномъ, а христіанина съ бусурманомъ.» Взявъ отъ Хмельницкаго деньги, ханъ пустилъ его только-что въ сорочкѣ да въ тулупѣ, но обѣщалъ немедленно прислать татаръ послѣ прибытія въ Крымъ. Хмельницкій выѣхалъ изъ подъ Вишневеца въ концѣ іюля, въ сопровожденіи пяти мурзъ и около сотни казаковъ.

«Гетманъ бросился тотчасъ въ Украину съ тою цѣлью, чтобъ поскорѣе собрать войско и поспѣшить на помощь осажденнымъ подъ Берестечкомъ. Ничего не зная о судьбѣ ихъ, онъ прискакалъ въ Поголоцъ. Мѣщане тоже ничего не знали о пораженіи и изумились, увидя своего гетмана безъ полковниковъ и почетной гвардіи.

«Толпа окружила его съ разспросами.

— Какимъ образомъ твоя милость идешь одинъ? Что это такое? съ участіемъ и безпокойствомъ спрашивали православные.

— Ничего! ничего! отвѣчалъ Хмельницкій: — все будетъ хорошо! Я оставилъ двадцать полковъ молодецкаго войска противъ короля: они будутъ обороняться хоть три мѣсяца: живности и пороха у нихъ много; а мы въ таборѣ обороняться умѣемъ, да и голодъ перенестъ для казака нипочемъ!

— А литовскій гетманъ не прійдетъ въ Украину? спрашивали мѣщане.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Хмельницкій:—Раззвивмъ далъ слово только оборонять границу.

«Успокоивъ такимъ-образомъ мѣщанъ, Хмельницкій остался въ Паволочи дожидаться хавской помощи и два дня пилъ безъ просыпу. На третій день явился въ Паволочъ Хмѣлецкій, одинъ изъ старшинъ.

— Здѣсь гетманъ? спросилъ онъ.

— Здѣсь, отвѣчали ему:—а что такое?

— То, сказалъ Хмѣлецкій: — что я не знаю, какъ теперь явиться къ гетману: мы разбиты на-пропалую! Гетманъ убьетъ меня! Какъ-нибудь ужь хоть вы защитите!

«Въ сопровожденіи мѣщанъ Хмѣлецкій вошелъ къ Хмельницкому.

— А таборъ де? вскричалъ гетманъ, увидя казака изъ-подъ Берестечка.

— Уже чорты узяли таборъ. Утекли сьмо зъ табора, сказали Хмельницкій.

— Якъ?

— Молодци битися не зхотыли.

— А корогвы де?

— И корогвы пропали.

— А гарматы?

— И гарматы!

— А шкатула зъ червонными?

— При те не знаю.

«Хмельницкій рвалъ на себѣ волосы, проклиналъ самъ себя и цѣлый мiръ.

«Въ такомъ меланхолическомъ расположеніи духа, говоритъ современникъ, застали его новыя гости: пріѣхалъ Джебжалыкъ и разсказалъ, что дѣлалось въ казацкомъ таборѣ; пріѣхалъ Гладкій, а потомъ и другіе полковники съ остатками конницы: у кого было челоуѣкъ полтора ста, у кого сто... только Пушкаренко привелъ шестьсотъ своихъ подтавцевъ.

— Більше війська не має? спрашивалъ гетманъ.

— Не має, пане гетмане, отвѣчали полковники:—уса въ распорошку пишли.

«Тогда начался плачь и вопль; къ увеличенію горя, вдругъ приходитъ въ Павлочъ вѣсть, что Радзивилъ разбилъ Небабу и вступилъ въ Украинну.

— Яке такъ? говорили мѣщане:—казавъ еси, пане гетмане, що литовци не будуть, а отъ уже йдуть!

— Отже, не здержавъ слова Радзивилъ! сказалъ Хмельницкій въ отчаяніи.

«Хмельницкій пробылъ еще два дни въ Павлочи, какъ вотъ пришло нѣсколько татаръ: они принесли универсалъ отъ хана ко всѣмъ украинцамъ.

«Если я отступилъ отъ Берестечка (писалъ ханъ), то это я сдѣлалъ «не изъ боязни, а рассудилъ такъ поступить по причинѣ болотъ и льсовъ; но я не отстану отъ запорожскаго войска, и когда явится вамъ «опасность отъ поляковъ, снова приду со всѣми ордами.»

«Хмельницкій приказалъ читать всеародно этотъ универсалъ для ободренія мѣщанъ и казаковъ.

«Но на слѣдующее утро Хмельницкій получилъ другое посланіе отъ своего союзника: Исламъ-Гирей отказывался отъ всякой помощи казаковъ, да еще грозилъ казавать. Полковникъ уманскій Глухъ, услышавъ, что въ его полку татары, разбѣжавшись изъ-подъ Берестечка, начали грабить, догналъ ихъ на Синихъ Водахъ и жестоко поразилъ десять тысячъ этихъ союзниковъ.

«Хмельницкій, въ досадѣ, уѣхалъ изъ Павлочи.

— Пойду на Запорожье, говорилъ онъ: — и не хочу больше воевать съ панами.

Онъ отправился въ Чигиринъ, гдѣ хотѣлъ собрать еще денегъ для найма своевольныхъ ордъ, но Чигиринъ взбунтовался противъ Хмельницкаго: его не пустили въ городъ. На Масловомъ-Бродѣ, на рѣкѣ Русавѣ, собиралась такъ - называемая *черная рада*. Казаки обвиняли Хмельницкаго за то, что покинулъ войско подъ Берестечкомъ. Въ разныхъ мѣстахъ Украины собирались мятежныя сходки, на которыхъ осуждали Хмельницкаго какъ измѣнника.

Но тутъ—то Богданъ показалъ все присутствіе духа. «Онъ (говоритъ современникъ) не измѣнился предъ подчиненными ни въ лицѣ, ни въ духѣ; съ веселымъ видомъ, съ смѣлою рѣчью показывалъ видъ, что счастье его не потеряно. Онъ прибылъ самъ на Масловъ - Бродъ и вскорѣ недовольные имъ казаки снова готовы были идти на смерть по его мановенію. Къ удивленію всѣхъ, Хмельницкій; въ самомъ критическомъ положеніи, женился: прежней его жены, которая, между-прочимъ, была не послѣднимъ поводомъ къ возстанію, уже не было. Она навлекла на себя гнѣвъ мужа въ то время, когда онъ былъ въ походѣ, неизвѣстно чѣмъ, а сынъ Хмельницкаго, Тимошей; повѣсилъ свою мачуху на воротахъ, какъ говоритъ одна лѣтопись, вмѣстѣ съ семью другими лицами, вѣроятно, соучастниками ея въ томъ, за что она пострадала. Это сдѣлано было, какъ говоритъ одинъ изъ современниковъ, по приказанію гетмана.»

Вообще какъ дѣла съ Польшею и Крымомъ, такъ и политика Хмельницкаго относительно ихъ разобраны у г. Костомарова превосходно: на каждомъ шагу встрѣчаются тутъ новые факты, любопытныя подробности и совершенное пониманіе духа и причины событій и дѣйствій. Но этого нельзя сказать о дѣлахъ съ Москвою. Здѣсь замѣтна, напротивъ, какъ будто бы неясность и скудность пониманія. Московская политика представляется безжизненной и апатичной. Такова она и была дѣйствительно съ виду, но подъ внѣшней стороною, подъ мелочной заботливостію о формахъ, подъ робкимъ и холоднымъ благоразуміемъ скрывалась своя идея и необходимость. О тогдашнемъ положеніи московскаго государства, о его внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ, объясняющихъ крайнюю осторожность московскаго правительства, въ дѣлѣ соединенія обширной и богатой страны, въ провозведеніи г. Костомарова почти ничего не говорится. Не смотря на единовѣріе и родственность происхожденія между Москвою и Южной Русью, въ то время между ними далеко не было большого сочувствія. Причиной этому былъ различный порядокъ вещей здѣсь и тамъ и историческія событія, между которыми довольно указать только на участіе казаковъ въ дѣлѣ самозванцевъ. Г. Костомаровъ на то и на другое обратилъ весьма мало вниманія. Что

такое была въ то время Москва въ отношеніи южной Руси — объ этомъ изъ произведенія его нельзя вывести заключенія. Въ «Очеркъ Исторіи Малороссіи», г. Соловьева, не смотря на его краткость, по-крайней мѣрѣ смыслъ московской политики угаданъ и изложенъ ясно.

Другой еще бѣльшій пробѣлъ въ произведеніи г. Костомарова составляетъ скудность и отрывочность свѣдѣній о состояніи духовенства въ южной Руси и вообще о тамошнемъ религіозномъ движеніи. Этотъ недостатокъ только и нарушаетъ ту рѣдкую полноту изображенія событій и явленій народной жизни въ данную эпоху, которою, какъ мы сказали, отличается произведеніе г. Костомарова. Въ сочиненіи, гдѣ такъ подробно излагаются событія той эпохи, въ которую религіозный вопросъ имѣлъ большую важность и нѣкоторымъ образомъ рѣшалъ политическую судьбу Южной Руси, способствуя ея возвращенію къ Россіи, въ такомъ сочиненіи всякой, естественно, можетъ надѣяться найти также подробную картину духовной и религіозной жизни народа. Эта жизнь въ настоящемъ случаѣ тѣмъ важнѣе и любопытнѣе, что съ нею тѣсно связаны были умственное движеніе этого народа и его просвѣщеніе.

Въ заключеніе поговоримъ еще объ одномъ недостаткѣ, на который мы указали въ самомъ началѣ и который теперь, когда мы пересбрали всѣ элементы произведенія г. Костомарова и привели отрывки по всѣмъ его частямъ, можно опредѣлить гораздо легче и яснѣе. Недостатокъ этотъ заключается въ томъ, что авторъ, увлекаясь подробностями и изображая частности очень искусно, не можетъ, однако, всегда связать ихъ въ одинъ узелъ, не можетъ собрать въ одинъ фокусъ этихъ яркихъ лучей, чтобы произвести ясный и опредѣленный образъ. Изъ вышесказаннаго и приведенныхъ отрывковъ видно, кажется, въ какихъ любопытныхъ подробностяхъ изображены у него, напримѣръ, личность и дѣятельность Хмельницкаго. Но никакъ нельзя сказать, чтобы изъ этихъ частей слагался совершенно ясный и опредѣленный историческій образъ. Все кажется, что вотъ наконецъ авторъ остановится и броситъ *общій взглядъ*, пересмотритъ и поверитъ богатыя данныя, собранныя имъ; но ничуть не бывало: авторъ до конца продолжаетъ вырисовывать все новыя и новыя части огромной картины, не заботясь о томъ, чтобы ихъ тѣсно связать въ одно цѣлое. Преслѣдуя художественную цѣль въ частяхъ: заботясь о ихъ рельефномъ и живомъ изображеніи,

онъ упускаетъ изъ виду эту цель въ общемъ и чрезъ то вредитъ не только цѣлости своего произведенія, какъ труда изящнаго, но и какъ труда историческаго, ученаго. Изложеніе представляется у него чѣмъ-то въ родъ выработаннаго до мелочей узора, теряющагося и сливающагося въ своихъ извилахъ. Нужно большое вниманіе, чтобы прослѣдить ту или другую нить этого узора, отъ начала до конца, но когда прослѣдишь, то видишь, что тутъ есть всѣ элементы, необходимые для полнаго и яснаго понятія о событіи, характеръ и т. п. Мы не сомнѣваемся, что это преобладаніе изящества, и притомъ иногда внѣшняго, въ историческомъ трудѣ г. Костомарова сдѣлаетъ его весьма популярнымъ и такимъ образомъ принесетъ такую пользу, которой не доставляютъ произведенія, гдѣ есть и ученость, и современныя идеи, и разностороннее образованіе, но все это выражается въ неуклюжей или сухой формѣ труда, въ которомъ не участвуетъ ни поэтической талантъ, ни живое, неподдѣльное и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени осмотнительное сочувствіе къ народности, именно то, чего такъ много въ произведеніи г. Костомарова и что придастъ ему привлекательный характеръ ученаго труда, вызваннаго глубокимъ и разумнымъ патріотическимъ чувствомъ. Люди близорукіе, страстные и нетерпимые, способные только къ бессознательнымъ патріотическимъ увлеченіямъ, пожалуй, еще могутъ, въ своей патріотической чувствительности, оскорбиться произведеніемъ г. Костомарова; но, вѣдь, такіе люди считаютъ патріотическими сочиненіями такія только, которыя безусловно пріятно щекотаютъ въ нихъ чувство національнаго самолюбія.

И. Л.

Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи въ царствованіи Петра Великаго, съ 1721 — 1725 юдъ. Перевелъ съ нѣмецкаго И. Аммонъ. Часть первая. 1721 юдъ. Москва. 1857.

Фридрихъ-Вильгельмъ Берхголецъ былъ сынъ генераль-лейтенанта Вильгельма Берхгольца, который поступилъ въ русскую службу изъ гольштинской около 1709 года, а вышелъ въ отставку въ 1717 и былъ любимцемъ Петра Великаго, который цѣнилъ въ немъ очень храбраго и образованнаго офицера. Сынъ вмѣстѣ съ отцомъ пріѣхалъ въ Россію и здѣсь провелъ свою юность; въ 1717 году онъ отправился путешествовать по Германіи и Франціи; но въ началъ 1721 года герцогъ Гольштинскій Карль-Фридрихъ, который сватался за старшую дочь Петра, царевну Анну, и искалъ покровительство царя для возвращенія своихъ владѣній отъ короля датскаго и для предъявленія правъ на Шведскій престолъ, отправляясь въ Россію, взялъ съ собою молодаго Берхгольца. Фридрихъ-Вильгельмъ получилъ званіе камеръ-юнкера; съ пріѣзда въ Петербургъ онъ вполне посвящалъ себя службѣ при дворѣ своего государя, искренно имъ любимаго. Такъ какъ первое время пребыванія герцога въ Петербургъ было посвящено на то, чтобы ознакомиться съ здѣшней жизнью и обществомъ, то и Берхголецъ воспользовался этимъ случаемъ. Все, что онъ видѣлъ въ службѣ, онъ заносилъ въ свой дневникъ, обнимающій четыре года, съ 1721 по 1725 г. Его записки заключаютъ въ себѣ не изображеніе политическихъ событій того времени, не наблюденія надъ характеромъ русскаго народа, а просто хронику придворной и общественной жизни того времени и имѣютъ высокій интересъ для изученія нравовъ и духа того времени. Берхголецъ во второй разъ пріѣхалъ въ Россію, посмотрѣвши на разные народныя характеры и на разныя земли, побывавши въ средахъ различнаго образованія и развитія. По этому онъ смотрѣлъ на то, что его окружало, хладнокровно,

мало увлекаясь въ худую или хорошую сторону дѣла, и стало быть, достоинъ довѣрія. Что же касается литературнаго достоинства, то имъ записки Берхгольца не богаты. Изложеніе его отличается сухостью, но оно такъ богато фактами, что послѣднее обстоятельство заставляетъ забыть недостатки дневника.

Какъ лѣтотписецъ общественной жизни, Берхголецъ часто говоритъ объ увеселеніяхъ Петровскаго Двора. Не очень-то были они тогда разнообразны: танцы, музыка, катанье на водѣ, вотъ удовольствія, которыми тогда ограничивались. Въ дни, ознаменованные чѣмъ-нибудь замѣчательнымъ, при дворѣ бывали празднества. Одно изъ нихъ произошло вскорѣ послѣ пріѣзда Берхгольца въ Петербургъ и описано имъ подробно. Чтобы ближе ознакомить читателей съ характеромъ дневника и опредѣленнѣе поставить на видъ наблюденія Берхгольца надъ тогдашнимъ обществомъ, мы передаемъ это описаніе — отчасти его, отчасти своими словами.

25-го іюня 1721 года въ 39-й разъ праздновалось восшествіе Петра на престолъ. Царь слушалъ объѣдную и, когда онъ возвращался изъ церкви, его приветствовали пальбой изъ всѣхъ крепостныхъ пушекъ. Онъ съ княземъ Меншиковымъ и всею свитою отправился на Марсово поле, гдѣ стояли въ строю оба гвардейскіе полка, Преображенскій и Семеновскій. «Они отдали ему честь и, исполнивъ по его командѣ обыкновенныя ружейныя приемы, производили огонь изъ ружей. Послѣ троекратной стрѣльбы царь удался, пригласивъ самъ нашихъ кавалеровъ (т. е. придворныхъ герцога Гольштинскаго) собраться послѣ объѣда, въ пять часовъ, въ Лѣтнемъ Саду». «Въ 5 часовъ я со многими изъ нашихъ отправился въ садъ. Подойдя къ мѣсту, гдѣ утромъ была стрѣльба, мы опять нашли тамъ, въ томъ же порядкѣ, оба гвардейскіе полка, но только съ нижнимъ оружіемъ; верхнее они оставили въ лагерѣ. Когда я спросилъ, для чего они собрались, мнѣ отвѣчали, что царь обыкновенно въ такіе праздники угощаетъ ихъ пивомъ и виномъ, которое онъ имъ подноситъ въ деревянныхъ чашкахъ, величиною въ большой стаканъ. Его величество именно этимъ и былъ занятъ, когда мы пришли.» Затѣмъ Берхголецъ вошелъ въ садъ. Тамъ у красиваго фонтана онъ увидѣлъ царицу въ богатѣйшемъ нарядѣ. При ней были царицы Анна и Елизавета. Старшая царица, по словамъ Берхгольца, была брюнетка прекрасна, какъ ангелъ; цвѣтъ лица, ру-

ли и стань у нея чудно-хороши. Она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростомъ. Царевна Елизавета—двумя годами моложе сестры. Она блондура, живее и полнее старшей. «Въ этотъ разъ онъ были одѣты одинаково, но младшая имѣла еще позади крылышки; у старшей же они были недавно отрезаны, но еще не сняты, а только зашнурованы. Сдѣланы эти крылышки прекрасно. Платья принцессъ были безъ золота и серебра, изъ красивой двухцвѣтной матеріи, а головы убраны драгоценными камнями и жемчугомъ». Тутъ же находились дѣти царевича Алексыя, В. Кн. Петръ и В. Кн. Наталія, также вдовствующая царица Параскевія, супруга царя Ивана, и дочь ея; наконецъ, тутъ же было много придворныхъ дамъ и изъ нихъ не мало хорошенькихъ. «Вскорь послѣ нашего прихода въ садъ, его величество оставилъ гвардейцевъ и пошелъ къ ея величеству царицѣ, которая осыпала его ласками. Побывъ у нея нѣсколько времени, онъ подошелъ къ вельможамъ, сидѣвшимъ за столами вокругъ прекраснаго водомета, а государыня, между тѣмъ, пошла съ своими дамами гулять по саду. Послѣ этого я сталъ разсматривать мѣстоположеніе сада и, между прочимъ, увидѣлъ прелестную дубовую рощицу, насаженную большею частью собственными руками царя и находящуюся прямо противъ оконъ царскаго лѣтняго дворца.» Берхгольцу любопытно было посмотреть на наше духовенство. Онъ описываетъ одежду духовныхъ лицъ и замѣчаетъ, что многіе своими бородами и почтеннымъ видомъ внушаютъ къ себѣ уваженіе. Потомъ Берхгольцъ возвратился къ столамъ, гдѣ сидѣли придворные, и увидѣлъ и государя сидящимъ тутъ же. Шутъ Ла-Коста оживлялъ общество своими остроуміями и насмѣшками. «Вскорь, продолжаетъ наблюдатель, появились дурные-предвѣстники, вселившіе во всѣхъ страхъ и трепеть, а именно человекъ шесть гренадеръ, которые несли на носилкахъ большія чаши съ самымъ простымъ хлѣбнымъ виномъ; запахъ его былъ такъ силенъ, что оставался еще, когда гренадеры уже отошли шаговъ на сто и своротили въ другую аллею. Замѣтивъ, что вдругъ очень многіе стали ускользать, какъ-будто завидѣли самого дьявола, я спросилъ одного изъ моихъ пріятелей, тутъ же стоявшаго, что сдѣлалось съ этими людьми и отчего они такъ поспѣшно уходятъ? Но тотъ взялъ меня за руку и указалъ на пришедшихъ гренадеръ. Тогда я понялъ, въ чемъ дѣло, и поспѣшно отошелъ съ нимъ прочь. Мы

очень хорошо съѣдали, потому что вслѣдъ за тѣмъ встрѣтили господъ, которые сильно жаловались на свое горе и никакъ не могли освободиться отъ непріятнаго вкуса въ горлѣ. Мени предупредили, что здѣсь много шпионовъ, которые должны узнавать, всѣ ли отвѣдали изъ горькой чаши; поэтому я никому не довѣрялъ и притворялся страдающимъ еще болѣе другихъ. Однакоже одинъ плутъ легко сѣумѣлъ узнать пилъ я, или нѣтъ: онъ просилъ меня дохнуть на него. Я отвѣчалъ, что все это напрасно, что я давно ужъ вышолоскалъ ротъ водою; но онъ возразилъ, что этимъ его не увѣришь, что онъ самъ цѣлыя сутки и болѣе не могъ избавиться отъ этого запаха, который и тогда не уничтожишь, когда накладешь въ ротъ корицы и гвоздики, и что я долженъ также подвергнуться испытанію, чтобы имѣть понятіе о здѣшнихъ гразднествахъ. Я всячески отговаривался, что не могу никакъ пить хлѣбнаго вина; но все это ни къ чему не повело, еслибъ мнимый шпионъ не былъ хорошимъ моимъ пріятелемъ и не вздумалъ только пошутить надо мною. Если же случится попасться въ настоящія руки, то не помогаютъ ни просьбы, ни мольбы: надобно пить во что бы то ни стало. Даже самыя нѣжныя дамы не изъяты отъ этой обязанности, потому что сама царица иногда беретъ немного вина и пьетъ. За чашею съ виномъ слѣдуютъ майоры гвардіи, чтобы просить пить тѣхъ, которые не трогаются увѣщаніями простыхъ гренадеръ. Изъ ковша, величиною въ большой стаканъ (но не для всѣхъ одинаково наполняемаго), который подноситъ одинъ изъ рядовыхъ, должно пить за здоровье царя или, какъ они говорятъ, ихъ полковника, что все равно. Когда я потомъ спрашивалъ, отчего они разносятъ такой дурной напитокъ, какъ хлѣбное вино, мнѣ отвѣчали, что Русскіе любятъ его болѣе всѣхъ возможныхъ данцигскихъ аквативъ и французскихъ водокъ (которые, однакожъ, здѣшніе знатные очень цѣнятъ, тогда какъ простое вино они обыкновенно только берутъ въ ротъ и потомъ выплевываютъ) и что царь приказываетъ подавать именно это вино изъ любви къ гвардіи, которую всячески старается тѣшить, часто говоря, что между гвардейцами нѣтъ ни одного, которому онъ смѣло не рѣшился бы поручить свою жизнь. Находясь въ постоянномъ страхѣ попасть въ руки господъ майоровъ, я боялся всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ и всякую минуту думалъ, что меня ужъ хватаютъ. Поэтому я бродилъ по саду какъ заблудшійся, пока наконецъ не очутился у рощицы близъ царскаго лѣтня-

го дворца. На этотъ разъ я былъ очень пораженъ , когда пошелъ къ ней поближе : пріятнаго запаха отъ деревьевъ какъ не бывало, и воздухъ былъ такъ сильно зараженъ винными испареніями...

Узнавъ , что въ галлерей сада , которая выходитъ къ Невъ , происходятъ танцы , Берхгольцъ туда отправился. Между прочимъ онъ видѣлъ танцы царевенъ и восхищался ими . Когда стало смеркаться , царевны удалились ; царь и царица также на время ушли . Петръ , по своему обыкновенію , приказалъ садовымъ сторожамъ не выпускать никого безъ особаго дозволенія . Между тѣмъ пошелъ дождь , и большая часть гостей принуждена была терпѣть эту непріятность : только нѣкоторые укрылись въ павильонъ . Наконецъ , въ двѣнадцать часовъ , царь опять пришелъ и позволялъ гостямъ расходиться .

Берхгольцъ описываетъ много обѣдовъ и ужиновъ , и , по его рассказамъ , все они обыкновенно оканчивались попойками . Тогда употребленіе крѣпкихъ напитковъ было распространено во всехъ слояхъ общества и считалось дѣломъ совершенно обыкновеннымъ . Потому , Берхгольцъ отмѣчаетъ , какъ рѣдкій случай , что , когда герцогъ гольштинскій былъ въ гостяхъ у великаго канцлера Головкина , дѣло обошлось сухо и хорошо . Видно , просвѣщеніе тогда еще ни мало не поражало этого стариннаго , исконнаго порока русскаго общества , и подъ пудрой и французскимъ кафтаномъ наши предки еще хранили тѣ слабости , за которыя не разъ слышались суровые упреки благомыслящихъ людей и въ до-Петровской Руси .

Исторія сѣрбскаго языка , по памятникамъ писаннымъ Кириллицею , въ связи съ исторіею народа . Соч. А. Майкова . Москва . 1857 .

Эта диссертация г. А. А. Майкова (котораго не должно смѣшивать съ современнымъ поэтомъ А. Н. Майковымъ) , есть капитальное пріобрѣтеніе русской ученой литературы . По важности содержанія , новости предмета и прекрасной разработкѣ его , этотъ обширный трудъ можетъ быть вполне оцѣненъ и критически разсмотрѣнъ только специалистами ; по этому , въ ожиданіи подробныхъ разборовъ этого сочиненія , мы только заносимъ его въ нашу лѣтвицу , сопровождая слѣдующими словами профессора Московскаго Университета О. М. Бодянскаго , котораго

отзывъ былъ прочтенъ на диспутѣ г. Майкова и послѣ напечатанъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ нынѣшняго года, № 70:

«Предметъ, данный сочинителю для разработки, досель не былъ еще ни къмъ затронуть. Ему первому принадлежитъ честь воздвѣнія его. Сдѣланное сочинителемъ для исторіи сербскаго языка по памятникамъ Кириллицею писаннымъ, сдѣлано по источникамъ и пособіямъ, досель обнародованнымъ, и составляетъ рѣшительно кладъ для славянскоѣ исторіи и филологіи, потому что выводы, къ которымъ пришелъ онъ, съ одной стороны, совершенная новость, подарокъ, а съ другой—и прежнее является въ иномъ, не менше неожиданномъ новомъ видѣ. Объ части сочиненія представляютъ тому непрерывный рядъ доказательствъ съ начала до конца. Нѣтъ почти ни одного значительнаго событія въ области народной и государственной жизни Сербовъ, на которое бы мы теперь, послѣ его труда, не принуждены были въ большей или меньшей степени перемѣнить досельшняго своего взгляда; даже и оставленное имъ въ сторонѣ принимаетъ не рѣдко иной оттѣнокъ отъ обстановки съ новыми особями или старыми, но въ болѣе или менше новой одеждѣ.—Что до области сербскаго языка, то исторія судебъ его въ древнѣйшую эпоху составляетъ, въ буквальномъ смыслѣ, сколько первое, столько же и самобытное произведеніе. Въ обихихъ областяхъ сочинитель не имѣетъ себѣ предшественниковъ, пролагая новый путь, бывъ вмѣстѣ и работникомъ и зодчимъ. Этимъ обусловилась самостоятельность его произведенія, обязаннаго всѣми своими высокими достоинствами преимущественно счастливому соединенію способовъ изслѣдованія: разумью, историческаго и филологическаго.

Въ этомъ отношеніи я не знаю болѣе блистательнаго и удачнаго приложенія ихъ къ народнымъ памятникамъ, т. е. памятникамъ исторической эпохи народа, вѣреннаго храненію слова его самаго. Если бы всѣ наши любители и почитатели роднаго придерживались этого пути, нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ у насъ явился бы съ одной стороны, Историки-Филологи, а съ другой Филологи-Историки, и наука отъ такого совмѣщенія въ одномъ и томъ же въ лицѣ двухъ самыхъ тѣсныхъ областей вѣденія, донынѣ пока разрозненныхъ между собою и чуть не враждебныхъ, только выиграла бы, быстро устремилась бы къ совершенству, достигла бы счастливыхъ итоговъ.

Желаю отъ всей души, чтобы сочинителю, какъ можно

скорѣе, представился случай къ примѣненію этого плодотворнаго метода въ области роднаго слова; и если голосъ наставника въ семъ случаѣ вмѣсть какое либо значеніе, то онъ безусловно и кротко возвышаетъ его во всеуслышаніе, въ эту торжественную для сочинителя минуту. Русская филологія, какъ наука, приобретаетъ въ немъ дѣятеля, выходящаго во всеоружіи, требуемомъ современнымъ состояніемъ филологіи вообще и славянской въ особенности, къ коей Русская относится, какъ часть къ цѣлому, и въ коей почерпаетъ лучшія свои силы. Въ самаго тѣснаго общенія ея съ обще-славянской, въ свою очередь опирающейся на Индо-Европейскую, какъ пополненіе свое, въ этой живой и неразрывной связи, нѣтъ и быть не можетъ успѣховъ отечественной филологіи, истинно научнаго познанія природы и судебъ роднаго слова. Тутъ ни начитанность, ни ревность ко благу его, ни трудолюбіе, ни чего не измѣнитъ къ лучшему уразумѣнію: матеріалы накопятся въ страшномъ объемѣ, но зодчаго не будетъ, и каждый изъ насъ, глядя на нихъ, невольно скажетъ: «Человѣка не вмамы!»

Закавказскій край. Замѣтки о семейной и общественной жизни и отношеніяхъ народовъ, обитающихъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, Барона Августа фонъ - Гакстгаузена, въ двухъ частяхъ, Сиб. 1857 г., переводъ съ нѣмецкаго.

Закавказскій край, такой богатый по своей природѣ и естественнымъ произведеніямъ, такой занимательный по народамъ, его населяющимъ, по ихъ обычаямъ, роду жизни и взаимнымъ отношеніямъ, составляющій такую противоположность съ странами европейскими; интересный для насъ Русскихъ; какъ по тому вліянію, какое онъ можетъ имѣть въ будущемъ на нашу торговлю, такъ и по тѣмъ жертвамъ, которыя мы приносимъ, отправляя туда на службу нашихъ дѣтей и братьевъ, изъ которыхъ многіе не возвращаются уже къ нашему домашнему очагу, — этотъ любопытный край еще мало изслѣдованъ. Свѣдѣнія о Закавказіи, одномъ изъ важнѣйшихъ владѣній Россіи, такъ разбросаны и такъ скудны, въ особенности на русскомъ языкѣ! Правительствомъ нашимъ, несомнѣнно, уже многое сдѣлано въ Закавказіи, въ пользу цивилизаціи, но что еще предстоитъ, что бы, напримѣръ, по морскому берегу отъ Керчи до Мало-Азіи-

ской границы, гдѣ теперь 17 незначительныхъ укрѣпленій, возникли, вмѣсто этихъ крѣпостей, цвѣтущія города и торговыя мѣста!.. А, между тѣмъ, здѣсь уже это было отчасти: въ первый разъ, когда здѣсь образовались греческія колоніи, и потомъ въ средніе вѣка, когда Чернымъ моремъ владѣла Генуя. «Въ Генуэскихъ архивахъ, говоритъ авторъ, конечно, находится богатый матеріалъ для исторіи и этнографіи Кавказскихъ и Сѣверо-Малоазійскихъ странъ и племенъ; но кому суждено вывести эти сокровища на свѣтъ?»

Сочиненіе барона фонъ-Гакстгаузена было приготовлено къ печати еще въ 1849 году, но неблагопріятныя обстоятельства были причиной, что оно появилось на свѣтъ за границею лишь въ 1855 году.

Въ пользу «Закавказскаго Края» лучше всего говоритъ слѣдующее письмо, которое достойный Нарсесь, католикосъ и патріархъ армянскій *, въ бытность свою въ Санктпетербургѣ, написалъ къ автору.

«Нарсесь, рабъ Иисуса Христа и Божіею милостію Католикосъ всей Арменіи и Патріархъ священнаго Эчміадзинскаго монастыря, добрыйшему и ученому лицу барону фонъ-Гакстгаузену.

«Слѣдуя заповѣди Спасителя нашего, повелѣвшаго при встрѣчѣ съ какимъ-либо человекомъ, въ знакъ любви, пожелать ему мира, долженъ я сперва пожелать тебѣ миръ и благоволеніе, потомъ выразить мою величайшую благодарность за прекрасныя и вѣрныя извѣстія, которыя ты сообщилъ о Кавказскихъ провинціяхъ и ихъ обитателяхъ, а также и объ Армянскомъ народѣ. Я самъ родился въ этой странѣ, многое видалъ, иное слышалъ и часто весьма удивлялся путевымъ описаніямъ нѣкоторыхъ Европейцевъ, которые, не имѣя никакихъ положительныхъ познаній, говорили обо всемъ и этими вымыслами приводили въ изумленіе однихъ, другимъ давали совершенно ложное понятіе о всѣхъ этихъ странахъ. Ты же, баронъ, во всѣхъ твоихъ изысканіяхъ, старался дойти до истины, хотѣлъ

* Эчміадзинскій патріархъ и всего армянскаго народа Католикосъ Нарсесь скончался скоропостижно въ Тифлисѣ 13-го февраля 1857 г. въ 96 году своей жизни. «Жизнь и дѣла его, говоритъ переводчикъ, останутся навсегда въ памяти признательнаго народа армянскаго, который долго будетъ чувствовать понесенную имъ потерю. Лѣтописи съ почтеніемъ передадутъ имя его потомству.»

все узнать подробно и основательно, и высказалъ во всѣхъ твоихъ рѣчахъ объ этихъ народахъ такую сильную, истинно-христіанскую любовь, что я считаю священною обязанностью душевно благодарить тебя, въ этихъ немногихъ строкахъ, за твою любовь къ человечеству, справедливость и готовность помогать, гдѣ только придется, моимъ соотечественникамъ.»

«Нарсесъ, Католикосъ и Патріархъ Арменіи.»

С.-Петербургъ.

«27 января 1844 года.»

И дѣйствительно, необыкновенная любознательность видна въ трудѣ нѣмецкаго путешественника. Онъ обращалъ вниманіе на все — на памятники, на развалины замковъ и церквей, встречающихся тамъ на каждомъ шагу, на мѣстоположеніе, почву, земледѣліе, общественную жизнь и отношенія разноплеменныхъ жителей, на ихъ нравы, обычаи, демонологию, преданія... Въ своемъ сочиненіи онъ въ особенности обратилъ вниманіе въ первыхъ «на сходство и, какъ кажется, родство поколѣній, замѣтное между нравами, обычаями и образомъ жизни Оссетинновъ и древнихъ Германцевъ, и во-вторыхъ, на важное мѣсто, занимаемое теперь Армянскою областью.»

«Во всѣхъ путешествіяхъ моихъ я обращалъ, говорить авторъ, особенное вниманіе на жилища народовъ. Дома, жилища, домашняя утварь, земледѣльческія орудія, одежда и пр. составляютъ историческій результатъ характера, признаковъ, различія, степени образованія, нравовъ, обычаевъ и образа жизни народовъ; какъ съ другой стороны, эти факты имѣютъ обратное вліяніе на нравы, обычаи и образъ жизни, на прочность или преобразование ихъ.» Слова эти, съ которыми въ общихъ чертахъ нельзя не согласиться, показываютъ, съ какимъ вниманіемъ баронъ, придавая такое важное значеніе, напр. жилищу, вникалъ вообще во все, что представлялось его любознательности.

Главнѣйшими свѣдѣніями объ Арменіи, въ особенности узнаніемъ народныхъ отношеній у Армянъ, баронъ обязанъ Армянину Абовьяну, личности очень замѣчательной. Абовьянъ хотѣлъ постричься въ монахи и былъ послушникомъ въ Эчміадзинскомъ монастырѣ. Путешественникъ Парротъ, собираясь входить на Араратъ, предложилъ молодому Абовьяну быть его спутникомъ. Замѣтивъ въ немъ замѣчательныя способности, Пар-

ротъ уговорилъ его посѣщать «нѣмецкій» университетъ. Надо замѣтить, что Абовьяну предстояло преодолѣть много препятствій, чтобы удовлетворить сожигавшей его жаждѣ образованія. Юноша рѣшился сопровождать Паррота по Европѣ; но родители никакъ не соглашались отпустить его такъ далеко; однако же ничто не могло превозмочь зародившейся въ немъ мысли, что европейское образованіе было для него необходимою жизненною потребностью. Онъ преодолевалъ всѣ трудности и наконецъ самъ Патріархъ далъ ему свое позволеніе. Абовьянъ отправился въ Дерптъ и тамъ учился четыре года. Онъ усвоилъ себѣ въ совершенствѣ европейское нѣмецкое образованіе, что рѣдко удается азіятцу, но все таки не позабылъ своихъ наследственныхъ вѣрованій и остался неизмѣннымъ сыномъ своей церкви. Понятно, какая это была драгоценная встрѣча для путешественника; въ разговорачъ съ образованнымъ армяниномъ, баронъ, какъ самъ сознается, пріобрѣлъ богатые свѣдѣнія объ образѣ жизни, нравахъ, особенныхъ качествахъ и наклонностяхъ армянскаго народа и чрезъ это могъ понять внутреннюю его жизнь гораздо яснѣе, чѣмъ проживъ между нимъ цѣлые мѣсяцы; «по этому-то, говоритъ авторъ, большею частію всѣмъ нижеизложеннымъ я обязанъ ему, а потомъ уже моимъ собственнымъ наблюденіямъ, которыя частію дѣлалъ тоже подъ его руководствомъ.»

Отъ Абовьяна нашъ путешественникъ получилъ свѣдѣнія положительныя, почерпнутыя изъ дѣйствительности; но этого мало: счастливая путеводная звезда свела барона съ другою личностію, которая помогла ему проникнуть въ поэзію видѣнныхъ имъ народовъ, узнать ихъ пѣсни, преданія, повѣрья сказки. Этотъ добрый духъ явился ему въ образѣ нѣмца—сапожника Петра Нэя, проводника и переводчика барона. «Это былъ вѣстоящій оригиналъ, пишетъ г. Гакстгаузенъ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ, съ родственниками и другими земляками, оставилъ Виртембергъ и поселился колонистомъ, сперва близъ Одессы, а потомъ въ селеніи недалеко отъ Тифлиса. Но у него былъ безпокойный нравъ, онъ скитался по всей Азіи, бывалъ въ малой Азіи, потомъ въ Персіи, гдѣ его произвели въ переводчика персидскаго принца Аббасъ-Мирзы, котораго онъ восемь лѣтъ сопровождалъ во всѣхъ походахъ и лишь по смерти его возвратился къ землякамъ. Для меня онъ былъ неоцѣнимое сокровище; онъ зналъ нѣсколько европейскихъ и азіятскихъ языковъ:

Нѣмецкій, Французскій, Русскій, Черкесскій, Турецкій, Армянскій, Грузинскій, Персидскій, Курдскій, и пр. Память у него была удивительная; шутя, онъ въ шесть недѣль совершенно выучился новому для него языку. Эти качества соединялись въ немъ съ поэтической душою; у него былъ неисчерпаемый запасъ сказокъ, преданій и пѣсней всѣхъ народовъ, которые онъ когда-либо посылалъ. Когда мы днемъ или ночью лежали вмѣстѣ въ тарантасѣ, онъ рассказывалъ безъ умолку, пока я не засну. Сначала онъ жеманился, говоря, что простые его рассказы не достойны ученаго путешественника; но черезъ нѣсколько дней мы сдѣлались искренними, нѣжными друзьями: всегда вмѣстѣ ѣли, пили, спали и пр., и теперь онъ мнѣ открылъ всю свою премудрость. Если я на дорогѣ замѣчалъ развалину, странно сформированную гору, пещеру и прочее, я его посылалъ собирать свѣдѣнія и черезъ часъ онъ возвращался изъ ближайшаго татарскаго или грузинскаго селенія, съ цѣлымъ грузомъ сказокъ и преданій.»

Къ этому-то трубадуру кавказскихъ горъ, баронъ, при наступленіи сумерекъ, усталый дневнымъ путемъ, преисполненный впечатлѣній отъ картинъ природы, обращался съ такою рвучью: «Петръ Нэй, милая Шехеразада! теперь ночь, ничего не видно, расскажи мнѣ сказку изъ числа многихъ, которыя ты знаешь.» И Петръ Нэй начиналъ свой рассказъ, и часто баронъ засыпалъ подъ говоръ его, и часто на утро Петръ Нэй долженъ былъ пересказывать рассказанное на канунъ. Въ книгѣ барона приведено очень много интересныхъ преданій (большую часть сказокъ и преданій онъ узналъ отъ Петра Нэя).

«Любопытно и весьма полезно было бы, говоритъ авторъ, собирать народныя преданія этихъ (кавказскихъ) странъ, для сравненій съ европейскими.» Вообще онъ не пропускаетъ ни одного явленія, ни одного факта, въ которыхъ видитъ тождественность съ древне-германскимъ элементомъ.

Говоря о земледѣліи и системѣ орошенія полей, необходимой для плодородія, авторъ сообщаетъ, что прежде, въ незапамятныя времена, въ этихъ странахъ были цѣлыя системы каналовъ, слѣды земледѣлія видны весьма ясно и говорятъ о цвѣтущемъ состояніи, въ которомъ онъ когда-то находились. Тамъ напрямърь, треугольникъ земли, образуемый слияніемъ Куры и Аракса обладалъ прежде обширною системою каналовъ, построеніе которой должно было казаться истинно-исполнскимъ трудомъ, какъ въ

планъ, такъ и въ исполненіи. Грустно думать, что въ этихъ странахъ было уже употреблено столько силъ, что онѣ уже находились на высокой стени развитія промышленности; но теперь все запустѣло и заглохло... и страшно подумать сколько еще предстоитъ труда въ будущемъ, чтобъ все это оживить, просвѣтить и ввести въ кругъ цивилизаціи!

«Система орошенія въ кавказскихъ земляхъ древнѣе народовъ, которые теперь живутъ на нихъ, спрашивать нашъ путешественникъ, или было время, когда всѣ повновались одной желѣзной воле? Эти системы не всегда заключены въ границы котораго нибудь изъ теперешнихъ народовъ. Но тогда совершенно невѣроятно, чтобы различные народы добровольно сговорились между собою завести общую систему орошенія; во всякомъ случаѣ, для этого нужны были *весьма образованныя, умныя государственныя формы* (формы правленія), которыя никогда здѣсь не существовали. Поэтому болѣе, нежели вѣроятно, что заведенія эти принадлежатъ къ тому времени, когда здѣсь властвовала только одна воля, значить, во времена древнѣйшихъ азіатскихъ деспотствъ: Ассирійскаго, Мидійскаго и Персидскаго. Съ паденіемъ деспотствъ, съ распаденіемъ ихъ на небольшія владѣнія, раздѣленные по племенамъ, въ слѣдствіе какихъ нибудь войнъ, оттого происшедшихъ, разрушены эти колоссальныя сооруженія, страна превратилась въ пустыню, народонаселеніе уменьшилось. Теперь эти племена уже не могутъ подняться собственными силами, чтобы восстановленіемъ обширныхъ системъ орошенія, предуготовить и вызвать опять цвѣтущее состояніе страны.»

Не входя въ подробное разсмотрѣніе чрезвычайно любопытнаго и добросовѣстнаго путешествія г. Гакотгаузена, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко, выпишемъ то мѣсто, гдѣ авторъ говоритъ о семейственности Армянъ, чтобъ читатель могъ самъ видѣть, что такое изученіе, проникнутое необыкновенною теплотою и любовью къ дѣлу, встрѣчается не у многихъ путешественниковъ, которыми такъ изобилуетъ Европа.

«Мнѣ неизвѣстенъ народъ, *говоритъ авторъ*, въ которомъ семейныя узмы были бы ближе и теснѣе связаны, какъ у Армянъ. Пока живы главы семейства, отецъ или мать, всѣ члены его живутъ неразлучно, безъ раздѣла имѣнія, въ безусловной покорности къ старшему. Нерѣдко у 80-ти лѣтняго патриарха живутъ три поколѣнія, 4 или 5 женатыхъ сыновей отъ 50—60 лѣтъ, внукъ 30 лѣтъ и дѣти его. Нѣтъ раздѣла, никто не приобретаетъ для себя: труды и выгоды въ пользу всей семьи. Есть дворянъ, на

которыхъ семейство состоитъ изъ 40 — 50 душъ. Даже братья неохотно разлучаются; обыкновенно, по смерти родителей, старшій братъ вступаетъ въ права отца. Раздѣлъ начинается лишь между внуками.

«Послушаніе семейное составляетъ крѣпкую связь, и продолжительное согласіе между пятью или шестью молодыми женщинами возможно у Армянъ, въ-слѣдствіе особеннаго воспитанія ихъ женскаго пола. Воспитаніе это, конечно, очень строго, но нельзя его назвать ни рабствомъ, ни угнетеніемъ, что мы докажемъ ниже. Холостые молодые люди обоюго пола пользуются свободою въ предѣлахъ нравовъ и обыкновеній. Между тѣмъ, какъ у всѣхъ сосѣднихъ народовъ единственная форма заключенія браковъ есть покупка и до этого времени дѣвицы держать въ заперти. Въ Арменіи имъ не воспрещается обращеніе съ молодыми людьми. Онѣ безъ покрывала и съ обнаженною головою могутъ идти куда хотятъ: молодые люди открыто ухаживаютъ за ними и очень часто браки основываются на взаимной привязанности. Послѣ же совершенія брака свобода прекращается. Съ этого времени, даже дома, женщина является закутанною, нижняя часть лица, ротъ, совершенно закрыты, на глаза спущенъ вуаль. На улицѣ ее никогда не видать, даже въ церковь ходитъ она подъ двойнымъ покрываломъ. Если чужой мужчина входитъ въ домъ или садъ, она немедленно скрывается. Ни съ кѣмъ не должна говорить, даже съ роднымъ отцомъ или братомъ; она разговариваетъ только съ мужемъ и то тогда только пантомимами. Въ этой требуемой обычаемъ нѣмотѣ, она остается до рожденія перваго ребенка. Тогда она мало-по-малу эмансипируется, говорить съ новорожденнымъ, потомъ съ матерью мужа, далѣе съ родною матерью, съ сестрами мужа и съ собственными сестрами: наконецъ она начинаетъ говорить съ молодыми дѣвушками дома, но очень тихо, почти шопотомъ, чтобы не услыхалъ мужчина. Послѣ шести и болѣе лѣтъ, она считается совершенно свободною, воспитаніе ея кончено; но и тогда не пристойно ей говорить съ чужими мужчинами, или показываться имъ безъ покрывала.

Когда размотришь этотъ домашній обычай въ связи съ прочими отношеніями народной жизни Армянъ, то выкажется въ немъ знаніе людей, проникательное изслѣдованіе челоуѣческаго сердца, его желаній и страстей. Но вообще это лишь нравы и обычаи, развитые безъ дознаннаго содѣйствія челоуѣческой воли. Мы уже говорили, что не угнетеніе, а такое воспитаніе женскаго пола *, по окончаніи котораго женщина освобождена и вступаетъ во всѣ права супруги, независимой хозяйки дома. Если мужъ ея, глава семейства, и умираетъ прежде ея, то она вполне поступаетъ на его мѣсто и въ его права: ее слушаютъ съ такимъ же уваженіемъ, какъ отца, патриарха дома (мать Абовіана была въ этомъ положеніи). Въ этомъ случаѣ положеніе ея не можетъ быть сравнено съ положе-

* Армянскія жены никогда не употребляютъ въ такія работы, онѣ лишь занимаются хозяйствомъ и садоводствомъ. Даже армянскій крестьянинъ такъ нѣжно любитъ жену, что ни за что не подвергнетъ ее дѣйствию палящихъ солнечныхъ лучей.

нiемъ женщины на Востокѣ, ибо она пользуется даже большимъ уваженiемъ, нежели женщины въ Европѣ.

Далѣе, обычай этотъ долженъ послужить основанiемъ самаго искреннаго семейнаго отношенiя. Жена живетъ только въ мужѣ, черезъ него только она имѣетъ сообщенiе съ вѣшнимъ миромъ. Заключение это продолжается нѣсколько лѣтъ; оно обращается въ привычку; искренность брачнаго отношенiя имѣетъ время упрочиться; даже впоследствии, когда жена получаетъ свободу рѣчи, она ею пользуется съ умѣренностью, характеръ ея имѣетъ время развиться и упрочиться; ибо съ молодыхъ лѣтъ она была охранена отъ склонности къ сплетнямъ и интригамъ, которыми послѣ уже не станеть заниматься.

Но обстоятельство это имѣетъ и веселую, даже юмористическую сторону. (Да не сочтутъ это неуваженiемъ.) Едва пять или шесть молодыхъ женщинъ могли бы ужиться въ одномъ домѣ. Въ домѣ этомъ навѣрно слышны были бы безпрестанныя ссоры, крики, жалобы и слезы; мужья стали бы вступаться за женъ и, наконецъ, разрушили бы первенство главы семейства. Все это предусмтрѣно и отвращено. Гдѣ нѣтъ главнаго оружiя женской ссоры — колкихъ, язвительныхъ словъ, тамъ и ссора не вспыхнетъ. Долго спорить пантомимами трудно, да и неизбѣжный смѣхъ зрителей къ тому не допустить. Когда впоследствии имъ дозволено говорить шопотомъ, то и это не благопрiятствуетъ ссорамъ.

Письма объ Испаніи В. П. Боткина. Спб. 1857 г.

I.

Не по недостатку времени или не по другимъ какимъ-либо журнальнымъ причинамъ замедлили мы до сихъ разборомъ замѣчательной книги г. Боткина, появившейся въ свѣтъ еще въ началѣ настоящаго года. Статья наша была начата черезъ нѣсколько дней послѣ выхода книги, но конецъ ея отдалялся отъ насъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ мы задумывались надъ страницами «Писемъ объ Испаніи». Чтобъ основательно говорить о сочиненіи, которое, по нашему мнѣнію, должно остаться въ русской литературѣ, мы сочли нужнымъ перечитать нѣсколькихъ иностранныхъ писателей, путешествовавшихъ по Испаніи въ наше время. Для яснѣйшаго уразумѣнія фактовъ и народныхъ чертъ, на-лету подмѣченныхъ русскимъ туристомъ, во время его недолгихъ отстранствованій, слѣдовало снова перечитать замѣтки людей, часть своей жизни проведенныхъ на Пиринейскомъ полуостровѣ. Послѣ того, до насъ дошло извѣстіе о томъ, что русскія «Письма объ Испаніи» обратили на себя вниманіе германскихъ журналовъ, переведены по частямъ и встрѣтили за границей живое одобреніе. Намъ захотѣлось просмотрѣть эти переводы и отзывы, провѣрить свои собственныя впечатлѣнія по впечатлѣніямъ цѣнителей, отъ насъ отдаленныхъ, скорѣе пристрастныхъ во вредъ, нежели въ пользу русской словесности. И наконецъ, чѣмъ долѣе мы медлили съ разборомъ нашимъ, тѣмъ болѣе хотѣлось намъ вмѣстить въ немъ свѣдѣній по поводу страны, описанной нашимъ русскимъ путешественникомъ, «этой, такъ мало знаемой страны, которая до сихъ поръ продолжаетъ представлять одну изъ печальнѣйшихъ политическихъ задачъ нашего времени *».

Много было говорено про упадокъ Греціи и Италиі, но что значить упадокъ, сейчасъ упомянутыхъ странъ, передъ тѣмъ упадкомъ, въ какомъ находится несчастная родина дона Родрига

* Предисловіе къ «Письмамъ объ Испаніи».

и Кортеса, Кальдерона и Сервантеса, Власкеза и Мурильо? Между Грецією древнихъ блистательныхъ временъ и Грецією новою—общаго одно лишь названіе страны, житель новѣйшихъ Аенія отдѣленъ тысячелѣтіями отъ временъ Перикла, онъ можетъ гордиться древнимъ величіемъ своей родины; а не скорбѣть о немъ всею душою своею. Что касается до упадка Италіи, столько разъ оплаканнаго и въ великолѣпныхъ стихахъ, и въ плохой прозѣ, упадокъ этотъ не такъ печаленъ, какъ о томъ думаютъ многіе. Та страна не погибла, въ которой земля сохранила свою красоту и свое плодородіе, въ которую миллионы иноземцевъ стремятся обогащать себя сладчайшими впечатлѣніями жизни; еще живъ для будущаго тотъ край, о которомъ мечтаютъ и тоскуютъ избраннѣйшіе люди всего міра. Объ Италіи Европа думаетъ и всегда будетъ думать. Исторія каждаго изъ бѣдствій, которыя часто навлекались на Италію собственнымъ неразуміемъ итальянскаго народа, коротко известна всякому просвѣщенному челоуѣку. О довольствѣ и матеріальномъ благосостояніи этого самаго народа, безпрестанно думаютъ даже его чужеземные владетели. Сокровища искусствъ, которыми полна Италія, однимъ своимъ присутствіемъ дѣлаютъ изъ нея заповѣдную сокровищницу Европы, къ порогу которой ни одинъ путникъ не подходилъ безъ умиленнаго чувства. Кто смѣетъ не знать Италіи, не скорбѣть ея скорбію, не радоваться милымъ и геройскимъ чертамъ ея народа, на первый взглядъ кажущагося вѣчно несовершеннѣйшимъ народомъ? И наконецъ, развѣ не къ Италіи принадлежитъ богатое будущностью, дружественное намъ государство, за послѣдніе годы сдѣлавшее такіе быстрые успѣхи на пути гражданственности? Къ этому государству развѣ не прикованы все взоры, развѣ не видимъ мы въ немъ залого будущаго возрожденія той Италіи, для которой она съ нѣкотораго времени стала путеводною звѣздой во мракѣ? Послѣ всего этого, можно ли только съ одной печалію говорить про упадокъ Италіи?

Тотъ упадокъ истинно страшенъ и печаленъ, около котораго все покрыто темнотою и безмолвіемъ. Въ темнотѣ и безмолвіи, посреди общаго равнодушія всей Европы, совершается плачевное паденіе Испаніи, рыцарской и благородной страны, «безпрестанно вращающейся на одрѣ болѣзни», какъ безнадежный больной въ страшнѣйшей пѣсни Данта. Подобно одинокому, всеми покинутому больному, безнадежно страдаетъ край, когда-то потрясавшій вселенную по своему произволу. Никто въ образованной

Европѣ не интересуется исторією его недуга, ни въ одной изъ соседнихъ земель не отзываются скорби Испаніи, посреди холоднаго равнодушія зрителей льется ея кровь и истощаются ея силы. Кому какое дѣло узнавать, проявляются ли въ этихъ безплодныхъ терзаніяхъ слѣды прежней народной силы, мелькаютъ ли во всей этой кровавой и утомительной драмѣ надежды на лучшую будущность, эпизоды хотя отдаленно намекающіе на счастливый исходъ недуга? А недугъ ужасенъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Съ упадкомъ политическимъ для Испаніи, идетъ не только упадокъ нравственный, какъ оно всегда бываетъ, — сама природа этой великолѣпной страны будто приходитъ въ смертное изнуреніе, отказывается служить несчастному, всѣмъ покинутому человеку. Когда-то плодородныя равнины превращаются въ голодную степь, растительность исчезаетъ въ провинціяхъ, еще недавно считавшихся житницами Испаніи; рѣки мелятъ, заразительныя болѣзни появляются на мѣстностяхъ, гдѣ еще недавно массы людей жили и трудились, не находя причинъ жаловаться на свою участь. Съ каждымъ годомъ лучшая часть полуострова получаетъ болѣе и болѣе сходства съ аравійскою степью, усѣянною оазисами, число которыхъ съ каждымъ годомъ рѣдѣетъ. Старые города пусты, гавани не годны для стоянки кораблей, число деревень постоянно уменьшается. Не одного порядка правительственнаго недостаетъ Испаніи, — въ ней недостаетъ чего-то, можетъ быть, еще большаго: частной гражданской дѣятельности отдѣльныхъ личностей. Тамъ, гдѣ разбойникъ большихъ дорогъ въ народѣ считается героемъ, гдѣ житель одного города ненавидитъ уроженцовъ соседняго городка, гдѣ открытое грабительство администраторовъ освящено обычаемъ, — ни благонамѣренный правитель, ни парламентъ изъ образованнѣйшихъ законодателей не въ состояніи придумать никакихъ мѣръ спасенія. Нельзя предполагать, чтобъ Испанія, въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія, ни разу не имѣла хорошаго министра и дѣльнаго законодательнаго собранія, а между тѣмъ жалкая страна не имѣла даже кратковременныхъ отдыховъ отъ неурядицы. Въ политическомъ мѣрѣ спастись можно только того, кто самъ желаетъ спастись и крѣпко опирается на руку, ему протянутую. Этой истины какъ-будто чуждаются многіе изъ политическихъ писателей всей Европы, даже когда приходится говорить о предметахъ ближайшихъ къ нимъ, нежели Испанія съ ея бѣдствіями. Жалкія экономическія школы, нынѣ пользующіяся

общимъ и вполне заслуженнымъ презрѣніемъ, во все время своего существованія стремились къ тому, чтобъ умалить нашу вѣру въ частную дѣятельность человека, чтобъ представить въ преувеличенномъ видѣ весь вредъ индивидуализма, а затѣмъ, на основаніи сантиментально филантропическихъ умствованій, приуготовить страждущему человечеству всемірное лекарство отъ всѣхъ недуговъ, настоящихъ и будущихъ. Для этихъ-то школъ, и вообще для всѣхъ людей, помышляющихъ, что человека можно передѣлать, безъ его содѣйствія, однимъ писаннымъ декретомъ,—изученіе современной Испаніи можетъ быть довольно благотворно. Въ Испаніи было издано много хорошихъ законовъ, принятыхъ худо, задумано много благихъ мѣръ, совершенно непонятыхъ людьми, не готовыми къ благу въ своей обыденной, частной дѣятельности. Испанскій народъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ, чѣмъ остаются многіе народы въ Европѣ: то-есть массою людей, по собственному своему развитію низшихъ, чѣмъ законы для нихъ составленные. Пока благодѣтельный законъ оставался буквою, Испанецъ не заботился о его существованіи; когда партія, владычествующая въ государствѣ, пробовала осуществлять законъ на дѣлѣ,—толпы недовольныхъ брали свои ружья и шли драться на площадь. На время одолевалъ тотъ, кто былъ сильнѣе, а на бѣду Испаніи, въ ней не появлялось ни одного истинно сильнаго, можетъ быть даже безжалостно-сильнаго человека, который бы могъ, подобно героямъ Карлейля, грозою устроить народъ, не умѣющій спасать себя, народъ, неспособный прежде всего понять пользу порядка вокругъ своихъ отдѣльныхъ личностей.

Послѣ того, что мы сейчасъ сказали, не нужно прибавлять разсужденій о томъ, сколько глубокой занимательности можетъ заключаться въ обширномъ и добросовѣстномъ сочиненіи о современной Испаніи. На бѣду, подобнаго сочиненія свѣтъ еще не дождался въ европейской литературѣ, говоритъ намъ авторъ Писемъ объ Испаніи, къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ еще классическаго творенія, которое бы совершенно вѣрно отразило въ себѣ эту страну. Поэтическая прелесть народныхъ нравовъ Испаніи и постоянные политическіе смуты, ее волнующіе, представляютъ такую взаимную противоположность, такой дикій контрастъ, которые всего болѣе мѣшаютъ путешественнику составить себѣ отдѣльное понятіе объ этой странѣ, а испанская литература, за исключеніемъ немногихъ историческихъ сочиненій, можно сказать, сосредоточивается въ газетахъ, раздѣленныхъ на непримиримо враж-

дуючі партії. Слова нашого русскаго путешественника совершенно справедливы. Классическаго сочиненія о современной Испаніи мы не знаємъ. Въ самой богатой бібліотекѣ можно отыскать лишь нѣсколько хорошихъ путешествій въ Испанію, и журнальныхъ статей, относящихся къ ея исторіи за послѣдніе годы. Европа имѣетъ лишь одно небольшое собраніе матеріаловъ относительно знанія Испаніи, многіе изъ этихъ матеріаловъ драгоценны по своему литературному достоинству, многіе изъ нихъ дали заслуженный успѣхъ авторамъ,—но все-таки это матеріалы, не болѣе. Ихъ надо переглядѣть въ общей сложности для того, чтобъ имѣть сколько нибудь определенное понятіе о странѣ, незнаемой въ Европѣ и какъ будто оторванной отъ Европы. Ихъ надо по временамъ свѣрять между собой, свѣрять даже съ другими матеріалами, нынѣ почти забытыми и погребенными въ политическихъ журналахъ и газетахъ. При такомъ положеніи предмета, весьма понятна важность каждой новой книги, каждой умной статьи, относящейся до нравовъ и обычаевъ новой Испаніи. «Письма объ Испаніи», нынѣ оцѣненные не въ одной нашей литературѣ, неоспоримо должны занять почетное мѣсто въ ряду матеріаловъ, сейчасъ нами упомянутыхъ. Независимо отъ прелести изложенія, многіхъ страницъ высокаго поэтическаго достоинства, и другихъ данныхъ, хорошо знакомыхъ всякому, кто читалъ письма г. Боткина еще въ «Современникѣ», письма эти важны еще во многіхъ другихъ отношеніяхъ. Чтобъ оцѣнить ихъ важность и занимательность, касательно изображенія современной Испаніи, необходимо будетъ сдѣлать, по возможности, краткій обзоръ нѣсколькихъ сочиненій, однородныхъ съ книгою г. Боткина.

Европейскіе публицисты не много писали объ Испаніи, путешественники рѣдко изображали эту страну, хотя бы съ самой поверхностной точки зрѣнія. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, побывать въ Испаніи, казалось также опаснымъ, какъ напиримѣръ съѣздить на мысъ Доброй-Надежды, къ племенамъ, живущимъ во враждѣ съ европейцами. Великая имперія разрушалась, какъ будто силясь скрыть отъ сосѣдей зрѣлище своего разрушенія. Словно по произволу своихъ правителей, сильныхъ лишь на одно зло и тайну, Испанія была ограждена всевозможными препятствіями для зоркаго взгляда иностранца-путешественника, иностранца-дипломата, иностранца-экономиста. Ея инквизиція не заботилась о международныхъ правахъ, ея адми-

нистраторы не церемонились съ назойливымъ чужестранцемъ, ея жители, подозрительные, малообразованные и запутанные, не охотно сближались съ завзятыми гостями. Доступъ ко всему, что могло интересовать иностранца, былъ всегда труденъ и часто невозможенъ; трудны и часто невозможны были даже путешествія внутрь страны, уже пораженной нищетою и неустройствомъ. Такъ было до наполеоновскихъ войнъ, которыя, при всей своей тягости, отчасти пробудили Испанію, послужили къ уничтоженію многихъ отжившихъ постановленій и наконецъ дали возможность блистательно проявиться героизму націи, уже начинавшей пользоваться презрѣніемъ отъ всѣхъ своихъ сосѣдей. Съ того времени, какъ Англичане приняли участіе въ борьбѣ и высадили свои войска на Пиринейскій полуостровъ, въ англійскихъ книгахъ и политическихъ обзорнїяхъ стали появляться толки объ Испаніи. Холодность народа, чаще другихъ имѣвшаго торговыя сношенія съ приморской Испаніей, внезапно замѣнилась энтузіазмомъ и признаками горячаго сочувствія. Именно Палафокса, Кастаньоса, Инфантадо и ихъ многочисленныхъ сподвижниковъ, изъ Англїи перешли въ Германію, въ Россію, во всѣ страны, скрыто или открыто враждебныя наполеоновскому владычеству. Европа, до той поры едва знавшая о томъ, какъ велико число жителей въ Испаніи, узнала по именамъ всѣхъ предводителей гверильясовъ. Англійскіе писатели воинственной партїи искусно воспользовались общимъ сочувствіемъ, отчасти ими же подготовленнымъ. Въ журналъ торіевъ (*Quarterly Review*) было напечатано нѣсколько любопытныхъ статей о нравахъ и политическихъ дѣлахъ Испаніи; для составленія или просмотра такихъ статей, редакціи оказался весьма полезенъ извѣстный Робертъ Соути, поэтъ невысокаго разбора, но человекъ большаго образованія, знакомый съ языкомъ, исторіею, бытомъ Испаніи и Португаліи. Газеты и обзорнїя противной партїи, особенно журналъ лорда Джеффри (*Эдинбургское обозрѣніе*) не дѣлили этого восторга къ Испаніи, а Джеффри выискалъ себѣ нѣсколькихъ сотрудниковъ, пытавшихся выставить передъ свѣтомъ всѣ непривлекательныя особенности страны, за которую лилось столько британской крови. Достоинно замѣчанія то, что герой и спаситель пиринейскаго полуострова, идолъ торіевъ и побѣдитель во всей брани,—Артуръ Веллеслей, (Веллингтонъ) судилъ своихъ испанскихъ союзниковъ можетъ быть строже, чѣмъ самые враждебные ему виги. Проницательный глазъ война и великаго государст-

веннаго человека не былъ обманутъ порывами энтузіазма, повергавшаго въ изступленіе всю Европу. Во многихъ письмахъ и секретныхъ донесеніяхъ полководца, съ ясностью различаемъ мы, что онъ подъ восторженною храбростью мгновенно умѣлъ угадывать совершенный недостатокъ стойкости. Въ энергическихъ порывахъ народа видѣлъ онъ расслабленіе, въ его патріотизмъ ребяческую способность увлекаться, въ его торжествахъ непостоянство и шаткость. Въ глазахъ его, Испанія не могла ни спастись сама, ни вѣрится чужеземному спасителю. Онъ бился за Испанію потому, что его победы наносили ударъ наполеоновой власти, въ будущность Испаніи онъ не вѣрилъ, къ народнымъ силамъ ея онъ ощущалъ презрѣніе, и по всегдашней своей привычкѣ, не скрывалъ этого презрѣнія.

Еще до окончанія европейскихъ войнъ и совершеннаго низложенія Наполеона, — Англія, какъ извѣстно, уже заключила крайне выгодныя для себя трактаты по торговлѣ съ государствами Пиринейскаго полуострова. Съ наступленіемъ мира, большое число британскихъ подданныхъ стало жить въ Лиссабонѣ, Оporto, Кадиксѣ, вздѣтъ въ эти города и по временамъ углубляться внутрь Испаніи и Португаліи. Не взирая на стѣснительные законы по торговлѣ, нѣсколько чужестранныхъ торговыхъ домовъ завелось по большимъ городамъ Испаніи. Въ тоже самое время торговля Гибралтара значительно поднялась, контрабандная торговля, поощряемая Англичанами, стала наводнить Испанію англійскими издѣліями, табакомъ и первыми необходимостями для людей, принуждаемыхъ своимъ правительствомъ платить за собственные товары дороже, чѣмъ за иностранные. Обмѣнъ услугъ, хотя не всегда законныхъ, сблизилъ Англичанъ съ Испанцами, доставилъ первымъ нѣкоторый авторитетъ по приморскимъ городамъ Испаніи, — а по прошествіи немногихъ лѣтъ, жители полуострова привыкли къ Англичанамъ, узнали ихъ болѣе, чѣмъ кого-либо изъ своихъ сосѣдей.

Лѣтъ за двадцать пять до нашего времени, уже нѣсколько англійскихъ туристовъ - писателей успѣли побывать въ Испаніи. Въ журналахъ кромѣ статей о политикѣ и торговлѣ этого края, печатались описанія окрестностей Кадикса, Малаги, Севильи, иногда переѣздъ черезъ горы, иногда какая нибудь встрѣча съ разбойниками. Предпримчивый книгопродавецъ Муррай, издавая разные путеводители по Европѣ и другимъ частямъ свѣта, заказалъ одному талантливому человеку, по имени Форду, соста-

вить руководитель для туристов по Испаніи. Мистеръ Фордъ, долго жившій въ этой странѣ, исполнилъ желаніе книгопродавца, и можетъ быть самъ удивился успѣху своего дѣла. Книга его, составленная по общей формѣ путеводителей за границей (*guides des voyageurs*), разошлась лучше всякаго романа. Нѣсколько изданій были распроданы въ теченіи самаго короткаго времени. Сочиніе Форда читалось женщинами, членами парламента, помѣщиками, дилетантами литературы, людьми, никогда не имѣвшими намѣренія вѣхать въ Испанію. Правда, что оно вполне заслужило эту честь, представляя изъ себя трудъ изящный, легкій, увлекательный, но вмѣстѣ съ тѣмъ исполненный новизны и важныхъ подробностей. Фордъ, подобно лучшимъ изъ своихъ преемниковъ, сердцемъ любилъ описываемую имъ страну, понималъ ея поэзію, умѣлъ подмѣчать ея высокую прелесть и наслаждаться ею. Онъ сближался со всеми сословіями испанскаго народа, писалъ объ этомъ народѣ съ веселостью и юморомъ. На Испанцевъ смотрѣлъ онъ немного свысока, но такой недостатокъ не считался недостаткомъ для лондонскаго читателя. Подражателей и продолжателей у Форда нашлось довольно, но въ теченіи десяти лѣтъ слава его путеводителя не уменьшилась: до сихъ поръ онъ считается одною изъ самыхъ живыхъ, занимательныхъ книгъ, когда-либо написанныхъ по англійски.

Мы не можемъ разбирать Фордовой книги въ подробности, въ журналъ нашемъ будетъ помѣщено изъ нея нѣсколько отрывковъ, когда позволитъ время и обиліе журнальнаго матеріала. «Ручная книга для Испаніи» (*Handbook for Spain*), по самой формѣ своей уже не можетъ назваться образцовымъ сочиненіемъ. Добровольно подчинясь всемъ требованіямъ, какія существуютъ для дорожнаго путеводителя, Фордъ отчасти повредилъ своему дѣлу. Не зирая на все его искусство, въ трудѣ находятся страницы утомительныя, — важныя для чловѣка, собирающагося вѣздить по Испаніи съ наименьшими трудностями, — но лишнія для простаго читателя. За рядомъ картинъ и живыхъ нравоописательныхъ очерковъ, онъ часто забываетъ жизнь самой страны, безъ вниманія оставляетъ важныя задачи, занимавшія умы многихъ. Какъ Фланеръ и чловѣкъ, ищущій себя забавы, Фордъ заслуживаетъ удивленія, съ такимъ товарищемъ и путеводителемъ всякій пойдетъ на край свѣта. Но надъ книгою его не многіе задумаются, а если и задумаются, то развѣ по поводу предметовъ, о которыхъ Фордъ говоритъ вскользь и неохотно.

Около 1840 года (даже кажется несколько позже), въ Англии снова появилось одно сочиненіе объ Испаніи, на этотъ разъ получившее успѣхъ европейскій. Великобританское библейское общество изготовило три перевода Свящ. Писанія на португальскій, на испанскій языки, и еще на языкъ испанскихъ цыганъ (gitanos). Для продажи этихъ изданій посланъ былъ на пиринейскій полуостровъ нѣкто Джорджъ Борро, человекъ странный, скорее сходный съ авантюрьерами временъ Кромвелля, нежели съ людьми нашего столѣтія. Полу-англичанинъ, полу-цыганъ, полу-фанатикъ, полу-туристъ—Борро имѣлъ три безцѣнные качества для путешественника въ опасныхъ странахъ: онъ былъ упрямъ какъ каталонецъ, безстрашенъ какъ герой, жадеиъ до приключеній какъ молодой рыцарь. Онъ зналъ языковъ пятнадцать, обладалъ силой Геркулеса, могъ проводить по нѣскольку сутокъ на лошади, легко сблизался съ людьми и владелъ большимъ даромъ убѣжденія. Благодарственное общество не даромъ поручило ему продажу своихъ изданій въ Испаніи: мадритскій кабинетъ нѣсколько разъ изъявлялъ полное согласіе на эту продажу, но Англичане не могли не знать шаткости испанскаго правительства. При частой перемѣнѣ правителей, сегодняшняя заслуга завтра могла быть вмѣнена въ преступленіе, да сверхъ того въ Испаніи, каждый генераль-капитанъ провинціи и даже коррехидоръ отдельнаго города не слишкомъ заботился о томъ, какому иностранцу покровительствуютъ сильные люди въ Мадридѣ.

Какъ предполагали, такъ и случилось. Въмѣсто нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которыхъ было бы достаточно на продажу самого большаго числа экземпляровъ Библіи, Борро пробылъ въ Испаніи нѣсколько лѣтъ. Испанское правительство, при всѣхъ своихъ перемѣнахъ, его рѣдко тѣснило, но за то правительству, при общихъ смутахъ и своихъ собственныхъ тревогахъ, было не до мирнаго иностранца, сьющаго слово спасенія между невежественнымъ народомъ. Религіозное состояніе испанскаго народа, въ глубинѣ государства, по словамъ Борро, мало отличалось отъ состоянія дикихъ племенъ Африки. Между многочисленнымъ сословіемъ цыганъ, нищихъ, контрабандистовъ, даже отдаленныхъ сельскихъ жителей, самое имя Иисуса Христа было невѣдомымъ словомъ. Въ большихъ центрахъ населенія, гдѣ люди знали читать и обладали лучшимъ развитіемъ, власти глядѣли на путника или какъ на врага, или какъ на существо, отъ котораго можно поживиться. Не совсѣмъ угасшій фанатизмъ нѣ-

которыхъ изувѣровъ воздвигаль противъ Англичанина массы народа. Въ одномъ городѣ его принимали за шпіона, въ слѣдующей деревнѣ за идолопоклонника, а гдѣ-то на берегу моря Джорджа Борро сочли Донъ-Карлосомъ и чуть не разстрѣляли. Его нѣсколько разъ обирали до-чиста, книги его конфисковались, самъ миссіонеръ сидѣлъ въ тюрьмахъ, съ ворами и убійцами. Иногда онъ скрывался отъ гоненій, проводилъ дни въ цыганскихъ таборахъ или на уединенныхъ вентахъ, но еще чаще, сильнѣй званіемъ Англичанина и сознаниемъ праваго дѣла, Борро открыто шелъ на всѣ притѣсненія. За него англійскіе консулы поднимали бурю, за него смѣняли алькальдовъ и коррехидоровъ, послѣ всякихъ неправдъ и прижимокъ, ему возвращали назадъ отнятыя книги, и онъ снова пускался на безконечную борьбу, на новыя угнетенія и опасности.

Понятно, что при такой жизни и такомъ образѣ дѣйствій, вдоволь натерпѣвшись и насмотрѣвшись, Джорджъ Борро не могъ остаться тѣмъ, чѣмъ былъ при въздѣ своемъ въ Испанію, то-есть простымъ, пассивнымъ исполнителемъ даннаго ему порученія. Въ характеръ его всегда имѣлся элементъ задорный и фанатическій, а событія его бурной жизни въ Испаніи окончательно раздули пламя, таившееся въ этой могучей груди. Ревностный англиканецъ и крайній тори обратился въ закоренялаго врага католической Испаніи. Онъ вообразилъ себя противникомъ папской власти, освободителемъ Испаніи отъ католицизма, протестантскимъ проповѣдникомъ, посѣтившимъ не государство дружественное его родинѣ, а какія-то мрачныя пустыни, населенныя идолопоклонниками. Онъ не только преувеличивалъ опасности, его окружавшія, но самъ вызывалъ ихъ, гордился гоненіями, говорилъ въ народъ неосторожныя рѣчи. Не допуская того, что всякая страна имѣетъ полное право жить по своимъ собственнымъ обычаямъ и чтить законъ, доставшійся ей отъ отдаленныхъ вѣковъ, нашъ коммисіонеръ лондонскаго общества утратилъ небольшой запасъ терпимости, данный ему на долю отъ природы. Въ слѣдствіе того, пребываніе Борро въ Испаніи сдѣлалось обременительнымъ для англійскаго посольства, для британскихъ консуловъ, безпрерывно обязанныхъ заступаться за своего необузданнаго согражданина. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, чѣмъ именно кончилось пребываніе его въ Испаніи, но изъ нѣсколькихъ замѣтокъ въ журнальныхъ разборахъ можно догадываться, что Джорджъ Борро былъ принужденъ со-

тавить страну своїхъ подвиговъ, противъ собственнаго желанія. Плодомъ его приключеній вышла знаменитая книга «the Bible in Spain», которая, какъ мы уже сказали, получила успѣхъ европейскій.

Всякому чловѣку, интересующемуся бытомъ и нравами современной Испаніи, мы смѣло можемъ рекомендовать книгу Борро, не только какъ произведеніе одного изъ самыхъ талантливыхъ людей нашего времени, но какъ одинъ изъ драгоценнѣйшихъ матеріаловъ къ изображенію страны, такъ мало намъ извѣстной. По личнымъ своимъ качествамъ и по роду своихъ занятій въ Испаніи, миссіонеръ видѣлъ нравы, до-сихъ-поръ никому не извѣстныя, сходился съ людьми, о которыхъ говорилось очень много въ романахъ, но очень мало въ серьезныхъ путешествіяхъ. Цыганы, контрабандисты, разбойники, пикадоры и матадоры, весь этотъ народъ дѣлилъ съ Англичаниномъ и хлѣбъ, и ночлеги, и бесѣду. Туристъ на себя испыталъ, что значитъ испанское правосудіе, каково поступаютъ съ иностранцами коррехидоры, алькады и адъюванты. Онъ былъ въ кабинетахъ испанскихъ министровъ, сходился съ юной и старой Испаніей, присутствовалъ на десяти *pronunciamentos*, проводилъ дни и недѣли въ норахъ, служащихъ прибѣжищемъ худшей части испанскаго населенія. Еслибъ, при такой жизни и талантѣ, Джорджъ Борро имѣлъ побольше спокойствія и многосторонности, книга его имѣла бъ еще болѣе достоинствъ и получила бъ характеръ классической. Къ сожалѣнію, она имѣетъ важные, коренные недостатки. Протестантскій фанатизмъ автора извращаетъ половину его выводовъ о политическомъ состояніи Испаніи. Приписывая всѣ бѣдствія края его подчиненію римской духовной власти, онъ съ явнымъ пристрастіемъ толкуетъ всѣ факты, имъ собранные, даетъ имъ насильственное, произвольное значеніе. Жизнь, веденная имъ въ Испаніи, своими тревогами раздражила его воображеніе, населила его призраками. Нельзя заподозрить Борро въ недобросовѣстности, но по временамъ его рассказы напоминаютъ собой событія изъ Тысячи одной ночи—ихъ присутствіе въ книгѣ объясняется пламенною фантазією автора, приводимою въ постоянное напряженіе фантастически-бродячей жизнью. Еще нѣсколько мѣсяцевъ подобнаго существованія, и сочинитель книги видѣлъ бы видѣнія, бесѣдовалъ бы съ мертвецами, отъ чистаго сердца вѣря своимъ галлюцинаціямъ. Необходимо упомянуть еще объ одной важной неполнотѣ въ запискахъ миссіонера. Для Джорд-

жа Борро совершенно не существуетъ артистической Испаніи. При видѣ красота природы, онъ рыдаетъ и описываетъ ихъ какъ великій художникъ, но далѣ картинъ неодушевленной природы онъ ничего не видитъ. Ни архитектура соборовъ, ни залы Агамбры, ни картины великихъ художниковъ его не трогаютъ: еслибъ ему дали власть, онъ бы воздвигъ пуританское гоненіе на древнее художество Испаніи. Милымъ сторонамъ испанской жизни онъ тоже не сочувствуетъ, онъ холоденъ къ красота женщинъ, къ изяществу народныхъ костюмовъ, къ привѣтливости, сроднившейся съ южными нравами. Онъ цѣнить Испанцевъ за ихъ пламенный темпераментъ, за ихъ воздержность, за ихъ величавый и звучный языкъ, за ихъ презрѣніе къ мелкимъ благамъ жизни. Въ будущность юной Испаніи онъ не вѣритъ и безнадежность ея положенія относить, по своему обыкновенію, къ католицизму. Постоянно изучая простой народъ края, Борро ни одного раза не можетъ схватить умомъ того простаго вывода, который дался нашему русскому туристу безъ всякихъ усилій, то—естъ вывода о совершенномъ разъединеніи испанскаго народа съ идеологами, усиливающимися править этимъ народомъ по рецепту французскихъ и англійскихъ узаконеній.

Мы назвали два замѣчательнѣйшія сочиненія объ Испаніи, и хотя предѣлы нашей статьи не дозволяютъ намъ упоминать о другихъ, менѣ замѣчательныхъ, мы не можемъ однако же пройти молчаніемъ одной французской книги, весьма поверхностной, и не смотри на то стоящей вниманія. Почти въ то же самое время, какъ Джорджъ Борро испытывалъ всѣ послѣдствія борьбы съ алькадами и коррехидорами, французскіе туристы начали проникать въ Испанію, заглядывать въ Гранаду и Севилью, а потомъ печатать книжечки и фельетонныя статьи о чудесахъ сосѣдственной полудикой страны. Между этими путниками, жаждущими повстрѣчаться хотя съ однимъ бандитомъ и присутствовать хоть на одномъ бою быковъ, иные, какъ напримѣръ Мериме, писали дѣльно и гладко. По примѣру ихъ, въ Испанію прохалъ и Теофиль Готье, писатель, рѣдко умѣющій писать дѣльно, но одаренный душой истиннаго артиста. При всей своей вѣтрености, заносчивости, способности къ скороспѣлымъ заключеніямъ, этотъ странный туристъ былъ зорокъ именно на то, на что Борро, при всемъ своемъ дарованіи, не имѣлъ никакой проницательности. Готье самъ когда-то былъ живописцемъ и, бросивши живопись, перенесъ въ свои литературныя занятія иногда преувеличенную страсть къ

картинности слога. Для него живопись, ваяніе, архитектура, музыка, красивые костюмы, красивыя лица женщинъ составляли всю жизнь, за исключеніемъ изящной стороны, онъ не хотѣлъ думать ни о какихъ другихъ сторонахъ нашего существованія. Въ предисловіи къ одному изъ своихъ, довольно эксцентрическихъ произведеній, Готье написалъ слѣдующія безумныя строки: «Я сейчасъ же отдамъ все мои права и званіе французскаго гражданина за возможность до-сыта налюбоваться красотой госпожи Джуліи Гризи, или княгини Боргезе, въ то время, когда Канова льпилъ съ послѣдней свою извѣстную статую». Но чудакъ, публично напечатавшій подобныя слова, имѣлъ за собой одно достоинство—искренности во всѣхъ своихъ причудахъ. Онъ пріѣхалъ въ Испанію наслаждаться и достигъ своей цѣли. Для старой картины, для встрѣчи съ хорошенькой женщиной, онъ храбро переносилъ все трудности повѣздки, подвергался лишеніямъ и оставлялъ въ сторонѣ всю неимовѣрную избалованность парижанина. Путевыя Замѣтки Готье обратили на себя вниманіе читателей и стоили такой чести: если задача ихъ автора не была очень обширна, самъ авторъ счумѣлъ быть хозяиномъ въ своей небольшой области. Если изъ названныхъ замѣтокъ мы и выбросимъ страницы, исполненныя бомбаста, въ книгѣ все-таки останется достаточно матеріала, для уразумѣнія артистической Испаніи. Само собой разумѣется, ни политическихъ наблюденій, ни сколько нибудь дѣльныхъ замѣтокъ о народномъ бытѣ у Готье вы не пріщете, но ежели васъ можетъ занять рядъ картинъ, передающихъ поэтическую прелесть древнихъ церквей, покинутыхъ аббатствъ, мавританскихъ зданій и такъ далье—вы по справедливости оцѣните и книгу, и парижанина, ея сочинителя.

Сказавши наше безпристрастное мнѣніе по поводу лучшихъ и популярнѣйшихъ книгъ объ Испаніи, за наши годы появившихся за границею, мы можемъ обратиться къ книгѣ нашего русскаго литератора, вполне достойной занять почетное мѣсто между сейчасъ нами названными сочиненіями. Письма господина Боткина давно знакомы каждому любителю русской словесности, полное собраніе ихъ не можетъ не имѣть успѣха, тѣмъ болѣе, что раздробленіе и медленное печатаніе первыхъ писемъ, необходимое по журнальнымъ условіямъ, по необходимости вредило ихъ цѣлостности. Собственно мы обязаны отдѣльному изданію «Писемъ объ Испаніи» гораздо бѣльшимъ наслажденіемъ, нежели тѣмъ же

письмамъ, тянувшимся едва ли не три года и прерываемымъ постоянными интервалами. Прежде насъ увлекали въ нихъ отдѣльныя мысли, отдѣльныя картинки природы, отдѣльныя оценки путевой жизни, теперь же намъ яснѣе сказалась мысль, связывающая все эти изящныя отрывки. Артистическій духъ, проникающій все произведеніе, вполне открылся передъ нами, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы прослѣдили, не вредящую этому духу, всю зоркость мыслителя и наблюдателя политическихъ вопросовъ. Г. Боткинъ не жилъ въ Испаніи такъ долго, какъ Фордъ, не былъ связанъ съ ея народомъ такъ, какъ Джорджъ Борро, а между тѣмъ, во многомъ уступая этимъ испанскимъ старожиламъ, онъ во многомъ дополняетъ и разрушаетъ ими замѣченное. По своему сочувствію къ природѣ, по своему страстному пониманію художества въ искусствѣ и жизни, русскій путешественникъ не уступаетъ артисту Готье, а напротивъ, далеко превышаетъ его тонкостью своего развитія, не говоря уже о многостороннемъ направленіи всей наблюдательности. По книгѣ Теофила Готье читатель можетъ ознакомиться, и то не вполне, съ одною лишь стороною старой и новой Испаніи, — доверясь сочиненію Борро, онъ, заодно съ глубокими и драгоценными свѣдѣніями, приобретаетъ множество совершенно фальшивыхъ взглядовъ. Письма объ Испаніи г. Боткина не введутъ его ни въ узкій міръ артистическаго реализма, ни въ кругъ смѣлыхъ гипотезъ, основанныхъ на предразсудкѣ или горячности. Сочиненіе нашего соотечественника скорѣе можно поставить въ одинъ разрядъ съ книгою Форда—и та и другая замѣчательны по увлекательному изложенію, по здравому и чисто-современному взгляду на вещи. Но и тутъ найдемъ мы довольно несходства. Цѣли авторовъ различны: одинъ составляетъ акуратный путеводитель по Испаніи, другой изображаетъ страну въ рядѣ бѣглыхъ очерковъ, связанныхъ между собой лишь одной нитью личныхъ впечатлѣній сочинителя. И Англичанинъ Фордъ и г. Боткинъ равно любятъ страну, ими описанную, но количество фактовъ, которыми располагаютъ оба, весьма различно. Фордъ долго жилъ въ Испаніи, извѣздилъ ее по всемъ направленіямъ, долго собиралъ матеріалы для своего труда, тогда какъ русскій его послѣдователь былъ въ Испаніи мимоходомъ, останавливался лишь въ самыхъ оригинальныхъ ея уголкахъ, не имѣлъ претензіи видѣть все и записывалъ лишь впечатлѣнія ничѣмъ не связаннаго туриста. Множествомъ характернѣйшихъ подробностей Фордъ далеко превышаетъ г. Ботки-

кина, но за то нашъ соотечественникъ имѣеть неоспоримый перевѣсъ въ своей зоркости на поэзію страны, въ своемъ дарѣ извлекать умный выводъ изъ небольшого числа фактовъ, имъ замѣченныхъ.

«Письма объ Испаніи» были набросаны ихъ авторомъ въ 1845 году, во время его пребыванія на пиринейскомъ полуостровѣ, но первое изъ нихъ появилось чрезъ два года послѣ повздки, въ одной изъ первыхъ книжекъ «Современника» за 1847 годъ. Не смотря на то, что имя г. Боткина до того времени было совершенно незнакомо русской публикѣ, Письма объ Испаніи были сейчасъ же замѣчены и оцѣнены всеми читателями. Ихъ даже никто не могъ приписать лицу, начинающему и еще новому въ литературѣ: и даръ изложенія, и твердая самостоятельность сужденій, и совершенное знаніе всѣхъ литературныхъ приемовъ—все это показывало въ путешественникѣ чловѣка, давно освоившагося съ современной русской словесностью, привыкшаго и къ требованіямъ умнаго читателя, и къ манерамъ живой журнальной бесѣды. Лица, принадлежащія къ литературному кругу, и читатели, внимательно слѣдившіе за ходомъ журналистики того времени, знали лучше всего, что не новичекъ и не начинающій литераторъ печатаетъ въ Современникѣ свои замѣтки объ Испаніи. Кто помнилъ замѣчательное, хотя и краткое существованіе Московскаго Наблюдателя, кто получалъ «Отечественныя Записки» за лучшее время ихъ славы, тотъ безъ труда узнавалъ въ «Письмахъ» перо одного изъ самыхъ образованныхъ писателей новаго поколѣнія. Если не ошибаемся, ни въ Московскомъ Наблюдателѣ, ни въ Отечественныхъ Запискахъ за первые годы г. Боткина не подписывалъ своихъ статей полнымъ именемъ, но забыть ихъ было трудно, такъ сильно горѣли въ нихъ многосторонняя сила мысли и поэтическая струя изложенія, пробивавшаяся всегда и всюду.

Авторъ «Писемъ объ Испаніи», дѣйствительно, не могъ назваться новымъ лицомъ въ литературѣ нашей. По своему образованію, по своимъ литературнымъ трудамъ и литературнымъ связямъ онъ былъ однимъ изъ членовъ той даровитой плеяды русскихъ людей, которымъ такъ много обязана наша наука, наша словесность, наша журналистика за послѣднее двадцатипятилѣтіе. Къ кругу сверстниковъ и товарищей нашего путешественника принадлежатъ поэты, романисты и профессора, имена которыхъ извѣстны каждому русскому чловѣку, — къ этому же

самому кругу принадлежали мудрые и благородные дѣятель, отъ которыхъ теперь осталось лишь славное имя и труды, слишкомъ рано прерванные безвременною кончиною. Страстно любя искусство и науку, никогда не отказывая въ своемъ совѣтѣ и содѣйствіи всякому того заслуживающему литературному предпріятію, бывшій сотрудникъ Московскаго Наблюдателя и Отечественныхъ Записокъ не былъ литераторомъ вполне, какъ большая часть его сверстниковъ. Обстоятельства не позволили ему посвятить всей своей жизни интересамъ родной науки и словесности, хотя, по своему многостороннему образованию и дару изложенія, онъ могъ бы трудами своими принести честь всякой литературѣ. Довольствуясь мѣстомъ и правами простаго диллетанта словесности, г. Боткинъ былъ свободнѣе многихъ литераторовъ въ выборѣ своихъ любимыхъ занятій. Не стѣняясь временемъ и условиями постоянныхъ журнальныхъ трудовъ, онъ могъ изучить языки, знаніе которыхъ до-сихъ-поръ считается роскошью для пишущаго челоуька, имѣлъ возможность путешествовать долге, нежели путешествовали его товарищи, слѣдить за литературою странъ, съ которыми были мало знакомы образованнѣйшіе люди тридцатыхъ годовъ. Плоды его многостороннихъ свѣдѣній приносили немалую пользу въ кругу друзей г. Боткина, исключительно отдавшихся литературной дѣятельности — справедливость нашихъ словъ подтвердить всякій челоуькъ, когда-либо бывавшій въ литературныхъ кругахъ того времени. Лучшіе изъ дѣятелей новой, въ то время возникавшей критики не были знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ и германскою философіей, основные пункты своихъ теорій имъ приходилось разъяснять и проверять въ дружескихъ бесѣдахъ съ людьми, посвященными въ эти тайны, и однимъ изъ такихъ людей былъ г. Боткинъ, долгое время изучавшій Гегеля и новыхъ мыслителей Германіи. Съ другой стороны, автору Писемъ объ Испаніи была хорошо знакома англійская словесность, онъ изучалъ историковъ, экономистовъ и мыслителей Великобританіи: понятно, до какой степени эти свѣдѣнія приобщеніи при общемъ, отчасти преувеличенномъ стремленіи нашихъ литераторовъ ко всему ново-нѣмецкому и ново-французскому. Не разъ приходилось г. Боткину, въ рѣдкихъ статьяхъ своихъ, а еще болѣе въ изустныхъ бесѣдахъ, становиться въ упорный разладъ съ мнѣніями лучшихъ изъ его сверстниковъ; можетъ быть, корифей нашей журналистики на первыхъ порахъ и возмущался этой дружеской оппозиціей ихъ

задушевнымъ мнѣніемъ,—но оппозиція не ослабѣвала, а время показало и ея полезность и ея благотворную законность. Вотъ заслуги г. Боткина и въ открытой и въ интимной исторіи нашей словесности, вотъ основанія, въ слѣдствіе которыхъ его имя, еще задолго до Писемъ объ Испаніи, пользовалось честной извѣстностью въ литературныхъ кругахъ Москвы и Петербурга.

Предпринимая свою повѣдку черезъ Пириней, нашъ авторъ былъ уже достаточно приготовленъ къ пониманію Испаніи: онъ зналъ ея языкъ, читалъ испанскихъ писателей, старыхъ и новыхъ, былъ знакомъ съ замѣтками даровитыхъ людей, до него посѣщавшихъ этотъ край. По всему видно, что онъ и не намѣревался писать объ Испаніи, книга его составлена вся изъ частныхъ писемъ въ Россію къ близкимъ лицамъ,—письма эти были имъ въ послѣдствіи пересмотрѣны и дополнены. Тѣмъ не менѣе нашъ туристъ сдѣлалъ для самого себя тоже, что рѣдкіе записные литераторы дѣлаютъ изъ писательскихъ видовъ: передъ повѣдкою онъ прочелъ много историческихъ сочиненій объ Испаніи, ознакомился съ испанскими политическими изданіями и такимъ образомъ могъ въѣхать въ новый край не такъ, какъ въ него въѣзжаетъ большая часть любопытныхъ пришельцовъ. Не было примѣра, чтобъ у насъ въ Россіи трудъ даровитаго чело-вѣка проходилъ безъ успѣха, за то не было примѣра, чтобъ труды подобнаго рода, при всемъ ихъ достоинствѣ, не находили себѣ и нѣсколькихъ хулителей. Въ заднихъ рядахъ всякой словесности, а въ особенности нашей, всегда имѣется нѣсколько болтуновъ, всегда готовыхъ «тявкнуть изъ подворотни» на почтенный трудъ чело-вѣка, обратившаго на себя чѣмъ-нибудь вниманіе читателей. Два или три нестройныхъ голоса тявкнуло въ свое время и на книгу г. Боткина, вмѣняя ея автору въ вину то обстоятельство, что онъ добросовѣстно приготовился къ путешествію, прочелъ много книгъ объ Испаніи и въ своихъ письмахъ приводилъ свѣдѣнія, имъ почерпнутыя изъ иностранныхъ источниковъ, даже изъ газетъ и обзорній, а не изъ собственной своей головы, по какому-то вдохновенію. Само собой разумѣется, на голоса хулителей никто не обратилъ никакого вниманія. Дѣло говорило само за себя: съ самымъ малымъ запасомъ разума всякій могъ догадаться, что о малоизвѣстныхъ странахъ, въ родѣ Испаніи, нельзя написать даже самаго легкаго фельетона, безъ прочныхъ пособій и изученія иностранныхъ источниковъ. Вмѣнять подобнаго рода пособія въ вину туриста можно

только тогда, если онъ дурно ими распоряжается, если онъ подчиняетъ свои приговоры чужимъ выводамъ, и не провѣряетъ строгимъ разборомъ, на самомъ мѣстѣ, тѣхъ фактовъ, которыми обогатилъ себя заранее. Въ Письмахъ объ Испаніи не находимъ мы ничего подобнаго. Ихъ авторъ не подавленъ грудой матеріаловъ, добытыхъ чрезъ чужія руки: личный его взглядъ проявляется во всемъ, начиная отъ мелкихъ замѣтокъ характеризующихъ край, до самыхъ многосложныхъ политическихъ заключеній. Если онъ соглашается иногда съ чужимъ авторитетомъ, то дѣлаетъ это потому, что на дѣлѣ призналъ его законность, если онъ приводитъ слова и мнѣнія какого-нибудь писателя, ранѣе его ознакомившагося съ Испаніей, то приводитъ ихъ потому, что они кажутся подтвержденіемъ его собственныхъ наблюденій. По возможности близкій разборъ «Писемъ объ Испаніи», надѣмся, покажетъ всю основательность словъ нашихъ.

2.

Письма объ Испаніи начинаются съ Мадрита, мѣста скучнаго и непривлекательнаго, но чрезвычайно важнаго для каждаго путешественника, одареннаго зоркимъ взглядомъ и любознательностью. Если поэтическая, привѣтливая, ласковая сторона новой Испаніи распознается въ Кадиксъ и Севилья, то въ Мадритѣ только можно ознакомиться съ другою, безотрадною и несравненно обширнѣйшею стороною края. Умирающія государства, какъ и умирающіе города, начинаютъ терять признаки жизни на своихъ оконечностяхъ, между тѣмъ какъ около сердца все еще полна жизни, движенія; не такъ въ Испаніи. Весь край на обширномъ радіусѣ кругомъ Мадрита, пусть и бѣденъ. Въ слѣдствіе климата и небрежности человѣческой, почва обратилась въ пустыню, отъ смуть и неудобныхъ сообщеній всюду дороговизна, такъ что Кастильцу, даже при урожаѣ, не на что купить сапоговъ. Деревни встрѣчаются какъ рѣдкіе оазисы, города наполнены пустыни домами.

«Отъ Бургоса до Мадрита» говоритъ нашъ путешественникъ, «всюду одни пустынные поля. Сколько разъ говорилъ я про себя: да это наши безконечныя равнины Россіи! только дальняя, синія полоса горъ разрушала сходство. По пустыннымъ равнинамъ подъѣзжаешь, наконецъ, къ Мадриту, который стоитъ тутъ Богъ знаетъ зачѣмъ, потому что среди этихъ пыльныхъ, совершенно обнаженныхъ полей рѣшительно нѣтъ причины стоять и»

только столицъ , даже ничтожному городишкѣ. Окрестности Мадрита состоятъ изъ пустаго поля ; бѣдный Мансанаресъ высыхаетъ еще весною , и отъ него теперь остался маленькій ручей , палящее солнце и сухая , песчаная почва истребляютъ всякую растительность , словомъ , вы ничего не можете представить себѣ печальнѣе этой природы.

«Мадритъ», продолжаетъ г. Боткинъ въ другомъ мѣстѣ , «не есть столица ; созданная исторіею ; не далѣе XVI вѣка , онъ былъ небольшою деревнею. Самостоятельное положеніе провинцій и потомъ совершенно особое отъ прочей Европы развитіе монархической власти въ Испаніи не позволило королямъ испанскимъ имѣть себѣ столицу въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Постоянная война съ Маврами заставляла ихъ имѣть свою резиденцію сообразно съ военными движеніями. Фердинандъ и Изабелла избрали было себѣ постоянную резиденцію Толедо. Но послѣ нихъ Карлъ V (Испанцы называютъ его Карломъ I-мъ) въ Испаніи почти не жилъ. Филиппъ II какъ-то случайно обратилъ вниманіе на мѣстечко Мадритъ ; вѣроятно , ему понравилось его унылое мѣстоположеніе , онъ полюбилъ отдыхать здѣсь во время охоты , наконецъ , выстроилъ тутъ себѣ дворецъ и рѣшительно поселился въ Мадритѣ. Наслѣдники не вздумали измѣнять его выбора , и такимъ образомъ Мадритъ сдѣлался столицей Испаніи. Впрочемъ , одинъ уже видъ этого города говоритъ , что никогда народный инстинктъ не выбралъ бы себѣ столицей такого , во всѣхъ отношеніяхъ , бѣднаго мѣстоположенія. Къ несчастію Испаніи , не прозрительному взору генія выпалъ жребій избрать ей столицу , а монарху мрачному , эгоистическому , болѣе занятому своими капризами и личными интересами , нежели счастьемъ своей страны. Чѣмъ болѣе разсматриваешь Мадритъ , его положеніе , его средства ,—тѣмъ болѣе убѣждаешься въ пагубномъ влияніи , какое этотъ несчастный выборъ имѣлъ на испанскій народъ. Я не люблю столицъ , поглощающихъ въ себѣ всю жизнь націи , но нельзя не согласиться , что напр. , Парижъ , резиденція короля , парламента , сорбонны , наукъ , и вслѣдствіе этого—литературы , роскоши , вкуса , имѣлъ самое благодѣтельное влияніе на національное единство Франціи. Ничего подобнаго въ Испаніи. Выборъ Филиппа II вызвалъ изъ ничтожества столицу ,—и выборъ этотъ , который могъ бы до извѣстной степени поправить ошибку историческаго воспитанія Испаніи , возрастилъ , напротивъ , во всей свободѣ сѣмена раздѣленія , существовавшія въ старой Испаніи. И Мадритъ , посреди пустынныхъ равнинъ Кастили , вдали отъ всѣхъ большихъ рѣкъ , между народонаселеніемъ , можетъ быть , самымъ неподвижнымъ изъ всей Испаніи не могъ пріобрѣсти себѣ ни богатства торговаго , ни дѣятельности и влиянія , всегда его сопровождающихъ ; знаменитые университеты Алкалы и Саламанки отвлекали къ себѣ все его лучшее юношество ; бѣдному Мадриту оставалось одно преимущество : быть резиденціей короля и двора. Даже теперь иногда Мадритцы , говоря о своемъ городѣ , называютъ его не столицей , не городомъ , а дворомъ , *esta corte*. Съ Филиппа V испанскій дворъ сдѣлался рабскимъ подражателемъ двора французскаго (только въ сохраненіи инквизиціи состояла его испанская національность) ; вслѣдствіе этого Мадритъ не могъ даже сдѣлать-

ся и столицей національнаго испанскаго вкуса, искусства. Все, какъ бы нарочно, соединилось, чтобы сдѣлать Мадридъ городомъ безъ всякаго національнаго значенія, безъ всякаго вліянія на провинціи. Это обстоятельство достаточно поясняетъ, почему въ Испаніи всякое движеніе выходитъ всегда изъ провинцій, почему все здѣсь дѣлается провинціями, и почему Мадриду не остается ничего другаго, какъ говорить «аминъ» на все, что дѣлають онѣ.»

Въ такой странной столицѣ дѣла едва ли могутъ идти тѣмъ путемъ, какимъ они идутъ въ другихъ европейскихъ столицахъ, получившихъ свое значеніе не случайно. Внимательному читателю достаточно прослѣдить за нѣсколькими добросовѣстными разсказами о мадритской жизни, для того, чтобъ понять какое глубокое разъединеніе существуетъ между провинціями Испаніи и этимъ, ни кому не нужнымъ, ни для кого не важнымъ городомъ, въ которомъ имѣеть свой пріютъ не одно лишь правительство, а большая часть цивилизованной, или скорѣе офрануженной націи новыхъ испанцевъ. Мадридъ не любимъ старшими городами, Мадридъ не страшенъ волнующимся провинціямъ, Мадридъ противенъ народу, потому что въ немъ съ каждымъ днемъ утрачиваются послѣдніе остатки національнаго элемента. Мадридъ занятъ бесплодными политическими интригами; въ Мадридъ, какъ въ обтраванную землю, стекаются или доврчивые фантазеры по части государственной, или массы безсовѣстныхъ авантюристовъ, изъ тощей почвы готовыхъ служить всякой партіи. Нашъ русскій путешественникъ, какъ слѣдуетъ всякому любознательному туристу, имѣлъ рекомендательныя письма къ лицамъ различныхъ партій: и къ высшимъ чиновникамъ господствовавшего въ то время министерства, и къ карлистамъ, да еще вдобавокъ познакомился съ жаркимъ прогрессистомъ, капитаномъ фрегата Эспартеро. Такимъ образомъ ему не трудно было, съ первыхъ дней своего пріезда, ознакомиться съ ходомъ текущихъ политическихъ дѣлъ, или скорѣе того лихорадочнаго бреда, который въ Мадридѣ называется политикою. Его съ разу поразили нѣсколько безотрадныхъ особенностей того міра, съ которыми туристу пришлось соприкоснуться. Кромѣ политики, въ Мадридѣ не говорится ни о чемъ, терпимость мнѣній есть слово, которое въ Испаніи не имѣеть еще смысла: «кто не за меня, тотъ противъ меня», восклицаетъ партія, овладевая кормиломъ правительства, и передъ этимъ лозунгомъ нѣтъ пощады ни уму, ни знаніямъ, ни убѣжденіямъ, ни долгимъ заслугамъ. Казалось бы съ перваго взгляда, какое сильное движеніе проис-

ходить въ этой странѣ, сколько сильныхъ испытаній переживаетъ она, какъ быстро, къ величію или гибели, двигается это общество, полное стремленій къ общественному дѣлу! А между тѣмъ ничего подобнаго нѣтъ, невѣжество и бѣдность разлиты по всей Испаніи, въ самыхъ ея смутахъ нѣтъ жизненной энергіи, весь этотъ словесный взоръ, все эти пламенные судороги мадритскихъ политиковъ, ведутъ къ однимъ безцѣльнымъ переворотамъ, къ одной революціи въ мирѣ мелкихъ, частныхъ интересовъ! Такой результатъ поражаетъ и спутываетъ каждаго наблюдателя, онъ породилъ много нелѣпыхъ статей въ журналахъ французскихъ и англійскихъ, онъ ведетъ къ тому, что Испанію не разъ называли политической загадкою, называли странною, въ которой постоянно владычествуетъ слѣпой случай. Г. Боткинъ, руководясь своею проницательностью, свѣдѣніями, имъ собранными, и указаціями немногихъ людей, дѣльно писавшихъ про Испанію, безъ труда опровергаетъ подобныя заблужденія. По его словамъ, Испанію невозможно судить съ точки зрѣнія общихъ европейскихъ формъ, — европейскіе журналы, указывая въ ней только на тѣ пружины, которыя пригодны для духа политическихъ партій, только больше затемняютъ все дѣло. Въ Испаніи всякій наблюдатель долженъ видѣть и угадывать явленія, какія или рѣдко встрѣчаются, или никогда не встрѣчаются въ правильныхъ, по европейски развитыхъ обществахъ. Одно изъ подобныхъ явленій весьма зорко подмѣчено нашимъ туристомъ еще за дни его перваго пребыванія въ Мадридѣ. Оно проходитъ черезъ всю книгу, всюду поясняемое и истолковываемое общедоступнымъ образомъ. Въ немъ таится отвѣтъ на многіе вопросы, разрѣшеніе многихъ загадокъ, ежеминутно поражающихъ человека, желающаго ознакомиться съ странною. Это явленіе весьма важно и стоитъ дѣлаго отдѣльнаго изысканія. Мы говоримъ о глубокомъ разъединеніи испанскаго народа со всемъ офранцузеннымъ и играющимъ политическую роль населеніемъ Мадрита и нѣкоторыхъ другихъ главныхъ центровъ государства.

«Политическая Испанія есть какое-то царство призраковъ, говоритъ г. Боткинъ. Здѣсь никакъ не должно принимать вещи по ихъ именамъ, но всегда искать сущности подъ кажимостью, лицо подъ маскою. Сколько уже лѣтъ говорятъ въ Европѣ объ испанской конституціи, о партіяхъ, о журналистикѣ, разныхъ политическихъ доктринахъ, о волѣ народа и т. п.; все это слова, которыя въ Европѣ имѣютъ извѣстный, опредѣленный смыслъ, — приложенныя же къ Испаніи, имѣютъ свое особое значеніе. Прежде всего надо убѣдиться въ томъ, что массы, народъ, здѣсь совершенно равнодушны

къ политическимъ вопросамъ, которыхъ онъ, къ тому же, нисколько не понимаютъ. Кастильцу—простолюдину нужно работать, можетъ быть, только двѣ недѣли въ году, чтобъ вспахать свое поле и собрать хлѣбъ, да еще большею частію приходятъ жать его Валенсіянцы; остальное время онъ спитъ, куритъ, ѣстъ и нисколько не заботится о всемъ томъ, что лично до него не касается. Можетъ быть, въ душѣ онъ и за дѣнь Карлоса, потому что его приходскій священникъ проповѣдуетъ ему въ этомъ духѣ. Не надобно забывать, что, несмотря на всѣ послѣднія событія, духовенство имѣетъ еще большое влияние въ деревняхъ. Испанскіе священники не ведутъ уединенную и затворническую жизнь: ихъ безпрестанно встрѣчаешь по дорогамъ, они льютъ и курятъ съ крестьянами на постоялыхъ дворахъ, разговаривая о всякихъ мѣстныхъ промшествахъ. Вѣроятно, они въ глазахъ народа и не много имѣютъ нравственнаго достоинства, но тѣмъ не менѣе влияние ихъ несомнѣнно.

Испанія, удушенная тремя вѣками самой ужасной администраціи, подавшаа двумъ чужестраннымъ династіямъ, изъ которыхъ первая начала жестокостію, насиліемъ и кончила рѣшительнымъ идиотизмомъ, — другая почти непрерывно занималась одними дворцовыми интригами, — бѣдная Испанія силится разбить теперь эту кору невѣжества, подъ которою столь долго томилась она. Глубоко ошибаются тѣ, которые судятъ объ Испаніи по французскимъ идеямъ, по французскому общественному движенію. Кромѣ множества радикальныхъ различій, не должно забывать, что Франція была приготовлена пятьюдесятью годами философской литературы. Въ Испаніи, послѣ писателей ея «золотого вѣка», въ продолженіи двухъ вѣковъ не было другой литературы, кромѣ проповѣдей духовенства, которое, конечно, всѣми силами старалось о поддержаніи стараго общественного устройства, въ которомъ само господствовало. Посмотрите теперь на испанскіе журналы всѣхъ партій! Меня больше всего поражаетъ въ нихъ рѣшительное отсутствіе всякой разсудительной теоріи, даже всякой практической мысли. Идеи нѣтъ, — есть одни лица и имена; ни одинъ вопросъ государственнаго устройства не подвергается анализу. Перевороты въ Испаніи не могутъ выйти изъ массъ, которыя даже не имѣютъ о нихъ понятія. Здѣсь самый бѣдный, послѣдній мужикъ всегда вдоволь имѣетъ хлѣба, вина и солнца, здѣсь у самаго нищаго есть на зиму и шерстяныя панталоны и теплый шерстяной плащъ, тогда какъ французскій мужикъ, напримѣръ, и зиму и лѣто прикрывается одною тощею, холстивною блузой. Кромѣ того, этотъ народъ одаренъ удивительнымъ чувствомъ поклоненія: лучший примѣръ — все царствованіе Фердинанда VII. Испанку словно недоступна никакая общая идея, хотя отвлеченное понятіе объ обществѣ дѣлѣ.

Не смотря на то, что слово «конституція» здѣсь есть лозунгъ всего, что, не будучи каряномъ, недовольно правительствомъ, ни одна конституція не была приведена здѣсь въ исполненіе. Не отъ того ли это, что здѣсь у народа нѣтъ чувства законности, — что онъ съ прежнею безопасностію даетъ себя судить своимъ пристрастнымъ алькальдамъ, наконецъ, что попеременно апатическій и страстно-стремительный гемій этого народа ничего не разумѣетъ въ дѣлѣ политики. И въ Испаніи постепенно

дѣлають и передѣлываютъ конституціи—и никто въ нихъ не вѣрить; составляютъ законы — и никто имъ не повинуется; издають прокламаціи — ихъ никто не слушаетъ; наконецъ, есть двѣ Испаніи: одна — земля примѣрная, народъ могущественный, героическій, народъ великихъ людей, предводимый еще болѣе великими людьми, которые во всемъ успѣвають: это Испанія журналовъ, ораторскихъ и министерскихъ рѣчей и прокламацій; но взгляните пристальнѣе, проникните глубже, и вы ощутите тогда Испанію настоящую, Испанію разоренную, распутившуюся, безъ администраціи, безъ финансовъ, безъ общественнаго духа, Испанію, изнуряемую постоянно внутреннею войною, усталую отъ всѣхъ этихъ дипломатическихъ интригъ, фантастическихъ конституцій.»

Въ государствахъ, постоянно или періодически подверженныхъ анархіи съ беспорядочнымъ правленіемъ, нерѣдко встрѣчаются примѣры того разъединенія, о которомъ сейчасъ говорилось. Силы народа и его способность къ политической жизни часто показываются въ этихъ разъединеніяхъ, въ нихъ болѣе, чѣмъ въ чемъ либо другомъ, проявляются народныя средства, народныя потребности, степень народнаго развитія. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ г. Боткинъ писалъ вышеприведенныя нами строки, именно въ 1849 году, въ печальное время для Франціи, огромнѣйшее большинство французскаго народа разъединилось съ жителями Парижа, съ интересами парижскихъ партій, и, своимъ грознымъ, полувраждебнымъ положеніемъ, много содѣйствовало къ низложенію буйнаго меньшинства, поднимавшаго междоусобныя распри, парализовавшаго своими дѣйствіями всѣ отрасли государственной дѣятельности. Безспорно, въ этомъ фактѣ и причинахъ, его породившихъ, находилось много неутѣшительнаго для Франціи, но все-таки оно остается примѣромъ народной самостоятельности, народнаго смысла, народнои энергіи передъ бѣдою. Но разъединеніе испанскаго народа съ политическими кругами, другъ у друга вырывающими по нѣскольку мѣсяцевъ тревожной власти, — не представляетъ собою ни смысла, ни самостоятельности, ни энергіи. Заботы объ общемъ благѣ нѣтъ ни у кого, во всѣхъ провинціяхъ развито презрѣніе къ мадритскимъ партіямъ, но всѣ провинціи враждуютъ между собой и занимаются своими частными несогласіями. Подобно тому, какъ въ Мадритѣ происходятъ перевороты и возстанія,—возстанія и перевороты идутъ своимъ чередомъ по другимъ городамъ Испаніи, всего чаще они совершаются при полномъ равнодушіи народа, чиновниками, офицерами и небольшимъ количествомъ буйныхъ головъ, имѣющихъ свой интересъ въ дѣ-

*

ль. А при пламенномъ воображеніи испанскаго зъваки, при его способности довольствоваться малымъ возмездіемъ и не думать о завтрашнемъ днѣ, во всѣхъ смутахъ и тревогахъ имѣется достаточное число бродягъ, готовыхъ принять участіе въ шумъ или дракъ. Что касается до солдатъ, офицеровъ и лицъ, принадлежащихъ къ администраціи, ими двигаетъ таже самая южная неразсчетливость, относительно личныхъ своихъ выгодъ. Если слѣдствіемъ *pronunciamiento* (возмущенія) будетъ то, что часть офицеровъ повысится въ чинахъ, солдаты получатъ небольшую денежную награду, и чиновники перемѣстятся на высшія должности, всякій изъ участниковъ считаетъ себя хорошо награжденнымъ. Онъ очень знаетъ, что черезъ недѣлю, при новой тревогѣ со стороны противной партіи, всѣ эти блага уничтожатся, но онъ ими пользовался съ недѣлю, а недѣля для него, что-то въ родъ вѣчности.

Вотъ печальная, но живо и характерно накинутая сцена одной изъ смуть въ Мадритѣ:

Мадритъ. Іюнь.

Мадритъ въ волненіи; всѣ лавки заперты. Площадь *Puerta del Sol*, занята солдатами и артиллеріею. Со вчерашняго вечера караулъ въ *Casa de socorro* подкрѣпленъ цѣлымъ полкомъ. Толпы народа, показавшіяся съ вечера на *Puerta del Sol*, съ толстыми палками, вытѣснены въ окрестныя улицы. Издано повелѣніе генералъ-капитана, запрещающее останавливаться на площадяхъ и улицахъ; всѣ улицы, ведущія къ *Puerta del Sol*, пересѣкаются часовыми, такъ что я не могъ сегодня пройти въ *café de los amigos* завтракать. Сегодня съ ранняго утра небольшія толпы народа стояли по улицамъ, примыкающимъ къ *Puerta del Sol*, раздавались крики: *viva la constitucion, viva la libertad, — muera Mon!* (министръ финансовъ). Отъ времени до времени кирасиры прочищали улицы; тогда толпы разсыпались по прилежащимъ переулкамъ, но потомъ снова собирались. Между народомъ ине сильно, со страстью говорили, — и махая палками, бѣдныя, призывали толпы къ нападенію; но видно было, что присутствіе значительной военной силы отнимало у безоружныхъ всякую бодрость. Надо вамъ сказать, съ чего началась эта попытка *pronunciamiento*. Теперешнее правительство держится войскомъ. Въ каждомъ сколько нибудь значительномъ городѣ только присутствіе военной силы сдерживаетъ народное недовольство; для этого правительство принуждено имѣть подъ ружьемъ до 160 т. человекъ. Для этого нужны деньги; въ займы же больше не даютъ, а всѣ государственные прииски отданы давно подъ залогъ. Осталось одно средство: увеличеніе налоговъ. Послѣдніе кортесы, въ выборѣ которыхъ участвовали только люди, преданные Христинѣ, называющіе себя «умѣренными», — передѣляли конституцію; между прочимъ, ими же принятъ былъ законъ и объ увеличеніи прямыхъ налоговъ съ лавокъ, развѣхъ заведеній и проч. Торговый и промышленный классъ, видя, что по

Новому закону онъ долженъ будетъ платить почти вдвое противъ прежняго, просилъ королеву остановить исполненіе закона до слѣдующаго собранія кортесовъ, объявляя, что въ противномъ случаѣ онъ долженъ будетъ запереть лавки и прекратить работы. Отвѣта *никакого* не было. Уже нѣсколько дней Мадридъ былъ въ тревогѣ, и наконецъ, ни одна лавка не отворилась. Генераль-капитанъ приказалъ полиціи отворять лавки насильно, объявивъ, что всякаго ослушника будутъ брать и судить какъ нарушителя *спокойствія и закона*. И полиція принялась разбивать двери запертыхъ лавокъ и сажать въ тюрьмы хозяевъ, но потомъ, сообразивъ, что тюрьмъ недостаточно для такого множества, объявила, что она будетъ брать только главныхъ зачинщиковъ. Многіе, во избѣжаніе убытка отъ разломанныхъ дверей, прибили къ своимъ лавкамъ объявленіе: «эта лавка переносится».

Don Vicente давно ужъ говорилъ мнѣ, что въ Мадридѣ будетъ возмущеніе. Съ таинственностью исчислялъ онъ мнѣ силы, которыми располагаютъ прогрессисты, число ружей, скрытыхъ во время послѣдняго обезоруженія національной гвардіи (ее здѣсь называютъ милиціею), говорилъ, что часть мадритскаго гарнизона на ихъ сторонѣ, что, каконецъ, если въ такомъ живомъ вопросѣ народъ не покажетъ энергіи и рѣшимости, то все пропало, и проч. Изъ всего этого можно было ждать чего-нибудь серьезнаго. Но дѣло показало, что силы прогрессистовъ заключались въ однихъ надеждахъ. Въ толпахъ не показалось ни одного ружья... Утромъ, когда Мадридъ явился съ затворенными лавками, дѣйствительно можно было ожидать чего-то важнаго, но скоро потомъ оказалось, что во всемъ этомъ не было ни порядка, ни твердости, ни обдуманности. Черезъ три дня волненіе утихло; лавки понемногу растворились. Съ тяжкимъ уныніемъ Мадридъ покорился новымъ налогамъ.

А вотъ одна черта изъ здѣшнихъ нравовъ, которая меня поразила: въ то время, когда на площади толпы народа и солдаты ежеминутно готовы были броситься въ драку,—одинъ простолюдинъ въ плащѣ проходилъ по площади, свертывая свою папироску. Поровнявшись съ полковникомъ, который съ обнаженною шпагою командовалъ постомъ, онъ съ достоинствомъ кивнулъ ему головою, прося закурить свою папироску у егo сигары, которую тотъ курилъ. Полковникъ тотчасъ подалъ ее ему. Поблагодаривъ легкимъ наклоненіемъ головы, простолюдинъ спокойно продолжалъ свою дорогу.

Мы надѣемся, что этихъ, по необходимости краткихъ, выписокъ достаточно для того, чтобъ ознакомить читателей съ одною изъ самыхъ интересныхъ сторонъ въ книгѣ г. Боткина. Мы указали только начало нити, слѣдуя за которой, онъ самъ отыщетъ въ Письмахъ объ Испаніи рядъ выводовъ, до сей поры сохранившихъ всю свою важность, собраніе сценъ, яркія и живыя краски которыхъ нисколько не померкли за пятнадцать лѣтъ времени. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ долѣе слѣдить за мадритскими дѣлами 1843 года, хотя въ нихъ чрезвычайно мно-

го сходнаго и съ дѣлами послѣдующихъ годовъ. Грустную мысль оставляютъ въ насъ первыя изъ писемъ г. Боткина, да иной мысли и не могло поселиться въ насъ послѣ такихъ описаній. Одно только отрадное помышленіе борется съ этимъ чувствомъ: мы знаемъ, что Мадритъ не вся Испанія, что въ народѣ, перенесшемъ и до сихъ поръ переносящемъ подобныя политическія бѣдствія, должны таиться стороны утѣшительныя, иначе онъ давно вернулся бы къ временамъ варварства. Народа испанскаго не подсмотришь въ столицъ Испаніи, также, какъ не увидишь въ немъ ни одной изъ красотъ этого поэтического края. Изъ Мадрита нашъ русскій путешественникъ ѣдетъ въ Андалузію, провзжаетъ Кордову, переваливается черезъ Сьерру-Морену и въ іюнь же мѣсяцъ прибываетъ въ Севилью. Объ артистической и живописной сторонѣ всей повѣдки, мы еще будемъ говорить въ послѣднемъ отдѣленіи разбора нашего, теперь же скажемъ нѣсколько словъ о впечатлѣніи, произведенномъ на туриста экономическимъ состояніемъ, нравами и частнымъ бытомъ Испанцевъ.

Г. Боткинъ, подобно Борро, Форду и еще небольшому числу даровитыхъ людей, путешествовавшихъ въ одной съ нимъ странѣ, питаетъ великую любовь къ Испанцамъ въ ихъ частномъ бытѣ. Эта единокласная симпатія столькихъ людей, прозорливыхъ и талантливыхъ, всего яснѣе говоритъ за все дѣло. Дѣйствительно, всюду и во всѣхъ книгахъ, встрѣчаемъ мы давнѣе уваженія золотымъ особенностямъ испанскаго характера: честности, гостепримству, рыцарской привѣтливости въ обхожденіи, чувству человеческого достоинства. Въ дорогѣ, говоритъ авторъ Писемъ объ Испаніи, Испанцы самые веселые товарищи. На эту пору они совершенно оставляютъ свою важность и серьезность, становятся говорливы и шутивы. Никто не жалуется ни на что,—дурной объѣдъ даетъ поводъ къ неистощимой веселости, никогда и никто изъ Испанцевъ серьезно не пожалуется на что либо въ дорогѣ. Нѣтъ народа болѣе воздержнаго, уживчиваго и терпѣливаго. У себя дома, Испанецъ исполненъ неутомимой добродушной привѣтливости къ человѣку, съ нимъ обремененному, къ иностранцу, ему рекомендованному. Разъ рекомендованные Испанцу, вы можете располагать его домомъ, его временемъ, его связями. При обычномъ спокойствіи своемъ, онъ не расточителенъ на любезности, но будьте увѣрены, вы никогда не будете ему въ тягость, никогда не обойдется онъ съ вами

холодно. Въ Испаніи никогда не употребляютъ слова *ты*, даже между близкими друзьями. Если генераль обращается къ солдату, онъ говоритъ ему *usted*, ваша милость. Тоже самое съ слугами; дѣти, играя на улицѣ, говорятъ другъ другу: *mira usted*, посмотрите, ваша милость.

Вотъ подробности неважныя и еще болѣе говорящія въ пользу народа, такъ дорогаго туристамъ. Тотъ, кто не видалъ Испанцевъ въ ихъ частномъ быту, въ ихъ домашнихъ отношеніяхъ, не имѣетъ понятія о чистотѣ ихъ нравовъ, весьма часто идущихъ рядомъ даже съ возмутительными пороками въ жизни общественной. Но какому-то особенному счастью, на Испанцакъ нисколько не замѣтно слѣдовъ системы шпіонства, введенной инквизиціей. Основной закалъ народа былъ такъ твердъ, что его старыя, рыцарскія качества до сихъ поръ остались во всей силѣ. Происходитъ только одно: и дурныя и хорошія стороны челоѵка существуютъ какъ-то вмѣстѣ, «не касаясь другъ съ другомъ, словно раздѣленные какою-то стѣною. Чиновникъ, продающій себя за взятки, судья, торгующій правосудіемъ, въ частныхъ своихъ отношеніяхъ, здѣсь непременно деликатны и вѣрны.» Общественный духъ, общественныя чувства у Испанцевъ находятся еще подъ спудомъ, но загляните съ другой стороны, зайдите за стѣну, и вы будете поражены простотою, прямодушіемъ, благородствомъ челоѵка. Даже у тѣхъ, которые здѣсь со всѣхъ сторонъ запачканы политической грязью, — вѣрите, частная сторона, на зло всему, осталась прекрасною. Наперекоръ всемъ ужасамъ политической неурядицы, наперекоръ не-нравосудной администраціи, наперекоръ страшной бѣдности, которая гложетъ испанскія провинціи — въ испанскомъ народѣ нѣтъ разрушительныхъ сѣмянъ, которыя находятся въ изобиліи по многимъ болѣе благоустроеннымъ государствамъ Европы. Внутри края (за исключеніемъ развѣ очень большихъ центровъ населенія), между сословіями царствуетъ простота отношеній, совершенное равенство тона и деликатная короткость въ обращеніи. Въ Испаніи дворянинъ не гордъ и не спѣсивъ, престолюдинъ къ нему независимъ. Не только горожанинъ, но мужикъ, водоносъ, чернорабочій, обращаются съ дворяниномъ совершенно на ровной ногѣ. Причина такихъ удивительныхъ для иноземца отношеній, заключается въ историческомъ развитіи государства, въ фактѣ, которое народъ впитаетъ къ потомкамъ людей, бывшихъ съ невѣрными и расширявшихъ границы христіанства по

Испаніи. Владѣнія дворянства, въ началѣ своемъ не были владѣніями чужестранныхъ завоевателей, какъ въ феодальной Европѣ, а интересы положительные, матеріальные—отношенія землевладельца къ наемщику земли, всегда были самыми краткими, дружественными отношеніями.

Собственность въ Испаніи двухъ родовъ: собственность земли и собственность десятиннаго сбора. Дворянство изстари обращалось съ наемщиками своихъ земель чрезвычайно кратко: есть крестьянскія семьи въ Испаніи, которыя по нѣскольку сотъ лѣтъ имѣютъ въ наймѣ одну и ту же землю; отношенія ихъ къ владѣльцу отъ давности приняли какой-то семейный характеръ. Самые законы всегда покровительствовали наемщику. При совершенной только неисправности платежа, владѣлецъ можетъ отказать ему, но долженъ предупредить его за годъ впередъ, въ иныхъ провинціяхъ за два года. Если другой наемщикъ предлагаетъ владѣльцу дороже за наемъ известнаго участка, прежній, давши ту же цѣну, можетъ на немъ остаться даже противъ воли хозяина. Въ Андалузій и Эстремадуръ наемщикъ можетъ, не смотря на заключенное условіе, требовать послѣ жатвы переоцѣнки земли, а такъ какъ оцѣнщики берутся изъ землевладельцевъ, то понятно, что наемщикъ никогда не остается въ накладе. Унадокъ въ цѣнности денегъ никогда не измѣняетъ силу сдѣланныхъ условій, которыя весьма часто заключаются раз навсегда, такъ что землевладелецъ тогда пользуется землею, какъ своей полной и неограниченной собственностью.

Десятинная подать далеко не возбуждаетъ въ испанскомъ народѣ того враждебнаго чувства, какъ напримѣръ въ прежней Франціи и настоящей Ирландіи. Она принадлежитъ къ временамъ глубокой древности; послѣ изгнанія Мавровъ, ее сохранили какъ налогъ, платимый коронѣ на военныя издержки. Съ давняго времени десятина въ Испаніи, при недостаткѣ денегъ, была продаваема и покупаема, какъ всякая другая собственность, если она теперь въ рукахъ дворянства, то не въ слѣдствіе правъ и привилегій его, а потому, что дворянство, во времена своего богатства, покупало ее, какъ теперь покупаются государственныя векселя. Кромѣ того, что подать эта не есть слѣдъ завоеванія, но просто форма поземельной подати. Капиталъ, представляемый десятинною податью, всегда включается въ оцѣнку земли, сверхъ того, что если наемщикъ земли вводилъ на ней новую обработку, то избавлялся на десять лѣтъ отъ платежа десятинной по-

дати. «Послѣ всего этого», говоритъ намъ авторъ, «возможенъ ли въ испанскомъ народѣ духъ революціонный? Можно ли опасаться здѣсь такихъ народныхъ движеній, какія нѣсколько разъ потрясали Германію, Англію, Францію? Можно ли бояться изверженія народнаго волкана въ той сторонѣ, гдѣ нужды самаго нищющаго малы и легко удовлетворяются, гдѣ народъ, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ другимъ сословіямъ, огражденъ кроткими обычаями и постановленіями? Если что дѣйствительно страдаетъ въ Испаніи, такъ это просвѣщеніе, торговля, промышленность».

Все это имѣетъ много справедливости и хорошо высказано, скажемъ мы отъ себя, но намъ извѣстно, что государства умираютъ не отъ однихъ изверженій народнаго волкана. Въ Испаніи отъ этого самаго, благороднаго испанскаго народа, нѣтъ ни согласія, ни надеждъ на лучшую будущность. Духъ операціи, соединясь съ безпорядочностью и слабымъ нравственнымъ развитіемъ, дѣлаетъ Испанцевъ не только лѣнливыми, но враждебными всякому государственному прогрессу. Правительственная мѣра, чуть ограничивающая выгоды одной провинціи для общаго блага, всегда встрѣчала въ Испаніи съ одной стороны бѣшеный отпоръ, а съ другой равнодушіе. Когда мѣстныя власти очищали дороги отъ разбойниковъ, воръ и убійца имѣлъ всегда пріютъ у испанскаго простолюдина. На какія силы народа, на какой классъ общества въ Испаніи могли опереться люди полные цивилизаціи и терпимости, въ родѣ бывшаго правителя Севильи, графа Олавиде, печальная исторія котораго разсказывается въ Письмахъ объ Испаніи? Нѣтъ, не взирая на всю нѣжность путешественниковъ къ испанскимъ доблестямъ, не въ состояніи мы видѣть въ этомъ народѣ отрадныхъ примѣтъ для будущаго.

Въ письмѣ своемъ изъ Кадиса, нашъ путешественникъ сообщаетъ нѣсколько вѣрныхъ и характеристическихъ подробностей о бѣдственномъ положеніи Испаніи въ экономическомъ отношеніи. «Политическая экономія, говоритъ онъ, та наука, на которую романтики и люди феодальные смотрѣли какъ на науку, слишкомъ матеріальную, лавочную, какъ на науку торгашей, въ наше время стала наукой государственнаго управленія. Ничто не служитъ такимъ вѣрнымъ барометромъ степени просвѣщенія, на какой находится общество, какъ его политико-экономическое устройство, его политико-экономическія понятія, мѣры и распоряженія. Какнихъ, наприимѣръ, результатовъ можетъ ожидать государство отъ

такой таможенной системы, какъ испанская? Вся Испанія наводнена контрабандою, всюду иностранныя издѣлія обложены въ ней огромной пошлиною, которая довела весь край до того, что на контрабандную торговлю, въ большей части провинцій Испаніи, глядятъ какъ на самое праведное дѣло.

Въ Андалузій, да и во всей Испаніи, почти нѣтъ фабрикъ; одна Каталонія, и преимущественно Барселона, производитъ мануфактурныя издѣлія для всѣхъ остальныхъ провинцій, отсюда богатство Каталоніи, ея дѣятельность, предприимчивый характеръ, ея политическая важность. Безъ всякаго сомнѣнія, Барселона не можетъ своими издѣліями удовлетворить всей Испаніи, тѣмъ болѣе, что ея товары, по худому состоянію путей сообщенія, обходятся весьма дорого. По причинѣ странныхъ пошлинъ на иностранныя издѣлія, вся Испанія, для обогащенія одного города, должна платить въ три-дорога за его издѣлія. Но политическая важность Барселоны такова, что трудно уменьшить привозный тарифъ. Потому въ Андалузій, напримѣръ, существуетъ смертная ненависть къ каталонцамъ, контрабанда же процвѣтаетъ въ ущербъ государственнымъ доходамъ, ибо черезъ таможи идетъ ничтожная часть товаровъ, огромныя же ихъ массы идутъ помимо таможенъ, съ ихъ стѣснительными формальностями. Контрабандисты имѣютъ свой всегдашній пріютъ въ Гибралтаръ, толпами кишатъ и по приморскимъ мѣстамъ и внутри Испаніи, составляютъ между собой общества съ капиталомъ, и всюду пользуются народнымъ сочувствіемъ. О томъ, какъ выгоденъ ихъ промыселъ, можетъ свидѣтельствовать то, что они берутся провозить товары, обезпечивая ихъ въ случаѣ потери, и получая за это отъ 60 до 80 процентовъ съ ихъ стоимости. Торговому человеку не только выгодно, но даже удобно имѣть дѣла съ контрабандистами, потому что по таможеннымъ отправленію дѣлъ запутано и затруднено до крайности, отчасти по корыстолюбію чиновниковъ, отчасти по ихъ совершенной неопосности.

Положеніе промышленности и торговли въ Испаніи никогда не было очень утѣшительнымъ, не по однимъ правительственнымъ мѣрамъ, но и по народному взгляду на промышленность и торговлю. Воинственная и рыцарская Испанія съ презрѣніемъ глядѣла на ту часть народонаселенія, которая, перемѣшавшись съ маврами, занималась только ремеслами. По старымъ понятіямъ, самому простому человеку можно было жить бѣдно, но благо-родно, то-есть ничего не дѣлать, въ особенности же не зані-

ваться ружною работою. Просить милостыни въ Испаніи никогда не считалось низкимъ, ремесло разбойника и контрабандиста уважалось въ народъ: въ общемъ мнѣніи не уважалось только званіе купца или ремесленника, можетъ быть потому, что торговлей и ремеслами прежде занимались арабы, и христіанинъ, двинувшійся по ихъ слѣдамъ, обезпечилъ себя во мнѣніи старикъ Испанцевъ.

При такихъ общественныяхъ понятіяхъ, чего было ожидать отъ торговлян и промышленности въ Испаніи. «Въ этомъ отношеніи, говоритъ нашъ авторъ, исторія ея походила на лѣтопись безумства, читая которую, едва вѣришь собственнымъ своимъ глазамъ». Послѣ открытія золотыхъ приисковъ въ Америкѣ, Филиппъ второй строго запретилъ вывозъ золота за границу, слѣдствіемъ чего было намощеніе дорогихъ металловъ въ Испаніи, пониженіе ихъ цѣнности, возвышеніе цѣны промышленныхъ произведеній. Въ надеждѣ уменьшить высокую цѣну товаровъ, правительство запретило торговать съ Америкою всемъ городамъ, за исключеніемъ Севалли. Пошелъ цѣлый рядъ повелѣній, благоприятствовавшихъ покупателямъ на счетъ продавцовъ, запрещено было вывозить изъ Испаніи хлѣбъ и овесъ, сукна и вообще шерстяныя издѣлія. Шерстяныя фабрики стали падать, заводы кожевенные и сафьянные, когда-то рассылавшіе свои произведенія по всей Европѣ, быстро пошли къ упадку, какъ скоро фабрикантамъ запрещено было, подъ смертною казнью, продавать за границу свои произведенія. Въ концѣ XVI вѣка стали закрываться шелковыя фабрики, посылавшія свои издѣлія въ Турцію, Тунисъ и Флоренцію, а кортесы съ особеннымъ упорствомъ требовали исполненія запретительныхъ законовъ...

Не мерещеть всего ряда заблужденій, въ слѣдствіе которыхъ некогда населенная и богатая Испанія стала такою пустынною страной, что въ настоящее время, въ одной только Кастиліи, находится до 200 мѣстечекъ и деревень, брошенныхъ совершенно, оставленныхъ жителями. Но въ ряду мѣръ, разрушившихъ преждее благоденствіе края, рѣзче всего выступаетъ намятникъ убійственнаго безумія, опять-таки основанный на народномъ фанатизмѣ, подготовленный этимъ фанатизмомъ и безъ него никогда бы не проявившійся: мы говоримъ объ изгнаніи мавровъ-магометанъ, послѣдовавшемъ въ 1609 году, при королѣ Филиппѣ третьемъ. Прочитавши въ Письмахъ объ Испаніи письмо изъ Малаги, читатель найдетъ въ немъ подробности о томъ, какъ

зародилось и какъ приведено было въ исполненіе постановленіе, не имьющее ничего себѣ подобнаго въ исторіи какого-либо края. Мавровъ подвергшихся изгнанію и погибшихъ во время гоненія, съ нимъ соединеннаго, въ одной Валенсіи было до 140,000; огромное количество этихъ дѣятельныхъ, промышленныхъ, полезныхъ людей погибло на берегахъ Испаніи и Африки, въ морѣ отъ бурь, на чужой землѣ отъ нужды и голода. Но гибель ихъ тяжело отразилась на Испаніи. Цѣлыя провинціи опустѣли, земледѣліе упало до того, что король принужденъ былъ давать дворянскіе почести людямъ, которые займутся обработкой земли. «Но заброшенные поля Испаніи свидѣтельствуютъ, говоритъ нашъ путешественникъ, какъ мало имѣла успѣха эта мѣра. Тяжело отозвалось изгнаніе мавровъ на торговлю и промышленность, къ которымъ они были особенно склонны. Сукна Мурсіи, шелковыя матеріи Альмеріи и Гранады, кожи и сафьяны Кордовы продавались при нихъ по всей Европѣ. Мавры устроили въ Испаніи дороги, прорыли каналы, очистили для судоходства рѣки, соединили торговыми сношеніями весь города Испаніи. Послѣ изгнанія ихъ исчезли даже самыя преданія ихъ промышленности, фабрики пали по недостатку рабочихъ рукъ, за ними торговля и промышленность. Поля лежали невоздѣланными, искусственные водопроводы развалились, опустѣлые дома деревень разрушились...

Теперь обратимся къ артистической части Писемъ объ Испаніи, и ею заключимъ нашу немного запоздалую рецензію.

3.

Зная хорошо испанскій языкъ, имѣя рекомендательныя письма, и что важнѣе всего, подготовленный прежними своими путешествіями къ довольно трудной дѣятельности туриста, г. Боткинъ не пропускаетъ безъ вниманія поэтической стороны Испаніи. Если для уразумѣнія какого-нибудь вопроса объ экономическомъ состояніи края, онъ не прочь порыться въ старыхъ исторіяхъ и современныхъ книгахъ, за то его наблюденія, по поводу народныхъ правилъ, по поводу испанскаго искусства, по поводу испанской природы дышать своеобразностью и личными впечатлѣніями тонко-развитаго чловѣка. Его артистическое чутье отыскиваетъ жизнь и поэзію въ предметахъ, даже кажущихся безцвѣтными; передъ лицомъ красотъ дѣйствительно поражающихъ собою, нашъ русской путешественникъ наслаждается ими, какъ эпикуреецъ, въ одно время и пламенный, и спокойный. Даже по

дорогу отъ Пириней до Мадрита и отъ Мадрита до перевала черезъ Сьерру-Морену, г. Боткинъ умѣетъ отдать справедливость природѣ страны, не смотря на уныніе, возбуждаемое ея пустынями. «Чудная и унылая природа!» говоритъ онъ. «Селенія рѣдки, и вы представить себѣ не можете, что за угрюмый видъ у этихъ селеній! Изрѣдка по горамъ виднѣются одинокіе дома, большіе, полуразвалившіеся. Испанецъ не любитъ съѣживаться, онъ живетъ сально, бѣдно, но широко. И какъ все это заброшено, какъ всюду видны слѣды междоусобной войны!... Нигдѣ не встрѣчаешь дерева, по окраинамъ полей одни только душистые кусты розмарина. Глаза свободно пробѣгаютъ пространство въ 8 и 10 верстъ, не встрѣчая на немъ ни одного жилья, ни одной малѣйшей рощицы оливъ, все пространство объято самой прозрачною, чистѣйшею атмосферой. Вдали по горизонту тянутся скалистыя горы. Среди этой-то уныло страстной природы и выработался типъ испанскаго характера, медленный, спокойный съ наружи, раскаленный внутри, упругій и сверкающій какъ сталь, африканскій дикарь и рыцарь.

«Угрюмо и спокойно, завернувшись въ свои коричневые плащи, смотрѣли мужики на проѣзжавшій дилижансъ. Ни въ движеніяхъ, ни во взглядахъ не обнаруживалось у нихъ того живаго любопытства, съ какимъ житель юга, на примѣръ итальянецъ, встрѣчаетъ всякую проѣзжую телегу и тотчасъ обступаетъ ее. Эти спокойныя, величавыя манеры особенно поражаютъ послѣ французской подвижности и увертливости...

«Нѣтъ больше Пириней, говорилъ Лудовикъ XIV, а эта масса горъ, всюю роскошью растительности обращенная къ Франціи, и показывающихъ Испаніи только свои голыя скалы, эта почва, плодородная и заброшенная, эта пустыня, у самыхъ воротъ Франціи созданная безпечною и лѣнностью,—этотъ народъ, столь благородный, прекрасный, такъ роскошно надѣленный отъ природы всѣми благами—и нищенскій: эта страшная упрямость характера, эта страстная приверженность къ прошедшему; этотъ духъ исключительности и уединенія въ эпоху, когда все стремится къ сближенію... и наконецъ, эта такъ называемая революція, которая также мало походитъ на революцію, какъ вооруженіе рыцаря на нашъ фракъ, все это здѣсь необыкновенно дѣйствуетъ на душу, на воображеніе, а главное, возбуждаетъ самый страстный интересъ къ этой благородной странѣ, имя которой каждый сынъ ея не произноситъ, не прибавивъ: «несчастная!»

Строки, приведенныя нами, исполнены истинной поэзіи, но уныло-поэтическая сторона Испаніи, такъ отвлекавшая иныхъ туристовъ отъ наблюденія за характеристическими частями обыденной испанской жизни, не мѣшаетъ нашему автору находить въ нихъ свою прелесть и изображать ее достойнымъ образомъ. Понятно, что Мадритъ, съ его новыми постройками и толпами

народа, одѣтаго по французскимъ модамъ, не могъ представить пищи для большихъ наблюденій, но и въ этомъ городѣ, какъ бы отрѣшившемся отъ своей національности, авторъ находитъ возможнымъ набросать множество любопытныхъ замѣтокъ. Таковы, напримѣръ, описанія домашней жизни въ семействахъ, характеристика испанскихъ маюль (грязетокъ), нѣсколько уличныхъ сценъ на толедской улицѣ. По поводу одной изъ этихъ послѣднихъ и слова *рай*, которымъ какой-то простолюдинъ называлъ Испанію, чичероне г. Боткина разсказалъ ему слѣдующую народную легенду.

«Санъ-Яго, народный святой въ Испаніи, по смерти своей предсталъ передъ Богомъ, и Господь, довольный его земными подвигами, сказалъ ему что исполнить все, о чемъ святой его попроситъ. Тогда Санъ-Яго сталъ просить, чтобъ Испанію было даровано богатство, плодотворное солнце, изобиліе плодовъ земныхъ. Будетъ,—былъ отвѣтъ. Храбрость и мужество народу, продолжалъ Санъ-Яго,—вѣчную славу испанскому оружію. Будетъ, былъ отвѣтъ. Хорошее и мудрое правительство... «Это невозможно: если ко всему этому дать и мудрое правительство, то всѣ свѣтлые духи уйдутъ изъ рая въ Испанію.»

Должно быть много воды утекло съ-тѣхъ-поръ, какъ почва Испаніи могла соперничать съ раемъ, ибо все пространство отъ Мадрита до мѣстъ ближайшихъ къ Андалузіи скорѣе походитъ на печальную пустыню, гдѣ бродятъ тѣни людей, не отличавшихся ни грѣхами, ни добродѣтелью. Только послѣ скалъ Сьерры-Морены природа начинаетъ измѣняться, рощи оливъ и виноградники встрѣчаются чаще, по краямъ дороги показывается бирюзовая зелень, алоэ, мѣстами попадаются кактусы. Совсѣмъ тѣмъ изъ Севильи, центра Андалузіи, русскій туристъ пишетъ: «красота испанской природы, о которой столько наговорили намъ поэты, есть не болѣе какъ предрасудокъ. Правда, на югъ Испаніи растительность такъ величава и могущественна, что передъ ней растительность самой Сициліи кажется свѣрною, но это только рѣдкими мѣстами, африканское солнце, такъ сказать, насквозь прожигаетъ эту землю. «Не думайте однако, чтобъ эта природа не имѣла своей особенной, только ей одной свойственной прелести. Она здѣсь не разлита всюду, какъ въ Италіи; въ ней нѣтъ мягкихъ ласкающихъ итальянскихъ формъ, здѣсь она или уныла, или дика, или поражаетъ своею троническою величавою роскошью. Здѣсь каждую минуту чувствуешь, что идешь подъ ногами огненную землю, не любящую золотой середины, на которой или корчится отъ зноя всякое растеніе, или тамъ, гдѣ

вдаль удастся охладить жгучіе лучи солнца, растительность вырывается на воздухъ, съ такою полнотою красоты и силы, съ такою роскошью, что здѣсь, особенно въ горахъ, эти чудные оазисы, среди каменныхъ пустынь, производятъ совершенно особенное, электрическое впечатлѣніе, о которомъ не можетъ дать понятія кроткая и ровная красота Итали. Здѣсь и пустыня (des-porledo), и голыя, рдзющія на солнцѣ скалы, и растительность, дышать какою-то сосредоточенной, пламенной энергіей.»

Севиля, какъ и слѣдовало ожидать, изображена г. Боткинѣмъ соп амоге. Въ этомъ городѣ, говоритъ онъ, испанскій элементъ слился съ мавританскимъ и изъ этого слянія вышло нѣчто необычайно-привлекательное, оригинальное и поэтическое. Красота Севильи не отъ природы и не отъ искусства, она стоитъ среди широкаго поля, окруженная вѣтхими мавританскими стѣнами, ея Гвадалквивиръ не широкъ и не красивъ, ея улицы узки и извилисты, дома чужды всякаго архитектурнаго стиля, въ цѣломъ городъ не красивъ, но онъ полонъ очаровательныхъ подробностей для человека съ артистической душою.

Что можетъ быть прелестнѣе внутреннихъ мавританскихъ дворовъ въ домахъ Севильи, такъ какъ они описаны въ Письмахъ объ Испаніи? Эти дворы составляютъ щегольство севилянъ, они видны съ улицы сквозь большую рѣшетчатую дверь, они украшены строемъ тонкихъ, граціозныхъ колоннъ, фонтанами и цвѣтами, зеркалами и картинами. Сверху дворы закрыты или пологомъ, или натуральной крышей изъ винограда. «Севиля», по выраженію путешественника, «оживляется лишь тогда, когда становится темно, — точно какъ нервическая красавица». Занавѣсы дверей тогда отдергиваются, каждый дворъ освѣщенъ лампами, фонтаны блещутъ, въ каждомъ окнѣ сверкаетъ нѣсколько паръ темныхъ глазъ. Женщины, все въ черномъ, въ черныхъ кружевныхъ мантиліяхъ, толпами высынаютъ на улицу. Всюду видны богатые національные костюмы на мужчинахъ, всюду идетъ оживленная бесѣда, всюду раздается музыка и стукъ кастаньетовъ. Красавицы Севильи вполне достойны своей древней славы: «Эти чудныя головки, которыя, можно сказать, гнутся подъ густою массою своихъ волосъ — самой изящной формы; какъ бѣдна и холодна кажется здѣсь эта условная, античная красота. Невыносимая яркость и блескъ этихъ черныхъ глазъ смягчены обаятельною нѣгою движеній тѣла, дерзость и энергія взгляда — наивностью и безыскусственностью, которыми проникнуто

все существо южной испанки. И какая прозрачность въ этихъ тонкихъ и вмѣстѣ твердыхъ чертахъ!.. Вся гордость андалузски состоитъ въ ея удивительныхъ рукахъ и маленькой, узкой ножкѣ, обутой въ башмачокъ, едва охватывающій пальцы. Походка ихъ обыкновенно медленна, движенія живы, быстры и вмѣстѣ томны. *Эти крайности слиты въ севильянкахъ, какъ въ опалѣ цвѣтъ.*

Описанію испанскихъ женщинъ посвящены многія блистательныя страницы въ книгѣ, нами разбираемой; читатель самъ отыщетъ ихъ и согласится съ нашимъ отзывомъ. Мы же отъ севильянокъ должны перейти къ испанской живописи, переходъ этотъ не такъ страненъ, какъ онъ кажется, ибо по словамъ нашего автора, только побывавъ въ Испаніи, посмотря на ея женщинъ, вполне поймешь колоритъ величайшаго изъ мастеровъ испанской школы, Мурильо.

Въ Севильѣ находится собраніе картинъ, въ одной залѣ котораго находится до шестнадцати произведеній этого художника и лучшей его манеры *. По словамъ автора писемъ объ Испаніи человекъ, не выдавшій картинъ Мурильо въ самой Севильѣ, не испыталъ цѣлаго міра невыразимыхъ и недоступныхъ наслажденій. Мурильо все доступно: начиная отъ глубокихъ тайнъ души человѣческой до вседневной жизни и самыхъ прозаическихъ сценъ природы. Этотъ мастеръ, у котораго пламенная сила и воздушность колорита слиты съ деликатной нѣжностью фламандской отдылки, есть истинный религіозный живописецъ, въ самомъ страстномъ значеніи этого слова. Настоящая католическая живопись, (здесь мы значительно сокращаемъ замчанія г. Боткина) могла развиваться лишь въ одной Испаніи, подъ вліяніемъ горячихъ страстей, и пламенной, иногда фанатической религіозности. Преданія античнаго искусства не проникали ее, какъ это было въ Италіи, къ ней не примѣшивались игривыя фантазіи древняго міра, считавшіяся въ отчизнѣ Мурильо порожденіемъ дьявола. На два предмета лишь отзывались испанскіе художники—къ природѣ и религіи бросались они со всемъ вдохновеніемъ ихъ огненной и могучей натуры. Портреты итальянцевъ и французовъ блѣдны предъ портретами Веласкеза. Въ Мурильо воплотилась страстная, любящая, поэтическая сторона католицизма. Религіозность

* Послѣ 1664 года, Мурильо постоянно жилъ въ Севильѣ, лучшія картины его относятся къ этому времени, ихъ предназначалъ онъ на украшеніе храмовъ своего роднаго города и монастырей по его окрестностямъ. Вотъ отчего въ Севильѣ до-сихъ-поръ хранится столько произведеній великаго мастера.

его пламенная и будто замирающая въ восторгъ мистическихъ видѣній, и въ тоже время не чуждая, не враждебная міру, нѣжная и любящая. Краски его—это природа со всею своею плотью и кровью, но проникнутая какою-то невыразимою идеальностію. Въ природѣ тѣни прозрачны, и именно своими тѣнями, проникнутыми свѣтомъ, Мурильо превосходитъ всѣхъ колористовъ. Мистическій сумракъ облекаетъ всегда его картины, но глаза свободно уходятъ въ дальнія ихъ части. Въ этой кроткой, воздушной яркости свѣта, въ этомъ прозрачномъ мракѣ тѣней, въ этой особенной, лишь одному Мурильо принадлежащей неопредѣленности контуровъ, сливающихся съ воздухомъ, дышетъ какая-то преображенная, поэтическая жизнь.

У Мурильо есть много картинъ, изображающихъ подвиги милосердія. Въ этихъ картинахъ, гдѣ нѣтъ мѣста такъ удающимся ему экстазу и благодатнымъ видѣніямъ, онъ равно великъ, по красотѣ и простотѣ и натуральности замысла. Въ картинѣ «св. Елисавета, омывающая раны прокаженныхъ», художникъ представилъ Елисавету прекрасной женщиною, вовсе не чуждой физическаго отвращенія при видѣ язвъ и гноя, но принятый ею подвигъ и сила на его совершение ясно видны во всей ея фигурѣ. «Св. Тома, раздающій милостыню нищимъ», подаетъ деньги изнуренному, но прекрасному собой человѣку; въ лицѣ святаго нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ изнуренія и старости, его благородное лицо дышетъ невыразимою кротостію, на губахъ его мелькаетъ грустная улыбка. Въ Севильѣ, въ частномъ домѣ, есть одна картина Мурильо, изображающая, какъ, среди горныхъ дѣбрей, разбойникъ кидается къ ногамъ идущаго монаха и молитъ принять его исповѣдь. Зная геній и силу испанскаго богатыря художника, можно себя вообразить что сдѣлалъ онъ изъ такой дивной задачи!

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ пребываніемъ нашего путешественника въ Севильѣ, за наблюденіями его въ Кадисѣ, Гибралтарѣ, Танхерѣ и Малагѣ. Читатель самъ не пропуститъ въ книгѣ ни боя быковъ, ни описанія танцевъ, ни страницъ объ испанскихъ разбойникахъ, ни поэтическихъ впечатлѣній автора въ морѣ, на берегахъ Африки и въ Гибралтарѣ. Но послѣднюю часть книги, подъ названіемъ Гранада и Альамбра, мы въ особенности рекомендуемъ всѣмъ людямъ, жаждущимъ поэзіи и высоко цѣнящимъ художественное слово, вырывающееся

изъ груди человека подъ вліаніемъ высокихъ поэтическихъ ощущеній. На насъ собственно, страницы, нами названныя, (даже включая къ нимъ историческія свѣдѣнія о времени мавританскаго владычества), постоянно производятъ самое сладкое, благотворное впечатлѣніе. Въ нихъ букетъ всей книги, соединеніе всехъ лучшихъ ея сторонъ; ни разу не перечитывали мы ихъ, не ощущая высокаго артистическаго наслажденія. Такова сила, данная языку и рѣчамъ людей, изящно развитыхъ; отъ простаго ихъ разсказа воспріимчивый читатель или слушатель добудетъ себѣ болѣе наслажденій, нежели иной, тупой на впечатлѣнія путешественникъ, нѣсколько разъ видавшій Гранаду и Альамбру своими глазами! Похвала наша можетъ показаться черезъ-чуръ яркою, пожалуй пристрадною, мы это хорошо знаемъ и потому выписываемъ нѣсколько маленькихъ отрывковъ изъ главы, про которую говорится. Если строки, перепечатанныя нами, не возбуждаютъ никакого чувства въ читателяхъ рецензій нашей, мы согласны повиниться въ преувеличеніи похвалы и даже принять упрекъ въ пристрастіи.

Въ жизнь мою не забуду того впечатлѣнія, какое испыталъ я, когда на другой день послѣ моего пріѣзда сюда пошелъ я по Гранадѣ. Представьте себѣ, въ продолженіи пяти мѣсяцевъ привыкнувъ видѣть около себя природу суровую, почти всюду сожженную солнцемъ, небо постоянно яркое и знойное, не находя мѣста, гдѣ бы прохладиться отъ жару—вдругъ неожиданно найти городъ, утонувшій въ густой, свѣжей зелени садовъ, гдѣ на каждомъ шагу бѣгутъ ручьи, и разносится прохлада... нѣтъ! это можно оцѣнить только здѣсь, подъ этимъ африканскимъ солнцемъ. По городу только и слышался шумъ воды и журчанье фонтановъ въ садахъ. Здѣсь первая комната въ каждомъ домѣ—садъ. Часто попадаются садники снаружи, обнесенные желѣзными рѣшотчатыми заборами и наполненные густыми кустами цвѣтовъ, надъ которыми блестятъ струйки фонтановъ; цвѣты и на террасахъ и на балконахъ *; а когда я подошелъ въ холму Альамбры, до самаго верху покрытому густою рощею, я не умѣю передать этого ощущенія. Три дня горной дороги верхомъ, подъ этимъ знойнымъ солнцемъ, просто сожгли меня; голова моя и все тѣло горѣли. Передо мной было море самой свѣжей зелени; прохлада, отраднѣйшая прохлада охватила меня. Лучи солнца не проникали сквозь гущу листьевъ: ручьи журчали со всѣхъ сторонъ; по дорожкамъ фонтаны били самую чистую, холодную водою.

* Нигдѣ я не видалъ такой страсти къ цвѣтамъ, какъ въ Гранадѣ. Кромѣ того, что каждая женщина непременно носитъ въ волосахъ свѣжіе цвѣты, здѣсь даже принадлежитъ къ хорошему тону по праздникамъ выходить изъ дому съ хорошимъ букетомъ въ рукахъ и дарить изъ него по нѣскольку цвѣтовъ встрѣчающимся знакомымъ дамамъ. По праздникамъ боченки продавцевъ водъ обиты виноградными вѣтвями, а тѣ, которые возятъ изъ населѣ, даже и ослось убираютъ виноградомъ.

Чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ прохладнѣе становилась тѣнь. Никогда и не видалъ такого разнообразія, такой свѣжести зелени! Дикій виноградъ обвивался около дубовъ, олеандръ сплетался съ сѣвернымъ серебристымъ топодемъ, изъ плакучей ивы весело торчали вѣтви душистаго лавра, гранаты возлѣ вязовъ, алоэ возлѣ липъ и каштановъ—всюду смѣшивалась растительность юга и сѣвера. Вотъ климатъ Гранады и вотъ одно изъ ея очарованій: это огонь и ледъ, зной и прохлада, и чѣмъ жаръ жгучѣе, тѣмъ сильнѣе таетъ снѣгъ на Сьеррѣ, и тѣмъ стремительнѣе бѣгутъ ручьи и фонтаны. Это сляніе воды и огня дѣлаетъ климатъ Гранады единственнымъ въ мірѣ. Прибавьте къ этому, что если вѣтеръ со стороны Сьерры Невады, то, несмотря на весь зной солнца, воздухъ наполненъ прохладой. Въ этихъ густыхъ аллеяхъ рѣдко кого встрѣчаешь—самая пустынная тишина; но все вокругъ журчитъ и шелеститъ, словно роца живетъ и дышетъ. Мѣстами стоятъ скалы, покрытыя зеленымъ мхомъ; по инымъ тоненькими сверкающими ленточками бѣгутъ ключи. Это не походитъ ни на какой садъ въ Европѣ,—это задумчивость сѣвера, слитая съ влажною, сверкающею красотою юга. Я легъ на прохладный мохъ перваго попавшагося камня и долго лежалъ, вслушиваясь въ журчанье ручьевъ, словно въ какія-то неясныя, но сладкія душѣ мелодіи. Какъ понималъ я скорбь мавровъ, когда изгоняли ихъ изъ Гранады!

Я забылъ сказать, что на другой же день послѣ своего пріѣзда въ Гранаду, я оставилъ гестиницу и нанялъ себѣ квартиру въ домѣ, стоящемъ близъ оврага между Альамброй и Хенералихе. Комната моя очень проста: выбѣланныя стѣны, при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ, мараютъ; кое-какъ сколоченная изъ досокъ кровать, два деревянныхъ стула; на каменномъ полу мягкій плетеный изъ соломы коверъ; дощатый столикъ,—но на немъ каждое утро является въ стаканѣ букетъ свѣжихъ цвѣтовъ, благодаря любезности двухъ хозяйскихъ дочерей, которыя смотрятъ за моею комнатою и держать ее въ удивительной чистотѣ. Видъ съ моего балкона на всю отлогость Сьерры Невады и на равнину. Часто, при закатѣ солнца, облокотясь на перилы, засматриваюсь я на разстилающуюся передо мной обаятельную картину, облитую горячимъ, южнымъ освѣщеніемъ. Какъ раскаленное добѣла желѣзо горитъ снѣговая вершина Сьерры Невады на голубомъ небѣ; розовый, волнующійся паръ прозрачной пелены лежитъ внизу надъ городомъ и зеленою гущею равниною; дагѣ въ свѣтло-голубомъ туманѣ горныя цѣпи. Угловатая вершина Сьерры Эльвиры, за которую опускается солнце, словно облитая пылающимъ золотомъ, бросаетъ вокругъ себя лиловыя тѣни... Все—небо и земля горятъ и таютъ въ невыразимой лучезарности... Отъ меня въ пяти минутахъ мавританскій дворецъ и Хенералихе съ своимъ густымъ, заброшеннымъ садомъ, куда, разъ зашативъ сторожу, я получилъ входъ во всякое время. Тамъ я всякій день ѣмъ виноградъ. Какое наслажденіе ѣсть прямо съ дерева эти грозды, еще покрытыя матовою, инистою свѣжестью утра! Я съ жадностью всматриваюсь на эту долину, на эти чудными цвѣтами переливающіяся горы, на Альамбру, — вдыхаю въ себя прохладу ея садовъ и фонтановъ и думаю, какъ бы сдѣлать, чтобы все это навсегда живо запечатлѣлось въ моей ду-

шѣ, чтобъ мнѣ всегда можно было помнить объ этомъ раѣ, который, Богъ знаетъ, приведется ли мнѣ еще увидѣть... Бываютъ цѣлые дни, когда я со всею искренностію сочувствую скорби этого мавра, изгоняемаго изъ Гранады, и по цѣлымъ часамъ повторяю его жалобу:

«Фонтаны Хенералифе, наполняющіе его рощи и сады, если смѣшаются съ вашими слезами слезы, мной проливаемые, примите ихъ съ любовью, потому что онѣ самая чистая дань любви: вотъ та дорогая влага, которую увеселяется душа моя.»

Возлѣ самой моей квартиры огромный, разрушающійся монастырь *de los Martires*; его прежнее назначеніе можно узнать только по желѣзному кресту, по массивной башнѣ и по обломанному мраморному колоссальному распятію, которое еще стоитъ передъ забытыми наглухо монастырскими воротами. Вокругъ—груды камня, пьедесталы и обломки колоннъ. Старый мавританскій фундаментъ монастыря явно свидѣтельствуетъ, что монахи, тотчасъ послѣ завоеванія Гранады, овладѣли находившимся тутъ мавританскимъ зданіемъ и передѣлали его въ монастырь. При продажѣ монастырскихъ имѣній, густой, прекрасный монастырскій садъ купленъ моимъ хозяиномъ, который живетъ получаемымъ съ него доходомъ. Передъ входомъ въ монастырь, въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, стоятъ два высокіе каменныхъ креста; у середняго по вечерамъ собираются танцовать молодые люди и дѣвушки, и ко мнѣ въ комнату доносятся брячанье гитары и стукъ кастаньеть... Нѣтъ, недаромъ плакали мавры, когда изгоняли ихъ изъ Гранады, недаромъ одна изъ окружныхъ горъ, съ которой, рыдая, Боабдиль въ послѣдній разъ взглянулъ на Гранаду, называется до сихъ поръ «вздохомъ мавра»—*el suspiro de Moro*. И долго у изгнанныхъ мавровъ сохранялась поговорка, когда кто задумывался—о немъ обыкновенно говорили: «онъ думаетъ о Гранадѣ»... Гранада! Еслибъ это слово могло передать вамъ хоть тѣнь ея красоты, еслибъ я могъ перенести васъ въ мою маленькую комнату въ то время, когда закатывается солнце, и косвенные лучи его разливаютъ по долинѣ радужные, переливающіеся тоны, — небо и земля сливаются и рдѣютъ, какъ раскаленная лава, облака пылаютъ кровавымъ пламенемъ; Сиерра Невада съ своими скалами чернаго мрамора, съ своимъ снѣгомъ и зеленою отлогостью, вся облитая заходящимъ солнцемъ, кажется массой, сложеной изъ драгоценныхъ цвѣтныхъ камней... минута чудесь! Темная, влажная зелень деревьевъ проникнута золотистыми отливками; нѣтъ захолустья, нѣтъ уголка тѣни, куда не проникала бы яркость этого солнца. Вечерній паръ, разстилающійся по долинѣ, похожъ на пыль, состоящую изъ аметистовъ и рубиновъ, — и все прозрачно, все горитъ и сверкаетъ; колокольни деревень, разбѣянныхъ по равнинѣ, свѣтятся какъ пурпуровые бенгальскіе огни... Но жаркіе тоны начинаютъ блѣднѣть, обозначаются очертанія горныхъ цѣпей, на ихъ сивѣющихъ отлогостяхъ уже чуть-чуть отсвѣчивается лиловое мерцаніе: надъ долиной густо поднимается голубой, влажный туманъ, по которому блѣлой матовой полосой отсвѣчивается луна, выходящая изъ-за Сиерры Невады. Солнце давно скрылось за горами, Гранада, равнина, лежатъ въ сѣромъ сумракѣ, а сивѣвой пологъ Сиерры горитъ еще

лиловим сяніємъ, и чѣмъ выше, тѣмъ ярче и багровѣе; вотъ, на самой вершинѣ, сверкнуло ово послѣднимъ, алымъ лучемъ... да нѣтъ! этой красоты нельзя передать, и все, что я здѣсь пишу, есть не болѣе, какъ пустыя фразы; да и возможно ли отчетливо описывать то, чѣмъ душа бываетъ счастлива! описывать можно только тогда, когда счастье сдѣлается воспоминавіемъ. Минута блаженства есть минута нѣмая. Представьте же себѣ, что эта минута длится для меня здѣсь вотъ уже три недѣли. Въ головѣ у меня нѣтъ ни мыслей, ни плановъ, ни желаній; словомъ, я не чувствую своей головы; я ни о чемъ, таки совершенно ни о чемъ не думаю; но еслибъ вы знали, какую полноту чувствую я въ груди, какъ мнѣ хорошо дышать... мнѣ кажется, я растеніе, которое изъ душиной, темной комнаты вынесли на солнце: я тихо, медленно вдыхаю въ себя воздухъ, часа по два сижу гдѣ нибудь надъ ручьемъ и слушаю, какъ онъ журчитъ, или засматриваюсь, какъ струйка фонтана падаетъ въ чашу... Ну что, еслибъ вся жизнь прошла въ такомъ счастьи!

Рецензія наша едва ли можетъ назваться полною, хотя она и довольно объемиста. Показать духъ и поэтическое значеніе сочиненія, вотъ чего мы хотѣли и, какъ кажется, достигли до нѣкоторой степени. Многихъ подробностей мы не коснулись, многихъ фактовъ въ пользу сочиненія мы не сообщили, мы не сообщили даже читателю хотя нѣсколькихъ словъ изъ похвальныхъ отзывовъ, сдѣланныхъ о ней нѣсколькими германскими рецензентами. Да и стоитъ ли подкрѣплять иноземными авторитетами то, что кажется намъ достойнымъ всякой похвалы. Нѣмецкій критикъ, какъ бы онъ ни былъ зорокъ, не можетъ знать всего того, что мы знаемъ, онъ по необходимости ограничится похвалою изящнымъ страницамъ и дѣльному политическому взгляду на дѣла Испаніи—время появленія книги, ея роль и важность въ цѣпи хорошихъ произведеній современной нашей словесности не совсѣмъ понятны для иноземца. Письма объ Испаніи печатались въ 1847 году, въ одно время съ Обыкновенной Исторіей, Записками Охотника, Автономъ Горемыкой, лучшими произведеніями Некрасова. Овъ представляютъ, вмѣстѣ съ названными нами произведеніями, горсть поэтическихъ зеренъ, брошенныхъ на почву, готовую къ ихъ принятію, на почву, отчасти засушенную анти-поэтическою атмосферою предшествовавшихъ годовъ. Въ письмахъ этихъ, не смотря на предметъ ихъ, такъ отдаленный отъ насъ и отъ интересовъ нашихъ, смѣло сказалось слово человека, цѣнящаго наслажденіе и умѣющаго наслаждаться, слово писателя, всю свою жизнь любившаго солнце и цвѣтъ жизни, свято чтившаго правду и законность высшей поэзіи. Потому—то Письма объ Испаніи были замѣчены въ то время, когда казалось до Испаніи никому не было

дѣла, когда превосходные труды Форда и Борро оставались не переведенными ни въ одномъ журналѣ. Потому и въ наше время, которое по изобилію мелкихъ и заднихъ дворовъ литературы не уступаетъ старому, ни на одномъ изъ этихъ мелкихъ дворишковъ не поднимается голосъ противъ этой умной и поэтической книги, хотя на нее нанастъ очень легко, и никто изъ лицъ, знающихъ ей цѣну, не унизится до спора въ ея защиту. Стоитъ только сказать: «какое дѣло намъ до красоты слога и до поэтическихъ наслажденій, испытанныхъ за пятнадцать лѣтъ назадъ, русскимъ человекомъ въ садахъ Альямбры? Не лучше ли изображать то, что къ намъ ближе, и что касается обыденной жизни нашей?» Дѣло въ томъ, что подобныя словъ никто не скажетъ, а если и скажетъ, то лишь для собственнаго своего увеселенія, нисколько не повредивши ни книгѣ, ни ея автору. Поэзія душевныхъ ощущеній нашихъ есть благо высочайшее въ мірѣ, и счастливъ, и надолго будетъ жить въ нашей памяти писатель, сколько-нибудь ее воплотившій въ своемъ словѣ. Если глазъ его видитъ далѣе простаго глаза, если сердце его горячо отзывается на красоту, если его строки живо возсоздаютъ воззѣю міра вѣшняго и внутренняго—цѣль его больше, чѣмъ достигнута. Что намъ за дѣло до причинъ сказанной поэзіи, кто вправѣ сравнивать, родилась ли она при видѣ волнъ Средиземнаго моря, садовъ Хенералифа или степей Малороссіи. Со времени перваго появленія «Писемъ объ Испаніи», являлось въ свѣтъ немало путешествій, самыхъ дальнихъ и ученыхъ, сочиненій, относящихся къ странамъ несравненно больше для насъ интересныхъ, чѣмъ Испанія. Они принесли свою пользу и въ свое время забылись, а книга г. Боткина долго останется любимой книгою читателя поэтически-развитаго. Артистическій духъ, ее проникающій, всегда свѣжъ и плзнительнъ. Въ ней родники поэзіи, которыхъ мы всегда жаждемъ. Она явилась во время и сдѣлала довольно пользы. Всякое даяніе благо, и изо всего даяній особенно хорошо то, которое приходитъ кстати и во время.

Ред.

О распространеніи знаній въ Россіи, соч. Вл. Ив. Ламанскаго. Спб. 1857.

Тяжкія народныя борьбы и страданія заставляють народы осматриваться, провѣрять пройденную жизнь, замѣчаетъ г. Баботь въ своей прекрасной рѣчи. Русское общество въ настоящее вре-

мы именно находимся въ такой порѣ самоанализированія. Въ нашей литературѣ поднять вопросъ о различныхъ общественныхъ недостаткахъ, и все они сводятся къ одному коренному злу — къ недостаточности нашего образованія. Одну изъ сторонъ этой недостаточности составляетъ бѣдность прочныхъ, фактическихъ знаній.

Мы все учились по немного,
Чему нибудь и какъ-нибудь...

сказалъ еще Пушкинъ, и его слова до нынѣ сохранили свою правду. Но какъ помочь этому горю? Г. Ламанскій предлагаетъ рѣшеніе задачи, рѣшеніе, возбуждавшее некоторые толки, дѣйствительно удачное и несомнѣнно заслуживающее общаго вниманія.

«Недостатокъ знанія и слабое развитіе образованія, говоритъ онъ, у насъ въ Россіи главнѣйше происходитъ отъ недостатка источниковъ и проводниковъ образованія. Учебныя заведенія и литература—единственные у насъ проводники;—публичныхъ чтеній, столь обычныхъ, напримѣръ въ Англіи, Америкѣ, мы не имеемъ вовсе.» Объ учебныхъ заведеніяхъ авторъ не распространяется — такъ какъ они находятся въ исключительномъ почти вѣденіи правительства и, стало быть, не подлежатъ разсмотрѣнію частныхъ лицъ—и переходитъ къ литературѣ. Онъ доказываетъ, что литература наша бѣдна именно такими сочиненіями, которыя наиболее могутъ распространять знанія въ обществѣ, т. е. популярными руководствами по различнымъ наукамъ и переводами классическихъ иностранныхъ сочиненій ученаго содержания, что восполнить этотъ недостатокъ не по силамъ и не по средствамъ одному или нѣсколькимъ отдѣльнымъ лицамъ, но что необходимо общее соглашеніе и участіе благомыслящихъ людей всѣхъ направленій и всѣхъ специальностей, людей, которые, для сказанной выше цѣли, составили бы отдѣльное общество. «Такъ какъ цѣлью такого общества—распространеніе знаній преимущественно двумя способами: изданіемъ популярныхъ руководствъ и изданіемъ переводовъ замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знанія, то общество это называлось бы Обществомъ Распространенія Знаній и могло бы раздѣляться на два главные отдѣла. Одинъ, физико-математическій, занимался бы изданіемъ оригинальныхъ сочиненій и переводовъ лучшихъ классическихъ произведеній иностранныхъ, по части естествознанія. Другой отдѣлъ, наукъ нравственныхъ, имѣлъ бы предметомъ своихъ занятій распространеніе тѣмъ же способомъ по-

знаній: 1) философскихъ, теоретическихъ, о законахъ духовной и общественной дѣятельности человека, 2) историческихъ, о проявленіяхъ той и другой дѣятельности человѣческой, сообразно мѣсту и времени. Такимъ образомъ отдѣлъ наукъ нравственныхъ раздѣлялся бы на два разряда: 1) философскій, теоретическій, подъ вѣденіемъ котораго состоитъ изданіе руководствъ и переводовъ замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ произведеній по логикѣ, психологіи, эстетикѣ и теоріи права; 2) историческій, который подраздѣлялся бы на четыре класса, имѣющіе предметомъ своимъ распространеніе познаній: 1) о мѣрѣ классическомъ—классъ греко-римскій, 2) о мѣрѣ западно-европейскомъ—классъ западно-европейскій, 3) о мѣрѣ восточно-европейскомъ—классъ славяно-русскій и 4) классъ восточно-азиатскій.»

Вообще это раздѣленіе вѣрно, но въ частностяхъ съ нимъ можно не соглашаться. Такъ, неизвѣстное лицо, сообщившее свои замѣчанія на проектъ г. Ламанскаго въ Современникъ (см. № 7, Замѣтки о журналахъ), справедливо замѣчаетъ, что въ отдѣлъ наукъ нравственныхъ должно дать болѣе широкое мѣсто законовѣденію и что должно составить особый классъ для такихъ наукъ, каковы статистика и политическая экономія. Равнымъ образомъ болѣе подробнаго распредѣленія ждетъ отдѣлъ физико-математическій; и по этой части также пріятно было бы слышать сужденіе спеціалиста. Замѣтимъ, что въ отдѣлъ наукъ нравственныхъ не должно забывать педагогіи (въ настоящее время какъ нельзя лучше видно, что нашему обществу необходимо уяснить теорію воспитанія), а въ отдѣлъ физико-математическомъ необходимъ классъ наукъ техническихъ, знакомство съ которыми у насъ мало распространено, а между тѣмъ было бы крайне полезно.

Конечно, не по всемъ наукамъ необходимо изданіе и популярныхъ руководствъ, и переводовъ классическихъ иностранныхъ сочиненій; иногда можно довольствоваться чѣмъ нибудь однимъ. Но за то на обязанности славяно-русскаго класса, по мнѣнію г. Ламанскаго, лежатъ еще слѣдующіе труды:

1) Изданіе переводовъ иностранныхъ путешественниковъ по Россіи, до Петра Великаго, съ комментаріями.

2) Изданіе наиболѣе замѣчательныхъ сочиненій по русской исторіи, старыхъ изслѣдователей, прошлаго и нынѣшняго столѣтія, каковы В. Н. Татищевъ, Мюллеръ, Ходаковскій, Калайдовичъ и др.

3) Удовлетворительное изданіе русскихъ писателей, которое

было бы основано на трудах современных библиографов и изыскателей в области истории нашей литературы. Заговорив о библиографии, прибавимъ, что, по нашему мнѣнью, общество должно было бы также принять на себя изданіе указателей къ нашимъ повременнымъ изданіямъ, полной библиографической росписи русскихъ книгъ и, наконецъ, словаря русскихъ писателей, такъ какъ эти труды требуютъ участія многихъ лицъ.

4) Полное систематическое изданіе славяно-русскихъ рукописей, въ родъ изданій археографической комиссіи.

5) Изданіе критическихъ изысканій, переводовъ классическихъ писателей древняго и новаго міра, въ видахъ очищенія и развитія здраваго эстетическаго вкуса въ русской публикѣ, и наконецъ

6) Изданіе книгъ для народнаго чтенія и книгъ для дѣтей. По этому предмету г. Ламанскій представляетъ слѣдующее замѣчаніе, сообщенное ему однимъ извѣстнымъ нашимъ ученымъ: «Первая задача (изданіе книгъ для народнаго чтенія) до-сихъ-поръ мало обращала на себя вниманіе ученыхъ, знакомыхъ съ действительнымъ бытомъ русскаго простолюдина. Общество откинуло бы ту нелѣзную мысль, что съ необразованными собратьями слѣдуетъ говорить какъ съ дѣтьми; эти дѣти во многихъ сторонахъ жизни болѣе развиты, нежели тѣ, которые считаютъ себя взрослыми. Съ ними слѣдуетъ бесѣдовать о предметахъ, имъ неизвѣстныхъ, но полезныхъ, а учить должно дѣтей. Въ отношеніи къ этой литературѣ мы нарочно употребили слово *учить*. Общество пойметъ, чего до-сихъ-поръ не хотятъ понять издатели сочиненій для дѣтей, что цѣль этихъ изданій состоитъ въ образованіи младшаго поколѣнія, а не въ забавѣ. Спекулянты-издатели до-сихъ-поръ смотрѣли на дѣтскую книжку, какъ на игрушку, и рассчитывали на барышъ по внѣшнему изяществу. Спекулянты-писатели смотрѣли на дѣтскую книжку, какъ на забаву, и потому совершенно упускали цѣль ученія. Ребенокъ вообще бываетъ гораздо серьезнѣе пустаго взрослога человека. Этой истины, конечно, не понимаютъ ни спекулянты-книгопродавцы, ни спекулянты-писатели. Общество безъ сомнѣнія это пойметъ и обратитъ строгое и должное вниманіе на дѣтскую литературу.»

Общество должно быть основано въ Москвѣ—истинномъ центрѣ русскаго просвѣщенія, мѣстопребываніи старѣйшаго русскаго университета, гдѣ работали и подвигали другихъ на работу луч-

шіе подвижники нашего просвѣщенія, Новиковъ, Грановскій и др. Притомъ же въ Москвѣ печатаніе обходится дешевле петербургскаго; наконецъ, Москва очень удобна для разсылки книгъ въ разные концы государства, а обществу необходимо устроить дѣло своихъ изданій въ различныхъ городахъ Россіи. Г. К. Ансаконъ, помѣотившій свои замѣчанія на прозѣ г. Ламанскаго въ «Молві», справедливо замѣчаетъ, что обществу можно дать нѣтъ отдѣлы (канъ въ обществѣ географическомъ) въ тѣхъ городахъ, гдѣ наберется значительное число членовъ.

Членами общества могутъ быть все образованные люди, съ условіемъ ежегоднаго взноса. По замѣчанію г. Ансаконъ, взносъ долженъ быть какъ можно меньше, тѣмъ больше будетъ членовъ. Всякій членъ приписывается къ одному или нѣсколькимъ отдѣленіямъ или классамъ. Члены каждаго отдѣленія рѣшаютъ, какія сочиненія считаютъ достойными перевода. Они могутъ или сами переводить или отыскиваютъ переводчиковъ и наблюдаютъ за ихъ трудами и за изданіемъ книгъ. Плата за трудъ опредѣляется особымъ совѣтомъ. По нашему мнѣнію, на первый разъ не понадобится бы заказывать переводы. Ихъ нашлось бы множество, уже готовыхъ. Много переводовъ важныхъ и полезныхъ приготовлено преподавателями учебныхъ заведеній по Министерству Народнаго Просвѣщенія (что и видно изъ отчетовъ о трудахъ преподавателей въ журналъ этого министерства). Кроме того, общество могло бы приобрести право перепечатать нѣкоторые переводы ученыхъ сочиненій, помѣщенные въ нашихъ журналахъ за старые годы и теперь не весьма доступные; такъ напр. можно было бы воспользоваться переводами «Завоеванія Мексики и Перу», Прескотта, въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Разсказовъ о временахъ Мервинговъ», Тьерри, въ особомъ приложеніи къ тому же журналу, или переводомъ сочиненія Шлейдена «Растеніе и его жизнь» въ «Современникъ». Конечно, некоторые изъ этихъ переводовъ требовали бы исправленія, но въ дѣлѣ и удобнѣе исправить ихъ, чѣмъ дѣлать новые. До сихъ поръ мы не говорили объ одномъ существенномъ вопросѣ для общества—о средствахъ для исполненія его предпріятій. Взгляды членовъ не могутъ составить большой суммы. Откуда же взять ее?

Для этого, говоритъ г. Ламанскій, необходимо образовать «Русскую Матицу», т. е. народный капиталъ изъ добровольныхъ пожертвованій для изданія особыхъ книгъ и сочиненій.

Примръ такого учрежденія мы видимъ у некоторыхъ изъ

Западныхъ славянскихъ народовъ, сербовъ, чеховъ, хорутанъ и лужичанъ. У нихъ матица процвѣтаетъ; возможна ли она у насъ? станеть ли кто жертвовать? трудно рѣшить. Но, конечно, всякій образованный человекъ, желающій добра Россіи, порадуется, если эти сомнѣнія не оправдаются и мы увидимъ осуществленіе прекраснаго проэкта г. Ламанскаго.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Съ наступленіемъ осени наступила пора новостей ученыхъ, литературныхъ и артистическихъ: судя по слухамъ, можно предполагать, что конецъ настоящаго и начало будущаго 1858 года ознаменуются появленіемъ многихъ новыхъ книгъ, основаніемъ нѣсколькихъ періодическихъ изданій и большимъ количествомъ журнальныхъ статей замѣчательнаго достоинства. Намъ говорили, что въ Москвѣ появится новая еженедѣльная газета, замѣчательная и по своему направленію, и по заслугамъ своихъ редакторовъ, и по кругу своихъ сотрудниковъ, какого еще не бывало до сихъ поръ ни въ одной изъ нашихъ газетъ. Въ петербургскихъ литературныхъ кругахъ, ожидаютъ весьма многого отъ новаго изданія — можно сказать утвердительно, что большинство здѣшнихъ литераторовъ сочтеть для себя пріятною обязанностью въ немъ участвовать. Нельзя не встрѣтить съ радостью газеты, издаваемой серьезно и въ приличномъ духѣ — воъ наши газеты, за весьма малымъ исключеніемъ, составляютъ собою что-то неподлежащее суду и разбору, какъ бы отдѣленное отъ литературы и далеко отставшее отъ правилъ, которыми руководствуется большинство нашихъ періодическихъ изданій. Въ уголкахъ газетъ до сей поры находятъ еще себя пріютъ праздная полемика, хула и похвальба изъ какихъ-то темныхъ цѣлей, литературные коммеражы и недостойныя выходки, по самому своему ничтожеству всегда пользующіяся полною безнаказанностью. Хорошій примѣръ — важное дѣло въ литературѣ, и когда наша литература будетъ имѣть еще одной хорошей газетой больше, дурная трава сама исчезнетъ изъ поля, а газетные распорядители станутъ построже смотреть за тѣмъ, что дѣлается въ темныхъ уголкахъ ихъ изданій.

— Къ концу года выйдетъ въ свѣтъ изданіе стихотвореній А. Н. Майкова, въ двухъ томахъ, изящно изданныхъ. Двѣдѣль-

ность поэта была весьма значительна за минувшее лето, и мы имеем причины думать, что въ издание его стихотвореній войдутъ вещи, еще неизвѣстныя читателямъ.

— Равнымъ образомъ готовится полное, давно уже обещанное публикѣ, собраніе сочиненій Д. В. Григоровича. Если не ошибаемся, сочиненія эти выйдутъ въ осьми томахъ, но цѣна имъ будетъ назначена невысокая и всемъ доступная.

— По части артистической, съ 1858 года будетъ издаваться журналъ «Свѣтопись», одно обширное и дорогое предпріятіе съ большими рисунками, которыхъ собраніе за годъ должно составить цѣлый альбомъ, какъ это бываетъ въ иностранныхъ ежегодныхъ собраніяхъ, посвященныхъ интересамъ стараго и современнаго художества. При хорошемъ выборѣ предметовъ и запасѣ дѣльныхъ статей по части искусства, можно предсказать новому предпріятію постоянный успѣхъ, хотя быть можетъ и не совсемъ быстрый на первое время.

— Извѣстный нашъ художникъ П. П. Семечкинъ задумалъ и уже отчасти выполнилъ одно предпріятіе, дѣлающее величайшую честь и его вкусу, и его благородной дѣятельности. Любители отечественнаго искусства хорошо помнятъ талантъ покойнаго художника Павла Андреевича Федотова. Кто не замѣчалъ картинъ Федотова на выставкахъ Академіи? Передъ ними всегда стояли толпы зрителей, ихъ приобрѣтали за дорогую цѣну, успѣхъ ихъ по истинѣ могъ зваться громаднымъ успѣхомъ. Но о талантѣ Федотова, какъ рисовальщика, можетъ имѣть слабое понятіе тотъ, кто не видалъ эскизовъ и легкихъ рисунковъ нашего такъ рано умершаго живописца. Въ замыслѣ каждой своей вещи, въ живой энергіи очерка, въ національной характерности своихъ фигуръ, Федотовъ былъ неподражаемъ. Любя свое дѣло, онъ никогда не сидѣлъ безъ работы, и даже въ минуты совершеннаго отдыха старался имѣть при себѣ карандашъ и бумагу. Послѣ его смерти, между его вещами, а также у его пріятелей, нашлось болѣе сотни мелкихъ рисунковъ, отмѣченныхъ печатью могучаго дарованія — рисунки эти, исполненные достоинствъ сами по себѣ, составляютъ для молодыхъ, начинающихъ художниковъ, предметъ полезнѣйшаго изученія. Г. Семечкинъ издалъ въ свѣтъ одну тетрадь съ означенными рисунками, назвавши ее «Сцены изъ обыденной жизни»; рисунки П. А. Федотова. Смѣло можемъ сказать, что сцены изъ обыденной жизни, выполненные въ размѣрѣ нѣсколько болѣшемъ противъ оригинала — дорогой

подарокъ и для художника, и для диллетанта, и для всякаго обладателя порядочной библіотеки. Рисунковъ всего девять, на десятомъ листъ находится портретъ самаго художника. Федотова, весьма схожіи и мастерски выполненный. Если первая тетрадь встрѣчена будетъ успѣхомъ, предприятие пойдетъ далѣе и результатомъ его выйдетъ альбомъ, исполненный чрезвычайной занимательности. Если къ легкимъ рисункамъ Федотова присокупить его эскизы, къ эскизамъ нѣсколько шаловливыхъ очерковъ въ карикатурномъ родѣ, наконецъ копиіи съ немногихъ картинъ, имъ нарисованныхъ, то мы въ десяти, или двѣнадцати тетрадяхъ получимъ возможность подивиться необычайному таланту чловѣка, въ которомъ, быть можетъ, отечество лишилось современнаго Гогарта.

ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

БЕРЛИНЪ.

Желалъ бы я знать, кто тотъ первый пустозвонъ, который пустилъ въ ходъ мысль отдыхать отъ трудовъ въ путешествіи. Да, путешествіе, друзья мои, трудъ, да еще трудъ не малый! Путешествія спѣшнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстнаго, внимательнаго, особенно путешествія, о которомъ надо писать пріятелямъ, я не пожелаю своему лънивому врагу. Вы устали съ дороги, не спали ночь и пріѣхали на три дня въ столицу. Въмѣсто того, чтобы отдохнуть, вы развертываете своего руководителя, справляетесь куда ѣхать и что осмотрѣть, нащипываете двадцать предметовъ и, несмотря на погоду—будь это тропическій жаръ или ливень—отправляетесь осматривать. Нельзя не отпра-виться! Во-первыхъ, есть предметы, которые можно только видѣть въ понедѣльникъ отъ 11-ти до 2-хъ, другіе только во вторникъ отъ 3-хъ до 5-ти час., и нельзя отложить до завтра того, что лънь сдѣлать сегодня; да наконецъ, просто совѣстно не видѣть того или другаго, когда неизвѣстно, будешь ли имѣть случай еще разъ это видѣть; а на все и про все—три дня времени — больше никакъ нельзя, не разстраивая плана поѣздки! И вотъ вы ѣздите съ утра до вечера, смотрите на картину, изображающую разрыванный красный арбузъ, и пѣтуха, повѣшеннаго за голову, и на статую какого-нибудь тощаго Франциска въ коротенькой шинелькѣ, храбро стоящаго подъ дождемъ, съ открытой головою; смотрите дрянной мостъ, удивлявшій всѣхъ двѣсти лѣтъ назадъ, и поле сраженія, на которомъ застыла капуста,—смотрите иногда только затѣмъ, чтобы сказать: «Это не стоитъ

видѣть.» А какъ не видѣть! Ну, если пропустишь замѣчательную вещь? Одинъ Англичанинъ, протаскавшись нѣсколько лѣтъ по Европѣ, вздумалъ, наконецъ, отдохнуть на родинѣ. Его встрѣчаютъ друзья и пріятели; посыпались разспросы.—Ну, а замѣтили ли вы, спрашиваетъ одинъ, въ храмѣ Петра точку, съ которой всѣ колонны маскируютъ одна другую?—Нѣтъ, не замѣтилъ!—Какъ же это? Это очень замѣчательно! Очень жаль, что вы этого не видали! Это чрезвычайно интересно! посыпалось со всѣхъ сторонъ. Англичанинъ понурилъ голову, подумалъ, подумалъ и отправился опять въ Римъ, нашелъ известную точку, постоялъ на ней и дѣйствительно убѣдился, что колонны маскируютъ одна другую.

Это результатъ многихъ вещей, видѣть которыя вмѣняется въ обязанность путешественнику. Постоявшъ, посмотришь и только убѣдишься, что дѣйствительно такой-то предметъ стоитъ на своемъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что путешествіе есть наука и наука не легкая, изучать которую всякому приводится, большею частью, на счетъ собственныхъ боковъ и кармана.

Берлинъ былъ для меня, какъ и для большей части русскихъ путешественниковъ, первымъ городомъ, въ которомъ чувствуешь себя совершенно туристомъ и нетвердыми стопами начинаешь ту безконечную прогулку по музеямъ, галлереймъ, памятникамъ и пр., и пр., которая растянулась по длинѣ всей Европы. Тутъ, особенно для Русскаго, начинается совершенно новая жизнь: жизнь безъ собственнаго слуги и собственной подушки и хозяйскихъ хлопотъ, условія рѣшительно непонятныя въ глубинѣ Россіи.

Было еще очень рано, когда я основалъ свою квартиру въ хорошенькой комнатѣ моей гостинницы, т. е. рано по нашему: здѣсь встаютъ и ложатся ранѣе, и въ 7-мъ часу утра весь домъ уже былъ на ногахъ. Я спросилъ чаю и напередъ приготовилъ себя къ принятію кой-чего въ родѣ ликера; съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтилъ весьма порядочный напитокъ, закурилъ сигару и, раздумывая о предстоящихъ моей любознательности эстетическихъ наслажденіяхъ, смотрѣлъ съ любовью на кровать. Взошелъ лакей, чтобы убрать подносъ, посмотрѣлъ на меня вкрадчиво и спросилъ:

— Не прикажете ли прислать къ вамъ двушку?

— Мой любезный, я очень усталъ! отвѣчалъ я.

Лакей скрылся.

Черезъ нѣсколько минутъ кто-то робко постучался въ дверь и

вслѣдъ за моимъ разрѣшеніемъ влетѣла мамзель, сдѣлала на походъ мнѣ книксенъ, бросилась къ постели и въ минуту начала производить разныя извѣстныя ей метаморфозы. Я только смотрѣлъ и любовался, какъ все живо вертѣлось, переставлялось и являлось въ ея рукахъ.

— Готово! сказала она. Присѣла на походъ и скрылась.

По ея уходѣ, я началъ разсматривать ея произведеніе и знакомиться съ моимъ хозяйствомъ. Эта рогулька на подставкѣ должна, кажется, служить для снятія сапогъ; попробоваль рогульку, сначала не ладилъ съ ней, но теперь, послѣ мѣсячной опытности, отдѣлавшись двумя синяками на ногахъ, нахожу ее довольно сносною. Мраморный столъ для умыванья прекрасенъ, но способъ самоумыванія представляетъ непріятную дилемму умывать лицо въ чистой водѣ грязными руками, или чистыми руками въ грязной водѣ. Раздумывая объ отстраненіи этого неудобства и сожалья, что нашъ крестьянскій или татарскій умывальникъ не извѣстны нѣмецкой домовитости, я легъ, но, ужасъ! въ несноснѣйшій жаръ, который начинаетъ пробираться въ комнату, мнѣ предстоитъ одѣться чѣмъ-то въ родѣ пуховика! Я принялся его анализировать, вытащивъ изъ его внутренности толстое одѣяло и выбросивъ его, подъ чистымъ мѣшкомъ успокоился въ первый разъ подъ снѣною чужаго неба.

Разъ, сидя у одного пріятеля, проживающаго въ своей родовой Шугасвкѣ, я хотѣлъ закурить сигару.—Гдѣ у тебя спички? спросилъ я.—У меня цѣтъ спичекъ! отвѣчалъ онъ.—Какъ же это ты обходишься безъ нихъ? Положимъ, что со временъ бандероля ихъ надо покупать подъ полой, но все-таки...—Да я не вижу въ нихъ никакой надобности!—Ну, а если, напримѣръ, надо огня?..—Ну, такъ чтожь! Ванька! крикнулъ онъ, подай огня! Вошелъ Ванька и подалъ огня.—Вотъ видишь, сказалъ пріятель, не нужно ни тянуться за спичками, ни вонять сырью, ни сердиться, когда онъ не зажигаются. Я рѣшительно не вижу надобности въ спичкахъ.

Конечно, съ точки зрѣнія моего пріятеля, всегда будешь чувствовать отсутствіе собственнаго Петрушки при одинокомъ путешествіи, потому что хотя и можно, если совѣсть не зазритъ, позвонить для того, чтобы вельтъ подать себѣ спички съ другаго стола, но отъ дивана до звонка часто дальше, нежели до спичекъ, и потому «разсчетъ будетъ потерянъ», какъ говариваль Другой мой пріятель. Но это отсутствіе не такъ чувствительно,

какъ намъ предполагалось, а напротивъ, довольно выгодно, потому что здѣсь роли нашего барина съ домашнимъ слугою должны перемѣниться: барину надо будетъ доставать билетъ для слуги въ вагонъ, барину надо позаботиться, чтобы слуга не прозвалъ гдѣ-нибудь на станціи, чтобы онъ былъ сытъ и помѣщенъ такъ, что, собственно говоря, пришлось бы болѣе служить барину, чѣмъ слугѣ, котораго нельзя и послать даже за чѣмъ-нибудь. Здѣсь, вмѣсто этихъ неудобствъ, вы въ дорогѣ заботитесь только о собственной персонѣ, а прїѣзжая на мѣсто, находите огромную дворню, дворню въжливую, предупредительную, смотрящую вамъ въ глаза, чтобы получить за это на водку. Въ-самомъ-дѣлѣ, у рѣдкаго изъ насъ въ деревнѣ есть въ распоряженіи такая огромная дворня, какъ здѣсь. Оберъ-кельнеръ, заботящійся вообще о вашемъ спокойствіи, кельнеръ для услугъ, лонъ-лакей для посылокъ, гаусъ-мейстеръ для чистки сапогъ, платья и переноски тяжестей, швейцаръ для справокъ и пріема, и наконецъ горничная для постели! Я только считаю тѣхъ, которыхъ вы видите, которые служатъ вамъ лично и, занимая въ счетъ мѣсто подърубрикою Services, въ чайніи движенія кошелька, провожаютъ васъ въ экипажъ, когда ударъ въ колоколъ возвѣщаетъ о вашемъ отъѣздѣ. Прибавьте еще невидимую фалангу поваровъ, прачекъ и кухарокъ и согласитесь, что вамъ служить огромная дворня!

Любознательность хороша, но свое здоровье важнѣе. Первымъ дѣломъ моимъ было узнать адресъ доктора, къ которому я былъ адресованъ. Я думалъ, судя по Петербургу, что это мнѣ представитъ затрудненія. За неимѣніемъ другаго, я сообщилъ свои опасенія швейцару. Николэй раскрылъ книгу, посмотрѣлъ въ нее и сказалъ:—докторъ Ромьеръ живетъ за арсеналомъ № 1-й, не угодно ли каштану отправиться къ нему послѣ обѣда: онъ принимаетъ отъ 4 до 6 часовъ.—Не правда ли, какъ это удобно! извольте-ка у насъ отыскать доктора и узнать, когда онъ принимаетъ!

Справившись съ планомъ и увидавъ, что знаменитый музей стоитъ не далеко, я спросилъ о дорогѣ и вышелъ на столь извѣстную *Unter den Linden*, на которой стоитъ мой отель. Впрочемъ, куда бы вы ни поехали, а все очутитесь «Подъ Линами»: это нашъ Невскій проспектъ и полагаю не уже его, только посрединѣ широкій бульваръ съ четырьмя рядами деревьевъ, дѣйствительно ли все липовыя—не ручаюсь. Улица, въ самомъ дѣлѣ,

очень красивая, но беднѣе Невскаго: въ ней нѣтъ такихъ богатыхъ, какъ у насъ, магазиновъ.

Я уволю васъ отъ описанія стараго и новаго музеума: старый замѣчательнѣе аллегорическими фресками, въ которыхъ, какъ значитъ въ указатель, «четыре эпохи цивилизаціи изображены въ видѣ четырехъ временъ года и четырехъ частей дня». Но если бы подѣ смертной казнью мнѣ велѣли догадаться объ этомъ, то ручаюсь, что я бы прямо попросилъ лишитъ меня живота. Гораздо интереснѣе новый музей. Его роскошная постройка напоминаетъ внутреннюю отдѣлкою эрмитажъ. Я долго оставался въ египетскомъ отдѣленіи; жизнь или, лучше сказать, смерть давно умершаго народа, его таинственная, обставленная загадками и роскошью смерть — была вся передо мною. Эти Фараоны и Рамзая, которые какими-то смутными мнѣями остались въ памяти, стоятъ съ своими пріятно согнутыми носами, изваянные изъ порфира тысячи лѣтъ назадъ, стоятъ посреди сфинксовъ, боговъ и жрецовъ, посреди гробницъ, мумій человѣческихъ и звѣриныхъ, посреди всѣхъ украшеній и принадлежностей своей жизни, взятыхъ изъ земли и могилъ. Вотъ великолѣпная каменная гробница: она пустая, но рядомъ лежитъ вынутая изъ нея деревянная разкрашенная кукла, на подобіе муміи: она растрескалась и изъ нея торчитъ, обернутая въ тряпки, почернѣвшая нога дѣйствительной муміи. Вотъ еще женская мумія; можетъ быть, это была какая-нибудь знаменитая и навѣрно богатая красавица; вотъ серьги, кольца и ожерелья, которыя носила она, вотъ кошка, съ которой можетъ быть играла, вотъ слезница, въ которую падали слезы хоронившихъ ее поклонниковъ... и все это теперь почернѣло и окостенѣло! — А вотъ можетъ и поклонникъ твой — «кто ты такой», чуть не спросилъ я другую большую мумію, «воинъ или жрецъ, а можетъ и король?» Я пощелкалъ мумію по носу — деревяшка-деревяшкой, и интересно, и гадко, и возмутительно! Нѣтъ! хорошо что мы, простые смертные, умираемъ разъ и хорошо умираемъ, а не выставлять насъ въ какомъ-нибудь будущемъ европейскомъ музее въ Египтѣ, показывать почтенной публикѣ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 12-ти до 2-хъ часовъ утра.

Я едва успѣлъ во-время къ общему столу. Обѣдаютъ здѣсь рано: въ часъ, въ два. Блюды перемѣнъ семь, каждая въ два, въ четыре кушанья, всего по немногу: разная зелень на блюдечкахъ, съ разнымъ мясомъ на другихъ и разное мясо или рыба

съ разною зеленью, и все довольно плохо! Вотъ раки, вмѣсто рыбы. Помните, какъ ѣдали мы ихъ? Подадутъ блюдо, гора-горой! и сейчасъ на каждой тарелкѣ образуется своя горка и пошла работа; проработаютъ съ полчаса, иной вытретъ пальцы солью, иной обольстъ ихъ квасомъ, а тутъ хозяинъ имъ скажетъ: «не прикажете ли еще, вѣдь это не кушанье, а такъ—развлеченье» и слуга снова подвертываетъ развлеченье: нельзя отъ раковъ отказываться. Развѣ парочку еще, скромно прибавитъ гость и зацѣпнтъ пятокъ, а пятокъ клещами еще за собой уронитъ — и опять работа. Вотъ это раки! А тутъ подали на десять чело-вѣкъ щетомъ одиннадцать раковъ: я и не бралъ, изъ-за чего начкаться! «То ли дѣло у насъ въ Ново-троицкомъ!» говорятъ мнѣ одинъ москвичъ. «Правда, за одну порцію заплатишь почти столько, сколько здѣсь за весь обѣдъ, да за то ужъ и порція! Одолѣйте вы порціи три, такъ ужъ и распускай жилетъ, самъ едва встанешь, а на животъ хоть зорю бей, что твой турецкій барабанъ!»

— Скверненькаго по немножку, отвѣчалъ я.

Нѣтъ ни какой возможности осматривать многое одному: васъ нестерпимо одолѣетъ скука и апатія; какъ-то тяжело и туго воспринимаются впечатлѣнія, которыми не съ кѣмъ подѣлиться. Въ этомъ положеніи я пробылъ въ Берлинѣ дня два. Спутникъ, съ которымъ мы вмѣстѣ предполагали исколесить Европу, былъ усланъ въ Крейцнахъ, другіе, которыхъ я поджидалъ въ Берлинѣ, еще не пріѣхали. Я скитался одиноко по заведеніямъ Тиргартена: пилъ пиво, курилъ сигары — и скучалъ. Тиргартенъ огромный и прекрасный паркъ, въ которомъ пропасть разныхъ увеселительныхъ заведеній, въ родѣ нашихъ Излеровъ и Боргезе. Въ одно послѣ обѣда я отиравился въ зоологическій садъ (тоже въ Тиргартенѣ). Тамъ, среди животныхъ, собранныхъ со всѣхъ странъ свѣта, я встрѣтилъ и земляковъ — сибирскихъ медвѣдей. Они стоятъ отдѣльно, но гораздо счастливѣе ихъ другіе медвѣди, помѣщенные въ такъ называемомъ медвѣжьемъ рвѣ. Мальчикъ, съ корзиной хлѣба, за нѣсколько грошей начинаетъ бросать имъ кусочки: всѣ они поднимаются на лапы и съ удивительнымъ искусствомъ ловятъ подачку, ни одинъ кусокъ не упалъ на полъ. Мнѣ грустно было смотреть на огромнаго, одинокаго африканскаго льва, лежащаго въ углу своей большой клетки. Онъ не принадлежалъ къ разряду животныхъ, испорченныхъ цивилизаціей, животныхъ интересановъ, которые, завидѣвъ ку-

сочекъ сахара или хлѣба, подходятъ къ рѣшеткѣ и подставляютъ морду. Подъ вліяніемъ послѣ-объденнаго жара, левъ лежалъ въ какой-то безвыходной апатіи. Мнѣ было его глубоко жаль. Если здѣшніе лошади защищены закономъ отъ побоевъ, за что же томить этого несчастнаго царя звѣрей въ заточеніи! Впрочемъ, какъ подумаешь о томъ, какъ поступаютъ Англичане съ Аудскимъ королемъ — такъ и ко льву будешь равнодушенъ. То ли дѣло обезьяны! Ихъ садятъ штукъ двадцать въ одной огромной проволочной бѣсъдкѣ. Какое веселье, игры, драка и бѣготня. Какая эквилибристика по канатамъ, дереву и стѣнамъ. Я съ полчаса простоялъ передъ ихъ клеткой и обойдя весь садъ, опять зашелъ къ нимъ. Всѣ здѣшнія рѣдкости отличаются не столько количествомъ и качествомъ, сколько умомъ и смысломъ расположенія. Это впечатлѣніе произвелъ на меня особенно музей, гдѣ наглядно знакомишься съ рожденіемъ и развитіемъ искусствъ, съ жизнью народовъ. Тамъ, наприм., не говоря уже о египетскомъ отдѣленіи, въ этнографическомъ цѣлыми группами одѣвній, оружія, палатокъ, моделей домиковъ, рисуетъ вамъ вся обстановка жизни различныхъ отдаленныхъ народовъ: для обрачика не забыта и татуированная голова какого-то краснокожаго воина. Зоологическій садъ расположенъ такъ, что вы безъ проводника обойдете всѣ предметы, не пропустивъ ни одного и не возвращаясь два раза къ пройденному: только посматривайте на указательные столбы съ номерами на каждомъ перекресткѣ.

Наконецъ, въ одно утро ко мнѣ взошелъ или, лучше сказать, забѣжалъ мой жданный петербургскій пріятель. Мы едва обмѣнялись нѣсколькими фразами. — Ну что? откуда? когда? куда? Мы сейчасъ ѣдемъ въ Потсдамъ, были вы тамъ?—Нѣтъ еще!—Хотите вмѣстѣ? — Сдѣлайте милость!

Я взялъ шляпу и мы отправились.

Въ одинъ день я съ моими спутниками осмотрѣлъ болѣе, нежели въ три предъидущихъ. По желѣзной дорогѣ мы черезъ полчаса были въ Потсдамъ; взяли коляску, т. е. по здѣшнему дрожки—проводника, который обязался къ 8-ми часамъ вечера показать намъ все занимательное; позавтракали такой кашей изъ буліоновъ, фруктовъ, пироговъ и питій, что сами раздохотались счету и отправились. Цѣлое утро ходили мы по дворцамъ и садамъ Потсдама и Санъ-Суси, смотрѣли комнаты, столы и чернильницы пятнышки, сдѣланныя Фридрихомъ Великимъ, и съ уваженіемъ къ просвѣщенному покровительству нынѣшняго короля,

остановились въ простыхъ комнатахъ, занимаемыхъ Гумбольдтомъ, когда онъ прїѣзжалъ сюда отдыхать и трудиться надъ Космосомъ. Отъ пестраго ряда золотыхъ, серебряныхъ, мраморныхъ и раковинныхъ залъ (впрочемъ не поразительныхъ) остается въ памяти какая-то неясная смѣсь, совершенно притупляется всякое чувство вниманія къ роскоши, и равнодушно, и лѣнливо смотришь вокругъ и слушаешь женщинъ, въ родѣ экономокъ съ связкою ключей, которыя служатъ вмѣсто нашихъ камеръ-лакеевъ и Чичерони и передаютъ васъ съ рукъ на руки. Одна изъ нихъ оказалась настоящимъ сердитымъ церберомъ: не позволяла намъ идти впередъ, когда намъ не хотѣлось слушать ее монотонную болтовню, не позволяла садиться, когда мы уставали. Чувство нашего неудовольствія еще увеличивали безобразные валежные башмаки, которые намъ велѣли надѣть, чтобы не портить, совсѣмъ не драгоценнаго мозаичнаго пола. Въ нижнемъ этажѣ мы еще довольно удачно выдѣлывали на въ родѣ катанья на конькахъ въ извѣстной оперѣ, но когда пришлось всходить на лѣстницу, туфли рѣшительно грозили паденіемъ, и я кончилъ тѣмъ, что потерялъ свои, къ великой злобѣ сердитой бабы. И вотъ результатъ осмотра: войлочные туфли поражаютъ болѣе всего.

Знаменитый фонтанъ тоже далеко не удовлетворилъ насъ: онъ далеко не производитъ впечатлѣній нашего петергофскаго Самсона, не говоря уже объ великолѣпной обстановкѣ послѣдняго! Во-первыхъ онъ бьетъ не сплошной массой, а трубой, пустой внутри и разлетающейся брызгами наверху и не великолѣпнымъ поворотомъ, который составляетъ, по моему, прелесть фонтана; во-вторыхъ онъ поднимается паровой машиной: паромъ можно и не такъ поднять воду! Мы дали нѣсколько грошей и онъ въ нашу честь поднялся выше! Въ этомъ случаѣ—Самсонъ современнѣе: онъ для всѣхъ равенъ.

Заѣзжали мы и въ русскую колонію Александровку; архитектура избъ такая же русская, какъ солдатскіе домики на желѣзной дорогѣ: это двухъ-этажныя маленькія дачи въ русскомъ вкусѣ. При вѣздѣ русская надпись съ числомъ дворовъ, на воротахъ фамиліи: Иванова, Павлова и проч., но едва ли одинъ изъ Ивановыхъ понимаетъ хоть слово по-русски. Есть небольшая деревянная церковь (*S'adresser au pope*, какъ сказано въ *guid'e*). Хорошо если бы всѣ наши деревни походили на эту. Недалеко отсюда, пруссаки съ гордостью показываютъ историческую мель-

лицу *, которой местное положеніе прекрасно: но одна вещь пльнила насъ; это мраморная статуя королевы Луизы, Рауха, въ такъ называемомъ Мавзолѣ. Прелестная женщина лежитъ на Мавзолѣ: кажется, она не умерла, а уснула; сквозь ткань покрыва поразительно просвѣчиваетъ и выдается образъ ея тѣла, особенно ступней. Близна мрамора и полуосвѣщеніе заставляетъ забывать, что видишь статую, а не умершую красавицу, и какой-то благоговѣйный трепетъ пробѣгаетъ по жиламъ. Вотъ муміи, которыя мы должны оставлять по себѣ будущимъ поколѣніямъ, но для этого нужны гениальные Раухи.

Мы какъ разъ во-время воротились на станцію и вечеромъ еще успѣли быть въ музей, по совсѣмъ другаго рода museum, kolosseum и пр. эти легкіе балики, которымъ добродушные нѣмцы даютъ такіе великолѣпныя имена. Отъискивая эти заведенія, мы захали въ Odeum, о которомъ я говорилъ въ прошедшемъ письмѣ. Тамъ былъ концертъ и огромное освѣщеніе. При свѣтѣ сотенъ газовыхъ рожковъ и подъ звуки музыки, берлинцы по обыкновенію пили пиво и вли. Вдругъ поднялся шумъ, хлопанье, толпа хлынула къ аллѣ, кто взобрался на стулъ, кто на столъ. По срединѣ аллеи двигалась процессія. Ее открывали нѣсколько полицейскихъ солдатъ. За ними шли по-парно въ какихъ-то древнихъ костюмахъ, въ родѣ оперныхъ воиновъ, нѣсколько человекъ съ фонарями на палкахъ: за ними огромные носилки, на которыхъ лежалъ какой-то паша и у ногъ его наштукатуренная одалиска. Паша и одалиска были освѣщены бенгальскимъ огнемъ. Съзади штукъ двадцать масокъ въ видѣ гиганта и огромныхъ головъ, надвѣтыхъ на мальчишекъ: этотъ сюрпризъ доставилъ большое удовольствіе публикѣ.

Но нора, нора далье! Докторъ послалъ меня въ Франценсбадъ. Прямая дорога идетъ на Лейпцигъ, но пріятель мой вхали въ Дрезденъ на нѣсколько дней и подзывали съ собою, а какъ я не имѣю установленнаго плана повздки и возвращенія, то боясь, что Дрезденъ послѣ будетъ далеко отъ пути, я охотно согласился. Я поднялся въ 5 часовъ утра. Гаусмейстеръ уложилъ мои вещи въ чемоданъ, вынесъ его въ дрожки, и когда я вышелъ, и хозяинъ и вся прислуга были уже на ногахъ и проводили меня.

* Фридрихъ II хотѣлъ купить эту мельницу, но хозяинъ не соглашался. Король, наскучивъ его отказами, сказалъ, что если онъ не хочетъ продать ее, то онъ отниметъ. На это хозяинъ отвѣчалъ извѣстной фразой: «А развѣ у насъ нѣтъ каммергерихта? (судъ въ Берлинѣ.)»

Въ половинѣ 7-го мы съехали на станціи желѣзной дороги, а въ 12 уже стояли передъ сикстинской мадонной!

Дрезденъ и Саксонія.

Путь отъ Берлина до Дрездена, при всѣхъ натяжкахъ *guid'a* не представляетъ ничего замѣчательнаго; если не замѣчательны поля, воздѣланныя какъ огороды, и луга, чистые и гладкіе, какъ наши газоны; если не замѣчательны спокойный и умный трудъ и общее довольство: нѣтъ ни одной живописной разваливающейся избушки, но много прочныхъ, незатѣйливыхъ, но чистыхъ домовъ у станціи Пристельвицъ; недалеко отъ Дрездена дорога проходитъ туннелемъ. Странное смущеніе овладѣваетъ вами, когда вы вдругъ изъ яркаго солнечнаго свѣта погружаетесь въ совершенный мракъ и среди этой тьмы мчитесь съ огромной быстротою. Конечно, это длится одну, двѣ минуты, но минуты эти кажутся необыкновенно длинны, точно вдругъ ослѣпнешь и какъ что-то тяжелое отляжетъ отъ сердца, когда начнешь отличать стѣны и тотчасъ же затѣмъ опять выѣдешь на полный свѣтъ.

Таможенъ на дорогѣ нѣтъ и только замѣтивъ желтый, канареечный свѣтъ мундировъ на саксонскихъ кондукторахъ, смѣнившій синій—прусскій, догадываешься, что находишься въ другомъ государствѣ.

Мы пріѣхали въ Дрезденъ въ 1-мъ часу, съѣли въ коляску (опять дрожки), положили вещи въ другую и назвали какую-то гостиницу. Черезъ нѣсколько минутъ кучеръ на вѣдъ наклонился, протянулъ руку какому-то господину, всунулъ ему монету, тотъ всунулъ ему бумажку—и мы въѣхали на знаменитый дрезденскій мостъ, за провѣздъ черезъ который берется небольшая плата. Мостъ былъ удивителенъ въ то время, какъ его построили: теперь, когда строительное искусство сдѣлало такіе гигантскіе шаги, онъ просто дрянной старый мостъ, да еще и черезъ дрянную рѣку. Дрезденъ—совсѣмъ въ другомъ родѣ, но понравился мнѣ не менѣе Берлина. Берлинъ въ полномъ смыслѣ прекрасный, чистый, новый, европейскій городъ, съ прямыми и широкими улицами и садами. Дрезденъ выше, уже, потѣшнѣе и погрязнѣе, но имѣетъ своеобразную красоту. Берлинъ, это свѣтскій, изящно одѣтый молодой человекъ. Дрезденъ весьма порядочный, почтенный господинъ, не оставляющій однако своего высокаго галсту-

ха и брыжжей на манишкѣ. Архитектура его лучшихъ зданій не готическая, но та, что мы называемъ растреллиевской. Что составляетъ его прелесть, это то, что въ немъ чувствуешь себя еще свободнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ; кажется, что вы совсемъ не въ столицѣ, а въ своемъ уздномъ городѣ, въ которомъ вдобавокъ городничій вашъ пріятель.

Дома узкіе, высокіе, въ пять-шесть этажей, черепичныя вогнутыя крыши еще выше, и въ нихъ въ два, въ три ряда еще окна. въ родѣ слуховыхъ, и тамъ живутъ! Здѣсь въ первый разъ попадаются въ нижнихъ этажахъ то вышуклые, то какіе-то рябые, точно плачущіе или покрытые дождемъ стекла: сквозь нихъ проходить свѣтъ, но ничего не увидитъ любопытный глазъ. Едва мы заняли комнаты и знали, что знаменитая галлерей еще около часу остается отворенною, мы не смотря на проливной дождь, бросились въ нее. Наша гостинница не вдалекѣ отъ зданія Цвингера. Одинъ изъ моихъ путниковъ зналъ дорогу и мы чрезъ нѣсколько минутъ, порядочно вымоченные, вбѣжали на усаженный апельсиновыми деревьями дворъ Цвингера и потомъ въ галлерей.

Я готовъ по нѣсколько часовъ любоваться хорошей картиной, но когда вашему эстетическому вкусу предлагаются тысячи хорошихъ картинъ, одна возль другой—вкусъ немедленно притупляется или, лучше сказать, становится необыкновенно взыскательнымъ: картинныя галлерей производятъ то же впечатлѣніе, какъ богатство дворцовъ: становишься холоденъ ко всей роскоши обстановки или таланта. Но дрезденская галлерей составляетъ блистательное исключеніе. Не смотря на то, что мы имѣли, на первый разъ, какіе-нибудь полчаса времени и сѣвши увидѣть перль ея—сикстинскую мадонну, почти пробѣгая мимо ряда замѣчательнѣйшихъ картинъ, невольнo останавливаешься какъ прикованный къ мѣсту и стояшь, не желая оторваться, когда вдругъ бросаются въ глаза созданія въ родѣ св. Цециліи—Дольчи, Мадонны—Гольбейна, св. Магдалины—Баттони или Корреджіо. Наконецъ, и сикстинская Мадонна Рафаэля! Комната, въ которой стоитъ она, посвящена ей одной: да и что же можно помѣстить возль нея. Мы молча сѣли напротивъ на скамейкѣ — и только шопотомъ говорили: чудно! чудно! Что меня поразило въ ней, это типъ лица: такъ онъ новъ, такъ непохожъ на тыны всѣхъ лицъ, которыя видали на другихъ картинахъ: это не красавица, но небесный ликъ, согрѣтый какою-то внутреннею, духовною красотою. Видно что передъ вами стоитъ св. Дѣва. Впрочемъ, го-

ворить объ этой картинѣ бесполезно. Я только хотѣлъ сказать,— и желалъ бы повѣрить, производить ли это созданіе на другихъ русскихъ то же впечатлѣніе, какъ на меня, что типъ лица Мадонны (разумѣется за исключеніемъ выраженія, ему приданнаго мнѣ показался чѣмъ — то знакомымъ, роднымъ, нашимъ свернымъ типомъ. Съ моей стороны это никакъ не патриотическое увлеченіе, но мягкій овалъ лица, этотъ тихій взглядъ, этотъ вогнутый носъ, русые волосы—я не знаю ни въ еврейскомъ, ни въ греческомъ, ни въ итальянскомъ или другомъ европейскомъ типѣ.

Было два часа, галерею закрывали и мы воротились прямо къ какому-то скверному винегрету. Погода была также въ родѣ винегрета, и я утомленный перевозомъ, раннимъ пробужденіемъ и галереей, бросился на постель и хотѣлъ вспомнить доброе деревенское послѣ объѣда, когда навъшишь гречневой каши со щами, ляжешь съ книгой въ руки и проснешься, какъ разъ къ чаю.

— Что это вы хотите дѣлать? воскликнули мои спутники. — Спать, господа, непременно спать.— Спать, какъ это можно? развѣ вы за тѣмъ пріѣхали въ Дрезденъ?—А развѣ я пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы морить себя безсонницей?—Да вы никакъ и раздѣлись?—Въ этомъ-то и вся прелесть. — О, ужасъ! нѣтъ, извольте одѣваться и пойдемъ по городу. — Господа! говорилъ я сквозь сонъ, не будемъ держаться рутины и бѣгать изъ угла въ уголь. Что, вамъ мало еще впечатлѣній на сегодня? Проснулись въ Берлинъ, объѣдали въ Дрезденъ, видѣли сикстинскую мадонну и выпили какой-то адской микстуры, вмѣсто водки. Отдохните! Побесѣдуйте тихо среди рѣдкостей незнакомаго намъ города, съ сигарой во рту, въ нашихъ комнатахъ. Какое намъ дѣло до рѣдкостей, когда мы устали; для меня вся здѣшняя Grüne-gewölbe (собраніе драгоценностей и рѣдкостей) не стоитъ теперѣ часу добраго сна. Вѣдь мы видѣли мадонну.

Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучшей сокъ на вѣки извлекли...

— Но юныхъ силъ мы тѣмъ не берегли! Погода проясняется, идемте! отвѣчали мнѣ.

Меня подняли и повели на Brüll'sche Terrasse (Брюллеву террасу). Эта терраса выстроена на берегу Эльбы; на ней бульваръ и большой ресторанъ (Бельведеръ). Былъ часъ музыки и собра-

ня лучшей публики. Занятивъ нѣсколько грошей, мы взошли въ круглую, довольно темную залу. На эстрадѣ игралъ оркестръ, передъ эстрадой по всей залѣ столики, одинъ возлѣ другаго. Вокругъ каждаго ни одного свободнаго мѣста: всѣ пьютъ, ѣдятъ, курятъ и слушаютъ музыку. Боже мой, да что же это такое! онятъ пиво, ѣда и музыка, какъ въ Берлинѣ! Неужели Нѣмцы не могутъ ѣсть безъ музыки или слушать музыку безъ ѣды? Дождь, скука и усталость однако взяли свое и мы скоро возвратились.

На другой день, утромъ, мы онятъ отиравились въ галерею, но какъ было еще рано, то зашли въ музыкальный кабинетъ Кауфмана. Комната уставлена разными невѣдомыми мнѣ инструментами, то въ родѣ стѣнныхъ часовъ, то, какъ вертикальныя лихтенталевскія пиянино, въ углу стоялъ восковой автоматъ, съ трубой во рту; изъ другой комнаты видѣлась съ трубами, барабанами и литаврами огромнѣйшая машина (оркестріонъ). Какой-то инструментъ игралъ у стѣны и какая-то барышня сидѣла за другимъ и ему акомпанировала. Это, впрочемъ, я узналъ потомъ, а сначала я не зналъ, кто играетъ и кто кому акомпанируетъ. Нѣсколько человекъ слушало, и мы стали слушать: ничего! немного странно, а не дурно. Когда барышня перестала играть, самъ Кауфманъ началъ намъ показывать инструменты.—Это, говорилъ онъ, гармоніумъ, а это гармониконъ. Это авладіонъ, а этотъ струнный кордаліонъ. Этотъ съ трубами беллоніонъ, а это симфоніонъ. Это автоматъ, играющій на трубѣ, а это оркестріонъ (цѣною въ 20 тыс.), играющій на всѣхъ инструментахъ. И онъ заставлялъ по очереди играть всѣ *оны* его устройства и изобрѣтенія и показалъ намъ коротенькій листочекъ его покушниковъ. Между ними есть фамили двѣ русскія, но всѣхъ очень немного. Кауфманъ былъ ужасно въжливъ и внимателенъ, а какъ съ насъ за входъ не взяли ничего, то мы, въ свою очередь, были то же внимательны и въжливы. Наконецъ мы разсыпались въ благодарности и хотѣли уже уйти, когда любезный хозяинъ замѣтилъ, что съ насъ слѣдуетъ по гульдону. Впрочемъ, чѣмъ же ему и жить съ своими гармониконами!

Утро онятъ ушло на галерею и мы не замѣтили его, а замѣтилъ я, и то сію минуту, перебирая указатель, что мы забыли о существованіи и уехали, не выдавъ подвальнаго этажа съ настѣями, но изъ Богеміи уже далеко возвращаться.

Послѣ обѣда, мы по обыкновенію, пошли гулять. Я остано-

вился въ одной лавкѣ купить фотографіи Магдалинъ Баттони и Корреджіо, которыя мнѣ особенно понравились. Пріятели мои поджидали, потомъ стали звать меня и не дозоясь, убѣжали за какимъ-то интереснымъ предметомъ. Я остался одинъ. До квартиры было не далеко, но что дѣлать въ гостинницѣ? и я пустился одинъ въ лабиринтъ незнакомыхъ улицъ. Бродить такимъ образомъ есть особенное удовольствіе; не знаешь, что увидишь, куда выйдешь: тутъ нѣтъ ничего заказнаго и заученаго. Вотъ стоятъ какія-то фуры на площадкѣ: онѣ служатъ для перевозки мебели; вотъ волю везутъ возъ въ гору, но они везутъ не шей въ ярмъ, какъ у насъ, а лбомъ, на который надѣта какая-то бляха въ видѣ хомута, вотъ собака въ дышлѣ везетъ два боченка съ водою, мальчишка помогаетъ ей. На улицахъ вѣды немного, но за то кучеръ не закричитъ зѣвакъ, каждый смотри за собою*. Вотъ крестьянка въ какомъ-то шпакѣ съ завиткомъ, въ родѣ занятой, на головѣ, но это завитокъ національный! Вы его видите и въ украшеніи домовъ, и на каскѣ жандарма, и на высокой остроконечной верхушкѣ хомута. Если крестьянинъ работаетъ въ полѣ въ узкихъ штанахъ, то вы чувствуете, что онъ, какъ говоритъ И. А., имѣетъ историческое право на эти узкіе штаны. Вообще, Пруссія и Саксонія произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе. Всякій дѣлаетъ свое дѣло и никто другъ другу не мѣшаетъ; всякій господинъ въ своемъ кругу. Уваженіе къ правамъ другаго и сознание собственныхъ правъ. Простолудинъ не забудется съ вами, вѣжливо приподниметъ фуражку и скажетъ: гуть-моргенъ, иногда безцеремонно потреплетъ васъ по плечу, но не позволитъ и съ собой забыться. «Я далъ нѣсколько лишнихъ грошей на водку коммисіонеру, принесшему мой чемоданъ», говорилъ мнѣ пріятель, «онъ бросился къ рукѣ. Мнѣ стало совѣстно и я отдернулъ ея; но онъ поймалъ ее и крѣпко пожалъ!» Однакожь пока я думалъ, вѣроятно совсѣмъ не о томъ, о чемъ пишу теперь, я выбрелъ къ знакомому мнѣ Цвингеру (огромному зданію, въ которомъ помѣщаются разные музеи и собранія картинъ и рѣдкостей), оттуда уже за-знаемо прошелъ въ кофейную пить пиво и смотреть, какъ барка билась противъ теченія Эль-

* Въ Австріи это равнодушіе и невнимательность доходить до цинизма! Кучеръ не отвѣчаетъ, если задавить пѣшехода, и я слышалъ, что недавно въ Карлсбадѣ почталіонъ прервнодушно проѣхалъ черезъ женщину, которая неосторожно подвернулась.

бы, чтобы пройти под мостъ. На террасѣ встрѣтился съ своими спутниками, взяли коляску и отправились въ загородный дворцовый садъ. Садъ большой, прекрасный, тѣнистый. Не далеко отъ дворца нѣсколько простенькихъ кофейныхъ; рядомъ крестьянскіе хлѣва. Мы зашли въ лѣтній театръ. Ложи и сцена имѣютъ потолокъ, но партеръ открытый. Большое полотно, въ случаѣ нужды, закрываетъ его отъ дождя и солнца. Оркестръ маленькій, но порядочный; если не актрисы, то декорации свѣжи. Публика пьетъ, ѣстъ, курить и слушаетъ; въ хорошей лѣтній вечеръ этотъ незатѣйливый театръ очень милъ.

Мы непременно хотѣли видѣть саксонскую Швейцарію и предполагали ѣхать въ это утро, но пасмурная погода, къ вечеру разъяснившаяся, обманула насъ. На слѣдующій день, одинъ изъ моихъ спутниковъ долженъ былъ разстаться съ нами, другой предполагалъ возвратиться скоро опять въ Дрезденъ, а тогда посвятить нѣсколько дней повздкѣ, — я рѣшился ѣхать одинъ.

Это было воскресенье. Мы пошли утромъ въ католическую придворную церковь (Katholische Hofkirche) послушать ея замѣчательный органъ—последнее произведеніе знаменитаго Зильбермана (о которомъ я въ первый разъ тутъ узналъ), и не менѣе замѣчательное пѣніе. Дѣйствительно, то и другое прекрасно, но все это: звонъ колоколычиковъ и родъ пѣнія, и колынопреклоненные мальчики и швейцары съ булавою производятъ довольно странное впечатлѣніе!

А швейцарская Саксонія забыта? спросите вы. — Ни чуть не бывало: я ее осмотрю послѣ обѣда! она, какъ бы вамъ сказать, не то, что съ ладонь, но немного побольше; на подробный пѣшеходный осмотръ ее надо три дня, а по нуждѣ и нѣсколькихъ часовъ довольно. Дѣйствительно, я пообѣдалъ пораньше, справился съ указателемъ, спросилъ наставленія у хозяина гостиницы и къ двумъ часамъ пріѣхалъ на станцію дрезденско-прагской желѣзной дороги. Я взялъ мѣсто до Петиса, насъ посадили въ вагонъ со столомъ и соломенными стульями, какъ въ комнатѣ (въ такомъ вагонѣ только и можно ѣздить на прогулку) и мы двинулись. Дорога идетъ вверхъ по лѣвому берегу Эльбы; подъ самымъ городомъ она пересѣкаетъ часть дрезденскаго поля сраженія и чѣмъ подвигается далѣе, тѣмъ становится живописнѣе. Ближе и ближе прижимается она къ водѣ, а между тѣмъ берегъ поднимается надъ ней все выше и выше, и живо-

пленный городокъ Пирна, свѣсившись съ берега высокими здавіями, смотреть на дорогу и рѣку. Вскорѣ мы вышли въ маленькой деревушкѣ Петиса и толпой направились къ Эльбѣ. Нѣсколько лодченокъ подъѣхало и взяло насъ: мы переправились. Явились проводники съ бляхами на рукавахъ, нѣкоторые взяли верховыхъ лошадей, осѣданныхъ для обоюго пола дамскими сѣдлами, я присталъ къ двумъ Пруссакамъ съ дамой, и мы пустились вслѣдъ за другими, по тропинкѣ. Дорожка утоптанная, какъ въ саду, слегка поднималась въ гору по окраинѣ оврага. Горы все выше и выше поднимались надъ нами и сходились тѣснѣе и тѣснѣе. Я ушелъ впередъ, вдругъ Пруссаки кричатъ мнѣ. Что такое?—Поворотимте по этой тропѣ на лѣво, тутъ есть интересное мѣсто. На большомъ камнѣ была надпись: прямо въ Бостей, въ лѣво *Ottowalder Gründ*. А! тутъ на дорогѣ *адъ* и *чортова кухня*! Какъ не заглянуть въ нихъ? и мы повернули. Отвѣсныя скалы все тѣснѣе и тѣснѣе сходились надъ нами. Сосны и ели высились на ихъ верхушкахъ, нныя свѣсились вмѣстѣ съ какимъ-нибудь одинокимъ, угрюмо нависшимъ камнемъ и сурово глядѣли на насъ, маленькихъ, опирающихся на палки, человечковъ. Наконецъ проходъ такъ стѣснился, что только узкая лента голубаго неба свѣтилась на верху; наконецъ и его не видно: огромный камень легъ надъ нами темнымъ сводомъ; если это адъ, то онъ неподобенъ для проходящихъ. Мы взглянули еще въ раздвигающуюся за нимъ ложбину и воротились назадъ. На дорогѣ намъ попалась незамѣченная нами щель между камнями; нагнувшись, прошли мы по ней нѣсколько шаговъ и очутились на прежней тропинкѣ. Это *чортова кухня*. Не знаю, когда и что готовили черти въ этомъ проходѣ, усыянномъ торчащими камнями, но освѣщенные огнемъ а *la Rembrandt*, укрывавшіеся въ нихъ разбойники могли бы быть чуднымъ сюжетомъ для картины.

Опять мы подошли къ указательному камню и на этотъ разъ уже не сворачивая съ тропы, пошли къ нашей цѣли—Бастею. Впрочемъ и своротить было бы трудно, потому что прежнія отвѣсныя скалы неуклонно слѣдили за нами. Воздухъ свѣжъ и благоуханенъ, скалы и лѣсъ—лѣсъ и голыя сврыя скалы, перемѣшиваясь острыми своеобразными, непрерывно измѣняющимися группами въ темномъ полусвѣтѣ ущелья, съ яркимъ зноемъ и солнцемъ по верхней окраинѣ составляли видъ неподобный. Я вспомнилъ Кавказъ и Дарьяльское ущелье; оно съ своими глад-

кими отвѣсными скалами, лишенными всякой растительности поражаетъ еще сильнѣе, но тоскливо, безотраднo и тяжело давить сердце. А здѣсь идешь какъ въ паркъ и только говоришь: прелестно! прелестно!

Тропинка поднималась все круче и круче; мы устали порядкомъ, когда вышли на плоскую поверхность нагорнаго берега, но видъ на окрестности былъ закрытъ лѣсомъ. Тяжело ступая, мы все подвигались впередъ по легкому нагорью, наконецъ лѣсъ сталъ прерываться и за нимъ проглядывала какая-то пропасть. Наконецъ, вотъ домики кофейной, я пробѣжалъ мимо ее, перешелъ крошечный мостикъ и сталъ на голомъ, огражденномъ рѣшеткой камнѣ, отдѣлившемся отъ скалы, высунувшемся и дерзко свѣсившемся надъ долиной, которая саженъ на сто ниже разстилалась у ногъ его. Это знаменитый Bastei — бастіонъ!

Видъ восхитительный! Быстрая Эльба съ деревушками, барками и изрѣдка пароходомъ—лежитъ извиваясь у ногъ. Широко раскинулась долина ея. По ней, точно вырѣзанные изъ сплошнаго камня и страшною силою выдвинутые вверхъ, торчали одинокіе обрывистые острова скалъ огромной высоты, одѣтые сверху зеленой опушкой лѣса. На одномъ изъ этихъ гигантскихъ, иззубренныхъ каменныхъ оазисовъ, вверху бѣляясь, льются какія-то строенія. Я посмотрѣлъ вверхъ съ помощью телескопа и узналъ отъ хозяина его, что это крѣпостца Кѣнигштейнъ. Верхній конецъ дороги въ нее проходитъ сквозь домъ коменданта и такъ крутъ, что экипажи по немъ втаскиваются на веревкахъ. Замѣчательнъ тамъ колодезь въ 900 ф. глубины, изъ котораго два челоуѣка въ десять минутъ едва могутъ поднять бадьи. Есть тамъ снарядъ для спуска въ него путешественниковъ: Англичане, говорятъ, спускаются.

Я долго не могъ сдвинуться съ мѣста, любуясь на скалистые Königstein, Lilienstein, Bärenstein, одиноко стоявшіе по окраинамъ долины, любовался на Эльбу и теряющуюся въ скалахъ и туманъ долину, то ярко освѣщенную солнцемъ, то покрытую тѣнями скалъ. Посмотришь внизъ съ отвѣсной высоты и голова начинаетъ кружиться. Что ни повернешься, то новый видъ, новая прелесть. Однакожъ, времени мало. Я зашелъ въ гостиницу, закусилъ сырoмъ и рейнвейномъ и сталъ спускаться въ *Rathenz*, небольшую деревушку на Эльбѣ, почти у подножія Бастея.

Спускъ очень крутъ. Только что сбѣжишь нѣсколько саженъ и новая прелесть. Гранитный мостъ перекинутъ черезъ разщел-

пвшуюся скалу и упирается въ узкую ложбинку, между камней. съ моста на право, сквозь скалы, видъ на Эльбу, на лѣво въ глубокой отвѣсный оврагъ. По камнямъ, которые съ четырехъ угловъ стоятъ надъ мостомъ, написано пропасть именъ. Экъ какъ велика страсть у челоука, чѣмъ нибудь—хоть даже углемъ. оставить слѣдъ по себѣ! Судя по мѣсту нѣкоторыхъ надписей. видно что для нихъ должны были лѣпиться по камнямъ, рисковали сломать себѣ шею, большіе дураки съ маленькимъ самолюбіемъ, за тѣмъ только, чтобы назвать себя по имени.

Еще пониже я увидѣлъ свѣсившуюся надъ Эльбой, такъ называемую *terrassy*. Въ счастливые времена среднихъ вѣковъ, говорить преданіе, храбрые и благородные рыцари взбирались на эту террасу, кидали съ нее камни въ плывущіе внизу лодки, и потопивъ пловцовъ, неустрашимо обирали ихъ. Доброе рыцарское время!

Трона, мѣстами изсѣченная въ ступени, спускалась такъ круто, что я съ трудомъ удерживаясь, почти бѣжалъ по ней и на поворотѣ чуть не наткнулся на кого-то. Это были двое носильщиковъ, которые несли на гору какую-то толстую барыню. О, какъ тяжело они зарабатывали свой хлѣбъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ я сошелъ внизъ и сѣлъ на стулъ маленькой кофейной, раздакъ звонокъ и пароходъ подошелъ сверху къ пристани. Мы взошли на него и поплыли по теченію къ Дрездену. Мѣстами останавливались, чтобы брать путниковъ, мѣстами потому, что задѣвали за мѣль. Переправляясь ежегодно черезъ Оку, Волгу и Каму, я нашелъ, что Эльба узенькая и мелководная рѣчонка, а между тѣмъ по ней ходятъ пароходы, а по нашей Бѣлой (Оренбургской), которая втрое шире и вѣрно вдвое глубже, боятся пускать ихъ. Правда, у насъ не набралось бы столько пассажировъ какъ здѣсь, потому что подъ конецъ стало тѣсно. Въ сумерки проѣхали мы городъ Пильницъ, какой-то королевскій дворецъ въ родѣ китайскаго ряда на Нижгородской ярмаркѣ, и было уже такъ темно, когда подѣхали къ Дрездену, что на берегу въ треножникъ зажгли смоляную бересту, чтобы при ея свѣтѣ выпустить насъ на берегъ и отобрать билеты. Если вамъ придется быть въ Дрезденѣ, повѣжайте въ Саксонскую Швейцарію на всѣ четыре дня: вы не будете жалеть этого времени и скажете и ей и мнѣ спасибо.

Лейпцигъ и дорога.

На другой день я простился съ моимъ оставшимся спутникомъ и въ 10 часовъ выехалъ въ Лейпцигъ. Опять, пройдя подъ тотъ же туннель, дорога отдѣлилась отъ дрезденской и я закрылъ глаза. А скоро ли будетъ мостъ черезъ Эльбу? спросилъ я чрезъ нѣсколько времени моего соседа. — Мы его провхали, отвѣчалъ онъ. — А огромный виадукъ на 26 быкахъ, черезъ Дѣльницкую долину?—И его вы проспали! отвѣчалъ онъ смѣясь. Мы уже подъ Лейпцигомъ.—А, такъ я увижу, по-крайней-мѣрѣ, поле сраженія!... И дѣйствительно, я увидалъ часть этого поля, или лучше сказать часть этого жнива: удобренное кровью 120 т. труновъ, оно давало прекрасный хлѣбъ, которымъ было засѣяно: хлѣбъ этотъ начинали уже убирать. Вскорѣ мы прѣехали въ Лейпцигъ.

Я хотѣлъ отвести свои вещи прямо на станцію Франкфуртской дороги, думая что она рядомъ. Но это была другая станція, а та, какъ говорятъ, далеко. Я сѣлъ въ первую попавшуюся коляску и велѣлъ вести себя въ первую означенную у Рейхарда гостиницу, но возница мой отвѣчалъ что-то отрицательно и везъ своей дорогой. Я съ нимъ не спорилъ, полагая, что привезетъ же онъ меня куда-нибудь, и дѣйствительно, онъ привезъ въ какую-то гостиницу Пальмоваго-Дерева, отъ которой былъ высланъ на станцію. Чтожъ, тѣмъ лучше, отдохнемъ подъ пальмами.

Пальмъ однако же не оказалось, а оказался довольно плохой обѣдъ, къ которому я какъ разъ поспѣлъ. Поездъ въ Плауэнъ отходилъ въ 5 часовъ (2 часовой я пропустилъ, желая взглянуть на Лейпцигъ), у меня оставалось три часа времени: я развернулъ планъ города, сообразилъ дорогу и отправился. Лейпцигъ въ теперешнюю пору не представляетъ ничего замѣчательнаго, его три ярмарки съ знаменитой книжной торговлей бывають около Пасхи, Михайлова дня и Новаго года. Я пошелъ по бульвару, или лучше сказать, маленькому саду, окружающему весь городъ, дошелъ до Августовой площади, нашелъ ее вовсе не замѣчательной и повернулъ въ улицу. Зайти въ погребокъ *Auerbach*, гдѣ происходила или лучше сказать не происходила извѣстная сцена, описанная въ Фаустѣ, было не съ кѣмъ, я зашелъ къ книгопродавцу, чтобы купить Рейфа, которымъ забылъ запастись въ Петербургѣ. Магазинъ огромный, книгопродавецъ

долго рылся въ немъ и въ кладовой, и объявилъ, что Рейфа готовится новое изданіе, а старое вышло, и въ замѣнъ предложилъ какой-то словарь съ разговорами на четырехъ языкахъ. Я прочелъ нѣсколько русскихъ фразъ и расхохотался. Надо бы имѣть ивдный лобъ, чтобы выдавать ихъ за русскія. Запасся довольно плохими сигарами, чтобы избѣжать еще худшихъ въ Австріи, я опять вышелъ на бульваръ, прямо къ какому-то нямятнику. Тошій старикашка, съ книжечкой въ рукъ, скромно сидитъ на своемъ камнѣ: смотрю подпись—Ганнеманъ. «А! тебя-то я и желалъ видѣть! Я привезъ къ тебѣ поклонъ отъ нашего почтмейстера. Ты его не знаешь, но онъ знаетъ тебя и тебѣ кланяется. Твои крошечные приемы дѣлаютъ въ его рукахъ чудеса! Не говорю о боляхъ физическихъ, это ни по чемъ, но нужно ли отправить письмо, когда почта упаковывается, или получить посылку въ праздничный день, стоитъ только принять нѣсколько крупинокъ, даже меньше того, поговорить о гомеопатіи съ почтмейстеромъ, и письмо принято, посылка выдана! Привѣтъ тебѣ, великій человекъ, отъ нашего почтмейстера и его націонтовъ.» Я скинулъ шляпу и поклонился, но докторъ не былъ такъ въжливъ какъ командоръ: съ Донъ-Жуаномъ: онъ мнѣ не отдалъ поклона.

Въ пять часовъ мы выехали по саксонско-баварской дорогѣ. Этотъ путь былъ не безъ приключеній. На полстанціи, не дожидая Альтенбурга, повзздъ остановился. Что такое? — Сломался поршень у локомотива. Мы вышли на дорогу и ждали около часа, пока изъ Альтенбурга, по требованію телеграфа (атмосферическаго), не выслали намъ новой машины. Тутъ нтъ еще ничего удивительнаго, машина можетъ сломаться легко, и слава Богу, что дѣло обошлось безъ несчастія. Но вотъ что удивительно, остановились мы въ чистомъ полѣ, у маленькой будки, въ которой живетъ сигналистъ телеграфа. Чтожъ вы полагаете? Въ ту же минуту является какая-то женщина, спускается подъ мостикъ (трубу), на которомъ стоитъ повзздъ, открываетъ тамъ дверь въ погребъ и начинаетъ продавать пиво всемъ желающимъ, а ихъ было врно нѣсколько сотъ! Гдѣ хотите въ Германіи остановитесь и скажите громко, или шепотомъ, подумайте только, что хотите пива — и пиво явится. Я въ жизнь свою, конечно, не выпилъ его столько, сколько въ эти двѣ недѣли. Чтожъ дѣлать, съ волками жить и пр.

Въ Альтенбургъ мы разумется опоздали. Наступила ночь и

съ нею та страшная гроза (20 июля), о которой говорили все газеты. Въ вагонахъ, узкихъ и раздѣленныхъ на отдѣлы, зажгли лампы; насъ было только двое съ какимъ-то господиномъ; я дремалъ, а по временамъ, открывая глаза, различалъ при свѣтѣ молнiи блязущiеся по долинь городки и фермы, которые на мгновенiе появлялись сквозь тьму и мимо которыхъ мы летѣли. Вдругъ, на одной маленькой станци растворяются дверцы и къ намъ изъ-подъ дождя и вѣтра входятъ мужчина и женщина. Мужчина, такъ себѣ, пожилой нѣмецъ, но женщина—прелесть! Я рѣдко видалъ такую, не скажу красавицу, но такое прелестное лицо. Въ полумракѣ вагона, изрѣдка ярко освѣщаемая яркими вспышками молнiи, она, молчаливая и задумчивая, казалась какимъ-то виднiемъ. Я долго любовался ею изъ своего угла и не спускалъ съ нее глазъ до-тѣхъ-поръ, пока она не закрылась. — «Вы тоже въ Плауэнъ?» спросилъ меня на ломаномъ французскомъ языкѣ, да еще заикаясь, ея спутникъ, который, какъ оказалось изъ разговора, былъ не мужъ незнакомки.—Въ Плауэнъ, чтобы отправиться въ Франценсбадъ, отвѣчалъ я.—А гдѣ вы остановитесь.—Да не знаю, гдѣ ближе, я думаю на почтѣ.—Остановитесь у Дэйля, сказалъ онъ. Хорошая гостинница и экипажи: онъ васъ отправитъ въ Франценсбадъ.—Да гдѣ теперь я отъищу его? — Отъ него здѣсь экипажъ: мы повѣдемъ вмѣстѣ. При этомъ *мы*, все мои противорѣчiя прекращаются: я благодарю и соглашаюсь.

Прiѣхали въ Плауэнъ—ночь, зги не видно, дождь и грязь. Я едва отыскиваю свой чемоданъ, вижу большой экипажъ, спрашиваю: отъ кого? — Отъ Дэйля— и залѣзаю въ него. Смотрю, какiе-то спутники, дамы, но кажется не мои. Вѣрно они въ другомъ отдѣленiи, но пересаживаться некогда, мы ѣдемъ. Прiѣхали. Выхожу изъ экипажа, отыскиваю хозяина, спрашиваю комнату, говорятъ нѣтъ комнаты! «Какъ нѣтъ? Да зачѣмъ же вы посылаете свой экипажъ и приглашаете пассажировъ, когда нѣтъ комнаты? — Последнiя сейчасъ заняты! — Чтожъ мнѣ дѣлать въ полночь, въ грозу, въ незнакомомъ городѣ? Помѣстите гдѣ хотите! Я спорилъ, сердился, бранился и наконецъ примирился: хозяинъ рѣшился устроить мнѣ ночлегъ въ столовой.

Пока въ одной комнатѣ завѣшивали простынею стеклянную дверь и ставили мнѣ кровать, я спросилъ ужинать въ другой. Со мной съѣлъ мой лейпцигскiй спутникъ, принимавшiй участiе въ моемъ помѣщенiи. — А гдѣ же нашъ спутникъ съ дамой?

спросилъ я его, видно они ужинаютъ въ своемъ номерѣ.—Нѣтъ, я полагаю у себя дома, они живутъ въ Плауэнѣ.—И вотъ конецъ такъ романтически начавшейся встрѣчи! Я былъ такъ огорченъ, что немедленно пошелъ спать. Постель была хорошо устроена, но хозяинъ, полагаю, въ мнѣніе за безпокойство, уложилъ меня на пуховикъ, да мало того, не смотря на духоту, еще далъ пуховикъ вмѣсто одѣяла. Однакожъ, на перекоръ ему, я уснулъ прерывко и проспалъ бы до полудня, если бы съ 6 часовъ не стали являться ко мнѣ непрерывно посетители: то слуга за посудой, то голодный путешественникъ, были и дамы, но прекрасная незнакомка, увы! не явилась.

Въ 9 часовъ затрубилъ почтальонъ, въ бѣлыхъ штанахъ, круглой шляпѣ и желтомъ мундирѣ. Насъ затолкали шестерыхъ въ середину кареты, и мы отирались въ Австрію.

Вечеромъ я былъ въ Франценсбадѣ, гдѣ купаюсь въ его водѣ и грязи четыре недѣли и наконецъ, на дняхъ могу его бросить, чтобы заблудить въ Альпахъ. Оттуда опшну вамъ и Франценсбадъ и Гастейнъ.

Франценсбадъ, 9/18 августа 1857 г.

ИИХ. АДЪЕВЪ.

ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Письмо III-е.

Франценсбадъ.

«Нѣмецъ хитеръ, нѣмецъ обезьяну выдумалъ», говоритъ нашъ народъ. Правда, выдумать обезьяну дѣло не легкое, однакожъ русскій человекъ его перенялъ и выдумалъ въ свою очередь медвѣдя. Но есть нѣмецкая штука, гораздо хитрее, это выдумка залезать въ грязь и сидѣть въ ней черезъ день около получаса въ теченіи 4-хъ—6-ти недѣль. Однакожъ нѣмцы выдумали и это, и что еще удивительнѣе, ежегодно болѣе двухъ тысячъ человекъ съвязаются часто изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ за тѣмъ, чтобы имъ подражать и посидѣть въ свою очередь въ грязи. Конечно, человекъ животолубивъ и ради поправленія здоровья, готовъ перенести всякія гадости; нашли, что франценсбадскія грязи полезны, чтожъ, попробуемъ! попачкаемся въ франценсбадской грязи, куда не шло! но какъ нашли? Кто первый испробовалъ? Вотъ вопросъ, который поставяетъ меня въ тупикъ! Кому первому пришло въ голову, что эти грязи полезны, и кто имѣлъ столько глупости и характера, чтобы на себя пробовать ихъ и ежедневно погружаться въ нихъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, да еще не чувствуя отъ того никакой пользы, потому что польза отъ грязей начинаетъ чувствоваться, говорятъ обыкновенно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Известно, что первые медяки пользовались уроками и опытностію животныхъ, и если фармацевтика мало дѣлаетъ новыхъ открытій, такъ это потому, что новѣйшіе зокулапы возгордились и презираютъ своихъ учителей. Изъ животныхъ только одна свинья могла въ этомъ случаѣ подать примѣръ человеку. Но свиньи любятъ всякую грязь и свиństwo и вездѣ, какъ кажется, чувствуютъ себя очень хорошо: она пожалуй, и не туда за-

ведутъ, слѣдовательно въ этомъ случаѣ медицина не могла противъ обыкновенія воспользоваться и ихъ открытіемъ. Кто же былъ первый, взявшій на себя роль свиньи? Это великое открытіе, какъ и многія другія, какъ и взятки тургеневскаго стряпчаго — покрыто мракомъ неизвѣстности.

Въ имѣніи моихъ братьевъ, гдѣ я провожу каждое лѣто, есть желѣзистое болото. Очень можетъ быть, что оно полезнѣе франценсбадскаго, но какъ, къ сожалѣнію, никто еще не испробовалъ этого, то я въ одно прекрасное утро вынужденъ былъ покинуть оренбургскую деревню, для того, чтобы въ одинъ прекрасный вечеръ пріѣхать въ австрійское мѣстечко.

Австрійская таможня самая непріятная изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ таможенъ. Кропотливая визировка паспортовъ, осмотръ чемодановъ, въ которыхъ, разумѣется, ничего не найдутъ, вопросы, распросы. Она поражаетъ васъ пошлостью и секвестромъ въ самыя пріятнѣйшія потребности—вино и табакъ. Отъ этого вы не найдете въ Австріи хорошихъ сигаръ и вина или найдете ихъ по двойной цѣнѣ. Мнѣ показалось, и кажется весьма основательно, что самый бытъ простаго класса, обработка полей и ходъ административной машины, все въ ней хуже, чѣмъ у югозападныхъ соседей. Съ этими чувствами я въѣхалъ въ Богемію и чрезъ нѣсколько минутъ подвѣзжалъ уже къ Франценсбаду.

Франценсбадъ стоитъ всего верстахъ въ пяти отъ границы. На покатои, слегка волнующейся равнинѣ, сжался маленькій чистенькій городокъ съ садами и парками. Да нѣтъ, это и не городокъ, это сорокъ или пятьдесятъ гостинницъ, правильно расположенныхъ въ двухъ-трехъ улицахъ. Всѣ дома каменные, всѣ до одного съ гостинницами и названіями, въ которыхъ преобладаетъ золото. Золотой крестъ, золотая лань, золотой змѣй, золотой орелъ, словомъ всякія золотыя животныя. Мы въѣхали мимо парка, повернули въ небольшую улицу, усаженную въ два ряда густыми прекрасными каштанами и остановились у почты; и почта въ гостинницѣ: въ гостинницѣ zur Poste.

Мнѣ отвели какую-то клятущку. — «Нѣтъ ли лучше?» спрашиваю я. — «Будутъ двѣ хорошенькія комнаты дня черезъ три: двое русскихъ увѣжаютъ,» отвѣчаетъ горничная. — «А кто эти русскіе?» Она назвала мнѣ такія фамиліи, которыхъ, ручаюсь, на всемъ свѣтѣ не существуетъ. Вообще у нѣмцевъ есть необыкновенный даръ коверкать русскія — даже самыя простыя фамиліи. Кажется самымъ Господомъ-Богемъ у нихъ отнята способность

произносить наши имена, горничная сама сознавала это. «Позвольте, я лучше принесу вамъ Кур-листъ.» Смотрю—одинъ изъ русскихъ мой пріятель, да еще какой пріятель. Черезъ нѣсколько часовъ я былъ въ его объятіяхъ и квартирѣ.

На другой день подають мнѣ печатный листочекъ, весь въ графахъ: просить въ каждой графѣ сдѣлать отмѣтку. «Пишите, пожалуйста», сказалъ я пріятелю, «что тамъ такое?» «Первое имя и фамилія»—на это отвѣчать не трудно. «Второе характеръ.» Какъ характеръ? На что имъ знать мой характеръ? Да и кто его знаетъ, когда я и самъ не знаю его! Пишите, что у меня характеръ самый скверный, въ особенности съ Австріяцами.»—Нето! характеръ, т. е. положеніе. — «Ну, и это вопросъ затруднительный. У меня, какъ водится, много и этихъ характеровъ, по числу одинъ, по должности другой, по происхожденію третій, по занятію четвертый... Пишите—характеромъ отставной капитанъ. Потомъ? «Лѣта.»—Это не скромно! Далѣе? Религія, мѣсто рожденія, откуда ѣдешь, куда, зачѣмъ.... и конца нѣтъ! Повѣрьте, я не прибавляю и еще не все высчиталъ.

Разъ утромъ я, по совету доктора, отправился брать первую грязную ванну. Вдругъ подъ окномъ музыка. «Mein Herr, это вамъ серенада», говоритъ вошедшая нанни (здѣсь въ каждомъ домѣ непременно есть своя нанни). Мнѣ серенада? Чтожъ это, благодарные граждане, что-ли, такъ довольны честью, которую я доставилъ имъ своимъ посѣщеніемъ? Или ужъ не женщина ли какая-нибудь. Кой грѣхъ, не признательная ли читательница... «Mein Herr, это музыканты даютъ серенаду каждому пріѣзжему, угодно вамъ будетъ дать имъ что-нибудь.»—А ну ихъ! мнѣ нужна ваша грязь, а не музыка!—Однакоже высалъ имъ два гульдена и пошелъ въ ванну.

Ваннъ здѣсь въ двухъ заведеніяхъ болѣе двухъ сотъ, и цѣлое утро онѣ все полны. Есть водяныя и грязныя (Moor-bad): ихъ даютъ попеременно; есть кромѣ того дѣши и газовыя ванны. Moor, т. е. грязь, берутъ въ болотъ, сушатъ, мелютъ, потомъ разводять кипяткомъ по желанію—и готово: извольте залъзать по горло и сидѣть по указанію. Года три назадъ, одинъ больной, князь Гика, задремалъ въ ваннѣ, ткнулся въ грязь носомъ, захлебнулся и найденъ былъ мертвымъ! Доктора говорятъ, что это единственный больной, которому ванны сдѣлали нѣкоторый вредъ.

Въ первый разъ забираться въ грязную гуцу неприятно—знач-

каешься, но потомъ привыкаешь, начинаешь понимать вкусь свиной и даже не находишь его очень страннымъ, особенно сообразивъ, что онъ не чувствуютъ потребности отмываться цѣлые полчаса въ другой ваннѣ.

Славное мѣстечко Франценсбадъ, чистое, тихое, бѣлое, кругомъ въ зелени. Карлсбадъ и Мариенбадъ въ 6 часахъ ѣзды, но я не былъ тамъ. Изрѣдка проѣдетъ коляска въ двѣ или одну лошадь, да раза три въ день желтыя почтовые кареты выгружаются и нагружаются больными. За то все здѣсь живетъ на счетъ больныхъ. Не говорю о домохозяевахъ и содержателяхъ отелей, не говорю о прислугѣ, которая не только не получаетъ ничего отъ хозяевъ, но еще платитъ имъ половину того, что получаетъ съ прѣзжихъ; но поборы на госпитали, на бѣдныхъ, на госпитали для бѣдныхъ, наконецъ въ пользу бѣднѣйшей изъ бѣдныхъ—самой Австрій (за право жительства), надовѣдаютъ до крайности. А то бы ничего: особенно если найдешь добрый кружокъ знакомыхъ, какой былъ у меня въ началѣ. Въ шесть часовъ на водопой, до восьми пьешь и гуляешь подъ музыку, потомъ все сами заходятъ въ булочную за хлѣбомъ къ кофею, потомъ кофе *verkehrt* навыворотъ, т. е. больше молока, чѣмъ кофе; ванна въ часъ, обѣдъ въ курзалѣ, человекъ на двѣсти, или дома, газеты въ кабинетъ для чтенія, пожалуй визиты, прогулки, кофе, и опять прогулки, часовъ въ восемь легкой ужинъ,—и покойной ночи до слѣдующаго утра. Окрестностями не богатъ Франценсбадъ. Ѣздятъ въ саксонскую деревушку Шёнбергъ, любоваться видами съ горы и провозить контрабанду: дамы—кружева, мужчины—сигары. Я былъ тамъ разъ, на гору не лазилъ, потому что общество, въ которомъ я оставался, было лучше всякихъ нагорныхъ видовъ, но сигаръ купилъ и надо имъ отдать справедливость—прегадкихъ. А еще провезъ ихъ контрабандой и для этого вдѣлъ въ петличку сюртука желтенькую ленточку съ шоколада, къ которой Австріецъ почувствовалъ должное благоговѣнне, принявъ ее, вѣроятно, за какое нибудь значительное отлице.

Гораздо интереснѣе, съ исторической точки зрѣнія, была поѣздка въ Эгеръ. Эгеръ отъ Франценсбада всего верстахъ въ пяти—и даже самыя воды называются Эгеръ-Франценсбадскими. Городокъ старинный, высокій, закоптѣлый, съ мадоннами и распятіями на всѣхъ улицахъ, мостахъ и перекресткахъ. Насъ подвезли прямо къ ратушѣ. Въ одной изъ ея комнатъ убитъ былъ

Валленштейнъ. Является чичероне, показываетъ эту комнату, уставленную шкафами и столами и похожую на комнату какого нибудь земскаго суда. На стѣнѣ виситъ грубая картина, изображающая сцену убійства. Чичероне становится у окошка, растопыриваетъ руки, принимаетъ позу Валленштейна и начинатьъ: убійцы прокрались въ эти ворота и ворвались въ эту дверь; Валленштейнъ спалъ тутъ и, услыжавъ шумъ, вскочилъ и подбѣжалъ сюда, и проч., и проч., — съ такими подробностями и горячностью, какъ будто онъ самъ убивалъ Валленштейна. За то, когда мы ему дали за труды, онъ попросилъ прибавки, говоря, что очень громко рассказывалъ: дѣйствительно, онъ кричалъ громче покойнаго Валленштейна въ критическую минуту.

Но долго я не забуду впечатлѣнія, которое произвелъ на меня осмотръ эгерской церкви.

Мы вошли въ старинную высокую съ длинными и узкими окнами церковь, и на насъ пахнуло сыростью; стѣны были выкрашены бѣлой краской, изъ-подъ которой проглядывала старинная живопись. Не знаю, былъ ли органъ испорченъ, или его чинили, но во все время какая-то тоненькая флейта ницала непрестанно длинную дребезжащую, раздражающую ноту. Мы подошли къ боковому алтарю и что же? въ нишѣ, подъ стекломъ, лежитъ обнаженный скелетъ! Его ребра перевиты золотой нитью съ бусами или жемчугомъ, челюсть изломана и связана... у меня мурашки пробѣжали по тѣлу!... Надъ этимъ скелетомъ, черепъ и кости головы другаго челоуѣка, на лѣво опять голый скелетъ... еще черепъ съ ямами, вмѣсто глазъ, ослабленными зубами и высокой носовой костью надъ дыроу... Я хотѣлъ уйти, а между тѣмъ какое-то неприятное и безпокойное любопытство заставляло вглядываться въ темную глубину этихъ костей, обглоданныхъ смертью, и воображеніе напрасно старалось одѣть челоуѣческимъ образомъ эти мужскіе и женскіе остатки; а пронзительная нота все звучала свою однообразную кричащую нѣспо. Съ стѣсненнымъ сердцемъ вышелъ я на улицу и только на воздухъ и солнцѣ вздохнулъ свободнѣе.

И такъ, купаясь то въ водѣ, то въ грязи, коротая время то веселыми прогулками въ миломъ и пріятномъ обществѣ, то одиноко бродя по пустыющимъ аллеямъ, среди чужихъ лицъ, я провелъ длинный мѣсяцъ. Сначала у меня было много и старыхъ, и новыхъ знакомыхъ, но потомъ все разѣхались; заводить еще знакомства не хотѣлось и я тяжело доживалъ урочное время

*

курса и томительная тоска, какъ ноющій зубъ, точила меня. Скорѣе, скорѣе изъ этой воды, грязи и сшитой изъ лоскутьевъ заплатанной Австріи: все какъ-то глядитъ уныло и трудится тяжело, едва вырываясь изъ бѣдности. Волы возятъ цѣлыя горы, лошади трудятся, какъ волы, люди—какъ лошади, собаки—какъ люди и женщины—какъ собаки. Одни австрійскіе чиновники ходятъ какъ сторожа, черствыми и сухими фигурами, въ своихъ бѣлыхъ мундирахъ, посреди бѣдныхъ трудящихся богемцевъ и подозрительно смотрятъ на всѣхъ... Наконецъ я могу вырваться отсюда!..

— А чтожъ, какую пользу принесъ вамъ этотъ мѣсячный искусь, спросите вы? Да слава Богу, я чувствую себя хуже! Какъ слава Богу? Да такъ! доктора на водахъ разсуждаютъ, какъ сапожники! Скажите сапожнику, что его издѣлие вамъ жметъ ногу, онъ скажетъ, разносится; скажите, что широко, онъ скажетъ, сядетъ. Такъ и здѣшніе доктора: лучше вамъ—они говорятъ «и прекрасно»,—хуже: они отвѣчаютъ «отлично — значитъ воды дѣйствуютъ и мѣсяца черезъ три вы почувствуете себя лучше!» А черезъ три мѣсяца, какъ говорится въ восточной сказкѣ, или слонъ умретъ, или шахъ умретъ: вы будете за сотню миль отъ водъ и докторовъ и имъ будетъ объ васъ и горя мало.

Съ воды на воды.

(*Баварія и Зальцбургъ.*)

Сторожъ отперъ намъ дверь, зажегъ сальвную свѣчку и въ полупотьмахъ мы начали подниматься по каменной лѣстницѣ. Сдѣлавъ оборота четыре, мы очутились въ довольно просторномъ помѣщеніи, неправильно округленномъ бронзовыми стѣнами. По срединѣ шла вверхъ витая лѣстница, свѣтъ едва проходилъ въ одно маленькое стеклышко, на право было углубленіе, я хотѣлъ взглянуть въ него, сторожъ меня остановилъ: «не ходите, это голова льва» сказалъ онъ. Духота была нестерпимая, жаръ доходилъ до 40 градусовъ. Да! я забылъ сказать вамъ гдѣ мы!

Мы въ Баваріи! Непонятно? Какъ бы это сказать вамъ по деликатнѣе?.. Мы подъ платьемъ Баваріи, подъ ея кринолинами—если только она носить кринолины—чего въ потьмахъ прижттить нельзя. Мы внутри бронзовой статуи, которая называется Баварія, и стоитъ за городомъ, въ Мюнхенѣ. Вышина ее 54, а съ пьедесталомъ 66 футъ. «Угодно подняться въ голову?»

спросилъ проводникъ. Я было ползнулся, но спутники пошли, не оставаясь же въ духотѣ и темнотѣ, подъ юнками дѣлать не чего, ползъ и я. Лѣстница крутая, сквозь горло мы едва пролзли, но въ головѣ было просторно. Насъ было трое (въ томъ числѣ одна дама, нѣмка). Два бронзовые диванчика, съ такими же подъ сафьянъ подушками, стояли въ глубинѣ локоновъ; я поставилъ ногу въ носъ и усвояся, другіе тоже; человекъ три по нуждѣ могли съѣсть еще такъ же удобно, какъ сидятъ въ здѣшнихъ почтовыхъ каретахъ, съ той разницей, что Баварія, слава Богу, стоитъ покойно. Въ прическѣ вставлено два-три крошечныхъ стеклышка, съ которыхъ открывается видъ на Мюнхенъ и окрестности; мы посмотрѣли и поторопились внизъ изъ духоты подъ пронзительный вѣтеръ. — «Нѣмецкая штука!» сказалъ мой спутникъ. «Да еще и преглупая!» отвѣчалъ я, слыша укрыться въ храмъ славы. Храмъ славы тоже нѣмецкая штука, немного поумнѣе. Это большая галерея, или родъ портика съ загнутыми крыльями, открытая къ заду Баваріи и къ лицу Мюнхена. До восьмидесяти бюстовъ замѣчательнѣйшихъ баварскихъ мужей стоятъ по стѣнамъ и смотрятъ въ... спину замѣчательнѣйшей баварской статуи. И все это на высокомъ холмѣ, передъ пустымъ полемъ, на которомъ разъ въ годъ бываетъ народный праздникъ! И для этого надо тащить-ся часъ по закоулкамъ! Колѣна подгибались у меня отъ усталости, сквозной вѣтеръ пронизывалъ насквозь, я проклиналъ отъ души эти нѣмецкія штуки и французскія guid'ы, которые разхваливаютъ ихъ!

У насъ, помнится, существовало мнѣніе, что желѣзныя дороги убиваютъ поэзію русской възды. Желалъ бы я, чтобы защитники пресловутой тройки провхали съ поспѣшнымъ повздомъ, въ ясное лѣтнее утро отъ Гофа къ Бамбергу! Я не видалъ дороги смѣлѣе построенной! Она извивается какъ змѣй и спускается видимымъ покатомъ. Съ опасностью засорить себѣ глаза, противъ всѣхъ правилъ осторожности, невольно высовываешь голову изъ вагона и видишь, какъ вся длинная цѣпь экипажей извиваясь стремится подъ гору. Вагоны безпрестанно накрениваются то на тотъ, то на другой бокъ, а между тѣмъ летишь съ быстротою пятидесяти верстъ въ часъ, летишь по горамъ надъ прелестнѣйшими долинами, составляющими такъ называемую Франконскую Швейцарію. Развѣ это не поэзія?..

Я вывхалъ изъ Гофа по утру въ 9¹/₂ часовъ, а въ 12-мъ мы были уже въ Бамбергъ. Въ Бамбергъ объдаютъ, и ждутъ до-

вольно долго, когда разъедутся другіе поѣзды. Но я забылъ сказать вамъ, что туда на одну и ту же станцію приѣзжаютъ въ одно время три поѣзда: изъ Мюнхена, Лейпцига и Франкфурта и все объѣдаютъ: можете себя представить, какая выходитъ суетня. Я съѣлъ тарелку супу, который стоялъ передъ приборомъ, просилъ, просилъ, ждалъ, ждалъ еще чего-нибудь, наконецъ потерялъ терпѣніе, пошелъ самъ въ буфетъ и взялъ что попало; объ учетъ тутъ и думать нечего, самъ на-силу добьешься, чтобы узнать цѣну и отдать деньги, а швейцары въ синихъ мундирахъ съ булавой расхаживаютъ и кричатъ какой поѣздъ готовъ къ отъѣзду.

Вообще дорога отъ Гофа до Аугсбурга весьма живописна. Монастырь четырнадцати святыхъ, куда приходятъ ежегодно до 50 тысячъ богомольцевъ, Банцъ, бывшее Бенедиктинское аббатство, хорошенкій Гарбургъ, съ своимъ живописнымъ замкомъ, угрюмо стоящимъ надъ нимъ на отвѣсной скалѣ, быстро проходили среди нами. Передъ Донаувертеномъ, возлѣ самой дороги, промелькнулъ высокій камень съ большимъ крестомъ надъ нимъ: здѣсь была казнена ревнивымъ Людовикомъ Баварскимъ, по одному подозрѣнію, его прелестная жена Марія Брабантская! Цѣлый романъ трогательный, грустный и поэтичный навѣваетъ этотъ камень съ крестомъ.

Поѣздъ пролетѣлъ надъ маленькимъ тунелемъ, описалъ довольно крутую, кривую линію и поѣхалъ по мосту. Пароходы, готовые къ отплытію, стояли на рейдѣ и ждали новыхъ пассажировъ. Рѣка не велика—но это Дунай! И сколько опять воспоминаній! Сколько родной крови и славныхъ схватокъ видѣла эта рѣка, не здѣсь! Здѣсь били только Австрійцевъ и гдѣ ихъ не били, но дальше, дальше, тамъ у родныхъ намъ береговъ. Не такъ персправлялись черезъ эту рѣку, на своихъ казачьихъ лошадяхъ, вы, мои близкіе и дорогіе родные! Я промчался черезъ нее на спокойномъ диванѣ вагона, но тайно завидовалъ вамъ и еще разъ горячо васъ вспомнилъ.

Я торопился въ Мюнхенъ, торопился, увы! отъ водъ—на воды, отъ леченія къ леченію, и потому не останавливался ни въ Бамбергъ, ни въ Нюренбергъ, ни въ Аугсбургъ. Прошло часовъ пять послѣ легкаго объѣда, а мы почти не останавливались: я проголодался. — «Подождите, сей-часъ будетъ Нердлингенъ, сказалъ мнѣ одинъ спутникъ, здѣсь извѣстные сосиски!»—Какъ сосиски? помилуйте, да я на діотъ! И такъ я въ Кульмбахъ, да

еще на тощакъ, выпилъ нива, только потому, что оно считается лучшимъ пивомъ въ Баваріи, странъ лучшаго во всей Германіи пива! Да добро бы еще пиво дѣйствительно было хорошо: наше кроновское не въ примѣръ лучше. Нельзя же однако сосисокъ не попробовать! Замѣчательныя, говорятъ, сосиски: вотъ и у Рейхарда сказано!

Дѣйствительно, нельзя не попробовать, особенно когда страшно голоденъ, а горячія сосиски на хлѣбъ подносятъ вамъ подъ самый носъ къ вагону. И я попробовалъ—рѣшительно гадость! Или мой русскій вкусъ никакъ не ладитъ съ нѣмецкой кухней, или у нѣмцевъ, что кажется гораздо справедливѣе, безвкуснѣйшая кухня. Знаменитыя сосиски! Развѣ отъ того только, что онѣ напичканы мускатнымъ орѣхомъ? Это мнѣ напомнило нашего деревенскаго Вателя — Василья, крайне способнаго ко всемъ ремесламъ, но къ сожалѣнію холоднаго только къ одному, которому учился. Сидишь за чаемъ, является беззубая собаченка Амшка, пребывающая на кухнѣ, и вслѣдъ за нею входятъ, кланяется и безмолвно становится у дверей Василій. Сегодня онъ съ густой окладистой черной бородою, а вчера, кажется, былъ выбритъ, какъ Англичанинъ: борода, усы и бакенбарды у него являются и исчезаютъ какимъ-то волшебствомъ.

Проходитъ нѣсколько минутъ молчанія: мы пьемъ чай и кушимъ, Амшка, согнувъ хвостъ кренделькомъ, ждетъ сухарика.

Наконецъ я, на которомъ лежитъ тяжелая обязанность заказывать обѣдъ, дѣлать нечего, приступаю.—Ну, чтожъ сегодня будетъ, Василій?

— Да сегодня надо будетъ приняться за щи! отвѣчаетъ онъ.— Помилуй! да мы съ тобой и вчера, и третьяго дня все, кажется, за щи принимались. Нельзя ли что-нибудь другое.—Василій задумывается.—Борщъ можно! наконецъ отвѣчаетъ онъ.— Да это все тяжело, да и прѣлось! Тамъ, въ книжечкѣ нашей однофамилицы Авдѣвой, которую я нарочно выписалъ для тебя, есть разные супы, выбери что-нибудь! При словѣ книжечка, къ которой Василій чувствуетъ, кажется, родъ ненависти, какъ ко всемъ кулинарнымъ усовершенствованіямъ, лицо Василья принимаетъ мрачное выраженіе.—По книжкѣ нельзя! отвѣчаетъ онъ. «Да отчего же нельзя?»—Мускатнаго орѣху нѣтъ!—Ну, такъ что же готовить, говорю я, обезоруженный и разтерянный.—Да видно, надо за щи приниматься, отвѣчаетъ онъ... И это повторяется каждое утро...

— Не завидна твоя кухня, пріятель Василій; но какъ она лучше нѣмецкой!

Что это какъ разшумѣлся сегодня водопадъ! Ему словно досадно, что я перенесся въ нашу тихую Буруновку!

Часу въ 5-мъ послѣ обѣда мы подъѣзжали въ почтовой каретѣ къ Зальцбургу. Передъ нами стлалась зеленая долина съ нѣсколькими домиками. Крестьяне и крестьянки въ своихъ безобразныхъ тирольскихъ шляпахъ, которыя, вѣроятно въ слѣдствіе моды, утратили свою прежнюю красивую форму и приняли видъ обыкновенныхъ мужскихъ шляпъ, во второй разъ косили сѣно и навивали его на тычинки, воткнутыя по всему лугу.

Было душно и жарко; мы пятнадцать часовъ тащились какою-нибудь сотню верстъ отъ Мюнхена; я терялъ терпѣніе.

— Да гдѣ же, наконецъ, Зальцбургъ? спросилъ я одного изъ спутниковъ. Тутъ долженъ быть Зальцбургъ, а я не вижу ничего, кромѣ долины и этой отвѣсной скалы, возлѣ которой тащимся. Дайте мнѣ Зальцбургъ!

— Черезъ пять минутъ мы будемъ въ Зальцбургъ, съ подстрекающей улыбкой отвѣчалъ спутникъ.

Я еще разъ осмотрѣлся—голая отвѣсная скала, которая тянется вдаль и замыкается высокой скалою, на площадкѣ которой, сплошь застроенной замкомъ, подъ самымъ небомъ стоитъ крѣпостца съ развивающимся австрійскимъ флагомъ.

— Не можетъ же быть, чтобы мы въ эту крѣпость поднялись; а въ Зальцбургъ 16-ть тысячъ жителей, — куда же онъ спрятался?

— А вотъ сейчасъ въ немъ будемъ, повторилъ опять спутникъ, съ своей глупой улыбкой.

Спутникъ этотъ возбудилъ мое негодованіе еще съ той минуты, какъ на подорогъ влѣзъ въ нашу просторную дотолъ карету, и одинъ занялъ двѣ трети ея. Если бы статуя Баваріи обратилась въ живую женщину, то судьба, кажется, на этотъ случай приготовляла его къ ней въ мужа. «Эко, пріятель!» думалъ я, «стоять бы тебѣ лучше съ вянкомъ на головѣ и поднятой дланью на площади славы, тамъ у васъ за городомъ въ Мюнхенѣ! и лазили бы въ тебя любопытные путешественники, а не тѣснилъ бы ты ихъ и безъ того въ тѣсныхъ каретахъ!» И съ этою мыслию я размѣривалъ глазами, сколько человекъ могутъ помѣститься

въ моемъ спутникѣ, и нашель, что если не въ головѣ, такъ въ туловищѣ шестеро такихъ, какъ я, понагнувшись, могли бы усѣсться. Въ эту минуту почтарь захлопалъ бичемъ, карета повернула на лѣво и мы въехали въ ворота или, лучше сказать, тунель, пробитый сквозь скалу. Передъ нами, какъ бы волшебствомъ, явился прелестный Зальцбургъ.

Новымъ воротамъ (Neuer), сквозь которые проѣхали мы, уже 90 лѣтъ. Ихъ соорудилъ архіепископъ Сигизмундъ III-й (въ то время, когда еще Зальцбургъ съ его округомъ составлялъ архіепископство), и въ честь его на воротахъ надпись гласить: «Те саха loquintur» (камни восхваляютъ тебя). Длинная скалистая гора закрываетъ совершенно Зальцбургъ съ запада и онъ вдругъ, какъ изъ земли вырастаетъ передъ вами, когда проведешь сквозь эту скалу.

Такъ какъ полчаса назадъ мы имѣли неудобство вновь въѣхать во владѣнія Австрийцевъ, то насъ вновь обшарили, опять спросили о характерѣ и сдѣлали десятокъ другихъ нескромностей. Я оставилъ чемоданъ на почтѣ, взялъ на утро билетъ въ Гастейнъ и отправился въ гостинницу.

Меня опять, какъ въ Мюнхенѣ, засадили въ 4-й этажъ, съ тою только разницею, что тамъ 4-й этажъ оказался пятымъ, а здѣсь былъ действительно 4-мъ, и что здѣсь, вмѣсто конуры, подъ сводами была хорошенькая съ прелестнымъ видомъ комната: прямо передъ окнами почтенный и большой соборъ, ближе его бьетъ фонтанъ, хватая верхушкой вровень съ моими окнами, справа дворецъ, болѣе похожій впрочемъ на казармы, и влѣво чудный видъ на окрестныя горы.

Откуда это берется столько путешественниковъ, что ими всѣ гостинницы биткомъ набиты! Впрочемъ я подозреваю, не засадили ли меня въ Мюнхенѣ подъ крышу въ наказаніе за то, что я не осматривалъ всѣхъ тамошнихъ библиотекъ, пинакотекъ, глиткотекъ и прочихъ, болѣе или менѣе неудобно произносимыхъ именъ. И къ чему такія дикія имена давать имъ! Они одни отобьютъ охоту къ осмотру. Впрочемъ, я было захалъ въ старую пинакотеку, да вскорѣ пробило два часа и я едва успѣлъ взглянуть на надовшихъ мнѣ нѣмцевъ и голландцевъ съ ихъ звѣрями, окороками и питухами. Впрочемъ я и не жалѣлъ объ этомъ: всѣ пинакотеки я оставилъ до возвратнаго пути и осмотрѣлъ только городъ, литейную, на которой отливаютъ огромнаго Вашингтона для Америки, церкви, и остался всѣмъ посредственно дово-

лень: я ожидалъ болѣе отъ столицы, покровительствующей монастырямъ, философіи и Лоллы Монтесъ.

— А что тамъ осталось отъ Лоллы Монтесъ? спросите вы.

— Небольшой двухъэтажный домикъ съ раскрытыми ставнями, да благодарное воспоминаніе курильщиковъ: до нея было запрещено курить на улицахъ и она первая нарушила запрещеніе; теперь всѣ курятъ и благодарятъ ее: я былъ въ томъ числѣ.

Однакожь я забылъ, что хотѣлъ говорить вамъ о Зальцбургѣ, а не о Мюнхенѣ. Отдохнувъ съ полчаса въ гостинницѣ, я, по обыкновенію, взялъ подъ мышку guide и отправился по городу.

Вотъ дворцовый фонтанъ (Hofbrunnen), высѣченный изъ мрамора Антономъ Доріо въ 1664 году; говорятъ, это лучший фонтанъ въ Германіи. Внизу кони высунули головы, надъ бассейномъ изъ ноздрей ихъ бьютъ тоненькія струйки воды. На верху атланты поддерживаютъ шаръ, на шаръ стоитъ мальчикъ и держитъ трубу, изъ которой бьетъ вода. Фонтанъ дѣйствительно недурень. Можетъ, я что-нибудь немного перевралъ въ его описаніи, но онъ отъ этого мало теряетъ. Вотъ соборъ съ знаменитымъ органомъ: заглянулъ и въ соборъ. Органъ молчалъ, но шла какая-то вечерняя служба: священникъ читалъ молитвы, и едва оканчивалъ, какъ всѣ молящіеся въ полголоса повторяли ее. Ропотъ сотни голосовъ, вдругъ раздающійся вечеромъ въ темнѣющемъ храмѣ, былъ очень эффектенъ.

На право статуя Мадонны:— есть статуя. На лѣво мраморный водоносъ, есть и водоносъ. Тутъ гдѣ-то по другую сторону должна быть статуя Моцарта? Я повернулъ за церковь, вышелъ на площадку: Моцартъ, дѣйствительно, стоялъ на своемъ мѣстѣ, и, какъ водится, Моцартъ шванталлеровскій, потому что, кажется, всѣ статуи въ Германіи лѣвлены Шванталлеромъ и всѣ весьма обыкновенны. Я закрылъ книгу и пошелъ куда глаза глядятъ.

Глаза глядѣли въ ворота, я прошелъ черезъ нихъ, очутился на берегу Зальцаха и залюбовался видомъ! Тотчасъ по ту сторону рѣки шла высокая гряда горъ, покрытыхъ лѣсомъ; предмѣстье, которое стоитъ лѣвѣе, кончалось противъ меня нѣсколькими одиночными прекрасными домами; рѣже и рѣже они отодвигались по горѣ. Вотъ между лѣсомъ то тянется, то пропадаетъ какая-то высокая каменная ограда. Вотъ башенка на загибѣ горы. Далѣе, въ ущельѣ, едва видна церковь—и вдругъ благо-

вѣсть послышался отъ нея и едва долеталъ умирающимъ, грустнымъ призывомъ до города: это капуцинскій монастырь, а далѣе францисканскій замокъ.

Какъ видно, что Зальцбургъ былъ столицей архіепископства! Кругомъ монастыри августинцевъ, францисканцевъ, бенедиктинцевъ. Эта гора, что прямо, называется Капуцинскою; та, назадъ, сквозь которую мы проѣхали,—горою Монаховъ (Mönchsberg), а вотъ эта, что идетъ за крѣпостью,—горою Монашенокъ (Nonnberg). Я оглянулся, городъ, обнесенный стѣною, съ его церквами и высокими домами, прижался къ горѣ. Гора идетъ за нимъ неприступной стѣною и примыкаетъ къ высокой скаль, на которой сжалась сплошнымъ стросніемъ замка, башенъ и переходовъ, крѣпость, стоящая, какъ коршунъ въ небѣ, надъ самымъ городомъ, съ развивающимся надъ ней флагомъ. Прелесть! Я пошелъ по набережной Зальцаха, усаженной деревьями, увиделъ потомъ на поворотѣ дороги надпись Hof-Gastein и воротился, въ надеждѣ на другой день дорогой смотрѣть продолженіе чудной панорамы, которая развертывалась предо мною и отъ которой не хотѣлось оторваться. Я взшелъ въ другіе ворота, повернулъ на право и очутился въ улицѣ, по которой двумъ человѣкамъ тѣсно идти рядомъ. Хотѣлось бы взойти въ крѣпость, которая вотъ тутъ надо мною, но кругомъ по Mönchsberg'у далеко и поздно, а прямо хотъ и есть ступени, да не взберешься. Я пошелъ по закоулкамъ и часто то проходилъ подъ жолобъ, то переходилъ канаву, а по бокамъ стукъ и грохотъ въ двухъ-этажныхъ домахъ: это мельницы, которымъ нагорныя воды дали возможность шумѣть въ самомъ городѣ. Я опять вышелъ къ собору. «Тутъ должно быть гдѣ-то въ углу интересное кладбище», подумалъ я и повернулъ въ уголь, опять въ узенькій закоулокъ, заглядывая, куда онъ выведетъ меня. — «Вы ищете вѣрно кладбище св. Петра», спросила меня встрѣтившаяся женщина,—«оно вотъ направо». Я поблагодарилъ и пошелъ направо. Простой народъ здѣсь чрезвычайно вѣжливъ съ иностранцами: встрѣтится — поклонится съ своимъ добродушнымъ гутъ-моргеномъ или абепдомъ, точно какъ своему гостю; и не мудрено впрочемъ: иностранцы только и кормятъ ихъ.

Черезъ минуту я очутился на кладбищѣ и если бы вокругъ старой часовни не было нѣсколькихъ крестовъ надъ цвѣтниками, я бы подумалъ, что нахожусь на какой нибудь выставкѣ памятниковъ! На лѣво, примыкая къ скаль и кругомъ, какъ ограда, шли

невысокія аркады, открытыя внутрь, все онѣ были разгорожены какъ комнатки, а въ каждой изъ этихъ комнатъ были памятники, образа, портреты похороненныхъ, и у всѣхъ безъ исключенія полъ былъ уставленъ цвѣтами, кресты увѣшаны вѣнками изъ иммортелей. Это именно мѣсто тихаго покоя и сладокъ бы долженъ быть вѣчный сонъ усопшихъ, если бы до нихъ могло доходить сознание заботъ, которыми окружены они, еслибы цвѣты не стояли на тяжелыхъ камняхъ, которые лежатъ надъ ихъ прахомъ!

А за аркадами по скалѣ лѣпятся капеллы. Вотъ тамъ, на высотѣ, точно ласточкино гнѣздо прильнуло какое-то строеньеице. Какъ оно забралось туда? Если бы не крошечная тропинка, которой зигзаги иногда выглядываютъ наружу, не зналъ бы, какъ и попадаютъ туда! Это капелла св. Максима, построенная на мѣстѣ его кельи, изъ которой онъ былъ свергнутъ внизъ Геруллами, въ 477-мъ году.

Однакоже холодно и сыро становится въ этомъ жилищѣ мертвыхъ. На колокольнѣ пробило четыре четверти, потомъ восемь часовъ, другіе, третьи, четвертые часы повторили бой и замокли, только на башнѣ Neubaу, увѣшенной колокольчиками, куранты начали звонить свою вѣчную, длинную монотонную арію.

Я поспѣшилъ домой, встрѣтилъ эрцъ-герцога (кажется) Іоанна, высокаго, полнаго мужчину, въ голубомъ генеральскомъ мундирѣ, съ цѣлою толпою слѣдовавшихъ за нимъ въ бѣлыхъ мундирахъ офицеровъ, забрался въ свою комнату и поскорѣе въ постель. Куранты все еще печально перезванивали; изъ двухъ оконъ тихаго дворца свѣтился огонекъ: это комната матери нынѣшняго императора, которая проводитъ лѣто въ живописномъ Зальцбургѣ. Однакожъ до свиданья. Завтра надо вставать со свѣтомъ.

Въ 6-мъ часу утра мы засѣли въ желтую кѣтку, которая называется въ Австріи почтовой каретой, и отправились трусцою по дорогѣ къ Гастейну: звѣри въ берлинскомъ зоологическомъ саду помѣщаются съ гораздо большимъ удобствомъ. Мое отдѣленіе назначалось для четырехъ человѣкъ, но, слава Богу, число спутниковъ измѣнялось и я-то не зналъ куда дѣвать свои ноги, то могъ съ наслажденіемъ протянуться изъ угла въ уголъ.

Утренній туманъ, при выѣздѣ нашемъ изъ римской Ювавии

(Juvavia), застилала долину и только одна живописная группа крепостных строений Hohensalzburg'a высилась надъ нимъ. Дорога идетъ все горами и какъ обыкновенно въ горныхъ дорогахъ, придерживается долины рѣки: наша все шла вверхъ по Зальцаху. Мы перемѣнили лошадей въ Галлейнъ и Гохлингъ (хотя отъ этого не подвигались быстрее), и я долженъ былъ отказать своему любопытству въ удовольствіи спускаться въ первомъ въ соленныя копи и подниматься во второмъ къ водопаду Зальцаху. Благодаря франценобадскимъ водамъ, я сильно ослабѣлъ, да и хотѣлось мнѣ поскорѣе покончить съ леченьемъ; отъ этого я и повхалъ въ почтовой кляткѣ, которая хотя движется какъ черепаха, но за то какъ черепаха въ баснѣ—идеть, не останавливаясь, къ своей цѣли.

Есть что-то живительное и свободное въ горномъ воздухѣ: онъ не выноситъ стѣсненій, узкой форменности и того рутиннаго порядка, который такъ широко развертывается въ плоскихъ пространствахъ и по линейкѣ расположенныхъ городахъ; налагается вся эта рутина модой или другими, изъ высшихъ соображеній вытекающими, требованіями: я бы могъ представить много примѣровъ. Но вотъ, чтобы не ходить далеко, взгляните на почтаря, который по обыкновенію идетъ пѣшкомъ возлѣ кареты, когда лошади плетутся шагомъ на малѣйшую горку. Куда дѣвался его мундиръ съ красными отворотами, его клеенчатая форменная шляпа. Узкіе штаны до коленъ и чулки съ башмаками обтягиваютъ его ноги, справа изъ маленькаго кармана выглядываетъ складной ножикъ, вилка и ложка, которыя не разлучаются съ нимъ, на головѣ шляпа съ широкими полями, съ боку ея приколотъ побѣдный трофей—загнутыя перья тетереваго хвоста; широкая куртка разстегнута и только на ней мотается на снуркѣ, единственный признакъ форменности, почтальонскій рожокъ, да и въ тотъ никогда не трубить здѣсь!

Русскому человѣку надо запастись необыкновеннымъ хладнокровіемъ, чтобы сносить здѣшнюю ѣзду. Упряжь такъ устроена, что лошади не могутъ сдерживать подѣ гору, да ихъ и не портятъ этимъ, и потому разъ десять на верстѣ почтарь соскакиваетъ съ козелъ, чтобы тормозить или вертѣть ручку малаго (машиннаго) тормоза: на малѣйшую горку опять шагомъ, и такъ какъ наша дорога все шла въ гору, то мы и вѣхали ее почти всю шагомъ, почтарь идетъ пѣшкомъ, кондукторъ тоже, путешественники, коль

не спать—тоже. Оно бы и умно, да скучно, какъ и всякая нѣмецкая аккуратность, переходящая границу терпѣнія!

Недалеко за Гохлингомъ мнѣ надобно сидѣть и я тоже вышелъ, закурилъ свою сигару, а какъ у меня еще осталось нѣсколько скверныхъ австрійскихъ, то я подчивалъ ими кондукторовъ и поэтому былъ съ ними въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ. Такъ я сдѣлалъ и теперь.

— Не хотите ли пройти здѣсь въ сторону, сказалъ мнѣ кондукторъ, тутъ есть живописное мѣсто.

— Далеко?

— Нѣтъ, не очень! Я и самъ тамъ не былъ. Угодно?

— Очень радъ.

Кондукторъ назначилъ почтарю мѣсто, гдѣ подождать насъ, къ намъ присталъ еще одинъ спутникъ и мы повернули вправо, по крутой лѣсенкѣ въ гору.

Если бы я зналъ, какимъ путемъ придется мнѣ достигнуть предстоящаго удовольствія, я бы еще съ большимъ отказался отъ него! Мы то спускались, то поднимались по ступенькамъ—подъ гору и въ гору; десяти шаговъ не было ровныхъ; я почти выбился изъ силъ. «И кому нужно было тутъ дѣлать ступеньки, входы и переходы?» думалъ я, браня про себя нѣмцевъ: «въдъ кругомъ нѣтъ никакого жилья и все это дѣлается для того, чтобы мы, дураки путешественники, послушавъ *guid'a*, который восхищается всякой лужей, брали проводниковъ и коляски и велья возить и водить себя, платя за это въ тридорога!»

Наконецъ—то!

Зальцахъ, который непрерывно перебивалъ намъ почтовую дорогу и разъ двадцать заставлялъ переезжать черезъ себя отъ самаго Зальцбурга, къ моему крайнему удовольствію куда-то передъ тѣмъ отлучился. И вотъ мы бросили экипажи и шли пѣшкомъ, какъ говорится, къ чорту на кулички — чтобы опять взглянуть на него! Впрочемъ, мѣсто дѣйствительно живописное: въ ущелье скалъ, которые совершенно сошлись между собою, надъ сводами огромныхъ камней или лучше сказать скалъ, точно нарочно набросанныхъ, тутъ шумѣлъ и рвался, какъ котловина, задорный Зальцахъ. Нагнувшись съ мостика, мы смотрѣли въ скалистую пропасть, въ которой рѣка то выходила бѣлой пѣной, то снова скрывалась подъ камни.

— Да это Оѣсен! сказалъ я, какъ только успѣлъ перевести духъ.

— Дѣйствительно, это мѣсто называется кажется Оёфен! отвѣтилъ спутникъ. А не правда ли безподобно?

— Хорошо, да дорого покупается! Я едва могу говорить отъ усталости!

А подумашь, что есть еще рьяные путешественники, которые по деревяннымъ лѣстницамъ спускаются къ самому ложу рѣки и прогуливаются вмѣстѣ съ Зальдахомъ подъ камнями.

Отдохнувъ нѣсколько минутъ, мы пошли dalje, и къ счастью довольно скоро вышли къ экинажамъ, которые ждали насъ.

На право, какъ трещина, вылось живописное узкое ущелье, между огромными скалами защищенное маленькимъ бастіономъ; дорога лѣпилась въ немъ съ боку и терялась въ поворотахъ. Съ лѣва была маленькая церковь.

— Это Маріа-Брунненъ? спросилъ мой спутникъ у кондуктора.

— А это Люгское дефиле, съ укрѣпленной кроатской щелью! Здѣсь лучший видъ на него, отвѣчалъ я. Здѣсь въ 1809 году, не смотря на неприступное мѣсто, Баварцы и Французы побили васъ, Австрійцевъ, хотѣлъ я прибавить. Да кто и гдѣ васъ не билъ!

Вообще вся дорога отъ Зальцбурга до Гастейна необыкновенно живописна. При въѣздѣ въ Лендъ насъ встрѣтилъ шумъ водопада, который вертѣлъ мельницу. Это водопадъ Гастейнскаго Аша, а до него еще двѣ станціи.

Дорога повернула опять въ крутую гору, намъ припрягли пару лошадей и мы чрезъ нѣсколько минутъ начали взбираться по самому чудному изъ здѣшнихъ мѣстъ ущелью (Кламен). Оно идетъ вверхъ по Ашу, который все каскадами льется на встрѣчу. Земли для дороги нѣтъ, и она мѣстами высѣчена въ скалы, мѣстами идетъ на огромныхъ каменныхъ сводахъ. Камни иногда висятъ надъ самой головою, утесы скалъ грядой идутъ по сторонамъ. Какъ живо опять мнѣ представился Кавказъ! Тамъ, точно также дорога лѣзится надъ Тереккомъ. Точно также Терекъ въ болѣе спокойныхъ мѣстахъ идетъ вздутой посерединѣ вышуклостью, которая противна всемъ законамъ гидродинамики и такъ поразила меня въ первый разъ. Только тамъ, вмѣсто здѣшнихъ сводовъ, лѣзится у скалы какая нибудь Гулятская кладка, изъ булыжника съ хворостомъ; только тамъ, вмѣсто здѣшнихъ каменныхъ перилъ, передъ вами прямо у самыхъ колесъ окраина пропасти; только тамъ, вмѣсто здѣшней осторожной вѣды, шагомъ, съ тормозами и пѣшкомъ плетущимися почтарями, идетъ

себя посвятившая ярославскій ямщикъ, подъ гору вскачь, на гору, какъ случится.

Я долго шелъ пѣшкомъ, и когда усталость заставила меня забраться въ карету, чуть не свихнулъ себя шею, безпрестанно высовываясь изъ окошка. Если бы не этотъ пронцающій холодный втерокъ, я бы не слѣзъ съ козелъ.

Смеркалось, когда мы прїехали въ Гофъ-Гастейнгъ, некогда богатый городъ золотопромышленниковъ, а нынѣ живущій на счетъ больныхъ, которые, не доставъ мѣста въ Вильдбадъ, поселяются въ немъ. Цѣлебная вода проведена сюда въ трубахъ и доходитъ достаточно теплой для ваннъ. Въ послѣдній разъ мы перемѣнили лошадей и снова потряслись шагомъ. Смерклося совершенно и окрестности, которыя искупаютъ скуку ѣзды, утонули въ темнотѣ. Терпѣніе наше истощилось. Два часа мы тащились какіе-нибудь восемь верстъ по отличному шоссе. Наконецъ какіе-то огоньки замелькали сквозь лѣсъ, внизу по оврагу, шумъ водопада началъ доходить до насъ. Ближе и ближе онъ слышался. Наконецъ вдругъ прорвавшись сквозь мракъ, съ ревомъ упала возлѣ насъ цѣлая стѣна бѣлой пѣны, насъ обдало брызгами и сырой пылью; мы проѣхали мостъ черезъ водопадъ и очутились на маленькой площадкѣ, у оконъ ярко-освѣщеннаго дома, гдѣ насъ встрѣтила прислуга у фонарей подъезда.

— Есть квартиры у Штраубингера, спросилъ я человека, который отворилъ мнѣ дверцы.

— Есть! отвѣчалъ онъ мнѣ.

Ну, слава Богу! Заботы кончились, только лечись теперь.

Вильдбадъ Гастейнгъ.

Что же это значить, наконецъ? За что же вы, друзья и прїатели, забыли меня? Вотъ уже два мѣсяца, какъ я изъ Россіи, и во все это время только одно письмо отъ васъ! одно письмо отъ всѣхъ васъ, которые обѣщались писать ко мнѣ, къ которымъ я пишу безъ усталости! Знаю я васъ! Знаю я тебя, моя родная русская лѣнь! Лѣнь, исключительно лѣнивая, когда дѣло касается до пера. Только ты нелѣнливо на переписку, по края запачканное чернилами, перо присутственныхъ мѣстъ! Только ты непрестанно скрипишь съ утра до вечера и пишешь подтвержденіе за подтвержденіемъ, отношеніе за отношеніемъ.

— Иванъ Ивановичъ, велите очистить эту бумагу! говоритъ Петръ Семенычъ, передавая ее Ивану Ивановичу.

— Степанъ Васильичъ, Петръ Семенычъ приказалъ очистить эту бумагу, говорить Иванъ Ивановичъ, подсовывая ее Степану Васильевичу.

— Сердюковъ, очисти эту бумагу! говоритъ Степанъ Васильичъ, бросая ее подъ носъ углубленному въ переписку Сердюкову, и Сердюковъ, который уже никѣмъ не распоряжается, кромѣ сторожа, очищаетъ бумагу, передаетъ ее въ какое нибудь другое присутственное мѣсто или за требованіемъ справки, или сорокъ девятымъ подтвержденіемъ и очищается бумага бумагой до тѣхъ поръ, пока не расплодится дѣло на двѣ тысячи листовъ.

Да! Знаю я васъ! Зайдетъ ли случайно у васъ рѣчь обо мнѣ и скажетъ одинъ другому: «надо бы написать къ нему», и отвѣтитъ другой одному: «да! надо бы» и прибавитъ: «а впрочемъ онъ чай завеселился за границей и ему не до насъ теперь!»

«Да и кто его знаетъ, гдѣ онъ слоняется тамъ!» отвѣчаетъ одинъ и тѣмъ дѣло кончается. Какъ кто его знаетъ? Да развѣ я вамъ не твердилъ передъ отъѣздомъ, что контора Б. для Ч. всегда знаетъ, гдѣ я! Да развѣ я не просилъ васъ посылать или заносить въ нее ваши письма и вы, пожимаая мнѣ руки, говорили: «хорошо! непременно!» Да развѣ я повхалъ за границу за тѣмъ, чтобы шить себѣ платье въ Парижъ и показывать его въ другихъ столицахъ или на модныхъ водахъ волочиться и играть въ рулетку?

Да, мои добрые друзья, я вамъ обязанъ нѣсколькими днями самой тяжелой, самой невыносимой тоски! Я не квасной патриотъ и, не смотря на любовь мою къ вамъ и дому, если бы теперь кто нибудь сказалъ мнѣ: «воротись назадъ», я бы крайне былъ недоволенъ! Но вы не знаете того нестерпимаго упадка духа, тѣхъ черныхъ дней, которые нападаютъ на васъ за границей, когда долго не слышишь ни одного теплаго, ободряющаго слова, когда не знаешь что творится съ тѣми добрыми и любимыми существами, съ которыми, можетъ быть, благодаря Бога, ничего не творится и которыя продолжаютъ себѣ мирно играть въ ералашъ по маленькой. Вы не знаете этихъ томительныхъ дней, когда, долго оставаясь наединѣ съ собою, долго разсчитывая и живя только на собственные силы, начинаешь сомнѣваться въ себѣ и въ другихъ, когда хочется хоть на минуту опереться на дружеское плечо и когда нѣтъ этого плеча, когда хандра охватитъ тебя хуже недуга и когда охватитъ она въ такомъ суровомъ и чудномъ мѣстѣ, какъ Гастейнъ; Гастейнъ, изъ котораго

нашъ бѣдный, такъ рано и грустно погибшій Языковъ, больной, безногій,

«Какъ голубь, загнанный дождемъ»,

послѣ долгихъ лѣтъ леченья, возвращался домой, безъ помпы и съ затаеннымъ, глубоко-горькимъ вздохомъ, долженъ былъ сказать въ своей прелестной элегіи:

«Мой черныи день не разгулялся,
«Мнѣ утѣшенія нѣтъ какъ нѣтъ!»

Посмотрите, что за мѣсто кругомъ! По ложбинѣ между горъ, на высотѣ 3,000 ф., на маленькій кусокъ камней, среди двухъ овраговъ, словно высыпано сверху десятка два домовъ и они прильзились кое-какъ и куда пошло: стали на площадку въ 10 кв. сажень, взмохнулись на гору, спустились въ долину. Огромный водопадъ немолчно шумитъ и падаетъ сверху; черезъ него перекинуть мостъ и чтобы вась не забрызгало водой на самомъ мосту, устроены крытый тротуаръ. Вы смотрите выше, тамъ, въ ущельи опять мостикъ, надъ водопадомъ, и выше водопада, и справа, и слева маленькіе водопады, и въ долинѣ течетъ этотъ же Ашъ, все падая съ камня на камень. Нѣтъ десяти шаговъ, которые вы бы могли пройти по ровному мѣсту, а кругомъ лѣсъ и тропинки, тропинки то въ гору, то подъ гору, то зигзагами, да ступенями. Внизу стелется долина, вся усыпанная домиками, разрѣзанная клочками луговъ, нашини, лѣски, точно на ситуационномъ планѣ. А кругомъ горы и горы, горы надъ горами, то покрытыя лѣсомъ, то голыя, и тамъ изъ за угла, какъ угрюмый и ольшнвившій старикъ, выглядываетъ какая-нибудь скалистая верхушка Альпъ, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ! Воздухъ этотъ, говорятъ, живительный и цѣлебный воздухъ Гастейна, рѣзокъ для непривыкшей груди и тяжело давить ее. Въ полдень печетъ солнце, но черезъ два часа оно заходитъ за горы и вы, кутаясь отъ холода, только видите его желтый свѣтъ на вершинахъ горъ. Иногда встанешь утромъ и видишь, какъ снизу изъ ущелья, вровень съ окнами, облако за облакомъ, тянется цѣлое стадо волнистыхъ, мягкихъ клочьевъ; между ними проглядываютъ лѣсистые бока противоположной горы и вы точно сидите въ балетъ при перемѣнѣ декораціи и ждете, когда поднимется эта облачная завѣса и станетъ, вся освѣщенная солнцемъ, чудная декорація. Вы скажете, чего же луч-

ше! Скалы, каскады, долина съ домиками, и солнце, и живительный воздухъ,—да, это хорошо, это чудно, друзья мой, но не надолго! Эта вѣчная суровая красота природы, этотъ никогда не улыбающійся, всегда сурово смотрящій на васъ, грозный и строгій ликъ. наконецъ тяжело подавить васъ. Вы говорили сначала: какая чудная картина! и скажете подъ конецъ: какое безобразіе природы, если въ природѣ можетъ быть безобразіе. И среди этого—то подавляющаго величія, останьтесь одни, останьтесь подъ исходъ курса, когда, какъ птицы, выпущенныя на волю, развѣзжаются все больные и остаются только одни самые трудные, самые отчаянные калѣки, когда безлюдье и безмолвіе тяжело и видимо спускается на васъ и среди нихъ до васъ не доходитъ ни одинъ привѣтный звукъ изъ вашего милаго далека!

А воды, самыя цѣлебныя воды, на которыя сначала вы смотрите съ улыбкой, потомъ ставятъ въ туникъ своей таинственной, непостижимой силой. Вода, чистая какъ кристалль, бьющая горячими ключами изъ глубокаго нѣдра горъ, вода, въ которой Либихъ не открылъ никакой химической примѣси, и между тѣмъ дѣйствующая съ необыкновенной силой, дѣйствующая на одного такъ, на другаго совершенно иначе, вода, отклоняющая магнитную стрѣлку, оживляющая завядшіе цвѣты. Есть старики, которые въ семнадцатый и въ двадцать пятый разъ прѣзжаютъ на здѣшній курсъ и только и живутъ этими водами. Чувствуете, что она дѣйствуетъ, что она что-то творитъ съ вами, а что творитъ? Кто можетъ предвидѣть, какъ подѣйствуетъ невѣдомая сила?

А то бываютъ здѣсь еще иногда удивительные теплые и сумрачные дни. Небо подернется мглой, все стоитъ въ сѣренькомъ полусвѣтѣ и какъ будто на всю природу нападетъ какая-то тихая, нѣжная грусть! Влажный, теплый воздухъ, весь наполтанъ запахомъ во второй разъ скошенной травы; онъ такъ мягко, такъ упоительно льется въ грудь, что не надышешься имъ, точно пьешь его, точно берешь ароматическую воздушную ванну! Альпійскія горы, прикрывъ свои головы туманомъ, задумчиво смотрятъ на долину; долина, съ своими маленькими домиками, не шелохнется внизу, точно притантся и пооблѣднѣетъ, только луговины ея, особенно яркими зелеными пятнами, какъ чахоточный румянецъ, выступаютъ наружу. Одинъ только водонадъ пожелтѣетъ, побурѣетъ и точно отчаянно-больной бѣетъ

*

ся и реветъ въ предсмертныхъ мукахъ, а окрестная природа—стоитъ по прежнему надъ нимъ, тихо задумавшись, какъ въж-ная сестра милосердія и словно жалуетъ объ васъ, и улыбае-тся грустной улыбкой!

Въ эти чудныя и сладостныя минуты невольно сглаживаются морщины съ насупившагося лба, нѣтъ мѣста ни злобой доса-дѣ, ни порывистому чувству нетерпѣнія, когда бросилъ бы всѣхъ и все и поспекалъ куда-нибудь дальше, дальше! Другое слад-кое, но какое-то томительно-болѣзненное, неопредѣленное чув-ство, точно влажный воздухъ, охватываетъ тебя. Какъ будто хочется и любить, и плакать, и сознаешь, что некого любить и не о чемъ плакать! Замолкаетъ этотъ неугомонный демониче-скій голосъ, который непрестанно слышится надъ ухомъ, кото-рый все посылаетъ куда-то, который въ шумной ли жизни сто-лицы, въ мертвой ли тишинѣ деревни, все, какъ вѣчному жиду, немолчно и повелительно твердитъ тебѣ «иди! иди!». Но явля-ются и просвѣчиваютъ минуты другаго, чрезвычайно грустнаго сознанія, что некуда идти, да и не зачѣмъ! Что, куда бы ни пошелъ ты, все не уйдешь дальше этой узкой черты, которою об-рванъ твой путь, что, какъ ни бейся ты, а все какъ муха въ паутинѣ, ты не вырвешься изъ опутавшей тебя сѣти, и твоя грусть, и твои громкія слова и жалобы, все-таки не болѣе, какъ голосъ той же мухи въ паутинѣ! И эти мысли не возбуждаютъ въ васъ ни ропота, ни сожалѣнія: вы только улыбнетесь той же грустной улыбкой, съ которой смотритъ на васъ природа и вотъ покажется, что вы поняли другъ друга! Да! если извинительно гдѣ хандрить, хандрить несносно, хандрить каждый день по-вымъ родомъ хандры, такъ это, безспорно, осенью въ Гастейнѣ.

И вотъ гдѣ ваше молчаніе догнало меня, друзья. Вотъ гдѣ, точно сговорившись, вы забыли меня. Не забыла ли меня и ты, моя добрая, далекая читательница! Ты, привѣтливый голосъ ко-торой такъ освѣжительно и такъ дорогъ мнѣ, и такъ давно до меня не доходитъ!

МНХ. АВДЪЕВЪ.

Вильдбадъ Гастейнъ.
2/11 сентября, 1857 г.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ

ОТЪ КОРНГИЛЯ ДО КАИРА, ЧЕРЕЗЪ ЛИССАБОНЪ, АѢИНЫ, КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ІЕРУСАЛИМЪ.

ТИТМАРША (В. М. ТЭККЕРЕЯ).

(Окончаніе.)

ХІ.

Кавалькада.—Устройство повзда.—Турниръ.—Рамле.—Путевые эскизы.—Встрѣчи.—Абу-Гошъ.—Ночь передъ Іерусалимомъ.

Болѣе часа времени потребовалось на приведеніе въ порядокъ нашего каравана. Для удобства всадниковъ, надобно было пересѣлать лошадей; дамы усѣлись на носилкахъ, впереди и сзади которыхъ были запряжены два черныхъ мула, при каждомъ изъ нихъ находился грумъ, и съ боку шель высокій, чрезвычайно добрый на взглядъ, смуглолицый паренъ, который не давалъ паланкину раскачиваться и предлагалъ свою спину вмѣсто подножки, когда садились въ экипажъ или намѣревались изъ него выдти. Эти три молодца, выдержанные постомъ, прошли около сорока миль, въ продолженіе четырнадцати часовъ, по дурной дорогѣ, легко и быстро, не теряя ни на минуту веселаго расположенія духа. Во время пути раза два напились они воды, и только этимъ преступили правило, предписанное закономъ; но отъ хлѣба и отъ всего, что мы предлагали имъ по съдобной части, они отказались рѣшительно, и шли такъ бодро, что верблюды могли бы имъ позавидовать. Какой урокъ терпѣнія для поль-мольскихъ Сардананаловъ, которымъ рыхлые диваны клубя кажутся все еще недовольно мягкими!

Еслибъ вздумалось мнѣ писать на-досугъ сонеты, я постарался бы выразить въ четырнадцати строкахъ тѣ чувства, которыя волновали меня, когда сидѣлъ я на высокомъ турецкомъ

сѣдлѣ , съ плетеною изъ бумажныхъ шнурковъ уздою , парю стремянь , въ родѣ двухъ лопатъ , и съ безчисленными бусами , бляхами и кисточками на сбруѣ , готовясь на лихомъ скаку въѣхать въ таинственную сферу сирійской жизни. Каковы должны были казаться мы при лунномъ свѣтѣ? Ручаюсь , что такую лошадь и такого съдока не часто видите вы въ Лейстерширѣ. Стремена чрезвычайно коротки ; грубые ремни рѣжутъ ноги , и вы сидите на конѣ , словно на башнѣ , упасть съ которой очень нетрудно. Неопытному ѣздоку не мѣшаетъ , для безопасности , класть палку или зонтикъ поперегъ остроконечнаго сѣдла , чтобъ не пролетѣть по-крайней-мѣрѣ черезъ шею лошади. Я нашелъ это средство весьма удобнымъ при спускѣ съ горъ и рекомендовалъ его добросовѣстно смиреннымъ пилигримамъ , которыхъ встрѣтилъ въ городѣ.

Мы , мирные люди , не подражали другимъ , болѣе воинственными путешественникамъ , и не обвѣсили поясовъ своихъ ятаганами и пистолетами. Происшествіе , разсказанное намъ въ Іерусалимѣ , можетъ служить урокомъ для пилигримовъ , которые любятъ украшаться оружіемъ. Почтенный Гогэнъ Эрмеръ , недавно совершившій путешествіе по Востоку , носилъ на поясъ двѣ пары пистолетовъ такой превосходной отдѣлки , что одинъ шейхъ изъ окрестностей Іерихона , прельстясь ими , ограбилъ его начисто. Не знаю , разсказалъ ли Эрмеръ эту исторію друзьямъ своимъ , по возвратѣ на родину.

Въ дополненіе къ этому , можно упомянуть о другомъ случаѣ. Знаменитый ирландскій перъ , лордъ Ольджентъ , отличившійся во время службы своей въ Бокингэмширскихъ драгунахъ , хотѣлъ заплатить что-то въ родѣ подати іерихонскому шейху , какъ вдругъ явился другой шейхъ и началъ доказывать , что онъ-то и есть настоящій губернаторъ Іерихона. Оба эти близнеца долго спорили объ особѣ лорда Ольджента , какъ двѣ женщины о невинномъ ребенкѣ передъ царемъ Соломономъ. Пришлось путешественнику заплатить обоимъ ; но такихъ исторій здѣсь не оберешься.

Партія наша двинулась въ путь часа въ четыре: леди на носилкахъ ; Французенка , горничная , на сѣрой лошади ; кавалеры также , какъ и вашъ покорнѣйшій слуга , на высокихъ сѣдлахъ , а слуги , проводники и грумы на разныхъ выючныхъ животныхъ— всего было четырнадцать человекъ. Прибавьте къ этому двухъ препочтенной наружности Арабовъ , съ сѣдыми бородами , въ бѣ-

лыхъ чалмахъ и бѣлой одеждѣ; при бедрахъ ихъ изгибались сабли, а за спиной висѣли длинныя винтовки. Никогда не видывалъ я болѣе ноченныхъ воиновъ. Сдерживая горячихъ коней своихъ, тихо вѣхали они по сторонамъ носилокъ. Когда выбрались мы изъ крутыхъ улицъ города въ открытыя поля, освѣщенныя луной и звездами, эти воины двинулись впередъ повѣда и повели караванъ нашъ по дорогѣ, обсаженной какими-то дьявольски странными, щетинистыми грушами. Казалось, деревья эти выросли въ тартарѣ. Вотъ появилась заря, сперва пепельная, потомъ зеленая и наконецъ пурпуровая. Воинственные фигуры нашихъ предводителей живописно рисовались на горизонтѣ, ярко освѣщенномъ ею. Видъ этой маленькой кавалькады и природы, окружавшей ее, навсегда останется въ моей памяти, какъ одно изъ самыхъ свѣжихъ и наиболее пріятныхъ впечатлѣній, которыя удалось извѣдать мнѣ съ того дня, когда въ первый разъ увидалъ я плотину Кале. Мы напоили лошадей своихъ водою изъ прекраснаго восточнаго фонтана и при полномъ свѣтѣ дня вѣхали въ шаронскую долину, знаменитую некогда своими розами; но теперь очень скудно обработанную, хотя и все еще прекрасную.

Здѣсь увидали мы вдали другую кавалькаду. Наши бѣлые воины поспешили впередъ опросить ее. Мы тоже пустили скакуновъ своихъ рысцою, и держа зонтики, какъ держалъ копье свое Ричардъ, стремию навстрѣчу Саладина, неустрашимо вѣхали къ незнакомому каравану. Оказалось, что это были благочестивые польскіе жиды, плывшіе съ нами изъ Константинополя. Мы привѣтствовали ихъ радостнымъ крикомъ; оба каравана, соединясь вмѣстѣ, двинулись гуськомъ, проходя въ часъ по четыре миль. Предводителемъ еврейской партіи былъ Арабъ, съ перешитымъ носомъ, съ пистолетами, саблею и ружьемъ; желтая, дамасская ткань обвивала его голову, а носъ былъ залпленъ пластыремъ. Онъ вѣхалъ на свррой лошади, покрытой блестящей сбруею; чудный, арабскій конь его ржалъ, прыгалъ и становился на дыбы, приводя всѣхъ насъ въ удивленіе.

Только лишь навздникъ этотъ кончилъ свои эволюціи, какъ поднялось другое облако пыли, въ которомъ мелькнули вооруженные всадники. Во главѣ этой партіи вѣхалъ Арабъ и за нимъ два янычара съ серебряными булавами, блиставшими на солнцѣ. Они провожали новаго генеральнаго консула Соединенныхъ Штатовъ, который спѣшилъ занять постъ свой въ Іерусалимѣ.

Перешибенный носъ немедленно подвѣхалъ къ американскому Арабу, вынулъ свою трубку и подалъ ее противнику, въ знакъ вызова на джигитство. Вслѣдъ за этимъ понесся онъ по степи, описывая круги, обращаясь назадъ и принимая всевозможныя направленія. Американецъ подражалъ ему. Потомъ оба воина вступили въ бой. Замѣьте, мы любовались этимъ турниромъ въ паронской долинь, передъ Яфою. Бѣдный пластырь, видя, что онъ не можетъ одолѣть своего противника, вызвалъ его на скачку и полетѣлъ впередъ, сломя голову; Американецъ пустился вслѣдъ за нимъ. Перешибенный носъ былъ побѣжденъ въ другой разъ; Янки стали презрительно ѣздить вокругъ него, и этимъ отклонили попытку къ дальнѣйшему состязанію двухъ соперниковъ.

Чего можно еще требовать отъ чловѣка? Рыцари и паладины не могли бы сдѣлать ничего болѣе. Ни въ одномъ романѣ Вальтера-Скотта не читалъ я такой прекрасной и блестящей сцены. Степенные воины нашего повѣзда не принимали участія въ скачкѣ молодыхъ людей. Важно ѣхали они въ своихъ бѣлыхъ чалмахъ подлѣ носилокъ леди; длинныя дула винтовокъ высоко подымались надъ ихъ спиною.

Не было недостатка во встрѣчахъ въ продолженіе этой дороги: то попадались намъ вереницы лошаковъ, или верблуды, по два и по три вмѣстѣ; то погонщикъ мула, напѣвающій очень странную мелодію; то женщина, подъ бѣлымъ вуалемъ, въ черной маскѣ и желтыхъ папушахъ, ѣдущая на ослѣ, въ сопровожденіи своего мужа. Путники часто привѣтствовали насъ поклонами. Наконецъ, подъ пологомъ дыма, увидали мы передъ собою Рамле, съ высокою башнею, которая одиноко возвышалась съ правой стороны его. Пробираясь между бѣлыхъ куполовъ и каменныхъ домовъ маленькаго городка, мы вѣхали на кладбище. Двѣ женщины сидѣли на могилѣ; одна изъ нихъ, склонивши голову къ надгробному камню, раскачивалась изъ стороны въ сторону и причитывала очень жалобно. Генеральный консулъ Соединенныхъ Штатовъ пригласилъ насъ завтракать въ домъ гостепріимнаго Армянина, второстепеннаго представителя американской республики въ Яфѣ. Мы вошли на террасу, украшенную звѣздами и лентами, оставя лошадей своихъ на попеченіе крикливыхъ и оборванныхъ Арабовъ. Хорошо ли они кормили ихъ, это была уже не наша забота; при вѣздѣ въ Іерусалимъ, я отдалъ поводья первому чловѣку, который стоялъ подлѣ меня, и послѣ не слышалъ ни слова о своей лошади. За завтракомъ по-

дали намъ сперва супъ, приправленный корицею и другими пряностями, потомъ жареную и душеную баранину, за которою слѣдовала курица, плавающая въ маслѣ, далѣе темное рагу съ лукомъ и наконецъ пилавъ. Кушанья эти были приготовлены изъ превосходной провизии и отличались хорошимъ запахомъ. Когда мы вышли изъ-за стола, за него усѣлся простой народъ. Однако мы торопились въ путь, а потому и заставляли этихъ усердныхъ ѣдоковъ поскорѣй облизывать свои пальчики.

По выѣздѣ нашемъ изъ Рамле, мѣстность потеряла мягкій и мирный характеръ, отличавшій прекрасную долину, оставшуюся позади насъ. Солнце поднялось высоко и разсыяло весь этотъ изящный, свѣжій колоритъ, въ который облекается мѣръ Божій въ часы ранняго утра и которымъ суждено любоваться такъ рѣдко городскимъ жителямъ. Теперь ѣхали мы по желтой, мрачной долинѣ, почти совсѣмъ необработанной. По сторонамъ дороги росъ, но большей части, дикій пастернакъ, и кое-гдѣ торчали клочья зелени. Мы видѣли много стадъ; поджарыя, низенькія коровенки отличались хорошей породою; черныя козы паслись подъ надзоромъ Негра, одѣтаго въ рубище и вооруженнаго длинной винтовкою, которая висѣла у него за спиною. Всматриваясь въ нашу маленькую кавалькаду, онъ прикрывалъ глаза рукою. Полуобнаженные поселяне служили дополненіемъ этой грустной картины восточной жизни; торжественно выступившіе парни, въ полинявшихъ фескахъ и синихъ или бѣлыхъ замасленныхъ рубахахъ, не заключали въ себѣ ничего похожаго на солдатъ. Много и здѣсь попадалось намъ лошаковъ и верблюдовъ, навьюченныхъ между двухъ горбовъ дешевыми товарами. Около полудня остановились мы въ близкомъ разстояніи отъ арабской деревни и съ удовольствіемъ напились свѣжей воды. Бобры и муравьи строятъ себѣ жилища, несомнѣнно непохожія на эти негодныя избенки, которыя скомканы здѣсь безобразными грудями. Ни одной отдѣльной хижины не встрѣтили мы на всемъ протяженіи дороги. Бѣдные и склонные къ воровству фелахи жмутся все вмѣстѣ, для собственной защиты отъ другихъ воровъ, своихъ сосѣдей. Правительство, которое мы возстановили у нихъ, только что обкрадываетъ этихъ бѣдняковъ. Женщины, въ длинныхъ синихъ рубашкахъ, закрытыя взорванными покрывалами, сбѣгали взадъ и впередъ мимо насъ, съ кушаньями на головахъ. Мальчишки, выпуча глаза, обступили нашу партію и вмѣстѣ съ отцами старались выкончить бак-

ишишь. Деревенскія собаки лаяли, бѣгая вокругъ стадъ, которыя шли на водопой или на пастбище.

Впередѣ темныя горы; проводникъ, указывая на самую высокую изъ нихъ, сказалъ, что отъ нея виднѣтъ Иерусалимъ. Слова его одушевили насъ, и мы пустились на рысяхъ къ этой гористой сторонѣ, которая была по-видимому недалеко.

Но одушевленіе, повудившее проскакать насъ около четверти мили въ три минуты, было внезапно уничтожено невыносимо дурной дорогою. Къ горному хребту вели отдѣльные холмы, по которымъ извивалась вверхъ и внизъ каменистая тропинка. Потомъ дорога потянулась русломъ древней пересохшей рѣки, бурныя волны которой исчезли вмѣстѣ съ мятежнымъ народомъ, обитавшимъ посреди этихъ дикихъ горъ. Каменистыя возвышенія, поднимающіяся по сторонамъ русла, изрваны до самаго верха горизонтальными бороздами; на этихъ параллельныхъ уступахъ до-сихъ-поръ лежитъ еще тонкій слой почвы, и растетъ скудная зелень; но когда по руслу этому катилась рѣка, и на крутыхъ берегахъ ея, согласно съ ветхозавѣтной исторіею, тѣснился необыкновенный народъ, горные уступы вѣроятно были покрыты садами и виноградниками, какъ въ новѣйшее время живописные берега Рейна. Теперь страна эта совершенно безлюдна, и вы идете какъ будто посреди какихъ-то окаменѣвшихъ водопадовъ. За исключеніемъ дюжины маленькихъ птицъ, мы не замѣтили на горныхъ уступахъ ни одного живаго существа въ продолженіе всей дороги. Даже воробьи убралась отсюда подъ кровли небольшихъ домовъ Иерусалима, гдѣ ихъ пискъ и члканье пріятнѣе всяхъ другихъ мѣстныхъ звуковъ.

Американцы, Поляки и Окофордцы вхали слишкомъ быстро для нашего каравана, который медленно подвигался впередъ наравнѣ съ носилками, и потому мы пробирались посреди горъ въ очень небольшомъ количествѣ. Ни у одного изъ насъ не было оружія страшнѣе зонтика, и какіе-нибудь двое Арабовъ, возбуждаемыхъ злобнымъ намѣреніемъ, могли бы остановить насъ и присвоить себѣ все наши ковровыя мѣшки и чемоданы. Нельзя сказать, чтобъ мы вхали, не чувствуя маленькаго страха. Когда проходили мимо насъ смуглые молодцы, обвѣшанные пистолетами и ятаганами, не трогая своихъ винтовокъ, или тащившихся, не произнося проклятій, нахмуренные погонщики верблюдовъ съ необычайно длинными копьями, изукрашенными пучками разноцвѣтныхъ лоскутковъ и красныхъ перьевъ, — намъ оче-

правилось, что они идутъ своей дорогою, не останавливаясь и не заводя съ нами разговоръ. По всему видно, что британскій левъ и съ зонтикомъ не безопасный зверь для Араба, вооруженнаго дьявольски длинной винтовкою. Что же чувствовали наши робкія спутницы? Надобно полагать, что оцъ пришли бы въ совершенное отчаяніе, еслибъ мы вздумали опередить ихъ.

Посреди этой горной страны находится деревня съ водой и зеленью; путешественники обыкновенно останавливаются въ ней для непродолжительнаго отдыха. За минуту до нашего прибытія, выехалъ отсюда караванъ, освеженный водой и прохладою. Остановиться ли намъ? Взоръ, брошенный на женщинъ, о которыхъ болѣе всего на свѣтъ заботились мы во время дороги, заставилъ сказать насъ: нѣтъ! и мы двинулись далѣе. Какое удивительное самоотверженіе, какая рыцарская покорность! И такъ, бѣднымъ лошадямъ и муламъ не удалось отдохнуть и напиться, измученнымъ проводникамъ носилокъ не дано перевести духа: съ отчаяніемъ пустились мы догонять Поляковъ и Американцевъ, которые въ виду у насъ подымались на гору съ своими ружьями, прислугою и янычарами. Поездъ ихъ состоялъ человекъ изъ шестидесяти, и всѣ они ѣхали медленно, какъ торжественная процессія въ Синей Бородѣ.

Но, увя! они съ каждой минутою все болѣе и болѣе удалялись отъ насъ, и наконецъ, когда стали мы подыматься на гору, они совсѣмъ пропали изъ виду. Можетъ быть, въ это время многимъ изъ насъ пришла въ голову мысль о Флитъ-стритъ и сильно захотѣлось увидѣть нѣсколькихъ полисменовъ. Казалось, мѣстность эта была населена порядочными негодяями: страшныя хари выглядывали на насъ изъ хижинъ и глубокихъ впадинъ, темнѣвшихъ до скату горъ. Мулы съ трудомъ передвигали ноги, погонщики требовали воды, и вотъ мы достигли до хорошенькой деревушки, построенной на горѣ, подъ деревьями. Ребятишки стряхивали съ деревьевъ винныя ягоды, женщины суетились вокругъ нихъ; тутъ стояла мечеть, и домики, подымавшіеся направо отъ насъ, походили на собраніе маленькихъ фортовъ; передъ ними тянулись сады и широкія поля, по которымъ шли въ деревню верблюды, обремененные ношею. Здѣсь можно было остановиться. Паоло, начальникъ нашихъ проводниковъ, зналъ шейха этого селенія, который далъ ему напиться и проужинать; вода была очень хороша, и мы не шутя стали до-

думывать: не переночевать ли намъ здѣсь, и не отложить ли въѣзда въ Іерусалимъ до слѣдующаго дня?

Тутъ подскакалъ къ намъ всадникъ на прекрасной лошади, сурово заглянулъ въ носилки, на нашихъ леди, и повхалъ дѣлѣ. Вслѣдъ за нимъ явились еще два всадника; одинъ изъ нихъ былъ очень хорошій мужчина, весь въ красномъ. Этотъ уже безъ церемоніи подъѣхалъ къ дамамъ, сталъ играть съ маленькой собачкою, которая лежала въ паланкинѣ, и спросилъ, не Инглисы ли мы, на что я отвѣчалъ ему утвердительно. Паоло принесъ воды: сладостнѣе этихъ помой, казалось, ничего нельзя было найдти въ мѣрѣ. Мы пили, а бѣдные погонщики муловъ завидовали намъ. Француженка, неустрашная Виктоаръ, милѣе и доблестнѣе которой, конечно, не было дѣвушки во Франціи со временъ Іоанны д'Аркъ, отказалась отъ воды. Вдругъ одинъ изъ проводниковъ подбѣгаетъ къ своему хозяину и говоритъ: «Абу Гошъ приказываетъ барынямъ выдти изъ носилокъ и показаться женщинамъ этой деревни.»

И такъ это былъ самъ Абу Гошъ, страшный разбойникъ, котораго въ насмѣшку прозвали мы волкомъ. Какъ же всѣ перетрусились! Маршъ! закричали мы въ ту же минуту. Поглядѣла бы вы, какъ измѣнилось личико отважной Виктоаръ, когда узнала она, кто былъ этотъ Арабъ и уразумѣла смыслъ его посланія. «Un verre d'eau pour l'amour de Dieu!» простонала она, готовая безъ чувствъ упасть съ лошади: такъ страшно было ей попасться въ когти Гоша. «Ne buvez plus, Victoire!» воскликнулъ маленькій джентльменъ изъ нашей партіи. «Впередъ, пошелъ впередъ!» кричали всѣ въ одинъ голосъ. «Что это значитъ?» спрашивали насъ леди, чувствуя, что носилки стали снова потряхиваться. Но мы позаботились скрыть отъ нихъ намѣренія ужаснаго Абу Гоша. Караванъ двинулся въ путь, mademoiselle Victoire была спасена, и ея мистриссы узнали объ угрожавшей имъ опасности, когда мы были уже далеко отъ деревни.

Доброе или злое намѣреніе склонило на этотъ поступокъ воинственнаго Араба? Дѣйствительно ли mademoiselle Victoire избѣжала незавидной участи превратиться въ madame Abou Goché, или предводитель горцевъ хотѣлъ просто оказать намъ гостепріимство? Последнее кажется мнѣ вѣроятнѣе. Еслибы въ головѣ у него былъ злой умыселъ, тогда полдюжина винтовокъ покончила бы съ нами дѣло въ одну минуту, и вся наша партія

находилась бы въ полной власти разбойника. Но теперь простота развязки сдѣлала это происшествіе скорѣе забавнымъ, нежели романическимъ, особенно для путешественника, который находился въ такомъ счастливомъ расположеніи духа, что былъ въ состояніи напѣвать пѣсни передъ лицомъ разбойниковъ, какъ, навримвръ, человекъ, пишущій эти строчки.

Отъѣхавъ недалеко отъ земли Гошенъ, мы очутились посреди садовъ и виноградниковъ; лучи заходящаго солнца освѣщали безчисленные золотые грозды удивительно вкуснаго винограда. Мы остановились и попробовали его. Никогда не случилось намъ ѣсть ничего лучше этихъ ягодъ, никогда вода свѣжѣе той, которую принесъ намъ Арабъ, не лилась въ пересохшее горло человека. Тѣда, солнце и болѣе всего Абу Гошъ сдѣлали ее такой вкусною: за эту услугу обязанъ я ему особенной благодарностью. Наконецъ, посреди самой ужасной рытвины, по которой, скользя, спускались наши лошади, услышали мы пушечный выстрѣлъ; звукъ его долетѣлъ до насъ изъ Іерусалима. Сумерки здѣсь очень кратки; въ нѣсколько минутъ на природу, окружавшую насъ, легла густая тѣнь, и небо блеснуло тысячами звѣздъ.

Подъ этимъ-то великолѣпнымъ пологомъ проехали мы еще два часа. Вокругъ насъ тѣснились мрачныя горы; пейзажъ этотъ, нисколько не интересный днемъ, принималъ такой торжественный характеръ ночью, какого я нигдѣ, никогда не видывалъ. Робко, почти съ ужасомъ, приближались мы къ грозному мѣсту, средоточию былой и будущей исторіи человечества. Воспоминаніе объ этихъ чувствахъ не покинетъ человека до той поры, пока не притупитъ въ немъ память, и, можетъ быть, онъ такъ же часто и много будетъ думать, какъ рѣдко и мало говорить о нихъ.

ХІІ.

Квартиры въ Іерусалимѣ. — Еврейскіе пилигримы. — Іерусалимскіе Жиды. — Англійская церковь. — Церковь Гроба Господня. — Вифлеемъ. — Латинскій монастырь. — Американскій консулъ. — Предметы для эскизовъ. — Отъѣздъ. — Рамле.

По пріѣздѣ въ Іерусалимъ, леди нашей партіи скоро нашли для себя прекрасную квартиру въ греческомъ монастырѣ, гдѣ чистый воздухъ комнатъ и богатый кушаньями, виномъ и десер-

томъ столь немало способствовали къ возстановленію ихъ силъ, ослабѣвшихъ отъ утомительнаго путешествія. Не знаю, подзуются ли сами почтенные отцы монастыря хорошими снадобьями, которыми подчуютъ они гостей своихъ; но судя по ихъ наружности, надобно полагать, что они не прочь отъ этого. Монахи, которыхъ мы видѣли здѣсь, носятъ на лицахъ своихъ ясный отпечатокъ совершенно покойной совѣсти и привольнаго житабытья. Двое толстыхъ, краснощекихъ и неопратно-одѣтыхъ служекъ безопасно сидѣли на солнышкѣ, поглядывая съ монастырской террасы на улицу: глаза ихъ выражали чувства, нисколько не сходявья съ понятіемъ объ аскетизмѣ.

Для путешественниковъ, не принадлежащихъ къ духовному званію, построенъ особый страннопріимный домъ. Снаружи и внутри, въ главной залѣ этого зданія выставленъ двухглавыи орелъ: монастырь находится подъ покровительствомъ русскаго Императора, который ежегодно высылаетъ сюда значительную сумму денегъ на поддержаніе вѣшняго благолѣпія іерусалимской святыни, потому-то большая часовня въ храмъ Гроба Господня далеко превосходитъ богатствомъ украшеній все другіе его придѣлы.

Съ нами пріѣхало сюда нѣсколько Поляковъ; они остановились въ латинскомъ монастырѣ, и мы нѣсколько разъ видѣли ихъ въ католической церкви коленнопреклоненныхъ передъ иконами, или торжественно идущихъ съ зажженными свѣчами въ процесіяхъ, или благоговѣнно лобызających мѣста, освященные по преданію страданіемъ Спасителя.

Хотя латинскій монастырь и гостинница для путешественниковъ обширны и весьма удобны для жита, но все же они далеко отстали по чистотѣ и отдѣлкѣ отъ обители и страннопріимнаго дома греческихъ монаховъ. И тамъ, и здѣсь, судя по словамъ, не берутъ денегъ; однако же путешественникамъ приходится заплатить въ обоихъ. Католики торгуютъ четками, крестниками и перламутромъ, на которомъ вырѣзаны образа. Эти вещи покупаютъ они у ремесленниковъ и перепродаютъ ихъ съ небольшой выгодою. Англичане останавливались до-сихъ-поръ въ негодныхъ гостинницахъ, и только въ прошломъ году два или три человека изъ жителей Мальты догадались нанять нѣсколько домовъ для пріема туристовъ, гдѣ Англичане могутъ теперь найдти для себя приличное помѣщеніе за цѣну, которая

для людей съ порядочнымъ состояніемъ не покажется очень высокою.

У двери одного изъ этихъ домовъ, я съ большимъ удовольствіемъ срыгнулъ съ сѣдла и бросилъ поводья. Привычная лошадь пошла безъ проводника къ хорошо знакомому ей стойлу по темному, перепутанному лабиринту здѣшнихъ аллей и закоулковъ, которыми проѣхали мы, сверотивъ съ большой улицы, идущей отъ яфской заставы. Здѣсь только замѣтили мы нѣкоторые признаки жизни. Мужчины толпились въ дверяхъ домовъ или курили трубки передъ негодными кофейнями, гдѣ происходило извнѣ и рассказывались сказки; но въ другихъ улицахъ царствовала глубокая тишина, и даже не мелькнуло ни одной овъчки въ окнахъ низенькихъ домовъ, мимо которыхъ пробирались мы.

Войдя на террасу, мы нашли нѣсколько небольшихъ комнатъ или навильоновъ со сводами, откуда увидали утромъ большую часть города: бѣлые куполы и террасы громоздились другъ надъ другомъ; кое-гдѣ, изъ среды бѣлыхъ возвышеній подымался минаретъ или чахлая финиковая пальма; но большая часть ближайшей къ намъ растительности состояла изъ отвратительныхъ грушевыхъ деревьевъ. Большіе зеленые желваки пузырились на нихъ безобразной грудю наростовъ, усвянныхъ колючками, какъ на алое; ни тѣни, ни красоты, ничего тутъ не было. Справа подымалась мечеть Омара, заслонивъ собою восходящее солнце. Прямо передъ нами лежала крутая, извилистая улица, обставленная съ обѣихъ сторонъ разрушенными стѣнами и прозванная съ незапамятныхъ временъ: *Via Dolorosa*. Здѣсь, по словамъ преданія, отдыхалъ Спаситель, неся крестъ свой на Голгоѳу. О горь, по желтоватому скату которой росло нѣсколько сврыхъ масличныхъ деревьевъ, нечего было спрашивать: это Масличная Гора. За нею лежитъ Виванія. Самыя святія очи, какія когда либо взирали на міръ Божій, устремляли взоры свои на эти возвышенности: тамъ ходилъ Христосъ и поучалъ своихъ слушателей. Со стыдомъ и смиреніемъ смотреть человекъ на это мѣсто, гдѣ обитали неизрѣченная Любовь и Милосердіе, гдѣ глубоко почувствующее сердце Спасителя молило Отца за весь родъ человеческій, и откуда лицемеры и изверги увлекли Его на распятіе!

Евреи, которые вѣхали съ нами изъ Константинополя, проклиная всякую остановку въ дорогѣ не по истерично увидѣть скорѣе

Святой Городъ, но отъ скуности, отъ нежеланія платить дорого за провизію во время морскаго пути, закупили все необходимое для себя въ Яфѣ и отправились въ Иосафатову Долину. Мы замѣтили высокую фигуру стараго начальника ихъ, изощреннаго въ обманъ, когда медленно выступалъ онъ посреди зловонныхъ лагучъ жидовскаго квартала. Этотъ старый хитрецъ, нехотѣвшій нанять для дѣтей своихъ, каюты, во время морской бури, раскланивался съ нами на базарахъ. Другіе равнины, помоложе его, одѣты нѣсколько опрятнѣе. Мы встрѣтили ихъ въ воскресенье, во время прогулки, близъ воротъ Виа-Леоне; съ ними шло нѣсколько рыжебородыхъ Жидовъ, въ дрянномъ восточномъ костюмѣ; говорили они языкомъ берлинскихъ Евреевъ; когда мы поровнялись съ ними, у нихъ шла рѣчь о нѣсколькихъ стахъ талеровъ. Идите по пятамъ какого угодно Жида, и вы непременно услышите разговоръ о золотомъ тельцѣ, которому они поклоняются.

Англійская миссія дѣйствовала совершенно безуспѣшно въ отношеніи къ этимъ религіонистамъ. Едва ли обращены ею въ христіанскую вѣру чловѣкъ двѣнадцать Евреевъ, и тѣ изъ нихъ, которые отступили отъ закона Моисеева, подверглись въ Иерусалимѣ страшнымъ преслѣдованіямъ отъ своей братіи. Мнѣ рассказывали, что жена одного Жида, перемѣнившего вѣру, осталась вѣрна ему и не захотѣла покинуть своего мужа. Евреи озлобились, похитили ее изъ дома, умѣли скрыть въ городѣ отъ всѣхъ поисковъ миссіи, консула, епископа, пасторовъ и причета; потомъ перевезли ее изъ Иерусалима въ Бейрутъ, откуда отправили въ Константинополь и наконецъ въ Россію, гдѣ она до-сихъ-поръ горюетъ о своемъ мужѣ. Нашелъ ли этотъ новообращенный утѣшеніе въ разлукѣ съ нею? Когда одинъ изъ членовъ миссіи, превосходный джентльменъ, передавалъ мнѣ эту исторію, я невольно подумалъ, что Англичане въ подобномъ случаѣ поступили бы не лучше Евреевъ. Жена неопита была дочерью ученѣйшаго раввина. Представьте, что дочь эксетерскаго или кѣнтербѣрійскаго раввина вышла замужъ за чловѣка, принявшаго жидовскую вѣру. Развѣ сталъ бы кто изъ насъ обвинять отца ея, если бы освободилъ онъ дочь свою изъ-подъ власти мужа, способнаго погубить душу этой женщины? Да и самъ бѣдный неопитъ былъ бы конечно изгнанъ изъ Англіи тѣмъ же путемъ преслѣдованія. Съ сожалѣніемъ смотрѣли мы на этихъ людей, когда сидѣли они особнякомъ на скамьяхъ въ нашей церкви, мы думали о томъ

презрѣніи и обидахъ, которымъ подвергаются они, проходя въ европейскомъ платьѣ и съ выбритыми подбородками посреди своихъ злыхъ, нахмуренныхъ и длиннополыхъ соотечественниковъ.

По пятницамъ вы можете слышать здѣсь плачь и стѣнованія жидовъ объ утраченной славы ихъ города. Кажется, я ничего не видалъ страшнѣе Иосафатовой долины. Со всѣхъ сторонъ стекаются сюда Евреи хоронить своихъ мертвыхъ. Свдой скряга, ѣхавшій на корабль съ нами, тоже хотѣлъ сложить кости свои въ этой долины, когда пробьетъ часъ его. Копить деньги и быть погребену здѣсь—вотъ двѣ главныя цѣли этой странной и долгой жизни.

Съ нами пріѣхалъ сюда одинъ изъ членовъ миссіи, крещеный Еврей, и такъ какъ я вообще отзывался о Евреяхъ безъ уваженія, то да позволено будетъ оговориться мнѣ, что съ этимъ достойнымъ джентльменомъ я имѣлъ счастье войти въ дружескія отношенія. Никогда не встрѣчалъ я чловека, котораго внѣшнее поведеніе было бы трогательнѣе, искренность очевиднѣе и религіозныя чувства глубже и основательнѣй.

Англиканская церковь въ Іерусалимѣ строится посреди открытаго, живописнаго мѣста, противъ Виолеемскихъ воротъ. Близеко отъ нея домовая церковь нашего епископа, и тутъ же находится домъ, въ который собираются для молитвы христіане англиканскаго вѣроисповѣданія.

Службу совершаютъ здѣсь на многихъ языкахъ. Я видѣлъ тутъ еврейскія, греческія и нѣмецкія церковныя книги; каждое воскресенье докторъ Александеръ говоритъ проповѣди на нѣмецкомъ языкѣ. Одинъ джентльменъ, сидѣвшій подлѣ меня въ церкви, заглядывалъ попеременно во всѣ эти книги; одну стихеру читалъ онъ по-еврейски, а другую по-гречески. Здѣсь-то собрались мы всѣ вмѣстѣ въ первое воскресенье послѣ нашего прибытія. Трогательно было слышать языкъ и музыку своей родины въ этомъ отдаленномъ мѣстѣ и видѣть простые и скромные обряды нашей службы. Даже американскій консулъ былъ сильно пораженъ ими, не разъ подымался онъ съ своего мѣста, испускалъ глубокіе стоны, и во время проповѣди выражалъ сочувствіе и одобреніе различнымъ тѣлодвиженіями; а этотъ закоренѣлый анти-прелатистъ пріѣхалъ въ Іерусалимъ для того собственно, чтобы встрѣтить здѣсь наступленіе тысячелѣтія *, которое, по его

* Тысячелѣтники думаютъ, что послѣ страшнаго суда праведные будутъ блаженствовать на землѣ тысячу лѣтъ.

мнѣнію, настанетъ весьма скоро. Онъ такъ непоколебимо убѣжденъ въ правдивости ученія своей секты, что даже привезъ съ собою изъ Америки голубя, торжественно увѣряя насъ, что эта птица переживетъ ожидаемое прішествіе. Никогда не случалось мнѣ слышать пастора, совершающаго службу такъ превосходно, какъ исполнялъ это дѣло капеланъ епископа, мистеръ Вейтъ. Но, кажется, трогательнѣе всего была тутъ музыка: эти сладостныя, старинныя мелоди родины.

Въ церкви было около ста человекъ; наша партія значительно увеличила обыкновенное число молящихся. Семья епископа чрезвычайно велика; у консула и членовъ миссіи есть жены, дѣти и англійская прислуга. Они, вмѣстѣ съ иностранцами, занимаютъ мѣста по правую и лѣвую руку отъ престола и кафедры; обращенные же и члены коллегіи, которыхъ очень немного, садятся противъ пастора, совершающаго богослуженіе; передъ ними, при выходахъ, поднимаютъ серебряныя булавы янычаръ также, какъ посохи служекъ въ Англій.

Нѣсколько разъ ходилъ я по окрѣстностямъ города, къ Маличной горѣ и Виоаніи, къ могиламъ царей и источникамъ, посвященнымъ исторіею. Только здѣсь деревья свѣжи и зелены; весь остальной пейзажъ поселялъ въ душѣ моей чувство ужаса. Обнаженные солнцемъ горы прикрыты кое-гдѣ трепещущею тѣнью сѣроватыхъ маслинъ; овраги и долины утланы надгробными камнями; повсюду вокругъ города видите вы невыразимо зрюмую и опустошенную мѣстность.

Ходилъ я къ Сіонскимъ вратамъ, посмотреть на такъ называемую гробницу Давида. Теперь стоитъ на этомъ мѣстѣ старая мечеть, недоступная для христіанъ и Евреевъ. Одинокою возвышалась она передо мною, освѣщенная лучами солнца; весь небосклонъ за нею былъ облитъ красной зарей, и безжизненная окрестность становилась отъ этого еще болѣе неодоушевательною. Стѣны и башни города подымались недалеко отсюда. Вокругъ тянутся мрачныя горы съ обнаженными, каменистыми скатами; здѣсь, въ пещерахъ, жили и умирали христіанскіе пуготыни. Въ глубинѣ долины вы видите зеленую поляну; она называется Эвъ Роджель. На ней пировалъ Адоція, убитый братомъ своимъ Соломономъ за то, что онъ попросилъ въ жены себѣ Авноагу. Долина Гинномская лежитъ у подошвы горы; некогда была она плодovitымъ садомъ, теперь же имѣетъ самый грустный видъ. Здѣсь, подъ тѣнью зеленыхъ деревьевъ, Ахазъ и цари идоло-

поклонники приносили богамъ своимъ жертвы и «заставляли дѣтей проходить сквозь огонь». На пригоркѣ стоитъ огромная усыпальница, куда относятся трупы усопшихъ пилигримовъ; народное повѣрье утверждаетъ, что это Ацельдама, купленная на деньги, которыя приобрѣлъ буда преданіемъ Спасителя. Такимъ-то образомъ съ одного мрачнаго мѣста переходите вы на другое, и каждое изъ нихъ запечатлѣно ужаснымъ событіемъ. Смотри на храмъ, вы думаете о вонпахъ Тита, которые осаждали охваченный огнемъ его наперти, и о вѣстунѣхъ ихъ въ городъ, при защитѣ котораго погибло два милліона человѣкъ. На горѣ Сиенской былъ разбитъ лагерь Готфрида и Танкреда.

Считаю лишнимъ продолжать разсказъ о такомъ мрачномъ пейзажѣ. Навсегда врыется онъ въ память человѣка, взглянувшаго на него однажды. Воспоминаніе это будетъ преслѣдовать его, подобно угрызенію совѣсти, ему покажется, что самъ онъ принималъ участіе въ ужасной смерти своего Спасителя. О! съ какимъ невыразимымъ стыдомъ и ужасомъ думаетъ человѣкъ о совершенномъ здѣсь преступленіи, повергаясь во прахъ передъ иконою Божественнаго Страдальца!

По обыкновенію, путешественники прежде всего идутъ помолиться въ храмъ Гроба Господня.

Въ воротахъ, ведущихъ съ улицы на церковный дворъ, находится маленькій базаръ Вилеожистовъ, которые соперничаютъ въ торговлѣ съ католическими монахами. Громко запрашиваютъ они васъ въ свои лавчонки, предлагая купить у нихъ разныя бездѣлушки: четки, выточенные изъ душистаго дерева, рѣзной перламутръ, грубыя каменные солонки и разныя фигуры. Съ тѣхъ поръ, какъ завелись въ этомъ городѣ гостинницы, мелочные торговцы стали посылать въ нихъ разнощиковъ, которые толпятся каждый день на террасѣ, передъ дверью прѣхавшаго сюда путешественника, и докучливо упрашиваютъ его купить что нибудь. Есть также здѣсь люди, ведущіе особаго рода промышленности: они татуируютъ пилигримовъ пятью крестами, гербомъ Іерусалима. Подъ этимъ изображеніемъ накальвается еврейскими буквами имя города и годъ, въ который пилигримъ посѣтилъ іерусалимскую святыню. Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ отважились подвергнуться этой странной операции, желая унести съ собою въ могилу неизгладимый знакъ своего путешествія. Въ Бейрутѣ наняли они въ услуженіе человѣка, который въ молодости былъ лажемъ на одномъ изъ англійскихъ

кораблей Средиземнаго моря. Онъ также былъ татуированъ пятью крестами; сверху ихъ были наколоты два соединенныя сердца, съ патетическимъ девизомъ: «Бетси, душка моя.» Съ этой душкою разстался онъ въ Мальтѣ пять лѣтъ назадъ тому, и она была уже забыта. Одно только имя ея съ обманчивою эмблемою постоянства осталось на кожѣ этого измѣнника, на которой явилось теперь другое изображеніе такой же нелицемѣрной преданности. Молодчикъ этотъ зналъ прежде немного по-англійски, но теперь забылъ нашъ языкъ также, какъ и свою Бетси. Четки и татуированіе издавна принадлежали, кажется, къ существеннымъ обрядамъ христіанскаго пилигримства. За нѣсколько сотъ лѣтъ поклонники Гробу Господню удалялись отсюда съ этимъ же простымъ напоминаніемъ святаго города. На рукахъ сколькихъ принцевъ, рыцарей и крестоносцевъ былъ отпечатанъ точно такой же символъ!

Миновавши базаръ, вы входите на церковный дворъ, раскинутый передъ фасадомъ древнихъ башенъ церкви Гроба Господня, украшенныхъ арками и готическими орнаментами, рисунокъ которыхъ хотя и грубоватъ, однакоже богатъ и живописенъ. Здѣсь, на солнцѣ, стоитъ толпа богомольцевъ, ожидая, когда заблагодарсудится турецкой стражѣ отворить церковныя двери. На этомъ дворѣ непременно наткнетесь вы на сборище дряхлыхъ бабъ, оборванныхъ мальчишекъ и старыхъ, длиннобородыхъ хрычей: это нищіе. Громко кричатъ они, выпрашивая подаянія, протягиваютъ къ вамъ деревянныя чашки, колотятъ по камнямъ палками, вопятъ, ноютъ и тянутъ васъ къ себѣ за полы; поодаль сидятъ черные, какъ уголь, Копты, въ темносинихъ чалмахъ и рубашкахъ, перебирая четки. Сюда же пришла и партія Арабовъ, исповѣдующихъ христіанскую вѣру. Полуобнаженные мужчины, судя по ихъ наружности, не то нищіе, не то разбойники; кажется, они столько же способны просить милостыню, сколько и грабить — смотря по обстоятельствамъ. Женщины, отбросивъ покрывала, смотрѣли на иностранцевъ изъ-подъ татуированныхъ бровей. Что же касается до иностранцевъ, то мнѣ нечего описывать ихъ. Фигуру Англичанина, съ засунутыми въ карманы руками, вы увидите на кратерѣ Везувія и въ краалѣ Готентота, у основанія пирамиды и въ парижскомъ кафе-ресторанѣ, или въ хижинѣ Эскимоса; по всюду эта фигура одинаково холодна и надменна. Когда церковныя двери были отворены, Англичане протолкались впередъ, презрительно бросили турецкому приврат-

нику нѣсколько нѣастровъ и хладнокровно осматривали внутренность храма, въ которомъ пилигримы всѣхъ другихъ націй обливались слезами или стояли въ какомъ-то восторгѣ и удивленіи. Никогда прежде не видали мы этой церкви, и однакоже глядѣли на нее также холодно, какъ турецкій сторожъ, который сидитъ въ дверяхъ ея.

Въ самомъ дѣль, я думаю, что намъ нельзя понять источника и свойствъ римско-католической набожности. Однажды пошелъ я въ Римъ въ церковь, по просьбѣ моего друга, католика, который, описывая мнѣ изящную внутренность этого храма, увѣрялъ, что она похожа на небо. Я нашель, что стѣны тамъ обвѣшаны полосами краснаго и бѣлаго дешеваго каленкора, алтарь убранъ искусственными цвѣтами, множествомъ восковыхъ свѣчей и золоченой бумагою. Мѣсто это показалось мнѣ похожимъ на бѣдный театръ; а другъ мой стоялъ подлѣ меня на коленяхъ, увлеченный порывомъ восторга и благоговѣнія.

Не лучшее впечатлѣніе вынесъ я и отсюда, изъ этого знаменитѣйшаго храма въ мірѣ. Различныя церкви спорятъ здѣсь другъ съ другомъ за владѣніе останками священной древности. Греки показываютъ вамъ гробъ Мельхиседека, у Армянъ есть часовня покаявшагося разбойника; бѣдные Копты гордятся, что въ ихъ крошечной часовенкѣ находится кустъ, въ которомъ Авраамъ спряталъ овцу, принесенную въ жертву вмѣсто Исаака; католики владѣютъ столбомъ, къ которому былъ привязанъ Спаситель. Мѣсто, гдѣ найденъ былъ Крестъ Господень, углубленіе на горѣ Голгоетъ, самый даже гробъ Адама, все это собрано здѣсь на самомъ маленькомъ пространствѣ; вы подымаетесь на нѣсколько ступенекъ, и вамъ говорятъ, что вы стоите на Голгоетъ. Всѣ эти священные древности окружены горящими паникадилами, облаками ладава и плохими картинами изъ Священной Исторіи, или портретами вѣнценосныхъ особъ, которыя жертвовали деньги на поддержаніе часовень. Вы слышите шарканье и топоть молельщиковъ; видите, что одни изъ нихъ плачутъ, прикладываются къ образамъ и творятъ земные поклоны, а другіе стоятъ совершенно хладнокровно; пасторы, въ иноземныхъ облаченіяхъ, поютъ и читаютъ въ носъ непонятныя литаніи, облачаются и разоблачаются, зажигаютъ свѣчи и гасятъ ихъ, подаютъ впередъ и отступаютъ назадъ, съ поклонами и коленно-преклоненіями самаго необыкновеннаго характера. Все это производитъ на Англичанина очень странное впечатлѣніе.

Самый Гробъ Господень есть, безъ сомнѣнiя, святѣйшая принадлежность Иерусалима, но легенды, распри духовенства и разные обряды скрываютъ святое мѣсто, въ которомъ стоитъ онъ, отъ взоровъ челоуѣка. Браважная стража преграждаетъ свободный доступъ къ нему мошельщикоу. Никто не въ состоянiи проникнуть въ это святилище безъ страха, захватывающаго дыханiе, и безъ чувства глубокаго и исполненнаго боязни самоуниженiя. Гробъ Господень стоитъ посреди ротонды, общей для христанъ всѣхъ вѣроисповѣданiй. Въ коптской часовнѣ видѣть я закончелыя лампы, дешелое, полишавшее тряпье и чернаго, какъ уголь, Копта, въ синей одеждѣ. Въ католической церкви не было службы; два монаха, пересмѣливаясь другъ съ другомъ, сметали пылъ съ покрытыхъ плѣсенью статуй, которыя стояли вдоль стѣны. Великолѣпная греческая церковь была болѣе наполнена молящимися, нежели сосѣдняя съ нею армянская, тоже богато отдѣланная. Эти три главныя вѣроисповѣданiя ненавидятъ другъ друга; ссоры ихъ безконечны; каждая изъ нихъ старается подкупомъ и интригами склонить на свою сторону мѣстныя власти, въ ущербъ своимъ соперникамъ. То вмѣшуются въ дѣло католики и готовы способствовать разрушенiю общей церкви, потому только, что Греки предлагаютъ покрыть ее кровлею; то Греки уничтожаютъ монастырь на Масличной горѣ и соглашаются лучше уступить это мѣсто Туркамъ, нежели допустить, чтобы владѣли имъ Армяне, которые въ свою очередь испрашиваютъ позволенiе сломать принадлежащую имъ и исправленную Греками лѣстницу въ Вертепъ Рождества въ Вилдесмѣ. Такимъ-то образомъ, посреди этого священнаго мѣста, въ центрѣ христанства, представители трехъ главныхъ вѣроисповѣданiй совершаютъ богослуженiе подѣ одной кровлею и ненавидятъ другъ друга!

Куполъ надъ Гробомъ Спасителя *открытъ*, и вы сквозь него видите надъ собою голубое небо. Кому изъ строителей пришла превосходная мысль оставить эту великую святыню подѣ высокимъ покровительствомъ неба, не скрывая ея кровлей и сводами, подѣ которыми кишитъ здѣсь столько самолюбiя, притворства и недлюбви къ ближнему!

Пять миль пути по волнистымъ и обнаженнымъ холмамъ переносить васъ изъ Иерусалима въ Вилдесмѣ. Мѣстоположенiе становится живописнее по мѣрѣ приближенiя къ знаменитой деревнѣ. Мы проѣхали мимо монастыря св. Илiи, обнесеннаго стѣною

на подобіе крѣпости. Однакоже, не смотря на такую предосторожность, Арабы не одинъ разъ брали монастырь приступомъ и безошадно губили несчастныхъ монаховъ. Подлѣ него находится колодезь Ревекки. Здѣсь лежалъ трупъ; толпа мужчинъ и женщинъ съ жалобнымъ воемъ плясала вокругъ него. На дорогѣ встрѣчались намъ нахмуренные всадники, стада черныхъ овецъ и пастухи съ ружьемъ на плечъ, верблюды, женщины въ синихъ платьяхъ, съ бѣлыми вуалями; неся кувшины съ водою, задумчиво глядѣли онѣ на насъ большими, черными глазами. Порою попадались земледѣльцы съ лошаками, навьюченными хлѣбомъ или виноградомъ, которые везли они въ городъ. Сцена была очень одушевлена и живописна. Церковь Рождества съ окружающими ее монастырями представляетъ обширную и благородную картину. Партія путешественниковъ собралась въ этотъ день ѣхать на Иорданъ, подъ прикрытіемъ Арабовъ. Нѣкоторые изъ этихъ дикарей были чрезвычайно эффектны. Въ бѣлыхъ чалмахъ, съ длинными ружьями и палашами, стояли они на широкомъ помостѣ, передъ низенькими воротами монастыря, подлѣ поджарыхъ лошадей своихъ, изукрашенныхъ нарядной обрною. Крестonosцы и рыцари бывали конечно свидѣтелями такихъ же сценъ. Нетрудно представить себѣ выходъ ихъ изъ этихъ узкихъ, низенькихъ воротъ, при шумномъ привѣтствіи смуглыхъ дѣтей, купцовъ и женщинъ.

Насъ принялъ настоятель греческаго монастыря, въ прекрасной трапезѣ, съ тѣмъ же гостепримствомъ и церемоніями, съ какими встрѣчали здѣсь пилигримовъ среднихъ вѣковъ. Мы осмотрѣли великолѣпную церковь и посѣтили гротъ, въ которомъ, по преданію, родился Искупитель. Партія путешественниковъ, по окончаніи осмотра, потянулась къ Мертвому морю, въ сопровожденіи вооруженныхъ спутниковъ; европейцы придали себѣ воинственный видъ, вооружась также мечами и пистолетами. Живописная толпа пилигримовъ, Арабы и всадники, древній монастырь съ съдовласыми монахами, церковь съ торжественной въ ней службою, съ образами, колонами и ладаномъ, темныя, широкія горы, охватившія деревню, и путевыя встрѣчи: пастухи и стада, верблюды, колодцы и похороны произвели на меня чарующее, романическое впечатлѣніе. Но вы, любезный М., хотя и не были здѣсь, однако же составили о Виелсемъ такое прекрасное понятіе, какаго не въ состояніи дать вамъ мое описаніе,

Виѣдемъ, гдѣ родился Божественный Младенецъ и гдѣ звучала пѣснь ангеловъ: «Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ чловѣцехъ благоволеніе», останется навсегда святѣйшимъ и прекраснѣйшимъ мѣстомъ этого міра.

Самыя лучшія квартиры въ Іерусалимѣ можно найти въ монастырѣ св. Іакова, у Армянъ. Эти восточные квакеры очень важны, любезны и въжливы. Сіонская обитель ихъ такъ велика, что въ ней безъ труда помѣстится двѣ или три тысячи христіанъ; церковь изукрашена и чрезвычайно богатыми, и бѣднѣйшими приношеніями поклонниковъ. Въмѣсто звона въ колокола, толстые монахи колотятъ что ни есть силы въ доску, призывая единовѣрцевъ своихъ на молитву. Никогда не видывалъ я мужчинъ румянѣй и лѣнливѣ этихъ колынопреклоненныхъ на мягкихъ цыновкахъ или сидящихъ въ благоговѣйномъ созерцаніи армянскихъ монаховъ. Церковь блеститъ ризами образовъ, хрусталемъ, позолотою и горящими паникадилами; со свода потолка виситъ десять тысячъ (а можетъ быть, и меньше) страусовыхъ яицъ. Народу множество; богомольцы, вставши на колѣна, усердно лобызаютъ стѣны и прикладываются къ мощамъ св. Іакова, перваго епископа Іерусалима.

Въ церкви латинскаго монастыря бросается въ глаза обитая краснымъ штофомъ ложа французскаго консула, представителя короля, который съ незапамятныхъ временъ слыветъ покровителемъ католиковъ въ Сиріи. Всѣ французскіе писатели и путешественники толкуютъ объ этой протекціи съ величайшимъ удовольствіемъ. Согласно съ путевыми записками своихъ соотечественниковъ, любой Французъ, котораго вы встрѣтите здѣсь, скажетъ вамъ: «*La France, monsieur, de tous les temps protège les chrétiens d'Orient*». Принимать участіе въ процессіяхъ — это для нихъ *bon ton*; важно выступаютъ они въ крестныхъ ходахъ, неся передъ собою длинныя свѣчи. Никакъ не могъ я сродниться съ ихъ родомъ набожности. Религіозныя изліянія Ламартина и Шатобриана, которыя читали мы *à propos* во время путешествія, менѣе всего наполняли душу мою чувствомъ уваженія. Краснорѣчивый виконтъ, какъ будто говоритъ самъ о себѣ: «*Vousz comme M. de Chateaubriand prie Dieu.*» Это гримаоа хапжи на лицѣ французскаго пилигримчика; очень трудно смотреть на нее серьезно.

Картины, образа и орнаменты главнаго латинскаго монастыря весьма бѣдны въ сравненіи съ тѣмъ, что видѣли мы въ церквѣ

Армянъ. Монастырь великъ, но содержится неопратно. Говорятъ, что много прыгающихъ и ползающихъ бичей человечества нападаетъ на кожу пилигримовъ, которые ночуютъ здѣсь. Даже на дворахъ и галлереяхъ нельзя спастись отъ нихъ. Смотри на лѣнь и неопратность монаховъ, думается, что вы попали въ итальянскій монастырь. Торговля вещами, о которыхъ я упомянулъ прежде, составляетъ главный доходъ этой обители; отсюда развозятся раковины, кресты и четки по всей Европѣ. La France перестала уже быть христіаннѣйшимъ государствомъ, и ея протекція бесполезна для католиковъ со времени изгнанія Карла X. Испанскіе короли, которыхъ гербы, подсвѣчники, паникадилы и другія цѣнныя приношенія можно видѣть во многихъ католическихъ часовняхъ, стали также скупыми вкладчиками со времени послѣднихъ смуть, отнятія у духовенства собственности и другихъ событій въ этомъ же родѣ. Когда осмотрѣли мы бѣдныя рѣдкости этого мѣста, настоятель ввелъ насъ въ пріемную и предложилъ выпить по маленькому стаканчику краснаго розоліо; вино принесъ ключарь монастыря съ поклонами и коленнопреклоненіями.

Послѣ этой общины духовныхъ особъ наиболее замѣчательнѣе американскій монастырь или протестантская конгрегація индепендентовъ, которые издають трактаты для обращенія невѣрующихъ, составляютъ митинги, и такимъ образомъ дополняютъ небольшое число послѣдователей англиканской церкви. Я упоминалъ о нашемъ спутникѣ, генеральномъ консулѣ Соединенныхъ Штатовъ. Торговлею составилъ онъ себѣ значительное состояніе и комфортабельно жилъ на своей родинѣ въ загородномъ домѣ. Но вотъ, по его мнѣнію, настало время свершиться пророчеству, то-есть, Евреи должны возвратиться въ землю отцовъ своихъ и Іерусалимъ снова прославиться. У него рождается желаніе быть свидѣтелемъ этого событія, онъ покидаетъ загородный домъ свой, беретъ любимаго голубя и отправляется съ нимъ въ далекій путь. Ничего не знаетъ онъ о Сиріи, кромѣ того, что сказано о ней въ пророчествѣ; но онъ принимаетъ на себя обязанность консула *даромъ*, не требуя жалованья, и правительство Соединенныхъ Штатовъ находитъ эту причину вполне удовлетворительною для утвержденія его въ консульскомъ званіи. Пріѣхавши сюда, онъ прежде всего требуетъ свиданія съ нашею; объясняетъ ему то мѣсто Апокалипсиса, гдѣ нашель онъ, что Пять Властей и Америка должны вмѣшаться въ дѣла Сиріи и непременно возвратить Евреевъ въ Палестину. Эта новость удивила, конечно, намѣстника блиста-

тельной Порты; наврядъ ли хотя одно правительство, со времени Минстерскаго королевства, въ которомъ царствовала Іоанна Лейденскій, принимало когда-нибудь такого страннаго посланника. Этотъ добрый, простой и достойный человекъ затащилъ меня въ свой временный консульскій домъ при американской миссии и подь предлогомъ дружескаго желанія: распить со мною бутылку блага вина, началъ развивать свои идеи, толкуя о будущемъ также свободно, какъ бы о статьѣ, прочитанной въ «Times.» Маленькая комнатка, въ которой сидѣли мы, была завалена миссіонерскими трактатами; но я почти не слышалъ о новообращенныхъ: Американцы усвѣваютъ въ этомъ отношеніи также мало, какъ и наше епископское учрежденіе.

Но если религіозныя побѣды ихъ незначительны, если американскіе трактаты и англійскія проповѣди не могутъ заставить этотъ народъ отказаться отъ древняго образа богослуженія и принять обряды христіанской церкви; то не подвержено сомнѣнію, что мужчины и женщины нашей религіозной колоніи производятъ здѣсь хорошее нравственное вліяніе силою прекраснаго примѣра, безукоризненной жизнью и добрыми дѣлами. У леди нашей миссіи много въ Іерусалимѣ кліентовъ всѣхъ вѣроисповѣданій, которымъ помогаютъ онѣ усердно. Жилища ихъ могутъ служить образцомъ опрятности и семейнаго счастья; духовенство наше составляетъ скромное средоточіе цивилизаціи этого мѣста. Непростительную шуточку отпустили въ Нижнемъ Парламентѣ на счетъ епископа Александра и многочисленной семьи его, увѣряя, что эти люди производятъ скандалъ въ Іерусалимѣ. Пуля вылетѣла со стороны Грековъ и католиковъ. Какое дѣло Евреямъ и Туркамъ до того, что у нашего епископа есть жена и дѣти, точно также, какъ у ихъ собственныхъ духовныхъ лицъ? Никакой вражды не питаютъ къ нимъ жители Іерусалима; я видѣлъ, что сыновья епископа развѣзжаютъ по городу также безопасно, какъ бы прогуливаясь ис Гэйдъ-парку. Вообще Европейцы принимаются здѣсь ласково и даже очень вѣжливо. Когда набрасывалъ я эскизы, народъ никогда не прерывалъ моихъ занятій. Мало этого; два или три человека изъ толпы безо всякихъ отговорокъ согласились спокойно стоять передо мною, пока я снималъ съ нихъ портреты. Когда работа была кончена, картины мои пошли по рукамъ; всякій дѣлалъ на нихъ свои объясненія и выражалъ одобреніе весьма учтиво. Но совершенно не такъ поступали стѣнные Арабы и деревенскіе жители, только лишь

прибывшіе сюда изъ окрестностей города. Однажды, передъ старою монастыря, встрѣтилъ я татуированную черноглазую двушку, съ большими серебрянными подвисками и красивою на бородѣ синею наколкою, и еще женщину съ удивительными глазами. Держа груднаго ребенка, черпала она воду изъ Силоамской купели; и поза, и одежда ея могли принадлежать Ревеккѣ въ то самое время, когда посланный Исаака преслѣлъ у нея наняться. Я вздумалъ нарисовать этихъ женщинъ; обвѣвъ онѣ, протоявши покойно не болѣе полуминуты, начала громко требовать бакшиша. Я тутъ же далъ имъ пять пиастровъ. Куда тебѣ! Кричатъ: давай больше! призвали на помощь своихъ друзей, и вся эта ватага завопила о бакшишѣ. Я косившись уйти отъ нихъ и къ величайшему удивленію почтеннаго привратника, захлопнулъ монастырскую дверь передъ носами цѣлой дюжины съ крикомъ преслѣдовавшихъ меня женщинъ. У Маріамскаго монаха присоединился къ нимъ мужчина, вооруженный длинною палкою; онъ также поддерживалъ ихъ требованія; но угрозъ его только насмѣшли насъ, потому что мы были вдвоемъ и тоже съ палками.

Въ деревнѣ Силоамской я не совѣтовалъ бы останавливаться художнику. Въ этомъ негодномъ мѣстѣ живутъ люди, которые умѣютъ, при случаѣ, также хорошо владѣть ружьемъ, какъ и палкою. Собаки ихъ съ лаемъ бѣгутъ за проходящимъ иностранцемъ, и со стѣнныхъ парашетовъ преслѣдуютъ его крытые вооры отъявленныхъ мошенниковъ, любоваться которыми не очень то пріятно одинокому путнику. Эти негодни застрѣлили человека, въ полдень, почти у самыхъ воротъ Іерусалима, когда мы были въ вѣжѣ, и никто не позаботился отыскать убійцу. Цѣлыя орды хищныхъ Арабовъ наполняютъ окрестности города; путешественники, отправляясь во внутренность страны, должны заключать условія съ ихъ шейхами. Трудно понять, какими образомъ городскія стѣны могли бы удержать этихъ воинственныхъ дикарей, еслибы вздумалось имъ ограбить Іерусалимъ, потому что полтараста человекъ здѣшняго гарнизона не въ состояніи защитить длинныхъ крепостныхъ линий этого города.

Только на картинахъ Тиціана видѣлъ я эту величольную пурпуровую тѣнь, въ которую облакаются горы окрестъ Іерусалима, когда небо позади ихъ покрывается вечерней зарею. Передъ отъездомъ въ Йоу, мы смотрѣли на Масличную гору съ террасы, на которой дожидались прибытія лошадей. Желтый мѣсяцъ тус-

кло блестяль посреди безчисленнаго множества яркихъ звездъ. Бѣдная, обнаженная окрестность тонула въ розовой атмосферѣ сумерекъ. Видъ самого города никогда еще не казался намъ такъ благороденъ; мечети, минареты и куполы чудно рисовались на темномъ пологѣ звезднаго неба.

У Биелеемскихъ воротъ растетъ пальма и стоитъ домъ съ тремя куполами. Поставьте ихъ и древніе готическіе ворота въ глубинѣ ночной картины, и наполните передній планъ густымъ сѣрымъ сумракомъ. Когда вы глядите въ него, передъ вами мелькають фонари, рисуются темныя фигуры всадниковъ и муловъ съ носилками, толпа маленькихъ Арабовъ, верхомъ на лошадяхъ, гонить стада овецъ къ городскимъ воротамъ, члены нашего поезда, по-двое и по-трое, выдвигаются впередъ, и вотъ наконецъ, передъ самымъ восходомъ солнца, отворяются ворота, и мы выезжаемъ въ сврую долину.

О, роскошь англійскаго сѣдла! Имъ ссудилъ меня слуга одного джентельмена миссіи; оно, въ продолженіе всего дня, не свернулось ни на волосъ со спины моей маленькой лошадки, и когда, миновавши негодный, гористый округъ Абу-Гоша, вступили мы въ прекрасную долину, ведущую въ Рамле, конекъ мой въехалъ со мною въ городъ презабавнымъ галопомъ, вслѣдъ за безобразнѣйшимъ Негромъ, который, въ желтомъ халатѣ и съ краснымъ платкомъ, разбѣжавшимся на головѣ его, галопировалъ передо мною, гайкая во все горло и напѣвая народныя пѣсни. Одну изъ нихъ я перенялъ очень удачно; но мнѣ не придется пропѣть вамъ ея въ Англии. Черезъ два дня я забылъ эти великолѣпныя диссонансы, также какъ и мелодіи арабскаго минстреля, погонщика нашихъ лошаковъ, который и пѣлъ, и улыбался такъ забавно, что могъ бы, кажется, развеселить самаго серьезнаго чело-вѣка.

Мы остановились отдохнуть въ полдень, въ маленькой рощѣ, единственной между Іерусалимомъ и Яфою. Я не упоминаю здѣсь о тѣнистыхъ огородахъ отвратительной деревни Абу-Гоша; мимо ихъ прошли мы скорымъ маршемъ. Нѣкоторые изъ нашихъ друзей усѣлись подъ тѣнью масличныхъ деревьевъ, другіе же вкарabкались на вѣтви. Двое изъ числа четверыхъ, нарисованныхъ въ этомъ положеніи въ моемъ альбомѣ, умерли черезъ мѣсяць отъ роковой сирійской лихорадки. Но тогда мы еще не знали, что судьба готовитъ намъ. Былъ разведенъ огонь; мы поѣли яицъ и курятинки, напились кофе и стали курить трубки,

посмѣиваясь отъ чистаго сердца. Я думаю, что всякій считаетъ себя счастливымъ, оставя Іерусалимъ. Изъ того, что я испыталъ въ немъ, для меня памятнаго всего десятидневная лихорадка.

Въ Рамле, всѣ мы остановились въ греческомъ монастырѣ. Монахи подали намъ ужинать на террасѣ, при закатѣ солнца. Насъ окружала самая живописная панорама: башни и мечети были окрашены алой зарею, волнистыя поля покрыты зеленью и стройными пальмами. До Яфы было отсюда девять миль. Когда мы вѣхали туда, намъ все утро сопутствовалъ дымъ парохода, стоявшаго отъ нашей дороги миль за двадцать въ морѣ.

Монастырѣ, въ которомъ переночевали мы въ Рамле, совершенный каравансерай. Только три или четыре монаха живутъ въ немъ для пріема путешественниковъ. Лошади были привязаны и накормлены на внутреннемъ дворѣ; въ верхнемъ этажѣ находились жилыя комнаты не только для неограниченнаго числа пилигримовъ, но также и для безчисленнаго множества ползающихъ и прыгающихъ звѣрковъ, которые обыкновенно раздвѣляютъ ложе съ утомленнымъ путешественникомъ. Ни одному тонкокожему человеку не совѣтовалъ бы я развѣзжать по Востоку безъ удивительнаго изобрѣтенія, описаннаго въ книгѣ мистера Феллоуэса. Вотъ оно: дѣлается полотняный или миткалевый мѣшокъ, такой величины, чтобы въ немъ могло свободно помѣститься человеческое тѣло; къ мѣшку привѣшивается муслиновый рукавъ, расширенный обручами и прикрепленный къ стѣнѣ или къ палкѣ. Вы погружаете въ этотъ снарядъ испытующій взоръ и, увѣряясь, что тамъ нѣтъ ни блохи, ни клопа, ложитесь во внутрь мѣшка, плотно закрывая за собою отверстіе. Этотъ удивительный антиклоповникъ испыталъ я въ Рамле, и только одну ночь покойно провелъ въ немъ на Востокъ. Къ сожалѣнію, не была она продолжительна; многіе изъ товарищей поднялись въ часъ по-полуночи, и стали будить сонуль. Никогда не забыть мнѣ того ужаса, который почувствовалъ въ этомъ противоклоповникѣ, когда веселый служка монастыря, упавши на грудь ко мнѣ, сталъ *щекотать* меня. Послѣ этого происшествія у меня не доставало духу залѣзть снова въ мѣшокъ, и я предпочиталъ колкія ласки насѣкомыхъ, смѣху и шуточкамъ такого сильнаго молодца, какимъ былъ мой монастырскій пріятель.

Поутру, задолго до солнечнаго восхода, маленькій караванъ нашъ снова двинулся въ путь. Мы выѣхали съ фонарями, огла-

шая узкія улицы громкими криками. Когда потянулись мы по долинь, мѣсяца уже не было, но яркія звѣзды все еще блистали надъ головою. Глядя на путешественника такъ светло и торжественно, онъ становится друзьями его, особенно подъ яснымъ погодомъ восточнаго неба. Здѣсь нажутся онъ *ближе* къ вамъ, нежели въ Европѣ; здѣсь онъ больше и торжественнѣе. Наконецъ загорѣлась заря, и мы увидѣли передъ собою Яфу. Дружескій корабль ожидалъ насъ; лошади были сданы по принадлежности, и партія наша, при страшныхъ крикахъ обнаженной толпы нищихъ, которые требовали башкиша, усѣлась въ лодки и поплыла къ кораблю, гдѣ приветливо встрѣтилъ насъ лучший изъ капитановъ, когда-либо плававшихъ въ этой части Средиземнаго моря, именно: Сэмьель Леусъ, капитанъ парохода полуостровской и восточной компаніи.

ХІІІ.

Отъ Яфы до Александрии.

(Изъ морскаго журнала Эконома.)

Столовая карта, 12-го октября.

Моллигэтоунн супъ.

Соленая рыба подъ соусомъ изъ яицъ.

Жареная нога баранины.

Вареное плечико съ лукомъ.

Вареная говядина.

Жаренныя куры.

Тоже въ напильоткахъ.

Ветчина.

Баранина съ турецкими бобами.

Рисъ.

Капуста.

Французскіе бобы.

Вареный картофель.

Тоже печеный.

Дамсонъ тортъ.

Тоже изъ смородины.

Рисовые пудинги.

Смординовыя блинчики.

Только лишь подошли мы къ гавани, и передъ нами поднялись дома и башни Александріи, освѣщенные розовой зарею, какъ въ ту же минуту надъ ровнымъ зеркаломъ золотистой воды пронесся гулъ пушечнаго выстрѣла. Съ величайшей досадою узнали мы, что въ эту ночь не удастся намъ выйти на берегъ. Хотя во время нашихъ разъѣздовъ по Сиріи пароходъ былъ отлично вымытъ и вычищенъ, но все-таки жизнь на немъ утомила пассажировъ, не смотря на то, что неопытные жиды, ѣхавшіе съ нами изъ Константинополя, не толпились уже на палубѣ, и экономъ усердно кормилъ всѣмъ, что написано на столовой картѣ.

На другой день, чѣмъ свѣтъ втянулись мы въ гавань, громоуженную судами. Мы плыли мимо полусогнутыхъ военныхъ кораблей, на которыхъ развѣвались красные флаги со звездой; подлѣ нихъ то и двло шныряли катеры; гребцы въ красныхъ фескахъ, налегая на весла, совершенно скрывались изъ виду; на кормахъ стояли длиннородые рулевые. Тутъ находился большой національный флотъ и множество иностранныхъ кораблей. Пароходы французскихъ и англійскихъ компаній ходили взадъ и впередъ по гавани, или стояли на якорѣ въ соленой водѣ. Многія изъ паровыхъ судовъ наши имѣли совершенно христіанскій видъ; только странно было смотреть на турецкій гербъ, нарисованный на носу ихъ, и на золотые арабскіе іероглифы, блестяшіе на кожухъ. Любезный Тромпъ, на которомъ дождались мы до Бейрута, стоялъ также въ александрійской гавани, и капитанъ этого щегольского парохода отвезъ нѣкоторыхъ изъ насъ на берегъ въ своей гичкѣ.

Въ эту ночь, съ помощью сигары и луннаго свѣта, озарявшаго палубу, приготовился я мысленно къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя ожидали меня въ Египтъ. Торжественно мечталъ я о величій таинственной сцены. Мнѣ казалось, что колонна Помпея должна возвышаться горою, въ желтой пустынѣ, посреди цѣлой рощи обелисковъ, высокихъ какъ пальмы. Скромные сонинсы, возсѣдающіе надъ Ниломъ, величаво покойная наружность Мемноновой статуи, разоблачали предо мною Египетъ столько же, какъ сонеть Теннисона, и я готовъ былъ смотреть на него съ пирамидальнымъ удивленіемъ.

Набережная Александріи, гдѣ высаживаются путешественники, похожа на докъ Портсмута; здѣсь, въ разнохарактерной толпѣ, замѣтно нѣсколько черныхъ лицъ; стоятъ лавочки съ кора-

большой рухлядью и расшивочныя съ пьяными матросами; погонщики лошаковъ кричатъ оглушительнымъ хоромъ: «Ride, sir! Donkey, sir! I say, sir!» на такомъ превосходномъ англійскомъ языкѣ, который въ состояніи разсвѣять самыя романтическія грезы.

Въ добавокъ къ этому, взда на лошака очень незавидное занятіе; всякій сначала отказывается отъ нея, какъ отъ негодной вещи. Какъ повезеть васъ это маленькое, длинноухое созданіе? Развѣ сѣсть самому на одного лошака, а на спину другаго положить ноги? Однако же и туземцы, и путешественники вздять на нихъ. Я шелъ пѣшкомъ до-тѣхъ-поръ, пока достигъ уединеннаго мѣстечка, гдѣ никто не могъ видѣть меня, и проворно перекинулъ ногу черезъ красное сѣдло этой крошки. Въмѣсто того, чтобы растянуться со мною поперегъ улицы, чего ожидается, можетъ быть, всякій путешественникъ, лошачекъ этотъ быстро и весело понесся впередъ, не требуя ни шпоръ, ни другихъ средствъ понуканья, кромѣ крика мальчика, который бѣжалъ рядомъ съ нимъ.

Въ архитектурѣ домовъ, мимо которыхъ провзжаете вы, очень мало восточнаго характера. Улицы наполнены пестрою толпою Аریانъ и Евреевъ, надсмотрщиками за работою невольниковъ, Греками и купцами, также прилично одѣтыми и выбритыми, какъ джентельмены нашего банка или биржи. Иностранца особенно поражаетъ здѣсь одно обстоятельство: безпрестанно встрѣчаетъ онъ туземцевъ, на половину или совсѣмъ лишенныхъ зрѣнія. Это слѣдствія ужасной офталміи, которая производятъ въ Египтѣ страшныя опустошенія. Вы видите дѣтей, сидящихъ въ воротахъ; глаза ихъ завязаны зеленымъ платкомъ, который облыленъ мухами. Минуть въ шесть проворный лошака переноситъ васъ въ кварталъ Франковъ. Здѣсь, какъ въ Марсель, по сторонамъ прекрасной, широкой улицы, стоятъ главные отели, дома купцовъ и консуловъ, съ развѣвающимися надъ ними флагами. Палаццо генеральнаго французскаго консула представляетъ чрезвычайную противоположность въ сравненіи съ маленькимъ домикомъ англійскаго представителя, который покровительствуетъ землякамъ своимъ изъ втораго этажа.

Но многимъ изъ насъ этотъ двухъ-этажный фасадъ консульства показался несравненно привлекательнѣе французскаго палаццо: здѣсь ожидали насъ письма и пріятныя вѣсти съ родины, которыхъ не получали мы въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ.

Молодой джентельменъ изъ Оксфорда торопливо схватилъ адресованные на его имя конверты и жадно читалъ письма, сложенные очень аккуратно и написанныя четкимъ, красивымъ почеркомъ. Легко было понять, что сочиняла ихъ Мери Анна, къ которой онъ равнодушенъ. Нотариусъ получилъ пакетъ, на который съ наслажденіемъ поглядывалъ его писарь, думая объ условіяхъ, предложенныхъ Снуксомъ, Роджерсомъ, Смитомъ, Томкинсомъ и т. д. Къ государственному мужу пришли также полновѣсныя депеши, украшенныя многими печатами, на которыя наша офиціальная переписка не жалуетъ сургуча, покупаемаго на общественныя деньги. И я, вашъ покорнѣйшій слуга, получалъ маленькое, скромное письмецо. Въ немъ находилось другое, написанное большими каракулями; но конечно мнѣ было пріятнѣе читать его, нежели милорду англійскія депеши, или даже студенту корреспонденцію Мери Анны. Да, вы поймете меня, когда я скажу вамъ, что это были конфиденціальныя извѣстія отъ маленькой Поли о свромъ котъ и новой кукль.

Для подобнаго удовольствія стоить совершить путешествіе и провести безъ сна нѣсколько долгихъ ночей на палубѣ, думая о родинѣ. Этого наслажденія напрасно стали бы вы искать въ городѣ; тамъ не увидите вы такого чистаго неба и такихъ яркихъ звездъ надъ собою. Прочитавши письма, мы принялись за остроты удивительнаго *Galignani*; узнали, что подвѣлывастъ О'Коннель, получили подробныя свѣдѣнія о послѣдней дюжинѣ новыхъ побѣдъ Французовъ въ Алжиріи и, въ заключеніе, пробѣжали шесть или семь номеровъ *Punch*! И если бы въ это время сказали намъ, что вблизи находится безконечная аллея, составленная изъ помпейскихъ колонъ, и что живые фениксы играютъ на берегахъ Махмудова канала,—право, мы не тронулись бы съ мѣста, не прочитавши до конца «*Punch*» и «*Galignani*».

Въ Александріи немного предметовъ, достойныхъ вниманія, и осмотрѣть ихъ не трудно. Мы пошли по базарамъ, въ которыхъ несравненно болѣе восточнаго элемента, нежели въ европейскомъ кварталѣ съ его англійскимъ, итальянскимъ и французскимъ населеніемъ. Порою встрѣчали мы большой домъ, грубо вымазаный мѣломъ, съ восточными рѣшетчатыми окнами. Двое неуклюжихъ часовыхъ у дверей его, въ такихъ нелѣпныхъ мундирахъ, какіе только можно себя представить, доказывали, что это резиденція или высшаго придворнаго сановника, или одного изъ безчисленныхъ сыновей египетскаго Соломона. Его высо-

чество былъ погруженъ въ глубокую горестъ, никого не принималъ въ своемъ дворцѣ, и самъ не выходилъ изъ него. Европейскія газеты объявили въ это время, что онъ намъренъ отказаться отъ престола; но въ Александріи ходили слухи, что любовныя дѣлишки, которыми старый паша занимался очень усердно, и неумѣренное употребленіе гашиша и другихъ возбуждающихъ средствъ, произвели это отвращеніе отъ жизни и занятій, которымъ срадалъ онъ. Однакоже по прошествіи трехъ дней, властолюбивый старикъ вылечился отъ своего недуга и рѣшился пожить и поцарствовать еще немножко. Черезъ недѣлю, въ которые изъ нашей партіи представлялись ему въ Каиръ и наняли его совершенно здоровымъ.

Болезнь паши, и итальянская опера и ссора двухъ примадоннъ, изъ которыхъ одна была очень хорошенькая, составляли главные предметы разговоровъ. Я ознакомился съ этими новостями въ лавочкѣ одного цирюльника. Мѣшая французскій языкъ съ испанскимъ и итальянскимъ, онъ сообщалъ ихъ своимъ почитателямъ достойною удивленія скороговоркою.

Видѣли мы знаменитый обелискъ, посылаемый Мегметомъ Алп въ даръ британскому правительству, которое не обнаружало однако же особенной поспѣшности принять этотъ тяжело-вѣсный подарокъ. Огромное изваяніе валяется на землѣ, заскверненное всевозможными гадостями. Мальчишки возятся вокругъ него, привлеченные сюда грязью. Арабы, Негры и погонщики лошаковъ, проходя мимо, глядятъ на поверженный обелискъ также холодно, какъ и британское правительство, не позаботившееся до-сихъ-поръ объявить о славныхъ результатахъ египетской кампаніи 1801 года. Если же англійская нація смотритъ на этотъ подарокъ такъ холодно, то непроситительно было бы съ нашей стороны приходить отъ него въ восторженное состояніе.

Помпейская колонна совсѣмъ не такъ высока, чтобы можно было удивляться ея размѣрамъ. Этотъ памятникъ не избѣгъ также позорной участи: матросы и другіе необразованные путешественники исчертали его грубыми знаками; даже имя Псамети-ха исчезло подъ другими неприличными надписями. Очень жалю, мой другъ, что не могу представить вамъ снимка съ имени этого монарха, исторія котораго такъ занимаетъ васъ.

Больше всего понравился мнѣ въ Александріи праздникъ Негровъ. Они справляли его за городомъ, въ деревушкѣ. Здѣсь со-

бралось многое множество старыхъ, худыхъ, толстыхъ, безобразныхъ, дѣтскихъ и счастливыхъ лицъ, для которыхъ природа избрала несравненно болѣе черную и прочную краску, нежели тотъ составъ, которымъ Египтяне покрыли базу Псаметиха. Вся лица, какъ у женщинъ, носившихъ за спиною грудныхъ ребятъ, такъ и у почтенныхъ стариковъ, съ сѣдинами, не уступавшими въ близкѣ овечкамъ Флоріана, были одушевлены широкой улыбкою.

Плясали подь звуки барабана и маленькой флейточки; хоръ, пропѣтый Неграми, отличался не только оригинальностью и вѣрнымъ соблюденіемъ такта, но также чрезвычайно пріятной мелодіею. Они составили хороводъ; плясуны входили во внутрь круга, покачивали головой, размахивали небольшими прутиками, держа ихъ въ лѣвой рукѣ, и пѣли во все горло.

Здѣсь видѣлъ я одного изъ первыхъ сановниковъ турецкой имперіи: главнаго евнуха падишаха. Но какъ наружность его отличалась отъ этихъ веселыхъ лицъ! Забота и скука придавали мягкимъ чертамъ его какое-то мрачное выраженіе.

Черные, оборванные и голодные братья евнуха были веселы и счастливы; а онъ, осыпанный почестями, сердитъ и скученъ. Надобно ли напомнимать вамъ, такому тонкому моралисту, что счастье, какъ въ бѣломъ, такъ и въ черномъ мѣрѣ, минуя дворцы, заходитъ часто въ «tabernas pauperum».

Вечеромъ пошли мы таскаться по кофейнямъ. Въ европейскихъ можно было найдти мороженое и французскіе журналы, но въ тѣхъ, которыя посѣщаютъ Греки, Турки и вообще люди низшаго разбора, стоятъ дрянные стулья, варится негодный кофе, и два или три музыканта потѣшаютъ своимъ искусствомъ неразборчивую публику. Послѣ прекраснаго пѣнья Негровъ, я не могъ слышать безъ отвращенія этой противной музыки.

XIV.

Ниль. — Пирамиды. — Эзбекіэ. — HOTEL d'ORIENT. — ЗАВОЕВАТЕЛЬ Уэггорнь. — Архитектура. — Предводитель пилигримовъ. — Арнау-ты. — Невольники. — Египетскій объѣдъ. — Пигмеи и Пирамиды. —
ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

По каналу Махмуда плывя мы на катеръ Полуостровской и Восточной Компаніи; его буксировалъ маленькій пароходъ; сцена, окружающая насъ, была утомительно однообразна: съ объ-

ихъ сторонѣ тонкіе берега, а сверху синее небо. Мѣстами встречались хижины, слѣпленные изъ грязи, и небольшіе ряды высокихъ пальмъ; кое-гдѣ подлѣ воды стояла женщина въ синемъ платьѣ, и рядомъ съ нею маленькій сынъ въ томъ темномъ костюмѣ, которымъ надѣлила его природа. Съ одного изъ моихъ товарищей упала шляпа; въ тотъ же мигъ нырнулъ за нею Арабъ, выплылъ изъ грязной воды со шляпою въ рукѣ и пустился бѣжать нагишомъ по берегу вслѣдъ за парохомъ, который въ это время былъ уже далеко отъ него: смуглое тѣло Араба свѣтилось на солнцѣ. Потомъ зли мы полуразогрѣтыхъ куръ и пили горькій эль; потомъ объѣдали: опять эль и холодныя куры, и въ этихъ занятіяхъ прошелъ день.

Къ вечеру достигли мы города Атфе, который стоитъ при соединеніи канала съ Ниломъ. Въ немъ пустыри перемѣшаны съ домами и пальмами; полуобнаженный народъ толпится посреди негодныхъ, деревенскихъ базаровъ, мѣняя свои сельскія произведенія на плоды и разноцвѣтныя бусы. Здѣсь каналъ кончается широкой плотиною, изъ-за которой поднимаются мачты египетскихъ кораблей, стоящихъ надъ русломъ Нила.

Однако же не пустое дѣло видѣть эти красныя волны. Вотъ низкіе зеленые берега, сложенные изъ ила хижины, пальмовыя рощи, багровое солнце, садящееся за ними, и большая, мрачная, извилистая рѣка, кое-гдѣ ярко освѣщенная. Ничего особеннаго; но это Ниль, древній Сатурнъ судоходныхъ рѣкъ, даже древнее божество, хотя юнѣйшіе рѣчные боги и затмили минувшую славу его. Привѣтствуемъ тебя, почтенный праотецъ крокодиловъ! Все пассажиры были преисполнены чувствомъ глубочайшаго уваженія, которое выразилось тѣмъ, что мы чуть не передрались за койки, сойдя въ каюты нильскаго парохода.

Утромъ, на зарѣ, вышли мы на палубу; характеръ окрестной картины нисколько не измѣнился. Съ обѣихъ сторонъ низменная долины, открывшіяся послѣ наводненія; ближе къ намъ: деревни, два туземные корабля, на якорѣ, подлѣ финиковыхъ пальмъ; пейзажъ въ полномъ смыслѣ пустынный. На востокъ показалась длинная полоса зеленаго свѣта; объемъ ея постепенно увеличивался, скоро приняла она опаловый, потомъ оранжевый цвѣтъ, и наконецъ посреди нея ярко блеснулъ раскаленный кругъ восходящаго солнца. Ниль побагровѣлъ въ ту же минуту; покраснѣлъ и пароходъ нашъ; кормчій, передавши руль другому матросу, повергся ницъ на палубѣ и началъ кланяться на востокъ,

прославляя Создателя солнца, которое освѣщало его бѣлую чалму, золотило бронзовое лицо и бросало отъ него синюю тѣнь поперегъ красной палубы. Страя даль зарумянилась пурпуромъ; но поднялось солнце, и зарево поблекло; безоблачное небо стало блѣдно, и окрестный пейзажъ сдѣлался ослѣпительно свѣтелъ.

Но вотъ вдали показались пирамиды. Подумай о моихъ чувствахъ, любезный М.; три пирамиды: двѣ большія и одна маленькая.

Слегка освѣщенные красноватымъ свѣтомъ, торжественно стояли онѣ, эти древнія, величавыя, таинственныя зданія. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей нытались показать, что они поражены глубокимъ впечатлѣніемъ; но тутъ подоспѣлъ завтракъ, явился холодный пастетъ съ кофе, и дѣтская игра въ свѣотные припасы смѣнила благоговѣйное уваженіе къ памятникамъ величавой древности.

Неужели мы стали blasés до такой степени, что величайшія, міровыя диковинки не въ состояніи разшевелить насъ? Неужели общество, клубы Полль-Молль и привычка потрунить надъ чувствами другаго такъ съежили въ насъ органы почтенія, что мы лишены способности удивляться? Сначала показалось мнѣ, что я видалъ пирамиды прежде; потомъ стало самому совѣстно, что видъ ихъ не возбуждаетъ во мнѣ должнаго почтенія. Вслѣдъ за этимъ, я обратилъ вниманіе на своихъ сосѣдей, желая знать, не болѣе ли меня поражены они этой картиною: Trinity College, Оксфордъ, былъ занятъ холодной ветчиною; Downing Street погрузилась въ созерцаніе винограда; Fig Tree Court вель себя приличнѣе; это хорошій практикъ, обладающій консервативнымъ складомъ ума, который по принципу заставляетъ его уважать les faits accomplis; можетъ быть, онъ припомнилъ, что одна изъ пирамидъ не меньше загороднаго линкольнскаго трактира. Но все же никто изъ насъ не былъ пораженъ серьезно... Да и почему огромная груда кирпичей должна бы удивлять насъ? Что касается до меня, я признаю, что пирамиды очень велики.

Послѣ тридцатичасоваго плаванія, пароходъ присталъ къ набережной Булака, бросивши якорь посреди очень неудобныхъ судовъ, которые грузились хлопчатой бумагою и другими товарами, съ большимъ крикомъ и суетнею. Отсюда, вплоть до Каира, берегъ Нила покрытъ виллами, парками и загородными домами, въ которыхъ живутъ придворные паши. Здѣсь же поднимаются высокія трубы чугунныхъ заводовъ. Всѣ эти зданія стоятъ такъ

красиво, какъ солдаты на парадъ, представляя рѣзкій контрастъ съ тѣснымъ, неопрятнымъ и покачнувшимся на бокъ стариннымъ восточнымъ городомъ, который составляетъ передовую гавань Каира, будучи построенъ еще задолго до введенія сюда европейскаго вкуса и дисциплины.

Здѣсь съѣли мы на лошаковъ, такихъ же рѣзвыхъ, какъ александрійскіе. Робкимъ вздокамъ они не понравятся; мой, напримеръ, кусалъ всѣхъ муловъ, которые попадались ему во время дороги. Въздъ въ столицу со стороны Булака очень красивъ: прекрасная дорога идетъ по хорошо обработанной, обширной долинѣ Эзбекію. Сады перемѣшаны съ полями, каналами и проспектами; сюда съѣзжается на прогулку высшее общество. Мы видѣли нѣсколько носилокъ съ толстыми пашами, обложенными подушками; осанистые доктора и полковники вѣхали верхомъ, въ сопровожденіи своихъ ординарцевъ; народъ курилъ трубки и нялъ шербетъ въ кофейняхъ; но больше всего понравилось намъ красивое бѣлое зданіе, на которомъ было написано большими французскими буквами: Hotel D'Orient, и которое дѣйствительно нѣсколько не уступаетъ самымъ лучшимъ гостинницамъ южной Франціи. Каиръ стоитъ на пути изъ Англіи въ Индію; черезъ него каждыя двѣ недѣли провзжаютъ сотни христіанъ; для нихъ—то и построена эта гостинница. Въ продолженіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ вѣвъ шестьдесятъ комнатъ ея были постоянно заняты.

Изъ оконъ этого зданія видны прекрасныя сады; у воротъ толпятся лошаки съ ногоныщиками; къ сосѣднему колодцу безпрестанно подходятъ за водою женщины, съ большими черными глазами и въ синихъ широкихъ блузахъ, сквозь отверстія которыхъ была видна ихъ смуглая кожа. У гостинницы то и дѣло развьючивали подходящихъ верблюдовъ; на дворъ шумѣли драгоманы и дѣти, привезенные изъ Индіи. Старые, съдобородые дядьки, въ красныхъ чалмахъ, нянчились съ этими бѣлолицыми малютками, родившимися въ Думдумъ или Футигуръ; у воротъ бриль вожатаго верблюдовъ сидѣвшій на корточкахъ цирюльникъ. Колокольчики звенѣли безъ умолку, и лейтенантъ Уэггорнъ бѣгалъ хлопотливо взадъ и впередъ по двору. Только вчера поутру выѣхалъ онъ изъ Бомбея, во вторникъ былъ въ Красномъ морѣ, сегодня приглашенъ обѣдать въ Реджентс-Паркъ, и теперь вѣроятно находится въ Александріи или въ Валетъ, а можетъ быть, и въ обоихъ городахъ. Il en est capable. Если толь-

ко есть на свѣтъ человекъ, который можетъ въ одно и тоже время быть въ двухъ разныхъ мѣстахъ — это Уэггорнъ.

Прошло шесть часовъ. Шестидесять человекъ уселось за quasi французскій банкетъ. Было тутъ тридцать остъ-индскихъ офицеровъ, въ усахъ и джакетахъ, десять студентовъ также съ усами и въ очкахъ, десять блѣднлицыхъ леди, съ локонами, которые обратили на себя общее вниманіе. Всѣ дамы пили за столомъ эль, который, можетъ быть, и составляетъ главную причину ихъ блѣдности. Бомбейскіе и Суэзскіе пассажиры только что пріѣхали въ гостинницу. Отсюда-то и столпилось въ ней такъ много военныхъ джакетовъ, усовъ, красоты и локоновъ. Окна были открыты, и комары, привлеченные свѣчками, очень способствовали одушевленію сцены. Въ числѣ путешественниковъ былъ пизенскій старій маіоръ, надвѣленный отъ природы непроницаемою кожею. Презирая острое жало комаровъ, онъ настоялъ, чтобы окна были открыты; блѣдные локоны, съ обнаженными плечиками, также не обращали на этихъ насѣкомыхъ особеннаго вниманія.

Всѣ блюда, рагу, фрикандо и жаркія были приготовлены изъ какого-то темнаго, неопредѣленнаго мяса. Никто не зналъ, чѣмъ кормили насъ: лошакомъ что ли? Этихъ животныхъ очень много въ Каиръ.

Послѣ обѣда дамы вышли изъ комнаты; кавалеры спросили теплой воды, положили въ нее сахару и налили французской водки. Говорятъ, это чрезвычайно вредный напитокъ; однако же никакъ нельзя сказать, чтобы онъ былъ невкусенъ. Здѣсь, познакомясь съ почтенными воинами, мы нашли Англію въ Африкѣ, въ Каирѣ, во французскомъ отелѣ, который содержитъ Итальянецъ.

Ложась въ постель, вы берете съ собою полотенце, и задержавши плотно занавѣски, начинаете махать имъ на всѣ четыре стороны до-тѣхъ-поръ, пока всѣ комары, забравшіеся подъ муслиновый пологъ, будутъ окончательно перебиты.

Но дѣлайте, что вамъ угодно, а все-таки хотя одинъ изъ нихъ избѣгнетъ смерти, и тогда, лишь только погаснутъ свѣчи, начинается онъ свое адское гудѣніе, садится вамъ на носъ, на щеку, и такъ легко, что вы не чувствуете прикосновенія. Это маленькое, незримое существо кажется вамъ какимъ-то фантастическимъ созданіемъ, поющимъ въ ушахъ у васъ, и однако же

цѣлую недѣлю послѣ этого на лицѣ остаются самыя несомнѣныя признаки его жестокости.

Вѣроятно мое описаніе Каира вы назовете, любезный М., очень неполнымъ; но дѣло въ томъ, что я до-сихъ-поръ не видалъ еще ничего любопытнаго. Я не заглядывалъ въ гаремы; магики изгнаны отсюда палками; пляшущія дѣвы, о которыхъ заранѣе намѣревался я составить изящное, блестящее, хотя и строго нравственное описаніе, также убѣжали отъ здѣшной плетки въ Верхній Египетъ. Да, вы совершенно справедливы: не хорошо описалъ я Каиръ; это не Египетъ, но Англія въ Египтѣ. Признаюсь, пріятно мнѣ видѣть здѣсь Англію, съ ея отвагою, предпримчивостію, горькимъ элемъ и соусомъ Гарвея. Куда бы не явились эти похвальные предметы, вездѣ остаются они на долгое, постоянное житіе и живутъ счастливо. Сорокъ вѣковъ могутъ смотрѣть на нихъ съ вершины пирамидъ; и я увѣренъ, что для престарѣлыхъ дочерей времени видъ этотъ несравненно пріятнѣе блеска французскихъ штыковъ и воинственныхъ возгласовъ генерала Бонапарте, члена института, который, лѣтъ пятьдесятъ назадъ тому, бѣгалъ вокругъ нихъ съ обнаженной шпагою. Много чудесъ надвѣлалъ онъ въ Египтѣ и потомъ убѣжалъ отсюда. Но что значать эти чудеса въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано Уэггорномъ? Наполеонъ разбилъ Мамелюковъ у подножія пирамидъ. Уэггорнъ завоевалъ самыя пирамиды: онъ приблизилъ эти тяжелыя зданія, а вмѣстѣ съ ними и весь Египетъ, на цѣлый мѣсяцъ пути къ Англіи. Всѣ трофеи и плѣнники, украшавшіе триумфы Римлянъ, должны уступить мѣсто этому дивному подвигу. Изъ всѣхъ головъ, срубленныхъ по приказанію Наполеона, нельзя было бы воздвигнуть ему такого высокаго памятника. Да будутъ наши трофеи мирными трофеями! О, родина моя! О, Уэггорнъ! Когда отправлюсь я осматривать пирамиды, я принесу тамъ жертву во имя твое, совершу тамъ возліаніе съ помощью горькаго эля и соуса Гарвея въ честь тебѣ.

Съ каирской цитадели открывается самая благородная панорама, какую только можно гдѣ-нибудь видѣть. Внизу раскинутъ передъ вами городъ со множествомъ мечетей и минаретовъ; огромная рѣка извивается посреди зеленыхъ полей, испещренныхъ безчисленными деревьями. Вдали возвышаются пирамиды, а вблизи тянутся кровяные верки. Проводникъ никакъ не пропуститъ случая показать вамъ то мѣсто, откуда одинъ изъ

Мамсюковъ отчаяннымъ прыжкомъ спасъ себя отъ страшной участи своихъ товарищей, перебитыхъ пашею.

Недалеко отъ цитадели находится гаремъ почтеннаго Мегмета Али; въ немъ принималъ онъ съ большимъ почетомъ изъ некоторыхъ изъ моихъ товарищей. Намъ было позволено подойти очень близко къ гарему, который имѣетъ европейскій фасадъ, выкрашенъ бѣлой краскою и окруженъ прекрасными садами. Здѣсь же находятся полицейскія и присутственныя мѣста, но засѣданія въ это время не было, а то мы съ удовольствіемъ поглядѣли бы на главнаго кади и на непосредственное приложеніе палки къ главнымъ статьямъ мусульманскаго кодекса.

Главнымъ львомъ между публичными зданіями слыветъ въ Каирѣ мечеть, построенная Мегметомъ Али. Она сложена изъ бѣлаго алебастра съ легкимъ, красноватымъ оттѣнкомъ; всѣ орнаменты ея отличаются чисто европейскимъ характеромъ: благородный и фантастическій ориентальный стиль покинуть поклонниками пророка. Я посѣтилъ здѣсь двѣ городскія мечети и видѣлъ ихъ нѣсколько, — всѣ онѣ въ тысячу разъ прекраснѣе этой. Разнообразіе ихъ орнаментовъ удивительно; причудливыя формы куполовъ и минаретовъ, которыми весьма удачно нарушены общія правила соразмѣрности, поражаютъ своей оригинальностью любого архитектора. Когда идете вы по улицѣ, очарованный взоръ вашъ то останавливается на мраморномъ фонтанѣ, украшенномъ арабесками и такъ чисто, мастерски отдѣланной кровлею, что вы смотрите на нее съ такимъ же наслажденіемъ, какъ на античную камею; то не можетъ оторваться онъ отъ арки, прикрывающей входъ въ мечеть, которая поднимается вверхъ такъ легко и граціозно, какъ... какъ пируэтъ Тальони. Эта архитектура, чуждая грандіозности, богата той легкой и мирной красотою, съ которою ознакомили насъ древніе памятники, хотя Парѳенонъ и Колизей также грубы въ сравненіи съ нею, какъ широкоплечіе Титаны передъ Зевсомъ, питающимся амброзією. Эти фантастическіе шпицы, куполы и галерен, чаруя взоры, возбуждаютъ и, такъ сказать, *цекотятъ* воображеніе. Въ знаменитой мечети султана Гассана нашли мы очень мало правовѣрныхъ. Сторожъ, глазами просившій подаянія, предложилъ намъ надѣть соломенныя туфли и ввелъ во внутренность мечети.

Въ ней было удивительно свѣтло. Лучшіе образцы норман-

скаго искусства, видѣнные мною, не превзойдутъ благородной простоты и граціи этого храма.

Никто не молился въ мечети; только официальные сторожа и сверхъ-комплектные проводники пришли въ нее за бакшишомъ. Вѣра ослабла; потому-то и не могутъ здѣсь изобрѣсть тѣхъ совершенныхъ формъ и построить такихъ зданій, какія изобрѣтались и строились въ былое время. Для доказательства я укажу на жалкую архитектуру храма, воздвигнутаго Мегметомъ Алн, и на совершенное отсутствіе красоты въ мечетяхъ, недавно построенныхъ въ Константинополь.

Однакоже путешествіе въ Мекку до-сихъ-поръ въ большомъ ходу у мусульманъ. Подлѣ мечети Гассана находится зеленый лугъ, на которомъ пилигримы разбиваютъ ежегодно станъ свой прежде, нежели двинутся въ дальнѣйшій путь. Я попалъ сюда не во время этого сходбища, но видѣлъ на базарѣ дервиша, который, сопровождая священнаго верблюда, обыкновенно предводительствуетъ происходящими здѣсь въ подобныхъ случаяхъ процессіями. Онъ пользуется въ Каирѣ почти такимъ же уваженіемъ, какъ мистеръ О'Конель въ Ирландіи.

Дервишъ этотъ живетъ подаеніемъ. Лѣтомъ и зимою ходитъ онъ босой, нахмуренный, съ палкою и въ одной тонкой, узенькой рубашонкѣ. Сзади торчитъ у него огромнѣйшій пучъ черныхъ волосъ; смуглое тѣло его, словно у дикаря, поросло также курчавыми волосами. Онъ содержитъ пребольшой гаремъ и, говорятъ, составилъ себѣ отличнѣйшее состояніе сборомъ контрибуцій. Глухой народъ увѣренъ въ святости этого челоуька, и когда возвращается онъ изъ своего религіознаго похода, главные муллы, встрѣтивши его за городомъ, торжественно сопровождаютъ въ Каиръ по эзбекійской дорогѣ; простой же народъ бросается подъ ноги его лошади, въ полной увѣренности, что челоуькъ, убитый или изуродованный лошадейю великаго Гаджи, попадетъ непременно въ рай магомета. Моя ли вина, что при этомъ случаѣ пришли на мысль мнѣ Гаджи Даніэль и вѣрующіе въ него?

Когда я проходилъ по этой долинѣ, на ней не было знаменитаго дервиша; но тутъ, съ блестящими глазами и съдоватой бородою, плясалъ другой дикарь. Зрители, казалось мнѣ, смотрѣли на него съ презрѣніемъ, и никто изъ нихъ не положилъ ни копѣйки въ чашку ему. На головѣ этого чудака сидѣлъ живой, но совершенно ошипанный пѣтухъ, обвѣшанный клочками крас-

ныхъ лентъ и стеклярусомъ: такой чудовищной и жалкой штуки я никогда еще не видывалъ.

Недалеко отсюда потышалъ публику клоунъ, въ родѣ нашего Уиддикомба. Этотъ буфонъ отвѣчалъ на вопросы непристойными фразами, которыя заставляли всю аудиторію помирать со смѣху. Одна изъ его остротъ была переведена мнѣ, и еслибы я вздумалъ сообщить вамъ ее, вы конечно не засмѣялись бы. Драгоманъ увѣрялъ насъ, что весь юморъ этого остряка такого же сомнительнаго достоинства; также отозвался о немъ и молодой египетскій джентельменъ, сынъ паши, котораго въ послѣдствіи я встрѣтилъ въ Мальтѣ. Онъ же сообщилъ мнѣ кое-что о семейной жизни Египтянъ: подробности весьма неназидательныя. Отъ него узнали мы, что женщины на Востокъ заботятся болѣе всего о томъ, чтобы овладѣть мужчиною, потакая его чувственнымъ влеченіямъ, и что главное достоинство ихъ заключается въ умъни разнообразить чувственныя удовольствія. Онъ даже старался объяснить намъ, въ чемъ состоитъ именно *иривость ихъ ума*; но это былъ трудъ совершенно потерянный, по причинъ нашей тупости. Я попросилъ бы только покорнѣе не увлекаться нѣмецкими писателями и эстетиками, Семиясоизмами, Ганганизмами и т. п. Жизнь на Востокъ—чисто скотская жизнь. Я увѣренъ, что самые презрительные отзывы о ней были бы довольно снисходительны, потому что едва-ли кто въ состояніи рассказать, до какой степени развита на Востокъ самая отвратительная чувственность.

За балаганомъ этого буфона показали мнѣ на зеленомъ лугу мѣсто, обогренное кровью. Здѣсь поутру казнили Арнаута. Городскіе жители проклинають этихъ Арнаутовъ. Станъ ихъ разбить за Каиромъ; но они всякій день пьянствуютъ и разбойничаютъ въ городъ, не смотря на то, что почти каждую недѣлю предають смертной казни по-крайней-мѣрѣ одного изъ нихъ.

Товарищи мои видѣли, какъ толпа солдатъ тащила этого молодца мимо гостинницы. Голый, связанный по рукамъ и по ногамъ, онъ все еще былъ страшенъ своимъ противникамъ, употребляя отчаянныя усилія освободиться отъ нихъ. Онъ былъ чрезвычайно строенъ; обнаженное тѣло его представляло образецъ физической красоты.

Этотъ Арнаутъ плѣнился на улицъ какую-то женщиною и хотѣлъ схватить ее. Женщина пустилась бѣжать; вблизи былъ полицейскій баракъ; она бросилась искать въ немъ спасенія; Ар-

науть, не теряя присутствія духа, ворвался и туда за нею. Одинъ изъ полицейскихъ хотѣлъ остановить его, но онъ выхватилъ пистолетъ и положилъ своего противника на мѣсть; потомъ обнажилъ саблю и убилъ еще трехъ или четырехъ чело-вѣкъ прежде, нежели успѣли обезоружить его. Онъ понималъ неизбѣжный конецъ свой, видѣлъ, что не можетъ овладѣть женщиною и справиться съ огромной толпою вооруженныхъ солдатъ, которые окружили его, и однако же порывъ чувственности и страсть къ убійству долго еще волновали этого звѣря. Сегодня поутру нѣсколько Арнаутовъ проводили своего товарища на мѣсто казни; смерть нисколько не страшила его; покойно опустился на колѣна и такъ хладнокровно сложилъ свою буйную голову, какъ будто она принадлежала другому.

Когда кровь хлынула на землю, изъ толпы выбѣжала замужняя женщина, не имѣвшая дѣтей, и начала брызгать на себя ею: здѣсь существуетъ повѣрье, что кровь преступника прекрасное медицинское средство отъ безплодыя.

«А! ты любишь кровь? сказалъ одинъ изъ Арнаутовъ. Такъ смотри же, какъ твоя собственная смѣшается съ кровью моего товарища.» Съ этимъ словомъ спустилъ онъ курокъ пистолета, и женщина пала мертвою, посреди толпы, въ присутствіи исполнителей казни. Убійцу схватили; безъ сомнѣнія, завтра отрубятъ и ему голову. Объ этомъ происшествіи можно бы написать хорошую главу: Смерть Арнаута; но я отказываюсь. Довольно въ жизнь свою видѣть и одного повѣшеннаго чело-вѣка. J'у ai été, какъ сказалъ одинъ Французъ, говоря объ охотѣ.

Эти Арнауты навели страхъ на весь городъ. Недавно нанали они на одного Англичанина и чуть не убили его. На прошлой недѣлѣ Арнаутъ застрѣлилъ въ Булакѣ лавочника, который не согласился взять за арбузъ той цѣны, какую назначилъ за него самъ покупатель. Удивляюсь, почему это паша не пригласитъ ихъ на *déjeuner*, въ цитадель, и не задастъ имъ такого же точно завтрака, какимъ угостилъ онъ Мамелюковъ? Послѣ того, какъ Эминъ Бей перескочилъ на конѣ своемъ черезъ стѣну крѣпости, она поднята весьма значительно, и улизнуть отсюда нѣтъ, кажется, никакой возможности.

Пистолетные выстрѣлы вошли здѣсь въ общее употребленіе не только между Арнаутами, но и въ самой высшей сферѣ общества. Недавно одинъ изъ внуковъ Мегмета Али, котораго назову я Синей Бородою (собственное имя могло бы повредить на-

нимъ дружескимъ отношеніямъ къ Египту), чувствуя недостатокъ своего образованія, пожелалъ познакомиться съ математикою и съ условіями цивилизованной жизни. Для исполненія этого похвальнаго желанія былъ выписанъ изъ Кэмбриджа наставникъ, который, какъ я слышалъ, учился алгебрѣ и учтивостямъ у достопочтеннаго доктора Уизля.

Однажды, когда мистеръ Мэкъ Уиртеръ, гуляя съ Синей Бородою въ садахъ Шубры, объяснялъ ему обычаи, усвоенные образованнымъ обществомъ, и увлекался краснорѣчивыми воспоминаніями о кэмбриджскомъ университетѣ, къ нимъ подошелъ бѣдный феллахъ и, бросившись къ ногамъ Синей Бороды, началъ жалобнымъ голосомъ умолять о правосудіи.

Синяя Борода былъ такъ увлеченъ рассказомъ своего почтеннаго наставника, что велѣлъ просителю убираться къ чорту, и возобновилъ разговоръ, прерванный не во-время крикомъ феллаха. Злая судьба надоумила бѣдняка снова попытаться счастья. Онъ всталъ на другой дорожкѣ, и когда принцъ и мистеръ Мэкъ Уиртеръ вышли на нее, занятые еще болѣе интереснымъ разговоромъ, феллахъ, упавши опять на колѣна, протянулъ просьбу къ лицу Синей Бороды и снова завопилъ жалобнымъ голосомъ.

Эта вторичная попытка неотвязнаго бѣдняка вывела принца изъ терпѣнія. «Человѣкъ, сказалъ онъ, я уже запретилъ тебѣ докучать мнѣ своимъ крикомъ, и вотъ! ты не повинешься. Прими же достойную кару за ослушаніе, и пусть кровь твоя падетъ на твою же собственную голову.» Съ этими словами протянулъ онъ пистолетъ, и феллахъ никогда уже послѣ этого не молилъ о правосудіи.

Такая неожиданная развязка удивила почтеннаго Мэка Уиртера. «Милостивый принцъ, сказалъ онъ, мы никогда не убивали людей въ Кэмбриджѣ, даже и въ то время, когда случалось гулять намъ на зеленой лужайкѣ университета. Позвольте доложить вашему высочеству, что такую методу отдѣлываться отъ докучливости просителей мы, Европейцы, признаемъ крутымъ и даже почти жестокимъ средствомъ. Осмѣливаюсь покорнѣйше просить васъ укротить нѣсколько этотъ пылъ на будущее время и, какъ наставникъ вашего высочества, умоляю васъ быть немного поспуше на пули и порохъ.»

— О, мулла! отвѣчалъ Синяя Борода своему наставнику. Мнѣ очень пріятно слушать тебя, когда говоришь ты о своемъ университетѣ; но если вздумаешь ты мѣшаться въ дѣло правосудія,

какимъ бы то ни было образомъ, и преслѣдовать мнѣ убить какую-нибудь арабскую собаку, которая бѣжитъ по пятамъ за мною,—то, клянусь бородою пророка! у меня найдется для тебя другая пуля.

Проговоривши это, онъ выхватилъ другой пистолетъ и взглянулъ на почтеннаго Мэкъ Уиртера такъ многозначительно, такимъ ужаснымъ взоромъ, что тотъ пожелалъ убраться поскорѣй во-свояси и, надвусь, посиживаетъ теперь благополучно дома.

Вотъ еще забавный анекдотъ, рассказанный мнѣ джентельменомъ, который постоянно живетъ въ Каирѣ. Поземельные доходы поступаютъ въ казну черезъ руки фермеровъ. Въ ихъ полное распоряженіе отданы цѣлые округа, и на нихъ же возложена отвѣтственность въ сборъ податей. Эта система понуждаетъ сборщиковъ прибѣгать къ ужасной тираніи, а феллаховъ къ притворству, къ желанію прикинуться нищими, для того, чтобы сбереечь деньги отъ хищности своихъ надсмотрщиковъ. Такимъ образомъ плутовство развито здѣсь въ высшей степени: это очень горестный фактъ. Паша обкрадываетъ и надуваетъ купцовъ, зная, что надсмотрщики обкрадываютъ казну, пока остаются на своемъ мѣстѣ и пока, съ помощью палки, не заставятъ ихъ развязать кошель; надсмотрщики угнетаютъ и обворовываютъ земледѣльцевъ, а бѣдные земледѣльцы плутуютъ и воруютъ въ свою очередь; и такъ вся административная система постоянно вращается здѣсь въ широкой сферѣ обоюднаго надувательства.

Депутации отъ поселянъ и феллаховъ то и дѣло являются къ пашѣ съ жалобами на жестокость и притѣсненія начальниковъ, поставленныхъ надъ ними; но какъ извѣстно, что съ Араба ничего не возьмешь безъ палки, то жалобы и оставляются по большей части безъ вниманія. Казна его высочества должна быть наполнена, и чиновники, назначенные правительствомъ, не могутъ же быть оставлены безъ поддержки.

Была однако же одна деревня, разоренные жители которой жаловались такъ патетически, что возбудили негодованіе въ сердцѣ Мегмета Али, а потому и былъ вызванъ въ Каиръ начальникъ деревни, Скинфлентъ-Бегъ, для представленія отчета въ своихъ дѣйствіяхъ.

Когда явился онъ, паша началъ упрекать его въ несправедливости, спросилъ, какъ осмѣлился онъ обходиться такъ жестоко съ его любезными взрноподданными, и грозилъ бегу опалю и

конфискаціею всего имущества за то, что онъ довелъ до разоренія ввѣренный ему округъ.

«Ваше высочество, отвѣчалъ Скинфлинтъ-Бегъ, вы изволите говорить, что я разорилъ феллаховъ. Какъ же изобличить мнѣ во лжи моихъ враговъ и доказать несправедливость ихъ обвиненія? Принести больше отъ нихъ денегъ. Если принесу я пятьсотъ кошелековъ съ моей деревни, увѣритесь ли вы, что народъ мой не доведенъ до разоренія?»

Паша смягчился. «Я не хочу, чтобы этихъ бѣдняковъ били палками, сказалъ онъ. О, Скинфлинтъ-Бегъ, ты такъ много мучилъ ихъ и такъ мало сдѣлалъ для нихъ полезнаго, что сердце мое обливается кровью. Я не хочу, чтобы они страдали болѣе.»

— Даруйте мнѣ прощеніе, ваше высочество, превратите гнѣвъ свой на милость, и я принесу пятьсотъ кошелековъ также вѣрно, какъ зовутъ меня Скинфлинтъ-Бегомъ. Я прошу только позволенія сходить домой, пробить тамъ нѣсколько дней и вернуться назадъ. Я возвращусь также честно, какъ возвратился Регуль-паша къ Кароагениямъ, и съ бѣлымъ лицомъ предстану передъ ясныя очи вашего высочества.

Эта просьба объ острожкѣ была уважена. Возвратясь въ деревню, Скинфлинтъ-Бегъ созвалъ немедленно старшинъ. «Друзья мои, сказалъ онъ имъ, слухи о нашей бѣдности и несчастіяхъ достигли до трона наши, и милостивое сердце нашего повелителя смягчилось отъ словъ, проникшихъ въ его уши. «Сердце мое, такъ говоритъ онъ, тронута бѣдствіями моихъ эль-модійскихъ подданныхъ. Я придумалъ, какимъ бы образомъ пособить ихъ несчастію. Недалеко отъ ихъ деревни находится плодоносная земля Эль-Гуани, богатая кунжутomъ, ячменемъ, хлопчатой бумагой и кукурузою. Цѣна ей тысяча кошелековъ; но я хочу уступить ее моимъ дѣтямъ за семьсотъ пятьдесятъ, остальные же деньги оставить въ ихъ собственную пользу, въ награду за долгія страданія.»

Старшины знали, какъ высоко цѣнятся плодородныя поля Эль-Гуани, но они сомнѣвались въ искренности своего начальника. Однако же ему удалось разсвѣять ихъ опасенія и возбудить сильное желаніе сдѣлать эту выгодную покупку. «Я самъ вношу двести пятьдесятъ кошелековъ, сказалъ онъ, а вы всѣмъ миромъ подпишетесь на остальные. Когда же деньги будутъ собраны, вы отправитесь съ ними въ Каиръ, а я понесу свою часть, и всю эту сумму положимъ мы къ ногамъ его высочества.»

Съдыя бороды посовѣтовались другъ съ другомъ, и мнѣныя бѣдняки, изъ кармана которыхъ нельзя было ничего выколотить палкою, нашли въ немъ деньжонки, какъ скоро потребовалъ этого ихъ собственный интересъ. Въствъ съ шейкомъ и съ пятьюстами кошельковъ отправились они по дорогѣ въ столицу.

По прибытіи въ Каиръ, Скивфлнтъ-Бегъ и старшины Эль-Моди были допущены во дворецъ, гдѣ передъ трономъ паши и положили собранныя деньги.

«Вотъ дань вѣрноподданныхъ, ваше высочество, сказалъ Скивфлнтъ-Бекъ, опуская на полъ свою часть; а это добровольное приношеніе деревни Эль-Моди. Не справедливо ли докладывалъ я, увѣряя ваше высочество, что враги и клеветники безсовѣстно обогнали меня, жалуясь на разореніе моего округа и на чинимыя будто бы мною истязанія его жителямъ? Вотъ доказательство, что Эль-Моди не имѣетъ недостатка въ деньгахъ: старшины въ одинъ день собрали пятьсотъ кошельковъ и кладутъ ихъ къ ногамъ своего повелителя.»

Вмѣсто палокъ, Скивфлнтъ-Бегъ былъ немедленно награжденъ милостью; палками же попотчивали феллаховъ, которые донесли на него. Изъ бега онъ былъ переименованъ въ бея, и способъ его извлекать деньги изъ народа могъ бы составить предметъ достойный изученія для людей, управляющихъ нѣкоторыми частями Соединеннаго Королевства*.

Во время Сирійской междуусобицы, паша, опасаясь разрыва дружескихъ связей съ Англією, пожелалъ возвысить духъ феллаховъ, *telever la morgale nationale*, и сдѣлалъ одного Араба полковникомъ. Черезъ три дня по заключеніи мира, счастливый Арабъ былъ разжалованъ пашею. Молодой египетскій полковникъ, который разсказалъ мнѣ это, отъ души смѣялся надъ продѣлкою своєю повелителя. «Не срамъ ли это, говорилъ онъ: меня, чловѣка двадцати трехъ лѣтъ, никогда и нигдѣ не служившаго, не имѣющаго никакихъ особенныхъ достоинствъ,—сдѣлать полковникомъ?» Смерть помѣшала его дальнѣйшему повышенію. Черезъ нѣсколько недель во французскихъ газетахъ было объявлено о смерти бея.

Этотъ любезный молодой чловѣкъ, по вечерамъ, въ карантинѣ Мальты, краснорѣчиво описывалъ мнѣ красоту жены своей, оставленной въ Каиръ, ея черныя волосы, голубые глаза и уди-

* Напримѣръ, для дерринэнскаго бега.

вительное тѣлосложеніе. Я полагаю, что этимъ черкешенкамъ обязана своей изящной кожей турецкая аристократія, управляющая Египтомъ. Видѣлъ я здѣсь Ибрагима-пашу; онъ румянь, усы у него съ просвѣдью; по своей надменной и красивой наружности походить онъ на англійскаго драгуна, какихъ можно видѣть на смотрахъ въ Медстонъ. Всѣ здѣшніе официальные люди имѣютъ чисто-европейскія лица. Въ Каирѣ познакомился я съ очень веселымъ и толстымъ пашею, которому принадлежалъ, кажется, трактиръ. Онъ каждый день прогуливался въ садахъ Эзбекіэ; судя по наружности, его можно было почестъ французомъ. Женщины или, вѣрнѣе сказать, маленькія частички женскаго тѣла, которыя намъ дозволено было созерцать здѣсь, были тоже прекрасны. Эти милыя созданія, втроемъ и вчетверомъ, ѣздили на лошакахъ по улицамъ города, въ сопровожденіи невольниковъ, которые поддерживали ихъ на сѣдлѣ, кричали во все горло: шмалекъ, аминекъ, или что-то въ этомъ родѣ, и хлестали народъ на обѣ стороны ременной плеткою. Но женщины кутаются здѣсь еще болѣе, нежели въ Константинополь. Черный шелковый капюшонъ, спускаясь съ головы, прикрываетъ ихъ совершенно; широко раздвигая его руками, онъ изъ отверзтій черной маски пронзительно устремляютъ на васъ большіе круглые глаза, которые составляютъ здѣсь общую принадлежность, исключая, разумется, людей, потерявшихъ зрѣніе отъ офтальміи.

Меня удивляла благородная фигура Аравитянокъ, которыхъ я видѣлъ здѣсь. Привычка носить на головѣ кувшинъ придаетъ ихъ стану особенную граціозность, которой какъ нельзя болѣе соответствуетъ національный костюмъ ихъ. Одинъ экземпляръ этого костюма я привезъ въ Англію, въ подарокъ знакомой леди для маскарада. Онъ состоитъ изъ широкаго синяго коленкороваго платья, которое застегивается спереди костяными пуговицами, и трехъ аршинъ синей же матеріи для вуаля. Для глазъ дѣлается отверзтіе, а на головѣ долженъ непременно находиться кувшинъ. Костюмъ этотъ, не допускающій юбокъ и другихъ вспомогательныхъ средствъ дамскаго туалета, можетъ идти только къ очень стройной фигурѣ, и я не сомнѣваюсь, что въ будущій сезонъ онъ войдетъ въ большое употребленіе.

Съ мужчинами, съ этой прекрасной и благородной расою людей, обходятся здѣсь, какъ съ собаками. Когда вхалъ я базаромъ, проводникъ, пролагая дорогу мнѣ сквозь густую толпу

феллаховъ, стегаль плетью тѣхъ изъ нихъ, которые не могли или не хотѣли посторониться. Никогда не забуду я этой унижительной сцены!

Почтенный старикъ, съ длинной и совершенно съдой бородою, получивши ударъ, не произнесъ ни малѣйшей жалобы. Онъ только отошелъ въ сторону, пожимая плечами, по которымъ хлестнула плеть. Эта жестокость возмутила меня. Я закричалъ на проводника и запретилъ ему драться въ моемъ присутствіи. Но здѣсь все дерутся плетью: и пѣшіи конвои наши, когда ѣдутъ онъ по базару, и прислуга доктора, когда пробирается онъ сквозь толпу, чинно возсѣдая на хребтъ своей кобылицы, и особенно Негры. Эти дерзкіе негодяи, очищая для самихъ себя дорогу, машутъ бичемъ на обѣ стороны безо всякаго сожалѣнія; и никогда не услышите вы жалобы.

Какъ описать вамъ красоту здѣшнихъ улицъ, эту разнообразную архитектуру домовъ, арокъ, всякихъ кровель, портиковъ и балконовъ, эту удивительную игру свѣта и тѣни, которая пестритъ ихъ, этотъ варварскій блескъ обширныхъ базаровъ и шумную, суетливую толпу, которая наполняетъ ихъ! Цѣлая академія художниковъ нашла бы здѣсь богатѣйшіе матеріалы для картинъ своихъ. Нигдѣ не видалъ я такого разнообразія архитектуры, жизни и блестящаго колорита. Каждая улица, каждая лавка базара такъ вотъ и просятся на полотно картины. Нашъ знаменитый акварельный живописецъ, мистеръ Луисъ, набросалъ на бумагу нѣсколько этихъ сценъ чрезвычайно удачно; но здѣсь достанетъ ихъ на сотню артистовъ, и если кто-нибудь изъ нихъ, читая эти строки, вздумаетъ воспользоваться случаемъ и прѣхать въ Каиръ зимою, онъ найдетъ здѣсь превосходный кладезь и богатые предметы для своей кисти.

Изъ эскизовъ однихъ только Негровъ можно составить очень интересный альбомъ. Сегодня поѣхалъ я на лошацѣ за городъ, къ гробницамъ Калифовъ. Эти древнія, необитаемыя зданія съ куполами, дворами и минаретами представляютъ очень живописную картину. Въ одномъ изъ нихъ остановились только-что прибывшіе сюда Негры; они столпились подлѣ стѣны, освѣщенной солнцемъ; продавцы ихъ ходили по двору, или курили табакъ, лежа на цыновкахъ. Въ толпѣ замѣтилъ я чернаго, какъ ночь, Абиссинца съ такимъ гадкимъ выраженіемъ лица, что его можно было назвать олицетворенной подлостью. Когда я началъ рисовать портретъ этой ракаліи, онъ пристально поглядывалъ на ме-

ня съ своей цыновки и вслѣдъ за этимъ попросилъ денегъ. «Я знаю, говорилъ онъ, изъ-за чего вы хлопочете. Вы нарисуете меня, а потомъ, когда вернетесь въ Европу, продадите эту картину за деньги: такъ подвляйтесь хоть немножко со мною». Чувствуя, что у меня не достанетъ искусства изобразить такой избытокъ плутовства, я положилъ кисть, бросилъ ему сигару и вельвъ сказать переводчику, что рожа этого молодца слишкомъ гадка для того, чтобы сдвляться ей популярною въ Европѣ, и что по этой-то именно причинѣ я и выбралъ ее для своего рисунка.

Это были невольники, назначенные для продажи. На сцену выступилъ хозяинъ ихъ и показалъ намъ свое черное стадо. Оно состояло, по большей части, изъ мальчиковъ и молодыхъ женщинъ, которыя были хорошо сложены, но отвратительно безобразны. Скинувши съ одной изъ нихъ покрывало, продавецъ вельвъ подняться ей на ноги. Она повмновалась, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ стыдливости. Кожа на ней была черна, какъ уголь, губы походили на сосиски, большіе глаза отличались добрымъ выраженіемъ, и курчавые волосы вились на головѣ густыми, маленькими и жесткими колечками.

Нельзя сказать, чтобы эти люди были несчастны. Они смотрятъ на васъ такими же глазами, какъ бѣдная дѣвушка глядитъ въ Англіи на фабрику, куда бы хотѣлось наняться ей. Съ купленными Неграми обходятся здѣсь ласково и одвываютъ ихъ хорошо; они скоро жирѣютъ и становятся очень веселы. Но мнѣ показалось, что эти невольницы очень дики въ сравненіи съ тѣми, которыхъ видѣлъ я на константинопольскихъ базарахъ. Когда я разсматривалъ тамъ одну Негритянку и слишкомъ патетически удивлялся полнотѣ ея формъ, она улыбалась очень весело и поручила драгоману попросить меня, чтобы я купилъ ее за двадцать фунтовъ стерлинговъ.

За гробницами Калифовъ начинается уже степь. Она подходитъ къ самымъ стѣнамъ Каира и замыкается зеленью садовъ, которые темнѣютъ на южной ея оконечности. Отсюда можете видѣть въ первую станцію суэзской дороги и вхвать по ней безъ проводника, направляя путь свой отъ одного станціоннаго дома къ другому.

Осель мой бѣжалъ четверть часа очень порядочной рысцою. Здѣсь, оборотясь спиной къ городу, мы находились въ настоящей степи: песчаные холмы, подымаясь другъ изъ-за друга,

тянулись такъ далеко, что, наконецъ, взоръ мой не могъ отличить безцвѣтной перспективы ихъ отъ желтаго небосклона. Объ этой картинѣ я составилъ уже прекрасную идею изъ Эстена. Можетъ быть, она получаетъ болѣе грозный характеръ, когда дуетъ здѣсь симумъ. Во время дороги случилось со мною одно только происшествіе: переднія ноги осла глубоко увязли въ яму; я перескочилъ черезъ его голову, растянулся во весь ростъ и отвѣдалъ песочку. Послѣ этого приключенія отправился я обратно въ городъ. Въ продолженіе двухдневной вѣзды по этой степи, вы такъ приглядитесь къ ней, что она совершенно потеряетъ для васъ грандіозный характеръ и сдѣлается только *некомфортабельною*.

Вскорѣ послѣ моего паденія, солнце также увязло въ песокъ, но оно не поднялось изъ него съ моей быстротою. Приятно было смотрѣть мнѣ на закатъ его, потому что въ этотъ вечеръ пригласилъ меня обѣдать старинный другъ нашъ Дж..., который поселился здѣсь и живетъ совершенно на восточный ладъ.

Вы помните, какой дэнди былъ этотъ Дж...; помните безукоризненность его сапоговъ, галстуковъ, перчатокъ и отличный фасонъ жилетовъ. Мы видѣли его въ полномъ блескѣ на Реджентъ-Стритъ, въ Тюльери и Толедо. Здѣсь поселился онъ въ арабскомъ кварталѣ, вдали отъ тѣхъ норъ, въ которыхъ пріютилась европейская цивилизація. Домъ его стоитъ въ прохладной, тѣнистой, узкой аллеѣ, такъ узкой, что маленькій повоздъ мой, состоявшій изъ двухъ лошаковъ, на которыхъ вѣхалъ я съ проводникомъ, и двухъ погонщиковъ, долженъ былъ прижаться къ стѣнкѣ, чтобы дать дорогу Ибрагиму пашѣ, который встрѣтился намъ съ своей кавалькадою. Прежде всего вѣзхали мы на широкій дворъ, прикрытый навѣсомъ. Здѣсь находился на сторожѣ смуглый арабъ, въ синемъ халатѣ и бѣлой чалмѣ. Слуги на Востокъ лежатъ, кажется, у всѣхъ дверей; чтобы позвать ихъ, вы должны хлопнуть въ ладоши, какъ дѣлается это въ Арабскихъ Ночахъ.

Этотъ человекъ, юркнувши въ маленькую калитку, которую онъ затворилъ за собою, пошелъ во внутреннія комнаты, доложить о насъ своему господину. Скоро возвратился онъ; я спрыгнулъ съ лошака, отдалъ поводья погонщику и вошелъ въ таинственную дверь.

За нею находился большой открытый дворъ, обнесенный съ одной стороны глухой галереєю. На травѣ лежалъ верблюдъ;

подъ него стояла газель, а поодадь отъ нихъ пестрѣло цѣлое стадо куръ и цыплятъ, доставляющихъ необходимый матеріалъ для роскошнаго стола хозяина. Противъ галереи подымались стѣны его длиннаго, испещреннаго окнами и балконами дома. Стрѣльчатая окна прикрывались деревянными рѣшетками; сквозь одну изъ нихъ пристально глядѣли на меня необыкновенно большіе, черные и такіе восхитительные глаза, какихъ никогда еще не случилось мнѣ видѣть. Подъ оконъ летали, суетились и ворковали голуби. Счастливыя созданія! Безъ сомнѣнія, васъ кормятъ крошками хлѣба хорошенькія пальчики милой Зюлейки! Весь этотъ дворъ, освѣщаемый солнцемъ и удивительно блестящими глазами, которые смотрятъ на него сквозь оконную рѣшетку, имѣлъ такую же старую, запльсневѣлую наружность, какъ запущенное мѣстопробываніе ирландскаго джентельмена. Краска посколупалась съ вычурныхъ, расписанныхъ галерей; арабески свалились съ оконъ; но эта ветхость удваивала живописный эффектъ общей картины. Однако же я слишкомъ долго удерживаю васъ на дворъ. Но на кой же чортъ блеснули здѣсь черные глаза этой Зюлейки?

Отсюда вошелъ я въ большую комнату, посреди которой журчалъ фонтанъ. Тутъ встрѣтилъ меня другой человекъ, весь въ синемъ, съ краснымъ поясомъ и бѣлой бородою. Онъ поднялъ темное драпиріе двери и ввелъ меня въ большую залу съ мавританскимъ окномъ. Здѣсь усадилъ онъ меня на диванъ, вышелъ на минуту и возвратился съ длинной трубкою и мѣдной жаровнею, откуда вынулъ уголь, раздулъ его, положилъ на табакъ и, предложивъ мнѣ трубку, удалился съ почтительнымъ поклономъ. Тайнственность слугъ и внѣшній дворъ съ его верблюдомъ, черноокой газелью и другими прекрасными глазками произвели на меня удивительное впечатлѣніе. Пока сидѣлъ я здѣсь, разсматривая эту странную комнату со всей ея обстановкою, робкое уваженіе мое къ владѣтелю дома достигло огромныхъ размѣровъ.

Такъ какъ вамъ пріятно будетъ узнать внутренность и меблировку восточнаго аристократическаго дома, то позвольте мнѣ описать эту пріемную. Она длинна и высока; лѣпной потолокъ ея расписанъ, позолоченъ и обведенъ арабесками, перемѣшанными съ надписями изъ Алькорана. Домъ этотъ вѣроятно принадлежалъ сперва какому-нибудь мамелюкскому агъ или бею, котораго умертвилъ Мегметъ-Али, пригласивши къ себѣ на завтракъ.

Его не подновляли съ тѣхъ поръ, и онъ устарѣлъ, хотя, можетъ быть, и стать отъ этого живописнѣе. Въ нишѣ, противъ дивана, находится большое круглое окно; подлѣ него стоятъ также диваны. Окно выходитъ въ садъ, окруженный высокими домами сосѣдей. Въ саду много зелени; посреди него журчитъ фонтанъ и подымается высокая пальма, обсаженная кустарниками. Въ комнату, кромѣ дивановъ, есть еще сосновый столъ, цѣною въ пять шиллинговъ, четыре деревянныхъ стула, которые стоятъ не дороже шести шиллинговъ, два ковра и нара цыновокъ. Столъ и стулья—это роскошь, вывезенная изъ Европы; на Востоку вѣдять обыкновенно изъ мѣдныхъ судоковъ, поставленныхъ на низенькія скамеечки, а потому можно сказать, что домъ эфенди Дж... меблированъ роскошнѣе, нежели дома агъ и беевъ, живущихъ по сосѣдству съ нимъ.

Когда я поразомотрѣлъ эти вещи, въ комнату вошелъ Дж.... Неужели это тотъ франтъ, которому удивлялись въ Европѣ? Передо мною стоялъ мужчина въ желтомъ архалукѣ; длинная борода его была съ просвѣдью; бритую голову прикрывалъ красный тарбушъ, надѣтый сверхъ бѣлаго миткалеваго колпака, подбитаго ватю. Прошло нѣсколько минутъ прежде, нежели я могъ, какъ говорятъ Американцы, *реализировать* этого *gemilang* Дж... прежнихъ временъ.

Садясь на диванъ рядомъ со мною, онъ скинулъ туфли, потомъ хлопнулъ руками и произнесъ слабымъ голосомъ: Мустафа! На зовъ явился человекъ со свѣчами, трубками и кофе. Тутъ начали мы толковать о Лондонѣ. Я сообщилъ ему новости о прежнихъ товарищахъ. Во время разговора восточная холодность его поддавалась англійскому радушію, и я, къ своему удовольствію, нашелъ въ немъ того же веселаго и разбитнаго малаго, какимъ слылъ онъ въ клубѣ.

Онъ усвоилъ всю внѣшнюю обстановку восточной жизни: възвѣстаетъ на сѣромъ конѣ, прикрытомъ красной попоною, въ сопровожденіи двухъ пѣшихъ слугъ, которые идутъ по сторонамъ его; носить очень красивый темносиній жакетъ и такіе широкіе шаравары, что ихъ достало бы на экипировку цѣлаго англійскаго семейства. Курчавая борода его величаво покоится на груди, а при бѣдрѣ блеститъ дамасская сабля. Красная шапка придаетъ ему nocturnную наружность бея. И надобно сказать, что это не павлинья перья, не театральнѣй костюмъ, нѣтъ! Другъ нашъ инженерный генералъ-маіоръ, то есть одинъ изъ

важныхъ сановниковъ Египта. За столомъ засталъ насъ одинъ отуречившійся Европейецъ, и мы, по окончаніи объѣда, торжественно возсѣли на диванъ съ длинными трубками.

Объѣды Дж... превосходны. Кушанье готовить ему обыкновенная египетская кухарка. Намъ подали огурцовъ, фаршированныхъ рубленымъ мясомъ; желтый, дымящійся пилэфъ, которымъ гордится восточная кухня; козленка и куръ à l'Aboukir и à la rugamide; нѣсколько очень вкусныхъ блюдъ, приготовленныхъ изъ зелени; кибобъ, приправленный превосходнымъ соусомъ изъ сливъ и острыхъ на вкусъ кореньевъ. Обѣдъ заключился спѣлыми гранатами; онъ были разрѣзаны на кусочки, холодны и чрезвычайно вкусны. Съ мясными блюдами управлялись мы съ помощью ножей и вилокъ; но плоды брали съ тарелокъ и клали въ ротъ по восточному: рукою. Я освѣдомился о ягнятнѣ, фисташкахъ и кремъ-тортъ au roûte; но повариха Дж... не умѣла приготовить ни одного изъ этихъ историческихъ блюдъ. Пили мы воду, охлажденную въ небольшихъ глиняныхъ горшечкахъ; попробовали также и шербетовъ, приготовленныхъ двумя соперниками: Гаджи Годсономъ и Бассъ Беемъ — самые горячійше и самые сладостные изъ напитковъ. О, несравненный Годсонъ! Когда были мы въ Иерусалимъ, туда пришелъ изъ Бейрута верблюдъ, нагруженный портеромъ. Никогда не забыть мнѣ той радости, которая одушевила насъ при видѣ прохладной пѣны, наполнившей стаканъ, подставленный подъ горлышко широкоплечей, приземистой бутылки.

Живя на сѣверѣ, мы не понимаемъ всей роскоши этой жгучей жажды, которая томитъ человѣка въ знойномъ климатѣ; по крайней-мѣрѣ сидячіе городскіе жители рѣдко испытываютъ ее; но во время путешествія земляки наши узнаютъ это благо. Вся дорога отъ Каира до Суэза усыпана пробками изъ бутылочекъ содовой воды. Маленькій Томъ Томбъ съ своимъ братомъ не заблудились бы въ египетской пустынѣ, идя по этимъ знакамъ.

Каиръ чрезвычайно живописенъ; пріятно имѣть въ саду у себя пальмы и вздѣть на верблюдъ; но все-таки очень хотѣлось развѣдать мнѣ, какія особенныя причины привязываютъ нашего пріятеля къ восточной жизни. По своимъ склонностямъ и привычкамъ онъ въ полномъ смыслѣ городской житель. Семейство его живетъ въ Лондонѣ и ничего не слышитъ о немъ; а между тѣмъ имя его все еще находится въ спискѣ членовъ клуба, комната, въ которой жилъ онъ, содержится въ томъ же видѣ, въ

какомъ была при немъ, и забытыя сестры дрожать отъ страха при мысли, что Фридерикъ ихъ отпустилъ длинную бороду, привѣсилъ изогнутую саблю, облекся въ турецкій костюмъ и разгуливаетъ въ какой-то дальней стороншкѣ. Конечно, въ сказкѣ очень хорошъ этотъ костюмъ; но въ действительности жизни родина, Лондонъ, бритва, сестра, которая поитъ васъ чаемъ, и узкіе, англійскіе штаники несравненно лучше необозримыхъ турецкихъ шараваровъ. Такъ что же заставило его обратиться въ бѣгство отъ этихъ приличныхъ и законныхъ удовольствій жизни?

Я думалъ сначала, что виною всему блестящіе глаза хорошенькой Зюлейки; но онъ честию своей увѣрялъ меня, что глаза эти принадлежатъ черной поварихѣ его, которая стряпаетъ пирогъ и начинаетъ огурцы рубленою бараниной. Нѣтъ; причина тутъ заключается въ такой склонности къ лѣни, какую Европейцу, по-крайней-мѣрѣ Англичанину, и понять даже трудно. Онъ живетъ, какъ человѣкъ, привыкшій курить опиумъ: мечтательной, сонной, лѣнливой, табачной жизнью. Онъ говоритъ, что ему надоели наши вечерніе съезды, что онъ не хочетъ носить бѣлыхъ перчатокъ, накрахмаленныхъ галстуховъ и читать журналовъ. Даже тихая жизнь въ Каирѣ кажется ему слишкомъ цивилизованною: здѣсь провзжаютъ Англичане, и возобновляется старое знакомство. Величайшимъ наслажденіемъ была бы для него жизнь въ пустынь, гдѣ можно *больше* ничего не дѣлать, нежели въ Каирѣ. Тамъ и палатка, и трубка, и скачка на арабскихъ лошадяхъ; тамъ нѣтъ толпы, которая не даетъ вамъ свободно пройти по улицѣ; тамъ, по ночамъ, созерцалъ бы онъ блестящія звѣзды, смотрѣлъ бы, какъ чистятъ верблюдовъ, зажигаютъ огни и курятъ трубки.

Ночныя сцены очень эффектны въ Каирѣ. Здѣсь ложатся спать до десяти часовъ вечера. Въ огромныхъ зданіяхъ не мелькаетъ ни одной свѣчки, а только въ синей глубинѣ безмятежнаго неба горятъ надъ вами звѣзды съ удивительнымъ блескомъ. Проводники несутъ два маленькіе фонарика; свѣтъ ихъ удваиваетъ темноту опустѣвшихъ улицъ. Простой народъ, свернувшись калачикомъ, спитъ въ дверяхъ и воротахъ; проходитъ дозоръ и окликаетъ васъ; въ мечети блеститъ огонекъ; туда, на всю ночь, пришли молиться правовѣрные; вы слышите странные звуки ихъ носовой музыки. Вотъ домъ сумасшедшихъ; у окна стоитъ челоуѣкъ, разговаривая съ луною: для него нѣтъ сна. Всю ночь

на пролетъ воетъ и расплываетъ онъ—это сцена довольно пріятная. Утративши разумъ, онъ не потерялъ съ нимъ людскаго тщеславія: на переборъ соломъ и рѣшеткамъ, онъ все-таки владычельная особа.

Что новаго сказать вамъ о знаменитыхъ зданіяхъ? Но вы не повѣрите, что мы были на пирамидахъ, пока я не принесу вамъ какой-нибудь вещички съ вершины ихъ.

Мальчикъ въ бѣломъ колпакѣ карабкался по камнямъ, держа въ рукѣ кувшинъ съ водою для освѣженія утомленныхъ путниковъ, которые подымались вслѣдъ за нимъ. Вотъ, наконецъ, прислѣлъ онъ на верху пирамиды. Обширный, гладкій пейзажъ раскинулся передъ его глазами: большая рѣка, текущая извилинами; пурпуровый городъ, съ укрѣпленіями, спицами и куполами; зеленые поля, пальмовыя рощи и деревни, мелькавшія темными пятнами. Долины были еще покрыты наводненіемъ; далеко, далеко тянулся этотъ пейзажъ, сливаясь съ золотымъ горизонтомъ. Перенесенный на полотно или на бумагу, онъ былъ бы очень неэффектной картиною. Два совета Шеллея я признаю самымъ удачнымъ описаніемъ пирамидъ; они лучше даже дѣйствительности. Вы можете закрыть книгу и нарисовать въ своемъ воображеніи то, что высказано въ ней словами; по-крайней-мѣрѣ отъ этого занятія не отвлекутъ васъ мелочныя непріятности, напримѣръ, крикливая толпа нищихъ, которые цѣпляются здѣсь за ваши фалды и вопять неотступно, чтобы вы подали имъ милостыню.

Повздуку къ пирамидамъ можно назвать самой пріятной прогулкою. Въ концѣ года, хотя небо почти и безоблачно, однако же солнце не печетъ слишкомъ жарко, и окрестность, освѣженная сбывающимъ наводненіемъ, покрыта свѣжей, сочной зеленью. Мы двинулись изъ гостиницы въ-шестеромъ; съ нами была одна леди; она распорядилась содовой водою и также прислала отдохнуть на вершинѣ Хеопса. Тѣ изъ насъ, которые были предусмотрительнѣе, запаслись двумя лошадьми. Мой лошакъ по-крайней-мѣрѣ пять разъ упалъ во время дороги, заставивши повторить меня прежній опытъ, хотя и съ большимъ успѣхомъ. Разстояніе отъ ногъ до земли очень не велико; когда падаетъ лошакъ, стремена соскальзываютъ съ подошвъ, и вы становитесь на ноги чрезвычайно легко и граціозно.

Эзбекійской долиною и предмѣстіями города, гдѣ находятся дачи египеткой аристократіи, проехали мы къ старому Каиру;

туть вся наша партія вошла на порожъ, который быстро по-
 воеся на противоположный берегъ Нила. Перевозчиками были
 крикливые и расторопные Арабы, ли сколько не похожіе на важ-
 ныхъ и безмолвныхъ Турокъ. Въ продолженіе всей дороги пи-
 рамиды находились въ виду у насъ. Тонкія серебристыя облач-
 на прикрывали слегка зарумяненные солнцемъ вершины ихъ. На
 пути видѣли мы нѣсколько любопытныхъ сценъ восточной жиз-
 ни. У воротъ загороднаго дома наши, стояли невольники и ло-
 шадѣ, покрытыя попонами; рядомъ съ навьюченными лошаками
 шли земледѣльцы; въ Каирѣ останавливались они отдохнуть и
 оевязаться подлѣ фонтановъ. Мимо насъ прошелъ медленнымъ
 шагомъ отрядъ солдатъ, въ бѣлыхъ мундирахъ, красныхъ шап-
 кахъ и съ блестящими штыками. Потомъ слѣдовали прибрежныя
 сцены: на противоположномъ берегу былъ хлѣбный рынокъ, и
 туда-то плыли паромы и рѣчныя суда подлѣ красными нарусамъ.
 Тутъ съ берега, открывши золотистое лицо свое, внимательно,
 словно мѣсяць, глядѣла на насъ очень хорошенькая женщина, съ
 серебряными на рукахъ браслетами. На вѣтвяхъ нальмъ висѣли
 кистями пурпуровыя финики; свѣрые журавли и цапли носились
 надъ прохладной водою блестящихъ озеръ, образовавшихся по-
 слѣ разлитія Нила; вода струилась сквозь отверстія грубыхъ плот-
 тинъ, орошая соседнія поля, покрытыя удивительно свѣжей зе-
 ленью. Вдали выступали дромадеры, съ свдоками, которые рас-
 тянулись на горбахъ у нихъ; въ каналахъ стояли низкія парус-
 ныя суда. То провзжали мы древнимъ мраморнымъ мостомъ; то
 тянулись гуськомъ по узкой бороздѣ склизкой земли; то шле-
 пали по грязи. Наконецъ, въ полумилѣ отъ пирамиды, подѣз-
 хали мы къ большой лужѣ стоячей воды, саженой въ пятнад-
 цать шириною, и, при общемъ хохотѣ, возсѣли на плеча полу-
 нагихъ Арабовъ. Но подлѣ смѣхомъ скрывалось другое чувство:
 многіе изъ насъ побавались, чтобы дикари не сунули ихъ въ
 глубокія ямы, которыми изобиловало это измѣнническое озеро.

Къ счастью, дѣло окончилось только смѣхомъ и шутками, кри-
 комъ переводчиковъ и ссорами Арабовъ при дѣлежѣ выручен-
 ныхъ за перевозъ денегъ. Мы разыгрывали фарсъ на сценѣ,
 украшенной пирамидами. Величаво стояли передъ нами эти гро-
 мадныя зданія, а въ тѣни ихъ происходили пошлыя вещи: вы-
 сокое исчезло. Путешественникъ достигаетъ сюда сквозь длин-
 ный рядъ всевозможныхъ мытарствъ. Робко смотрите вы на пред-
 стоящій вамъ путь къ вершинѣ пирамиды, а вокругъ васъ гагай-

каютъ грубые динари. Сверху несутся слабые крики; вы видите, какъ ползутъ туда маленькія насѣкомыя; вотъ добрались они до верхушки и начинаютъ спускаться внизъ, прыгая со ступеньки на ступеньку; восклицанія и крики становятся громче и неприятнѣе; маленькая, прыгавшая штучка, бывшая за минуту до этого не болѣе муравья, соскакиваетъ, наконецъ, на землю и превращается въ маіора бенгальской кавалеріи. Разогнавши съ громкимъ проклятіемъ докучливыхъ Арабовъ, которые столпились вокругъ него, онъ начинаетъ махать желтымъ платкомъ на лосное, багровое лицо свое, садится, отдуваясь, на песокъ, подъ тѣнью пирамиды, гдѣ ожидаетъ его холодная курица, и вотъ черезъ минуту толстый носъ маіора погружается въ стаканъ водки или въ пивну содовой воды. Отнынѣ можетъ смѣло говорить онъ, что былъ на пирамидѣ; но въ этомъ подвигѣ нѣтъ ничего высокаго. Еще разъ посмотрите вы на вьющуюся зигзагами линію отъ основанія до самой верхушки Хеопса, и у васъ явится желаніе подняться и опять сойдти по ней. И такъ — смѣлай! впередъ! Надобно же рѣшиться. Еслибы и захотѣлось вамъ вернуться съ половины дороги—нельзя: шесть Арабовъ идутъ позади, они не допустятъ васъ отказаться отъ задуманнаго предпріятія.

Безотвязный народъ этотъ еще миль за двѣ до пирамидъ начинаетъ уже слѣдить за Европейцами; человекъ шесть пристанутъ къ одному путешественнику, и до-тѣхъ—поръ не покинутъ его, пока не проведутъ на верхъ и не спустятся съ нимъ на землю. Иногда сговорятся они между собою понудить несчастнаго туриста въжечь туда бѣгомъ, и почти нолумертваго отъ усталости ввести на пирамиду. Когда подымаетесь вы, двое этихъ негодяевъ непременно подталкиваютъ васъ въ спину. Брыкаться отчаянно ногами — вотъ единственное средство отдѣлаться отъ нихъ. Въ этомъ восхожденіи не заключается ничего романческаго, труднаго или сильно дѣйствующаго на душу человека. Вы идете по большой изломанной лѣстницѣ; нѣкоторыя ступени ея не менѣе четырехъ футовъ вышины. Не трудно, только немножко высоконочко. Видъ съ пирамиды ничѣмъ не лучше той картины, на которую смотрѣли вы, сидя на лошацѣ. Видно немного побольше рѣки, неску и полей, засѣянныхъ рисомъ. Не торопясь, сходите вы внизъ по этимъ большимъ уступамъ; вамъ хотѣлось бы помечтать, но проклятые крики Арабовъ разгоняютъ мысли и не даютъ вамъ подумать.

— Какъ! И вы ничего болѣе не въ состояніи сказать о пирамидахъ? Стыдитесь! Ни одного комплимента ни ихъ гигантскимъ размѣрамъ, ни ихъ вѣковой древности; ни громкой фразы, ни восторженнаго выраженія. Не хотите ли вы увѣрить насъ, что пирамиды не внушили вамъ глубокаго къ себѣ уваженія? Полноте! Возьмите перо и постарайтесь составить изъ словъ памятникъ, такой же высокій, какъ и эти необъятныя зданія, которыхъ не могли сокружить ни «*imber edax*», ни «*aquilo impotens*», ни полетъ времени.

— Нѣтъ; куда намъ! Это дѣло гениевъ, великихъ поэтовъ и художниковъ. Мое перо непригодно для такихъ вещей. Оно вырвано изъ крыла простой домашней птицы, которая расхаживаетъ по двору, любитъ бормотать, порою и посвистываетъ; но взлетать высоко рѣшительно не въ состояніи, и при всякой попыткѣ на такой полетъ опускается внизъ очень скоро. Конечъ ея вотъ какой: попасть на столъ въ Рождество или въ Михайловъ день и занять семью на полчаса времени, доставивши ей— да позволено будетъ надѣяться намъ — маленькое удовольствіе.

Черезъ недѣлю явились мы въ карантинной гавани Мальты, гдѣ семнадцать дней отдыха и тюремнаго заключенія были почти пріятны послѣ безпрестанныхъ обозрѣній новизны въ продолженіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ. Можно похвалиться, что мы въ короткій промежутокъ времени: отъ 23-го іюля до 27-го октября, видѣли больше городовъ и людей, нежели въ такой же срокъ видятъ ихъ другіе путешественники. Мы посѣтили Лиссабонъ, Кадиксъ, Гибралтаръ, Мальту, Аѣины, Смирну, Константинополь, Іерусалимъ и Каиръ. Названія этихъ городовъ всю я вышилъ на ковровомъ мѣшкѣ, который побывалъ въ нихъ со мною. Какое множество новыхъ чувствъ, разнообразныхъ предметовъ и пріятныхъ воспоминаній остается въ душѣ чловѣка, совершившаго такую поездку! Вы забываете всѣ непріятности путешествія, но удовольствіе, доставленное имъ, остается съ вами. Здѣсь повторяется тоже, что происходитъ съ чловѣкомъ послѣ болѣзни: забывая тоску и страданія, томившія его во время недуга, онъ съ наслажденіемъ припоминаетъ всѣ мелочныя обстоятельства, сопровождавшія его выздоровленіе. Теперь забылъ я о морской болѣзни, хотя розсказанія о ней и наполненъ журналъ мой. Случилось, напримѣръ, что горькій эль

на пароходъ оказался никуда негоднымъ , что поваръ дезертировалъ въ Константинополь, и преемникъ его кормилъ насъ очень плохо, пока успѣлъ попривыкнуть къ дѣлу. Но все это прошло, все забылось , и въ памяти остается только свѣтлая сторона путешествія. Не долго блестяли передъ нами, подъ синимъ небомъ Аттики , бѣлыя колонны Парѣнона , но если бы въ продолженіе всей жизни мы безпрестанно видѣли ихъ, и тогда воображеніе наше не могло бы представить ихъ живѣе. Одинъ часъ пробыли мы въ Кадиксъ , но бѣлыя зданія и синее море — какъ ясно рисуются они въ нашемъ воспоминаніи ! Въ ушахъ все еще дребезжать звуки гитары , и передъ глазами вертится ловкій цыганъ , посреди рынка, освѣщеннаго солнцемъ , наполненнаго плодами и нищими. Можно ли забыть Босфоръ , эту великолѣпнѣйшую сцену , прекраснѣе которой нѣтъ ничего въ подлунномъ мірѣ ? Теперь , когда пишу я и думаю о быломъ , передо мною возстаетъ Родосъ , съ его древними башнями , чудной атмосферою и темно-голубымъ моремъ , обхватившимъ пурпуровые острова. Тихо вдутъ Арабы по долину Шарона, въ розовыхъ сумеркахъ, передъ самымъ восходомъ солнца. Съ мечети , которая стоитъ на дорогѣ въ Виелеемъ , и теперь могу видѣть я печальныя моавскія горы съ блистающимъ въ промежуткахъ ихъ Мертвымъ моремъ. У подошвы Масличной горы стоятъ черныя , источенныя червями деревья Геосиманія , а вдали, на каменныхъ холмахъ, поднимаются желтыя укрѣпленія города.

Но едвали не самой дорогой мечтою осталось воспоминаніе о ночахъ , проведенныхъ на палубѣ , когда свѣтлыя звезды блистали надъ головою и мысли мои неслись на родину. Однажды, въ Константинополь, долетѣлъ до меня крикъ муэдзина: «Спѣшите на молитву!» Звонко дребезжалъ онъ въ ясномъ воздухѣ; въ тоже время увидалъ я Араба, павшаго ницъ, и еврейскаго раввина, склонившагося надъ книгою: всѣ они славословили своего Создателя. Теперь, когда сижу я дома , въ Лондонѣ , и дописываю послѣднія строчки моихъ Путевыхъ Замѣтокъ, — эти фигуры, вмѣстѣ съ плывущимъ пароходомъ и нашей на немъ церковной службою, живѣе всего рисуются въ моемъ воображеніи. Такъ-то всѣ мы, и каждый изъ насъ по-своему, преклоняя колѣна, прославляемъ Отца нашего. Сестры и братія, не смѣйтесь надъ ближнимъ , если голосъ его не сходенъ съ вашимъ голо-

сомъ. Вѣрьте, что въ словахъ моихъ нѣтъ лицемерія, и смиренное сердце исполнено благодарности.

О ПСЕВДОНИМАХЪ РУССКИХЪ И ФРАНЦУЗСКИХЪ.

Въ старинной нашей литературѣ, письменной и печатной, до 1700 года, уже встрѣчаются примѣры означеній именъ авторовъ подъ вымышленными названіями. Петръ Могила издалъ въ 1644 году книгу: *Ливосъ или камень съ працы истинныя церкви*, подъ именемъ *Евсевія Пимена*. Мелетій Смотрицкій, архіепископъ полоцкій (+1663) назывался въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ *Теофиломъ Орелоюмъ* и *Христофоромъ Филалетомъ*.

Въ рукописяхъ иногда находятъ загадочныя подписи, которыми авторъ или писецъ передавали потомству или скрывали свое имя. Напримѣръ въ описаніи рукописей И. Н. Царскаго, теперь принадлежащихъ графу А. С. Уварову, есть возраженіе старовѣрамъ, гдѣ въ послѣсловіи писца читаемъ: *Иже зоцетъ увѣдати ми имя и се ти наисую: пять сторицею съ латерицею, семь десятици съ четверицею и десятирицею седмижды, и сторица съ кончаемою согласною*. Если сдѣлать, какъ г. Строевъ, составитель каталога, расчетъ и передоложить цифры на буквы славянской азбуки, выйдетъ имя *Феодоръ*. Въ другой рукописи, содержащей въ себѣ разсужденіе старовѣра, находимъ слѣдующую подпись: *первый во грѣшницѣхъ, послѣднѣйшій во чловѣчѣхъ, I. В. II. В., по числу литеросла- тельнаго счисленія 259*. Прошу разгадать кто это такой? Господину Строеву это не удалось. Антиохійскій монахъ-на- ломникъ Василій Григоровичъ (+ 1787 г.) въ странствіяхъ своихъ называетъ себя иногда *Барскимъ*, отъ мѣстопробыванія предковъ своихъ—города Бары, иногда по фамиліи *Бьялевымъ*, и въ переводѣ *Плака* (по гречески—бѣлый), или *Альбова* (albus), иногда *Кіевскимъ*. Его путешествіе издано въ первый разъ въ 1778 г. подъ заглавіемъ: *Пшеходца Василя Григоровича Барскаго, Плака Альбова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго путешествія къ святымъ мѣстамъ*.

Но перейду ко временамъ и именамъ болѣе близкимъ къ намъ.

Имя одного изъ наиболѣе популярныхъ нашихъ писателей *Михайлы Комарова* неизвѣстно у насъ и знакомо развѣ только немногимъ книговодамъ. Это произошло отъ того, что онъ печаталъ безъ имени, или подписывая буквы *М. К.* Но смѣло можно назвать его народнымъ писателемъ потому, что онъ сочинилъ и перевелъ повѣсть о приключеніи Англійскаго Милорда Георга и о Брандебургской маркграфинѣ Луизѣ и проч. и жезноописанія Ваньки Каина и Картуша и т. п. Вы знаете, какъ читаются эти книги, потому что не смотря на безчисленные изданія, трудно достать двѣственный или даже не замаранный экземпляръ этихъ знаменитыхъ твореній.

Въ нашей журналистикѣ давнымъ давно ввелось употребленіе ложныхъ и скрытныхъ подписей именъ. Возьмемъ *Ежемѣсячныя сочиненія*, первый русскій журналъ, если не считать прибавленій къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ. И въ немъ найдутся хоть не псевдонимы, но подписи буквами *А. С.*, *В. Т.*, *А. Н.*, подъ которыми скрывались Сумароковъ, Тредьяковскій, Нарышкинъ. Изъ журналовъ прошлаго вѣка, расплодившихся отъ Трудолюбивой Пчелы Сумарокова и Новиковскихъ листовъ, остановимся на одномъ изъ главнѣйшихъ: *Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова* (16 ч. 1783—1784). Этотъ журналъ замѣчательнъ во многихъ отношеніяхъ: онъ издавался по мысли Императрицы Екатерины II и подъ вѣдѣніемъ княгини Е. Р. Дашковой; въ немъ участвовали все тогдашнія литературныя знаменитости: Державинъ, Херасковъ, Княжнинъ, Богдановичъ, Фонъ-Визинъ; въ немъ печатались сочиненія самой Государыни и наконецъ онъ любопытенъ для насъ по его сатирическому направленію и по картинамъ тогдашнихъ нравовъ. Большая часть сотрудниковъ этого изданія не объявляли своихъ именъ. Въ немъ напечатаны оды къ Фелицъ, на смерть Мещерскаго, Богъ и другія замѣчательныя произведенія Державина, все безъ подписи его имени. Ода къ Потемкину («Ръшемыслу»), съ подписью: *сочиня.тв З...* Княжнинъ обыкновенно ставилъ подъ своими статьями буквы *Я. Кн.*, а Херасковъ: *М. Х.* Между вымышленными подписями попадаютъ такія: *Рядкобаевъ*, *Петръ Угадаевъ*, *Старый Служивый*, *Иванъ Нешорстовъ*, *Рыжій Фролка*. Но вотъ подпись загадочная: *Каноникъ, извѣстный покровитель Былей и Небылицъ, членъ общества незнающихъ, которая принятая надпись есть ignoranti babinelli.* Обык-

повенная же надпись текущимъ дѣламъ слово мимо. Далѣе (ч. VIII) есть ежедневная записка общества незнающихъ, съ подписью: *скрѣпилъ извѣстный Каноникъ*. Были и Небылицы писавы самую Государынею и протоколы общества также; послѣднее подтверждаетъ листокъ, заключающій одинъ изъ этихъ протоколовъ*, хранящійся въ Императорской Публичной Библиотекѣ и выставленный въ рукописной залѣ подѣ стекломъ, между другими замѣчательными автографами. Онъ писанъ весь рукою Государыни, съ ея же поправками, и вѣроятно, составленъ въ эрмитажныхъ собраніяхъ. Но кто же каноникъ, скрѣпившій эти записки?

Сатирическое направленіе нашихъ зачатыхъ журналовъ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія заставляло издателей и ихъ сотрудниковъ скрывать имена свои или придумывать разные затѣйливыя и необыкновенныя. Въ любопытной статьѣ А. Аѳанасьева о Русскихъ журналахъ 1769—1774 годовъ*, находимъ нѣсколько указаній на вымышленныя подписи авторовъ. Напримѣръ, въ родоначальникъ этихъ журнальчиковъ, Всякой Всячинъ, Козицаго, встрѣчаются подписи: *Аршилай, Шуши, Ибраимъ Курмаметъ, Остроперовъ, Василисса Толстоюлова, Тарабаровъ, Самъ себѣ лекаръ, Сами отгадайте кто? Имя мое съ аза, а прозвищемъ проказа, Алафья Хрипухина, Горемыка Ваздыхаловъ*, и другія. Иногда авторы своими названіями какъ бы хотѣли опредѣлить свой образъ мыслей или значеніе и направленіе своихъ статей. Такъ встрѣчаемъ *Любомудрова, Аристарха Примирителява, Добросовѣтова, Рююмосцева, Правдолюбова, Сердцекрада, Людоглота, Мякосерда, Примъчаева*. Подписи двумя буквами, начальными именн и фамиліи, были въ общемъ употребленіи. Тогда же ввелись *N. N.* и звездочки, вмѣсто означенія имени.

Всѣ почти извѣстнѣйшіе наши поэты печатали свои первыя произведенія съ скромными подписями начальныхъ буквъ своихъ именъ и фамилій. Я упомянулъ уже Державина и его современниковъ. Если заглянемъ въ Вѣстникъ Европы, то найдемъ, что Жуковскій обыкновенно подписывался *В. Ж.* или *В. Жеск*, или *В. Ж...й*. Также Батюшковъ. *К. Б.....овъ*; и Дмитріевъ—

* Онъ напечатанъ въ Собесѣдникъ 1783 г. кн. VIII, начиная съ стр. 44 (22 числа) и не помѣщенъ въ смирдинскомъ изданіи сочиненій Екатырины II.

** Въ Отеч. Запискахъ, т. 99 (1855, № 3) отд. II.

Д—вз; также Мерзляковъ (подписывалъ *А. А.*), Гвидичъ, Дельвигъ и другіе. Въ пору Вѣстника Европы въ журналахъ обыкновенно встрѣчаются подписи, состоящія изъ согласныхъ буквъ фамиліи, напримѣръ *Мрзлквз*, *Блдрвз* и т. п. На все время и мода, и это обыкновеніе теперь вывелось.

Карамзинъ, въ первомъ году изданнаго имъ Вѣстника Европы (1802), всѣ свои мелкія прозаическія статьи, помѣщенные въ послѣдствіи въ его сочиненія, печаталъ съ разными подписями а именно: *Ц. Ф.*; *О. Ф. Ц.*; *Ф. Ц.*; *О. О.*; *А. Б—вз*; *У. О.*; *Ц. Ц.*; *Б. В.* Послѣ того ввелось обыкновеніе вмѣсто имени ставить три звѣздочки *** или два французскихъ *N*, подъ мѣлкими статьями и особенно подъ стихотвореніями. Эти три звѣздочки употреблялись такъ часто, что помнится, въ одномъ альманахъ есть оговорка, что подъ такими-то тремя звѣздочками скрывается другой поэтъ, чѣмъ подъ слѣдующими, и просятъ ихъ не смѣшивать. Теперь эти завѣтные три звѣздочки исчезли и подпись *N. N.* встрѣчается только развѣ въ анонимныхъ письмахъ. Все это забыто, все это кануло въ Лету, и только мы, библиоманы, страстные до старинной диковинки, удимъ въ этой мутной рѣкѣ и не брезгаемъ никакою рыбкою, даже самою мелкою...

Нынче, кромѣ завѣтныхъ *N. N.* и звѣздочекъ, стали употреблять послѣднія буквы азбуки и подписываются *W. XX. ZZ.* *Игрекъ*, *Я. Я. Я*, и т. п.

Пушкинъ очень часто, особенно въ началъ своего литературнаго поприща, скрывалъ свое имя подъ разными подписями или совсѣмъ не подписывался. Всѣ эти подписи обозначены въ примѣчаніяхъ къ его сочиненіямъ, изданнымъ П. В. Анненковымъ. Воспользуемся этими указаніями и сообщимъ ихъ здѣсь.

Подъ первыми двумя появившимися въ печати стихотвореніями Пушкина: къ «Другу Стихотворцу», и «Кольна» (подражаніе Оссиану) въ Вѣстникъ Европы 1814 года, № 13 и 14, подписана анаграмма: *Александръ Н. К. ш. п.* По случаю посылки этого и другихъ стихотвореній безъ подписи, тогдашній издатель Вѣстника, В. Измайловъ, въ 8-й книжкѣ Вѣстника, просилъ «неизвѣстнаго автора этой пьесы и другихъ объявить свое имя, потому что поставилъ себѣ закономъ не печатать тѣхъ сочиненій, которыхъ автора не сообщили своихъ именъ и адресовъ.» Послѣ этого, многіе изъ своихъ лицейскихъ стихотвореній Пушкинъ печаталъ въ Вѣстникъ Европы 1814 г. и въ Россійскомъ

Музеумъ 1818, выставляя подъ ними цифры 1... 17—14, соответствующія буквамъ А. П. Н.

Въ Россійскомъ Музеумъ, кромъ этого, помъщено посланіе къ Батюшкову, съ подписью *Александръ Нкин* и «Старикъ», съ подписью *Александръ Н. Н.* Первое стихотвореніе, появившееся съ полнымъ именемъ и фамиліею его, было: «Воспоминанія въ Царскомъ Сель», помъщенное въ Россійскомъ Музеумъ 1815, № 4. Но и послъ этой 4-й книжки въ Музеумъ снова встръчаются цифры 1... 17—14.

Г. Анненковъ замъчаетъ, что трудно угадать причину, заставившую Пушкина замънить свое имя тремя звездочками при стихотвореніяхъ «Война» и «къ Овидію», напечатанныхъ въ Полярной звъздъ 1823 (см. Сочиненія Пушкина, т. II, стр. 311 и 315). Въ томъ же альманахъ помъщена Элегія (Простишь ли мнъ равнивыя мечты) съ одною звездочкою внизу. Три звездочки подъ его стихами появляются и въ Сверхныхъ Цвътахъ 1829 года.

Другія псевдонимическія подписи Пушкина были слъдующія: А. П. (въ «Московскомъ Телеграфъ»), Ал. П. (въ Московскомъ, Вьстникъ), П. (Славянинъ 1830, пьеса: «19 Октября»), Я. (въ Сверхныхъ Цвътахъ 1828, при посланіи къ Дельвигу), Ал. (въ Альманахъ Сверхная Звъзда 1829, гдъ впрочемъ эта подпись, вроятно, придумана самимъ издателемъ, Бестужевымъ-Рюминымъ), Крс. т. е. сверчокъ (въ Литературной Газетъ 1830 года, № 3, «Отвътъ»). Сверчокъ было названіе, данное Пушкину въ литературномъ обществъ, называвшемся Арзамасъ. Въ этомъ обществъ Жуковского называли Свътланюю, С. П. Жихарева, Громобоемъ, В. А. Пушкина—Вотъ, А. И. Тургенева, Эолова арфа (названіе появившееся въ послъдствіи подъ его остроумными письмами изъ Парижа въ Современникъ, изд. Пушкинымъ). Были еще названія: Кассандра (Д. Н. Б.), Ивиковъ Журавль (Ф. Ф. В.), Ръзвой Котъ (Д. П. С.), Старушка (С. С. У.). Имена эти записаны въ «Мелочахъ изъ запаса въ моея памяти», М. Дмитриева (М. 1854), стр. 49. — Подъ одною изъ прозаическихъ статей въ Телеграфъ (1825) о Г-жъ Сиваль, онъ также подписался Сж. Ар., т. е. старый Арзамасецъ. Не только при печатаніи критическихъ статей въ Литературной Газетъ и Современникъ, Пушкинъ скрывалъ иногда свое имя, но и Пиковую Даму помъстять въ «Библіотекъ для Чтенія», съ подписью Р. и неволи свои издалъ въ 1831 годъ именемъ *Ивана Петровича*

Бланина (издатель А. П.). Разсказъ «Рославлевъ» напечатанъ въ *Современникъ* безъ подписи и съ замѣткою, что будто присланъ отъ дамы.

Естественно, что полемическія статьи, критики, сатиры, эпиграммы, пародіи чаще другихъ появлялись съ псевдонимическими подписями. Такъ родились названія *Недоумка* (Н. И. Надъждина), *Серійъ Скрамненко* (С. Строевъ, главный ратникъ въ рядахъ поборниковъ за мнвія Каченовскаго объ русской исторіи), *Журнальный Сыщикъ* (г.г. Полевые и другіе въ Московскомъ Телеграфѣ), *Трисметистовъ*, *Кузьма Прутковъ* (въ *Ералашѣ Современника*), *Новый Поэтъ* и другіе болѣе и менѣе известные и памятные.

Нѣкоторые изъ нашихъ известныхъ писателей довольно долго писали подъ псевдонимическими именами, даже тогда, когда вся читающая публика знала ихъ настоящія имена. Имя много значить въ литературѣ и когда известность пріобрѣтена подъ псевдонимомъ, писатель не охотно покидаетъ его. Но когда открыто, что имя знакомое и любимое вымышлено, то всякій хочетъ узнать настоящее и чѣмъ известнѣе писатель, тѣмъ скорѣе это узнается. Кто не зналъ или не знаетъ, что подъ псевдонимомъ *Александрова*, писала г-жа Н. В. Дурова, а подъ псевдонимомъ *Безгласнаго*—князь В. Ѳ. Одоевскій, что *Зенаида Р—ва*—Е. А. Ганъ; что *Баронъ Брамбеусъ*—О. И. Сенковский, *Казакъ Луанскій*—В. И. Даль, *Грицко Основьяненко*—Г. О. Квитка, *Русскій Инвалидъ*—И. Н. Скобелевъ, *Ясновидящая*—графиня Е. П. Ростопчина и *Рудный Панько*—Гоголь? Все это уже обнаружено и повѣщено давнымъ давно и въ критическихъ статьяхъ, и въ біографіяхъ, и въ каталогахъ книгопродавцевъ. Стоитъ объявить новое сочиненіе *автора путешествія по святымъ мѣстамъ* и все знаютъ, что этотъ авторъ А. Н. Муравьевъ, и книга тотчасъ раскупается. Все также помнили, что авторъ «*Монастырки*» *Погорльскій* былъ А. В. Перовскій и потому можно было бы сочиненія его, недавно изданныя А. Ѳ. Смирдинымъ, вышустить въ свѣтъ съ его настоящимъ именемъ.

Иногда авторы сами разоблачаютъ свои псевдонимы. Напримѣръ, съ подписью *Делибюрадеръ*, въ альманахахъ и журналахъ двадцатыхъ годовъ, появились стихотворенія преимущественно въ восточномъ родѣ, и изъ статьи Московскаго Вѣстника (1827, т. IV, стр. 343), подписанной тою же подписью открылось, что это былъ поэтъ *Д. Ознобишинъ*.

Иногда издатели книгъ во вторыхъ изданіяхъ выставляютъ имя, скрытое въ первомъ. Квитка напечаталъ въ сборникъ Лас-товка малороссійскую повѣсть съ подписью: *Основьяненко* и вмѣстѣ съ тѣмъ съ посвященіемъ: *любій мой жинци Анна Григоріевна Квитка* — и съ тѣхъ поръ уже печатно Г. О. Квитка признанъ авторомъ повѣстей, подписанныхъ именемъ *Основьяненко*.

Нѣкоторые изъ писателей, которыхъ мы сейчасъ назвали, кромѣ псевдонимовъ, сдѣлавшихся уже извѣстными, употребляли иногда другіе, чтобы болѣе скрыться, а можетъ быть и по другимъ случайнымъ поводамъ. Такъ *Гоголь*, прежде чѣмъ назваться Рудымъ Панькомъ, назвалъ себя разъ *Аловымъ* (въ изданной имъ въ 1829 году вдилліи въ стихахъ: *Ганцъ Кюгельмартенъ*) и въ другой разъ: *П. Глечикъ* (въ Лит. Газетѣ, 1831, подъ отрывкомъ Учитель), *Г. Яновъ* (тамъ же) сокращенное изъ *Яновскій*. Его полная фамилія была *Гоголь Яновскій* и потому онъ также составилъ подпись *оооо* изъ четырехъ *о* своей фамиліи, въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1831 года, подъ «Главою изъ Историческаго Романа». Въ первый разъ настоящее имя его появилось въ Литературной Газетѣ 1831 года, въ № 4-мъ. Князь В. Ѳ. Одоевскій печаталъ дѣтскія книжки подъ именемъ *Длдушки Ириня*. О. И. Сенковскій подписывалъ иногда свои критики *Тютюнджу-Оглу*.

Что касается до новѣйшей литературы и особенно журналистики, то собственно псевдонимы теперь не существуютъ болѣе. Всякій редакторъ знаетъ имена своихъ сотрудниковъ и участниковъ по изданію его. Въ литературныхъ кружкахъ быстро распространяются слухи и свѣдѣнія о таинственныхъ подписяхъ, анонимахъ, и любопытство на счетъ этого удовлетворяется очень легко. Литераторы, а отъ нихъ и большая часть читающей публики, давно узнали кто пишетъ подъ псевдонимами *Евгенія Туръ*, *Лейлы*, *Тальцевой*, *Т. Ч.*, *Надежды Вол.*, *Станицкаго*, *Новаго Поэта*, и *Сто-одного*. Записные литераторы знаютъ и болѣе того, знаютъ тоже всѣ ложныя журнальныя подписи и не знаютъ только тѣхъ, о комъ не справились. Между прочимъ извѣстно, что съ подписью *В. Крестовскій* появлялись очень милыя и умныя повѣсти, а съ подписью *Н. Крестовскій* посредственные водевили; извѣстно, что объ подписи — придуманныя, и извѣстно кто подъ ними скрывается. Многимъ должны быть извѣстны подъ ихъ дѣйствительными фамиліями писатели, принявшіе самозванные прозвища — *Евгенія Лупскаго* и *Евге-*

ни *Сарафановой*, *Эраста Блаюкравова*, врага петербургских журналовъ, *Андрея Печерскаго*, автора прекраснаго разсказа «Красильниковъ» въ Москвитянинъ 1852 г., и *Пустаго челоуька*, и *Я. Я. Я.*, и *В. В. В.* и вымышленныя имена многихъ фельетонистовъ — и *Тана*, и *Ростислава*, и *Тунъева*, и *Олица*, и прочихъ. Есть псевдонимическія подписи, которыя не носятъ на себя слѣдовъ изобрѣтенія, и при частомъ ихъ появленіи въ журналахъ, читающая публика привыкаетъ къ нимъ и не считаетъ псевдонимами, а подлинными именами. Таковы, напр. имена *Бернетъ*, *Бурьяновъ* (Викторъ), *Красногорскій*, *Маловъ* (Степановъ, авторъ Постоялаго Двора), *Нестроевъ* (авторъ нѣсколькихъ премилыхъ разсказовъ въ Отеч. Запискахъ и Современникъ), *Несковскій*, *Серебрицкій* (въ Современникъ), и другія. Все это псевдонимы, а разумется многіе этого и не предполагаютъ.

Иногда псевдонимъ, или случайное прозвище остается на всю жизнь и если принявшій его дѣлается челоуькомъ сколько-нибудь извѣстнымъ, это прозвище переходитъ и къ потомству, вмѣстѣ съ его извѣстностью. Нашъ пресловутый одописецъ *Василій Петровичъ Петровъ* (р. 1736—1799) былъ сынъ священника, по фамиліи *Поспѣловъ*, и названъ Петровымъ по имени отца, въ отличіе отъ трехъ *Василіевъ Поспѣловыхъ*, рожденныхъ отъ трехъ братьевъ. *Амбодикъ*, *Несторъ Максимовичъ*, медикъ и писатель, былъ по фамиліи *Максимовичъ* и чтобы не было этого повторенія въ имени отечества и фамиліи, придумалъ себѣ названіе *Амбодикъ*, съ латинскаго: *ambodic*, т. е. *скажи дважды*. *Дмитревскій*, славный актеръ, назывался *Нарыковымъ*. Когда въ труппѣ *Волкова* онъ при *Дворѣ* игралъ (1752 г.) *Оснелда* въ *Хоревѣ*, *Государыня Елисавета Петровна* сама убирала его къ этой роли и, пораженная сходствомъ его съ польскимъ графомъ *Дмитревскимъ*, велѣла ему назваться *Дмитревскимъ*, и подъ этимъ именемъ онъ остался извѣстенъ. Впрочемъ, актеры и актрисы нерѣдко принимали новую фамилію при вступленіи на сцену, а у Французовъ это считается необходимымъ обыкновениемъ и называется *prendre un nom de guette*. Оперная актриса *Сандунова*, до замужества, носила названіе *Урановой*, данной ей Императрицею *Екатериною II*. *Вальбергъ*, это переводъ на нѣмецкій русской фамиліи *Льсогоровъ*. *Леоновъ* долженъ былъ называться *Шарпантье*, а *Брянскій* былъ прежде *Григорьевъ*. Эти

указанія я нашелъ въ краткой исторіи русскаго театра Н. И. Греча.

Мы назвали нѣсколько псевдонимовъ писателей, скрывающихъ свое имя по разнымъ поводамъ, совершенно безвиннымъ и безхитростнымъ. Но что сказать о тѣхъ книгодѣлателяхъ, которые печатаютъ разныя свои и чужія произведенія, выставляя на заглавіяхъ, для приманки, имена писателей болѣе извѣстныхъ? Собственно они также скрываются подъ вседонними, т. е. не ихъ именами, но только не вымышленными, а чизвѣстными и съ вѣсомъ въ литературу. Это самозванство иногда равносильно обману. Когда писатель, по причинамъ уважительнымъ, скрываетъ свое настоящее имя и выставляетъ вмѣсто него вымышленное, то онъ или прямо самымъ псевдонимомъ показываетъ желаніе свое остаться неизвѣстнымъ, или, если беретъ имя обыкновенное, которое можно принять за настоящее и существующее, вводитъ васъ въ заблужденіе, совершенно безвредное. Иное дѣло, когда какой-нибудь господинъ, имѣющій черезъ-чуръ практическій взглядъ на литературу, пускаетъ въ свѣтъ дрянное сочиненіе или плохую перепечатку стараго и выставляетъ на книгу имя извѣстное, любимое читающимъ людемъ. Иногда, чтобы обманъ не былъ слишкомъ наглъ, въ означеніи имени допускаются небольшія перемѣны въ буквахъ, сокращенія, почти незамѣтныя, и книга продается ловкими книгопродавцами за самыя настоящія сочиненія такого-то. Примѣровъ такихъ поддѣлокъ не нужно искать въ Европѣ, гдѣ выдавалось поддѣльных сочиненій не только новыхъ, но и древнихъ классическихъ писателей. Такіе примѣры найдутся и у насъ. Когда читались въ Библиотекѣ для Чтенія повѣсти *Барона Брамбеуса*, то въ Москвѣ вышли повѣсти: *Барона Брамбеуса*. Придраться не къ чему: выпущена одна буква; но эта опечатка не только дѣлу не помѣха, но помогаетъ сбыть книгу съ прибылью. Г. Сенковский объявилъ тогда объ этой поддѣлкѣ въ С.-Петербур. Вѣдомостяхъ и въ Свѣ. Пчелѣ 1840 г. № 61. Знаменитый вседонимъ *Тютюнкю-Оглу* породилъ въ Москвѣ еще другаго барона: *Гам-тюлюкю*, автора книжонки: «*Разгулье купеческихъ сынковъ въ Марьяной роцѣ или повадивай! наши гуляють! истинно сатирическая повѣсть 1835 года, съ цыганскими пѣснями*».

В. А. Ушаковъ, авторъ *Киршаз-Кайсака*, вынужденъ былъ некогда повѣстить въ Свѣ. Пчелѣ о продажѣ въ Москвѣ апокрифическихъ повѣстей, изданныхъ съ его фамиліею. Тоже сдѣлалъ однаж-

ды Вельтманъ въ Литературной Газетѣ. Когда *Ручная книга русско-ой опытной хозяйки*, составленная изъ сорокалѣтнихъ опытовъ и наблюдений доброй хозяйки русской, соч. г-жи К. Авдѣевой, вышла 4-мъ изданіемъ, то успѣхъ этотъ показался кому-то слишкомъ соблазнительнымъ и въ томъ же году появилась *Новая ручная книга русско-ой практической хозяйки*, составленная изъ многолѣтнихъ опытовъ и наблюдений К. А. . . . евой, и разумѣется, продавалась за известную книгу г-жи Авдѣевой. Это вынудило ее объявить объ этой поддѣлкѣ въ Отеч. Запискахъ.

Кто-то напечаталъ въ Библиотекѣ для Чтенія 1835 года повѣсть *Турецкая Цыганка*, съ подписью *Бѣлкина*, можетъ быть съ предположеніемъ, авось либо подумаютъ, что она Пушкина? Впрочемъ, могло быть и то, что эта подпись была дѣйствительная фамилія.

Журналистамъ и библиографамъ слѣдуетъ изобличать всѣ эти *практическія самозванства* въ литературѣ.

Теперь поговорю также слегка о французскихъ псевдонимахъ. Мы не имѣемъ ни досуга, ни охоты слѣдить съ участіемъ и усердіемъ за французскою изящною литературою, которая теперь не совсѣмъ-то изящна, и потому интересуемся немногими только именами представителей этой литературы. Не смотря на это, я рѣшаюсь передать здѣсь нѣсколько свѣдѣній о французскихъ псевдонимахъ, особенно болѣе известныхъ.

Французскіе писатели печатали свой произведенія, особенно въ журналахъ, подъ самыми разнообразными псевдонимами. Драматическіе писатели обыкновенно скрываются подъ именами собственными: Adolphe, Achille, Armand, Felilx и т. п. Это ужъ вошло у нихъ въ обычай. Фельетонисты тоже часто пишутъ подъ псевдонимами. Eugène Guinot подписывался *Pierre Durand*; Edmond Texier—*Junius Redivivus*, Saint Beuve—*Joseph Delorme*, Paul Lacroix давно уже и постоянно называетъ себя *le bibliophile Jacob*. Roger Beauvoir также постоянный псевдонимъ de Bully, остроумнаго и веселаго рассказчика.

Съ именемъ *Amedée de Beauplan* появляются музыкальныя произведенія и водевили (между прочими *Deux filles à marier*, передѣланный и для русской сцены) г-на Amédée Rousseau

Известный Philaret Chasles придумывалъ себѣ нѣсколько названій, какъ-то: *de Jony*, *La Genevais*, *Un Officier*, *M-me A.*

*

P. H., Alex. Panam, Saunders, Bevrèl, de Sezane, Une tête à l'envers, и можетъ быть другіе, еще не открытые Кераромъ.

De Bazancourt, авторъ нѣсколькихъ романовъ и повѣстей и Исторіи Сициліи подъ владычествомъ Нормановъ (1846, 2 ч.), называется собственно *le Baron le Cat Bazancourt*. Французскіе писатели не рѣдко придаютъ себѣ аристократическія названія, прибавляя частицы *de* къ имени мѣстоорожденія ихъ и скрывая такимъ образомъ свои, иногда темныя и неблагозвучныя, прозвища. Такъ, напр., Кераръ открылъ, что г-нъ *Eugène de Mirecourt*, имя котораго довольно часто попадаетъ въ журналахъ и на заглавныхъ листахъ романовъ, долженъ бы просто называться *Ch. J. B. Jaquot*, но онъ родомъ изъ Мирекура, въ департаментъ *Vosges*, и потому охотнѣе называетъ себя *de Mirecourt*, чѣмъ *Jaquot, tout court*. Такихъ примѣровъ много и типъ *bourgeois-gentilhomme* не умираетъ во французской литературѣ.

Рисовальщики, особенно занимающіеся карриатурами, часто также скрываютъ свои настоящія имена. Собственное названіе *Gavarni*, есть *Paul Chevalier*; *Cham* назвалъ себя второй сынъ графа *Noe*; *Bertall* поусе, псевдонимъ какого-то *d'Angoux*.

Странно, что нѣкоторые знаменитые писатели Франціи стали извѣстными не подъ настоящими ихъ именами. Кто помнить или знаетъ, что настоящее имя Вольтера — *Arouet*, Мольера — *Poquelin*, Крепильона — *Jolyot*, Мариво — *Carlet de Chamblain*?

Исчислю нѣсколько псевдонимовъ болѣе извѣстныхъ французскихъ писателей и означу въ скобкахъ ихъ настоящія имена. *Gabriel Ferry*. (L. de Bellamare), авторъ путешествія по Мексикѣ, отрывками переведеннаго въ нашихъ журналахъ; *Old-Niek* (Forgues), бывшій редакторъ *Revue de deux Mondes* *Michel Raymond* (общая подпись двухъ писателей: *Michel Masson* и *Raymond Brucker*), *Homme de Rien* (Louis de Loménie); *Sainte-Aubin* (Balzac); *Jules de Saint-Felix* (d'Amoureux); *Saintine* (Xavier-Boniface); *Timon* (L. M. de la Haye, vicomte de Cormenin); авторъ безчисленнаго множества политическихъ брошюръ *Stendhal* (Henry Beyle) авторъ романовъ *Rouge et Noir*, *Chartreuse de Parme*, и котораго всѣ сочиненія теперь издаются въ Парижѣ; *Beyle* безпрестанно измѣнялъ свои подписи и насчитываютъ до 12 его псевдонимовъ. Подъ именемъ *P. J. Stahl* печаталъ книгопродавецъ *Netzel*, издатель умныхъ очерковъ *Гаварни*.

Французскіе писатели иногда придумывали себѣ русскія названія, и, разумется, неудачно. *Le Cler* напечаталъ въ 1799 г,

поэму: *le Russe à Paris*, подъ псевдонимомъ *Peters Subwatke-koff*. Другой неизвѣстный писатель напечаталъ: *Le nouveau russe à Paris, par Tchérébatoff*. И то и другое подражаніе поэмы Вольтера *le Russe à Paris, par M. Jean Alethoff, secrétaire de l'ambassade russe* (1760), Вольтеръ издалъ еще другое сочиненіе подъ вымышленнымъ русскимъ именемъ: *Traduction du poëme de Jean Plokoff, conseiller de Holstein, sur les affaires présentes* (1770). Ученый Формей также вздумалъ однажды перевернуть свою фамилію и напечаталъ *Remarques de grammaire sur Racine... par Jemrof, de l'academie impériale de St. Petersburg*. Есть также книга: *Des Avantages attachés à la cloture des femmes, ouvrage traduit du chinois en russe par le prince Karikoff et du russe en francais par. A. D. (Delpla) Paris, 1816 in-12*. Carmontelle, плодовитый драматическій писатель, издалъ свои пословицы подъ двумя вымышленными именами: *Théâtre du prince Clénerzow, russe, traduit en francais par M. le baron de Blening, saxon, Paris, 1771, 2 г.*

Нѣкоторые изъ русскихъ, писавшихъ на французскомъ, издавали свои сочиненія безъ подписи, или подъ вымышленными названіями. Укажу на нѣкоторые псевдонимы русскихъ, болѣе или менѣе извѣстные: *Un prince étranger* (князь А. М. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, *Poésies francaises. Paris, 1789*), *Sophie des* (графиня Головкина, *Contes et anecdotes, St. Petersburg, 1813*), *Th. Ausonioli* (Гуляновъ), *Jean Polonais, Ni-tag, Un officier russe, J. Jakovleff*, а въ последнее время, въ иностранной журналистикѣ смѣлый и остроумный *Invalide Russe*. Но чаще всего встрѣчается въ иностранныхъ повременныхъ изданіяхъ подпись: *un russe*.

Понятно, что дамы-писательницы неохотно выставляютъ настоящія свои имена, выступая на литературное поприще. Онѣ боятся огласки, боятся критики, какъ бы въжлива она ни была. Насмѣшку и карикатуру тоже легче снести подъ маскою псевдонима. Лучше самой пазваться *un bas bleu*, какъ подписывала свои фельетоны г-жа Mélanie Valdor, чѣмъ получить прозвище синяго чулка отъ другихъ.

Кераръ изблжилъ намъ самозванство многихъ французскихъ дамъ-писательницъ, скрывавшихся подъ таинственными покровами псевдонима.

Подъ названіемъ *Anna Marie*, издано множество романовъ (между прочими *la famille Cazotte*) графини E. d'Hautefeuille, урож-

денной de Marguerite. Подъ титуломъ *Comtesse d'Ash* пишетъ vicomtesse de Saint Mars; *M-elle Louise d'Antay* это M-me Julie Gouraud, издавшая множество маленькихъ дѣтскихъ книжекъ, mémoires d'une poupée и другія. *Charlotte de Sor* собственно г-жа Eilleaux, а *M-me Eugénie Foa* — Eugénie Rebecca Rodrigues, dame Gradis, еврейка. M-me Emilie Girardin, урожденная Déphine Gay, печатала въ Presse живые, остроумные фельетоны, chronique de Paris подъ псевдонимомъ *Vicomte Charles Delaunay*. Женщины-писательницы нерѣдко писали подъ именами мужскими. Известно, что именемъ *George Sand* называетъ себя г-жа Dudevant, урожденная Aurige-Armandine Dupin. *Daniel Stern*, авторъ романа Nelida, это—графиня d'Agoult. Какъ разнообразны эти превращенія именъ. Иное громкое является простымъ и скромнымъ, женское превращается въ мужское.

Неутомимый библиографъ Кераръ (Quérard) издалъ въ 1854 году II-й томъ своей France littéraire, подъ заглавиемъ: Les Ecrivains pseudonymes et autres mystificateurs de la littérature française pendant les quatre derniers siècles, restitués à leurs véritables noms. Это списокъ именъ писателей по азбукѣ, прерванный на буквѣ М. При каждомъ имени означены сочиненія, изданныя подъ псевдонимами. Есть нѣсколько именъ русскихъ, печатавшихъ на французскомъ, подъ скрытными подписями, именно: Balachoff, (*M. de B****), Boutourline (*B****, Relation de la campagne de 1799 en Italie и *Un officier russe*, Tableau de la campagne d'automne de 1813), Golénischcheff-Koutousof (*Poesies par un russe*), Comte Théodor Golofkine (*Un Etranger aux Suisses*), Goulianoff J. A. (*Ausonioli*, opuscules archéologiques), Labensky, Xavier (*Jean Polonius*: Poesies и Empédocles). Князь А. М. Бѣлосельскій — Бѣлозерскій («Le prince Beloselsky, à qui Voltaire a adressé de jolis vers») рѣшительно названъ авторомъ брошюрки *Essai sur la littérature russe*, изданной подъ псевдонимомъ *un voyageur russe*, въ Ливорно, въ 1771 году, и по рѣдкости ея перепечатанной С. Д. Полторацкимъ въ Revue Etrangère 1851 года. Точно, князь былъ въ семидесятыхъ годахъ посломъ въ Туринъ и писалъ по-французски. Но если вспомнишь его сочиненія, то непонятнымъ становится, какимъ образомъ онъ могъ составить этотъ списокъ русскихъ писателей, послужившій матеріаломъ и Новикову, для его *Опыта историческаго словаря о российскіихъ писателяхъ*? Кераръ, или вѣрнѣе С. Д. Полторацкій, котораго имя выставлено въ числѣ сотрудниковъ по изданію II-го тома Fran-

се littéraire и который объ этомъ писалъ въ Bulletin du Bibliophile Belge, въ этомъ случаѣ сдѣлали заключеніе слишкомъ поспѣшное. Но объ этомъ когда нибудь въ другой разъ, а теперь довольно, хоть я и немного еще сказалъ о псевдонимахъ, которымъ можно посвятить цѣлый трактатъ, цѣлый словарь. Подписываюсь псевдонимомъ

ГРИГОРІЙ КНИЖНИКЪ.

ЗАМѢТКИ ОБЪ АНГЛІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

LIFE OF EDWARD YOUNG, BY DR. DORAN, PREFIXED TO «NIGHT THOUGHTS.» JOHNSON'S LIVES OF THE POETS, EDITED BY PETER CUNNINGHAM. YOUNG'S WORKS.

(Окончаніе.)

Поупъ сказалъ, что «Юнгъ обладалъ возвышеннымъ гениемъ, но не имѣлъ достаточно здравую разуму». Это опредѣленіе относится не столько къ умственнымъ способностямъ, сколько вообще къ нравственности поэта: ему недоставало того яснаго, спокойнаго взгляда на вещи, который мы нерѣдко замѣчаемъ въ людяхъ, одаренныхъ самыми обыкновенными умственными способностями, но сознающихъ свое достоинство, искреннихъ въ убѣжденіяхъ, и который не уживается съ себялюбіемъ, тщеславіемъ и эгоистическимъ стремленіемъ подчинить другихъ своимъ интересамъ. Такъ, мы полагаемъ, должно разумѣть опредѣленіе Поупа; отъ недостатка, указаннаго Поупомъ, происходило то, что гениій Юнга такъ долго блуждалъ, перенесъ столько бесплоднаго труда и, только когда поэтъ дожилъ до шестидесяти лѣтъ, внезапно развернулъ свои широкія крылья и вознесся на такую высоту, что обратилъ на себя изумленный взоръ не только своего, но и слѣдующихъ поколѣній. Такъ выражается о Юнгѣ докторъ Доранъ. Во всю свою жизнь Юнгъ дѣйствовалъ въ одномъ направленіи. «Ночныя размышленія» отличаются отъ предшествовавшихъ его сочиненій единственно степенью той силы, которая преобладаетъ во всемъ, что онъ писалъ. Въ поэзіи и въ прозѣ, въ бѣлыхъ и рифмован-

ныхъ стихахъ, въ драмахъ, сатирахъ, одахъ, размышленіяхъ, — вездѣ и во всемъ мы видимъ одного и того же Юнга: тотъ же тѣсный кругъ мыслей, та же любовь къ отвлеченіямъ, тотъ же телескопическій взглядъ на людей и ихъ земную дѣятельность, та же склонность къ антитетическимъ изрѣченіямъ и къ панегирикамъ. Уже въ первыхъ драматическихъ произведеніяхъ находимъ мѣста, которыя должны были въ послѣдствіи войти въ составъ Ночныхъ размышленій и, можетъ быть, сдѣлаться ихъ украшеніемъ; дѣйствующія лица его трагедій — прозрачныя тѣни, сквозь которыя виденъ дидактическій поэтъ. Такъ въ трагедіи «Мщеніе», Алонзо, побуждаемый ревностью къ убійству жены и удерживаемый любовью, говоритъ:

Эта обширная, темная земля, и это сіяющее солнце,
Небеса, сквозь которыя они проходятъ,—всему будетъ конецъ!
А что же такое человекъ?—Малѣйшая частица великаго ничтожества.
День слѣдуетъ за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ,
И наша жизнь есть только длинный рядъ смертей.
Можно ли бояться смерти?—Нѣтъ, жизнь наша страшнѣе:
Жизнь—это степь, это дикая пустыня....

Прозанческія сочиненія Юнга—это тѣже «Ночныя размышленія», еще не успѣвшія окристаллизоваться въ стихи. Даже въ одахъ, написанныхъ въ подражаніе Пиндару, часто до нелѣпости неестественныхъ, вы узнаете автора «Страшнаго Суда», одержимаго демономъ высокопарнаго пустословія; даже здѣсь встрѣчаете текоть Ночныхъ размышленій, только въ другой формѣ. Въ одной изъ нихъ онъ проповѣдуетъ непрочность земныхъ наслажденій; «золотомъ купленные наслажденія, говоритъ онъ, оставляютъ по себѣ болѣзненное чувство пресыщенія; ищите наслажденій въ добродѣтели; она доставляетъ радости въ удивленіи, она ни отъ чего не зависитъ, ея не могутъ поразить ни время, ни превратность судьбы». Дидактика, здѣсь какъ вездѣ, беретъ верхъ надъ всеми другими стремленіями поэта, и изъ панегириста онъ становится проповѣдникомъ.

Въ «Страшномъ Судѣ», въ самомъ раннемъ сочиненіи Юнга, довольно ясно видны достоинства и недостатки, общія всемъ его сочиненіямъ. Уже въ этой поэмѣ васъ поражаетъ тщетное, но тѣмъ не менѣе постоянное усиліе поэта возвысить и, такъ сказать, уяснить общія понятія о Божествѣ посредствомъ картинъ и сравненій, несоответствующихъ величію предмета и оскорбляющихъ эстетически чувство читателя. Въ молитвѣ, напримѣръ,

выражающей покорность Божеству и внушенной размышлениями о Христвѣ, идущемъ судить живыхъ и мертвыхъ, онъ спрашиваетъ: «Кто украшаетъ дѣвственную весну великолѣпными цвѣтами? Кто призываетъ лѣто, роскошно одѣтое подобно невѣствѣ? Кто вѣнчаетъ плодоносное материнское ложе осени? Кто повелѣваетъ древней зимѣ сложить свое украшеніе? — Конечно, не великій султанъ, не владыка съвера, не та, которая рѣшаетъ миръ и войну въ Европѣ! (королева Анна)» какъ будто въ ожиданіи минуты суда, душъ христіанской всего приличнѣе представлять увѣренія, что признаетъ Бога могущественнѣе турецкаго султана или короля неаполитанскаго.

Среди неудачныхъ сравненій, ребяческихъ картинъ, натянутыхъ рѣимъ, напыщенности, встрѣчаются мѣста, вполне оправдывающія слова Попа, признавашаго въ Юнгѣ искру прометеева огня, мѣста истинно поэтическія, обещающія гораздо больше, чѣмъ Юнгъ въ состояніи былъ исполнить. Таково, на примѣръ, описаніе разрушенія вселенной, которое обличаетъ въ поэтѣ сильную фантазію, и плачь о падшихъ душахъ. Но подобныя мѣста очень рѣдки и впечатлѣніе, производимое ими, разрушается натянутымъ пустословіемъ, къ которому авторъ Страшнаго Суда прибѣгаетъ очень часто въ своихъ поэмахъ, написанныхъ рѣимованными стихами. «Рѣима—это готическій демонъ, овладѣвшій новой поэзіей», говоритъ Юнгъ, утомленный безуспѣшной гонбою за благозвучными окончаніями. Техническая сторона искусства представляла для него почти непреодолимые трудности и нигдѣ борьба съ ними не имѣла такого вреднаго вліянія, какъ въ его сатирахъ, которыя, по существу своему, требуютъ самаго строгаго соответствія между формой и содержаніемъ. Но причины недостатковъ юнговыхъ сатиръ лежатъ гораздо глубже. По природѣ своей Юнгъ не былъ сатирикъ. Въ его сатирахъ нѣтъ ни неподдѣльнаго негодованія, ни насмѣшки, ни даже того личнаго озлобленія, которое одушевляло Попа и которое, переходя въ область искусства, становится общимъ достояніемъ. Юнгъ никогда не могъ представить человека вообще, а ограничивался только представленіемъ частныхъ недостатковъ или нападалъ на готовые, уже обветшалые типы; у него не встрѣтите тѣхъ удачныхъ эпитетовъ, которыми изобилуютъ сатиры Попа; все его остроуміе ограничивается сочетаніемъ разнородныхъ идей; во всемъ, что онъ ни писалъ, онъ поставлялъ себѣ главной задачей собрать всѣ противоположности, идущія къ опи-

сываемому предмету, и въ этомъ отношеніи онъ дѣйствовалъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Это неизмѣнный его пріемъ и въ одахъ, и въ сатирахъ, и въ духовныхъ сочиненіяхъ.

Первыя книги «Ночныхъ размышленій», явившіяся вскорѣ послѣ сатиръ и одъ, критика ставитъ выше всего, что вышло изъ-подъ пера Юнга. Причины этого неожиданнаго успѣха, — неожиданнаго потому, что первымъ книгамъ Ночныхъ размышленій предшествовали оды, исполненныя безчисленныхъ погрѣшностей не только противъ искусства, но даже противъ здраваго смысла,—была, во-первыхъ, форма—они написаны бѣлыми стихами, во-вторыхъ—истинное одушевленіе. Многіе критики, говоря о Ночныхъ размышленіяхъ, разумѣютъ только первыя двѣ или три ночи, и совершенно справедливо, потому что остальные шесть ночей, которыя, собственно говоря, суть ничто иное, какъ довольно скучныя и однообразныя варіаціи на темы, во всѣхъ подробностяхъ отдѣланныя въ началѣ сочиненія, находили весьма немногочисленныхъ читателей. Онъ хотѣлъ говорить или «цѣть», какъ онъ выражается, о весьма немногихъ предметахъ: о томъ, что жизнь суетна, что смерть неизбежна, что человекъ безсмертенъ, что добродѣтель есть мудрость, что дружба пріятна, и наконецъ, что источникъ добродѣтели есть размышленіе о смерти и безсмертіи; и обо всѣхъ этихъ предметахъ въ первыхъ двухъ ночахъ онъ сказалъ все, что могъ, и такъ хорошо, какъ могъ. Дѣйствительно, первыя мрачныя картины жизни и свѣта вдругъ переносятъ воображеніе читателя въ будущее и ему представляется леденящій образъ грозной неизбежной смерти; читатель убѣжденъ, что поэтъ, такъ мрачно озирающій свѣтъ, дѣйствительно, пораженъ глубокой скорбью, и земля, дѣйствительно, кажется ему пустыней. «О, Филандеръ! восклицаетъ поэтъ,

скончались съ тобою все мои радости;
Твой послѣдній вздохъ разсѣялъ все мои мечты;
Земля утратила для меня свой блескъ и очарованіе.
Гдѣ теперь великолѣпныя башни? Гдѣ золотыя горы?—
Онъ лежитъ нагими плачевными пустынями.
Смерть великій чародѣй!»

Въ человекѣ, находящемся подъ вліяніемъ истинной скорби, можно допустить этотъ болѣзненный взглядъ на міръ и преувеличенія; мы готовы слѣдить за его унылымъ взглядомъ, отва-

рачинающагося отъ солнечнаго свѣта и веселаго человѣческаго лица, и готовы допустить, что это богатство и избытокъ жизни, для него кажутся предвкусеніемъ смерти; такой взглядъ не подлежитъ критикѣ, — онъ вызываетъ состраданіе. Въ первыхъ двухъ ночахъ Юнга встрѣчаются мѣста, способныя внушить чувство, похожее на состраданіе. Хотя здѣсь нельзя не замѣтить поддѣльности въ его чувствахъ, въ выраженіи которыхъ онъ мерзко впадаетъ въ риторическое пустословіе; но не смотря на то, иногда слышится вопль дѣйствительнаго страданія, и читатель готовъ простить поэту его эгоизмъ и гиперболы:

«Во всякомъ положеніи, во всякомъ мѣстѣ, во всякое время
Осиротѣлая мысль моя далека отъ радости!
Мысль, изнуряющая мой умъ, разрушающая спокойствіе моей души!
Провожаемая ночной тишиною, она крадется ко мнѣ
Темной дверью прошедшаго, крадется какъ убійца,
Блуждаетъ въ безвозвратно прошедшихъ радостяхъ, повсюду ищетъ
несчастья;—

Теперь все опустѣло и она встрѣчается
Съ многочисленнымъ сонмомъ душъ моихъ умершихъ друзей.
Проклинаю богатые дары моей прежней судьбы, трепещу,
Вспоминая о благахъ, которыя мнѣ были такъ драгоценны,
Каждое веселье пронзаетъ мнѣ сердце!»

Но когда онъ перестаетъ пѣть о своемъ несчастіи, и начинаетъ излагать свои мнѣнія, когда отвращеніе къ жизни, на которое мы смотрѣли, какъ на временное, болѣзненное чувство, начинаетъ возводить на степень теоріи, мы теряемъ состраданіе къ нему и готовы заподозрѣть искренность его чувства. Дѣйствительно, *неискренность* составляетъ главный недостатокъ Юнга, какъ поэта, который вмѣстѣ съ его претензіей быть остроумнымъ, вполне оправдываетъ старую истину, что человѣкъ, желающій казаться не такимъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, часто впадаетъ въ нелѣпости. Юнгъ не анализируетъ, не старается открыть истиннаго смысла ни тѣхъ предметовъ, которые онъ описываетъ, ни чувствъ, которыя старается выразить. Ему это и не нужно; люди, склонные къ напыщенной болтовнѣ, заботятся не о томъ, чтобъ рассказать то, что они чувствуютъ или видятъ но о томъ, чтобъ произвести впечатлѣніе на своихъ слушателей, и въ этомъ направленіи они могутъ идти очень далеко, не встрѣчая въ себѣ никакого критеріума, который могъ бы ихъ остановить. Въ этомъ заключается раз-

личіе между напыщенной болтовней и истиннымъ одушевленіемъ или смѣлыми порывами фантазіи. Поэтъ, переносящій своего читателя въ міръ фантастическій, можетъ быть также искренъ, какъ и поэтъ, описывающій самые обыкновенные предметы дѣйствительной жизни: онъ остается вѣренъ самому себѣ, настроеніе его духа служитъ для него критеріумомъ. Разрывъ между мыслью или чувствомъ и языкомъ исключаетъ возможность поэзіи и ведетъ писателя къ нелъпой, безцѣльной болтовнѣ; у Юнга подобныя примѣры встрѣчаются весьма часто и этому, сверхъ приведенныхъ причинъ, не мало содѣйствуетъ отвлеченность предметовъ, о которыхъ онъ постоянно трактуетъ. Если поэтъ носится въ эмпиреяхъ и смотритъ на землю *à vue d'oiseau*, читатель, непривыкшій къ критическому анализу, готовъ признать его пареніе возвышенностью, а слабость его зрѣнія оправдать близостью къ небесамъ. Такъ, напримѣръ, слѣдующія строки для неопытнаго глаза могутъ показаться столько же возвышенными, какъ известная державинская строфа о хаосъ, котораго *довременная бытность* вызвана изъ безднъ *вѣчности, рожденной прежде вѣчности*:

Добродѣтельный человекъ опирается рукой на небеса и
Повелѣваетъ землѣ катиться, не чувствуя ея зловреднаго вихря.

Въ нашемъ переводѣ, по возможности близкомъ оригиналу, эти строки утратили гармонію; но мы все-таки останавливаемъ на нихъ вниманіе читателя, предлагаемъ ему представить осуществленіе этой дикой картины, и тогда онъ убѣдится, что въ человекъ, написавшемъ эти строки, не могло быть ни искренняго чувства, ни дѣйствительнаго одушевленія, ибо искреннее чувство, дѣйствительное одушевленіе не избираетъ для своего выраженія такой нелъпой формы. Подобныя картины можно встрѣтить почти на каждой страницѣ Ночныхъ размышленій. Преслѣдуя постоянно свою цѣль, т. е. желая произвести возможно сильнѣйшее впечатлѣніе на читателя, Юнгъ не замѣчаетъ, кажется, какъ самъ разрушаетъ всякое сильное впечатлѣніе, рисуя подобныя картины, или кидая фразы, лишеныя всякаго существеннаго содержанія. Въ одномъ мѣствѣ, напримѣръ, онъ восклицаетъ:

Всякая земная радость унижаетъ бессмертную душу!

Эта фраза можетъ быть объяснена только предположеніемъ, что

Юнгъ, говоря о земныхъ радостяхъ, или вовсе не представлялъ себѣ ничего дѣйствительно существующаго въ природѣ, или разумѣлъ ту радость, которою наполняла его душу улыбка мецената, доходное мѣсто, вниманіе королевской любовницы. Онъ рѣдко, почти никогда не говоритъ о предметахъ, лежащихъ между этими радостями и вѣчнымъ блаженствомъ. Жизнь представляется ему въ такомъ туманномъ свѣтѣ, какъ человеку, который, проснувшись въ два часа пополудни, чувствуетъ головную боль и вспоминаетъ о вчерашнихъ проигрышахъ:

Здѣсь надоѣдаетъ намъ жалкое повтореніе одного и того же,
Какъ горькое лекарство, подносимое больному въ опредѣленный часъ!

И потомъ, следуя своей методѣ противоположеній, прибавляетъ:

А въ вѣчности насъ будутъ поражать новыя сцены,
Новыя событія, постоянно проходящія предъ нашими глазами.

«Земля», по понятіямъ Юнга, значитъ — лорды, герцогини, доходныя мѣста, выгодныя предпріятія, и кромѣ ихъ да вѣчности и звездъ ничто болѣе не достойно вниманія поэта. Исключите изъ его сочиненій тѣ мѣста, въ которыхъ онъ трактуетъ объ этихъ предметахъ, и въ остаткѣ окажется самая ничтожная доля.

Наклонность Юнга къ отвлеченностямъ или олицетворенію отвлеченностей тѣсно связана съ отсутствіемъ истиннаго чувства. Онъ представляетъ добродѣтель внѣ условій земной жизни; религія у него сходитъ съ небесъ, держа въ одной рукѣ міръ земной, въ другой міръ будущій; но вы никогда не увидите, чтобы онъ представилъ добродѣтель или религію въ такихъ формахъ, въ какихъ онъ являются въ дѣйствительной жизни. Ораторъ можетъ произнести весьма краснорѣчивую рѣчь о гражданскихъ злоупотребленіяхъ вообще и не возбудитъ ни малѣйшаго сочувствія въ своихъ слушателяхъ; но пусть онъ остановится на нѣсколькихъ частныхъ случаяхъ, пусть эти случаи будутъ основаніемъ или подтвержденіемъ его абстрактной теоріи, и тогда, нѣтъ сомнѣнія, рѣчь его будетъ встрѣчена рукоплесканіями. Отвлеченная истина не можетъ возбудить въ человѣкѣ сильнаго чувства, она внѣ его, и только тогда пріобрѣтаетъ вліяніе на него, когда переходитъ въ жизнь и находитъ матеріальное выраженіе; съ другой стороны сильное чувство никогда не обле-

кается въ отвлеченную форму; общія мѣста скрываютъ или слабоуміе, или недостатокъ истиннаго чувства.

Смотрите, какъ король Лиръ, оскорбленный старшей дочерью, отвѣчаетъ Реганѣ на предложеніе воротиться къ ея сестрѣ:

Регана, ни за что!

Она мою убавила прислугу,
Она глядѣла на меня сурово,
Она змѣннымъ языкомъ колола
Мнѣ сердце самое. Пусть мщенье неба
Растетъ, растетъ и грянетъ надъ проклятой,
Пусть воздухъ чумный гибельнымъ увѣчемъ
Ей молодыя кости поразить.

Вы, молніи, порывистымъ сіаньемъ
Ей ослѣпите дерзкіе глаза!
Пусть мгла болотная, могучимъ солнцемъ
Изъ нѣдръ земли поднятая на верхъ,
Ея красу на вѣкъ обезобразить
И осквернить ей гордый ликъ!

РЕГАНА.

О, боги!

И мнѣ того жъ вы будете желать
Въ минуту злую!

ЛИРЪ.

Нѣтъ, моя Регана!

За что я сталъ бы проклинять тебя?
Твой нравъ привѣтливъ, кротокъ и незлобенъ.
У ней свирѣпый взглядъ, твои жъ глаза
Мнѣ сердце услаждаютъ, а не жгутся!
Не станешь ты мѣшать моимъ забавамъ,
Сгонять моихъ людей и дерзкой рѣчью
Меня язвить и напоследокъ даже
Отъ моего прихода запираяться!
Ты лучше разумѣешь доль природы,
Признательность и дѣтское почтенье:
Ты не забудешь, что тебѣ я отдалъ
Полцарства.

Негодованіе оскорбленнаго отца выражается въ такихъ мелочныхъ подроностяхъ, которыя въ глазахъ Юнга могли бы показаться антипоэтическими. Что высокаго въ словахъ: она мою убавила прислугу, не станешь ты мѣшать моимъ забавамъ и проч.?

Но именно въ такой формѣ и могъ выразиться искренній гнѣвъ обиженнаго отца.

Прислушайтесь теперь къ воплямъ Юнга, оплакивающего смерть своей надчерицы:

Смерть приходитъ такъ часто,
 Что не только повергаетъ насъ въ горести,
 Но мѣшаетъ ихъ между
 Собою, и превращаетъ ихъ въ отчаяніе.
 Удары ея спорятъ о слезахъ людей.
 Ахъ, Филандеръ! что была смерть твоя? —
 Ужасное предвѣщаніе, мука, которой высказать не могу!
 Угроза и ударъ! Подобно черному ворону летала она
 Вокругъ меня, предвѣщая мнѣ несчастіе!
 Смерть похитила Нарциссу прежде назначеннаго ей часа;
 Она воззвала къ живую ея душу прежде, чѣмъ разсвѣло ея благополучіе,
 И отторгнула ее отъ первыхъ цвѣтовъ,
 Отъ тѣхъ первыхъ цвѣтовъ, отъ тѣхъ первыхъ
 Отпрысковъ радостей, которые бѣдственная паша судьба
 Оставляетъ неистребленными на мрачномъ горизонтѣ жизни
 Человѣческой.

Замѣтить надо, что надчерица Юнга, которую онъ въ своей поэміи называетъ Нарциссой, умерла въ Лионѣ и, такъ какъ она была протестантка, то ея не позволяли хоронить; такъ что друзья должны были похоронить ее тайно. Этотъ случай, слѣдствіе глупаго предрасудка, даетъ поэту поводъ къ безобразно преувеличенному негодованію.

Поперемѣнно проливалъ я потоки горести и негодованія,
 Къ молитвѣ моей примѣшивалось проклетіе;
 Я ожесточался противъ человѣка, благоговѣя предъ его Создателемъ;
 Завидовалъ варварской странѣ, овладѣвшей прахомъ твоимъ, Нарцисса,
 Поносилъ проклятую землю, и съ человѣколюбіемъ,
Желалъ имъ того, въ чемъ тебѣ отказали, — гроба!

Но поэтъ, воспѣвающий красоту добродѣтели, спохватился, что человѣколюбивое желаніе его вовсе не добродѣтельно, и поспѣшилъ оправдаться, хотя не совсѣмъ удачно:

Ахъ, чувство мое влечетъ меня въ преступленіе!
 Но какое преступленіе можетъ сравниться съ оскорбленіемъ умершихъ?

Подобные промахи (а ихъ такъ много, что еслибъ мы захотѣли ихъ выписывать, то никогда не кончили бы) тѣсно связа-

ны съ нравственной философіей Юнга, которую характеризуетъ слѣдующій стихъ о добродѣтели:

Добродѣтель есть преступленіе,
Преступленіе противъ разума, если она стоитъ намъ трудовъ
Невознагражденныхъ.

Но человекъ долженъ быть безусловно добродѣтельнымъ, «потому что онъ безсмертенъ», потому что «мысль о смерти, безсмертіи, наградѣ и карѣ вѣчной должна удерживать его отъ злодѣяній»; не будь человекъ безсмертенъ, онъ былъ бы глупъ, если бъ въ случаѣ нужды не зарывалъ ближняго своего и не овладелъ его достояніемъ. Отнявъ у добродѣтели разумное основаніе, лежащее въ самомъ человекѣ, Юнгъ сбился съ прямого пути и очутился въ туманной области мудрствованія. Дѣйствительно, вся эта поэма, равно какъ и другія дидактическія произведенія Юнга, лишеныя исторіи, или какъ говорили въ старину *басни*, состоятъ изъ безконечнаго ряда силлогизмовъ, болѣе или менѣе натянутыхъ. Возможно ли чувствовать что нибудь похожее на уваженіе къ человеку, который въ одно и тоже время проповѣдуетъ отреченіе отъ свѣта и ищетъ черезъ посредство королевской любовницы тепленькаго мѣстечка, трактуетъ о неземной красотѣ добродѣтели и безобразнѣйшимъ манеромъ выгоняетъ изъ дому сына, твердить, что не должно терять времени и отлагать покаянія въ грѣхахъ и почти въ минуту смерти, съ трудомъ прощаетъ мнѣмое преступленіе своего дитяти, — къ человеку, о которомъ Свифтъ, осмѣявшій всѣхъ своихъ собратьевъ въ сатиры: *Raprod on Poetry*, справедливо сказалъ, что онъ, «боясь потерять пэціонъ, истязалъ свой мозгъ, чтобы льстить придворнымъ шутамъ.»

Разъединеніе между словомъ и дѣломъ оставило слѣды на всѣхъ сочиненіяхъ Юнга: то онъ требуетъ отъ человека безсловной доброты, подъ страхомъ адскихъ мученій, то называетъ добродѣтель глупостью, если она бесполезна; то свалится оторваться отъ земли и проповѣдуетъ презрѣніе къ ея дарамъ, то зміемъ пресмыкается изъ-за ста фунтовъ годоваго дохода.

Между тѣмъ современники съ полнымъ уваженіемъ смотрѣли на пѣвца смерти и безсмертія, постоянно жаловавшагося на свое положеніе въ здѣшнемъ мірѣ. Факты, изложенные нами въ біографическомъ очеркѣ, доказываютъ однакожъ, что эти жалобы

были безосновательны; Юнгъ пользовался постоянной благосклонностью двора, быть можетъ, потому, что льстилъ, получалъ до послѣдняго дня жизни пансіонъ и, не смотря на потери, понесенныя имъ незадолго передъ смертью, оставилъ сыну въ наследство приличный капиталъ. Въ современныхъ замѣткахъ и письмахъ, нерѣдко къ имени Юнга прибавляются эпитеты—великій, славный, знаменитый творецъ «Ночныхъ размышленій». И самъ онъ высоко цѣнилъ это произведеніе; около 1740 года, онъ издалъ четыре тома своихъ сочиненій, подъ заглавіемъ «The Works of the author of the Night Thoughts», которыя, судя по его собственнымъ словамъ, имѣли полный успѣхъ. Мнѣнія современниковъ о Юнгѣ, всего лучше выражаются въ слѣдующемъ письмѣ Герберта Крофта къ редактору журнала: *Gentleman's Magazine*, написанное вскорѣ послѣ смерти Юнга:

«Въ слѣдствіе нашихъ продолжительныхъ разговоровъ о продолжительности матеріаловъ для біографіи Юнга, посылаю вамъ слѣдующія свѣдѣнія о его жизни.»

«*Великіе люди всегда возбуждаютъ любопытство толпы; о знаменитомъ творцѣ «Ночныхъ размышленій» было говорено многое, неподтвержденное никакими доказательствами.*»

За тѣмъ слѣдуютъ біографическія подробности и письмо заключается словами: «Вотъ все, любезный другъ, что могъ я собрать достовѣрнаго о нашемъ великомъ поэтѣ.»

Джонсонъ, выступившій на литературное поприще въ то время, когда Юнгъ прошелъ его до половины, и слѣдовательно, принадлежавшій уже къ слѣдующему поколѣнію, богатому великими умами, отзываясь о сочиненіяхъ Юнга слѣдующимъ образомъ: «Трудно представить читателю общую характеристику всѣхъ сочиненій Юнга; онъ рано началъ писать и кончилъ очень поздно; въ разное время онъ имѣлъ въ виду разные образцы и самъ измѣнялся... Онъ не былъ изъ тѣхъ писателей, которымъ собственный опытъ служить урокомъ, которые замѣчаютъ свои ошибки и постепенно ихъ исправляютъ. Первую свою поэму, Страшный Судъ, заключающую многія высокія достоинства, онъ совсѣмъ оставилъ безъ вниманія, не сдѣлалъ въ ней ни малѣйшаго измѣненія. Хотя поэма эта мѣстами слаба, однакоже производитъ сильное впечатлѣніе, объемля душу читателя священнымъ ужасомъ.» Сатиру, *Universal Passion*, Джонсонъ называетъ великимъ произведеніемъ, а переводъ книгъ Іова,—украшеніемъ англійской поэзіи. «Въ Ночныхъ размышленіяхъ, продолжаетъ

великій лексикографъ, Юнгъ показаль необыкновенно сильное дарованіе; величественныя картины, обличающія въ немъ замѣчательно плодovitую фантазію, перемѣшиваются съ глубокими размышленіями... Сила чувства никогда не оставляетъ поэта. Эту поэму можно сравнить съ китайской плантаціей, на всемъ протяженіи которой, въ равномъ изобиліи, произрастають разнородныя растенія.» Этого уже достаточно, чтобы понять, какъ высоко стоялъ Юнгъ въ мнѣніи англійской критики въ концѣ прошлаго столѣтія.

Но ничто не вѣчно подь солнцемъ! Прошло только тридцать четыре года со времени появленія Джонсоновыхъ *Lives of Poets*, какъ Джеффри, явившійся въ 1803 году редакторомъ эдинбургскаго журнала, пишетъ въ своемъ журналѣ: «Въ наше время совершилась въ литературномъ мѣрѣ замѣчательная перемѣна: славныя умы времянь королевы Анны, до-сихъ-поръ не находившіе соперниковъ, низведены съ своихъ пьедесталовъ. Еще на нашей памяти Попы, Свифты, Юнги, Аддисоны служили такими же образцами, какъ Цицеронъ, Виргилій, Горацій; теперь они уступили мѣсто новымъ писателямъ и утратили свой авторитетъ». Развитие вкуса и другія причины, взявшія свое начало въ событіяхъ, заключавшихъ прошлое столѣтіе, произвели эту реформу и дали новое направленіе англійской литературѣ, то самое, представителемъ котораго явился Байронъ.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

(Письмо третье.)

15-го іюля 1857 г.

Трудно узнать характеръ мѣста при быстромъ переездѣ изъ одного города въ другой. Но прочитайте газету, прислушайтесь къ разговору въ какой нибудь многолюдной кофейнѣ, взгляните на книги, выставленныя за стеклами лавокъ, на войско, гуляющее по улицамъ, повѣрьте, гдѣ возможно, ваши заключенія вопросами у туземцевъ: и вы, хоть немого, да узнаете. Историческія воспоминанія также дають свой отъвѣтокъ странъ.

Въ Ганноверѣ еще памятны Ватерлоо и старыя битвы съ Французами, въ Баденѣ, напротивъ, поля и холмы напоминаютъ всюду о стычкахъ 1848 года. Въ Вестфалии и южной Германіи встрѣтите военныхъ людей свѣтскаго тона, щегольски одѣтыхъ въ мундиры. Баварія исключительно занята нынѣ военными экзерциціями; во Франкфуртѣ на Майнѣ гражданская стража вовсе не похожа на войско: это живой, веселый народъ въ легкихъ холстинныхъ курткахъ, въ высокихъ шляпахъ съ перьями, бойко загнутыхъ на бекрень; а въ Кассель ежедневно слышите громъ трубъ, барабанный бой пятитысячнаго войска. Геттингенъ, какъ небольшой городъ, не богатъ книжной торговлей: большая часть выставленныхъ книгъ — руководства университетскихъ профессоровъ: во Франкфуртѣ на Майнѣ увидите всевозможныя англійскія изданія, и изъ новыхъ нѣмецкихъ писателей: Гейне, Бюхнера, Молюшотта, Рила... Лавки здѣсь завалены всевозможными путеводниками, а изъ руководствъ главнѣйшее — игра въ рулетку! Я не пишу исторію книжной торговли, я только мимоходомъ замѣчаю о вкусъ публики. Для юношей и дамъ любимѣйшимъ поэтомъ остается Шиллеръ, а изъ новыхъ Гейбель. Стихотворенія Гейбеля непогрѣшны въ отношеніи отдѣлки слога; но мало мнѣ нравятся, можетъ быть потому, что я не Немецъ. Эти пѣснопѣнія, посвященные красотамъ природы и сладостямъ идеальной любви; эти вѣчныя щебетанья птичекъ и густая сѣнь липъ утомляютъ своимъ однообразіемъ. Но дѣловые люди стиховъ не читаютъ, политическая экономія, сельское хозяйство, банковыя операціи поглощаютъ ихъ умъ. Развитіе общественной жизни въ южной Германіи необыкновенно сильно, и между тѣмъ, какъ все стремится къ улучшенію матеріальнаго быта, римско-католическая партія тѣмъ усерднѣе проповѣдуетъ аскетизмъ и, за отсутствіемъ религіознаго духа, строгое соблюденіе религіозной формы. Странно видѣть, какъ отжившія идеи XVI и XVII вѣка возстаютъ, подобно скелетамъ, изъ могилъ, чтобы одухотворить жизнь. Къ сожалѣнію, источникъ всѣхъ этихъ крайностей одно личное раздраженіе партій, служащее истиннымъ препятствіемъ успѣхамъ и нравственности, и науки. Гдѣ, въ слѣдствіе религіозныхъ несогласій, лица лишаются мѣсть и студентамъ запрещается слушать того или другаго профессора, тамъ нѣтъ духа любви и терпимости. Швейцарія, въ этомъ случаѣ, служитъ рѣдкимъ исключеніемъ: католическое и протестантское населеніе, соединенное

общими интересами, живеть здѣсь довольно дружно на одной почвѣ; въ собраніяхъ проповѣдниковъ прежде всего слынится рѣчь о томъ, что всѣ христіане братья и надо заботиться о христіанской нравственности, а не о личныхъ выгодахъ партій. Не смотря на многія государственныя нужды, въ этомъ духѣ терпимости, федеральный совѣтъ въ Бернѣ назначилъ нынѣ сумму въ 50,000 франковъ на построеніе одной католической церкви. Швейцарія, при счастливой организациі народа, развивается безъ лихорадочныхъ волненій; Германія же еще живо помнитъ бесполезныя смуты 1818 года. Но Германія, при всѣхъ недостаткахъ политическаго развитія, все-таки первостепенная страна въ дѣлѣ науки и искусства. Съ какимъ возвышеннымъ самоотверженіемъ многіе изъ ученыхъ ея правителей созидали для ней эту славу, лучшую изъ всѣхъ, славу, которая не померкнетъ во вѣки. Дрезденъ до-сихъ-поръ хвалится королеми своимъ, Августомъ III, истощившимъ некогда казну для собранія сокровищъ знаменитой галлерей. Но временная эта трата вознаградилась сторицею: прошло сто лѣтъ, и сокровища, собранныя съ большими жертвами, еще привлекаютъ со всего свѣта толпы чужеземцевъ, доставляя несмѣтныя выгоды городу. Также благоговѣетъ Мюнхенъ передъ памятью Людвига. Пора однако мнѣ кончить разсужденія и снова пуститься въ дорогу. Я пробылъ въ Кассель нѣсколько дней и видѣлъ почти всѣ замѣчательности города: огромныя казармы, школы, площади. Круглая Королевская площадь, къ которой сходятся съ разныхъ сторонъ улицы, замѣчательна, какъ мнѣ говорили, своимъ чуднымъ эхомъ. Я, однако, не рѣшился этого повѣрить на дѣлѣ; здѣсь кишить шумно хозяйственное населеніе Касселя: торговки въ черныхъ шапочкахъ на затылкъ, продающія всякую овощъ и цвѣты, покушницы, хоть и не всегда милья, но опрятно одѣтыя, съ плетеными корзинками въ рукахъ; тутъ же вѣчно снуютъ рѣзвая толпа мальчиковъ и дѣвочекъ, идущихъ въ близъ-лежащія школы. Площадь Фридриха пустынна, но поражаетъ своею громадностью и красотою: съ трехъ сторонъ передъ вами высокія каменные зданія, а съ четвертой зеленыя верхушки сада, который спускается въ долину Фулды, и далѣе за ними открытый видъ на безмѣрное пространство, ограниченное синеватою полоскою далекихъ горъ. Когда выйдете сюда изъ тѣсныхъ улицъ, вами мгновенно овладѣетъ чувство простора. Но главную замѣчательность Касселя составляетъ возвышенность Виль-

Гѣльма (Wilhelmshöhe), находящаяся въ разстояніи двухчасовой ходьбы отъ города. Туда ведетъ густая, липовая аллея. Еще издали, въ узкомъ промежуткѣ между зелени, привлекаетъ ваше вниманіе гора, которая подымается высоко надъ высокими деревьями, съ ея странной, червящей верхушкой. Но прежде вы достигнете дворца, стоящаго на одномъ изъ уступовъ этой горы, уже столь высоко, что курфирстъ можетъ обозрывать отсюда почти весь свои владѣнія. Верхушка теперь ясна передъ вами: это лѣстница съ каскадомъ въ 950 футовъ длины, устроенная подобно тому, какъ у насъ въ Петергофѣ; она ведетъ къ огромной башнѣ, увѣнчанной громадной статуей Геркулеса. Внизу находятся фонтаны въ 130 и 190 футовъ вышины, которые пускаютъ, какъ и каскадъ, только 20 средамъ и воскресеньямъ. Если вы не бывали въ горахъ, то здѣсь узнаете, какъ обманчивы на глазъ разстоянія. Вамъ покажется, что отъ дворца въ нѣсколько минутъ дойдете до башни съ ея Геркулесомъ; но еще часъ тяжелаго пути въ гору и вы, измученные, сядете у трактира, у подножія каскада. Здѣсь угостятъ васъ пивомъ; отдохнувъ, взбирайтесь далѣе на лѣстницу, а потомъ еще на башню, съ которой видъ простирается до Гарца на весь Гессенъ и далѣе. До трактира довезетъ васъ и фіакръ за два талера. Входъ къ Самсону также обойдется не безъ издержекъ: дѣло устроено такъ, что вы встрѣчаете нѣсколько запертыхъ дверей, и при каждой является новый сторожъ съ ключемъ и съ требованіемъ 10 сереб. грошей (около 30 коп. сер.); вы дошли уже до половины башни, но здѣсь новая дверь съ новымъ сторожемъ или однимъ изъ членовъ его семейства: супруга, дочь, маленькій сынъ предлагаютъ вамъ свои услуги. Наравнѣ съ Геркулесомъ есть другая верхушка, на которую всходъ ничего не стоитъ: здѣсь вы избавлены отъ докучнаго сопровожденія сторожей, и можете на свободѣ, среди царства лѣсовъ, наслаждаться природой. Впрочемъ, виды съ высоты 3000 футовъ, возбуждая чувство необъятнаго, какъ море, какъ небо, мало удовлетворяютъ ваше любопытство: вамъ указываютъ вдали города и вы видите одни блѣдныя пятна, или туманныя полосы. Въ Швейцаріи, гдѣ вся природа громадна, другое дѣло: тамъ иногда нужно подняться на высоту 6000 футовъ, чтобы сколько нибудь увидѣть окрестность. Кассель отличается также прекраснымъ устройствомъ школъ для бѣдныхъ, безпріютныхъ дѣтей. Школы эти дѣло частной благотворительности. Я посв-

ТѢЛЬ одно изъ такихъ заведеній, гдѣ дѣти обучаются отъ 6 до 14 лѣтъ. Не смотря на бѣдность средствъ, оно можетъ служить образцемъ приходскихъ училищъ. Здѣсь нѣтъ ни теоріи, ни заучиванья на память: все обученіе идетъ практически. Дѣти рассказываютъ исторію и географію по глобусу, обстоятельно знакомятся съ самыми необходимыми предметами жизни по картинкамъ, сами вскапываютъ землю въ небольшомъ огородѣ и ухаживаютъ за цвѣтами, плодовыми деревьями и овощами, собираютъ камешки и всякую ветошь въ запасъ для классныхъ объясненій: ключокъ ваты, выброшенный изъ окна, старый обломокъ дерева или желѣза—все идетъ въ науку. Они разводять шелковичныхъ червей, учатся шить платье и точать сапоги — словомъ, это наука и вмѣстѣ живая, неутомимая дѣятельность, обязательно раскрывающая міръ. Но сколько нужно учителей для такого обученія? Почтенный начальникъ этой школы, Шоневольфъ, есть единственный въ ней и надзиратель, и воспитатель, и учитель, и отецъ (какъ онъ самъ называлъ себя) для 60 сиротъ, взвѣренныхъ его попеченію. Вы изъ этого видите, какъ нужны хорошіе люди. Изъ Касселя я отправился въ Кельнъ. Промышленность богатой страны отъ Дортмунда къ Дюссельдорфу, извѣстной подъ именемъ Вуппертала, невольно возбуждаетъ ваше удивленіе. Представьте, на пространствѣ многихъ миль, почти сплошной рядъ городовъ и деревенекъ съ острыми четвероугольными башнями церквей, съ желѣзными крышами, ярко блестящими на солнцѣ. Они красиво разсыяны по кудрявымъ холмамъ, по скатамъ горъ — и вы не перечтете, сколько тутъ фабрикъ и заводовъ. Какая пестрая жизнь кипитъ въ этомъ мѣстѣ! Вы вдругъ какъ будто чудомъ встрѣчаете веселый, общительный и образованный народъ: поселянинъ, сидя въ вагонѣ, читаетъ газету; мастеровой разсуждаетъ съ сельскимъ учителемъ о новыхъ усовершенствованіяхъ въ Англіи по части механики. Но все это мелькнуло сномъ передо мною. Не буду вамъ также описывать великолѣпнаго кельнскаго собора, съ его чудными арками и сажеными гробницами, при видѣ которыхъ какое-то тяжкое чувство давить вамъ душу: мрачные призраки среднихъ вѣковъ невольно возникаютъ въ испуганномъ воображеніи. Не буду много распространяться и объ Рейнѣ: все это стократно описано, но всего этого не передашь и въ самомъ краснорѣчивомъ описаніи. Рейнъ прекрасенъ безконечнымъ разнообразіемъ видовъ. Между тѣмъ, какъ пароходъ разрѣзываетъ

зелено-золотыя струи его, со всѣхъ сторонъ возстаютъ передъ вами новыя и новыя картины. Какъ изобразить это волшебство? Съ каждымъ извивомъ рѣки вдругъ выходятъ игривыя группы горъ, то пестрящихся всами переливами зелени, то дивныхъ и обнаженныхъ. И не столь прекрасны эти замки, мрачно обрисованные на ясной лазури неба, какъ эти безчисленные города и деревеньки съ кудрявыми гирляндами зелени, повисшей со стаян надъ водою. Вашъ пресыщенный взоръ ищетъ новыхъ красотъ впереди, а вамъ говорятъ: обернитесь назадъ... И въ самомъ дѣлѣ! Противуположныя скалы чудесно сдвинулись, образовавъ узкій проходъ, и сквозь него сіяетъ волшебная даль: горы одна за другою уходятъ въ голубой туманъ, а ближній городокъ, какъ будто вырванный на темномъ фонѣ скалъ, свѣтится, озаренный солнцемъ. Тучка ли броситъ тѣнь свою на полосатый скатъ горы, дымъ ли отъ парохода застелетъ встрѣчную деревеньку— все новое волшебство и очарованье. Все это живетъ, движется: и лѣса, и утесы, и люди! Еще приѣхавъ въ Кельнъ, я сироталъ подалеже мою красную книжечку, неизмѣнную вывѣску всякаго путешественника, особенно Англичанина. Съ красной книжечкой на васъ смотрятъ дико, какъ на заморскаго звѣря, или какъ на предметъ выгодной промышленности, и вамъ нѣтъ спасенія отъ услугъ нищихъ и разнаго рода лакеевъ. Притомъ, красная книжечка, указывая, чѣмъ должно восхищаться, совсѣмъ уничтожаетъ очарованіе неожиданнаго восторга. То, что есть любопытнаго, всегда пріятнѣе узнать изъ живаго разговора съ туземцами. Наше общество состояло изъ Англичанъ, одѣтыхъ въ полный дорожный костюмъ: башмаки съ пряжками и чулками, туго обтянутыми около икръ; круглая, темная шляпа; увѣсистая палка и книжечка въ рукахъ, непромокаемый плащъ и т. д. Нѣсколько легонькихъ миссъ, со своею гувернанткою или маменькой въ синихъ очкахъ, наблюдали природу въ лорнетку. Рыжій Шотландецъ, вмѣстѣ съ толстой супругой, взмохнулся высоко на ящикъ и, держась одною рукою за мачту, другою бережно обхватывалъ свою даму: они составляли очень милую группу. Но при остановкѣ пароходъ покачнулся, и дама принуждена была свѣсть на ящикъ. На самомъ носу широкой кринолинъ одной пожилой путешественницы еще шире раздувался отъ вѣтра, а стоящій подлѣ Французъ припрыгивалъ и насвистывалъ пѣсню. Нѣмки были охромнѣе въ восторгахъ; онѣ только восклицали: Ach! wie

schön! wie prachtvoll! Одна и тутъ не пропустила случая вынуть какую-то вышивку и приняться за иголку.

Солидный Баварецъ, сидя за куфлемъ пива, разговаривалъ съ купцомъ изъ Виртемберга объ ожидаемомъ нынѣ богатомъ сборѣ винограда. Подлѣ меня сидѣла молоденькая Нѣмочка изъ Гейдельберга, въ легкой соломенной шляпкѣ, съ небрежно откинутымъ зеленымъ вуалемъ; строгій профиль лица, съ его нѣсколько горбатымъ носикомъ, и длинныя, темныя рѣсницы глазъ были очень выразительны; но зрачки сѣраго цвѣта и острый взглядъ, выражая умъ, не блистали нѣжою. Она первая завела разговоръ со мною, обратившись, какъ къ старому знакомому, съ изъявленіемъ своего восторга при видѣ пльнителной мѣстности С. Гоара, гдѣ пароходъ на время остановился. Разговоръ естественно коснулся поэзіи Рейна. «Вы знаете Гсѣне?» спросила моя сосѣдка — «Да. Кос-что читаль», отвѣчала я — и въ доказательство моего знанія, тутъ же началъ было декламировать пѣсенку Люрлей, народную въ Германіи: «Не понимаю, отчего мнѣ такъ грустно? Все не могу я забыть старинной сказочки. Мы плыли по чудному Рейну, и скалы сіяли въ лучахъ заката. Пѣсня Люрлей могучей мелодіей раздалась въ горахъ. Она поетъ и чешетъ золотымъ гребнемъ свои золотыя кудри. и т. д.» — «Ага, вы знаете, отвѣчала она, а я только хотѣла вамъ напомнить. Мы увидимъ Люрлей сію минуту.» Я съ любопытствомъ вперилъ взоры впередъ. Скоро мы приблизились къ дикой, голой, пустынной скалѣ, и кругомъ съ обохъ береговъ замкнули насъ тѣже дикія скалы. Рѣка при поворотѣ исчезла, обратившись въ озеро. За минуту плыли насъ смѣющаяся зелень, пестрое населеніе — и вотъ мы очутились въ глухой пустынь: ни домика, ни цвѣтущаго деревца. Скалы эти при вечернемъ освѣщеніи, какъ слышалъ я, имѣютъ особенное обаяніе.

Моя сосѣдка стала припоминать виды Прованса, который только что посѣтила. — А вы давно изъ Франціи? спросила она. — Я вовсе тамъ не былъ, отвѣчалъ я. — Какъ же? Да вѣдь вы Французъ. — Ничуть не бывало. — Такъ Англичанинъ? — Нѣтъ. — Голландецъ? — Не угадали. — Вы однакожь не Нѣмецъ, сказала она, смотря на меня съ удвоеннымъ вниманіемъ. Моя собесѣдница была приведена въ рѣшительное удивленіе, узнавъ, что я Русскій. — Да гдѣжь вы учились по-нѣмецки? — Я долженъ былъ объяснять, какое ложное имѣютъ объ насъ понятіе, считая насъ полудикимъ народомъ: я подробно распространился о томъ, какъ

много занимаются у насъ языками и литературами всѣхъ странъ. Но моя собесѣдница все какъ-то сомнительно на меня смотрѣла. Оказалось однако, что она читала Лермонтова въ переводъ Боденштедта. «Это замѣчательный талантъ, отозвалась она, только у него еще слишкомъ много Азіатской фантазіи.» Подобное странное сужденіе можно было объяснить развѣ тѣмъ, что дѣло шло о стихотвореніи: Демонъ, которое дѣйствительно отчасти носитъ восточный колоритъ. Скоро и Люрлей, и Рейнгъ, и Нѣмочка — все исчезло, какъ сонъ, предо мною. Вечеромъ того же дня я уже сидѣлъ въ Франкфуртѣ, въ гостинницѣ Маннлустъ, слушая концертъ подѣ мовими окнами и любуясь закатомъ солнца на Майнъ.

Франкфуртъ, какъ старинный городъ Германскаго союза, долженъ имѣть свой особенный характеръ. Объ стариннѣго напоминають церкви XIII и XIV столѣтія и зданіе Рѳмеръ, гдѣ нѣкогда избирались нѣмецкіе императоры. Ихъ портреты и теперь украшаютъ одну изъ залъ, свидѣтельствую, какъ отъ Конрада I до Франца II измѣнялись обычай и костюмы, какъ съ теченіемъ вѣковъ все болѣе исчезали мечи, латы и воинственная осанка. Во Франкфуртѣ еще найдете кривыя, тѣсныя улицы съ первобытными домами, напоминающими птичьи гнѣзда. Особенно Еврейская улица достойна вниманія въ этомъ отношеніи. Это проулокъ, загроможденный высокими, почернѣвшими отъ времени зданіями: сквозь открытыя окна, которыя, въ каждомъ изъ пяти этажей, составляютъ сплошную галерею, выходитъ предъ вами наружу вся эта пестрая, тряпочная жизнь, и вы можете изучать еврейскій типъ во время его разнообразія. Среди грязи и хламу я встрѣчалъ чудныя женскія лица, которыя художникъ съ радостью выбралъ бы для изображенія Рахили или Сусаны. Но идите далѣе, и вы увидите великолѣпную синагогу, и громадный домъ Ротшильда и вслѣдъ за тѣмъ новую улицу Цейль, съ богатыми магазинами, Невскій проспектъ Франкфурта; еще далѣе—и предъ вами площадь Росмарктъ, въ концѣ которой гордо смотритъ величественная статуя Гёте. Такъ старину встрѣтите здѣсь рядомъ съ новою жизнью. Набережная Майна, названная «Прекраснымъ видомъ» (Schöne Aussicht), мало соотвѣтствуетъ этому названію: лучшимъ мѣстомъ при рѣкѣ служитъ отель Маннлустъ съ садомъ, въ которомъ липы и платаны, сросшись между собою, образовали непрерывную, зеленую кровлю, а подѣ нею, во мракѣ, чудесно свѣтятся по вечерамъ разноцвѣтные фона-

ри, и весь столик заняты многочисленной публикой, приходящей слушать концерты. Но по этому поэтическому уголку нельзя судить о промышленномъ городѣ. Майнъ, въ другихъ мѣстахъ красиво мелькающій среди виноградныхъ холмовъ, во Франкфуртѣ загороженъ плотинами: у самаго моста выкачиваютъ воду, отнимая дно у рѣки, и безъ того довольно узкой, чтобы въ послѣдствіи провести желѣзную дорогу черезъ городъ. Промышленная дѣятельность сильно овладѣла нынѣ всеми концами Германіи, и земледѣльческое населеніе всюду замѣтно уменьшается. Химиковъ, фабрикантовъ, машинистовъ развелось больше, чѣмъ нужно, и плата имъ очень незначительна; отъ того многіе мечтаютъ о Россіи, какъ о золотомъ краѣ, и почти вездѣ встрѣчалъ я людей, желающихъ отправиться къ намъ на промыслъ. Напротивъ, плата сельскимъ работникамъ, за недостаткомъ рукъ, страшно возрастаетъ: это особенно чувствительно въ южной Германіи, гдѣ нынѣшняя богатая жатва совершенно затрудняетъ сельскихъ хозяевъ. Довольно того, что въ Баваріи многіе принуждены были выписывать работниковъ изъ Тироля, и въ газетахъ безпрестанно читаете жалобы на военныя экзерциціи, отвлекающія народъ отъ плуга. Огромному числу профессіонистовъ (такъ называютъ вообще ремесленниковъ) сносшествуетъ реальное направленіе школъ; во Франкфуртѣ оно замѣтно не менѣе, чѣмъ въ Гамбургѣ: Образцовая и Гражданская школа (Musterschule und Bürgerschule), также, какъ и здѣшній Сиротскій домъ, устроены въ этомъ направленіи. При этомъ случаѣ не могу не напомнить о прекрасномъ обычаѣ, господствующемъ въ Германіи. Юноша до 14 лѣтъ, получая общее образованіе, только отчасти готовится къ своему ремеслу. После этого онъ можетъ поступить, по своему выбору, или въ гимназію для приготовленія къ университету, или въ высшую реальную школу. Но большая часть, посвящающихъ себя промыслу, уже 14 лѣтъ оставляютъ школу и опредѣляются на 3 года къ какому-нибудь мастеру въ обученіе. Наибольшая плата за эти 3 или 4 года 100 талеровъ. Однако и во время этого, чисто пракческаго обученія, юноша обязанъ посѣщать вечерніе классы въ высшемъ реальномъ училищѣ, и за это ничего не платитъ. Вотъ, въ семнадцать или восемнадцать лѣтъ онъ окончилъ свой ремесленный курсъ и сталъ самъ профессіонистомъ; но наука для него все еще не окончена. Онъ долженъ путешествовать по разнымъ городамъ, опредѣляясь къ разнымъ масте-

рамъ, чтобы узнать всюду производство своего ремесла. Приходя въ чужой городъ, онъ записываетъ свое имя въ известной гостинницѣ, чрезъ которую скоро подучаетъ мѣсто, или, если нуждается, денежное вспомошествованіе отъ общины въ видѣ займа, вычитаемаго въ послѣдствіи, когда онъ получитъ мѣсто. Многіе такимъ образомъ путешествуютъ всю жизнь, переходя отъ хозяина къ хозяину. Послѣ этого нечего удивляться, если иной разъ въ Германіи вы не отличите сапожника отъ литератора. Профессористамъ однако закрытъ доступъ въ Швейцарію. Франкфуртъ представляетъ и другія средства къ образованію народа. Здѣшній музей естественной исторіи открытъ бесплатно и безо всякихъ затрудненій каждому: въ назначенное время вы входите сюда, какъ на публичное гульбище. Я видѣлъ много простыхъ солдатъ, поселянъ и дѣтей съ ихъ педагогами, любознательно пересматривающихъ шкафы съ всевозможными животными, ископаемыми и т. д. Каждый предметъ понумерованъ, а при шкафѣ виситъ списокъ, гдѣ по номеру вы узнаете латынское и нѣмецкое названіе предмета, и мѣсто его происхожденія. Нечего и говорить, что все строго распределено по родамъ и видамъ, и подходя къ шкафу, вы прежде всего получаете понятіе о томъ, что вообще въ немъ содержится. Говоря о Франкфуртѣ, я долженъ вновь коснуться педагогики. Не политическими засѣданіями сейма, а собраніемъ учителей съ цѣлой Германіи ознаменованъ въ послѣднее время этотъ городъ. Учителя отлично пировали, провозглашали тосты въ честь гражданъ, которые приняли ихъ очень гостепріимно; съ женами и дѣтьми, при огромномъ стеченіи народа, катались въ разукрашенныхъ лодкахъ по Майну, распѣвая пѣсни, — словомъ, Германское братство науки выразилось здѣсь въ самомъ привлекательномъ видѣ. Но не одни завтраки и обѣды составляли предметъ ихъ занятій. Въ собраніяхъ здѣсь рѣшались два важнѣйшіе вопроса современной педагогики: о наградномъ образованіи и о женскомъ воспитаніи. Много здѣсь было сказано дѣльнаго, много прочитано проэктвъ и предложено улучшеній; но всего этого кратко не опишешь. Упомяну только о результатахъ. При элементарномъ и народномъ обученіи всѣ признали необходимость основать науку на практической дѣятельности, или, какъ здѣсь выражаются, приучить къ труду черезъ трудъ (*Erziehung zur Arbeit durch Arbeit*). При разсужденіи о женскомъ воспитаніи, взята во вниманіе, кромѣ моральной стороны, только двоякая цѣль жен-

щины, какъ супруги и какъ матери. Въ этомъ последнемъ случаѣ вопросъ рѣшенъ, какъ мнѣ кажется, односторонне: «супруга и мать» можно, пожалуй, перевести тремя словами: «шить, стряпать и пеленать дѣтей.» Странно также, когда говорится о женскомъ воспитаніи, подымать въ особенности вопросъ о нравственности, какъ-будто одна только женщина и должна быть нравственна, такъ и думается, что дѣвушку хотятъ запереть среди четырехъ стѣнъ, гдѣ она должна уложить въ вокабулы все свои пять чувствъ. Этого, однако, надо сказать правду, нѣтъ въ Германіи. Въ училищахъ Франкфурта, подобно тому, какъ въ Виртембергѣ и Баваріи, обращено особенное вниманіе на гимнастическія упражненія. Какъ содѣйствуетъ гимнастика не только тѣлесному развитію, но и возбужденію силъ духовныхъ, уже давно доказали знаменитыя швейцарскія учрежденія. Въ южной Германіи, кромѣ прекраснаго устройства классовъ этого рода, при каждомъ училищѣ есть и особенныя гимнастическія школы (Turnschule). Занятія и здѣсь приведены въ строгую систему, начиная отъ простаго бѣганья до разнообразнаго верченья и кувырканья на высокой перекладинѣ. Меня особенно занимала борьба дѣтей на двухъ длинныхъ, параллельныхъ шестахъ, положенныхъ горизонтально на особеннаго рода подставкахъ. Пара, скрестившись двумя руками, выступаетъ по этому трудному пути противъ другой пары. Руки, оставшіяся свободными, и служатъ для борьбы, которая состоитъ во взаимномъ толканьи. Надо видѣть, какія страшныя усилія дѣлаютъ маленькіе борцы, чтобы сохранить равновѣсіе: они кривляются самымъ забавнымъ образомъ, перетягивая другъ друга, и наконецъ побѣдители, пыхтя и стирая потъ, съ торжествомъ остаются одни на шестахъ. Тутъ напряжены все мускулы, и равномерно укрѣпляются все части тѣла. Я видѣлъ также народный праздникъ въ Мюнхенѣ по случаю раздачи наградъ въ гимнастической школѣ. Это было, дѣйствительно, необыкновенное явленіе. Не одни родители, братцы и сестрицы воспитанниковъ собрались сюда, но все классы народа. Мѣстомъ состязанія было большое поле, украшенное разноцвѣтными флагами. Музыка и громкія рукоплесканія привѣтствовали cadaго побѣдителя. Публика особенно тѣснымъ кружкомъ столпилась около взрослыхъ борцовъ, изъ которыхъ многіе показали нечуждое искусство. Соревнованію, конечно, не было предѣловъ при этомъ общественномъ участіи.

Я, къ сожалѣнію, долженъ былъ оставить Франкфуртъ, не видѣвъ публичныхъ засѣданій уголовного суда (Assisenverhandlungen). Дѣло шло о совершенномъ убійствѣ. Обвиненный не былъ еще уличенъ, и, какъ мнѣ говорили, оставался очень спокойнымъ во время перваго слѣдствія; но газета краснорѣчиво возвѣщала: «На столъ лежало напоенное кровью платье убитаго: его кровавая тѣнь возстанетъ сегодня изъ могилы, чтобы уличить убійцу и т. д.» Эта высокопарность судебного протокола сильно охладила мое любопытство. Притомъ я спѣшилъ въ Гейдельбергъ, чтобы, среди прекрасной ея природы, отдохнуть отъ путевыхъ трудовъ и впечатлѣній. Уже по дорогѣ, названной горнымъ путемъ (Bergstrasse), съ лѣвой стороны сопровождаютъ васъ хребты горъ, исполосанныхъ нивами. На высотахъ виднются города, деревеньки, замки—все мѣста, привлекающія то прелестью плодородныхъ, тѣнистыхъ долинъ, то цѣлительными водами, то созданіями искусства. Здѣсь вы можете скромно провести время, безъ тѣхъ мятежныхъ страстей, которыя волнуютъ модный свѣтъ на водахъ Гамбурга или Баденъ-Бадена, безъ слишкомъ чувствительнаго ущерба карману, въ мирномъ наслажденіи души и съ пользою для здоровья. Здѣсь не смутитъ васъ исторія объ извѣстномъ господинѣ, который, проигравъ все до послѣдняго крейцера, тутъ же въ собраніи вынулъ пистолеть и размозжилъ себя черепъ: по сказанію достовѣрныхъ очевидцевъ, осколки этого черепа даже упали на карточный столъ, но игроки съ примѣрнымъ равнодушіемъ, даже не моргнувъ глазомъ, только столкнули ихъ на полъ, чтобы безъ помѣхи продолжать игру. Въ Гейдельбергъ ждетъ васъ эта же мирная жизнь, полная безопасныхъ пѣсень, дружескихъ прогулокъ и визитъ ученыхъ бесѣдъ: если вы были въ этомъ миломъ городкѣ, то вѣрно и теперь вспомните о немъ съ наслажденіемъ. По моему обычаю, который предлагаю въ подражаніе и другимъ путешественникамъ, имѣющимъ намѣреніе долѣе прожить въ какомъ нибудь мѣстѣ, я оставилъ всѣ вещи въ бюро желѣзной дороги и отправился самъ отыскивать себѣ жилище: я не хотѣлъ быть въ зависимости отъ случая, который, въ видѣ лонъ-лакея или извозчика, ведетъ или везетъ васъ въ первую огромную, наименѣе удобную, гостиницу. Предо мною уходила въ зелень липъ, каштановъ, персиковыхъ и абрикосовыхъ деревъ, заманчивая, тѣнистая дорога: я по ней и отправился, понадеясь на наше «авось», съ которымъ вдругъ безъ труда достигнешъ цѣли, или

понадѣшь вмѣсто города въ деревню. Впрочемъ, я не боялся заблудиться, зная, что вездѣ найду и удобный прѣютъ, и проводника, экипажъ для возвращенія, а привѣтливое, доброе солнце еще обливало землю всею жарою полудня, и прогулка могла продолжаться до вечера. На пути съ правой стороны стали подниматься увитыя зеленью горы съ бѣляющими на высотѣ дачами. Вотъ господинъ въ помятой фуражкѣ и поношенномъ сюртукѣ внимательно осматриваетъ меня, въ сомнѣннн, предложить ли мнѣ, какъ чужеземцу, свои услуги. Бойкій мальчишка, подбѣгая ко мнѣ, говоритъ на угадъ: «Въ городъ дорога не сюда, а на лѣво. Не нужно ли проводить?» Какая досада! Я волею или неволею долженъ знать дорогу... Далѣе толпа проводниковъ съ оседланными ослами отдыхаетъ въ тѣни, поджидая путниковъ, и кричатъ мнѣ: «Всего 40 крейцеровъ на Молкенкуръ.» Вотъ, ужъ я знаю, куда иду, и нѣтъ надежды заблудиться. Но чрезъ несколько времени, поднявшись на крутизну, я очутился въ отрадномъ удивленнн лѣсовъ: огромные, густые орѣшники спасали меня отъ жгучаго зною. Кремнистый путь шелъ выше и выше. Наконецъ за опушкою лѣса я могъ измѣрить высоту горы. Чудный видъ раскрылся передо мною: далеко, далеко, въ глубинѣ долины, утопая среди садовъ, виднѣлась сѣрая, нестройная масса кровель, а за ними тучныя, хлѣбныя поля исчезали въ знойномъ туманѣ. Кругомъ сіяло цѣлое море зелени во всѣхъ отгѣнкахъ, во всѣхъ переливахъ свѣта. Между тѣмъ на дорогѣ показались путники. Худенькая дама въ лѣтней шляпкѣ съ черной, кружевною оборкою, сидѣла на ослѣ, раскинувъ огромнымъ шаромъ свою модную юбку по всему хребту и шеѣ животнаго. Осель лѣниво высывалъ голову изъ-подъ милой ноши, едва передвигая ноги: двое мужчинъ, весело смѣясь, возбуждали его криками съ боку, проводникъ усердно толкалъ палкою сзади, а дама сердито дергала за поводья. Они, какъ видно, спѣшили. Поровнявшись съ мной, проводникъ привѣтливо кивнулъ головою. На Молкенкуръ? спросилъ я.—Ja wohl, отвѣчалъ немецъ. Чрезъ полчаса пути, на поворотѣ, доска съ надписью: «Молкенкуръ» уже прямо указывала мнѣ дорогу. Я прибавилъ шагу и скоро увидѣлъ оченъ оживленную картину. На открытомъ мѣстѣ каменный двухэтажный домъ, опоясанный балкономъ; передъ нимъ пара воловъ, запряженныхъ въ телегу съ разною кладью; суетливый, рабочий народъ, погонщики ословъ, извозчики съ лошадьми въ бѣлыхъ и красныхъ наушникахъ, съ колясками, которыя были украше-

ны разноцвѣтными флагами, какъ и весь Гейдельбергъ, по случаю рожденія здороваго принца (слова газеты); наконецъ пестрая толпа гуляющихъ—все это пріятно поражаетъ ваши взоры среди лѣсной пустыни. На обширной площадкѣ за столиками сидѣлъ на одѣ, занятый кофеемъ, бѣстексомъ и особенно пивомъ: пивныя бутылки, опорожненныя одной партіей студентовъ, загромождали длинный столъ, какъ гальваническая батарея. Нѣкоторые любовались отраженіемъ видовъ въ темномъ, стеклянномъ шарѣ, прикрѣпленномъ на обрубокѣ дерева; другіе отыскивали въ подзорную трубу Швенцингенъ и отдаленныя села. Но что за видъ съ этой горы! Я былъ долго прикованъ къ мѣсту; наконецъ пошелъ въ гостиницу, съ радостью прочелъ надпись: «Здѣсь отдаются квартиры», и тотчасъ же занялъ комнату. По признанію самихъ Нѣмцевъ, въ цѣлой Германіи врядъ ли найдете милѣе и красивѣе мѣстность. Тутъ передъ вашими глазами Неккаръ до соединенія его съ Рейномъ, Гейдельбергъ съ его замкомъ и вся окрестныя горы. Площадка Молкенкура составляетъ крутой, обрывистый уступъ, высоко подымающійся надъ самимъ городомъ. Сзади амфитеатромъ обступили ее большія возвышенности, состоящія изъ песчаника, котораго обширныя ложки неподалеку отсюда. Наибольшая высота, Кенигстулъ, отсюда *добрыхъ* полчаса пути въ гору. Употребляемое здѣсь выраженіе: «добрый часъ, добрая миля» принимайте почти на ту же мѣру, по которой добрый грошъ (гутенгрошъ) равняется пяти нашимъ грошамъ. На Кенигстулъ, поросшемъ уже не каштанами, а елью, сосною и отчасти дубнякомъ, построена узкая высокая башня, съ которой видны Вогезы и все теченіе Рейна отъ Мангейма къ Стразбургу. Но хоть не столь громаденъ, за то несравненно прелестнѣе видъ съ Молкенкура. Влѣво видите вы безконечную даль желтвующихъ полей, по которымъ извивается Неккаръ. Рѣка блеститъ, блеститъ до самаго горизонта, ограниченнаго туманною полосой горъ и темносинимъ лѣсомъ. Порою тѣнь отъ облака ляжетъ на нивы, оставляя въ свѣту сіяющую деревеньку. Внизу, передъ вами, какъ дѣтская игрушка, весь Гейдельбергъ съ его сърыми, темнубурными кровлями, мрачными, кирпичными башнями и, покрытыми плюсенью, зданіями; суровый видъ стараго города среди роскошно-улыбающейся природы. Вправо великолѣпная развалина замка властвуетъ надъ городомъ, а далѣе синѣютъ горы, изъ глубины которыхъ выходитъ Неккаръ. Свѣтлой, желтозеленой каймой отдѣляетъ онъ Гейдельбергъ отъ противоположныхъ вы-

сотъ, которыя, отражаясь вмѣстѣ съ береговой линіею зданій въ рѣкѣ, оттъняють ее рѣзкой чертою. Знаменитый замокъ стоитъ на болѣе низкомъ отрогѣ горы, но еще довольно высоко надъ городомъ. Пышная зелень овладѣла его остатками, развѣсивъ повсюду вѣнцы свои и гирлянды; огромные плющи громоздятся по стѣнамъ; павиликой, виноградомъ, акаціями обросли камни; цвѣтущее деревцо смотритъ съ верхушки мрачной, полуразрушенной башни. Въ цѣлости остались почти одни подвалы, кухня и темница. Но васъ занимаетъ болѣе всего пресловутая бочка: войдите въ подвалъ, гдѣ лежитъ, выставивъ на показъ свое громадное дно, это чудовище; съ обоихъ боковъ по лѣсенкамъ вы взойдете вверхъ на подмостки, гдѣ вамъ довольно мѣста для небольшой прогулки и вы можете сказать: «Я ходилъ по гейдельбергской бочкѣ.» Но не забудьте посѣтить и замоковый садъ, гдѣ еще разъ подивитесь богатству здѣшной почвы. Чудный видъ на городъ и на замокъ съ тѣнистой его террасы, конечно, на долго васъ очаруетъ; но вѣрно не менѣе обрадуетъ васъ видъ находящейся тутъ же прекрасной кофейни, которая разомъ удовлетворитъ и возбужденному прогулкую аппетиту и—вашему страстному желанію видѣть живописныя развалины. Такъ все соединено здѣсь и для матеріальнаго удобства, и для духовнаго наслажденія.

Гейдельбергская почва плодородна необыкновенно. Персики, абрикосы, вишни, сливы, груши, яблоки, виноградъ и даже фиگی здѣсь самыя обыкновенныя растенія. Персики и абрикосы, впрочемъ, были при мнѣ довольно дороги, окло 1 коп. сереб. за штуку. Это происходитъ отъ того, что ихъ берегутъ для торговли и огромное количество отсылается въ Пруссію. Земля здѣсь, всюду превосходно обработанная, имѣетъ огромную цѣнность. Я слышалъ, что моргенъ (около десятины) стоитъ часто не менѣе 1000 гульденовъ (600 руб. сереб.).

В. ВОДОВОЗОВЪ.

НОВОСТИ НАУКЪ, ИСКУССТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕЖИТІЯ.

Электрическое заведеніе въ Парижѣ.—Некрологъ знаменитаго математика Коши и обзоръ его трудовъ.—Обиліе золота и серебра во Франціи.—Открытіе новаго растенія—индиго въ Сенегалѣ.—Послѣдній томъ астрономіи Біо.—Новый способъ выдѣлки стали изъ всякаго желѣза.—Опыты надъ электро-магнитною силою стараго желѣза.—Венгерская Академія Наукъ въ Пестѣ.—Новыя орудія.—Снарядъ для опредѣленія скорости поѣзда желѣзныхъ дорогъ.—Метеорологическій анализъ грозы и града г. Баумгартена.—Теорія радуги.—Давленіе атмосферы въ связи съ эпидемическими болѣзнями.—Сонъ и бодрствованіе.—Перуанскія муміи.—Механизмъ арсенала въ Вульвичѣ.—Земледѣіе во Франціи.—Наполеонъ I и прозектъ Фультона.—Англійскій морской альманахъ и почтовый руководитель.—Исторія Суэцкаго канала и объясненіе прозекта его.—Сельское хозяйство въ Римѣ.—Торговля Европы и Соединенныхъ Штатовъ съ Китаемъ.—Этнографическій очеркъ: Кабиллы.

— Наполеонъ III заботится о различныхъ примненіяхъ электричества; съ этою цѣлью онъ основалъ премію въ пятьдесятъ тысячъ франковъ и покровительствуетъ новому электрическому заведенію, устроенному въ послѣднее время въ Парижѣ, въ улицѣ Notre-Dame des Champs, извѣстнымъ механикомъ г. Фроманомъ. Это электрическое заведеніе, хотя недавно еще устроенное, составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ учено-практическомъ отношеніи, его снзшать видѣть всѣ путешественники, и императоръ французовъ часто его посѣщаетъ.

Электричество примнено здѣсь ко всѣмъ извѣстнымъ досель его приложеніямъ и къ новѣйшимъ открытіямъ. Оно сосредоточено такимъ образомъ, что токъ, выходя изъ батарей, учрежденныхъ въ нижнемъ этажѣ, можетъ быть направленъ по произволу въ одинъ изъ двухъ главныхъ проводниковъ, направленныхъ или къ залѣ электрическихъ двигателей, или къ кабинету дѣлительныхъ машинъ, гдѣ въ тишинѣ ночи, оно должно чертить микроскопическія черты, составляющія удивленіе цѣлаго міра. Первый токъ доходитъ до залы машинъ, въ родѣ клавишей, висячихъ на стѣнѣ, готовый ринуться повсюду, куда будетъ направлено его дѣйствіе; достаточно нажать ту или другую клавишу, повернуть тотъ или другой крючекъ, чтобы токъ проникъ въ соответствующую имъ совокупность нитей, которыя, вися отъ потолка, соединяются конечностями съ двумя полюсами входа

и выхода различныхъ аппаратовъ. Другіе клавиши и крючки служатъ для увеличенія или уменьшенія силы и пространства тока, посредствомъ дѣйствія на вещества, образующія токъ, ввода или помѣщая внѣ его обращенія, одно или нѣсколько препятствій и такимъ образомъ дѣлая всегда пропорціональнымъ причину съ результатомъ, отъ нея ожидаемымъ. Что поражаетъ посетителя съ перваго раза, такъ это часть, или отдѣленіе магнито-электрическихъ двигателей, съ которыми искусный учредитель идетъ постепенно отъ простыхъ явленій къ сложнымъ, отъ несовершеннаго къ болѣе совершенному, и такимъ-образомъ зритель видитъ примѣненіе магнито-электрическаго тока въ двадцати и до тридцати различныхъ формахъ, изученіе которыхъ наглядно и полно живаго интереса. Большая машина имѣетъ почти лошадиную силу, электро-магниты ея утверждены на продолговатыхъ цилиндрахъ; эта машина новаго устройства, въ ней болѣе ста отдѣльныхъ составныхъ частей, посредствомъ простаго механизма которыхъ можно ускорить, замедлить, обратить мгновенно назадъ движеніе тока, но произволу. Многіе изъ магнито-электрическихъ двигателей примѣнены къ полезному движенію; такъ здѣсь должно упомянуть объ обращеніи вентилятора токомъ, о движеніи помпъ и насосовъ электричествомъ; здѣсь вы видите молотокъ, поднимающійся и ударяющій безостановочно силою тока, тамъ электрической телеграфъ въ дѣйствіи, и все это движеніе наглядное происходитъ такъ, что не замѣтно таинственнаго двигателя тока, безъ всякаго изверженія газа, воздуха и дыма. Да, сила электро-магнитная въ этомъ отношеніи болѣе поразительна, чѣмъ сила паровъ и т. п. Переходя въ другую залу, зритель видитъ часы, электрическіе телеграфы въ разныхъ ихъ видахъ, съ указателемъ, кадромъ, клавишами, пишущій, печатающій, звонящій и проч. Послѣ всего того, что зритель видитъ дѣйствіе электро-магнитной силы въ движеніи, въ передачѣ воли, въ указаніи времени и т. п., его поражаетъ въ особенности то, что онъ слышитъ электричество въ звукахъ и музыкальныхъ созвучіяхъ. Это небольшой замедлитель (intermittent) электрической, который возвышается отъ болѣе низкаго тона до самаго возвышеннаго, и звучное остріе котораго даетъ по произволу отъ 6 до 10 тысячъ колебаній въ секунду. Въ другомъ аппаратѣ электричество, распределенное посредствомъ клавиши клавишкорда, можетъ исполнять, какъ любой артистъ, музыкальное произведеніе; соединяя токъ за разъ посредствомъ

двухъ клавишей, можно получить созвучіе, аккордъ и т. п. Вотъ слабое описаніе того, что представляетъ посѣтителю устройство этого замѣчательнаго заведенія, въ которомъ соединено все, что только наука и опытъ въ настоящее время знаютъ объ электричествѣ. Сюда же нужно присоединить новое устройство подводныхъ электрическихъ телеграфовъ, и множество другихъ примѣненій электричества. Невольно удивляешься громаднымъ успѣхамъ на этомъ поприщѣ примѣненія электричества! Вотъ еще одно извѣстіе: въ одномъ американскомъ журналѣ объявляютъ, что винтовой корабль въ 120 тоннъ, только что построенный, приводится въ движеніе электро-магнитною силою. Это было бы почти чудо, вотъ почему, а также и потому, что въ журналѣ не сказано гдѣ именно построенъ и спущенъ такой корабль, благоразумно будетъ подождать вѣрить этому слуху.

— Франція потеряла одного изъ знаменитыхъ своихъ ученыхъ, перваго математика, барона Лудовика-Августина Коши, члена Академіи Наукъ и всѣхъ ученыхъ обществъ Европы. Онъ скончался 11/23 мая сего года, отъ гриппа, болѣзни, которая сначала не возбуждала никакой опасности, но потомъ обратилась въ смертельную. 4-го мая Коши еще читалъ свой второй мемуаръ о примѣненіи въ астрономіи нѣкоторыхъ математическихъ вычисленій. Коши родился въ 1789 г., въ августъ мѣсяцъ, следовательно ему было 67 лѣтъ; онъ поступилъ въ политехническую школу въ 1805, на 16 году возраста, и вышелъ изъ числа первыхъ воспитанниковъ по отдѣленію строительнаго искусства. Въ 1811 году, онъ объяснилъ знаменитую теорему Эйсгера о многосторонникахъ, и одну изъ теоремъ болѣе трудныхъ, принадлежащихъ Ферма. Въ 1814 году, онъ получилъ большую геометрическую премію за теорію волнообразной жидкости, и съ тѣхъ-поръ обозначилось уже мѣсто его въ Академіи Наукъ. Онъ былъ сдѣланъ академикомъ въ слѣдующемъ году. Лапласъ, Лагранжъ, Біо и другіе привѣтствовали его успѣхи своимъ сочувствіемъ къ нему, въ особенности первый, который любилъ Коши, какъ сына. Съ 1815 по 1830 годъ, Коши исполнялъ по очереди обязанности то профессора механики въ политехнической школѣ, то адъюнктъ-профессора Біо въ курсѣ математической физики въ *collège de France*; онъ былъ также адъюнктомъ г. Поассона, по кафедрѣ аналитической механики. Онъ напечаталъ Теорію алгебраическаго анализа (*Traité d'analyse algébrique*). Курсъ дифференціального и интегральнаго вычисленія

(Leçons de calcul différentiel et intégral) съ тремя томами таблицъ, и математическія упражненія (Exercices mathématiques) въ пяти томахъ; не проходило недѣли, чтобы онъ не представилъ въ Академію какой-нибудь мемуаръ по части чистаго анализа, механики, математики, физики и проч. Въ 1830 году, онъ добровольно оставилъ службу и жилъ года два или три въ глубокомъ уединеніи; сначала онъ жилъ въ Фрибургъ, гдѣ по-видимому совершенно покинулъ свои любимыя занятія, и исключительно посвятилъ себя литературѣ, поэзіи и изящнымъ искусствамъ; послѣ того онъ жилъ въ Туринѣ, гдѣ, по желанію короля, читалъ лекціи физики и вслѣдъ за тѣмъ издалъ въ свѣтъ свои Exercices mathématiques. Около 1833 года, Карлъ X призывалъ его въ Прагу и поручилъ ему ученое образованіе герцога Бордоскаго, которое онъ удачно и выполнилъ. Разставшись съ своимъ высокимъ ученикомъ въ 1837 году, Коши возвратился во Францію, гдѣ онъ могъ снова занять свое академическое кресло; оно оставалось во время его отсутствія не занятымъ, вопреки уставу, и сохранялось для Коши по уваженію и удивленію, которое возбудилъ его обладатель. Но кафедры въ политехнической школѣ, въ университетѣ, въ Collège de France, которыя онъ столь достойно занималъ, не могли уже ему принадлежать. Араго, Поассонъ и другіе доставили ему мѣсто въ отдѣленіи вычисленія долготъ, но онъ отказался отъ него, не желая вступить на службу.

Коши снова принялся съ неутомимымъ трудомъ за обычныя свои занятія, безпрестанно сообщая Академіи свои мемуары, напечаталъ часть ихъ въ четырехъ томахъ, подъ заглавіемъ: Nouveaux exercices d'analyse et de physique mathématiques. Число всѣхъ его мемуаровъ отъ 1836 до 1857 года около пяти сотъ, не считая разборовъ и донесеній академіи по различнымъ ея порученіямъ. Въ 1853 году, Наполеонъ назначилъ его профессоромъ по кафедрѣ астрономіи въ университетѣ, по представленіямъ маршала Вальяна, Леверрье и Фуртула. Имя Коши соединено со всеми новѣйшими успѣхами математики, его метода вычисленія, его новая теорія симметрическихъ функцій, его вычисленіе *à priori* наименьшаго количества, его математическая теорія свѣта, и въ частности изслѣдованія количества свѣта, отражающагося на поверхности металловъ, и другія открытія, поставили его главою новѣйшей математической школы; далско опередивъ Лапласа, бывшаго своего профессора, Коши сдѣлался первымъ математикомъ,

Коши не имѣлъ сыновей, онъ оставилъ двухъ дочерей, одна изъ нихъ замужемъ за виконтомъ Эскалошэ, а другая за графомъ Сенъ-Поль, у него есть много племянниковъ, носящихъ его имя, изъ числа которыхъ нѣкоторые, какъ надвѣются, пойдутъ по его знаменитымъ стопамъ. Коши былъ человекъ исполненный религіознаго убѣжденія, сострадательный къ бѣднымъ, которымъ помогалъ онъ нерасчетливою, но щедрою рукой... Онъ погребенъ $1^{15}/_{23}$ мая въ своемъ имѣніи Sceaux.

— Слѣдственная монетная коммисія въ Парижѣ пашла, что приливъ во Франціи драгоцѣнныхъ металловъ, серебра и золота, превосходитъ болѣе чѣмъ на пятнадцать милліоновъ — вывозъ ихъ, и что никогда еще до сихъ поръ не было въ этой странѣ столько золота и серебра. Изобиліе ихъ чувствительно и замѣтно не только въ центрѣ Парижа, но и во всѣхъ департаментахъ; крестьянинъ продаетъ свой хлѣбъ и вино въ два и три раза дороже противъ прежнихъ лѣтъ; конитъ деньги или покупаетъ землю. Приливъ звонкой монеты особенно замѣтенъ на городскихъ рынкахъ.

— Въ американскихъ журналахъ извѣщаютъ, что найдены въ рудникахъ, близъ верхняго озера Канады, массы серебра въ самородкахъ, вѣсомъ 33 киллограмма.

— Г. Коррезъ, аптекаръ въ Сенъ-Луи, послѣ долгихъ экскурсій и многочисленныхъ опытовъ надъ индиговыми растеніями Сенегела, открылъ, что *indigofera tinctoria* этихъ мѣстъ, нынѣ совершенно оставленныхъ безъ разработки, даетъ индиго равнаго качества и количества съ Бенгальскими индиговыми растеніями. Растеніе это въ Сенегалѣ имѣетъ періодъ растительности отъ трехъ до пяти лѣтъ, воздѣлываніе и уходъ за нимъ весьма легки, оно даетъ три или четыре сбора индиго въ годъ. Открытіе это важно для Французовъ потому, что они платятъ дорого за индиго, привозимое имъ изъ иностранныхъ государствъ, а воздѣлывая его въ Сенегалѣ, они могли бы обойтись безъ иноземнаго ввоза индиго во Францію.

— Передъ выѣздомъ изъ Берлина, принцъ Наполеонъ вручилъ Гумбольдту, отъ имени императора Наполеона, высшіе знаки Почетнаго Легіона — *la décoration de grand-officier de la Légion d'honneur*. Этотъ новый знакъ уваженія къ знаменитому и почтенному ученому, огромные труды котораго извѣстны и оцѣнены по всей Европѣ, былъ принятъ въ Берлинѣ съ восторгомъ.

— На дняхъ вышелъ послѣдній томъ извѣстнаго сочиненія г. Біо — *Traité d'astronomie*; по отзывамъ ученыхъ журналовъ, въ

немъ замѣчательны теорія планетныхъ движеній, наблюденія Гилларха, законы Кеплера, законъ ньютоновскаго притяженія и проч.

— Въ журналы объявляютъ, что французскій священникъ аббатъ Поверъ, нашелъ средство прямого превращенія желѣза въ сталь и съ дозволенія правительства, повѣренный его, Мелзъ, дѣлалъ въ арсеналѣ Вульвича опыты въ присутствіи горныхъ офицеровъ и другихъ офиціально назначенныхъ лицъ. Опыты вполне удались. Изъ самаго простаго желѣза, выдѣланнаго въ обыкновенныхъ горнахъ, безъ всякаго очищенія его, одною простою химическою операціею и электричествомъ, получали сталь высокаго достоинства, изъ которой тутъ же, во время опыта, выдѣлывали различныя употребительныя вещи. Коммисары, назначенные для изслѣдованія опытовъ, подали адмиралтейству лестное о нихъ донесеніе и заключили, что открытіе аббата должно быть немедленно примѣнено. До сихъ поръ, для выдѣлки стали вышшаго качества, надо было привозить шведское желѣзо, стоявшее Англичанамъ 15 фунтовъ стерлинговъ (около 107 руб. серебр.) за 1000 киллограммовъ. Аббатъ Поверъ производитъ ту же самую сталь изъ обыкновеннаго англійскаго желѣза, хотя бы самаго низшаго качества, стоящаго 100 франковъ (около 28 р. серебр.) за 1000 киллограммовъ и даже изъ обломковъ стараго желѣза. Цѣна превращенія простаго желѣза въ высококачественную сталь не превышаетъ 6 франковъ 25 сантимовъ (меньше 2 р. сер.) на тонну, при томъ здѣсь та еще выгода, что нѣтъ никакой потери матеріала, потому что тонна дреннаго желѣза даетъ тонну же хорошей стали.

— Извѣстно, что мягкое желѣзо, подверженное въ продолженіи извѣстнаго времени давленію, потрясенію болѣе или менѣе сильному, дѣлается мало-по-малу слонистымъ и такимъ образомъ желѣзо теряетъ значительную часть своей плотности и дѣлается хрупкимъ; но было неизвѣстно, остается ли при этомъ оно способнымъ къ проведенію магнетическаго тока или теряетъ эту способность. По порученію г. Шрёттера, секретаря вѣнской академіи наукъ, инспекторъ телеграфовъ Австріи и Штиріи, г. Миллицеръ, дѣлалъ опыты, которые привели его къ результату, что желѣзо, при всемъ упомянутомъ измѣненіи своего качества, не перестаетъ быть такимъ же хорошимъ проводникомъ электричества, какъ и мягкое, свѣжее желѣзо.

— Австрійскій императоръ подтвердилъ существованіе въ Пес-

тъ Венгерской Академіи Наукъ. Академія эта состоитъ изъ президента, вице-президента, совѣта управленія изъ двадцати четырехъ членовъ, изъ сорока двухъ ординарныхъ членовъ, членовъ-корреспондентовъ и секретаря. Она объемлетъ всѣ знанія, кромѣ богословія и раздѣлена на 6 отдѣленій: филологіи и словесности, философіи, юриспруденціи, исторіи, математическихъ наукъ и наукъ естественныхъ.

— Бельгійскій оружейникъ, г. Монтины, изобрѣлъ и вылилъ съ успѣхомъ новую пушку, стрѣляющую чрезъ открытую *ouilasse* вертикально и бокомъ; онъ приписываетъ своему новому изобрѣтенію слѣдующія преимущества: одинъ человекъ можетъ, въ случаѣ нужды, ее зарядить и сдѣлать выстрѣлъ гораздо скорѣе, нежели изъ обыкновенной пушки; сила выстрѣла болѣе значительна и болѣе вѣренъ полетъ ядра; пороку идетъ въ половину меньше противъ обыкновенныхъ зарядовъ; воспламененіе быстрѣе, а чистка орудія становится необходимою не прежде, какъ послѣ ста выстрѣловъ.

— Вотъ еще изобрѣтеніе, однородное съ предъидущимъ: французскій инженеръ г. Фестюръ изобрѣлъ бомбу новаго устройства, имѣющую слѣдующія преимущества предъ существующими: она не имѣетъ вращенія, сила полета болѣе значительна, удаляясь о землю, она взрывается на высоту отъ 3 до 5 метровъ и угрожаетъ при взрывѣ на пространствѣ въ четыре раза болѣе обыкновенной бомбы.

— Для того, чтобъ определить скорость поезда по желѣзнымъ дорогамъ, движеніемъ самыхъ локомотивовъ или вагоновъ, г. Менашъ предложилъ управленію французскихъ желѣзныхъ дорогъ два способа приблизительнаго измѣренія скорости поезда: 1) на оси одного изъ колесъ, онъ беретъ въ основаніе измѣренія кругообращающееся движеніе, которое, дѣйствуя на родъ вентилятора, устроеннаго при оси, опредѣляетъ движеніе воздуха тѣмъ болѣе быстрѣе, чѣмъ быстрѣе скорость поезда. Движеніе воздуха въ вентиляторъ отмѣчается стрѣлкою на прикрѣпленномъ картонѣ, такъ что, если скорость поезда, а слѣдовательно и движеніе вентилятора одинакова, то стрѣлка будетъ находиться въ одинакомъ положеніи, если же скорость будетъ увеличиваться или уменьшаться, то стрѣлка, сообразно этому, измѣнитъ свое положеніе. Такимъ образомъ скорость поезда можетъ быть измѣрена самимъ механизмомъ его движенія. 2) На одной изъ вертикальныхъ сивць колеса, получающихъ движеніе

отъ обращенія колеса, можно устроить родъ маятника, который, отдѣляясь болѣе или менѣе отъ спицы, можетъ посредствомъ особеннаго механизма, измѣрять и указывать скорость поѣзда.

— Въ ряду ученыхъ извѣстій, весьма любопытно объясненіе грозы и града, президента Венской Академіи Наукъ, г. Баумгартнера, сообщенное имъ Академіи. Г. Баумгартнеръ относитъ всѣ эти явленія къ переменамъ электричества во время жара. Гроза въ существѣ, по его объясненіямъ, есть феноменъ охлажденія, который обнаруживается чрезъ избыточное стремленіе холодной воды и даже льда, чрезъ внезапное охлажденіе облака, въ средѣ котораго исходитъ электричество при холодномъ вѣтрѣ, отъ послѣдовательнаго и постояннаго пониженія температуры; градъ есть уже второстепенное явленіе, зависящее отъ степени наибольшаго прохладенія. Всякой грозѣ вообще предшествуютъ: 1) чрезвычайная влажность, сырость воздуха, и мѣстные обстоятельства, которыя производятъ или благопріятствуютъ развитію сырости — благопріятствуютъ и развитію грозъ; 2) потрясеніе нормальнаго состоянія температуры; часто до грозы температура атмосферы идетъ все возвышаясь болѣе и болѣе, слои болѣе возвышенные суть и болѣе жаркіе, въ сравненіи съ нижними; если, какъ обыкновенно, температура уменьшается съ низа къ верху, уменьшеніе или пониженіе температуры чрезвычайно быстро; 3) потрясеніе электричества въ воздухѣ, которое переходитъ внезапно отъ отрицательнаго къ положительному; 4) затишье, за которымъ слѣдуютъ порывистые вѣтры, вырывающіеся изъ электрическихъ облаковъ; и послѣ грозы направленіе вѣтра бываетъ почти всегда то же самое, какъ и догрозы. Отягченныя электричествомъ облака, легко узнаются; вообще они ниже другихъ и весьма округлены; они быстро другъ къ другу скопляются, часто перемѣняютъ видъ, внутри ихъ замѣтно движеніе, они растягиваются за тѣмъ отъ внутренности своей къ окружности, что указываетъ на то, что въ центрахъ ихъ происходитъ охлажденіе и соответственное тому измѣненіе электричества, которое проявляется въ скорости и энергическомъ паденіи дождя; молніи являются въ той части облака, которое даетъ большее количество дождя; за каждымъ ударомъ грома, вообще слѣдуетъ потокъ дождя; градъ извергается облакомъ въ тотъ моментъ, когда образуется молнія. Градъ есть простое слѣдствіе наибольшаго пониженія температуры. Извѣстно, что облака вышнихъ атмосферическихъ

Слоевъ состоятъ изъ лдяныхъ иглъ; что облака, ниже ихъ находящіяся, хотя при температурѣ и ниже нуля, заключаютъ воду въ жидкомъ состояніи. Эти факты достаточно объясняютъ различныя видоизмѣненія града; потрясеніе или пониженіе атмосферы, опущеніе внизъ облаковъ, составленныхъ изъ лдяныхъ иглъ, восхожденіе выше ихъ облаковъ, нахѣдившихся въ низу, могутъ произвести капли воды замерзшей, которыя примутъ объемъ болѣе и болѣе значительный, пробивая на пути паденія своего многіе слои густыхъ облаковъ и увлекая съ собою частицы замерзающей ихъ влажности. Г. Баумгартнеръ прибавляетъ въ заключеніе, что, не смотря на всѣ усилія физиковъ, градъ считается еще въ ряду необъяснимыхъ феноменовъ. Тѣмъ болѣе интересны становятся его объясненія.

— Аббатъ Рэллардъ представилъ на обсужденіе Парижской Академіи Наукъ въ іюнь мѣсяцъ сего года, первую часть замѣчательнаго труда своего, въ которомъ онъ изслѣдуетъ и разрѣшаетъ различныя метеорологическія задачи. Въ особенности замѣчательна его новая теорія радуги. Вотъ что говоритъ онъ самъ, по этому предмету: Главная цѣль моего мемуара (сообщеннаго Академіи) есть новое и полное объясненіе радуги; вычисленіями и положительными фактами я доказываю, что переходъ цвѣтной радуги въ безцвѣтную и за тѣмъ совершенное исчезновеніе ея зависитъ отъ уменьшенія діаметра капель воды. Г. Рэллардъ опровергаетъ мнѣніе Юнга на счетъ образованія радуги, и присоединяетъ къ своему мемуару таблицу, которая показываетъ различныя измѣненія радуги—соответственно различнымъ діаметрамъ капель отъ двухъ миллиметровъ до двухъ сотыхъ миллиметра, и соответственныя этому измѣненію цвѣта радуги. Такимъ образомъ всѣ явленія радуги, а именно измѣненія ея широты, ея лучей, цвѣта и отѣнковъ, переходъ цвѣтной въ бѣлую радугу и исчезновеніе ея въ туманъ и въ ясное время, у него обозначены наглядно помощью таблицъ, за которыми слѣдуетъ теоретическое изложеніе. Трудъ г. Рэлларда важенъ по своей точности и спеціальности, и онъ обратилъ на себя общее вниманіе ученыхъ.

— Давленіе атмосферы находится въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ эпидемическимъ болѣзнямъ; вотъ результаты наблюденій по этому предмету одного изъ ученыхъ медиковъ, представленныя Парижской Академіи. Извѣстно, что обращеніе крови и дыханіе замедляются подѣ вліяніемъ сжатаго воздуха и что во вре-

мя эпидемической холеры преобладаетъ чрезвычайное давленіе атмосферы съ ея послѣдствіями. Наблюденія во время эпидемій отъ 1848 до 1853 г., произведенныя съ цѣлію опредѣлить извѣстныя перемѣны въ кровообращеніи во время холеры, показали слѣдующее: 1) Во время эпидеміи, у многихъ, при совершенно удовлетворительномъ здоровьи, пульсъ замѣтно бѣлся слабѣе, такъ что число бѣній его нисходило до сорока пяти и даже сорока двухъ разъ въ минуту. 2) Это замедленіе пульса не сопровождалось однако въ большую часть времени ни какимъ признакомъ болезненнаго разстройства. 3) По мѣрѣ и пропорціонально замедленію кровообращенія, кровь становилась темнѣе и чернѣе; напротивъ, она оставалась въ нормальномъ положеніи во время эпидеміи у тѣхъ индивидуумовъ, у которыхъ бѣненіе пульса нисколько не замедлялось. 4) Случаи холеры постоянно были лишь у такихъ лицъ, которые предварительно были подвержены замедленію пульса. 5) Замедленіе пульса показывалось обыкновенно за нѣсколько недѣль до припадковъ холерическихъ, и такимъ образомъ оно основательно можетъ быть признаваемо за признакъ, послѣ котораго есть время взять всѣ предосторожности. 6) Лица, у которыхъ это замедленіе оказывалось, всегда избѣгали холеры, какъ скоро ускоряли ихъ кровообращеніе и доводили его до нормальной скорости чрезъ надлежащій способъ леченія или пользованія. 7) Замедленіе пульса, равно какъ и преобладаніе и жесткость эпидеміи въ ея *paroxysm*, вообще всегда было пропорціонально слабости кровообращенія и излишку давленія атмосферы. 8) Это замедленіе бѣненія пульса не оказывалось болѣе у здоровыхъ людей, когда эпидемія совершенно прекратилась. Въ Англіи дѣлали уже попытки наблюденія надъ лицами, подвергавшимися эпидеміи, но ограничивались до сихъ поръ лишь исключительнымъ изслѣдованіемъ органовъ пищеваженія — которые въ подобное время составляютъ весьма невѣрный признакъ. Настоящій признакъ вліянія холеры — состоитъ въ замедленіи пульса. Медики и лица, наблюдающія за общественнымъ здравіемъ, имѣя возможность ежедневно или въ краткіе промежутки убѣждаться въ состояніи пульса у различныхъ лицъ и ускоряя кровообращеніе у тѣхъ, въ которыхъ они замѣчаютъ замедленіе, могутъ предохранять цѣлыя населенія отъ опустошеній эпидеміи. Наконецъ, сходно съ многочисленными метеорологическими наблюденіями, сдѣланными во время холеры, несомнѣнно существованіе взаимнаго

Отношенія между эпидемією и давленіемъ воздуха. Академія разсматриваетъ теперь эти выводы, и если они окажутся вполнѣ вѣрными, то авторъ ихъ получитъ особенную значительную премию, установленную по этому случаю Бразаномъ.

— Въ *Moniteur des hôpitaux*, одинъ изъ медиковъ, Арманъ де-Флери, слѣдующимъ опредѣленіемъ различаетъ состояніе бодрствованія отъ сна. Если, говоритъ онъ, бодрствованіе есть дѣятельное сознаніе, то во время сна напротивъ всѣ способности души какъ бы связаны и удержаны. Во время сна, мозговую систему можно сравнить съ такими клавирами, на которыхъ перестала играть опытная рука, но клавиши которыхъ могутъ звучать при малѣйшемъ вѣтрѣ, случайно на нихъ дунувшемъ. Отсюда-то эти странныя сочетанія, безъ всякаго отношенія къ времени и мѣсту, которыя мы видимъ въ фантастическихъ сновидѣніяхъ. Во время сна, всѣ способности душевныя какъ бы теряютъ свою отдѣльную стойкость, потому что силы жизни, которыя во время бодрствованія распределены на различныхъ пунктахъ, которые онъ защищаютъ, и держащіяся на границѣ чувства, подобно наблюдательнымъ отрядамъ, отдѣленнымъ отъ центра арміи, какъ-бы уходятъ свободно въ лагерь. Душа можетъ тогда, при первомъ возбужденіи ея воспоминаніемъ, сосредоточиться болѣе на одномъ какомъ-нибудь предметѣ, и отсюда-то объясненіе странности, фантастичности сновидѣній.

— Вотъ замѣчательное мнѣніе о перуанскихъ муміяхъ г. Риверо. Сохраненіе мумій, говоритъ онъ въ своемъ ученomъ мемуарѣ, не есть слѣдствіе искусства или приготовленія труновъ, оно должно быть отнесено единственно вліянію климата и песка — весьма сухихъ и жаркихъ; встрѣчаются впрочемъ и искусственныя муміи, такъ потомки великаго рода Инковъ, названныхъ сыновьями солнца, были всегда бальзамируемы; для бальзамированія употребляли свѣдущихъ людей, называвшихся *Samatas*; бальзамированіе происходило съ торжественными обрядами, сопровождавшимися, къ сожалѣнію, приношеніемъ въ жертву людей; вообще въ Перу соблюдалась та же жестокость, какъ и въ Мексикѣ. Возлѣ мумій, г. Риверо почти вездѣ находилъ сосуды, они опускались вмѣстѣ съ труномъ въ гробницу и наполнялись винами и припасами; такова была идея Перуанцевъ, что умершій, на пути своего загробнаго странствованія, имѣетъ въ томъ нужду. У многихъ мумій во рту золотыя, серебряныя и мѣдныя монеты. По-

видимому, говорить тотъ же путешественникъ, бальзамированіе производили безъ травъ, душистыхъ веществъ и смолы; *Samatas* дѣлалъ бальзамированіе, подвергая трупъ въ теченіе многихъ дней дѣйствию солнца и росы. Нѣсколько интересныхъ страницъ посвятилъ г. Риверо описанію нынѣ существующихъ обычаевъ у Перуанцевъ, во время погребенія. Въ домъ умершаго, говоритъ онъ, происходитъ радостная церемонія въ день и годовщину погребенія; веселье доходитъ до крайности, когда умерло дитя или юноша, подъ вліяніемъ мысли, что невинное созданіе будетъ за гробомъ геніемъ-покровителемъ своихъ родныхъ. Г. Риверо, въ настоящее время, находится въ Перу и французская академія, благодаря его за сообщеніе свѣдѣній о перуанскихъ муміяхъ, просила его продолжать этотъ родъ изслѣдованій.

— Туринская академія назначила премію въ 6,000 франковъ, за лучшее сочиненіе о теченіи рѣкъ и ихъ навигаціи, приглашая ученыхъ всѣхъ странъ къ конкурсу на эту премію, съ условіемъ, чтобы сочиненіе было написано на итальянскомъ или на французскомъ языкѣ.

— Королевскій арсеналь въ Вульвичъ принялъ въ послѣдніе годы войны огромные размѣры. До начала войны работы въ арсеналь производились исключительно рабочими безъ машинъ; теперь же, какъ видно изъ отчета Джона-Андерсона, инспектора машинъ королевскаго арсенала, въ Вульвичъ работы производятся 68 паровыми машинами, въ 1,170 лошадей, и 2,773 машинами различнаго рода. Цифры эти даютъ идею объ огромныхъ усиліяхъ, которыя были употреблены англійскимъ правительствомъ во время военныхъ приготовленій.

— Состояніе земледѣлія во Франціи далеко не въ цвѣтущемъ положеніи, сколько можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ данныхъ: въ Англійи одинъ гектаръ даетъ 25 сантиметровъ хлѣба, во Франціи же среднимъ числомъ на гектаръ приходится отъ 12 до 14 сантиметровъ. Англійа, кромѣ того, питаетъ въ пять разъ болѣе животныхъ, чѣмъ Франціа, въ пропорціональныхъ размѣрахъ. Сборъ хлѣба въ Бельгійи и Германіи почти вдвое противъ Франціи. Ломбардіа и Піемонтъ питаютъ 176 жителей однимъ квадратнымъ километромъ; Франціа не можетъ питать болѣе, какъ 76 на то же пространство. Во Франціи недостатокъ земледѣльческихъ рабочихъ рукъ все болѣе и болѣе становится значительнымъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ, на сто человекъ записныхъ приходилось шестьдесятъ, принадлежащихъ земледѣльческому классу,

теперь же не болѣе сорока пяти или пятидесяти. Населеніе Франціи въ послѣдніе двадцать лѣтъ увеличилось немного болѣе, чѣмъ $6\frac{1}{2}$ на 100, а при маломъ увеличеніи населенія недостатокъ земледѣльческихъ рукъ еще болѣе становится чувствительнымъ.

— Часто упрекали Наполеона I-го въ томъ, что онъ весьма холодно принялъ Фультона и его проектъ примѣненія паровъ къ мореплаванію; слѣдующее письмо, изъ Булонскаго лагеря, отъ 21 іюля 1804 года, адресованное на имя г. Шампони, министра внутреннихъ дѣлъ, и нынѣ напечатанное въ одномъ изъ иностранныхъ журналовъ, доказываетъ противное. «Я только что прочелъ, пишетъ Наполеонъ, проектъ гражданина инженера Фультона; желаю, чтобъ вы подвергли его немедленно разсмотрѣнію комисіи изъ членовъ, избранныхъ вами изъ различныхъ отдѣленій института, они только въ состояніи разрѣшать вопросы подобнаго рода. Великая истина, истина физическая теперь предъ моими глазами, этимъ господамъ предстоитъ эту блуждающую предъ моимъ взоромъ тѣнь изобрѣтенія разъяснить и усвоить. Какъ скоро комисія составитъ по этому предмету донесеніе и сообщитъ вамъ, вы отошлете его ко мнѣ. Постарайтесь; чтобъ все это было дѣломъ не болѣе восьми дней, *потому что я нетерпѣливъ въ этомъ случаѣ.*» И послѣ этого маршалъ Мармонъ дерзнулъ въ своихъ запискахъ сказать, что Бонапарте, обязанный своему образованію, исключительно артиллерійскому, антипатією къ новѣйшимъ изобрѣтеніямъ, считалъ Фультона шарлатаномъ и не хотѣлъ его выслушать. Другой писатель, Луи Фигье, говоритъ, что Бонапарте отказалъ Фультону въ сообщеніи его проекта на разсмотрѣніе академіи, и что потому академія нисколько не ответственна въ отказѣ на представленіе этого изобрѣтателя. Необходимо, чтобъ этотъ пунктъ исторіи былъ вполне разъясненъ. Достоверно, что академія наукъ отказала въ своемъ одобреніи проекту маркиза Жофруа, настоящаго изобрѣтателя пароваго судоходства, и не такимъ ли образомъ они поступили и съ Фультономъ?..

— Англійское правительство издало въ печати, по весьма умеренной цѣнѣ, двѣ замѣчательныя книги: Морской альманахъ, *Nautical almanach*, и Почтовой дорожникъ, *Postal-guide*, каждый цѣною въ нѣсколько пенсовъ. Оба эти изданія весьма тщательно составлены. Морской альманахъ есть астрономическій руководитель для мореплавателей; а почтовая книжка есть полный географическій учебникъ. Вѣрность исчисленій и наблюденій, помѣ-

щепныхъ въ таблицахъ альманаха, утверждена англійскимъ адмиралтействомъ.

— Въ числѣ гигантскихъ предпріятій настоящаго времени, устройство Суэцкаго канала обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Предъ нами отчетъ г. Дюпэна, изъ котораго мы заимствуемъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія объ исторіи этого канала и настоящемъ положеніи проекта. Известно, что Фараонъ Нехао, сынъ Псамметиха, первый приказалъ прорыть Суэцкій перешеекъ, но ограничиваясь при этомъ лишь соединеніемъ Краснаго моря съ Ниломъ. Работы, начатыя въ его царствованіе и остановленныя суевѣрными предразсудками, стоили жизни 120,000 рабочихъ. Дарій, сынъ завоевателя, не хотѣлъ ихъ продолжать, убѣжденный тогдашними учеными, что уровень Краснаго моря гораздо выше Средиземнаго; онъ предоставилъ такимъ образомъ Птоломеямъ славу окончательнаго открытія этого морскаго пути, который императоръ Адріанъ распространилъ и улучшилъ, но который дикіе мусульмане сначала завалили, а потомъ и совершенно уничтожили. Первая идея прямого сообщенія между двумя морями чрезъ прорытіе канала, соединяющаго Суэць съ Пелузой, была предложена Омару, известному сожигателю Александрійской бібліотеки, его намѣстникомъ Омру, но Омаръ отвергнулъ это предложеніе.

Первымъ дѣломъ Бонапарте, послѣ завоеванія Египта, было изслѣдовать слѣды канала Птолемеевъ; онъ приказалъ одному изъ инженеровъ, состоявшихъ при его свѣтѣ, сдѣлать пробную работу въ земляхъ, лежащихъ между Ниломъ и Краснымъ моремъ, и представить ему проектъ новаго канала между двумя морями. Этотъ инженеръ Лэнэръ, имѣвъ въ своемъ распоряженіи недостаточныя средства, видѣлъ, къ сожалѣнію, дѣло это неудобовосполнимымъ, приписывая неосновательно Красному морю большую возвышенность въ сравненіи съ Средиземнымъ, и проектъ Наполеона такимъ образомъ, при самомъ началѣ, былъ остановленъ этимъ заблужденіемъ.

Пятьдесятъ лѣтъ послѣ Наполеона, Мегметъ-Али приказалъ рыть каналъ Махмуда, который долженъ былъ возстановить между Александріею и Каиромъ водяную коммуникацію, прерванную вѣками. Почти въ тоже самое время Англія, завоевавшая сто милліоновъ подданныхъ въ пространствахъ Ганга и Индуса, сознавала необходимость сблизить свои огромныя колоніи съ метрополиею черезъ путь сообщенія, менѣе извилистый, болѣе

скорый и менѣе опасный, чѣмъ путь океана, заставлявшій огибать мысъ Доброй-Надежды. Двѣ линіи пароходства соединили съ одной стороны Лондонъ и Александрію, съ другой Суэцъ съ Бомбеємъ, Калькуттой, Сингапуромъ и Кптасмъ; верблюды, эти корабли пустыни, перевозили деіеши, путешественниковъ и сокровища отъ одного моря къ другому. Новый путь, при всемъ томъ, былъ малымъ подобіемъ древняго. Однако желѣзная дорога готовится уже соединить Александрію съ Капромъ и скоро локомотивъ будетъ доходить до Краснаго моря. Сто дней плаванія тогда замѣнятся двадцатью пятью днями безопаснаго пути. Но за сокращенный вчетверо путь придется платить почти вдвое, такъ что торговля предпочтетъ прежній длинный путь по океану, отъ котораго откажется лишь тогда, когда будетъ открытъ Суэцкой каналъ. Съ 1841 года мы видимъ г. Ливана, инженера находящагося въ службѣ вице-короля Египта, предпринявшаго сначала съ одною компанією, а въ слѣдъ за тѣмъ съ другою, проектъ канала между Нелузой и Суэцомъ. Первымъ шагомъ въ этомъ предпріятіи было приступить къ нивелированію, для того, чтобъ утвердить положительнымъ образомъ относительный уровень двухъ морей. Дѣло это было поручено г. Бурдалу, опытному, надежному и извѣстному инженеру, который открылъ, что средній уровень Краснаго моря превышаетъ средній уровень Средиземнаго моря едва лишь на 68 сантиметровъ, такъ что невозможно, чтобъ установился между двумя морями потокъ постоянной силы, непроходимый или такой, преодолѣніе котораго стоило бы большихъ и дорогихъ усилій. Мѣстность оказалась вездѣ ровною вообще, но для того, чтобъ положить основаніе гигантскому предпріятію, надо было ждать общаго соучастія въ этомъ дѣлѣ разныхъ государствъ. Въ этомъ ожиданіи прошло четырнадцать лѣтъ, пока наконецъ г. Лессейсъ представилъ свой проэктъ вице-королю Египта, предлагая поручить исполненіе его комисіи опытныхъ инженеровъ разныхъ странъ, а именно: изъ Египта гг. Ливанъ и Мугель, изъ Голландіи г. Конрадъ, начальникъ инженеровъ по гидравлическимъ работамъ, изъ Сардиніи г. Палеокаппа, министръ публичныхъ работъ, изъ Австріи г. Негрелли, главный инспекторъ желѣзныхъ дорогъ, изъ Испаніи г. Сегундо управляющій публичными работами, изъ Англій инженеры Рэндель, Макъ-Линъ и Манби, и изъ Франціи главный инспекторъ строительной части Рено, инженеръ-гидрографъ Лесу, капитанъ корабля Жоресъ и контръ-адмиралъ Риго де-Генульи;

лица эти приняли участие въ этомъ предпріятіи. Составленная изъ нихъ коммисія, подвергнула строгому обсужденію три проэкта этого предпріятія, а именно: проэктъ г. Талабо, полагавашаго открыть двойной каналъ отъ Суэца до Каира и отсюда до Александріи; проэктъ г. Барро, предлагавшаго также два канала, соединяющіеся озеромъ Мензалэ, и наконецъ проэктъ бея Линана, предложившаго одинъ каналъ отъ одного моря къ другому; принять окончательно этотъ послѣдній проэктъ. Начинаясь отъ Суэца, каналъ идетъ сначала отъ юга къ сѣверу на пространство около 28 километровъ, затѣмъ онъ описываетъ большой кругъ для того, чтобъ проникнуть въ обширное пространство лоцинъ, нѣкогда наполненныхъ Краснымъ моремъ, пересѣкая горнія озера этой мѣстности во всю ихъ длину; одно изъ этихъ озеръ, по названію Тимзахъ, въ разстояніи около 80 километровъ отъ Суэца, сдѣлается внутреннимъ портомъ новой канализаціи; за этимъ озеромъ, каналъ направляется прямою линіею къ сѣверу, слегка уклоняясь на востокъ, и оканчивается у озера Мензалэ, въ сообщеніи съ Средиземнымъ моремъ. На всемъ этомъ пространствѣ, першееекъ представляетъ видъ самый благоприятный предпріятію, длинной равнины съ небольшимъ числомъ мѣстъ, гдѣ земля возвышается болѣе двухъ метровъ сверхъ уровня Средиземнаго моря; на одномъ лишь только пунктѣ но и то на маломъ разстояніи, есть возвышенность 15 метровъ; такимъ образомъ работы не встрѣтятъ значительныхъ препятствій. Вырытыя для пробы въ девятнадцати различныхъ мѣстахъ глубины показали, что свойство почвы не представляетъ никакихъ особенныхъ затрудненій для прорытія канала; почти вездѣ почва состоитъ изъ глины и каменистаго песка. Можно было бы опасаться, что массы песка, наносимыя порывами вѣтра засыпятъ каналъ, или безъ конца будутъ мѣшать работамъ его углубленія; но съ одной стороны каналъ Фараоновъ, возвышенія котораго еще видны послѣ столькихъ вѣковъ, съ другой стороны маленькія озера, именуемыя горькими озерами, и озеро Тимзахъ, суть торжественныя доказательства безсилія въ прошедшемъ, безсилія слѣдовательно и въ будущемъ времени, наносныхъ массъ песка на глубину канала. Песокъ при томъ твердъ на всемъ пространствѣ отъ Пелузы до Суэца, можно, слѣдовательно, насадить по обѣ стороны канала деревья, которыя будутъ защитою и отъ лучей солнечныхъ и отъ песка. Когда приближаешься Краснымъ моремъ къ Суэцу, то входишь въ большую гавань, полу-

окружной формы 12 километровъ длины и 8 ширины; гавань эта можетъ вмѣстить 500 кораблей; здѣсь будетъ оканчиваться каналъ. Со стороны Средиземнаго моря, каналъ, пересѣкая во всю длину отъ юга къ сѣверу озеро Мензала, окончится въ 20 километрахъ отъ древней Пелузы, гдѣ будетъ устроена искусственная гавань и портъ, который получитъ названіе *Санда*, по имени вице-короля Египта, просвѣщеннаго властителя, подъ покровительствомъ котораго должно исполниться это огромное предпріятіе.

Въ сущности, прорытіе канала между Средиземнымъ и Краснымъ морями на протяженіи 147 километровъ, канала, по которому могутъ плыть даже корабли въ три тысячи тоннъ, не составляетъ предпріятія удивительнаго или небывалаго, на этотъ вопросъ смотрятъ теперь, какъ на дѣло времени и денегъ. Издержки предпріятія по вычисленіямъ инженеровъ египетскаго вице-короля составляютъ 162 милліона, включая въ это число 14¹/₂ милліоновъ на непредвидимые расходы.

— Г. Вернульэ, въ изданномъ имъ сочиненіи о положеніи земледѣлія въ Римскихъ владѣніяхъ (*De l'état actuel de l'agriculture dans les Etats romains*) сообщилъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметъ, тѣмъ болѣе имѣющія общій интересъ, что большая часть путешественниковъ, какъ замѣчаетъ самъ авторъ, распространяли самыя неточныя понятія о сельскомъ хозяйствѣ Италіи. Если бы, говоритъ онъ, путешественники углубились въ долины Аппенинскія, они бы увидѣли тамъ хозяйство земледѣльческое, столь же развитое и усовершенствованное, какъ и въ Піемонтъ и Ломбардіи; что же касается до образцовъ малаго хозяйства (*petite culture*), то нигдѣ не достигло оно такого совершенства, какъ въ этой части Италіи. Поля, говоритъ г. Вернульэ, весьма малы, но правильно размежеваны, ни одного дюйма земли не потеряно, вездѣ много каналовъ, освѣжающихъ и осушающихъ почву, повсюду три ряда жатвъ, деревья, растенія, виноградныя лозы. Долины Терни и Сакко представляютъ такое же зрѣлище дѣятельности и промышленности и стоятъ на ряду съ извѣстными мѣстами Ломбардіи. Даже въ Понтійскихъ болотахъ, гдѣ худой воздухъ и недостатокъ сухости должны бы, кажется, препятствовать большимъ земледѣльческимъ работамъ, вся часть мѣстности между Терачиной и Корой, у подошвы горъ Лепинскихъ, есть рядъ полей, гдѣ различіе жатвъ соединяется съ роскошнѣйшею растительностью. Хлѣбъ, овесъ, коно-

пня, различные овощи, бобы, горошекъ здѣсь растутъ отлично рядомъ другъ съ другомъ, можно подуматъ, что здѣсь настоящій садъ-огородъ. Мало-по-малу эта болотистая мѣстность высыхаетъ, число воздѣланныхъ мѣстъ увеличивается и сюда, изъ отдаленныхъ деревень, приходятъ жители на цѣлый день для полевыхъ работъ. Вообще въ римскихъ владѣннхъ земледѣльческихъ продуктахъ много, цѣна ихъ чрезвычайно низка, голодъ неизвѣстенъ, самое лучшее доказательство цвѣтущаго состоянн земледѣлн.

— Въ одномъ изъ официальныхъ журналовъ, *Annales du commerce exterieur*, заключаются новѣйшн свѣдѣнн о торговыхъ сношеннхъ Китая съ иноземными державами. Эти свѣдѣнн, въ настоящее время, имѣютъ особенный интересъ: они даютъ понятн о важности внѣшней торговли Небесной Имперн и объ относительномъ участн, которое принимаютъ въ ней различные государства Европы и Соединенные Штаты Америки. Статистическн даннн по этому предмету относятся къ 1855 году. Въ продолженн этого года, торговля Китая съ иностранными государствами возвысилась до 670 миллноновъ франковъ, изъ коихъ на 286 миллноновъ ввоза и на 376 миллноновъ вывоза. Англнйская торговля, въ этой общей суммѣ торговой цѣнности, одна поглощаетъ 536 миллноновъ франковъ, включая сюда и ввозъ опиума, на 191 миллнонъ; американская торговля на 100 миллноновъ, а торговля всѣхъ другихъ государствъ на 34 миллнона. Изъ этихъ даннхъ видно, до какой степени торговнн сношенн съ Китаемъ важны для Англн и Америки при нынѣшнхъ отношеннхъ къ нимъ этой страны.

Главнѣйшн предметы ввоза въ Китай суть опнумъ, инднйскнй хлопокъ, ткани, рисъ и металлы. Въ статьяхъ вывоза, чаю въ 1855 г. вывезено на сумму 21 миллнонъ франковъ, а шелковъ и шелковыхъ матернй на 135 миллноновъ. Въ портахъ Китая, въ этомъ году, было 4,000 кораблей, изъ нихъ большая часть въ гавани Гонгъ-Конгъ (англнйская колонн), за тѣмъ въ Кантонъ и Шангаъ.

Замѣчательно, что съ каждымъ годомъ число европейскихъ торговыхъ кораблей увеличивалось въ китайскихъ гаваняхъ, и что кромѣ трехъ дозволенныхъ имъ гаваней, о которыхъ мы упомянули, они имѣли случай побывать и въ другихъ портахъ, буксируя отъ одной гавани къ другой цѣлый рядъ китайскихъ джонокъ, козюева которыхъ предпочитали этотъ способъ кабо-

тажнаго судоходства, какъ скорѣйшій и безопаснѣйшій. Такимъ образомъ мало-по-малу европейскіе корабли имѣли случай, по просьбѣ самихъ Китайцевъ, входить въ запрещенныя по трактатамъ гавани; по этому, при заключеніи новыхъ трактатовъ, вѣроятно на основаніи этого факта, число дозволенныхъ для иноземныхъ кораблей гаваней будетъ увеличено.

Въ послѣдніе годы въ Китаѣ замѣтна эмиграція, и она-то даетъ случай иностраннымъ кораблямъ сближаться съ туземными жителями. Между эмиграціями Китайцевъ различны два рода переселеній—одни эмигранты нанимаются на работу въ плантаціи Южной Америки и въ европейскія колоніи, другіе ѣдутъ съ собственными средствами, направляясь преимущественно въ Калифорнію и Австралію. Въ 1855 году было 24,000 Китайцевъ эмигрантовъ на иностранныхъ корабляхъ; они отравились изъ Гонгъ-Конга на 129 судахъ, и изъ числа 14,000 челов., 10,000 въ Австралію. Англійскіе и американскіе корабли преимущественно занимаютъ такую перевозкой переселенцевъ. Французы мало принимаютъ въ этомъ участія, хотя и на ихъ колоніяхъ, въ Антильскихъ островахъ и Гвіанѣ, есть нѣкоторое число работниковъ Китайцевъ.

Англійская колонія въ Гонгъ-Конгъ быстро развивается. Она основана въ 1842 г., при заключеніи Нанкинокаго трактата. Въ 1846 году, колонія эта стоила Англии болѣе 10 милліоновъ франковъ; въ 1855 году она, напротивъ того, дала ей чистаго дохода, за уплатою всѣхъ расходовъ, 200,000 франковъ. Населеніе ея въ 1855 г. состояло изъ 72,000 душъ, противъ 1845 г. болѣе на 16,000. И эту-то, нынѣ столь значительную колонію, Англичане въ 1842 году называли не болѣе, какъ *peu-à-peu*, необходимое имъ для пристанища въ Китаѣ.

Кабиллы. *Этнографическій очеркъ.* Подъ именемъ Кабилліи, разумють обширное средоточіе горъ между Деллисомъ и Бужи на сѣверъ, Стилъфъ и Омаль на югъ, не потому, чтобы племя кабилловъ встрѣчалось только въ этомъ мѣстѣ, но потому, что нигдѣ оно въ такой степени не сосредоточено, какъ въ этой Кабилліи Юрьюрайской. Чтобы найти подобное же населеніе, надлежало бы перейти за границу Марокка; вообще рѣдко можно встрѣтить горцевъ болѣе отважныхъ и горъ менѣ доступныхъ всякому иноземному нападенію, какъ въ Кабилліи. Генераль Домъ, авторитетъ котораго въ дѣлѣ подобнаго рода весьма извѣстенъ, сообщаетъ

*

свѣдѣнія объ этой странѣ. Онъ задаетъ сначала себѣ вопросъ. что такое Кабиллія, эта обширная страна, гдѣ Римляне не могли утвердить свое владычество; какими населена племенами, которымъ съ большимъ трудомъ Турки наложили легкія подати; племенами, которыя посреди страны, повинующейся Франціи отъ границъ Марокка до Туниса, остаются ей неподвластными; что представляетъ наконецъ эта обширная мѣстность въ отношеніи топографіи, жителей, нравовъ и общественнаго устройства. Впрочемъ, названіе Кабилліи дано Французами этой мѣстности; мусульмане же не знаютъ ее, у нихъ вообще племенные названія, они знаютъ Кабилловъ, но у нихъ нѣтъ названія Кабилліи.

Въ топографическомъ отношеніи, Алжиръ можно раздѣлить на двѣ части, весьма отличныя другъ отъ друга; горы съ одной стороны, равнины и долины съ другой. Что касается до обитателей, они заняты—равнины и долины Арабами, горы же Кабиллами, которые хранятъ въ нихъ свою независимость; съ одной стороны народъ завоетатель, съ другой племя завоеванное.

Но откуда происходитъ слово Kbaïl, изъ котораго произвели—Кабилла? По мнѣнію однихъ, оно происходитъ отъ *kbel*, что значитъ принимать, потому что Кабиллы приняли Коранъ; другіе производятъ его отъ *kbel*, что значитъ прежде, потому что они прежде приняли его, нежели Арабы; по этимологіи же болѣе правильной, равно какъ и по мнѣнію генерала Дома, оно происходитъ отъ *kbila* (племя), во множественномъ числѣ *kbaïl*.

Кабиллы суть коренные жители страны, остатки Берберовъ, которые до прибытія Арабовъ населяли всю сѣверную Африку, имѣли города, селенія и составляли могущественныя королевства. Загнанные въ горы, они составляютъ теперь не могущественный народъ, а только племя.

Юрьюрайская Кабиллія, какъ ее называютъ Французы, *La Kabylie du Jurjuga*, занимаетъ пространство около 8,000 квадратныхъ километровъ, и заключаетъ въ нихъ населеніе отъ 360 до 380,000 жителей, т. е. около 16 на квадратный километръ; но эта обширная совокупность утесистыхъ горъ, покрытыхъ во многихъ мѣстахъ вѣчными снѣгами, населена только въ долинахъ и ущельяхъ горъ. Впрочемъ и здѣсь земля вообще не представляетъ пищи чловѣку, такъ что Кабиллы занимаютъ едва лишь половину поверхности своей страны. Землю Кабилловъ называютъ Алжирскою Швейцарією. Подобно европейской Швейцаріи, это дѣйствительно совокупность племенъ, независимыхъ

другъ отъ друга , которыхъ соединяетъ лишь общій интересъ защиты. Но въ Гельвеціи , федерація постоянная , въ Кабилліи же , союзъ племень образуется въ минуту опасности и съ про-хожденіемъ ея уничтожается.

Эта независимость каждаго племени Кабилловъ , можетъ быть однако связана союзомъ на нѣкоторое время , посредствомъ до-говоровъ и такіа-то трибы или племена , связанные союзомъ , со-ставляютъ частную федерацію , носящую названіе *Soff* , т. е. ли-нія или рядъ. Матеріальный символъ этого союза есть сабля , копье или ружье. Отсылка его обратно означаетъ , что каждое племя снова становится несвязаннымъ союзомъ съ другімъ. Ко-гда одно племя объявляетъ войну другому , то прочія племена не принимаютъ въ ней никакого участія ; но когда является внѣшній непріятель , угрожающій всѣмъ , то распри одной софы съ другою утихаютъ и вся Кабиллія берется за оружіе. Вотъ почему они сохранили свою независимость въ періодъ турецкаго завоеванія.

Изслѣдуя въ частности внутренній ихъ бытъ , мы находимъ на первой степени племя (*arch*) , раздѣляющееся , смотря по ве-личинѣ мѣстности и населенія , на отдѣленія *Khaouba* , подраздѣ-ляющіяся на мѣстечки или селенія , *dechera*. Вообще *dechera* со-отвѣтствуетъ общинѣ , *Khaouba* округу , *arch* области.

Отличительная черта племени Кабилловъ ,—есть стремленіе къ независимости , свойственное впрочемъ всѣмъ горцамъ. Каждая община имѣетъ своего выборнаго начальника — *амина* , обязан-ность котораго болѣе наблюдательная за порядкомъ или поли-цейская , чѣмъ собственно начальническая. Амины выбираются ежегодно. Собраніе аминовъ составляетъ племенной советъ , — *djeman* , который разсуждаетъ объ общественныхъ интересахъ , судить , принимаетъ чрезвычайныя мѣры , и избираетъ изъ среды себя председателя , *amin-el-oumena* , т. е. аминь изъ аминовъ ,— это-то званіе даетъ лицу избранному власть военачальника и главнаго властителя въ каждомъ племени.

Главная обязанность аминовъ есть управленіе общественными доходами , которые имѣютъ два главные источника — подать и штрафъ. Тогда какъ арабъ платитъ своему властителю подать , Кабилль вноситъ ее въ своихъ мечетяхъ духовному лицу. У это-го народа нѣтъ писаныхъ законовъ , они повинуются лишь обы-чаямъ , по преданію сохраняющимся ; эти-то обычныя преда-нія казнятъ у нихъ преступленія и проступки. Коранъ прини-

маеть начало возмездія матеріальнаго—руку за руку, ногу за ногу, зубъ за зубъ, — но обычай установилъ и выкупъ за разные преступныя дѣйствія. Вотъ что пишетъ объ этомъ г. Дома: за угрозу ятаганомъ, безъ удара, платять около 8 франковъ, за ударъ ятаганомъ 16; за заряденіе ружья для выстрѣла въ другаго, безъ выстрѣла 10, если выстрѣлъ послѣдовалъ 80; за поднятіе палки съ угрозою 1, за ударъ полкою 3; за ударъ кулакомъ $\frac{1}{4}$; за ругательство безъ причины 4; за непокупку ружья, когда есть на что его купить, 6; за въ ходъ въ домъ, въ отсутствіе хозяина 100; за воровство столько же. За убійство нѣтъ опредѣленнаго наказанія; законъ о немъ умалчиваетъ; предоставляя родственникамъ убитаго мстить за его убійство,—и месть эта достигаетъ убійцы рано или поздно, въ какую бы землю онъ не скрылся. Мстная власть (амины) вмѣшивается въ это дѣло лишь для того, чтобы взять имущество преступника, продать его и раздѣлить сумму между селеніями цѣлаго племени. Сынъ убитаго, по обычаю страны, появляется въ первый разъ окровавленный кровью убитаго отца; если онъ еще младенецъ, то первое имя, которому учитъ его мать—имя убійцы, которому онъ долженъ отомстить смертію за убіеніе отца. Если убитый оставилъ дочь, то она объявляетъ, что не требуетъ приданнаго, которое отдаетъ будущему мстителю за ея отца. Если виновный избѣгаетъ этой *vendett*ы, то эта личная месть дѣлается родовою, и устремляется на брата или другаго близкаго родственника убійцы. Отсюда происходитъ наследственная месть разныхъ семей, ведущая часто къ враждебнымъ столкновѣніямъ племенъ.

Религіозное учрежденіе у Кабилловъ, или такъ называемая *Zaonia*, состоитъ изъ мечети или куббы (*koubba*), въ которой каждый странникъ, богатый или бѣдный, получаетъ пристанище и пропитаніе въ теченіи трехъ дней. Даже лошадь, мулъ, забжавшій безъ проводника, нѣтаются до-тѣхъ-поръ, пока ихъ не отыщутъ. Голодь неизвѣстенъ въ Кабилліи,—жизнь бѣдняка есть долгое странствованіе отъ одной *zaonia* къ другой. При каждой *zaonia* находятся небольшія элементарныя школы, въ которыхъ, кромѣ чтенія и письма, учать тексты Корана наизуотъ и въ употребительномъ напѣвѣ, арабскую грамматику (*djaoumia*), законы, т. е. толкованіе Сиди-Калиля, имѣющаго силу закона для мусульманъ исповѣданія *maleki*, преданія пророка *hadits*, комментаріи Корана *tefsir*, ариметичку *hhasâb-el-ghoberi*, геометрію *hhasâb-*

el-mehber, астроному *ilm-el-felak* и поэзию *ilm-el-sigond*.—Самыя известныя *Zaonias* въ Кабилліи суть: въ Сиди—Бэнъ—Али—Шерифъ, Сиди—Мусса—Тимбедаръ, Сиди—Абдеро—Рахманъ, Бу—Кабрейнъ и Сиди—Амедъ—Бенъ—Дрисеъ. Во всѣхъ ихъ населеніе значительное; такъ въ первой отъ двухъ до трехъ сотъ *tolbas* и учениковъ, да прохожихъ странниковъ около ста человекъ. Глава *зауни-марабу*, распредѣлитель жертвъ для бѣдныхъ, распредѣлитель занятій между *tolbas*. Каждая *заонія* получаетъ богатя пожертвованія и ежегодныя приношенія, позволяющія ей дѣлать большіе расходы; это есть какъ бы родъ подати въ пользу этихъ учреждений, ибо жители жертвуютъ все—масло, медъ, сухой виноградъ, фиги, курицы, бараны, козы и часто даже деньги. Въ случаѣ нужды, *марабу* обращается къ благочестію вѣрныхъ и объявляетъ о необходимости. Названіе *марабу*, происходящее отъ слова *mrabetb*, означаетъ связанный, почти буквально сходное съ *religieux*, происходящее отъ латинскаго *ligare, ligere*—связывать. Не остатокъ ли эти *заоніи* учрежденій христіанскихъ въ сѣверной Африкѣ?

Основной характеръ племенъ кабиллскихъ—это гордость, каждое племя считаетъ себя равнымъ съ другимъ. Арабъ—почтительнѣе, Кабилль—гордѣе. Первый цѣлуетъ руку и главу своему старшему и дѣлаетъ ему привѣтствіе, послѣдній не говоритъ никогда привѣтствія, онъ также цѣлуетъ руку и главу у своего начальника или старца, но каковъ бы ни былъ его возрастъ, достоинство, онъ одинаково съ нимъ почтительно обходится.

Арабъ живетъ подъ кровлей, онъ номадъ, у него нѣтъ частной собственности; племя, къ которому онъ принадлежитъ, владѣетъ и всею землею его. Кабилль, привязанный къ своей землѣ, есть частный владѣлецъ въ полномъ смыслѣ слова: его домъ построенъ изъ камней, безобразно сложенныхъ; крыша покрыта изъ досокъ или брусевъ; эта хижина состоитъ обыкновенно изъ двухъ комнатъ: одну занимаетъ отецъ, мать и дѣти, другую лошади и вообще домашній скотъ. Если отецъ женитъ сына, то надъ своимъ домомъ строитъ ему помѣщеніе. Арабъ презираетъ, ненавидитъ работу: твердый въ перенесеніи изнеможенія, въ долгомъ пути, онъ совершенно лѣнивъ въ постоянной, обыкновенной жизни и девять мѣсяцевъ въ году ничѣмъ не занимается; бѣдность нисколько его не озабочиваетъ до-тѣхъ-поръ, пока не принуждаетъ его трудиться. Кабилль, напротивъ, работаетъ много во всякое время года; лѣность считаетъ онъ

стыдомъ. Арабъ болѣе земледѣлецъ и пастухъ, онъ никогда не разводитъ деревьевъ. Кабилль менѣе воздѣлываетъ землю, онъ болѣе садовникъ. Арабъ, кочуя, чтобъ сѣискать пастбище, не выходитъ изъ опредѣленнаго пространства; у Кабилла же каждый отдѣльный членъ семейства идетъ всегда за предѣлы родины и, въ качествѣ садовника, жателя или каменщика, ищетъ счастья въ Алжирѣ, Сетифѣ, Бонѣ, Оранѣ, Константинолѣ. Когда онъ соберетъ небольшую сумму, онъ возвращается на родину, покупаетъ ружье, быка и женится.

Въ воинственномъ племени Зуавовъ, посылають дѣтей даже наниматься въ службу къ бею алжирскому или бею тунисскому. Арабъ лѣнивъ тѣлесно и потому у него вражда ограничивается ближайшимъ племеннымъ кругомъ; у Кабилловъ же она доходитъ до страшныхъ размѣровъ, иногда изъ-за пустыхъ причинъ, такъ въ одной трибѣ Бени-яла, за долгъ одной барры (вагго), 7 сантимовъ, дрались 6 часовъ и 47 человекъ было убитыхъ. Вражда началась съ 1843, а война, которая въ слѣдствіе ея возникла, не потухла еще по настоящее время. Все селеніе въ этой трибѣ раздѣлено на двѣ враждебныя части и средніе дома между этими двумя линіями опустошены.

Арабъ: — агунъ, Кабилль никогда не лжетъ.

Въ войнѣ первый дѣйствуетъ нечаянностью и вѣроломствомъ, второй всегда предупреждаетъ своего врага о враждебномъ намѣреніи.

Гостепрѣимство Араба болѣе политично и лицезвѣрно: онъ хочетъ, чтобъ всѣ знали, что онъ принимаетъ съ распростертыми объятіями. Въ радушіи, хотя менѣе громкомъ и торжественномъ, Кабилла проглядываетъ доброе чувство: у него иноземецъ, каково бы ни было его происхожденіе, дорогой гость, даже бѣглеца онъ радушно приметъ и никогда его не выдастъ. Турки, и послѣ нихъ Абд-эль-Кадеръ, здѣсь укрывались.

Когда фрукты, фиги, виноградъ начинаютъ поспѣвать, родоначальники объявляютъ, что подѣ страхомъ наказанія никто въ теченіи 15 или 20 дней не долженъ снимать плодовъ. Когда назначенный срокъ пройдетъ, владѣльцы собираются въ мечети и клянутся надъ Кораномъ, что порядокъ этотъ былъ ими соблюденъ. Тотъ, кто не клянется, платитъ штрафъ. Затѣмъ созываютъ бѣдныхъ каждой трибы и каждый владѣлецъ кормитъ ихъ, по очереди, до конца сбора плодовъ.

Арабы крадутъ у друзей и непріятелей. Кабиллы грабятъ толь-

ко непріятеля. Арабы скорѣе согласны вынести тѣлесное наказаніе, чѣмъ денежный штрафъ, и предпочитаютъ двадцать пять ударовъ палки взысканію въ 2 дурра (dougos). Для Кабилла тѣлесное наказаніе безчестно, и онъ предпочитаетъ лучше 20 дурровъ, 100 франковъ, чѣмъ вытерпѣть тѣлесное наказаніе. По обыкновенію, Арабъ женится, не зная дѣвицы: если онъ ее замѣчаетъ, то случайно, когда вуаль ея открывается. Кабилль, желающій жениться, сообщаетъ о своемъ предположеніи пріятелю, который идетъ отыскивать отца дѣвушки. Когда отецъ опредѣляетъ сумму приданого, которое онъ хочетъ взять съ мужа дочери, обыкновенно не меньше (500 фр.) 100 дурровъ. Если у будущаго зятя нѣтъ такой суммы, то ему даютъ сроку одинъ или два мѣсяца, чтобъ собрать ее, и въ продолженіи этого времени онъ посвящаетъ домъ своей невѣсты. Когда сумма унлачена, онъ беретъ свою невѣсту изъ дома отцовскаго, идетъ съ нею по всей деревнѣ, вооруженный ятаганомъ, ружьемъ и пистолетами, съ большою церемоніею вводитъ ее подъ свой кровъ, при звукахъ музыки мѣстныхъ жителей, составленной изъ флейтъ и тамбуровъ, пѣсенъ женщинъ и возгласовъ дѣтей: уои! уои! мужчины стрѣляютъ при этомъ изъ ружей, и празднество кончается угощеніемъ и ужиномъ.

Рожденіе мальчика у Арабовъ даетъ случай къ радостнымъ торжествамъ, но праздникъ не выходитъ изъ среды семейства; рожденіе дѣвочки празднуютъ только женщины. Когда у Кабилла родится мальчикъ, отецъ приглашаетъ всѣхъ своихъ сосѣдей, друзей изъ окружныхъ селеній, въ воздухъ гремятъ выстрѣлы, селеніе считаетъ у себя однимъ защитникомъ болѣе. Если родится дочь, ничто не нарушаетъ обычной домашней жизни. При смерти какого-либо члена семейства, Арабы приглашаютъ только друзей къ погребенію, и послѣ обряда, каждый возвращается тотчасъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ; у Кабилловъ въ подобномъ случаѣ все селеніе принимаетъ участіе въ погребальной церемоніи, никто не работаетъ въ этотъ день и всѣхъ угощаютъ.

Женщины у Арабовъ постоянно находятся въ положеніи низшемъ, въ сравненіи съ преимуществами ея мужа; она готовитъ ему пищу, но не раздѣляетъ ее вмѣстѣ съ нимъ, она его служанка, рабыня; она ходитъ за его лошадыю и держитъ ему стремя, когда онъ садится на коня. Жена Кабилла пользуется полною свободой, продаетъ, покупаетъ, дѣлаетъ запасы хозяй-

ства,—мужъ считалъ бы стыдомъ входить въ эти хозяйственныя распоряженія; она сидитъ съ нимъ за однимъ столомъ, даже при гостяхъ и иноземцахъ. У арабовъ женщина всегда подъ покрываломъ, и входить въ собраніе мужчинъ ей запрещается, — женщина у Кабилловъ всегда съ открытымъ лицомъ, она входить въ комнату, гдѣ гости или друзья, можетъ разговаривать и пить, по произволу. За то въ женщинѣ кабилской больше и энергіи; въ день битвы она возбуждаетъ своими криками мужа и братьевъ, приноситъ имъ во время сраженія нищу, перевязываетъ ихъ раны и съ презрѣніемъ указываетъ всѣмъ труса, бѣжавшаго съ битвы, отмѣчая углемъ его одежду. У первыхъ, она всегда подъ опекой, переходя изъ-подъ власти отца, подъ власть мужа и возвращаясь въ первоначальную зависимость родителей въ случаѣ развода; у Кабилловъ, она въ подобномъ случаѣ идетъ жить въ домъ ближайшаго родственника, гдѣ пользуется полною свободой. У Арабовъ, женщины низшихъ классовъ народа вообще неопытны, у Кабилловъ гораздо болѣе чистоты; женщина, какъ ни бѣдна она, занимается своимъ туалетомъ и наряжается вечеромъ въ драгоценнѣйшія свои одежды.

У каждаго изъ этихъ народовъ, хотя они живутъ нѣсколько уже вѣковъ другъ возлѣ друга, все изобличаетъ различное ихъ происхожденіе, въ особенности же это замѣтно въ чертахъ лица и нарѣчій.

У Арабовъ волосы и глаза черные, многіе изъ Кабилловъ имѣютъ голубые глаза и русые волосы; живя въ странѣ менѣе теплой, они имѣютъ и цвѣтъ кожи болѣе бѣлый. Лицо Араба овальное и шея длинная, у Кабилла лицо болѣе квадратно и голова ближе отъ плечъ.

Языкъ Кабилловъ, въ сравненіи съ арабскимъ, столь же отличителенъ, какъ французскій отъ нѣмецкаго. Онъ имѣетъ различныя нарѣчія, подобно арабскому; главнѣйшія суть: Zenotia между Алжиромъ и Мароккомъ, shehahia, почти во всемъ Марокко, shaonia, въ провинціи Константина, и zopaonia, отъ Гамзы и Деллиса до Бона.

Вообще нравы Кабилловъ противоположны арабскимъ, хотя въ некоторыхъ случаяхъ они имѣютъ сходство: такъ у Арабовъ есть amân, а у Кабилловъ авауа; первое означаетъ родъ приращенія и охраны, второе имѣетъ священное значеніе неприкосновенности; путешественникъ, сопровождаемый, по приказанію марабу, Кабилломъ, считается анага, т. е. неприкосновеннымъ.

Лѣнивый Арабъ не знаетъ промышленности: онъ ограничивается выдѣлкою сѣдель, упряжи, жена его ткеть шерстяную матерію; Кабиллы строятъ дома, выдѣлываетъ вещи, принадлежащія къ хозяйству, оружіе, пушки, отличныя сабли, ножи и ткеть бурнусы и разныя шерстяныя матеріи. Онъ выдѣлываетъ порохъ, доставая отъ Франгузовъ сыру и прочія принадлежности. Кабиллы ищють въ горахъ свинцовыя рудники, одинъ серебрянный и два желѣзныхъ. Главнѣйшимъ образомъ оружіе выдѣлываютъ въ Бени-Аббасъ.

Хотя Кабиллы менѣе занимаютъ земледѣліемъ, чѣмъ Арабы, за то они разводятъ съ большимъ успѣхомъ сады, въ которыхъ множество деревь оливковыхъ и растеній, доставляющихъ имъ пищу и отчасти предметъ сбыта, какъ напримѣръ, оливковое масло.

Вообще, природные жители Алжира состоятъ изъ двухъ различныхъ народовъ сосѣдственныхъ, но раздѣленныхъ, какъ мы видѣли, глубокими природными различіями, не сходными ни въ чемъ другъ съ другомъ, какъ развъ въ томъ только, что Кабиллы ненавидитъ Араба, а Арабъ Кабиллу. Оба народа мусульманскаго исповѣданія и повинуются Корану; но Кабиллы имѣетъ болѣе собственныхъ преданій, полученныхъ отъ предковъ, которыя онъ относитъ къ незапамятнымъ временамъ и которыя часто противорѣчащаго значенія съ кораномъ. Преданія эти называются у нихъ *Kalouls*, отъ греческаго *kanon*—канонъ—правило, и обозначаютъ происхожденіе христіанское. Генераль Домэ, въ описаніи котораго мы заимствовали эти свѣдѣнія, видитъ въ Кабиллахъ народъ частью германскаго происхожденія. Вопреки общему мнѣнію, онъ не думаетъ, чтобы достаточно было одной компаніи для завоеванія Кабилліи; по его мнѣнію, это самое заблужденіе. Для того, чтобы достигнуть полнаго уснѣха, необходимо, по его убѣжденію, основанному на опытности и близкомъ съ ними знакомствѣ, — многіе годы и многія экспедиціи въ этомъ Алжирскомъ Кавказѣ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Празднества по случаю бракосочетанія Его Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича. — Г-жа Богданова на сценѣ параднаго спектакля красносельскаго театра и подарокъ ей любителей. — Народное гулянье въ Петергофѣ и нѣсколько словъ по этому случаю о прежнихъ его постройкахъ. — Открытіе придворнаго театра въ Петергофѣ. — Скачки любителей на Царскосельскомъ гипподромѣ. — Магическое сочувствіе человечества къ лошади. — Усиленная дѣятельность загородныхъ увеселительныхъ мѣстъ и хитро придуманныя названія праздниковъ. — Ночь съ вавилонскимъ названіемъ въ Виллѣ-Боргезе и ея лонскія пѣвицы. — Боргезисты и Излеристы. — Предположеніе начертать Новодеревенскія тайны. — Отъ чего у Ивана Ивановича бывають иногда такіе гости, которыхъ онъ не ожидаетъ. — Какіе типы можно иногда встрѣтить у Ивана Ивановича и подражанія по этому новому поэту. — Бенефисы гг. Вильмана, Ютти. — Нижегородская ярмарка. — Иванъ Ивановичъ капельмейстеръ. — Проба новой торжественной оды Ивану Ивановичу, вдохновенная его гениемъ. — Воздухоплаватель Гринъ. — Предполагаемая блестящая будущность аэростатовъ. — Новая компанія на акціяхъ. — Нѣтъ болѣе бѣшеныхъ. — Новая лечебница при Максимилиановскомъ заведеніи для приходящихъ. — Художественныя извѣстія.

Нынѣшнюю хронику общественной петербургской жизни, мы начнемъ событіемъ равно занимающимъ все классы нашего народонаселенія, именно торжественнымъ въездомъ Августѣйшей невѣсты Его Императ. Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича. Не смотря на неблагопріятную погоду 15 августа, все протяженіе пути, по которому долженъ былъ слѣдовать церемоніальный повздъ, съ ранняго утра было уже покрыто густыми толпами народа и дѣятельно кипѣла эфемерная коммерція своего рода — торговля окнами и скамейками для желавшихъ лучше взглянуть въ процессію и сильнѣе удержатъ въ памяти черты высокообрученной. Отъ станціи желѣзной дороги, вплоть до самаго дворца, по обоимъ сторонамъ пестрѣли ковры, цвѣточныя гирлянды и развѣвались разноцвѣтные флаги. Домъ Княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской, Кокорева, зданіе Думы, Петропавловская церковь, зданіе Голандской церкви, домъ Энгельгарда, домъ, гдѣ помѣщается англійскій магазинъ, въ особенности были хорошо убраны и блистательно освѣщены въ тотъ же вечеръ. И среди всей этой огненной массы зданій ярче и великолѣпнѣе всего сверкали разноцвѣтными огнями стѣны Императорскаго дворца. Въ

омъ
 въ -
 Па -
 ра -
 ей
 нья -
 мь
 ода
 нвъ
 ртъ.
 ость
 , не
 ый ,
 мы -
 ма -
 бо -
 ему
 чено

ихъ
 еу -
 об -
 ро -
 иве -
 зовъ
 до
 Что

ыз -
 , по
 вкій
 раз -
 паго
 за -

№ 1,
 нья
 коло
 оло -

тя поставить и воду пустить, дабы изъ-подъ ногъ вода лилась къ земли гладко, какъ стекло.

«Двѣ фонтаны въ порталѣ близъ кашкадъ; сдѣлать чаши одинакія и пьедестали, такожъ и кольца около бассейновъ мраморныя, а стѣны у бассейновъ и полъ изъ плитъ, мраморныя же.

«Въ прудѣ, гдѣ минажерія, сдѣлать фонтану, а около всего места и поперегъ посадить кленья по чертежу, а около рѣшетокъ съ вонной стороны шпалеры ольховыя. Сіе вышеписанное сдѣлать къ веснѣ конечно, а чаши и пьедестали выписать, а нынѣ поставить деревянныя, чтобы дѣйствовали.

«Пирамиду водяную съ малыми кашкадами и къ ней садить лѣсъ по чертежу кленовый, липовый и ольховый, по мѣсту смотря.

«Кашкаду мраморовую противъ малой Марлинской, съ малымъ гротомъ и дикою горою, противъ модели. Узорчатый мостъ съ покрытымъ водянымъ ходомъ. У сей горы смотрѣть, чтобы два старые дома или руины были однихъ или трехъ этажахъ и чтобы казались малые предъ горою и сдѣлана была пропорція.

«Кашкаду гладкую, простую, противъ большой марлинской кашкады, а гору усажать ельникомъ молодымъ, чему сдѣлать перво модель.

«Адамову фонтану № 10, двѣ фонтаны въ лѣсу простыя, безъ всякаго деревъ саженья, въ дюймъ толстоты.

«Фонтану, а около нее осадить липовыя шпалеры противъ чертежа, а на другой сторонѣ изсадить же, прибравъ фигуру.

«Галлерей маленькія противъ кашкадъ съ каморками.

«Каналь изъ прудовъ поглубить и слюзы сдѣлать какъ Шувалкову приказано, и землю ^с большаго бассейна обрѣзать.

«По берегу отъ Момплезира къ каналу посадить шпалеры ольховыя, уступя три сажени отъ края, что къ морю, въ два раза шириною противъ дороги отъ кашкада къ Момплезиру.

«Сдѣлать и горы къ веснѣ зимою слѣдующія, а гдѣ ставить, покажу мѣсто.

«Столь долгой, по чему бросаютъ минусы.

«Девять окошечекъ въ к-торыя катаютъ шарики.

«Доски и столбы изготовить къ той игрѣ, шара гоняютъ молотами, называемыми малцбанкъ.

«Сдѣлать слюзъ въ большомъ каналѣ при концѣ земли къ морю, чтобъ воду отъ того мѣста такъ высоко подвять, какъ землю у слюза, слюзъ футъ сдѣлать выше, чтобъ лучше прыска-

ла, и что вновь дѣлается въ ономъ свободно составила.

«Отъ слюза осмотрѣть мѣста и кольями отыкать. сдѣлать малые каналы отъ большаго къ Момплезиру тажу. Что новаго дѣлается близъ лѣсу или сквозь трѣть, дабы деревьямъ великаго вреду не учинить, за не дѣлать.

«Въ большомъ гротѣ сдѣлать фонтану только въ сѣнь, а прочіе нишели изъ стѣны убрать туфштейнъ ювинъ.

«Палаты и галереи въ лѣтнемъ домѣ конечно будущему 723 году къ маю мѣсяцу, чтобъ жить б

«Кашкаду большую противъ пруда надлежитъ въ порцію сдѣлать противъ кашкады Марлинской, котс королевскихъ палатъ, такъ же и бассейнъ въ нижнеи фонтаны въ ономъ прямые и съ боковъ такіе же и лип, чтобъ для пробы посадить въ разныхъ мѣстахъ деревьевъ по 5 и по 7, гдѣ теплое мѣсто.

«Противъ гладкой Марлинской кашкады у стѣнки к лать бесѣдку и на ней голубятню по чертежу.

«Передъ большою кашкадою на верху дѣлать истс ву, который дерется съ гадомъ седмиглавнымъ, и гидрою, изъ которыхъ головъ будетъ идти вода по На верху малой Марлинской кашкады, противъ Момп лать тельгу Нептунову съ четырьмя морскими лош торыхъ изо ртовъ пойдетъ вода и будутъ литься п и по уступамъ дѣлать тритоны, якобы играли въ тѣ и дѣйствовали бы тѣ тритоны водою и образовали игры водяныя. Также сдѣлать раззоренное строеніе

«Фонтана посреди сада въ Момплезиръ чтобы бы уступомъ или ступенею, а ступень была раздѣлена чтобъ 5 были гладкія, а другія 5 изукрашены и камнемъ и раковинами.

«По обѣ стороны слюза стоки водѣ сдѣлать изъ же лича около слюза сводомъ, а дно дикимъ камнемъ въ верхнемъ огородѣ комуникація сдѣлана между п концу гдѣ будетъ литься вода желѣзную или свин короткую и надъ выходомъ сдѣлать фигуру, сидяч какую.

«Къ двумъ бесѣдкамъ начать трубы класть понеже тамъ будутъ фонтаны малые, а гдѣ бассейнамъ быть, самъ укажу.

«Чтобы соръ гдѣ сдѣлано счистить, изровнять начисто, а у фонтана, гдѣ была минажерія, трубъ убавить, а сдѣлать 12 чтобъ вода сильнѣе била и чтобъ била по сторонамъ.

«Малибанкъ совсѣмъ отдѣлать и номера подписать.

«Кольцо въ фонтанъ, которое, передъ большимъ гротомъ для малыхъ трубъ сдѣлать въ футъ въ діаметръ и со стѣнками.

«Отъ фонтанъ, которые передъ палатами въ катерахъ сдѣлать крытые каналы возлѣ горы, отъ одной кашкады что противъ Момплизира, а отъ другой до того мѣста гдѣ будутъ фонтаны у двухъ бесѣдокъ.

«Въ шешеляхъ дѣлать фонтаны по обѣимъ сторонамъ канала и около партеръ и противъ пруда и чтобъ были въ нихъ фигуры изъ Езоповыхъ фаволь, къ которымъ вода уже, проведена.

«Ко всѣмъ работамъ приставить офицеровъ и дать имена, кто къ которой приставленъ будетъ, дабы на комъ спросить ежели не такъ, или не поспѣеть....»

Эти предначертанія были только первыми попытками Петра Великаго изъ дикаго угрюмаго мѣста, покрытаго большою частію только ольшаникомъ, создать нынѣшній великолѣпный Петергофъ, нѣсколько лѣтъ не освѣщавшійся такимъ безчисленнымъ количествомъ площаекъ и шкаликовъ и нѣсколько лѣтъ не вмѣщавшій въ себя такой густой ликующей массы гуляющихъ. Палатки, раскинутыя на его зеленыхъ лугахъ, въ чащѣ столѣтнихъ деревьевъ, дымящіеся самовары, возгласы русскихъ народныхъ пѣсень прибавляли еще болѣе живописности къ общей оживленной картинѣ.

Говоря о Петергофѣ, нельзя умолчать объ недавнемъ открытіи въ тамошнемъ дворцѣ возобновленнаго театра; онъ оконченъ, распространенъ и роскошно украшенъ подъ надзоромъ архитектора Кавоса, возобновившаго съ такимъ великолѣпіемъ Большой Московскій театръ. Для открытія этого театра дана была французская пьеса; зрителями были только особы, принадлежащія къ Императорскому двору, и высшихъ классовъ общества.

Отъ этихъ новостей, занимательныхъ для цѣлой Россіи, перейдемъ къ частнымъ городскимъ нашимъ новостямъ, и, чтобъ начать съ первыхъ чиселъ августа, скажемъ о скачкѣ любителей и гг. офицеровъ, происходившей 2 числа на царскосельскомъ гипподромѣ. Скольکو помнится, это еще первая скачка на которой участвуютъ сами владѣльцы лошадей.

Воля ваша, а есть что то магическое въ словѣ си также, какъ и въ самомъ благородномъ животномъ, лошадыю. По мимо всего, о нихъ уже мечтаетъ мальчѣзжающій на палочкѣ, воображая себя генераломъ, и чонка, развозя въ картонной коляскѣ куколъ. Въ быкакая-то поэзія, сладострастно щекочащая сердце. *траиство*, выражаясь мѣткимъ народнымъ словомъ русской. Не случалось ли вамъ когда нибудь видѣ вдругъ остановившагося простолюдина, за минуту ропливо спѣшившаго, остановившагося для того то полюбоваться лихо промчавшимся мимо извощикомъ? ли всѣмъ намъ аксіома о томъ предпочтеніи, которосють кавалеристамъ? Въ этомъ нѣжномъ стремленіи ли какой нибудь тайной роли лошадь? Орель и Комыя ли сравненія самихъ поэтовъ, призванныхъ : очищеннымъ вкусомъ? Повторяю, есть что-то магичстротъ, потому что она служить символомъ стремстора, и вотъ почему на всѣхъ скачкахъ, не смотря гипподрома отъ Петербурга, бываетъ столько публичому въ ложахъ пестрѣтъ столько дамъ, хотя, дамскій вкусъ и конюшня какъ-то не клеятся другъ. Переходя отъ группъ къ группамъ разныхъ одежаний и воспитанія, вы услышите и увидите, что всжетъ одинъ интересъ; у всякого изъ нихъ есть свсбудь четвероногій любимецъ или любимица, за кодый готовъ стоять горой. Вотъ столкнулись двое новъ, они такъ горячо спорятъ и ссорятся, что подто идетъ дѣло о какой нибудь сильной обидѣ—соввало! Дѣло идетъ о какомъ нибудь Тромпетеръ или справедливо названномъ оскорбительнымъ названіемъ.

Скачка началась, говоръ мгновенно стихаетъ и и даго съ какимъ-то невольнымъ участіемъ слѣдит мелькающимъ рядомъ скакуновъ. Вотъ отсталъ скакавшій впереди, и въ толпѣ происходитъ роинакой интонаціи. Нѣкоторые изъ державшихъ пари готовы разстаться враждебно по этому случаю. И Миронъ Карпычъ, безмолвно складываетъ предъ свникомъ руки и манавеніемъ приложенныхъ одинъ къ тянутыхъ перстовъ, поселяетъ въ своемъ недавномъ примиримую къ себѣ вражду, по-крайней-мѣрв

его собственной удачи. Коня приближаются къ призовому столбу, сдержанное молчаніе рушится; раздаются оглушительные возгласы, дамы машутъ платками; длинные кожаные кошельки развѣваются и изъ нихъ падаютъ въ руки счастливыхъ закладчиковъ нолтинники и рубли. Не знаю, какъ у насъ, но говорятъ, что на парижскихъ и лондонскихъ скачкахъ совершаются даже преступленія противъ чести и совѣсти во имя любимыхъ лошадей, въ одинъ день разоряются цѣлыя семейства отъ усиленных пари, наживаются состоянія отъ безсовѣстнаго подлога и стачки съ жокеями. Нашъ споръ не дошелъ еще до этого, размеры нашихъ скачекъ еще не такъ огромны; но нѣтъ сомнѣній, что у насъ скоро заведутся истые, отчаянные спортсмены, образуется такой же клубъ, какъ въ Парижъ и въ Лондонъ. Вѣдь завелся же у насъ такой специальный клубъ, какъ шахматный, а сколько у насъ шахматныхъ игроковъ, которые бы могли достойно вступить въ состязаніе въ этомъ клубѣ? Заговоривъ однажды о скачкахъ къ сожалѣнію большинства, должно сказать, что нынѣшнее лѣто было какъ-то мало истинно русскихъ ристалищъ — я разумью здѣсь троечныя состязанія, на которыхъ въ прежніе годы такъ побѣдоносно отличались тройки почтъ-содержателя петербургской губерніи г. Анненскаго, тройка котораго проскакала однажды тридцати-трехъ верстное пространство въ часъ четырнадцать минутъ съ нѣсколькими секундами. Это тѣмъ болѣе грустно, что скоро, скоро придетъ время, когда лихая троечная ѣзда, совершенно уничтожится желѣзными дорогами и мы, какъ о какомъ-нибудь мнѣ, будемъ восклицать о нашихъ ямщикахъ вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ:

Гдѣ ямщикъ нашъ, на попойку
Вставшій съ ранняго утра,
И загнать готовый тройку
За полтину серебра...

Пропадетъ его заунывная пѣсня, хватающая иногда за сердце и иногда до того безконечная и состоящая изъ однихъ звуковъ, что съ нею одною можно, пожалуй, доѣхать до Китая, смолкнетъ звонкій колокольчикъ, забудутъ спины провѣзжихъ благотельное для организма сотрясеніе телегъ, гостепримныхъ почтовыхъ смотрителей и станціи, гдѣ:

Клопы да блохи
Уснуть минуты не даютъ...

Всю поэзію шоссеинныхъ дорогъ, всѣ сильныя ощущенія просѣлковъ, поглотить, какъ бездна малую каплю, комфортабельная проза паровозовъ, осязательное тѣло уничтожить неосязаемый нарѣ. Но довольно голосить іереміады о телегахъ. Мы всѣ грезимъ о прогрессѣ къ добру или къ худу.

Съ наступленіемъ темныхъ вечеровъ усилилась и дѣятельность загородныхъ увеселительныхъ мѣстъ, которыя не покинули еще привычки завлекать публику преудивительными названіями своихъ гуляній. Такъ напримѣръ на Виллѣ Боргезе, почти вслѣдъ за «*Увеселительнымъ хаосомъ*» явился праздникъ съ наименованіемъ, сдѣланнымъ чуть ли не на смѣшанномъ вавилонскомъ нарѣчій. Онъ именовался: «*Кираанъ Бакчиеси инъ Босфорусъ*». По этой мудреной афишечной надписи, онъ вѣроятно только и названъ былъ восточнымъ. Нельзя не пожалѣть, что Виллѣ Боргезе, не смотря на всѣ старанія ея учредителей, выдалась нынѣшнимъ лѣтомъ не завидная участь; публики бываетъ въ ней очень мало и даже самыя, давно ожидаемыя ліонскія пѣвицы и ліонскіе комики немного прибавили ей посятителей. Впрочемъ, говоря искренно, объ этихъ пѣвицахъ много и сказать нельзя, не принимая уже въ расчетъ голоса, котораго ни у мадамъ Деллибе ни у мадамъ'овъ Дюмаре и Фанни въ достаточномъ совершенствѣ не имѣется, всѣ напѣваемыя ими пѣсни не возбуждаютъ ни какого интересу въ большей части публики, а старанія господъ комиковъ Буланже, Шарпантье и Даву, пропадаютъ почти-что даромъ. Единственно, за что можно похвалить учредителей Виллы Боргезе, это за музыкальный оркестръ и за хоръ московскихъ цыганъ, который далеко превосходитъ хоръ Минеральныхъ Водъ Новой деревни.

Въ прежніе годы, когда Вилла Боргезе была въ новѣ, когда эта новизна всегда любопытная и привлекательная, до поры до времени, собирала туда избранную публику, между которой рѣдко-рѣдко когда въ скромномъ полусвѣтѣ, мелькали тѣ дамы, которыхъ фамильныя прозванія неизвѣстны и которыхъ только восторженно произносятся молодежью однѣ собственныя, большую частію презвучныя и романтическія имена, загородная публика рѣзко дѣлилась на двѣ партіи. То были своего рода непримиримые Гвельфы и Гиббелины; то были Боргисты и Излеристы, готовые бросить другъ другу перчатку и ратовать за своихъ любимыхъ патроновъ. Увы, въ настоящее время этотъ пылъ угасъ, охладѣлъ, какъ все охладѣваетъ на свѣтѣ, и теперь, и

по привычкѣ и по справедливости, большинство перешло на сторону Излера—Излеръ сломилъ! Быть можетъ это происходитъ отъ того, что Иванъ Ивановичъ—такое названіе упрочило за нимъ время—умѣлъ выбрать себѣ такое благопріятное помѣщеніе, такъ сказать центральную станцію, къ которой и по сушѣ и по водѣ стягиваются всѣ островскія нити. Въ-самомъ-дѣлѣ, почтенный читатель, Новая деревня — это, изволите видѣть, отдѣльный маленькій лѣтній міръ, возникающій ежегодно въ средѣ общаго городского петербургскаго міра. Міръ этотъ имѣетъ и свои радости, и свое особое горе, и даже свои тайны. Да, именно тайны, въ нѣкоторыхъ явленіяхъ не уступающія ни пресловутымъ Парижскимъ, ни Лондонскимъ, ни Берлинскимъ. Со временемъ, если позволите, я ознакомлю васъ съ этими тайнами, введу васъ въ этотъ лабиринтъ, конецъ ариадниной нити котораго прикрѣпленъ въ саду Излера. Теперь же я намѣренъ набросать маленькій эскизъ, начертать нѣкоторые изъ примѣчательныхъ мужскихъ и дамскихъ типовъ, видимыхъ на Минеральныхъ водахъ. Я не буду рекомендовать вамъ такихъ лицъ, которыхъ и наружность, и характеръ, и правила не представляютъ ни чего угловатаго; и что въ самомъ дѣлѣ можно отыскать въ личностяхъ, которыя погуляютъ, попьютъ, покушаютъ, насладятся всѣми чарами, предлагаемыми за рубль серебромъ и потомъ увѣзжаютъ домой, не испытавъ никакихъ особенныхъ тревоженій — что, спрашиваю васъ? Ничего, кромѣ убѣжденія, что онѣ очень достойные люди и пригодны въ любой великосвѣтскій рассказъ. Нѣтъ, давайте намъ сюда личностей съ истыми новодеревенскими страстями, съ истыми новодеревенскими тонкостями, манерами, невинной хитростью погулять, какъ говорится, *дешево и сердито*. Не безпокойтесь, благосклонный читатель, и не закрывайте книгу на этихъ строкахъ, полагая встрѣтить въ нихъ что-нибудь недостойное васъ, тривіальное, грубое, неудоборазсказуемое въ гостинной. Нѣтъ, будьте увѣрены, все будетъ прилично умыто, причесано, приглажено. Однимъ словомъ вы не будете мною недовольны совершенно.

И такъ, начинаю съ вашего позволенія. Нѣкоторые задаютъ себѣ мудреный вопросъ: Отъ чего у Излера бываетъ всегда столько публики, когда въ Виллѣ Боргезе почти постоянно чутъ ли не пусто? Это отъ двухъ причинъ: отъ сочувствія публики и отъ обстоятельствъ чисто случайныхъ. Я постараюсь изобразить ихъ драматически. Публика Минеральныхъ водъ раздѣляетъ-

ся на множество разрядовъ, изъ которыхъ къ первому принадлежить публика видимая всюду—въ дворянскомъ собраніи, въ оперѣ и на всѣхъ блестящихъ официальныхъ гуляньяхъ. Она мелькаетъ незамѣтно въ аллеяхъ излорова сада и исчезаетъ иногда ранѣе фейерверка. Она только окинетъ взглядомъ новую обѣщанную иллюминацію, прислушается на ходу къ новымъ пѣвцамъ, и всѣмъ пресыщенная, все видѣвшая и извѣдавшая, уѣзжаетъ зѣвая, въ ожиданіи чего-нибудь другаго, новаго. Нѣтъ, не такая публика доступна перу моему и я не беру на себя смѣлости сказать о ней что-нибудь болѣе. Я даже не дерзну провести нѣсколько штриховъ о камеліяхъ. Эти цвѣтки такъ живописно, такъ искусно, съ такимъ знаніемъ дѣла описаны Новымъ поэтомъ, что послѣ такого опытнаго натуралиста всѣ мои описанія были бы безцвѣтны и блѣдны. Мои лица будутъ чисто новодеревенскія, праздничныя, вечернія, сглаживающіяся при полномъ дневномъ свѣтѣ. И такъ начинаю картиной. Темнѣетъ. У подъезда Излоровскаго воксала присутствуютъ толстый городской и нѣсколько жандармовъ. Сѣзжаются. У низкихъ ступеней, въ сторонкѣ, толпятся нѣсколько шляпокъ филограмовой работы, рѣзко бросающихся въ глаза шириною своихъ полей, длиннотою толстаго кружева ихъ окаймляющаго, однимъ словомъ тѣхъ шляпокъ, которыя извѣстны подъ названіемъ *мушкетерокъ*. Это, изволи-те видѣть, собралась компанія, единственно существующая на дачныхъ гуляньяхъ, основанная на правилахъ товарищества и взаимной помощи; это коммунистки своего рода, дѣлящіяся между собою однимъ билетомъ, входя и выходя по очередно, съ помощію контромарокъ. Мелькнетъ одна изъ нихъ на иллюминированной площадкѣ, найдетъ и переговоритъ съ кѣмъ нужно и уступитъ мѣсто другой, быть можетъ менѣе счастливой. За нею слѣдуетъ третья и такъ далѣе. По одалъ отъ нихъ стоитъ одна одинешенька тоже интересная личность, у ней въ рукахъ завѣтный билетъ, отворяющій врата гулливаго пристанища, а она стоитъ неподвижно, устремивъ взглядъ на входъ; она вся превратилась въ зрѣніе. Вдругъ слухъ ея поражается вопросомъ.

— Клара, Клара, отъ чего же вы не у Излера?

— Лизхенъ мантилью и мушкетерку одолжила. Просила на одинъ часъ времени для очень нужнаго дѣла, и вотъ до-сихъ-поръ обманываетъ. Просто изъ одного состраданія одолжила.

— Что же сѣ такое особенное понадобилось?

— Да сдѣлать маленькій скандалъ Карпу Карпычу...

— А гдѣ жъ ея мантилья?

— Въ Саду удовольствія, третьяго дня, кавалеры ея гезунд-хейтъ пили, такъ то и другое виномъ облили.

Чертогъ отверзтъ , но у любительницы не достаетъ прилич-ной одежды, что бы войти въ него!

Но вотъ раздается нѣсколько смѣшанныхъ голосовъ.

— Баронесса, баронесса катить!

Это просто баронесса tout court, баронесса безъ фамиліи, не-знаемой даже ея наемнымъ извозчикомъ, которому иногда она платитъ щедро-щедро, а иногда по цѣлымъ недѣлямъ гро-шемъ не удовлетворяетъ, однимъ словомъ новодеревенская баро-несса.

Разубранную, пахучую, какъ мускусовая мышь, баронессу при-емлютъ изъ коляски трое дождавшихся ее юношей. Въ полуобъ-ятія ихъ она опускается горделиво, медленно, точь-въ-точь но-вая Діана на новыхъ Эндимионовъ, которыхъ она не прочь обра-тить и въ Актеоновъ, только не изъ цѣломудрія и стыдливости.

— Баронесса, жужжитъ ей въ уши одинъ изъ юношей: — вотъ вашъ билетъ.

— Эрминія Францевна, произноситъ другой юноша: — нѣтъ, нѣтъ, вотъ вашъ билетъ.

— Нѣтъ вотъ , у меня вашъ билетъ , упрасиваетъ третій , музыкально прибрякнувъ саблей и почти насильно всовывая бю-летъ въ маленькую ручку самодовольно ухмыляющейся баронессы.

— А мой же билетъ куда я дѣну? раздается съ одной сто-роны.

— Можете подождать и отдать его Лизѣ, я ее за наказаніе не взяла вмѣстѣ съ собой и принудила взхать въ пролетку; она ѣдетъ вслѣдъ за мной и сейчасъ будетъ , отвѣчаетъ баронесса.

Лиза, изволите видѣть, малая женская планета, вращающаяся около другихъ большихъ въ известномъ кругу планетъ , нѣчто въ родѣ приживалки большихъ домовъ, существо, не бросающее на своихъ спутницъ никакой неблагоприятной тѣни , никогда не имѣвшее красоты и давно утратившее молодость.

— А что же станется съ моимъ билетомъ ? раздается съ другой стороны.

— Можете пожертвовать его въ пользу бѣдныхъ, насмѣшливо отвѣчаетъ баронесса.

И билетъ точно поступаетъ , если не собственно въ пользу

бѣдности, то уже во всякомъ случаѣ въ пользу чающихъ отъ щедрой любезности своего ближняго.

Между многими толкающимися на подъѣздѣ, неизвестно для какихъ тайныхъ цѣлей обрѣтается и одна великолѣпная Кринолина.

— Что же вы нейдете? развязно обращается къ ней несчастливенный жребіемъ юноша.

— Не могу еще, отвѣчаютъ ему по русски съ нѣмецкимъ акцентомъ, кавалеръ мой еще не есть здѣсь.

— Эинъ фервантеръ?

— Натюрлихъ, веръ дохъ зонстъ?

— Позвольте до него предложить вамъ билетъ.

— Ахъ, какъ можно отъ незнакомый!

— Да вѣдь не съ рожденья всѣ люди бываютъ знакомы.

— О, эсъ истъ варъ.

— Такъ сдѣлайте одолженъе....

— Ихъ данке зи.... зейнъ зи бекантъ....

Толпа по минутно прибываетъ. У дверей давка. Руки стоящихъ у обоихъ половинокъ инвалидовъ поминутно скрещаются, чтобы воспрепятствовать насильственному вторженію. Вдругъ среди глухаго гула, похожаго на гулъ огромнѣйшаго пчелинаго роя, раздается довольно нахальный возгласъ.

— Вышелъ, говорятъ тебѣ, вышелъ только сейчасъ.

— А контрамарка?

— На что контрамарка, когда еще не успѣлъ изъ-за двери носъ высунуть.

Инвалиды недоувѣрчиво скрещаютъ руки и принатуживаются. Посѣтитель обращается къ клеткѣ, вмѣщающей кассира, котораго руки, быстро раздающія билеты, поднимаются и опускаются, словно крылья птицы, жаждущей вырваться на волю изъ этого хаоса. Что для Излера одинъ лишній безошлинный билетъ? Мановеніемъ головы, озабоченный кассиръ разрѣшаетъ наконецъ спорный вопросъ и сомнительный гость исчезаетъ въ толпѣ.

Но вотъ опять инвалиды принатуживаются. Слѣдуетъ цѣлая фаланга мужскаго и женскаго пола, предводительствуемая господиномъ, который самоуувѣренно произноситъ:

— Господинъ Вильманъ, это со мной.

— Сколько-съ?

— Семь человекъ.

Кассиръ повелительно киваетъ головой и двери разверзаются.

Инвалиды подталкиваютъ cadaго входящаго легонько въ поясницу, шопотомъ произнося:

— Разъ, два, три и такъ далѣе... И вдругъ руки ихъ судорожно скрещаются третично, но уже тщетно.

Вслѣдъ за седьмымъ номеромъ, извившись, какъ угорь, между стѣснившеюся толпой, проскользнулъ восьмой женскій номеръ, не подлежащій контролю.

— Барышня, барышня, вы съ кѣмъ? этого нельзя, извольте вернуться; барышня, это нехорошо-съ! восклицаетъ въ слѣдъ стражъ излеровскаго эдема, но барышня не внемлетъ и съ быстротою газели стремится вдоль колоннады, полной народомъ.

Поютъ цыганы романсъ, возбуждающій неистовый энтузіазмъ въ большинствѣ минеральной публики, нѣкую ножку, право не помню, на что-то наступившую. Изъ рядовъ поминутно подымается неистовый ревъ: bravo, бисъ, фора, дакапо, вдругъ нарушаемый изъ-за угла хриплымъ возгласомъ ура! на который, изъ другаго угла, какой-то, выведенный изъ сладкаго самозабвенія, любитель цыганскаго пѣнія, отвѣчаетъ неизвѣстному восторженному, такимъ же почти хриплымъ голосомъ:

— Д-у-р-а-а-къ!

— Что за содомъ! просто, хоть вонъ бѣги! гнѣвно произноситъ какая-то пожилая толстая барыня, преусердно межъ-тѣмъ проталкиваясь въ самый центръ толпы съ помощью локтей.

— Такъ шла бѣ въ какую-нибудь общину, если здѣсь не любо! шлетъ ей въ догонку советъ одинъ изъ присноприсутствующихъ, полное лицо котораго рдѣетъ, какъ маковъ цвѣтъ, отъ музыкальнаго ли наслажденія или отъ чего другаго—неизвѣстно.

— Крамбамбули! раздаются повелительные голоса.

— Ваньку Таньку, заглушается это приказаніе новымъ, сопровождаемымъ топаньемъ каблукъ, палками и даже скамьями.

И вскорѣ все это смѣшивается въ какое-то нестройное популярно-разнотонныхъ мужскихъ голосовъ, въ которыхъ слышатся, то требованіе цыганъ, то тирольцевъ, то всѣхъ вмѣстѣ, словомъ, по пословицѣ: «Кто требуетъ арбуза, кто проситъ соленыхъ огурцовъ.»

Но вотъ раздаются въ саду звуки оркестра, публика позабываетъ свои требованія и стремится на площадку; восторженность мало-по-малу стихаетъ и вамъ легче слѣдить за бродящими и сидящими парами. Садъ Излера имѣетъ своего бѣса,

такого же всезнающаго и безопаднаго , какъ хр Лесажа; подслушайте его намеки и вы узнаете много. Вотъ почтенный мужъ, украшенный степенной сѣдинами, такъ развязно шмыгающій за двумя парам жекъ. Не думайте, чтобъ это былъ какой-нибудь стар проводящій безалаберное время между бутылками и кой. Нѣтъ, это такой человекъ, къ которому утр день доступъ, который имѣетъ и имя, и значеніе, выи краснорѣчиво возстаетъ противъ унадка нраво добродѣтели, какъ выражается Гоголь, проливаетъ . А въ аллеяхъ Излерова сада, камелии и летучія и вають его полуименемъ и нѣжно треплать по смоу Вотъ мужчина среднихъ лѣтъ, благородной наружи зами голубыми, какъ небо, со взглядомъ голубиц то Стернь, то Марлинскій попеременно въ своемъ у разговоръ; человекъ этотъ въдаетъ все, что толь сите, готовъ предоставить все, что ни пожелаете его къ вашимъ услугамъ, мимолетная прекрасная жизни также , однимъ словомъ человекъ , какъ г башка, руки его скованы драгоценными кольцаме карманъ отдулся отъ полного бумажника. На пе этому человеку можно, кажется, отдать не только п бу, но душу. Онъ окруженъ развеселившеюся мс готовы воскликнуть : это вѣрный дружескій кру братство подъ председательствомъ старѣйшаго и о ошибетесь! это жрецъ и жертвы, это паукъ , о золотыхъ мушекъ, одна изъ тѣхъ нерѣдкихъ сто ностей, про которыхъ я пѣлъ когда-то на грусти ный тонъ , подобный татарскому напѣву , перед красное произведеніе, за неизвнѣмъ собственнаго

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
 Всѣ утонченности игры,
 И я, за картами готовый
 Сидѣть съ зари и до зари,
 Не вѣря кознямъ подтасовки
 И передержки не боясь,
 Любилъ раздолье понтировки,
 Игрою бурной веселясь,
 Въ тѣ дни всечастныхъ поражений,
 На вѣрный отыгрышъ маня,
 Какой-то *штоса* злобный геній

Сталъ часто посѣщать меня.
 Ужасны были наши стычки!
 Его тасовка, зоркій взглядъ,
 И мѣла длинныя странички
 Вливали въ сердце жаръ и холодъ.
 Неистошимою острою
 Въ душѣ онъ смѣлость поселялъ,
 Звалъ *семпель* бабьею игрою
 И *транспортъ* лишь благословлялъ.
 Не вѣря случая свободѣ,
 Онъ въ карты пристально смотрѣлъ
 И ничего во всей колодѣ
 На лѣво бросить не хотѣлъ!

— Желтенькій офицеръ, желтенькій офицеръ! раздается вдругъ нѣсколько женскихъ голосовъ, пойдете *интриговать* (замѣтите безъ маски) желтенькаго офицера; онъ какъ угостить!

Желтенькій офицеръ идетъ плавно, медленно, безъ всякой видимой охоты чѣмъ нибудь насладиться, будто только-что проснулся, и все ему и тускло, и одинаково гадко.

— Ваше сіятельство, голосить ему вслѣдъ прислужникъ водъ, не прикажете ли чего?

— Митюха! отдается чей-то басъ съ льва: — съ тебя, братецъ, контрибуція слѣдуетъ, за то, что поздно прибылъ.

— Князь, князь, прикажите намъ за ваше здоровье шампанскаго выпить, шепчетъ въ свою очередь старая цыганка.

На все это желтенькій офицеръ преравнодушно отвѣчаетъ, будто дѣло идетъ о простомъ стаканѣ воды.

— Тремай!

Желтенькій офицеръ продолжаетъ шествовать и мало-по-малу начинаютъ подбѣгать къ нему прислужникъ за прислужникомъ.

— Ваше высокоблагородіе, одинъ господинъ отъ вашего имени въ буфетъ бутылку вина спросилъ, прикажете за вами считать?

— Добре!

— Ваше сіятельство, цыганы чего требуютъ, прикажете?

Желтенькій офицеръ одобрительно киваетъ только головой и продолжаетъ шествовать. Подобными хлѣбосольными людьми сильно дорожатъ проголодавшіяся посѣтительницы Излерова сада, которымъ не рѣдко случается припоминать тамъ справедливость пословицы: «на чужой каравай, ротъ не развѣвай». Еще недавно Ивану Иванычу, кромѣ всѣхъ его обязанностей, суждено было

творить презапутанный судъ и расправу. Кавалеръ, угощавшій какихъ-то дамъ, вмѣсто того, чтобы шествовать къ буфету для расплаты, направилъ стопы свои во свояси, оставивъ своихъ собесѣдницъ, какъ раковъ на мели. Новодеревенскій Соломонъ даровалъ своимъ испуганнымъ гостямъ полную амнистію.

Подобнаго рода неприятные сюрпризы, для излеровскаго буфета въ особенности, случаются во время бенефисовъ, которыхъ уже нѣсколько было. Изъ нихъ упомянемъ о «Волшебномъ вечерѣ», данномъ въ пользу кассира, г. Вильманна, который былъ вызванъ публикой четыре раза, хотя не потышасть ее никакимъ талантомъ, кромѣ того, что иногда въ темныхъ случаяхъ, принимаетъ на себя всю отвѣтственность за насильственное вторженіе. Изъ этого слѣдуетъ, что въ садахъ Излера, еще таки сохранилась между посѣтителями одна изъ главныхъ добродѣтелей — благодарность. Былъ потомъ бенефисъ г. Ютти, первой скрипки оркестра Пуньи, артиста замѣчательнаго, воспитывавшагося въ миланской консерваторіи и получившаго въ ней первый почетный призъ. Онъ давалъ въ Италіи много успешныхъ концертовъ, управлялъ оркестромъ въ Туринѣ, игралъ въ присутствіи герцога, участвовалъ въ одесской итальянской оперѣ и сочинилъ многія пьесы, изъ которыхъ въ особенности нравится публикѣ его Еврейскій карнавалъ. Но вънцомъ всѣхъ бенефисовъ, былъ бенефисъ въ пользу Излера, подъ названіемъ: Нижегородская ярмарка. На эту ярмарку Излеръ собралъ къ себѣ на лужокъ, шарманщиковъ, акробатовъ, жонглеровъ, ученыхъ собакъ, маріонетокъ, фокусниковъ и разную другую братію. Кромѣ всего этого, онъ приготовилъ своимъ посѣтителямъ еще одинъ неожиданный сюрпризъ. Въ срединѣ вечера бѣшеное стремленіе толпы со всѣхъ сторонъ къ одной точкѣ, возвѣстило о чемъ-то, особенно важномъ. Почернѣла ли вдругъ Альбиноска, упала ли нечаянно луна съ неба на эстраду? Нѣтъ, то Иванъ Ивановичъ превратился въ дирижера оркестромъ Пуньи, началъ повелевать скрипками, распоряжаться флейтами, командовать бубномъ и кастаньетомъ, подъ густымъ паданіемъ букетовъ изъ георгинъ.

Если бы, покорившій слуга вашъ обладалъ способностію одолѣнія и порывался на вершину Пиндара, онъ бы давно, въ сладкозвучныхъ стихахъ, воспѣлъ заслуги г. Излера на пользу общественнаго развлечения; онъ бы перечелъ въ нихъ все, что только было имъ создано, въ теченіе двадцати лѣтъ, великаго,

неподражаемаго, свойственнаго его только неистощимому воображенію, гениальному начиная отъ творчества разноименныхъ распеваевъ, до созданія имъ первымъ въ Петербургъ цыганской труппы. Онъ не ограничился бы названіемъ его *друмомъ несчастныхъ и друмомъ честныхъ людей*, какъ то было уже печатно доказано лѣтъ десять тому назадъ, однимъ петербургскимъ стихотворцемъ, посвятившимъ себя на прославленіе именинныхъ кулебякъ и погребальной кутьи, но пошелъ бы гораздо дальше:— онъ разобралъ бы Ивана Иваныча, какъ говорится по косточкамъ, сталь бы его Тацятюмъ, Роленемъ, Голиковымъ, Макколеемъ

И мыслью воскриленъ тѣмъ паче
Онъ оду началъ бы иначе.

Хоть тако :

Мужской угодникъ, дамскій магъ,
То зодчій, то маляръ, то плотникъ,
На минеральныхъ онъ водахъ
Для всѣхъ трудящійся работникъ.

За рубль найти все можно тамъ
Для слуха, аппетита, виду,
Дневное солнце по ночамъ,
Цыганъ, Тирольцевъ и Сильфиду...

Горящей шкаликовъ въ лучахъ
Для славы Излера нѣтъ крыши,
Съ воздушнымъ шаромъ, въ облакахъ,
Его красуются афиши....

Именно такъ! Слава Ивана Иваныча—«заоблачна», начиная съ «року» тысяча восемьсотъ сорокъ седьмаго, когда съ площадки его увеселительнаго Капитолія вознеслась въ небесное пространство одна прекрасная Краковянка, неромантически опустившаяся не подалеку въ огородную капусту, но тѣмъ не менѣе привѣтствованная пригоднымъ для всякаго случая крикомъ—ура. Нынѣшній годъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, г. Излеръ «усердствуя къ доставленію всевозможныхъ удовольствій (такъ говоритъ афиша) соединился» съ прибывшимъ въ С. Петербургъ «знаменитымъ» воздухоплавателемъ Карломъ Гриномъ, и не щадитъ ни трудовъ, ни издержекъ для устройства одного изъ замѣчательныхъ воздушныхъ полетовъ когда-либо предпринятыхъ въ С. Петербургъ. Дѣло, какъ изволите видѣть, не шуточное: угодить на публику, на которую никто не угодить.

Съ г. Гриномъ, сыномъ того самого воздухоплателя , который , съ своимъ гигантскимъ шаромъ «Нассау» , огромнѣйшимъ изъ всѣхъ до него существовавшихъ , совершилъ по воздуху путешествіе изъ Лондона въ Нассау-Вельбургъ , въ Германіи , по русской пословицѣ—«*на тощакъ створить*» было невозможно , тѣмъ болѣе , что дѣло шло о *триста двадцать второй* вѣроятности сломить себѣ «*для удовольствія почтеннѣйшей публики*» шею , и потому Иванъ Ивановичъ заблагоразсудилъ потолковать и пообсудить о всемъ капитально , по православному обычаю , предварительно *плотно пообѣдавъ* , также по русской пословицѣ. Г. Гринъ долженъ былъ предоставить на этомъ гастрономическомъ засѣданіи въ полное распоряженіе Ивана Ивановича , публики , посвящающей минеральныя воды , и бесплатныхъ любителей всякихъ головоломныхъ предпріятій , свой огромный , дорого стоящій аэростатъ «Континентъ» , сдѣланный изъ лучшей шелковой италіанской матеріи пунцоваго и золотистаго цвѣта , во 120 футовъ въ діаметръ , въ 60 футовъ высоты вмѣстѣ съ лодкой , вмѣщающемъ въ себѣ *тридцать два тысячи* кубическихъ футовъ угле-водороднаго газа , а Иванъ Ивановичъ , съ своей стороны , вознаградить ловкаго воздухоплателя тѣмъ презрѣннымъ металомъ , изъ-за котораго иногда не только самая жизнь , но и честь ни почемъ. Обѣдъ , истинно Излеро-лукуловскій , на которомъ не доставало , развѣ только птичьяго молока , на которомъ красовалась какая-то новая водка подъ названіемъ «Вельяшевка» , состоялся 17-го августа , за день до славнаго низшествія , гдѣ попало , или до той участи , которая постигла несчастнаго петербургскаго Икара Леде , безвѣстно пропавшаго. Между приглашенными находились двое любителей , изъявившихъ желаніе сопутствовать г. Грину , и вотъ въ воскресенье 18-го августа отважный воздухоплатель поднялся изъ сада Павловскаго Корпуса самъ другъ , но только не въ сопровожденіи тѣхъ , которые на обѣдъ дали ему слово быть его товарищами ; нѣкоторыя обстоятельства помѣшали отважному намѣренію господъ аматеровъ.

Въ настоящее время полетъ воздушнаго шара далеко не рѣдкость и не можетъ возбудить большаго удивленія , но все-таки аэростатъ Грина выходитъ изъ ряду обыкновеннаго , по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ , по совершенству своего устройства и по своей цѣнности. Человѣкъ—царь творенія по своему уму , очень бѣдно надѣленъ физически. У него нѣтъ ни быстроты оленя , ни глаза орла , ни плавательныхъ перьевъ рыбы , ни крыль птицы.

Человѣку требовалось пополнить всѣ эти недостатки, и вотъ лошадь, а потомъ паровозы замѣнили ему быстроту; телескопъ и микроскопъ сравнили его съ далеко зрящимъ орломъ; корабль и пароходъ покорили ему водную область; не доставало только владычества въ воздухѣ. И оно въ настоящее время начинаетъ переходить изъ мечты въ дѣйствительность. И если подумаешь, кому обязано челоуѣчество мысли о воздухоплаваниі — кому? Разумѣется Монгольфьеру, подскажете вы. Прошу покорно извиненія. Монгольфьеръ былъ только усовершенствователемъ чужой идеи — идеи сумасшедшей дѣвушки, отъ любви потерявшей разсудокъ. Пуская мыльные шары, она желала вмѣстѣ съ ними подняться на небо къ умершему другу. Мысль была брошена, Монгольфьеръ воспользовался ею и воздушный шаръ былъ изобрѣтенъ.

По случаю воздухоплаваниа г. Грина, на минеральныхъ водахъ былъ въ тотъ же вечеръ данъ великолѣпный праздникъ съ ирриличествующимъ событію названіемъ: Ожиданіе изъ-за облаковъ. Публика, едва вмѣщавшаяся въ залахъ и въ саду, дождалась возвращенія воздухоплавателя и приветствовала его громкими криками. Нашлись даже охотники возвестить г. Грина снова, не на облака разумѣется, а къ потолку, на рукахъ, но къ счастью для чествуемаго почитателя минеральныхъ водъ это радушное предпріятіе въ исполненіе приведею не было. И что жъ? О, людская ненасытность желаній! Среди общаго восторга нашлись же такіе, которые громко провозгласили:

— Эко диво! Есть за что качать! Вотъ, еслибъ онъ удралъ такую же штуку, какъ Леде, такъ былъ бы молодець. А то невидаль спуститься за тридцать веротъ, да еще въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ему можно было всякую помощь подать!

Г. Гринъ спустился близъ Царскаго Села въ деревнѣ Кузьминѣ и возвратился въ Новую деревню съ повоздомъ желѣзной дороги.

Упрекавшіе воздухоплавателя въ томъ, что онъ выбралъ для своего спущенія на землю то, а не другое мѣсто, вероятно позабыли, что воздушный шаръ не имѣетъ ни крыль, ни хвоста, ни лапъ, ничего, словомъ, чтобы могло придавать ему желаемое направленіе: это корабль безъ парусовъ и руля, рыба безъ плавательныхъ перьевъ, общипанная птица; онъ только имѣетъ способность нестись по воздуху, куда понесетъ его вѣтеръ. Его изобрѣтеніе такъ еще юно, что онъ бредетъ, какъ безсмысленный младенець, на угадъ, на волю случайности. Многіе трудн-

лись надъ разрѣшеніемъ трудной задачи—управленія аэростатомъ, и до сихъ поръ совершенно безуспѣшно. Неужели не придетъ никогда то горделивое время, когда эта трудность будетъ преодолена, когда воздушный шаръ покорится мановенію человеческой руки и какъ обузданный конь помчится куда угодно по прихоти своего властелина? Человѣкъ сдвѣляется тогда поистинѣ владыкой своей планеты; не будетъ болѣе ни морей, ни рѣкъ, ни горъ, ни крѣпостныхъ твердынь, чтобы удержать его стремленіе. Вся физіономія земли должна будетъ измѣниться отъ одной, новидимому маловажной причины: отъ своевольнаго управленія полетомъ воздушнаго шара. Возникнуть другіе нравы и обычаи, во всемъ произойдетъ рѣшительная реформа. Прощай прежняя архитектура, прости недоступность музльманскихъ серралей: радуйтесь, прекрасныя затворницы, — и только имѣйте немного терпѣнія. Тактика будущихъ Донъ-Жуановъ измѣнится: они будутъ спускаться съ облаковъ, вмѣсто того, чтобы подыматься изъ преисподней на любовные подвиги, и всѣ возможные Бартоло для защиты ихъ Розинъ должны будутъ прикрывать сады желѣзными сѣтками. Всякій согласится, что при вѣрной безопасности, при несомнѣнной гарантіи жизни, воздушное путешествіе есть самое быстрое, самое спокойное и самое поэтическое. Дорога не представляетъ никакихъ препятствій, потому что движеніе происходитъ въ эластической жидкости воздуха, которая рѣступается предъ вами и тотчасъ же потомъ смыкается, какъ волна. Даже нельзя опасаться бурь и грозъ, потому что онѣ господствуютъ только въ пространствѣ семи верствъ надъ землею и никогда не переходятъ въ заоблачную сферу; тамъ, въ самую ужасную бурную погоду, воздухъ неподвиженъ и прозраченъ и солнце свѣтитъ кротко и привѣтно. И такъ пусть ваше воображеніе и вашъ взоръ заранѣе насладится великопыннымъ зрѣлищемъ постоянного движенія аэростатовъ, всрѣчающихся между собою и двигающихся по разнымъ направленіямъ на разной высотѣ, блистая разноцвѣтными радужными красками, озлащаясь днемъ солнцемъ, а ночью серебрясь мѣсяцемъ. Все исчезнетъ тогда предъ человѣкомъ—и высь, и пространство, и недоступныя нынѣ любознательной наукѣ центральныя пустыни Азіи и Африки откроютъ намъ свои заповѣдныя тайны. Міръ Божій будетъ нами извѣданъ во всѣхъ малѣйшихъ уголкахъ и льды полюса, погубившіе Франклина, будутъ для насъ тоже самое, что теперь ледъ въ шампанскихъ вазахъ — любимѣйшимъ

препровожденіемъ времени надъ ихъ ледящей атмосферой, во время лѣтнаго зноя. Вершины Андовъ, Чимборазо, Арарата сгладятся съ лица земли. Устроятся воздушныя компаніи на акціяхъ, богатые люди заведутъ свои собственные аэростаты и, чтобы опредѣлить чье нибудь довольство и благосостояніе, не будутъ уже говорить: онъ ѣздитъ въ каляскѣ или въ каретѣ на прекрасныхъ рысакахъ, а скажутъ: у него есть воздушный шаръ, вмѣщающій тридцать четыре тысячи кубическихъ футовъ газу...

Но пора уже дать отдохнуть мечтамъ и снова спуститься на землю, о которой мы позабыли въ нашемъ аэростическомъ увлеченіи.

Въ прошедшемъ нашемъ фельетонѣ мы говорили о нѣсколькихъ компаніяхъ на акціяхъ, учреждаемыхъ для общественной пользы. Вотъ еще одна новая компанія съ такою же цѣлюю.

Поручикъ Бенардаки, коммерціи совѣтникъ Кокоревъ, гг. Байковъ, фонъ-Дезинъ и французскій подданный Шолле, составили съ Высочайшаго разрѣшенія Общество на акціяхъ, для приготовленія продовольственныхъ и разныхъ животныхъ веществъ, а также торговли ими. Общество имѣетъ въ виду: сохраненіе мяса въ прокъ, въ солку и извлеченіе продуктовъ изъ всѣхъ частей животныхъ и приготовленія разныхъ продовольственныхъ веществъ. Съ этою цѣлю Общество предлагаетъ устроить, преимущественно на югъ Россіи 1) бойни, по новѣйшимъ правиламъ, 2) заведенія для приговленія мяса въ прокъ и солонины, 3) салотопенные заводы для выварки сала, 4) кожевенные заводы, 5) заведенія для приготовленія костянаго порошка и желатины изъ костей, 6) заведенія для приговленія роговъ и копытъ въ продажу, 7) заведеніе для обработки жилъ, крови, остатковъ и проч. Независимо отъ всего этого Общество имѣетъ право открыть и другіе промыслы, относящіеся къ приготовленію продовольственныхъ и другихъ животныхъ веществъ: говядины, рыбы, кожъ, сала и проч. Капиталь общества опредѣляется въ три милліона руб. сер. и составляется изъ двадцати четырехъ тысячъ акцій, по сту двадцати пяти рублей каждая, безъ оградченія количества акцій, которое можетъ быть взято однимъ лицомъ. При выпускѣ акцій взимается только 20% ихъ цѣнности, т. е. по двадцати пяти рубленій съ акціи. Дальнѣйшіе взносы опредѣляются правленіемъ, о постановленіи котораго по этому предмету печатается въ русскихъ и французскихъ Вѣдомостяхъ, съ обозначеніемъ срока взноса, который впрочемъ не можетъ послѣдовать

ранѣе трехъ мѣсяцевъ со дня объявленія. Общество предлагаетъ устроить конторы и складочныя магазины не только въ Россіи, но и за границей. Нельзя не пожелать этой компаніи успѣха, тѣмъ болѣе, что въ продолженіе какихъ нибудь двухъ, трехъ лѣтъ стремленіе частныхъ лицъ для общественной пользы дѣлается болѣе замѣтнымъ. Частныя интересы до того умолкаютъ предъ общими, что даже такія выгоды, которыя могли бы, по своей важности для всего народонаселенія государства, доставлять владѣльцу несомнѣнный и большой капиталъ, жертвуются безкорыстно. Въ этомъ можно убѣдиться, прочтя нѣсколько страницъ Морскаго Сборника, журнала хотя и имѣющаго водяное названіе, но однако же не допускающаго въ своихъ столбцахъ такъ называемыхъ журнальныхъ утокъ для того, чтобъ могло существовать какое либо сомнѣніе въ истинѣ сказаннаго. Въ Морскомъ Сборникѣ говорится о вѣрнѣйшемъ, испытанномъ средствѣ противъ одного изъ самыхъ мучительныхъ недуговъ, рѣдко когда уступавшихъ усиліямъ самой опытной медицины. Помѣщикъ рязанской губерніи, ряжскаго уѣзда, г. Левашовъ, живущій въ селѣ Пехлецѣ, посредствомъ пилюль, составленныхъ изъ травъ и переходящихъ отъ отца къ сыну въ его семействѣ, какъ семейный секретъ, излечилъ болѣе двухъ тысячъ человекъ отъ такъ называемой водобоязни, происходящей отъ укушенія бѣсныхъ собакъ.

Противъ этой болѣзни предлагалось и испытывалось множество средствъ и всѣ они оказались или бесполезными или несовершенными. Медицина стала въ тупикъ, и вотъ наконецъ является человекъ, котораго заслуги будутъ неоцѣннымы, если только средство, предлагаемое имъ, окажется дѣйствительнымъ и онъ, движимый любовью къ человечеству, согласится обнародовать свою драгоценную тайну. Г. Левашовъ не беретъ ни съ кого денегъ и даже высылаетъ даромъ свои цѣлительныя пилюли и порошки иногороднымъ, съ приличнымъ наставленіемъ какъ ихъ употреблять, требуя только одного: сдѣлать носильный средствамъ большаго вкладъ въ сельскую его церковь. Нельзя не быть убѣжденнымъ, что редакція Морскаго Сборника, какъ правительственная и въ высшей мѣрѣ добросовѣстная и строгая въ выборѣ помѣщаемыхъ извѣстій, имѣла какія нибудь вѣрныя данныя для помѣщенія подобнаго извѣстія.

Въ дополненіе къ этому общепользному медицинскому извѣстію мы можемъ добавить другое—петербургское. Это учрежде-

ніе при максимиліановской лечебницѣ для приходящихъ, новаго большаго отдѣленія на пятьдесятъ кроватей. Больные различнаго званія будутъ помѣщаемы въ этой лечебницѣ, съ платою 35 руб. сер. въ мѣсяцъ въ общей комнатѣ, и съ платою 55 руб. сер. въ особенной. Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна уступила для этой цѣли, управляющему максимиліановской лечебницей, квартиру въ которой, помѣщались раненые офицеры. Бывшая лечебница подобнаго рода, доктора Маргулеса доказала необходимость такого заведенія, въ особенности благодѣтельнаго для холостыхъ и людей безсемейныхъ, за которыми некому смотреть и ухаживать какъ слѣдуетъ. Находясь подъ наблюдениемъ извѣстныхъ врачей Петербурга, это новое заведеніе принесетъ несомнѣнную пользу.

Перейдемъ теперь къ художественнымъ новостямъ.

Главною изъ нихъ, разумѣется, должно поставить скорое окончаніе Исакиевскаго Собора, который, какъ слышно, предположено открыть перваго октября. Это огромное великолѣпное зданіе вмѣщаетъ въ себя почти все, что только произвело русское искусство замѣчательнаго въ образномъ родѣ живописи. Брюловъ, Бруни, Басинъ, Нефъ, Марковъ, Майковъ, Витали, Лемеръ, Баронъ Клодтъ-фонъ-Юргенбургъ и многіе другіе украсили стѣны его своими произведеніями, наша Финляндія одѣла его своимъ гранитомъ и мраморомъ, наша Сибирь отцвѣтила его яшмой, малахитомъ, Италія доставила лапись-лазури. Черезъ мѣсяцъ петербургская публика увидитъ всѣ эти сокровища и природы и человеческого творчества.

Поговоримъ теперь о другой новости. Академикъ скульпторъ Рамазановъ окончилъ одинъ изъ барельефовъ къ памятнику Императора Николая I, изображающій то событіе на Сѣнной площади во время первой холеры, когда Государь однимъ словомъ усмирить взволновавшуюся чернь. Самый памятникъ, состоящій изъ конной статуи, исполняется барономъ Клодтомъ фонъ-Юргенбургомъ и имъ же отольется изъ бронзы. Чтобы дать понятіе о величинѣ его, нужно сравнить эту конную статую съ статуею Императора Петра Великаго, которую она нѣсколько превосходитъ. Исторія сооруженія этого памятника довольно замѣчательна и потому мы считаемъ не лишнимъ пересказать о ней вкратцѣ. Для производства и отливки мѣднаго Всадника вызванъ былъ въ Петербургъ въ 1766 году скульпторъ Фальконетъ, ученикъ Лемуана, профессора королевской академіи ху-

дожествъ, известный уже изваяніемъ Флоры, Цезоны и четырехъ временъ года. Модель памятника изъ гипса была окончена въ 1769 году, и голова Петра была вылита не самимъ художникомъ, а прѣхавшею съ нимъ изъ Париза дѣвицею Калотъ. Отливка памятника, которую сперва не бралъ на себя Фальконетъ, принявшій только главный надзоръ за работами, поручена была литейному мастеру Эрсману, вызванному въ 1772 году. Для опыта Эрсманъ отлилъ прежде Фальконетову фигурку, изображающую мальчика, вынимающаго занозу изъ ноги, и вслѣдъ за тѣмъ приступилъ къ устройству плавильной печи, взявшись совершить работу за 140,000 ливровъ. Въ это время между обоими художниками возникли несогласія, окончившіяся тѣмъ, что Эрсманъ былъ удаленъ, а Фальконетъ, до-толь себя недо-вѣрявшій въ новомъ для него дѣлѣ, сдѣлался полнымъ распорядителемъ отливки и едва не заплатилъ жизнью за опрометчивость. Къ счастью, смотрѣніе за плавильною печью поручено было пушечному литейному мастеру Хайлову. Это было въ 1775 году. Рассказываютъ, что, во время отлитія, лопнула одна изъ трубокъ; металлъ началъ разливаться; загорѣлся тесъ; испуганные работники и самъ Фальконетъ спѣшили изъ мастерской; еще нѣсколько минутъ, и девятилѣтній трудъ художника погибъ бы невозвратно, если бы не мастеръ Хайловъ: онъ одинъ остался въ литейной, и неустрашимостію своею и смѣлвостію остановилъ угрожавшее несчастіе; заткнувъ глиною щель трещины, онъ остановилъ металлъ и успѣлъ потушить пламя. Обстоятельство это было однако причиною, что верхняя часть всадника отъ колѣнъ, также грудь и голова коня остались не отлиты, и самое изваяніе было окончено не прежде 1777 года. Камень, служащій подножіемъ, въсомъ чернъ до 75,000 пудовъ, привезенъ изъ Лахты. Главнымъ распорядителемъ при поднятіи и перевозкѣ его былъ механикъ Фигнеръ. Опасаясь, чтобы величина камня не скрала красоту изваянія, Фальконетъ рѣшился убавить его; но успѣлъ отсѣчь не болѣе пяти футовъ, какъ намѣреніе его было остановлено.

Недошедшія до насъ обстоятельства были причиною многихъ неудовольствій, которымъ подверженъ былъ Фальконетъ въ послѣднее время пребыванія его въ С.-Петербургѣ. Не взирая на милостивое расположеніе Императрицы и на всеобщее уваженіе, онъ, не дождавшись открытія памятника, выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ 1778 году. Главныя причины огорченій, заставив-

шихъ Фальконета оставить Россію, приписываютъ ему самому, его безпокойному характеру.

По отъздѣ его, окончательныя работы надъ памятникомъ поручены были находившемуся уже при обработкѣ его извѣстному художнику Фельтену. Открытіе происходило 7 августа 1782, въ день столѣтняго празднованія возшествія на престолъ Петра Великаго. По этому случаю выбита медаль и изданъ милостивый манифестъ.

Сооруженіе памятника обошлось казнѣ въ 424,610 руб. ассигн., изъ коихъ на Фальконета употреблено 92,296 р. Высота всадника съ конемъ 17½ футовъ; высота одного всадника 11 фут. Скачъ коня возвышенъ, отъ горизонтальной линіи на 10 градусовъ. Модель змѣи сдѣлана была нашимъ скульпторомъ Гордзевымъ.

Упомянемъ въ заключеніе о недавно вышедшей въ свѣтъ пятой тетради портретовъ лицъ, отличившихся въ военныхъ событіяхъ 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ: генераль-адъютанта П. Х. Граббе, начальствовавшего въ 1854 году кронштадскимъ гарнизономъ, а въ 1855 и 1856 командовавшего войсками, расположенными въ Эстляндіи; генераль-лейтенанта П. Я. Ренненкамфа, командовавшего подъ Силистріей 16 пѣхотною дивизіей; генераль-лейтенанта И. А. Базина, участвовавшего въ 1854 году въ дѣйствіяхъ въ Финляндіи, а въ 1855 командовавшего дивизіей Кавказскаго корпуса, съ которою онъ отличился 17 сентября подъ Карсомъ; Артиллеріи генераль-маіора А. Х. Даллера, отразившаго англійскую эскадру при устьѣ Наровы 6 іюня 1855 года, и лейтенанта П. Л. Жерве, участвовавшего такъ блистательно при защитѣ Севастополя.

СИБИРСКАЯ ПОЧТА.

Письмо 1-е. июль 1857 года.

М. Г.

Съ душевнымъ удовольствіемъ принимаю предложеніе ваше относительно постоянной переписки съ редакціей Библіотеки для

Чтенія по поводу сибирской жизни и сибирскихъ новостей. Нельзя не пожелать успѣха вашей мысли на счетъ учрежденія въ вашемъ журналѣ постоянной корреспонденціи съ отдаленными и занимательными сторонами нашего великаго отечества. Отъ души говорю вамъ, въ добрый часъ, и пусть вы никогда не нуждаетесь ни въ сибирскихъ, ни въ кавказскихъ, ни въ варшавскихъ сотрудникахъ. Предложеніе ваше застало меня въ расплохъ — въ дорогъ — посреди всякихъ дѣлъ и хлопотъ. Времени было мало, но мнѣ хотѣлось поскорѣй отозваться и послать къ вамъ хотя коротенькую вѣсть о дальней Сибирѣ. Не вышлите за то, что письмо мое коротко и касается только общаго очерка нашей жизни. Зима у насъ начинается рано, а съ зимой приходятъ и свободные дни, и воспоминанія о лѣтнихъ развѣздахъ, и охота писать, и запасъ новостей. Осенью и зимою я буду краснорѣчивѣе и пространнѣе, въ настоящій же мѣсяцъ не могу обѣщать вамъ ни того, ни другаго. И такъ, начнемъ же нашу корреспонденцію.

Конечно, вамъ иногда приходилось взглядывать съ сожалѣніемъ на огромное зданіе, возведенное въ изящныхъ формахъ, но еще не отстроенное, отчасти запущенное и, по малому времени на работы, еще не приведенное въ стройность. Въ нижнемъ этажѣ его, или въ мансардѣ, приутилось нѣсколько бѣдняковъ, а лучшія комнаты оставлены для воронъ, галокъ, мышей и крысъ, на которыхъ только охотникъ—котъ иногда дѣлаетъ свои набѣги. Все имѣетъ видъ простора, соединеннаго съ разрушеніемъ и пустотою. Согласитесь, что это одно изъ зрелищъ, часто встрѣчающихся, но не часто дающихъ намъ пріятныя мысли.

Наша Сибирь, страна обширная, богатая, многое обещающая въ будущемъ,—но покрытая рѣдкимъ населеніемъ—не разъ бывала похожа на просторный недостроенный домъ, сулившій много труда и великихъ усилій тому, кто будетъ его достраивать. Останемся однакоже еще на домъ. Вы узнаете, что огромное зданіе это перешло въ руки дѣятельнаго строителя, и видите въ одно пыльное утро, какія обыкновенно бываютъ лѣтомъ въ городахъ, что дѣятельность около дома закипѣла, явились каменщики, штукатуры, кровельщики, плотники и прочая бобровая братія, и не прошло мѣсяца, какъ домъ явился въ обновленномъ видѣ, наполнился жильцами, трубы задымались, зазвучала въ немъ музыка, засмѣялась молодежь, запищали дѣти, заохали старики и запѣли пташки.... Точно такое превращеніе, на моей памяти, случилось

съ нашей восточной Сибирью. Страна эта представляла огромную лѣсную пустыню. Тутъ върѣдка, лѣтъ за двадцать пять назадъ, встрѣчался одинъ изъ тѣхъ городковъ, о которыхъ, кажется, Марлинскій сказалъ, что ежели при въездѣ въ одинъ такой городокъ зѣвнешь по всѣмъ изящнымъ правиламъ этого дѣйствія, т. е. разинешь ротъ и зажмуришь глаза, то когда закроешь ротъ и откроешь глаза, города уже какъ не бывало, онъ давно у прозѣжаго за спиною. Города восточной Сибири носили эти названія по тому же праву, по которому были у насъ на русско-китайской границѣ крѣпости, т. е. ихъ только такъ называли, но какъ въ первыхъ городскимъ, такъ въ послѣднихъ крѣпостнымъ и не шло. Тутъ рѣдко попадалась деревня, имѣвшая всегда какъ бы послѣ-пожарный видъ: разбросанные заборы, недокрытыя крыши, разбитыя окна, и состоявшая изъ десятка, а много «изъ полутора съ половиной» домовъ. Храмы Божьи очень рѣдко встрѣчались; училища еще рѣже; даже кабаки не во всякой деревнѣ оказывались на-лицо. Всего чаще попадались однодворки, т. е. одна избушка чуть-чуть не на курьихъ ножкахъ, но непременно задомъ, передомъ и боками къ лѣсу. Только нѣсколько оживляли страну кочевые народы и то потому, что около ихъ юрты (жилища) всегда ржали лошади, мычали коровы и лаяли стаи собакъ. Въ старое время люди, посѣщавшіе Сибирь, постоянно думали о томъ, какъ бы скорѣе уѣхать изъ этого суроваго края. И промышленники, и путешественники навѣщали его лишь для временныхъ цѣлей: даже служащія лица рѣдко чувствовали привязанность къ тому мѣсту, куда судьба ихъ бросила. Всѣ жили какъ на бивакахъ, и даже старинное управленіе какъ-будто не имѣло ничего осѣдлаго. Лѣтъ 30 тому назадъ, про одно лицо, весьма важное въ краѣ, но чуть ли не всегда проживавшее въ Петербургѣ, сибирскіе остряки говорили: «у *** должно быть хорошіе глаза: онъ изъ Петербурга хочетъ видѣть все, что у насъ дѣлается!» На моей же памяти все перемѣнилось къ лучшему. Не заглядывая слишкомъ долго назадъ, обратимся къ настоящему.

Нынешній генералъ-губернаторъ восточной Сибири, генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, съ полною и благо-разумною энергіею взялся за управленіе Высочайше ввѣреннымъ ему краемъ, и, какъ можно на вѣрное предполагать, съ твердымъ намѣреніемъ—видѣть на мѣстѣ плоды своихъ неутомимыхъ трудовъ и заботъ; въ короткое время, изъ такъ называвшагося

у насъ жалкаго «унтоваго войска» *, явилось прекрасное регулярное войско, удивляющее даже Китайцевъ, ни чему доселѣ не удивлявшихся. Вотъ какъ оригинально выразилось это удивленіе: Китайцы съ любопытствомъ смотрѣли на маршировавшій тихимъ шагомъ и фронтомъ ившій казачій полкъ, и вдругъ воскликнули, ломаннымъ русскимъ языкомъ, на которомъ они объясняются въ Кяхтѣ **: «Кака за ево многа люди одина широка нога походи еса?» Т. е. какъ такое множество людей на одной широкой ногѣ ходитъ?!

Войско это, состоявшее прежде изъ нѣсколькихъ сотъ казаковъ, возрасло въ тысячи и въ составъ его вошли Буряты, бывшіе прежде воинами только по названію, а нынѣ выказавшіе надежныя воинственныя способности, которыми надѣлила ихъ природа и которыя наследовали они отъ предковъ своихъ, сподвижниковъ Чингисъ-хана. Любители живописнаго жалуютъ о томъ, что Буряты считаютъ теперь нужнымъ обрѣзать косы, сохранившія въ нихъ древнюю воинственную особенность. Известно, что коса эта имѣла назначеніе привязывать къ ней оружіе при переплываніи рѣкъ. Правда, нынѣ вездѣ есть мосты... За войскомъ выросли какъ бы изъ земли станицы, села и даже новые города, даже въ такихъ мѣстахъ, куда, по словамъ поговорки, «воронъ костей не заносилъ», — на примѣръ на пути отъ Якутска до Аянскаго порта.

Обо всемъ этомъ, впрочемъ, вы должны уже знать, если слѣдите за официальными извѣстіями и нѣкоторыми литературными новостями. Мнѣ предстоитъ долгъ и честь извѣщать васъ о новѣйшихъ событіяхъ, и вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, сколько, впрочемъ, они могутъ быть новыми по причинѣ страшнаго разстоянія, насъ раздѣляющаго.

Тамъ, гдѣ цѣлые вѣка, можетъ быть съ самаго начала міра, не было никакого слѣда цивилизаціи, гдѣ не далѣе, какъ за два вѣка назадъ, раздался только звукъ перваго ружейнаго выстрѣла, — тамъ въ нынѣшнее лѣто устроиваются желѣзныя дороги и электрическіе телеграфы. Правда, что это еще въ малыхъ размѣрахъ и нашими средствами, именно желѣзная конная

* Названіе это произведено отъ слова *умтъ* — теплая, мягкая обувь изъ выдѣланной шкуры косули. Въ такой обуви казаки стояли во фронтѣ.

** Собраніе этихъ словъ напечатано въ академическихъ извѣстіяхъ 1853 года.

дорога отъ озера Кизи до залива де-Кастро , а электрическій телеграфъ между возникшимъ городомъ Николаевскимъ и залывомъ де-Кастро, на протяженіи 400 верстѣ.

Россійскій посоль въ Китай, графъ Путятинъ, пробывъ некоторое время въ Кяхтѣ, въ напрасномъ ожиданіи отъ неръшительныхъ Китайцевъ согласія на провѣздъ свой этимъ путемъ, отиравшись чрезъ Амуръ моремъ въ Пачилійскій заливъ, въ ближайшій морской пунктъ къ Пекину. Его сопровождалъ до границъ своего завѣдыванія генераль-губернаторъ восточной Сибири. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ не было другаго пути въ Китай, какъ чрезъ Кяхту, и русскій посоль графъ Ю. А. Головкинъ, встрѣтившій ту же вѣчную неръшительность Китайцевъ, долженъ былъ возвратиться отсюда окончательно.

Амурскіе берега, или такъ названная приморская область, уже обросли съ себя пустынную одежду; въ настоящее время здѣсь видно движеніе войскъ, временно сюда призванныхъ, и кромѣ того три сотни казаковъ поселяются на верхней половинѣ Амурса до Хинганскаго хребта. Возобновляется также и здѣшняя древность — Албазинъ, населенный казаками въ XVII столѣтіи и скорѣе разоренный Китайцами, съ помощію іезуитовъ. И такъ сибирская пословица: «Не нашъ, не вашъ, какъ Албазинъ,» потеряла теперъ свое значеніе. Давно бы пора!

Конечно, никакое предпріятіе не остается безъ противорѣчій, есть своя неизбежная тѣнь во всякой картинѣ, — и мы уже слышали, что одинъ досужій челоувкъ написалъ цѣлую книгу, подъ заглавіемъ: «Слово правды», въ которомъ старается доказать, что населеніе и цивилизація отдаленныхъ частей Сибири не есть благо, и что лѣсная пустыня прекраснѣе всякаго образованнаго края. Кажется, что со времени Руссо никто еще не пускалъ въ свѣтъ такого разсужденія. Говорятъ, что книга послана въ печать. Любопытное будетъ произведеніе, но оно, конечно, не взирая на свою занимательность, не остановитъ того, что такимъ быстрымъ потокомъ наводняетъ сибирскую пустыню, и свистъ пароходовъ и паровозовъ заглушитъ напрасные крики отсталыхъ философовъ.

Что касается до насъ, сыновъ Сибири хладной, то мы ожидаемъ важныхъ и вполне благопріятныхъ событій для нашей родины. Съ одной стороны мать наша Россія удѣляетъ уже намъ избытокъ своихъ образованныхъ и трудолюбивыхъ сыновъ; страна наша быстро начинаетъ входить въ рядъ населенныхъ странъ.

Съ другой, — легко предвидѣть, по совершающимся событіямъ, что упрямый Китай броситъ свой гибельный для него предразсудокъ не позволять ни кому селиться на Сѣверъ за Великою Стѣною, * и тогда, какъ заржавившіе ворота этого міроваго чуда растворятся, муравейникъ полуострова, задыхающійся теперь отъ тѣсноты, гдѣ появленіе холеры считается благодѣяніемъ неба, — разломается, и два мирные народа, одушевленные торговою дѣятельностью, будутъ жить бокъ о бокъ. Да, это блаженное для Сибири и Китая время скоро наступитъ!

Однако же въ ту дивную пору, какъ изъ ничего, — подобно солнцамъ, планетамъ и звездамъ по манію Творца, возникаютъ въ Сибири губерніи, области, города и градоначальства, изящному искусству не посчастливилось на одномъ пунктѣ. Служеніе Талия и Мельиомень, проявившееся на короткое время на одной точкѣ огромнаго пространства, Сибирью именуемаго, исчезло, какъ метеоръ, и увь! исчезло, не оставивъ даже по себѣ сожалѣнія. Мы говоримъ о Иркутскомъ театрѣ. Онъ уже не существуетъ и тѣ артисты, которые пріѣхали сюда за шесть тысячъ верстъ попытать счастья, поплелись обратно къ своимъ пенатамъ. Хороша прогулка, нечего сказать!

За то процвѣтаетъ отдѣлъ географическаго общества. Ему раздолье; въ томъ году онъ описывалъ пустыню, въ слѣдующемъ — на томъ же мѣстѣ находить уже населенную страну и географическая карта испещряется точками городовъ и другими знаками цивилизаціи.

Однакоже, позвольте кончить и кончить маленькою оговоркою. Правда, что пишу къ вамъ изъ Сибири, какъ очевидецъ, — но въ дистанціи такого огромнаго размѣра очевидцемъ всего, что происходитъ почти подъ девяноста градусами широты и долготы, т. е. почти на четверти поверхности земнаго шара, — можетъ быть только Тотъ, кто все видитъ и все знаетъ, и потому имѣйте въ соображеніи, что письмо основано большею частію на «слухахъ носящихся.» Можетъ быть то, что я называю городами, по объему своему принадлежатъ къ городамъ самаго небольшато разряда, но ни какой городъ, даже и въ Соединенныхъ Штатахъ, не бываетъ огромнѣе на первый годъ своего

* Манжурскій домъ, нынѣ царствующій въ Китаѣ, воспользовался указаніями выходцевъ изъ Китая, чтобы завоевать это государство. Чтобы самому не подвергнуться той же участи, онъ строго запретилъ выселяться за Великую Стѣну. Женская попка и ступить сюда не можетъ.

основанія. Можетъ быть и слухи о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ преждевременны, но слухъ не родится изъ нечего, и когда восточная Сибирь была настоящей лѣсной пустыней, въ ней никто бы не подумалъ о возможности пароваго сообщенія. А въ томъ, что у насъ теперь всѣ сообщенія удобнѣе и быстрѣе, чѣмъ прежде, сознается всякій человѣкъ, подобно мнѣ, странствовавшій и странствующій.

Пишу съ дороги, но обещаю вамъ, какъ только доберусь до города (это становится въ Сибири легче, чѣмъ было прежде!), то напишу вамъ подробнѣе и *лучше*.

С. Ч.

ЗАМЪТКИ И УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ТУРИСТА.

НАШИ ЗА ГРАНИЦЮ.

Эпистола въ редакцію Библіотеки для Чтенія.

Получилъ я , получилъ я , государь мой редакторъ , грозное письмо ваше , въ которомъ вы упрекаете меня въ бездѣйствіи , сравниваете съ Сарданапаломъ и даже не безъ ядовитости замѣчаете , что я вѣроятно вернусь въ С.-Петербургъ совершеннѣйшимъ фатомъ. Въ тоже самое время жены нѣкоторыхъ моихъ друзей пишутъ ко мнѣ , что будто бы я совершенно развратилъ скромнаго Лызгачова и мѣшаю ученому Пайкову , моему спутнику , заниматься интересами современной науки. Все это неправда , скажу я вамъ по дружески. Не на розахъ и камеліяхъ застало меня посланіе ваше , оно нашло меня за полунощной лампадой , въ виллѣ осѣненной кипарисами , за второй главою труда , который , я надѣюсь , не пройдетъ незамѣченнымъ въ Европѣ. Трудъ этотъ готовится для васъ , онъ будетъ называться «*Сатирическое путешествіе по Европѣ или поѣздка нѣсколькихъ старыхъ сатириковъ къ вершинѣ Везувія*». Право на переводъ этого творенія у меня уже приобрѣли : одно лондонское обозрѣніе , одна французская газета и извѣстный бельгійскій журналъ , получаемый въ вашей конторѣ. Съ Германіей я не входилъ еще въ сношенія , но слухи носятъ , что уже два нѣмецкихъ журналиста ищутъ меня по всему лицу Европы : чтобы избавиться отъ ихъ пастояній , я храню инкогнито и даже прошу васъ не объявлять публикѣ , гдѣ именно находится въ сію минуту Иванъ Александрычъ Ч-р-к-ж-н-к-въ !

Да по чему же , уже спрашиваете вы , редація Библіотеки для Чтенія до-сихъ-поръ не получила первыхъ главъ «Сатирическаго путешествія»? Причина тому весьма проста : петербургскій туристъ привыкъ самъ руководить другихъ , а не идти за чужимъ хвостомъ. Съ ужасомъ видѣлъ я , съ весны и лѣта до настоящей осени , во всѣхъ нашихъ журналахъ и газетахъ , цѣлый потопъ путевыхъ замѣтокъ , воспоминаній разныхъ туристовъ , путешествій такого-то и такого-то русскаго путника ,

глубокомысленныхъ наблюденій того или другаго изъ газетныхъ сотрудниковъ. Половина пишущей Россіи пустилась гулять по Европѣ и сверхъ того описывать все эпизоды своего гулянья. Все эти господа пишутъ превосходно, такъ превосходно, что ни подражать имъ, ни тягаться съ ними, нѣтъ ни малѣйшей возможности. Самъ я обязанъ ихъ замѣткамъ тысячею наилобопытнѣйшихъ свѣденій. Безъ этихъ замѣтокъ я, можетъ быть, и не зналъ бы, что въ Берлинѣ есть улица Унтеръ денъ Линденъ, что въ Парижѣ улица Риволи отлично освѣщена газомъ, что Потсдамъ богатъ историческими воспоминаніями и что хрустальный дворецъ въ Лондонѣ,—строеніе весьма большихъ размѣровъ. Одинъ изъ нашихъ даровитыхъ литераторовъ даже разрушилъ въское заблужденіе міра, сообщивъ, что Италія совсѣмъ не красива, а другой мыслитель и добрый мой знакомый объявилъ изумленной Руси, что онъ, во время своихъ странствованій, никогда не руководствуется путеводителями туристовъ (*guides du voyageur*). Какъ же послѣ этого мнѣ поднять свой голосъ, мнѣ, который въ простотѣ души влюбленъ въ Италію, всегда возить съ собой нѣсколько путеводителей, и ограничиваетъ свои замѣтки лишь однимъ, приличнымъ невинному сатиру предметомъ, то-есть красотой и недостатками европейскихъ женщинъ? И такъ, я рѣшился дожидаться глухой осени, когда все наши родные туристы разлетятся по роднымъ гнздамъ, хоръ путевыхъ замѣтокъ смолкнетъ и самъ господинъ Рафаилъ Зотовъ перестанетъ сердиться на безнравственную Францію и неминуемо гибнущихъ Великобританцевъ. Тогда, въ общей тишинѣ, «и я скажу нѣсколько словъ», какъ говорится въ одной драмѣ Шекспира. Тогда голосъ мой будетъ слышимъ, и драгоценныя наблюденія нѣсколькихъ старыхъ сатировъ найдутъ себѣ внимательныхъ цѣнителей.

Есть еще одно обстоятельство, мѣшающее мнѣ обработать первыя главы моихъ Замѣтокъ и отправить ихъ на почту. И подъ голубымъ небомъ, и на чужой землѣ, и посреди чудесъ разточительной природы, — одна часть моего существованія осталась именно русскою, скажу болѣе,—петербургскою. Санкт-петербургскій туристъ отчасти оставался Санкт-Петербуржскимъ туристомъ и въ Вѣнѣ, и въ Венеціи, и въ мертвой Пизѣ, и въ величавой Генуѣ, гдѣ все женщины въ своихъ бѣлыхъ мецпаро похожи на двѣушекъ, сейчасъ выходящихъ замужъ, и въ зданіи туринскаго парламента, и на швейцарскихъ озерахъ, и...

скажу ничего больше, чтобъ не выдать теперешняго своего мѣстопробыванія. Всюду, подъ чужимъ небомъ, наблюдалъ онъ за прежними своими предметами — за Сергіемъ Юрьевичемъ и Ирриной Борисовной, за Холмогоровымъ и положительнымъ Пигусовымъ, за весельчаками въ родъ Копернаумова и гнусными фатами во вкусъ Щелкоперова Симона. Чуть гдѣ раздавалось — на пароходѣ или въ вагонѣ, на публичномъ балѣ или въ картинной галлерей, — одно русское слово, одна русская фраза, — Иванъ Александровичъ уже былъ тамъ, вѣлушивался обоими ушами, глядѣлъ въ лорнетъ и простымъ глазомъ, соображалъ, записывалъ и обогащалъ себя наблюденіями. Рѣдко говорилъ онъ со своими встрѣчными соотечественниками, если же и говорилъ, то никогда не сказывался русскимъ, изъ наблюдательныхъ цѣлей. За то и насмотрѣлся онъ славныхъ эпизодовъ, наслушался рѣчей истинно изумительныхъ. Нѣкій князь Башибузуковъ, юное украшеніе Петербурга, даже хотѣлъ вызвать меня на дуэль, стороною узнавъ, что я не Итальянецъ, а его же соотечественникъ, постоянно живущій въ сѣверной Пальмирѣ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ полное основаніе гнѣваться: считая меня за чужестранца, не онъ ли сказалъ мнѣ, что у него есть мраморный палаццо на Невскомъ проспектѣ, что палаццо этотъ совершенная копія съ палаццо Фоскари на большомъ каналѣ, и что при осадѣ Севастополя ему, сверхштатному чиновнику министерства иностранныхъ дѣлъ, приходилось начальствовать въ шестнадцать вылазкахъ? «У меня большіе связи при дворѣ», говорилъ мнѣ храбрый юноша, «потому и не мудрено, что мнѣ позволяли участвовать въ войнѣ, не простымъ зрителемъ!» Я помню, какое наслажденіе выносилъ я изъ бесѣды съ Башибузуковымъ, въ Венеціи. Я его лелѣялъ, я имъ гордился, я его отыскивалъ всякій вечеръ на площади Марка. И этотъ юноша хотѣлъ умертвить петербургскаго туриста!

Меня однако никто не умертвилъ, хотя, по правдѣ сказать, иногда приходилось дѣлать мнѣ наблюденія, заслуживающія умертвія. Разъ ѣду я на рейнскомъ пароходѣ, только что разлучившись съ однимъ изъ милѣйшихъ друзей моего сердца, и потому ощущая нѣкоторую тоску одиночества. Во время тоски, надо вамъ сказать, а тоска происходитъ со мною рѣдко, я становлюсь угрюмъ, свирѣпъ, молчаливъ и даже грубоватъ въ манерѣ. Такъ и тутъ на пароходѣ — еще наканунѣ, въ крошечномъ прирейнскомъ городкѣ, я трещалъ какъ сорока, а здѣсь

въ виду Драхенфельса, Рейнфельса и иныхъ фельсовъ, слово сдѣланныхъ изъ папье-маше, я кусаль губы, дико глядѣлъ по сторонамъ, и все утро не проронилъ единого слова ни одному изъ спутниковъ. Такъ шло время до обѣда, на палубѣ накрыли столъ, поставили зеленые рюмочки для того укуса, который въ просвѣщенной Европѣ зовется рейнвейномъ, и туристы, оторвавшись отъ созерцанія крѣпости Эренбрейтштейна, не безъ аппетита стали поджидать супа. «Вдругъ я слышу громкій голосъ!» какъ говорится въ одномъ испанскомъ романаро, и голосъ навѣрное знакомый. Кто бы это могъ говорить? подумалъ я и сталъ вслушиваться внимательно, самъ укрываясь отъ говорившаго господина, а потому и не видя его въ лицо. Оказалось, что рѣчь держалъ нашъ братъ петербургскій житель, французскій языкъ петербургскаго денди легко узнать по первой фразѣ, — нигдѣ такъ хорошо не грассейрируютъ и не франсифицируютъ своихъ выраженій, какъ въ Петербургѣ. У насъ всякій хочеть говорить какъ Французъ, оттого-то петербургскаго говоруна никто въ мѣрѣ и не приметъ за Француза. Мой парходный ораторъ даже слово талеръ произносилъ на парижскій манеръ, то-есть *талёрз*, съ удареніемъ на последнемъ слогѣ. На меня такъ и пахнуло петербургскимъ воздухомъ! Сяжу и слушаю, а мой соотечественникъ продолжаетъ держать рѣчь съ кружкомъ покуривающихъ германцевъ. Рѣчь шла объ увеселеніяхъ прошлаго іюня мѣсяца. «Я провелъ весь іюнь въ Пломбьеръ», небрежно говорилъ нашъ туристъ—«а надо признаться, не очень весело. Мы всякій день видались съ французскимъ императоромъ, онъ былъ очень внимателенъ, устраивалъ для меня охоты, мы много говорили... Но знаете, политика да политика, это плохое развлеченіе для лѣта!» Я все слушаю, прикрываясь спанчею, какъ герои безподобныхъ анекдотовъ Козьмы Пруткова. Что-то будетъ далѣе, думаю я себѣ не безъ трепета. Однако далѣе ничего не было: въ это время ораторъ оглянулся, увидалъ меня въ лицо и весь измѣнился въ своей физиономіи. Это былъ никто иной, какъ Ваня Ожогинъ, отставной гусаръ, весь іюнь мѣсяцъ таскавшійся за моими стопами въ Швейцаріи и напоследокъ таки завявшій у меня четыреста цѣлковыхъ. Вотъ тебѣ и Пломбьеръ, и охоты, устроенныя Наполеономъ третьимъ. Признаюсь, въ первыя минуты я не удержался, и сказалъ бѣдному разскащику что-то очень жесткое, такъ что миролюбивые пассажиры отошли отъ насъ въ сторону, ожидая

дуэли. Вы догадываетесь, что между петербургскими пріятелями до дуэли не дошло, тѣмъ болѣе, что разныя карманныя обстоятельства не допускали такой драматической развязки. Однако же Ожогинъ надулся и сказалъ мнѣ, что я плохой товарищъ, что я его сконфузилъ ни за что, ни про что, что русскимъ людямъ надо поддерживать другъ друга въ чужой землѣ. «И ты не стыдишься, и ты не чувствуешь желанія утонуть въ зеленыхъ волнахъ Рейна?» спросилъ я сконфуженнаго лгуна. Онъ будто приободрился. Я никогда не лгу,—сказалъ онъ. «А твое пребываніе въ Пломбьеръ, безсовѣстный!» — «Я просто, такъ — мнѣ хотѣлось позабавиться надъ этими германцами!»

Изволите видѣть, Ванъ Ожогину захотѣлось позабавиться надъ этими германцами, изъ которыхъ каждый былъ умнѣе, образованнѣе и приличнѣе Вани со всѣмъ его восходящимъ и нисходящимъ поколѣніемъ! Вообще, петербургскій путешественникъ за границую весьма любитъ позабавиться надъ германцемъ, свысока посмотреть на германца, особенно если онъ скромнѣе и не имѣетъ задорнаго вида! Замѣьте, что я говорю *петербургскій путешественникъ*, потому что подобнаго недостатка я не замѣчалъ въ туристахъ изъ внутреннихъ странъ Россіи, изъ Москвы между прочимъ. Кого только не коснулась наша безумная, ни на чемъ дѣльномъ не основанная петербургская смѣсь, тотъ ведетъ себя тихо и въ Германіи, и въ Швейцаріи—надо признаться, что есть весьма скромные люди и между петербургцами, но такихъ, къ сожалѣнію, не очень много. Петербургскій житель ведетъ себя за границей двояко: въ небольшомъ числѣ городовъ, которые объемомъ и населеніемъ болѣе его роднаго города (напримѣръ, въ Парижъ и Лондонъ) онъ внезапно умалывается, притихаетъ и становится самымъ добрымъ милымъ. Все ему нравится, ото всего приходитъ онъ въ восхищеніе, всѣмъ онъ доволенъ до приторности. Съ прислугой онъ ласковъ, извощикамъ говорить мосьё и сэръ, во взглядахъ его проявляется что-то робкое и искательное, онъ, кажется, такъ и думаетъ, что «вотъ сейчасъ всѣ эти просвѣщенные жители огромнаго города придутъ ко мнѣ, стануть надо мной смѣяться и чинить мнѣ всякія обиды!» Онъ щедръ (русскій человекъ всегда щедръ), но вмѣстѣ съ щедростью онъ кротокъ, привѣтливъ, невзыскателенъ. Но вотъ нашъ образцовый туристъ, совершившій суточный переездъ съ пособіемъ пара, увидѣлъ себя въ небольшомъ, тихомъ, патриархальномъ городѣ, будто уснувшимъ посреди хол-

новъ и маленькихъ садиковъ, — взгляните что за перемена съ нимъ сдѣлалась! Это уже не тотъ Петръ Ивановичъ, что еще недавно говорилъ сладкимъ голосомъ, во всѣхъ искалъ и часто смѣялся—это Прометей, совершенный Прометей, какъ говорится въ Мертвыхъ Душахъ! Все ему не повралу—на все глядитъ онъ съ отвращеніемъ! Въ городѣ объдаютъ чуть не при солнечномъ восходѣ,—*quelle infâmie!* По городу вздять въ коляскахъ допотопнаго вида! Съ наступленіемъ темноты, жители ложатся спать и на улицахъ нѣтъ ни одного челоуька, — что за безобразнѣйшій образъ жизни! Положимъ такъ, но изъ-за какихъ же причинъ самъ петербургскій путешественникъ началъ вести себя несравненно безобразнѣе, чѣмъ велъ себя въ Лондонѣ и Парижѣ? Почему онъ жестко обращается съ горничной отеля, отчего онъ не отвѣчаетъ на поклонъ простолюдина, который, по добродушному обычаю тихихъ патріархальныхъ странъ, кланяется всякому встречному и еще желаетъ ему добраго утра? Почему туристъ оназдыиваетъ къ общему столу, смѣется надъ городскимъ театромъ, надъ музыкой, играющей во время его объда? Я очень радъ, что дѣло коснулось музыки въ отеляхъ: по этому случаю сообщу я вамъ одинъ анекдотъ, лично мною подмѣченный, анекдотъ не совсѣмъ лестный для нашей петербургской смѣси, но смѣю думать,—довольно характеристическій и назидательный.

Въ прошломъ іюль мѣсяцѣ, въ первыхъ числахъ, я прѣзжалъ въ Кельнъ по желѣзной дорогѣ, переночевалъ, укрывшись пуховикомъ, и едва раскрывши глаза поутру, спросилъ у вошедшаго служителя: «а въ какомъ часу у васъ объдаютъ?» Общій столъ у насъ въ часъ по-полудни, отвѣчалъ онъ, предварительно пожелавши мнѣ добраго дня. «О, Буйновидовъ! подумалъ я съ пріятнымъ чувствомъ,—о, честный пустынный и любитель раннихъ объдовъ, вотъ гдѣ могъ бы ты отдохнуть отъ петербургскаго безобразія и тревоженій житейскихъ!» Осмотрѣвъ соборъ и купивши бутылку одесколона, вашъ покорный слуга, съ веселымъ духомъ и живымъ аппетитомъ, уже сидѣлъ за столомъ въ объденной залѣ гостинницы, и на сквернѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ бесѣдовалъ съ двумя странствующими студентами. Въ этотъ день я былъ какъ-то особенно ечастливъ и хорошо настроенъ — все мнѣ приходилось по вкусу: и большая зала съ простымъ деревяннымъ поломъ изъ сосновыхъ досокъ, и древній зданія города, выглядывавшія къ намъ въ окна, завѣшанныя полумеряносowymi фестонами, и чистота блюдъ, и тихая, нето-

ропливая приветливость монахъ сосѣдей къ сидящему около нихъ иноземцу. Послѣ втораго блюда въ залу вошли два музыканта, одѣтые бѣдно, но чисто, одинъ со скрипкою, другой съ какимъ-то дѣйствительно смѣшного вида инструментомъ: мусикійское орудіе, про которое я говорю, было то, что у насъ мастеровые называютъ *гармоіей*, только въ очень большомъ видѣ, съ прибавленіемъ многихъ кланановъ. Музыканты сѣли за особый столъ, заиграли что-то серьезное, очень серьезное, и клянусь моею честью, заиграли прекрасно. Это была честная нѣмецкая музыка, такой музыки не можетъ играть дурной человекъ, и дурные люди никогда такой музыки не слышатъ. Въ городѣ, состоящемъ изъ строеній новой постройки, на мѣстности, лишенной историческихъ воспоминаній, подобная музыка никогда не удалась. Въ Кельнѣ, за обѣдомъ, она удалась и почти извлекла изъ очей монахъ слезы. Тихо, величаво, съ любовью играли два германца, и когда они окончили первую вещь, ропотъ всеобщаго одобренія былъ имъ наградою.

При началѣ второй вещи и во время третьаго блюда, въ залѣ произошло смятеніе. Къ намъ вошло и за нашъ столъ сѣло, явившееся изъ внутреннихъ апартаментовъ, какое-то блистательное семейство нацѣшенебльнаго вида. Компанія прищельцовъ состояла изъ двухъ дамъ недурной наружности, въ круглыхъ шляпахъ, двухъ толстыхъ господъ сановиатаго покроя, вѣроятно ихъ сусруговъ, и одного куликообразнаго денди съ невѣроятнымъ проборомъ черезъ всю голову. Сосѣди мои радушно потѣснились, придвинули стулья дамамъ, за что получили чуть замѣтный кивокъ головою. Юноша съ проборомъ замѣтилъ на французскомъ діалектѣ, что онъ обѣдаетъ такъ рано чуть ли не первый разъ во всю свою жизнь. Дамы окинули презрительнымъ взоромъ и залу, и все въ ней находящееся. Я еще не слышалъ отъ нихъ ни одного русскаго слова, но уже восклицалъ про себя, потирая руки: «наши! наши! наши!» Дѣйствительно, это были наши: садясь за столъ, старшій мужчина въ компаніи громко сказалъ по русски: «неужели нельзя избавиться отъ этой противной музыки?»

Должно быть денди съ проборомъ принадлежалъ къ числу подчиненныхъ этого суроваго господина, или былъ долженъ ему много денегъ. Онъ громко засмѣялся и желая сдѣлать угодное, пустился смѣшить дамъ на счетъ музыки и музыкантовъ. «Это навѣрное похоронный маршъ Карла Великаго», сказалъ онъ ме-

жду прочимъ, на весь столъ, по-французски. Старшій изъ музыкантовъ, должно быть, разслушалъ замѣчаніе. Какое-то грустное выраженіе пробѣжало по его лицу, но онъ продолжалъ играть съ прежнимъ спокойствіемъ, съ прежней добросовѣстностью. Обѣ дамы, глядя на его *гармонію*, пересмѣивались съ юнымъ своимъ сосѣдомъ. Ихъ ни мало не тронули ни мелодіи, популярная во всей Германіи, ни меланхолическіе, весьма оригинальные тоны инструмента, такъ смѣшнаго на видѣ. Отъ музыки перешли они къ обѣду и, конечно, смѣялись надъ всякимъ кушаньемъ; отъ обѣда къ Баденъ-Бадену, гдѣ жили долго, безпрестанно имѣя сношенія съ разными герцогами, князьями и графами. Замѣчательно, что чуть рѣчь касалась князей и герцоговъ, разговоръ шель по французски, чуть дѣло подходило къ обѣду, или простымъ предметамъ, русская рѣчь шла снова въ дѣло.

Между тѣмъ обѣдъ кончался и музыка кончилась. Дамы еще разъ посмѣялись надъ музыкантами и сановитый мужъ угрюмага свойства сказалъ во всеуслышаніе: «я готовъ платить двойную цѣну за обѣдъ безъ музыки!» Никто изъ насъ не подивился ни его тороватости, ни его величавости, ибо въ то самое время старшій музыкантъ, отложивъ свой инструментъ страннаго вида и, взявъ ноты, смиренно обходилъ обѣдавшихъ. Зильбергроши отовсюду сыпались на бумагу, почти всегда сопровождаемые ласковымъ словомъ и изъявленіемъ благодарности за музыку. Младшая изъ русскихъ дамъ вынула кошелекъ и въ рукахъ ея сверкнула золотая пятифранковая монета. Старый музыкантъ видѣлъ это движеніе, конечно, онъ зналъ, какъ пріятно имѣеть заблестѣть этотъ кусочекъ золота между позелѣлыми грошами... можетъ быть онъ и почувствовалъ маленькое искушеніе, но не поддался ему ни на минуту. Честный германскій элементъ восторжествовалъ надъ бѣдностью и искушеніемъ. Принявши послѣднюю, смиренную лепту отъ сидѣвшаго возлѣ меня студента, музыкантъ повернулъ назадъ, *миновавъ всю шумную компанію русскихъ дамъ и кавалеровъ.*

— Monsieur, monsieur... сказала ему вслѣдъ дама съ пятифранковою монетою.

— Гальтъ, гальтъ—немень зи—этвасъ фюръ, быстро заговорилъ вертлявый денди съ пробормомъ.

Старый музыкантъ повернулся и взглянулъ на даму своими тихими, добродушными нѣмецкими глазами.

— Вамъ не понравилась наша музыка, сказалъ онъ безъ всякой

прошнн, безъ малѣйшей ѣдкости въ звукъ голоса. Вамъ не по вкусу наша музыка, для чего же вамъ платить за музыку?

И онъ не торопясь ушелъ на свое мѣсто, гдѣ ждала его бутылка рейнвейна, присланная ему однимъ изъ почитателей табулата.

Въ заносчивыхъ петербургскихъ странствователяхъ есть одна особенность, дѣлающая честь ихъ душевнымъ свойствамъ. Они съ разу усмиряются, чуть ихъ сръжешь побезжалостнѣе. На ловкую насмѣшку они не находчивы отвѣтомъ, передъ проявленіемъ справедливаго негодованія они нѣмзуютъ. Старикъ музыкантъ не думалъ смѣяться надъ мовми сосѣдями по столу, не имѣлъ въ виду высказать имъ своего справедливаго негодованія. И между-тѣмъ его тихая рѣчь подѣйствовала лучше самой злой шутки. Обѣ дамы вспыхнули, молодой денди уткнулъ носъ въ тарелку, два сановитыхъ господина переглянулись между собою. Всѣ объдавшіе за общимъ столомъ, а ихъ было человекъ до тридцати, устремили свои взоры на компанію чужестранцевъ, съ которою сейчасъ говорилъ старый виртуозъ отеля. Во взорахъ этихъ не было ничего дерзкаго, насмѣшливаго, даже сильно неодобрительнаго, но не знаю почему, я бы скорѣе согласился выкупаться зимой въ невской проруби, нежели сдѣлаться, на нѣсколько секундъ, предметомъ такого вниманія. Затѣмъ всѣ встали и начали расходиться. «Не хорошо, не хорошо», сказалъ своей дамѣ одинъ изъ сановитыхъ господъ, все время молчавшій за обѣдомъ. «И въ самомъ дѣлѣ не хорошо», подумалъ я, направляясь къ старому музыканту, къ которому не безъ уваженія уже подошли близъ меня стоявшіе студенты.

За слѣдующимъ общимъ столомъ, на другой день, не видали мы ни насмѣшливыхъ дамъ, ни молодаго денди съ проборомъ. Они уехали, и конечно вспоминаютъ о невѣжѣ-музикусь, сидя гдѣ-нибудь на водахъ съ своими князьями и герцогами. А музыканты на другой день играли еще вдохновеннѣе, еще серьезнѣе, за что были приглашены раздѣлить общую трапезу, не безъ бутылки наикислѣйшаго рейнвейна лучшей породы!

Вотъ, государь мой редакторъ, нѣкоторыя наблюденія за общими нашими со-горожанами по отдаленнымъ странамъ Европы. Вы скажете, что я одностороненъ и изображаю лишь печальную, отрицательную сторону изъ быта петербургскихъ путешественниковъ. Чтожъ дѣлать, если эта сторона сама сказывается такъ ярко, если она всѣмъ бьетъ въ глаза и нерѣдко вредитъ имени русскому, которое такъ уважается и должно уважаться повсюду-

ду. Многіе, къ сожалѣнію, весьма многіе изъ нашихъ думаютъ, что щедро бросая деньги, они тѣмъ застраховываютъ себя отъ неудовольствій и насмѣшекъ — ничуть не бывало! Швейцаръ въ отелъ имъ дѣйствительно кланяется въ поясъ, но это еще не важный шагъ, и дружественнаго расположенія цивилизованныхъ людей не купишь никакими тринкъ-гельдами. Не приторной ласковостью, и не грандіозными приѣмами человекъ снискиваетъ себѣ добрый приѣмъ въ чужомъ краѣ. Чтobъ надъ тобой не смѣялись чужестранцы, лучше всего тебѣ быть, о, петербургскій искатель путевыхъ впечатлѣній! не петербургскимъ, а просто російскимъ человекomъ. Судьба дала обитателю Россіи все, что надобно для того, чтobъ всюду быть гостемъ кстати: то-есть и сердечную веселость, и терпимость въ понятіяхъ, и способность уживаться со всякимъ. Русскій человекъ въ чужой землѣ неспособенъ удивить себя ото всѣхъ, какъ это дѣлаетъ британецъ, онъ не станетъ, подобно французу, соваться съ похвалами о своей столицѣ и сознаніемъ собственнаго превосходства надо всею вселенною. За то русскаго все расположено любить, и очень бы любили, еслибъ онъ самъ покрѣпче держался своихъ чисто-россійскихъ качествъ.

Однако, я впадаю въ дидактизмъ и самъ начинаю казаться себѣ какимъ-то карателемъ петербургскихъ нравовъ. Посыпимъ же обратить наше умственное око на какой-нибудь предметъ игриваго и благоуфаннаго свойства, напримѣръ, хотя бы на петербургскихъ красавицъ, путешествующихъ за границу. Вотъ это предметъ, такъ предметъ, государь мой редакторъ, и я, въ качествѣ стараго сатира, вздвигнаго на вершину горы Везувія, могу говорить о немъ съ любовью, съ эlegantностью, съ чувствомъ, съ слезой, дрожащею на ресницѣ, съ пламенемъ, достойнымъ всѣхъ огнедышащихъ горъ въ мірѣ. Сами лавры дамскаго поэта, князя Шаликова, не возбуждаютъ во мнѣ ни трепета, ни мысли объ опасномъ соперничествѣ! О, наши дамы, наши петербургскія дамы за границу! какой нѣвецъ способенъ воспылть васъ по достоинству, какой мыслитель изчерпаетъ весь океанъ вашихъ красотъ и тонкаго обращенія! Вы рѣдко блистаете красотой (къ чему лукавить?), но кто нынче смотритъ на красоту, кто не знаетъ, что умъне одѣваться къ лицу, обладаніе дорогими кружевами и тонкое обращеніе стоятъ гораздо выше всѣхъ физическихъ красотъ въ мірѣ! Вы милы, вы въялныя, вы такъ ловко дасте замѣтить, при всякомъ разговорѣ, съ какими именитыми лицами встрѣчались вы тамъ-то и тамъ-то на ве-

дахъ,—вы, наконецъ, такъ хорошо говорите на русскомъ языкѣ, что передъ вами замлѣетъ отъ изумленія всякій литераторъ и читатель чистоты русскаго слога. Кромѣ шутокъ, только за границею, въ отеляхъ и на балахъ, въ вагонахъ и на пароходахъ, открылъ я, что тяжкое обвиненіе, воздвигнутое на петербургскихъ женщинъ, обвиненіе въ томъ, что онѣ худо говорятъ по-русски—совершенная ложь, совершенное недоброжелательство со стороны строгихъ философовъ, обучавшихся гдѣ-нибудь въ бурсѣ. Извольте прослушать здѣсь еще одинъ анекдотецъ, одно истинное происшествіе, случившееся со мною же на одной изъ французскихъ желѣзныхъ дорогъ. Изъ него вы усмотрите, какъ мило говорятъ между собою наши дамы по-русски, а также убѣдитесь и въ томъ, что иногда въ вагонахъ желѣзной дороги случаются происшествія, не лишеныя занимательности.

Я выѣхалъ изъ Парижа на — , въ 10 часовъ утра, въ довольно сумрачномъ настроеніи духа: изъ этого французскаго, свирѣпаго, но веселаго Вавилона никогда и никто не выезжаетъ съ удовольствіемъ. *Train exprés* (почтовый поѣздъ) мчался какъ бѣшеный дымъ отъ каменнаго угля имѣлъ какой-то скверный кислосладкій запахъ, по сторонамъ дороги мелькали какія-то, только Франціи принадлежащія, деревья въ видѣ жердей съ самымъ малымъ количествомъ зелени, на станціяхъ кондукторъ кричалъ *deux* или *trois minutes d'arrêt!* однимъ словомъ, наслажденій и удобствъ путь нашъ представлялъ очень мало. Я уже думалъ заснуть, завернувшись въ епанчу, о коей говорилось выше (а епанчею мнѣ служитъ пальто съ широчайшими рукавами), когда нѣсколько русскихъ словъ, произнесенныхъ около меня, тотчасъ же прогнали прочь и скуку и сонливость. *Наши! наши!* кто можетъ спать при словѣ *наши!* Точно, *наши* сидѣли наискосокъ отъ меня, въ лицѣ двухъ дамъ, довольно хорошенькихъ, одѣтыхъ очень богато. Къ довершенію всего, *наши* говорили по-русски обо мнѣ, обо мнѣ самомъ, не о петербургскомъ туристѣ и писателѣ, но о самой моей персонѣ, сидящей передъ ними. Одна даже назвала меня медвѣдемъ и скучнымъ сосѣдомъ, клянусь въ томъ моей честью. Другая, однако, была поласковѣе и даже нашла въ моемъ лицѣ сходство съ наружностью какого-то *monsieur* Эдгара. Никакой Эдгаръ не можетъ быть дурень собою, подумалъ я и мысленно охорашивался.

Но другая дама сразила меня окончательно. «Ты мастерица находить сходство: этотъ китъ не годится и въ дворики къ Эдгару.»

Я подивился безвкусію дамы, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ вынужденно сознаться, что она очень хорошо и чисто говорила на русскомъ діалектѣ.

— Какая ты втреница, быстро перебила ее другая моя соседка:—ну, а если онъ понимаетъ по-русски?

— Онъ ничего не разумѣть, у него и лицо такое глупое.

— А какого рода можетъ быть этотъ господинъ? Вѣдь онъ сидитъ въ первомъ классѣ.

— Какой-нибудь французскій офицеръ — пѣхотный, отвѣчала моя гонительница, бѣгло взглянувши на мою, такъ украшающую меня, бородку.

— Быть не можетъ, перебила другая дама, почему-то вспыхнувъ при намекѣ на пѣхоту, очевидно лукавомъ. Французъ вѣрно бы развлекалъ насъ разговоромъ.

— Ну, такъ Испанецъ, въ родѣ друга твоей тетушки.

— Ахъ! что оказался сидѣльцемъ изъ магазина? И обѣ дамы захохотали. Однако какая ты злая, Nadine, продолжала говорить та же дама. Тебѣ никого не жалко. Что тебѣ сдѣлала бѣдная старуха? ты ее при всѣхъ еще вчера попрекала Испанцами!

Тутъ обѣ дамы затѣяли частный разговоръ, изъ котораго можно было заключить, что онъ обѣ порядочно веселились въ Парижѣ, были знакомы съ французскими семействами, везуть съ собою бездну поклажи и питаютъ великую любовь къ молодымъ людямъ изъ парижскаго общества. Обѣ были порядочными кокетками, какъ и слѣдуетъ въ молодые годы, обѣ, безъ сомнѣнія, оставили въ Парижѣ много влюбленныхъ, но за то обѣ чуть-чуть не влюбились въ свою очередь. Блистательная наполеоновская гвардія заинтересовала ихъ обвѣихъ, одной почему-то нравился полкъ зуавовъ, пѣхота, — тогда какъ другая увлекалась конно-егерями.

— Когда-то мы опять побываемъ въ Парижѣ, chère, говорила дама, казавшаяся покротче правомъ.

— Я думаю, что на будущее лѣто снова приѣду, отвѣчала Nadine. Мой мужъ вѣдь какъ ужъ кажется глупъ, а и ему полюбилось въ Парижѣ.

— То-то онъ и не захотѣлъ проводить насъ. Вотъ теперь и сиди наединѣ съ этимъ глупымъ Испанцемъ. Я думаю, что Испанцы должны быть все такіе. А знаешь, Nadine, это жалко, что въ Парижѣ офицеры не носятъ военной формы.

— Да, тебѣ бы чалму и красные панталоны.

— Жюль говорить, что офицеры не носятъ чалмы, это только солдаты.

— Жюль, я думаю, служить гдѣ нибудь на конторѣ, а не въ гвардіи (смирная дама разсердилась). Скорѣе твой сантиментальный Эдгаръ называетъ себя ротмистромъ, *chef d'escadron*. Я думаю, онъ и на лошадь съѣсть не умѣеть.

— Я его видѣла на лошади и въ полной формѣ.

— Гдѣ же, когда? съ любопытствомъ спросила дама помирнѣе.

— Когда хоронили того министра, помнишь, въ прошломъ мѣсяцѣ, какъ его? въ Петербургѣ еще была такая кондитерская.

— Вольфъ и Беранже.

— Да, да, Беранже; а можетъ быть и Вольфъ. Все равно. Я жила въ Отель де-Лувръ, помнишь—окно съ балкономъ. Утромъ какъ-то слышу по улицѣ шумъ, топотъ лошадей, что-то меня подтолкнуло. Думаю, ужь не революція ли. Я вышла на балконъ, смотрю, вдутъ кирасиры, драгуны, гусары, *que sais-je*. Было очень любопытно. Сзади всѣхъ вхаль одинъ чудесный полкъ, въ красныхъ панталонахъ, голубыхъ курточкахъ съ серебромъ, въ маленькихъ фуражкахъ съ козырьками. Когда полкъ поровнялся съ балкономъ, одинъ офицеръ отсталъ отъ прочихъ... *Chère amie*, этой минуты я долго не забуду....

— Bravo, bravo, перебила соседка Nadine, ты такъ хорошо говоришь, что соседъ нашъ захопалъ ушами.

Я дѣйствительно былъ очарованъ изложеніемъ дамы. Такой одушевленной рѣчи, думалъ я, и въ русскихъ романахъ не встрѣтишь. Но едва ли я хлопалъ ушами: думаю, что это было сказано для красоты слога.

— Отвяжись отъ меня съ этимъ уродомъ, тономъ неудовольствія сказала Nadine. Коли тебѣ по вкусу Испанцы, — говори съ этимъ, вѣдь мы за границей.

Колкость моей гонительницы навлекла на меня новыя оужденія. Будто желая оградить себя отъ ея нападковъ, смирная дама отозвалась о моей наружности и о моей неповоротливости такъ дурно, что я даже не рѣшаюсь передать словъ ея въ печати.

Вскорѣ однако меня оставили въ покоѣ, и бесѣда приняла другое, отрадное направленіе. «А знаешь, Nadine, говорила одна изъ дамъ, я съ удовольствіемъ вернусь изъ-за границы. Въ гостяхъ весело, а все какъ-то хочется домой. У насъ въ теа-

трахъ просторнѣе. Потомъ всѣ знакомые придуть съ визитомъ, опять начнутся середы, мужъ станетъ себя вѣздить въ клубъ, пойдетъ опять покойная жизнь. Что ни говори, а свое все какъ-то милѣе.»

Nadine, не смотря на свой, очевидно, пылкій характеръ, вполне согласилась съ подругой и даже разтрогалась. «Повѣришь ли, chère, до какой степени меня волнуетъ всякое воспоминаніе про Россію. Ты знаешь, что мужъ мой что ни день, то объѣздается, поваровъ мѣнялъ онъ въ Парижъ поминутно, и все-таки часто говаривалъ онъ за обѣдомъ: ахъ, хоть бы ломтикъ чернаго хлѣба! Мнѣ до этого дѣла нѣтъ, я къ кушанью равнодушна, однако на прошлой недѣль я чуть не плакала, даже, просто, плакала. По всему Парижу не нашли чего мнѣ хотѣлось.

— Чего же тебѣ захотѣлось, Nadine?

— Мнѣ захотѣлось этой икры, какая у насъ въ Петербургѣ бываетъ. Не жидкой икры, а знаешь, той, черной, въ кусочкахъ, Боже мой, какъ она по-русски?...

— Постой, постой, я помнила, какъ она, па... па...

— Па... па...

— Па... па...

У обѣихъ дамъ на лицахъ выразилось страданіе. Я самъ испыталь, во время моихъ литературныхъ занятій, до какой степени иногда тяжело приходится отъ забытаго слова. Право, въ такую пору, и при деньгахъ, бываешь готовъ дать сто рублей тому, кто его подскажетъ.

— Па... па... да какъ же наконецъ зовется эта икра!

И глаза m-me Nadine устремились на меня, словно допрашивая моего мнѣнія.

Я не удержался и вскрикнулъ: *пюсная, пюсная икра, сударини!*

Объ эффектъ моихъ словъ не считаю нужнымъ распространяться. Глухой Испанецъ, медвѣдь, кить, чурбанъ внезапно заговорилъ по-русски. Интимная бесѣда милыхъ дамъ происходила передъ ихъ соотечественникомъ! Я кладу перо и отдыхаю: я не въ силахъ изобразить торжественности этого мгновенія.

Къ общей радости, наши вагоны остановились передъ станціею, словно испугавшись того, что сію минуту произошло въ ихъ недрахъ. Huit minutes d'arrêt, прокричалъ кондукторъ зычнымъ голосомъ. Обѣ дамы мгновенно выпрыгнули и уже не появлялись, по-крайней-мѣрѣ въ моемъ вагонѣ.

Мамъ Ч-р-к-ю-н-к-ст,

НОВОСТИ НАУКЪ, ИСКУССТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕЖИТІЯ.

Біографія Тенара, извѣстнаго химика, его жизнь и сочиненія. — Карлъ Луціанъ Бонапарте. — Французская Фауна. — Изверженіе Везувія и наблюденія надъ нимъ г. Пальмери. — Проектъ преобразованія факультетовъ въ лондонскомъ университетѣ. — Собраніе натуралистовъ и медиковъ въ Боннѣ въ сентябрѣ нынѣшняго года. — Изслѣдованія геогностическія г. Лажонкера въ Испаніи. — Ученыя изданія и открытія послѣдняго времени: Карта Бразиліи, сочиненія Боссю, открытія Гольдшмита, сѣигмометръ г. Познанскаго, средство предохранять суда отъ обоража — г. Обера, сочиненіе г. Позванскаго о предупрежденіи холеры, результаты его наблюденій. — Промышленное движеніе въ слѣдствіе желѣзныхъ дорогъ и распредѣленіе каменнаго угля въ разныхъ странахъ свѣта. — Торговля Валахія — экономическое обозрѣніе страны. — Біографія астронома Гольдшмита и его новѣйшія открытія планетъ. — Персіяне — этнографическій современный очеркъ: населеніе, языкъ, обычаи, нравы, законодательство, судебное устройство. — Успѣхи археологін въ новѣйшее время, важность ихъ и распространеніе въ разныхъ государствахъ.

Химія лишилась одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ ученыхъ, г. Тенара... Онъ родился 4 мая 1777 года въ Лувьерѣ, маленькой деревнѣ въ Шампань; отецъ Луи-Жанъ-Тенара былъ бѣдный поселянинъ, рано замѣтившій въ сынѣ особенный умъ и употребившій большія пожертвованія, чтобъ доставить мальчику хорошее образованіе. Луи-Тенаръ обучался первоначально въ Сенской collége, а когда ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, онъ отправился въ Парижъ съ единственною цѣлю — приобрести необходимыя познанія для полученія диплома на званіе аптекаря, чего желалъ его отецъ. Кошелекъ бѣднаго Луи былъ весьма легокъ: 24 сантима въ день были его жизненнымъ бюджетомъ, а званіе аптекарскаго ученика въ одной изъ аптекъ, доставляло ему постель и бѣлье. Молодой Тенаръ обладалъ крѣпкимъ здоровьемъ, счастливымъ характеромъ, веселою фантазією и силою воли въ достиженіи того, къ чему онъ стремился. Въ свободное время онъ ходилъ на уроки, которые слушалъ у извѣстнѣйшихъ химиковъ того времени, и такъ спѣшилъ поспѣть во-время, что иногда забывалъ снять свой аптекарскій передникъ, въ которомъ работалъ въ лабораторіи. Помѣстившись въ углу амфитеатра, гдѣ

происходило преподаваніе химіи, онъ обращался весь въ слухъ и зрѣніе, не сводя глазъ съ профессора, и обращалъ на себя вниманіе его. Первый изъ химиковъ замѣтилъ его Вакелэнъ, спросилъ его, былъ восхищенъ его отвѣтами и позволилъ ему заниматься въ своей лабораторіи. Онъ принималъ участіе въ известныхъ анализахъ изумруда, послѣдствіемъ которыхъ было открытіе въ 1798 г. новыхъ началъ химическихъ. Тенару было тогда 21 годъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ получилъ должность репетитора химіи въ политехнической школѣ, и съ этого времени началъ, подъ руководствомъ двухъ знаменитыхъ химиковъ Вакелэна и Фуркруа, свою ученую карьеру. Первый мемуаръ, представленный имъ въ Institut въ 1802 г., содержалъ изслѣдованія о соединеніяхъ антимонія (сурьмы) съ сѣрюю и кислородомъ, и обратилъ на него вниманіе ученыхъ. Съ этого времени начался рядъ его ученыхъ открытій. Такъ, онъ первый приготовилъ закись желѣза въ моментъ, когда она отдѣляется отъ сѣрной кислоты, онъ нашелъ средство очищать жирныя масла, подвергая ихъ двѣствію сѣрной кислоты, средство, которымъ пользуется промышленность по настоящее время и примѣняетъ его въ большихъ размѣрахъ; онъ разрѣшилъ въ 1806 г. трудную задачу о свойствахъ и элементахъ эфира и проч. Товарищемъ его во всѣхъ его химическихъ изысканіяхъ, былъ молодой Гей-Люсакъ, оба были однихъ лѣтъ, одного стремленія, одинаковыхъ талантовъ; они сблизились тѣсною дружбой и вмѣстѣ трудились. Въ 1807 г. сэръ Гумфри Дэви прославился своими химическими открытіями, обратившими на этого англійскаго химика вниманіе Наполеона I, который пожелалъ, чтобы подобныя же опыты были производимы во Франціи; снабдивъ лабораторію политехнической школы всеми препаратами, которые употреблялъ Дэви, Наполеонъ поручилъ производство новыхъ опытовъ Тенару и Гей-Люсаку, и вскорѣ опыты надъ атомами новыхъ металловъ, надъ поташомъ и содою, превзошли результаты Дэви, известные всѣмъ химикамъ. Большая часть упомянутыхъ открытій была напечатана этими двумя химиками въ 1808 и 1810 г., подъ заглавіемъ *Recherches physico-chimiques*, въ двухъ томахъ, съ приложеніемъ особаго *Traité de l'analyse des matières végétales*. Въ 1813 г. онъ началъ изданіе своего знаменитаго сочиненія *Traité de chimie élémentaire*, оконченнаго въ 1816 году и достигшаго нынѣ 6-го изданія. Не смотря на пять томовъ, сочиненіе это приобрѣло огромную извѣстность популярностью, оно расходилось тысячами эк-

земляровъ, составило состояніе издателя, и переведено почти на всѣ языки. Метода изложенія, классификація и проч., собственно изобрѣтены и изложены самимъ Тенаромъ, онъ не копировалъ съ авторовъ, ему предшествовавшихъ, вотъ почему сочиненіе его вполне самостоятельное, а не компиляція. Въ 1810 г. умеръ Фуркромъ и Тенаръ былъ избранъ на его мѣсто академикомъ единогласно; съ этого времени онъ пользовался европейскою репутаціею, какъ несравненный профессоръ и какъ писатель первоклассный. Слава его имени заставила забыть и темное его происхожденіе, и онъ вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Гумбло-Контэ, отецъ которой былъ пѣромъ Франціи. Тенаръ былъ счастливъ въ супружеской жизни, онъ самъ говорилъ, что всѣ блага міра какъ бы пришли къ нему съ его женою, ровно какъ все для него прекратилось съ ея потерею. *Omnia bona*, говоритъ онъ, *venereunt mihi pariter cum illa*, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ друзьямъ. Богатство, почести, слава, уваженіе, авторитетъ учснаго имени,—все было имъ приобрѣтено въ излишкъ. Онъ былъ президентомъ Академіи Наукъ, председателемъ общества поощренія (*Société d'encouragement*), занималъ послѣдовательно три кафедры химіи въ Парижѣ, въ университетѣ, въ политехнической школѣ и въ *Collège de France*, былъ вице-президентомъ совѣта народнаго просвѣщенія и канцлеромъ университета, депутатомъ, пѣромъ Франціи, кавалеромъ почетнаго легіона и проч. Но выше всего этого временнаго блеска то, что онъ былъ человѣкъ возвышенныхъ чувствъ, религіи и нравственности. Онъ умеръ 20 іюня сего года въ своемъ имѣніи, недалеко отъ Парижа.

— 29 іюля сего года скончался принцъ Карль-Луціанъ Бонапартс. Наука потеряла въ немъ одного изъ неутомимыхъ дѣятелей и извѣстныхъ орнитологовъ. Послѣднее изъ его ученыхъ изданій есть *Французская Фауна* (*Faune française*, въ 24 томахъ in-8), великолѣпнѣйшее иллюстрированное изданіе, составленное имъ вмѣстѣ съ г. Викторомъ Менье. Вотъ что говорятъ они въ введеніи къ своему изданію: «Франція не имѣетъ нигдѣ коллекціи специально - посвященной ея богатству зоологическому, въ которой бы ученый, иноземецъ и французъ, могли бы окинуть однимъ систематическимъ взглядомъ совокупность и подробности нашей фауны. Ученая польза и патріотическій характеръ коллекціи, исключительно французской—есть цель этого изданія.»

— Нѣсколько уже мѣсяцевъ, какъ изверженіе Везувія привлекло къ нему нѣкоторыхъ ученыхъ наблюдателей этого явленія.

нія, о подробностяхъ котораго мы знаемъ изъ наблюдений г. Пальмери, директора королевской метеорологической обсерваторіи Везувія. Изверженіе нисколько не угрожаетъ въ настоящее время окружающимъ воздѣланнымъ полямъ. Кратеръ принялъ нынѣ форму конуса, около 40 метровъ вышины; изъ него вылетаютъ постоянно облака дыма, почти ежесекундно, подобно локомотиву. Отъ времени до времени слышны большіе взрывы, но рѣдко выбрасываются на воздухъ горючія вещества. Взрывы эти столь сильны по временамъ, что слышны въ дальнихъ окрестностяхъ, и эхо повторяетъ ихъ нѣсколько разъ. На самой землѣ не замѣтно никакого признака потрясенія. Лава нынѣшняго изверженія, по измѣренію температуры ея г. Пальмери посредствомъ Веджевудова пирометра, доходитъ до 15 градусовъ, т. е. соответствуетъ 1,580 градусамъ стогоградусниковъ; въ ней растопляется скоро мѣдь, плавимая при 1,000 градусахъ. Г. Пальмери замѣтилъ въ лавѣ множество мертвыхъ насѣкомыхъ, привлеченныхъ губительною для нихъ теплотою волкана.

— Въ концѣ іюля сего года, многіе изъ англійскихъ ученыхъ были собраны въ горномъ институтѣ (въ улицѣ Iermyn-Street), подѣ председательствомъ сэра Родрига Мурчесона и разсуждали о проэктѣ учрежденія въ лондонскомъ университетѣ особаго факультета. Проэктъ напечатанъ въ одномъ изъ иностранныхъ журналовъ, и какъ онъ имѣетъ общій интересъ касательно естественныхъ наукъ, то мы его здѣсь сообщаемъ, тѣмъ болѣе, что онъ объясняетъ существующее нынѣ раздѣленіе факультетовъ въ Англии. Въ проэктѣ сказано, что различныя ученые, дѣятельно слѣдя за различными вѣтвями естественныхъ наукъ—физиологіи, сравнительной анатоміи, зоологіи, ботаники, палеонтологіи, геологіи и проч., обращаютъ вниманіе лондонскаго университета касательно измѣненій въ раздѣленіи факультетовъ, необходимымъ по ихъ мнѣнію какъ для успѣховъ науки вообще, такъ и для успѣховъ каждой части ея отдѣльно. Въ факультетахъ, нынѣ существующихъ въ Англии, раздѣленіе наукъ есть слѣдующее: богословіе, права или юриспруденція, медицина и искусства. Это раздѣленіе нынѣ уже недостаточно, ибо въ два послѣднія столѣтія, какъ сказано въ проэктѣ, пятая часть знаній, изслѣдующихъ законы физическіе, безъ всякаго примѣненія ихъ къ искусствамъ, приняла размѣры все болѣе и болѣе значительныя, и при всемъ томъ, эта вѣтвь знаній единственно лишь потому, что не признана совокушностью отдѣльною, раздроблена по частямъ между другими факультетами. Нѣ-

которыя отрывки, подъ названіемъ математики, и опредѣленные части физики, преподаются въ факультетъ искусствъ; другіе, подъ названіемъ сравнительной анатоміи, физиологіи, ботаники—включены въ медицинскій факультетъ, потому что большая часть медиковъ или профессоровъ медицины начали ихъ преподавать. Отъ этого прежняго раздѣленія не могло произойти ничего худаго, тогда, когда науки естественныя не получили еще полного развитія, т. е. въ прошедшемъ вѣкѣ, когда электричество, тепло-родъ, магнетизмъ, неорганическая и органическая химія, эмбриологія, морфологія и палеонтологія—вся дѣтви знаній естественныхъ, не существовали еще въ смыслъ самостоятельныхъ наукъ; но теперь напротивъ признано, что изученіе каждой изъ нихъ достойно посвященія ей цѣлой жизни ученаго. Лондонскій университетъ, хотя специально учрежденный для того, чтобъ соответствовать потребностямъ современнымъ, отказывается давать (такъ сказано въ проэктѣ) степень бакалавра, магистра и доктора, даже первѣйшимъ химикамъ нашего времени, если они въ тоже время не обладаютъ свѣдѣніями какого либо изъ поименованныхъ четырехъ факультетовъ, онъ не сдѣлалъ бы докторомъ даже Кювье, если бы Кювье не былъ въ тоже время или хирургомъ, или медикомъ. Это положеніе вещей, столь аномально, что вредно въ высшей степени усилямъ наукъ, въ слѣдствіе чего подписавшіе проэктъ, просятъ покорнѣе лондонскій университетъ, учредить особый факультетъ естественныхъ наукъ, отдѣльный и самостоятельный отъ медицинскаго, но раздѣленный на два отдѣленія, изъ которыхъ одно обнимало бы науки физико-химическія, а другое науки біологическія (*sciences biologiques*), такъ чтобы учащіеся могли избирать то или другое отдѣленіе.

— Въ Боннѣ назначено тридцать третье собраніе натуралистовъ и медиковъ германскихъ. Первое засѣданіе будетъ 18-го сентября н. с., четвертое и послѣднее 24 этого же мѣсяца. Мѣстность Бонна, въ одной изъ лучшихъ окрестностей Рейна, живописность его мѣстоположенія, обиліе ученыхъ средствъ, удобство и легкость сухонутныхъ и водныхъ сообщеній, привлекаютъ сюда уже во второй разъ натуралистовъ и медиковъ, приглашаемыхъ изъ различныхъ странъ. Доктора Неггератъ и Кильонъ будутъ завѣдывать ходомъ этихъ ученыхъ засѣданій.

— Г. Лажонкеръ, посвятившій себя подробнымъ изслѣдованіямъ словесъ сернистой соли соды въ Испаніи, единственной страны, гдѣ эта соль, въ смѣси съ магнезіей и известью, нахо-

дится въ значительныхъ массахъ, сообщаетъ, что большія массы сѣрнокислой соды находятся близъ Лодозы, маленькаго городка, расположеннаго на границахъ Наварры съ Старой Кастиліей, и въ двухъ горахъ Санъ-Адріанъ и Альканадры. Онъ изслѣдуетъ въ настоящее время слои этой мѣстности и готовитъ геогностическія карты.

— Въ числѣ ученыхъ изданій и открытій послѣдняго времени, замѣчательнѣйшія были разсмотрѣны въ различныхъ бюллетеняхъ академій и иностранныхъ журналахъ. Сдѣлаемъ общій обзоръ ихъ: Г. Мерціусъ, академикъ мюнхенской академіи, представилъ въ засѣданіи ея *карту Бразиліи*, въ большомъ размѣрѣ, на которой онъ обозначилъ какъ свои экскурсіи, такъ и пути другихъ ботанистовъ, посѣтившихъ эту страну и путешествовавшихъ въ ней съ ученою цѣлью. Надо ожидать, что изданіе этой карты скоро появится, и она будетъ значительнымъ пособіемъ къ изученію страны въ ботаническомъ отношеніи. — Докторъ Боссю издалъ первый томъ своего словаря естественной исторіи и феноменовъ природы (*nouveau dictionnaire d'histoire naturelle et des phénomènes de la nature*, 3 vol. in-4. 1857.) Цѣль изданія весьма похвальна, авторъ расположилъ въ сокращенномъ изложеніи, но върномъ въ научномъ отношеніи — свѣдѣнія естественныхъ наукъ; его словаремъ можетъ пользоваться каждый и съ этою-то популярною цѣлью, изданіе излагаетъ анатомическія, физиологическія и другія изъ естественныхъ свѣдѣній, поясняя ихъ рисунками. Первый томъ заключаетъ буквы А, В, С, D. — Знаменитый астрономъ Леверрье, объявилъ объ открытіи сорокъ-пятой малой планеты по наблюденіямъ Гольдшмидта. — Г. Познанскій изобрѣлъ и представилъ парижской академіи *сфигмоскопъ* или *сфигмометръ*, съ помощью котораго онъ вычисляетъ число и быстроту біеній пульса; въ прошедшей книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» было уже сказано о ученыхъ изслѣдованіяхъ, касательно того факта, что холера предшествуетъ всегда значительное замедленіе пульса. Сфигмометръ изобрѣтенъ съ цѣлью точныхъ вычисленій этого замедленія и вообще біеній пульса. — Г. Луи-Оберъ, гражданскій инженеръ, представилъ академіи мемуаръ о средствахъ предохраненія судовъ отъ несчастій при абордажѣ. Онъ говоритъ, что улучшенія, примененныя въ послѣднее время къ постройкѣ судовъ, будучи далеки отъ того, чтобы уменьшить опасности плаванія, по-видимому, кажется — увеличили число несчастій, причиненныхъ при сѣ-

пленіи или столкновеніи двухъ судовъ. Въ теченіи девяти лѣтъ, отъ 1845 по 1853 годъ, было 5,612 столкновеній, изъ которыхъ 548 случаевъ сопровождались совершенною гибелью судовъ: это составляетъ среднимъ числомъ 623 случая столкновения и 61 гибель въ годъ. Г. Оберъ изъясняетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ задачу, которую онъ себѣ предложилъ для разрѣшенія: строить суда такимъ образомъ, чтобы ихъ бока не ломались при встрѣчѣ съ другимъ судномъ, имѣющимъ большую скорость движенія, даже при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ т. е. когда столкновение можетъ произойти въ самой срединѣ бока. Чтобы яснѣе опредѣлить мысль, онъ беретъ въ примѣръ два корабля въ 2,000 тоннъ, идущіе съ скоростью двѣнадцати узловъ въ часъ; онъ спрашиваетъ, каковы должны быть размѣры и вѣсъ желѣзныхъ щитовъ, чтобы обезпечить ихъ отъ разрушенія при столкновеніи, и полагаетъ, что такихъ щитовъ должно быть три, съ окружностью 500 метровъ и общимъ вѣсомъ 100 тоннъ, что составитъ лишь увеличеніе груза на 5 процентовъ со ста всей тяжести корабля. — Г. Роже издалъ свое руководство для типографій *Manuel de la typographie*, въ которомъ можно найти все касающееся этого важнаго искусства. — Г. Альваро Рейнозо, профессоръ органической химіи въ Мадридѣ, сообщилъ слѣдующія извѣстія о бальзамированіи у американскихъ Индѣйцевъ: у нѣкоторыхъ народовъ сѣверной Америки, существуетъ слѣдующій обычай бальзамированія: сначала разрезаютъ искусно кожу вдоль спины, потомъ вынимаютъ осторожно кости, не трогая внутренностей, сушатъ кости въ продолженіе извѣстнаго времени и потомъ опять кладутъ въ кожу; внутренности сушатъ и отчасти уничтожаютъ, — и въ заключеніе, сшиваютъ кожу, которую умягчаютъ и приготавливаютъ различными травами, и засыпаютъ внутренность скелета мельчайшимъ пескомъ. — Г. Ландрессъ издалъ замѣчательное сочиненіе: *Sur l'histoire naturelle et le commerce de l'Afrique orientale*. — Г. Познанскій издалъ сочиненіе: *De la nature, du traitement et des préservatifs du choléra*. Въ немъ высказаны слѣдующія замѣчательныя сужденія этого извѣстнаго своими познаніями и опытностью молодаго медика, обратившаго на себя особенное вниманіе парижской академіи. Каждая болѣзнь, говоритъ г. Познанскій, имѣетъ естественную причину, ни одна изъ болѣзней не приходитъ безъ вмѣшательства природы. Необходимо соображать страну, время года, возрастъ и проч. Многіе изъ извѣст-

ныхъ писателѣй обращали на это вліяніе природы особенное вниманіе ; такъ Гуксгамъ еще объявилъ , что воздухъ заключаетъ въ себѣ извѣстную вредоносную часть , что нужно стараться , чтобъ онъ имѣлъ нормальную тяжесть и эластичность , для того , чтобъ онъ слегка дѣйствовалъ на легкія , не подавляя ихъ слишкомъ значительнымъ давленіемъ , такъ что въ эпидемическія болѣзни имѣютъ предвѣстникомъ ненормальную медленность въ отправленияхъ жизненныхъ . Гуфландъ хочетъ , чтобъ медики опирались на теорію и разсужденія : безъ размысленія нѣтъ разумнаго леченія ; въ медицинѣ теорія весьма полезна , лишь бы только она была основана на природѣ вещей , а не на вымышленныхъ системахъ . Авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ касательно холеры: 1) Между давленіемъ атмосфернымъ и эпидеміею есть тѣсная связь , въ слѣдствіе чего объясняется: 1) пребываніе ея въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ , и всегдашнее отсутствіе въ другихъ . 2) способы ея распространенія и увеличенія въ низкихъ мѣстахъ и въ направленіи противоположномъ вѣтрамъ ; а также отсутствіемъ на мѣстахъ возвышенныхъ . 3) быстрота , съ которою она можетъ развиваться и исчезать . 4) спасительное или вредное дѣйствіе различныхъ средствъ . 5) преобладаніе въ эпидеміи то характера тифознаго , то другихъ болѣзней . II) Какъ первоначальная причина эпидемической холеры замѣчается въ излишкѣ атмосферическаго давленія , то отъ нея происходитъ немедленно другая непосредственная причина болѣзни—остановка кровообращенія , и слѣдовательно противодѣйствіе эпидеміи заключается въ такихъ средствахъ , которыми можетъ быть возбуждена энергія кровообращенія и дыханія , лишь только будетъ замѣчено замедленіе пульса . III) Прибѣгать къ этимъ средствамъ , дѣйствительно предохранительнымъ , нужно немедленно , даже тогда , когда есть слабѣйшіе признаки замедленія пульса . Здѣсь-то должно , въ отношеніи этой поспѣшности , не забывать правила , даннаго еще Гипократомъ для этой самой болѣзни—*quam citissime utitor* .

— Для того , чтобы составить себѣ хотя поверхностное понятіе о чрезвычайномъ движеніи въ промышленности , отъ желѣзныхъ дорогъ происходящемъ , достаточно обсудить слѣдующія данныя , извлеченныя изъ отчета г. Соважа , главнаго инженера компаніи французскихъ западныхъ желѣзныхъ дорогъ . Имущество этой компаніи стоило 70 милліоновъ франковъ и заключается въ 473 локомотивахъ , 424 тендерахъ , 9,000 вагонахъ и ва-

гонахъ и 3,000 паряхъ колесъ, назначенныхъ для новыхъ вагоновъ. — Вотъ кстати свѣдѣнія о каменноугольныхъ богатствахъ Северо-Американскихъ Штатовъ, показывающія въ какихъ благоприятныхъ условіяхъ находится эта страна, касательно желѣзныхъ дорогъ. Все пространство каменноугольныхъ слоевъ северной Америки, заключается по меньшей мѣрѣ въ 500,000 квадратныхъ килограмахъ, какъ полагаетъ г. Роджерсъ въ своей *Géologie et Géographie physique de l'Amérique du Nord*. Онъ же, сравнивая каменноугольное богатство разныхъ странъ, выводитъ слѣдующія данныя: въ Англіи каменнаго угля на 13,500 квадратныхъ километровъ, во Франціи — на 2,500, въ Бельгіи — 1,275, въ Пруссіи — 2,400, въ Вестфалии — 950, въ Богеміи — 1,000, въ Саксоніи — 75, въ Испаніи (Астуріи) — 500, въ Россіи — 255. Почва Америки заключается, по выводамъ Роджерса, одна въ десять тысячъ разъ болѣе каменнаго угля, чѣмъ вся Европа; она имѣетъ на каждыя 15 квадратныхъ километровъ пространства, одинъ километръ каменнаго угля, тогда какъ въ Англіи приходится 1 на 22¹/₂ кв. кил. Ежегодное добываніе каменнаго угля въ настоящее время составляетъ въ Англіи 65 милліоновъ тоннъ, въ Северо-Американскихъ Штатахъ отъ 8 до 9 милліоновъ, въ Бельгіи 5 мил. и во Франціи 4¹/₂ мил.

— *Торговля Валахіи*: Торговля этой страны долгое время находилась въ рукахъ турецкихъ купцовъ изъ Рущука, притомъ она была весьма незначительна: на базарѣ въ Бухарестѣ можно было найдти въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка нѣсколько суконъ изъ Франціи, кой-какія шелковыя матеріи изъ Ліона и Венеціи, краски, свинецъ и жѣсть изъ Константинополя и Адрианополя; желѣзо изъ Германіи, бакалейные товары изъ Данцига — и вотъ все, что привозили сюда торговцы. Вывозъ состоялъ изъ кожъ и бѣлой шерсти въ незначительномъ количествѣ для Германіи, черную употребляли всю въ Румеліи; изъ меда, масла, льну худаго качества, мѣховъ мало цѣнныхъ, и воска. Такою была торговля этой страны при Фанахіютахъ и продолжала находиться въ томъ же положеніи до 1828 года, съ этого же времени она стала постепенно развиваться, въ особенности съ 1845 года. Такъ въ 1845 году вывозъ простирался на сумму 14,773,000 франковъ, а ввозъ на 5,244,869 ф.; въ 1852 году — первый составилъ сумму 19,106,013 ф., а ввозъ — 8,861,335. Портъ Ибраила есть единственный портъ, открытый вывозу и ввозу изъ Левана,

Средиземнаго моря и Востока, но кромѣ его Валахія производить большую торговлю по Дунаю и его портамъ, съ Болгаріею, Сербіею, Австріею, а сухимъ путемъ съ Кронштадтомъ и Трансильваніею съ одной стороны, съ Молдавіею и чрезъ нея съ Россіею съ другой стороны. Въ Валахіи, населеніе, по его влиянію на торговыя отношенія, дѣлится на три класса: поселяне почти не участвуютъ въ торговль, ремесленники и купцы, составляющіе второй классъ, получаютъ необходимые для себя предметы частію изъ Россіи, и частію изъ Австріи, гдѣ находятъ дешевые предметы, удовлетворяющіе ихъ нужды и торговую дѣятельность. Съ нѣкотораго времени Англія посылаетъ этому классу значительное количество тканей и желѣзныхъ издѣлій. Третій классъ составляютъ бояре, они имѣютъ привычки роскоши, изысканности и вкуса, и для нихъ-то ввозятъ мануфактурные издѣлія Запада. Но торговля этими послѣдними предметами, какъ обращенная къ незначительному, по числу, классу людей, обремененныхъ долгами, незначительна по своему объему. Нужно еще много лѣтъ, чтобъ торговля привозная, въ особенности предметами роскоши и дорогими вещами, получила большіе размѣры. Иное положеніе имѣетъ вывозная торговля. Она состоитъ преимущественно изъ земледѣльческихъ продуктовъ, впрочемъ это не удивительно, потому что единственная существующая здѣсь промышленность есть земледѣльская. Плодородіе почвы, отсутствіе капиталовъ, необразованность народа—объявляютъ отсутствіе другихъ видовъ промышленности. Вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ, хотя и составляетъ здѣсь главную статью вывоза, однако же далекъ еще отъ того, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ позволяетъ ему плодородіе страны. Земледѣліе, еще въ первоначальной степени своего развитія, производитъ лишь слабую часть того, что можетъ дать земля. Земля здѣсь едва взрыта плугомъ, единственно здѣсь употребительнымъ орудіемъ. Земледѣлецъ здѣсь никогда не удобряетъ свое поле, онъ отбрасываетъ даже поземъ животныхъ, считая его не только бесполезнымъ, но даже вреднымъ. Въ настоящее время, изъ Дунайскихъ Княжествъ не вывозятъ муки, по недостатку надлежащаго устройства мельницъ, которыя остаются въ первобытномъ положеніи. Каменный уголь существуетъ въ этой странѣ, и довольно легко можетъ быть извлекаемъ, но рудоконни остаются покинутыми по затрудненіямъ, встрѣчаемымъ въ

перевозкѣ. Обширные слои каменнаго угля были открыты въ округѣ Бахеу, близъ деревни Команенти въ Молдавіи; каменный уголь оказался высокаго качества по освидѣтельствуванію его Дунайскою Компаніею, но былъ брошенъ, по неумѣнью рабочихъ и затрудненію въ дорогахъ. Другія руды — какъ-то желѣзныя, мѣдныя, серебра и золота, мрамора, алебастра, здѣсь часто встрѣчаются, какъ говорятъ жители, въ горныхъ округахъ, но онѣ также остаются нетронутыми. Другія статьи вывоза суть лѣсъ, воскъ, медь, которые идутъ въ Вѣну и Триестъ, весьма немного водки и сыръ — въ Турцію, льняное сѣмя хорошаго качества, въ значительномъ числѣ сало бычачье и баранье, овощи, шерсть, кожи, вывозимыя въ Венгрію, пивки и соль въ Сербію, Черное море и Азовское, табакъ и солонина, вотъ предметы вывозной торговли. Изъ нихъ важнѣе другихъ по вывозу лѣсъ, идущій преимущественно въ Константинополь, зерновой хлѣбъ, шерсть и болѣе всего второй, т. е. зерновой хлѣбъ. Валахія производитъ ежегодно, по вычисленіямъ 1852 года, — 300,000 киллосовъ валахскихъ хлѣба; въ 1850 году она отправила во Францію на 233,347 франковъ хлѣба. Пшеница идетъ отсюда преимущественно въ Великобританію, куда вывозятъ также мансъ. Съ тѣхъ поръ, какъ, по предложенію сэра Роберта Пилля, преобразованы тарифы Англіи, Лондонъ сдѣлался выгоднѣйшимъ мѣстомъ для сбыта валахскаго хлѣба. Наемъ помѣщеній для запасовъ хлѣба — чрезвычайно дорогъ. Весь зерновой хлѣбъ свозятъ въ одно и тоже время на Ибраильскую площадь, въ такомъ количествѣ, что бываетъ иногда 500,000 киллосовъ; мѣстные владельцы магазиновъ очень хорошо умѣютъ извлекать выгоды отъ этого прилива. Ячмень и въ особенности мансъ валахскій, превосходнаго качества, а рожь валахскую цѣнятъ купцы наравнѣ съ Одесскою. Въ 1851 году, когда вывозъ хлѣба прекратился въ портахъ русскихъ, онъ увеличился въ Ибраилъ и Галацъ, въ особенности увеличивается вывозъ манса, съ каждымъ годомъ. Въ 1850 и 1851 изъ портовъ Валахскихъ Ибраила и Галаца, вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ былъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: ржи вывезено изъ Ибраила, въ 1850 году, 807,532 гектолитровъ, манса—467,739, ячменя 143,799, всего 1,419,070 г., въ 1851 же году зерноваго хлѣба 856,156 гек., манса 1,780,737, ржи 6,110, ячменя 315,906 — всего 2,959,011 г. — Изъ Галаца, въ 1850 году, зерноваго хлѣба

375,076 гект., маиса 349,684, ржи 140,756, — всего 865,516 г., а въ 1851 году перваго 374,864, втораго 963,408, ржи 194,292 и ячменя 3,764 — всего 1,536,328 гектолитровъ. Распредѣленіе этихъ продуктовъ изъ Ибраила въ 1851 году, въ разныя страны, было слѣдующее:

	Зернов. хлѣба.	Маиса.	Рожь.	Ячмень.
Франція	16,529 гек.	1,150 гек.	» гек.	»
Англія	252,479 —	759,895 —	1,815 —	2,561
Тріестъ и Венеція	152,830 —	305,997 —	2,197 —	»
Генуя	7,598 —	7,364 —	» —	»
Константинополь	366,626 —	502,582 —	2,074 —	313,345
Ливорно	60,096 —	3,753 —	» —	»

Всего. 856,158—1,780,737—6,110—315,096 гек.

Торговля хлѣбомъ находится почти исключительно въ рукахъ купцовъ различныхъ націй: армяне, греки, итальянцы, жидаы, — весьма мало Французовъ и Валаховъ. Они закупаютъ хлѣбъ еще на корню отъ земледѣльцевъ и помѣщиковъ задолго до жатвы, за малую цѣну, уплачивая большіе задатки, но плохо платятъ остальное; отъ этого контракты эти, худо исполняемые съ обѣихъ сторонъ, порождаютъ многочисленныя тяжбы. Не мало останавливаютъ успѣхъ торговли худыя дороги, такъ въ 1852 году въ Галацъ долго дожидались суда привоза хлѣба, и, наскучивъ ожиданіемъ, нѣкоторые изъ нихъ пошли искать хлѣба въ другихъ мѣстахъ. Въ 1853 г. привозъ хлѣба былъ столь значителенъ, что во всѣхъ дунайскихъ портахъ не было мѣста въ складочныхъ магазинахъ, куда его помѣстить. Большая часть торговаго вывоза обращена изъ Ибраила въ Англію, Австрію, чрезъ Тріестъ, Турцію и Францію. Распредѣленіе цѣнности вывоза между этими странами въ 1852 году было слѣдующее. Вывезено изъ Ибраила въ Англію на 6,632,645 піастровъ, Австрію — 5,590,465, Турцію 5,427,806, Францію 817,764 и въ разныя мѣста на 637,333. Что касается до ввоза, то въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ Англія — по морской торговлѣ, и Австрія по торговлѣ Дунайской — въ Калафатъ и Джорджево, а также чрезъ Кронштадтъ. Франція почти не участвуетъ въ морской торговлѣ съ Валахією, но посылаетъ огромныя сухонутныя транспорты съ мануфактурными издѣліями. Главныя статьи вывоза изъ Валахіи въ Англію суть хлѣбъ и солонина, въ Австрію и Вен-

грію—хлѣбъ, кожи, сало и воскъ, въ Турцію—хлѣбъ и сало, во Францію—хлѣбъ, льсъ и льняное сѣмя. Ввозъ состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ торговли, сосредоточивающейся преимущественно въ Ибраиль и Галаць: привозятъ сюда — сахаръ, кофе, масло, желъзо, табакъ, сухіе плоды, нитяныя ткани, шали, бѣлье, модныя принадлежности, шелковыя матеріи, ленты, галстухи, кружева, вино, водку, сѣдла, шляпы, золотыя и брилліантовыя вещи, часы, перчатки, духи, книги, бумагу писчую, картины, обои, дорогую мебель, бронзу, фарфоры. Эти предметы привозятся преимущественно изъ Англіи, Франціи, а по Дунаю изъ Австріи, также частію изъ Турціи и Греціи. — Вотъ раздѣленіе ввоза въ 1852 году между этими странами:

Турція (1849)	1,474,000	фр.,	а въ 1852... 2,599,310	фр.
Англія	4,312,000	— — —	4,386,391	—
Франція	2,400,000	— — —	1,543,679	—
Греція	729,000	— — —	183,153	—
Австрія (Венеція и Тріестъ)	52,000	— — —	48,000	—

Главные статьи ввоза въ Ибраиль, распредѣлились въ отношеніи количества и цѣнности, слѣдующимъ образомъ въ 1849 году:

Киллогр.

Сахаръ	2,583,000	на сумму 3,191,000 фр.	} изъ Франціи на 2,193,000 фр. изъ Англіи на 998,000 —
Масло	713,000	— — — 713,000 —	
Желъзо	1,153,000	— — — 346,000 —	} изъ Англіи на 295,000 — изъ Турціи на всю сумму —
Табакъ	89,000	— — — 284,000 —	
Сухіе плоды	313,000	— — — 256,000 —	} изъ Англіи на 2,402,000 —
Нитяныя ткани	2,800	— — — 2,728,000 —	

Всѣ эти привозные товары привезены чрезъ Черное море. Кромъ этого морскаго пути, товары привозятъ по Дунаю, чрезъ границы Трансильваніи и чрезъ Молдавію и Бессарабію. Участіе въ привозной торговлѣ Франціи весьма значительно. Въ 1849 году четверть всей цѣнности привоза приходилась на долю Франціи, отсюда преимущественно привозятъ въ Валахію рафинованный сахаръ, и въ этой статьѣ Франція значительно превосходитъ Англію; такъ въ 1849 г. привезено сахара изъ Франціи въ Ибраиль на 2,193,000 фр. и въ Галаць на 3,300,500. Тогда какъ изъ Англіи всего на 1,621,000 въ теченіе этого же года. Ввозъ кофе въ Валахію составляетъ важную статью торговую для Марсели; такъ въ 1849 г. изъ Марсели вывезено въ Ибра-

иль и Галацъ на 228,000 ф. Бѣлье, модныя вещи и драгоценности для дамскаго туалета привозятъ исключительно изъ Франціи, такъ между прочимъ Парижъ ежегодно отсылаетъ въ Яссы кружевъ на 80,000 франковъ и болѣе. Шампанское и бордоское вина здѣсь цѣнятся весьма дорого, но привозятъ ихъ не болѣе, какъ на 120 до 150,000 франковъ, по малочисленности требованій, водки привозятъ изъ Франціи отъ 8 до 9 сотъ бутылокъ. Различные предметы обуви привозятъ изъ Франціи на 25 и до 30,000 франковъ въ годъ, но въ этой статьѣ привоза, Франція уступаетъ Германіи, откуда привозятъ ее въ огромномъ количествѣ. Шляпы привозятъ изъ той и другой страны, но преимущественно отдають французскимъ издѣліямъ, также какъ и перчаткамъ и духамъ, изъ нихъ первыхъ привозятъ на 35,000 фр. а послѣднихъ на 45,000. Книги французскія въ большомъ ходу, но перепечатанныя бельгійскія изданія продаются по столь низкой цѣнѣ, что въ Бухарестъ и Яссахъ изданій французскихъ привозятъ только на 60,000 франковъ. Англія первенствуетъ касательно желѣзныхъ издѣлій, стали и мелкихъ издѣлій, которыя предпочитаютъ здѣсь германскимъ и французскимъ. Она же привозитъ огромное количество нитяныхъ тканей, шерстяныхъ, индійскихъ, кисей, ковровъ, кашемира и т. п. Изъ Германіи и Австріи ввозятъ сюда много суконъ и шерстяныхъ матерій. Пруссія и таможенный союзъ (Zollverein) ввезли въ 1851 году на 1,546,875 піастровъ суконъ и шерстяныхъ тканей. Изъ Австріи, Германіи, преимущественно изъ Лейпцига, привозятъ дама, шелковыя матеріи для платьевъ и жилетовъ, ленты, галстухи, обувь, шляпы и проч. Сбруи и каретныя принадлежности (предметъ весьма важный въ Бухарестъ, гдѣ чрезвычайно много каретъ) привозятъ изъ Германіи, преимущественно изъ эрцгерцогства Австріи, отсюда же, а также изъ Саксоніи и Богеміи привозятъ въ Валахію писчую и печатную бумагу, мебель, лампы, бронзы, фарфоръ и хрусталь. Швейцарія посылаетъ сюда шелковыя матеріи, ленты, значительное количество часовъ, которыхъ однихъ ввезено въ Яссы на 100,000 франковъ въ теченіи года и почти на столько же въ то же самое время въ Бухарестъ. Таково участіе въ валахской торговлѣ каждой страны. Торговля отношенія въ этой странѣ опредѣляются по обычаю почти исключительно французскими уставами; такъ въ Валахіи всѣ торговые обороты совершаются на основаніи французскаго Code de commerce, переведеннаго на русканское

нарѣчіе. Такимъ образомъ устройство торговыхъ компаній, права и обязанности комисіонеровъ, послѣдствія торговыхъ сдѣлокъ, векселя, правила морской торговли, обезпеченія (assurances), несостоятельность и банкротство опредѣляются точно также, какъ и во Франціи. Устройство коммерческихъ судовъ въ Валахіи однако различно отъ французскихъ; въ Валахіи нѣтъ особенныхъ коммерческихъ судовъ, и дѣла торговли подлежатъ суду обыкновенныхъ судебныхъ мѣстъ, что безспорно составляетъ значительный недостатокъ ея торговаго устройства.

— Г. Германъ Гольдшмидтъ, замѣчательный астрономъ нашего времени, прославился своими открытіями; вотъ перечень ихъ: 15 ноября 1852 года имъ открыта Лутеція, 26 октября 1854 года Поснонь, 5 октября 1855 года Аталанта, 31 марта 1856 года Гармонія, 22 мая 1856 года Дафна, а 27 мая и 26 іюня 1857 года имъ открыты еще двѣ новыя планеты, не получившія еще названіе. Всѣ эти открытія сдѣланы имъ послѣ неутомимыхъ постоянныхъ его наблюденій изъ скромнаго его жилища. Г. Гольдшмидтъ — человекъ весьма замѣчательный. Вотъ что говоритъ о немъ одинъ изъ членовъ Institut, въ видѣ біографическаго очерка: «Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, родился въ Франкфуртѣ бѣдный мальчикъ, котораго судьба осудила заранѣе на труды во всю жизнь. Еще ребенкомъ, на колыняхъ матери, неизъяснимый инстинктъ побуждалъ его къ вопросамъ, на которые простая женщина не знала что отвѣчать: всегда онъ спрашивалъ о солнцѣ, лунѣ и звездахъ, о которыхъ мать никогда и не слыхала, но которыя ребенокъ нетерпѣливо хотѣлъ знать. Въ возрастѣ 10 лѣтъ, онъ какъ-то добылъ себѣ карту звезднаго неба, и почти все время проводилъ надъ нею. Ему было четырнадцать лѣтъ, когда одинъ купецъ, знакомый его семейству, отпросилъ его съ собою на нѣсколько дней, чтобъ показать ему городъ Мангеймъ; на другой же день послѣ пріѣзда, прикащикъ повелъ его показывать все, что было замѣчательнаго въ этомъ городѣ. Вдругъ онъ видитъ высокую четырехугольную башню, окруженную прекрасными аллеями деревьевъ. Что это за зданіе, вскрикиваетъ онъ. Это обсерваторія, говорятъ ему; бѣгомъ прибѣжалъ къ ней Германъ и взобравшись на верхъ, очутился въ залѣ, наполненной инструментами, гдѣ встрѣтилъ и самого директора обсерваторіи. Добрый нѣмецъ не только не побранилъ ребенка, за его быстроту, но даже рассказалъ ему по просьбѣ его назначеніе и употребленіе инструментовъ,

объясняя все, что возбуждало его любопытство. Директоръ маягеймской обсерваторіи былъ астрономъ Николай. Съ этого дня призваніе молодого человека было опредѣлено; но изучать звѣзды бѣдному мальчику, не имѣвшему насущнаго хлѣба, было невозможно, у пустаго желудка, говоритъ французская пословица, нѣтъ ушей (*ventre affamé n'a pas d'oreille*), къ этому надо прибавить, что и глазъ хорошихъ тоже нѣтъ. Что же было дѣлать Герману? Можно уже угадать по тому, что было сказано, что въ немъ было много и артистическаго направленія—и вотъ онъ занялся живописью, въ которой искалъ средствъ существованія; но тяжела, бѣдна, грустна была жизнь молодого артиста. Возвратясь изъ путешествія въ Англию, которое стоило ему большой скуки, а доставило весьма немалого фунтовъ стерлинговъ, онъ слышалъ много о курсѣ Леверрье. Любопытствуя видѣть и слышать его, Гольдшмидтъ отправился въ Сорбонну. Это было 31 марта 1847 года; въ ночь этого же самого дня, должно было протекать затменіе луны, и Леверрье объяснялъ въ своей аудиторіи слушателямъ всѣ обстоятельства этого явленія, которое черезъ нѣсколько часовъ за тьмъ, могло быть видимо всеми. Гольдшмидтъ, слушая Леверрье, далъ себѣ внутренній обѣтъ, посвятить всю жизнь астрономіи; ему стоило два съ половиною года, чтобъ освоиться съ наукой, состоящей исключительно изъ книгъ, после чего онъ, вооружась телескопомъ, считалъ тотъ день, въ которой началъ свои наблюденія надъ звѣзднымъ небомъ, счастливейшимъ днемъ своей жизни. Прибавимъ, что въ это самое время, когда онъ началъ свои наблюденія, холера свирѣпствовала въ Парижѣ, все друзья его покинули городъ, а онъ одинъ проводилъ каждую ночь въ созерцаніи неба. Эти ночи, занятія наблюденіемъ, не вознаграждались дневнымъ отдыхомъ, ибо днемъ Гольдшмидтъ работалъ, какъ живописецъ, для насущнаго хлѣба. Гольдшмидтъ до-сихъ-поръ бѣденъ, живетъ въ мансардѣ, но слава, имъ заслуженная въ слѣдствіе его открытій астрономическихъ, поставила его имя въ рядъ первыхъ ученыхъ знаменитостей нашего времени.

— Г. Гобино (*de Gobineau*) — турнетъ, живущій въ Тегеранѣ, сообщилъ въ парижскую академію замѣчательный мемуаръ о современномъ характерѣ, правахъ и обычаяхъ персидскаго народа, который, по положенію мѣстности, живя возлѣ предѣловъ двухъ континентовъ, по-видимому назначенъ быть посредствующею націею между европейскими и азіатскими

народами, и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія. Любопытство, говоритъ г. Гобино, возбуждаемое въ насъ азійскими странами, вредитъ обыкновенно ихъ изученію. Первое впечатлѣніе наблюдателя обыкновенно столь полно повизною, глазъ его пороженъ такъ много неожиданностью, что время у него ускользаетъ въ наблюденіяхъ поверхностныхъ; таковы многочисленныя труды по описанію Персіи, ограничивающіеся всегда живописнымъ изложеніемъ лишь внѣшней видимой стороны ихъ быта; что же касается до внутренняго ихъ быта, то о немъ до сихъ поръ еще весьма мало сказано, не смотря на то, что страна эта заслуживаетъ тщательнаго изученія. Известно, что страна, расположенная между Месопотамією и Афганистаномъ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ театровъ исторіи человѣческой; ни одно вліяніе Востока на Западъ и Запада на Востокъ не проходило мимо Персіи, не оставляя на этой сторонѣ слѣдовъ; вотъ почему и интересно изслѣдовать, какимъ образомъ и почему изъ всѣхъ странъ, лежащихъ въ прямаго дѣйствія европейскаго образованія, Персіа болѣе другихъ азійскихъ владѣній расположена примкнуть къ Европѣ. Разсматривая физиологически персидскій народъ, повсюду замѣчаемъ, во всѣхъ областяхъ, городахъ и селеніяхъ, слѣды чрезвычайнаго смѣшенія племенъ. Но между этимъ населеніемъ, столь различнаго типа, много встрѣчается поколѣній турецкихъ, распространенныхъ по всей странѣ, начиная отъ Астрабада до оконечности самыхъ южныхъ провинцій. Кромѣ собственно Персіянъ и Турокъ, значительную часть населенія составляютъ Курды, живущіе на восточныхъ границахъ, а также на сѣверо-западѣ страны въ сосѣдствѣ съ Туркменами, Белуччи въ Керманѣ, Афганы и наконецъ Армяне и Жиды, которые въ значительномъ числѣ разсыяны повсюду и иногда занимаютъ одни цѣлые округи, а послѣдніе часто цѣлые города и селенія. Таково населеніе Персіи, пестрое и смѣшанное, вѣрное серкало ея историческихъ судьбъ, удержавшее кое-что отъ всѣхъ народовъ и племенъ Азіи. Исторія религіи Персіи, могущества этой страны, указываетъ причину этой смѣси населенія. Нигдѣ исламизмъ не породилъ столько сектъ, какъ здѣсь, подъ вліяніемъ арабовъ. Въ лингвистическомъ отношеніи мало странъ, которыя бы, подобно Персіи, имѣли столь сложную исторію своихъ нарѣчій. Еще во времена Ахеменидовъ здѣсь господствовали четыре нарѣчія, совершенно различныя, установившіяся на четы-

*

рехъ пунктахъ географическихъ: зендское—на сѣверо-западѣ въ Боктрианъ и частію въ Хорассанъ, персидское — въ нынѣшнихъ провинціяхъ Фарса и Иракъ-Аджеми, медійское — въ гористыхъ странахъ сѣверо-востока, и ассирійскія нарвчія—по берегамъ Персидскаго залива и даже въ странахъ, прилежащихъ Арменіи. Вотъ все, что положительныя историческія факты свидѣтельству- ютъ о древнихъ нарвчіяхъ Персіи; но если судить объ этой, от- носительно отдаленной эпохѣ, по времени Сассанидовъ, то мож- но предположить, что еще и другія нарвчія, частью индо-гер- манскія, частью семитическія, были распространены вмѣстѣ съ зендскимъ, персидскимъ, медійскимъ и ассирійскимъ, какъ по берегамъ Каспійскаго моря, такъ и въ пустыняхъ Гедрозиі. Вторженіе Арабовъ изгладило почти совершенно древнія націо- нальныя нарвчія, однако слѣды его остались въ Мазандеранъ и Хорассанъ; курдское нарвчіе удержалось въ гористыхъ мѣстно- стяхъ западной стороны и въ окрестностяхъ Астрабада. Въ Ур- миіи и прилежащей странѣ удержалось еще повѣйшее халдейское нарвчіе, а немного выше этой мѣстности—армянское; въ Азер- беджанъ и почти до Тегерана и повсюду въ турецкихъ кочевь- яхъ—нарвчіе турецкое восточное, а по берегамъ Персидскаго за- лива арабскій языкъ есть языкъ народный. Что касается до за- конодательства Персіи, то, собственно говоря, въ основѣ своей оно у нихъ составляетъ Коранъ (Шеріятъ), но въ практикѣ дѣ- ла идутъ обыкновенно совершенно иначе, чѣмъ по Корану. Су- дебное дѣло, гражданское или уголовное, подлежитъ муллѣ, ко- торый кладетъ ему приговоръ по Шеріату и пишетъ свое рѣ- шеніе на запискѣ, но не исполняетъ его, не приводитъ въ дѣй- ствіе, ограничиваясь отсылкою его къ властямъ полицейскимъ. Полиція, подъ видомъ извѣсненій такого рѣшенія, начинаетъ сно- ва изслѣдованіе дѣла и рѣшаетъ его по своему усмотрѣнію, уничтожая такимъ образомъ въ сущности приговоръ муллы, на основаніи писаннаго закона установленный, и полагая свой един- ственно по ея соображеніямъ. Въ дѣлахъ спорныхъ часто слу- чается, что высшая инстанція, губернаторъ или правитель обла- сти, обвиняетъ вполне ту изъ тяжущихся сторонъ, которую оправ- далъ мулла на основаніи Корана, чаще же всего случается, что, подъ видомъ посредничества, онъ приказываетъ обвинъ сторо- намъ покончить дѣло миромъ. Если идетъ дѣло уголовное, ка- сательно примѣненія наказанія, тамъ, гдѣ мулла назначилъ на- казаніе по закону, полицейская власть примѣняетъ совершенно

Другое средство воздаянiя виновному, болѣе или менѣе тяжкое, или даже назначаетъ наказанiе, совершенно невѣдомое закону, иногда же совершенно освобождаетъ отъ наказанiя осужденнаго. Такое судебное устройство носить у нихъ названiе *урфѣ*.

Что касается до обычаевъ, то Персiяне вообще весьма воспрiимчиво заимствуютъ многое отъ Европейцевъ. Въ покровѣ ихъ одежды замѣтно уже нынѣ подражанiе одеждъ европейской; мужскiе и женскiе костюмы ихъ также подвержены измѣненiямъ модѣ какъ и наши; обычай пить чай, сдѣлавшiйся общимъ во всѣхъ сословiяхъ, перешелъ сюда отъ Русскихъ, не болѣе какъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Существенное различiе этой страны отъ Турцiи состоитъ въ томъ, что здѣсь не только, какъ въ сей послѣдней, правительство хочетъ подражать европейскимъ обычаямъ, но самый народъ перенимаетъ много европейскихъ условiй общежитiя. Персiяне вообще мало знакомы съ географическимъ положенiемъ странъ европейскихъ и смутно представляютъ себѣ многое въ преувеличенномъ видѣ: такъ они имѣютъ преувеличенное понятiе о могуществѣ Францiи, они смотрятъ на ея промышленныя издѣлiя и товары, привозимыя сюда изъ этой страны, какъ на чудеса производительности человеческой; они кое-что слышали и о призмѣненiи паровъ, но не разгадали еще эту тайну природы. Персiяне не отличаются патриотизмомъ, потому что у нихъ нѣтъ общаго преобладающаго населенiя, они не живутъ, подобно Туркамъ, подъ влiянiемъ воспоминанiй былаго могущества; напротивъ, у нихъ, какъ и у Китайцевъ, военный человекъ не въ большомъ уваженiи. У нихъ нѣтъ и религiозной славы—подобно Арабамъ; всѣ ихъ стремленiя состоятъ лишь въ томъ, чтобъ ихъ считали за народъ умный, хитрый, смѣтливый и ловкiй. Они придаютъ особенную важность изученiю французскаго языка. Если сообразить, что такое стремленiе къ изученiю этого языка возникло не болѣе, какъ десять лѣтъ тому назадъ, то нельзя не удивляться значительнымъ результатамъ его уже и въ настоящее время. Безъ книгъ и собственно говоря безъ учителей этого языка, ибо правительство мало поощряетъ такое обученiе иноземному языку, въ настоящее время въ Тегеранѣ болѣе 200 семействъ, въ которыхъ, худо ли, или хорошо, говорятъ по-французски и этому знанiю даютъ большую цѣну. Многiе даже изъ жительницъ гарема изучаютъ его, а въ высшихъ домахъ въ настоящее время изученiе дѣтьми этого языка ставится первымъ

долгомъ воспитанія Подъ вліяніемъ этой французманіи, чотыре года тому назадъ, основана здѣсь французская школа (collège), въ которой учителя различныхъ націй—Итальянцы, Нѣмцы и частію Французы, даютъ уроки математики, физики, географіи и военныхъ наукъ. Успѣхи этого учебнаго заведенія однако же весьма медленны, не смотря на покровительство, ему оказываемое шахомъ; главная причина заключается въ томъ, что преподаваніе всѣхъ наукъ производится на языкъ французскомъ, котораго ученики не знаютъ или совершенно, или весьма мало.

Персія одна изъ самыхъ плодородныхъ странъ свѣта. Повидимому, въ древнія времена населеніе не предавалось вполне обработкѣ земледѣльской страны, но въ этомъ случаѣ не почва отказывала въ производительности, а человекъ, который не требовалъ отъ нея того, что она могла дать. Если и въ настоящее время можно найти въ горахъ слѣды земледѣльческихъ работъ древности, то за то можно долго странствовать въ другихъ мѣстахъ Персіи, не встрѣчая ни одного дерева, ни растенія. Кочующія племена воздѣлываютъ землю по-своему: расположившись въ одномъ мѣстѣ осенью, они воздѣлываютъ его, сѣять и, собравъ жатву въ маѣ мѣсяцѣ, удаляются кочевать далѣе. Плугъ персидскій—изъ дерева и весьма легокъ; почва вообще известково-глинистая и чрезвычайно богата черноземомъ; она производитъ, смотря по мѣстности, сельскіе продукты, рисъ, плоды всякаго рода и виноградъ. Вывозъ шелковыхъ тканей и плодовъ свѣжихъ становится значительнымъ, хотя недостатокъ дорогъ много вредитъ вообще торговлѣ этой страны. Со стороны Бушира вывозятъ преимущественно рисъ, хлопчатую бумагу и превосходную шерсть, которая, еслибы была лучше промываема, могла бы соперничать съ кашемирскою. Черезъ Тегеранъ, Таврисъ и Требизондъ промышленность Персіянъ посылаетъ преимущественно въ Турцію ткани Керманскія, шелка въ выдѣлкѣ и невыдѣланные, ковры замѣчательнаго изящества и нѣкоторыя товары Туркестана и Кабула. Вообще настоящая торговля совершенно незначительна, но она можетъ быть громадною. Страна ожидаетъ лишь воздѣланія, а жителямъ стоитъ лишь трудиться и пожинать; природный умъ ихъ столь же замѣчателенъ, какъ и низкая цѣна рабочихъ рукъ. На ряду съ земледѣльческимъ богатствомъ страны и искусствомъ жителей въ мануфактурномъ отношеніи нужно упомянуть о изобиліи въ странѣ минераловъ. На почвѣ почти вездѣ вулканической формаціи, это богатство не-

обыкновенно. Мѣдь въ самородкахъ наполняетъ горы Персіи и распространяется широкими жилами во всѣхъ направленіяхъ. Железо Азербеджана самого высокаго качества. Уголь, выше по качеству даже въ сравненіи съ ньюкестльскимъ, находится во всей странѣ Демавенда и во многихъ другихъ провинціяхъ, — достаточенъ на удовлетвореніе потребностей промышленныхъ, заводскихъ и желѣзныхъ дорогъ въ самомъ дѣятельномъ ихъ развитіи. Вообще экономическія условія страны, данныя ей природою, большею частію составляютъ еще нетронутое богатство.

—

Успѣхи археологіи весьма замѣчательны въ новѣйшее время, и въ особенности въ послѣдніе десять лѣтъ; они выразились въ Англіи, Германіи и въ Бельгіи учрежденіемъ новыхъ археологическихъ обществъ, въ особенности въ послѣдней, гдѣ были основаны они въ Антверпенѣ и другихъ городахъ. Въ Англіи археологія получила еще раньше развитіе, и страна эта опередила въ этомъ отношеніи Францію, и Бельгію; ей нужно отдать преимущество и въ роскоши ея археологическихъ изданій, которыя безспорно суть *chefs-d'oeuvre* типографскаго искусства и гравированія. Замѣчательнѣйшія въ этомъ отношеніи археологическія англійскія изданія, суть труды гг. Блаквуда, Вурда, Коллинга, Фримана, Паркера, Рока и Винстона, — это образцовыя изданія, но есть множество и другихъ. Въ Англіи издаются десять археологическихъ журналовъ, и замѣчательно, что издатели каждаго изъ нихъ въ большихъ барышахъ. Одинъ изъ главныхъ журналовъ археологическихъ *The art journal*, стоитъ сорокъ тысячъ франковъ въ годъ и имѣетъ сорокъ тысячъ подписчиковъ. Этотъ одинъ фактъ достаточно убѣждаетъ, до какой степени археологическія свѣдѣнія распространены въ Англіи; даже англичанки интересуются археологіею и нѣкоторыя изъ нихъ даже сдѣлались писательницами по этой части; такъ миссъ Луиза Тиннингъ извѣстна какъ сочинительница богатаго изданія объ эмблемахъ, мистрисъ Мирхильдъ издала и дополнила свои примѣчаніями многія сочиненія среднихъ вѣковъ объ искусствѣ живописи, миссъ Джемонъ напечатала три тома весьма ученыхъ изслѣдованій объ изображеніяхъ архитектурныхъ. Въ Австріи археологическія изслѣдованія преимущественно сосредоточены были на изысканіяхъ древнихъ вѣковъ; въ этой странѣ есть три казенныя археологіи и одна коммунія, учрежденная съ целью сохра-

нять памятники, заботиться о ихъ возобновеніи и дѣлать описанія различнымъ древностямъ, которыя столь же различны, какъ и самыя составныя части этой имперіи. Въ Берлинѣ преобладаетъ въ этомъ отношеніи грекоманія, но въ нѣкоторыхъ городахъ Пруссіи, въ Падербонѣ и Мюнстерѣ существуютъ общества археологическія, учрежденныя съ цѣлью сохраненія и возобновенія старинныхъ отечественныхъ памятниковъ и составленія имъ описаній,— и въ Мюнстерѣ, епископъ этого города Мюллеръ, чтобъ возбудить археологическое направленіе, самъ преподаетъ въ семинаріи курсъ археологіи религіозной. Подобный же курсъ преподаетъ въ Кельнѣ г. Рейхенспергеръ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ по всей Европѣ археологовъ. Извѣстно, что Мюнхенъ сдѣлался обширнымъ монументальнымъ музеемъ, гдѣ посреди остатковъ готическихъ и византійскихъ, виднѣются греческіе пропилеи, остатки храмовъ египетскихъ и дворцовъ флорентинскихъ. Что касается до Швейцаріи, то въ ней хотя и существуютъ археологическія общества въ Цюрихѣ и въ Женевѣ, но вообще страна эта весьма мало занималась до-сихъ-поръ памятниками искусства среднихъ вѣковъ. Замѣчательнѣйшіе изъ монографій археологическихъ этой страны принадлежатъ гг. Дюбуа, Келлеру, Трулло и Вогелину, въ особенности же г. Бловиньяну, который издалъ исторію архитектуры церквей отъ IV-го до X-го вѣка, въ старинныхъ епископствахъ Женевскомъ, Лозанскомъ и Сіонскомъ. Сочиненіе это тѣмъ болѣе замѣчательно въ археологическомъ отношеніи, что оно посвящено преимущественно древностямъ до Карла Великаго, хотя ученые археологи и упрекаютъ его въ томъ, что авторъ относитъ къ эпохѣ Меровинговъ такіе монументы, которые принадлежатъ ко времени Каретинговъ. Антикваріи Италіи, сосредоточиваютъ свои труды на памятникахъ древности первыхъ вѣковъ христіанства. Археологическая коммисія учреждена въ Римѣ въ 1852 году и предсѣдателемъ въ ней кардиналъ Патрици; она имѣетъ главнымъ назначеніемъ сохраненіе и изслѣдованіе катакомбъ. Древности, которыя отсюда добываются, должны быть собраны въ особый спеціальныи музей, который учреждаютъ теперь въ одной изъ обширныхъ залъ дворца Латеранскаго. Такъ какъ катакомбы имѣютъ интересъ для всѣхъ христіанъ, то иностранцы оспариваютъ у Итальянцевъ честь наилучшаго изслѣдованія этихъ подземныхъ жилищъ древнихъ христіанъ, столь славныхъ въ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства. Г. Перрэ посвятилъ шесть лѣтъ исключительнаго труда

для снятія рисунковъ подземнаго устройства катакомбъ и различныхъ замѣчательныхъ предметовъ и сочиненіе его напечатано. Г. Дидронъ путешествовалъ въ последнее время по Италіи съ цѣлью изслѣдованія памятниковъ старины средневѣковой и въ своихъ сочиненіяхъ доказываетъ, что монументы среднихъ вѣковъ этой страны столь же богаты обиліемъ, какъ и во Франціи, и что настоящій Римъ, въ его нынѣшнемъ положеніи, болѣе готической архитектуры, чѣмъ Руанъ, наиболее готическій городъ Франціи. Съ тѣхъ поръ, какъ гг. Ріо и Монталамбѣръ возбуждали вниманіе публики къ chefs-d'oeuvres остатковъ древней италіанской живописи, люди со вкусомъ стали отыскивать древнихъ художниковъ. Въ Испаніи учреждена въ прошедшемъ году коммисія археологіи отъ правительства, съ цѣлю сохраненія историческихъ и артистическихъ памятниковъ, она будетъ дѣйствовать совокупно съ королевскою археологическою академіею, учрежденною въ этой странѣ уже нѣсколько лѣтъ. Въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Греціи, Сардиніи и Португаліи успѣхи археологіи ничтожны. Замѣтимъ, что въ ученomъ сочиненіи, изъ котораго мы заимствовали этотъ очеркъ успѣховъ археологіи, отзываются съ похвалою о двухъ русскихъ археологическихъ изданіяхъ: А. de Demidoff, Voyage archéologique en Russie и Sneghireff, Antiquités de Moscou; объ этихъ двухъ, исключительно извѣстныхъ иностраннымъ археологамъ русскихъ сочиненіяхъ, они отзываются, какъ объ единственныхъ, по которымъ они судятъ о богатствѣ древностей русскихъ. Ces rares ouvrages, говорятъ они, nous ont fait entrevoir les richesses de l'art moscovite.

Изъ французскихъ археологическихъ сочиненій, новѣйшія суть l'Acropole d'Athènes г. Белэ и его же Etudes sur le Peloponèse. Г. Белэ посвятилъ свои изслѣдованія преимущественно Пропилеямъ. Лѣстница и галлерей, извѣстныя подъ именемъ Пропилеевъ, составляли великолѣпный входъ въ Акрополь или крѣпость Аѣннъ, они построены Мнесиклеемъ, знаменитымъ архитекторомъ, по порученію Перикла; всѣ искусства соперничествовали въ ихъ украшеніи, а Римляне прибавили къ нимъ отъ себя нѣкоторыя драгоценности. Когда Аѣнины подпали владычеству Турокъ, послѣдніе открыли входъ въ крѣпость, и пропилеи были заключены въ стѣны и перерѣзаны внутренними тяжелыми постройками, которыя скрыли ихъ изящный видъ, многое при этомъ и въ особенности архитравы колоннъ были совершенно разрушены. Послѣ того нѣсколько вѣковъ прошло надъ этими развалинами;

г. Белэ предпринялъ трудъ ихъ возстановить въ своемъ сочиненіи. Ученые и художники изслѣдовали ихъ до него, но описали лишь то, что могъ видѣть всякой; онъ же, съ помощью историческихъ сочиненій и поэтовъ древности, отгадалъ форму этихъ памятниковъ древности и возобновилъ ихъ своею мыслью, — опытъ подтвердилъ его предположенія и когда принялись за работу очищать Пропилеи отъ грубыхъ турецкихъ застроекъ, то открылось взору изящное зрѣлище. Въ настоящее время Пропилеи, освобожденные отъ турецкаго строенія, представляются путешественнику во всей ихъ красотѣ, и буквы France, вырванные на мраморъ одной изъ колоннъ г. Белэ, свидѣтельствуютъ объ успѣхахъ археологій французской на почвѣ самой Греціи. Археологическія заслуги г. Белэ весьма важны, — нужно было глубокое изученіе развалинъ, полное знаніе античной архитектуры, изслѣдованій и справокъ въ древнихъ текстахъ, чтобъ послѣ столь значительнаго пространства вѣковъ, отыскать первобытнѣйшій монументъ въ массѣ грубыхъ пристроекъ. — Другое сочиненіе этого археолога — *Etudes sur le Peloponèse*, такая же ученая и драгоценная работа, она объясняетъ различные памятники этой прекрасной страны, наводитъ воспоминанія о ея писателяхъ, великихъ подвигахъ героизма и искусства вообще, вполне удовлетворяетъ любознательность и вкусъ изслѣдователя древности. Кромѣ г. Белэ, замѣчательны въ археологій новѣйшаго времени гг. Ботта и Пласъ, одинъ своимъ первоначальнымъ открытіемъ Ниневіи, другой какъ продолжатель его поисковъ. Многие ученые археологи изучали съ успѣхомъ Египтянъ, Грековъ и Римлянъ, и даже древнихъ Персовъ, но что касается до Ассирянъ, то до новѣйшаго времени о нихъ весьма мало было извѣстно. По этимъ причинамъ г. Ботта былъ посланъ въ Моссулъ, въ званіи консула, и съ особыми данными ему инструкціями для изслѣдованій о мѣстности, гдѣ по предположеніямъ должна была существовать нѣкогда Ниневія. Мѣсто это найдено въ разстояніи 16 километровъ (около 15 верстъ) отъ Моссула. — Г. Ботта началъ поиски въ декабрѣ 1842 года и нашелъ два обломка съ надписями въ Хорсабадѣ, соседней деревнѣ, и тутъ узналъ истину; но ему предстояло много препятствій для дальнѣйшихъ изысканій, надо было купить всю деревню Хорсабадѣ, рыть развалины дозволено было лишь съ условіемъ потомъ привести мѣстность въ первоначальное положеніе для того, чтобъ деревню можно было

снова постройть на томъ же самомъ мѣстѣ. Съ примѣрною ревностью и любовью къ археологiи, г. Ботта истощилъ всѣ собственныя средства на эти поиски, до тѣхъ поръ, пока правительство французское прислало ему необходимый капиталъ для продолженiя того, что было имъ начато. Къ нему же послали художника, г. Фландена, для рисунковъ, и онъ могъ продолжать свой трудъ, доставившій ему европейскую славу. Преемникъ Ботта, въ званiи консула въ Мосуль, г. Пласъ, продолжалъ труды своего предшественника, онъ открылъ цѣлое зданiе древняго города, изучилъ съ точностію правила постройки Ассирiйской и характеръ ихъ архитектуры; благодаря его трудамъ, археологiя знаетъ теперь всѣ подробности дворца царя ассирiйскаго. Примѣръ этихъ двухъ французскихъ археологовъ привлекъ сюда англійскихъ ученыхъ, предавшихся съ такою же энергіею изслѣдованiямъ древностей Сирiи и Халдеи. — Въ настоящее время эти древности наполняютъ музеи Парижскiй и Лондонскiй и въ числѣ ихъ есть много такихъ, на которыхъ сохранились надписи, такихъ надписей теперь уже насчитываютъ до двадцати тысячъ; такимъ образомъ исторiя этихъ странъ до владычества Персовъ значительно будетъ прояснена съ изслѣдованiемъ этихъ надписей. Мало предметовъ древней исторiи, интересъ къ которымъ бы не возобновлялся почти въ каждомъ столѣтiи, чрезъ открытiя памятниковъ древности. Такъ, напримѣръ, много было уже писано объ международныхъ отношенiяхъ древняго міра, и въ частности о различныхъ формахъ трактатовъ міра и союза между греческими владѣніями и у Римлянъ, но многiя новѣйшія открытiя археологiи позволяютъ еще болѣе распространять кругъ свѣдѣній, уже добытыхъ наукою, и это-то обстоятельство дало мысль г. Эггеру издать свое сочиненiе о международныхъ трактатахъ у Грековъ и Римлянъ подъ вліянiемъ новѣйшихъ открытiй археологiи и исторiи. Известно, что Барбейранъ издалъ въ 1739 году собраніе древнихъ трактатовъ, изъ которыхъ первый томъ заключаетъ около пяти сотъ актовъ этого рода до временъ христіанства. Съ перваго взгляда кажется, что въ подобномъ трудѣ извлечено все возможное, при внимательномъ же соображенiи оказывается противоположный результатъ. — Коллекція Барбейрана начинается съ XV вѣка до Р. Х., здѣсь, напримѣръ, упоминается о союзѣ, заключенномъ между Аѳинянами и Элевриссимъ въ царствованiе баснословнаго короля Эрехта; за тѣмъ

акты раздѣла между сыновьями этого царя послѣ его смерти. Но все это лишь одна гипотеза. Г. Эггеръ, въ своемъ сочиненіи доказываетъ, что такихъ актовъ быть не могло, онъ говоритъ, что если сообразить, что герои Гомера заключаютъ трактаты словесно, чрезъ простой обмѣнъ другъ другу клятвъ, то можно весьма сомнѣваться въ томъ, чтобы Греки могли уже имѣть письменные документы въ столь отдаленную эпоху. Г. Эггеръ обращаетъ особенное вниманіе на важность надписей для объясненія текста древнихъ трактатовъ, ибо, говоритъ онъ, въ обычаяхъ древнихъ народовъ было выразить содержаніе условій на доскахъ бронзы или мрамора, чтобы сохранить и увѣковѣчить память ихъ; такія доски складывали потомъ въ храмы, иногда же вырѣзывали надписи о великихъ войнахъ и о мирѣ, ихъ окончившемъ, на самыхъ стѣнахъ зданій. Такимъ образомъ успѣхи археологіи предшествуютъ успѣхамъ исторіи и часто исправляютъ ея ошибки.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Ранній предвѣстникъ зимы. — Загородныя эмиграціи. — Стихотворное описаніе настоящаго положенія Петербурга. — Послѣдній и вмѣстѣ съ тѣмъ сытный вечеръ на минеральныхъ водахъ. — Горестная, но правдивая новодеревенская молва. — Бѣглый взглядъ на театральныя новости. — Открытіе петербургской италянской оперы. — Новые ангажированные пѣвцы и пѣвицы: гг. Монжини и Эверарди, Г-жи Бискаччianti, Эверарди и Ней. — Краткія свѣденія о ихъ заграничныхъ успѣхахъ. — Нѣчто по этому случаю о состояніи оперы вообще въ Россіи въ прошедшемъ столѣтіи. — Открытіе сезона русской оперы бенефисомъ г. Артемовскаго. — Продолженіе поѣздовъ на С.Петербургско-Варшавской желѣзной дорогѣ. — Императорскій вагонъ для Петергофской желѣзной дороги. — Слухи о Бѣломорской и Ледовито-морской компаніи. — Дешевая распродажа дорогаго изданія покойнаго Эйнерлинга, Русской исторіи Карамзина и латинскаго лексикона профессора Ивашковскаго.

«Спѣшить зима со мглой холодной» и уже въ самомъ началѣ сентября успѣла извѣстить о своемъ скоромъ появленіи чѣмъ-то въ родѣ полуснѣга и полудожда самаго непріятнаго свойства, что

удивить, конечно, жителей средней полосы Россіи, быть может, не думающихъ еще о мѣховыхъ принадлежностяхъ. Петербургъ находится въ самомъ затруднительномъ, переходномъ состояніи отъ дачнаго кочевья на осѣдлую городскую жизнь. И въ воздухѣ, и на землѣ такая пренепріятная обстановка, что послѣ стихотворнаго описанія ея острымъ фельетонистомъ Петербургскихъ въдомостей, куда уже описывать ее прозой:

Подули вѣтры съ полуночи,
Короче дни, темнѣе ночи,
Грозитъ насморками роса. . . .

Хозяйскій скрабъ на утлой баркѣ
Везуть лакен и кухарки;
Фонтанка, Мойка и Нева
Сливаютъ волны въ дружномъ плачѣ:
Увы! жильцовъ лишились дачи
И опустѣли острова!

Точно! на островахъ, еще, подумаешь, такъ недавно шумныхъ и веселыхъ, теперь, какъ говорится, хоть шаромъ покати; всюду тихо и всюду глухо! Кричи и дольше всѣхъ держался, среди своего поблекшаго саду, г. Излеръ, но и тому показалось наконецъ и скучно и холодно. Задумавъ откланяться публикѣ, онъ, въ воскресенье 15 сентября, въ послѣдній разъ пригласилъ къ себѣ своихъ почитателей, не только музыку слушать, но и хлѣба откусать. Г. Излеръ далъ послѣдній вечеръ, на которомъ, каждый, взявшій входный рублевый билетъ, могъ пользоваться, кромѣ прочихъ удовольствій, и бесплатнымъ ужиномъ. Кажется, чего бы еще больше: и веселья, и не голоденья, а межъ тѣмъ билетовъ было роздано не болѣе трехъ сотъ пятидесяти. Что могло быть тому причиной? Молва, одна къ сожалѣнію справедливая вѣсть, одинъ возгласъ, раздавшійся отъ одного конца Новой деревни до другаго:

Плачьте Нимфы, нѣтъ Орфея —

Помышлялъ въ тотъ вечеръ многимъ и многимъ участвовать на такомъ музыкально-хлѣбосольномъ празднествѣ. И въ самомъ дѣлѣ, согласитесь, можетъ ли найтись мѣсто какому бы то ни было чревобвсію, когда сердце преисполнено скорбію; у кого найдется такой несимпатичный желудокъ, чтобы не принимать въ ней участія? Иванъ Ивановичъ сходить съ своего увесес-

лительнаго поприща и передаетъ тяжкое иго и трудность по-
тѣшать петербургскую публику другимъ дѣятелямъ. Иванъ Ива-
нычъ ѳтмынъ умываетъ руки за все и предъ всеми и ограничи-
вается только ссудой своей долготѣной опытности. Новыя смѣ-
лыя личности, рѣшившіяся взять на себя увеселительныя браз-
ды новодеревенскаго управленія, суть его же два буфетчика по
двумъ различнымъ отраслямъ администраціи—чайной и вишней.
Можетъ ли достойно и долго удержаться тѣло, пользующееся
чужою головой—рѣшить будущее лѣто. Это извѣстіе справедли-
во, и хорошо, что оно еще случилось въ такое время, когда
Петербургъ пересталъ нуждаться въ загородныхъ развлеченіяхъ,
и, пренеполненный привычной забывчивости ко всему, веселившему
его въ прошедшемъ, готовится къ театрамъ, оперѣ, бале-
ту, маскарадамъ и концертамъ. Театральная дѣятельность уже
началась. Французскіе спектакли открылись прямо бенефисомъ
г-на Варле и новой четырехъ-актной комедіей, господъ Луи
Люрина и Ремона Деланда «Les comediennes» и водевилями «A
la campagne» и «Le fiancé à l'huile». Нѣмецкія осеннія представ-
ленія начались дебютомъ актрисы дрезденскаго театра, г-жи
Элизы Шёнгофъ въ драмѣ «Mutter und Sohn» (Мать и Сынъ).
Балетныя представленія возобновились Газельдой, въ которой
участвовала молодая танцовщица московскихъ театровъ г-жа
Лебедева. Сезонъ нашей итальянской оперы насталъ нынѣшній
годъ также раньше обыкновеннаго; представленіе оперы Луція,
въ которой участвовали нѣкоторые, вновь ангажированные ар-
тисты, служило открытіемъ абонементамъ. Нынѣшній годъ при-
были къ намъ гг. Монжини—теноръ; Эверарди—баритонъ, г-жи
Бискаччianti—прима-донна, Эверарди — Seconda donna и Ней —
Comprimaria. Г-жа Бискаччianti, прѣхавшая раньше прочихъ, мо-
гла уже участвовать въ концертѣ при Высочайшемъ дворѣ, непо-
слѣднемъ во время обѣда въ день бракосочетанія Ихъ Император-
скихъ Высочествъ Великаго Князя Михаила Николаевича и Ве-
ликой Княгини Ольги Феодоровны. Вотъ краткія свѣденія объ
артистическихъ заслугахъ этихъ новыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ нашей
итальянской сцены.

Піетро Монжини, сынъ адвоката Джіованни Монжини и Ека-
терины Брицци, въ роду графовъ делья-Роза, родился въ Римѣ
въ 1828 году; слѣдовательно, находится въ настоящее время въ
самомъ цвѣтущемъ періодѣ таланта и жизни. Родители дали
ему самое тщательное воспитаніе, и несколько не приготовили

его къ театальной карьерѣ, по окончаніи курса въ римской коллегіи, опредѣлили въ гражданскую службу, въ надеждѣ видѣть въ немъ со временемъ такого же опытнаго юриста, какъ и его отецъ. Наскучивъ вскорѣ этимъ поприщемъ, молодой Монжини перешелъ въ драгунскій полкъ, получилъ офицерскій чинъ, но увлеченный страстію къ музыкѣ и театру, вышелъ въ 1850 году въ отставку и серьезно занялся пѣніемъ подъ руководствомъ двухъ извѣстныхъ учителей Тадолини, изъ Болоньи, и Доменико Конкордіа, изъ Мачераты. Обладая прекраснымъ голосомъ, чрезъ два года Монжини дебютировалъ уже на геноузскомъ театрѣ Карло Феличе, въ оперѣ Верди *Риголетто*, въ партіи герцога, и съ тѣхъ поръ, въ теченіи пяти лѣтъ, занималъ первыя амплуа, сперва на главнѣйшихъ театрахъ Италіи, а потомъ въ мадридской и парижской оперѣ. Повсюду, гдѣ только пѣлъ Монжини: во Флоренціи, Феррарѣ, Анконѣ, Бергамо, Неаполѣ, Туринѣ, Венеціи, при открытіи театра въ Реджіо — вездѣ онъ имѣлъ блистательный успѣхъ. Эти успѣхи доставили ему званіе почетнаго члена Академіи св. Цециліи въ Римѣ и филармоническаго общества въ Туринѣ. Въ 1856 году Монжини пѣлъ, вмѣстѣ съ Бискаччіанти, на сценѣ парижской оперы, въ *Сомнамбулѣ*, исполняя партію Эльвино.

Голосъ Монжини обширный, чистый грудной теноръ, доходящій до *si* и даже *do*, съ звучнымъ густымъ нижнимъ регистромъ. Прибавьте ко всему этому глубокое истинное чувство, вкусъ и вѣрность интонаціи и вы будете имѣть полное понятіе о талантѣ новаго нашего тенора и безъ восторженныхъ похвалъ иностранныхъ фельетонистовъ.

Прима-донна нынѣшняго вашего сезона, Элиза Бискаччіанти, родилась въ Бостонѣ, городѣ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, отъ италіанца по фамиліи Остинелли, и въ дѣтскомъ возрастѣ перевезена въ Италію. Знаменитая пѣвица Паста, которой она была представлена, замѣтивъ въ дѣвочкѣ замѣчательныя музыкальныя способности, взялась ей покровительствовать и наблюдать за ея артистическимъ воспитаніемъ. Молодая ученица дѣлала быстрые успѣхи съ такою наставницею, но къ сожалѣнію вскорѣ должна была оставить городъ, въ которомъ жила Паста, и предоставить окончаніе своего музыкальнаго образованія другому наставнику, извѣстному учителю пѣнія Ваккаи. Пріѣхавъ въ Болонью, Бискаччіанти обратила на себя вниманіе Россини, который также сдѣлался покровителемъ молодой пѣвицы и самъ

устроилъ первый дебютъ ея. Наша артистка, не смотря на свои молодыя лѣта, была уже тогда замужемъ за графомъ Бискаччianti, потомкомъ древней римской фамиліи, и вскорѣ послѣ этого перваго, но блистательнаго дебюта, повзала на нѣсколько мѣсяцевъ путешествовать въ Парижъ, а потомъ въ Лондонъ, гдѣ пѣла съ большимъ успѣхомъ на театрѣ королевы и потомъ въ концертахъ. Но таланту ея суждено было развиться въ полномъ блескѣ въ Америкѣ, куда стремятся теперь все европейскія знаменитости, благодаря той расточительной щедрости, съ которою эта новая страна награждаетъ таланты, понравившіеся европейской публикѣ. Пльвивъ окончательно сперва свой родимый городъ Бостонъ, а потомъ Нью-Йоркъ, Бискаччianti не побоялась вѣхать въ Калифорнію и дала тамъ болѣе семидесяти концертовъ, сопровождавшихся дождемъ цвѣточныхъ букетовъ и долларовъ; жители Санъ-Франциско требовали продолженія своихъ музыкальныхъ наслажденій, но ни какія блестящія предложенія не могли удержать прославившейся артистки. Она рѣшилась, во что бы то ни стало, проститься съ золотымъ городомъ, но проститься не иначе, какъ оставивъ въ немъ память о своей благодарности за лестный приемъ. Въ этомъ намѣреніи г-жа Бискаччianti, предъ своимъ отъездомъ, дала концертъ въ пользу сиротъ пожарной команды Санъ-Франциско, на которомъ было собрано болѣе 25,000 франковъ, представленныхъ вполне для благотворительной цѣли, не вычитая даже 6,000 франковъ издержекъ, которые артистка приняла на свой счетъ. Пожарная команда города явилась со своимъ знаменемъ и съ музыкою благодарить ее за оказанное благодѣяніе, и просила принять въ знакъ памяти богатый бриллантовый крестъ. Оставивъ Санъ-Франциско, г-жа Бискаччianti отправилась моремъ въ Лиму и на театрѣ этого города пѣла оперы: «Сомнамбулу», «Лучію», «Дочь полка» и нѣсколько другихъ. При каждой пьесѣ, каждомъ звукѣ, исходящемъ изъ устъ примадонны, не было границъ хлопанью, возгласамъ, восхищенію слушателей; букеты, летѣвшіе со всехъ концовъ театра, покрывали, въ полномъ смыслѣ слова, сцену; въ Лимѣ, по окончаніи оперы, обыкновенно провожали артистку домой съ факелами, при звукѣ веселой музыки и громкихъ возгласахъ толпы поклонниковъ ея таланта; она сдѣлалась царицею моды: наряды, головные уборы, даже самая обувь, все было à la Biscaccianti. Пробывъ въ Лимѣ около года, артистка отправилась въ Вальпарайсо, гдѣ ожидалъ ее богатый ангажементъ; при отъездѣ, из-

высокомъ регистръ, методу изящную и правильную, пассажи рѣдной смѣлости и безукоризненно вършы, энергію, музыкальный акцентъ и вкусъ. Каватина исполнена была превосходно; финаль перваго акта, въ которомъ артистка прекрасно была поддержана теноромъ Монжини (Пиетро), была повторена и наконецъ рондо «Ah m'abbasscia» возбуди неистовыя рукоплесканія и Бискаччianti была дважды вызвана, а оперу потребовали единогласно еще разъ.» Такъ отозвался о Бискаччianti извѣстный парижскій музыкальный критикъ Фіорентино и сказанное имъ повторили почти все парижскіе фельетоны. Успѣхъ артистки въ Парижъ былъ совершенный и музыкальная слава ея упрочена. Изъ Парижа г-жа Бискаччianti поѣхала во Флоренцію и въ первый разъ явилась передъ публикою въ концертъ, данномъ Филармоническимъ обществомъ, въ которомъ, желая показать всю огромность своего таланта и все свои мощныя музыкальныя средства, она выбрала совершенно разнообразныя пьесы: Каватину изъ Розамунды, дуэтъ съ теноромъ изъ третьяго акта Травіаты; финальный терцетъ изъ Джіованна д'Аркъ и финальное рондо съ предшествующею ему большою оценкой изъ Сонамбулы. Въ Каватинѣ Розамунды Бискаччianti превзошла самыя лестныя ожиданія и зала наполнилась восторженными рукоплесканіями, повторившимися при дуэтѣ изъ Травіаты и терцетѣ изъ Джіованна д'Аркъ; но въ особенности энтузіазмъ публики возросъ въ сценѣ и рондо изъ Сонамбулы. Артистка должна была повторить аллегро.

Послѣ этого Бискаччianti была ангажирована на ближайшій карнаваль, въ качествѣ примадонны на первомъ флорентинскомъ театрѣ «Пергола» и Филармоническое общество избрало ее въ свои почетные члены. На сценѣ Пергола, пѣвица дебютировала въ Донъ-Жуанъ, въ роли Церлины, которую она одна поддерживала при не искусствѣ прочихъ пѣвцовъ, и при всякомъ появленіи была встрѣчаема и провожаема громкими рукоплесканіями. Вторымъ и настоящимъ торжествомъ Бискаччianti была партія Амнины въ оперѣ Сонамбула. Эту оперу давали четырнадцать разъ сряду и всегда театръ былъ полонъ слушателями. За этимъ слѣдовала опера Линда ди-Шамуни, въ которой Бискаччianti исполнила роль Линды, и наконецъ опера «Гораціи и Куріація», МеркадANTE, гдѣ пѣвица играла роль Камеллы. Все фельетоны Италіи отозвались о Бискаччianti, какъ о рѣдомъ явленіи въ области искусства. Послѣ этого пѣвица поѣхала въ Анкону, куда ее ангажировали для открытія театра. Она дебютировала тамъ

въ оперѣ Риголетто, въ партіи Джильды, точно съ такимъ же блестящимъ успѣхомъ, какъ и во Флоренціи; потомъ пѣла въ оперѣ Морелли, «Послѣдній день Сули» и наконецъ въ Сонамбуль, осыпаемая рукоплесканіями. Въ Анконѣ она получила ангажементъ въ нашу петербургскую италіанскую оперу.

Другой ангажированный артистъ для нашего театра, Камилло Эверарди, родомъ Бельгіецъ, родился въ Динанѣ, въ 1825 году, воспитывался въ тамошнемъ коллегіумѣ и, по окончаніи курса, поступилъ въ литтхскій университетъ, съ намѣреніемъ сдѣлаться медикомъ, но вскорѣ оставилъ медицинскія науки и, увлеченный страстію къ пѣнію, поступилъ въ литтхскую консерваторію, которою управлялъ тогда Мегюль, племянникъ извѣстнаго композитора оперы «Юсіфъ». Успѣхи Эверарди были до того быстры и блистательны, что онъ рѣшился докончить свое образованіе въ Парижѣ, гдѣ извѣстный композиторъ, Оберъ, услышавъ его пѣніе, доставилъ ему доступъ въ парижскую консерваторію, по правиламъ которой онъ не могъ быть принятъ, не будучи природнымъ французомъ. Талантъ Эверарди и тамъ былъ замѣченъ, и не болѣе, какъ черезъ три мѣсяца, по своемъ поступленіи, парижская консерваторія удостоила его первымъ призомъ пѣнія. Это было въ 1847 году, послѣ чего Эверарди поѣхалъ въ Неаполь, женившись на дѣвицѣ Жоржетъ Бронаръ, также пѣвицѣ и воспитанницѣ той же парижской консерваторіи. Въ Неаполь молодые супруги занялись изученіемъ сперва италіанскаго языка, а потомъ италіанской методы пѣнія, избравъ преимущественно для своихъ занятій сочиненія Россини. Этотъ выборъ имѣлъ самыя счастливыя послѣдствія и послѣ двухлѣтнихъ трудовъ, Эверарди уже дебютировалъ въ театрѣ Nuovo, въ партіи Дандини, въ Ченеронтоль, оперѣ сочиненія Россини. Успѣхъ былъ полный, особенно для баритона; дилетанты рѣшили, что послѣ извѣстнаго Тамбурины, ни одинъ баритонъ не исполнялъ этой извѣстной партіи съ такою легкостію, гибкостію и граціей, какъ Эверарди. На слѣдующій сезонъ 1851 года, Эверарди былъ ангажированъ на тѣ же амплуа на театрѣ Санъ-Карло, на которомъ равномерно дебютировалъ въ роли Дандини, а затѣмъ послѣдовательно исполнялъ первыя баритонныя партіи въ Мойсеѣ, Лукреціи Боржіа, Осадѣ Коринѣа и многихъ другихъ операхъ. Имя Эверарди пріобрѣло вскорѣ заслуженную извѣстность и главнѣйшіе театры Италіи спѣшили воспользоваться его талантомъ. Въ карнавалъ 1851 года, онъ былъ ангажированъ на

*

первый театр Италіи «Scala» въ Миланѣ, гдѣ дебютировалъ въ партіи Ассурѣ, въ Семирамидѣ и тотчасъ же былъ ангажированъ на слѣдующій осенній сезонъ на этой же сценѣ. Эверарди пѣлъ также на двухъ другихъ миланскихъ театрахъ «Carcapio» и «Cannobiano», съ равнымъ успѣхомъ. Репертуаръ его состоялъ, большею частію, изъ оперъ Россини: Севильскій цирюльникъ, Ченерентола, Моисей, Осада Коринѳа. До того, еще лѣтомъ 1851 года, Эверарди былъ ангажированъ на Вѣнскій театръ, гдѣ такъ понравился публикѣ, что съ тѣхъ поръ каждое лѣто возобновлялъ свой ангажементъ. Въ 1852 году онъ опять пѣлъ въ Scala, потомъ въ Туринѣ, гдѣ къ прежнему своему репертуару присовокупилъ Фаворитку Донизетти. Въ 1853 Эверарди пѣлъ въ Ливорно, во время лѣтнихъ купаній, въ слѣдующемъ году два раза во Флоренціи, въ карнавалъ и осенью; наконецъ въ 1855 году дебютировалъ въ Парижѣ на италіанской сценѣ въ партіи Фараона въ Моисей, съ блистательнымъ успѣхомъ, за тѣмъ пѣлъ въ Лукреціи Боржіа и въ Семирамидѣ. Въ 1856 году Эверарди участвовалъ въ Венеціи, на театрѣ Аролло, въ представленіяхъ, данныхъ по случаю пребыванія тамъ императора Франца-Іосифа. Возвратясь въ Парижъ, онъ давалъ концерты, ѣздилъ потомъ по Франціи, а весною нынѣшняго года опять пѣлъ въ Вѣнѣ, изъ которой прибылъ къ намъ въ Петербургъ. Музыкальные фельетоны Франціи, Италіи и Вѣны отзываются объ Эверарди, какъ о превосходномъ пѣвцѣ, обладающемъ прекраснымъ, необыкновенно звучнымъ, гибкимъ и обработаннымъ голосомъ. Жена его, г-жа Эверарди (*mezzo soprano*) также пѣла съ успѣхомъ на нѣсколькихъ театрахъ Италіи, гдѣ даже написано для нея нѣсколько новыхъ оперъ, и всюду сопутствовала своему мужу, отказываясь отъ хорошихъ ангажементовъ, чтобы съ нимъ не разлучаться.

Послѣ всѣхъ ихъ прибыла г-жа Ней, успѣвшая также ознакомиться съ нашею публикой.

Заговоривъ однажды о музыкѣ и пѣніи, считаемъ не лишнимъ разсказать краткую исторію музыки въ Россіи до нынѣшняго столѣтія. Еще въ царствованіе Іоанна Васильевича, вызваны были изъ Германіи нѣсколько музыкантовъ и поселены въ подмосковной нѣмецкой слободѣ. Но въ послѣдствіи, во время смуты, обуревавшихъ Россію, мало было времени обращать вниманіе на развитіе и поощреніе искусствъ, до временъ Петра Великаго. Онъ завелъ у насъ иностранную музыку по образцу нѣмецкой

и вызвалъ въ Петербургъ трубачей, литавристовъ, гобойстовъ и фаготистовъ. Каждому полку былъ данъ хоръ музыкантовъ, управляемыхъ капельмейстеромъ. Флоту также даны были хоры трубачей. Во время путешествія по Голландіи, восхищенный звуками тромбоновъ и большихъ роговъ, Петръ Великій выписалъ музыкантовъ и на этихъ инструментахъ, съ причисленіемъ ихъ ко Двору, а во время баловъ и торжественныхъ дней, призываемы были музыканты на скрипкѣ и виолончели. Въ 1720 году, герцогъ Карлъ Ульрихъ Голштейнъ-Готторпскій, привезъ съ собою небольшую капеллу изъ двѣнадцати человекъ, между которыми славилась братья *Гибнеры*. Одинъ изъ нихъ управлялъ капеллой, а другой былъ первымъ концертистомъ. Музыка эта исполняла сонаты, соло, тріо и концерты *Телемана*, *Кейзера*, *Шульца*, *Фухса*, *Корелли*, *Тартини*, *Порпоры* и другихъ нѣмецкихъ и итальянскихъ композиторовъ. Инструменты, употребляемые тогда, были: клавесинъ, скрипки, *виоладамуръ*, квинта, виолончель, контрабасъ, два гобоя. Императоръ Петръ II, не только заботился о сохраненіи этой музыки, но даже самъ бралъ уроки у Силезца Риделя. Въ 1729 году, на коронованіе императрицы Анны Иоанновны, польскій король Августъ II уступилъ русскому двору нѣсколькихъ итальянскихъ виртуозовъ своей капеллы и прислалъ для комическихъ интермедій славнаго пѣвца-буффа *Козимо* съ женою, двухъ скрипачей *Верокаи* и *Бенди*, виолончелиста *Гаспаро* и контрабасиста *Эйзеля*. Вскорѣ послѣ этого, прибылъ въ Петербургъ изъ Гамбурга, извѣстный сочинитель оперъ и капельмейстеръ *Кейзеръ*. Вкусъ къ итальянской музыкѣ началъ распространяться. Кейзеръ отправился въ Италію для выбора артистовъ и приглашенія ихъ въ Россію, но не возвратился. Съ этимъ же порученіемъ посланъ былъ скорѣ капельмейстеръ *Гибнеръ*, который привезъ съ собою изъ Венеціи нѣсколько скрипачей и въ ихъ числѣ лучшаго въ то время *Джюовани Медониса*. Съ ними пріѣхали двѣ пѣвицы, сестры *Даволліо* и *Петръ Мора*, прозванный *Петрилломъ* и бывший въ послѣдствіи первымъ придворнымъ буффо, который, въ 1734 году, былъ посланъ въ Италію и привезъ оттуда многихъ пѣвцовъ, пѣвицъ и музыкантовъ. Всѣ они помѣщены были въ старомъ зимнемъ дворцѣ, въ которомъ жилъ Петръ I. Въ 1737 году, въ день рожденія императрицы, представлена была первый разъ итальянская опера, сочиненная однимъ изъ артистовъ, *Аражи*, подъ названіемъ «Альбіацаръ», повторившаяся безчисленно разъ. Потомъ

слѣдовала «Семираида», сочиненіе того же *Аражи*. Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, любившей музыку, поставлена была опера «Титово Милосердіе», слова *Метастазіо*, музыка славнаго *Гессе*, съ музыкальнымъ прологомъ, сочиненнымъ *Доменико Далломио*, подъ названіемъ: Россія опечаленная и утѣшенная. Для представленія этой оперы, построена была въ Москвѣ, противъ императорскаго дворца, огромная зала, вмѣщавшая 5,000 человекъ. Эта опера была представлена много разъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Вообще, въ продолженіе двадцатилѣтняго царствованія императрицы Елисаветы, музыка процвѣтала. Каждый годъ, обыкновенно въ день рожденія императрицы или въ годовщину ея коронаціи, давали новую оперу, сочиненія Аражи. Такъ написаны были оперы *Сципионъ*, *Аразь*, *Селевкъ* и другія, которыхъ текстъ печатался въ русскомъ, французскомъ или немецкомъ переводѣ. Въ 1744 году, по случаю празднованія мира со Шведами, была представлена въ Москвѣ новая опера «Беллерофонтъ». Въ 1755 году, графъ Разумовскій, образовавшій въ своемъ помѣстьѣ Глуховѣ, музыкальную капеллу, пригласилъ съ собою въ Петербургъ одного молодаго пѣвца Гаврилу Марценкевича, прозваннаго *Гаврилушкой*, имя котораго должно быть сохранено въ исторіи нашихъ искусствъ. Онъ первый подалъ императрицѣ мысль представить на театрѣ полную оперу на русскомъ языкѣ. Сумарокову поручено было написать либретто, а Аражи положить его на музыку. Опера эта, названная «Цефаль и Прокрисъ», была представлена въ томъ же году во время масленицы, съ совершеннымъ успѣхомъ и повторяема нѣсколько разъ. Главныя роли исполнены были четырнадцатилѣтнею дѣвцею *Бьлоградскою*, дочерью славнаго артиста на лютнѣ и *Марценкевичемъ*. Прочіе русскіе актеры были: *Николай Клутаревъ*, *Степанъ Рашевскій* и *Степанъ Евстафьевъ*. Сама императрица аплодировала и подавала знакъ къ общимъ рукоплесканіямъ. Актеры получили превосходныя сукна для костюмовъ, а капельмейстеръ Аражи драгоценную соболью шубу и сто полуимперіаловъ. Около 1758 года, труппа была наполнена новыми артистами: *Люни*, изъ Милана, славнымъ *Иосифомъ Миллико*, теноромъ *Компани* изъ Фларенціи и пѣвицами *Дюранте* изъ Рима, и *Нунціаты Гарани* изъ Болоньи. Въ то же время прибылъ изъ Варшавы италіанецъ *Пюттини*, принадлежавшій къ капеллѣ польскаго короля, и превосходный флейтистъ *Леклеркъ*, вызванный французскимъ посланникомъ, маркизомъ

д'Опиталемъ. Въ 1759 году, на мѣсто Аражи, увожденнаго отъ службы съ хорошимъ пенсіономъ, поступилъ нѣмецкій композиторъ *Раунасъ*, дебютировавши оперой своего сочиненія, данной въ увеселительномъ петергофскомъ дворцѣ. Въ этой оперѣ дебютировала петербургская уроженка, дѣвица *Смаковская*. Между покровителями музыки, занималъ главное мѣсто великій князь Петръ Феодоровичъ, бывшій въ послѣдствіи императоромъ, который самъ учился играть на скрипкѣ и часто, занявъ мѣсто въ оркестрѣ, разыгрывалъ партіи какой нибудь симфоніи. Въ устроенномъ въ Ораніенбаумѣ (лѣтнемъ пребываніи Великаго Князя) маленькомъ дворцовомъ театрѣ, давались италіянскія интермедіи, а въ 1756 году, вмѣсто этого театра, построена была прибывшимъ изъ Рима архитекторомъ Ринальди, огромная оперная зала. Первая опера, представленная въ этомъ зданіи, была «Александръ въ Индіи», а въ послѣдствіи каждый годъ давали новую оперу сочиненія *Манфредини*, капельмейстера Великаго Князя. Въ главныхъ роляхъ отличался нашъ извѣстный *Березовскій*, пѣвецъ басъ, украинскій уроженецъ. Въ 1756 году прибылъ уже въ Петербургъ директоръ театра Локателли, съ партією новыхъ музыкантовъ и полной труппою актеровъ для оперы *buffo* и съ значительнымъ корь-дебалетомъ. Между пѣвцами особенно замѣчательны были: *Кожати*, прозванный *Фаринелли*, *Антоній Масси* (теноръ), *Ивантій Доль* (басъ) и Каспаръ Бароцци (контръ-альтъ). Оркестръ состоялъ подъ управленіемъ *Зониса*, капельмейстера и сочинителя оперъ, пользовавшагося въ свое время нѣкоторою извѣстностію. Локателли былъ уступленъ старый театръ, смежный съ садомъ лѣтняго дворца, и зала, куда, до того, имѣли входъ только одні пригласенныя особы двора, сдѣлалась доступною для всей публики. Для представленій новой труппы назначено было три дня въ недѣлю. За мѣсто въ партеръ платили по рублю; абонементъ ложи стоялъ триста рублей, а для поддержанія театра и тогда отпускались ежегодно по нѣсколько тысячъ рублей за три придворныя ложи. Въ первый разъ представлена была опера *buffo* въ 1757 году и съ тѣхъ поръ Локателли постоянно привлекалъ зрителей.

Видя, что предпріятіе идетъ успѣшно, Локателли вознамѣрился открыть такой же театръ въ Москвѣ. Для этого онъ снова вызвалъ изъ Италіи отличныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ, въ числѣ которыхъ были Манфредини, Мантованини и друг., и въ 1759 году опера, стоившая большихъ издержекъ, была открыта; но

успѣхи были непродолжительны, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ московская публика перестала посѣщать оперу.

Сдѣлавшись императоромъ, Петръ III обнаружилъ намѣреніе собрать при дворѣ самыхъ лучшихъ артистовъ Европы. Въ число ихъ были включены славный *Тартини* и *Галупи*, даже вытребованъ вторично Аражи, котораго ожидало новое либрето, но едва началъ онъ трудиться надъ партитурой, императоръ скончался. Императрица Екатерина II, любившая искусство, ничего не измѣнила въ устройствѣ. Во время празднествъ Коронаціи въ 1762 году, Манфредини сочинилъ новую оперу, къ концу года вызванъ былъ изъ Вѣны композиторъ *Старцери*, въ качествѣ главнаго распорядителя концертовъ, для разыгрыванія произведеній нѣмецкихъ композиторовъ: Гольцбауера, Вагензейля, Бенды, Глюка, и нѣмецкая музыка начала сильно соперничествовать съ италіанской. Въ 1764 году составлены были духовные концерты и исполнена большая ораторія «Страсти Господни», сочиненная *Телеманомъ*, а также появилась въ первый разъ французская комическая опера, вызванная по приказанію Императрицы изъ Парижа. Больше всего нравились піесы Фовара. Новая піеса Манфредини «Карлъ великій» не имѣла успѣха и такъ унизила композитора, что его пожелали смѣнить и преемникомъ ему назначенъ былъ Галуппи, который далъ новое направленіе музыкѣ, и вскорѣ положилъ на нее одно изъ сочиненій Метастазіо «Оставленная Дидона». Въ слѣдующемъ 1776 году представлена была новая опера Галуппи «Король Пастухъ», въ 1778 «Ифигенія въ Тавридѣ», въ которой композиторъ вмѣстилъ десять хоровъ. По прошествіи условныхъ трехъ лѣтъ, Галуппи возвратился въ Венецію. На мѣсто его немедленно вызванъ былъ *Траэтта*, который тотчасъ же написалъ лирическую драму «Не обитаемый островъ», а въ 1779 отдалъ на сцену большую оперу «Олимпіада».

Вотъ что могли мы извлечь о состояніи оперы въ Россіи въ прошедшемъ столѣтіи изъ записокъ Шталина о музыкѣ въ Россіи.

Сезонъ русской оперы открылся въ нынѣшнемъ году бенефисомъ г. Артемовскаго, отрывками изъ оперъ Русланъ и Людмила, г. Даргомыжскаго, и Линда ди-Шамуни.

— Говоря въ одномъ изъ предшествовавшихъ фельетоновъ объ открытіи петергофской желѣзной дороги, мы не имѣли случая извѣстить объ отправленіи изъ Брюсселя въ С.-Петербургъ кареты, назначенной для Императорской Фамиліи, при повздакахъ по этой дорогѣ. Карета эта, величиною въ три дилижанса, от-

личается какъ внутреннимъ своимъ благоустройствомъ, такъ и богатствомъ, вкусомъ мебели и украшеній, противъ всего, что до сихъ поръ одѣлано въ этомъ родѣ. Карета имѣетъ три отдѣленія и устроена во вкусъ каретъ Лудовика XIV. Одна зала назначена для адъютантовъ и свиты, потомъ зала Государя Императора, наконецъ спальня. Мебель рѣдкой красоты, обои изъ великолѣпной парчи, мягкіе, теплые ковры, великолѣпныя зеркала, бѣлыя шелковыя занавѣски, составляютъ украшеніе этого подвижнаго дворца, съ мастерски расписаннымъ плафономъ. Вышнія украшенія работы г. Гоббе.

Вотъ еще маленькое прибавленіе къ параграфу о желѣзныхъ дорогахъ: недавно открытъ на с.-петербургско-варшавской желѣзной дорогѣ новый участокъ, отъ Гатчина до Луги, на протяженіи 86 верстъ. При этомъ случаѣ было совершено освященіе, послѣ котораго былъ открытъ повздъ Главноуправляющимъ путями сообщенія и публичныхъ зданій, въ сопровожденіи гг. членовъ совѣта главнаго общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ и другихъ лицъ, а чрезъ два дня, благоугодно было осчастливить главное общество Государю Императору, повздкою по тому же участку отъ Царскаго Села до Луги, откуда Его Величество изволилъ отправиться въ дальнѣйшее путешествіе. Уже оканчивается постройка возводимыхъ по линіи станціонныхъ и водопитательныхъ зданій и затѣмъ участокъ отъ С.-Петербурга до Луги, на протяженіи 128 верстъ, будетъ открытъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ. Но открытіе участка отъ Гатчины до Луги, есть только часть дѣла, исполненнаго обществомъ въ текущемъ году. Работы отъ Луги до Пскова доведены до такой степени, что и тамъ можно будетъ съ ноября начать движеніе, на первый разъ хотя бы для перевозки потребностей для дальнѣйшаго сооруженія варшавской линіи. Сверхъ того, частью произведены, частью производятся, съ особенною дѣятельностью, изысканія отъ Динабурга до Вильно и отъ Вильно до прусской границы, и съ весны будущаго года, общество приступитъ къ производству работъ на всемъ протяженіи этихъ линій, полагая и кончить ихъ въ 1859 году. Такимъ образомъ, общество, открытое Высочайшимъ Указомъ 26 января 1857 года и начавшее дѣло собственно въ началѣ мая мѣсяца, успѣло въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ, исполнить значительную часть работъ, которыя оно обязано окончить къ исходу третьяго года, на протяженіи 300 верстъ. Все это, достаточно опровергая опасенія многихъ,

полагавшихъ, что общество встрѣтитъ затрудненія въ совершеніи своего предпріятія, доказываетъ, что успѣхъ его, при благожелательномъ содѣйствіи правительства, единодушій и усердій администраторовъ общества и его исполнителей, вполне обезпеченъ тѣмъ сочувствіемъ, какое находятъ въ Россіи всѣ предпріятія, обещающія истинную для народа пользу. Можемъ надѣяться, что свѣтъ нынѣшнихъ проектированныхъ желѣзныхъ дорогъ распространится со временемъ еще далѣе, къ разнымъ странамъ, протянется въ золотую Сибирь, дойдетъ до предѣловъ Кавказа и до Архангельска—этой сѣверной полосы, обильной рыбою, пушнымъ звѣремъ и сельдями, которыя доставляютъ такой огромный доходъ Голландіи, и которыя также ждутъ дѣятелей новаго общества, способнаго обогатить Россію искуснымъ приготовленіемъ сельдей, которыя (замѣтимъ) впервые появляются въ Ледовитомъ и Бѣломъ морѣ и наконецъ уже плывутъ въ Нѣмецкое море.

— Утѣшительное извѣстіе составляетъ дешевая распродажа Исторіи Карамзина, изданія Эйнерлинга, стоившая сперва *шестнадцать* рублей сереб., а нынѣ уступаемая за *десять*. Нужно замѣтить при этомъ, что изданіе Эйнерлинга самое полное, снабженное замѣчательными дополненіями, указателемъ и родословными таблицами, чего нельзя найдти ни въ одномъ изъ другихъ изданій этого же сочиненія. Распродажа *восемнадцати* оставшихся экземпляровъ будетъ производиться въ типографіи Праца, на Офицерской улицѣ, въ домѣ Олимпіева, гдѣ продается также полный русско-латинскій словарь, оставленный профессоромъ Ивашковскимъ, вмѣсто пяти рублей, по три рубля сереб. Словарь покойнаго Ивашковскаго пользовался въ свое время заслуженной извѣстностію, да и въ настоящее время врядъ ли найдется равный ему по полнотѣ и правильности расположенія словъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТО-СОРОКЪ-ПЯТАГО ТОМА.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

- Я. П. Полонскому. Стих. *А. Майкова*.
Близко и далеко. Стих. *Н. Берга*.
✓ Записки мелкотравчатого. *Е. Дрианскаго*.
Къ ***. Стихотвореніе *Л. Мей*.
✓ Ночь въ духанѣ. Драматическій очеркъ Закавказскихъ нравовъ. Гр. *Соллоуба*.
✓ Воспоминаніе о Прикаспійскомъ Краѣ. *И. И. Михайлова*.
Морская даль во мглѣ туманной... Стих. *А. Фета*.
Какъ хорошъ чуть мерцающимъ утромъ... *Его же*.
✓ Лучше поздно, чѣмъ никогда. (Романъ Чарльза Рида). Переводъ съ Ан-
глійскаго. Часть первая.
✓ Три смерти. Лирическая сцена изъ древняго міра. *А. Майкова*.
Прожніе годы. (Изъ Мицковича). Стих. *Н. Берга*.
Аполону Николаевичу Майкову. Стих. *Я. Полонскаго*.
✓ Поѣздка въ Польсье. *Ио. Тургенева*.
✓ Записки мелкотравчатого. Гл. III и IV. *Е. Дрианскаго*.
✓ Воспоминаніе о Прикаспійскомъ Краѣ. *И. И. Михайлова*. Окончаніе.
✓ Обрученныя. Повѣсть *А. Дружнина*. Часть первая.
✓ Лучше поздно, чѣмъ никогда. (Романъ Чарльза Рида). Переводъ съ Ан-
глійскаго. Продолженіе.

III.—IV.

НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

- ✓ Антигона. (Статья вторая и послѣдняя). В. Водовозова.
- ✓ Гёте. Его жизнь и произведенія. Г. Думшина.
- Докторъ Франсіа. (Статья Карлейля). В. Кенесича.
- Остъ-Индіа въ началѣ настоящаго года.

V.

КРИТИКА.

- ✓ Богданъ Хмельницкій и возвращеніе южной Руси къ Россіи. Г. Костомарова. (Огеч. Запис. 1818 январь—августъ). Статья первая и вторая. И. Л.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго, съ 1721—1728 года. И. Аммонъ.—Исторія сербскаго языка, по памятникамъ, писаннымъ Кириллицею, въ связи съ исторіею народа. Соч. А. Майкова.—Закавказскій Край. Забѣтки о семейной и общественной жизни и отношеніяхъ народовъ, обитающихъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Барона Августа фонъ-Гакстгаузена.—Письма объ Испаніи. В. П. Боткина. — О распространеніи знаній въ Россіи, соч. Ив. Ламанскаго.

Разныя извѣстія.

VII.

СМѢСЬ.

СЕНТЯБРЬ.

Изъ-за границы. Письмо второе. М. Авдеева.....	1
Путевыя замѣтки отъ Корингилъ до Каира, черезъ Лиссабонъ, Аонны, Константинополь и Иерусалимъ. Титмарша (В. М. Тэкерера). Окончаніе.	1
О псевдонимахъ русскихъ и французскихъ. Статья Григорія Книжника.	38
Замѣтки объ Англійской литературѣ. (Окончаніе).....	71
Письма изъ-за границы. Письмо 3-е. В. Водовозова.....	82
Новости наукъ, искусствъ, промышленности, литературы и общежитія. Электрическое заведеніе въ Парижѣ. — Некрологъ знаменитаго математика Коши и обзоръ его трудовъ.—Обиліе золота и серебра во Франціи.—Открытие новаго растенія—индиго въ Сенегалѣ.—Послѣдній томъ астроно-	

шіе Біо. — Новый способ выдѣлки стали изъ всякаго желѣза. — Опыты надъ электро-магнитною силою стараго желѣза. — Венгерская Академія Наукъ въ Пестѣ. — Новыя орудія. — Снарядъ для опредѣленія скорости поѣзда желѣзныхъ дорогъ. — Метеорологическій анализъ грозы и града г. Баумгартена. — Теорія радуги. — Давленіе атмосферы въ связи съ эпидемическими болѣзнями. — Сонъ и бодрствованіе. — Перуанскія муміи. — Механизмъ арсенала въ Вульвичѣ. — Земледѣліе во Франціи. — Наполеонъ I и проэктъ Фультона. — Англійскій морской альманахъ и почтовый руководитель. — Исторія Суэцкаго канала и объясненіе проэкта его. — Сельское хозяйство въ Римѣ. — Торговля Европы и Соединенныхъ Штатовъ съ Китаемъ. — Этнографическій очеркъ: Кабиллы..... 97

Петербургская хроника. Празднества по случаю бракосочетанія Его Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича. — Г-жа Богданова на сценѣ параднаго спектакля красносельскаго театра и подарокъ ей любителей. — Народное гулянье въ Петергофѣ и нѣсколько словъ по этому случаю о прежнихъ его постройкахъ. — Открытіе придворнаго театра въ Петергофѣ. — Скачки любителей на Царскосельскомъ гипподромѣ. — Магическое сочувствіе человѣчества къ лошади. — Усиленная дѣятельность загородныхъ увеселительныхъ мѣстъ и хитро придуманныя названія праздниковъ. — Ночь съ вавилонскимъ названіемъ въ Виллѣ-Боргезе и ея ліонскія пѣвицы. — Боргезисты и Излерсты. — Предположеніе начертать Новодеревенскія тайны. — Отъ чего у Ивана Ивановича бывають иногда такіе гости, которыхъ онъ не ожидаетъ? — Какіе типы можно иногда встрѣтити у Ивана Ивановича и подражанія новому поэту. — Бенефисы гг. Вильмана, Ютти. — Нижегородская ярмарка. — Иванъ Ивановичъ капельмейстеръ. — Проба новой торжественной ѣды Ивану Ивановичу, вдохновенная его гениемъ. — Воздухоплаватель Гринъ. — Предполагаемая блестящая будущность аэростатовъ. — Новая компанія на акціяхъ. — Нѣтъ болѣе бѣшеныхъ. — Новая лечебница при Максимилиановскомъ заведеніи для приходящихъ. — Художественныя извѣстія..... 124

Сибирская почта. Письмо I-е, июль 1857 года. II. Ч..... 148

ОКТАБРЬ.

Изъ-за границы. Письмо третье. М. Аедлова..... 23

Зашѣтки и увесел. очерки петербург. туриста. *Ивана Ч-р-к-ж-и-к-ва.* 155

Новости наукъ, искусствъ, промышленности, литературы и общегитія. Біографія Тенара, извѣстнаго химика, его жизнь и сочиненія. — Карлъ Лудванъ Бонапарте, французская Фауна. — Изверженіе Везувія и наблюденія надъ нимъ г. Пальмерши. — Проэктъ преобразованія факультетовъ въ лондонскомъ университетѣ. — Собраніе натуралистовъ и медиковъ въ Боннѣ въ сентябрѣ вышшняго года. — Ислѣдованія геогностическія г. Лажонкера въ Испаніи. — Ученыя изданія и открытія послѣдняго времени: Карта Бразиліи, сочиненія Боссю, открытія Гольдшмита, сѣнзиметръ г. Познанскаго, средство предохранять суда отъ абордажа, г. Обера, сочиненіе г. Познанскаго—о предупрежденіи холеры, результаты его наблюденій. — Промышленное движеніе въ слѣдствіе желѣзныхъ дорогъ и распредѣленіе каменнаго угля въ разныхъ странахъ свѣта. — Торговля Валахіи—экономическое обозрѣніе страны. — Біографія астронома Гольдшмита, и его новѣйшія открытія планетъ. — Персіане — этнографическій современный очеркъ: населеніе, языкъ, обычаи, нравы, законодательство, судебное

устройство.—Успѣхи археологін въ новѣйшее время, важность ихъ и распространеніе въ разныхъ государствахъ..... 167

Петербургская хроника. Ранній предвѣстникъ зимы. — Загородныя эмиграціи.—Стихотворное описаніе настоящаго положенія Петербурга.—Послѣдній и вѣсть съ тѣмъ сытный вечеръ на минеральныхъ водахъ.—Горестная, но правдивая новодеревенская молва.—Бѣглый взглядъ на театральныя новости.—Открытіе петербургской итальянской оперы. — Новые ангажированные пѣвцы и пѣвицы : гг. Монжини и Эверарди, г-жи Бискаччанти, Эверарди и Ней. — Краткія свѣдѣнія о ихъ заграничныхъ успѣхахъ. — Нѣчто по этому случаю о состояніи оперы вообще въ Россіи въ прошедшемъ столѣтіи. — Открытіе сезона русской оперы бенефисомъ г. Артемовскаго.—Продолженіе поѣздовъ на С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ. — Императорскій вагонъ для Петергофской желѣзной дороги.—Слухи о Вѣломорской и Ледовито-морской компаніи.—Дешевая распродажа дорогаго изданія покойнаго Эйнерлинга, Русской Исторіи Карамзина, и латинскаго лексикона профессора Ивашковскаго..... 194

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ В. П. ПЕЧАТКИНА, въ Санкт-петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного Двора, въ домъ Армянской церкви, *принимается подписка* на слѣдующіе журналы 1858 года:

	Безъ до- ставки.		Съ дост. и перес.	
	Р.	К.	Р.	К.
Библиотека для Чтенія, изд. подъ редакцію А.				
В. Дружина, 12 книгъ	15	—	16	50
Журналъ для Дѣтей, изд. г. Чистяковымъ . . .	5	—	6	50
Журналъ Чтеніе для Солдатъ	3	—	3	10
Мода, журналъ для свѣтскихъ людей, 24 номера.	7	50	9	—
Ваза, журналъ шитья и вышиванья, 12 номеровъ.	9	50	11	—
Гирлянда, журналъ шитья, 12 номеровъ . . .	12	—	13	50
Другъ Здравія, изд. К. Грумомъ	7	25	7	25
Живописная Русская Библиотека. 52 вып. въ годъ	10	—	11	50
Журналъ Коннозаводства и Охоты, 12 книгъ .	9	—	10	—
Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, 12 книгъ	7	50	8	50
Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 12 книгъ	12	—	13	50
Журналъ для Воспитанія, изд. Чумиковымъ, 12 номеровъ	6	50	8	—
Журналъ Общеполезныхъ Свѣденій	5	—	6	50
Звездочка, дѣтскій журналъ, 12 книжекъ . . .	5	—	6	50
JOURNAL DE St. PETERSBOURG. Ежедневно . . .	15	—	16	50
Кавказъ. Тифлисская политическая и литературная газета, выходитъ два раза въ недѣлю . . .	—	—	12	50
Листокъ для всѣхъ, газета реальныхъ знаній, промышленности, хозяйства, домоводства и на- родной медицины, 52 № въ годъ	2	50	4	—
Лучи, журналъ для дѣвицъ, 12 книжекъ	6	—	7	50
Морской Сборникъ	5	—	6	50
Музыкальная Пчела	12	—	13	50
Музыкальный Свѣтъ	12	—	13	50
Музыкальный и Театральный Вѣстникъ, изд. г. Раппапортомъ	10	—	11	—

Нувелистъ, музыкальный журнал	10	—	11	50
Отечественныя Записки, изд. А. А. Краевскимъ, 12 книгъ.	15	50	17	—
REVUE ETTRANGÈRE, безъ карт	19	—	19	—
— — — съ карт.	23	—	23	—
Русскій Вѣстникъ, изд. А. Катковымъ, 24 кн.	15	—	16	50
Русская Бесѣда, журналъ литературный и уче- ный, 4 тома въ годъ.	7	50	8	50
Современникъ, изд. Некрасовымъ и Панаевымъ, 12 книгъ.	15	—	16	50
Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и рассказовъ въ переводѣ на русскій языкъ, 12 книгъ	7	50	9	—
Сынъ Отечества, журналъ политическій, уче- ный и литературный, 52 №:№.	4	50	6	—
С.-Петербургскія Вѣдомости, съ прибавленіями, съ доставкою въ Спб. 17 р.	—	—	18	—
С.-Петербургскія Вѣдомости, безъ прибавленій, съ доставкою въ Спб. 15 р.	—	—	16	—
СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА.	12	—	16	—
СѢВЕРНЫЙ ЦВѢТОКЪ, журналъ модъ, искусствъ и хозяйства, 12 №№	9	—	10	—
Трудникъ	—	—	4	—
Указатель, Экономическій. Еженедѣльная газета, изд. В. Вернадскимъ	5	50	7	—
Христіанское Чтеніе, 12 кн.	6	—	7	50
Художественный Листокъ	9	—	9	—
Часъ Досуга. Журналъ игръ, забавъ и увесе- лительнаго чтенія для русскаго юношества; 12 номеровъ въ годъ	7	50	8	—
Памятная Книжка на 1858 годъ. Цѣна въ бум. въ англійск. папкѣ.	2	—	2	30
— — — — — въ англійск. папкѣ.	2	50	2	80
Календарь на 1858 годъ, ц. въ бумаж. переп. въ цвѣтной папкѣ	—	80	1	—
— — — — — въ сафьян. кореш.	1	20	1	50

JAN 25 1930

